

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

Я Н В А Р Ъ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Друзья или недруги? (Германия въ эпоху Крымской войны).....	3—47	IX. Изъ біографіи Н. П. фонъ-Кауфмана. Сообщ. Евгений Шумигорскій.	155—158
II. Московскій обѣдъ 28-го декабря 1857 г. и его послѣдствія. Н	49—72	X. Изъ воспоминаній Михайловскаго - Давыдовскаго 1818 г. (Окончаніе). Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.	159—184
III. На зарѣ крестьянской свободы (Материалы для характеристики общества). Гл. IV—V. R.....	73—96	XI. Петръ Николаевичъ Ермоловъ. (Письма къ нему разнымъ лицамъ)	185—192
IV. Нѣсколько словъ о графѣ Юсифѣ Михайловичѣ Вильгорскомъ. М. А. Веневитинова.	97—100	XII. Записки В. А. Инсарова. Ч III. Гл. X..	193—214
V. Петербургъ въ 1827 г (Изъ дневника П. Г. Дюрова)	101—110	XIII. Приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Александра I въ 1814 г. (Окончаніе). Сообщ. А. В. Безродный.	215—224
VI. Профессоры братья Бруны. (Изъ воспоминаній М. А. Филиппова)	111—120	XIV. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Собственноручное письмо А. С. Пушкина къ графу К. О. Толѣ. Сообщ. графъ Е. Н. Толѣ (стр. 48).	241—256
VII. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. Глава VIII—IX. (Окончаніе). В. В. .	121—151	XV. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъют. Л. В. Евдокимова.	241—256
VIII. И. А. Крыловъ. (Новыя данныя для его біографіи). Сообщ. В. А. Модзалевскій.	152—154	XVI. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Павла Гавриловича Дюрова. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подълесная, 39.

1898.

1-я книжка „Русской Старинѣ“ вышла 1-го января 1898 г.

Библиографическій листокъ.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789). Историческій очеркъ военной и государственной его дѣятельности. Съ портретоми и 3-ми картами Составили П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской. Спб. 1897 г.

Военные подвиги русскихъ войскъ въ польскія и турецкія войны Екатерины II имѣли огромное вліяніе на развитіе русскаго военнаго искусства; военное дѣло въ ея царствованіе достигло небывалой высоты, сохранивъ самостоятельныя черты своего развитія и влія дорогую, указанною великимъ преобразователемъ Россіи.

Быстрое развитіе русскаго военнаго искусства во второй половинѣ XVIII столѣтія прежде всего объясняется гениемъ самой императрицы Екатерины, обладавшей даромъ выбирать и понимать людей, искренно вѣровавшей въ силу русскаго генія и отлично знавшей и понимавшей исторію своего народа. Главными сподвижниками въ достиженіи столь замѣчательныхъ результатовъ были «знаменитые фельдмаршалы», Румянцеви, Суворовъ и Потемкинъ; но общему движенію впередъ русскаго военнаго дѣла немало помогли и «прочіе талантливые военные люди» того времени, между которыми первое мѣсто, по мнѣнію авторовъ очерка, должно быть отведено графу Петру Ивановичу Панину.

П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской поставили себѣ задачей, — какъ заявляютъ въ своемъ предисловіи, — выяснитъ и оцѣнитъ значеніе выдающейся и бесспорно заслуживающей вниманія дѣятельности (главнымъ образомъ военной) этого «идеально-храбраго» генерала и безупречнаго первостепеннаго тактика въ лучшемъ и современномъ значеніи этого слова, — тактика, поддерживавшаго и развивавшаго живыя національныя начала въ дѣлѣ воспитанія и обученія войскъ, завѣщанныя намъ Петромъ Великимъ, вѣдливнаго полководца и, наконецъ, государственнаго дѣятеля. «Видѣть съ тѣмъ мы желали бы, — говорятъ составители очерка, — очистить память П. И. Панина, опять-таки на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, отъ тѣхъ обвиненій и даже клеветъ, которымъ онъ подвергался совершенно незаслуженно въ изслѣдованіяхъ, руководящими основаніями которыхъ служили разнаго рода симпатіи и антипатіи». По словамъ авторовъ, Панинъ, какъ историческая личность, подвергся искаженію, дѣ-

ятельность его наша ложную оцѣнку, и въ результатѣ онъ представляется въ исторіи какъ личность заурядная или даже бездарная, жаждавшая только наслажденія властью.

Разбираемый нами очеркъ составленъ на основаніи различныхъ историческихъ сочиненій, указанныхъ въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ тексту (они напечатаны отдѣльно, въ концѣ книги, и состоятъ изъ пяти главъ).

Въ первой главѣ говорится о происхожденіи П. И. Панина и первоначальномъ прохожденіи имъ службы. Родъ Паниныхъ ведетъ свое начало отъ выходцевъ изъ Лужской республики, которые выѣхали въ Россію въ XIV столѣтіи. Петръ Ивановичъ родился въ 1721 году въ родовомъ селѣ Везовиѣ, Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи; въ службу вступилъ 14-ти лѣтъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ; вслѣдствіе незначительнаго проступка, совершеннаго при исполненіи караульной службы во дворѣ императрицы Анны Иоанновны, онъ былъ переведенъ въ армію, дѣйствовавшую въ то время на югѣ Россіи подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха. Во время крымскихъ походовъ Панинъ участвовалъ во взятіи Перекопа и Бахчисараа. По окончаніи этихъ походовъ былъ снова переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Во время войны съ Швеціей Петръ Ивановичъ былъ назначенъ въ армію, дѣйствовавшую подъ начальствомъ фельдмаршала графа Ласси, и отличился при взятіи Фридрихсгама; кромѣ того, въ Выборгѣ онъ выказалъ большое присутствіе духа, замѣчательную энергію и силу воли при усмиреніи «дерзновеннаго возмущенія отъ гвардіи нижнихъ чиновъ» и за это былъ произведенъ 10-го іюля 1742 г. въ капитана. Передъ Семилѣтней войною Панинъ командовалъ Новгородскимъ пѣхотнымъ полкомъ и считался однимъ изъ лучшихъ командировъ во всей арміи. Въ Семилѣтнюю войну генералъ-майоръ Панинъ состоялъ при главнокомандующемъ генералъ-фельдмаршалѣ С. Ф. Апраксинѣ въ качествѣ дежурнаго генерала и отличился при Гроссъ-Егерсдорфѣ, за что и былъ награжденъ императорскою орденомъ Александра Невскаго. Въ сраженіи при Цорндорфѣ Панинъ былъ контуженъ въ грудь и вынесенъ съ поля сраженія, но, придя въ себя, онъ снова явился командовать своими полками. За отличіе подъ Цорндорфомъ онъ получилъ чинъ генералъ-поручика. При Пальцигѣ Панинъ показалъ себя отличными кавалерійскимъ генераломъ, обла-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1898.

е-волакс
СУММЕРОВ
ВАСИЛИС
ДОУРАКИ
ДУРАКИ
КУЛИБИН
ИЗДАТЕЛЬ

ТАТИЩЕВ-
ШЛЕЦЕР-
ЩЕБРАТОВ
БУЛТИН-
ВИЗИН
РАДИЩЕВ

СПЕРАНСКИЙ
КАРАМЗИН
МОРВИНОВ
КРЫЛОВ
ЕРМ

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИНИСТРАТ. ВЪ 1753 Г.

ПАВЕЛЪ ГАВРИЛОВИЧЪ
ДИВОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАНОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1898.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Височайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1898.

Друзья или недруги?

(Германія въ эпоху Крымской войны).

Только въ правильномъ изученіи исторіи, находятся указанія на то, чего можно добиваться въ международныхъ сдѣлкахъ, по любому вопросу; распознавать границы достижимаго—высшая задача дипломатическаго искусства. Такъ говорилъ Бисмаркъ, въ самомъ началѣ своей политической карьеры, въ бытность прусскимъ посланникомъ при германскомъ союзномъ сеймѣ.

Если правиломъ этимъ слѣдуетъ неуклонно руководствоваться дипломатамъ, ведущимъ переговоры по международнымъ вопросамъ, то оно вообще полезно и всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ имѣть правильное сужденіе о задачахъ своего отечества въ области внѣшней политики.

Общественное мнѣніе, подъ влияніемъ минуты и не углубляясь въ причины того или другаго явленія международной жизни, нерѣдко избираетъ ложное направленіе, могущее увлечь государство на опасный путь и затемнить истинную цѣль, къ которой оно должно стремиться. Основанное же на правильномъ изученіи исторіи сужденіе общества о томъ, что происходитъ въ области внѣшней политики, будетъ менѣе страстнымъ и если не оцѣнитъ безошибочно даннаго положенія или не опредѣлитъ съ точностью его ближайшихъ послѣдствій, то и не навлечетъ напрасно на страну никакихъ невзгодъ, нерѣдко сопряженныхъ съ увлеченіемъ враждою или дружбою къ тому или другому народу.

Когда зимою 1887—1888 года, въ виду настойчиво высказываемыхъ

*

вѣнской печатью опасеній войны съ Россією, австрійское правительство, съ согласія Германіи, обнародовало секретный австро-германскій договоръ 1879 года (въ свое время сообщенный петербургскому кабинету); наше общественное мнѣніе, въ силу поминутаго договора, несласанно заволновалось, и русское общество, убѣжденное, что война съ союзными державами сдѣлалась неминуемою въ ближайшемъ будущемъ, рѣшило безповоротно, что Австрія и Германія, во враждѣ съ Россією, связаны на вѣки.

Въ исторіи, между тѣмъ, мы находимъ массу указаній на то, что вражда эта несравненно слабѣе того соперничества, порою глухаго, порою открытаго, но безъ передышки, которое легло съ покоя вѣка въ основаніе взаимныхъ отношеній Пруссіи и Австріи и послѣ разгрома послѣдней, тридцать лѣтъ тому назадъ, не могло совершенно исчезнуть съ появленіемъ договора 1879 года. Договоръ этотъ—лишь одинъ изъ многочисленныхъ фазисовъ отношеній Пруссіи, а нынѣ Германіи, къ Австріи, и для правильнаго сужденія о немъ, необходимо познакомиться съ исторією этихъ отношеній и выяснитъ, насколько могутъ быть однородны побужденія, которыми руководятся обѣ эти державы въ ихъ сношеніяхъ съ Россією, и на твердой ли почвѣ построено соглашеніе 1879 года.

Въ законченномъ, года два тому назадъ, обширномъ трудѣ профессора берлинскаго университета фонъ-Зибели «Основаніе германской имперіи Вильгельмомъ I-мъ»¹⁾, можно найти, по интересующему насъ вопросу, массу драгоценныхъ документальныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ авторомъ, главнымъ образомъ, въ государственномъ архивѣ Берлина. Желая ознакомитъ русскихъ читателей съ этимъ трудомъ, мы приводимъ здѣсь описаніе хода германскихъ дѣлъ въ эпоху давно отошедшей въ область исторіи, но столь живо памятной еще Крымской кампаніи. Въ этомъ описаніи мы встрѣчаемъ положенія, во многомъ сходныя съ тѣми, которыя Россія пережила въ послѣднюю Турецкую войну, при чемъ съ особенною яркостью выступаетъ разница цѣлей, преслѣдуемыхъ Пруссією и Австрією, всякій разъ когда восточныя дѣла понуждали эти державы стать въ вполне опредѣленные отношенія къ Россіи.

Обстоятельства нынѣ, конечно, измѣнились, но не на столько, чтобы въ корень измѣнить взаимоотношенія вѣковыхъ соперниковъ и отношенія каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности, къ Россіи.

Въ наши дни обострившейся до крайнихъ предѣловъ національной ревности, когда даже родственныя по происхожденію и языку племена

¹⁾ Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I, von Heinrich von Sybel. Zweiter Band. München und Leipzig 1889. Druck und Verlag von R. Oldenburg.

тщетно пытаются объединить свои желанія и стремленія въ устройствѣ ихъ государственной жизни, возможно-ли допустить, чтобы соглашеніе, придуманное правителями двухъ столь разношерстныхъ государственныхъ величинъ, каковы современныя Германія и Австро-Венгрія, легло въ основаніе будущей политики этихъ странъ, въ противность послѣдовательнымъ историческимъ требованіямъ, которымъ онѣ были подчинены за все время своего развитія?

Описаніе Зибелемъ главнѣйшихъ моментовъ Крымской войны, оцѣнка его нашей политики въ ту эпоху—тоже не лишены существеннаго интереса. Теперь, когда воспоминанія о постигшихъ насъ неудачахъ, по отдаленности ихъ и искупленіи послѣдующими побѣдами, утратили свой острый характеръ, когда нанесенныя намъ раны зажили, а съ другой стороны, Восточный вопросъ продолжаетъ стоять передъ нами во всей своей сложности—не бесполезно ознакомиться съ указаніями иностраннаго историка на наши увлеченія и ошибки и провѣрить его. Сознанными ошибки не повторяются: въ этомъ залогъ истиннаго успѣха и надежнѣйшее средство оградить себя отъ «козней вражескихъ».

I.

Союзъ между Австрією и Пруссією.

Ходъ германскихъ дѣлъ подвергся въ 1854 году задержкѣ и сильнымъ толчкамъ, благодаря охватившему всю Европу кризису—войнѣ Россіи съ Турцією и Западными державами. Насъ интересуетъ здѣсь вліяніе кризиса на германскія дѣла; мы ограничимся, поэтому, краткими указаніями на общій ходъ событій, и то лишь на сколько эти указанія необходимы для выясненія германской политики тѣхъ годовъ.

Императоръ Николай I стоялъ тогда на высшей ступени успѣховъ, почета и мощи. Въ сознаніи своей власти, повелѣвая неограниченно государствомъ и церковью, онъ съ самаго начала явился противникомъ современнаго либерализма и съ величайшею энергією, всѣми средствами, которыми располагалъ, выступилъ противъ революціи 1848 года. Въ усмиреніи венгерскаго мятежа онъ видѣлъ залогъ безусловной приверженности Австріи. Прусскаго короля онъ суровою рукою, подъ конецъ даже къ собственному удовольствію послѣдняго, вырвалъ изъ тисковъ объединительной политики и тѣмъ самымъ возстановилъ раздробленіе Германіи, одинаково пріятное какъ среднимъ германскимъ государствамъ, такъ и Россіи. Своими угрозами онъ принудилъ германскія державы выдать Даніи Шлезвигъ-Гольштинію, и это послужило поводомъ къ оконча-

тельному укрѣпленію дружбы его со многими выдававшимися государственными людьми Англіи.

Единственная, великая европейская держава, не оказывавшая ему угодливости, была Франція. Она казалась ему источникомъ всякихъ революцій, странною, расшатанною анархіею и партійными раздорами; онъ не поколебался, въ лицѣ новаго главы республики, открыто выразить презрѣніе къ французскимъ порядкамъ. Въ глазахъ всего свѣта, онъ сдѣлался, такимъ образомъ, убѣжищемъ законности и консервативныхъ началъ; либералы Европы его ненавидѣли, но еще болѣе боялись, вліятельныя же лица изъ феодальныхъ и клерикальныхъ партій, почитали его съ пламенною ревностью.

Въ 1852 году, онъ глядѣлъ на западную часть нашего материка какъ на устроенную по его указаніямъ и теперь снова направилъ взоръ назадъ, на турецкій Востокъ ¹⁾.

Здѣсь также онъ думалъ найти обильный матеріалъ для примѣненія своего властительскаго призванія. Хотя Порта смиренно и молчаливо повиновалась его мановеніямъ, тѣмъ не менѣе и въ Константинополь проникъ ядъ революціонныхъ мыслей; оказавъ гостепрѣимство польскимъ и венгерскимъ бѣглецамъ, Порта приняла даже нѣкоторыхъ изъ нихъ на службу. Когда Франція потребовала для католиковъ въ Іерусалимѣ большаго удѣла во владѣніи и пользованіи Св. мѣстами, на счетъ правъ тамошнихъ грековъ, Диванъ, послѣ нѣкотораго колебанія, обнаружилъ готовность исполнить такое требованіе. Конечно, вслѣдствіе рѣзкаго сопротивленія тому со стороны Россіи, онъ ограничился ничтожною мѣрою—дозволеніемъ имѣть ключъ отъ никогда не запиравшейся церковной двери; но и тутъ императоръ Николай, опираясь на единомысліе съ Англіею,

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что насколько фактическая сторона описанія положенія, занятаго императоромъ Николаемъ, вѣрна, на столько фантастичны приписываемые русскому самодержцу особыя побужденія и цѣли. Безкорыстіе Николая Павловича, проявленное имъ за все время тяжелой годины Крымской кампаніи и предшествующей эпохи и его рыцарское отношеніе къ волновавшимъ тогда Европу вопросамъ, установлены исторіею. Авторъ, вообще отличающійся безпристрастіемъ, не избѣгнулъ въ данномъ случаѣ тяготѣющаго надъ всѣми иностранными публицистами, пишущими о Россіи, предубѣжденія о коварствѣ и алчности русской политики, въ особенности по отношенію къ турецкому Востоку.

Не менѣе ошибочны представленія автора объ отношеніяхъ русскаго монарха къ православной російской церкви.

Здѣсь не мѣсто опровергать ни того, ни другаго, а потому мы лишь ограничиваемся настоящимъ замѣчаніемъ, относящимся и до другихъ аналогическихъ заключеній, встрѣчающихся въ предлагаемомъ отрывкѣ, отсылая читателей, интересующихся этимъ вопросомъ, къ многочисленнымъ спеціальнымъ трудамъ, посвященнымъ описанію Крымской войны и царствованію императора Николая.

П е р е в.

объявилъ, что посягательство это на права греческой церкви, заключаетъ въ себѣ тяжкое оскорбленіе лично для него, тѣмъ болѣе, что уже безъ того греческія общины, въ различныхъ провинціяхъ Турціи, терпятъ притѣсненія и оскорбленія, благодаря произволу турецкихъ чиновниковъ и что Россія, на основаніи заключенныхъ договоровъ, имѣетъ формальное право охраны своихъ единовѣрцевъ. Чѣмъ осторожнѣе теперь Франція, несмотря на явную неосновательность русскихъ притязаній, отступала отъ своихъ требованій, чѣмъ насильственнѣе распространялось на всю Европу могущество Россія, сказавшееся въ 1852 году, тѣмъ глубже русскій самодержецъ прониклся мыслью, что наступило благоприятное время для рѣшенія въ выгодномъ, исключительно для Россія, смыслѣ давно уже постановленнаго Восточнаго вопроса. Другими словами, онъ снова, какъ и въ 1829 году, исходилъ изъ того воззрѣнія, что турецкое владычество, потрясенное внутри, близко къ смерти; христіанскіе подданные, 10—12 милліоновъ которыхъ въ одной Европѣ, были единовѣрцами русскихъ, собирались сбросить его полумѣсяца; было бы безчестно и безбожно удерживать ихъ отъ того, не ободрять и не поддерживать. Тѣмъ самымъ открылось бы наслѣдство «больнаго человѣка» и пришлось бы лишь, при урегулированіи этого вопроса, по возможности, устранить отъ участія въ этомъ дѣлѣ неблагоклонно относящихся къ нему сотоварищей. Исходя изъ такой мысли, императоръ Николай въ 1853 году заговорилъ о Турціи съ англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, сэромъ Гамильтонъ Сеймуромъ, и заявилъ, что онъ требуетъ для себя лишь протектората надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей и что желаетъ предоставить Англій Кандію и Египетъ; онъ надѣялся, что Англія не устоитъ противъ этого предложенія.

— Если мы оба будемъ согласны, сказалъ онъ посланнику, намъ нечего заботиться ни о комъ; если я говорю Россіи, то это значитъ и Австрія, такъ какъ на востокѣ у насъ одни и тѣ же интересы.

О Пруссіи онъ даже и не упомянулъ, о Франціи отозвался, въ разговорѣ съ Сеймуромъ, съ рѣзкою враждебностью, что ему однако не помѣшало, послѣ того какъ въ Лондонѣ холодно отклонили его планы, такую же попытку возобновить и съ французскимъ посланникомъ, Кастель Бажакомъ. Онъ настолько былъ увѣренъ въ успѣхъ своего предложенія, что въ Севастополѣ подготовилъ къ выходу черноморскій флотъ, стянулъ въ Бессарабіи сѣльную армію и послалъ въ Константинополь адмирала князя Меншикова, для передачи рѣшающаго вопросъ ультиматума. Требования кня. Меншикова сводились къ заключенію договора, по которому обѣ державы соглашались сохранять неприкосновенными права и привилегіи исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру турецкихъ подданныхъ; такъ что впредь, при всякомъ нарушеніи правъ послѣднихъ, русскій императоръ имѣлъ бы основаніе для фактическаго вмѣшательства. Ясно, что это

было бы равносильно гибели турецкой самостоятельности и смерти «больного чело́вѣка». Дивану представился, такимъ образомъ, выборъ между добровольнымъ подчиненіемъ и гибелью отъ русскаго меча.

Прежде всего Диванъ пришелъ къ заключенію, что ужасный конецъ лучше ужаса, не имѣющаго койца. Русскій ультиматумъ былъ отклоненъ. Императоръ Николай отвѣтилъ тѣмъ, что войска его заняли Молдавію и Валахію не для войны, но въ матеріальное обезпеченіе того, что его законныя требованія будутъ исполнены.

Съ самаго начала усложненій, Наполеонъ, только-что возведенный на императорскій престолъ и окруженный въ то время отличными со-вѣтниками, увидѣлъ въ заносчивости Россіи возможность для него крупныхъ успѣховъ. Разсчитанною уступчивостью въ вопросѣ о Св. мѣстахъ онъ возбудилъ своего противника къ еще болѣе рѣзкому образу дѣйствій, но съ появленіемъ Меншикова, сдѣлавшимъ разрывъ неизбежнымъ, тотчасъ отправилъ французскій флотъ въ греческія воды. Сначала англійскіе министры давали себя убаюкивать увѣреніями петербургскаго кабинета, но при занятіи княжествъ общественное мнѣніе въ Лондонѣ съ такою силою возстало противъ этого, что кабинетъ послѣдовалъ примѣру Франціи и также послалъ флотъ для защиты Турціи.

Не менѣе значительное вліяніе оказалъ русскій образъ дѣйствій и на вѣнскій дворъ. Хотя личное почитаніе и признательность молодого императора къ своему могучему сосѣду не измѣнились, но дальнѣйшія распоряженія послѣдняго слишкомъ явно угрожали жизненнымъ интересамъ монархіи. Россія охватила уже границы Австріи съ сѣвера и востока: нельзя было дать себя охватить колоссу и съ юга. Особыя обстоятельства усиливали это соображеніе. Свобода плаванія по Дунаю, укрѣпленіемъ русскихъ въ Валахіи, была бы отдана на полный произволъ Россіи.

Единовѣрная съ русскимъ народомъ большая часть турецкихъ христіанъ была въ то же время единоплеменна южнымъ австрійскимъ славянамъ, и нельзя было предусмотрѣть, насколько національное движеніе первыхъ могло распространиться и за предѣлами Турецкой имперіи. При дальнѣйшемъ теченіи дѣлъ императоръ Николай, правда, далъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ торжественное завіреніе, что онъ не потерпитъ такого переступленія границъ; но графъ Буоль, не сомнѣваясь въ добросовѣстности такого обѣщанія, былъ весьма мало увѣренъ въ его исполнимости, и поэтому выражалъ намѣреніе добиться, совместно съ западными державами, посредничества въ возникавшемъ грозномъ дѣлѣ.

Что касается Пруссіи, то король и министры были очень довольны не имѣть, благодаря географическому положенію страны, непосредственныхъ интересовъ въ исходѣ усложненія; вмѣстѣ съ тѣмъ они признавали незаконность русскихъ наступательныхъ дѣйствій и собирались не ко-

лебясь примкнуть къ дипломатическимъ шагамъ другихъ дворовъ. Въ Вѣнѣ собралась конференція четырехъ державъ съ цѣлью добиться соглашенія сторонъ путемъ дешевыхъ взаимныхъ уступокъ. Эта первая попытка не удалась, такъ какъ Россія, сначала принявшая предложеніе державъ, въ послѣдствіи его отклонила. На это Порта объявила Россіи войну и отправила войско на освобожденіе Валахій; на Дунаѣ послѣдовали сраженія и въ то же время на Босфорѣ появились флоты западныхъ державъ для защиты Турціи противъ нападенія со стороны моря. Но когда, несмотря на послѣднюю мѣру, адмиралъ Нахимовъ уничтожилъ турецкую эскадру въ Синопѣ, западныя державы направили свои флоты въ Черное море и объявили, что они дальнѣйшихъ нападеній на турецкіе берега не потерпятъ. На это Россія отвѣтила прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею и Англіею. Вѣнская же конференція пришла къ соглашенію относительно главныхъ условій устойчиваго мира: неприкосновенность турецкой территоріи и, слѣдовательно, какъ первое условіе мира—очищеніе русскими княжествъ, пересмотръ трактатовъ 1841 года, принятіе Турціи въ составъ европейскихъ державъ и непринужденное объявленіе султаномъ дарованія покровительства всѣмъ христіанскимъ церквамъ, безъ различія исповѣданій.

Диванъ былъ на все это согласенъ, но Россія упорствовала въ своихъ первоначальныхъ требованіяхъ и отклонила услуги четырехъ державъ, такъ какъ споръ ея съ Турціею былъ-де дѣломъ внутреннимъ и домашнимъ.

Такимъ образомъ, за одинъ годъ, политическое положеніе Европы подверглось коренному измѣненію. Къ началу 1853 года Россія, во главѣ священнаго союза и въ сердечной дружбѣ съ Англіею, несомнѣнно руководила высшею политикою въ то время, какъ Франція, къ которой всѣ дворы относились съ недовѣріемъ, занимала совершенно изолированное положеніе. Годъ спустя Россія увидѣла направленными противъ себя единодушное сопротивленіе всѣхъ великихъ державъ и одинаковое со стороны каждой изъ нихъ порицаніе ея дѣйствій, а, кромѣ того, двѣ державы угрожали вооруженною силою.

Не мало оскорблены были въ Петербургѣ тѣмъ, что во главѣ этой сильной коалиціи стоялъ особенно ненавидимый и презираемый Наполеонъ, занявшій руководящее положеніе на Вѣнской конференціи. Англія уже соглашалась съ нимъ, что Синопская бойня задѣла честь морскихъ державъ и что при продолжающемся упорствѣ Россіи *casus belli* уже былъ на лицо. Если бы теперь еще удалось привлечь обѣ нѣмецкія державы къ одинаковому рѣшенію—также помощью оружія привести въ исполненіе включенное въ протоколы конференціи постановленіе—то тѣмъ самымъ священнымъ союзъ распался бы окончательно, и безпокойнымъ честолюбивымъ мечтамъ Наполеона не было бы болѣе границъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1854 года западныя державы, намѣреваясь потребовать отъ Россіи скорѣйшаго очищенія княжествъ и отказъ въ этомъ считать за объявленіе войны, просили вѣнскій и берлинскій дворы увѣдомить ихъ, какое они въ этомъ случаѣ полагаютъ принять рѣшеніе. Представители морскихъ державъ вручили обоимъ дворамъ проектъ конвенціи, въ силу которой всѣ четыре правительства обязывались, для приведенія въ исполненіе протокольныхъ постановленій конференціи, примѣнить тѣ средства, которыя будутъ предложены и выработаны ихъ представителями.

Рѣшительный моментъ наступилъ. Но тутъ-то и разошлись пути.

Въ Вѣнѣ императоръ Францъ-Іосифъ съ глубокою горестью и тяжкою заботою видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ увеличивалась пропасть между русскими и австрійскими интересами.

Перейдя Дунай, русскіе подвигались въ глубь Болгаріи; повстанцы Эпира и Фессаліи, подстрекаемые изъ Аенія, стояли уже подъ ружьемъ. Австрія никакъ нельзя было допускать дальнѣйшаго развитія такого положенія дѣлъ. Графъ Буоль распорядился сформированіемъ въ Банатѣ отряда въ 25.000 человекъ, побуждалъ морскія державы къ энергическимъ представленіямъ аенинскому двору и выразилъ Россіи величайшее изумленіе по поводу того, что высокій защитникъ законности нынѣ самъ покровительствуетъ революціи. Это изумленіе было, очевидно, неосновательно, такъ какъ царь не только былъ монархомъ, но и главою духовенства въ Россіи и, слѣдовательно, ему, какъ въ былыя времена пророку Магомету и римскимъ папамъ, возстаніе православныхъ подданныхъ противъ невѣрныхъ властителей представлялось дѣломъ вполне законнымъ. Какъ бы то ни было, графъ Буоль былъ того мнѣнія, что слѣдовало уничтожить опасность въ ея зародышѣ и не бояться разрыва съ Россією.

Рѣшимость на такую политику росла въ немъ по мѣрѣ того, какъ западныя державы приближались къ вооруженной борьбѣ, когда именно, казалось бы, Австріи надлежало проявить большую сдержанность въ принятіи соответствующихъ мѣръ. При благопріятномъ исходѣ она могла или приобрести княжества, или установить надъ ними свой протекторатъ взамѣнъ русскаго. Конечно, Буоль не скрывалъ отъ себя внутреннихъ финансовыхъ и политическихъ затрудненій и потому стремился, на случай войны, заручиться поддержкою не только отдаленныхъ западныхъ державъ, но и сосѣднихъ — Пруссіи и Германіи. Уже 8-го января онъ предложилъ съ этою цѣлью заключить въ Берлинѣ союзный договоръ, начинавшійся съ объявленія общаго нейтралитета и кончавшійся оговоркою о свободѣ дѣйствій, направляемыхъ къ охранѣ собственныхъ интересовъ. Пруссія отвѣтила тогда въ томъ смыслѣ, что такъ какъ въ дѣйствительности господствовало полное соглашеніе и никто

никому не угрожалъ, то и не представлялось надобности въ документальномъ обязательствѣ.

По мѣрѣ того, какъ Россія распространяла свои военныя дѣйствія на Дунай, въ Вѣнѣ росло недовольство противъ нея высокопорогъ; въ Венгрии стянули значительныя военныя силы, а западнымъ державамъ отвѣтили, что, согласно ихъ желанію, въ Петербургъ посылается энергическое требованіе очистить княжества съ тѣмъ, что, въ случаѣ отказа, отвѣтственность будетъ возложена на петербургскій кабинетъ и съ того момента Австрія будетъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ лишь собственными интересами.

Между тѣмъ, съ первыхъ же дней усложненія Восточнаго вопроса, въ Пруссіи было повсюду замѣтно усиленное возбужденіе. Тѣ, которые были мало-мальски либерально настроены или были поклонниками объединенія Германіи, или скорѣе по поводу Ольмюца и Шлезвигъ-Гольштейнѣ—все эти люди ликовали при видѣ тѣхъ возрастающихъ опасностей, которыя Россія на себя навлекла своимъ честолюбіемъ.

Большинству населенія казалось немислямымъ, чтобы Пруссія, испытавшая на себѣ наибольшую тяжесть давленія Россіи, не примкнула къ общему теченію. Для Пруссіи снова представлялся случай, какъ нѣкоторые думали, держаться смѣлой политики и однимъ ударомъ стать во главѣ Германіи и положить конецъ подавлявшему всю Европу превосходству русской силы. Такія воззрѣнія глубоко проникали во вліятельныя сферы. Кружокъ сановниковъ и дипломатовъ—графы Гольцъ и Шурталесъ, тайные совѣтники Бетманъ-Гольвегъ и Матисъ—основавшіе печатный органъ для борьбы съ феодальными тенденціями—«Das preussische Wochenblatt»—настоятельно требовали совмѣстнаго дѣйствія съ западными державами. Баронъ Бунзенъ, тогдашній прусскій посланникъ въ Лондонѣ, проектировалъ, совмѣстно съ англійскими государственными людьми, новую карту Европы, на которой границы Россіи были значительно отодвинуты назадъ. Военный министръ Боингъ не видѣлъ основаній уклоняться, при существовавшихъ обстоятельствахъ, отъ разрыва съ Россією. Самъ наследный принцъ Прусскій склонялся въ эту сторону; онъ находилъ, что Россія, своевольно нарушившей европейскій миръ, слѣдовало дать хорошій урокъ.

Но въ рѣшающихъ сферахъ Берлина имѣли силу совѣтъ иныя воззрѣнія.

На перваго министра, Мантейфеля, который не видѣлъ никакого пораженія въ заключенномъ имъ Ольмюцкомъ договорѣ, трескучія проясненія военнаго пыла либераловъ дѣйствовали скорѣе отталкивающимъ, чѣмъ подбадривающимъ образомъ. Правда, онъ признавалъ неправоту Россіи (вліятельный докладчикъ его, Балавъ, держался этого мнѣнія еще упорнѣе) и потому безъ колебанія предоставилъ Пруссіи вступить въ

Вѣнскую конференцію, согласиться на всѣ постановленія послѣдней и намѣревался и впредь поступать одинаково.

Но слѣдовало ли дѣйствовать и оружіемъ? Кто это могъ сказать? Конечно, благодаря своей холодной и апатичной натурѣ, Мантейфель желалъ держаться не смѣлой, но безопасной политики, и такимъ образомъ у него возникло предположеніе, что при единодушной и твердой рѣшимости четырехъ державъ можно было бы, безъ угрозы войною, склонить Россію къ уступчивости и достигнуть сохраненія мира.

Въ рѣзкомъ противорѣчій съ такими рѣшеніями или поползновеніями было настроеніе лично приближенныхъ къ королю, на первомъ мѣстѣ генераль-адъютанта фонъ-Герлаха, генераловъ—графа Дона и графа фонъ-дерь-Грѣбена, къ коимъ впоследствии примкнули, хотя и имѣли меньшее значеніе, флигель-адъютантъ полковникъ Мантейфель, кабинетскій совѣтникъ Нибуръ и бывший одно время министромъ графъ Альвенслебенъ-Эркслебенъ. Здѣсь, руководясь консервативными взглядами, всѣ были просто-на-просто русскими, преисполненными горячимъ почтаниемъ къ великому царю, спасшему Австрію въ 1849 году, а Пруссію въ 1850 году отъ демона революціи, вступившему въ священный бой для водруженія креста на св. Софіи и очистки Европы отъ прикосновенія ислама. Броситься ради него въ войну не желали, но въ остальномъ хотѣли сдѣлать все, чтобы улучшить положеніе Россіи. Если же участіе въ борьбѣ сдѣлалось бы неизбѣжнымъ, то Пруссія была бы на сторонѣ не революціонной Франціи, но консервативной Россіи.

Къ этой партіи причислялъ себя тогда еще одинъ человекъ, вѣрующій христіанинъ, твердый приверженецъ монархическихъ началъ, но свободный отъ доктринерскихъ приемовъ «Крестовой Газеты» («Kreuzzeitung»), безусловный партизанъ реальной политики—Бисмаркъ, прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ. Онъ вполне сходилъ съ генераломъ фонъ-Герлахомъ въ желаніи избѣгнуть войны съ Россією, но случись послѣдняя, онъ держался бы поговорки: «*si duo faciunt idem non est idem!*»

Взвѣсившая послѣдствія такой войны, Бисмаркъ видѣлъ для Пруссіи лишь невыгоды. Для западныхъ державъ борьба не представляла особенной опасности, побѣда же—большія выгоды. Для Пруссіи было наоборотъ. На нее главнымъ образомъ легла бы тяжесть борьбы; даже самая блестящая побѣда не представляла бы выгоды. Чего намъ было искать на Востокъ? Тѣмъ болѣе мы имѣли основаній дорожить дружественными отношеніями къ Россіи, для насъ крайне цѣнными и, быть можетъ, впоследствии необходимыми. Нашъ единственный врагъ, какъ то доказываютъ постоянно дѣла таможеннаго союза и союзнаго сейма,—Австрія; она въ то же время единственная держава, стѣсненіе дѣйствій которой могло бы принести намъ дѣйствительную пользу. Если же пришлось бы

непремѣнно воевать, то во всякомъ случаѣ противъ Австріи, и тѣмъ принудить вѣвскій дворъ сдѣлать намъ существенныя уступки въ дѣлахъ германскихъ; лучшее же покаместъ—твердый нейтралитетъ, и это тѣмъ болѣе, что его желаютъ всѣ прочія германскія государства.

Всякій день монархъ, которому все докладывалось, выслушивалъ всѣ эти соображенія и всякое изъ нихъ находило отголосокъ въ его душѣ, доступной всѣмъ впечатлѣніямъ и вліяніямъ. Онъ, какъ и Бунзень, одобрялъ сопротивленіе Англіи тому, чтобы Турція была завоевана Россією, и жаловался на то, что высокоуміе его зятя разрушило сплоченность всей старой Европы противъ революціи и ея представителя Наполеона. Но здѣсь, какъ всегда, на него дѣйствовали религиозныя соображенія сильнѣе, чѣмъ политическія. Англія, какъ единовѣрная протестантская страна, издавна казалась ему драгоцѣннѣйшимъ союзникомъ, но, исходя изъ той же точки зрѣнія, онъ возмущался мыслью видѣть милліоны христіанъ подъ языческимъ господствомъ и предвидѣлъ Божій судъ надъ всякимъ, кто обнажилъ бы мечъ за полумѣсяцъ противъ креста. Поэтому для него не могло быть болѣе грустнаго и безвыходнаго оборота дѣлъ, какъ тотъ, который дала Англія, втянутая шагъ за шагомъ въ общій союзъ и съ Турціей, и съ Франціей въ «кровосмѣшеніе», какъ онъ говорилъ, съ язычествомъ и революціей, а онъ самъ не былъ въ состояніи оправдать образа дѣйствій Россіи, источника всего бѣдствія. Сначала онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы предотвратить открытій разрывъ.

Уже въ іюнѣ 1853 года король сдѣлалъ попытку примиренія, имѣвшую, по обыкновенію, несчастіе лишь вызвать неудовольствіе всѣхъ сторонъ. Затѣмъ онъ согласился съ постановленіями конференціи и настоятельно поддерживалъ ихъ въ Петербургѣ, въ постоянной надеждѣ, что такое единодушіе Европы побудитъ Россію къ сговорчивости. Но видя, что все это не достигало цѣли и что объявленіе Россіи войны западными державами становилось все вѣроятнѣе, онъ пришелъ, подъ вліяніемъ вихря боровшихся въ немъ чувствъ, къ рѣшенію совершенно особаго свойства. Король твердо рѣшилъ держаться нейтралитета въ этой ужасной войнѣ: съ Россією онъ не могъ идти, такъ какъ считалъ ее неправою; выступить же противъ нея, значило воевать за Магомета противъ Христа. При этомъ онъ не сомнѣвался, что Наполеонъ выпуститъ на нейтральную Пруссію всѣхъ кровопійцъ революціи, которые, къ сожалѣнію, найдутъ въ самой Германіи слишкомъ много пособниковъ. Чтобы предотвратить эту опасность, онъ рѣшился еще разъ обратиться къ Англіи. Для этого дѣла онъ выбралъ дипломата съ антирусскимъ образомъ мыслей, даровитаго и рѣшительнаго, хотя правда не всегда осмотрительнаго и послушнаго, — графа Альберта Шурталеса, котораго онъ рекомендовалъ принцу-супругу письмомъ отъ 22-го декабря 1853 г.

Въ этомъ письмѣ между прочимъ говорилось: «Я сдѣлаю все, что только во власти Пруссіи, чтобы выдержать «прыжокъ тигра» съ запада, спасти отъ его когтей бѣдную, несчастную, виновную и вслѣдствіе того наполовину ошалѣвшую, а наполовину пребывающую въ заговорѣ Германію и чтобы побороть безбожное, противохристіанское чудовище революціи, побуждающее къ «прыжку тигра» Венгрію, Польшу, Италію и Германію. Я имѣлъ искреннее желаніе и твердую рѣшимость, замѣчаетъ онъ далѣе, идти въ этихъ усложненіяхъ въ непоколебимомъ согласіи съ моею милою Англіею. Если же она теперь станетъ, ради турокъ, метать смерть и разореніе на христіанскихъ воиновъ, то и это горячее желаніе не осуществится».

Нургальесъ долженъ былъ все пустить въ ходъ, чтобы мысль о нейтралитетѣ Пруссіи понравилась англійскому правительству, чтобы послѣднее видѣло въ немъ даже выигрышъ для общаго дѣла. Огромную выгоду представляетъ существованіе такого органа, который во всякое время готовъ быть посредникомъ и возмѣстителемъ мира; нейтралитетъ Пруссіи не будетъ пассивнымъ, напротивъ, она будетъ дѣятельно хлопотать о томъ, чтобы готовить Россію къ принятію добрыхъ услугъ, и когда дѣло дойдетъ до окончательнаго рѣшенія, Пруссія не преминетъ, въ случаѣ нужды, положить на вѣсы и свою гиру.

Оказать такія значительныя услуги Пруссія можетъ лишь при требованіи, чтобы сама Англія, а по ея воздѣйствію и Франція, гарантировали неприкосновенность прусской и вообще германской территоріи; чтобы обѣ державы воздерживались отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Германіи и заранѣе выразили согласіе на то, чтобы Пруссія, въ случаѣ если будетъ къ тому вынуждена вслѣдствіе революціонныхъ движеній или раздоровъ между отдѣльными нѣмецкими государствами, взяла на себя снова, и, быть можетъ, переступая предѣлы союзнаго права, тѣ обязанности, которыя она выполнила въ 1849 году.

Получивъ такія разъясненія, англійскіе министры удивились тому, какъ можетъ нейтралитетъ Пруссіи быть полезнѣе содѣйствія прусской арміи въ триста тысячъ человекъ. Удивленіе ихъ возросло, когда они увидѣли далѣе, что въ награду за такой драгоцѣнный нейтралитетъ они должны были предоставить Пруссіи полную власть преобразовать германскій союзъ, но удивленію ихъ не было предѣла, когда баронъ Бунзенъ, цѣною этого «дѣйствительнаго и автономнаго» нейтралитета ¹⁾, поставилъ еще условіе, а именно, чтобы Англія, послѣ мира и при посредствѣ его, доставила королю его вѣрный Нейенбургъ.

Мы уже упоминали о томъ, что послѣ февральской революціи 1848 г. партія радикаловъ въ Нейенбургѣ прогнала королевскія власти и уста-

¹⁾ Письмо короля въ Бунзену отъ 9-го января 1854 года.

новила демократическое правительство. Король, протесты котораго остались безъ послѣдствій, добился все-таки въ 1852 г. отъ великихъ державъ протокола, въ силу котораго его суверенныя права были признаны и послѣдовало соглашеніе на веденіе по сему вопросу переговоровъ, въ продолженіе которыхъ король обязывался отдѣльно ничего не предпринимать. Съ той поры по этому дѣлу державы не пошевелили пальцемъ, у короля-же на первомъ мѣстѣ среди его политическихъ плановъ стоялъ возвратъ его «милаго уголка на Юрѣ», всегда вѣрнаго Нейенбурга, жителями котораго онъ могъ гордиться болѣе, чѣмъ всѣми остальными подданными. Мы увидимъ поздѣе, что эта мысль, напряженная до болѣзненности, имѣла и для него и для Пруссіи важнѣйшія послѣдствія.

Едва-ли нужно упоминать, что посылка графа Шурталеса въ Лондонъ осталась совершенно безплодною. Но тѣмъ менѣе могъ и баронъ Бунзентъ, несмотря на дружбу своего царствующаго благовоителя, склонить послѣдняго принять точку зрѣнія западныхъ державъ. Когда-же, въ февралѣ 1854 года, западныя державы сдѣлали категорическій запросъ, король, правда, обратился къ своему высокопоставленному зятю съ горячей мольбой, очищеніемъ княжествъ, спасти Европу отъ колоссальнаго бѣдствія; но при этомъ онъ непоколебимо остался на своей точкѣ зрѣнія относительно войны за турокъ противъ христіанъ, о которой онъ и слышать не хотѣлъ, безусловно отклонилъ предложенную западными державами конвенцію и объявилъ, что Пруссія согласна съ основными положеніями протокола, но не желаетъ себѣ связывать рукъ въ выборѣ средствъ къ приведенію ихъ въ исполненіе.

Въ началѣ марта онъ отправилъ собственноручныя письма Викторіи и Наполеону, которыхъ увѣщевалъ пойти на уступки и на миръ, и объявилъ о своемъ безусловномъ нейтралитетѣ ¹⁾. Какъ-бы ни судили о побужденіяхъ короля, объ отдѣльныхъ его попыткахъ и о тѣхъ пестрыхъ арабескахъ, которыми онъ украсилъ свои письма—всякій безпристрастный человѣкъ долженъ былъ согласиться, что при тогдашнемъ положеніи Пруссіи, при ея отношеніяхъ къ Австріи, при слабости германскаго союза, политика нейтралитета наиболѣе соответствовала интересамъ государства. Можно было допустить предположеніе, что Пруссія сильнымъ нападениемъ на Россію собрала бы вокругъ себя всю Германію и установила бы національное единство подъ своимъ главенствомъ, но это лишь въ томъ случаѣ, если бы у Пруссіи не было въ такой войнѣ двухъ союзниковъ, которые охотно бы глядѣли, какъ прусскіе батальоны дерутся съ русскими, но потомъ тѣмъ съ болѣею энергіею уничтожили бы въ Германіи всякую попытку къ объединенію.

¹⁾ Ему казалось, что наступило время, когда искусство дипломатовъ истощается и дѣло должно поступить въ руки къ самимъ монархамъ.

— Только никакого объединенія, заявилъ Наполеонъ герцогу Кобургскому.

— Нѣтъ мысли нечестивѣе, какъ мысль германскаго единства, сказалъ Буоль такъ-же опредѣленно, какъ иѣкогда Меттернихъ.

Достаточно сказать, что вышеприведенные доводы Бисмарка исключали всякое сомнѣнiе въ правильности нейтралитета. Шумъ, поднятый французскими и еще болѣе англійскими газетами, утверждавшими, что Пруссiя тѣмъ самымъ отказывается отъ положенiя великой державы, былъ правда ребяческой, такъ какъ всякая великая держава вольна принимать рѣшенiя лишь въ собственномъ интересѣ, но во всякомъ случаѣ вполне объяснялся искреннимъ желанiемъ свалить на плечи Пруссiи главную тяжесть войны.

Въ Берлинѣ всего лучше было бы слѣдовать непрерывно повторяемому Бисмаркомъ совѣту,—съ спокойнымъ мужествомъ и гордымъ хладнокровiемъ держаться нейтралитета невзирая на поношенiя и угрозы; Но тамъ картина «прыжка тигра съ Запада» не давала покоя¹⁾, и генералъ фонъ-Герлахъ настаивалъ на томъ, что теперь, когда на поддержку Англiи нечего рассчитывать, слѣдуетъ обратиться къ Австрiи, чтобы не очутиться въ совершенномъ одиночествѣ лицомъ къ лицу съ опасностью. Могло случиться, что Австрiя, заключивъ предложенную западными державами конвенцію, вовлечетъ и остальные германскiя государства въ политику войны. Мы видѣли какъ въ январѣ, желая обезпечить за собою свободу дѣйствiй, въ Пруссiи отклонили предложенный нейтральный союзъ, теперь же король рѣшался сдѣлать съ своей стороны такое же предложенiе въ Вѣнѣ, въ надеждѣ удержать вѣнскiй дворъ отъ войны на Востокъ, а на Западѣ обезпечить германскiя границы отъ французскаго нападенiя. 11-го марта, отправляя императору Францу-Иосифу копию съ своего письма къ королевѣ Викторiи, онъ сообщалъ, что хотя сдѣлалъ этотъ шагъ очень гласно, но тѣмъ не менѣе никакой разумной надежды на успѣхъ его не имѣлъ.

«Ваше величество поймете, объяснялъ онъ, что мое посланiе къ королевѣ продиктовано, такъ сказать, моею совѣстью. Оно когда нибудь послужитъ свидѣтельствомъ той истины, что я постигъ призванiе, возложенное на меня Провидѣнiемъ, а именно призванiе быть человѣкомъ и поборникомъ мира, въ-время и не въ-время, при хорошей и дурной погодѣ. Я долженъ говорить людямъ правду, обрисовывать опасности, изображать весь ужасъ отвѣтственности, съ успѣхомъ или неуспѣхомъ все равно. Я желаю исполнять то, что признаю за долгъ. Господь бу-

¹⁾ Наполеонъ сказалъ однажды герцогу Кобургскому вполне опредѣлительно, что онъ въ концѣ концовъ долженъ будетъ воевать съ Пруссiею.

Прим. авт.

детъ направлять. Кончая это письмо заявляю о намѣреніи держаться абсолютнаго нейтралитета и о твердой рѣшимости при помощи его защищать всѣми силами, коими располагаю, независимость Пруссіи противъ всякаго, кто пожелалъ бы разыграть роль насилующаго указчика». Затѣмъ онъ выражалъ радость по поводу извѣстія, что Австрія желала заключить конвенцію съ западными державами вчетверомъ, т. е. не безъ Пруссіи. «Въ предположеніи, продолжалъ онъ, что этотъ «глотокъ усладительнаго питія» не есть обольщеніе, прошу ваше величество въ скоромъ времени извѣститъ насъ, какія требованія вы непременно связываете съ этимъ «благословеннымъ» рѣшеніемъ. Мнѣ кажется необходимымъ, въ правомъ и живомъ единеніи Австріи и Пруссіи, войти съ предложеніемъ ко всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ и этимъ приступить въ данную минуту къ дѣлу. Форму пускай опредѣляютъ дипломаты; сущностью, какъ мнѣ кажется, долженъ быть наступательный и оборонительный союзъ трехъ великихъ средневропейскихъ народныхъ массъ, заключенный на время предстоящей гнусной войны и полностью обезпечивающій, за все время ея, всѣ наши границы отъ вторженія». Король кончалъ словами: «наше положеніе не безъ большихъ и серіозныхъ опасностей, но я мужаюсь и уповаю на Бога. Вашему величеству, обладающему юношескимъ мужествомъ, это будетъ легче чѣмъ мнѣ. Поручаю себя отъ всего сердца и всей души вашей оживляющей дружбѣ и добротѣ».

Содержаніе этого письма произвело въ Вѣнѣ большое вліяніе. И тамъ посматривали на Парижъ съ немалой озабоченностью, къ чему, благодаря положенію дѣлъ въ Италіи, имѣли гораздо болѣе основаній, чѣмъ въ Пруссіи. Въ это время началась война Россіи съ западными державами; на Дунай, въ Болгаріи, русскіе готовились къ усиленному нападенію. Необходимость этому помѣшать и освободить княжества казалась графу Буолю все настоятельнѣе. Быть можетъ удастся склонить Пруссію вступить въ предлагаемый союзъ и взять на себя, вмѣсто Австріи, обязанность воздѣйствовать на Россію, и въ то же время, даже не принимая участія въ борьбѣ, обѣщать Австріи, какъ въ маѣ 1851 года, охрану ея нѣмецкихъ владѣній.

Рѣшили тотчасъ-же сдѣлать такую попытку. Въ отвѣтъ на письмо дяди императоръ отправилъ длинное посланіе, въ которомъ прежде всего высказывалъ свое горячее желаніе сохранить миръ, а затѣмъ выражалъ убѣжденіе, что лучшимъ къ тому средствомъ можетъ служить предлагаемый королемъ оборонительный союзъ всѣхъ средневропейскихъ государствъ. Онъ обѣщалъ послать въ Берлинъ фельдхемейстера фонъ-Гесса, съ порученіемъ изложить королю искреннѣйшія намѣренія и воззрѣнія Австріи относительно всякихъ случайностей.

«По заключеніи такого союза, писалъ императоръ, всякій изъ до-

говаривающихся въ дѣлахъ, не относящихся до прямой цѣли договора, сохранилъ бы полную свободу дѣйствій, и если бы Австрія воспользовалась такою для занятія извѣстныхъ турецкихъ провинцій, то въ случаѣ нападенія на нее Россіи, она могла бы рассчитывать на полную поддержку со стороны союзниковъ. Мнѣ кажется чрезвычайно важнымъ, чтобы значеніе этого пункта было вполне выяснено. Если я твердо рѣшился не покидать до сей поры избраннаго мною свободнаго и выжидательнаго положенія и не давать себя сталкивать съ него западными державами, то я тѣмъ не менѣе не могу не допустить грозной случайности, когда вынужденный къ тому безразсуднымъ поведеніемъ Россіи я долженъ буду, въ обезпеченіе австрійскихъ и, конечно, германскихъ интересовъ, пойти на занятіе Молдавіи и Валахіи. При этомъ я далеко отъ мысли не только о формальномъ объявленіи войны Россіи, но и о нападеніи на русскую территорію. Австрійскіе штыки во всякомъ случаѣ остановились бы у Прута».

Несмотря на стремленіе сохранить миръ, проглядывавшее въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразахъ этого посланія, разнища вѣнскихъ и берлинскихъ воззрѣній на цѣли предлагаемаго союза бросалась въ глаза. Бисмаркъ, съ которымъ на этотъ разъ раньше не совѣтывались, былъ вообще недоволенъ всей мыслью. Онъ выразилъ мнѣніе, что такой шагъ слѣдовало сдѣлать не съ Австріею, но съ остальными государствами союза противъ Австріи. Что могло быть радостнѣе для Пруссіи, какъ если бы коалиція между Россіею, Австріею и средними германскими государствами, тяготѣвшая надъ нею съ 1849 года, распалась бы быть можетъ навсегда. Генераль Герлахъ, съ другой стороны, былъ исполненъ лучшихъ надеждъ, хотя, при склонности Австріи къ дѣйствію, считалъ необходимымъ соблюдать въ переговорахъ величайшую осторожность. Къ тому было не мало оснований, и это обнаружилось, лишь только генераль Гессъ прибылъ (въ концѣ марта) въ Берлинъ и сдѣлалъ свои предложенія. Они сводились очень просто къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза между Австріею, Пруссіею и Германіею, на вѣчныя времена и ради обезпеченія всѣхъ владѣній, съ какой бы стороны опасность ни появилась. Австрія выставила въ Венгріи 150.000 войска, выставитъ вскорѣ еще 100.000 и предлагала Пруссіи поставить сначала 100.000, затѣмъ еще 50.000, а остальные государства обязывались мобилизовать одну половину союзнаго контингента тотчасъ-же, а другую—впослѣдствіи, по требованію обѣихъ великихъ державъ. Вскорѣ за тѣмъ генераль прибавилъ еще параграфъ, въ силу котораго союзники обязывались нести солидарно расходы по вооруженію и по веденію военныхъ дѣйствій.

Для Пруссіи все это было немисливо. Баланъ составилъ контръ-проектъ, по которому союзъ заключался лишь на срокъ бывшей въ то время

войны; что касалось дѣятельности союза, равно срока и размѣра вооруженія, то все это ставилось въ зависимость отъ послѣдующихъ соглашеній, а о расходахъ умалчивалось совершенно. Когда затѣмъ Гессъ внесъ проектъ общей денежи для Петербурга, въ которой очищеніе княжествъ русскими требовалось подъ угрозой вооруженнаго вмѣшательства, то прусскіе уполномоченные въ принципѣ согласились, но потребовали формы, исключавшей всякій вызовъ.

Въ противоположность осмотрительности Пруссіи, въ Вѣнѣ старались завязать все болѣе и болѣе тѣсныя сношенія съ западными державами. 9 апрѣля графъ Буоль снова собралъ на конференцію посланниковъ четырехъ великихъ державъ; составленъ былъ протоколъ въ томъ смыслѣ, что державы, хотя двѣ изъ нихъ уже были въ войнѣ съ Россією, подтверждали высказанныя ими основныя положенія, а именно: неприкосновенность Турціи, очищеніе русскими Придунайскихъ княжествъ, непринужденное признаніе султаномъ правъ его христіанскихъ подданныхъ и принятіе Турціи въ составъ европейскихъ государствъ. При этомъ говорились, что ни въ какомъ случаѣ ни одна изъ державъ не вступитъ въ какое-либо соглашеніе, противорѣчащее этимъ положеніямъ, безъ совмѣстнаго обсужденія вопроса. Когда протоколъ этотъ былъ представленъ прусскому королю, онъ пришелъ въ нѣкоторое раздумье, но затѣмъ, не желая отступать отъ того, что онъ заявилъ ранѣе, подписалъ его.

Между тѣмъ въ Берлинѣ приходили къ соглашенію относительно отдѣльныхъ положеній договора, руководясь, въ существѣ, основаніями проекта Балана. На все время настоящей войны державы взаимно гарантировали свои владѣнія полностью. Онѣ обязывались охранить права и интересы Германіи, а также отражать всякое нападеніе на свои владѣнія даже въ томъ случаѣ, если одна изъ нихъ, съ согласія другой, сочла бы нужнымъ активно выступить на охрану германскихъ интересовъ. Рѣшеніе вопроса, каковы могутъ быть эти случаи, составляло предметъ особаго соглашенія. Опредѣленіе, вслѣдствіе заключенія союза, потребныхъ военныхъ силъ также подлежало особому соглашенію. Всѣ германскія государства должны были быть приглашены вступить въ этотъ союзъ. Ни одна изъ обѣихъ державъ не имѣла бы права за все время дѣйствія договора заключать съ другими державами такого союза, который не былъ бы въ полномъ соотвѣтствіи съ заключаемымъ теперь договоромъ.

Изъ этого видно, что Пруссія приняла мѣры къ тому, чтобы не быть противъ своей воли втянутою односторонними дѣйствіями Австріи въ военныя операціи. Параграфъ второй предусматривалъ возможность такихъ дѣйствій и обязывалъ Пруссію къ защитѣ австрійскихъ владѣній лишь въ томъ случаѣ, если Австрія получила бы заблаговременно согласіе ея на свое предпріятіе.

*

Какъ только пришли къ соглашенію по этому вопросу и еще до подписанія договора, Гессъ объявилъ, что предусматриваемый случай уже на лицо, а именно: Австрія, въ интересахъ Германіи и на основаніи протокола отъ 9-го апрѣля, собиралась потребовать отъ Россіи очищенія княжествъ и, въ случаѣ нужды, поддержать свое требованіе вооруженною силою. Въ виду этого Гессъ предложилъ Пруссіи, руководясь вторымъ пунктомъ договора гарантировать въ этомъ предпріятіи Австріи ея владѣнія. Послѣ всего происходившаго, предложеніе это само по себѣ поразить не могло; тѣмъ не менѣе король воспротивился такой поспѣшности, усмотрѣвъ возможность послѣдствій всякаго рода, и почти раскаявался въ подписаніи вѣнскаго протокола. Въ это время изъ Петербурга пришло рѣзкое отклоненіе предложеннаго ранѣе Пруссіею посредничества въ такой формѣ и такого содержанія, что король сильно вознегодовалъ на своего зятя. Онъ согласился, по предложенію генерала Гесса, прибавить къ договору статью, по которой, въ случаѣ отказа Россіи очистить княжества по требованію Австріи, поддерживаемому Пруссіею, мѣры, которыя приметъ Австрія, подпадаютъ подъ статью вторую. Но, значилось дагѣе, совмѣстное нападеніе можетъ послѣдовать лишь въ случаѣ, если Россія присоединитъ къ себѣ княжества и перейдетъ Балканы.

Вслѣдъ за этимъ договоръ, со включеніемъ добавочной статьи, былъ подписанъ 20-го апрѣля, и кромѣ того выработана военная конвенція, по которой Пруссія обязывалась, смотря по обстоятельствамъ, выставить на восточной границѣ, въ теченіе 36-ти дневнаго срока, сто тысячъ человѣкъ и, въ случаѣ нужды, увеличить численность своего войска до 200,000; о всемъ этомъ она должна была придти къ соглашенію съ Австріею. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, когда принять эти мѣры и принимать ли ихъ вообще, рѣшался по обоюдному соглашенію союзныхъ державъ, а не по исключительному усмотрѣнію Австріи.

Въ дѣйствительности это былъ союзъ совершенно своеобразный: сердечное согласіе при величайшей осторожности, братское довѣріе при всевозможныхъ оговоркахъ. Пруссія ясно видѣла возможность разрыва съ Россіею, а Австрія радовалась союзу ради своихъ дѣлъ въ Италіи и Франціи. Для Австріи существенною цѣлью договора была защита своей территоріи въ случаѣ дѣйствій противъ Россіи, а для Пруссіи—гарантія ея нейтралитета отъ возможныхъ посягательствъ со стороны Франціи и революціи. Въ австрійскомъ толкованіи союзъ дѣлалъ фронтъ противъ Востока, въ прусскомъ—противъ Запада. Насколько намѣренія короля Фридриха-Вильгельма въ этомъ направленіи были рѣшительны, видно ясно изъ того, какъ онъ обошелся съ вліятельными до сего представителями противоположныхъ тенденцій: въ первыхъ числахъ мая Бунзенъ былъ отозванъ изъ Лондона, военный министръ фонъ-Бонингъ отставленъ отъ должности, а принцъ прусскій уволенъ отъ всѣхъ своихъ

военных должностей и даже ему пригрозили за его оппозицію заключеніемъ въ крѣпость. ⁴⁾

Между тѣмъ изъ Вѣны и Берлина былъ отправленъ ко всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ циркуляръ съ извѣщеніемъ о заключенномъ договорѣ, съ запросомъ о добровольномъ приступленіи къ нему и съ объявленіемъ о внесеніи въ союзный сеймъ соответствующаго предложенія. Но тутъ суждено было Австріи опытомъ убѣдиться въ крайне досадномъ для нея явленіи. Еще съ болѣею рѣзкостью, нежели въ послѣдней борьбѣ по поводу таможеннаго союза, выяснилось на этотъ разъ, насколько германскіе интересы рознились отъ австрійскихъ и были тождественны съ прусскими. Въ спокойныя времена недоувѣріе дворовъ къ объединительнымъ и присоединительнымъ стремленіямъ Пруссіи могло еще затемнять эту истину, но при всякомъ дѣйствительномъ усложненіи природа вещей неудержимо стремилась наружу.

⁴⁾ Въ чемъ заключалась оппозиція принца прусскаго (впослѣдствіи императора Вильгельма I) и каковъ былъ его образъ мыслей ясно видно изъ ниже слѣдующаго отрывка изъ письма его герцогу Эрсту Кобургскому отъ 4-го (16) марта 1855 года.

„Самое скверное въ поведеніи Пруссіи то, писалъ онъ, что европейская точка зрѣнія въ мировомъ кризисѣ совершенно унужена ею изъ виду; поэтому она хочетъ быть то великою, то лишь нѣмецкою державою. Какъ первая, она должна постоянно имѣть въ виду конечную цѣль драмы, что значитъ: Россія не смѣетъ провести своего беззаконія 1853 года. Нашею нерѣшительностью, колебаніями и, подъ конецъ, бездѣйствіемъ мы доведемъ дѣло до того, что Россія удастся выйти побѣдосно изъ катастрофы, и тогда она всѣмъ намъ продиктуетъ миръ, тогда вся Европа должна будетъ плясать подъ ея дудку, а для этого не требуется никакихъ земельныхъ завоеваній, а лишь нравственное преобладаніе, которое она извлечетъ изъ такой побѣды, имѣя за собою милліонъ штыковъ, съ 1848 года знакомыхъ какъ увротителей для тѣхъ, кто плясать не хочетъ.

„Не допустить достиженія такой цѣли у Пруссіи не хватаетъ мужества; она ищетъ оправданія въ недостатокѣ такого мужества и находитъ средства къ тому въ желаніи Германіи сохранить миръ; поэтому она выставляетъ себя нѣмецкою державою, показывая себя, такъ сказать, вынужденною à tout prixъ добиваться мира, чтобы не порвать съ Германіею.

„Я понимаю задачу Пруссіи обратно: чтобы не допустить Россію до побѣды, чтобы не помогать ей достигнуть того преобладанія, она должна стовориться съ Западомъ и, вмѣстѣ съ Австріею, вести Германію по тому пути, который единственный правильный“.

(Aus meinem Leben und aus meiner Zeit“ von Ernst von Sachsen-Coburg-Gotha. Томъ II стран. 254—255).

Какая разница между продиктованными увлеченіемъ строками наследника прусскаго престола и наказомъ умудреннаго долгимъ и блестящимъ царствованіемъ монарха, на смертномъ одрѣ заповѣдавшего своему внуку „держаться Россіи“ и приказавшаго положить къ себѣ въ гробъ русскій Георгіевскій крестъ!

Перев.

Подобно Пруссіи среднія государства испытывали сильнѣйшее отвращеніе къ какому бы то ни было участию въ воинствующей политикѣ. Единственнымъ исключеніемъ было вѣчно безпокойное честолюбіе фонъ-Бейста. Онъ не забылъ услугъ, оказанныхъ Россіею въ 1850 году лѣмецкому партикуляризму.

— Мы должны желать торжества Россіи, говорилъ онъ, мы нуждаемся въ Россіи для отпора завоевательнымъ стремленіямъ Пруссіи.

Уже съ лѣта 1853 года онъ убѣждалъ правительства, образовавшаго для таможенной борьбы съ Пруссіею дармштадтскую коалицію, создать тѣснѣйшій союзъ среднихъ государствъ, который примкнулъ бы впоследствии къ австро-прусскому союзу съ Россіею. Но эти воинственные планы тотчасъ же встрѣтили рѣшительное сопротивленіе со стороны мюнхенскихъ и штутгартскихъ друзей. Здѣсь кромѣ покоя и мира и безусловнаго нейтралитета въ Восточномъ вопросѣ ничего не желали. Подобно берлинскому кабинету находили здѣсь, что вмѣшательство въ турецкія дѣла было бы для Германіи тяжелою жертвою и не представляло ни малѣйшей выгоды. Сообразуясь съ этимъ дармштадтскіе союзники собрались въ Бамбергѣ для новыхъ конференцій, съ цѣлью придать вѣсь ихъ противорѣчиво австрійскимъ планамъ активной политики. 25-го мая они составили торжественную ноту, въ которыхъ, въ обычныхъ формахъ, величались возвышенныя сердца обоихъ монарховъ и стремленія ихъ объединить всѣ нѣмецкія силы. Поэтому они охотно приступаютъ къ договору, но надѣются, что если имѣется въ виду дѣйствительный нейтралитетъ, ни русскія, ни турецкія и ни союзныя войска въ княжества допущены не будутъ. Кромѣ того, они высказали предположеніе, что въ предстоящей конференціи союзъ получитъ особое представительство наравнѣ съ Австріею и Пруссіею, но что за все время войны Германія будетъ по возможности уклоняться отъ участія въ ней.

Какъ легко себѣ представить, графъ Буоль былъ одинаково пораженъ и разсерженъ этими заявленіями. Въ то время какъ король Фридрихъ-Вильгельмъ, съ одной стороны, убѣдительно упрашивалъ своего царственнаго зятя милостиво отнестись къ мирному настроенію германскихъ князей, а съ другой—убѣждалъ послать въ Петербургъ требованіе въ возможно мягкомъ тонѣ и не ранѣе какъ послѣ присутствія къ договору германскаго союза, графъ Буоль рѣшилъ дѣйствовать въ противномъ смыслѣ, а именно, бамбергскимъ претензіямъ противопоставить свершившійся фактъ и послать въ Петербургъ требованіе тотчасъ-же, т. е. 3-го іюня, не обсуждая формы его съ союзомъ или съ Пруссіею. Чтобы оградиться отъ раздраженія Пруссіи на такое быстрое дѣйствіе, императоръ Францъ-Іосифъ, пребывавшій въ то время съ своею молодою супругою въ Прагѣ, пригласилъ короля крайне сердечнымъ письмомъ къ свиданію въ Тетченѣ, куда также были вызваны Буоль и

Мантейфель. Здѣсь императору удалось удержать на время въ австрійскомъ фарватерѣ своего дядю, который, хотя находилъ желанія бамбергцевъ вполне правильными, тѣмъ не менѣе называлъ ихъ поступокъ заносчивостью мелкихъ людей. Король одобрилъ форму австрійскаго требованія, сговорился о прусской депешѣ, имѣвшей поддержать это требованіе и объ общемъ отвѣтѣ бамбергцамъ; послѣдній, въ существѣ, заключался въ томъ, что ихъ приступленіе къ договору ожидали съ увѣренностью и что желанія ихъ исполнять, насколько то позволяютъ обстоятельства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ, не задолго передъ тѣмъ распорядившійся новымъ наборомъ 95,000 рекрутовъ, не утаилъ отъ своего высокаго союзника, что отказъ Россіи будетъ имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ войну и что оны тогда долженъ будетъ разсчитывать на защиту Пруссіею австрійской территоріи. Король-же, съ своей стороны, былъ исполненъ лучшихъ надеждъ, въ разсчетъ на уступчивость Россіи

II.

Разладъ.

Слишкомъ скоро обстоятельства показали, на какой шаткой почвѣ былъ построенъ договоръ 20-го апрѣля.

Сперва все сводилось къ тому, какое рѣшеніе приметъ Россія по вопросу объ очищеніи княжествъ, и сначала казалось, что такое рѣшеніе не обѣщало быть благоприятнымъ; но вскорѣ въ Петербургѣ завѣсили все печальныя послѣдствія подобнаго сопротивленія. Императоръ, какъ доносилъ прусскій повѣренный въ дѣлахъ, былъ заваленъ работой, при томъ постоянно боленъ, озабоченъ, по временамъ запальчивъ и нерѣшителенъ. Веденіе дѣлъ утратило установившееся единство и послѣдовательность; императоръ принималъ рѣзкія рѣшенія, но видѣлъ затѣмъ молчаливое неодобреніе канцлера графа Нессельроде и допускалъ, чтобы тотъ умѣрялъ ихъ и приводилъ въ исполненіе, руководясь собственными соображеніями. Такъ и теперь графъ провелъ почти удовлетворительный отвѣтъ на вѣнское требованіе.

Въ этомъ отвѣтѣ, отъ 29-го іюня, заявлялось о готовности Россія очистить княжества, если Австрія приметъ на себя гарантію въ томъ, что и противники воздержатся отъ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій противъ русской территоріи; по установленіи такого перемирія Россія согласна приступить къ мирнымъ переговорамъ, принявъ въ основаніе вѣнскій протоколъ 9-го апрѣля.

Въ дѣйствительности, сдѣланныя уступки были не маловажны. Но графъ Буоль этимъ доволенъ не былъ. Уже 14-го іюня онъ, безъ предварительнаго соглашенія съ Берлиномъ, заключилъ съ Турціею договоръ о совмѣстномъ занятіи княжествъ и придвинулъ къ румынской границѣ болѣе сильную армію. 9-го іюля онъ объявилъ русскому правительству, что предложеніе послѣдняго приостановить военныя дѣйствія онъ съ полнымъ сочувствіемъ передастъ западнымъ державамъ, но не можетъ гарантировать принятіе его; если же державы на то согласятся, то Австрія будетъ настаивать на томъ, чтобы княжества были очищены въ самый непродолжительный срокъ. Въ то же время онъ понуждалъ Пруссію мобилизовать 200.000 человекъ, а остальные нѣмецкія государства —половину союзнаго контингента; онъ даже заявилъ послѣднимъ, вскорѣ послѣ того и къ величайшему изумленію Пруссіи, о предстоящемъ внесеніи въ сеймъ обѣими великими державами предложенія о мобилизаціи. Однимъ словомъ, всякій его поступокъ свидѣтельствовалъ о нескрываемомъ желаніи воевать.

Тѣмъ тверже держалась Пруссія миролюбиваго настроенія. Противорѣчіе между ея и австрійскими воззрѣніями, казавшееся сглаженнымъ апрѣльскимъ договоромъ, выступало съ рѣзкою ясностью. Въ Берлинѣ объявили себя удовлетворенными русскимъ отвѣтомъ; требованіе Россіи при очищеніи непріятельской территоріи—не встрѣчать дальнѣйшихъ угрозъ ея областямъ, по справедливости находили основательнымъ и во всякомъ случаѣ русская нота способна была служить исходнымъ пунктомъ общихъ мирныхъ переговоровъ. Такимъ образомъ, мобилизація была немыслима; единственное, на что король рѣшился, было увеличеніе до размѣровъ военнаго положенія числа лошадей въ кавалеріи и артиллеріи. Онъ самъ написалъ депеши въ Парижъ и Лондонъ, заканчивавшіяся заявленіемъ, что теперь дѣло за морскими державами, которыя должны заявить, какія цѣли онѣ преслѣдуютъ въ войнѣ и какія условія онѣ готовы предложить для приостановки военныхъ дѣйствій и заключенія мира.

Въ тѣ же дни Австрія запросила Парижъ и Лондонъ о ихъ мнѣніи относительно русскаго предложенія. Отвѣтъ оказался такимъ, какимъ графъ Буоль его ожидалъ. Лишь только въ Парижѣ узнали содержаніе ноты 29 іюня, обѣ западныя державы пришли къ заключенію, что подобающимъ отвѣтомъ на нее долженъ быть наступательный и оборонительный союзъ съ Австріею и, слѣдовательно, вступленіе послѣдней въ войну съ Россіею.

Проектъ такого союза былъ выработанъ въ Парижѣ и всесторонне обсужденъ въ Вѣнѣ. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное. Послѣ того, какъ императоръ Николай показалъ въ послѣдней нотѣ, что онъ не позволяетъ чужимъ что либо ему предписывать, онъ повелѣлъ, по собственному усмотрѣнію, отозвать «по стратегическимъ соображеніямъ» свои войска изъ княжествъ за Прутъ и отнять тѣмъ самымъ у графа Буоля

поводъ къ войнѣ. Тутъ-то и обнаружился съ полною ясностью на союзномъ сеймѣ политическія тенденціи среднихъ и маленькихъ нѣмецкихъ государствъ. Уже послѣ тетченскаго циркуляра большинство правительствъ безъ всякаго воодушевленія отнеслось къ предложенію приступить къ апрѣльскому договору; нѣкоторыми изъ нихъ высказывалось мнѣніе, что приступить слѣдуетъ для того, чтобы существенно умѣрить сопротивление Пруссіи планамъ графа Буоля. Но при всемъ томъ подготовительныя совѣщанія комитетовъ шли черепашнымъ шагомъ. Лишь теперь, когда благодаря выступленію русскихъ изъ княжествъ опасная добавочная статья договора теряла смыслъ, было рѣшено (24 іюля) приступить къ нему всѣмъ союзомъ, но съ осторожной оговоркою, что средства къ достиженію цѣли должны подлежать послѣдующему обсужденію. Австрія, не желая дать выступить съ слишкомъ большою гласностью новой руководящей роли, выпавшей на долю Пруссіи, голосовала всюду съ большинствомъ.

Всего этого было достаточно, чтобы до нѣкоторой степени охладить порывы графа Буоля. Тутъ онъ впервые нѣсколько отступилъ отъ мысли о формальномъ союзѣ съ морскими державами; тѣмъ болѣе, что переговоры о томъ, какія условія предложить Россіи для заключенія перемирія и мира, шли своимъ чередомъ. Въ этомъ вопросѣ скоро пришли къ соглашенію, принявъ въ основаніе прежніе вѣнскіе протоколы, и графъ Буоль согласился съ тѣмъ, чтобы морскія державы, устраняя миролюбивую Пруссію отъ всякаго участія въ совѣщаніи, въ то-же время обязали бы Австрію, въ почти договорной формѣ, къ принятію пунктовъ, по которымъ состоялось соглашеніе. Путемъ обмѣна торжественныхъ нотъ (8 августа) рѣшено было установить слѣдующія требованія, оговаривая право предъявить и другія, смотря по ходу военныхъ дѣйствій.

- 1) Европейская гарантія правъ Дунайскихъ княжествъ взамѣнъ прежняго протектората Россіи;
- 2) Свободное плаваніе по Дунаю до моря;
- 3) Пересмотръ договора 1841 года въ смыслѣ обезпеченія европейскаго равновѣсія;
- 4) Требованіе правъ для турецкихъ христіанъ въ формѣ, согласуемой съ суверенными правами султана.

Ни одна изъ договаривающихся сторонъ не предложила къ обсужденію такихъ русскихъ предложеній, которыя не выражали бы принятія полностью означенныхъ принциповъ.

10-го августа графъ Буоль отправилъ эту программу въ Петербургъ какъ общее требованіе трехъ державъ и одновременно сообщилъ о томъ въ Берлинъ, предлагая приступить къ этому дѣлу мира.

Легко понять то впечатлѣніе, которое произвело на берлинскій кабинетъ подобное извѣстіе. Искренній союзникъ снова, по собственному

усмотрѣнію и не спрашивая Пруссіи, сдѣлалъ шагъ, дававшій Австріи опять поводъ къ войнѣ съ Россіею и способный вовлечь Пруссію и Германію въ путаницу. Раздраженіе усилилось еще тѣмъ, что западныя державы не проронили Пруссіи ни одного слова объ этомъ дѣлѣ.

— Хотягъ, кажется, насъ наказать, говорилъ Мантейфель, за уклоненіе отъ ихъ взглядовъ.

Къ тому-же нашли, что всѣ четыре пункта, въ смыслѣ германскихъ интересовъ, представляютъ весьма ничтожныя выгоды. Свободное плаваніе по Дунаю не имѣло въ данное время особаго значенія и обѣщало выгоды лишь въ далекомъ будущемъ. Устраненіе русскаго протектората надъ Дунайскими княжествами было дѣломъ хорошимъ, но заѣтна его гарантіею всей Европы могла, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, имѣть весьма тягостныя послѣдствія. Третій и четвертый пункты были для Германіи просто безразличны, а при ихъ полной неопредѣленности, все сводилось прежде всего къ тому, какое они получаютъ ближайшее толкованіе. Несмотря на все это, король рѣшилъ 13-го августа посовѣтовать императору Николаю принятіе четырехъ пунктовъ положить въ основаніе переговоровъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій и о мирѣ; но въ Вѣнѣ выставилъ на видъ, что въ случаѣ отказа Россіи, онъ ни къ какимъ враждебнымъ намѣреніямъ противъ нея обижываться не будетъ. За время этой переписки, русскіе совершенно очистили Валахію, и 20-го августа австрія и турки вступили въ страну.

Въ Вѣнѣ, между тѣмъ, возникали заботы о послѣдствіяхъ. Графъ Буоль поручилъ своему посланнику при союзномъ сеймѣ, Прокешу, зондировать настроеніе нѣмецкихъ дворовъ, и послѣдній, непосредственно до наступленія канікулярнаго времени, предложилъ въ засѣданіи комитета вопросъ, склонны-ли нѣмецкія правительства поставить австрійскія войска въ княжествахъ, приравнивая послѣднія къ австрійской территоріи, подъ защиту апрѣльскаго договора и, затѣмъ, придутъ-ли правительства—послѣ того что Австріею сдѣлано—къ соглашенію относительно принятія и выполненія четырехъ пунктовъ. Члены комитета могли только заявить, что отвѣты своихъ правительствъ они представятъ послѣ канікулъ.

Въ началѣ сентября появилась русская нота (отъ 26-го августа), въ которой четыре пункта безусловно отклонялись, съ заявленіемъ, что Россія и впредь будетъ ограничиваться защитою своей территоріи, въ твердой рѣшимости ожидать дальнѣйшихъ событій. Пруссійскій король былъ въ то время въ Путбусѣ, на островѣ Рюгенѣ, окруженный Бисмаркомъ, Альвенслебномъ и полковникомъ Мантейфелемъ. Теперь туда-же былъ вызванъ и министръ-президентъ, и 3-го сентября отправленъ, въ отвѣтъ на поставленные Прокешомъ вопросы, циркуляръ ко всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ слѣдующаго содержанія: въ виду заявленія русскаго правитель-

ства держаться лишь оборонительнаго положенія, для австрійскихъ войскъ въ княжествѣ опасности не представляется и для защиты ихъ болѣе широкое толкованіе апрѣльскаго договора представляется излишнимъ. Четыре пункта подлежатъ многостороннему обсужденію, а теперь, послѣ русскаго отказа, король никакъ не можетъ совѣтовать своимъ союзникамъ усвоить эти пункты такимъ образомъ, чтобы изъ этого возникли обязательства и тягости; надо надѣяться, что и Австрія воздержится отъ нападенія и тѣмъ не допустить новыхъ усложненій.

При извѣстныхъ намъ воззрѣніяхъ средне-германскихъ государствъ, такой отзывъ разрушалъ всякую надежду Австріи на какое-либо воинственное постановленіе союзнаго сейма, если только Фридрихъ-Вильгельмъ не переимѣнитъ мнѣнія въ послѣднюю минуту. Графъ Буоль рѣшилъ поэтому пока держаться спокойно, тѣмъ болѣе что собранныя до сей поры въ Варнѣ 50 тысячъ англо-французскаго десантнаго войска, вмѣстѣ съ частью турецкой арміи, были отправлены въ Крымъ и, такимъ образомъ, Австрія, въ случаѣ нападенія на Россію на Дунай или Карпатахъ, и съ той стороны не могла получить поддержки.

Такой ходъ дѣлъ въ высшей мѣрѣ раздражилъ западныя державы. Судя, по тому, что имъ ранѣе заявлялъ Буоль, онѣ рассчитывали, что, въ случаѣ отклоненія Россіею четырехъ пунктовъ, Австрія отозвала бы изъ Петербурга своего представителя, т. е. пошла бы на дипломатическій разрывъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали бы и военныя дѣйствія. Но ничега подобнаго не произошло, и Россія могла съ спокойнымъ духомъ бросить значительныя массы вооруженныхъ силъ на держкахъ нападающихъ въ Севастополь. Австрія свалила вину на Пруссію, но достигла въ Парижѣ и Лондонѣ лишь половиннаго успѣха. Оба эти двора были дѣйствительно злобно настроены противъ берлинскаго кабинета, но находили, что Пруссія имѣла болѣе основаній, нежели Австрія, удерживать дружбу Россіи, и постоянно обнаруживала одно и то же настроеніе, тогда какъ Австрія все время бряцала саблею,— но въ рѣшительный моментъ, изъ ноженъ ея не вынимала. Такимъ образомъ, они изливали раздраженіе одинаково на обѣ нѣмецкія державы. Наполеонъ, котораго посѣтилъ тогда принцъ Альбертъ, ¹⁾ въ довѣрительной бесѣдѣ, сказалъ своему гостю, что онъ естественно долженъ приноровлять свою политику къ ходу событій, но что его сердечнымъ желаніемъ было и остается освобожденіе Польши отъ русскаго, а Италіи отъ австрійскаго ига; такое желаніе ставило въ своеобразный свѣтъ его тогдашнее стремленіе вовлечь Австрію въ войну съ Россіею. Посланники его при нѣмецкихъ дворахъ, принимая озабоченныя лица, высказывались въ томъ смыслѣ, что если, благодаря поведенію Германіи, Россія не будетъ при-

¹⁾ Принцъ—супругъ королевы Викторіи.

нуждена, до истечения года, заключить миръ, то весной придется призвать на помощь революціонныя силы. Въ соотвѣтствіи съ такими рѣчами, появились въ разныхъ мѣстахъ слухъ, что Франція, тайно согласившись съ Австріею, собираетъ войска на восточной границѣ, съ цѣлью провести ихъ черезъ южную Германію въ Польшу, для нападенія на Россію съ самой слабой стороны. Англійскія газеты высказывались, что если сонныя нѣмцы вскорѣ не выполнятъ добровольно своего долга по отношенію къ Европѣ, то ихъ потащутъ съ бранью и посраженіемъ на поле битвы; англійская дипломатія намекала на то-же, такъ что министръ Мантейфель началъ вѣрить въ возможность блокады прусскихъ береговъ соединенными флотами. Бисмаркъ смѣялся надъ этимъ. «Блокадѣ, писалъ онъ, которая англійской торговлѣ нанесетъ бѣдшій вредъ, чѣмъ намъ, я не вѣрю до тѣхъ поръ, пока ее не увижу, а что касается прохода французской арміи, то простымъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ него была-бы мобилизація двухъ прусскихъ и двухъ южно-германскихъ корпусовъ; если мы покажемъ, что мы рѣшительно не боимся, къ намъ отнесутся съ почтеніемъ».

Между тѣмъ король получилъ отъ принца-супруга Альберта весьма важныя, на половину угрожающія письма, содержаніе которыхъ побудило его попытаться отворотить грозу не мобилизаціею, но дружелюбіемъ. Онъ отправилъ поэтому въ Парижъ одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, стараго генерала фонъ-Веделя, не давъ ему опредѣленнаго порученія, но снабдивъ краснорѣчивымъ, переполненнымъ выраженіями симпатіи и почитанія письмомъ къ Наполеону. Письмо это удачнаго дѣйствія не имѣло. Наполеонъ, изъявивъ благодарность за расположеніе, поручилъ все-таки Друэнъ-де-Люису спросить прусскаго посланника, графа Гацфельдта, идетъ-ли дѣло о личныхъ отношеніяхъ монарха къ монарху или о соглашеніяхъ двухъ правительствъ для совмѣстнаго дѣйствія. Графъ Гацфельдтъ нашелъ возможнымъ лишь отвѣтить, что едва-ли можно держаться того взгляда, что если одно правительство ведетъ войну, то и другое должно тотчасъ-же ударить на общаго противника. Оставшаяся безъ всякихъ послѣдствій побѣдка Веделя въ Парижѣ произвела въ Германіи то впечатлѣніе, что Пруссія начинаетъ колебаться, и что Австрія и въ этотъ разъ оказывается самою сильною изъ государствъ союза.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, 28-го сентября, въ Вѣнѣ была получена телеграмма изъ Бухареста съ извѣстіемъ, что туда прибылъ татаринъ, принесшій вѣсть о страшномъ пораженіи русскихъ войскъ и взятіи Севастополя союзниками. Графъ Буоль заликовалъ, дважды протелеграфировалъ Наполеону пламенные поздравленія и рѣшилъ, пользуясь одуряющимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на всю Европу вѣстью объ этой побѣдѣ, швырнуть за бортъ сопротивленіе

Пруссія и средних государств его проектамъ ¹⁾. 30-го сентября онъ сообщилъ въ Берлинъ, что теперь Австрія приходится дѣйствовать въ сеймѣ уже безъ поддержки Пруссіи, а остальнымъ нѣмецкимъ дворамъ объявилъ 1-го октября, что Австрія весьма опредѣлительно потребуетъ отъ сейма охраны австрійскихъ войскъ, расположенныхъ въ княжествахъ, и рѣшительнаго приступленія къ требованіямъ, изложеннымъ въ четырехъ пунктахъ. Расчеты Буоля оказались не неосновательными: большинство среднихъ и малыхъ государствъ союза напугались и увѣрили имперскаго посланника въ ихъ полномъ единомысліи. Съ своей стороны, Пруссія отправила всѣмъ циркулярное посланіе, въ которомъ предостерегала ихъ отъ дачи обѣщанія, благодаря которому сначала Австрія, а потомъ и вся Германія могли быть втянутыми въ злосчастную войну русскихъ съ турками на берегахъ Прута. Между тѣмъ опасность войны со-дня-на-день уменьшалась, такъ какъ татарская почта оказалась весьма скоро наглою уткою, и наоборотъ всѣ узнали, что Севастополь оказываетъ геройское сопротивленіе; обѣ стороны стягивали всѣ свои силы около этого пункта и о битвахъ на берегахъ Прута не было и рѣчи. Въ виду этого Россія подтвердила въ Берлинѣ свое заявленіе ограничиваться оборонительными дѣйствіями и даже дала понять, что, при извѣстныхъ условіяхъ, не прочь принять четыре пункта. И изъ Вѣны пришли объясненія менѣе рѣзкаго свойства; требованіе о принятіи четырехъ пунктовъ обѣщали поддержать, въ случаѣ нужды, оружіемъ, но въ остальномъ были далеки отъ желанія произвести нападеніе и ни въ какое соглашеніе съ державами о томъ, что слѣдуетъ считать поводомъ къ войнѣ, обѣщали не входить безъ предварительнаго сообщенія о томъ Пруссіи и Германіи (9-го ноября).

Мантейфель неоднократно освѣдомлялся вслѣдъ за тѣмъ у графа Буоля о его отношеніяхъ къ западнымъ державамъ и получалъ одинъ

¹⁾ Достоинно замѣчанія то обстоятельство, что когда Севастополь былъ дѣйствительно оставленъ русскими, австрійскій кабинетъ уже не счелъ нужнымъ поздравить съ этимъ событіемъ Наполеона, что послѣдній нашелъ «un peu fort». Впослѣдствіи Австрія, желая оправдать такое упущеніе, заявила, что она хотѣла сперва выждать полученія свѣдѣній о размѣрѣ потерь. «Такое оправданіе, сказалъ Наполеонъ въ бесѣдѣ съ герцогомъ Эрнстомъ Кобургскимъ, почти хуже самого упущенія».

Въ ряду крупныхъ событій, вызвавшихъ крутой поворотъ въ отношеніяхъ императора французомъ къ вѣнскому двору, этотъ маленькій эпизодъ не лишень значенія для характеристики мелочной политики, усвоенной графомъ Буолемъ послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ во время Крымской войны неудачъ.

„Aus meinem Leben und aus meiner Zeit“, von Ernst II. Herzog von S. Coburg Gotha. Томъ II. стр. 282.

Прим. перев.

и тотъ-же отвѣтъ, что заняты ближайшимъ разсмотрѣніемъ четырехъ пунктовъ.

При такихъ обстоятельствахъ, когда все, казалось, склонялось къ миру, берлинскій дворъ уже не счелъ опаснымъ сдѣлать шагъ на встрѣчу австрійскимъ желаніямъ; 26-го ноября выработали совмѣстную дополнительную статью къ апрѣльскому договору, и тотчасъ-же внесли въ сеймъ предложеніе приступить къ ней. Въ силу этой статьи Пруссія распространяла обѣщанную охрану австрійской территоріи и на австрійскія войска, находившіяся въ княжествахъ, а обѣ державы обязывались совмѣстно побуждать Россію къ принятію четырехъ пунктовъ. Дополнительныя же указанія относительно военныхъ дѣйствій въ случаѣ отказа Россіи, или вооруженной помощи Австріи, если бы она произвела нападеніе—были какъ и прежде тщательно избѣгнуты. Впрочемъ, тотчасъ же оказалось, что они были-бы излишними, такъ какъ 28-го ноября русскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Горчаковъ, объявилъ графу Буолю, что императоръ Николай принимаетъ четыре пункта въ ихъ буквальномъ смыслѣ. Можно было предполагать, что тѣмъ самымъ открывается путь къ успѣшнымъ переговорамъ о мирѣ.

Но Пруссія снова предстояло испытать неожиданность и даже большую, чѣмъ когда либо прежде, со стороны ея «искренняго союзника» съ 20-го апрѣля.

Графъ Буоль былъ далеко не чистосердеченъ, когда говорилъ, что ведетъ переговоры съ западными державами лишь по разработкѣ четырехъ пунктовъ. Въ теченіе послѣднихъ недѣль онъ занимался дѣлами гораздо большей важности. Ему, какъ кажется, надоѣло то, что рѣшеніе вопроса затягивалось; при истощеніи финансовъ, армія должна была вернуться на мирное положеніе или же броситься на поле сраженія; но для послѣдняго нужна была поддержка, которой Германія оказывать не желала. Тогда Буоль обратился къ западнымъ державамъ, съ предложеніемъ заключить болѣе тѣсный союзъ ¹⁾. Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ предложеніе это было встрѣчено охотно, тѣмъ болѣе, что упорное сопротивленіе Севастополя давало жизненное значеніе вопросу о невозможности для Россіи, въ случаѣ, если Австрія приметъ угрожающее положеніе, направить въ Крымъ всѣ свои силы. Графъ Буоль выразилъ поэтому готовность принять участіе въ войнѣ въ случаѣ, если Россія не исполнитъ требованій, изложенныхъ въ четырехъ пунктахъ. Сначала западныя державы вообще не желали ограничиваться четырьмя пунктами, но затѣмъ удовлетворились сдѣланною уже 8-го августа оговоркою включить новыя условія, смотря по ходу военныхъ дѣйствій. Вслѣдъ за тѣмъ графъ Буоль предложилъ слѣдующее: лишь только дѣло дойдетъ до войны между Австріею

¹⁾ Рѣчь лорда Кларендона въ верхней палатѣ, 26-го іюня 1855 года.

и Россію, вступаетъ въ силу наступательный и оборонительный союзъ трехъ державъ, обеспечивающій Австріи помощь и на сушѣ и на морѣ. Наконецъ онъ потребовалъ установленія опредѣленнаго срока, съ котораго начиналось бы дѣйствіе этого союза, и предложилъ послѣдній день года, въ случаѣ, если бы всеобщій миръ не былъ-бы до той поры обезпеченъ. Въ половинѣ ноября дипломаты пришли къ полному соглашенію по этому дѣлу. До сей поры императоръ Францъ-Иосифъ не дѣлалъ возраженій; но теперь, когда графъ Буоль представилъ ему на утвержденіе готовое дѣло, онъ измѣнилъ воззрѣнія. Его личныя чувства къ императору Николаю препятствовали сдѣлать шагъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго, по всѣмъ даннымъ, была бы война противъ столь высокочтимаго монарха. Но извѣстно, что графъ Буоль объяснилъ ему, что того настоятельно требуютъ интересы монархіи, что при существующемъ положеніи дѣлъ остается лишь выбирать между разрывомъ съ западными державами и разрывомъ съ Россією и что, если императоръ будетъ настаивать на выжидательномъ образѣ дѣйствій, то онъ, Буоль, долженъ просить объ отставкѣ. Послѣ этого императоръ съ сокрушеннымъ сердцемъ далъ свое согласіе на заключеніе союза.

До сей поры въ Берлинѣ о всемъ этомъ и не подозревали. Лишь теперь графъ Буоль вспомнилъ о данномъ имъ 9-го ноября обѣщаніи и рѣшилъ буквально его исполнить путемъ сообщенія Мантейфелю еще формально не заключеннаго и не подписаннаго въ ту минуту договора. 1-го декабря посланникъ, графъ Эстергази, явился къ прусскому министру, чтобы прочесть (но не вручить) ему депешу отъ 28-го ноября, въ которой графъ Буоль увѣдомлялъ, что западныя державы хотѣли непременно предъявить еще болѣе рѣзкія требованія, чѣмъ тѣ, которыя изложены въ четырехъ пунктахъ; Австрія этого не одобрила, но должна была убѣдиться, что ея противорѣчіе будетъ дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если она ближе сойдется съ державами. Это вызвало необходимость принять твердыя взаимныя обязательства. Переговоры эти привели къ союзному договору, который хотя еще не формулированъ окончательно и не подписанъ, но тѣмъ не менѣе выработанъ. Въ виду всего этого Австрія предоставляла Пруссіи приступить къ этому договору.

2-го декабря, прусскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, графъ Арнимъ телеграфировалъ своему правительству, что союзный договоръ заключенъ.

Событіе это повсюду произвело сильное возбужденіе. Прежде всего Россія убѣдилась въ истинѣ сказанныхъ нѣкогда словъ князя Шварценберга, что Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью. Князь Горчаковъ былъ какъ громомъ пораженъ, когда Буоль ему сообщилъ содержаніе договора, хотѣлъ тутъ же потребовать свои кредитивныя грамоты, жаловался, что его обманули, что три дня тому назадъ дружески от-

неслись къ принятію Россією четырехъ пунктовъ и что теперь заключили противъ нея военный союзъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что до полученія указаній изъ Петербурга никакого отвѣта дать не можетъ, и ушелъ отъ министра преисполненнымъ ненависти не противъ западныхъ державъ, съ которыми Россія уже воевала, но противъ вѣроломной Австріи. Однако во вѣ себя, благодаря приближавшейся опасности войны, были посланники среднихъ и малыхъ германскихъ государствъ, а затѣмъ и сами дворы, такъ что одно время представилась возможность непринятія союзнымъ сеймомъ добавочной статьи 26-го ноября. Между тѣмъ въ Берлинѣ все-таки одержало верхъ мнѣніе, что въ данную минуту было желательно столь явное обнаруженіе соперничества, и 9-го декабря состоялось приступленіе къ договору союзнаго сейма, но въ формѣ, совершенно исключавшей обязательство напасть на Россію; военной-же комиссіи было поручено внести въ сеймъ проектъ мѣръ, необходимыхъ для безопасности Германіи. Въ Берлинѣ, какъ легко себѣ представить, былъ лишь одинъ отзывъ о скрытности австрійской политики и о неблагонадежности такого союзника. Король, внутренне крайне раздраженный, объявилъ, подъ личиною спокойствія, что онъ остается при рѣшеніи, принятомъ имъ 20-го апрѣля. Но его вѣчно колеблющійся духъ, его возбужденная фантазія, метали его во всѣ стороны. Конечно, съ Австрією уже онъ никакого дѣла имѣть не будетъ; но заключенный послѣдній союзъ удваивалъ для него тягость враждебнаго настроенія западныхъ державъ. Говорили о томъ, что на конференціи объ окончательномъ мирѣ Пруссія будетъ допущена лишь въ томъ случаѣ, если она приступитъ къ тройственному союзу. Королю казалось такое исключеніе столь-же обиднымъ, какъ и приступленіе къ союзу, послѣ неблаговиднаго поведенія Австріи. Онъ думалъ, какъ бы ему избѣгнуть и того и другаго, и пришелъ къ мысли отклонить вѣискій договоръ и предложить западнымъ державамъ особый союзъ съ Пруссією, такого-же содержанія, какъ актъ 2-го декабря; далѣе, онъ готовъ былъ обѣщать, если миръ не состоится, выставить войска на восточной границѣ, фронтомъ противъ Россіи. Все это, однако, при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: во 1-хъ, чтобы Царство Польское не было революціоннымъ путемъ восстановлено, и во 2-хъ, обезпеченіе противъ всякаго прохода чужихъ войскъ черезъ прусскую и вообще германскую территорію.

Подыскавъ себѣ дипломата либеральной окраски, графа Узедома, король отправилъ его въ Лондонъ, съ собственноручнымъ письмомъ (отъ 14-го декабря) къ королеві Викторіи. «Онъ везетъ, писалъ король, важныя предложенія, которыя я, съ полнымъ довѣріемъ, вручаю вамъ. Какъ мірвая и какъ первая протестантская держава, Великобританія не должна предоставлять Пруссію той судьбѣ, которую для нея готовятъ. Посылка Узедома—исключительно довѣрительный шагъ передъ

вашимъ величествомъ. Вы, милостивѣйшая королева, опредѣлите, долженъ-ли будетъ Узедомъ вступить въ переговоры съ вашими министрами. Миѣ и моему правительству совершенно чужда *aggrè-re-paire* домогаться отдѣленія Англіи отъ Франціи».

Это посольство имѣло такое-же дѣйствіе, какъ и поѣздка графа Пурталеса. Королева не допустила никакихъ официальныхъ переговоровъ по этому предмету и когда, впоследствии, кое-что объ этомъ было узнано въ Парижѣ, Друэнъ-де-Люисъ рѣзко выразился, что все это сводится къ воспрепятствованію французскому вторженію въ Польшу, т. е. на прикрытіе самой уязвимой части Россіи.

Какъ кажется, говорилъ Друэнъ, Узедомъ имѣетъ въ своемъ чюмоданѣ нѣсколько проектовъ союзовъ, и по недосмотру предложилъ въ Лондонѣ тотъ, который предназначался для Петербурга.

Такимъ образомъ, случилось именно такъ, какъ писалъ Бисмаркъ, 13-го декабря, барону Мантейфелю: «полагаю, что отдѣльные переговоры съ Англіею скорѣе ухудшатъ, нежели улучшатъ наши отношенія къ западнымъ державамъ; Англія дастъ намъ набѣгаться, и мы безъ нужды обнаруживаемъ признаки, что чувствуемъ себя не въ своей тарелкѣ».

Гораздо проще и практичнѣе былъ образъ дѣйствій прусскаго правительства, когда, 16-го декабря, посланники трехъ державъ передали ему формальное извѣщеніе о заключеніи союза, съ предложеніемъ приступить къ нему. Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 19-го декабря, министръ Мантейфель разъяснялъ, что Пруссія принесла уже много пользы въ Восточномъ вопросѣ. Когда западныя державы прибѣгли къ оружію, Пруссія, при помощи дипломатическихъ сношеній, не мало содѣйствовала достигнутому до сей поры успѣху. Средства были различны, но цѣль преслѣдовалась та-же. Теперь отъ Пруссіи требуютъ, чтобы она вступила въ войну съ Россіею, на случай если послѣдняя, до истеченія года, не приметъ мирныхъ условій, предлагаемыхъ западными державами. Естественно, что Пруссія, прежде всего, должна знать, въ чемъ заключаются эти условія, такъ какъ невозможно обязаться вести войну ради неизвѣстныхъ требованій. Теперь все сводится къ ближайшему разъясненію четырехъ пунктовъ, и поэтому Пруссія проситъ державы сообщить ей принятыя ими, по этому вопросу, рѣшенія.

Такая просьба повлекла бы за собою участіе Пруссіи въ дальнѣйшихъ переговорахъ, а Франція и Англія рѣшительно противъ этого возстали. Графъ Буоль потому и отвѣтилъ, 24-го декабря, что о толкованіи державами четырехъ пунктовъ онъ сказать ничего не можетъ, такъ какъ послѣднія къ соглашенію еще не пришли и что, вообще, такое соглашеніе, пока свирѣпствуетъ война—невозможно. Послѣ столь смѣлаго заявленія, что условія мира во время войны формулированы быть не могутъ, Берлину лишь оставалось или вѣрить въ удивительную

вѣнскую логику, или прямо сознаться, что надъ нимъ открыто смѣются. Тѣмъ болѣе рѣзкое впечатлѣніе произвела вторая, одновременная, депеша гр. Буоля, въ которой выражалось сожалѣніе о томъ, что Пруссія держитъ себя въ сторонѣ отъ тройственного союза, а затѣмъ, безъ всякаго смущенія предлагалось выставить, согласно военной конвенціи, 20-го апрѣля, 200,000 человѣкъ прусскихъ войскъ, такъ какъ опасность нападенія русскихъ на австрійскую территорію послѣ 1-го января уже дѣлается очевидною. Одновременно же было сообщено, что Прокешу поручили внести (въ сеймъ), соответствующія предложенія о мобилизаціи половины или всего союзнаго контингента, для пополненія или прусской, или австрійской арміи. Очевидно гр. Буоль рассчитывалъ, что, послѣ того какъ Австрія такъ тѣсно сблизилась съ западными державами, ни у одного германскаго правительства не хватитъ духу оказать сопротивленіе вѣнскимъ требованіямъ.

Впрочемъ, тотчасъ-же послѣ отправленія обѣихъ депешъ выяснилось, что, хотя къ концу года не предвидѣлось заключенія мира и оборонительный и наступательный союзъ долженъ былъ вступить въ силу, Австрія, тѣмъ не менѣе, не начала бы тотчасъ войны противъ Россіи. Какъ ни былъ императоръ Николай внутренне озлобленъ на враждебное положеніе, принятое Австріею, интересъ Россіи не доводитъ дѣло до открытаго разрыва былъ слишкомъ очевиденъ, и князь Горчаковъ получилъ приказаніе вступить въ переговоры о мирѣ, на основаніи четырехъ пунктовъ. 28-го декабря состоялась первая конференція между нимъ и представителями трехъ державъ. Здѣсь союзники предъявили требованія, на которыя кн. Горчаковъ долженъ былъ снова заявить, что они не предусмотрѣны въ данныхъ ему полномочіяхъ, и просить 14-ти дневнаго срока, для полученія новыхъ инструкцій. Какъ ни вздыхалъ гр. Буоль о потерѣ времени и денегъ, но предложеніе Горчакова не могло быть отклонено, особенно потому, что суровая зима препятствовала въ данный моментъ всякимъ военнымъ дѣйствіямъ. Кромѣ того, дружбу гр. Буоля съ западными державами сильно замутило то обстоятельство, что Наполеонъ велъ, въ теченіе декабря, переговоры съ Сардиніею о союзѣ и посылкѣ ею войска въ Крымъ. Англія, при ограниченности ся боевыхъ силъ, горячо ухватилась за это и обѣщала королю Виктору-Эммануилу значительное денежное пособіе. При такихъ условіяхъ, 26-го декабря, былъ подписанъ союзный договоръ между Сардиніею и западными державами. Болѣе непріятнаго и опаснаго ничего не могло приключиться для вѣнскаго двора. Поборникъ итальянскаго единства, защитникъ всѣхъ итальянскихъ революціонеровъ, смертный врагъ австрійскаго владычества въ Италіи ¹⁾, приобрѣталъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о Бавурѣ.

Прим. перев.

ныи права на благодарность и поддержку западныхъ державъ и, прежде всего, того итальянскаго заговорщика, который сдѣлался неограниченнымъ монархомъ Франціи.

— Никогда, сказалъ гр. Буоль барону Буркенэ, знамена Пиемонта, даже если они развѣваются рядомъ съ французскими, не будутъ ничѣмъ инымъ, какъ вражескими полевыми значками.

Какъ ни увѣрялъ Друэнъ-де-Люисъ, что договоръ имѣеть лишь военное значеніе, недовѣрчивое настроеніе Буоля осталось во всей силѣ. Съ тѣмъ большимъ напряженіемъ онъ ожидалъ прусскаго отвѣта на свою депешу отъ 24-го декабря.

Отвѣтъ этотъ пришелъ 5-го января 1855 года и былъ именно такимъ, каковымъ долженъ былъ быть по обстоятельствамъ дѣла. Апрельскій договоръ съ его дополненіями имѣлъ въ виду лишь отраженіе русскаго нападенія. Теперь, менѣе чѣмъ когда либо, предвидѣлась возможность такого нападенія. Если-же Австрія, съ своей стороны, нападетъ на русскую территорію, то она никакъ не можетъ разсчитывать на поддержку германскихъ государствъ. Дополнительная статья, отъ 26-го ноября, имѣеть, главнымъ образомъ, въ виду совмѣстную обѣихъ державъ поддержку четырехъ пунктовъ; поэтому, доколѣ Австрія продолжаетъ держать Пруссію въ сторонѣ отъ вѣнскихъ конференцій, статья эта, вообще, Пруссію не связываетъ. За всѣмъ тѣмъ, не видится никакого основанія мобилизовать прусскую армію. Пруссія, впрочемъ, исподволь настолько подвинула боевую готовность своего войска, что, въ случаѣ нужды, могла выставить его скорѣе чѣмъ въ указанный апрѣльскимъ договоромъ 36-ти дневный срокъ.

Такимъ образомъ, для Австріи, съ одной стороны, возникли тяжкія опасенія насчетъ Сардиніи, съ другой—пришлось получить категорическій отказъ, подсказанный нѣмецкою сдержанностью. Гр. Буоль упалъ духомъ, а въ императорѣ Францѣ-Іосифѣ ожило прежнее отвращеніе къ борьбѣ противъ Николая. Одновременно съ тѣмъ, на конференціи 7-го января, князь Горчаковъ могъ заявить о согласіи его правительства на предъявленныя, 28-го декабря, союзниками требованія и такимъ образомъ, переговорамъ о специальныхъ условіяхъ мира ничто болѣе не препятствовало. Гр. Буоль все-таки счелъ нужнымъ сдѣлать еще попытку у остальныхъ германскихъ государствъ. 14-го января онъ сообщилъ имъ циркулярно, что, несмотря на уклончивость Пруссіи, императорскій посланникъ-президентъ получилъ приказаніе внести въ сеймъ предложеніе о мобилизаціи всего или половины союзнаго контингента и о выборѣ союзнаго главнокомандующаго. На случай (весьма вѣроятный), если бы такое постановленіе сейма не состоялось, другою депешою, отъ того-же числа, Буоль сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ, а именно: запросилъ довѣрительно нѣкоторые германскіе дворы, не предоставятъ-ли они,

*

каждый въ отдѣльности, свои войска въ распоряженіе и подъ высшее начальство его величества императора, при чемъ имъ гарантировались ихъ владѣнія и обѣщалось соотвѣтственное участіе въ имѣющихъ быть достигнутыми войною выгодахъ. Очень трудно было бы, конечно, опредѣлить, какія выгоды могла принести Восточная война какому нибудь Вюртембергу или Ганноверу.

Хотя австрійскія предложенія были поддержаны Друанъ-де-Люисомъ путемъ весьма грубыхъ и настойчивыхъ нотъ, тѣмъ не менѣе, единственнымъ ихъ послѣдствіемъ было новое пораженіе вѣнской политики. Баварія и Саксонія тотчасъ-же отвѣтили отказомъ; многія, болѣе мелкія государства, поручили своимъ посланникамъ голосовать лишь за предложеніе, внесенное обѣими большими державами, Пруссією и Австрією, но ни въ какомъ случаѣ за предложеніе, сдѣланное одною изъ нихъ; даже всегда преданный Дармиштадтъ не пожелалъ отдать свои войска въ распоряженіе Австріи, для послышки ихъ въ невѣдомую даль; на сторонѣ Австріи оказался одинъ Брауншвейгъ.

8-го февраля послѣдовало постановленіе союзнаго сейма такого содержанія: въ виду отсутствія всякой опасности подвергнуться нападенію со стороны Россіи, не усматривается никакого основанія къ мобилизаціи или къ выбору союзнаго главнокомандующаго; но, принимая въ соображеніе неустойчивое положеніе Европы вообще, и такъ какъ союзъ, на основаніи пункта 2-го своихъ статутовъ, несетъ попеченіе о неприкосновенности и независимости Германіи, контингенты имѣютъ быть приведены въ боевую готовность на столько, чтобы черезъ 14 дней послѣ могущаго послѣдовать воззванія они имѣли бы возможность выступить изъ своихъ постоянныхъ квартиръ.

Въ переводѣ на языкъ дѣйствительности это значило: наступательной воинствующей политики мы знать не хотимъ, но будемъ противиться всякому, кто пытается нарушить нашъ нейтралитетъ.

Великъ былъ гнѣвъ графъ Буоля на столь неблагоприятное явленіе. Въ теченіе февраля и марта, между Берлиномъ, Вѣною и средними нѣмецкими государствами шла весьма оживленная переписка со стороны Австріи въ возбужденномъ и угрожающемъ тонѣ, а со стороны Пруссіи— въ спокойно отклоняющемъ. Положеніе дѣла оттого не измѣнилось, но разногласіе между Австрією и Германією возросло.

III.

Послѣдствія.

Между тѣмъ открытіе конференціи о мирѣ затягивалось со-дня-на-день, съ недѣли на недѣлю. Прежде чѣмъ приходитъ къ заключенію съ

противникомъ относительно каждаго отдѣльнаго пункта, тремъ державамъ было очевидно необходимо установить предварительное о томъ соглашеніе. Здѣсь оказалось, что почти по поводу каждаго слова возникали затрудненія и это по той простотой причинѣ, что высокіе союзники дѣйствовали уже не такъ, какъ 2-го декабря, но каждый въ иномъ направленіи. Западныя державы хотѣли требовать то, что имъ было существенно необходимо, и, въ случаѣ отказа, продолжать войну; Австрія-же, послѣ всего недавно ею пережитаго, не желала ставить требованій такъ, чтобы допустить вѣроятность отказа, а съ нимъ и необходимость воевать. Вначалѣ Австрія, при обсужденіи нѣкоторыхъ статей, спорила въ этомъ смыслѣ съ Франціею, находя поддержку въ Англіи своимъ болѣе мягкимъ толкованіямъ; но затѣмъ Друэнъ-де-Люисъ заявилъ, что если дѣло будетъ такъ хромать далѣе, Франція заключитъ съ Россіею безсодержательный миръ, предоставивъ своимъ союзникамъ заботы объ ограниченіи русскаго вліянія на Востокъ. Къ тому времени подоспѣла въ Англію перемѣна министерства; на мѣсто мягкаго лорда Абердина поступилъ воинственный Лордъ Пальмерстонъ, такъ что вскорѣ англійскіе требованія оказались еще рѣзче французскихъ, а графъ Буоль, въ объясненіе сдержанности Австріи, не находилъ другаго предлога какъ постоянныя жалобы на пагубную дружбу Пруссіи съ Россіею. Среди этихъ безнадежныхъ пререканій пришло извѣстіе изъ Петербурга, что императоръ Николай скончался 2-го марта (18 февраля) отъ зануценнаго гриппа, перешедшаго въ воспаленія легкихъ. Его нѣкогда славная жизнь завершилась мрачно. Утомленная продолжительнымъ хвораніемъ, но могучая натура была наконецъ надломлена страшными душевными волненіями послѣдняго года. Но тѣмъ тверже и до послѣдняго вздоха онъ держался того облика, въ которомъ всю жизнь показывалъ себя свѣту. Какъ въ 1828 году, безъ всякихъ своекорыстныхъ намѣреній, онъ обнажилъ мечъ на защиту греческихъ христіанъ, а въ 1848 выступилъ противъ революціи въ сознаніи ея безбожія, такъ и за нѣсколько дней до своей кончины онъ объявилъ путемъ манифеста, что совершенно безкорыстно, лишь для освобожденія православнои церкви, открылъ борьбу. Конечно не лицемѣріе подсказывало ему, государственному и духовному самодержцу, эти слова. Если бы такія святая задачи были счастливо разрѣшены и на долю Россіи выпало бы расширеніе предѣловъ ея могущества, то тѣмъ лишь подтвердилось бы, что все устраивается къ лучшему для тѣхъ, кто служитъ Господу.

Такъ какъ императоръ Александръ II объявилъ при вступленіи на престолъ, что онъ будетъ во всякомъ случаѣ продолжать политику своего отца, то перемѣна царствованія имѣла послѣдствіемъ лишь то, что начало конференцій было снова отложено на двѣ недѣли, вслѣдствіе необходимости снабдить князя Горчакова новыми полномочіями. За это время союзники пришли къ соглашенію о дальнѣйшей разработкѣ

первыхъ двухъ пунктовъ, касавшихся княжествъ и свободы плаванія по Дунаю. Затѣмъ, по прибытіи турецкаго уполномоченнаго, совѣщанія могли наконецъ начаться 16-го марта. Вскорѣ оказалось, что при обсужденіи первыхъ двухъ пунктовъ существенныхъ затрудненій возникнуть не могло, и въ шесть засѣданій былъ выработанъ, при общемъ согласіи, рядъ откосившихся къ этимъ пунктамъ статей. Иначе представилось дѣло при третьемъ пунктѣ, т. е. при пересмотрѣ договора 1841 года. Всякій понималъ, что здѣсь было болѣе чѣмъ разногласіе и, слѣдовательно, здѣсь гнѣздился вопросъ о мирѣ или войнѣ.

Договоръ 1841 года устанавливалъ, что въ мирное время никакой иностранной военной корабль не могъ вступать въ Дарданеллы. Но съ того времени Россія соорудила себѣ на Черномъ морѣ флотъ, значительно превосходящій турецкій, и истинною цѣлью постановки третьяго пункта было устраненіе русскаго перевѣса на Понтѣ.

Князь Горчаковъ заявилъ 7-го января, что въ общемъ онъ согласенъ, но съ особенномъ удареніемъ сдѣлалъ оговорку, что соотвѣтствующія тому мѣры ни въ какомъ случаѣ не должны затрагивать суверенныхъ правъ царя. Теперь спрашивалось: можно-ли было достигнуть цѣли при подобной оговоркѣ. Представлялась возможность, по уничтоженіи договора 1841 года, учредить въ турецкихъ портахъ Чернаго моря стоянки для флотовъ западныхъ державъ, и Россія, въ то время, не возбудила бы противорѣчій. Но Англія нашла въ такой мѣрѣ много разныхъ неудобствъ и рѣшила требовать, какъ простѣйшаго и самаго дѣйствительнаго средства, нейтрализаціи Чернаго моря, т. е. удаленія изъ этой области всѣхъ военныхъ судовъ и уничтоженія военныхъ портовъ, несмотря на полную вѣроятность отклоненія Россіею такого требованія. Кто желалъ скораго мира, тотъ долженъ былъ поэтому склониться къ среднему предложенію—вмѣсто полной нейтрализаціи моря, къ ограниченію черноморскаго флота, будь то путемъ запрещенія увеличивать его численность въ данное время, или-же установленіемъ опредѣленнаго числа судовъ по рѣшенію конференціи или по особому договору между Россіею и Турціею. Въ виду важности вопроса, Англія и Порта отправили въ концѣ марта на конференцію по одному изъ выдающихся своихъ министровъ—лорда Джона Русселя и Аали-пашу, а затѣмъ и Друэнъ-де-Люисъ добылъ отъ Наполеона полномочія на такую-же поѣздку. Вмѣсто конференціи посланниковъ образовалась конференція министровъ. Ей предстояло имѣть огромное значеніе не только для Крымской войны, но и для европейской политики въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

Друэнъ-де-Люисъ былъ умный, свѣдущій, въ убѣжденіяхъ послѣдовательный и въ дѣйствіяхъ гибкій человекъ, выросшій въ католицизмѣ и воспитанный въ старой школѣ французской дипломатіи. Приверженецъ строго консервативной политики, онъ былъ чуждъ самолюбія

старонаполеоновскаго пошиба, не стремился ни къ военной славѣ, ни къ переворотамъ и самое выгодное положеніе для своей страны видѣлъ въ системѣ европейскихъ государствъ, санкціонированной установленнымъ, въ 1815 году, порядкомъ: единство и вытекающее изъ него могущество французскаго народа,—разъединенность и отсюда безсиліе сосѣдей, т. е. Германіи и Италіи. Его отвращеніе къ итальянскому единству усиливалось связанною съ послѣднимъ угрозою папскому владычеству, ибо онъ преклонялся передъ католическою церковью не только какъ передъ средствомъ достигнуть спасенія души, но какъ передъ союзницею Французской монархіи и носительницею французскаго вліянія на Востокъ. Къ Германіи и къ протестантской и унитарной Пруссіи онъ питалъ рѣшительное нерасположеніе, ибо ему казалось, что оба эти свойства не искоренимы изъ природы и исторіи этого государства, несмотря на то, что Фридрихъ-Вильгельмъ IV милостиво относился къ полной независимости католической церкви и оказывалъ полное уваженіе суверенитету нѣмецкихъ князей. По всѣмъ этимъ даннымъ, Друэнде-Люисъ заключалъ, что Австрійская имперія, какъ защитница папы и оплотъ нѣмецкаго союзнаго сейма, представляется лучшимъ союзникомъ, какаго только Франція можетъ найти въ Европѣ, и въ то-же время втайнѣ надѣялся, что подобный союзъ служилъ бы не только поддержкою безпокойной политикѣ его государя, но и нѣсколько обуздывалъ бы ее. Такимъ образомъ онъ искренно желалъ, чтобы изъ союза, заключеннаго съ Австріей на время Крымской войны, образовался союзъ постоянный. Онъ намѣревался въ Вѣнѣ все пустить въ ходъ, чтобы укрѣпить соглашеніе съ Австріей, имѣя въ виду какъ миръ, такъ и войну.

Какъ умный дипломатъ, онъ отправился сначала въ Лондонъ, съ цѣлью по возможности предотвратить препятствія его планамъ со стороны англичанъ. Рѣшительно высказавшись тамъ въ пользу совершенной нейтрализаціи Чернаго моря, онъ упомянулъ о возможности такого случая, что Австрія не присоединится къ столь далеко идущему требованію и, слѣдовательно, отклоненіе его не сочтеть за *casus belli*. Ничто, однако, не можетъ быть такъ важно, какъ пристушеніе Австріи къ вооруженной борьбѣ, которая представится въ высшей мѣрѣ вѣроятною, если Россія отклонитъ даже и болѣе умѣренное требованіе въ смыслѣ ограниченія своего флота. Въ виду всего этого онъ предложилъ: Россія и Турція будутъ имѣть въ Черномъ морѣ каждая 4 линейныхъ судна, 4 фрегата и соотвѣтствующее число легкихъ судовъ; союзныя державы будутъ содержать тамъ-же каждая половинное число этихъ судовъ; выходъ въ Средиземное море будетъ для Россіи закрытъ; Порта будетъ имѣть право, въ случаѣ опасности, призвать въ Черное море всѣ союзныя флоты.

Англійскіе лорды выразили свое согласіе на такія предложенія, и

Друэнъ-де-Люисъ поспѣшилъ въ Вѣну, куда прибылъ 6-го апрѣля. Два дня спустя онъ имѣлъ аудіенцію у императора Франца и началъ съ того, что въ немногихъ словахъ упомянулъ о твердой и откровенной рѣшимости Наполеона дѣйствовать заодно съ своими союзниками, имѣя въ виду или заключеніе прочнаго мира, или продолженіе праведнаго боя.

Да, сказалъ императоръ, дайте намъ миръ.

На это министръ началъ развивать свои планы относительно 3-го пункта: въ первой линіи нейтрализація, во второй—ограниченіе. Онъ указалъ на ту энергію, съ которой Франція выступила въ послѣдніе дни въ вопросахъ о бѣжествахъ и о плаваніи по Дунаю, т. е. въ такихъ, которые интересовали главнымъ образомъ Австрію; онъ выразилъ надежду, что Австрія съ своей стороны будетъ дѣйствовать такъ же въ вопросѣ о третьемъ пунктѣ, представляющемъ собою все для морскихъ державъ. Затѣмъ онъ распространился вообще о выгодахъ тѣснаго сближенія Франціи съ Австріею.

— Укрѣпить связь ея провинцій, говорилъ онъ, оспаривать преобладающее положеніе въ Германіи у опаснаго соперника, удерживать Россію отъ посягательствъ на Дунаѣ, подавить анархію и социализмъ, заботиться о внутреннемъ преуспѣніи монархіи—не таковы-ли цѣли австрійской политики? Для достиженія ихъ, въ комъ, какъ не во Франціи, Австрія можетъ найти лучшаго союзника? Вся задача въ обузданіи революціи безъ помощи Россіи и обузданіи Россіи безъ помощи революціи. Въ теченіе тридцати лѣтъ задача была неразрѣшима и послѣдствіемъ того было одновременное торжество и Россіи и революціи. Разрѣшеніе лежитъ нынѣ въ союзѣ Франціи съ Австріею. Въ Вѣну меня привело менѣе желаніе заключить съ Россіею миръ, чѣмъ необходимость укрѣпить и сдѣлать плодотворнымъ союзъ съ Австріею. Съ точки зрѣнія истинной политики Восточный вопросъ, въ сравненіи со всѣмъ этимъ, представляетъ, при всемъ своемъ значеніи, предметъ лишь второстепенной важности.

Императоръ отвѣтилъ нѣсколькими общими фразами, нашелъ систему нейтрализаціи недопустимою для Россіи и высказался въ пользу системы ограниченія. Французскій министръ доложилъ еще императору, что привезенный въ Парижъ графомъ Кренневилемъ планъ кампаніи вполне одобренъ императоромъ Наполеономъ и можетъ, въ случаѣ нужды, тотчасъ-же принять договорную форму. Францъ-Иосифъ, замѣшавшись слегка, отвѣтилъ, что съ этимъ слѣдовало бы погодить до окончанія конференціи, такъ какъ лишь тогда выяснится, будетъ ли призвана Австрія къ участію въ войнѣ.

Получивъ такой отвѣтъ Друэнъ-де-Люисъ вступилъ въ конференцію уже съ сильно поколебленными надеждами. Онъ, правда, видѣлъ, что Австрія не будетъ дѣлать затрудненій тому, чтобы прижимать Россію,

но ему было ясно, что прежній воинственный пылъ въ Вѣнѣ исчезъ. Выработанный ямъ въ Лондонѣ планъ—ограничить русскій флотъ 4 линейными судами и т. д.—былъ Горчаковымъ полностью отклоненъ, и западныя державы съ напряженіемъ ожидали воинственнаго заявленія со стороны Австріи. Гр. Буоль полагалъ однако, что этимъ не исчерпана еще возможность мирнаго разрѣшенія вопроса, и сдѣлалъ французскому министру предложеніе, по которому на долю русскаго флота выпадала гораздо лучшая участь: онъ долженъ былъ быть ограниченнымъ на будущее время не 4 линейными судами, но его численностью въ 1853 году.

— Таковъ, заключилъ Буоль, ультиматумъ Австріи; мы не считаемъ возможнымъ предъявлять Россіи болѣе жесткихъ условій, но на отклоненіе нашего требованія отвѣтимъ объявленіемъ войны.

Друэнъ-де-Люисъ, восхищенный мыслию о томъ, что его планъ устройства Европы близокъ къ осуществленію, поспѣшилъ согласиться, и несмотря на то, что поведеніе Горчакова принимало все болѣе и болѣе вызывающій характеръ, вырвалъ согласіе на такую комбинацію у нѣскольکو нерѣшительнаго лорда Джона Русселя. 21-го апрѣля оба министра по телеграфу испросили у своихъ государей утвержденія ихъ дѣйствій.

Для стремленій Германіи и Италіи къ національному объединенію наступилъ опасный моментъ. Тѣсный австро-французскій союзъ на долго уничтожилъ бы ихъ надежды. Къ счастью для обоихъ народовъ, Друэнъ-де-Люису, столь-же мало какъ и за четыре года до того князю Шварцбергу, суждено было дать рѣшительное и прочное направленіе ходу европейскіхъ событій.

Императоръ Наполеонъ лишь настолько соглашался съ своимъ министромъ, насколько это не противорѣчило его намѣреніямъ, какъ челоуѣка, не обладавшаго воинственною жилкою и не стремившагося къ всемірному завоеванію, подобно своему крутому дядѣ. Въ остальномъ, его желанія и идеалы находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ стремленіями его министра. Общаго съ Наполеономъ I онъ имѣлъ лишь то, что былъ чуждъ всякаго французскаго патріотизма: выросшій въ ссылкѣ, воспитанный въ аугсбургской гимназіи, получившій военное образованіе въ нѣмецкой Швейцаріи, какъ заговорщикъ занесенный въ Италію, Англію и Америку, знакомый съ Франціею лишь по стѣнамъ ея тюремъ—въ своихъ воззрѣніяхъ и чувствахъ онъ былъ космополитъ и управленіе Франціею сдѣлалось для него не цѣлью, но средствомъ къ достиженію дальнѣйшихъ цѣлей. Онъ былъ хорошимъ артиллеристомъ и основательно зналъ исторію своей семьи; но въ остальномъ, благодаря неустойчивому образу жизни, его образованіе имѣло пробѣлы и ему совершенно недоставало важнѣйшей подготовки государственнаго

человѣка—твердыхъ историческихъ познаній въ области развитія и потребностей европейскихъ народовъ. Такъ, въ теченіе многихъ лѣтъ изгнаннической жизни, не сдержанный постоянными и опредѣленными занятіями, онъ далъ полную волю своей неустанно работавшей фантазіи, думалъ, что обнаружилъ всѣ крупныя недостатки существующаго порядка вещей и былъ убѣжденъ въ исполнимои реформы, имѣвшей охватить всю Европу, разумѣется постоянно исходя изъ той точки зрѣнія, что зачинщикъ такой реформы окажется достаточно сильнымъ, чтобы толковать о ней со всѣми великими державами всѣхъ частей свѣта, какъ равный съ равными. Когда затѣмъ, при помощи блеска своего имени и столь-же искусной какъ и безсовѣстной обработки народныхъ массъ достигъ французскаго императорскаго трона, онъ не замедлил приступить къ осуществленію своихъ проектовъ, обнимавшихъ весь міръ. Первымъ условіемъ къ тому было разстройство всюду стѣснявшаго его союза трехъ восточныхъ державъ, и мы видѣли, какъ ему отлично въ руку работала неуступчивость императора Николая; благодаря этому онъ уже не сомнѣвался въ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Онъ видѣлъ естественное дѣло въ слияніи Португаліи и Испаніи въ иберійскую, а Швеція и Данія въ скандинавскую унию. Освобожденіе Польши отъ русскаго и Италіи отъ австрійско-папскаго угнетенія представлялось ему требованіемъ справедливости и человѣколюбія; и для Германіи было-бы благословеніемъ избавиться отъ разслабляющаго вліянія восточныхъ императорскихъ дворовъ. При этомъ, можно сказать съ увѣренностью, онъ и въ мысляхъ не имѣлъ національнаго единства Германіи или Италіи: напротивъ, послѣднее казалось ему неудобнымъ, а первое—просто опаснымъ. Онъ рассчитывалъ дѣятельною поддержкою маленькаго, но стремившагося подняться Пьемонта, и неоцѣненной правильно съ 1850 года Пруссіи установить свое преобладающее вліяніе взамѣнъ австрійскаго и тѣмъ положить начало благосостоянію и преуспѣянію всѣхъ народовъ. Въ его необыкновенно устроенной головѣ гнѣздились одновременно и деспотическія, и революціонныя, и гуманитарныя стремленія..... Для него, какъ члена итальянскаго тайнаго союза, дѣло Италіи лежало на сердцѣ болѣе всего остальнаго, а потому рознь съ Австрією была краеугольнымъ камнемъ его будущей политики. Какъ ни дружески онъ въ свое время обходился съ Вѣною, съ намѣреніемъ побудить Австрію къ открытой борьбѣ съ Россією и въ надеждѣ добиться возстановленія Польши, какъ ни одобрилъ онъ направленные къ этой цѣли мудрыя рѣчи своего министра въ разговорѣ съ Францомъ-Иосифомъ—онъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ стремленія Друэвъ-де-Люиса къ постоянному союзу съ Австрією. Ему и въ голову не приходило, ради такого союза, уменьшить поставленные Россіи требованія въ неподходящей мѣрѣ что было именно усмотрѣно имъ, какъ и лордомъ Шальмерстономъ

въ предложени, сдѣланномъ гр. Буолемъ 21-го апрѣля. Онъ тотчасъ-же телеграфировалъ въ Вѣну, что о принятіи его не можетъ быть и рѣчи.

Этимъ былъ положенъ конецъ конференціямъ и, одновременно, Австрія отдѣлилась отъ Франціи ¹⁾ Гр. Буоль заявилъ, что Австрія никакъ не считаетъ возможнымъ увеличивать требованія, а такъ какъ державы настаиваютъ на томъ, то она участія въ войнѣ не приметъ. Онъ попытался еще разъ склонить западныя державы къ принятію его предложенія въ измѣненной формѣ; но Друанъ-де-Люисъ рѣшился какъ можно скорѣе вернуться въ Парижъ въ надеждѣ, при помощи личнаго воздействия, измѣнить воззрѣнія своего повелителя. При прощальной аудіенціи императоръ Францъ-Иосифъ выразилъ надежду, что и въ глазахъ Наполеона вѣчный союзъ съ Австріей для совместной охраны Турціи имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ большее или меньшее число русскихъ судовъ. Но такой надеждѣ не суждено было долго просуществовать. Нѣсколько недѣль спустя узнали, что Друанъ-де-Люисъ вышелъ изъ министерства, а 2-го іюля Наполеонъ открылъ сессію законодательнаго корпуса рѣчью, въ которой безъ стѣсненія жаловался на Австрію.

¹⁾ Австрія, потерпѣвъ пораженіе въ проектѣ вовлечь и Пруссію и союзныя германскія государства въ вооруженную борьбу противъ Россіи, и видя, кромѣ того, неуспѣхъ союзныхъ войскъ въ Крыму (Севастополь былъ оставленъ лишь пять мѣсяцевъ спустя), оказалась вынужденною, изъ опасенія быть одною втянутою въ войну, умѣрять требованія, предъявляемыя Россіи морскими державами относительно ея флота въ Черномъ морѣ. Въ этомъ кроется причина послѣдовавшей въ то время довольно рѣзкой перемѣны ея политики и стараній ея отклонить слишкомъ стѣснительное для Россіи толкованіе 3-го пункта. Принятое тогда вѣскимъ кабинетомъ болѣе или менѣе определенное положеніе въ этомъ вопросѣ очерчено графомъ Буолемъ въ нижеслѣдующемъ письмѣ его къ герцогу Кобургскому отъ 12-го (24-го) апрѣля 1855 года, написанномъ съ явнымъ намѣреніемъ при посредствѣ герцога, имѣвшаго связи съ французскимъ и англійскимъ дворами, оправдаться передъ императоромъ Наполеономъ и королевою Викторіею въ охватившемъ австрійскій кабинетъ миролюбивомъ настроеніи, послѣ того, какъ онъ незадолго передъ тѣмъ всѣчески домогался тѣснѣйшаго союза съ морскими державами и не высказывалъ никакихъ колебаній относительно возможности непосредственнаго участія Австріи въ войнѣ противъ Россіи. Извѣстно, впрочемъ, что это оправданіе ни къ чему не привело и что вновь проявленная Австріею, послѣ паденія Севастополя, угодливость по отношенію къ западнымъ державамъ не спасла ее отъ войны 1859 года.

«... Мой государь, писалъ гр. Буоль, имѣетъ въ виду достиженіе высшей цѣли: при помощи союза съ Франціей и Англіею преодолѣть кризисъ, не подвергая всеобщему потрясенію существующихъ отношеній между государствами. Средство къ тому лежитъ единственно и исключительно въ полномъ и добросовѣстномъ исполненіи программы четырехъ пунктовъ. Программа эта была установлена въ интересахъ Европы; Австрія обязалась ею, но только ею, и военныя событія никакихъ новыхъ требованій не обуславливаютъ.

«Австрія не можетъ отказаться отъ самостоятельнаго мнѣнія о затрудни-

Намъ еще слѣдуетъ ожидать, сказалъ онъ, чтобы Австрія исполнила свои обязательства заключить наступательный и оборонительный союзъ, въ томъ случаѣ если переговоры останутся безъ успѣха.

Съ этого момента въ Вѣнѣ не могло быть сомнѣній о раздраженномъ настроеніи Наполеона.

И въ Германіи разрывъ столь желанной конференціи о мирѣ и погруженіе вслѣдствіе того Австріи въ полную бездѣятельность вызвали сильное возбужденіе народныхъ чувствъ. Въ сознаніи глубокаго стыда видѣли, какъ загадочный авантюристъ, къ ногамъ котораго бросилась Франція, распорядился судьбами двухъ частей свѣта.—Гдѣ же была Германія? Мощный народъ могъ-ли имѣть значеніе при своемъ несчастномъ раздробленіи, при отсутствіи одного сильнаго и національнаго органа, при подавляющей массѣ лѣнн, трусости и зависти. Въ первый разъ послѣ 1850 года раздалось требованіе реформы союзнаго устройства, сперва въ газетахъ, а вскорѣ послѣ того и въ парламентскихъ кругахъ. Въ теченіе лѣта 1855 года въ камерахъ Баваріи, Вютемберга и Готы послѣдовали предложенія и резолюціи въ этомъ смыслѣ, и въ самомъ сеймѣ

тельнымъ 3-мъ пунктѣ, она не можетъ позволить диктовать себѣ войну, но императоръ, мой всемилостивѣйшій повелитель, сказалъ себѣ, что онъ скорѣе будетъ слишкомъ строгъ къ Россіи, чѣмъ недостаточно справедливъ по отношенію къ западнымъ державамъ, и въ условіяхъ, которыя мы готовы поставить, пойдетъ достаточно далеко, чтобы имѣть возможность смѣло утверждать передъ всѣмъ свѣтомъ, что данное слово мы держимъ честно, не взирая ни на какія опасности...

«... Можно спорить о различныхъ системахъ нейтрализаціи, ограниченія и уравновѣшванія силъ державъ на Черномъ морѣ, но всѣ эти системы выражаютъ рѣшительное торжество общихъ интересовъ надъ честолюбіемъ Россіи. Такого торжества мы желаемъ не менѣе Англіи и Франціи, мы не умалняемъ значенія принесенныхъ этими державами жертвъ, но мы не желаемъ дать Россіи никакого повода сказать, что ея противники менѣе заботятся о гарантіяхъ мира, чѣмъ объ ея униженіи и о войнахъ.

«... Если въ Англіи и во Франціи изъ эгоистическихъ цѣлей дадутъ себя увлечь мыслью о продолженіи войны, въ противность нашимъ воззрѣніямъ,—я заранѣе съ увѣренностью предвижу и матеріальное, и нравственное торжество Россіи.

«Какъ много лучше было бы для будущаго, если бы Англія и императоръ Наполеонъ удовлетворились справедливыми и умѣренными условіями и для наблюденія надъ исполненіемъ послѣднихъ оставались бы съ нами въ мирномъ единеніи. Истинный противовѣсъ возрастанію могущества Россіи лежитъ все-таки въ постоянствѣ союзной системы, вызванной ея надеждями, и къ этой системѣ со временемъ должны будутъ неизбѣжно примкнуть по существу и Пруссія, несмотря на всѣ свои колебанія, и всѣ нѣмецкіе дворы, несмотря на всю ихъ склонность къ русскому покровительству» (Изъ книги герцога Эрнста Кобургскаго «Aus meinem Leben und aus meiner Zeit», томъ II-й, стр. 257 и послѣд.).

П р и м ѣ ч. н е р е в.

было произнесено многозначущее слово «народное представительство». Графъ Буоль, какъ мы знаемъ, горько разочарованный въ то время насчетъ союза сейма, былъ настолько легкомысленъ, что пустился въ толки по этому предмету. Въ отвѣтъ на осужденія восточной политики Австріи, бесплодно израсходовавшей 160 милліоновъ гульденовъ, онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ помѣстилъ въ субсидированныхъ и иныхъ послушныхъ газетахъ озлобленныя возраженія. Конечно, по его словамъ, союзное устройство не удовлетворительно и является причиною послѣдней неудачи; не должно болѣе случаться, чтобы въ случаѣ войны одинъ членъ союза предоставлялъ другого самому себѣ; долженъ существовать союзный судъ и сильная власть, но лишь императору подлежить наблюденіе за исполненіемъ его постановленій; во всякомъ случаѣ надлежитъ требовать, чтобы выросшія на исторической почвѣ права Австріи были подобающе уважены. Тотчасъ-же оказалось, что такіе разсужденія не были способны поднять Австрію во мнѣніи остальной Германіи. Такъ какъ они помѣщены были въ баварскихъ газетахъ, министръ Пфортгелъ безъ всякаго стѣсненія запросилъ Вѣну о томъ, отвѣчаютъ-ли эти газетные толки видамъ императорскаго правительства. Тогда Буоль отступилъ назадъ: конечно, говорилъ онъ, союзное устройство подлежить улучшеніямъ, но во всякомъ случаѣ будущность германской федеративной системы поставлена въ зависимость отъ поведенія союза въ Восточномъ вопросѣ. Этимъ заявленіемъ онъ испортилъ все дѣло у своихъ союзниковъ, и Мантейфель почти отовсюду получилъ одобреніе, когда, нѣсколько недѣль спустя, объяснилъ, что отъ союза независимыхъ государствъ, каковы нѣмецкія, нельзя требовать болѣе, чѣмъ они могутъ дать, и что ни въ какомъ случаѣ оцѣнка такого государственнаго устройства не можетъ быть поставлена въ связь съ Восточнымъ вопросомъ.

Въ то время какъ эта чернильная борьба не подвигала ни на шагъ германскаго дѣла, колоссальное пролитіе крови на Востокѣ привело наконецъ европейскій кризисъ къ разрѣшенію. Когда, послѣ одиннадцати мѣсячнаго гигантскаго боя, Севастополя былъ оставленъ русскими, и военная честь западныхъ державъ получила наконецъ удовлетвореніе, а вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ, при закрытіи Парижской всемірной выставки, далъ торжественное завѣреніе въ мирномъ настроеніи Франціи, вѣнскій кабинетъ снова попытался выступить посредникомъ и зондировалъ сначала западныя державы о тѣхъ условіяхъ, которыя они собираются предъявить. Въ результатѣ была австрійская депеша въ Петербургъ отъ 4-го (16) декабря, съ болѣе подробнымъ разъясненіемъ четырехъ пунктовъ и при болѣе рѣзкомъ требованіи полной нейтрализаціи Чернаго моря и небольшой торриторіальной уступки въ Бессарабіи, такъ что русское владычество на устьяхъ Дуная устранилось совершенно. Одновременно и императоръ Александръ, послѣ того какъ честь рус-

скаго знамени была возобновлена значительными побѣдами въ Малой Азіи, рѣшился проявить большую уступчивость, чѣмъ то было въ апрѣлѣ, и, съ своей стороны, послалъ въ Вѣну предложенія, содержащія лишь несущественныя измѣненія австрійскихъ требованій. Но гр. Буоль, теперь снова домогавшійся расположенія западныхъ державъ, заявилъ, что предложенныя имъ условія измѣнены быть не могутъ, и угрожалъ немедленнымъ прерваніемъ дипломатическихъ сношеній. На это, русское правительство взяло свои возраженія назадъ и согласилось подписать прелиминарныя условія мира сообразно вѣнской редакціи. Но во всѣхъ русскихъ сердцахъ осталось озлобленіе на гр. Буоля за его вмѣшательство: съ раздраженнымъ нетерпѣніемъ ожидали дня расчета съ нѣкогда спасеннымъ союзникомъ.

Затѣмъ рѣшено было условія окончательнаго мира выработать на большомъ конгрессѣ державъ. При выборѣ мѣста его обнаружилось то преимущество, которое дѣятельное участіе Франціи доставило наполеоновскому правительству; ни Вѣна, ни Лондонъ своего добиться не могли, и по единогласному рѣшенію конгрессъ былъ созванъ въ Парижѣ. Къ величайшему раздраженію Австріи появилась здѣсь, въ качествѣ воевавшей державы, и Сардинія; Пруссія, напротивъ, какъ непричастная къ войнѣ, приглашенія сперва не получила. Когда Австрія и Россія во второмъ засѣданіи, 28-го февраля, внесли о томъ предложеніе, лордъ Кларендонъ настоялъ на томъ, чтобы приглашеніе было послано лишь послѣ того какъ конгрессъ придетъ къ соглашенію по главнѣйшимъ пунктамъ. Это непріятно подѣйствовало въ Берлинѣ, гдѣ на это посмотрѣли какъ на унизительное изолированіе, и либеральная оппозиція рѣзко упрекнула въ томъ министерство, видя въ такомъ отношеніи державъ лишь естественное послѣдствіе пагубной политики прусскихъ правителей. Въ дѣйствительности-же задержка въ приглашеніи была не чѣмъ инымъ, какъ скрытымъ выраженіемъ досады англичанъ на нейтралитетъ Пруссіи, которая, твердо придержавшись его несмотря на шумъ и угрозы, показала себя все-таки какъ самостоятельная великая держава. Если бы дѣло осталось при томъ, что она была-бы исключена изъ конгресса, то невыгодныя послѣдствія того сказались бы не для Пруссіи, а для державъ, въ простомъ фактѣ необязательности постановленій конгресса для прусскаго правительства. Четырнадцать дней спустя конгрессъ послалъ-таки свое приглашеніе, и 18-го марта послѣдовало вступленіе прусскихъ уполномоченныхъ, министра Мантейфеля и графа Гацфельда.

Намъ не за чѣмъ слѣдить за детальнымъ ходомъ работъ конгресса. Достаточно взглянуть лишь, какъ установились мало-по-малу взаимныя отношенія державъ именно въ послѣднихъ засѣданіяхъ, послѣ того какъ 30-го марта былъ заключенъ миръ, когда возникли разсужденія, не при-

ведшія ни къ какимъ обязательствамъ, по поводу иныхъ европейскихъ заботъ.

Съ первыхъ-же дней Франція, при всякомъ детальномъ вопросѣ, обнаруживала крайнюю предупредительность по отношенію къ Россіи и подала голосъ вмѣстѣ съ нею за будущее соединеніе Молдавіи и Валахіи, несмотря на рѣзкій протестъ со стороны Австріи и Турціи. Графъ Валевскій, замѣститель Друэнъ-де-Люиса, жаловался на плохое управление въ Неаполѣ и Римѣ, создающее многочисленныхъ приверженцевъ революціи и дѣлающее необходимымъ столь нежелательное присутствіе чужихъ войскъ въ Папской области; выдающійся государственный дѣятель Сардиніи, Кавуръ возбудилъ жалобы на занятіе Австріею Тосканы, Пармы и другихъ мѣстностей. Гр. Буоль протестовалъ противъ продолженія подобныхъ рѣчей, къ дѣлу конгресса не относившихся, но никѣмъ поддержанъ не былъ. Въ этихъ вопросахъ Англія склонялась на сторону Франціи, а въ румынскомъ—на сторону Австріи. Мантейфель былъ чрезвычайно сдержанъ, но и въ сказанныхъ имъ осторожныхъ рѣчахъ нельзя было не замѣтить отложенія отъ Австріи. Болѣе всего конференція выяснила изолированность вѣнскаго двора и дѣйствительную симпатію Франціи къ Сардиніи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что алчная колеблющаяся и подъ конецъ бездѣятельная политика гр. Буоли, при значительныхъ расходахъ, нигдѣ плодовъ не принесла. Въ Берлинѣ радовались тому, что прочный миръ дешево достался, съ Петербургомъ были въ искренней дружбѣ, а изъ Парижа, со времени паденія Друэна-де-Люиса, получали лишь любезности. Въ союзномъ сеймѣ Пруссія одно время значительно укрѣпила свое вліяніе въ ущербъ австрійскому, но должна была скоро увидѣть какъ не прочна была дружба среднихъ государствъ. Ходъ Восточнаго кризиса значительно поднялъ собственное сознаніе въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ. «Мы конечно не можемъ властвовать надъ Европой, говорилъ-тогда неоднократно баронъ Пфордтенъ, но достаточно сильны, чтобы служить гирей на вѣсахъ Германіи.—Какъ въ 1850 году мы помѣшали Пруссіи вытѣснить Австрію изъ Германіи, такъ и теперь мы не дали вѣнскому двору возможности собрать вокругъ себя Германію съ исключеніемъ Пруссіи.—Мы нуждаемся въ присутствіи двухъ великихъ державъ въ Германскомъ союзѣ, и тогда сеймъ будетъ единственнымъ надежнымъ представителемъ всего германства».

Собственноручное письмо А. С. Пушкина къ графу К. Ѳ. Толю.

(Изъ семейнаго архива графовъ Толей¹⁾).

Милостивый государь,
Графъ Карлъ Ѳедоровичъ,

Письмо, коего Ваше Сеятельство изволили меня удостоить останется для меня драгоценнымъ памятникомъ Вашего благоразположенія, а вниманіе коимъ почтили первый мой историческій опытъ, вполне вознаграждаетъ меня за равнодушіе публики и критиковъ.

Не менѣе того порадовало меня мнѣніе Вашего Сеятельства о Михельсонѣ, слишкомъ у насъ забытомъ. Его заслуги были затемнены клеветою; не лзя безъ негодованія видѣть, что долженъ онъ былъ претерпѣть отъ зависти или неспособности своихъ сверстниковъ и начальниковъ. Жалѣю что не удалось мнѣ помѣстить въ моей книгѣ нѣсколько строкъ пера Вашего для полнаго оправданія заслуженаго война. Какъ ни сильно предубѣжденіе невѣжества, какъ ни жадно приемлется клевета, но одно слово сказанное такимъ человекомъ каковъ Вы навсегда ихъ уничтожаетъ. Геній съ одного взгляда открываетъ истину, а истина сильнѣе царя²⁾), говоритъ священное писаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть

Милостивый Государь,
Вашего Сеятельства
покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Пушкинъ.

26-го Января
1837.

Сообщилъ графъ Е. Н. Толь.

¹⁾ Печатается съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Московскій объѣдъ 28-го декабря 1857 года

и его

ПОСЛѢДСТВІЯ.

I.

Поводы къ объѣду: высочайшіе рескрипты 20 ноября и 5 декабря 1857 г.— Произнесенныя рѣчи. — Впечатлѣніе, произведенное въ обществѣ рѣчами М. П. Погодина и В. А. Кокорева.—Объясненіе цензора фонъ-Крузе.

20-го ноября 1857 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя виленскаго военнаго, гродненскаго и ковенскаго генераль-губернатора разрѣшавшій дворянамъ этихъ губерній образовать комитетъ и приступить къ составленію проектовъ объ освобожденіи крестьянъ.

«Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію, сказано было въ рескриптѣ, средство привести благія его намѣренія въ дѣйствіе, на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участию въ семъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ».

Обнародованіе этого рескрипта произвело большое впечатлѣніе въ обществѣ, и петербургское дворянство торопилось присоединиться къ литовскому.

5-го декабря былъ подписанъ высочайшій рескриптъ на имя С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, въ которомъ было сказано: «Дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улуч-

шить и упрочить быть своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

«Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, я предоставляю дворянскому сословію С.-Петербургской губерніи приступить къ составленію проекта положенія, на основаніи коего подобныя похвальныя намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно моимъ видамъ и желаніемъ, впрочемъ не иначе какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній».

Лишь только оба рескрипта дошли до Москвы, какъ многіе жители первопрестольной столицы рѣшили, по русскому обычаю, запечатлѣть обѣдомъ столь великое событіе въ жизни Россіи. Желавшихъ участвовать на обѣдѣ было такъ много, что распорядители встрѣтили затрудненіе въ присканіи удобнаго для того помѣщенія. Старшины Купеческаго Собранія радушно уступили двѣ залы, и 28-го декабря 1857 года обѣдъ состоялся. Число участвовавшихъ въ немъ простиралось до 180 человекъ, принадлежавшихъ къ разнымъ сословіямъ и состояніямъ ¹⁾.

— Мы собрались лишь для того, говорилъ въ своей рѣчи М. Н. Катковъ, чтобы выразить переполняющее всѣхъ насъ чувство, чтобы заявить, въ чемъ всѣ мы, люди разномыслящіе и разнохарактерные, сходимся какъ одинъ человекъ. Есть стало-быть для насъ нѣчто сильнѣе всѣхъ разногласій, есть стало-быть чувство, въ которомъ единодушна вся мыслящая Русь: это чувство слѣдовало изъяснить, это единодушіе слѣдовало запечатлѣть. Какъ бы ни мало значенія и силы имѣли повидимому лица, собравшіяся здѣсь для запечатлѣнія такого торжественнаго сознанія, вѣрите, эта минута не пропадетъ даромъ и сохранится въ исторіи, и сохранится тѣмъ вѣрнѣе и будетъ тѣмъ знаменательнѣе, чѣмъ свободнѣе и искреннѣе наше соединеніе. Да почіетъ благословеніе Божіе на царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины! Единодушно и единогласно, отъ полноты сердца всѣхъ и каждого, провозглашается тостъ за здравіе государя императора!

Дружное и долго не умолкавшее «ура!» служило выраженіемъ восторга присутствующихъ, соединеннаго съ мыслию о царѣ, «который такъ-же полно, такъ-же глубоко и такъ-же искренно довѣрился своему народу, какъ народъ, во все продолженіе своей тысячелѣтней исторіи, неизблемо былъ преданъ власти, управляющей его судьбамъ».

¹⁾ Подробности этого обѣда см. «Русскій Вѣсти.» 1857 г. т. XII, Современная Лѣтопись, стр. 203—217.

— Всѣхъ насъ, сказалъ А. В. Станкевичъ, соединили здѣсь общія чувства и общія желанія. Всѣ мы чувствуемъ, въ какую важную, знаменательную эпоху своего развитія и внутренняго устройства вступаетъ Россія, какія важныя задачи предстоить ей рѣшить по призыву того, кому Провидѣнiе назначило заботливо бодрствовать надъ нею, угадывать ея потребности, искать средствъ удовлетворить имъ, средствъ обезпечить общее благо всѣхъ его гражданъ, а въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ несовѣстныя начала замѣнить прочными началами справедливости и христіанской любви. Всѣ мы чувствуемъ трудность и величіе такой задачи, и всѣ мы желаемъ, чтобы Провидѣнiе укрѣпило силы своего Избранника на трудный и великій подвигъ, чтобы мудрые помощники и ревностные исполнители его благихъ намѣреній облегчили его трудъ и царственныя заботы, и чтобы его великодушная мысль и правдивыя намѣренія встрѣтили въ каждомъ русскомъ, на какой бы ступени общества онъ ни стоялъ, искреннее сочувствіе и единодушную, откровенную готовность не только признавать ихъ въ душѣ, но и осуществлять ихъ на дѣлѣ. Таковы общія чувства и желанія, соединившія насъ здѣсь. Проникнутые ими, мы отъ глубины сердца провозгласимъ здоровье того, кто внушаетъ ихъ намъ своими намѣреніями и дѣлами: здоровье государя императора Александра Николаевича!

Послѣ оглушительныхъ криковъ «ура!» Н. Ф. Павловъ провозгласилъ тостъ за здоровье того, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра.

— Господа, сказалъ онъ между прочимъ, новымъ духомъ вѣетъ новое время настало. Мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи. Счастливы мы, велико значеніе нашей эпохи! Легче становится совѣсти христіанина, какъ-то благороднѣе бьется сердце, и смѣлѣе смотрится на Божій міръ. Мы собрались здѣсь для выраженія глубокаго, искренняго сочувствія святому дѣлу, мы не принесли сюда никакой задней мысли, которая могла бы убояться свѣта... Блескъ новой идеи, какъ восходящее солнце, не вдругъ освѣщаетъ предметы. Нѣтъ, не можетъ статься, величіе, слава, прочность и благоденствіе нашей дорогой Россіи зависать не отъ тѣхъ учреждений, въ основѣ которыхъ лежатъ неправда и ложь, а отъ того направленія, которое по всѣмъ частямъ указываетъ намъ Тотъ, чье имя долженъ и можетъ произнести съ гордостью каждый русскій. Всемогушая воля отклоняетъ отъ себя начинаніе великаго дѣла и предоставляетъ инициативу дворянству. Встрѣтимъ же высокую мысль, одушевленную единымъ благомъ народа, съ тою просвѣщенной готовностью, которой можно уже требовать отъ Россіи.

Послѣ трехъ тостовъ за здоровье императора, М. П. Погодинъ

*

предложилъ тостъ за здоровье дворянства. Такъ какъ объ этой рѣчи намъ придется говорить ниже, то приводимъ ее дословно.

— Послѣ многихъ заздравныхъ бокаловъ, сказалъ ораторъ, поднятыхъ нами такъ высоко, отъ всей души, во славу благодушнаго нашего государя, выразивъ настоящія наши чувствованія неограниченнаго довѣрія къ его любви и исполненному сердцу неограниченной преданности къ нему, къ его любимой супругѣ, раздѣляющей съ нимъ царственныя заботы, и ко всему августѣйшему дому, чувствованія, смѣемъ думать, всего русскаго народа, сердце наше рвется поздравить скорѣе дорогаго нашего кормильца, дорогаго нашего поильца, православнаго русскаго мужичка, съ наступающимъ для него, слѣдовательно и для всѣхъ насъ, новымъ годомъ, съ восходящею на дальнемъ Востокѣ для него, слѣдовательно и для всѣхъ насъ, свѣтлою Рождественскою звѣздою. Но прежде, по порядку, мы должны принести искреннюю дань хвалы и благодарности достойному русскому дворянству, которое вездѣ, какъ слышно, изъявляетъ чрезъ своихъ представителей, совершенную готовность исполнить царское желаніе. Въ его доброй волѣ никогда нельзя было сомнѣваться: всегда, въ великія, рѣшительныя минуты отечественной исторіи, являлось оно впереди, жертвуя всѣми своими силами, трудами, кровію, жизнью. Не говоря о прежнихъ временахъ, въ наше время, подъ стѣнами священнаго Севастополя, Корниловъ, Нахимовъ, Васильчиковъ, Меншиковъ, Горчаковъ развѣ думали о себѣ, развѣ не являлись вездѣ, на мѣстахъ самыхъ страшныхъ опасностью, развѣ уступали въ храбрости даже самому пылкому молодому прапорщику? Останется ли это дворянство равнодушнымъ къ тому великому, гражданскому и человѣческому подвигу, который теперь ему предоставляется? Нѣтъ, этого не будетъ, и этого не можетъ быть! Ему нужно только съ свойственнымъ этому сословію вообще въ Европѣ благоразуміемъ и осторожностію вникнуть въ великое и вмѣстѣ мудреное дѣло; ему нужно ознакомиться ближе со всѣми возникающими явленіями, удостовѣриться въ твердости и благонадежности новыхъ отношеній, уравнивѣсить всѣ частныя выгоды, къ общей всего народа пользѣ. Задача мудреная, которую вдругъ рѣшить невозможно. Всякое право священно. Оборони Богъ отъ какого бы ни было нарушенія чьего-либо права. Толковитость русскаго народа, которой открывается теперь полная свобода разсужденія,—доброе, мягкое сердце, которое Богъ вложилъ въ нашу грудь, вѣрно найдутъ средства устроить дѣло къ общему удовольствію, даже безъ ущерба вѣковому хозяйству, спокойно, мирно, согласно, благополучно. Долгъ русской литературы — содѣйствовать этому великому преобразованію, преобразованію любви и добра, соотвѣтственнаго великодушнымъ намѣреніямъ государя, за-одно съ правительствомъ, по примѣру нашихъ достойныхъ предшественниковъ и учителей, которые,

начиная съ Фонвизина, за 80-ть лѣтъ еще чаяли и призывали настоящую великую минуту. Многіе изъ нихъ принадлежали также къ дворянскому сословію и служили съ честію отечеству своими талантами. Мм. Гг., предлагаю вамъ поднять бокалы въ честь и благодарность достойнаго историческаго русскаго дворянства!»

Превозгласивъ тость за русское дворянство М. П. Погодинъ отрѣзалъ ему путь къ отступленію и такъ сказалъ сопротивленію великой реформѣ, что и обратило на его рѣчь особое вниманіе.

За Погодинымъ говорилъ профессоръ И. К. Бабстъ о значеніи свободнаго труда, который открывается въ будущемъ для всего народонаселенія нашего отечества; потомъ всталъ К. Д. Кавелинъ, говорившій о примиреніи и соединеніи всѣхъ литературныхъ партій и, наконецъ, по окончаніи обѣда произнесъ нѣсколько словъ одинъ изъ представителей русскаго купечества В. А. Кокоревъ. На другой день онъ прислалъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника» полный текстъ заготовленной имъ рѣчи, но по обстоятельствамъ не произнесенной.

«Свѣтъ и тьма, сказано въ ней,—въ вѣчной борьбѣ.

«Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется челоуѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ.

«Одолѣваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, иссыхаетъ челоуѣчество, вянетъ тѣло, ноетъ духъ, умаляется сила народная.

«Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта, но за то сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало.

«Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II.

«Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи царя вывести нашихъ братьевъ, крестьянъ, изъ того положенія, которое томилъ ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся Русская земля.

«Вотъ подъ какимъ яркимъ освѣщеніемъ приближаемся мы къ новому, 1858 году. Для пятнадцати милліоновъ людей восходитъ заря гражданской полноправности. Отъ этого и мы всѣ вступаемъ въ новую жизнь, перерождаемся; пульсы наши бьются иначе: ровно, твердо, сильно.

«Мы можемъ сравнить теперь свое положеніе съ людьми, подошедшими къ горѣ, по которой надо взбираться къ верху. Не мало на этомъ непротопанномъ пути мы встрѣчаемъ колючихъ растений. Но намъ-ли бояться труда и препятствій въ то время, когда на горѣ стоятъ нашъ Царь и призываетъ насъ къ себѣ?—Мы видимъ это сквозь открывшіеся промежутки частокола. — И та гора, къ которой насъ подвело время—есть гора Упова нія. Царь уповаеъ на народъ, народъ упо-

ваетъ на царя. Вотъ въ этомъ взаимномъ упованіи и состоитъ русская особенность и рѣзкая разница между Европой и Россіей. Пусть теперь углубится Европа во внутренний смыслъ нашихъ душевныхъ настроеній; вѣдь вездѣ отъ этихъ настроеній происходятъ всѣ прочія явленія въ жизни народовъ.

«Европа въ своихъ движеніяхъ приходила къ пропасти смутной неизвѣстности; мы пришли къ упованію; значить, мы читали исторію европейскихъ народовъ внимательно и обратили въ свою пользу самую нашу запоздалось.

«Обратимся къ дѣлу, къ нѣкоторымъ подробностямъ нашей радости. Теперь такое время, въ которое требуются не фразы и возгласы, а дѣлоизложеніе, взглядъ, обсужденіе предметовъ. На первый разъ быть можетъ это будетъ даже не интересно для слушателей! Но что дѣлать? Надо привыкать; нашъ дѣтскій возрастъ прошелъ, и потому игрушки въ сторону.

«Первое и главное зерно обновленія — судьба пятнадцати милліоновъ крестьянъ—вложено царемъ въ общественную мысль. Да исполнитъ Провидѣніе всѣмъ открывающимся комитетамъ о крестьянахъ чистоту въ намѣреніяхъ и ясность въ воззрѣніяхъ, а главное, такую простоту въ опредѣленіи новыхъ началъ, которая была бы понятна всѣмъ и выражала бы очевидную удобопримѣляемость къ жизни. Этому трудному дѣлу вѣрнѣйшій другъ и помощникъ—свѣтозарная гласность мнѣній, сообщаемыхъ изъ каждой мѣстности во всеобщее свѣдѣніе широкообшательнымъ печатнымъ словомъ. Затѣмъ нужно общее участіе всѣхъ сословій, не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ.

«Перехожу къ тому, насколько это дѣло касается купцовъ.

«Когда новый порядокъ сообщитъ довольство крестьянамъ, тогда вся торговля разовьется и приметъ другіе размѣры, значить и мы, купцы, будемъ имѣть новую огромную выгоду. За что же мы эту выгоду получимъ даромъ, безъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ новаго устройства крестьянъ? Вѣдь намъ будетъ стыдно смотрѣть и на дворянъ и на крестьянъ, на послѣднихъ тѣмъ болѣе будетъ стыдно, что многіе изъ насъ сами недавно вышли изъ крестьянъ, и я, говорящій эти слова, имѣю родныхъ въ крестьянскомъ сословіи. Не въ правѣ ли будутъ крестьяне сказать: «а вотъ тамъ, въ городахъ, есть купцы-богачи, да они забыли о насъ, ничѣмъ не помогли, никто не разстался ни съ малѣйшею частицей своихъ богатствъ въ пользу созиданія общаго богатства земли русской». А вѣдь быть крестьянъ намъ знакомѣе чѣмъ кому либо... А быть помѣщиковъ развѣ мы не знаемъ? Знаемъ вдоль и поперекъ. Каждый приказчикъ отъ хлѣбныхъ торговцевъ знаетъ даже тѣ числа, въ которыя нужны помѣщику деньги на взносъ въ Опекунскій совѣтъ или на другіе надобности, и въ это время онъ является къ нему

для покупки хлѣба. То же самое знаніе внутреннихъ подробностейъ помѣщичьяго и сельскаго быта мы имѣемъ и по прочимъ статьямъ, какъ-то: по торговлѣ саломъ, шерстью, льномъ, пенькой, по найму рабочихъ, по движенію обозовъ на торговыхъ трактахъ и т. д.»

Призывая купечество, биржевиковъ, золотопромышленниковъ и откупщиковъ, къ которымъ принадлежатъ самъ, придти на помощь крестьянъ своими капиталами, Кокоревъ такъ заключилъ свою рѣчь:

«О нашемъ времени наши дѣти и внуки скажутъ: знаменателенъ былъ 1858 годъ. Царь, въ упованіи на дворянъ и народъ, произнесъ желаніе устроить положеніе крестьянъ. Крестьяне съ твердымъ упованіемъ ждали покояно развязки этого дѣла, дворяне разстались съ своимъ правомъ и промѣняли прежнее неблагозвучное выраженіе душевладѣльцы на человѣческое слово землевладѣльцы, сдѣлавъ это также съ твердымъ упованіемъ въ то, что отъ общаго развитія жизни доходы ихъ отъ земли возмѣстятъ личные, подушные оброки съ крестьянъ, а кушцы сами собою вызвались заплатить небогатымъ дворянамъ за жилища крестьянъ. Всѣ помогали дѣлу по мѣрѣ своихъ силъ.

«При такомъ только общемъ дѣйствительномъ сочувствіи, ростъ нашъ будетъ совершаться правильно въ общемъ ростѣ человѣчества, и тогда всѣ кривые, дряблые побѣги опять срастутся съ своимъ корнемъ — съ народомъ. Отъ этого срастанія мы почерпнемъ изъ чистой природы народа ясность и простоту воззрѣній»¹⁾).

Эта рѣчь надѣлала много шума и произвела огромное впечатлѣніе не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи²⁾). Многіе находили ее блестящею и вполне справедливою при тогдашнемъ состояніи общества, другіе считали ее зажигательною, призывающею къ измѣненію всего государственнаго строя, и наконецъ, высшее общество считало себя обиженнымъ тѣмъ, что откупщикъ принимаетъ на себя роль учителя и, раскрывая внутренній бытъ дворянства, называетъ его «кривымъ и дряблымъ побѣгомъ». Въ редакторѣ же «Русскаго Вѣстника» М. Н. Катковѣ и цензорѣ Н. фонъ-Крузе видѣли главныхъ виновниковъ, преднамѣренно допустившихъ печатаніе рѣчи, не произнесенной на общѣ. По высочайшему повелѣнію министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ потребовалъ объявленіе отъ цензора.

«Правила, отвѣчалъ Н. Крузе, которыми прежде всего долженъ руководствоваться цензоръ, изложены въ цензурномъ уставѣ. Ими ограждается религія, коренныя начала нашего государственнаго порядка, общественная нравственность и опредѣляется благонамѣренность литера-

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. т. XII Соврем. лѣтоп. стр. 203—217.

²⁾ О впечатлѣніи, которое произвела рѣчь Кокорева внутри Россіи см. ниже стр. 89—96.

туры. Сверхъ этихъ главныхъ и общихъ правилъ, цензоръ обязанъ руководствоваться частными предписаніями своего начальства и не рѣдко бываетъ въ необходимости запрещать литературный трудъ, въ сущности совершенно благонамѣренный, но касающійся такихъ предметовъ, которымъ правительство почему либо не желаетъ дать гласности.

«Такъ, въ недавнее время цензору предписано не пропускать статей о возможности введенія въ Россіи публичнаго судопроизводства, и тому подобное.

«Но цензурные законы всѣхъ народовъ не досказываютъ многого, оставляя недосказанное на ответственности цензора. Его совѣсть должна отгадывать тѣ неуловимыя требованія, которыя не обозначаются ясно цензурными постановленіями. Благонамѣренность, духъ, виды правительства, своевременность, умѣтность—въ этихъ выраженіяхъ много смысловъ, а они часто составляютъ единственное правило для цензора. Естественно, что ему необходимо прибѣгать къ личнымъ соображеніямъ и догадкамъ. Если онъ служитъ честно, если онъ убѣжденъ, что призванъ обуздывать злоупотребленія мысли, а не посягать на святыню просвѣщенія, то для него одинаково страшно впасть въ преувеличенность опасеній или переступить за границу благоразумія. Постоянные виды правительства извѣстны; ихъ опредѣлить легко. Но его временное направленіе, но духъ и требованіе текущаго дня—тутъ представляется цензору не мало затрудненій. Чтобы не дать воли своему воображенію, онъ долженъ по какимъ либо несомнѣннымъ признакамъ истолковать себѣ правительственныя желанія и цѣли.

«Нельзя отрицать, что съ нѣкоторыхъ поръ правительство допустило болѣе жизни въ литературной дѣятельности, какъ бы ожидая отъ нея существенной пользы. Разрѣшено множество періодическихъ изданій, не поставляется препятствій сужденіямъ о важныхъ вопросахъ, взятыхъ изъ самой жизни, остается не заподозрѣнъ серіозный характеръ, который къ счастью распространился въ нашей литературѣ. Это явленіе у всѣхъ на глазахъ и не подлежитъ доказательству. Изъ него я старался составить себѣ понятіе о намѣреніяхъ правительства и смѣю думать, что, судя по означеннымъ признакамъ, оно требуетъ отъ цензора охраненія, а не придирокъ, осторожной терпимости, а не произвольныхъ и всегда возможныхъ стѣсненій, ибо смотреть на литературу, не какъ на враждебный элементъ, допускаемый только по обычаю или изъ приличія, а какъ на дѣло существенное, необходимое, желательное, какъ на важное и лучшее пособіе себѣ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ.

«Это убѣжденіе тѣмъ крѣпче утвердилось въ душѣ моей, что сама литература наша заслуживаетъ въ послѣднее время доброе о себѣ мнѣніе. Она не искала подъ двусмысленностію выраженія провести какую нибудь недозволенную мысль. Да въ литературѣ нашей за послѣднее

время не отыщется ничего безнравственнаго, ничего анархическаго, ничего иносказательно - вреднаго. Ни въ какую эпоху не выражала она такъ искренно, такъ благородно, съ такимъ отсутствіемъ неоправданной лести своего сочувствія вѣчной главѣ государства. Всѣ ея стремленія, съ какой стороны ихъ ни взять, какъ ихъ ни перетолковывать, влываются только къ указаніямъ злоупотребленій, къ истребленію общественной порчи, къ полезнымъ, не разрушительнымъ нововведеніямъ, ко благу и славѣ Россіи. Въ стремленіяхъ этихъ не замѣчается ни малѣйшаго лицемерія. Все явно и чисто, ибо настоящая литература наша признаетъ добросовѣстно, на разумномъ убѣжденіи, государственныя основы наши за неприкосновенную святыню.

«Вотъ мысли, которыми руководствуюсь я при отправленіи моеѣ должности и пополняю пробѣлы, оставленные закономъ. Но чтобъ разрѣшить печатаніе рѣчи Кокорева я не имѣлъ надобности дѣлать какія либо предположенія и пускаться въ догадки. Тутъ писанный законъ отнималъ у меня всякое право подвергнуть запрещенію эту рѣчь. Не обращая вниманія на ея литературный характеръ, на многословіе, на разсужденія о свѣтѣ и тьмѣ, цензоръ, въ смыслѣ своего назначенія, не могъ остановиться въ ней ни на одномъ словѣ. Написана она въ спокойномъ, примирительномъ духѣ. Въ ней всѣ сословія приглашаются соединиться въ стремленіяхъ къ одной цѣли. Ея главная мысль заключается въ сочувствіи къ обнародованнымъ мѣрамъ правительства и въ надеждѣ, что купцы, владѣльцы доходныхъ домовъ и откупщики не откажутся принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Если, съ одной стороны, я не могъ опереться ни на какой пунктъ цензурнаго устава и ни на какое предписаніе начальства, чтобы помѣшать публичному выраженію такихъ безвредныхъ надеждъ, то съ другой—мысль Кокорева, не имѣющая въ себѣ ничего раздражающаго и тревожнаго, представилась мнѣ не только справедливой, но и существенно полезной.

«Дѣло общее касается всѣхъ; дѣйствующими лицами являются помѣщики и крестьяне. Купеческое сословіе остается, какъ будто, внѣ вопроса. Что же дурнаго, если оно, по мѣрѣ силъ, поможетъ достиженію цѣли? Положимъ, что его содѣйствіе не нужно и не будетъ допущено; но все же для чести Россіи хорошо, когда никто не останется холоднымъ зрителемъ историческаго событія; а поэтому однимъ изъ капиталистовъ изъявленное желаніе, чтобы капиталисты способствовали также осуществленію великихъ видовъ правительства, не показалось мнѣ неблагонамѣреннымъ и неприличнымъ. Если-бъ возникли во мнѣ какія либо сомнѣнія, если-бъ цензоръ рѣшился на превышеніе власти и, вопреки прямымъ указаніямъ закона, сталъ бы толковать каждое слово автора въ невыгодную для него сторону, то и тогда, по

моему искреннему убѣжденію, я не донскался бы ни одного смысла, который подалъ бы мнѣ поводъ къ запрещенію.

«Купецъ осмѣливается дѣлать громкое возваніе, но быть писателемъ и выразить не противузаконныя желанія позволяется всѣмъ состояніямъ. Купецъ хочетъ быть благодѣтелемъ бѣдныхъ помѣщиковъ; это обидно для дворянства,—но помощь, въ сущности, предлагается крестьянамъ. Пожертвованія для государственныхъ цѣлей принимаются отъ частныхъ лицъ, кто-бъ они ни были. Тутъ нѣтъ идеи милостыни, идеи униженія. Собранныя суммы перешли бы непременно чрезъ руки правительства. На это есть указаніе въ самой рѣчи, именно тамъ, гдѣ говорится о взносъ гильдейскихъ повинностей. Частныя деньги получили бы значеніе государственнаго капитала. Но если-бъ даже образовались частныя компаніи для выкупа крестьянскихъ усадебъ, почему обидѣлся бы помѣщикъ, когда бы принесли ему за нихъ не крестьянскія, а купеческія деньги? Развѣ нѣтъ примѣровъ, что не только купцы, но и крестьяне выкупали крестьянъ? Рѣчь Кокорева, вызывая однихъ на хорошее дѣло, не отнимаетъ у другихъ права уступить усадьбы и даромъ.

«Мимоходомъ Кокоревъ касается въ своей рѣчи винныхъ откуповъ и говоритъ о возможности замѣнить ихъ налогомъ ¹⁾. Если бы мысль эта была представлена имъ въ качествѣ проекта, то цензоръ, на основаніи существующихъ правилъ, не имѣлъ бы права пропустить ее. Но этого намѣренія авторъ не обнаружилъ и самъ же замѣчаетъ, что предлагаетъ свою мысль не какъ проектъ.

«Онъ высказалъ ее въ видѣ предположенія для доказательства, что и самое трудное дѣло, при разъясненіи взаимныхъ интересовъ, становится легкимъ. Онъ не настаиваетъ на отмѣнѣ винныхъ откуповъ, а только утверждаетъ, что въ случаѣ, если бы, при новомъ устройствѣ

¹⁾ Относительно откуповъ въ рѣчи Кокорева было слѣдующее «Если бы намъ кто нибудь сказалъ: «Всѣмъ намъ не нравится винный откупъ, его вліяніе задѣваетъ почти каждый домъ, онъ задерживаетъ развитіе скотоводства, мѣшаетъ образованію фермернаго хозяйства, требующаго барды, слѣдовательно и свободнаго образованія маленькихъ винокуренъ, а фермерное хозяйство намъ теперь необходимо нужно во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ: оно бы совершенно пополнило всѣ убытки помѣщиковъ отъ уничтоженія крѣпостнаго права и расширило бы земледѣіе. Ну что дадите за уничтоженіе откупа?»—Разомъ бы отвѣтили всѣ удовлетворительно, потому что выгода ясна для всѣхъ; трактирщикъ бы сказалъ: я даю 500 руб., фабрикантъ 200, торговецъ 5 руб., мельникъ 10, крестьянинъ 2 руб. въ годъ,—да денегъ бы набралось безъ откупа вдвое болѣе чѣмъ отъ откупа, а вино бы сдѣлалось принадлежностью народа, какъ всякій товаръ: мука, масло и т. п. Сколько сотенъ тысячъ людей занялось бы его распродажю!».

Извѣстно, что не болѣе какъ черезъ семь лѣтъ винные откупы были уничтожены.

земледѣльческаго быта, при образованіи ферменнаго хозяйства, невыгоды откупной системы стали особенно ощутительны, то оказалась бы возможность замѣнить ее къ выгодѣ какъ правительства, такъ и народа другою системою.

«Итакъ, руководствуясь какъ цензурнымъ уставомъ и частными предписаніями начальства, такъ и собственною совѣстію, я не считалъ себя въ правѣ задержать печатаніе рѣчи Кокорева. Доводить до высшаго начальства дѣло, которое не выходило изъ предѣловъ моего полномочія, я считалъ не только излишнимъ, но и въ высшей степени неудобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

«Въ рѣчи Кокорева дѣло идетъ о пожертвованіяхъ со стороны купческаго сословія. Какъ желаніе частнаго человѣка, принадлежащаго къ купческому же сословію, оно никого ни къ чему не обязываетъ; авторъ одинъ отвѣчаетъ за мысль свою передъ публикою. Если бы мысль его оказалась неосуществимою и бесполезною, то она, тѣмъ не менѣе, осталась бы безвредною и не могла бы возбудить ничьихъ опасеній. Но если бы рѣчь эта была представлена на разрѣшеніе высшаго начальства и была одобрена не просто цензоромъ, на основаніи общихъ данныхъ ему правилъ, а самимъ правительствомъ, то слово частнаго человѣка получило бы во мнѣніи публики особенное значеніе. Незабѣжно распространились бы слухи, что правительство ожидаетъ и требуетъ отъ купческаго сословія пожертвованій; слухи эти, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, могли бы принять самые преувеличенные размѣры, и мысль, въ сущности безвредная, а можетъ быть и полезная, стала бы вредною, ибо распространила бы въ публикѣ ложное мнѣніе и фальшивую тревогу. Высшее начальство, безъ нужды и неуваженія спрошенное, было бы поставлено въ положеніе неловкое и затруднительное: запретить то, что удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ литературной благонамѣренности—значило бы сдѣлать несправедливость, которая неизбѣжно отозвалась бы въ публикѣ, придала бы этой рѣчи преувеличенное значеніе, какъ всегда это случается съ запрещаемыми статьями и книгами, и не напечатанная рѣчь распространялась бы, съ различными прибавками, во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ, которые дѣйствуютъ всегда гораздо возбудительнѣе, чѣмъ книги. Одобрить—значило бы сообщить нѣкоторую официальность простому слову частнаго человѣка и, такимъ образомъ, подать поводъ думать о своей солидарности съ нимъ.

«Долгъ честной службы требуетъ не одного только формальнаго исполненія буквы закона, а усердной заботливости о соблюденіи достоинства и интересовъ правительства. Цензоръ, по моему искреннему убѣжденію, долженъ дорожить дарованнымъ ему правомъ обращаться, въ затруднительныхъ случаяхъ, съ вопросами къ высшему начальству и

не употреблять этого права во зло; онъ долженъ заботиться не о томъ, чтобы какъ нибудь слагать съ себя отвѣтственность и облегчать для себя свою обязанность; онъ поставленъ не за тѣмъ, чтобы только пользоваться выгодами своего служебнаго положенія, а за тѣмъ, чтобы нести на себѣ всю его отвѣтственность и тяжесть.

«Чтобъ литература могла имѣть значеніе и въ Россіи совершила ту же службу, какой гордятся другія страны, необходима независимость науки, ума, таланта, если они въ своемъ проявленіи не идутъ противъ общихъ, коренныхъ постановленій цензуры. Правительство руководствуется научными теоріями, опытомъ, примѣрами, потребностями подвластнаго края; но въ теоріи можетъ быть сдѣлано открытіе; но опытъ и примѣръ могутъ быть иначе поняты; а потребности края, настоящія, дѣйствительныя, при отсутствіи гласности, нельзя иногда отгадать никакими усиліями кабинетныхъ размышленій. Правительство дѣлаетъ извѣстнымъ, что хочетъ провести желѣзную дорогу по такому-то пути, а цензору подается статья, гдѣ излагается возможность другого пути, болѣе удобнаго и выгоднаго. Если цензоръ обратится за разрѣшеніемъ къ высшему начальству, то статья или будетъ запрещена, или дозволена. Но тогда запретить—значитъ останавливать всякую духовную дѣятельность и изъ самыхъ невинныхъ, благотворныхъ выраженій разума создавать призракъ опасеній для общественнаго спокойствія. Дозволить—это отнять у статьи характеръ частнаго мнѣнія, личной мысли человѣка и освятить ее характеромъ официальнымъ и на высшихъ ступеняхъ управленія согласиться съ ней. Чтобы не впасть въ очевидное противорѣчіе, правительство или подчинитъ свои распоряженія тому, съ чѣмъ соглашается, или велитъ признавать за собою непогрѣшимость даже науки и таланта. Не на такихъ велѣніяхъ, легко опровергаемыхъ и логикой и совѣстью, основывается благоговѣніе народа къ правительству. Все ложное, все, чему никто не повѣритъ, скорѣе можетъ поколебать это благоговѣніе. Литература только тогда и полезна, когда выражаетъ личныя мысли, или мысль общества, а если она заключится въ тѣсную рамку официальности и будетъ высказывать лишь то, что думаютъ и знаютъ нѣсколько лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, то и имъ представится не мало затрудненій; да и въ такомъ случаѣ къ чему будетъ годна литература? Чѣмъ болѣе мы стѣснимъ ее, тѣмъ болѣе дадимъ повода подозрѣвать, что въ ней нѣтъ истинны, нѣтъ умѣренной, законной, благотѣльной независимости; тѣмъ вѣрнѣе усилимъ значеніе тѣхъ враждебныхъ Россіи изданій, которыя завелись нынѣ въ Европѣ и которыя, къ сожалѣнію, поддерживаются съ успѣхомъ. Въ этомъ смыслѣ никто и ничто, а только одно развитіе литературы, ограничиваемое благоразумной цензурой, можетъ представить явленія въ отпоръ клеветѣ и разнымъ обвиненіямъ.

«Что при пропускѣ рѣчи Кокорева, я поступилъ согласно съ духомъ правительства, это доказывается теперь высочайшимъ повелѣніемъ о статьяхъ, касающихся крѣпостнаго состоянія, выраженномъ въ предложеніи г. министра народнаго просвѣщенія слѣдующимъ образомъ:

а) Статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу, къ напечатанію не допускать.

б) Не позволять также печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ, въ формѣ разсказа или какой либо другой, помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ.

в) Затѣмъ всѣ сочиненія и статьи, чисто ученые, теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственныя о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, дозволить печатать какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, съ тѣмъ только:

а) чтобы при этомъ не было допускаемо разсужденій и толкованій о главныхъ началахъ, высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство комитетамъ, по губерніямъ учреждаемымъ; б) чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности соблюдались общія правила, цензурнымъ уставомъ предписанныя; в) чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія; и г) статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ.

«Рѣчь Кокорева не разбираетъ, не осуждаетъ и не критикуетъ распоряженій правительства по этому дѣлу; въ ней не излагаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ, а также и тѣ толкованія о главныхъ началахъ, высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство комитетамъ, по губерніямъ учреждаемымъ. Кромѣ того, рѣчь эта не только благонамѣренна, но и написана въ духѣ правительства и не противорѣчитъ общимъ правиламъ цензуры.

«Въ заключеніе позволяю себѣ сказать, что я почелъ бы за особенное для себя счастье, если бы государю императору угодно было дозволить мнѣ повергнуть на его разсмотрѣніе записку объ обязанности цензора и о значеніи литературы, какъ скоро эта записка, давно мною начатая, приведена будетъ къ полному окончанію».

Намъ неизвѣстно, разрѣшено-ли было Н. фонъ-Крузе представить такую записку, но онъ получилъ строжайшій выговоръ отъ министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло это было обсуждено въ комитетѣ министровъ въ присутствіи императора. Статья Кокорева признана неприличною и совершенно неумѣстною въ журналѣ, а потому и рѣшено было предписать черезъ попечителей учебныхъ округовъ цензурнымъ комитетамъ не позволять ее дерепечатывать; выпускъ же от-

дѣльныхъ оттисковъ этой статьи былъ пріостановленъ, и, по распоряженію московскаго военнаго генераль-губернатора Закревскаго, всѣ оттиски уничтожены.

II.

Передача «Одесскаго Вѣстника» Ришельевскому лицію.—Появленіе въ «Вѣстникѣ» извѣстія о московскомъ обѣдѣ.—Протестъ графа А. Г. Строгонова.—Переписка его съ министромъ народнаго просвѣщенія.—Собственноручная записка кн. П. А. Вяземскаго.

Циркулярное распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, отъ 16-го января 1858 г., къ попечителямъ учебныхъ округовъ еще не достигло своего назначенія, какъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» были помѣщены выдержки изъ статьи «Русскаго Вѣстника» о московскомъ обѣдѣ.

Необходимо замѣтить, что съ отъѣздомъ изъ Одессы бывшаго редактора «Одесскаго Вѣстника» А. Г. Тройницкаго, попечитель одесскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Н. И. Пироговъ, обратился къ новороссійскому и бессарабскому генераль-губернатору графу Александру Григорьевичу Строгонову съ предложеніемъ передать этотъ «Вѣстникъ» Ришельевскому лицію, который посредствомъ его можетъ сильно дѣйствовать какъ на просвѣщеніе, такъ и на нравственную сторону всего русскаго народонаселенія Новороссіи. Графъ Строгоновъ изъявилъ свое согласіе, и тогда Н. И. Пироговъ предложилъ совѣту Ришельевскаго лиція составить новую программу для газеты «Одесскій Вѣстникъ» и выбрать изъ своей среды отвѣтственнаго редактора, что и было совѣтомъ исполнено. Выборъ палъ на исполняющихъ должность адъюнктовъ: практическаго судопроизводства Богдановскаго и всеобщей исторіи и статистики—Георгіевскаго.

7-го ноября 1857 года Н. И. Пироговъ представилъ министру народнаго просвѣщенія новую программу и просилъ утвердить какъ ее, такъ и новыхъ редакторовъ. По краткости времени, остававшагося для передачи редакціи «Одесскаго Вѣстника» лицію и предварительныхъ распоряженій до начала новаго года, А. С. Норовъ, телеграфическою депешю 20-го ноября 1857 г. на имя попечителя учебнаго округа, утвердилъ представленіе предварительно, до разсмотрѣнія подробностей, а 7-го декабря, главное управленіе цензуры утвердило программу и редакторовъ, которые и помѣстили на столбцахъ газеты выдержки изъ статьи о московскомъ обѣдѣ. Перепечатка эта вызвала энергичный протестъ со стороны графа Строгонова:

«Хотя ни въ политическомъ, писалъ онъ А. С. Норову ¹⁾, ни въ административномъ отношеніяхъ мы не находимся, благодаря Бога, подъ условіями Франціи 1789 г., не мнѣе того очевидно и скажу болѣе-опутительно, что въ средѣ насъ есть, къ несчастію люди, очень склонные къ усвоенію духа того времени.

«Я видѣлъ много конституціонныхъ державъ, живалъ въ нихъ, старался изучать ихъ, сколько могло это отъ меня зависѣть, и за исключеніемъ Англии, не знаю ни одной, гдѣ бы пиршество, въ родѣ происшедшаго въ Москвѣ 28-го минувшаго декабря, по характеру своему было наименовано иначе, какъ всенароднымъ выраженіемъ, или, ближе сказать—гласною исповѣдью преобладавшихъ въ составѣ собранія чувствъ и мнѣній насчетъ правительственныхъ мѣръ, съ цѣлью обобщенія ихъ способомъ всенароднаго призыва (*manifestation publique*).

«Снисхожденіе или сознаніе безсилія, или, и того хуже, недостатокъ вниманія московской цензуры усугубили важность упущенія, а неосмотрительность полиціи, дала сборищу этого рода—явленію въ Россіи новому—гласность, которая являетъ видъ какъ бы одобренія подобныхъ собраній самимъ правительствомъ.

«Не входя въ обсужденіе обязанностей, лежавшихъ въ семь отношеніи на московской полиціи, я считаю долгомъ сообщить вашему высокопревосходительству мои мысли собственно о возможныхъ послѣдствіяхъ дѣйствія цензуры, заключающагося въ пропускѣ статьи, помѣщенной въ № 24 «Русскаго Вѣстника».---Говорить, писать и печатать суть, по моему разумѣнію, три дѣйствія весьма различныя: многое, что можетъ быть, почти безъ неудобства высказано на словахъ, принимаетъ характеръ совершенно другой знаменательности, будучи выражено на письмѣ; предаваясь же тисненію—оно часто содѣлывается чрезвычайно важнымъ. Различіе между этими способами взаимнаго сообщенія идей, въ отношеніи къ вліянію и распространенію оныхъ, такъ-же огромно, какъ между мыслию, выраженною въ составѣ много-томнаго сочиненія, помѣщенною, въ числѣ другихъ идей, въ статьѣ періодическаго журнала и, наконецъ, составляющею исключительный предметъ особой газетной статьи. Для того, чтобы распознать оттѣнки этихъ трехъ степеней впечатлѣнія, по различію приведенныхъ мною случаевъ или категорій, не нужно ума проныцательнаго, достаточно одного внимательнаго и разсудительнаго взгляда.

«Несовмѣстность провозглашенныхъ на пиршествѣ побужденій къ заздравнымъ тостамъ въ честь его императорскаго величества служить на дѣлѣ подтвержденіемъ моихъ мыслей: они не были пятикратнымъ

¹⁾ Отъ 24-го января 1858 г. за № 112.

повтореніемъ одного и того же безусловнаго вѣрнопопдадническаго чувства преданности и любви къ монарху, но слѣдствіемъ разбора пяти различныхъ высочайшихъ преднамѣреній и опредѣлительнаго означенія, что именно располагаетъ ликующую публику къ одобренію!

«Если допустить свободное обсужденіе царственныхъ дѣяній, то кто поручится, что завтра, — чего ожидать едва-ли бы не было благоразумно, — другое собраніе патриотовъ, подобныхъ московскимъ, не вознесетъ тоста болѣе лагоническаго, менѣе согрѣтаго чувствомъ теплоты сердечной, не столько одобрительнаго, въ случаѣ обнародованія какого нибудь распоряженія или указа, которые могутъ возбуждать менѣе сочувствія, не всегда бывающаго мѣроу справедливой оцѣнки, но весьма часто зависящаго отъ взгляда и понятія — условій столь многостороннихъ и неодинаковыхъ въ мыслящихъ слояхъ общества, по отношеніямъ къ частнымъ интересамъ матеріальныхъ и нравственныхъ побужденій? Кто поручится, что по закону постепенности, въ возрастающей отъ потворства смѣлости, не предложится послѣ завтра тостъ съ замѣтнымъ проявленіемъ, чтобы не сказать болѣе, — неудовольствія?...¹⁾

«Я полагаю, что тосты за здравіе императора должны быть предлагаемы коротко, не допуская никакихъ разбирательствъ, безъ всякой иной побудительной причины, какъ только потому, что онъ императоръ. Толкованія, сужденія и поясненія приличны и могутъ имѣть мѣсто только при тостахъ въ честь ученыхъ, литераторовъ, живописцевъ, музыкантовъ и другихъ дѣятелей на поприщѣ общественнаго образованія. О степени достоинствъ и заслугъ ихъ каждый имѣетъ право произносить свой приговоръ свободно, сообразно понятіямъ и вкусу, но въ отношеніи къ государю этого не можетъ и не должно быть дозволено.

«Искренно убѣжденный въ правильности этихъ началъ, прочитавъ въ «Одескомъ Вѣстникѣ» статью о московскомъ оубдѣ, я, въ недоразумѣніи о возможности напечатанія ея, обратился съ вопросомъ къ цензору, но онъ преградилъ мнѣ всякое пререканіе указаніемъ на разрѣшеніе ея въ «Русскомъ Вѣстникѣ» московскою цензурою. Я выразилъ мое удивленіе редактору, но и тотъ отвѣчалъ мнѣ, что самимъ имъ многія выраженія въ произнесенныхъ на пиршествѣ рѣчахъ, особенно въ спичѣ Погодина, будучи найдены слишкомъ рѣзкими, исключены при перепечатаніи статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»²⁾.

«Такимъ образомъ каждый исполнилъ свою обязанность, всѣ правы, а остается мнѣ быть виноватымъ въ необходимости утруждать ваше высокопревосходительство. Но какъ для меня въ этомъ заключается

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁾ Рѣчь М. П. Погодина напечатана нами выше и трудно сказать, почему она была признана особенно рѣзкою.

болѣе чѣмъ дѣло совѣсти—вопросъ о вѣрности и охраненіи въ моемъ отечествѣ настоящаго (положенія дѣлъ?), то я считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство довести до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества о содержаніи моего письма къ вамъ и повергнуть на всемілостивѣйшее воззрѣніе всеподданнѣйшее мое ходатайство о томъ, чтобы я, недоразумѣвающій, повидимому, обязанностей цензуры, освобожденъ былъ отъ отвѣтственности за оную, которой въ тревожномъ моемъ понятіи и придаю, можетъ стать, слишкомъ преувеличенныя размѣры и значеніе. Не угодно ли будетъ вамъ оказать мнѣ снисхожденіе испрошеніемъ высочайшаго разрѣшенія на передачу столь трудной и щекотливой для меня обязанности попечителю одесскаго учебнаго округа, служащему подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ. Г. Пироговъ, вѣроятно, будетъ имѣть болѣе смѣтливости и умѣнія примѣнять свои мнѣнія къ направленію, которое принимаетъ въ Имперіи цензура въ настоящее время».

А. С. Норовъ отвѣчалъ графу Строганову, что перепечатку статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» можно объяснить только тѣмъ, что его предложеніе попечителю учебнаго округа тогда не дошло еще до Одессы. Впрочемъ, прибавлялъ онъ, отъ всякаго цензора зависить не пропустить даже и напечатанную въ другомъ изданіи статью, и потому въ случаѣ сомнѣнія, цензоръ могъ представить начальству о своемъ недоумѣніи и испросить его разрѣшеніе.

«Изъ всего вышесказаннаго, прибавлялъ А. С. Норовъ, ¹⁾ ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что если цензура допускаетъ, по оплошности, нѣкоторыя и иногда довольно важныя отступленія отъ существующихъ правилъ, то такія упущенія никогда не остаются безъ надлежащаго взысканія съ цензоровъ и редакторовъ. Такъ какъ въ Новороссійскомъ краѣ наблюденіе за цензурою періодическихъ изданій высочайше предоставлено генераль-губернатору, каковое наблюденіе совершенно необходимо, то я считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше сіятельство не отказать въ вашемъ просвѣщенномъ руководствѣ цензуры вѣреннаго вамъ края, и, направляя оную, согласно съ видами правительства и мѣстными обстоятельствами, оказывать тѣмъ благосклонное содѣйствіе къ удержанію литературы въ принадлежащихъ ей границахъ».

Въ заключеніе Норовъ писалъ, что такъ какъ всѣ обстоятельства по напечатанію рѣчей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» извѣстны императору, то онъ и пріостановился докладомъ содержанія письма графа Строганова.

Отправивъ это письмо, министръ народнаго просвѣщенія на другой

¹⁾ Въ письмѣ отъ 4-го февраля 1858 г. № 317.

же день предписалъ попечителю одесскаго учебнаго округа ¹⁾ обратить вниманіе мѣстнаго цензурнаго комитета и цензоровъ, чтобы они въ случаяхъ сомнительныхъ обращались за разрѣшеніемъ къ Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору, отъ котораго и должны получать какъ наставленія, такъ и разрѣшенія.

Оставшись недоволенъ такимъ распоряженіемъ графъ Строгановъ писалъ А. С. Норову ²⁾:

«Мои мысли, сообщенныя вамъ въ конфиденціальному отношеніи 24-го минушаго января № 112, относились не къ критическому разбору содержанія рѣчей, произнесенныхъ на пиршествѣ московскихъ патриотовъ, а исключительно къ несовмѣстности съ нынѣшними началами государственнаго управленія, безъ существеннаго вреда направленію общественнаго духа, оглашенія чрезъ газеты или другія періодическія изданія искреннихъ бесѣдъ въ патриотическихъ сборищахъ, частныхъ воззрѣній на правительственныя мѣры, а тѣмъ болѣе анализа высочайшихъ преднамѣреній при постановленіи той-или другой правительственной мѣры, съ свободнымъ выраженіемъ во всенародіе—что именно возбуждаетъ сочувствіе и одобреніе.

«Основаніемъ къ такому моему убѣжденію служитъ логическій выводъ, что допущеніе огласки мнѣній рго исключаетъ возможность, безъ нарушенія въ строгомъ смыслѣ справедливости, воспрепятствовать безропотно оглашенію мнѣній со пга, къ чему не минуемо должно привести постепенное развитіе смѣлости, по закону движенія умственной и нравственной жизни общества. Даже въ конституціонныхъ государствахъ законодательная мѣра подвергается свободному обсужденію, пока она разсматривается въ законодательныхъ собраніяхъ, въ видѣ внесеннаго на разсмотрѣніе проекта, но съ переходомъ ея въ положительный законъ, чрезъ освященіе утвержденіемъ высшей законодательной власти, всякое свободное толкованіе пресѣкается и требуется одно безусловное исполненіе.

«Понимая это дѣло такимъ образомъ, я нахожу, что воспрепятченіемъ печати одной дополнительной рѣчи Кокорева—существенная мысль, выраженная мною въ отношеніи къ вамъ, вовсе не достигается: дѣло шло не о моемъ несогласіи съ чьимъ либо частнымъ взглядомъ и способомъ выраженія,—но о принципѣ, который долженъ руководить цензурою, въ видахъ охраненія государственнаго порядка и недопущенія сужденій о дѣйствіяхъ законодательнаго начала верховной власти. Мысль о воспрепятченіи, вообще, огласки частныхъ мнѣній, насчетъ какихъ либо правительственныхъ мѣръ, истекаетъ не изъ

¹⁾ Въ отношеніи 5-го февраля, № 316.

²⁾ Въ письмѣ отъ 16-го февраля № 274.

одного личнаго моего убѣжденія, что это можетъ имѣть вредныя послѣдствія, но и основана на точной силѣ государственнаго постановленія, ибо Сводомъ Законовъ т. XIV по XV прод., въ приложеніи къ ст. 147 п. 12, именно воспрещается печатать въ газетахъ и журналахъ разсужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ, а слѣдовательно показѣтъ законъ этотъ не отмѣненъ положительно, я считаю пропускъ цензурою статей, подобныхъ описанію московскаго пиршества, рѣшительно противузаконнымъ.

«Въ снисходительномъ довѣріи ко мнѣ ваше высокопревосходительство изволите просить меня руководствовать цензуру высочайше ввѣреннаго мнѣ края, направляя оную согласно съ видами правительства. Я искренно благодарю васъ за выраженіе этихъ чувствъ ко мнѣ, но отношу на личный судъ вашего высокопревосходительства: къ какимъ полезнымъ результатамъ можетъ привести мое руководство въ составляющемъ малую часть имперіи Новороссійскомъ краѣ, если бы въ ограниченномъ числѣ мѣстныхъ періодическихъ изданій даже не появлялось статей, не подлежащихъ, по моему мнѣнію, тисненію, когда во всѣхъ изданіяхъ другихъ мѣстъ, обращающихся въ общественномъ чтеніи, будутъ пропускаться статьи несогласныя съ началами, составляющими мое убѣжденіе? Могу-ли я считать себя понимающимъ истинныя виды правительства, въ цензурномъ отношеніи, когда одобреніе высшею государственною цензурою пропуска въ С.-Петербургѣ, Москвѣ или другомъ какомъ либо мѣстѣ, гдѣ установленъ цензурный надзоръ, статей вредныхъ по моимъ понятіямъ охраненію настоящихъ государственныхъ началъ и порядка, ясно доказываетъ мнѣ, что мой взглядъ не скажу ошибоченъ, но различенъ отъ взгляда главнаго цензурнаго завѣдыванія въ имперіи? Это разномысліе не есть случайность, возбужденная статью «Русскаго Вѣстника», но повтореніе тѣхъ же недоразумѣній относительно обязанностей цензуры, которыя были предметомъ моей переписки съ вашимъ высокопревосходительствомъ въ 1856 году ¹⁾.

«Въ заключеніе вы изволите увѣдомлять меня, что обстоятельства настоящаго дѣла, будучи обсуждены въ совѣтѣ министровъ, въ присутствіи государя императора, уже вполне извѣстны его императорскому

¹⁾ Въ письмѣ отъ 23-го мая 1856 г. за № 215, графъ Строгановъ увѣрялъ, что «у насъ отъ моднаго журнала до «Инвалида», отъ «Современника» до всякой губернской газеты, періодическое изданіе есть и нѣ н і е п р а в и т е л ь с т в а, или же съ одобренія правительства расцубикованное; что комедія «Ревизоръ» по своему началу, содержанію и духу есть копія au petit pied „Свадьбы Фигаро“ и что если она и сотни подобныхъ ей не произвели еще, благодаря Бога, печальныхъ послѣдствій для Россіи, какъ творенія Бомарше для Франціи, то въ переводѣ навлекли на Россію много нареканій и живыхъ сужденій за границей».

величеству, и что поэтому вы приостановились всеподданнѣйшимъ докладомъ о содержаніи моего письма къ вамъ; но упоминаемыя вами обстоятельства, какъ я понимаю, относились собственно до дѣйствій московской цензуры по пропуску признанной несоотвѣтственною дополнительной рѣчи Кокорева и до мѣръ, принятыхъ въ Петербургѣ главнымъ цензурнымъ управленіемъ. Существо же моего мнѣнія, изложеннаго въ конфиденціальному письмѣ къ вамъ, о невозможности вообще допускать къ печати какія либо частныя сужденія о правительственныхъ мѣрахъ, остается государю императору неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе сего, оставаясь при прежнемъ моемъ мнѣніи и будучи руководимъ правиломъ—не только свято исполнять всякую высочайшую волю, но и съ полною откровенностію исповѣдывать у подножія монаршаго престола искреннія мои убѣжденія, сколько они могутъ, по моему разумѣнію, способствовать охранію въ моемъ отечествѣ настоящаго и склониться къ общественному благу, я имѣю честь повторить покорнѣйшую мою просьбу о доведеніи до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества содержанія моего конфиденціальнаго отношенія къ вамъ отъ 24-го минувшаго января и всей настоящей переписки.

«О послѣдующемъ я буду имѣть честь ожидать отзыва вашего высокопревосходительства».

Спустя недѣлю графъ Строгановъ писалъ опять министру народнаго просвѣщенія ¹⁾:

«Очень недавно, сообщая вашему высокопревосходительству мысли мои, относившіяся къ общему вопросу о цензурѣ въ имперіи, я былъ далеко еще отъ всякаго ожиданія видѣть себя въ неприятной необходимости обращаться, почти вслѣдъ за тѣмъ, вниманіе министерства народнаго просвѣщенія на несоотвѣтственное, по мнѣнію моему, направленіе, принимаемое въ настоящее время редакціею собственно въ Одессѣ издаваемаго журнала «Одесскій Вѣстникъ», едва съ 1-го января сего года предоставленное здѣшнему лицу.

«Съ появленіемъ нѣсколькихъ нумеровъ, я уже могъ замѣтить въ мнѣніяхъ гг. редакторовъ нѣкоторые признаки вреднаго стремленія къ системѣ критическаго разбора важныхъ административныхъ и общественныхъ вопросовъ, вовсе несогласнаго съ духомъ нашего правленія. Но, на первыхъ порахъ, мнѣ не приходило въ мысль быть въ такое короткое время приведенну къ убѣжденію, что эти уклоненія отъ основнаго духа прежнихъ періодическихъ изданій были не слѣдствіемъ случайности и недостаточно обращеннаго вниманія, а обдуманымъ намѣреніемъ, положительно предназначенною цѣлюю.

«Подобно тому какъ незамѣтная сила капли воды, въ непрерывномъ

¹⁾ Въ письмѣ отъ 24-го февраля за № 331.

своемъ паденіи, протачиваетъ камень, какъ одной лишней капли достаточно, чтобы переполнить сосудъ, эта тактика, веденная съ отвагою, быстро и съ успѣхомъ двигаетъ задуманное дѣло впередъ, но къ счастью, не довольно искусно сокрытая подъ покровомъ благовидности, она не замедлила обнажиться въ теченіе немногихъ недѣль: уже два раза я нашелся вынужденнымъ предостеречь о томъ гг. редакторовъ и обратиться вниманіе гг. цензоровъ на замѣченную мною неосмотрительность ихъ.

«Если вашему высокопревосходительству угодно поручить кому либо прослѣдить рядъ статей, помѣщенныхъ въ №№ 5, 6, 7, 9, 13, 14, 18 и 20 и означенныхъ въ прилагаемой къ сему выпискѣ ¹⁾, вы легко изволите замѣтить, съ какою возрастающею постепенностію онѣ ведутъ къ развитію началъ вреднаго направленія,—къ вольнодумію. Можетъ быть каждая изъ этихъ статей, подвергаясь просмотру отдѣльно, могла бы не подать повода къ возбужденію вниманія недостаточно предусмотрительной цензуры, но сомнѣваюсь, чтобы соображеніе ихъ въ совокупности не родило порицанія самаго снисходительнаго и свободно мыслящаго лица въ Россіи. Быстро и очень быстро стремятся по пути нами самими проложенному....²⁾ Не дозволяю себѣ судить о немъ, но доколѣ будетъ лежать на моей отвѣтственности и особенно на моей совѣсти долгъ охраненія спокойствія въ здѣшнемъ краѣ, останется—или гдѣтъ главное направленіе цензуры на меня возложеннымъ, я не престану, въ предѣлахъ обязанностей полиціи распорядительной, наблюдать и, въ случаѣ нужды, направлять огнегасительныя орудія во всѣ тѣ мѣста, гдѣ замѣчу не только пламя, но даже проявленіе дыма.

«Считаю долгомъ сознательно объявить вашему высокопревосходительству, что единственно изъ уваженія къ ученому сословію вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія я воздержался еще до сей поры отъ воспрещенія изданія «Одесскаго Вѣстника» лицейскому вѣдомству, опасаясь этого слишкомъ явнаго знака моего недовѣрія къ лицамъ, которымъ правительство ввѣряетъ воспитаніе нашихъ дѣтей; но въ случаѣ, если редація не измѣнитъ усвоенной ею программы и осо-

¹⁾ Статьи, на которыя указывалъ графъ Строгановъ были слѣдующія: въ № 5 (14-го января) а) — «Замѣтки и вѣсти изъ Подолія» и б) — «О современномъ положеніи русской мануфактурной промышленности»; въ № 6 (16-го января) — «О юридическомъ образованіи»; въ № 7 (18-го января) — «Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ»; въ № 9 (23-го января) — «Степное хозяйство»; въ № 13 (4-го февраля) — «Обзоръ русской литературы за 1857 г.»; въ № 14 (6-го февраля) — «О существенныхъ условіяхъ процвѣтанія земледѣльческой промышленности»; въ № 18 (15-го февраля) — «По поводу состоянія современной французской беллетристики»; въ № 20 (20-го февраля) — «О пароходномъ обществѣ».

²⁾ Точки въ подлинникѣ.

бенно своего отгѣнка, я не буду колебаться въ исполненіи моей обязанности, какъ я ее понимаю.

«Объ этомъ предупреждены мною редакторы и г. попечитель Пироговъ. Послѣдній просилъ меня письменно преподать редакторамъ мою программу, а цензорамъ наставленія или инструкцію. Я призналъ невозможнымъ указать лучшее руководство, какъ совѣтъ, вмѣсто какой либо теоріи,—слѣдовать примѣру предшествовавшей редакціи, которая, въ трехлѣтнее мое пребываніе въ здѣшнемъ краѣ, ни разу не подала мнѣ повода къ замѣчанію. Вотъ въ чемъ состоитъ моя программа тѣмъ болѣе удобоисполнимая, что оказывалась возможною въ продолженіе десятковъ лѣтъ.

«Если эти господа и все ученое сословіе лица полагаютъ, что они призваны и облечены во власть совершить преобразование въ Новороссійскомъ краѣ и перевоспитать его, недовольствуясь обязанностію заботиться объ юношествѣ,—хотя призваніе это само по себѣ прекрасно и едва достаточно для силъ человѣческихъ,—къ каковой мысли приводитъ меня наименованіе себя г. Пироговымъ, въ письмѣ ко мнѣ, представителемъ просвѣщенія, а не (представителемъ) вѣдомства народнаго просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ, то почему не обратятся они къ изданію лицейскихъ учено-литературныхъ записокъ, гдѣ, по болѣе ограниченной гласности подобныхъ сборниковъ, обращающихся въ кругу читателей уже въ нѣкоторой степени образованныхъ, было бы можетъ статься разрѣшено имъ выражаться инымъ языкомъ, чѣмъ тотъ, какой прилично усвоивать въ періодическомъ листкѣ, котораго большинство читателей принадлежитъ къ низшему и менѣе просвѣщенному классу населенія.

«Не существуй въ Россіи цензуры или будь она съ моего вѣдома временно пріостановлена, я конечно не дозволилъ бы себѣ утруждать ваше высокопревосходительство указаніемъ большей части статей, на которыя призываю ваше вниманіе; я ограничился бы, въ этомъ случаѣ, словами: вотъ что значить не имѣть цензуры! Но въ настоящее время, когда вопросъ находится не въ тѣхъ условіяхъ,читаю себя въ правѣ совершенно справедливо преслѣдовать всякое проявленіе безсилія или послабленія этого установленія.

«Дѣйствія признаются беспорядкомъ и своеволіемъ по относительному понятію объ условіяхъ быта и въ этомъ качествѣ возбуждаютъ удивленіе тамъ, гдѣ ожидаешь найти порядокъ и предусмотрительность къ охраненію благоустройства.

«Мнѣ остается надѣяться, что эта третья попытка моя исходатайствовать увольненіе меня отъ главнаго надзора за цензурою послужитъ вашему высокопревосходительству новымъ доводомъ моего сознанія въ неспособности къ этому дѣлу. Я всегда считаю себя счастли-

вымъ, если съумѣю исполнить въ точности обязанности, возлагаемыя на меня высокимъ довѣріемъ государя императора, но не имѣю дара приводить въ исполненіе распоряженій, которыхъ недоразумѣваю.

«Въ заключеніе признаю нужнымъ предстательствовать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ за тѣхъ самыхъ цензоровъ, которыхъ дѣйствія, по изложеннымъ мною обстоятельствамъ, возбудили мое неудовольствіе. Этими двумъ чиновникамъ, подчиненнымъ г. попечителю—предсѣдателю цензурнаго комитета, если не совершенно невозможно, по крайней мѣрѣ чрезвычайно трудно, что вы и сами вѣроятно легко сознаете, не допускать къ печати, по прямой ихъ обязанности и нерѣдко собственному желанію, такихъ статей, которыя, будучи читаны, чему бывали примѣры, въ литературныхъ собраніяхъ г. попечителя, въ присутствіи довольно большаго числа профессоровъ, уже удостоены предварительнаго одобренія этихъ совѣщательныхъ бесѣдъ. Это имѣетъ естественнымъ послѣдствіемъ, что подобныя сочиненія, какъ бы поступая въ цензуру изъ рукъ самого попечителя, безпрекословно ею пропускаются. Цензоры далеко не римляне, по стойкости въ защитѣ своего долга, и находясь, при подобныхъ обстоятельствахъ, между молотомъ и наковальнею, невольно приходятъ въ робость и нерѣшимость, внушающія одно состраданіе къ нимъ».

Такимъ образомъ вопросъ о московскомъ обѣдѣ былъ отложенъ въ сторону, на время забыть и возникалъ новый—о вредномъ направленіи «Одесскаго Вѣстника» и участіи въ немъ Н. И. Пирогова. Обвиненіе послѣдняго и всѣ заявленія графа Строганова поставили А. С. Норова въ крайне затруднительное положеніе, изъ котораго онъ былъ выведенъ своимъ товарищемъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, на разсмотрѣніе котораго были переданы письма Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

Въ собственноручной запискѣ князь писалъ:

«То, что графъ Строгановъ называетъ логическимъ выводомъ, есть не что иное какъ софизмъ, котораго односторонность и лживость опровергается при первомъ обсужденіи. Онъ говоритъ, что «допущеніе огласки мнѣній рго исключаетъ возможность, безъ нарушенія въ строгомъ смыслѣ справедливости, воспрещать безропотно оглашеніе мнѣній contra, къ чему неминуемо должно привести постепенное развитіе смѣлости?!»

«На дѣлѣ и во многихъ явленіяхъ жизни частной и общественной бываетъ искони совершенно противное. Напримѣръ: въ театрѣ позволяется ашлодировать игрѣ актера, но не позволяется игру его освистывать: свистуна выводитъ полиція изъ залы.

«Въ семейныхъ отношеніяхъ никогда сыну не будетъ поставлено въ вину, если онъ будетъ благодарить отца за оказанное ему благодаря-

ніе, но изъ того не слѣдуетъ, что сынъ вправѣ укорять и порочить отца, если дѣйствія его сыну не нравятся.

«Никакая цензура не воспретитъ похвальной пѣсни въ честь полководца, одержавшаго побѣду, но та же цензура не дозволитъ печатать сатиры на полководца, потерпѣвшаго поражение.

«Касательно изъявленія чувствъ подданнаго къ государю встрѣчаются тѣ же соотношенія, основанныя на разумѣ и на нравственномъ приличіи. Воспретить подданнымъ изъявлять сознательно благодарность свою царю за оказанныя народу милости, оцѣнивать ихъ, объяснять всю ихъ благотѣльную важность въ опасеніи, что на основаніи даннаго на то позволенія разрѣшается подданнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ осуждать и порицать мѣры верховной власти—значило бы допустить и облечь въ законную силу прискорбное лжеумствованіе. Оно извратило-бы, разорвало-бы священнѣйшія узы сочувствія и любви, связывающія народъ съ государемъ своимъ.

«Впрочемъ все заключеніе графа Строганова и ссылка на Сводъ Законовъ, на который онъ опирается, находятся нынѣ въ противорѣчій съ послѣднею высочайшею резолюціею, которая разрѣшаетъ говорить и разсуждать въ опредѣленныхъ границахъ о правительственныхъ мѣрахъ и общественныхъ вопросахъ. По мнѣнію же графа Строганова, должно наложить на всякое понятіе, на всякое нравственное сознаніе и чувство печать ненаружимаго молчанія. Иначе не понимаетъ онъ цензуры. Въ другомъ отношеніи своемъ (23-го мая 1856, № 215) говоритъ онъ, что у насъ всякое періодическое изданіе отъ моднаго журнала до всякой газеты есть мнѣніе правительства.

«Послѣ такого воззрѣнія на литературу и на цензуру нельзя для общей и государственной пользы не желать, какъ и самъ графъ Строгановъ того желаетъ, чтобы освободили его отъ обязанностей цензуры, которую также согласно ходатайству его передать попечителю одесскаго учебнаго округа».

Раздѣляя такое мнѣніе А. С. Норовъ готовъ бы былъ привести его въ исполненіе, но 23-го марта 1858 года былъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія и на его мѣсто назначенъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Н.

(О кончаніе слѣдуетъ).

На зарѣ крестьянской свободы.

(Материалы для характеристики общества).

(1857—1861 гг.).

IV¹⁾.

Причина быстрого поворота.—Первоначальное впечатлѣніе, произведенное рескриптомъ и министерскими разъясненіями.—Замѣчаніе на эти акты.—Голосъ объ нихъ изъ провинцій.—Соглашеніе с.-петербургскихъ дворянъ.—Новые циркуляры Ланскаго—конфиденціальныя письма.—Настроеніе тогдашняго общества.—Недовольство за освобожденіе безъ земли.—Высказываемыя опасенія.—Мнѣнія о выкупѣ.

Если спросимъ себя, что послужило поводомъ къ такому быстрому и почти неожиданному повороту крестьянскаго дѣла отъ реакціи въ сторону выполненія на практикѣ завѣтныхъ желаній императора ²⁾, то придется отвѣтить, что болѣе другихъ причинъ способствовало этому поводу неудовольствію со стороны помѣщиковъ, сыпавшіяся со всѣхъ концовъ имперіи въ министерство. И предводители дворянства, и болѣе значительные въ губерніяхъ помѣщики не переставали настаивать передъ министерствомъ, чтобы оно успокоило броженіе въ народѣ и въ прочихъ классахъ общества, выяснило окончательныя намѣренія правительства, не томило бы ни помѣщиковъ, ни крестьянъ неизвѣстностью, открывая широкій про-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1897 г. декабрь.

²⁾ Въ одномъ письмѣ къ В. И. Косаткину передается, что когда Б. Д. Кавелинъ назначенъ былъ преподавателемъ русскаго права къ наследнику престола и представлялся государынѣ императрицѣ, то между прочимъ услышалъ отъ ея величества слѣдующую фразу: «освобожденіе крестьянъ съ самаго дѣтства было любимой мыслью моего мужа».

сторъ всякаго рода нелѣпнымъ слухамъ. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ министръ Ланской въ отвѣтъ на такія заявленія сдѣлалъ распоряженіе объ образованіи губернскихъ комиссій, которыя еще болѣе возбудили нареканія на правительство и еще болѣе встревожили провинціальную мысль. Дѣло дошло до того, что нужно было сдѣлать что-либо положительное, гласное, манифестативное и безповоротное. Представленіе генералъ-губернатора Назимова о намѣреніи литовскихъ дворянъ освободить своихъ крестьянъ было какъ разъ кстати, такъ какъ, освятивъ это желаніе высочайшею санкціею, тѣмъ самымъ дѣло должно было перейти изъ области неопредѣленнаго, гаданій, споровъ, недоразумѣній, въ область реального разрѣшенія постановленнаго вопроса. Чтобы дать почину литовскаго дворянства общеимперское значеніе, рѣшено было рескриптъ и указаніе министра разослать во всѣ губерніи въ формѣ свѣдѣній. Мысль эта, какъ говорили тогда, принадлежала великому князю Константину Николаевичу. Многие изъ членовъ не соглашались, совѣтовали идти постепенно, выждать результатовъ виленскаго рескрипта. Но 27-го ноября представлялся государю воронежскій губернаторъ Синельниковъ. Государь, между прочимъ, сказалъ ему о рескриптѣ Назимову и присовокупилъ: «Я рѣшился дѣло это привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь». Удивленный губернаторъ отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, пересказалъ ему слова государя и спросилъ, что это значить и будетъ-ли объ этомъ предписаніе? Ланской по обыкновенію засмѣялся и отвѣтилъ «да получите, получите». Дѣйствительно, 24-го ноября былъ подписанъ циркуляръ къ начальникамъ губерній и предводителямъ дворянства; сдѣланный дѣло литовскихъ дворянъ дѣломъ общеимперскимъ. «Сии бумаги, т. е. рескриптъ и сообщеніе министра генералу Назимову, писалъ Ланской въ своемъ циркулярѣ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, имѣю честь въ копіи препроводить къ вашему превосходительству для вашего свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство вѣренной вамъ губерніи изъявило, подобно дворянамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, желаніе».

Форма приглашенія, какъ видно, крайне дипломатическая, деликатная и вполнѣ властичная. Однако этотъ шагъ министерства не былъ принятъ обществомъ съ такимъ неудовольствіемъ, какъ октябрское министерское распоряженіе. Даже оппозиторы, *quand même*, и тѣ не нашли возможнымъ, по крайней мѣрѣ первоначально, отнестись къ этому распоряженію съ огульнымъ порицаніемъ. К. И. К.—ковъ пишетъ, напримѣръ, къ брату въ Парижъ: «администрація наша, какъ и во всемъ, на законныя требованія государя и публики вздумала отвѣчать ловко придуманною канцелярскою формою и тѣмъ отдѣлаться на время

отъ назойливой необходимости сдѣлать что нибудь по вопросу освобожденія крестьянъ».

Передавая затѣмъ о ходѣ дѣла при появленіи рескрипта и циркуляра, авторъ письма добавляетъ: «сдѣлавъ это, министерство внутреннихъ дѣлъ старается кричать, что все кончено и что эмансипація рѣшена. Я было повѣрилъ, но когда прочиталъ подлинныя бумаги, то убѣдился, что на основаніи ихъ дѣло продлится еще очень долго. Впрочемъ, интересно будетъ знать, что скажетъ практика. Теперь во многихъ мѣстахъ шестилѣтніе дворянскіе выборы. Не знаю, предводители и губернаторы всюду ли сочтутъ нужнымъ довести до свѣдѣнія дворянства, или они прямо мимо дворянства станутъ доносить министерству о желаніи дворянства освободить крестьянъ».

Недовольства высказывались частныя, но не общія, огульныя. Многіе недовольны были учрежденіемъ комитетовъ. Изъ Москвы, напримѣръ, писали гр. Кушелеву-Безбородко, что «настоящими мѣрами скорѣе доказывается, что правительство не желаетъ освобожденія, потому что учреждаетъ комитеты: вѣрное средство не привести дѣла къ концу». Нѣкоторые недовольны были, что такая серіозная мѣра остается въ секретѣ и не опубликована всенародно, тѣмъ болѣе что въ губерніяхъ губернаторамъ пришлось по этому поводу двуличничать, хотя всѣ знали и понимали настоящей смыслъ дѣла.

«Полученіе рескрипта и циркуляра министра, писали А. Н. Татаринову изъ Симбирска, произвело между помѣщиками волненіе. тѣмъ болѣе, что губернаторъ къ 18 числу вызываетъ уѣздныхъ предводителей дворянства для соглашенія съ ними, нужно ли просить разрѣшить экстренное собраніе для обсужденія важнаго вопроса. Судя по скорости, я подозреваю, что есть предписаніе вызвать дворянъ. Губернаторъ объясняетъ поспѣшность тѣмъ, что онъ отвѣчаетъ за спокойствіе въ городѣ, который при настоящихъ обстоятельствахъ оставлять въ невѣдѣніи и ожиданіи еще хуже».

Эти опасенія безпорядковъ, весьма важныхъ при скрытности дѣла, высказываемы были и изъ другихъ мѣстъ.

«На дняхъ мы получили уже официальную бумагу, сообщали изъ Нижегородской губерніи С. П. Бестужеву-Рюмину, въ которой приводится примѣръ, что дворянство литовскихъ губерній само вызвалось уволить крестьянъ, и что государь, одобря это дѣйствіе, желаетъ знать по этому предмету мнѣнія дворянъ прочихъ губерній. 10-го декабря будутъ выборы. Что-то выйдетъ изъ всего этого? Я не предвижу ничего добраго, въ особенности на первыхъ порахъ не обойдется безъ чувствительныхъ безпорядковъ, которые и теперь появляются. Это правда, что у Демидова въ имѣніи открылось неповиновеніе и дошло до того, что колонна въ 200 человекъ явилась въ губернской городѣ».

Кромѣ секретности дѣла недовольны были также неопредѣленностью его постановки. Подобнаго рода мнѣніе высказывали люди очень солидные и знакомые съ государственною практикою, какъ напримѣръ Иванъ Вас. С—ровъ.

«Здѣсь получена бумага, пишетъ онъ изъ Пензы къ брату въ Петербургъ, въ ней глухо сказано: «если бы пожелали дворяне освободить крестьянъ, въ такомъ случаѣ они могутъ руководствоваться положеніемъ, принятымъ ковенскими, гродненскими и виленскими дворянами»; слѣдовательно, бумага эта не обязательна, хотя неизвѣстно, получено ли сверхъ этой еще какое-нибудь секретное предписание предложить или возбудить этотъ вопросъ. Ёду на выборы. Слѣдуетъ ожидать, съ одной стороны, стремленія выслужиться, съ другой—величайшихъ глупостей, тѣмъ болѣе, что я не знаю въ губерніи ни одного человѣка, который бы понималъ этотъ вопросъ въ отношеніяхъ политическомъ, хозяйственномъ, торговомъ и административномъ. Не знаю даже, найдется ли такой, который бы, отвѣчая на вопросъ, могъ дать ему приличное направленіе для дальнѣйшаго разсужденія—да и трудно, не зная предварительно предложенія и настоящихъ видовъ правительства.

«Ты знаешь, что многіе годы я серьезно занимался этимъ вопросомъ. Въ мнѣніи моемъ о крѣпостномъ состояніи, поданномъ въ 1842 году министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому, я объяснилъ его исторію, его политическое свойство, его вліяніе на земледѣліе и за всѣмъ тѣмъ я все-таки въ недоумѣніи, ибо предложеніе можетъ быть сдѣлано отъ лица губернатора или предводителя, или именемъ государя. Въ послѣднемъ случаѣ легко отвѣчать, потому что желаніе царя есть приказъ; но предложенія первыхъ двухъ лицъ, не имѣя никакой опредѣлительной цѣли, запутають дѣло.

«Я право не понимаю, какъ не знать, что сложныя административныя дѣла, которыя тѣсно соединены съ хозяйственнымъ общимъ устройствомъ, столь у насъ разнообразнымъ, не должно кидать въ публику бомбою, тѣмъ болѣе, когда измѣненіе положенія 24-хъ милліоновъ жителей и поземельной собственности помѣщиковъ потребуютъ, съ одной стороны, уничтоженія многихъ коренныхъ нашихъ законовъ, съ другой—ихъ измѣненія только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, съ третьей—совершенно новыхъ постановленій, особенно по устройству земской полиціи и судопроизводства.

«Я не защитникъ крѣпостнаго права и знаю, что оно введено первоначально въ 1718 году великимъ нашимъ хозяиномъ для «государственной надобности», т. е. для того, чтобы подчинить полудикое населеніе полицейскому надзору землевладѣльцевъ. Другой причины не было, да она при Петрѣ Великомъ, который уничтожилъ наследствен-

ную аристократію и нивелировала всѣ сословія, и быть не могла. Но если государственная надобность требовала подчинить крѣпостному праву крестьянъ и холопей, то та же государственная надобность можетъ потребовать уничтоженія крѣпостнаго права. Слѣдовательно, вопросъ въ томъ: пришло ли время для этого уничтоженія? Иначе говоря, можно ли быть увѣрену, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, наши 24 милліона крестьянъ изъ зависимости отъ лицъ перейдутъ въ зависимость только закона и сдѣлаются гражданами? Но тутъ пусть рѣшаютъ этотъ вопросъ петербургскіе умники».

За всѣми этими замѣчаніями тѣмъ не менѣ рескриптъ и циркуляръ министра были приняты первоначально весьма радушно. На югѣ Россіи за послѣднее время все успокоилось и только ожидали правительственнаго почина.

«Что же великое дѣло стало? нетерпѣливо спрашиваетъ изъ Кіева Гр. П. Галаганъ у Юрія Федоровича Самарина. Будучи сами здѣсь безсильны, оттого что слишкомъ разрознены, мы обращаемъ взоры, полные надежды, на вашъ кругъ людей, истинно доблестныхъ и которыхъ труды по дѣлу эмансипаціи благородны и безкорыстны. Отъ коронаціи пронесся слухъ по всей Россіи, а теперь все утихло! Ал. Иванов. Кошелевъ передъ коронаціею упоминалъ о приготовленныхъ по этому дѣлу проектахъ. Были-ли они поданы съ успѣхомъ или безъ успѣха—ничего не знаемъ. Есть у насъ люди, и ихъ можетъ быть болѣе, нежели думаютъ, которые готовы на благое дѣло, но первые начать не только на дѣлѣ, но даже на бумагѣ, не рѣшаются».

И дѣйствительно, людей, сочувствующихъ освобожденію, на югѣ, въ Малороссіи было повидимому болѣе, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Изъ Полтавы, напримѣръ, пишетъ мѣстный помѣщикъ П. С. Д.—всему въ Петербургъ, что «наконецъ великое дѣло освобожденія появилось на официальномъ горизонтѣ. Примѣру литовскихъ дворянъ послѣдуютъ и дворяне нашей губерніи. Взгляды мои вамъ извѣстны, и я безконечно счастливъ, что быть можетъ увижу въ скоромъ времени осуществленіе самыхъ душевныхъ моихъ желаній. Всякій день молю Господа Бога продлить мою жизнь, чтобы увидѣть начало великаго дѣла. Если проживу два, три года, то на моихъ глазахъ осуществится возрожденіе дорогого нашего отечества! Господь Богъ не оставитъ насъ въ своей премудрости совершить это преобразование тихо, въ порядкѣ и безъ всякихъ толчковъ».

Даже консерваторы, такіе какъ И. С. Х—вй, и тѣ приняли рескриптъ и циркуляръ съ одобреніемъ.

«По моему, пишетъ онъ отцу въ Москву, время сдѣлало свое дѣло и оставаться при прежнихъ порядкахъ было бы опасно. Мысль, раздутая разными говорами, запала, искоренить ее нѣтъ возможности и во

многих мѣстахъ открылись даже безпокойства. Слѣдовало выйти изъ тяжелаго положенія неизвѣстности. Полученный циркуляръ составленъ добросовѣстно и вполнѣ обезпечиваетъ и права наши и нашу собственность, предоставляя опредѣленіе мелкихъ повинностей самимъ же владѣльцамъ. Конечно, всякое добро не принимается вдругъ и нѣкоторое время имѣеть свои неудобства и повлечетъ нѣкоторыя потери, но если все обойдется спокойно, то все вознаградится съ лихвою. Не спору, что многолѣтнія привычки къ одному и тому же сильно не располагаютъ ко всякой переменѣ, но мѣра эта чисто консервативная, логичная, хотя и несогласная съ нашими привычками, какъ всякая переменна».

Между тѣмъ стоявшее ближе къ центру и наиболѣе передовое с.-петербургское дворянство, собравшись на выборы въ концѣ ноября встрѣтило рескриптъ и циркуляръ нѣсколько сконфуженно, такъ какъ ему пришлось въ такомъ великомъ и патриотическомъ дѣлѣ уступить мѣсто литовскому дворянству. Послѣдовало нѣсколько горячихъ заявленій со стороны лицъ, желавшихъ реформы и полное молчаніе со стороны реакціи. Во второе собраніе было уже написано представленіе о желаніи петербургскихъ дворянъ примкнуть къ рѣшенію дворянъ Литвы, и вслѣдъ затѣмъ 5-го декабря послѣдовалъ рескриптъ на имя с.-петербургскаго военнаго губернатора одинаковаго содержанія, какое было въ рескриптѣ къ генералъ-губернатору Назимову. То же содержаніе осталось и въ разъясненіяхъ къ нему, сообщенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но препровождая эти новые акты ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, министръ Ланской нашелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ циркулярѣ отъ 8-го декабря, что «правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать устройству быта поселянъ».

Это былъ отвѣтъ на упреки въ секретности и неопредѣленности правительственныхъ распоряженій. «Вы имѣете теперь средство, писалъ Ланской въ своемъ циркулярѣ губернаторамъ, отражать толки, несогласные съ видами правительства, и вразумлять недоумѣвающихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возлагается на васъ (губернаторовъ) обязанность бдительно слѣдить за распространителями ложныхъ извѣстій, которые могутъ нарушить общественное спокойствіе, и въ нужныхъ случаяхъ, принимать самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія зла въ началѣ».

Въ томъ же смыслѣ былъ написанъ циркуляръ губернскимъ предводителямъ дворянства.

Словомъ, послѣ сдѣланнаго заявленія со стороны с.-петербургскаго дворянства о желаніи его «упрочить быть своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ», какъ

говорится въ рескриптѣ, дѣло освобожденія тотчасъ же постановлено было на ногу болѣе точнаго и гласнаго производства.—Разумѣется послѣ этого правительство заинтересовано было знать о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на общество оглашенное имъ дѣло освобожденія крестьянъ.

«Правительству весьма полезно знать, писалъ Ланской въ конфиденціальныхъ циркулярныхъ письмахъ отъ 10-го декабря губернаторамъ, какое впечатлѣніе произвели распоряженія сія въ разныхъ губерніяхъ, а потому я считаю нужнымъ просить васъ самымъ откровеннымъ образомъ сообщать мнѣ о томъ частными письмами въ собственныя мои руки. Чтобы быть безпристрастнымъ зрителемъ и наблюдателемъ за ходомъ сего дѣла, вамъ не слѣдуетъ употреблять никакихъ настояній или внушеній, кромѣ тѣхъ, кои положительно вамъ мною указаны».

Какія получались на этотъ счетъ донесенія губернаторовъ въ министерство и получались ли они вообще—намъ неизвѣстно; но мы имѣемъ достаточное число частныхъ писемъ, изъ которыхъ можно составить довольно вѣрное представленіе, въ какихъ формахъ и въ сопровожденіи какихъ соображеній подвигалось дальнѣйшее развитіе крестьянскаго дѣла.

Въ одно время съ конфиденціальными письмами министра, А. П. М.—скій писалъ изъ Москвы къ брату въ Парижъ о неумѣстности бюрократическаго начала въ составѣ комитетовъ. «Комитеты въ губерніяхъ составляются, говоритъ онъ, изъ выборныхъ дворянъ и къ нимъ назначаются начальникомъ губерніи два опытныхъ помѣщика по его выбору, да еще чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Это вмѣшательство назначаемихъ вноситъ чиновническій элементъ и парализуетъ всякое свободное выраженіе мысли. Неужели безъ этого бѣдственнаго чиновническаго элемента не можетъ быть ничего сдѣлано? Кажется и безъ того онъ довольно задалъ бѣдной Руси, которая со внесеніемъ въ нее бюрократическаго, нѣмецкаго начала потеряла самобытное свое развитіе. По примѣру литовскихъ губерній, вѣроятно, пойдутъ и прочія, потому что въ рескриптѣ было выражено точное желаніе императора, идущаго неуклонно къ улучшенію быта простаго народа! Дай Богъ! Изгнаніе произвола есть крайняя необходимость, а изгнать его можетъ лишь уваженіе къ закону, который долженъ стать во главѣ всего дышащаго и мыслящаго отъ пана до хама».

О возможности неудачъ при назначеніи и выборѣ въ комитеты прежде всѣхъ заговорили въ С.-Петербургѣ. «Избранныя засѣдать въ комитетѣ, пишетъ г. Х.—кій къ отцу въ Москву, лица, будутъ несомнѣнно мало знакомы съ дѣломъ по тому самому, что маленькая Пе-

тербургская губернія составлена изъ дачъ, большею частью принадлежащихъ людямъ съ капиталами, а не изъ имѣній, какъ у насъ».

Москва въ то время еще молчала. Ранѣе прочихъ откликнулась на призывъ правительства Нижегородская губернія, хотя и въ Москвѣ сильно заговорила партія, желавшая освобожденія.

«Здѣсь уже многіе изъ дворянъ, сообщаетъ В. С. А—ова въ Петербургъ М. Г. К—шеву, подали письменное изъявленіе своего желанія эмансипаціи, не дожидаясь официального вопроса объ этомъ. Теперь многіе уже слѣдуютъ этому примѣру».

Но не такъ встрѣтили деликатное предложеніе правительства, какъ въ Нижегородской губерніи и въ Москвѣ, нѣкоторыя другія губерніи. Изъ Тамбова, напримѣръ, писали А. И. С—ову слѣдующее: «У насъ выборы. О министерскомъ и царскомъ циркулярѣ по вопросу объ эмансипаціи собраніемъ было разсуждаемо, и почти въ одинъ голосъ хотѣли, чтобы губернской предводитель отвѣчалъ отрицательно, или бы совсѣмъ не отвѣчалъ, не разсуждая, что по духу бумаги это было невозможно. Собранный по этому предмету комитетъ предводителей и дворянъ рѣшилъ отвѣчать уклончиво, дабы выиграть время, ожидая, не будетъ ли какой перемены или чего рѣшительнаго. Сказали, «что бумаги переданы для свѣдѣнія и соображенія предводителямъ», а какъ уѣздные предводители не связаны и не обязаны отвѣтомъ, доколѣ не вызовутся желающіе, чего кажется ожидать трудно, то время въ нашихъ рукахъ».

Въ другихъ мѣстахъ дворянство прямо было недовольно предложеніемъ и явно это высказывало. Взамѣнъ того, народъ, какъ бы не вѣря дѣйствительности, приплелъ къ этому цѣлую легенду о французѣ. «Неужели ты думаешь, что не понимаютъ желанія государя? спрашиваетъ М. П. К—шева В. С. А—ову. Очень понимаютъ, что онъ полную свободу дѣйствія предоставилъ дворянству, но они просто не хотятъ этого. Отъ этого и неудовольствія. Одинъ нашъ знакомый, только что пріѣхавшій, говоритъ, что всюду по дорогѣ только и рѣчи о вольности, что народъ говоритъ, будто французъ приказалъ его освободить, за то и воевалъ съ нами, и что земля ихъ и податей они платить не будутъ».

Относительно увѣренности народа, что земля должна была составлять неотъемлемую его принадлежность, есть свидѣтельство и изъ другихъ губерній. Такъ изъ Симбирской губерніи одинъ мѣстный житель сообщаетъ Н. П. Н—скому въ Тверь, что «здѣшніе прапорщики (какъ справедливо называлъ государь симбирскихъ дворянъ) крѣпко озабочены предстоящею реформою. Многіе спѣшатъ закладывать свои имѣнія въ томъ предположеніи, что долгъ останется на крестьянахъ. Въ проектѣ объ этомъ ничего не сказано. И если подѣ этимъ молча-

нѣмъ не скрывается какая-либо мысль о правахъ на землю, то будетъ трудно объяснить иначе. Между тѣмъ и крестьяне громко начинаютъ толковать о милости батюшки-царя и пьютъ за его здоровьешко. Пока все тихо, но надолго ли? Какъ примутъ православные объявленіе, что земля вся принадлежитъ помѣщику, у котораго они должны находиться навсегда въ кабаль? Врядъ ли они повѣрятъ, что на это есть воля царская? А не мудрено, пока комитеты будутъ судить да рядить, мѣръ, наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, примется за дреколье. Говорятъ, въ Пензенской губерніи крестьяне возбуждены до *non plus ultra* и что малѣйшаго повода достаточно, чтобы они принялись за расправу. Отъ здѣшняго комитета надо ожидать преуморительныхъ сужденій».

Опасенія весьма основательныя, и сознавались многими болѣе дальновидными людьми того времени. Но правительство постановлено было тогда между двухъ огней: съ одной стороны—сильная, могущественная реакція, поддерживаемая самими настойчивыми представленіями со стороны губернаторовъ и предводителей дворянства объ охраненіи интересовъ передоваго сословія, съ другой—не менѣе серьезныя опасенія за спокойствіе массы народа. Государственные люди въ большинствѣ и тогда понимали, что для крестьянства нѣтъ и не можетъ быть свободы безъ земли, съ которою оно должно будетъ нести всѣ тягости государственныхъ и общественныхъ.

Народъ сознавалъ и ожидалъ свободы съ землею давно, и уже авно въ той или другой формѣ ходили въ его устахъ легенды, приводившія его иногда къ неповиновенію съ плачевными послѣдствіями двоекныхъ экзекуцій. Еще болѣе опредѣленнымъ сказался взглядоходного русскаго, жившаго въ Парижѣ, выраженный имъ въ письмѣ къ брату И. Н. М.—вскому, въ которомъ онъ уже въ то время предвидѣлъ, что освобожденіе крестьянъ по своимъ послѣдствіямъ затронетъ самыя основы духовной и матеріальной жизни всѣхъ сословій. Взглядъ этотъ, правда, отзывается излишнимъ пессимизмомъ, но передъ наступающимъ великимъ актомъ освобожденія и подобнаго рода опасенія для того времени были весьма понятны.

«Положеніе Россіи, мнѣ кажется, трудно преодолимымъ, чтобы не сказать безвыходнымъ, говорить г. М.—скій. Мнѣ кажется, что нужно, чтобы измѣнилась цѣлая масса людей, чтобы прошла цѣлая генерация и явилась бы новая, воспитанная на почвѣ, подготовляемой усиліемъ многихъ лѣтъ, возросшая въ принципахъ истинно благородныхъ и нравственныхъ, которая явилась бы сама собою реформаторомъ уклонившейся администраціи, потрясая ее въ самыхъ началахъ. Первымъ дѣломъ ея будетъ утвердить начало личной свободы человѣка, оградивъ его отъ своеволія силою здраваго закона. Если заглянуть въ сердце русскаго, то

не трудно различить въ немъ рабство, подавляющее всё его благородныя стремленія. Это иначе не можетъ быть при настоящихъ русскіхъ понятіяхъ о человѣкѣ, т. е. понятіяхъ обязательныхъ, навязываемыхъ силою дѣйствующихъ началъ и законовъ. Не могу безъ возмущенія вспомнить, какъ люди ученые, съ высокими воззрѣніями, кланяются какому-нибудь попечителю, дурню, неучу, вполнѣ сознавая его ничтожность, и все потому, что этотъ попечитель можетъ безъ суда и закона выгнать ученаго со службы, и нѣтъ апелляціи, нѣтъ защиты. Мужика хотятъ ставить подъ защиту закона, а гдѣ онъ законъ? Можемъ ли мы сказать, что мы находимся подъ его защитою: гдѣ у насъ правда, гдѣ право человѣка? Правъ тотъ, кто силенъ и богатъ, а поэтому виноватъ всегда безсильный. Нельзя одной головѣ, какъ бы высоко она ни стояла, какъ бы ни были высоки ея желанія, создать новый міръ вокругъ себя; нужно, чтобы этотъ міръ возникъ самъ собой, т. е. былъ бы созданъ временемъ. Не намъ, а потомкамъ нашимъ суждено увидѣть вновь возникшее царство разумно-свободно-нравственнаго начала. Нельзя сомнѣваться въ поступательномъ движеніи Россіи, но нужно много свѣтильниковъ, чтобы освѣщать ея путь, потому что велика она матушка. Мы такъ привыкли спать, такъ свыклись съ бездѣятельностью, что когда насъ разбудятъ и скажутъ намъ, что сегодня хорошая погода, мы думаемъ, что уже и реформа, и новыя положенія настали и вводятся. А какъ сравнишь нашъ порядокъ вещей съ иностраннымъ, то всё эти преобразованія выходятъ, какъ капля въ морѣ».

Такое впечатлѣніе чувствовалось даже на мѣстѣ въ провинціи. «Дворянамъ даны большія права», повторялось въ разныхъ концахъ, и тотчасъ же являлось сомнѣніе насчетъ благоразумія и способности сего сословія. Къ князю Ал. В. К.—бею пишетъ, напримѣръ, племянникъ изъ Кіева, что «циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ полученъ. Помѣщикамъ, по моему мнѣнію, даны огромныя права, и дай Богъ, чтобы они не озлобили народа, надѣющагося на гораздо большее. Все зависитъ отъ дворянъ... Дворянскимъ комитетамъ надобно быть благоразумными и положить за правило не давать сразу много льготъ и правъ крестьянамъ, но положить тутъ же прочныя залоговья для будущаго ихъ благосостоянія и развитія».

Тревога за настоящее и боязнь за будущее проявлялась тогда не только у крѣпостниковъ или у помѣщиковъ мало развитыхъ, но даже у людей, всю душою жаждавшихъ освобожденія и вполнѣ понимавшихъ значеніе предстоящей реформы. Изъ Рязани пишетъ пріятель А. И. Кочелеву, что «теперь всё боится; но чего—никто не можетъ растолковать, и выходитъ такъ, что дѣло зашло далеко, а подвинулось впередъ очень мало», и при этомъ добавляетъ: «чего слѣдуетъ ожидать впереди, никто не знаетъ; но нельзя сказать утвердительно, что все будетъ тихо

и покойно. Намъ стало понятно, что нельзя требовать мысли отъ головы, когда судороги сводятъ ноги».

Всѣ опасенія того времени главнымъ образомъ истекали изъ того, что дѣло передано было въ руки дворянъ, и что дворяне изъ-за своего интереса не удовлетворяютъ ожиданіямъ крестьянъ, могутъ положить рознь между сословіями, а въ иныхъ случаяхъ и болѣе крупныя недоразумѣнія и безпорядки. Также ограниченность предстоящихъ имущественныхъ правъ для освобождаемаго народа приводила тогда многихъ въ смущеніе.

«Теперь, когда разошлось извѣстіе, что уже есть высочайшая воля объ улучшеніи быта крестьянъ, сообщаетъ киевскій помѣщикъ Н. Д. С—ву, есть также надежда, что крестьяне будутъ терпѣливо ожидать, въ особенности, когда увидятъ, что дворяне собираются для обсуждения этого вопроса. Циркуляръ министра написанъ въ такомъ робкомъ и неопредѣленномъ духѣ, что онъ всѣхъ убѣждаетъ, что министръ не имѣетъ никакого понятія о важномъ дѣлѣ, о которомъ онъ пишетъ. Выдача крестьянамъ двора съ усадьбою за цѣну осуждается вообще всѣми умными людьми; конечно, это не обязательно и дворянству данъ большой просторъ устраиваться, какъ оно найдетъ лучше, но этого-то и боятся умные люди, потому что не надѣются быть въ большинствѣ въ дворянскомъ собраніи».

Такою же неопредѣленностью циркуляра были недовольны и консерваторы.

«Какого можно ожидать впереди проку, когда строеніе безъ плана и на зыбкомъ фундаментѣ? спрашиваетъ Х—кій. Какое можетъ быть соглашеніе съ толпой народа полудикаго? Изъ всего этого выйдутъ только споры, потеря времени и разореніе интересовъ. Между тѣмъ правительство само должно бы подать примѣръ, а отчего же оно уклоняется по удѣламъ? Тамъ то же помѣщичье право. Всѣ должны быть уравнены, ибо подраздѣленіе быта не принесетъ пользы, а вредъ непремѣнно».

Г. Г.—новъ въ письмѣ къ А. Г. Т.—кому прямо высказываетъ, что отъ затѣяннаго дѣла слѣдуетъ ожидать только катастрофы, такъ какъ все дѣло построено на взглядахъ и симпатіяхъ по петровскимъ преобразованіямъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ эмансипаціею, ни съ филантропіею.

«Признаюсь, говоритъ онъ, не понялъ или не разобралъ фразы вашей «рескриптъ Назимову есть шагъ вверхъ». По моему это новый шагъ къ централизаціи и породитъ только хаосъ въ управленіи помѣщичьими крестьянами. Ничего добраго и хорошаго нельзя ожидать, пока не отречешься отъ Петербурга: для него все, для Россіи ничего... И потому гуманность нашего государя, не поддерживаемая энергіею, встрѣ-

*

чал противодействие въ Петербургѣ и задерживаемая преданіями Петра, приведетъ, кажется, къ катастрофѣ».

Со стороны западниковъ мнѣнія были болѣе сдержанныя, хотя тоже съ скептическимъ отгѣнкомъ. «Всѣ призадумываются, пишетъ москвичъ къ другу въ Малагу, а нѣкоторые изъ здѣшнихъ помѣщиковъ видятъ себя уже разоренными. Предвидѣть ничего нельзя: вещь новая для Россіи и сложная. Аксаковъ былъ у меня и въ восторгѣ: надѣется на общину и на всякаго рода бредни. Они вѣдь давно порѣшили всѣ самые усложненные вопросы, затрудняющіе всю Европу, такъ же, какъ они уже согласили религію съ философіей. Павловъ также былъ въ субботу. Разговоръ одинъ и тотъ же. Онъ признаетъ необходимость освобожденія, но также осовѣлъ».

Ничего нѣтъ удивительнаго, что и у людей дальновидныхъ, интеллигентныхъ, возбудился тогда порывъ сомнѣній и даже нѣкоторой тревоги. Будущее дѣло начертано было въ самыхъ общихъ чертахъ, остальное предоставлено было дворянству, т. е. массѣ самыхъ неопредѣленныхъ и самыхъ туманныхъ взглядовъ и стремленій. Всѣ сознавали, что наступаетъ время наверху стихійныхъ движеній общественнаго настроенія, а внизу возможность проявленія всякаго рода случайностей. Было о чемъ призадуматься, было чего и опасаться. Мы не говоримъ о крѣпостникахъ. Крѣпостники говорили языкомъ защиты своего кармана и болязни за свою голову.

«Сидя въ Питерѣ, пишетъ г. Павловъ ¹⁾, вы себя представить не можете, что теперь за ералашъ. Въ народѣ смутно. Безъ гиперболы можно сказать, что теперь помѣщичья должность есть воинскій постъ. Дѣлають-то не такъ... Сборъ на удовлетворенія за землю отнюдь не должно бы возлагать на помѣщиковъ. Это одно; а другое: прежде всего надо и усадьбы, и земли раздѣлить... А теперь дѣлежъ предстоитъ кровавый... Слово-то выпущено, а дѣла ни на грошъ не сдѣлано, да ничего и не предвидится. Вѣдь сидя въ Питерѣ мудроно понять, что такое близость усадьбъ, что такое общій выгонъ, общій сѣнокосъ... Это ни больше ни меньше, какъ задатки пугачевщины. Не говорю уже объ обязательствахъ. Можно бы, кажется, и въ Питерѣ понять, что это верхъ негѣпости. Вѣроятно, поймутъ скоро, да будетъ поздно. Теперь имѣніе покупать, все равно, что на Малаховъ курганъ идти во время Севастопольской осады. Вотъ вамъ наши реформы: Я объявилъ своимъ старикамъ (крестьянамъ), что отдаю имъ половину имѣнія съ тѣмъ, чтобы они приняли на себя совѣтскій долгъ ²⁾ (по 13-ти цѣлковыхъ съ тягла на 33 года). Они не согласились! Это хорошій образчикъ будущаго».

¹⁾ Въ письмѣ къ неизвѣстному отъ 30-го декабря 1857 года.

²⁾ Долгъ въ Опекунскій совѣтъ.

«Nous faisons une vraie revolution, пишетъ, напримѣръ, М. Д—довъ къ брату въ Москву, и въ вопросахъ объ устройствѣ крестьянъ, мнѣ кажется, надо идти впередъ рѣшительно, оставя всё побочные вопросы, рѣшаемые главными. Отчего просто не взять въ образецъ переворотъ, совершенный нѣкогда въ Польшѣ и въ губерніяхъ Остзейскихъ? Къ чему мечты объ общинѣ, о какомъ-то пролетаріатѣ, у насъ не существующемъ, а не о лѣни, ябедѣ, лжи, лихоимствѣ, у насъ вполне развитыхъ? Къ чему это безтолковое слово «эмансипація», получившее гражданственность, когда официальные бумаги министра внутреннихъ дѣлъ не произносятъ слово «свобода»? Чувствую какъ-то невольно революционеровъ, монтаньяровъ: эти люди могутъ испортить дѣло и лишить всѣхъ правъ дворянство... Тамъ, гдѣ могли бы быть однѣ радости, выгоды и польза—будутъ однѣ распри, борьба и злодѣйства»...

Но опасенія шли также и отъ людей передовыхъ, развитыхъ и желавшихъ сдѣлать для народа возможно большее. Боялись именно, что освободятъ народъ безъ земли.

«Сколько я знаю, пишетъ К. Е—ина въ Москву къ сестрѣ В. С. А —вой,—въ Орловской губерніи, гдѣ земля очень цѣнна, ибо ненаселенное имѣніе считается вдвое выгоднѣе населеннаго, а работники дешевле—дворяне охотно послѣдуютъ великодушному примѣру дворянъ бѣлорусскихъ губерній, т. е. согласятся взять всю землю себѣ; но это не пройдетъ тихо и безнаказанно. Мы сидимъ на пороховой бочкѣ. Неблагодарно было бы съ моей стороны бояться за себя и за своихъ, потому что насъ любятъ, но смотрѣть, какъ тихій и кроткій народъ терпѣть терпѣніе, хотя бы изъ совершенно безопаснаго окна,—ужасно. Здѣшніе помѣщики до того ослѣплены, что не видятъ возможной опасности въ конечномъ разореніи народа. Никому не удалось возмутить его спокойнаго сна. Говорятъ, что именно дорогѣ власть сослать въ Сибирь по капризу, отдать въ солдаты, высѣчь и проч. Но сослать и отдать въ солдаты стоитъ денегъ, а безъ земли можно просто безъ расходовъ уморить съ голоду, выслать со всей семьей изъ дому. Слѣдовательно, власть казнить остается при помѣщикахъ».

Въ такомъ же настроеніи и при такомъ же взглядѣ писалъ одинъ саратовскій помѣщикъ къ Л. С. К—кову въ Петербургъ.

«Мнѣ кажется, что изъ всего затѣяннаго крестьянскаго дѣла дѣльнаго исхода не будетъ, потому что мы смотримъ на исполненіе этого дѣла только какъ на желаніе царя, а не какъ на событіе, которое должно возвеличить и укрѣпить Россію. Слѣдуя циркуляру, крестьяне остаются безъ земли. Эта мѣра могла быть внушена только какъ легчайшій и скорѣйшій путь, оставляя въ сторонѣ будущность, для того только, чтобы приписать себѣ славу уничтоженія крѣпостнаго права, но не увѣковѣчить свое имя. Увольненіе крестьянъ безъ земли поведетъ къ тому, что

мы будемъ окружены нищими и будемъ въ такомъ положеніи, которое рано или поздно должно измѣниться. Не лучше ли разомъ устроить дѣло такъ, чтобы не пришлось его передѣлывать».

Впрочемъ, Левъ Сем. К—ковъ, живя въ Петербургѣ и имѣя связи въ правительственныхъ сферахъ, смотрѣлъ на дѣло иначе и сознавалъ, что правительство, за неопредѣленностью первыхъ обнародованныхъ имъ актовъ освобожденія, оставило за собою право предъявить впоследствии требованіе о надѣленіи крестьянъ землею.

«Я вполне убѣждаюсь, что въ основаніе освобожденія положено надѣлать крестьянъ землею. Хотя не ясно этотъ принципъ выраженъ съ тою цѣлью, чтобы на первый разъ не раздражить гусей, но нѣтъ сомнѣній, что въ обязанности помѣщиковъ надѣлать крестьянъ достаточнымъ для пропитанія количествомъ земли въ мысляхъ правительства кроется намѣреніе впоследствии предоставить право выкупа крестьянамъ этой земли съ помощью банковъ».

Существовало ли въ дѣйствительности въ то время предположеніе у правительства закончить крестьянскую реформу выкупомъ крестьянскихъ земель отъ помѣщиковъ—опредѣлить трудно. Есть болѣе основаній сказать—нѣтъ, чѣмъ да. Въ числѣ доставленныхъ въ секретный комитетъ проектовъ было очень много съ указаніемъ на возможность выкупа съ помощью выпуска процентныхъ бумагъ, но проекты эти были всѣ забракованы въ виду плохаго финансоваго положенія страны и боязни уронить курсъ.

V.

Правительственное оглашеніе объ освобожденіи крестьянъ.—Московский объѣздъ.—Разныя сужденія о немъ.—Значеніе Кокорева.—Разнообразныя мнѣнія о произнесенной имъ рѣчи на объѣздѣ.—Запрещеніе манифестацій генералъ-губернаторомъ Закревскимъ.—Опасенія и недовольство дворянъ и другихъ сословій.

Къ новому 1858-му году кромѣ Литовскихъ, Петербургской и Нижегородской губерній, другими губерніями еще не было изъявлено согласія на учрежденіе комитетовъ для обсужденія поднятаго крестьянскаго вопроса. Но такая нерѣшительность со стороны дворянъ продолжалась впрочемъ не долго. Съ половины января за Московскою губерніею слѣдовали одно за другимъ соглашенія дворянъ остальныхъ губерній, такъ что въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ дѣло объ улучшеніи быта крестьянъ стало дѣломъ повсемѣстно гласнымъ и обще-государственнымъ.

Кромѣ того, безповоротность предпринятыхъ правительствомъ мѣръ въ отношеніи отпѣны крѣпостнаго состоянія сказалась еще ранѣе тѣмъ, что въ январѣ было опубликовано высочайшее повелѣніе объ учрежденіи «Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу», взаимѣ прежняго «Секретнаго комитета». Правительство показало этимъ дворянству, что оно приступаетъ къ реформированію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, независимо высказываемаго со стороны послѣднихъ согласія, а въ формѣ общегосударственной мѣры. Дворянство должно было понять, что ходатайство съ его стороны о дозволении открыть у себя комитеты является не болѣе какъ политическимъ этикетомъ, а не правомъ желать или не желать предстоящаго освобожденія крестьянъ.

Твердость, рѣшительность правительства были встрѣчены самымъ задушевнымъ сочувствіемъ со стороны передовыхъ, болѣе образованныхъ и гуманныхъ лицъ. Москва, искони славившаяся манифестаціями, и въ данномъ дѣлѣ не упустила случая, по поводу рескриптовъ объ освобожденіи, заявить свою радость особымъ обѣдомъ въ купеческомъ клубѣ и застольными рѣчами, которыя впоследствии были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ»¹⁾. Нужно замѣтить, что обѣдъ этотъ носилъ не дворянскій, а всеобщій характеръ и менѣе всего могъ почитаться дворянскимъ торжествомъ; скажемъ болѣе, этотъ обѣдъ явился какъ-бы манифестаціей противъ предосудительно-долгаго молчанія московскаго дворянства на призывъ правительства. П. Н. Анненковъ въ письмѣ къ И. С. Тургеневу въ Парижѣ отъ 8-го января 1858 г. сообщалъ объ этомъ обѣдѣ какъ о событіи.

«Замѣчательнѣйшее событіе для насъ съ вами—это обѣдъ, который устроенъ былъ литераторами въ Москвѣ въ честь эмансипаціоннаго указа 20-го ноября. Было до 180 гостей, купцовъ и помѣщиковъ съ литературнымъ образованіемъ. Произнесены были истинно прекрасныя рѣчи Катковымъ, Кавелинымъ, Бабстомъ, Погодинымъ, Кокоревымъ. По окончаніи обѣда вся масса народу подошла къ портрету государя, разукрашенному цвѣтами, и хоромъ съ бокаломъ въ рукахъ пропѣла: «Боже Царя храни!» Пропѣли дурно, но никакой оркестръ уже не достигнетъ великолѣпія и эффекта этого хора. Мѣстное начальство косилось на обѣдъ,—но что же дѣлать, когда обѣдъ и благоговѣніе поданныхъ сошлись вмѣстѣ? Теперь идутъ переговоры о напечатаніи всего порядка обѣда и со всѣми его рѣчами, несмотря на недавнее министерское предписаніе о возбраненіи всякихъ печатныхъ разсужденій по поводу современнаго вопроса. А надо-бы, ей Богу надо-бы, разъяснить это предписаніе.

¹⁾ См. выше статью „Московскій обѣдъ 28-го декабря 1857 года“. Ред.

«Подумайте, множество голов исполнено тупѣйшаго, животнаго ужаса передъ новой мѣрой, что доказывается отчасти и самою Москвою, колеблющейся стать за нее откровенно. Да и комитеты, теперь собирающіеся въ Петербургской губерніи, до такой степени представляютъ хаотическое смѣшеніе понятій, требованій и представлений, что выработать тутъ законъ и форму будетъ дѣло не легкое. Единственной помощницей въ затрудненіи остается все-таки гласность. Она одна въ состояніи не только изготвить, но и пережевать вопросъ такъ, что помѣщикуему праву останется только усиліе разинуть ротъ въ свое время. На свѣтѣ есть сила, равная пару и пороку—это логическая необходимость в е щ е й».

Дѣйствительно, по особому ходатайству московскій генераль-губернаторъ Закревскій разрѣшилъ напечатать рѣчи, произнесенныя на обѣдѣ, но въ Петербургѣ въ цензурномъ управленіи встрѣтились на это большія затрудненія и вообще въ высшихъ петербургскихъ сферахъ крайне косо посмотрѣли на московскую манифестацію.

«Отъ вашего обѣда, сообщаетъ 9-го января 1858 г. П. Анненковъ въ Москву Евг. Фед. Коршу,—у многихъ здѣсь образуется индигестія (разстройство желудка). И странно, что ею поражены въ одно время и съ одинаковой силой плантаторы, у коихъ власть убѣгаетъ изъ рукъ, и славянофилы, у коихъ нѣтъ ея вовсе. Молодежь и литераторы бьютъ въ ладоши. Недоумѣваютъ только, какъ же теперь быть? Москва печатаетъ рѣчи, произнесенныя на Дмитровкѣ, а здѣсь не приказываютъ даже думать о рѣчахъ, какія были въ Пруссіи при освобожденіи! Что можно Москвѣ, то равно для С. Петербурга».

«Рѣчи, произнесенныя на извѣстномъ московскомъ обѣдѣ, писалъ В. В—въ, ¹⁾ были напечатаны въ 24 номерѣ «Русскаго Вѣстника,» но въ петербургскихъ журналахъ перепечатывать цензурою запрещено.—Какая тутъ бездна логики и что за тактъ!»

Но и московское дворянство, болѣе образованное, осталось недовольно обѣдомъ.

«На дняхъ собрались въ купеческомъ клубѣ, пишетъ 3-го января московскій помѣщикъ М — вскій къ брату въ Парижъ, разные господа, не имѣющіе никакой собственности въ Россіи, чтобы отпраздновать начало освобожденія Россіи, за который (т. е. за обѣдъ) заплатилъ богатый купецъ Соддатенковъ, который такъ же, какъ и всѣ безптаные господа, не связаны никакими поземельными интересами. Эта пошлая выходка доказываетъ, что выслужившіеся подьячіе и семинаристы не способны понять важности и значенія вопроса. Совѣмъ другое дѣло было бы, если бы помѣщики затѣяли подобную демонстрацію какъ особенно

¹⁾ Отъ 23 января 1858 г. В—ву въ Парижъ.

заинтересованные вопросом. У насъ все какъ-то на выворотъ. Такова, видно судьба нашего отечества».

«Эмансипація, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, надѣлала смуть и тревогу... Дворянство, привыкнуши видѣть себя въ исключительномъ положеніи, которое драго глаза другимъ сословіямъ, вопіеть противъ этого кризиса, не желая уступать, а простой народъ, не вполне понимающій цѣль правительства, толкуеть по своему. Такъ что выходитъ, что одни не хотять разстаться съ правомъ бить, а другіе воображаютъ, что дворянство лишается не только исключительныхъ правъ, но даже и собственности на землю.—Это общее непониманіе можетъ поднять топоръ, и тогда пойдетъ катавасія.—А какой прекрасной случай примирить вражду и общіе интересы! Мы дворяне, кажется, глупѣ простаго народа, который, при всей своей невѣжественности и озлобленіи, легко можетъ быть успокоенъ, если съ нашей стороны будетъ столько гуманности, чтобы сочувствовать пользамъ отечества. Богъ знаетъ, что съ нами будетъ!»

«Старикъ Закревскій, по душѣ добрый и честный человекъ, самъ по себѣ не могъ бы быть вреднымъ, но, къ несчастію, его окружають такіе люди, которые въ службѣ видятъ не цѣль, а средство».

Не нравилась многимъ безпечность, недостатокъ сдержанности, отсутствіе серіознаго отношенія къ такому великому дѣлу, какъ предстоящее освобожденіе.

«Здѣсь все тихо, пишетъ изъ Москвы Степанъ Петровичъ Шевыревъ къ брату въ Саратовъ, и крестьяне ведутъ себя какъ нельзя благоразумнѣе. Но странно, что такое великое дѣло у насъ, въ Москвѣ начинаютъ съ обѣдовъ. Вотъ уже было два и собирается подписка на третій. Досугъ ли тутъ обѣдать и пить шампанское, когда надобно разсуждать о такомъ дѣлѣ, которое должно преобразовать все наше отечество».

О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и А. Т.—цкой въ письмѣ къ Н. О. Б.—еву въ Вѣну. «Старушка Москва, пишетъ онъ, развеселилась не на шутку: рѣшительно всякій день балы. При этомъ высказывается вполне безпечный русскій характеръ: сегодня поживемъ, а завтра что Богъ дастъ. А подумать бы не мѣшало—переворотъ предстоитъ трудный. Конечно и въ клубѣ и въ гостиныхъ все объ одномъ толкують—уши прожужжали. Жаль только, что въ толкахъ—толку мало».

Недовольны были эмансипаціоннымъ обѣдомъ по преимуществу аристократы, увидавшіе въ этой демонстраціи какъ бы демонстрацію общественнаго мнѣнія.

«Противъ эмансипаціоннаго обѣда, сообщаютъ изъ Москвы И. В. Павлову въ Орель, въ аристократіи страшный гвалтъ. Обидѣлись въ особенности, что Кокоревъ рѣчь говорилъ. Дворянство не дало даже

своихъ клубовъ (для обѣда ¹⁾). Поклонники обѣда говорятъ, что онъ данъ былъ съ цѣлю поддержать реформы, противъ которыхъ најжесточайшая (?) оппозиція въ Петербургѣ, во главѣ которой князь Орловъ, а здѣсь Закревскій».

Жившій въ то время въ Римѣ князь Дмитрій О—скій, узнавъ о московскомъ обѣдѣ, былъ огорченъ до глубины души. «Какъ можно въ такое время дѣлать глупыя манифестаціи! это непростительное ребячество», писалъ онъ А. В. Головинну, но затѣмъ, прочитавъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сказанныя на обѣдѣ рѣчи, князь примирился съ этой манифестаціей.—«Хотя я продолжаю не одобрять манифестаціи, подобныя бывшимъ на обѣдѣ въ Москвѣ, пишетъ онъ Ю. Э. Самарину въ Москву, но общій тонъ говоренныхъ тутъ рѣчей меня нѣсколько помирилъ съ этимъ обѣдомъ. Напечатанная, но неговоренная рѣчь Кокорева очень замѣчательна и ловка. Какъ онъ мастерски и умно помазалъ помѣщиковъ по губамъ и какъ ловко предупредилъ укоръ лично къ нему, какъ откупщику относящійся. Въ основаніи мысль его вѣрна. Повѣрьте, что этого человѣка нужно употребить въ дѣло. Что тутъ смотрѣть на его недостатки и смѣшныя стороны. Кто ихъ не имѣетъ? но у него много ума, и въ бездѣйствіи оставаться онъ не можетъ. Во всякомъ случаѣ выгоды его имѣтъ у себя, чѣмъ противъ себя. Мнѣ кажется, что нѣтъ теперь человѣка, который бы могъ заключать въ себѣ всѣ качества нужныя министру, но самое необходимое качество должно состоять въ умѣннѣ употреблять людей и раздавать имъ работу. Въ рукахъ смысленнаго, хладнокровнаго и разсудительнаго министра финансовъ, Кокоревъ могъ бы быть полезнымъ совѣтникомъ».

Кокоревъ явился въ то время героемъ дня. Умная рѣчь, сказанная имъ за обѣдомъ, облетѣла всю Россію; о ней заговорили въ «Nord'ѣ», разбирали и въ Лондонѣ, а потому, весьма понятно, она вызвала самыя разнообразныя сужденія и крайне неодинаковыя отношенія къ автору. Одни возносили Кокорева до небесъ и чуть не видѣли въ немъ будущаго министра финансовъ, другіе, наоборотъ, заподозрѣвали въ немъ просто революціонера, желавшаго выступить впередъ при первомъ замѣшательствѣ. Солиталичское дворянство просило, наприимѣръ, своего предводителя выразить Кокореву коллективную благодарность за высказанныя имъ мысли по освобожденію крестьянъ. «Многіе изъ дворянъ предводительствуемаго мною уѣзда, пишетъ къ Кокореву солиталичскій предводитель, поручили мнѣ изъяснить вамъ свою признательность за рѣчь вашу, напечатанную въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что я и исполняю съ истиннымъ для меня удовольствіемъ. Весьма справедливо замѣтили вы,

¹⁾ Это невѣрно: купеческій клубъ былъ избранъ потому, что онъ одна только могъ вмѣстить въ своей залѣ всѣхъ обѣдающихъ.

что измѣненіе отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами въ губерніи нашей и другихъ, подобныхъ ей, представляетъ особаго рода затрудненія, потому что доходъ мѣстныхъ владѣльцевъ основанъ преимущественно на личномъ владѣніи крестьянами; не менѣе справедливы и другія слова ваши въ отношеніи мелкопомѣстныхъ дворянъ, коихъ у насъ такое множество; эти послѣдніе, не понимая нравственной цѣли правительства, полагаютъ, можетъ быть и не безъ основанія, что имъ негдѣ будетъ преклонить главы своей. Не вдаваясь въ разсужденія касательно означенныхъ двухъ обстоятельствъ, я ограничусь однимъ исполненіемъ даннаго мнѣ порученія. Скажу откровенно, что мы отъ души желаемъ, чтобы при разрѣшеніи важной современной задачи нашлось бы побольше людей подобныхъ вамъ, которые не скрывали бы отъ правительства, что въ предстоящемъ случаѣ есть такіе вопросы, которые обойти нельзя безъ ущерба для нашей братіи, и преимущественно бѣднѣйшей».

Однаково остались довольны обѣдомъ и рѣчью Кокорева харьковскіе дворяне. «Съ особеннымъ удовольствіемъ, сообщаетъ Ш—ковъ Кокореву, выслушалъ я искреннія похвалы, высказанныя всѣми губернскими и уѣздными преводителями за мысли и чувства, выраженные вами въ рѣчи, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; не только въ этомъ собраніи, но и въ частныхъ домахъ вездѣ превозносили ваше имя. Я замѣтилъ, что многимъ очень понравилась мысль ваша о замѣнѣ откуповъ новою системою сборовъ этого огромнаго государственнаго дохода. Понравилось и то, что откупщикъ, всѣмъ извѣстный, говорить объ откупахъ неодобрительно».

Между тѣмъ, среди петербургской и московской аристократіи имя Кокорева произносилось не иначе какъ съ злобою, бранью и всевозможными инсинуаціями. Русская колонія въ Парижѣ не могла переносить его имени. «Быль у меня Л—скій, сообщаетъ В—ковъ изъ Парижа Б—дину, и весьма невыгодно отзывался о Кокоревѣ. Вообще замѣчаю, что общее мнѣніе противъ него. Онъ далъ много денегъ «Nord'u», который его прославляетъ. Кажется, что Кокоревъ такой человекъ, который, въ случаѣ смуты крѣпостныхъ, воспользуется смутою и станетъ во главѣ ея, подобно тому цѣловальнику въ Римѣ, который въ 1848 году фигурировалъ въ смутахъ и былъ кайфомъ на часъ. Удивляются, что въ Лондонѣ тоже держутъ сторону этого .».

Орловскій помѣщикъ А. К—вскій съ радостью сообщаетъ въ Орелъ Ш—цу ¹⁾, что «Кокорева обяжали подпиской обѣдовъ впредь не давать и рѣчей не читать. Списокъ именъ подписчиковъ у него отобранъ и ему велѣно внушить: не осмѣливаться впредь облыгать министровъ. Онъ увѣ-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1858 г.

рляя графа Закревскаго, что князь Горчаковъ обѣщалъ напечатать его рѣчь на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и просилъ позволенія напечатать по-русски десять тысячъ экземпляровъ для разсылки по Руси. Графъ велѣлъ ему на бумагѣ подтвердить рассказъ о Горчаковѣ и вѣроятно сообщилъ въ Питеръ. Сейчасъ послѣдовала нахлобучка цѣловальнику-миллионеру. Пора! У него виды адскіе, онъ орудіе вѣшное (т. е. иностранное) непремѣнно. *On lui fait tigrer les mârons du feu*, когда не нуженъ будетъ, сбудутъ съ рукъ, но уже не съ миллионами»¹⁾.

Московскій генералъ-губернаторъ Закревскій, по слабости и старости лѣтъ, весьма скоро подпалъ подъ влияніе подобнаго рода мыслей и заключеній, тѣмъ болѣе, что въ душѣ онъ не сочувствовалъ дѣлу освобожденія и во многомъ препятствовалъ его развитію. Обѣды, напечатанныя рѣчи, восхваленія и недовольство выдающагося рѣчью Кокорева, все это сердило старика, тѣмъ болѣе, что ему стало извѣстно, что и въ Петербургѣ неодобрительно посмотрѣли на московскія проказы. Онъ рѣшился прекратить всѣ эти обѣды и всѣ демонстративныя выраженія патріотическихъ чувствъ.

«Насъ всѣхъ призывали къ полиціймейстеру, сообщаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ А. В. Головину»²⁾ и брали съ насъ подписки, что мы не будемъ праздновать обѣдомъ восшествіе на престолъ. По этому же поводу, Кокореву сдѣлано нѣсколько и другихъ запросовъ, между прочимъ и слѣдующій: на какомъ основаніи онъ употребилъ слово народный, на рѣзной надписи, высѣченной у него на фронтонѣ музеума, который выстроенъ у него на дворѣ. Надпись слѣдующая: «хранилище издѣлій русскаго народнаго труда» и она обращена не на улицу, а на дворъ. Кокоревъ отвѣчалъ совѣтомъ вымарать надпись: народныя бани, попадающіяся на всѣхъ перекресткахъ. Сколько у насъ невинныхъ и безкорыстныхъ сотрудниковъ «Колокола»! Слухи о бунтахъ, возстаніяхъ, беспорядкахъ и рѣзняхъ въ Смоленскѣ, Рязани, Тамбовѣ и т. д., о томъ, что суды подъ залогъ имѣній прекращены, что всѣ предводители, бывшіе въ Петербургѣ, требовали войскъ и т. д., возникаютъ и лопаются какъ мыльные пузыри. По правдѣ сказать, никто имъ не вѣритъ, но всѣ наперерывъ повторяютъ ихъ, находя какое-то странное удовольствіе пугать другихъ. Мало толку, мало и серьезности».

Болѣе всего возстановляло дворянъ противъ Кокорева, а также противъ Кошелева, что они были откупщики, имѣли громадныя наличныя средства, а потому имъ легче, чѣмъ кому бы то ни было, воз-

¹⁾ Письмо это остается лучшимъ свидѣтелемъ того, какъ сильно разыгрывались въ то время страсти и какъ легко оцѣнивался человѣкъ благодаря брани и сплетнямъ.

²⁾ Въ письмѣ отъ 8-го февраля 1858 г.

можно было соглашаться на уступки, въ пользу лучшаго обезпеченія крестьянъ. Масса же помѣщиковъ были въ долгу у Опекунскаго совѣта, въ наличныхъ средствахъ были стѣснены до крайности; для нихъ крестьянскій вопросъ былъ важенъ не съ одной политической стороны, но и со стороны обезпеченія себя и своихъ семей. «Эмансипаціи я сочувствую, говоритъ одинъ предводитель Московскои губерніи, давно желаю уничтоженія крѣпостнаго права, по званію предводителя дворянства, въ этомъ духѣ дѣйствую и уже нѣсколькихъ помѣщиковъ скрутилъ; но признаюсь, вводятъ освобожденіе нѣсколько крутенько. Многимъ хочется собственнаго возвышенія и преимущественно тѣмъ, кои въ низшихъ чинахъ и разбогатѣли какими либо путями. Вотъ такіе-то люди, какъ Кошелевъ, Кокоревъ, разбогатѣвшіе откупамъ, диво дивное творятъ, дивное и замышляютъ. Денегъ имъ откупы дали по горло. Кошелевъ купилъ на нихъ 6000 душъ, но откупы не дали имъ чиновъ, ихъ они теперъ и добиваются. По всему видно, что имъ желательно смуть. Кокорева, кажется, разгадали, но Кошелева — главу славянофиловъ, еще не разгадали».

Дворянство имѣло основаніе такъ думать въ то время. Оно видѣло, что безъ жертвъ съ его стороны обойтись нельзя, сознавало, что правительство взваливаетъ на его плечи всю отвѣтственность и что народъ, если на кого можетъ негодовать и показать свою злобу, то только на помѣщикахъ. Положеніе послѣднихъ было крайне невыгодное и ничего нѣтъ удивительнаго, что оно озлобленно смотрѣло на всѣхъ, кто подъ руку выскакиваетъ со своими мнѣніями и заключеніями, не теряя ничего и играя въ популярность. Многіе говорили и жаловались, что дѣло поднято теоріей, въ кабинетѣ, бюрократіей, безотвѣтнымъ въ этомъ дѣлѣ чиновничествомъ.

— Нигдѣ теоріи такъ не смѣшны и нигдѣ такъ не опасны, какъ у насъ, говоритъ одинъ помѣщикъ въ частномъ собраніи. Нѣмцы сочиняютъ умозрительныя теоріи, которыя изощряютъ человѣческія способности и въ созерцательной сферѣ представляютъ идеалъ совершенства избранной программы; а мы, видя у другихъ народовъ предметы матеріальные и не входя въ разборъ тѣхъ началъ, на коихъ они основаны, думаемъ, что и намъ надлежитъ создавать свои теоріи. Они появляются въ законодательствѣ, въ администраціи и даже въ хозяйствѣ. Послѣдствіемъ сего теоретическаго хамелеонства бываетъ то, что старыи порядокъ разрушается, а новый не клеится, и потому мы постоянно дѣти. Крутой переходъ отъ крѣпостнаго состоянія къ свободѣ того народа, который хотя и называется христіанскимъ, однакоже только по названію, а въ существѣ не понимаетъ ни вѣры, ни евангельскихъ добродѣтелей, не знаетъ ни одной молитвы и самого Бога признаетъ

богатымъ, щедрымъ, но злымъ Царемъ,—ничего не общаетъ добраго. Въ такомъ дѣлѣ слѣдовало бы держаться пословицы—*festina lente*.

Въ итогѣ оказалось то, что передовые люди, которые кричали прежде о необходимости освобожденія крестьянъ, стали приходять въ отчаяніе и не скрывали своего горя; напротивъ того, тѣ, которые считали крѣпостное право противнымъ цивилизаціи, но необходимымъ въ Россіи, при нашемъ законодательствѣ, принимали хладнокровно это нововведеніе и старались заранѣе писать правила для представленія будущему комитету; наконецъ, большинство состояло изъ людей старыхъ, привыкшихъ, когда вздумается, посылать Акульку въ лѣсъ за грибами, а 50-ти-лѣтняго Мишку таскать вездѣ съ собой для набиванія трубки, и вотъ эти приходили въ положительный ужасъ, потому что Акулька не послушается и не пойдетъ за грибами, а Мишкѣ за исполненіе трудной обязанности набивать трубку приходилось платить жалованьс. Купцы тоже оставались недовольны положеніемъ, а крестьяне, сперва обрадовавшіеся воли, когда узнали, что земля есть собственность помѣщика—призадумались.

«Помѣщики боялись новаго года, сообщалъ симбирскій помѣщикъ Н. П. Н.—скому въ Тверь, опасаясь общаго волненія крестьянъ, по случаю несбывшихся ихъ надеждъ, что 1-го января во всѣхъ церквахъ прочтутъ царскій указъ о свободѣ. Мужики много толкуютъ про новое распоряженіе. Тѣ, которымъ приходится больно жутко отъ помѣщиковъ, все объясняютъ въ свою пользу и ждуть лучшаго. Другіе же, болѣе благоразумные и не до конца угнетенные, говорятъ, что добраго ничего не будетъ, потому что дѣло ихъ предоставлено господамъ, которые будутъ хлопотать лишь о себѣ, а не о мужикахъ. Но какъ ни глупы иногда толки православныхъ, все-таки въ нихъ проглядываетъ что-нибудь основательное. А послушай-ка нашихъ господъ, не повѣришь и ушамъ своимъ—такую дичь несутъ. Многие утѣшаютъ себя тѣмъ, что правительство отступится отъ своей мысли, испугавшись ихъ волненія. Главными поборниками скотолодства являются здѣсь извѣстные Я—вы, которые, на чемъ свѣтъ стоитъ, поносятъ правительство. И преподобный Феодотъ не остался въ сторонѣ и горячо принялъ сторону этихъ крикуновъ и даже чуть-ли не натравляетъ ихъ. Достоувѣрно то, что всѣ почти они имѣютъ у него свои конференціи. Попы ведутъ себя также не совсѣмъ ладно, разглашая, между мужиками, разныя нелѣпости. Хороши пастыри, хороша и паства! Понадѣйся-ка правительство на подобныхъ дѣятелей! Они такъ просвѣтятъ, что не залюбуешься».

Ту-же картину и изъ той-же Симбирской губерніи рисуетъ Н. П. К.—вскій въ письмѣ отъ 1-го января къ К. П. П. въ Москву. «Послушалъ бы ты, пишетъ онъ, какъ приняло здѣсь высшее сословіе

предложенія правительства объ улучшеніи быта крестьянъ. Одни легко-вѣрные, думающіе, что издать какія либо новыя правила и привести ихъ въ дѣйствіе—одно и то же, опасаются преимущественно за потерю права продавать на выводъ людей; отдавать ихъ произвольно въ рекруты, наказывать ихъ по своему и отнимать безнаказанно рабочіе дни; другіе посмѣтливѣе, впередъ высказываютъ убѣжденія свои, что крестьянамъ будетъ еще хуже, такъ какъ они, не принадлежа *сopra et âme* помѣщику, не будутъ уже имѣть права, въ случаѣ голода, ожидать отъ помѣщика помощи, да и земли можетъ дать помѣщикъ сколько ему вздумается. Другими словами, крестьянина можно будетъ прижать безнаказаннѣе даже, чѣмъ теперь, потому 1) что, при существующемъ порядкѣ у насъ суда и расправы, сильнѣйшій изъ двухъ, т. е. помѣщикъ, будетъ всегда правъ; 2) что личность крестьянина, не составляя собственности помѣщика, не будетъ требовать, какъ всякая движимая собственность, ремонта. Подобныя взгляды и начала помѣщиковъ не могли породить и въ крестьянахъ большаго сочувствія къ своимъ господамъ и еще менѣе довѣрія. Оттого всѣ крестьяне, даже у порядочныхъ и человѣколюбивыхъ помѣщиковъ, въ высшей степени недовѣрчивы, и что бы для нихъ ни дѣлалось, что бы имъ ни говорилось, подозрѣваютъ у помѣщиковъ заднюю мысль и покушеніе на обманъ».

Подозрѣніе это, явно выражаемое крестьянами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, заставляло опасаться волнений, и многіе помѣщики, покидая свои имѣнія, уѣзжали въ города. «Я не одобряю того, писалъ одинъ изъ петербуржцевъ къ Г—ру въ Москву отъ 10 января,—что казанское дворянство ищетъ себѣ убѣжища въ губернскомъ городѣ и, вмѣсто успокоенія легковѣрныхъ умовъ народа, оставляетъ его бродить во тмѣ и даетъ поводъ къ осложненіямъ, которыя впоследствии будутъ ставить въ вину дворянству же, какъ промахъ трудно поправимый.—Возможно, что иные собственники, движимые страхомъ (особливо если знаютъ за собою нечистую совѣсть), и поступаютъ такъ изъ малодушія, но чувствованія этого рода едва-ли могутъ вліять на большинство помѣщиковъ. Напротивъ того, прямые интересы ихъ требуютъ пребыванія среди крѣпостныхъ, дабы тѣ не стали игрушкой жетолкованій.

«Я нахожу несравненно болѣе разумными дѣйствія помѣщика Новгородской губерніи Федора Ивановича Глинки. Недавно онъ былъ въ своемъ имѣніи, и благодаря шуму, который надѣлалъ высочайшій рескриптъ, его крѣпостные явились къ нему за разъясненіями. Онъ объяснилъ имъ въ чемъ дѣло. Приноровивъ рѣчь къ ихъ пониманію, онъ растолковалъ, что дѣло идетъ не о принятыхъ уже рѣшеніяхъ, но о предположеніяхъ по вопросу о тѣхъ мѣрахъ, какія подлежатъ будутъ обсужденію еще въ будущемъ. Крестьяне поблагодарили г. Глинку

и спокойно разошлись заявивъ, что понимаютъ, что имъ ничего не остается дѣлать какъ ожидать того, что владѣлецъ имъ объявитъ въ надлежащее время. Я повторяю: въ настоящее время по отношенію къ крестьянамъ единственно что слѣдуетъ предпринимать—это объявлять имъ, какъ стоитъ дѣло, дабы они не выдумывали небылицъ».

Р.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ГРАФѢ

Іоѳѣ МихайловичѢ ВіельгорекомѢ.

Въ любопытной біографіи императора Александра II, составленной С. С. Татищевымъ и помѣщенной въ первомъ томѣ Русскаго Біографическаго Словаря, неоднократно встрѣчается имя совоспитанника покойнаго государя, графа Віельгорскаго. Но, въ описаніи заграничнаго путешествія наслѣдника цесаревича въ 1838—1839 г.г. и въ послѣдующемъ разсказѣ, авторъ допустилъ нѣкоторыя неточности относительно графа Віельгорскаго, которыя мы считаемъ не лишнимъ исправить по имѣющимся въ нашемъ семейномъ архивѣ даннымъ, заключающимся между прочимъ въ двухъ, еще неизвѣстныхъ, письмахъ императоровъ Николая Павловича и наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Упомянувъ о спутникахъ, сопровождавшихъ великаго князя за границу и его адъютантахъ, С. С. Татищевъ называетъ въ ихъ числѣ и молодаго графа, что невѣрно. Дѣйствительно, Віельгорскій выѣхалъ весною 1838 года изъ Россіи, въ свитѣ великаго князя, но уже въ Берлинѣ съ нимъ возобновились припадки болѣзни, которая еще въ 1837 году заставила его отказаться отъ поездки съ наслѣдникомъ въ Сибирь и съ дороги изъ Казани вернуться въ Петербургъ. Въ рукописномъ журналѣ графа подъ послѣдними числами мая (по нов. ст.) 1838 г. находимъ слѣдующія отрывочныя замѣтки:

«16-го (28-го) мая, понедѣльникъ. Утромъ бѣгалъ. Кровохарканье. Испугался.

2-го (14-го) іюня, суббота. Приступъ кашля съ 5 часовъ утра и

кровохарканье. Я принужденъ сидѣть дома. Я долженъ отказаться отъ путешествія. Сильное огорченіе.

3-го (15-го) іюня. Консультація. Необходимость прекратить путешествіе. Разговоръ съ Назимовымъ. Бесѣда съ Паткулемъ о разлукѣ съ великимъ княземъ».

Изъ дальнѣйшихъ подробностей журнала узнаемъ, что Вильгорскій, разставшись съ наслѣдникомъ и его свитой, 12-го (24-го) іюня выѣхалъ изъ Берлина въ Карлсбадъ, откуда послѣ леченія переѣхалъ въ Эмсъ, затѣмъ въ Баденъ и наконецъ отправился въ Италію. Здѣсь онъ имѣлъ случай встрѣтиться съ наслѣдникомъ, сперва на Комскомъ озерѣ въ октябрѣ, а затѣмъ въ Римѣ, куда пріѣздъ великаго князя отмѣченъ воскресеньемъ 16-го декабря. Журналъ прерывается на послѣднемъ днѣ 1838 года. Въ слѣдующемъ 1839 году здоровье Вильгорскаго стало быстро ухудшаться, и въ началѣ лѣта онъ скончался въ Римѣ на рукахъ Гоголя ¹⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что Вильгорскій, начиная съ Берлина, уже не сопутствовалъ великому князю въ его путешествіи и не могъ, какъ указываетъ С. С. Татищевъ, сопровождать его въ Швецію и въ дальнѣйшихъ поѣздкахъ, а равно не состоялъ въ числѣ его адъютантовъ ²⁾. Кромѣ указанныхъ выше свиданій съ великимъ княземъ въ Италиі, близкія сношенія его съ Вильгорскимъ удостовѣряются помѣщаемымъ ниже письмомъ отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1839 года, изъ Голландіи, гдѣ наслѣдникъ проводилъ Св. Пасху у своей тетки принцессы оранской Анны Павловны и, между прочимъ, посѣтилъ лагерь нидерландскихъ войскъ на границѣ Бельгіи.

Второе, печатаемое нами, собственноручное письмо писано государемъ Николаемъ Павловичемъ послѣ смерти Вильгорскаго къ его отцу, графу Михаилу Юрьевичу ³⁾.

Подчеркнутыя слова печатаются съ разрядкой. Подлинники обонхъ писемъ принадлежатъ графинѣ Маріи Александровнѣ Келлеръ, рожденной княжнѣ Шаховской, внуку графа М. Ю. Вильгорскаго.

¹⁾ Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III, стр. 254 и далѣе.

²⁾ Русскій Біографическій Словарь, стр. 433 и 442.

³⁾ О полученіи этого письма государя гр. М. Ю. Вильгорскій писалъ Гоголю 29-го іюля 1839 г. (1838 г.—опечатка) изъ Марсея (Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III, стр. 265).

I.

Письмо великаго князя Александра Николаевича къ графу Іосифу Михайловичу Віельгорскому.

19-го апрѣля (1-го мая) 1839 г. Тилбургъ въ Голандіи, изъ главной квартиры принца Оранскаго.

Давно я собирался писать тебѣ, любезный мой Віельгорскій, но мнѣ право времени не было. Послѣднія извѣстія о твоёмъ здоровіи были слава Богу удовлетворительны, что меня крайнѣ радуетъ. Я вполнѣ надѣюсь на милость Божию, что Онъ поможетъ тебѣ скорѣ поправиться и воротиться домой совершенно здоровымъ.

Между тѣмъ въ Гагѣ получилъ я приказъ высочайшій, что для Пасхи, въ которомъ ты произведенъ въ поручики, съ чѣмъ тебя отъ души поздравляю. Я писалъ въ Петербургъ, чтобы прислали мнѣ эпюлемы для тебя, которые я къ тебѣ немедленно отправлю.—Я полагаю, что ты еще будешь въ Римѣ, въ этомъ миломъ Римѣ, гдѣ я провелъ такъ весело прошлую зиму,—все это мнѣ кажется сномъ и весьма приятнымъ. Гдѣ намѣренъ ты провести лѣто? Напиши мнѣ, прошу тебя, и адресуй письмо куда въ миссію нашу во Франкфуртѣ.

Что сомною во все это время происходило, ты вѣроятно уже знаешь. Изъ Вѣны, гдѣ я провелъ 10 дней, проѣхалъ я черезъ Мюнхенъ, въ Стутгартъ, Карлсруэ, Майнцъ, Кобленцъ, Кѣльнъ, Дюссельдорфъ, Нимвегенъ и въ Гагу, куда я прибылъ въ самое наше Вербное воскресенье. На страстной недѣлѣ мы отговѣли съ великой княгиней Анной Павловной, и я, въ первый разъ въ отдаленіи отъ своихъ и отъ тебя, мой милый другъ, послѣ столькихъ лѣтъ! Признаюсь, мнѣ было очень больно быть одному въ это время, которое мы привыкли проводить вмѣстѣ.

Всего я пробылъ въ Гагѣ ровно 4 недѣли довольно спокойно и приятно; мы были въ Амстердамѣ и оттуда ѣздили поклониться знаменитой хижинѣ Петра Великаго въ Саардамѣ. Вчера я выѣхалъ сюда въ Тилбургъ и сегодня при самой благопріятной погодѣ происходилъ смотръ всѣмъ войскамъ голландскимъ, собраннымъ подъ начальствомъ самого принца Оранскаго; они въ весьма хорошемъ состояніи.

Завтра отправляюсь я на парходѣ въ Англію, гдѣ я полагаю пробыть не болѣе 4 недѣль, а оттуда я вѣроятно возвращусь по Рейну, на Франкфуртъ, Берлинъ и изъ Штетина моремъ въ С.-Петербургъ къ 25-му іюня (7-го іюля). Ты можешь себѣ представить мое счастье, когда я только объ этомъ подумаю!

Но пора кончить, обними за меня отца и скажи ему, чтобы онъ

*

поклонился отъ меня предестѣйшей княгинѣ ⁴⁾ и всѣмъ милымъ русскимъ и добрымъ знакомымъ, если они все еще вмѣстѣ въ Римѣ.— Молю Бога, чтобы Онъ помогъ тебѣ скорѣе поправиться. Прощай, милый другъ, пиши мнѣ, и не забывай тебя истинно любящаго Александра.

Адресъ на конвертѣ: A. Monsieur Monsieur le Comte Joseph Wielhorski, officier de la Garde Impériale Russe, attaché à la personne de S. A. I. Mon. le Gr. D. Héritier de Russie, à Rome.

II.

Письмо императора Николая I къ графу Михаилу Юрьевичу Вельгорскому.

20-го юня (2-го юля) 1839 г. Петергофъ.

Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ, съ какимъ горемъ я получилъ несчастное ваше извѣщеніе, вы можете легко вообразить, Михайло Юрьевичъ! Привыкнувъ столь долгое время видѣть бѣднаго Юсифа наравнѣ и почти неразлучно съ сыномъ, почти не видѣлъ между ими никакой разницы, и милый нравъ и отличныя его достоинства еще болѣе укрѣпили во мнѣ сіи чувства. Я увѣренъ былъ, что въ немъ сынъ мой будетъ имѣть не только друга, но совершеннаго и отличнаго во всемъ помощника, своимъ родителямъ въ честь и справедливую гордость. Но Провидѣніе опредѣлило иначе! Смѣемъ ли мы роптать?— Перенесемъ со смиреніемъ ударъ сей, и съ умиленіемъ въ сердцѣ будемъ просить милосердаго Бога, да упокоитъ чистую безпорочную душу, нами оплакиваемую. Ваша твердость духа, Михайло Юрьевичъ, мнѣ извѣстна; я увѣренъ, что вы какъ добрый христіанинъ смирили скорбь вашу и примѣромъ симъ укрѣпили духъ бѣдной несчастной графини; съ нетерпѣніемъ жду, какъ она перенесла сію ужасную вѣсть!

Примите еще разъ увѣреніе въ моемъ искреннемъ участіи и въ отличномъ моемъ уваженіи. Николай.

Адресъ на конвертѣ: графу Михаилу Юрьевичу Вельгорскому.

М. А. Веневитиновъ.

⁴⁾ По всей вѣроятности здѣсь разумѣется княгиня Зинаида Александровна Волковская.

Петербургъ въ 1827 году.

(Изъ дневника П. Г. Дивова).

1827 г.

Января 1-го. Вступая въ Новый годъ, надобно пожелать чтобы правительство было не такъ склонно къ нововведеніямъ. Сегодня былъ во дворцѣ маскированный балъ, на который получили приглашенія только особы первыхъ шести классовъ, но изъ числа 5.000 приглашенныхъ пріѣхало всего 1.500 человекъ. Вѣроятно, многіе семейные люди не рѣшились ѣхать на этотъ балъ, боясь расходовъ. Вдовствующая государыня на балу не присутствовала.

Января 2-го. Издавъ указъ, коимъ власть и значеніе товарищей министровъ значительно увеличены. Отнынѣ: 1) имъ должны быть извѣстны всѣ дѣла, обсуждаемыя въ министерствѣ; 2) они имѣютъ право выражать свое мнѣніе, хотя бы оно и не согласовалось съ мнѣніемъ министра—что могъ дѣлать прежде только одинъ государь; 3) въ случаѣ болѣзни или отсутствія министра, его товарищъ засѣдаетъ въ комитетѣ министровъ.

Января 5-го. Мнѣ передавали, будто императоръ приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде, представить ему отчетъ о положеніи дѣлъ, и что его превосходительство находится въ большомъ затрудненіи. Полагаютъ даже, что онъ намѣренъ послать государю только одинъ перечень дѣлъ; въ такомъ случаѣ онъ сломитъ себѣ шею.

Января 7-го. Въ засѣданіи Сената прочитано два рескрипта: одинъ на имя кн. Лопухина, предсѣдателя совѣта, а другой на имя генералъ-прокурора кн. Лобанова; въ первомъ хвалятъ совѣтъ и его труды, во

второмъ не упомянуто ни слова о Сенатѣ. Это произвело неприятное впечатлѣніе на слушателей.

Я узналъ въ тотъ же день, что рѣшено уничтожить Адмиралтействъ-коллегію, замѣнивъ ее совѣтомъ или морскимъ штабомъ. Эта новая мѣра не принесетъ хорошихъ плодовъ.

Января 9-го. Спектакль, назначенный на сегодняшний день въ Эрмитажѣ, на который было приглашено 400 человекъ обоого пола, не состоялся вѣроятно по случаю мороза.

Императоръ переѣхалъ въ Зимнемъ дворцѣ въ новое помѣщеніе, отдѣланное для него въ 3-мъ этажѣ.

Января 10-го. Пронесся слухъ, что императоръ хочетъ имѣть департаменты Сената въ Кіевѣ, Вильно, Казани и т. п. Я высказалъ откровенно свое мнѣніе по этому поводу; я нахожу, что это было бы неблагоприятно и что событіе 14-го декабря должно бы послужить урокомъ, чтобы не предпринимали ничего подобнаго. Я боюсь, чтобы императоръ не далъ обмануть себя либераламъ и полякамъ, коихъ онъ удостоиваетъ своего довѣрія.

Января 14-го. При свиданіи съ начальникомъ тайной полиціи ген. Бенкендорфомъ я сообщилъ ему о слухахъ по поводу перенесенія нѣкоторыхъ департаментовъ Сената въ провинціальныя города прибавивъ, что этого желаютъ поляки и что это была бы мѣра неблагоприятная, такъ какъ она была бы равносильна учрежденію нѣсколькихъ законодательныхъ корпусовъ, которые злонамѣренныя люди постараются забрать въ свои руки для того, чтобы произвести переворотъ, и что событіе 14-го декабря должно послужить урокомъ и предотвратить подобныя ошибки. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ и рѣчи о какомъ либо раздробленіи Сената. Я не сталъ болѣе распространяться объ этомъ предметѣ, но назвалъ ему сенатора гр. Потоцкаго, который распространялъ эти слухи, прибавивъ, что я высказалъ ему публично вышеупомянутыя причины, не допускающія раздробленія Сената. Я увѣренъ, что Бенкендорфъ доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, который будетъ по крайней мѣрѣ остерегаться коварства этихъ польскихъ интригановъ.

Января 16-го. Въ Эрмитажѣ былъ спектакль, на который я отправился, желая посмотреть, что за новые порядки тамъ заведены. Императорская ложа находилась по срединѣ; въ ней сидѣли только члены императорской фамилии и французскій посланникъ, получившій особое приглашеніе; за нимъ ухаживаютъ вѣроятно потому, что Франція приняла участіе въ дѣлахъ Греціи. Военнымъ было приказано явиться безъ орденовъ, согласно распоряженію Александра I; статскіе были при орденахъ. Спектакль былъ длиненъ и скученъ, но такъ какъ я отправился въ Эрмитажъ съ цѣлью показаться императору, то цѣль была достигнута.

Января 23-го. Въ разговорѣ императора съ кн. Дм. Хилковымъ, который мнѣ передалъ, высказался взглядъ его величества на дѣла внутренняго управленія. Кн. Хилковъ сказалъ государю, что губернаторамъ оказываютъ слишкомъ мало уваженія, тогда какъ военные, командующіе хотя бы 4—10 тыс. человекъ, имѣютъ лично доступъ къ императору. Государь отвѣчалъ, что онъ съ этимъ согласенъ. Императоръ сказалъ кн. Хилкову между прочимъ, что честность—величайшая добродѣтель, но что этотъ прекрасный принципъ не всегда примѣнимъ въ администраціи. Можно быть человекомъ честнымъ и неспособнымъ занимать извѣстную должность, а тѣмъ болѣе преслѣдовать злоупотребленія подчиненныхъ.

Января 27-го. Члены общества, основавшаго глазную лечебницу выбрали меня своимъ предсѣдателемъ. Я отказывался принять это званіе, предложилъ благодарить моего предшественника, докт. Штофрегена и поставить въ больницѣ его портретъ, какъ основателя больницы, а портретъ кн. Александра Голицына какъ ея попечителя. Мое предложеніе принято.

Января 28-го. День рожденія великаго князя Михаила Павловича. Во дворцѣ былъ балъ на 400—500 лицъ и ужинъ. Я наблюдалъ за императоромъ. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ со всѣми дамами и камерфрейлинами и подводилъ къ императрицѣ во время танцевъ разныхъ кавалеровъ. Императрица танцевала съ адмираломъ Мордвиновымъ, княземъ Голицынымъ—московскимъ губернаторомъ, графомъ Кочубеемъ и сенаторомъ Полетикой.

Марта 11-го. По прошествіи 25 лѣтъ впервые назначена заупокойная литургія по императорѣ Павлѣ. Это прекрасный поступокъ со стороны императора Николая.

Марта 20-го. Говорятъ, будто гр. Чернышевъ, отправился къ гр. Аракчееву, чтобы отобрать у него всѣ бумаги покойнаго императора.

Марта 27-го. Въ дневномъ приказѣ объявлено, что главнокомандующій арміей въ Грузіи (А. П. Ермоловъ) удаленъ отъ должности и на его мѣсто назначенъ ген. Паскевичъ, которому подчинено и гражданское управленіе краемъ, но въ Тифлисѣ назначенъ губернаторомъ ген. Сипягинъ. Особенно любопытно слѣдующее обстоятельство: нѣсколько недѣль тому назадъ пронесся слухъ, что начальникъ главнаго штаба Дибичъ, командированный для того, чтобы уладить недоразумѣнія, возникшія между Ермоловымъ и Паскевичемъ, призналъ Ермолова невиновнымъ.

Апрѣля 5-го. Сенату и Совѣту велѣно принести поздравленіе императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

Апрѣля 6-го. Сего числа скончался предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. Лопухинъ 83-хъ или 85-ти лѣтъ отъ роду. Онъ имѣлъ многолѣтнюю опытность въ дѣлахъ; я восхищался имъ во время про-

цесса по дѣлу о заговорѣ 14-го декабря. Многие говорятъ, что это былъ человѣкъ продажный. Назначеніе новаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта встрѣтило нѣкоторую задержку. Кажется императоръ желаетъ, чтобы предсѣдателемъ было лицо, смѣняемое каждые полгода.

Апрѣля 16-го. Нессельроде пригласилъ меня къ себѣ и предложилъ принять участіе въ комиссіи изъ 3-хъ сенаторовъ, которая назначается для пересмотра претензій по государственнымъ долгамъ и расходамъ Порты. Я принялъ это предложеніе. Такимъ образомъ комиссія составила изъ г.г. Энгеля, Полетики и меня.

Апрѣля 27-го. Кн. Долгорукій, сенаторъ московскихъ департаментовъ Сената, назначенъ товарищемъ министра юстиціи. Министромъ хотѣли назначить ген.-лейт. Закревскаго (финляндскаго генераль-губернатора), но такъ какъ онъ отказался отъ этой должности, то дѣло кончилось назначеніемъ Долгорукаго.

Апрѣля 29-го. Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, на мѣсто покойнаго кн. Лопухина, назначенъ гр. Кочубей. Это назначеніе неприятно старикамъ кн. Куракину и адм. Мордвинову, которые добивались этого мѣста.

Мая 5-го. Императоръ уѣхалъ въ Царское Село; 6-го числа онъ отправляется въ Вязму, гдѣ будетъ сосредоточено 60 т. человѣкъ войска, для производства пяти-дневныхъ маневровъ.

Мая 17-го. Я былъ съ визитомъ у гр. Капо-д'Истрія, который пріѣхалъ три дня тому назадъ изъ Швейцаріи. Онъ принялъ меня любезно и старался оправдаться въ моихъ глазахъ сказавъ, что онъ оставилъ императора Александра по своему собственному желанію и что императоръ писалъ ему въ ласковыхъ выраженіяхъ за нѣсколько недѣль до своей кончины; однимъ словомъ, онъ имѣлъ видъ человѣка, который чувствуетъ свою силу и не прочь этимъ воспользоваться. Я похвалилъ ему императора Николая, сказавъ что онъ выказалъ характеръ въ дѣлахъ съ Портою, но графъ какъ будто не раздѣляетъ моего восторга.

Мая 20-го. Императоръ возвратился изъ Вязмы весьма довольный маневрами.

Іюня 6-го. Въ общемъ собраніи Сената, созванномъ сегодня, объявлено, что его величество повелѣлъ судить обвиняемыхъ поляковъ 5-му департаменту Сената, состоящему изъ 20-ти человѣкъ. Тѣмъ же указомъ повелѣвалось этому департаменту избрать изъ своей среды 3-хъ членовъ, которые отправятся въ Варшаву, чтобы произвести слѣдствіе по этому дѣлу и постановить окончательный приговоръ обвиняемымъ—уроженцамъ русскихъ губерній.

Іюля съ 1-го по 12-ое происходили оживленные совѣщанія по дѣламъ Греціи. Графъ Капо-д'Истрія отказался отъ должности статсъ-секретаря

и принялъ званіе президента въ Греціи. Императоръ писалъ ему и въ концѣ письма удостоилъ его названіемъ друга.

Іюля 12-го. Я поѣхалъ проститься съ графомъ Капо-д'Истріа, поздравилъ его съ окончаніемъ его дѣлъ и спросилъ, правда ли, что онъ получилъ отъ императора 180 тысячъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но у меня была аренда въ Ковелѣ, за которую казна выдавала мнѣ по 8.000 рублей. Императоръ повелѣлъ вы-
платить мнѣ эту аренду одновременно за остающіеся 8 лѣтъ; такимъ образомъ я выигрываю тысячъ 13, которыя считаю вполне заслу-
женными.

Перейдя затѣмъ къ текущимъ событіямъ, графъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ императоромъ.—Онъ сказалъ его величеству, что въ его положеніи было немислимо отвѣтить отказомъ на сдѣланное ему предложеніе руководить дѣлами отечества; что онъ могъ бы еще служить Россіи, если бы она была въ состояніи дѣйствовать одна, безъ союзниковъ; но такъ какъ она находится въ зависимости отъ нихъ, то онъ не можетъ быть ей полезенъ, такъ какъ лично онъ не будетъ имѣть вліянія ни на своихъ соотечественниковъ, ни на союзниковъ; зато его собственное вліяніе, его собственная сила сослужать большую службу въ пред-
стоящихъ ему трудахъ.

— Въ чемъ же заключается ваша сила, спросилъ его императоръ?

— Въ покровительствѣ вашего величества, въ вашемъ добромъ мнѣ-
ніи обо мнѣ и въ уваженіи, которое мнѣ оказываютъ кабинеты вашихъ союзниковъ. Это даетъ мнѣ средство примирить страсти, раздрающія мое первое отечество. Ваше величество понимаете конечно, что ежели бы у меня было еще 50 линейныхъ кораблей, то я обошелся бы безъ помощи Англій, но такъ какъ я ихъ не имѣю, то я вынужденъ оставить вашу службу и занять мѣсто, на которое меня призываютъ мои сооте-
чественники.

Императоръ подаль ему руку, обнялъ его и сказалъ, что онъ вполне одобряетъ его поведеніе и что графъ заслужилъ этимъ его полнѣйшее уваженіе.

Я спросилъ, располагаетъ ли графъ ѣхать прямо въ Лондонъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, надобно вывѣдать мысли англичанъ.

— Конечно, возражалъ я, вы не ограничитесь однимъ Каннингомъ, который можетъ съ самаго начала не сдержать своихъ обѣщаній.

— Я повидаюсь со всѣми, кто будетъ играть со-временемъ нѣко-
торую роль, отвѣчалъ онъ. Надѣюсь, что они примутъ меня хорошо.

— Впрочемъ, пробормоталъ онъ сквозь зубы, я вѣдь оказалъ имъ
услугу.

— Ай, ай, ай, любезный графъ, подумалъ я, ужъ не идетъ ли
рѣчь объ уступкѣ Ионическихъ острововъ.

Говоря о Греціи, графъ высказалъ между прочимъ, что соотечественники подчинятся ему, такъ какъ у него есть личное вліяніе, на какое не можетъ претендовать никто изъ нихъ, то вліяніе, о которомъ онъ упомянулъ въ разговорѣ съ императоромъ; но его чрезвычайно беспокоитъ одно обстоятельство, а именно—жалкое состояніе финансовъ Греціи, и ежели ему удастся собрать одинъ милліонъ франковъ, то это удовлетворитъ государственныя нужды на мѣсяць. Эту сумму надѣялись реализовать, сдѣлавъ заемъ на Ионическихъ островахъ, но врядъ ли это удастся; видя такой недостатокъ въ деньгахъ, онъ самъ пожертвовалъ 50 тысячъ франковъ и обратился письменно съ просьбою о помощи къ крупнѣйшимъ капиталистамъ-грекамъ въ Триестѣ и другихъ портахъ Средиземнаго моря, а также въ Одессѣ. Со-временемъ же думаетъ обратиться къ русскимъ, но не иначе какъ съ согласія его величества, и ежели на то послѣдуетъ высочайшее соизволеніе, то онъ надѣется собрать значительную сумму денегъ. Затѣмъ онъ упомянулъ о лестномъ рескриптѣ, который данъ ему при увольненіи его изъ русской службы, сказавъ что этотъ рескриптъ замѣнитъ ему аттестатъ, что онъ служилъ добросовѣстно императору Александру и странѣ, которую онъ покидаетъ; что онъ могъ бы, подобно многимъ другимъ, удалиться на югъ Россіи съ значительной пенсіей, но если Греція погибнетъ, то онъ былъ бы достоинъ презрѣнія, несмотря на все свое богатство. Если бы Греція даже и не погибла, все же императоръ отнесся бы къ нему съ презрѣніемъ (это было высказано ему при свиданіи). По приѣздѣ въ Петербургъ и по возвращеніи императора въ столицу онъ тотчасъ обратилъ вниманіе его величества и министерства иностранныхъ дѣлъ на необходимость воздѣйствовать на Францію въ томъ смыслѣ, чтобы она приказала объявить египетскому бею, что ему вѣлно не допускать экспедиціи въ Морею; раньше объ этомъ никто не подумалъ. Наконецъ Капо-д'Истрія сказалъ мнѣ, что во время его пребыванія въ Швейцаріи нѣкоторые знатные англичане уговаривали его порвать всѣ сношенія съ русскимъ императоромъ, на что онъ отвѣчалъ:

— Господа, то, что вы мнѣ предлагаете, унизило бы меня въ моихъ собственныхъ и въ вашихъ глазахъ. Я увѣренъ, что тѣ же англичане отдадутъ мнѣ въ этомъ случаѣ полную справедливость, ибо никто изъ нихъ не вѣритъ, что имѣя возможность вновь пользоваться вліяніемъ по прежнему, я пожертвую имъ моему долгу по отношенію къ Греціи и откажусь играть блестящую роль, удовлетворяющую моему честолюбію. Надѣюсь, что эта послѣдовательность съ моей стороны упрочитъ мое вліяніе на родинѣ и обезпечитъ мнѣ уваженіе, которое я старался приобрести за границею.

Июля 31-го. По окончаніи маневровъ императоръ возвратился въ городъ. Ихъ величества поселились на Елагинѣ.

Августа 2-го. Получено извѣстіе о пораженіи 8-ми тысячнаго корпуса персидской кавалеріи, состоявшей подъ командою Аббаса Мирзы; вслѣдствіе этой побѣды главнокомандующій Паскевичъ занялъ городъ Абасъ-Абадъ.

Августа 5-го. Побѣда была отпразднована въ Таврическомъ дворцѣ.

Августа 10-го. Императоръ пріѣхалъ неожиданно въ Сенатъ около 10 часовъ утра. Онъ вошелъ черезъ уголовный департаментъ; не заставъ тамъ никого, прошелъ во 2-ой департаментъ, который также нашелъ пустымъ. Наконецъ, войдя въ 3-й департаментъ, онъ засталъ въ немъ меня одного. Его величество подалъ мнѣ руку и пожалъ ее. Я повелъ его изъ департамента въ департаментъ. Онъ сказалъ мнѣ сначала на ухо: «это кабакъ», затѣмъ повторилъ эти слова очень громко. Я замѣтилъ, что хорошо только зало общаго собранія.

— Дѣйствительно, оно красиво, сказалъ государь, войдя въ это зало.

Оттуда я повелъ его въ 1-й департаментъ, но государь туда не зашелъ. Уходя, онъ поручилъ мнѣ передать моимъ сотоварищамъ-сенаторамъ, что онъ былъ у нихъ съ визитомъ, но никого не засталъ. Прокуроръ 1-го департамента Журавлевъ тотчасъ поѣхалъ съ докладомъ къ министру юстиціи.

Августа 11-го. Министръ юстиціи объявилъ по всѣмъ департаментамъ Сената, что его императорское величество засталъ въ Сенатѣ одного сенатора Дивова и что сенаторамъ предписывается впредь являться въ часы, указанные общимъ регламентомъ Петра Великаго.

Августа 12-го. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Языковъ посаженъ, по приказанію императора, на гауптвахту за небрежное отношеніе къ высочайшему повелѣнію, которое оставалось два мѣсяца неисполненнымъ.

Августа 16-го. Ея императорское высочество великая княгиня Елена Павловна разрѣшилась отъ бремени дочерью, названною Екатериною. На слѣдующій день всѣ собрались въ Таврическій дворецъ, гдѣ было отслужено молебствіе.

Августа 22-го. Сегодня на Елагинѣ народное гулянье, иллюминація и фейерверкъ. Сегодня же (годовщина коронаціи) появился манифестъ объ учрежденіи медали для гражданскихъ чиновъ, которую будутъ давать за выслугу лѣтъ. Право на эту медаль имѣютъ лица, прослужившія безпорочно 15, 20, 25 лѣтъ; они должны обращаться за полученіемъ ея въ Капитулъ орденовъ.

Августа 24-го. Обрядъ крещенія великой княжны Екатерины Михайловны совершился въ Таврическомъ дворцѣ. Особы первыхъ трехъ классовъ были приглашены къ обѣду.

Сентября 9-го. Императрица Александра Феодоровна разрѣшилась отъ бремени великимъ княземъ, который названъ Константиномъ. 300 выстрѣловъ возвѣстили это событіе жителямъ Петербурга. Въ тотъ же день, во 2-мъ часу отслуженъ молебенъ и было *baise-main* у вдовствующей императрицы; приемъ продолжался до 4¹/₂ ч. Императрица спросила меня о здоровьи. Это былъ первый разъ, что она узнала меня въ толпѣ.

Сентября 11-го. Графъ Нессельроде выразилъ мнѣ свое неодобреніе по поводу статьи о Греціи, помѣщенной въ академической газетѣ 30-го августа и заимствованной изъ «Allgemeine Zeitung», такъ какъ въ ней говорится, по его мнѣнію, не довольно почтительно объ Александрѣ I. Кудрявцевъ, который передалъ мнѣ это отъ имени графа, говорить, что всё они были взволнованы этой статьей, что графъ, князь Голицынъ и почтъ-директоръ Булгаковъ боялись вызвать гнѣвъ его величества тѣмъ, что они пропустили эту статью. Я отвѣчалъ, что это ихъ вина, такъ какъ они не задержали номера «Allgemeine Zeitung». Впрочемъ, прибавилъ Кудрявцевъ, такъ какъ объ этомъ упомянуто въ перлюстраціи, то ее не послали государю и дѣло на томъ вѣроятно кончится.

Сентября 20-го. Сенату объявлено повелѣніе его величества, чтобы всѣ сенаторы и оберъ-секретарь Сената являлись отнынѣ въ мундирѣ, а не во фракѣ, который допускается только въ обществѣ. Мнѣ понравилось это распоряженіе: оно возстановляетъ порядокъ и значеніе представительства. Я увѣренъ, что статсъ-секретарь Муравьевъ, который явился на общее собраніе во фракѣ, тогда какъ всѣ мы были въ мундирахъ и при лентахъ, получить выговоръ.

Октября 2-го. Совершенъ обрядъ крещенія великаго князя Константина Николаевича. Наслѣдникъ цесаревичъ назначенъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ въ Россіи.

Октября 4-го. Занятія нашей комиссіи по дѣламъ Порты Оттоманской возобновились. Мѣсто Энгеля занялъ Обресковъ.

Въ Москвѣ были, какъ говорятъ, большіе безпорядки, вызванные поджигателями, которые рассылали письменныя угрозы.

Октября 8-го. Начались засѣданія комитета, которому поручено пересмотрѣть законъ о банкротствахъ. Предсѣдателемъ его назначенъ Спераикскій; такимъ образомъ министръ юстиціи и его товарищъ устранены отъ участія въ этомъ комитетѣ. Это доказываетъ, что вліяніе Спераикскаго возрастаетъ и что императоръ намѣренъ назначить для обсужденія этого вопроса еще одну комиссію подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи.

Поговариваютъ о томъ, что императоръ собирается ѣхать на турецкую границу ко 2-й арміи для ревизіи.

Октября 14-го. День рожденія вдовствующей императрицы. Во

дворцѣ впервые появились ветераны, изъ коихъ образована рота въ 900 чел. ¹⁾ Они стояли по утру у кавалергардскихъ дверей. Они одѣты роскошно; имъ даны черныя медвѣжьи шапки, отдѣланныя золотымъ галуномъ и шнурами; петлицы, точно такъ-же какъ перевязи и портупей, обшиты золотымъ галуномъ, темлякъ золотой, наконецъ брюки также обшиты съ наружной стороны галуномъ.—Сегодня не было никакихъ наградъ, но отслуженъ молебенъ и стрѣляли изъ пушекъ по случаю взятія небольшой персидской крѣпости Сардаръ-Абада. Я облачился въ мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ, что не понравилось нѣкоторымъ. Во дворцѣ я видѣлъ массу народа. Ген. Опперманъ, съ которымъ я бесѣдовалъ, сказалъ мнѣ, что гр. Чернышевъ былъ простымъ гвардейскимъ офицеромъ въ то время, какъ онъ былъ уже генераль-лейтенантомъ. Я похвалилъ графа какъ дипломата и прибавилъ: «надѣюсь, что онъ осуществитъ надежды, возлагаемыя на него государемъ».

О к т я б р я 22-го. Получено извѣстiе о взятiи Эривани, но такъ какъ императоръ въ отсутствiи, то молебствiя не было.

Н о я б р я 2-го. Императоръ вернулся изъ поѣздки въ Бобруйскъ, Ригу и Ревель въ ночь съ 1-го на 2-ое ноября. Онъ получилъ извѣстiе о взятiи Эривани ген. Паскевичемъ въ Ригѣ.

Н о я б р я 3-го. Во дворцѣ отслужено благодарственное молебствiе по случаю этой побѣды.

Н о я б р я 6-го. Изъ торговыхъ телеграммъ узнали объ уничтоженiи въ Наваринской бухтѣ египетскаго и турецкаго флотовъ соединенными силами трехъ союзныхъ державъ, подъ командою англiйскаго адмирала Кодрингтона.

Н о я б р я 7-го. Во дворцѣ былъ *baise-main* для поздравленiя императрицы съ выздоровленiемъ послѣ родовъ. На этомъ приѣмѣ она впервые сказала мнѣ нѣсколько словъ. Въ тотъ же день подтвердилось извѣстiе о пораженiи мусульманскаго флота, а 8-го числа было опубликовано донесенiе англiйскаго адмирала, который не названъ по имени съ тою цѣлью, чтобы оффиціальное извѣстiе объ этой побѣдѣ появилось прежде въ англiйской газетѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ получено радостное извѣстiе: персы желаютъ заключить миръ, уступая Нахичеванъ и Эриванъ до Аракса, но отказываются уплатить 40 мил. военной контрибуцiи, которую мы отъ нихъ требуемъ.

Н о я б р я 19-го. Во дворцѣ отслужена заукояная литургiя по императорѣ Александрѣ; я на ней не присутствовалъ. На слѣдующiй день, 20 числа, въ день восшествiя на престолъ императора Николая, во дворцѣ не было приѣма, только отслуженъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ. Я нахожу, что императоръ напрасно не празднуетъ день своего

¹⁾ Рота дворцовыхъ гренадеръ.

восшествія на престолъ, такъ какъ онъ не находится въ положеніи своего покойнаго брата. Вступивъ на престолъ чистымъ и незапятнаннымъ вслѣдствіе отреченія законнаго наслѣдника престола Константина, онъ могъ бы всенародно праздновать день своего вступленія на престолъ, не обращая вниманія на событія, предшествовавшія 14-му декабря, и на всѣ событія этого дня, когда онъ былъ такъ прекрасенъ, такъ великъ и такъ достоинъ преклоненія.

Декабря 10-го. Приѣхалъ Катакази, статскій совѣтникъ, состоявшій при эскадрѣ адмирала гр. Гейдена, а вслѣдъ за нимъ Траверсе; оба были посланы изъ Наварина. Они привезли бюллетени, которые напечатаны въ академической газетѣ.

Въ это время толковали на всѣ лады о будущей отставкѣ министра юстиціи и о назначеніи на его мѣсто кн. Любецкаго, министра финансовъ Царства Польскаго. Источникомъ этихъ интригъ были поляки, коихъ поддерживалъ гр. Кочубей, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, желавшій быть докладчикомъ по этой части и по нѣкоторымъ другимъ отраслямъ администраціи—однимъ словомъ, хотѣвшій быть центромъ всей администраціи въ имперіи. Да сохранить насъ Господь отъ этого несчастья, такъ какъ онъ (Кочубей) поклонникъ либеральныхъ идей, которыя совершенно несовмѣстимы съ переживаемымъ нами временемъ и съ затруднительнымъ положеніемъ, въ какомъ находится во многихъ отношеніяхъ наше отечество. Положеніе это является послѣдствіемъ невниманія покойнаго государя къ дѣламъ внутренняго управленія и присущему ему желанію быть прежде всего европейцемъ.

Декабря 28-го. Получено официальное извѣстіе объ отъѣздѣ изъ Константинополя посланниковъ союзныхъ державъ, который былъ вызванъ ихъ вмѣшательствомъ въ дѣла Греціи. Русскій посланникъ Рибопьеръ отправился въ Одессу; это не было одобрено императоромъ, который хотѣлъ, чтобы онъ отправился въ Смирну, куда уѣхали посланники англійскій и французскій для того, чтобы быть ближе къ Портѣ и скорѣе имѣть возможность возобновить прерванные съ нею переговоры.

Декабря 31-го. Гр. Потоцкій сообщилъ мнѣ о своемъ назначеніи посланникомъ въ Лиссабонъ. Онъ какъ будто недоволенъ тѣмъ, что ему назначено 12 тысячъ экю жалованья вмѣсто 15 тысячъ, которыя полагаются по новымъ, но еще не утвержденнымъ штатамъ.

Кончился удивительный годъ, создавшій необыкновенныя осложненія. Дѣйствительно, ни одинъ кабинетъ не знаетъ, чего онъ хочетъ и какъ ему выйти съ честью изъ переговоровъ, которые начаты безъ всякаго успѣха съ Диваномъ, по поводу вмѣшательства державъ въ дѣла Греціи. Султанъ отнесся къ этой попыткѣ пренебрежительно. Посланники трехъ державъ оставили Константинополь, однако надежда достигнуть цѣли, не объявляя войны, еще не потеряна.

Профессоры брата Бруны.

(Изъ воспоминаній М. А. Филиппова).

Ноюбрь тридцатыхъ и сороковыя года бывшаго одесскаго Ришельевскаго лицея—одна изъ самыхъ плодотворныхъ для южнаго края. Въ это время попечителемъ учебнаго округа былъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ ¹⁾—человѣкъ просвѣщенный, цѣнитель и страстный ревнитель просвѣщенія. До него лицей имѣлъ характеръ средняго учебнаго заведенія; Дмитрій же Максимовичъ хотѣлъ его преобразовать въ университетъ и поэтому раздѣлялъ высшіе его классы на факультеты съ 3-хъ-лѣтнимъ курсомъ: физико-математическій, восточныхъ языковъ, камеральный (т. е. административный) и юридическій. На должности профессоровъ Княжевичъ искалъ талантливыхъ людей повсюду: и въ русскихъ, и въ иностранныхъ университетахъ. Такимъ образомъ, онъ успѣлъ собрать въ Одессѣ плеяду ученыхъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе, впоследствии, составили славу нашего отечества.

Въ числѣ профессоровъ находились: извѣстный нашъ историкъ С. М. Соловьевъ; естественныиспытатель Нордманъ, прославившійся своими изслѣдованіями объ инфузоріяхъ и глестахъ; Ляновскій, изслѣдователь по исторіи русскаго права; Михайловъ, ученый по тому же предмету; Григорьевъ, извѣстный ориенталистъ и впоследствии главный начальникъ по дѣламъ печати; Михневичъ, глубокій знатокъ философіи, психологіи и логики, впоследствии товарищъ попечителя Варшавскаго округа; Беккеръ, лингвистъ, сынъ котораго получилъ печальную извѣстность по покушенію его на жизнь германскаго императора, и, наконецъ, два брата Бруны: Филиппъ Карловичъ—историкъ и Генрихъ Карловичъ—мате-

¹⁾ Родной братъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія.

матикъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ, не многія оставались въ лицѣ до самаго преобразования его въ Новороссійскій университетъ: одни предпочли перейти въ столичныя университеты; другіе вступили на административное поприще. Остались только привязаны къ своимъ кафедрѣмъ: Линовскій, Беккеръ и братья Бруны.

По прибытіи въ Одессу братья Бруны совершенно не знали русскаго языка, но вскорѣ они изучили его на столько, что могли изъясняться свободно, хотя и своеобразно.

Такъ, въ «Современникѣ» былъ помѣщенъ о нихъ анекдотъ: встрѣчаются оба брата на улицѣ и одинъ видитъ другаго остриженнымъ.

— Генрихъ Карловичъ, — говоритъ Филиппъ, — ты, кажется, постригнулся?.

— Ай!.. Ай!.. Филиппъ Карловичъ, а еще профессоръ русскаго университета и не знаешь сказать: ты, кажется, постригался?..

Оба брата были совершенною противоположностью: старшій — Генрихъ — былъ высокаго роста, толстѣе, съ большимъ лбомъ и лысиной, съ курносимъ небольшимъ носомъ, краснымъ сангвиническимъ лицомъ, и, несмотря на свою толстоту, быстрый въ разговорѣ и движеніяхъ. Говорилъ громко, причѣмъ сильно жестикулировалъ. На маленькомъ носѣ имѣлись у него очки, которые плохо держались; поэтому онъ постоянно поправлялъ ихъ, въ особенности, когда читалъ лекцію и когда дѣлалъ математическія вычисленія на доскѣ.

По своему горячему темпераменту, Генрихъ Карловичъ не любилъ на лекціяхъ чертить и поэтому онъ, пальцемъ, по воздуху, обозначалъ мысленно рисунокъ и, затѣмъ, мысленно же обозначивъ точки площадей и пересѣченія перпендикуляровъ, приступалъ къ составленію задачи и вывода формулы.

Но какъ онъ былъ не терпѣливъ при черченіи, такъ онъ былъ усидчивъ при изслѣдованіяхъ и вычисленіяхъ; а на лекціяхъ онъ говорилъ съ жаромъ и энергіею.

Плодомъ его учености и многолѣтнихъ трудовъ явились два сочиненія, которыя, къ сожалѣнію, отпечатаны въ небольшомъ количествѣ, и поэтому встрѣчаются только въ большихъ общественныхъ бібліотекахъ. Я говорю объ его «Политической ариметикѣ» и объ его «Аналитическихъ задачахъ».

Сочиненія эти составляютъ одинъ изъ богатѣйшихъ вкладовъ въ математическую науку и удостоились въ свое время академическихъ премій. Теорія вѣроятностей и математическіе законы, на которыхъ основаны страховыя общества, всѣхъ категорій и наименованій, суть плоды изслѣдованій Бруна; поэтому самое существованіе этихъ обществъ, бывшее прежде гадательнымъ, получило прочное и реальное значеніе. Но въ этомъ отношеніи онъ не былъ однимъ лишь теорети-

комъ: онъ былъ самымъ энергическимъ пропагандистомъ разныхъ страхованій и самъ застраховалъ свою жизнь. Говорятъ, однако же, что послѣ одного изъ годовыхъ сроковъ, онъ на другой день долженъ былъ провзвести свой взносъ, но вечеромъ скоростяжно скончался...

Аналитическія задачи Генриха Бруна, съ ихъ вычисленіями, до того упрощаютъ самыя сложныя уравненія, что въ этомъ отношеніи услуга его математикѣ безсмертна.

На лекціяхъ же Генрихъ Карловичъ былъ вдохновененъ: рѣдкій математическій вопросъ разрѣшался имъ рутинно или даже такъ, какъ онъ разрѣшалъ его въ прошломъ году. Каждый разъ онъ измѣнялъ или приемы разрѣшенія задачъ и вопросовъ, или же упрощалъ выводъ формулъ.

Вотъ почему, нерѣдко, восхищенный самъ неожиданностью и простотою вывода и формулы, Брунъ отходилъ отъ доски и, принявъ торжественную позу, восклицалъ:

— Какъ изящно выражена эта формула.

Живой, подвижной и энергичный, Генрихъ Карловичъ не могъ удовольствоваться одной профессурою: онъ принялъ на себя и обязанность инспектора въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвиць. Обладая, кромѣ знанія математики, еще самою разностороннею ученостію, онъ своимъ вліяніемъ поставилъ институтское образованіе на такую высокую степень, что, когда А. С. Норовъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, по должности почетнаго опекуна, посѣтилъ этотъ институтъ то нашелъ его по образованію однимъ изъ первыхъ въ Россіи.

Какъ человѣкъ, Генрихъ Карловичъ былъ добрѣйшее и благороднѣйшее существо; а какъ профессоръ—онъ былъ снисходителемъ и внимателенъ къ студентамъ.

Студенты, какъ говорится, въ немъ души не слышали: однимъ онъ доставлялъ уроки, другимъ покровительствовалъ по окончаніи курса.

Къ числу послѣднихъ должно отнести Николая Ивановича Бѣлаго, къ которому онъ особенно благоволялъ и который впоследствии былъ директоромъ херсонской гимназій¹⁾.

Но, несмотря на свою подвижность, Генрихъ Карловичъ любилъ поигрывать въ коммерческія игры: за ними онъ просиживалъ цѣлыя ночи, что, однако-жъ, нисколько не мѣшало его профессурѣ.

Зачастую онъ являлся на лекціи съ заспанными глазами и объ-

¹⁾ Бѣлый въ 1874 году, послѣ своего путешествія, по распоряженію правительства, для обзоранія учебныхъ заведеній въ Германіи и Италіи, возвратясь въ Херсонъ, въ припадкѣ меланхоліи повѣсилъ. Учебная часть лишилась въ немъ одного изъ талантливѣйшихъ педагоговъ. Бѣлый извѣстенъ какъ переводчикъ физики Гано.

являлъ, откровенно и по-товарищески, студентамъ, что онъ не выспался и что, тѣмъ не менѣе, будетъ читать лекцію; но такъ какъ онъ не помнитъ, на чемъ остановился на прошлой лекціи, то проситъ показать ему предшествующее чтеніе.

Просмотрѣвъ бѣгло конецъ послѣдней теоремы, онъ начиналъ вдохновенно свою лекцію и былъ въ это время по истинѣ великъ: онъ быстро писалъ, нерѣдко бралъ изъ кармана носовой платокъ или женинъ чулокъ, — который онъ въ торопяхъ и по разсѣянности зачастую, вмѣсто платка, клалъ въ карманъ, — и вытиралъ имъ и доску, и лобъ, съ котораго выступалъ потъ.

Студенты едва успѣвали записывать за нимъ, и, когда на слѣдующей лекціи ему показывали его выводы, онъ самъ удивлялся и не вѣрилъ чтобы такой совершенный трудъ принадлежалъ ему.

Но бессонныя ночи, которыя онъ проводилъ за картами, сократили его дни: за карточнымъ столомъ, при его полнокровіи, съ нимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго онъ и скончался, оплакиваемый семействомъ, студентами и институтомъ.

Совершенною противоположностью былъ братъ его Филиппъ Карловичъ. Онъ былъ небольшого роста и сухопаръ, съ желтымъ цвѣтомъ лица, съ робкими движеніями и слабымъ голосомъ.

Неказистый на видъ, это былъ одинъ изъ ученѣйшихъ историковъ нынѣшняго вѣка. Но робость характера, неувѣренность въ своихъ силахъ, сомнѣніе въ своихъ знаніяхъ и боязнь, что скажетъ критика, — убивали въ немъ энергію и всякую способность воспроизводить что-нибудь самостоятельное.

Насколько иногда для таланта вредна и гибельна самоувѣренность и самонадѣянность, настолько обратно иногда губить талантъ робость.

Филиппъ Карловичъ Брунъ служилъ послѣднему яснымъ доказательствомъ. Онъ зналъ фактическую исторію до поразительной подробности. Бывало спросишь: въ какой день такой-то государь, полководецъ или литераторъ родился или умеръ? Онъ отвѣчаетъ: «въ такомъ-то году, мѣсяцѣ, днѣ, но въ которомъ часу — забылъ; помню только, что это было утромъ».

Исторія законодательства и литературы всѣхъ странъ и народовъ была ему извѣстна до мельчайшихъ подробностей, и лекціи его были собственно не исторіею, а философіею исторіи. Поэтому для тѣхъ, кто внимательно слушалъ его лекціи и кто имѣлъ ужъ готовый запасъ историческихъ знаній, его чтенія были истиннымъ наслажденіемъ. Зато большинство его слушателей, не подготовленныхъ вовсе къ такому философствованію, положительно его не понимало. Такъ, напримѣръ, онъ требовалъ характеристика эпохи, выясненія историческихъ фактовъ и

указанія ихъ значенія во всемірной исторіи; студенты же говорили объ однихъ фактахъ.

Когда бывало онъ спросить: «какое вліяніе имѣло изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія, также реформація на человѣчество», ему отвѣчаютъ о самыхъ фактахъ и ихъ историческомъ происхожденіи. Это его смущало и онъ на экзаменахъ бывало выходилъ изъ себя.

Въ особенности же студентамъ доставалось отъ него, когда на экзаменахъ присутствовало одно какое-нибудь изъ высшихъ административныхъ лицъ: малѣйшій жестъ, движеніе или улыбка особы приводили профессора въ такое негодованіе на студента, что бывало велить ему взять другой билетъ.

При неточномъ или ошибочномъ отвѣтѣ студента профессоръ до того терялся, что если тотъ бывало и продолжаетъ потомъ говорить дѣльно, то Брунъ, буквально потерявши сознаніе, болѣе не слушаетъ его и ставитъ ему дурную отмѣтку.

Эта робость была истиннымъ несчастіемъ Филиппа Карловича и о ней считаю необходимымъ сказать поподробнѣе, чтобы показать, что въ воспитаніе человѣка должно войти, какъ необходимое условіе, развитіе въ немъ смѣлости, а безъ этого не только гибнутъ иногда таланты, но умные люди становятся просто посмѣшищемъ.

Въ доказательство приведемъ два факта, которые чуть не лишили Бруна разсудка.

Въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятыхъ годовъ пріѣхалъ въ Одессу ревизовавшій тогда Новороссійскій край сенаторъ фонъ-Братке. Въ Херсонѣ и въ другихъ городахъ Новороссійскаго края сенаторъ нашелъ злоупотребленія и многихъ должностныхъ лицъ предалъ суду. Поэтому пріѣздъ его въ Одессу вызвалъ всеобщій переполохъ. Учрежденія же министерства народнаго просвѣщенія не входили въ программу его ревизіи, и Ришельевскій лицей былъ совершенно спокоенъ.

Вдругъ стряслась бѣда для Ф. К. Бруна: ревизующій сенаторъ пожелалъ осмотрѣть лицей и его кабинеты; и вмѣстѣ съ тѣмъ выразился, что онъ желаетъ послушать лекціи, и кого бы вы подумали?.. Филиппа Карловича Бруна. Къ счастью, объ этомъ узналъ Брунъ за четверть часа до его лекціи.

Если бы его впередъ предупредили, то онъ или не дожидъ бы до лекціи или сбѣжалъ бы изъ города.

Помню—это было въ десять или одиннадцать часовъ утра—вбѣгаетъ въ аудиторію Филиппъ Карловичъ: блѣдный, растрепанный, съ посоловѣвшими глазами навывкатъ. Онъ садится на кафедру, выхититъ, стонетъ и наконецъ объявляетъ студентамъ, заикаясь, что онъ долженъ былъ читать о французской революціи, но такъ какъ сенаторъ и ревизоръ

*

фонъ-Братке посѣтить его лекцію, то онъ будетъ читать «о преемникахъ Александра Македонскаго». Поэтому онъ проситъ студентовъ не обращать вниманія на эту лекцію, но тѣмъ не менѣе записывать его слова, чтобы онъ могъ знать—не проговорился ли онъ и не сказалъ ли что-нибудь либеральное или радикальное.

Только-что онъ окончилъ эту рѣчь, какъ въ аудиторію вошелъ сенаторъ и за нимъ бывший попечитель г. Бугайскій, товарищъ его г. Мурзакевичъ ¹⁾ и директоръ Александръ Григорьевичъ Петровъ ²⁾, и еще нѣсколько человекъ изъ лицейской администраціи.

Сенаторъ, войдя въ аудиторію, подошелъ къ кафедрѣ и, подавъ руку профессору, сказалъ, что онъ такъ много слышалъ объ его учености, что проситъ у него позволенія послушать его лекцію. Филиппъ Карловичъ только кланялся и что-то мычалъ.

Фонъ-Братке и всѣ пришедшіе съ нимъ размѣстились по скамьямъ съ студентами. Аудиторія буквально замерла: студенты любили своего профессора и имъ сдѣлалось страшно за него.

Подперши лицо руками и поворачивая почти безсознательно быстро голову то направо, то направо, Филиппъ Карловичъ сидитъ съ полуоткрытымъ ртомъ, и вдругъ провозноситъ протяжно, горловымъ звукомъ:

— Э...э...э...

Затѣмъ съ минутой пауза, которая кажется всѣмъ слушателямъ цѣлою вѣчностью.

— Э...э...—раздается вновь по аудиторіи и вновь молчаніе; вдругъ восклицаніе:

— Преемника Александра Македонскаго...

Пауза.

Такъ профессоръ и не сказалъ ничего болѣе.

Фонъ-Братке подымается съ мѣста, подходитъ къ кафедрѣ, благодаритъ профессора за лекцію и уходитъ со всею лицейскою администраціею.

Филиппъ Карловичъ требуетъ воды и выпивъ нѣсколько стакановъ, обращается къ студентамъ и спрашиваетъ тихо, едва внятно, своимъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Не проговорился-ли я про что-либо политическое?..

Дѣло въ томъ, что Филиппъ Карловичъ долженъ былъ читать о французской революціи, и ему вообразилось, что фонъ-Братке именно

¹⁾ Извѣстный историкъ и знатокъ древностей Новороссійскаго края.

²⁾ Александръ Григорьевичъ Петровъ, какъ педагогъ, былъ одинъ изъ лучшихъ и уважаемыхъ директоровъ лицей. Онъ всегда присутствовалъ на экзаменахъ и поддерживалъ учащихся.

и явился на эту лекцію, чтобы уличить его въ якобинствѣ и въ революціонной пропагандѣ.

Послѣ этой лекціи Филиппъ Карловичъ сильно заболѣлъ.

Другой случай былъ еще трагичнѣе. Во время Крымской войны или до нея профессора избрали его въ совѣтники лицея, т. е. завѣдывающимъ хозяйственною частью.

Все шло хорошо. Да вдругъ вздумалъ пріѣхать въ Одессу, для ревизіи учебныхъ заведеній, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія.

Такъ какъ Авраамъ Сергѣевичъ былъ и почетнымъ опекуномъ, то, по повелѣнію покойной государыни Александры Феодоровны, онъ по пріѣздѣ въ Одессу занялся ревизіею института и вообще женскихъ учебныхъ заведеній.

Институтомъ онъ остался доволенъ; многіе же пансіоны, бывшіе дѣйствительно въ жалкомъ видѣ, онъ закрылъ. Последнее надѣлало много шуму въ городѣ, и когда министръ собрался въ лицей, то Ф. К. Брунъ до того перетрусилъ, что перерѣзалъ себѣ горло бритвой. Къ счастью, доктора, прибывшіе къ нему тотчасъ, приняли энергическія мѣры и спасли его жизнь.

Когда министру доложили объ этомъ событіи, онъ отправился къ почтенному профессору, чтобы успокоить его. Филиппъ Карловичъ до того былъ тронутъ этимъ вниманіемъ Авраама Сергѣевича, что, какъ на исповѣди, сознался, что причиною покушенія на самоубійство было то, что за время своей службы онъ подписалъ не читая одну бумагу, и эта предательская бумага стояла предъ его глазами и не давала ему покоя: онъ страшился, что именно эта бумага будетъ предметомъ ревизіи министра и что за это его предадутъ суду.

Чтобы успокоить профессора, Авраамъ Сергѣевичъ увѣрилъ его ¹⁾,

¹⁾ Это передавалъ мнѣ лично покойный Норовъ, когда я въ 1864 году, глѣтомъ, посѣщалъ его въ Петербургѣ на Владимирской. Какъ сотрудникъ бывшей редакціонной комиссіи по составленію судебныхъ уставовъ, а изъ деревни своей, изъ Кіевской губерніи, прибылъ въ Петербургъ, чтобы слѣдить за тѣмъ, какъ будутъ разрѣшаться въ законодательствѣ разные вопросы, изъ которыхъ нѣкоторые были поднаты мною. Покойные: Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ и Владиміръ Петровичъ Бутковъ, первый—какъ членъ Государственнаго Совѣта, второй—какъ государственный секретарь—знакомили меня съ журналами Государственнаго Совѣта. Въ теченіе лѣта 1864 г. работа была слѣдная; засѣданія были учащенными въ Государственномъ Совѣтѣ, и я удивлялся, какъ почтенный старикъ Норовъ, несмотря на усиленную работу, былъ такъ бодръ и такъ дѣятеленъ, что успѣвалъ даже часто ѣздить въ Сергіевскій монастырь слушать обѣдню. Какъ извѣстно, онъ былъ очень религіозенъ. Несмотря однакожь на то, что онъ былъ въ то лѣто сильно занятъ, онъ находилъ время иногда удѣлять и мнѣ часы для бесѣды. Авраамъ Сер-

что онъ самъ ежедневно подписываетъ много бумагъ не читая, и что если бы ему пришлось рѣзаться изъ-за каждой подобной бумаги, то онъ давнымъ-давно нарѣзалъ бы себя въ куски. Въ заключеніе Норовъ просилъ Ф. К. Вруна не принимать на себя такихъ обязанностей, которыя причиняютъ ему столько тревогъ и горя, такъ какъ жизнь его драгоценна для науки и для человѣчества.

Съ близкими знакомыми Филиппъ Карловичъ былъ разговорчивъ и любилъ потолковать о политикѣ.

Для подобныхъ бесѣдъ онъ избиралъ приморскій бульваръ. Сюда весною и лѣтомъ собирается все одесское общество и здѣсь сходятся всѣ близко знакомые и составляются всѣ новыя знакомства. На бульварѣ этомъ я въ половинѣ сороковыхъ годовъ познакомился съ Гоголемъ ¹⁾. И теперь еще предъ глазами моими его гладко-выбритое лицо, лоснившееся, блестящее и имѣвшее малороссійскую типичность; помню его однобортное, свѣтло-гороховаго цвѣта, легкое пальто и англійскій цилиндръ.

Не могу вспомнить, что онъ мнѣ сказалъ; но когда мы нѣсколько разъ прошлись вмѣстѣ по бульвару, я замѣтилъ, что онъ былъ вообще сдержанъ въ разговорѣ и что его тяготило то, что любопытная публика, узнавшая его, слишкомъ пристально его разглядывала ²⁾.

На этомъ же бульварѣ я, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, познакомился съ покойнымъ актеромъ Мартыновымъ, въ послѣдній его выѣздъ изъ Петербурга. Наканунѣ я видѣлъ его въ пьесѣ «Левъ Гурычъ Синичкинъ», въ которой онъ былъ неподражаемъ.

Здѣсь же я познакомился въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ съ покойными Громекою и Якушкинымъ

Въ этомъ-то всеобщемъ Одесскомъ рядѣ я въ теченіе многихъ лѣтъ и въ разныя эпохи встрѣчался съ Филиппомъ Карловичемъ и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлыя вечера. Обыкновенно говорилось о политикѣ, и я нарочно спорилъ съ нимъ, для того, чтобы дать ему возможность высказаться и дать развить ему свои познанія.

Въ особенности онъ горячо спорилъ, когда рѣчь заходила объ единствѣ Германіи и о значеніи нѣмцевъ въ семьѣ европейскихъ народовъ: здѣсь мы положительно расходились во взглядахъ. Филиппъ Карловичъ

гѣвичъ глубоко сочувствовалъ судебной реформѣ и гордился тѣмъ, что ему выпала доля подписывать съ другими членами Государственнаго Совѣта проекты уставовъ. «Это дѣло безсмертное, — говорилъ онъ мнѣ. — Только силы измѣняются, старь сдѣлалась. Воля же государя императора, чтобы мы за лѣто коччили свой трудъ: мы съ Божьей помощью и окончимъ».

¹⁾ Я былъ въ то время еще въ гимназій.

²⁾ Одесское бульварное общество было въ то время не очень многолюдно, и поэтому каждое новое лицо рѣзко бросалось въ глаза.

доказывалъ, что Габсбургскій домъ объединить Германію; я же стоялъ на сторонѣ Пруссіи: такъ какъ со второй половины 50-хъ годовъ проявлялись ужь признаки преобладающаго значенія послѣдней.

Встрѣчаясь съ Бруномъ въ различныя эпохи, я послѣдовательно указывалъ ему на симптомы этого преобладающаго значенія Пруссіи, а именно: на оригинальное разрѣшеніе Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса, на франкфуртскій сеймъ, на австро-прусскую войну, и т. п.

Но Филиппъ Карловичъ не вѣрилъ до тѣхъ поръ, пока Вильгельмъ Прусскій не былъ провозглашенъ императоромъ Германскимъ.

— Да...да..., говаривалъ онъ мнѣ, когда какое нибудь новое фіаско, дипломатическое или реальное, поражало Австрію,—вы отгадали: жаль Габсбурговъ... а я на нихъ такъ надѣялся!

Наконецъ, когда возликовала Пруссія, в Германію объединилась, онъ примирился съ новыми порядками и говорилъ, что Австрію погубили бездарные министры.

Съ 1868 года я перенесъ свою дѣятельность въ Петербургъ; но часто, посѣщая свое имѣніе и Одессу, я хотя изрѣдка, но все-таки встрѣчался иногда съ Филиппомъ Карловичемъ.

Реформы, совершавшіяся въ Россіи съ 1861 года, восхищали его, и онъ говорилъ о нихъ съ благоговѣніемъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ посѣтилъ мое имѣніе въ Кіевской губерніи, Звенигородскомъ уѣздѣ, село Окнино ¹⁾ но къ сожалѣнію не засталъ меня (я былъ въ Петербургѣ) и прогостилъ въ другой части того же села у моего шурина нѣсколько недѣль.

Онъ затѣялъ въ это время изданіе своихъ трудовъ о Черноморіи и поэтому объѣзжалъ край и осматривалъ всю мѣстность.

Село Окнино и вся его окрестность была тѣмъ болѣе для него интересна, что въ 40 верстахъ отъ него въ Корсуни гостилъ нѣкогда у свѣтлѣйшаго князя Лопухина И. А. Крыловъ; въ 20 верстахъ, въ Казацкомъ, у Фундуклея, любилъ бывать Гоголь ²⁾; въ 25 верстахъ—родился въ Кирилловкѣ Тарасъ Шевченко ³⁾.

¹⁾ По свойству онъ былъ мнѣ родственникомъ: его родной племянникъ, баронъ Индреніусъ (товарищъ генераль-губернатора Финляндіи), былъ женатъ на родной сестрѣ моей жены.

²⁾ Гоголь въ Казацкомъ былъ пораженъ портретомъ одного старика въ костюмѣ испанскихъ евреевъ, въ особенности же его глазами, и это вызвало извѣстную его повѣсть „Портретъ“. Портретъ этотъ, послѣ смерти князя Голицына, который былъ жевать на племянницѣ Фундуклея, какимъ то образомъ, вмѣстѣ съ другими вещами, под ле ж а щ и м и т ѣ л ѣ н і ю, былъ проданъ опекой. Въ началѣ 60-хъ годовъ я случайно приобрѣлъ его съ публичнаго торга и, какъ нѣкоторые думаютъ, это—современный портретъ извѣстнаго испанскаго еврея Абарбанеля. Тогда же приобретенъ мною масляный современный портретъ Галилея.

³⁾ Преданіе гласитъ, что Энгельгардъ, владѣвшій прежде Кирилловкой, приобрѣлъ его отъ отца или дѣда Шевченко у своего сосѣда за пенельову трубку. Кирилловка перешла потомъ къ Флерковскому, а отъ него въ 70-хъ годахъ куплена свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ.

Эта же мѣстность была нѣкогда центромъ гайдамачины.

Филиппъ Карловичъ Брунь съ большимъ любопытствомъ осматривалъ Украину, и когда я съ нимъ встрѣтился въ 1875 году въ Одессѣ, онъ говорилъ восторженно объ ея красотѣ и плодородіи. Болѣе же всего поразило его то, что онъ нашелъ этотъ край, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, стоящимъ нисколько не ниже Германіи. Здѣсь онъ встрѣтилъ обширные сахарные заводы и богатѣйшія свекловичныя плантаціи самыхъ обширныхъ размѣровъ, и хлѣбныя растенія самыхъ разнообразныхъ озимыхъ и яровыхъ формъ; орудія же и машины у крупныхъ землевладѣльцевъ были послѣднимъ словомъ техники.

Само собою разумѣется, что послѣ того о культурномъ значеніи нѣмцевъ въ рѣчи не было, и Филиппъ Карловичъ рѣшилъ, что будущность малороссійскаго народа—трудолюбиваго, умѣющаго себѣ усвоивать быстро всё усовершенствованія наукъ и искусствъ,—самая блестящая.

— Одно меня удивляетъ въ этомъ народѣ, говорилъ Брунь, что крѣпостная зависимость—болѣе вѣковая—не убила въ немъ чувствъ собственнаго достоинства и не притупила его способностей: я говорилъ со многими крестьянами, и мнѣ казалось, что я говорю съ людьми, которые никогда не знали рабства.

— Да, отвѣчалъ я. Дайте этому народу образованіе, и онъ скоро войдетъ въ семью цивилизованнѣйшихъ народовъ: несомнѣнно, что онъ сдѣлается ихъ гордостью.

Это было послѣднее мое свиданіе съ Бруномъ: съ того времени я не посѣщалъ Одессы. Но чрезъ прїѣзжающихъ изъ этого города я узналъ, что бывшій ректоръ Новороссійскаго университета г. Головкинскій успѣлъ его убѣдить—печатать свои труды въ видѣ сборника. Брунь при жизни успѣлъ напечатать первый томъ «Черноморья», а второй допечатанъ г. Головкинскимъ ¹⁾.

Кончая мои воспоминанія я долженъ сказать, что профессора братья Бруны были однимъ изъ самыхъ отрядныхъ явленій въ нашемъ педагогическомъ и ученомъ мірѣ.

М. А. Филипповъ.

¹⁾ Головкинскій, по окончаніи курса наукъ, поступилъ въ 1856 г. юнкеромъ въ уланскій полкъ, и когда его произвели въ офицеры, онъ стоялъ въ Новомыргородѣ. Тамъ я съ нимъ познакомился, и онъ былъ въ томъ же году у меня шаферомъ. Вскорѣ тогдашняя служба ему не понравилась; онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Казань, гдѣ, выдержавъ экзаменъ на магистра естественныхъ наукъ, сдѣлался профессоромъ. Впослѣдствіи онъ переѣхалъ въ Одессу, гдѣ избранъ былъ ректоромъ университета. Онъ навѣстенъ по сотрудничеству его въ журналѣ „Свѣтъ“, какъ ученый, принадлежащій къ партіи Бутлерова и Вагнера.

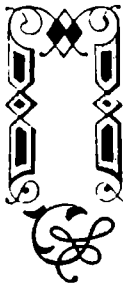
РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

в ъ

первой половинѣ XVIII вѣка.

VIII 1).

Желаніе герцога Шуазеля сблизиться съ Россією.—Приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ.—Проектъ десанта въ Англію.—Договоръ о нейтралитетѣ Балтійскаго моря.—Необходимость мира для Франціи.—Значеніе Россіи въ мирныхъ переговорахъ.—Новыя инструкціи Лопиталю.—Кунерсдорфское сраженіе и его послѣдствія.—Притязаніе Россіи на часть владѣній Пруссіи.—Неудовольствіе Людовика XV.—Щекотливое положеніе представителя Франціи въ Петербургѣ.—Отозваніе Лопитала и назначеніе посланникомъ при петербургскомъ дворѣ де-Бретейля.—Секретныя инструкціи, ему данныя.—Людовикъ XV жертвуетъ интересами Франціи въ пользу Польши.—Его старанія замедлить военныя дѣйствія союзниковъ.

мнѣнію Шуазеля Франціи, несмотря на понесенныя ею неудачи, не слѣдовало заключать мира съ Англіей до тѣхъ поръ, пока въ ея распоряженіи будутъ еще солдаты, пушки и суда; онъ считалъ необходимымъ продолжать войну съ Пруссіей и, сблизившись съ обоими императорскими дворами, дѣйствовать съ ними согласно и единодушно на дипломатическомъ и военномъ поприщахъ.

Убѣжденный сторонникъ союза съ Австріей, за который онъ ратовалъ еще въ 1756 году, герцогъ Шуазель повиновался только своимъ всегдашнимъ симпатіямъ, доказывая необходимость сближенія съ Ма-

1) См. „Русск. Стар.“, декабрь, 1897 г.

ріей-Терезіей. Что касается Россіи, то хотя онъ не любилъ ее и опасался ея честолюбивыхъ плановъ и слишкомъ быстрыхъ успѣховъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, какую важную роль могло играть русское войско въ войнѣ съ Пруссіей, и вслѣдствіе этого считалъ безусловно необходимымъ обезпечить своему отечеству содѣйствіе и помощь Россіи.

Шуазель былъ крайне пораженъ тѣмъ, что русское и французское правительства относились другъ къ другу крайне недоувѣрчиво въ то время, когда ихъ монархи поддерживали дружескія и пріязненныя отношенія. Желая выяснитъ такое непонятное противорѣчіе, герцогъ рѣшилъ откровенно объясниться съ русскимъ министерствомъ и указать на необходимость сплотить военныя силы Россіи и Франціи, чтобы одержать побѣду надъ общимъ врагомъ.

«Вы можете сказать графу Воронцову, писалъ Шуазель Лопиталю, что если король желаетъ мира ради блага своего народа и остальной Европы, то не иначе, какъ на условіяхъ, почетныхъ для его величества и для его союзниковъ; что въ настоящее время онъ не только не думаетъ ни о какихъ переговорахъ, но, напротивъ, дѣлаются приготовленія для того, чтобы энергично продолжать войну и вынудить непріятеля заключить миръ на справедливыхъ и законныхъ основаніяхъ. Желая дать ея величеству неоспоримыя доказательства своихъ чувствъ и устранить въ этомъ отношеніи всякій поводъ къ недоувѣрью, его величество готовъ заключить съ обѣими императрицами или съ одной русской такой договоръ, какой будетъ признанъ необходимымъ для того, чтобы скрѣпить существующій уже союзъ; что король готовъ представить новыя доказательства тому, что не приметъ никакихъ предложеній со стороны непріятеля и самъ таковыхъ не сдѣлаетъ безъ вѣдома своихъ союзниковъ; что союзникамъ будетъ сообщено объ этихъ предложеніяхъ съ тѣмъ довѣріемъ, какое должно существовать между державами, связанными дружбою и общностью интересовъ»¹⁾.

Въ тотъ моментъ, когда Шуазель писалъ эти строки, Людовикъ XV и Марія-Терезія только-что подписали (30-го (19-го) декабря 1758 г.) новыя условія, коиими подтверждались всѣ прежніе договоры и были точнѣе опредѣлены взаимныя обязательства обоеихъ дворовъ на время войны, а равно и размѣръ субсидій. Франція обязалась по этому договору содержать въ Германіи стотысячную армію. Людовикъ XV предложилъ Елисаветѣ Петровнѣ присоединиться къ нему, на что она изъявила согласіе²⁾.

Шуазель ничего не зналъ о секретной корреспонденціи съ Россіей, но по нѣкоторымъ признакамъ подозрѣвалъ объ ея существованіи.

¹⁾ Шуазель—Лопиталю, 9-го января (нов. ст.) 1759 г.

²⁾ Мартенсъ, I, 250.

Пораженный настойчивостью и смѣлостью, съ какою агенты французскаго правительства дѣйствовали въ Польшѣ на перекоръ приказаніямъ министерства, онъ заподозрилъ, что они повинуются какимъ-либо тайнымъ инструкціямъ, и рѣшилъ положить этому предѣлъ. Въ Варшаву, по его инициативѣ, былъ назначенъ новый посланникъ, маркизъ де-Польми (Paulmy), человекъ не особенно даровитый, гнѣвный и готовый удовлетвориться пассивною ролью.

Въ инструкціяхъ, полученныхъ отъ Шуазеля, ему предписывалось прекратить всякія сношенія съ патристическою партіею, не выслушивать болѣе жалобъ поляковъ и не поощрять польское дворянство къ противодѣйствию правительству. Эти категорическія и весьма точныя приказанія заставили агентовъ Людовика XV дѣйствовать сдержаннѣе и осторожнѣе ¹⁾.

Весною 1759 года русскіе и французы перешли одновременно въ наступленіе, между тѣмъ какъ австрійцы ограничились защитою границъ Венгріи. Одержавъ надъ пруссаками блистательную побѣду при Бергенѣ, французы двинулись къ Везеру. Въ этотъ моментъ русскіе выступили изъ Польши къ Одеру, подъ командою графа Салтыкова, замѣнившаго малоспособнаго Фермора, который остался, однако, при арміи ²⁾.

Французскому штабъ-офицеру маркизу Монталамберу (de-Montalembert) было приказано находиться при главной квартирѣ русской арміи, наблюдать за военными дѣйствіями и доносить о нихъ непосредственно въ Петербургъ и Версаль.

Шуазель рассчитывалъ воспользоваться русскими войсками не только противъ короля прусскаго, но и противъ Англіи. Видя невозможность побѣдить англичанъ на морѣ, онъ подготавливалъ десантъ въ Великобританію; въ Тулонѣ и Брестѣ снаряжались эскадры, которыя должны были соединиться въ Ламаншѣ и эскортировать флотилію плоскодонныхъ судовъ, на которыхъ предполагали высадить на англійскій берегъ армію

¹⁾ Терсье жаловался по этому поводу де-Брольи въ письмѣ отъ 15-го (4-го) іюля 1759 г. *Correspondance secrète*.

²⁾ 8-го (19-го) мая состоялась Фермору рескриптъ: «Заблагодаря судя нашего генерала графа Салтыкова (Петра Семеновича) отправить къ находящейся за-границею нынѣ подъ командою вашею нашей арміи, вамъ чрезъ сіе о томъ дать знать восхотѣли съ тѣмъ, что какъ помянутый графъ Салтыковъ предъ вами старшинство имѣеть, то натурально ему и главную команду надъ всею арміею принять надлежитъ, и потому вы имѣете оную ему сдать. Но притомъ мы твердо увѣрены, что вы тѣмъ не меньше службу вашу продолжать, особливо же помянутому генералу графу Салтыкову всѣ нужныя объясненія подать и въ прочемъ во всемъ ему дѣломъ и совѣтомъ вспомошествовать крайне стараться будете». Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1091.

принца Субиза. Одновременно съ нимъ долженъ былъ отплыть въ Шотландію герцогъ д'Эгильонъ (d'Aiguillon) съ 1.200 человекъ. Шуазель предложилъ графу Воронцову отдѣлать отъ арміи Салтыкова небольшой отрядъ и двинуть его внизъ по Одера къ Штеттину. Овладевъ этимъ городомъ, русскіе должны были съѣсть на шведскія суда, которыя доставили бы ихъ въ Шотландію ¹⁾).

Согласившись на это, графъ Воронцовъ медлилъ выполніемъ предложеннаго Шуазелемъ плана. Осада Штеттина оказалась дѣломъ не легкимъ, и начальство русскихъ войскъ не рѣшалось приступить къ городу иначе, какъ овладевъ предварительно среднимъ теченіемъ Одера и соединившись съ австрійской арміей, которая приближалась къ Силезіи.

Находясь въ торговой зависимости отъ Англіи, Россія не желала вступать съ нею въ открытую борьбу, точно такъ же, какъ и Швеція. Поэтому обѣ державы ограничились заключеніемъ оборонительнаго союза, который, со-временемъ, разумѣется, могъ повести къ болѣе энергичному ихъ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. По конвенціи, заключенной Россіей и Швеціей 8-го марта (нов. ст.) 1759 года, къ которой было предложено присоединиться Франціи и Даніи, воспрещался доступъ въ Балтійское море всѣмъ военнымъ иностраннымъ судамъ. Этимъ актомъ была гарантирована свобода торговли во всѣхъ портахъ, не подвергшихся блокадѣ, и договаривавшіяся стороны отказались отъ права вооружать крейсера ²⁾).

Между тѣмъ, англичане рѣшили предупредить готовившееся на нихъ нападеніе. Лѣтомъ 1759 года они подошли къ Гавру, бомбардировали его и сожгли часть судовъ, на которыхъ было предположено отправить десантъ; одновременно они уничтожили средиземную эскадру, выходившую изъ Гибралтарскаго залива.

Шуазель, сознавая всю серьезность положенія, рѣшился начать, при первомъ удобномъ случаѣ, переговоры о мирѣ. Видя, что всѣ его старанія утвердить могущество Франціи силою оружія не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, онъ рѣшилъ вернуться къ миролюбивой политикѣ кардинала Берни и начать переговоры о мирѣ совмѣстно съ союзниками Франціи и даже при ихъ посредничествѣ, будучи увѣренъ, что содѣйствіе Россіи будетъ столь же полезно при дипломатическихъ переговорахъ, какъ и на полѣ битвы.

Несмотря на перемѣну, происшедшую въ политикѣ Елисаветы Петровны, и на договоръ, подписанный ею относительно нейтралитета Балтійскаго моря, Англія не хотѣла допустить явнаго разрыва съ импера-

¹⁾ Шуазель—Лопиталю, 9-го января (нов. ст.) 1759 г.

²⁾ Текстъ этого договора превращенъ Лопиталемъ во Францію при депешѣ отъ 1-го (12-го) марта 1759 г.

трицей, находя нужнымъ, хотя для вида, сохранить съ нею дружественныя отношенія. Англійскій посланникъ не былъ отозванъ изъ Петербурга и всѣмъ было извѣстно, что лондонскій кабинетъ имѣетъ постоянныя сношенія съ нѣкоторыми вліятельными лицами при петербургскомъ дворѣ, въ особенности съ великой княгиней. При этихъ условіяхъ Россія, въ качествѣ союзницы Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ державы дружественной Англій, казалась Шуазелю вполне подходящей для роли посредницы при восстановленіи мира.

Незадолго передъ тѣмъ, канцлеръ Воронцовъ, въ частной бесѣдѣ съ Лопиталемъ, самъ выразилъ желаніе, чтобы Россія была предоставлена эта роль, и Шуазель воспользовался, препроводивъ Лопиталу, 8-го іюля (нов. ст.) 1759 года, обстоятельную инструкцію, которой онъ долженъ былъ впредь руководствоваться.

Посланнику было приказано воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы намекнуть графу Воронцову, какъ бы отъ себя лично, что Россія снискала бы себѣ славу и право на признательность Европы, принявъ роль посредницы между Австріей и Пруссіей, которыя уже были истощены борьбою. Герцогъ Шуазель считалъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобы прибѣгнуть къ услугамъ Россіи и покончить счеты съ Англійей.

Лопиталь имѣлъ обыкновеніе ничего не дѣлать не посоветовавшись со своимъ довѣреннымъ секретаремъ, коимъ въ это время былъ не кто иной, какъ молодой д'Эонъ. Онъ былъ въ апогеѣ своего счастья. Ему удалось блестящимъ образомъ разрѣшить трудную задачу: приобрести довѣріе и расположеніе посланника, будучи въ то же время повѣреннымъ секретной корреспонденціи монарховъ, которую онъ отправлялъ по назначенію безъ вѣдома канцлера. Добродушный Лопиталь души не чаялъ въ своемъ секретарѣ и общалъ ему свое покровительство, въ которомъ тотъ вовсе не нуждался. Въ то же время д'Эонъ такъ ловко умѣлъ снискать благоволеніе самой императрицы и канцлера, что они даже предложили ему поступить на русскую службу, но онъ отвѣчалъ на это предложеніе вѣжливымъ отказомъ, за что его похвалили въ Версалѣ.

Изъ частныхъ писемъ Терсье ему были извѣстны сокровенныя мысли французскаго короля; онъ подмѣтилъ, что Людовикъ XV не одобрялъ плановъ Шуазеля относительно посредничества Россіи. Король предпочиталъ начать переговоры съ Англійей самъ, боясь доставить Россіи дипломатическій успѣхъ и тѣмъ увеличить ея вліяніе. Зная мысли своего монарха, д'Эонъ посоветовалъ Лопиталу оставить безъ послѣдствій инструкцію 8-го іюля (нов. ст.). Посланникъ послѣдовалъ его совѣту.

Удивленный, мало того, возмущенный бездѣйствіемъ Лопитала, Шуазель предложилъ ему уступить свое мѣсто другому, болѣе ловкому и

энергичному лицу, и въ случаѣ добровольнаго выхода въ отставку, обѣщаль выхлопотать ему значительную награду и даже герцогскій титулъ, коего онъ давно добивался ¹⁾).

Курьеръ, отправленный Шуазелемъ къ Лопиталю съ этимъ предложениемъ, встрѣтился по пути въ Петербургъ съ курьерами, взявшими изъ Германіи въ Россію извѣстіе, которое должно было перевернуть всѣ планы союзниковъ.

Въ концѣ іюня русская армія сосредоточилась близъ Познани, откуда она послѣдно двинулась къ Франкфурту на Одерѣ. Корпусъ прусскихъ войскъ, пытавшійся преградить ей путь, былъ разбитъ наголову при Цюллихау (Zullichau) 23-го (12-го) іюля. Франкфуртъ открылъ ворота побѣдителя, и русскіе соединились съ Лаудономъ, шедшимъ съ австрійскими войсками имъ навстрѣчу изъ Силезіи. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ оставилъ Саксонію и поспѣшилъ на выручку своихъ наследственныхъ владѣній. Рѣшивъ дать сраженіе, онъ надѣялся одержать блестящую побѣду и уничтожить русское войско ²⁾.

2-го (13-го) августа непріатели встрѣтились при деревнѣ Кунерсдорфѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Франкфурта; у прусскаго короля было 48.000 человекъ войска, у непріателя 80.000. Послѣ одиннадцатичасоваго упорнаго боя, силы пруссаковъ начали слабѣть; въ это время на нихъ обрушилась русская кавалерія, обратившая ихъ отступление въ настоящее бѣгство; сраженіе окончилось «совершеннымъ разсѣяніемъ непріателя ³⁾).

Непобѣдимая армія великаго Фридриха была разсѣяна. Пруссаки потеряли въ этомъ сраженіи болѣе 20.000 убитыми и ранеными, число плѣнныхъ было огромно. Салтыковъ отослалъ въ Петербургъ 28 знаменъ и 172 пушки.

Извѣстіе о «преславной» Кунерсдорфской побѣдѣ было встрѣчено въ Петербургѣ съ восторгомъ. Елисавета, получивъ это извѣстіе, послѣдила изъ Петергофа въ Зимній дворецъ, гдѣ былъ отслуженъ молебень, при пальбѣ изъ всѣхъ пушекъ вокругъ крѣпости и Адмиралтейства. Салтыковъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ; Марія-Терезія прислала ему брильянтовый перстень, табакерку, осыпанную драгоценными камнями и 5.000 червонныхъ; не менѣе щедро были вознаграждены и прочіе генералы.

Фридрихъ, который намѣревался уничтожить русское войско и, въ минутой успѣха на лѣвомъ крылѣ, уже послалъ въ Берлинъ гонца съ

¹⁾ Частное письмо герцога Шуазеля—Лопиталю, отъ 2-го октября (нов. ст.) 1759 г.

²⁾ Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1097.

³⁾ Тамъ же, стр. 1100.

вѣстью о побѣдѣ, — едва спасся отъ смерти и плѣна и бѣжалъ съ поля сраженія съ нѣсколькими гусарами.

«Жестокое несчастье, писалъ онъ нѣсколько дней спустя гр. Финкенштейну, я его не переживу. Послѣдствія битвы будутъ хуже, чѣмъ сама битва; у меня нѣтъ больше никакихъ средствъ и, сказать правду, я считаю все потеряннымъ. Я не переживу гибели моего отечества» ¹⁾).

Дѣйствительно, гибель Фридриха была бы неминуема, если бы Салтыковъ двинулся на Берлинъ и извлекъ изъ своей побѣды всевозможную выгоду, но русскій генералъ упустилъ изъ рукъ всѣ случаи воспользоваться этой побѣдой. Видя, что его войско ослабло вслѣдствіе понесеннаго имъ значительнаго урона, онъ удовольствовался тѣмъ, что прошелъ черезъ Силезію и опустошилъ ее. Не располагая устроиться тамъ на зимнія квартиры онъ перешелъ Одеръ и донесъ въ Петербургъ о своемъ намѣреніи отступить вскорѣ къ Вислѣ.

Кунерсдорфскимъ сраженіемъ былъ нанесенъ могуществу Фридриха такой ударъ, отъ котораго ему не легко было оправиться; у него не было достаточно средствъ, чтобы пополнить убыль въ рядахъ арміи, и всѣ были увѣрены въ томъ, что слѣдующая кампанія довершитъ его гибель.

Оказавъ столь важную услугу общему дѣлу, Россія этимъ приобрѣла право голоса въ совѣтѣ союзныхъ державъ. До тѣхъ поръ она снаряжала арміи, давала сраженія, расходовала своихъ солдатъ и свои средства, какъ будто не желая извлечь никакихъ существенныхъ выгодъ изъ своихъ военныхъ успѣховъ; казалось, будто единственной цѣлью Россіи при этомъ было только строгое соблюденіе принятыхъ ею на себя обязательствъ, но на самомъ дѣлѣ она только выжидала случая предъявить свои требованія. Когда Австрія пожелала присоединить къ себѣ Силезію, а Франція часть Бельгій, то Россія, со своей стороны, заявила претензію на территориальное вознагражденіе. Къ тому же, вознагражденіе, которое она желала получить, было у нее, такъ сказать, въ рукахъ; ея войска уже два года занимали Восточную Пруссію, — длинную полосу земли по берегу Балтійскаго моря отъ Мемеля до устья Вислы. Вслѣдъ за Кунерсдорфской побѣдой, русское министерство иностранныхъ дѣлъ препроводило версальскому и вѣнскому кабинетамъ (15-го (26-го) октября) записку, подтвержденную нотою отъ 1-го декабря н. ст., въ которой императрица заявила о своемъ намѣреніи отдать Восточную Пруссію Польнѣ въ замѣнъ нѣкоторыхъ земель въ Украинѣ.

Требованіе русскаго правительства привело версальскій кабинетъ въ ужасъ. Недовѣріе, съ коимъ французское правительство постоянно относилось къ Россіи, усилилось послѣ ея побѣдъ чувствомъ зависти,

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV, 1100.

хотя Людовикъ XV до послѣдняго времени утѣшалъ себя надеждою, что русскія войска возвратятся на родину съ пустыми руками, ничего не получивъ за свои услуги; тѣмъ болѣе удивило короля и показалось ему чудовищнымъ требованіе русскаго правительства относительно территориальнаго вознагражденія.

Лица, посвященныя въ планы тайной дипломатіи, де-Брольи и Терсье указывали на опасность, грозившую Польгѣ отъ честолюбивыхъ поползновеній преемниковъ Петра Великаго, и пугали Людовика XV, утверждая, что равновѣсіе сѣверныхъ державъ потрясено до основанія. Въ это время къ версальскому двору обратился съ жалобою на Россію копенгагенскій дворъ. Данія, испуганная притязаніями цесаревича Петра Ѳеодоровича на Шлезвигъ, смотрѣла съ недовѣріемъ, что русскія войска, овладѣвъ Восточной Пруссіей подошли къ ея границамъ. Тревога столь давняго и вѣрнаго союзника еще болѣе увеличила волненіе короля. Завоевательныя стремленія Россіи обращали на себя главное его вниманіе.

Герцогъ Шуазель видя, что Людовикъ XV ни подъ какимъ видомъ не согласится на требованія, изложенныя въ нотѣ гр. Воронцова, тѣмъ не менѣе не отказывался отъ мысли начать переговоры при посредничествѣ Россіи. Въ виду этого, роль французской дипломатіи въ С.-Петербургѣ становилась чрезвычайно затруднительной. Франціи приходилось просить у Россіи услуги, и въ то же время отказывать ей въ таковой со своей стороны. Неспособность Лопитала въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ была вполне очевидна.

«Не скрою отъ васъ, писалъ Шуазель своему другу, гр. Бернсдорфу, что, не отказывая Лопиталу въ честности и усердіи, я желалъ бы видѣть въ немъ побольше способностей» ¹⁾.

«Слѣдуетъ безъ промедленія дать г. Лопиталу дозволеніе вернуться во Францію, писалъ съ своей стороны гр. Брольи, если онъ этого пожелаетъ; было бы недурно устроить дѣло такъ, чтобы онъ самъ этого пожелалъ».

Что касается Людовика XV, то онъ былъ пораженъ расточительностью маркиза и находилъ, что онъ становится «очень дорогъ въ Петербургѣ». Кромѣ того, король находилъ, что онъ не умѣетъ вести дѣла и очень довѣрчивъ къ русскому канцлеру Воронцову:

«Ему велятъ, писалъ король, уяснить какое-нибудь дѣло, а онъ прежде всего открывается Воронцову» ²⁾.

На бѣду, Лопиталь вовсе не былъ расположенъ оставить свой постъ и выражалъ желаніе провести еще одинъ годъ въ Россіи. Отозваніемъ

¹⁾ Шуазель—Бернсдорфу 29-го (18-го) іюля 1759 г.

²⁾ Соловьевъ, т. XXIV, 1160.

его, Шуазель боялся обидѣть стараго и преданнаго слугу Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать непріятное императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая оказывала большое вниманіе Лопиталю и относилась къ нему весьма благосклонно. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Шуазель рѣшился, оставивъ маркиза въ званіи посланника при русскомъ дворѣ, дать ему молодаго и дѣятельнаго помощника, который могъ бы впослѣдствіи замѣнить его и который получалъ бы приказанія непосредственно изъ министерства и приводилъ бы ихъ въ исполненіе помимо своего патрона.

По мнѣнію Шуазеля, одною изъ ошибокъ Лопиталя была та, что онъ совершенно не заботился заслужить расположенія великой княгини Екатерины Алексѣевны. Правда, что она относилась къ Франціи не только холодно, но прямо враждебно, но Шуазель понималъ истинную причину этого чувства: Екатерина не могла простить отозванія Понятовскаго.

— Только одна Франція могла бы вернуть его, сказалъ ей кто-то.

— Пусть она это сдѣлаетъ, живо возразила Екатерина—и я буду предана ей всецѣло.

Эти слова были сообщены Шуазелю. Принявъ ихъ къ свѣдѣнію, герцогъ рѣшилъ, что лицо, которое будетъ послано въ Петербургъ въ качествѣ помощника Лопиталю, должно первымъ дѣломъ заявить великой княгинѣ, что французскій король не только не будетъ препятствовать возвращенію Понятовскаго, но даже готовъ хлопотать объ этомъ въ Варшавѣ.

Выборъ герцога палъ на барона де-Бретейля, 27-лѣтняго, молодаго человѣка, статнаго, съ изящными манерами, красивой наружностью и огромнымъ честолюбіемъ.

Довѣренные лица Людовика XV, посвященные въ тайну его секретной корреспонденціи, были встревожены назначеніемъ новаго посланника; они опасались, что, будучи назначенъ герцогомъ Шуазелемъ, онъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ и явится помѣхою секретной политики Людовика XV; они рѣшили предупредить эту опасность, и съ этой цѣлью внушили королю мысль допустить де-Бретейля до секретной съ нимъ корреспонденціи.

«Основываясь на лестныхъ отзыввахъ, дошедшихъ до меня, писалъ король молодому дипломату 15-го (26-го) февраля 1760 г., и рѣшилъ назначить васъ своимъ полномочнымъ посланникомъ въ Россію и допустить васъ къ участію въ секретной перепискѣ, въ которую я никогда не посвѣщалъ моего министра иностранныхъ дѣлъ—гр. де-Броули, который передастъ вамъ настоящее письмо, и г. Терсье одинъ руководятъ

этой перепиской, и вы должны вѣрить тому, что они вамъ скажутъ отъ моего имени» ¹⁾).

При этомъ де-Бретейлю было приказано подъ угрозою самаго строгаго наказанія, хранить эту переписку втайнѣ отъ всѣхъ, исключая де-Брольи и Терсье, которымъ онъ долженъ былъ сообщить всѣ письменныя и устныя инструкціи, какія онъ получилъ отъ министра.

Такимъ образомъ, человекъ, котораго Шуазель намѣтилъ для выполнения въ Россіи своихъ личныхъ плановъ, превратился совершенно неожиданно въ орудіе его враговъ.

Передъ отъѣздомъ де-Бретейля, Шуазель имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе, обстоятельно изложилъ ему свои взгляды и далъ письменныя инструкціи, въ видѣ объемистой записки, въ которой были высказаны общія соображенія политическаго характера. Эти соображенія сводились, въ нѣсколькихъ словахъ, къ слѣдующему:

Россія — держава честолюбивая, грозная, настойчивая; черезчуръ значительное ея увеличеніе было бы опасно для Франціи, но такъ какъ въ настоящій моментъ она ея союзница, то ея слѣдуетъ воспользоваться съ наибольшею выгодною, чтобы доставить Франціи почетный миръ и помочь ей въ военныхъ дѣйствіяхъ.

О Польшѣ въ инструкціи не говорилось ни слова. Особенно слѣдуетъ отмѣтить два пункта инструкціи: въ первомъ предписывалось де-Бретейлю объявить Екатеринѣ, что Франція хлопочетъ о возвращеніи Понятовскаго, а во второмъ говорилось о Восточной Пруссіи. Что касается этаго щекотливаго вопроса, то Шуазель, «самый изобрѣтательный человекъ въ мірѣ», какъ охарактеризовалъ его одинъ изъ его друзей, предоставилъ рѣшить его Россіи совмѣстно съ Австріей. Такъ какъ Франція играла въ войнѣ съ Пруссіей второстепенную роль, а главный принадлежала Австріи, то Елисаветѣ Петровнѣ предоставлялось опредѣлить вмѣстѣ съ этою державою сущность и размѣръ территориальнаго вознагражденія, на которое она претендовала ²⁾).

Записка Шуазеля, равно и все сказанное имъ де-Бретейлю словесно, было передано отъ слова до слова гр. де-Брольи и Терсье, которые въ свою очередь и сочинили отъ имени короля пространную инструкцію, шедшую въ разрѣзъ со всѣми предписаніями министра и въ которой де-Бретейлю повелѣвалось дѣйствовать во всемъ согласно

¹⁾ Людовигъ XV — барону де-Бретейлю, 27-го (16-го) февраля 1760 г. Напечатано у Flassan'a, т. VI стр. 289. Флассану были сообщены бумаги барона де-Бретейля, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ возможность помѣстить въ своемъ сочиненіи нѣкоторые документы изъ секретной корреспонденціи, съ коихъ де-Бретейлемъ были сняты копии.

²⁾ Официальная инструкція де-Бретейлю 5 (16) марта 1760 г. Flassan, VI, 193.

съ ихъ указаніями. Этотъ документъ, ¹⁾ составленный де-Брольи, редактированный Терье и подписанный королемъ, имѣетъ большую важность для исторіи секретной дипломатіи, такъ какъ въ немъ подробно изложены ея цѣли и средства, коими она пользовалась. Эта инструкция свидѣтельствуетъ о томъ, какъ легко Людовикъ XV жертвовалъ ближайшими интересами своего королевства, необходимою относиться съ должнымъ вниманіемъ къ могущественному союзнику и подавить въ самомъ зародышѣ грозное могущество Пруссіи—жертвовалъ своему желанію поддерживать анархію въ Польшѣ и приобрести первенствующее вліяніе на эту республику, что представляло для него, замѣтимъ кстати, весьма гадательныя выгоды въ будущемъ.

«Секретныя переговоры не касаются, на первый взглядъ, Россіи, говорилось между прочимъ въ королевской инструкціи, такъ какъ они относятся непосредственно до поляковъ.—Но вліяніе, которое петербургскій дворъ можетъ и долженъ имѣть въ Польшѣ, обязываетъ королевскаго посланника при русскомъ дворѣ слѣдить за этими переговорами съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ слѣдятъ за ними лица, коихъ его величество удостоилъ своихъ приказаній въ Польшѣ. Защищать конституцію Польской республики, оберегать ее отъ посягательствъ сосѣднихъ державъ, предупреждать внутреннія смуты при избраніи королей, наблюдать затѣмъ, чтобы въ случаѣ этого событія республика избрала монархомъ чловѣка пріятнаго его величеству и не допустила противную партію одержать верхъ—таковы главные пункты, которые имѣетъ въ виду секретная дипломатія».

Далѣе, въ инструкціи излагался историческій очеркъ отношеній Франціи къ Польшѣ, современное положеніе этого государства, характеристика партій, оспаривавшихъ въ немъ власть, и указывалось на то обстоятельство, что старая французская партія была готова сплотиться по призыву агентовъ французскаго правительства и бороться противъ вліянія русской партіи и Чарторыйскихъ.—Наконецъ, въ виду возможной кончины польскаго короля, въ запискѣ настаивали на необходимости подготовиться къ этому событію, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Изъ многочисленныхъ кандидатовъ, которые несомнѣнно стали бы добиваться польскаго престола, Франція была намѣрена поддерживать саксонскаго принца, третьяго сына саксонскаго короля. Всѣ старанія французской дипломатіи должны были клониться къ тому, чтобы подготовить избраніе этого принца.

По мнѣнію короля и его тайныхъ совѣтниковъ, союзъ съ Елисаветой Петровной былъ «наилучшимъ средствомъ для того, чтобы дѣйствовать противъ Россіи, такъ какъ онъ давалъ возможность слѣдить при

¹⁾ Официальная инструкция, данная бар. де-Бретейлю, 5-го (16-го) марта 1760 г.

русскомъ дворѣ за интересами Польши и, воспользовавшись союзомъ съ Россіей, доставить выгоды республикѣ и предотвратить все то, что могло бы повредить ей какъ въ настоящемъ такъ и въ будущемъ».

Людовикъ XV сознается при этомъ чистосердечно, что у него не было иной цѣли, когда онъ согласился вести личную переписку съ Елисаветой. Де-Бретейлю предписывалось руководствоваться изложенными принципами, не упуская случая внушить ихъ и довѣреннымъ лицамъ императрицы, дѣйствуя на нихъ или силою убѣжденія или подкупомъ; въ особенности ему рекомендовалось снискать довѣріе гр. Воронцова, при чемъ была сдѣлана странная оцѣнка характера и взглядовъ этого государственнаго человѣка.

«Безъ сомнѣнія, говорилось въ запискѣ, онъ относится сочувственно къ Франціи, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что этотъ министръ преданъ, какъ и слѣдуетъ быть, тому, что онъ считаетъ соотвѣствующимъ интересамъ его монархини и отечества, поэтому неудивительно, если онъ будетъ стремиться исключительно къ усиленію могущества Россіи».

«Чрезвычайно важно помѣнать этому усиленію. Послѣднія побѣды русскаго войска были одержаны надъ врагомъ Франціи, но онѣ увеличили надменность и притязанія петербургскаго кабинета; поэтому весьма важно, чтобы онѣ болѣе не повторялись».

Какъ ни странно, но должно сказать, что сокровеннымъ желаніемъ Людовика XV было, чтобы его союзники бездѣйствовали. И онъ готовъ былъ скорѣе помириться съ тѣмъ, чтобы Пруссія сохранила свое значеніе, чѣмъ была бы уничтожена Россією. «Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, говорилось въ заключеніи, что было бы весьма прискорбно, если бы Англія, упрочивъ свое вліяніе при рускомъ дворѣ, отвлекла его отъ союза съ Франціей, на что барону де-Бретейлю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; точно также надобно опасаться послѣдствій черезчуръ большаго вліянія или слишкомъ большихъ успѣховъ Россіи въ эту войну. Чѣмъ больше русскіе будутъ считать, что они были и могутъ быть полезны, тѣмъ болѣе они преувеличатъ свои заслуги и тѣмъ болѣе возрастутъ ихъ требованія. Хотя принципъ всякаго союза заставляетъ желать, чтобы союзники дѣйствовали съ одинаковой энергіей, но данный случай представляется совершенно особеннымъ.—Бар. де-Бретейль не долженъ черезчуръ энергично побуждать русскихъ къ дѣйствію, не слишкомъ сдерживать ихъ; онъ долженъ, смотря по обстоятельствамъ, требовать отъ нихъ бѣльшей или меньшей дѣятельности и не настаивать на томъ, что они откажутся исполнить, отговариваясь невозможностью. Достаточно, если они, въ эту кампанію, избѣгутъ пораженія. Если королевское войско одержитъ, какъ можно ожидать, верхъ надъ врагами, то вліяніе Франціи при подписаніи мира

будетъ значительнѣе. Въ такомъ случаѣ русскіе не будутъ имѣть возможности сказать, что война окончилась благодаря имъ; въ ихъ бездѣйствіи можно будетъ почернуть доводъ противъ ихъ хвастливости; это побавитъ спѣсь, съ которою они могли бы настаивать на своихъ требованіяхъ, и миръ можно будетъ заключить на менѣе стѣснительныхъ и болѣе выгодныхъ условіяхъ.

«Чтобы не быть поставленнымъ въ затруднительное положеніе противорѣчивыми приказаніями, г. баронъ де-Бретейль долженъ стараться получить изъ министерства приказанія, согласныя съ настоящей инструкціей. Съ этой цѣлью ему надлежитъ составлять свои донесенія въ такомъ духѣ, чтобы министерство поняло, какъ важно предупредить слишкомъ большое усиленіе Россіи; онъ долженъ указать на опасность, какая можетъ отъ этого воспослѣдовать, и насколько важно, чтобы Россія удовлетворилась прежними границами; ему слѣдуетъ также указать на опасность, угрожающую свободѣ поляковъ, выяснить, что для его величества чрезвычайно важно сохранить въ этой республикѣ сильную партію, а это можетъ быть достигнуто не иначе, какъ если Франція будетъ открыто интересоваться всеѣмъ до Польши касающимся, т. е. если она будетъ до нѣкоторой степени ея адвокатомъ при петербургскомъ дворѣ, дѣйствуя однако столь осторожно, чтобы въ этомъ могли видѣть только заботы о настоящемъ, и отнюдь не заподозрили, что подъ этимъ скрываются какіе либо виды относительно будущаго.

«Такъ какъ цѣль настоящей инструкціи ограничивается заботами объ интересахъ Польши, то слѣдуетъ вывѣдать намѣренія Россіи касательно избранія короля, устранить отъ престола курфюрста саксонскаго и принца Карла ¹⁾ и добиться, если окажется возможнымъ, избранія принца Ксаверія, полагая что поляки не прочь имѣть короля изъ Саксонскаго дома. Такъ какъ по всей вѣроятности будетъ весьма трудно склонить Россію дѣйствовать единодушно съ его величествомъ при избраніи короля польскаго, то надобно добиться по крайней мѣрѣ, чтобы эта держава предоставила польской націи полную свободу дѣйствій, т. е. надобно заблаговременно принять все мѣры къ тому, чтобы поляки могли избрать короля по своему желанію. Для этого необходимо заручиться содѣйствіемъ главныхъ совѣтниковъ императрицы, чтобы они не препятствовали намѣреніямъ его величества какъ въ вопросѣ объ избраніи польскаго короля, такъ и при заключеніи мира. Относительно послѣдняго пункта не слѣдуетъ допускать и мысли объ уступкахъ со стороны Пруссіи, хотя бы въ обмѣнъ за польскія владѣнія; надобно добиваться, чтобы Россія согласилась на денежное вознагражденіе; слѣдуетъ также замедлить, насколько позволятъ обстоятельства, воен-

¹⁾ Второго сына польскаго короля.

ныя дѣйствія русскихъ, чтобы они не имѣли повода требовать слишкомъ большаго вознагражденія за свои побѣды, и напротивъ того, чтобы побѣда, одержанная войсками его величества, дала ему возможность выговорить себѣ при переговорахъ о заключеніи мира главную долю».

Замедлить военныя дѣйствія союзниковъ—такова была цѣль тайной политики Людовика XV, къ которой онъ стремился даже въ тотъ моментъ, когда участь войны готова была рѣшиться и когда, по словамъ самого Фридриха, русскимъ оставалось только двинуть свои войска и нанести ему смертельный ударъ ¹⁾. Чтобы вполне оцѣнить ошибку, сдѣланную французскимъ монархомъ, и понять какъ важно было Франціи одержать рѣшительную побѣду надъ Пруссіей, напомнимъ, что въ 1760 г. Франція вела уже третій годъ упорную войну, истратила нѣсколько милліоновъ и вооружила болѣе 100 тысячъ человекъ. Послѣ столькихъ затратъ, противиться тому, чтобы кампанія, энергично веденная союзниками, довершила начатое дѣло и окончательно сломила могущество Фридриха, было, со стороны Людовика XV, удивительнымъ забвеніемъ своихъ обязанностей, какъ француза и монарха, игнорировавшего политическую задачу Франціи и дешево цѣнившего кровь французовъ и ихъ деньги, истраченные напрасно.

IX.

Прибытіе де-Бретейля въ Петербургъ.—Первое свиданіе его съ великой княгиней Екатериной.—Неожиданное взятіе русскими войсками Берлина.—Необходимость для Франціи заключить миръ.—Планъ Шуазеля и русскій контръ-проектъ.—Интриги короля противъ своего министра.—Преращеніе переговоровъ.—Военныя дѣйствія въ Германіи.—Безнадежное положеніе Фридриха II. Болѣзнь и кончина императрицы Елисаветы Петровны.—Характеръ ея политики.—Послѣдующія отношенія Россіи къ Франціи.

По приѣздѣ въ Петербургъ, де-Бретейль былъ въ большомъ затрудненіи. Рѣшивъ повиноваться во всемъ приказаніямъ своего монарха, онъ хотѣлъ сохранять по отношенію къ министру иностранныхъ дѣлъ хоть тѣнь покорности и повиновенія. Д'Эонъ, которому въ виду неопытности де-Бретейля, было поручено служить ему первое время руководителемъ ²⁾, быстро посвятилъ его въ тайны русскаго двора, сообщилъ свѣдѣнія о характерѣ императрицы, ея министровъ и всѣхъ другихъ лицъ, употреблявшихся для веденія иностранныхъ сношеній, а также кое-какія подробности, которыя еще болѣе увеличили недоумѣнія барона.

¹⁾ Фридрихъ II Mémoires, гл. X, стр. 275.

²⁾ Correspondance secrète de Louis XV Boutaric т. I, стр. 249.

Де-Бретейлю между прочимъ было наказано «особенно освѣдомиться насчетъ привязанности и видовъ великаго князя и великой княгини и стараться снискать ихъ благосклонность и довѣріе. Маркизь Лопиталь пренебрегалъ молодымъ дворомъ и особенно вооружилъ противъ себя великую княгиню участіемъ своимъ въ отозваніи изъ Петербурга Понятовскаго. «Если,—что не подлежитъ сомнѣнію,—великая княгиня обратится къ барону Бретейлю съ жалобами на поведеніе его предмѣстника, говорилось въ инструкціи, то баронъ долженъ воспользоваться этимъ случаемъ и ловко внушить, что ему извѣстны чувства короля относительно великаго князя и великой княгини, и онъ можетъ увѣрить, что его величество будетъ очень радъ содѣйствовать исполненію ихъ желаній, и если бы имъ было пріятно увидѣть опять въ Петербургѣ Понятовскаго, то его величество не только не воспротивится, но будетъ еще содѣйствовать тому, чтобы король польскій назначилъ его снова посланникомъ въ Россію» ¹⁾).

Между тѣмъ въ Петербургѣ въ это время роли перемѣнились: Екатерина благоволила къ Франціи, тогда какъ Елисавета измѣнила своей всегдашней пріязни къ этой державѣ. Незадолго до пріѣзда въ Россію де-Бретейля, герцогъ Шуазель извѣстилъ великую княгиню, что Франція ходатайствовала у польскаго короля о назначеніи Понятовскаго на его прежній постъ; это извѣстіе было принято съ удовольствіемъ Екатериной, но Елисавета Петровна была непріятно поражена узнавъ, что безъ ея вѣдома начаты переговоры о назначеніи вновь къ ея двору посланника, которому она не симпатизировала и который не сумѣлъ снискать ея благоволенія.

Императрица выразила по этому поводу свое неудовольствіе Людовику XV въ своей секретной корреспонденціи; король приказалъ отвѣтить ей, что онъ не желалъ этимъ назначеніемъ сдѣлать ей непріятное, и отиѣнилъ приказаніе, данное французскому посланнику въ Варшавѣ, хлопотать о назначеніи Понятовскаго въ Петербургѣ ²⁾).

Когда де-Бретейль явился послѣ этого впервые къ великой княгинѣ, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, онъ ожидалъ отъ нея упрековъ или по меньшей мѣрѣ самаго холоднаго пріема; можно себѣ представить его изумленіе и удовольствіе, когда великая княгиня любезно его встрѣтила и сказала:

— Король хотѣлъ недавно сдѣлать для меня пріятное, и хотя результатъ дѣла не соотвѣтствуетъ его любезности, тѣмъ не менѣе я чрезвычайно этимъ тронута. Я прошу васъ передать его величеству мою

¹⁾ Correspondence secrète, I, 240, 262 и Соловьевъ, т. XXIV, 1160.

²⁾ Письмо Терсье—гр. Воронцову отъ имени короля 16 (5) августа 1760 г. Flaaan. т. VI, стр. 223.

признательность, увѣривъ его въ моемъ уваженіи и въ моей готовности воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы доказать это на дѣлѣ.

Когда де-Бретейль высказалъ, что онъ счастливъ исполнить столь пріятное и лестное порученіе, Екатерина съ живостью перебила его слова:

— Я уже давно убѣдилась, что таковы чувства короля: я ничего не дѣлала, чтобы внушить ему инныя чувства, и если бы меня захотѣли узнать немного лучше и не оскорбили жестоко, то увидѣли бы, что я только желаю быть пріятной его величеству ¹).

Трудно было ожидать болѣе благопріятныхъ для Франціи чувствъ со стороны великой княгини; къ сожалѣнію, молодой дипломатъ не могъ или не сумѣлъ ими воспользоваться. Стѣсненные противорѣчивыми приказаніями, онъ рѣшился дѣйствовать осторожно, принявъ за образецъ Лопитала, тогда какъ отъ него ождали, что онъ будетъ дѣйствовать болѣе ловко и энергично. Случай видѣться и бесѣдовать съ императрицей представлялся ему все рѣже и рѣже; здоровье Елисаветы Петровны угасало, ея страданія увеличивались съ каждымъ днемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она становилась мрачнѣе и ко всему безучастнѣе; иной разъ по цѣлымъ недѣлямъ она никому не показывалась.

Съ гр. Воронцовымъ де-Бретейль сошелся самымъ дружескимъ образомъ, но въ своихъ бесѣдахъ съ канцлеромъ старался какъ можно рѣже затрогивать вопросы политики. Уклоняясь отъ разговора о Польшѣ, онъ также не говорилъ съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ, совершенно не старался вліять на его рѣшенія.

Лѣтомъ 1760 г. русскія и австрійскія войска должны были соединиться для совмѣстныхъ дѣйствій въ Силезіи. Австрійцы явились къ назначенному пункту своевременно; ген. Лаудонъ разбилъ пруссаковъ при Ландсгутѣ и дошелъ до Бреслава, но русскіе заставили себя ждать. Чтобы соединиться съ союзниками, имъ надобно было покончить съ корпусомъ принца Генриха Пруссаго, который искусно маневрировалъ противъ войскъ Салтыкова, задерживая его на берегахъ Одера. Фридрихъ, которому не удалось взять обратно Дрездена, послѣдно явился въ Силезію, одержалъ побѣду надъ Лаудономъ при Лигницѣ, освободилъ Бреславль, соединился съ войскомъ принца Генриха и помѣшалъ сдѣлать то же своимъ противникамъ. Очутившись одни лицомъ къ лицу съ Фридрихомъ русскіе не рѣшились дать ему сраженіе и отступили среди лѣта, пробывъ въ походѣ нѣсколько мѣсяцевъ и буквально исполнивъ желаніе Людовика XV, такъ какъ они не понесли за это время рѣшительнаго пораженія, но и не одержали побѣды.

Столь вялыя дѣйствія русскаго войска не соотвѣтствовали желаніямъ Елисаветы Петровны, которая хотѣла, во что бы то ни стало, уничто-

¹) Де-Бретейль 5 сент. н. ст. 1760.

жить ненавистнаго ей короля прусскаго, и потому она повелѣла возобновить военныя дѣйствія. Фридрихъ возвратился тѣмъ временемъ въ Саксонію, слѣдовательно путь къ Берлину былъ открытъ. Отрядъ легкихъ войскъ, послѣдшнею движутый въ Берлинъ, застигъ столицу врасплохъ, занявъ ее 28 сент. (9 окт.) послѣ нѣсколькихъ часовъ сраженія, захватилъ арсеналы, уничтожилъ магазины и обложилъ городъ контрибуціей ¹⁾.

Вѣсть о торжественномъ вступленіи русскихъ войскъ въ Берлинъ была тяжелымъ ударомъ для Фридриха и радостной вѣстью для его враговъ; всѣ думали, что Пруссія нанесенъ смертельный ударъ.

Фридрихъ послѣдшилъ на спасеніе своей столицы; его преслѣдовалъ фельдмаршалъ Даунъ. Стѣсненный между русскими войсками, которыя очистили Берлинъ ²⁾, но занимали еще часть Бранденбурга, и австрійцами, которые готовились зимовать на Эльбѣ, Фридрихъ располагалъ территоріей болѣе ограниченной, нежели курфюршество его предковъ. Онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастье, напалъ на армію Дауна близъ Торгау и вынудилъ его отступить къ югу (7 нояб. н. ст.). Узнавъ о пораженіи своихъ союзниковъ, русскіе отступили въ Польшу; а прусскій король воспользовался нѣсколькими мѣсяцами отдыха, который ему дали враги, чтобы собраться съ духомъ и подкрѣпить свои силы.

Русскіе генералы объясняли нерѣшительность дѣйствій трудностью продовольствовать армію и обезпечить сообщеніе между отдѣльными частями. Въ польскихъ провинціяхъ не было мѣстечка, гдѣ бы они могли съ безопасностью устроить свои магазины и походные арсеналы и куда могли бы отступить въ случаѣ пораженія. Впрочемъ, въ тылу русской арміи былъ городъ, который могъ служить опорнымъ пунктомъ и откуда можно было получать съѣстные припасы. Данцигъ—богатый, многолюдный и хорошо укрѣпленный городъ могъ продовольствовать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и укрыть подъ защитою своихъ фортовъ цѣлую армію. Этотъ старинный ганзейскій городъ былъ обязанъ стараніямъ французской и австрійской дипломатіи тѣмъ, что онъ до этого

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1149.

²⁾ Когда извѣстіе о занятіи Берлина было получено въ Петербургѣ, то 11 (22) октября пріѣхали къ канцлеру всѣ иностранные министры, кромѣ англійскаго, съ поздравленіями.—Они распространились о томъ, какъ славно это событіе для царствованія Елисаветы, для ея министерства и арміи, при чемъ особенно послы австрійскій и французскій и саксонскій совѣтники посольства Прассе выражали, какъ необходимо для чести русскаго оружія и общей пользы, чтобъ Берлинъ былъ удержанъ.—Командовавшему войсками было послано въ этомъ смыслѣ приказаніе изъ Петербурга, но это внушеніе опоздало. Берлинъ былъ занятъ съ финансовою цѣлю: контрибуціею съ него облегчить тяжесть военныхъ расходовъ, и потому, какъ только добыча была захвачена, то Чернышевъ и Тотлебенъ оставили Берлинъ. Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1149 и 1150.

времени избѣжалъ занятія русскими войсками. По окончаніи кампаніи 1760 г. русскіе хотѣли расположиться въ немъ съ согласія мѣстныхъ властей и тамъ подготвиться къ походу въ прусскую Померанію. Западныя державы отнеслись къ этому намѣренію крайне враждебно; занятіе русскими Данцига казалось Людовику XV новой угрозой по адресу Польши; имѣя въ рукахъ этотъ драгоцѣнный залогъ, согласились ли бы русскіе отказаться отъ него, не удовлетворивъ своихъ вождельнѣй на Восточную Пруссію и Украйну?

Секретная дипломатія заволновалась и барону де-Бретейлю было послано слѣдующее письмо за собственноручною подписью Людовика XV. «Хотя я имѣю поводъ сомнѣваться относительно одного извѣстія, полученнаго мною изъ Польши, такъ какъ вы не упоминаете о немъ въ вашихъ депешахъ ко мнѣ, но это пунктъ слишкомъ важный и нельзя терять ни одного мгновенія, чтобы предупредить, если окажется возможнымъ,—это замыселъ русскихъ овладѣть Данцигомъ. Вы видѣли, передъ вашимъ отъѣздомъ изъ корреспонденціи маркиза Лопиталья все, что было сказано и сдѣлано до сихъ поръ для сохраненія вольности этого города; это удалось достигнуть въ то время, когда силы короля прусскаго были гораздо многочисленнѣе, нежели въ настоящее время; и слѣдовательно этотъ опорный пунктъ могъ быть гораздо необходимѣе для русскихъ..... Нынѣ, русскіе менѣе нуждаются въ этомъ городѣ, слѣдовательно они хотятъ овладѣть имъ скорѣе въ видахъ политическихъ нежели военныхъ; они предчувствуютъ, что имъ будетъ трудно удержать Пруссію, и ежели намѣреніе, приписываемое имъ, вѣрно, то они безъ сомнѣнія желаютъ, чтобы возвращеніе Данцига было поводомъ къ пріобрѣтенію хотя нѣкоторой части Пруссіи или тѣхъ земель, которыя они желаютъ получить въ Украйнѣ. То и другое одинаково опасно. Поэтому вы должны употребить все свое стараніе у гр. Воронцова, чтобы помѣшательству осуществленію этого плана. Напомните ему все, что было сказано въ свое время о несправедливости этого достушка, который омрачилъ бы славу императрицы. Это требованіе было бы еще несправедливѣе въ настоящее время. Присокупите къ этимъ доводамъ все, что вы найдете возможнымъ сказать въ виду особаго довѣрія, коимъ вы пользуетесь у гр. Воронцова; представьте ему, что, принимая живѣйшее участіе въ свободѣ Польши и въ ея интересахъ, я буду крайне огорченъ всѣмъ, что могло бы повредить имъ; что это можетъ чрезвычайно затруднить всѣ дальнѣйшіе переговоры о заключеніи мира и что я ожидаю янаго отъ справедливости и личныхъ чувствъ императрицы. Передайте гр. Воронцову, что ежели онъ такъ искренно преданъ мнѣ, какъ утверждаетъ, то ему придется дѣйствовать въ разрѣзъ съ этими чувствами не только въ томъ случаѣ, ежели онъ осуществитъ этотъ планъ, но даже и тогда, когда онъ не попрепятствуетъ его осуществленію. Если бы сумма, которую

онъ мнѣ долженъ, была употреблена исключительно на то, чтобы предотвратить эту неприятность, я счелъ бы эти деньги хорошо употребленными ¹⁾).

«Вы должны воспользоваться этимъ средствомъ со всевозможною осторожностью и деликатностью; замѣтите ему, по поводу сказаннаго имъ самимъ о здоровьи императрицы и уединенія, въ которомъ она живетъ, что трудно себѣ представить, чтобы это приказаніе исходило лично отъ нея, слѣдовательно этотъ планъ припишутъ всецѣло ея генераламъ и министрамъ, и при извѣстныхъ обстоятельствахъ упрекъ за этотъ фактъ, могущій имѣть весьма прискорбныя послѣдствія, падеть исключительно на него. Употребите все свое вліяніе на графа, чтобы не дать русскимъ овладѣть этимъ городомъ, коего вольность чрезвычайно важна для свободы Польши, а занятіе русскими можетъ повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Вотъ что я ожидаю отъ вашего усердія и отъ вашего пониманія моихъ интересовъ по отношенію къ Польской республикѣ ²⁾).

Настоянія барона де-Бретейля, которому много помогла секретная нота, посланная непосредственно самому Воронцову, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Уступивъ желанію французскаго короля, Россія отказалась отъ своихъ плановъ относительно Данцига; стратегическія выгоды союзныхъ державъ стушевались передъ политическими соображеніями одного изъ союзныхъ монарховъ. Въ то же самое время, Елисавета Петровна безропотно изъвила свое согласіе на одну еще болѣе важную уступку. Встревоженная тѣмъ, что ея притязаніе на Восточную Пруссію было встрѣчено въ Версалѣ и въ Вѣнѣ крайне несочувственно, она объявила въ исходѣ 1760 г., что болѣе не настаиваетъ на своихъ требованіяхъ. Это извѣстіе нѣсколько успокоило Людовика XV; что касается Шуазеля, то онъ видѣлъ съ радостью, что такимъ образомъ исчезло главное препятствіе къ успѣшному ходу мирныхъ переговоровъ, которые ему хотѣлось уже годъ тому назадъ начать при посредничествѣ Россіи.

Осенью 1760 г. Шуазель послалъ барону де-Бретейлю, — который послѣ отъѣзда Лопиталя и д'Эона, остался единственнымъ представителемъ Франціи въ С.-Петербургѣ, — приказаніе во всемъ слѣдовать инструкціи, которую не сумѣлъ исполнить его предшественникъ, и, вывѣдавъ намѣренія русскаго правительства, приступить къ переговорамъ.

Де-Бретейль не посмѣлъ исполнить приказаніе министра не заручившись предварительно соизволеніемъ на это короля, котораго онъ просилъ разрѣшить ему дѣйствовать согласно съ инструкціей министра. — При этомъ онъ успокаивалъ Людовика XV насчетъ послѣдствій, какія

¹⁾ Король ссудилъ гр. Воронцову 150 т. экю.

²⁾ Correspondance secrète. Король—де-Бретейлю 3 янв. н. ст. 1761.

могли произойти отъ «преобладающаго и нежелательнаго вліянія», на какое могла претендовать Россія, играя роль посредницы послѣ двухъ выигранныхъ ею сраженій.

«Мнѣ кажется, ваше величество, писалъ де-Бретейль, что нынѣ опасность уже не такъ велика, послѣ того какъ Россія совершила самую жалкую изъ кампаній ¹⁾».

Послѣднее соображеніе показалось королю настолько существеннымъ, что онъ разрѣшилъ де-Бретейлю дѣйствовать такъ, какъ ему было приказано. Предложеніе о посредничествѣ было принято русскимъ дворомъ весьма сочувственно, и въ январѣ мѣсяцѣ 1761 г. между Россіей и Франціей начались переговоры по этому поводу.

Герцогъ Шуазель представилъ русскому двору проектъ деклараціи, съ которой онъ намѣревался обратиться къ Англіи и Пруссіи. Въ предъидущемъ году эти державы предложили воюющимъ сторонамъ, чрезъ великобританскаго посланника въ Гагѣ, созвать конгрессъ для обсужденія условій, на конхъ могъ бы быть заключенъ миръ. Шуазель воспользовался этимъ предложеніемъ и составилъ проектъ деклараціи въ формѣ отвѣта на него, но вмѣсто одного предлагалъ созвать два конгресса, одинъ для обсужденія вопроса о примиреніи Франціи съ Англію, а другой—для заключенія мира на континентѣ, между королемъ прусскимъ съ одной стороны и Австріей, Франціей, Саксоніей и Россіей, съ другой. Этой уловкою министръ Людовика XV надѣялся побѣдить упорство Австріи и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить ее. Марія-Терезія соглашалась начать переговоры о заключеніи мира весьма неохотно, старательно отдѣляла свои интересы отъ интересовъ Франціи и относилась съ недовѣріемъ къ общему конгрессу, на коемъ обсуждались бы совмѣстно интересы всѣхъ союзныхъ державъ, причемъ могло случиться, что Австріи пришлось бы возвратить Пруссіи ея завоеванія взаимнѣ тѣхъ владѣній, которыя Англія возвратила бы Франціи въ колоніяхъ. Кромѣ того, Шуазель предлагалъ заключить перемиріе, которое было необходимо для Франціи по отношенію къ ея заморскимъ владѣніямъ, для спасенія колоній и остатковъ ея морской торговли въ обнѣихъ Индіяхъ.

11-го января 1761 г., вечеромъ, пріѣхалъ къ канцлеру французскій посоль съ депешою отъ герцога Шуазеля, въ которой говорилось, что Людовикъ XV желаетъ мира; при этомъ посоль представилъ слѣдующую декларацію съ требованіемъ скорого на нее отвѣта.

«Достоувѣрно извѣстно, что силы короля прусскаго такъ истощены, что если бы не помогала ему Англія, то онъ принужденъ былъ бы согласиться на всѣ требованія.—Но и при англійской помощи изнеможеніе этого

¹⁾ Бретейль—королю. Секретное письмо отъ 27 (16) сент. 1760 г. Flassan т. VI, стр. 372.

государя такъ очевидно, что державамъ, соединившимся для возстановленія тишины, нечего опасаться, чтобы король прусскій осмѣлился послѣ мира возмутить покой новымъ нападеніемъ. Король (французскій) не предвидитъ возможности, чтобы будущая кампанія могла привести союзниковъ въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе. Не долженъ король скрывать отъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ, что онъ принужденъ уменьшить свое вспомогательное войско и что продолженіе войны крайне истощаетъ доходы его государства, такъ что онъ не отвѣчаетъ за возможность точнаго исполненія принятыхъ передъ союзниками обязательствъ. Король надѣется, что ея императорское величество принесетъ въ жертву этому великому дѣлу собственные свои интересы точно такъ, какъ и король намѣренъ жертвовать своими интересами» ¹⁾.

Въ Петербургѣ предложенія Франціи подверглись всестороннему обсужденію въ Совѣтѣ. Выработанный въ его засѣданіяхъ обстоятельный планъ переговоровъ былъ сообщенъ версальскому кабинету. Проектъ этотъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ оказался благопріятнѣе для Франціи, нежели проектъ, составленный Шуазелемъ. Россія соглашалась лишь на самое короткое перемиріе, считая его вреднымъ для интересовъ союзниковъ и чрезвычайно полезнымъ для прусскаго короля. Императрица соглашалась на перемиріе единственно изъ дружбы къ французскому королю, для доказательства, что она интересы союзниковъ часто предпочитаетъ собственнымъ, но сама считала единственнымъ способомъ къ достиженію честнаго и прочнаго мира раннее начатіе кампаніи, и поэтому выражала желаніе возобновить какъ можно скорѣе военныя дѣйствія и энергично продолжать войну въ Германіи, въ случаѣ ежели переговоры не привели бы въ скоромъ времени къ желаемому результату. Что касалось самаго способа веденія переговоровъ, то Елисавета допускала возможность вести ихъ отдѣльно лишь во время редактированія предварительныхъ статей мирнаго договора, настаивая на томъ, чтобы окончательная ихъ редакция была представлена на утвержденіе общаго конгресса. Императрица Елисавета по прежнему выражала готовность отказаться отъ Восточной Пруссіи, но подъ условіемъ, что эта уступка послужитъ на пользу ея союзниковъ и ея собственныхъ интересовъ, поэтому она обставила ее извѣстными условіями. Елисавета объявила лондонскому кабинету, что, уступая необходимости, она отказывается отъ своихъ завоеваній, дабы облегчить возможность возстановленія мира, но ожидаетъ подобной же жертвы отъ Англіи и ставитъ возвращеніе Пруссіи въ зависимость отъ возстановленія мира на морѣ. Въ знакъ признательности за эту услугу, версальскій дворъ долженъ былъ принять

¹⁾ Записки конференціямъ канцлера съ министрами иностранными, 1761 г. Соловьевъ, т. XXIV стр. 1186.

на себя секретное обязательство поддержать на Варшавскомъ сеймѣ требованія Россіи относительно измѣненія границъ Украйны.

Ясно, какую выгоду могла извлечь изъ этого Франція. Главное желаніе Фридриха было получить обратно провинцію, составлявшую колыбель его наслѣдственныхъ владѣній; при этомъ не надобно забывать, что онъ пользовался въ Лондонѣ огромнымъ вліяніемъ. «Онъ не только король прусскій, писалъ Берни Шуазелю нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ въ то же время первый министръ англійскаго короля.

Желаніе обезпечить цѣлость Прусской монархіи и необходимость падить Россію весьма легко могли заставить Англію быть сговорчивѣе при переговорахъ съ Франціей и даже побудить ее возвратить этой державѣ часть ея завоеваній за океаномъ; но для достиженія этой цѣли Франція надобно было не только отказаться отъ мысли препятствовать видамъ Россіи на Польшу, но до нѣкоторой степени помочь ей въ этомъ.

Это было единственное обязательство, которое Елисавета потребовала отъ Франціи; но въ то же время она заявила ей о своемъ давнишнемъ желаніи превратить временное обличеніе, состоявшееся съ Франціей, въ 1757 году, въ настоящій и прочный союзъ.

— Императрица искренно желаетъ этого союза, говорилъ Воронцовъ де-Бретейлю, и было бы желательно оформить его до начала переговоровъ о заключеніи мира ¹⁾.

Въ исходѣ 1760 г. Елисавета Петровна послала Людовику XV письмо, въ коемъ, высказывая желаніе содѣйствовать заключенію мира, она предлагала ему подписать безъ посредничества и участія Австріи болѣе тѣсный союзный договоръ.

Приобрѣсти право на признательность Франціи, способствуя примиренію ея съ Англіей, воспользовавшись оказанною услугою, заручиться содѣйствіемъ французскаго правительства въ Польшѣ и навсегда связать политику Франціи съ политикой Россіи—таковъ былъ планъ Елисаветы Петровны, планъ, задуманный весьма ловко и осторожно ²⁾. Герцогъ Шуазель, движимый патріотическимъ желаніемъ спасти остатки колониальныхъ владѣній Франціи, согласился на предложеніе Россіи и поспѣшилъ увѣдомить де-Бретейля, что, не желая затягивать переговоры, Франція готова уменьшить свои требованія по отношенію къ Англій, пожертвовавъ ради этого такими соображеніями, которые при иныхъ обстоятельствахъ не были бы оставлены безъ вниманія и быть можетъ задѣли бы самолюбіе французовъ ³⁾.

«Они (переговоры) не встрѣтятъ никакого препятствія съ нашей

¹⁾ Де Брейтель, 3 (14) янв. 1761 г.

²⁾ *Correspondance secrète*. Воронцовъ отъ имени императрицы къ Терсье 9 (20) дек. 1760 г.

³⁾ Шуазель—де-Бретейлю 10 марта в. ст. 1761 г.

стороны, писалъ онъ де-Бретейлю, но я долженъ сдѣлать по этому поводу только одно замѣчаніе, а именно, что канцлеръ долженъ вручить вамъ ноту, изложивъ въ ней условія, коими Россія обуславливаетъ свой отказъ отъ прусскихъ владѣній. Эти условія должны состоять въ томъ, чтобы Англія прекратила свою распрю съ нами и чтобы мы выговорили Россіи какое либо вознагражденіе въ Украинѣ».

Де-Бретейль передалъ содержаніе полученной имъ депеши графу Воронцову, который одобрилъ ее по существу. Переговоры между Франціей и Англіей должны были начаться при посредничествѣ русскаго посланника въ Лондонѣ, князя Голицына. Воронцовъ, со своей стороны, согласился изложить въ официальной нотѣ желанія Россіи и представить ее своевременно, т. е. въ тотъ моментъ, когда начнутся серьезные переговоры, чтобы этимъ повліять на ихъ благополучный исходъ. Де-Бретейль уже радовался достигнутымъ результатамъ, какъ вдругъ изъ Версаля, отъ 2 (13) мая была получена депеша, свидѣтельствовавшая о нѣкоторомъ колебаніи со стороны Шуазеля. Французскій министръ какъ будто сожалѣлъ о томъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко и принялъ поспѣшно предложенія и условія Россіи.

«Еще не настало время говорить о видахъ Россіи на польскую Украину, писалъ онъ де-Бретейлю; вы должны ограничиться по этому поводу одними общими увѣреніями насчетъ того, что король готовъ, по мѣрѣ возможности, доказать свое доброжелательство во всемъ, что можетъ интересовать русскую императрицу» ¹⁾.

Что же произошло за эти два мѣсяца и что заставило герцога Шуазеля заговорить совершенно инымъ тономъ? Онъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ своимъ распоряженіямъ со стороны короля, который самымъ положительнымъ образомъ воспретилъ ему идти далѣе по пути уступокъ и довѣрія къ Россіи. Людовикъ XV находилъ, что Елисавета Петровна цѣнила свои услуги слишкомъ дорого; онъ еще мирился съ мыслию, что Франція будетъ обязана возвращеніемъ нѣкоторыхъ колоній союзнику, которому онъ не придавалъ особеннаго значенія, но его нѣжная заботливость о полякахъ возмущалась при мысли, что за соглашеніемъ относительно границъ Украины могли скрываться какія либо злостныя намѣренія относительно Польши. Ограничивъ распоряженія министра, король прибѣгнулъ къ своему излюбленному средству и сталъ дѣйствовать окольными путями. Терсье велѣно было намекнуть де-Бретейлю секретно, чтобы онъ сообразовалъ свои дѣйствія только съ желаніями короля.

Случай къ тому представился въ тотъ моментъ, когда французскому правительству пришлось дать отвѣтъ на предложеніе Елисаветы Петровны относительно заключенія союза.

¹⁾ Шуазель де-Бретейлю 2 (13) мая 1761 г.

Шуазель былъ въ восторгѣ отъ этого предложенія и совѣтовалъ дать Россіи субсидію, въ которой Франція до тѣхъ поръ ей отказывала, а Терсье, по приказанію короля, отвѣчалъ графу Воронцову въ выраженіяхъ живѣйшей признательности ¹⁾, но въ то же время совѣтовалъ де-Бретейлю уклоняться отъ переговоровъ относительно Украины, что было вѣрнѣйшимъ средствомъ устранить вмѣшательство Россіи въ дѣла Франціи и прекратить всѣ дальнѣйшіе переговоры о союзѣ.

«Я увѣренъ, писалъ ему Шуазель, что сокровенныя желанія его величества будутъ вамъ служить путеводною звѣздою при переговорахъ и что вы не только не допустите, чтобы въ союзный договоръ было включено что либо противное его намѣреніямъ, но постараетесь, со своей стороны внушить герцогу Шуазелю такія мысли, которыя содѣйствовали бы осуществленію этихъ намѣреній или хотя бы не являлись этому помѣхою. Отказъ императрицы отъ ея притязаній на Пруссію представляетъ само по себѣ вопросъ первостепенной важности, но можно опасаться, что она захочетъ получить вознагражденіе въ Украинѣ. Если намъ удастся обезпечить спокойствіе Польской республики относительно этихъ двухъ пунктовъ, и если Данцигъ останется, какъ можно ожидать, вольнымъ городомъ, то мы счумѣемъ въ должномъ видѣ представить Польшѣ услугу, оказанную ей его величествомъ» ²⁾.

Эти замѣчанія были преподаны де-Бретейлю въ видѣ совѣта, но нѣсколько времени спустя, Людовикъ XV рѣшился подтвердить ихъ именнымъ повелѣніемъ и послалъ ему нижеслѣдующее высокоумѣренное и въ высшей степени категорическое письмо, какъ нельзя лучше характеризующее его политику.

«Выписки, приложенныя къ вашему письму отъ 1-го (н. ст.) марта писалъ король 8 іюня (н. ст.) 1761 года, даютъ мнѣ поводъ думать, что вы зашли слишкомъ далеко въ своихъ предложеніяхъ русскому министерству. Ему надлежитъ дѣлать во всемъ первый шагъ; мои правительственные виды требуютъ приучить его къ этому; русскіе становятся слишкомъ заносчивы, когда въ нихъ запискиваютъ. При томъ, я убѣдился на опытѣ, что величайшая выгода, какую я могъ бы извлечь изъ союза съ ними, заключается въ устраненіи вреда, который они могли бы намъ причинить, заключивъ союзы съ моими врагами.—И такъ я желаю, чтобы при переговорахъ съ русскими вы сообразовались съ этими принципами, избѣгалъ вовлечь меня въ объясненія касательно престолонаслѣдія въ Польшѣ. Я имѣю основаніе предполагать, что давъ русскимъ право овладѣть Україною, я этимъ увеличу нерасположеніе ко мнѣ турокъ; при томъ, это было бы равносильно участію въ вели-

¹⁾ Correspondance secrète. Терсье отъ имени короля гр. Воронцову. 23 (12) марта 1761 г.

²⁾ Терсье--де-Брейтелю 12 (23) марта 1761 г.

чайшей несправедливости; я заплатилъ бы въ этомъ случаѣ слишкомъ дорого за союзъ, заключенный съ державою, въ которой духъ интриги усиливается съ каждымъ днемъ до такой степени, что имъ парализуются самыя положительныя повелѣнія монархини, а необезпеченность престолонаслѣдія не позволяетъ относиться съ довѣріемъ къ самымъ торжественнымъ ея обязательствамъ».

Королевская инструкція сопровождалась пояснительною запискою, въ которой Терсье настоятельно совѣтовалъ де-Бретейлю не произносить болѣе ни слова объ Украинѣ, избѣгать всякаго намека на престолонаслѣдіе въ Польшѣ и не выказывать слишкомъ явно миролюбивыхъ намѣреній ¹⁾.

Получивъ столь категорическія приказанія, де-Бретейлю оставалось только повиноваться; онъ прервалъ переговоры, выслушивалъ настоятельныя напоминанія Воронцова и не отвѣчалъ на нихъ, а когда канцлеръ упоминалъ въ разговорѣ съ нимъ о союзномъ договорѣ, то онъ дѣлалъ видъ, что понимаетъ подъ этимъ торговый договоръ ²⁾.

Видя услуги свои отвергнутыми, Россія отказалась отъ роли, которую она надѣялась играть въ примиреніи Франціи съ Великобританіей, и совместно съ Австріей предложила созвать въ Аугсбургѣ конгрессъ для обсужденія условій континентальнаго мира.

Фридрихъ, послѣ своего пораженія при Кунерсдорфѣ и послѣ дорого обошедшейся ему побѣды при Торгау, не рѣшался болѣе на сраженіе въ открытомъ полѣ и избѣгалъ встрѣчи съ непріателемъ. Онъ не принималъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы помѣшать соединенію австрійской и русской арміи въ Силезіи и былъ окруженъ въ лагерѣ при Бунцельвицѣ 120.000 непріятельскимъ войскомъ. Генералы союзныхъ армій, Лаудонъ и графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, болѣе робкіе, нежели ихъ противникъ, не рѣшались напасть на него врасплохъ и ограничили себя тѣмъ, что опустошали, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, Силезію и слѣдили издали за движеніями пруссаковъ; затѣмъ они разошлись, намѣреваясь каждый отдѣльно продолжать завоеваніе Пруссіи.

Австрія овладѣла важною крѣпостью Швейдницемъ, которая обезпечила имъ обладаніе большей части Силезіи, русскіе осадили Кольбергъ съ суши и съ моря, взяли его и овладѣли Помераніей. Въ Саксоніи принцъ Генрихъ былъ вынужденъ отступать передъ непріятелемъ шагъ за шагомъ. Отказываясь отъ надежды прорвать желѣзное кольцо, сдавливавшее его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, Фридрихъ отступилъ къ Бреславию, сосредоточилъ вокругъ этой крѣпости остатки своей арміи и не рѣшался двинуться оттуда. Выбившись изъ силъ, онъ упалъ духомъ и провелъ два мѣсяца не выходя изъ комнаты, не желая

¹⁾ Терсье — де-Бретейлю 8 июня н. ст. 1761.

²⁾ *Congresspondance officielle*. Де-Бретейль 2 авг. н. ст. 1761 г.

никого видѣть, избѣгая показываться войску. Хотя приближеніе зимы сулило ему нѣсколько мѣсяцевъ отдыха, но онъ былъ увѣренъ, что слѣдующая кампанія будетъ послѣднею. Положеніе Фридриха становилось тѣмъ опаснѣе, что на будущій годъ нельзя было рассчитывать на медленность движеній русской арміи и безтолковость главнокомандующаго. Бутурлина, такъ какъ въ ряду русскихъ генераловъ появился Румянцевъ, которому было поручено поправить кампанію 1761 года, и онъ уже доказалъ свое искусство взятіемъ Кольберга, подъ которымъ русское войско два раза терпѣло неудачу ¹⁾.

Гибель угрожала Фридриху со всѣхъ сторонъ. Австрія затягивала открытіе конгресса въ Аугсбургѣ, чтобы вѣрнѣе довершить его паденіе и властнѣе продиктовать ему условія міра. Англія также отвернулась отъ Фридриха и отказала ему въ субсидіи. Въ самой Пруссіи замѣчался упадокъ духа и нѣкоторое озлобленіе противъ короля, какъ вдругъ на этомъ мрачномъ и грозномъ небосклонѣ мелькнулъ для Фридриха лучъ надежды. Этотъ лучъ исходилъ изъ Петербурга.

Послѣднія распоряженія русскаго правительства свидѣтельствовали о твердомъ его намѣреніи продолжать войну со всевозможной энергіей, какъ вдругъ, осенью 1761 г., разнеслась тревожная вѣсть о тяжелой болѣзни Елисаветы Петровны, предвѣщавшей скорую перемену правленія въ Россіи. Дни царицы были, какъ говорили, сочтены; ей оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, даже быть можетъ, всего нѣсколько недѣль жизни.

Фридриху было извѣстно восторженное поклоненіе, которое питалъ къ нему наслѣдникъ русскаго престола; онъ былъ увѣренъ, что Петръ Федоровичъ, вступивъ на престолъ, поспѣшитъ порвать союзъ съ Франціей и Австріей и, если не заключитъ немедленно союза съ Пруссіей, то по крайней мѣрѣ будетъ поддерживать съ нею добрыя сосѣдскія отношенія. Отдѣлавшись отъ опаснѣйшаго изъ своихъ враговъ, Фридрихъ могъ бы справиться съ остальными и выговоритъ себѣ почетный миръ. Участь Пруссіи и отчасти другихъ европейскихъ государствъ зависѣла отъ жизни Елисаветы Петровны. Ея кончина могла быть спасеніемъ для Фридриха, если бы она случилась до начала кампаніи 1762.

Извѣстія, полученныя изъ Россіи, оказались справедливы. У Елисаветы Петровны возобновились приступы ея давнишней болѣзни; послѣ каждаго припадка силы ея слабѣли. Уже въ началѣ 1761 года императрица была настолько слаба, что слушала доклады, лежа въ постели. 17-го (28) ноября она почувствовала лихорадочные припадки, отъ которыхъ нѣсколько времени спустя она оправилась.

Встревоженная, объятая страхомъ, императрица преобрегала однако совѣтами врачей и, съ ужасомъ ожидая смерти, ничего не дѣлала для своего спасенія. При ея физическихъ страданіяхъ ее мучила неотступно

¹⁾ Соловьевъ, т XXIV стр 1222, 1223.

одна мысль,—та самая, на которую возлагать всѣ свои надежды Фридрихъ. Она съ грустью думала о томъ, что съ ея кончиною измѣнится вся система русской политики; неблагодарный наслѣдникъ, позабывъ всѣ благодѣянія, коими она его осыпала, ненавидя все то, что она любила, и обожая то, что она ненавидѣла, уничтожить дѣло ея рукъ, доведенное почти до конца.

Повѣренными тайныхъ тревогъ и желаній императрицы были канцлеръ Воронцовъ и секретарь государыни Олсуфьевъ. Какъ извѣстно, оба они принимали участіе въ секретной корреспонденціи Людовика XV. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1761 г. Олсуфьевъ неоднократно обращалъ вниманіе де-Бретейля на нерасположеніе императрицы къ наслѣднику престола и на послѣдствія, какія это обстоятельство могло имѣть относительно престолонаслѣдія. Олсуфьевъ намекалъ, что императрица желала бы знать по этому поводу мнѣніе своего излюбленнаго союзника. Услыхавъ объ этомъ отъ Бретейля, Людовикъ XV цѣлые полгода ни словомъ не обмолвился по этому поводу.

Наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что его вліяніе могло быть полезно въ этомъ случаѣ; 5 (16) ноября того же года онъ писалъ секретно де-Бретейлю, совѣтуя ему сблизиться съ Олсуфьевымъ и внушить императрицѣ черезъ ея секретаря рѣшенія, отвѣчающія интересамъ Франціи.

«Я вижу, писалъ онъ, что послѣдній припадокъ внушилъ опасеніе за жизнь императрицы и что хотя въ газетахъ ничего не пишутъ о ея положеніи, тѣмъ не менѣе ея темпераментъ, ея праздная и невеселая жизнь, ея невниманіе къ своему здоровью и нежеланіе принимать какія либо лекарства, въ связи съ ея главной болѣзнію должны внушать постоянныя опасенія. Искреннее дружеское расположеніе, которое я питаю къ этой государынѣ, заставитъ меня пожалѣть о ней. Не говоря уже объ этихъ чувствахъ, ея кончина была бы чрезвычайно прискорбна при настоящихъ обстоятельствахъ. Симпатіи ея наслѣдника извѣстны. Правда, изъ разговора, переданнаго вами въ вашемъ письмѣ отъ 4 (15) февраля сего года, видно, что особа, съ которой вы имѣли этотъ разговоръ не отрицаетъ антипатіи императрицы къ великому князю. Чтобы не касаться фактовъ и не называть лицъ, о которыхъ вы пишете, я отсылаю васъ къ этому письму и скажу вамъ, что послѣ разговора вамъ слѣдуетъ быть особенно внимательнымъ къ Олсуфьеву, который пользуется довѣріемъ императрицы, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, дружескими съ нимъ отношеніями внушить государынѣ мысль сдѣлать необходимыя распоряженія въ виду ея возможной кончины. Все это говоритъ вамъ сегодня единственно съ цѣлью обратить ваше вниманіе на этотъ предметъ; дальнѣйшія инструкціи будутъ вамъ даны сообразно съ тѣмъ, что вы мнѣ сообщите. Весьма важно, чтобы вы сами или то лицо, съ коимъ вы бесѣдовали, внушили г. Олсуфьеву, чтобы онъ не да-

*

валъ государынь совѣтовъ, которые были бы противны моимъ намѣреніямъ или успѣху моихъ дѣлъ».

Де-Бретейль не успѣлъ воспользоваться этой инструкціей. Въ тотъ моментъ когда онъ ее получилъ, императрица была при смерти. 12-го (23) декабря 1761 г. ей стало дурно, началась рвота съ кровью и кашлемъ; медики рѣшили пустить кровь и очень испугались, замѣтивъ сильно воспаленное ея состояніе ¹⁾. Въ послѣднихъ числахъ декабря съ ней случился новый болѣе серьезный припадокъ; лихорадочное состояніе, коимъ сопровождалось ея недомоганіе, въ конецъ истощило ея силы. Приближенные императрицы съ ужасомъ видѣли, что ихъ власти настаетъ конецъ.

—Какъ много добра можно бы сдѣлать для спасенія имперіи, если бы императрица захотѣла,—говорилъ Воронцовъ де-Бретейлю, но самъ бездѣйствовалъ.

Елисавета дала понять, что она желаетъ говорить съ канцлеромъ безъ постороннихъ свидѣтелей; Воронцовъ не посмѣлъ этому повиноваться и уклонился отъ свиданія съ умирающей ²⁾.

Въ ночь съ 24-го на 25-ое декабря императрица Елисавета скончалась. Она инстинктивно понимала все, чего требовали высшіе интересы и благо Россіи. Она съ грустью видѣла возроставшее могущество своей сосѣдки—Пруссіи и старалась унизить ее; вмѣстѣ съ тѣмъ она понимала, что для выполненія обширныхъ задачъ, которыя составляли миссію русской державы, ей было выгоднѣе всего опираться на Францію, державу болѣе отдаленную, не соприкасающуюся границами съ Россіей и не заинтересованную въ расприхъ сѣверныхъ державъ. Политика Елисаветы Петровны не была плодомъ расчета или обдуманнаго плана; ея симпатія къ Франціи, личное расположеніе къ Людовику XV и ненависть къ Фридриху замѣняли ей всякіе политическіе принципы и всецѣло руководили ея поступками. Сердце было ея вѣрнымъ совѣтникомъ; повинаясь его тайному влеченію, Елисавета работала на пользу своего народа, преслѣдуя тѣ же планы, которые были задуманы ея отцомъ изъ глубокихъ политическихъ соображеній. Недостатки ея характера: легкомысліе въ молодости, лѣнь и апатія въ послѣдніе годы жизни, нерѣдко мѣшали выполненію ея добрыхъ намѣреній; крайнее недовѣріе къ русскому правительству Людовика XV и интриги секретной дипломатіи также были значительной помѣхой къ сближенію державъ. Франко-русскій союзъ, задуманный Петромъ Великимъ, осуществился лишь въ послѣдніе годы царствованія его дочери—слишкомъ поздно, чтобы принести какіе либо плоды. Если бы его удалось заключить нѣсколькими годами ранѣе, то онъ задержалъ бы развитіе Пруссіи, и честолюбивый Фридрихъ II не

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV стр. 1225.

²⁾ Correspondance officielle. Де-Бретейль 31 дек. в. ст. 1761 г.

успѣлъ бы подготовить все то, что такъ блестяще осуществили его преемника, упрочивъ могущество Прусской монархіи.

Людовикъ XV искренно оплакалъ кончину своего царственного друга. «Кончина русской императрицы искренно меня огорчила, писалъ онъ де-Бретейлю, въ силу дружескихъ чувствъ, которыя насъ соединяли. Этотъ союзъ, основанный столько же на общности взглядовъ, сколько на общности нашихъ интересовъ, былъ для меня, при настоящихъ обстоятельствахъ, все болѣе и болѣе дорогъ и давалъ поводъ надѣяться, что мы достигнемъ общими усиліями возстановленія мира, который составлялъ предметъ нашихъ желаній» ¹⁾).

Съ Петромъ III, горячимъ поклонникомъ Фридриха II, Людовику трудно было поддерживать личныя отношенія и частную переписку. Екатерина, по вступленіи на престолъ, предлагала, какъ утверждаютъ, Людовику XV продолжать съ нею секретную переписку, но французскій король рѣшительно отъ этого отказался ²⁾).

Онъ выразилъ желаніе получить обратно свои письма къ Елисаветѣ Петровнѣ и уничтожить всякіе слѣды переписки, которую онъ не желалъ болѣе возобновлять. Терсье велѣно было передать графу Воронцову, что «эта переписка была вызвана личной пріязнью его величества къ императрицѣ, и поэтому король чрезвычайно желаетъ, чтобы ему были возвращены его письма, а черновые отпуски отвѣтовъ сожжены» ³⁾).

Нѣсколько времени спустя Людовикъ XV возобновилъ свою просьбу и писалъ де-Бретейлю:

«Надѣюсь, вы напомните еще разъ графу Воронцову, какъ мнѣ было бы желательно слышать, что корреспонденція сожжена; ежели болѣзнь помѣшала ему окончить это дѣло, я увѣренъ, что онъ позаботится о немъ тотчасъ по своемъ выздоровленіи» ⁴⁾).

Въ первое время по кончинѣ Елисаветы Петровны секретная дипломатія, не стѣсненная болѣе необходимостью дѣйствовать осторожно ради личныя отношенія, существовавшихъ между монархами, увлекаясь своею ненавистью къ Россіи, успѣла внушить Людовику XV враждебныя чувства къ этой державѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины происки этой дипломатіи не только не прекратились, но еще болѣе усилились. Узнавъ о переворотѣ 1762 г., графъ де-Брольи написалъ Терсье длинное письмо, въ которомъ онъ развивалъ свой планъ, состоявшій въ томъ, чтобы создать императрицѣ враговъ внутри Имперіи и извѣтъ. Это частное письмо было предвѣстникомъ секретныхъ инструкцій, которыя Людовикъ XV адресовалъ собственноручно де-Бретейлю для дальнѣйшаго руководства.

¹⁾ Людовикъ XV—де-Бретейлю, 9-го февр. н. ст. 1762 г. Flassan, VI, 328.

²⁾ Flassan, VI, 349.

³⁾ Correspondance secrète, 9 февр н. ст. 1762.

⁴⁾ Людовикъ XV—де-Бретейлю, 8-го мая нов. ст. 1763 г.

«Совершившіяся перевороты по меньшей мѣрѣ очень стѣснительны, а можетъ быть и вредны намъ, писалъ Людовикъ XV. Образъ дѣйствій покойнаго императора и его преданность нашимъ врагамъ, доведенная до крайности, были настолько нецѣлесообразны и неосмотрительны, что они могли и не угрожать опасностью моимъ интересамъ. Вамъ уже извѣстно, и я вновь подтверждаю вамъ самымъ категорическимъ образомъ, что цѣль моей политики по отношенію къ Россіи—устранить ее насколько возможно отъ общеевропейскихъ дѣлъ. Не предпринимая ничего, что могло бы подать поводъ къ жалобамъ противъ васъ, вы должны однако содѣйствовать развитію тѣхъ партій, которыя, безъ сомнѣнія, образуются при этомъ дворѣ; раздоры, ими вызванные, помѣшаютъ Россіи преслѣдовать тѣ цѣли, которыя могли бы ей внушить прочіе дворы ¹⁾».

«Все то, что можетъ вызвать въ ней анархію и ввергнуть ее снова въ мракъ невѣжества, будетъ выгодно для моихъ личныхъ цѣлей».

Одновременно съ этимъ французскіе представители въ Стокгольмѣ, Константинополѣ и Варшавѣ получили приказаніе неустанно бороться противъ русскаго вліянія, чтобы «уменьшить могущество русскихъ, защитить поляковъ отъ ихъ посягательствъ и ввергнуть Россію въ состояніе анархіи, которую въ ней слѣдуетъ всячески поддерживать ²⁾». Французское министерство было увлечено общимъ потокомъ и присоединилось къ видамъ секретной дипломатіи короля.

Шуазель не предугадать гениальности Екатерины, не понявъ ее цѣлей и отнеси къ ней съ недовѣріемъ.

Измученный противорѣчивыми приказаніями, которыя онъ не зналъ какъ согласовать, де-Бретейль просилъ отозвать его изъ Петербурга и былъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ.

— Вы будете тамъ моимъ врагомъ, я въ этомъ увѣрена, говорила прощаясь съ Бретейлемъ Екатерина, отъ которой не ускользнуло враждебное отношеніе къ ней Франціи.

Посланникъ пытался увѣрить ее въ противномъ.

— Если ваше министерство таково, какъ вы его описываете, продолжала Екатерина, его откровенность—то же коварство ³⁾».

Однако она считала еще возможнымъ поддерживать дружескія отношенія къ Франціи и послала въ Версаль чрезвычайнаго посланника, князя Голицына, которому было поручено предложить Людовику XV войти съ нею въ соглашенія относительно польскаго престолонаслѣдія и избранія кандидата на польскій престолъ ⁴⁾. Впрочемъ, это было только

¹⁾ Секретная инструкция Людовика XV де-Бретейлю 10 сент. в. ст. 1762 г. Flazan, VI, 340.

²⁾ Correspondance secrète. Брошю 9-го апрѣля в. ст. 1763 г.

³⁾ Приведено у St. Priest'a. т. I. 88.

⁴⁾ Король польскій скончался 5-го октября в. ст. 1763 г.

актомъ вѣжливости со стороны Екатерины, такъ какъ въ это время она уже рѣшила безповоротно предоставить престолъ Понятовскому. Дѣйствуя съ нею въ согласіи, Франція могла бы этимъ приобрести въ будущемъ право на ея признательность и, быть можетъ, на ея содѣйствіе. Предложенія Екатерины были отвергнуты Людовикомъ съ пренебреженіемъ ¹⁾).

Одинъ ничтожный случай окончательно сдѣлалъ невозможнымъ всякое сближеніе и обмѣнъ взглядовъ между державами. Между Людовикомъ XV и Екатериною возникло несогласіе изъ-за титула: императрица желала, чтобы въ дипломатическихъ актахъ къ титулу «величество» присоединялось слово «императорское»; Франція не соглашалась на это. Отношенія между державами вскорѣ обострились, и посланники, съ той и съ другой стороны, были отозваны. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 9 лѣтъ Франція имѣла при русскомъ дворѣ лишь второстепеннаго дипломатическаго агента—простаго повѣреннаго въ дѣлахъ.

Въ то время, какъ французское правительство всячески уклонялось отъ сближенія съ Россіей, прусскій король предлагалъ Екатеринѣ заключить съ нимъ союзъ, но она колебалась, такъ какъ ея виды относительно Польши совершенно не согласовались съ намѣреніями Фридриха II. Онъ искалъ прежде всего территоріальныхъ приобрѣтеній, ради увеличенія своихъ владѣній, тогда какъ Екатерина стремилась только къ усиленію своего вліянія, и по всей вѣроятности отвергла бы всѣ попытки къ сближенію со стороны Фридриха, если бы она имѣла возможность рассчитывать на содѣйствіе Франціи. Но видя всѣ свои попытки къ сближенію отвергнутыми и понимая, что ей невозможно обойтись безъ содѣйствія Пруссіи для того, чтобы утвердить свой авторитетъ въ Варшавѣ и пресѣчь всякія попытки къ независимости со стороны поляковъ, она заключила, въ 1764 г., съ Фридрихомъ II союзный договоръ, коимъ монархи обѣщали взаимную помощь другъ другу, обезпеченіе цѣлости ихъ владѣній и единодушныя дѣйствія въ Польшѣ.

Союзъ, заключенный такимъ образомъ съ Пруссіей, продолжался до нашего времени. Пожиная плоды своей нерѣшительной и недовѣрчивой политики, по отношенію къ Россіи, Франція осталась одинокою въ Европѣ и не участвовала въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса, народившагося въ началѣ XVIII столѣтія, а Россія не встрѣтивъ поддержки со стороны державы, съ которой стремился заключить союзъ ея державный преобразователь, возлагая на этотъ союзъ большія надежды для блага своего государства, была вынуждена много лѣтъ слѣдовать совѣтамъ Германіи, которая всѣми силами сдерживала и тормозила ея успѣхи на Востокѣ.

В. В.

¹⁾ Saint Priest, т. I. 78—90.

И. А. Крыловъ.

(Новыя данныя для его біографіи).

лучайно въ наши руки попало дѣло, заключающее въ себѣ три документа, касающихся біографіи И. А. Крылова и объясняющихъ исторію опредѣленія его секретаремъ къ князю С. Ѳ. Голицыну, назначенному въ 1801 году Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ военнымъ губернаторомъ. Какъ извѣстно, Крыловъ, въ концѣ 1797 года, былъ приглашенъ въ домъ Голицына, впаившаго тогда въ немилость императора Павла, и провелъ три года въ его имѣніи Казацкомъ, Кіевской губерніи, гдѣ князю повелѣно было поселиться. Здѣсь Крыловъ занимался съ двумя сыновьями князя, М. П. Сумароковой и извѣстнымъ Ф. Ф. Вигелемъ и здѣсь-же написалъ свою шуто-трагедію «Трумфъ» и неизвѣстную въ печати комедію «Пирогъ» ¹⁾. До сихъ поръ не было документально извѣстно время назначенія Крылова секретаремъ къ князю Голицыну, приводимые-же ниже официальные бумаги дадутъ возможность съ точностью опредѣлить его.

I.

Въ Правительствующій Сенатъ.
Отъ генерала отъ инфантеріи князя Голицына
РАПОРТЪ.

Уволивъ находящагося при мнѣ секретаря коллежскаго ассесора Ивана Нагеля, о чемъ уже Правительствующему Сенату имѣлъ я честь

¹⁾ Я. К. Гротъ въ Сборн. статей, чит. въ Отд. русск. яз. и словесности Акад. Наукъ, т. VI, Спб. 1869 г. «Чтенія въ память И. А. Крылова», стр. 5, 34, 35 и 37

рапортовать, избралъ я способнымъ и достойнымъ къ исправленію сей должности уволеннаго кабинета его императорскаго величества изъ горной экспедиціи провинціального секретаря Ивана Крылова. Представляя данный ему изъ государственной бергъ-коллегіи аттестатъ, всепокорнѣйше Правительствующій Сенатъ прошу, принявъ его паки въ службу и пожаловавъ въ титулярные совѣтники, опредѣлить ко мнѣ въ секретари.

Генералъ князь Голицынъ.

№ 52. Октября 2-го дня, 1801 года. Москва.

II.

АТТЕСТАТЪ.

Данный кабинета его императорскаго величества изъ горной экспедиціи бывшему во оной провинціальному секретарю Ивану Крылову въ томъ, что онъ, Крыловъ, въ сію экспедицію въ число канцелярскихъ служителей вступилъ 1-го числа маія прошлаго 1787 года¹⁾; а сего мѣсяца 6-го числа по прошенію его за болѣзнію отъ дѣлъ уволенъ. Маія 29-го дня 1788 года. На подлинномъ подписано тако: Петръ Соймоновъ. Секретарь Степанъ Петровъ. Канцеляристъ Дмитрій Гальцовъ. Съ подлиннымъ вѣрно: секретарь Антонъ Доронинъ.

Сія копія дана изъ государственной бергъ-коллегіи по опредѣленію ея и по прошенію выше означеннаго Крылова въ мѣсто потеряннаго имъ въ 1797 году августа 22-го дня нечаяннымъ образомъ оригинальнаго аттестата, о чемъ отъ него и явочное прошеніе того-же августа 25-го дня въ Санктъ-Петербургскую полицію подано. Генваря 4-го дня 1799 года. Александръ Никольской. Никита Акининъ.

У сего его императорскаго величества государственной бергъ-коллегіи печать. Пошлинъ одинъ рубль одна копѣйка взято. Секретарь Антонъ Доронинъ. Канцеляристъ Степанъ Лаврецовъ.

III.

1801 года октября 11-го дня, по указу его императорскаго величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ рапортъ господина гене-

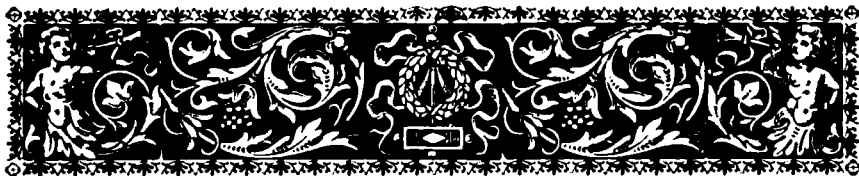
¹⁾ А не въ 1788, какъ значилось до сихъ поръ во всѣхъ біографіяхъ Крылова.

рала отъ инфантеріи Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго военнаго губернатора и кавалера князя Голицына, коимъ, изъясняя, что, уволивъ находящагося при немъ, господи́нъ генералъ отъ инфантеріи, секретаремъ коллежскаго ассесора Ивана Нагели, избралъ отъ, господи́нъ генералъ отъ инфантеріи, способнымъ и достойнымъ къ исправленію сей должности кабинета его императорскаго величества изъ горной экспедиціи провинціального секретаря Ивана Крылова, просить о опредѣленіи его къ нему въ секретари съ чиномъ титулярнаго совѣтника, приказали: по представленію господина генерала отъ инфантеріи, Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго военнаго губернатора и кавалера князя Голицына, на положенной при немъ по штату секретарской ваканціи быть въ должности секретаря провинціальному секретарю Ивану Крылову, а въ награжденіи чиномъ отказать, потому что онъ внастоящемъ положенныхъ лѣтъ не выслужилъ; о чемъ ему объявля указъ, привести къ присягѣ и велѣть вступить въ должность, потомъ, куда слѣдуетъ, послать указы, а въ московскіе сената департаменты сообщить вѣдѣніе. Подлинное за подписаніемъ Правительствующаго Сената, съ коимъ свидѣтельствовалъ коллежскій совѣтникъ Іаковъ Далматовъ (?).

«О бытіи при генералѣ отъ инфантеріи князь Голицынѣ секретаремъ провинціальному секретарю Крылову».

Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.

Къ біографіи К. П. фонъ-Кауфмана.

Овершившаяся въ текущемъ году въ Вильнѣ закладка памятника гр. Муравьеву-Виленскому невольно вызываетъ воспоминаніе о дѣятельности ближайшаго его преемника по званію генераль-губернатора сѣверо-западнаго края, генераль-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана. Можно сказать съ увѣренностію, что сѣверо-западный край, силою оружія усмиренный при Муравьевѣ, въ кратковременное управленіе имъ К. П. безповоротно закрѣпленъ за Россією рядомъ глубоко обдуманнхъ административныхъ мѣръ, поднявшихъ въ Литвѣ значеніе русской народности и православія. Къ началу 1865 г. мятежъ въ сѣверо-западномъ краѣ былъ подавленъ, острый періодъ борьбы съ польскою справой и воинствующимъ католицизмомъ миновалъ, и назначеніе въ апрѣлѣ 1865 г. на мѣсто Муравьева К. П. фонъ-Кауфмана знаменовало собою мирное, спокойное проведеніе въ краѣ тѣхъ самыхъ началъ народности и вѣротерпимости, ради которыхъ Муравьевъ долженъ былъ выносить борьбу не только явную, но и тайную, съ врагами сильными, часто невидимыми. Мы не будемъ перечислять всѣхъ распоряженій Кауфмана въ этомъ на правленіи: достаточно сказать, что послѣ назначенія его въ 1867 году на постъ туркестанскаго генераль-губернатора, для русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ не была страшна даже дѣятельность Потапова, какъ бы поставившаго себѣ цѣлью испортить то, что было уже сдѣлано Муравьевымъ и Кауфманомъ. Въ сознаніи населенія края польщизна потеряла свой престижъ, и оно поняло, гдѣ заключается истинный источникъ его культурныхъ интересовъ. Для характеристики отношеній Кауфмана къ мѣстному населенію, проявившихся уже послѣ отъѣзда его изъ Вильны, мы приводимъ документы, небезынтересные для исторіи русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ и рисующіе личность самого Константина Петровича.

I.

Приговоръ Дзевалтовскаго волостнаго схода.

4-го февраля 1867 г., № 110.

1867 года февраля 4 дня, мы, крестьяне Дзевалтовской волости, 1-го мирового участка Вилькомирскаго уѣзда, бывъ на волостномъ сходѣ, имѣли между прочимъ разсужденіе о новомъ домѣ, предназначенномъ для помѣщенія нашего волостнаго училища и нынѣ оконченномъ постройкою. Принявъ во вниманіе: 1-е, что дѣсь на постройку этого дома былъ данъ намъ по распоряженію бывшаго начальника здѣшняго края, господина генералъ-адъютанта Константина Петровича фонь-Кауфмана, и при томъ нашей одной волости во всемъ 1-мъ участкѣ; 2-е, что его высокопревосходительство, во время двукратнаго посѣщенія нашей волости, изволилъ оказывать особенное милостивое вниманіе къ нашему училищу, провѣркой успѣховъ учениковъ, раздачей всѣмъ имъ въ даръ книгъ и одобреніемъ ихъ ласковыми словами; 3-е, что во второй приѣздъ свой въ волость въ іюнѣ минушаго 1866 года, когда начаты уже были работы по постройкѣ училищнаго дома и другихъ принадлежаныхъ къ нему зданій, его высокопревосходительство изволилъ между прочимъ входить въ подробный осмотръ производившихся работъ и, оставшись доволенъ быстротой и отчетливостью ихъ, поощрилъ усердіе рабочихъ денежною выдачею,—мы всѣ, крестьяне Дзевалтовской волости, желая выразить его высокопревосходительству нашу глубокую сердечную признательность за такое попеченіе и заботливость о нуждахъ нашихъ и за милостивое вниманіе и отеческую снисходительность къ нашимъ дѣтямъ, единогласно опредѣлили: 1-е, училищу нашему дать наименованіе Константиновскаго, въ честь бывшаго начальника сѣверо-западнаго края, господина генералъ-адъютанта Константина Петровича фонь-Кауфмана, на что просить соизволенія его высокопревосходительства; 2-е, просить высшее начальство о переименованіи нашей волости изъ Дзевалтовской въ Константиновскую, а равно и мѣстечка, въ коемъ помѣщается наше волостное правленіе и которое населено почти исключительно крестьянами собственниками нашей же волости, изъ Дзевалтова—въ Константиново; 3-е, присвоеніе училищу, волости и мѣстечку наименованій «Константиновскихъ» ознаменовать особымъ празднествомъ, которое устроить 21-го числа будущаго мая мѣсяца, въ день чествованія православною церковью святыхъ равноапостольныхъ Константина и Елены, въ каковой день совершить и освященіе училища, чрезъ православное духовенство; 4-е, установить постоянное на будущее время празднованіе дня 21-го мая, какъ училищемъ, такъ и всею волостью вообще; 5-е, сдѣлать фотографическій снимокъ со всѣхъ училищныхъ построекъ, каковой и принести въ даръ отъ всей волости господину бывшему начальнику края, а его высокопре-

восходителство почтительнѣйше просить пожаловать волости своей портеръ и 6-е, настоящій приговоръ нашъ записать въ подлежащую книгу, а господина нашего мирового посредника Михаила Пантелеймоновича Лучницкаго покорнѣйше просить принять на себя заботу и ближайшія распоряженія по приведенію приговора въ исполненіе. Приговоръ подписанъ 95-ю домохозяевами, крестьянами-католиками.

II.

Письмо графа Баранова ¹⁾ Е. П. Кауману.

2-го ноября 1867 г., № 11093.

Прилагая при семъ копию приговора волостнаго схода Дзевалтовской волости, 1-го мирового участка Вилькомирскаго уѣзда, коимъ предположено означенную волость переименовать въ Константиновскую, въ честь имени вашего высокопревосходительства и проч., я, будучи увѣренъ, что вы, милостивый государь, не отвергнете чувствъ преданности и признательности крестьянъ Дзевалтовской волости, имѣю честь сообщить, что мною сдѣлано сношеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ касательно переименованія означенной волости и мѣстечка. А такъ какъ приведеніе въ исполненіе остальныхъ частей поманутаго приговора можетъ послѣдовать не ранѣе, какъ по полученіи на то согласія вашего, то покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, не оставить почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ по настоящему дѣлу.

III.

Отвѣтъ Е. П. фонъ-Каумана—графу Э. Т. Баранову.

20-го января 1868 г., № 184.

Письмо ваше отъ 2-го ноября (1867 г.) за № 11,093, съ приложеніемъ къ оному копии съ приговора крестьянъ Дзевалтовской волости отъ 4-го февраля, я имѣлъ удовольствіе получить и снѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что лестную для меня память и чувства любви и преданности, выраженные крестьянами въ приговорѣ, принимаю съ особенной признательностью и благодарностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу распоряженія вашего сіятельства о приведеніи въ исполненіе всѣхъ пунктовъ приговора крестьянъ, когда воспослѣдуетъ на переименованіе Дзевалтовской волости въ Константинов-

¹⁾ Бывшаго въ то время виленскимъ, ковненскимъ, гродненскимъ и минскимъ генераль-губернаторомъ и главнымъ начальникомъ Витебской и Могилевской губерній.

скую п. мѣстечка Дзевалтово въ Константиново — Высочайшее соизволеніе, и о пересылкѣ въ означенную волость моего къ ней обращенія и прилагаемыхъ трехсотъ руб. сер., для употребленія ихъ согласно назначенію.

Примите, ваше сіятельство, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

IV.

Обращеніе К. П. фонъ-Кауфмана къ крестьянамъ Ковенской губерніи, Вилькомирскаго уѣзда, Дзевалтовской волости.

Друзья мои! Только теперь получилъ я копию съ приговора вашего отъ 4 февраля 1867 года, и отсюда, съ отдаленнаго востока нашей общины съ вами матери Россіи, шлю вамъ привѣтъ и мое благословеніе. — Добрыя и честныя чувства руководили приговоромъ вашимъ; онъ глубоко трогаетъ меня, не только потому, что въ немъ выражается благодарность ваша мнѣ за то добро, которое я могъ вамъ сдѣлать по волѣ Государи Императора, но еще болѣе потому, что онъ служитъ мнѣ ручательствомъ, что тѣ добрыя сѣмена, которыя я сѣялъ между вами, дадутъ хорошіе плоды. Я увѣренъ, что вы преданностію своею нашему Великому Государю возрадуете Его царево сердце и дадите примѣръ другимъ волостямъ и потомкамъ вашимъ, какъ слѣдуетъ любить Того. Кто своею царскою милостію далъ вамъ новую жизнь и указалъ властямъ, надъ вами поставленнымъ, защищать права ваши и заботиться о вашемъ благостояніи.

Желая вмѣстѣ съ вами участвовать въ воспитаніи дѣтей вашихъ, прошу принять прилагаемые триста рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этихъ денегъ, ежегодно, 21-го мая, выдавались, по приговору волости, тому изъ учениковъ Константиновскаго училища — мальчику или дѣвчонкѣ, — который наиболѣе въ томъ нуждаться будетъ и въ то же время заслужитъ награду хорошимъ поведеніемъ и любовью къ труду.

Посылаю въ волость портретъ мой, да напоминаетъ онъ любящаго васъ К. Кауфмана.

Сообщилъ Евгеній Шумигорскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

1818 годъ.

Путешествіе съ Александромъ I на ахенскій конгрессъ.

V 1).

Отъѣздъ изъ Стутгардта.—Виртембергскій дворъ.—Обѣдъ у государя въ Вюрцбургѣ.—Разговоръ съ государемъ.—Гота.—Веймаръ.—Царствующія особы, собравшіяся при Веймарскомъ дворѣ.—Императрица Марія Федоровна.—Герцогъ Мекленбургскій. Родственники знаменитыхъ вѣмецкихъ писателей.—Мнѣніе государя о герцогѣ Готскомъ.—Анекдотъ о герцогѣ.—Рескриптъ Аркаровой. Обѣдъ въ Маріенбергѣ.—Плохое знаніе императоромъ вѣмецкаго языка.—Обѣдъ у государя въ Иглау.—Мнѣніе Александра о политическихъ дѣлахъ Европы.—Пріѣздъ въ Вѣну.—Образъ жизни государя въ этомъ городѣ. Графиня Габріэла Ауерспергъ.—Генералъ Біанки.—Посѣщеніе государемъ инвалиднаго дома.—Девяностолѣтній инвалидъ Штульмейстеръ.—Графиня Разумовская.—Прошенія, поданныя государю.—Курьезная претензія музыканта.

Я выѣхалъ сегодня 20-го ноября изъ Стутгардта въ десятомъ часу, король съ супругою своею провожали императора до Гейльбронна. Государь прибылъ въ Мергентгеймъ часу въ десятомъ вечера и до сихъ поръ бесѣдуетъ съ бывшимъ вице-королемъ итальянскимъ.

Проживая при вюртембергскомъ дворѣ три дня, я нашелъ, что онъ совсѣмъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы были въ Стутгардтѣ въ 1815 году. Трудно представить себѣ, до какой степени покойный король любилъ пышность; теперь же нѣтъ болѣе ни швейцарской гвардіи, ни

*) См. „Русскую Старину“ декабрь, 1897 г.

старинныхъ нѣмецкихъ драбантовъ, ни пажей, ни камергеровъ, золотое шитье съ мундировъ исчезло и отъ всего прежняго великолѣпія—которое впрочемъ очень дорого обходилось народу и стоило ему много слезъ, а монарху проклятій—осталась только на замѣкъ одна огромная корона. Теперь дворъ устроенъ совершенно на военную ногу, почетныя придворныя должности занимаемы адъютантами короля: Вимпфенъ гофмаршаломъ, Минхвигенъ шталмейстеромъ, Спинценбергъ оберъ егермейстеромъ, и такъ далѣе. Адъютанты короля съ превосходнымъ образованіемъ и находятся въ цвѣтѣ лѣтъ; они только и говорятъ о сраженіяхъ и о военныхъ дѣйствіяхъ. Если бы въ Вюртембергѣ было двѣсти тысячъ войскъ, а не десять тысячъ, какъ теперь, то нѣтъ сомнѣнія, что сія держава имѣла бы большой вѣсъ въ Европѣ, ибо король одаренъ рѣдкимъ умомъ и отличными воинскими способностями, а съ супругою его конечно ни какая особа ея пола сравниться не можетъ. Но теперь одна дивизія нашей арміи въ состояніи управиться съ семъ королевствомъ.

21-го ноября. Сегодня поутру принцъ Евгеній Богарне съ часъ былъ у государя; увидя меня подлѣ кабинета его величества, онъ меня обнялъ. Во время бесѣды его съ государемъ, я разговаривалъ съ стариннымъ знакомымъ моимъ, адъютантомъ его, полковникомъ Баталь, однимъ изъ отличныхъ офицеровъ бывшей, такъ называвшейся, великой французской арміи; дѣйствительно, нельзя смотрѣть на воиновъ, ее составлявшихъ, безъ особеннаго чувства; они были несчастны: но вина не ихъ, а судьба.

Въ девятомъ часу я выѣхалъ изъ Мергентгейма и въ часъ пополудни пріѣхалъ въ Вюрцбургъ, гдѣ государь обѣдалъ, и между тѣмъ какъ мнѣ подавали въ трактирѣ закуску, государь прислалъ за мною пригласить къ столу. Когда я вошелъ, то его величество сидѣлъ вдвоемъ съ княземъ Волконскимъ; я едва успѣлъ сѣсть подлѣ императора, какъ начался разговоръ. Императоръ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Vous avez de la rancune contre moi, pour ce qui s'est passé entre nous en Crimée (Это выговоръ, сдѣланный мнѣ въ Севастополѣ).

— Sire.—отвѣчалъ я,—ceci ne m'a inspiré que de la reconnaissance d'après la manière, dont vous avez bien voulu vous exprimer.

— Point de reconnaissance,—прервалъ государь,—j'ai remarqué que depuis ce temps vous m'évitez, qu'en me voyant vous avez l'air chagrin, que vous ne venez jamais dîner avec moi en route.

— Puisque Votre Majesté s'en ressouvient, je lui proteste que j'ai été calomnié auprès d'elle et que personne plus que moi ne rend plus d'égards aux généraux Miloradovitz et Ouvarof; je suis au reste intimement lié avec tous les deux.

— Ce que je vous ai dit alors,—сказалъ императоръ,—je vous assure,

que je l'ai dit sans humeur, mais j'ai cru devoir vous faire connaître ma façon de penser. Ce n'est que de ce point de vue que vous devez la juger ¹⁾).

Потомъ, улыбнувшись, императоръ продолжалъ:

— Pourquoi n'êtes vous pas venu dîner avec moi, car il y a si long-temps que nous n'avons pas été ensemble, que je ne m'en souviens pas. Où est ce que vous dînez donc?

— Dans les auberges, sire.

— Et parconséquant très mal.

— Le voyage, sire, donne de l'appetit.

— Comment se porte Madame et, votre fils? sont ils à Moscou ou à Pétersbourg ²⁾)?

Тутъ кончилась статья обо мнѣ и начали говорить о разныхъ предметахъ. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ государя:

— J'ai remarqué que les habitants des pays, qui appartiennent au grand duché de Bade et qui ont été convoités par la Bavière, sont très attachés au gouvernement de Bade; c'est donc une bonne oeuvre, qu'on a faite de les laisser comme ils sont, outre que j'ai plaidé la cause de la justice. On m'avait dit cependant à Aix la Chapelle, que comme ces provinces ont autrefois fait partie du Palatinat, elles tenaient encore par habitude à la Bavière ³⁾).

¹⁾ — Вы сердитесь на меня за то, что произошло между нами въ Крыму.

— Государь, отвѣчалъ я, это вывело во мнѣ одну благодарность, въ виду того, какъ вамъ было угодно выразиться.

— Какая тамъ благодарность, прервалъ государь; я замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ вы избѣгаете меня, что при видѣ меня у васъ дѣлается грустный видъ, что вы никогда не приходите со мной обѣдать во время дороги.

— Такъ какъ ваше величество помнить объ этомъ, то увѣрю, что меня оклеветали передъ вами, и что никто не относится съ большимъ почтеніемъ къ генераламъ Милорадовичу и Уварову, чѣмъ я, къ тому же я состою съ обоими въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

— То, что я сказалъ вамъ тогда, замѣтилъ императоръ, повѣрьте, я сказалъ не сердясь, но я находилъ необходимымъ, чтобы вы знали мой взглядъ. Только съ этой точки зрѣнія вы и должны судить объ этомъ.

²⁾ — Отчего вы не пришли ко мнѣ обѣдать, продолжалъ императоръ, вѣдь мы уже такъ давно не были вмѣстѣ, что я не запомню. Гдѣ же вы обѣдаете?

— Въ гостиницахъ, государь.

— Слѣдовательно, очень скверно.

— Путешествіе, государь, возбуждаетъ аппетитъ.

— Какъ здоровье супруги и вашего сына? Въ Москвѣ они или въ Петербургѣ?

³⁾ — Я замѣтилъ, что жители странъ, принадлежащихъ великому герцогству Баденскому, и которыхъ добивалась Баварія, очень привязаны къ Баденскому правительству; такимъ образомъ то, что ихъ оставили тѣмъ, что

Я отвѣчалъ государю, что успѣхъ въ дѣлѣ о баденскомъ наследствѣ для него долженъ быть тѣмъ пріятнѣе, что въ это время находилась въ Карлсруэ императрица Елисавета Алексѣевна, которая имѣла утѣшеніе лично удостовѣриться, что наследіе предковъ ея останется неприкосновеннымъ.

— Я увѣряю тебя, что я защищалъ права шурина моего не потому, что онъ мнѣ близкій родственникъ, но оттого, что дѣло его было справедливое.

Послѣ того императоръ хвалилъ нашу артиллерію, которую мы обѣзжали дорогою и которая возвращается изъ Франціи, и присовокупилъ:

— Le prince Eugène ne peut pas s'en louer assez; c'est un homme bien respectable et l'un des meilleurs militaires, qui existent ¹⁾.

Въ это время прѣхалъ лейбъ-медикъ Видліе, и народъ по обыкновенію кричалъ «ура!».

— Слышишь, какъ кричатъ?—сказалъ мнѣ императоръ.

— Черня любитъ шумъ,—отвѣчалъ я,—и когда я жилъ въ Германіи въ царствованіе династіи Наполеона, то привыкъ къ подобнымъ восклицаніямъ. Всѣ такіа восклицанія ничтожны.

— Это самое научаетъ насъ оцѣнять ихъ,—отвѣчалъ государь.

Завтра намъ должно прибыть въ Веймаръ и проѣхать чрезъ Готу и Эрфуртъ; государю хотѣлось миновать сіи два города, чтобы не встрѣтиться съ герцогомъ Готскимъ, къ которому онъ не расположенъ, и для того онъ думалъ повернуть изъ Шмалькальдена на Ариштадтъ.

— Я однажды,—сказалъ мнѣ императоръ,—проѣхалъ чрезъ Готу въ два часа ночи, не посѣтивъ герцога, и тогда, Богъ знаетъ, какъ это толковали.

Посланъ нарочно фельдъегерь для узнаванія дороги чрезъ Тюрингенскій лѣсъ, который, по обоарѣніи, привезти долженъ отвѣтъ въ Шмалькальденъ. Такъ какъ по симъ мѣстамъ мы проходили въ походѣ 1813 г. то, естественно, завелся о немъ разговоръ.

— Ты помнишь,—сказалъ мнѣ государь,—какъ мы здѣсь проходили послѣ Лейпцигскаго сраженія?

они есть, является добрымъ дѣломъ, помимо того, что при этомъ я отстаивалъ правое дѣло. Мнѣ, однако-жъ, говорили въ Ахенѣ (Aix la Chapelle) что, такъ какъ эти провинціи прежде входили въ составъ Палатината, онѣ по привычкѣ еще тяготеютъ къ Баваріи.

¹⁾ Принцъ Евгений не можетъ достаточно нахвалиться русскою артиллеріею. Онъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашего времени и очень почтенный человекъ.

— Невозможно;—отвѣчалъ я,—было идти поспѣшнѣе и съ болѣе-
шимъ порядкомъ.

— Нѣкоторымъ изъ нашихъ союзниковъ,—продолжалъ онъ,—хотѣлось, чтобы мы пришли на Рейсъ позднѣе ихъ, и какъ было велико ихъ удивленіе и негодованіе, когда мы подоспѣли прежде, нежели они.

Мы пріѣхали въ Мюнхенштадтъ въ восемь часовъ вечера. Государь немедленно посѣтилъ великую княгиню Анну Феодоровну.

Ноября 22-го. Государь передъ отправленіемъ своимъ изъ Мюнхенштадта завтракалъ у великой княгини Анны Феодоровны. Мы ѣхали по гористой и дурной дорогѣ, снѣгъ покрывалъ землю, но мѣстоположенія были картинныя и часто видны были развалины рыцарскихъ замковъ. Вечеромъ въ Шмалькальденѣ я подошелъ къ коляскѣ государя во время перемѣны лошадей, и онъ пенялъ мнѣ, зачѣмъ я сегодня не пріѣхалъ съ нимъ обѣдать. Онъ пробылъ у герцога Готскаго не болѣе десяти минутъ и продолжалъ путь въ Веймаръ, куда я прибылъ въ пять часовъ поутру. Я сегодня ѣхалъ по владѣніямъ пяти различныхъ государей: Баварскаго, Мейнингенскаго, Готскаго, Прусскаго и Веймарскаго.

Ноября 23-го. Мы проживемъ въ Веймарѣ нѣсколько дней; при императорѣ находятся только насъ двое—князь Волконскій и я; всѣ прочіе русскіе пробѣжали прямо въ Вѣну. Я обѣдалъ во дворцѣ, гдѣ нашелъ множество особъ царской крови. Тамъ были: вдовствующая императрица, государь, наслѣдникъ Мекленбургскій принцъ съ супругою и двумя дѣтьми покойной великой княгини Елены Павловны, принцемъ Павломъ и дочерью Марію, очень похожими на вдовствующую государыню. Сверхъ того, тамъ находились: принцъ Леопольдъ Кобургскій, который былъ женатъ на англійской принцессѣ Шарлоттѣ,—онъ былъ такъ неучтивъ, что не надѣлъ русскаго мундира, хотя считается въ нашей службѣ генераль-лейтенантомъ, но былъ въ англійскомъ мундирѣ,—герцогъ Готскій, герцогъ Мейнингенскій, обучающійся въ Йенскомъ университетѣ, наслѣдникъ принцъ Гильбургсгаузенскій, молодой человекъ, похожій на развратнаго студента, принцъ Рейсс-Шлейцъ, самый неловкій человекъ, какого можно себя представить; на немъ былъ бѣлый, дурно сшитый мундиръ, волосы не расчесаны, и наружность его такова, что ежели бы онъ не былъ владѣтельный князь, то вѣроятно его не терпѣли бы въ хорошихъ обществахъ. Если присокупимъ къ сему сословію царствующихъ особъ также чиновниковъ, находившихся въ свѣтѣ различныхъ принцевъ, то легко вообразить можно, какое великое собраніе я тамъ встрѣтилъ.

Герцогъ Веймарскій и супруга его приняли меня довольно холодно; я хотѣлъ скрыться въ толпу, но великая княгиня Марія Павловна,

*

подозвавъ меня къ себѣ, удостоила разговоромъ, продолжавшимся нѣсколько минутъ. Въ сіе время императрица прошла мимо меня съ государемъ и сказала ему по-французски съ прамѣтною радостію: «Est-ce un songe ou une réalité, que nous nous trouvons chez Marie et que je vois toute cette jeunesse» (Сонъ ли это или дѣйствительность, что мы у Маріи, и что я вижу всю эту молодежь), показывая на дѣтей великой княгини Елены Павловны. Если кто не видалъ, то тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени императрица счастлива въ своемъ семействѣ, обожаема своими дѣтьми и чувствуетъ цѣну быть матерью Александра.

Но я брѣя 24-го. Сегодня до самаго вечера ничего не происходило при дворѣ; у герцога былъ такъ называемый фамильный столъ; ввечеру былъ балъ, на которомъ со мною много разговаривалъ принцъ Павелъ Мекленбургскій, довольно умный молодой человекъ, но котораго нельзя сравнить съ шведскимъ принцемъ Густавомъ. По моему мнѣнію, Мекленбургское герцогство есть самый полезный союзникъ для Россіи изъ всѣхъ державъ Германіи, потому что въ случаѣ войны, сдѣлавъ высадку въ Мекленбургъ, намъ удобно произвести тѣмъ самымъ диверсію на такой точкѣ, гдѣ захотимъ; особенно же мы можемъ угрожать Пруссіи, которая, несмотря на мнимую свою дружбу съ Россією, употребляетъ всѣ средства, чтобы привлечь Мекленбургъ на свою сторону, въ чемъ, кажется, она и успѣла. Петръ Великій умѣлъ цѣнить важность союза Мекленбурга съ Россією, и едва началъ принимать участіе въ европейскихъ дѣлахъ, какъ отдалъ дочь свою въ замужество за Мекленбургскаго герцога.

Балъ былъ довольно скученъ. Великая княгиня нѣсколько разъ подходила ко мнѣ, танцевала со мною и однажды спросила, какъ мнѣ нравиться балъ.

— Мнѣ кажется сказалъ я— что я въ Петербургѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

— Никакой другой отзывъ, отвѣчала ея высочество, не могъ быть. мнѣ пріятнѣе.

Министръ внутреннихъ дѣлъ здѣшняго двора танцевалъ кадрили съ дочерью великой княгини, послѣ сего не надобно удивляться, что студенты Енскаго университета занимаются политикою, когда министры упражняются въ пляскахъ.

За ужиномъ я сидѣлъ подлѣ невестки Гёте, напротивъ насъ находились супруга и дочь Шиллера. Какое украшеніе для стола! но къ сожалѣнію не были приглашены къ ужину находящіися въ Веймарѣ супруга Виланда и дѣти Гердера. Потомство едва повѣритъ, что ихъ не звали по той причинѣ, что Виландъ и Гердеръ не были изъ дворянъ, и что родственники Гёте и Шиллера тутъ находились, потому что фамиліи сихъ писателей принадлежать къ сему сословію. Кто возможетъ представить

себѣ, что въ девятомъ на десять столѣтіи, въ Веймарѣ, въ семь средоточіи просвѣщенія, называющимся нѣмецкими Аеннами, семейства Виланда и Гердера унижены, потому что сіи знаменитые мужи не имѣли права во время жизни своей ставить передъ именами своими слова фонъ? Миѣ кажется, что веймарскій дворъ теряетъ въ семь болѣе, нежели потомки сихъ двухъ писателей. Всякій монархъ въ состояніи давать праздники, но одинъ веймарской герцогъ можетъ только украшать оные присутствіемъ ближайшихъ родственниковъ Гёте, Шиллера, Виланда и Гердера.

Н о я б р я 25-го. Сегодня къ обѣду пригласили всѣхъ принцевъ; государь, поговоривъ довольно долго съ герцогомъ готскимъ, подошелъ ко миѣ и сказалъ по-русски.

— Какой тяжелый человекъ, я насилу отъ него отдѣлялся.

Скромность и молчаливость государя насчетъ другихъ всѣмъ извѣстна, а потому должно полагать, что герцогъ весьма ему наскутился. Дѣйствительно, онъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей, онъ бѣлится, румянится, одѣвается иногда готентотомъ и навязываетъ себѣ на голову перья, на подобіе дикихъ островитянъ. Объ немъ рассказываютъ слѣдующій анекдотъ: Наполеонъ былъ однажды у него и, взявъ какой-то древній вырѣзанный камень, который ему очень понравился, сказалъ ему, чтобы онъ просилъ у него, что ему хочется въ замѣну: «я желаю только, отвѣчалъ герцогъ, чтобы ваше величество меня поцѣловали». Наполеонъ, обратясь къ своимъ приближеннымъ, сказалъ: «я подобнаго дурака не видалъ въ моей жизни». Чѣмъ болѣе я рассматриваю нѣмецкихъ принцевъ, тѣмъ болѣе удостаиваюсь въ ничтожествѣ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ раздѣляетъ сіе мнѣніе. Я теперь начинаю имѣть меньшее понятіе о способностяхъ Наполеона, потому что онъ имѣлъ дѣло въ Германіи съ людьми, которыхъ не трудно побѣждать и обманывать. Принцы сіи такъ не ловки, что на вчерашнемъ балѣ трое изъ нихъ стали въ кадрили и прошло болѣе четверти часа, прежде нежели они начали танцовать; въ сіе время испытывали (?) они различныя фигуры кадрили. Государь приказалъ выдать вексель въ двѣ тысячи червонныхъ въ распоряженіе герцога Леопольда Кобургскаго; я полагаю, что деньги сіи назначены для великой княгини Анны Феодоровны.

Н о я б р я 26-го. Въ девять часовъ утра мы выѣхали изъ Веймара; великая княгиня Марія Павловна провожала государя до первой станціи Экартеберга. Я проѣхалъ Наумбургъ и взглянулъ вѣроятно въ послѣдній разъ въ жизни на прекрасную дорогу, ведущую отсюда чрезъ Люценъ, въ Лейпцигъ и поворотилъ на Цейцъ и Альтенбургъ въ Хемницъ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ и куда я пріѣхалъ послѣ полуночи. Здѣсь я засталъ саксонскаго короля, нарочно пріѣзжавшаго изъ Дрездена, чтобы видѣться съ императоромъ. Монархъ сей не можетъ не

роптать на нашъ кабинетъ, но вѣроятно имѣеть большую надобность до императора, ибо прїѣзжалъ къ государю въ Лейпцигъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и нынѣ встрѣтилъ его—въ Хемницѣ. Послѣ аудіенціи короля, императоръ приказалъ мнѣ отъ его имени написать рескриптъ г-жѣ Архаровой, чтобы поздравить ее съ помолвкою дочери ея за камергера Васильчикова. Вотъ рескриптъ сей, о которомъ бы я не упомянулъ, если бы не удостоился на другой день за оный изустной благодарности отъ государя; болѣе же я его помѣщаю для того, чтобы показать, какимъ образомъ Александръ обращался съ подданными своими.

«Катерина Александровна! Я получилъ письмо ваше, которымъ извѣщаете о помолвкѣ дочери вашей Александры Ивановны за камергера Васильчикова. Принимая всегда искреннее участіе въ благосостояніи вашего семейства, я благодарю васъ за сіе увѣдомленіе и вмѣстѣ съ вами призываю на нихъ благословеніе Всевышняго, да ниспошметъ имъ любовь и согласіе. Я присовокупляю желаніе, чтобы бракъ сей составлялъ во всякое время утѣшеніе дней вашихъ, пребывая вамъ на всегда искренно доброжелательный».

Н о я б р я 27 - г о. Мы выѣхали изъ Хемница въ девять часовъ утра, чтобы почевать въ Богеміи въ мѣстечкѣ Шлагъ. Сначала государю угодно было провести ночь въ Беховицахъ за Прагою, чего однако же по причинѣ большого разстоянія исполнить было нельзя. Мы проѣзжали извѣстныя намъ съ похода 1813-го года горы, раздѣляющія Богемію отъ Саксоніи. Дождь и туманъ усиливались по мѣрѣ, какъ мы подымались на горы. Я настигъ императора въ Мариенбергъ, гдѣ обѣдалъ съ его величествомъ. За столомъ находились, кромѣ князя Волконскаго, Вилліе и меня, двое австрійскихъ чиновниковъ, которые не умѣли говорить по-французски. Я служилъ переводчикомъ, потому что государь сказалъ, «что я умѣю по-нѣмецки лучше его». Однакоже я замѣтилъ, что императоръ говоритъ на семь языкѣ довольно хорошо, произношеніе его не самое лучшее, иногда онъ дѣлаетъ ошибки. Государь сказалъ: «что едва началъ онъ учиться по-нѣмецки, какъ учитель умеръ; что онъ имѣлъ рѣдко случай упражняться въ семь языкѣ, что онъ можетъ объясняться о предметахъ касающихся до службы, но не въ состояніи поддержать продолжительнаго разговора, и что началъ привыкать къ сему языку во время походовъ, предпринятыхъ въ союзѣ съ различными германскими державами».

Государь остановился въ Мариенбергѣ на нѣсколько часовъ, чтобы отпривать фельдъегеря въ Петербургъ, которому назначено прибыть туда къ шестому декабря, въ день тезоименитства великаго князя Николая Павловича. Императоръ имѣеть привычку во время путешествій своихъ посылать курьеровъ въ Петербургъ такимъ образомъ, чтобы они прїѣзжали непременно въ именины или въ день рожденія особъ цар-

ской фамиліи. Я пріѣхалъ въ Шланъ въ три часа пополудни, а государь въ шесть часовъ утра, такъ что его величество могъ отдохнуть только два часа.

Ноября 28-го. Мы отправились изъ Шлана въ восемь часовъ съ половиною въ Дейчь-Бродъ, чтобы тамъ ночевать, и прибыли туда также въ глубокую ночь. Настоящее путешествіе весьма утомительно. Весь день шелъ дождь и было холодно; я имѣлъ нѣсколько пріятныхъ минутъ проѣзжая Прагу, гдѣ я былъ прежде четыре раза, и потомъ предался воспоминаніямъ о времени, проведенномъ въ семь городѣ.

Ноября 29-го. Я отправился изъ Дейчь-Брода въ восемь часовъ утра, чтобы ночевать въ Голлабрюнѣ, мѣстечкѣ, прославленномъ русскими во время отступленія нашихъ войскъ въ 1805 году. Государь настигъ меня на первой почтѣ въ Стеккенѣ и сказалъ мнѣ, чтобы я торопился пріѣхать обѣдать съ нимъ въ городъ Иглау. Я вошелъ въ комнату, когда императоръ сидѣлъ уже за столомъ. Онъ мнѣ сдѣлалъ знакъ головою и я тоже сѣлъ. За обѣдомъ находились: князь Волконскій, Вилліе, двое австрійскихъ маіоровъ и одинъ гражданскій чиновникъ. Разговоръ относился сначала до состава и мундировъ австрійской арміи, которые государю извѣстны во всѣхъ подробностяхъ, что крайне удивило обѣдавшихъ съ нами цесарцевъ. Потомъ императоръ сказалъ мнѣ, что у нихъ новый фельдмаршалъ, герцогъ Веллингтонъ, и присовокупилъ, что онъ имѣетъ сей чинъ въ семи различныхъ государствахъ: въ Австріи, въ Россіи, въ Испаніи, въ Португаліи, въ Пруссіи, въ Англіи и въ Нидерландахъ. На сіе я замѣтилъ, что Веллингтонъ будетъ въ затруднительномъ положеніи, когда сіи державы будутъ между собою въ войнѣ, тогда, прибавилъ я, ему останется сохранять нейтралитетъ. Императоръ, обратясь къ князю Волконскому, сказалъ ему по-русски, указывая на меня: «я не думалъ, чтобы Александръ Ивановичъ былъ такой задорный, онъ насъ хочетъ поссорить». Послѣ сего его величество, смотря прямо на меня, сказалъ мнѣ по-французски:

— Я могу васъ увѣрить, что войны не будетъ, потому что всѣ державы находятся въ такомъ положеніи, что имъ предстоятъ выгоды не отъ войны, но отъ мира.

— Но, отвѣчалъ я, съ созданія свѣта государства были всегда не въ настоящемъ своемъ положеніи, отъ чего и происходила война.

— Оттого то именно, прервалъ государь, что они не были никогда въ томъ состояніи, въ которомъ они находятся нынѣ. Мы устроили теперь дѣла такимъ образомъ, что ни Россія, ни Австрія, ни Англія, ни Пруссія не имѣютъ взаимныхъ другъ на другѣ требованій и притязаній. Все заплочено и всѣ между собою разсчитались, и надобно быть сумасшедшимъ, чтобы драться за какую-нибудь деревушку. Если можно

предполагать войну, то это съ французами, потому что сіи господа не хотять жать въ спокойствіи.

Я намѣренъ былъ отвѣчать, что царствующіе нынѣ государи имѣють опытность, что они видѣли бѣдствія, сопряженныя съ войною, что сами приобрѣли славу на полѣ чести и находятся въ такихъ лѣтахъ, что лавры не могутъ имъ быть пріятны, но что напротивъ того, ничто не обезпечиваетъ насъ, чтобы по кончинѣ ихъ наслѣдники вновь не начали войны, что если не будетъ достаточныхъ причинъ для объявленія оной, то очень часто воевали безъ причины, и что тотъ, кто утверждаетъ, что всѣ распри и притязанія на будущее время окончены, присвоиваетъ себѣ свойства Провидѣнія, опредѣляющаго будущность. Однакоже государь смотрѣлъ на меня такъ выразительно, что я не рѣшился объяснить ему моего мнѣнія; сверхъ того присутствіе при семъ иностранцевъ налагало на меня обязанность не противорѣчить ему. Его величество черезъ нѣсколько минутъ сказалъ: «Впрочемъ, чтобы сохранить миръ, надобно содержать войска въ исправности». Конечно, подумалъ я, сіи слова нужны, чтобы оправдать, что Россія содержитъ теперь несмѣтную армию. Государь, желая развеселить разговоръ, сталъ шутить надъ Вилліе и надъ врачами и говорилъ, что такъ какъ мы рѣшили, что войны не будетъ, то медикамъ не остается другаго дѣла, какъ лечтъ насморки, давать слабительное и принимать младенцевъ у родильницъ. Послѣ сего всякій изъ находившихся за столомъ сказалъ нѣсколько острыхъ словъ, болѣе или менѣе удачныхъ, и мы встали изъ-за обѣда.

Н о я б р я 30 - го. Мы ночевали въ Голлабрюнѣ и болѣе отдыхали нежели въ прежнія ночи, потому что намъ всей ѣзды сегодня было только четыре почты. Я выѣхалъ изъ Голлабрюна въ десять часовъ утра и съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ вдали колокольню церкви св. Стефана, которая привела мнѣ на память счастливые девять мѣсяцевъ, проведенные въ Вѣнѣ во время конгресса. Императоръ Францъ не выѣзжалъ на встрѣчу государя по причинѣ болѣзни, а выслалъ за три мили для принятія его величества своего оберъ-камергера и друга графа Врбну, и придворныхъ лошадей. Я пріѣхалъ въ Вѣну въ три часа пополудни и остановился въ императорскомъ дворцѣ, гдѣ мнѣ отвели великолѣпныя комнаты, которыя занималъ во время конгресса баварскій король. На другой день нашего пріѣзда въ Вѣну былъ у императора Франца фамильный столъ, къ которому приглашены были только особы императорской фамиліи, нѣсколько знаменитыхъ чиновниковъ австрійскаго двора и русскіе, состоящіе въ свитѣ государя. Я сидѣлъ подлѣ двухъ почтенныхъ и любезныхъ стариковъ, герцога саксенъ-тешенскаго и фельд-маршала графа Беллегарда.

Мы жили въ Вѣнѣ десять дней, въ которые всякій изъ нашей сви-

ты, кромѣ меня, дѣлалъ что хотѣлъ. Государь почти не занимался дѣлами: по утрамъ онъ ѣздилъ по городу, осматривалъ нѣкоторыя любопытныя заведенія, а вечера проводилъ въ кругу семействъ, знакомыхъ ему со времени конгресса, какъ-то: у князя Шварценберга, у графа Зичи и у князя Ауерсперга, дяди Габріеллы Ауерспергъ, которая составляла украшеніе сихъ обществъ, не многочисленныхъ, но отборныхъ. Гости садились обыкновенно около круглаго стола; по правую сторону государя Габріелла, которая одна изъ всѣхъ красавицъ, бывшихъ на конгрессѣ, умѣла пѣнить государя. Онъ нѣсколько разъ посылалъ къ ней фельдегерей изъ Россіи и съ путешествій своихъ; судя по нѣкоторымъ догадкамъ, можно полагать, что связь сія платоническая. Государь сказалъ въ Вѣнѣ Чернышеву, говоря о прекрасномъ полѣ: «vous autres, vous ne savez jamais vous arrêter à un certain point, vous voulez toujours pousser les choses à bout». Чтобы оставить императора въ совершенной свободѣ, то русскихъ не приглашали на сіи вечера, на которыхъ государь бывалъ въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ, и съ орденомъ Маріи-Терезин, повѣшенномъ въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ.

Однажды былъ смотръ войскъ въ Пратерѣ, послѣ котораго тамъ же угощали насъ императоръ Францъ большимъ обѣдомъ. Какъ бы охотно я промѣнялъ время, проведенное за симъ столомъ, на прогулку по Пратеру, въ которомъ въ различныхъ положеніяхъ жизни я проводилъ незабвенныя минуты. Въ одно воскресенье государь слушалъ католическую обѣдню въ церкви своего полка, и во время возвышенія святыхъ даровъ, его величество всталъ на колѣни съ прочими католиками. При дворѣ былъ только одинъ праздникъ, состоявшій въ театральномъ представленіи, въ заключеніе коего былъ великолѣпный ужинъ, на которомъ я сидѣлъ подлѣ генерала Біанки, прославившагося походомъ въ Италію въ 1815 году. Онъ почитается однимъ изъ лучшихъ полководцевъ австрійской арміи, и что всего примѣчательнѣе, находится еще въ среднихъ лѣтахъ, потому что почти всѣ цесарскіе генералы покрыты сѣдинами. Онъ тоже полагаетъ, что первыя итальянскія войны Наполеона суть его мастерскія произведенія. Онъ не уважаетъ Жюмнина, и раздѣляетъ въ семъ отношеніи общее мнѣніе нѣмецкихъ военныхъ, которые не признаютъ въ сочиненіяхъ его особенныхъ военныхъ достоинствъ, находятъ, что разсужденія его слишкомъ плодотворны и несвязаны и что Жюмнинъ великій льстецъ.

Государь посѣтилъ въ Вѣнѣ инвалидный домъ, и войдя въ оный, спросилъ, не находятся ли инвалидовъ изъ полка его имени; отвѣчали, что есть только одинъ, по имени Штульмейстеръ, имѣющій отъ роду девяносто лѣтъ, и въ такомъ расслабленіи, что не встаетъ съ постели. Государь подошелъ къ нему, и такъ какъ на его величествѣ былъ австрійскій полковничій мундиръ, то старый воинъ принялъ его за пол-

ковника, дѣлалъ смѣлые отвѣты, рассказывалъ о походахъ своихъ, о Семилѣтней войнѣ, какъ онъ вмѣстѣ съ російскими войсками находился въ сраженіи при Куннерсдорфѣ, но въ эту минуту присутствовавшій тутъ принцъ Лихтенштейнъ перебилъ его рѣчь и сказалъ ему, что онъ говорить съ Російскимъ императоромъ. Престарѣлый служивый поднялъ глаза къ небу, громкимъ голосомъ благодарилъ Бога, что сподобилъ его передъ смертью увидѣть столь великаго монарха, и схватилъ руку императора, чтобы ее поцѣловать, но государь устремился на него и самъ его обнялъ. Нѣсколько стоявшихъ при семъ австрійскихъ генераловъ были чрезвычайно тронуты, а принцъ Луи Лихтенштейнъ, взявъ за руку генерала Храповицкаго, сказалъ ему: «О! счастливый народъ, который имѣетъ подобнаго монарха!» На другой день государь призвалъ генерала Храповицкаго и далъ ему сто червонныхъ для врученія оныхъ лично Штудльмейстеру.

По прибытіи императора въ Вѣну княгиня Разумовская, супруга извѣстнаго нашего дипломата, просила аудіенцію у государя; императоръ велѣлъ ей отвѣчать, что самъ къ ней пріѣдетъ. Его величество на другой день посѣтилъ ее, и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ княгиня начала просить у него денегъ. Государь сказалъ по возвращеніи отъ нея, что онъ жалѣетъ сію женщину, зная, что она рѣшилась на сію просьбу, по настоянію мужа своего, который во время разговора неоднократно кавалъ ей головою, чтобы она начала просить денегъ. Государь отказалъ, ибо за четыре года пожаловалъ ему пятьдесятъ тысячъ червонныхъ.

Мы получили въ Вѣнѣ извѣстіе о кончинѣ великаго герцога Баденскаго. Адъютантъ покойнаго Генменгоферъ, присланный съ депешами по сему предмету, привезъ отъ новаго великаго герцога ордена, пожалованные имъ князю Волконскому, князю Меншикову и мнѣ. Онъ мнѣ пожаловалъ командорственный крестъ первой степени военнаго ордена со звѣздою.

Передъ отъѣздомъ государя изъ Вѣны, посланникъ нашъ графъ Головкинъ настаивалъ, чтобы первымъ чинамъ австрійскаго двора пожалованы были ордена, однако же императоръ на сіе не согласился и велѣлъ наградить ихъ подарками. При его величествѣ находились со стороны вѣнскаго двора генералъ графъ Гардекъ, тотъ самый, который во время конгресса былъ при государѣ, полковникъ графъ Паръ и маіоръ графъ Шуленбургъ. Кромѣ подарковъ, государь пожаловалъ двѣ тысячи червонныхъ на дворъ, тысячу червонныхъ на конюшню, семьсотъ червонныхъ прислугѣ, бывшей при комнатахъ его величества, и двѣ тысячи червонныхъ полку своего имени.

Особы свиты государя, будучи въ Вѣнѣ безъ всякаго занятія, проводили время почти ежедневно на охотѣ, а я по обыкновенію оставался

во дворцѣ на безсмысленномъ дежурствѣ. По-утру я бывалъ часа съ два въ комнатахъ императора, гдѣ получалъ на весь день приказанія, а когда государь выѣзжалъ, то я возвращался къ себѣ и находилъ горницы мои, наполненныя просителями. Послѣ обѣда и весь вечеръ я обрабатывалъ дѣла, и для разсѣянія бродилъ иногда по городу, столько мнѣ памятному. И нынѣ подавали черезъ меня императору множество просьбъ, большею частію о вспоможеніяхъ, ибо государь слылъ чрезвычайно благотворительнымъ. Между сотнями просьбъ врядъ ли двѣ или три заслуживали вниманія; для образчика приведу-слѣдующій примѣръ.

Въ одно утро пришелъ ко мнѣ какой-то человекъ и сказалъ, что онъ желаетъ имѣть аудіенцію у государя. «О чемъ намѣрены вы объясниться съ его величествомъ?» спросилъ я его. Вотъ его отвѣтъ: «Я музыкантъ и въ исходѣ 1811 года предпринялъ съ однимъ вельможею путешествіе въ Россію. Мы пріѣхали въ Ригу и жили тамъ нѣсколько времени. Между тѣмъ непріятельскія войска вступили въ Россію и осадили Ригу. Я для прогулки вышелъ изъ города, но по возвращеніи моемъ былъ взятъ подъ стражу изъ подозрѣнія, будто бы я ходилъ въ цѣпь передовыхъ постовъ непріятельскихъ. Меня отравили въ Петербургъ къ министру полиціи, посадили въ крѣпость, а послѣ, чрезъ нѣсколько времени, въ сопровожденіи полицейскаго офицера выслали за границу. Теперь намѣренъ я требовать у государя возвращенія моей скрипки, забытой въ Ригѣ».

VI.

Тешень.—День рожденія государя.—Образъ жизни его во время путешествій.—Князь Чарторыйскій.—Слова государя о Фравціи.—Замостье.—Разговоръ съ государемъ.—Брестъ.—Объясненіе со мной государя.—Его милость и вниманіе ко мнѣ.—Оригинальное путешествіе въ лубочныхъ саняхъ.—Откровенность князя Волконскаго и его жалобы на государя.—Чай у графа Моравскаго.—Графиня Чернышева.—Мнѣніе государя о лѣтосчисленіи.—Отзывъ его о Петрѣ Великомъ.—Разсказы государя о французахъ, о княгинѣ Ливенъ и великихъ князьяхъ Константиинѣ и Михаилѣ Павловичахъ.—Теплое прощаніе со мной государя.—Расходы на путешествіе государя въ Ахенъ.—Мое возвращеніе въ Москву.

Мы выѣхали изъ Вѣны 10-го декабря въ часъ пополудни. Мысль быть чрезъ нѣсколько дней въ Россію меня восхищала. На другой день мы проѣхали чрезъ Брюнъ и Ольмюцъ и поадно вечеромъ прѣбыли на ночлегъ въ Фрейбергъ. 12-го числа поутру я пріѣхалъ въ Тешень, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ; я болѣе часа ожидалъ госу-

даря, чтобы поздравить его величество со днемъ его рожденія. Государь прямо подошелъ ко мнѣ, спросилъ по обыкновенію о моемъ здоровьѣ, и когда я поздравилъ его, то онъ два раза меня поцѣловалъ. За обѣдомъ у императора находились трое австрійскихъ военныхъ, отчего разговоръ касался предметовъ самыхъ ничтожныхъ: о порядкѣ службы въ австрійской арміи, о мундирахъ и тому подобное. Князь Волконскій предупредилъ насъ передъ обѣдомъ, чтобы мы не пили за здоровье императора, потому что его величество сего не жалуется. Мы ночевали въ Мысленицахъ.

Декабря 13-го. Сегодня въ первый разъ выпалъ снѣгъ, и въ то время, какъ мы перемѣняли лошадей, императоръ подозвалъ меня къ своей коляскѣ и сказалъ:

— Не правда ли, это напоминаетъ сага patria? Признаюсь, что люблю морозъ.

— Вы царь сѣвера,—отвѣчалъ я.

Онъ улыбуясь и сказалъ, чтобы я поспѣшалъ обѣдать съ его величествомъ въ мѣстечко Бохию. Присутствіе за столомъ австрійскихъ чиновниковъ опять не позволило государю говорить о занимательныхъ предметахъ. Образъ жизни его величества въ путешествіяхъ весьма единообразенъ. Онъ просыпается часу въ восьмомъ, въ постели кушаетъ чай, потомъ надѣваетъ бѣлый халатъ, молится Богу и начинаетъ, не торопясь, одѣваться. Когда подаютъ воду для умыванія, то зовутъ князя Волконскаго, который сталъ недавно ходить въ тулупѣ къ государю. Туалетъ императора продолжается съ часъ, потомъ, отѣхавъ верстъ тридцать или сорокъ, онъ обѣдаетъ съ большимъ аппетитомъ и пьетъ только бургонское вино, которое нарочно присылается изъ Петербурга; послѣ кофе встаетъ изъ-за стола и немедленно отправляется въ путь. Верстъ черезъ шестьдесятъ подаютъ чай, что по прибытіи на ночлегъ опять повторяется; такимъ образомъ въ сутки онъ одинъ только разъ употребляетъ пищу.

Декабря 14-го. Мы отправились въ дорогу въ восемь часовъ утра; я пріѣхалъ въ назначенное для обѣда мѣстечко Ланкутъ, и такъ какъ государю угодно было меня пригласить къ обѣду, то я, въ ожиданіи его величества, остановился въ замкѣ, принадлежащемъ графу Поттоцкому. Я встрѣтилъ тамъ бывшаго нашего министра иностранныхъ дѣлъ князя Чарторыйскаго, который во время могущества своего отказалъ покойному отцу моему опредѣлять меня переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Теперь, конечно, для меня это ничего не значить, но всякій разъ, когда я его вижу, мнѣ на него досадно, почему онъ не уважилъ просьбы родителя моего. Мы съ нимъ разговаривали съ часъ; видъ его по обыкновенію былъ мрачный, какъ у царедворца, находящагося въ немилости. Государь по прибытіи сказалъ

ему не болѣе десяти словъ, и такъ какъ онъ отлучился изъ комнаты, то я остался одинъ съ императоромъ, который грѣлся у каминна. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, шутя самымъ дружескимъ образомъ, и сказалъ: «Vous êtes un vrai et loyal chevalier; parce que je vous vois toujours avec des femmes» (Вы настоящій и вѣрный рыцарь, потому что я всегда вижу васъ въ обществѣ женщинъ), потому что при входѣ его величества въ замокъ, когда князь Чарторыйскій встрѣчалъ его на крыльцѣ, я разговаривалъ съ дамами, которыя пріѣхали посмотрѣть государя. За обѣдомъ князь Чарторыйскій сидѣлъ по правую сторону императора, подлѣ него — Вилліе, князь Волконскій сидѣлъ по лѣвую руку, а подлѣ него — я.

— Voilà donc, — сказалъ государь, — ce congrès, dont on a tant parlé, qu'on a représenté si mystérieux, fini et la paix établie pour longtemps. Nous nous sommes donné la parole de nous réunir derechef dans trois ans. Je voudrais qu'on se réunît de nouveau à Aix-la-Chapelle; moi, je m'y suis beaucoup plu, quoique tout le monde prétend s'y être ennuyé¹⁾.

Князю Чарторыйскому, какъ старинному дипломату, надлежало бы поддержать сей разговоръ, но онъ нѣсколько разъ улыбнулся и спросилъ государя, не желала ли вдовствующая императрица быть въ Парижъ? Государь не жалуетъ сего города, не любитъ, чтобы русскіе въ оный ѣздили, а потому и сей вопросъ былъ, кажется, не совсѣмъ приятенъ.

— Le maréchal Wellington, — сказалъ государь, — me parla le premier du voyage de Paris; au commencement je n'avais nulle intention d'y aller; il me dit qu'en faisant beaucoup de plaisir au roi de France, cela pourrait peut être lui faire du bien, et qu'une fois étant allé sur le territoire de France, il fallait faire cette attention à Louis XVIII. J'y consentis et comme je n'ai voulu que rendre une visite au roi de France, je n'avais rien de plus à faire à Paris²⁾.

Послѣ обѣда государь ничего болѣе не сказалъ князю Чарторыйскому, какъ только, что вечеромъ онъ пріѣдетъ кушать чай къ отцу

¹⁾ Такъ вотъ — сказалъ государь, — этотъ конгрессъ, о которомъ такъ много говорили и который представляли столь таинственнымъ, оконченъ, и миръ установленъ на-долго. Мы дали другъ-другу слово собраться снова черезъ три года. Я бы хотѣлъ, чтобы мы опять собрались въ Ахенъ. Мнѣ тамъ очень понравилось, хотя всѣ утверждаютъ, что скучали тамъ.

²⁾ Маршалъ Веллингтонъ, — сказалъ государь, — первый заговорилъ со мною о путешествіи въ Парижъ; сначала я совсѣмъ не предполагалъ ѣхать туда, онъ сказалъ мнѣ, что доставляя этимъ большое удовольствіе королю Франціи, въ то же время можно было бы, можетъ быть, принести ему пользу, и что, разъ уже попавъ на французскую территорію, слѣдуетъ оказать это вниманіе Людовику XVIII-му. Я согласился на это, и, такъ какъ я хотѣлъ только отдать визитъ королю Франціи, мнѣ не оставалось дѣлать въ Парижѣ ничего другаго.

его и къ матери въ Сеняву, куда мы прибыли въ восемь часовъ вечера. Не останавливаясь тамъ, я продолжалъ путь до Бѣлгорая, гдѣ намъ для ночлега отвели отменно холодный замокъ. Не доѣзжая до онаго, государь надѣлъ польскій мундиръ и звѣзду Бѣлаго Орла, потому что Бѣлгорай находится въ Царствѣ Польскомъ; слуги его величества надѣли также польскую ливрею. Изъ мѣстечка Сенявы императоръ, оставя коляску, поѣхалъ въ саняхъ.

Декабря 15-го. Мы отправились съ ночлега часовъ въ девять, и такъ какъ было очень холодно, то надѣли шубы, укутались шальми и платками, словомъ, всѣмъ теплымъ, что у кого имѣлось: одежда наша похожа была на маскарадъ. Въ полдень мы пріѣхали въ крѣпость Замостье, гдѣ встрѣтили цесаревича Константина Павловича. Государь кушалъ вдвоемъ съ его высочествомъ, а для насъ накрыли въ домѣ коменданта другой столъ, за которымъ находилось нѣсколько польскихъ генераловъ, прибывшихъ съ великимъ княземъ. Послѣ обѣда я провелъ съ часъ въ Замостьѣ, полагая, что государь можетъ быть меня спросить, однако же мнѣ сказали, что если бы государь и вздумалъ работать, то исполненіе по бумагамъ будетъ дѣлаться въ предѣлахъ Россіи, почему я съ неописанною радостью поспѣшилъ въ коляску, торопясь увидѣть первый отечественный городъ Устилугъ, куда я пріѣхалъ въ полночь и остановился въ жидовской корчмѣ; вслѣдъ за мною прибылъ императоръ.

Декабря 16-го. Мы выѣхали изъ Устилуга въ десять часовъ утра, чтобы ночевать на второй станціи, не доѣзжая до Бреста. Въ полдень я пріѣхалъ въ Турискъ, гдѣ имѣлъ счастье обѣдать съ государемъ. Насъ было только трое за столомъ: его величество, князь Волконскій и я. Вотъ разговоръ императора со мною слово отъ слова; сперва говорили по-русски, а потомъ по-французски; помѣшаю говоренное на обоихъ языкахъ въ такомъ видѣ точно, какъ было сказано:

Государь. Въ Устилугѣ ты со мной въ одномъ домѣ ночевалъ?

Я. Нѣтъ,—я жилъ напротивъ вашего величества въ жидовской корчмѣ.

Государь. Между жидами есть очень умные люди; — они умнѣ поляковъ, у которыхъ я начинаю замѣчать странныя, непостижимыя понятія; у сихъ послѣднихъ воспитаніе должно быть очень пренебрежно, потому что я въ нихъ замѣчалъ странныя, непонятныя идеи.

Я. Зато поляки и приплачиваются;—жиды имѣютъ въ своихъ рукахъ всю промышленность, и если жидъ не дастъ денегъ, то поляку и на діету не съ чѣмъ ѣхать.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, его величество спросилъ у князя Вол-

конскаго, отправилъ ли онъ подарокъ къ г-жѣ Любовницкой, у которой государь кушалъ чай наканунѣ въ Рубешовѣ. Князь отвѣчалъ, что послалъ при письмѣ. На сіе императоръ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Письмо, конечно, ты писалъ, и я увѣренъ, что оно очень учтиво.

Я отвѣчалъ, что вѣжливое письмо увеличить въ глазахъ г-жи Любовницкой цѣну подарка.

Послѣ сего государь, принявъ важный видъ, сказалъ:

— Vous avez raison, je suis persuadé que rien n'est si nécessaire dans la vie humaine que la cordialité et la politesse. Ces qualités nous sont recommandées par la religion et elles rendent l'existence des sociétés possible, comme d'un autre côté tout ce qui détruit ce sentiment de cordialité est nuisible à l'existence des sociétés. Quand j'étais jeune, quand j'avais vingt cinq ans. je pensais en partie autrement. je songeais aux babioles (о бездѣлицахъ). Vous, —обращаясь ко мнѣ,—vous êtes plus jeune que moi. Avec l'âge vous serez convaincu de la vérité de mes paroles. Même si les personnes, avec lesquelles nous en usons de la sorte, sont en retard en fait de politesse, ce sont elles qui le regretteront un jour. Croyez moi ¹⁾.

По нѣкоторомъ молчаніи государь спросилъ меня, замѣталъ ли я, что передъ самымъ мѣстечкомъ Пурискомъ онъ меня обогналъ. Надобно знать, что императоръ ѣхалъ въ весьма дурныхъ саняхъ, взятыхъ въ Устилугѣ.

— Я едва узналъ ваше величество, вы ѣхали въ такихъ скромныхъ саняхъ.

— Скромныхъ, —сказалъ государь, —это не въ первый разъ, что ты меня видишь скромнымъ. Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ собратій не поѣхали бы въ такихъ саняхъ.

— Ваше величество, —отвѣчалъ я, — не въ этомъ одномъ подали первый примѣръ въ свѣтѣ.

Потомъ императоръ спросилъ меня, была ли квартира моя въ Устилугѣ столь же дурна, какъ и квартира его величества. Я отвѣчалъ, что

¹⁾ Вы правы, я увѣренъ, что ничто такъ не необходимо въ жизни человека какъ искренность и вѣжливость. Эти качества предписываются намъ религіей, и они дѣлаютъ возможнымъ существованіе обществъ; съ другой же стороны, все, что уничтожаетъ это чувство искренности, вредитъ существованію обществъ. Когда я былъ молодъ, когда мнѣ было двадцать пять лѣтъ, я до нѣкоторой степени иначе думалъ о бездѣлицахъ. Вы - обращаясь ко мнѣ — вы моложе меня. Съ годами вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ. Если даже личности, съ которыми мы такъ обращаемся, отстаютъ въ смелости вѣжливости, они то со временемъ и пожалѣютъ объ этомъ. Вѣрите мнѣ!

корчма, въ которой я ночевалъ, была очень не хороша, но что я нашелъ ее прелестною, потому что провелъ ночь на отечественной землѣ. Государь отвѣчалъ:

— J'ai éprouvé le même sentiment que vous, et je l'éprouve toutes les fois quand je passe la frontière et surtout quand je vois le premier village russe. J'ai fait mon premier voyage avec l'empereur Paul, nous revenions à Pétersbourg par le chemin de Riga et je ne puis vous peindre ma joie, quand j'aperçus le premier village russe dans les environs de Rannapounger, je ne me possédais pas d'aise ¹⁾.

Послѣ обѣда мы отправились въ путь и ночевали верстъ за сорокъ передъ Брестомъ въ селѣ, принадлежащемъ графу Міержевскому, у котораго многочисленное семейство и который давно извѣстенъ государю.

Декабря 17-го. Мы выѣхали съ ночлега часу въ десятомъ, въ полдень прибыли въ Брестъ, гдѣ приготовленъ былъ столъ, къ коему государь велѣлъ пригласить находящихся здѣсь генерала Грессера, полковника Чертова и дворянскаго предводителя, отчего и разговоръ не былъ занимателенъ, однако же три раза государь обращалъ ко мнѣ рѣчь. Послѣ стола мы поѣхали ночевать въ Ружаны; на первой станціи отъ Бреста, въ Булковѣ моя коляска сломалась и для починки требовалось много времени, такъ что я пріѣхалъ на ночлегъ въ пять часовъ поутру.

Декабря 18-го. Сегодня назначено было ночевать въ Несвижѣ, но по желанію генерала Чернышева государь согласился имѣть ночлегъ въ селѣ Заушѣ, принадлежащемъ тестю его, графу Моравскому. Мы выѣхали изъ Ружанъ по обыкновенію часу въ десятомъ, чтобы обѣдать на станціи Дѣды, въ четырнадцати верстахъ за Слонимомъ. Въ семъ городѣ встрѣтили мы сенатора Новосильцева, пользовавшагося нѣкогда особенною довѣренностію государя и которому императоръ велѣлъ написать изъ Вѣны, чтобы онъ пріѣхалъ изъ Варшавы въ Минскъ, гдѣ его величество намѣревается съ нимъ заняться дѣлами.

Когда я пріѣхалъ въ Дѣды, то императоръ сидѣлъ уже за столомъ въ весьма тѣсной комнатѣ почтоваго смотрителя. Съ его величествомъ находились князь Волковскій и Виаліе, и хотя уже они до половины отобѣдали, но государь сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я сѣлъ, и приказалъ

¹⁾ Я испыталъ то же чувство, что и вы; я испытываю его всякій разъ какъ переѣзжаю границу и, въ особенности, когда вижу первую русскую деревню. Я совершилъ первое путешествіе съ императоромъ Павломъ. Мы возвращались въ Петербургъ черезъ Ригу, и я не могу передать вамъ мою радость, когда я увидѣлъ первую русскую деревню въ окрестностяхъ Раннаунгера; я не могъ владѣть собою отъ радости.

подавать мнѣ тѣ блюда, которыя самъ уже кушалъ, посмотрѣлъ на меня весьма пристально, а я былъ напротивъ его величества, ибо мы сидѣли за маленькимъ столомъ, и сказалъ мнѣ слѣдующія слова, которыя мнѣ всю жизнь останутся памятны.

— A présent je suis avec vous sur le pied le plus amical, nous nous voyons à toute heure, nous nous parlons cordialement de tout. Vous êtes sincère avec moi, mais dans quelques jours nous nous séparerons, je vais à Pétersbourg et vous partez pour Moscou. Quand nous nous reverrons à Pétersbourg, cette liaison amicale cessera entre nous, parce-que toutes les fois que je vous y vois, vous avez la mine si sérieuse, que je crains de vous approcher. Dites moi, pourquoi prenez vous avec moi à Pétersbourg cet air sombre, que je vous vois toujours.

— Sire, c'est l'air d'un sujet respectueux.

Императоръ улыбнулся, поклонился мнѣ низко и продолжалъ:

— Sujet respectueux, tant que vous voulez, mais il m'est infiniment plus agréable, que vous soyez avec moi sur le ton d'un ami, que vous parliez et agissiez avec moi sincèrement, franchement, rondement.

— A l'avenir, Sire, ce sera pour moi un devoir sacré et agréable que de me conformer à ces paroles flatteuses.

— Elle ne sont point flatteuses,—сказалъ императоръ,—mais sincères, il faut que ce ton amical règne entre des personnes, qui comme vous et moi vivent ensemble. Cela revient au principe de cordialité, dont nous nous sommes entretenus il y a quelques jours ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время я нахожусь съ вами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Мы видимся во всякое время, обо всемъ говоримъ откровенно. Вы искренны со мной, но черезъ нѣсколько дней мы разстанемся, я ѣду въ Петербургъ, а вы въ Москву. Когда мы увидимся въ Петербургѣ, эта дружеская связь прекратится между нами, потому что каждый разъ, когда я вижу васъ тамъ, у васъ бываетъ такой серьезный видъ, что я боюсь подойти къ вамъ. Скажите, отчего вы принимаете со мной въ Петербургѣ этотъ мрачный видъ, который я всегда вижу у васъ тамъ.

— Государь, это видъ почтительнаго подданнаго.

Императоръ улыбнулся, поклонился мнѣ низко и продолжалъ.

— Будьте почтительнымъ подданнымъ сколько вамъ угодно, но мнѣ несравненно пріятнѣе, чтобы вы дружески относились ко мнѣ, чтобы вы говорили и дѣйствовали по отношенію ко мнѣ искренно, откровенно и прямо-душно.

— На будущее время, государь, для меня будетъ священнымъ и пріятнымъ долгомъ подчиняться этимъ лестнымъ словамъ.

— Они нисколько не лестны,—сказалъ императоръ,—но искренны; надо, чтобы этотъ дружескій тонъ господствовалъ между людьми, которые, какъ вы и я, живутъ вмѣстѣ. Это снова приводитъ насъ къ принципу искренности, о чемъ мы говорили нѣсколько дней тому назадъ.

Разговоръ сей тронулъ меня до глубины сердца, я не находилъ словъ выразить моеѣ признательности. Вилліе примѣтя, что происходило въ душѣ моеѣ, сказалъ, что должно выпить за здоровье государя. Его величество налилъ себѣ вина, и мы всѣ четверо ударили стаканъ о стаканъ; потомъ императоръ сказалъ мнѣ: «За здоровье твоего сына!» Послѣ сего разговоръ касался обыкновенныхъ предметовъ. Государь говорилъ о слѣдующихъ способахъ леченія.

— Quand les dents me font mal, j'ai soin de me promener par quelque temps qu'il fasse, d'ouvrir la bouche et de respirer l'air. Cela m'a réussi plusieurs fois, mais s'il y a une mauvaise dent, il faut se la faire arracher. Encore un remède contre le froid, dont j'ai fait également l'expérience sur moi-même. Quand il fait froid et que je crois aller à une parade, j'ai soin en sortant de la chambre de me moucher bien, afin de respirer par le nez et de fermer la bouche bien fortement; on ne saurait s'imaginer, combien de chaleur est renfermée dans nous ¹⁾).

Послѣ нѣкоторыхъ шутокъ насчетъ сихъ лекарствъ, государь спросилъ меня, отчего я ѣду въ коляскѣ, между тѣмъ какъ онъ съ самой Галиціи ѣдетъ въ санихъ? Я посему предложилъ Вилліе сѣсть въ сани; намъ дали на почтѣ телѣгу на полозьяхъ, куда мы положили множество сѣна и соломы. Сани императора, сдѣланныя изъ дурныхъ лубковъ, были немного лучше нашихъ, и онъ мѣнялъ ихъ на каждой станціи. Невозможно представить себѣ, до какой степени онѣ были дурны; зимніе же экипажи, отправленные изъ Петербурга, только-что еще прибыли въ Несвижъ, и слѣдственно были далеко отъ насъ. Такимъ образомъ пустились мы въ путь въ сихъ дровняхъ. Государь съ княземъ Волконскимъ впереди, а я съ Вилліе слѣдовалъ за ними, и въ продолженіе всей дороги другъ друга обгоняли и всѣ хохотали, какъ дѣти. Одежда наша и экипажи напоминали сцены изъ бѣгства французовъ изъ Россіи, я хотѣлъ о семъ подобіи сказать государю, но полагая это неприличнымъ, потому что императоръ уважаетъ Наполеона, нѣкогда былъ союзникомъ его и другомъ, и вообще не любитъ вспоминать объ Отечественной войнѣ.

Вечеромъ мы пріѣхали на послѣднюю станцію передъ Заушьемъ, Сновъ, гдѣ Чернышевъ ожидалъ императора съ своею супругою. Госу-

¹⁾ — Когда у меня болятъ зубы, я стараюсь гулять во всякую погоду, открывать ротъ и вдыхать воздухъ. Это нѣсколько разъ удавалось мнѣ, но если есть дурной зубъ, то надо вырвать его. Вотъ еще средство отъ простуды, которое я тоже испыталъ на себѣ. Когда холодно, и я собираюсь на парадъ, то, выходя изъ комнаты, я стараюсь высморкаться хорошенько, чтобы дышать носомъ и крѣпко закрыть ротъ; трудно себѣ представить, сколько въ насъ заключаются теплоты.

дарь съѣлъ съ нею въ одніи сани, а князь Волконскій предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Дорогою разговоръ нашъ былъ очень любопытный, и сей недовѣрчивый вельможа началъ жаловаться, что въ семъ путешествіи онъ почувствовалъ такую слабость, которой прежде не знавалъ; говорилъ, что онъ болѣе не намѣренъ ѣздить съ государемъ, котораго капризы бывають иногда такъ велики, что онъ не въ состояніи ихъ переносить.

— Ты только иногда видѣлъ,—говорилъ онъ,—что я терплю, но большей части непріятностей моихъ никто, даже и ты вполне не знаешь. Помнишь ли, какъ въ Мобержѣ король прусскій пріѣхалъ на балъ къ графу Воронцову ранѣе государя? Онъ мнѣ за это наговорилъ такіа слова, что я хотѣлъ въ ту же минуту его оставить; въ тотъ самый день нѣсколько англичанокъ пріѣхали къ обѣду, когда всѣ уже сидѣли за столомъ, за что опять онъ меня бранилъ; на другой день я именно говорилъ графу Воронцову, чтобы обѣдню служили по-придворному, то-есть, чтобы не пѣли концерта, графъ увѣрилъ меня, что служба будетъ точно такая, какъ государь желаетъ, но вдругъ запѣли концертъ; ты не можешь придумать всего, что онъ мнѣ за сіе наговорилъ, хотя я былъ совершенно не виноватъ.

Я отвѣчалъ князю, «что тѣмъ возвышеннѣе его мѣсто, тѣмъ болѣе оно сопряжено съ заботами, съ неудовольствіями, но его должно утѣшать и вознаграждать, то что взоры Россіи и Европы обращены на него, какъ на друга царева. Если бы и современники были къ вамъ несправедливы,—присовокупилъ я,—то вы принадлежите исторіи, и потомство будетъ говорить о васъ».

— Повѣрь мнѣ,—отвѣчалъ онъ,—что черезъ недѣлю послѣ моей смерти обо мнѣ забудутъ; я одного желаю, что когда меня болѣе не будетъ при государѣ, то, чтобы тотъ, кто заступитъ мое мѣсто, служилъ бы ему съ равнымъ усердіемъ, какъ я.

Мы пріѣхали въ Заушье часовъ въ восемь вечера; помѣщикъ, графъ Моравскій, пригласилъ насъ пить чай; насъ было шестеро около круглаго столика: императоръ, князь Волконскій, Чернышевъ, супруга его, графъ Моравскій и я. Такъ какъ Чернышевъ не въ ладахъ съ своею женою, то и было скучно; онъ съ нею не говорилъ ни слова, а она не смотрѣла на него. Болѣе получаса рѣчь шла о медвѣжьей травѣ, до которой графъ Моравскій страстный охотникъ. Императоръ старался всѣми силами развеселить бесѣду, онъ разсуждалъ о тиграхъ и о медвѣдяхъ съ тою же любезностію, съ каковою онъ говоритъ обо всемъ, до чего ни касается. Мало-по-малу забывали охоту и упомянули о вѣнѣ и о театрахъ. Государь сказалъ, что онъ видѣлъ на вѣнскомъ театрѣ дѣтскій балетъ.

— *Quelleque parfaite que soit la danse des ces enfants,*—присовоку-

*

пиль онъ, — *serpendant je regarde dans cela la moralité corrompue, et je pense à ce que ces jeunes personnes deviendront un jour* (Какъ бы ни были безукоризненны танцы этихъ дѣтей, — присовокупилъ онъ, — все же отъ этого страдаетъ нравственность, и я задумываюсь надъ тѣмъ, что выйдетъ со-временемъ изъ этихъ молодыхъ особъ).

Послѣ сего мы встали, и государь просилъ позволенія у Чернышевой проводить ее до ея комнатъ; она на сіе не соглашалась; онъ настаивалъ и убѣдительно просилъ, но тщетно. Я едва не вышелъ изъ терпѣнія, видя подобную дерзость въ полькѣ, государь же имѣлъ въ виду помирить ее съ мужемъ, и для того желалъ съ нею объясниться. Чернышевъ сказалъ мнѣ, что государь передъ отъѣздомъ изъ Вѣны рассказывалъ ему о разговорѣ нашемъ за обѣдомъ въ Иглау и прибавилъ:

— Кажется, я увѣрилъ Данилевскаго, что войны не будетъ.

Декабря 19-го. Сегодня всѣ встали часу въ одиннадцатомъ, но я занимался часть ночи отправленіемъ фельдъегерей и спалъ не болѣе четырехъ часовъ. За обѣдомъ, кромѣ насъ шестерыхъ, которые вчера пили вмѣстѣ чай, находился седьмой — Вяллие, и было очень скучно, по причинѣ семейнаго раздора Чернышевыхъ. Говорили о старомъ и новомъ стилѣ въ лѣтосчисленіи, и государь сказалъ, «что должно намъ держаться стараго до тѣхъ поръ, пока астрономы неоспоримо рѣшатъ сей вопросъ и докажутъ, кто правъ и кто ошибается, русскіе или европейцы». Я на сіе отвѣчалъ, «что если мы теперь и перемѣнимъ нашъ стиль на новый, то сіе не произведетъ столь важной перемѣны, какъ случилось при Петрѣ Великомъ, когда начали считать отъ Рождества Христова послѣ того, что съ древнѣйшихъ временъ считали отъ сотворенія міра. Жаль, — продолжалъ я, — что не сохранились записки царствованія императора Петра 1-го, изъ которыхъ бы мы могли видѣть, какое вліяніе произвела сія перемѣна».

Государь сказалъ:

— *Pierre le Grand avait le poing assez ferme pour ne pas craindre ces suites* (Петръ Великій имѣлъ довольно крѣпкій кулакъ, чтобы не бояться своихъ подданныхъ).

Всѣ замолчали; я не понимаю, что государь хотѣлъ симъ сказать. Я намѣренъ былъ отвѣчать, что перемѣна въ лѣтосчисленіи не могла имѣть политическихъ послѣдствій и что она могла быть ощутительна только въ сдѣлкахъ между частными людьми, но государь произнесъ вышесказанныя слова такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что видно было, что онъ не желалъ, чтобы ему противорѣчили, почему и я съ прочими замолчалъ, и смѣючись сказалъ Чернышевой, что я любопытенъ былъ бы видѣть любовныя записки нашихъ прабабушекъ, которыя числа въ нихъ выставляли отъ сотворенія міра.

Послѣ сего начали говорить о французахъ; государь ихъ не жа-

луеть. Когда Чернышева сказала, что всё лучшія сочиненія на французскомъ языкѣ, то императоръ отвѣчалъ:

— Pas tous, mais une grande partie; c'est bien que nous avons à présent une langue universelle, vaut mieux parler celle-ci que d'en inventer une autre ¹⁾.

Потомъ государь говорилъ о нескромности французовъ и привелъ въ примѣръ два слѣдующіе анекдота:

— Aurait-on cru qu'un maréchal, — et c'est le maréchal Grouchy, qui a suivi Napoléon pendant son invasion de l'île d'Elbe, et qui durant cette époque a été nommé maréchal, — m'a écrit à Paris de le recommander à Louis XVIII et de prier le roi de lui conserver le nouveau grade, qu'il avait obtenu de Napoléon.

«Un autre général français m'a écrit une lettre, dans laquelle, en exposant ses services, il dit, qu'il s'est trouvé dans beaucoup de combats contre les Russes et qu'il demandait pour cela une décoration. Je lui fis répondre, que je n'avais des décorations que pour ceux qui se battaient pour nous, mais que je ne manquerai pas de lui déferer un ordre, quand j'en aurai créé un pour ceux, qui combattent contre nous. Le général français dit à celui que je lui envoyai avec cette réponse, que j'avais raison et qu'il n'y avait point songé» ²⁾.

Мы выѣхали въ придворныхъ саяхъ изъ Заушья въ часъ полудня въ Минскъ, куда прибыли около восьми часовъ вечера. Мы встрѣтили въ Минскѣ главнокомандующаго 1-ю армію, генерала Сакена, генераловъ: Дибича, графа Оуррка, Канкрина и Влодека.

Декабря 20-го. Сегодня поутру былъ разводъ; когда я отдавалъ государю пароль, то его величество мнѣ сказалъ: «не простившись, не уѣзжай», ибо я получилъ позволеніе изъ Минска не сопровождать государя въ Петербургъ, а ѣхать къ моему семейству прямо въ Москву. Потомъ императоръ осматривалъ общественныя заведенія, послѣ сего

¹⁾ Не всё, но большая часть. Хорошо, что у насъ теперь есть всеобщій языкъ, лучше говорить на этомъ, чѣмъ выдумывать новый.

²⁾ — Можно ли повѣрить, чтобы маршалъ, — а это былъ маршалъ Грушия, который слѣдовалъ за Наполеономъ во время его побѣга съ острова Эльбы, и который въ это время былъ сдѣланъ маршаломъ, — написалъ мнѣ въ Парижъ, прося рекомендовать его Людовику XVIII и просить короля сохранить ему новый чинъ, пожалованный Наполеономъ.

«Другой французскій генералъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ, выставя свои заслуги, говорить, что принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ противъ русскихъ и просить ордена за это. Я велѣлъ отвѣтить ему, что у меня есть ордена только для тѣхъ, кто сражается за насъ, но что я не премину дать ему орденъ, когда учрежу таковой для тѣхъ, которые дерутся противъ насъ. Французскій генералъ, сказалъ лицу, съ которымъ я послалъ ему этотъ отвѣтъ, что я правъ, и что онъ не подумалъ объ этомъ».

представлялись духовные, военные и гражданскіе чиновники, дворяне и купечество, а въ заключеніе былъ обѣдъ, на который приглашены были слѣдующія особы: главнокомандующій Сакенъ, генераль-адъютанты: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генераль-лейтенанты: графъ Оруркъ, графъ Канкринъ, генераль-маіоръ Влодекъ, вице-губернаторъ Гечевичъ, дворянскій предводитель Зеновичъ, сенаторъ князь Огнискій, лейбъ-медикъ Вилліе, флигель-адъютантъ Данилевскій, полковника: Игельстромъ, Чеченскій, Сиверсъ, Шушеринъ, Нордштейнъ, тайный совѣтникъ Новосильцевъ и адъютантъ цесаревича Вейсъ.

Передъ столомъ государь подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «послѣ обѣда заходи ко мнѣ». Во время стола его величество говорилъ почти непрерывно съ Сакеномъ, хвалилъ ему красоты береговъ рѣки Мезы и между прочимъ рассказывалъ слѣдующее:

«On proposa à la comtesse Lieven de faire un voyage sur le Rhin pour voir les beaux sites entre Mayence et Coblençe; elle répondit, qu'elle ne le voulait pas, parce que la vue de ses fenêtres du palais d'hiver n'était pas moins belle».

«Le grand duc Constantin nomme les nouvelles légions départementales de la France la honte de la race humaine».

«A-t-on jamais vu quelqu'un, qui le lendemain de son arrivée à Paris soit allé voir des écuries? c'est le grand duc Constantin».

«Mon frère, le grand duc Michel, a entrepris le voyage de l'Italie avec la plus grande répugnance, au point qu'il aurait été plus content, si je l'avais envoyé en Kamtchatka» ¹⁾.

Послѣ обѣда государь принималъ нѣсколькихъ генераловъ, отправилъ фельдъегеря къ вдовствующей императрицѣ въ Кенигсбергъ, а въ половинѣ седьмого часа велѣлъ меня позвать къ себѣ. Я дождался нѣсколько минутъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ, въ скоромъ времени императоръ вышелъ, приблизился ко мнѣ и сказалъ:

— Я хотѣлъ съ тобою проститься,—при сихъ словахъ поцѣловалъ

¹⁾ Графиня Ливенъ было предложено сдѣлать путешествіе по Рейну, чтобы посмотреть красивыя мѣста между Майнцемъ и Кобленцемъ. Она отвѣтила, что не желаетъ этого, такъ какъ видъ изъ ея оконъ въ Зимнемъ дворцѣ не менѣе красивъ.

Великій князь Константинъ называетъ новые департаментскіе легіоны Франціи поворомъ человѣческаго рода.

Видано ли, чтобы кто-нибудь на другой день по прїѣздѣ въ Парижъ отправился осматривать конюшни? А такъ поступилъ великій князь Константинъ.

Мой братъ великій князь Михаилъ предпринялъ путешествіе въ Италію съ величайшимъ отвращеніемъ, доходившимъ до того, что онъ былъ бы болѣе доволенъ, если бы я послалъ его въ Камчатку.

меня два раза,—надѣюсь, что мы не надолго расстаемся, ты вѣдь скоро прійдешь?

— Мѣсяца черезъ два, государь

— *Souvenez vous de notre conversation*, — сказалъ государь, — *je ne veux pas voir en vous un sujet respectueux* (положа руку на сердце), *je veux que vous me parliez de cela, je vous invite à me parler de coeur et de vous adresser au mien; vous serez toujours le bienvenu. Le ferez vous?*

— *Sire, ces paroles resteront éternellement gravées dans mon âme* ¹⁾.

Государь при сихъ словахъ поцѣловалъ меня еще два раза и прижалъ къ груди; потомъ, смотря на меня пристально, спросилъ:

— *N'avez vous pas quelque chose à me dire?*

— *Rien autre chose*, — отвѣчалъ я, — *que de vous assurer, Sire, que je sacrifierai ma vie pour me rendre digne de ce que vous me dites* ²⁾.

Государь сжалъ мнѣ крѣпко правую руку и спросилъ:

— Не больно ли я жму твою раненую руку?

— Больно, государь, — сказалъ я, — но это счастливѣйшая минута моей жизни.

При семъ императоръ поцѣловалъ меня еще два раза и сказалъ: «прощай еще разъ!», и пошелъ садиться въ сани. Сходя съ лѣстницы, подали ему различныя прошенія, которыя онъ вручилъ мнѣ и сказалъ: «я увѣренъ, что просители останутся тобою довольны»; а въ минуту отъѣзда, когда уже лошади трогались, закричалъ мнѣ: «прощай, княжійся женѣ».

Домъ, въ которомъ его величество имѣлъ свое пребываніе въ Милнскѣ, по отъѣздѣ его опустѣлъ; я въ немъ остался совершенно одинъ съ воспоминаніями о милостяхъ ко мнѣ государя. Мнѣ такъ сдѣлалось грустно, что для разсѣянности я поѣхалъ въ театръ, гдѣ сидѣлъ въ ложѣ у почтеннаго генерала Орурка. Въ девять часовъ я возвратился домой, занялся дѣлами, отправилъ двухъ фельдъегерей, и въ первый разъ, послѣ четырехъ мѣсяцевъ, остался на совершенной свободѣ. Въ такомъ положеніи можно ли было не предаться мечтамъ о всемъ томъ,

¹⁾ Помните нашъ разговоръ, — сказалъ государь, — я не хочу видѣть въ васъ почтительнаго подданнаго (положа руку на сердце), я хочу, чтобы вы говорили со мною объ этомъ, я предлагаю вамъ говорить отъ сердца, обращаюсь къ моему; вы всегда будете желаннымъ гостемъ. Вы будете поступать такъ?

— Государь, эти слова на вѣки запечатлѣются въ моей душѣ.

²⁾ Не имѣете ли вы что-нибудь сказать мнѣ?

— Ничего другого, — отвѣчалъ я, — какъ завѣрить васъ, государь, что я пожертвую жизнью, чтобы сдѣлаться достойнымъ того, что вы говорите.

что я въ сіи четыре мѣсяца испыталъ, но чувство вѣчной признательности къ государю брало верхъ надъ воображеніемъ.

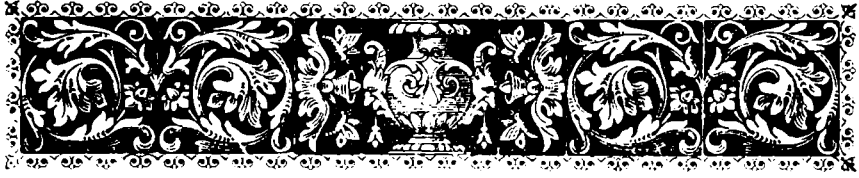
Я сдѣлалъ примѣрный счетъ расходамъ, употребленнымъ въ семь высочайшемъ путешествіи, съ 26-го августа то-есть, со дня отъѣзда изъ Петербурга до прибытія въ Минскъ. Издержано до ста тридцати тысячъ червонныхъ, полагая въ томъ числѣ прогоны, издержки на содержаніе стола, услуги, наемъ домовъ, экипажей, денежные подарки и прочее, и на таковую же почти сумму сдѣлано подарковъ бриллиантовыми и золотыми вещами. Мы проѣхали всего слишкомъ 6.500 верстъ, да весною сдѣлали мы болѣе 5.500 верстъ, слѣдственно въ семь году болѣе двѣнадцати тысячъ верстъ.

Декабря 21-го. Поутру я выѣхалъ изъ Минска въ Москву и летѣлъ, такъ сказать, стрѣлою по прекрасной зимней дорогѣ; 22-го я миновалъ утромъ Красное и Смоленскъ, 23-го поутру проѣхалъ безсмертное Бородинское поле сраженія и того же вечера въ шесть часовъ пріѣхалъ въ Москву.

Такимъ образомъ провелъ я 1818-й годъ, былъ весною въ Варшавѣ, въ Бессарабіи, въ Крыму и на Дону, а осенью—въ Берлинѣ, въ Нидерландахъ, во Франціи, въ Стутгардѣ, въ Веймарѣ и въ Вѣнѣ. На семь великомъ пространствѣ я былъ всѣми принимаемъ, какъ легко можно посудить, съ распростертыми объятіями, получилъ двѣ звѣзды, осыпанъ былъ милостями Александра и ласками многихъ особъ царствующихъ домовъ; я ограничивался исполненіемъ моей обязанности по службѣ, сохранилъ чистую совѣсть и, надѣюсь, уваженіе въ тѣхъ мѣстахъ, которыя я проѣзжалъ.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

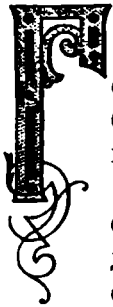

Петръ Николаевичъ Ермоловъ.

(Род. въ 1787 г., сконч. въ 1844 году).

Письма къ нему разныхъ лицъ ¹⁾.

Генераль-маіоръ Петръ Николаевичъ Ермоловъ, двоюродный братъ Алексѣя Петровича Ермолова и его лучший другъ, проведъ почти всю службу подъ его начальствомъ.

Поступивъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, онъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ войнахъ 13 и 14 годовъ, былъ подъ Бородинымъ, подъ Лейпцигомъ, въ Кульмскомъ сраженіи и подъ Парижемъ. Въ 1817 году онъ былъ маршаломъ посольства, отправленнаго въ Тавризь, и ему же поручено было, въ 1823 году, разграниченіе между Россією и Персією. П. Н. Ермоловъ составилъ описаніе персидской арміи и другія изслѣдованія объ этой странѣ. До производства, въ 1824 году, въ генераль-маіоры, онъ командовалъ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, а затѣмъ бригадою въ Москвѣ, гдѣ и поселился по выходѣ въ отставку.

Будучи искренно любимъ своими товарищами, Петръ Николаевичъ постоянно былъ посѣщаемъ ими, въ особенности пріѣзжавшими изъ Грузіи, связанными съ нимъ воспоминаніями службы подъ начальствомъ его знаменитаго родственника.

¹⁾ Доставленіемъ этихъ писемъ редакція обязана просвѣщенному вниманію камеръ-фрейлины Ихъ Величествъ Екатерины Петровны Ермоловой и ея брату генераль-лейтенанту Григорію Петровичу Ермолову. Редакція считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность за ихъ просвѣщенное вниманіе.

Письмо Алексѣя Александровича Вельяминова — П. Н. Ермолову.

25-го октября 1826 г., Шуша.

На сихъ дняхъ получилъ я здѣсь письмо твое, отъ 9-го сентября, любезнѣйшій Петръ Николаевичъ! Описываемый тобою лай противъ Алексѣя Петровича намъ давно извѣстенъ. Распускаемыя клеветы неминуемо обнаружатся собственными противорѣчїями. Говорятъ, что Алексѣй Петровичъ затѣялъ войну и въ то же время обвиняютъ его въ тѣхъ происшествїяхъ, которыя доказываютъ, что къ войнѣ никакихъ приготовленїй у насъ не было. Донесенїямъ Алексѣя Петровича насчетъ расположенїя персіянъ къ войнѣ вѣрить не хотѣли; приготовиться къ оной средствъ не дали, а теперь хотятъ обвинить его въ томъ, что начальники нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей войскъ дѣйствовали не хорошо. Но мѣры къ удержанїю персіянъ были приняты немедленно. Для этого надобно было свести войска, повсюду разсыпанныя, и занятыя работами. Нѣкоторое время для сего необходимо нужно. По мѣрѣ, какъ подходили войска, отрядъ на эриванской границѣ усилить; другой отрядъ, къ сторонѣ Елисаветполя, составленъ и постепенно усиленъ и, прежде прибытїя Паскевича, ему уже предписано двинуться на Елисаветполь.

Сентября 3-го князь Мадатовъ разбилъ у Шамхора передовой отрядъ персіянъ, причеиъ убить главный начальникъ онаго Амиръ-Ханъ-сардаръ, дяденька Абасъ-Мирзы. Съ Паскевичемъ отправлены еще войска для усиленїя отряда князя Мадатова, и 13-го числа разбили мы у Елисаветполя самого Абасъ-Мирзу, который бѣжалъ за Араксъ не оглядываясь. Теперь всѣ ханства очищены. Безъ сомнѣнїя, все будетъ приписано теперь Паскевичу, но ты можешь увѣренъ быть, что, если дѣла возстановлены, то, конечно, не отъ того, что онъ сюда прислалъ, а не смотря на прїѣздъ его.

Если донесенїе его о елисаветпольскомъ сраженїи будетъ напечатано, то увидишь, что мы были атакованы съ фронта и съ обоихъ фланговъ, слѣдовательно побили персіянъ не искусствомъ, а превосходствомъ войскъ нашихъ надъ персидскими. Я находился въ этомъ сраженїи и могу нѣсколько судить о немъ. Въ первый разъ видѣлъ я тутъ персіянъ и могу сказать тебѣ, что горцы, которые никогда не удивляли насъ своею неустрашимостью, передъ ними совершенные герои. Не знаю, желаетъ ли государь смѣнить Алексѣя Петровича Паскевичемъ, но знаю, что Паскевичъ очень этого желаетъ. Онъ довольно ясно даетъ понимать, что къ сему предназначенъ. Ищетъ все здѣсь опорочивать и разумѣется не упускаетъ изъ виду мнимое разрушенїе дисциплины. При-

ѣхавши въ отрядъ, успѣлъ въ три дня пріобрѣсти ненависть войскъ; презвычайно негодуеть на всѣхъ за привязанность къ Алексѣю Петровичу и такъ неловокъ, что упрекаетъ въ этомъ. Суди изъ этого: можетъ ли онъ быть здѣсь полезенъ? Впрочемъ, самолюбія въ немъ предостаточно и онъ думаетъ видѣть въ Алексѣѣ Петровичѣ соперника, ищущаго лишить его славы. Шамхорское дѣло заставило Абасъ-Мирзу освободить Шушу отъ блокады. Онъ (Паскевичъ) находитъ, что сраженіе это дано слишкомъ рано. Все это пишу единственно для твоего свѣдѣнія, нисколько не желая вредить Паскевичу.

Всегда преданный А. Вельяминовъ.

P. S. То, что относится до опроверженія клеветы, распускаемой насчетъ Алексѣя Петровича, можешь объявлять смѣло и быть увѣренъ въ истинѣ всего, что пишу къ тебѣ. Къ этому разряду принадлежатъ также разглашенія насчетъ всеобщаго противъ насъ ополченія горцевъ, которые, какъ у васъ говорятъ, возбуждены къ этому жестокостями Алексѣя Петровича. Скажу тебѣ, въ чемъ состоитъ всеобщее вооруженіе горцевъ. На Кавказской линіи давно уже не было такъ покойно. Въ Дагестанѣ никто не пошевелился. Бывшій ханъ казикумухскій Сурхай посланъ былъ съ большими деньгами для возмущенія онаго и для набранія войскъ изъ лезгинъ. Онъ между прочими адресовался къ акинцамъ, какъ къ сильнѣйшему въ Дагестанѣ народу. Они отвергли предложенія его и представили, черезъ Шамхала, полученныя отъ него бумаги. Сынъ Сурхая Нахъ-бекъ собралъ-было шайку лезгинъ и пошелъ на завоеваніе Казикумуха. Онъ былъ встрѣченъ Асланъ-Ханомъ и разбитъ безъ малѣйшаго содѣйствія войскъ нашихъ. Александръ царевичъ посланъ былъ для возмущенія Грузіи. Онъ нашелъ пристанище у чарцевъ (джарцевъ), но не успѣвъ ничего сдѣлать, бѣжалъ недавно опять въ Персію. Чарцы (джарцы) раза два сдѣлали набѣгъ въ Кахетію и говорятъ, что 1.000 человекъ конныхъ было отъ нихъ въ сраженіи елисаветпольскомъ. Ты знаешь, что во все время командованія здѣсь Алексѣя Петровича противъ нихъ было двѣ экспедиціи, кои замѣтны не жестокостью, но чрезвычайною снисходительностью. Горцы, живущіе отъ Кахетіи, къ сторонѣ Чернаго моря, съ персіянами совсѣмъ незнакомы, съ жестокостями Алексѣя Петровича также. Они находятся въ совершенномъ спокойствіи. Не должно ли скорѣе заключить изъ этого, что горцы ополчились противъ клеветниковъ и сговорились обнаружить безстыдную ложь ихъ?

Письмо А. П. Ермолова—П. Н. Ермолову.

30-го мая 1827 г., Георгіевскъ.

Выѣхавъ 3-го мая изъ Тифлиса, я жилъ нѣсколько дней въ деревнѣ, у Реброва. Теперь же въ Георгіевскѣ жду Вельяминовыхъ, которые и не скоры на сборы, и страшить ихъ дорога гнусная.

Думаю однако же, что они меня не задержатъ, и тогда пушусь я въ путь.

Хочу захватить въ Таганрогъ, котораго не видалъ, и совѣстно миновать, какъ мѣсто кончины благотворившаго мнѣ государя. Къ половинѣ іюня надѣюсь быть въ Орлѣ и предамся жизни покойной. Много потерпѣлъ я оскорбленій, чтобы желать службы; буду стараться и успѣю истребить изъ памяти, что я служилъ когда-нибудь. Кончена моя карьера и пламенное усердіе мое къ пользамъ отечества скроетъ жизнь безизвѣстная. Порадуются непріатели мои, но вѣрно, что есть правосудіе Божіе!

Податель письма можетъ пересказать тебѣ о многихъ мерзостяхъ, которыя дѣлаемы были. По образу дѣйствій можно думать, что давно предположено было мое истребленіе. Кажется не затруднился и г. Дибичъ способствовать оному, искусно прикрывая ловкою наружностью. Не могъ онъ, однако же, не примѣтить совершенной неспособности г. Паскевича. Всегда знали его человѣкомъ не чрезвычайнымъ, но здѣсь въ большомъ блескѣ возсіяла глупость его и нѣтъ уже сомнѣвающагося въ ней.

Онъ имѣеть еще дерзость выдавать себя за друга царскаго, и точно видно особенное къ нему благоволеніе!

Письмо А. П. Ермолова—П. Н. Ермолову.

10-го декабря 1827 г., Орелъ.

Ты уже знаешь, что отставка моя вышла такъ скоро, какъ ничья не выходила. По расчету, просьба могла придти только 24-го числа, а 25-го уже отставленъ. Какая услужливость графа Дибича! Ему также думаю обязанъ я и полнымъ жалованьемъ. Оно далеко менѣе того пенсіона, который нѣкогда, желая избавиться отъ вице-губернатора въ Грузіи Васильева, я ему доставилъ, но зато, какъ милость долженъ я принять предоставленіе мнѣ мундира.

Вотъ, любезный братъ, щедро награжденная, довольно продолжи-

тельная служба, и примѣръ сей, конечно, поощритъ многихъ. Кажется, перешель уже я всѣ непріятности и предстоитъ мнѣ жизнь покойная, безызвѣстная.

Столько непредвидима участь человѣка!

Теперь надобно искать семейственнаго счастья. Не подумай, другъ любезный, чтобы я имѣлъ глупость, въ мои лѣта, помышлять о женитьбѣ, нѣтъ, я разумѣю приобрести дружбу родныхъ, между которыми провести старость съ меньшею скукою.

Вотъ моя претензія! Въ семь случаевъ на тебя у меня большіе расчеты, и ты, конечно, не отступишься отъ меня.

Впрочемъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ происшествія тѣсняются въ короткомъ пространствѣ времени такъ, что, имѣя пятьдесятъ лѣтъ, я ожидаю еще дожить до многого и еще Богъ знаетъ, чтѣ со мною случится. Не грусти, любезный братъ, о случившемся со мною, ибо я самъ переношу все молодецки. Посмотримъ на другихъ, чтѣ послѣдуетъ съ возвышающимися?

Теперь примирюсь я со враждующими мнѣ, ибо никому не мѣшаю, и быть можетъ прекратится порицанія.

Война съ персіянами или, по крайней мѣрѣ, дѣйствія, кончились. Увѣренъ, что денегъ не возьмутъ съ нихъ ни гроша и пустятъ въ публику ложь, что издержки войны заплачены. Англичане одолжатъ ихъ избавленіемъ ихъ отъ убытка, для собственнаго кредита. Какъ грызутъ ихъ неудачи персіянъ и трусость! Какъ возстанутъ противъ ничтожества заведеній ихъ всѣ доселѣ имъ неблагопріятствовавшіе между законныхъ невѣждъ мусульманскихъ!

Вы въ Москвѣ слушаете новости о войнѣ съ турками.

Я ожидаю, что она немного будетъ важнѣе персидской, когда шесть лѣтъ не сладилъ они (турки) съ греками. Она славы не доставитъ и сквозь хвастливую ложь проскользнетъ истина.

Не вѣрю войнѣ съ австрійцами, которую кажется Москва одна объявляеть. Я писалъ разные вздоры къ Денису ¹⁾, у котораго прочти письмо мое, но повторять пустяки тяжело и совѣстно! Прочти со вниманіемъ насчетъ моего путешествія въ Москву и скажи мнѣ свое мнѣніе со всею откровенностью. Имѣй въ виду мое положеніе и осторожность, для меня необходимую.

Я, какъ писалъ тебѣ, остановлюсь у тебя. Какъ близкому родному, я тебѣ тѣмъ не поврежу, но расположившись у посторонняго, я навлеку на него замѣчаніе. Душевно любящій Ермоловъ.

¹⁾ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Выписка изъ письма Дениса Васильевича Давыдова къ Петру Николаевичу Ермолову.

26-го августа 1830 г., Симбирск. губ., Сызранскаго уѣзда, село Маза.

Любезнѣйшій другъ, Петръ Николаевичъ!

... Думаль ли ты, служа въ Семеновскомъ полку, чтобы добрый Дибичъ былъ когда-нибудь на чертѣ Задунайскаго и даже выше, ибо онъ Забалканскій! Думаль ли я, зная Паскевича к..... на набережныхъ и неучемъ поручикомъ, чтобы онъ былъ графомъ Эриванскимъ и въ первомъ Георгіи!

Все, братъ любезный, дѣло судьбы; какъ не сдѣлаться послѣ сего фаталистомъ.

По милости Божіей я живу покойно въ дальней деревнѣ: сѣю, жну и курю вино. Отголоски славы двухъ героев нѣмѣютъ въ моемъ уединеніи, ибо приходятъ слишкомъ издалека и слѣдственно не тревожатъ моего, нѣкогда бурнаго, честолюбія; къ тому же я какъ-то отерпѣлся.

Тяжело было привыкать жить праздно, когда другіе дерутся, а такъ какъ я двѣ кампаніи пропустилъ—или заставили меня пропустить ихъ, то я какъ-то обжился съ бездѣйствіемъ и съ философіею.

Какъ я радъ за любезнаго и достойнаго нашего Вельяминова, дай Богъ ему счастья! Такой человекъ долженъ идти въ гору. Что скажешь о Мадатовѣ? И за него я радъ, хотя не такъ, какъ за Вельяминова. Въ чинѣ, въ которомъ онъ, онъ всегда можетъ быть полезенъ службѣ, только, чтобы не совали его далѣе. Но что меня веселитъ—это молодечество, съ коимъ онъ вырвался изъ когтей властителя Грузіи и прорубилъ себѣ путь къ независимости!

Вѣрь истинной и непоколебимой дружбѣ вѣрнаго друга Дениса Давыдова.

Письмо Алексѣя Петровича Ермолова—И. Н. Ермолову.

17-го ноября 1840 г., с. Осоргино, подъ Москвою.

Не умѣю сказать, любезный братъ Петръ Николаевичъ, сколько я благодаренъ за твои письма, которыми ты освѣщаешь меня, ибо иначе былъ бы я подавленъ совершеннѣйшимъ невѣжествомъ. Представь, что

я радъ бываю «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя Романъ Ивановичъ ¹⁾ получаетъ, конечно, не радѣе, какъ въ Нижнекамчатскѣ.

По всему, конечно, скорѣе ожидать должно, что въ Европѣ сохранится спокойствіе. Я понять не умѣю, что мы такъ восхищены были par le traité Вроупов, который устранилъ Францію. Развѣ мы не хуже устранены отъ дѣлъ на Востокѣ; развѣ выгоды не допустить главное дѣйствіе англичанъ и вліяніе на Турцію?

Смѣшно видѣть морскія ополченія австрійцевъ, но совѣмъ не смѣшно будетъ, если ихъ инженерамъ поручено будетъ укрѣпленіе Дарданелль. Когда австрійцы не пакостили намъ въ дѣлахъ нашихъ съ Портою?

Большія надобно имѣть преимущества на глупость, чтобы не подмѣтять оной въ Нессельроде. А позволительно думать, что мы не прочь были отъ участія въ дѣлахъ Востока, ибо давно нашъ Черноморскій флотъ готовъ и войска ожидали повелѣнія садиться на суда.

Какъ скоро и какими ничтожными средствами разрушено владычество Али-паши египетскаго въ Сиріи. Это ѣдкая сатира на дѣла великихъ нашихъ фельдмаршаловъ противъ турокъ, которыхъ войска были и въ меньшемъ числѣ и гораздо въ худшемъ состояніи египетскихъ. Неужели никому не приходитъ это въ голову?

Счастье, что нѣтъ войны европейской—мы бы видѣли чудеса!

Что ничего не слышно о Кавказѣ,—награды же во множествѣ видны по газетамъ. Впрочемъ, невозможно же требовать постоянныхъ великихъ подвиговъ послѣ большого ряда таковыхъ въ прошедшихъ годахъ!

Если правда, что кровь наша dans la garde nationale, это не утѣшительно и можно бы достойныхъ сихъ особъ вмѣстѣ съ подданствомъ французскимъ поподчивать и французскою пословицею! Хорошо бы и остальнаго туда же отправить!

Какая гнусная мерзость! Какъ-то принимаетъ это добрый князь Сергѣй Михайловичъ (Голицынъ?). Прощай. Вѣрный братъ Ермоловъ.

Письмо генерала Клюки-фонъ-Клугенау—П. Н. Ермолову.

3-го мая 1843 г., Темиръ-Ханъ-Шура.

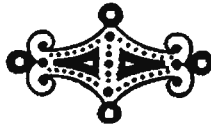
Милостивый государь, Петръ Николаевичъ! Лестное вниманіе, какимъ я имѣлъ честь пользоваться когда-то со стороны вашего превосходительства, осмѣливаетъ меня подателю сего письма, бригадному

¹⁾ Бывшій тифлисскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Ховенъ, близкій чело-вѣкъ къ А. П.

моему адъютанту, штабъ-капитану Ключареву, представить вамъ, проѣзжая чрезъ Москву, старшаго моего сына, назначеннаго, по милости государя императора, къ принятію въ школу гвардейскихъ подпоручиковъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что онъ будетъ принятъ вами съ такою же благосклонностью, какой нѣкогда вы удостоивали его отца, и что ваше превосходительство не откажете покорнѣйшей моей просьбѣ представить его брату вашему Алексѣю Петровичу. Молодые умы всегда доступны великимъ впечатлѣніямъ и часто испытываютъ благотѣльное ихъ вліяніе во все продолженіе дальнѣйшей жизни. Мнѣ бы желательно было, чтобъ сынъ мой, имѣющій готовить себя къ военной службѣ, съ благоговѣніемъ взглянулъ на героя, котораго славное имя онъ выучился произносить еще въ колыбели. Пусть эта слава, наполняющая страну, въ которой онъ взялъ жизнь, будетъ для него путеводительной звѣздой на поприщѣ, которое ему назначено пройти.

Съ моей же стороны покорнѣйшая моя просьба къ вашему превосходительству—увѣрить Алексѣя Петровича, что память великаго вождя, нашего наставника въ военномъ искусствѣ, всегда останется драгоценною для посѣдѣвшихъ почти уже въ бояхъ его учениковъ и что мы съ восторгомъ вспоминаемъ тѣ времена, когда подъ его предводительствомъ побѣда всегда вѣнчала наши усилія.

Примите увѣреніе и проч. Францъ фонъ-Клугенау.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ Ш¹).

ГЛАВА X.

Каджоры.—Исторія этой мѣстности.—Демонкаль, какъ прогрессиеть.—Печальная исторія моего переселенія на Каджоры.—Расположеніе Каджорскихъ дачъ.—Андреевскій, докторъ князя Воронцова.—Громадное вліяніе его на всѣ кавказскія дѣла.—Мое знакомство съ нимъ.—Искусство персіанъ добывать воду въ безводныхъ мѣстахъ.—Общее подобострастіе предъ мнѣніями князя.—Сдѣланное мнѣ княземъ предложеніе построить дачу въ Каджорахъ.—Другое предложеніе выписать для этого изъ-за границы желѣзныи домъ.—Мои усилія отбиться отъ этого дополнительнаго предложенія.—Печальная исторія постройки моей дачи.—Насмѣшки свитской молодежи.—Дача кончена — Пирь, мою данный на ней.

Ропросъ о томъ, куда переѣхать на дачу, не представлялъ никакихъ затрудненій, потому что для всѣхъ служащихъ и имѣющихъ какое-либо отношеніе ко двору намѣстника было одно загородное мѣсто—Каджоры, о которыхъ всѣ говорили и которыхъ, однако же, я лично не успѣлъ видѣть. Даже и тогда, когда я рѣшился уже оставить городъ, я не хотѣлъ осмотрѣть Каджоры предварительно и за-глаза нанялъ тамъ себѣ небольшое помѣщеніе.

До моего пріѣзда на Кавказъ, во времена князя Воронцова, играла тамъ довольно значительную роль одна личность, подъ наименованіемъ «Демонкаль». По слѣдамъ, имъ оставленнымъ, Демонкаль очевидно былъ прогрессистомъ. Всѣ затѣи и начинанія, предпринимавшіяся Воронцовымъ, связаны были съ его именемъ.

¹) См. „Русск. Старину“ декабрь, 1897 г.

Демонкаль учреждалъ какія-то образцовыя фермы, печальныя и разрушенныя остатки которыхъ я видѣлъ своими глазами; онъ выписывалъ какихъ-то животныхъ, которыхъ хотѣлъ акклиматизировать и которыя, вопреки его старанію, скоро погибали, и т. п. Такъ точно, когда князь Воронцовъ, открывъ вблизи Тифлиса небольшой горный участокъ казенной земли, десятинъ во сто, именуемой «Каджирами», предпринялъ обратить его въ нѣчто, подобное Павловску, Петергофу и т. п., Демонкаль, одинъ изъ первыхъ, взялъ себѣ значительную часть этого участка и, застроивъ его грошовыми турлучными строеніями, присвоилъ имъ громкое названіе «дачи».

Демонкала я уже не засталъ въ Тифлисѣ; но зналъ, что тифлискими его дѣлами и имѣніями завѣдуетъ одинъ незначительный чиновникъ. Этого чиновника я вытребовалъ къ себѣ и, объяснивъ ему мое желаніе касательно дачи, спросилъ его, въ состояніи ли онъ удовлетворить мнѣ? Чиновникъ начертилъ мнѣ планъ того помѣщенія, которое онъ считалъ соответственнымъ моимъ потребностямъ. Я тотчасъ, не считая нужнымъ отправляться лично въ Каджоры для подробнаго осмотра этого помѣщенія, оставилъ его за собою. Чиновникъ присовокупилъ, что я буду имѣть удовольствіе жить вмѣстѣ съ княземъ Василемъ Осиповичемъ Бебутовымъ, который лично для себя взялъ комнаты, совершенно смежныя съ моими, а для семейства отдѣльный домикъ, тутъ же находящійся.

Съ приближеніемъ времени переселенія на дачи, я послалъ однако въ Каджоры моего камердинера, человѣка, чрезвычайно распорядительнаго, посмотреть, что такое я нанялъ, и распорядиться, чтобы можно было тамъ кое-какъ прокочевать лѣто. Въ день поѣздки его я гдѣ-то оставался довольно поздно; возвратившись домой съ расчетомъ выслушать подробный рапортъ моего человѣка о подробностяхъ предстоящаго намъ загороднаго житья-бытья, я нашелъ его атакованнымъ холерой. Онъ, весь почернѣвшій, не могъ держаться на ногахъ.

Я смутился не на шутку, мнѣ жалко было потерять человѣка, на которомъ держалось все мое маленькое хозяйство въ краѣ, совершенно для меня новомъ, гдѣ я, вообще неспособный рѣшительно ни къ какимъ хозяйственнымъ занятіямъ, бродилъ какъ въ лѣсу и гдѣ замѣнить способнаго слугу было, если не совершенно невозможно, то затруднительно въ высшей степени. Къ счастью, при первыхъ признакахъ появленія холеры въ Тифлисѣ, я запасся различными медицинскими сладостями, гдѣ извѣстныя капли Тильмана занимали первое мѣсто. Понятно, что я не замедлил пустить въ дѣло, самымъ энергическимъ образомъ, это оружіе и въ то время, когда мой человѣкъ, паламый мучительной жаждой, постоянно просилъ пить, я посылая въ него пріемъ за пріемомъ эти капли въ такихъ размѣрахъ, которые несомнѣнно привели бы въ

изумленіе самого почтеннаго изобрѣтателя ихъ. Въ заключеніе, представивъ къ нему особаго человѣка, съ строгимъ приказаніемъ давать больному, чрезъ извѣстные промежутки, тѣ же капли, я удалился въ свои комнаты съ томительнымъ вопросомъ въ душѣ: что-то будетъ завтра?

Само собою разумѣется, что на другой день, едва открывъ глаза, я спросилъ: «что Игнатій?» — «Ушелъ въ рынокъ», мнѣ отвѣчали. Поблагодаривъ Бога за устраненіе безчисленныхъ неприятностей и безпокойствъ, съ которыми неминуемо была бы связана потеря этого человѣка, я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его возвращенія, чтобъ лично убѣдиться въ его цѣлости и невредимости. Совершенно бодрый и здоровый, онъ скоро предсталъ предо мной и сталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, рассказывать, что онъ нашелъ на Каджорахъ. Сущность этого донесенія состояла въ томъ, что хотя помѣщеніе наше плоховато и сыровато, но что и у всѣхъ также и что прожить лѣто съ грѣхомъ пополамъ можно. Вооруженный этими свѣдѣніями, я сталъ ожидать переселенія на Каджоры намѣстника, чтобы вслѣдъ за нимъ и самому двинуться туда. Намѣстникъ, наконецъ, переѣхалъ, и я назначилъ день своего отправленія.

Погода въ день нашего отправленія была восхитительная. Человѣкъ мой съ своимъ помощникомъ и со всѣмъ хозяйственнымъ скарбомъ отправился съ утра; а я самъ предположилъ выѣхать часовъ въ пять или шесть, для чего и нанялъ одного изъ лучшихъ тифлискихъ извозчиковъ. Усѣвшись въ экипажъ съ маленькимъ сыномъ и съ нѣсколькими портфелями и сакъ-вожами, я въ назначенный часъ пустился въ путь. Та же тихая, ясная погода, южное солнце, умѣрившее уже дѣйствіе своихъ лучей—обѣщали сдѣлать нашъ путь пріятнѣйшимъ, тѣмъ болѣе, что, дѣлая его въ первый разъ, мы на каждомъ шагу должны были встрѣчать различные виды великолѣпнаго Закавказья.

Увы! ожиданія наши далеко не сбылись, а сбылось то, чего никакъ нельзя было ожидать. До Каджоръ отъ Тифлиса считается 12 верстъ. Дорога идетъ почти постоянно въ гору, изрѣдка только пробѣгая по горнымъ ложбинамъ. Начало нашего пути дѣйствительно было прекрасно. Крѣпкія лошади бодро взбирались на каменистыя горы, живописныя окрестности веселили наши взоры; можно сказать, что никогда мы не чувствовали столь сладостнаго настроенія. Никакой тревожной мысли намъ и въ голову не могло прійти. Такъ продолжалось ровню полдороги, гдѣ стоитъ духанъ. Отъ этого духана дорога круто поворачиваетъ вправо.

Едва мы сдѣлали этотъ поворотъ, какъ съ неба, все еще яснаго, стали падать рѣдкія капли дождя изъ какой-то едва замѣтной, набѣжавшей тучки. Эти капли, сначала рѣдкія, стали учащаться; на окрест-

*

носятся стали появляться тѣни отъ новыхъ тучекъ, появившихся за первую, потомъ стали слышаться легкіе раскаты грома; но все это скорѣе веселило насъ, чѣмъ тревожило, тѣмъ болѣе, что мы не знали дальнѣйшаго расположенія дороги и видѣли предъ собою только саленныхъ лошадей и бодрого ямщика. Между тѣмъ, почти незамѣтно, глинистая дорога стала дѣлаться сначала скользкою, а потомъ и вязкою. Дождь продолжалъ сѣять; лошади начинали скользить. Небо болѣе и болѣе заволакивалось тучами, окрестности быстро темнѣли; съ горъ, на которыя мы взбирались, стали показываться маленькія дождевыя ручейки. Мысль, что намъ остается уже недалеко до мѣста и что у насъ отличныя лошади, успокаивала меня совершенно. Но скоро эти отличныя лошади стали останавливаться; почва, глинистая и вязкая, стала растворяться; дождевыя потоки начали усиливаться.

Во мнѣ стало появляться сомнѣніе, что мы можемъ и не доѣхать, и подъ его вліяніемъ я вступилъ въ объясненіе съ извозчикомъ, желая вывѣдать его мысли.

— Помилуйте, — отвѣчалъ ямщикъ, — такого коренника во всемъ Тифлисѣ нѣтъ.

Между тѣмъ, этотъ знаменитый коренникъ сталъ чаще и чаще останавливаться, весь въ мылѣ, постоянно скользя и съ трудомъ вытаскивая ноги изъ разступившейся почвы; на колесахъ экипажа стала наворачиваться густая грязь въ ужасающемъ количествѣ. Сначала извозчикъ спрыгивалъ съ козелъ, поправлялъ сбрую и потомъ опять усаживался; но дѣло шло все хуже и хуже; южная ночь быстро спускалась; дождь получилъ какое-то постоянство и обѣщалъ быть вѣчнымъ; извозчикъ въ непріятномъ недоумѣніи моталъ головою, вздыхалъ и восклицалъ: «что за пропасть?—вотъ напасть!» Наконецъ, онъ окончательно соскочилъ съ козелъ, передалъ возжи мнѣ, а самъ пошелъ подлѣ лошадей, постоянно подстегивая ихъ и столь же постоянно спотыкаясь въ глубокой и вязкой грязи и по временамъ падая, причѣмъ, по русскому обычаю, произносилъ различныя непечатныя выраженія. Положеніе наше, однако, отъ этого несколько не улучшилось: измученныя лошади и извозчикъ, послѣ черемърныхъ усилій, совершенно остановились.

Между тѣмъ наступила рѣшительно непроницаемая ночь; ничего не было видно, ни впереди, ни позади, ни по сторонамъ; дождь лилъ упорно и промочилъ уже насъ до костей; грязь развело непроходимую; потоки шумно неслись намъ на встрѣчу. Отъ духана, о которомъ я говорилъ, мы отодвинулись весьма немного, такъ что до Каджоръ осталась добрая половина пути, совершенно намъ неизвѣстнаго. Мысль о томъ, чтобы вернуться въ духанъ и провести тамъ ночь, насколько не была привлекательна вслѣдствіе многообразныхъ раска-

зовъ о грабежахъ, совершаемыхъ при подобныхъ случаяхъ въ этихъ милыхъ заведеніяхъ. Я рѣшился съ маленькимъ сыномъ идти тоже пѣшкомъ, думая этимъ облегчить лошадей и заставить ихъ, хоть шагъ за шагомъ, двигаться впередъ. Въ этой рѣшимости я вышелъ изъ экипажа и смѣло зашагалъ впередъ, влеча за собою сына, постоянно сбиваемого ручьями; отойдя съ полверсты, мы остановились въ увѣренности, что экипажъ слѣдуетъ за нами, но послѣ довольно продолжительнаго ожиданія мы убѣдились, что онъ очень отсталъ отъ насъ, и, потерявъ всякую надежду на его помощь, предоставили ему подвигаться по мѣрѣ возможности, а сами снова ринулись впередъ; отойдя еще съ полверсты мы снова остановились и ждали экипажъ очень долго, но тоже совершенно безуспѣшно.

Затруднительность нашего положенія обозначалась тутъ самымъ полнѣйшимъ образомъ: объятые кругомъ непроницаемою темнотою, поливаемые дождемъ, мы должны были выбрать одно изъ двухъ: или идти назадъ къ экипажу и вмѣстѣ съ нимъ провести всю ночь подъ дождемъ, рискуя въ теченіе ночи быть ограбленными, или идти впередъ по дорогѣ, совершенно неизвѣстной безъ всякой увѣренности—дойдемъ ли и тоже не будемъ ли ограблены, или растерзаны страшными грузинскими собаками, ярость которыхъ мы видѣли, когда вѣхали въ экипажѣ. Я рѣшился на послѣднее въ смутномъ представленіи, что, быть можетъ, Каджоры уже близко. Мы снова пустились въ путь, постоянно падая, поливаемые сверху дождемъ, а снизу ручьями, бурно несшимися намъ на встрѣчу. Особенная заботливость моя сосредоточивалась на томъ только, чтобы въ страшной темнотѣ не потерять дороги, обозначаемой единственно этими ручьями, бѣгущими по тропинкамъ и дорожнымъ колеямъ.

Никогда въ жизни я не испытывалъ такого неприятнаго положенія; затруднительность его увеличивалась совершенною неизвѣстностью, что изъ всего этого выйдетъ?

Меня смущало еще одно обстоятельство, которое оказалось очень глупымъ и смѣшнымъ, но которое въ ту минуту вовсе не представлялось такимъ. Я много разъ слышалъ, что въ темнотѣ глаза волка свѣтятся особенно яркимъ блескомъ; шествуя по колѣна въ грязи по дорогѣ, совершенно мнѣ неизвѣстной, я не могъ не строить въ умѣ своемъ всевозможныхъ опасностей, которымъ я тогда подвергался. Въ этомъ обзорѣніи весьма естественно могла мелькнуть мысль о дикихъ звѣряхъ въ странѣ, гдѣ самые люди, по дикости своей, недалеко ушли отъ нихъ. Эта мысль особенно начала меня тревожить, когда то съ той, то съ другой стороны начали появляться, среди непроницаемой тьмы, горящія точки, оказавшіяся потомъ какими-то туземными летающими свѣтляками, которыя то показывались, то исчезали. Я ни-

чѣмъ другимъ не могъ объяснить этихъ огненныхъ точекъ, какъ преслѣдованіемъ насъ волками и блескомъ ихъ огненныхъ глазъ. Мнѣ было не столько страшно, сколько стыдно, какъ-то совѣстно думать, что я, быть можетъ, заключу мое земное странствованіе такимъ глупо драматическимъ образомъ.

Изъ этихъ неутѣшительныхъ мечтаній я былъ выведенъ шумомъ двигающагося гдѣ-то большаго экипажа. Чувства, которыя я испытывалъ при этомъ шумѣ, вѣроятно, были сходны съ тѣми, которыя испытываютъ несчастливцы, послѣ кораблекрушенія, на какомъ-нибудь осколкѣ въ открытомъ морѣ, при видѣ едва замѣтнаго вдаль паруса. Я рѣшился употребить всѣ мѣры, чтобы съ этимъ экипажемъ связать мое спасеніе. Въ страшнѣйшей темнотѣ я не могъ, конечно, рассмотреть, какой это экипажъ, кто имъ управляетъ и кому онъ принадлежитъ. По разнымъ признакамъ можно было, однако, замѣтить, что это шель одинъ изъ большихъ фургоновъ князя. Слышно было, какъ кучера ободряли измученныхъ лошадей криками и ударами бичей, хотя экипажъ двигался другой, повидому, параллельной моей дорогой, въ значительномъ отдаленіи отъ меня. Я тотчасъ призвалъ на помощь всю силу моихъ легкихъ и старался самыми могущественными, какъ мнѣ казалось, криками остановить экипажъ, чтобы применить къ нему. Но, повидому, опытные кучера хорошо знали, что значить остановить большой, тяжелый экипажъ, въ страшной грязи, да еще при подъемѣ на гору. Они какъ будто не слышали моихъ криковъ и весьма скоро скрылись за однимъ изъ безчисленныхъ изгибовъ, изъ которыхъ состоитъ почти вся эта достопамятная дорога. Я еще разъ убѣдился, что эгоисты существуютъ во всевозможныхъ состояніяхъ, и что кучеръ, озабоченный своимъ дѣломъ, совершенно равнодушенъ не только къ крикамъ, но даже къ совершенной гибели своего ближняго. Я доволенъ былъ уже тѣмъ, что обогнавшій насъ экипажъ указалъ, по крайней мѣрѣ, дальнѣйшее направленіе нашего скорбнаго пути, въ которомъ я постоянно сомнѣвался. Кромѣ того, непрерывныя возвышенности, на которыя мы взбирались, постоянно поддерживали въ насъ надежду, что вотъ только поднимемся, сейчасъ и увидимъ каджорскіе огни. Надежды эти постоянно насъ обманывали. Подымаясь на какое-нибудь возвышеніе, мы снова оставались объятые непроницаемой тьмой, поливаемые дождемъ и буквально по козѣна въ грязи. Казалось, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что и исхода не будетъ нашему критическому положенію, а о формѣ и родѣ этого исхода и подумать было не пріятно.

Мрачныя думы, сопровождавшія меня въ моемъ мучительномъ шествіи, прерваны были новымъ шумомъ. Мы остановились. Слышно было что за нами ѣхалъ какой-то человекъ верхомъ. Вотъ, подумалъ я, предстоитъ этому господину, непремѣнно вооруженному, легкая побѣда надъ

измученнымъ и безоружнымъ гражданномъ и удобное опустошеніе его кармановъ, по меньшей мѣрѣ. При той обстановкѣ, въ какой мы находились, самый послѣдній трусъ съ кинжаломъ въ рукахъ могъ заполнить насъ совершенно. Среди неизвѣстныхъ горъ, въ страшной темнотѣ, глубокой ночью ни на какую помощь рассчитывать, конечно, нельзя было. Намъ предстояло или притаяться подъ кровомъ ночи и дать всаднику проѣхать, не замѣтивъ насъ, а затѣмъ, выждавъ его удаленіе, опять продолжать мучительный и неизвѣстной путь, безъ всякаго опредѣлительнаго сознанія, кончится ли онъ когда-нибудь и какъ кончится, или атаковать его и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ, предоставляя остальное судьбѣ. Я предпочелъ послѣдній способъ.

Едва всадникъ поравнялся съ нами, какъ я твердо вскричалъ: «стой!» Въ темнотѣ я не могъ видѣть ни всадника, ни впечатлѣнія, какое произвело на него это грозное: «стой!» По послѣдствіямъ можно заключить, однако, что онъ струсилъ. Прежде нежели онъ успѣлъ отвѣчать на это приглашеніе, я сказалъ ему: «веди насъ въ Каджоры; мы заблудились!» Я былъ пріятно удивленъ, когда въ отвѣтахъ его не оказалось ничего страшнаго, а оказалось только, что онъ тоже ѣдетъ въ Каджоры и готовъ насъ провожать. «Ступай впередъ, сказалъ я, я тебѣ хорошо заплачу».

Тронувшись въ путь снова, я сталъ припоминать многіе рассказы о коварствѣ туземцевъ, которые всегда, предъ грабежомъ и убійствомъ, бывають ласковы и любезны. Когда шайка разбойниковъ нападаетъ на васъ во время пути, то, заскакивая впереди вашего экипажа, они всегда говорятъ: «Алла верды!» нѣчто въ родѣ нашего «наше почтеніе», потомъ просятъ табаку, потомъ денегъ, а потомъ просто грабятъ или убивають.

Края и всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ его я не зналъ, но зналъ уже положительно, что грабежи всюду и всегда составляютъ господствующую его черту и что грабежи на Каджорской дорогѣ даже и днемъ составляютъ нисколько не чрезвычайное дѣло. Поэтому понятно, что ожидать чего-нибудь въ этомъ родѣ, среди ночи и тьмы, тоже нисколько не было удивительнымъ.

Пока я раскидывалъ умомъ на эту тему, всадникъ остановился и поразилъ меня предложеніемъ, котораго, конечно, никакъ и ожидать было нельзя. Замѣчая наше измученное состояніе, потому что мы безпрерывно отставали отъ него, онъ предложилъ сойти съ лошади, посадить на нее моего маленькаго сына, а самому идти пѣшкомъ, вмѣстѣ со мною. Сначала я горячо благодарилъ его, потому, когда онъ пошелъ рядомъ со мной, ведя за поводья лошадь, мнѣ опять пришла тревожная мысль, не хочетъ ли онъ, по ближайшему со мною сосѣдству, внезапно прыгнуть меня кинжаломъ, чего, сидя на лошади, онъ не могъ исполнить такъ удобно и чему тоже была многочисленные примѣры. Подъ вліяніемъ этой мысли, послѣ непродолжительнаго и совершенно пріятель-

скаго съ нимъ разговора, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ, что принадлежитъ къ одному изъ каджорскихъ духановъ и ѣздилъ въ Тифлисъ по своимъ торговымъ дѣлшкамъ, я старался держаться вдали отъ него и даже позади лошади. Такимъ образомъ шестіе наше приняло слѣдующій видъ: впереди шелъ нашъ спаситель армянинъ и непрерывно падалъ, что, какъ теперь помню, несмотря на всю гадость нашего положенія, не разъ возбуждало во мнѣ поползновеніе къ хохоту; за нимъ шла лошадь, которую онъ велъ за поводья и на которой сидѣлъ мой сынъ, а за лошадью, почти у хвоста ея, выступалъ я, страшно измучившійся. Изнуреніе мое достигло такой степени, что я не разъ думалъ растянуться въ грязи и предоставить нашему проводнику идти одному въ Каджоры, возбудить тамъ соответственную тревогу, вслѣдствіе которой, конечно, должна была состояться посылка за мною экипажа или верховой лошади. Но я страшился болѣе, чѣмъ смерти, комизма всей этой исторіи, комизма, тѣмъ болѣе страшнаго, что онъ могъ прославить меня при первомъ моемъ вступленіи въ страну, гдѣ всякая слабость по преимуществу навлекаетъ на себя презрѣніе. Мнѣ казалось, что въ груди у меня горячія уголья и я скоро упаду, какъ загнанная лошадь. Я непрерывно осыпалъ нашего проводника вопросами: «скоро ли Каджоры, много ли осталось?»

Но всемо бываетъ конецъ. Съ одного возвышенія мы радостно увидѣли рѣдкіе каджорскіе огни. Надо замѣтить впрочемъ, что мы долго и долго еще добирались до Каджоръ, но стоявшіе впереди насъ огоньки успокаивали и ободряли меня. Я увидѣлъ благополучный и скорый исходъ изъ нашего нѣсколько комическаго, но въ то же время очень затруднительнаго положенія. Положеніе это не оставило насъ даже и тогда, когда мы вступили уже въ Каджоры, потому что я совершенно не зналъ, гдѣ именно стоитъ та дача, которую я нанялъ, точно такъ-же, какъ не зналъ этого и мой проводникъ. Въ этой неувѣстности я поручилъ ему вести меня въ домъ намѣстника, гдѣ всѣ уже спали. Я приказалъ разбудить состоявшаго при князѣ офицера, который завѣдывалъ домомъ и дежурными конвойными казаками.

Взглянувъ на меня онъ просто ужаснулся; рассказавъ въ самыхъ краткихъ словахъ сущность дѣла, я просилъ его распорядиться доставленіемъ меня въ мою квартиру. При этомъ оказалось, что дача Демонкаля находится очень далеко отъ дома намѣстника, и что мнѣ предстоитъ еще довольно трудное къ ней путешествіе и все въ гору.

Отблагодаривъ щедро моего добраго проводника, я отправился, сопровождаемый казакомъ, въ свое жилище. Мой распорядительный слуга убралъ его, освѣтилъ, такъ что, когда я взглянулъ на комнаты, ожидавшія меня, мною овладѣло чувство невыразимаго наслажденія. Мнѣ просто казалось, что я попалъ въ рай; вполнѣдствіи этотъ рай оказался

далеко несовершеннымъ, особенно по страшной сырости, царствовавшей въ немъ и заставившей меня значительно прихварывать почти во все продолженіе лѣтняго сезона; но въ ту минуту и простой сарай показался бы мнѣ хорошимъ помѣщеніемъ уже потому собственно, что спасалъ меня отъ темноты, грязи и дождя, среди которыхъ я пребывалъ нѣсколько часовъ.

Промоченные буквально до костей мы съ сыномъ прежде всего старались предотвратить послѣдствія этого достопамятнаго путешествія всѣми домашними средствами, какія имѣлись подъ рукой. Потомъ съ смутнымъ вопросомъ: поднимемся ли завтра по-добру по-здорову съ постели, заснули положительно мертвымъ сномъ. Пробужденіе наше было совершенно благополучное; мы встали какъ ни въ чемъ не бывало и, по обзорѣни внутренней нашей обстановки, пустились, бодрые и веселые, обозрѣвать каджорскія красоты.

Каджоры расположены на чрезвычайно холмистой мѣстности, такъ что ровныхъ мѣстъ ни для пѣшихъ прогулокъ, ни для прогулокъ въ экипажахъ почти нѣтъ. Дачи стоятъ совсѣмъ не въ томъ правильномъ порядкѣ, какъ мы привыкли видѣть въ окрестностяхъ Петербурга; напротивъ, всѣ онѣ разбросаны, и каждая стоитъ, какъ ей вздумалось. Однѣ изъ нихъ стоятъ наверху, другія внизу и всѣ онѣ смотрятъ врозь. Правильныхъ дорогъ на Каджорахъ нѣтъ, хотя и называютъ дорогами двѣ линіи, по которымъ окрестные жители деревень возили отъ сотворенія міра дрова и другія сельскія произведенія въ Тифлисъ. И въ сухую погоду онѣ крайне неудобны для проѣзда по безчисленнымъ колеямъ и ухабамъ, никогда и нигдѣ не исправляемымъ, а при малѣйшемъ дождѣ дѣлаются совершенно непроходимыми. Дача Демоякала, на которой я жилъ, стояла въ верхней полосѣ Каджоръ, князь расположился въ нижней полосѣ, на дачѣ знаменитаго Андреевскаго.

Личность Андреевскаго приобрѣла на Кавказѣ дѣйствительную знаменитость. Я уже не засталъ его тамъ, но можно сказать, что ни одинъ рассказъ о какомъ бы то ни было важномъ дѣлѣ не обходился безъ того, чтобы въ этомъ рассказѣ имя Андреевскаго не было замѣшано. Этотъ господинъ былъ собственно докторомъ князя Воронцова. Казалось бы, какое значеніе могъ имѣть докторъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ и ученъ, въ медицины? А между тѣмъ онъ имѣлъ необъятное значеніе именно въ медицины. Сила и необъятность этого значенія были бы просто невѣроятны, если бы не подтверждались единодушно всѣмъ Кавказомъ и не оправдывались самими дѣлами.

Повторять многоразличные рассказы въ этомъ отношеніи было бы чрезвычайно утомительно, да едва ли и нужно. Сущность ихъ заключается въ томъ, что умный и хитрый хохолъ умѣлъ достигнуть того, что совершенно и буквально завладѣлъ княземъ Воронцовымъ, поселивъ

въ немъ глубокое убѣжденіе, что только онъ, Андреевскій, располагаетъ его жизнію и смертію. Къ сожалѣнію, убѣжденіе это, какъ рассказывали мнѣ, имѣло нѣкоторое основаніе. Такъ, напримѣръ, когда Кавказъ удостоился посѣщенія знаменитаго Пирогова, князь Воронцовъ вздумалъ предоставить его попеченію свои старческіе недуги. Андреевскій смотрѣлъ злобно на этотъ опытъ и самоувѣренно пророчилъ дурной результатъ. И дѣйствительно, леченіе Пирогова пошло очень плохо, такъ что князь Воронцовъ, страшно перетрусивъ, снова и окончателно уже закабалить себя Андреевскому, который, вѣроятно, хорошо изучивъ натуру князя, дѣйствительно скоро и, кажется, на глазахъ Пирогова его поправилъ. Здѣсь именно былъ источникъ страшнаго могущества Андреевскаго, который, какъ художникъ, не находилъ нужнымъ и полезнымъ для себя оставлять это могущество мертвымъ капиталомъ. Онъ пустилъ свое вліяніе въ ходъ съ неслышанною наглостью и вмѣшивался рѣшительно во всѣ дѣла, гражданскія и военныя, связанныя съ большимъ интересомъ. Директоръ канцеляріи намѣстника и начальникъ главнаго штаба положительно не могли бороться съ нимъ, и только князь Александръ Ивановичъ, когда сдѣлался начальникомъ главнаго штаба, рѣшился нѣсколько осадить этого господина.

Сначала, слушая эти рассказы, я положительно не хотѣлъ вѣрить, чтобы такой государственный человѣкъ, какъ Воронцовъ, рѣшился на защиту своего брениаго тѣла ставить государственныя интересы; но совокупность общихъ отзывовъ не оставляетъ ни малѣйшаго въ этомъ отношеніи сомнѣнія, показывая, что самый великій и храбрый на полѣ брани человѣкъ, во время мирнаго житія, не любитъ мирной кончины и не останавливается ни предъ чѣмъ, чтобы только замедлить ее. Результатомъ этихъ невѣроятныхъ отношеній намѣстника къ его доктору было то, что Андреевскій страшно разбогатѣлъ, приобрьвъ имѣнія различныхъ формъ и видовъ. Самая лучшая дача на Каджорахъ съ большимъ количествомъ приписанной къ ней земли, составляла одинъ изъ незначительныхъ осколковъ его огромнаго богатства.

Судьба, однако же, совершенно неожиданно свела меня съ нимъ на Пятигорскихъ водахъ. На Пятигорскомъ бульварѣ однажды остановила мое вниманіе какая-то слонообразная фигура въ грязномъ бѣльѣ въ скверномъ свртулкѣ и съ огромными красными руками безъ перчатокъ. Это былъ Андреевскій! Сильно предубѣжденный противъ него тифлисскими рассказами, я съ любопытствомъ рассматривалъ его далеко не изящную фигуру, ни сколько не думая съ нимъ сближаться; но въ одно прекрасное утро онъ самъ атаковалъ меня своимъ знакомствомъ и такъ любезно и настоятельно, что мнѣ податься было некуда.

Справедливость требуетъ сказать, что я нашелъ въ немъ очень умнаго и очень пріятнаго господина.

Въ числѣ многихъ выводовъ, которые мы извлекаемъ изъ опыта жизни, я замѣтилъ, что всѣ люди умные, благородные, характерные, съ прочными убѣжденіями—большою частью люди скучные и даже мало-пріятные. Начать съ того, что они не любятъ ни сближаться съ кѣмъ бы то ни было, ни заискивать въ другихъ; въ то же время тѣхъ, кто желалъ бы съ ними сблизиться, они отталкиваютъ стойкостью своего ума, своихъ убѣженій. Не таковы люди въ родѣ Андреевскаго. Они, напротивъ, владѣютъ необычайнымъ искусствомъ подлаживаться подъ всѣ умы, характеры и вкусы и потому дѣлаются для всѣхъ пріятными и забавными, какъ будто это искусство приноситъ имъ вѣрные проценты.

Самой величайшей популярности, по моимъ наблюденіямъ, достигаютъ люди пустые, безъ сильнаго ума, безъ сильнаго характера, но честные. Какъ круглый шаръ, они рѣшительно никого не задѣваютъ и, катаясь среди человѣчества, какъ будто доставляютъ ему одну пріятность. Каждый, кто разсмотритъ ближе и внимательнѣе свойство личностей, обрѣтающихся въ его сферѣ, надѣюсь, согласится со мной. Согласіе это, я убѣжденъ, будетъ еще полнѣе, если каждый припомнитъ собственныя свои впечатлѣнія при встрѣчѣ съ разнородными личностями. Умный и характерный человѣкъ непременно стѣсняетъ васъ, заставляетъ, такъ сказать, подобрать поводья, вынуждаетъ стоять на точкѣ, равномѣрной его уму и характеру. Напротивъ, человѣкъ пустоватый оставляетъ васъ дышать свободно и не только не стѣсняетъ васъ своимъ умомъ и характеромъ, но, напротивъ, съ перваго момента даритъ васъ какимъ-то пріятнымъ чувствомъ вашего личнаго превосходства предъ нимъ. Вы или снисходительно слушаете его болтовню, или начинаете сами немного ломаться предъ такимъ госпо диномъ въ полномъ убѣжденіи, что ни со стороны его ума, ни со стороны его характера не встрѣтите никакого упорнаго сопротивленія и все сойдетъ хорошо.

Когда входитъ къ вамъ умникъ, вы тотчасъ становитесь насторожѣ и постоянно испытываете это состояніе въ его присутствіи; когда онъ уходитъ—вамъ кажется, что вы кончили какую-то довольно трудную работу; напротивъ, когда къ вамъ является какой-нибудь пустоватый господинъ, вы встрѣчаете его радушно, знаете, что въ бесѣдѣ съ нимъ вы не только не обремените себя, но, напротивъ, отдохнете отъ работы или тяжелыхъ думъ, которыя почти всегда присущи неглупому человѣку; когда онъ собирается уйти, вы удерживаете его, желая продлить спокойное ваше состояніе. Пустоватый господинъ непременно болтунъ и часто болтунъ веселый; въ то же время онъ непременно яростный собиратель новостей и ревностный переноситель ихъ изъ дому въ домъ. Вамъ стоитъ только пожать ему руку и послѣ краткаго пріѣтствія спокойно расположиться въ креслѣ, какъ въ театрѣ. Вы можете

быть вполне увѣрены, что онъ не заставитъ васъ ни думать, ни говорить, если только вы сами этого не пожелаете. Онъ тотчасъ засыплетъ васъ рассказами, анекдотами, новостями. Слушайте только! Если только вы будете сопровождать его безконечные рассказы одною одобрительною улыбкою, съ него этого вполне достаточно и болѣе ему ничего не нужно. Легкая мысль его перелетаетъ съ одного предмета на другой, нигдѣ не останавливаясь; одушевляясь самъ собой, онъ говоритъ до тѣхъ поръ, пока вдругъ не скажетъ: «Однако мнѣ пора! Я съ вами заболтался!» Уходя онъ оставляетъ пріятное расположеніе духа, и вы непременно подумаете: «какой милый человѣкъ!»

Андреевскій собственно принадлежалъ ко второму разряду, къ разряду тѣхъ, у которыхъ пріятность и любезность входитъ какъ будто въ расчетъ ихъ промышленныхъ плановъ. Сквозь эту пріятность и любезность у этихъ господъ какъ-то проглядываютъ ихъ заднія мысли; такъ и видно, что это не дѣло безхитростной природы, а дѣло знанія людей и умѣнія играть ими, какъ пѣшками.

У Андреевскаго была жена, грузинка, женщина въ высшей степени умная и любезная; но любезная по тому же самому способу, изъ котораго происходила любезность ея благовѣрнаго супруга. Семейство ихъ состояло изъ двухъ дочерей и сына. Дочери представляли два рѣшительно противоположные типа: одна была замѣчательной красоты, той красоты, которую принято называть идеальной; кроткая, молчаливая, она дѣйствительно походила на одного изъ ангеловъ, какъ мы себѣ ихъ представляемъ; другая, напротивъ, хотя тоже была очень хороша, но рѣшительно не имѣла въ себѣ ничего, что наше воображеніе усвоиваетъ небожителямъ: довольно полная, игривая, можно сказать, огненная, безпрямѣрно остроумная, она представляла собою совершенство земнаго созданія. Обѣ они были дѣвочками отъ 15 до 16 лѣтъ, т. е. того возраста, который имѣетъ наибольшую плѣнительность по отсутствію кокетства и всякихъ расчетовъ, которыми такъ рано заражаются существа женскаго рода. Что касается до мальчика, то это былъ чисто воплощенный чертенокъ: умный, дерзкій, рѣзвый, онъ всѣмъ надобѣдалъ и въ то же время всѣхъ удивлялъ своими поступками, въ которыхъ всегда было столько же ума, сколько дерзости. Смотри на него, всѣ соглашались въ томъ, что онъ далеко превзойдетъ своего достославнаго батюшку.

Обращаясь къ Каджорамъ. Князь Александръ Ивановичъ рассказывалъ мнѣ, что Каджоры были предметомъ особенныхъ поличеній князя Воронцова, и что старикъ, разставаясь съ княземъ въ Москвѣ, особенно просилъ его поддержать всѣми мѣрами Каджоры и непременно сдѣлать изъ нихъ что-нибудь въ родѣ Петергофа или Царскаго Села. Задача поистинѣ трудная! Петергофа уже положительно сдѣлать было нельзя, потому что трудно представить другую мѣстность, столь скуд-

ную водой, какъ Каджоры, Ни рѣки, ни озера, ни ручейка — положительно нѣтъ ничего! И только необычайнымъ искусствомъ персіанъ были вызваны изъ земли какія-то жалчайшіе ключи, и сосредоточенные въ нѣсколькихъ пунктахъ, съ величайшимъ трудомъ удовлетворяли потребностямъ каджорскихъ обывателей, а въ очень жаркое время и вовсе не удовлетворяли: ключи и слѣдовательно бассейны, въ которые они были направлены, высыхали и воду надо было доставлять изъ какихъ-нибудь озеръ, за нѣсколько верстъ отъ Каджоръ лежащихъ.

Кстати не излишне сказать нѣсколько словъ объ искусствѣ персіанъ доставать воду, дѣйствительно замѣчательномъ. На самой сухой мѣстности она берется открыты и разработать подземные ключи и сосредоточить ихъ въ бассейнѣ. Толщина струи воды опредѣляетъ самую цѣнность работы. Струя въ гривенникъ стоитъ столько-то, въ двугриный, или по туземному «абазъ» — столько-то, въ полтинникъ — столько-то. Вообще всѣ эти работы стоятъ очень дорого. Когда, по желанію князя, я самъ долженъ былъ строить въ Каджорахъ свою дачу — вопросъ о водѣ также много занималъ меня, и я помню, что персіане просили съ меня 1.500 р. сер. не помню только за какую струю: въ гривенникъ, въ двугриновый или полтинникъ! Понятно, что для обращенія въ Петергофъ, Каджоры при такихъ условіяхъ были крайне неудобны.

Царское Село также сдѣлать изъ нихъ было очень трудно: горная, каменистая почва не была вовсе способна къ растительности. Доказательствомъ тому можетъ служить собственная дача князя Воронцова, которую онъ, кажется, чуть ли не первый поставилъ на Каджорахъ, въ примѣръ и поученіе другимъ! По общимъ отзывамъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, дача эта стояла ему до 100.000 руб. сер. Несмотря на эту громадную сумму, несмотря на то, что князь Воронцовъ имѣлъ полную возможность занять лучшій во всѣхъ отношеніяхъ участокъ, несмотря, наконецъ, на то, что для усиленія растительности участку этому придали искусственную почву посредствомъ насыпки на него милліоновъ возовъ привозной изъ другихъ мѣстъ черноземной земли — все-таки ничего не вышло. При оставленіи Кавказа, князь подарилъ эту неудавшуюся дачу, которой дано было какое-то поэтическое названіе «Отрады», «Утѣхи» или чего-то въ этомъ родѣ, благотворительному женскому заведенію св. Нины, а это заведеніе нашло выгоднымъ продать ее за 7.000 р. сер. При мнѣ дача эта представляла довольно жалкій видъ, какъ и всѣ каджорскія дачи, торчація какъ-то уныло, одиноко, голыя, лишеныя зелени и имѣющія единственное достоинство, что спасаютъ тифлисскихъ жителей высшаго сорта отъ востерпимыхъ тифлискихъ жаровъ.

Но князь Александръ Ивановичъ, съ одной стороны наклонный къ увлеченіямъ, а съ другой, привышій къ безпрепятственному исполне-

нію своихъ затѣй, не обращалъ на все это никакого вниманія, страшно восхищался Каджорами и заставлялъ восхищаться, во слѣдъ ему, всѣхъ пригѣвующихъ.

Здѣсь надо замѣтить, что лесть самаго необъятнаго размѣра, глубочайшее подобострастіе къ словамъ, взглядамъ, мыслямъ намѣстника составляли отличительную черту въ сферѣ лицъ, его окружающихъ. Никто изъ нихъ не осмѣливался сказать предъ нимъ какое-нибудь слово, не совпадающее съ его мнѣніемъ; даже за-глаза, въ своихъ кружкахъ, избѣгали этого и рѣшительно вторили только тому, какъ онъ думалъ и говорилъ. На свѣжаго человѣка такія отношенія не могли не производить непріятнаго впечатлѣнія. Я припоминаю одну комическую сцену, на этотъ мотивъ разыгранную.

Въ Тифлисѣ жилъ нѣкто Иваницкій, горный генералъ, человѣкъ замѣчательныхъ дарованій и обширныхъ свѣдѣній. Иваницкій былъ въ особенной дружбѣ съ семействомъ Фадѣевыхъ, а слѣдовательно и со мной. Иваницкій приобрѣлъ особенную знаменитость тѣмъ, что будто бы говорилъ предшествовавшимъ намѣстникамъ самыя смѣлыя и рѣзкія вещи, въ особенности князю Воронцову. Разказы о многихъ подвигахъ его въ этомъ отношеніи ходили по городу и придавали Иваницкому какое-то особенное значеніе. Къ сожалѣнію для него, князь Александръ Ивановичъ, не допускавшій и не прощавшій ни малѣйшихъ признаковъ фамиліарности со стороны своихъ подчиненныхъ, умѣлъ прекратить достославную практику этого господина и поставить его въ общій уровень. Не помню уже по какому случаю мои пріятели собрались однажды у меня. За веселымъ ужиномъ я повелъ такую рѣчь, что тифлисская жизнь могла бы быть пріятна, если бы индивидуальныя убѣжденія такъ сильно не подавлялись сверху, и что это давленіе имѣетъ въ себѣ много вреднаго. На этой темѣ завязался жаркій разговоръ, въ которомъ съ особенною живостью высказывались разнородныя возрѣнія.

Иваницкій, придерживавшійся вообще всѣхъ ораторскихъ пріемовъ, сначала хранилъ многозначительное молчаніе, а потомъ, наслушавшись различныхъ мнѣній, важно произнесъ:

— Господа! Позвольте и мнѣ высказать мое мнѣніе!

Общій говоръ умокъ и вниманіе всѣхъ сосредоточилось на Иваницкомъ, въ ожиданіи отъ него замѣчательныхъ проріцаній.

— Господа!—продолжалъ Иваницкій,—я полагаю, что для человѣка нѣтъ ничего дороже и священнѣе его убѣжденій; человѣкъ сохраняетъ свое достоинство дотолѣ, пока сохраняетъ свои убѣжденія, можно всѣмъ пожертвовать, но никакъ не своими убѣжденіями: поэтому каждый долженъ хранить и защищать ихъ, какъ святыню.

Иваницкій долго ораторствовалъ на эту тему, всѣ слушали внимательно его и ожидали, какъ онъ разрѣшитъ существенный вопросъ

о соотношеніи нашихъ убѣжденій съ убѣжденіями намѣстника. Нѣкоторые даже и выразили желаніе, чтобъ онъ поскорѣе перешелъ къ этому вопросу.

— Послѣ всего, что сказалъ я о святости нашихъ убѣжденій, — продолжалъ Иваницкій, — понятно, какъ драгоценны должны быть они для каждаго. Но если, милостивые государи, представится такой случай, гдѣ ваши личныя убѣжденія оказываются противоположными убѣжденіямъ вашего начальника, тогда, милостивые государи...

При этихъ словахъ общее вниманіе удвоилось и всѣ ждали, что тогда, по мнѣнію Иваницкаго, должно сдѣлать?

— Тогда, милостивые государи, — заключилъ Иваницкій, — тогда надо примолчать...

Слова эти покрыты были всеобщимъ дружнымъ хохотомъ. Остроумный, ѣдкій Ростиславъ Фадѣевъ тотчасъ создалъ въ своемъ богатомъ воображеніи практическое примѣненіе этой теоріи.

— Теперь я понялъ, — сказалъ онъ, — недавній разговоръ князя со мной, казавшійся мнѣ совершенно неповытнымъ. Коснувшись красоты и древности Тифлиса, любимой темы князя, онъ прибавилъ, что Александръ Борисовичъ (Иваницкій) вполне раздѣляетъ его мнѣніе въ этомъ отношеніи. Недавно мы гуляли съ нимъ, продолжалъ князь; смотря на массы народа, наполнявшаго улицы и площади, я замѣтилъ, что населеніе Тифлиса должно быть огромное и жаль, что мы до сихъ поръ не знаемъ точной цифры этого населенія. Александръ Борисовичъ положительно утверждаетъ, что по населенію Тифлиса, навѣрно, не уступитъ самымъ большимъ русскимъ городамъ и даже поспоритъ съ Москвою, а когда мы поравнялись съ Сіонскимъ соборомъ, и я обратилъ вниманіе на вышину его, Александръ Борисовичъ замѣтилъ, что онъ навѣрно выше нѣсколькими саженьями Ивана Великаго. Ясно теперь, господа, заключилъ Фадѣевъ, что нашъ общій другъ здѣсь не только «примолчалъ», но значительно поддакнулъ.

Всеобщій хохотъ покрылъ этотъ импровизованный разговоръ злаго Фадѣева.

Если такъ думали тифлисскіе «умники», какъ называлъ самъ князь этотъ кружокъ, тифлисскіе «нигилисты и прогрессисты», стяжавшіе уже себѣ славу своими рѣзкими и смѣлыми рѣченіями, то отъ туземцевъ, всосавшихъ съ молокомъ азіатское поклоненіе и подобострастіе ко всякой власти, ожидать уже было нечего. Гордый и властолюбивый князь плавалъ въ этомъ колыбнопоклоненномъ предъ нимъ мірѣ, какъ рыба въ водѣ, и можно положительно сказать, что нигдѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Россіи, не было и нѣтъ другаго положенія, боже соотвѣтственнаго его натурѣ, какъ положеніе кавказскаго намѣстника. ибо положеніе государя въ Петербургѣ далеко не имѣетъ той величавой и

всемогущей обстановки, какъ положеніе князя на Кавказѣ. Этой обстановкѣ содѣйствовали, во-первыхъ, дѣйствительная и неограниченная власть, сосредоточенная въ намѣстникѣ, а во-вторыхъ, еще болѣе великое умѣнье князя Александра Ивановича придать этой власти торжественное, такъ сказать, поражающее проявленіе, умѣнье, связанное съ глубокимъ его убѣжденіемъ, что въ азіатской странѣ власть такъ именно и должна проявляться.

Но я слишкомъ удалился уже отъ моего разсказа, хотя и не знаю, что интереснѣе въ моемъ нескладномъ повѣствованіи. Тѣ ли обстоятельства, которыя лично меня касались, или черты, объясняющія личность этого во всякомъ случаѣ великаго и мало понятнаго въ Петербургѣ челоуѣка? Дѣло въ томъ, что когда князь начиналъ чѣмъ-нибудь восхищаться, съ нимъ восхищались весь Тифлисъ. Такъ точно было и съ Каджорами. Князю казалось, что изъ нихъ можно сдѣлать, по произволу, Петергофъ или Царское Село, и всѣ находили, что это вещь совершенно возможная, и что остается только выбрать тотъ или другой изъ этихъ образцовъ. Я лично былъ первою жертвою, такъ сказать, этого фантастическаго увлеченія.

Гуляя однажды со мною и восхищаясь Каджорами, князь сказалъ мнѣ:

— Постройте здѣсь дачу, только хорошую; я дамъ вамъ отличное мѣсто. Вѣдь вамъ съ семействомъ надобно же жить на дачѣ.

Само собою разумѣется, что прежде всего я отвѣчалъ:

— Покорно благодарю, ваше сіятельство!

Въ соображеніяхъ моихъ о кавказскомъ житьѣ-бытьѣ вопросъ о лѣтнемъ пребываніи моего семейства давно уже занималъ меня; но мысль о постройкѣ для этого собственной дачи никогда не приходила мнѣ на умъ. Застыгнувъ меня совершенно внезапно, она естественно смутила меня, особенно въ виду тѣхъ разорительныхъ, можно сказать, расходовъ, съ которыми, по общимъ отзывамъ, сопряжены постройка и содержаніе каджорскихъ дачъ. Поэтому я прибавилъ:

— Позвольте, ваше сіятельство, сообразить.

— Что тутъ соображать?—возразилъ князь,—соображать тутъ рѣшительно нечего. Вамъ и вашему семейству дача рѣшительно необходима; лучше и ближе Каджоръ ничего нѣтъ. Что же тутъ еще соображать?

Атакванный такъ настоятельно, я долженъ былъ, разумѣется, уступить и согласиться, тѣмъ болѣе, что самое предложеніе князя имѣло характеръ особеннаго ко мнѣ благоволенія. Въ тотъ же день по всѣмъ Каджорамъ разнеслась и зашумѣла вѣсть, что князь подарилъ мнѣ мѣсто, и я строю собственную дачу. Всѣ меня поздравляли, какъ съ какою-то необычайною милостью. Самъ князь, съ его женскимъ нетерпѣніемъ,

поднялъ всѣхъ на ноги и требовалъ, чтобы немедленно изслѣдовали и донесли ему: есть ли въ Каджорахъ свободныя мѣста, гдѣ и какія? Все это дѣло было поручено «министерству прогресса», которымъ завѣдывалъ нѣкто Ломидзе, одинъ изъ туземцевъ, хитрыхъ и подобострастныхъ.

Оказалось, что всѣ лучшія мѣста давнымъ давно разобраны, и что остался одинъ какой-то клочекъ, голый совершенно, безводный и вообще мало привлекательный. Всѣ эти свѣдѣнія, прежде доклада князю, Ломидзе сообщалъ мнѣ и вообще, понимая значеніе, мнѣ предстоящее, старался угодить мнѣ всѣми мѣрами. Въ этомъ стремленіи, отвергая всякое достоинство свободнаго участка, онъ считалъ возможнымъ отрѣзать для меня половину земли, отданной подъ дачу Закавказскаго женскаго института, подъ тѣмъ предлогомъ, что у него слишкомъ много земли, и что въ уступкѣ мнѣ половины нѣтъ никакихъ неудобствъ и препятствій. Дача института стояла среди Каджоръ, на самомъ лучшемъ мѣстѣ, и въ той именно половинѣ, которую добрый Ломидзе предназначалъ мнѣ, представляла нѣкоторую, хотя глухую и спутанную растительность. Мысль эта представлялась мнѣ смѣлою до дерзости, и я считалъ ее положительно неосуществимою. Я опасался показаться князю слишкомъ нахальнымъ и предоставлялъ Ломидзе дѣйствовать какъ онъ знаетъ и во всякомъ случаѣ заявить князю, что я буду всѣмъ доволенъ и не имѣю никакого исключительнаго желанія. Къ приятному моему изумленію то, что представлялось мнѣ невозможнымъ, сдѣлалось возможнымъ: князь приказалъ отдать мнѣ половину институтской дачи.

Это произвело еще большій эффектъ между каджорскимъ міромъ, къ которому примѣшивалась значительная доля зависти. Смотри на заботливость, которую князь лично приложилъ къ этому дѣлу, на постоянныя похвалы князя каджорской мѣстности, каджорскому климату, всѣ были убѣждены, что Каджоры, если не сдѣлаются Петергофомъ или Царскимъ Селомъ, то обратятся, въ продолженіе царствованія князя, въ постоянную его лѣтнюю резиденцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый клочекъ каджорскій сдѣлается драгоценностью. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія многіе, особенно капитальные люди, бросились на тотъ свободный участокъ, о которомъ я говорилъ и стали осаждать князя просьбами. Князь приказалъ разбить этотъ участокъ на четыре равныя части и роздалъ ихъ наиболѣе капитальнымъ и значительнымъ лицамъ изъ міра, его окружающаго, съ непрѣмнымъ условіемъ построить хорошія дачи. Шумъ пошелъ по Тифлису и Каджорамъ страшный и всѣ только и говорили, что о новыхъ каджорскихъ дачахъ.

Въ Тифлисѣ, между тѣмъ, существовало какое-то строительное заведеніе, учрежденное выписаннымъ изъ-за-границы весьма дароватымъ архитекторомъ Брауншилемъ или Браунмиллеромъ. Заведеніе это соста-

вляло планы домовъ и дачъ, согласно потребностямъ каждаго, и принимало на себя постройку ихъ за условленную сумму. Само собою разумеется, что слухъ о каджорскихъ дачахъ не могъ не представлять для этого заведения особеннаго интереса. Въ одно чрезвычайно туманное утро помощникъ учредителя, другой архитекторъ Бихольдъ, является ко мнѣ въ Каджоры и вызывается выстроить мнѣ дачу за самую умеренную цѣну въ томъ расчетѣ, чтобъ отчетливостью и дешевизною ихъ работы увлечь и всѣхъ другихъ отдать имъ же постройку дачъ. Совершенно неопытный въ строительномъ дѣлѣ, которое на Кавказѣ имѣетъ тысяча мѣстныхъ особенностей, я несказанно обрадовался этому предложению, которое обѣщало мнѣ, безъ малѣйшаго съ моей стороны беспокойства, появленіе на моей землѣ комфортабельной дачи. Объяснивъ, чего я требую отъ дачи сообразно моимъ средствамъ и моимъ семейнымъ потребностямъ, я просилъ Бихольда составить соотвѣтственный планъ и опредѣлить сумму, какую я, за осуществленіе его, долженъ заплатить. Но прежде, нежели я получилъ отъ этого заведения какой-либо отвѣтъ, я подвергся новой атакѣ со стороны князя, атакѣ, поставившей меня въ величайшее затрудненіе.

Во время одной изъ прогулокъ, князь сказалъ мнѣ:

— Я все думаю о вашей дачѣ и не нахожу ничего лучшаго, какъ выписать изъ Англіи готовый желѣзный домъ!

Я такъ и обомлѣлъ отъ этого внезапнаго предложенія. Князь сталъ развѣивать удобства и выгоды этой иѣры. Несмотря на все мое благоговѣніе къ нему, я рѣшился биться, сколько силъ хватить, противъ этой странной фантазіи, разумеется въ формахъ, сколько можно скромныхъ и умеренныхъ.

— Это дѣло до такой степени новое, ваше сіятельство, говорилъ я.

— Потому-то и надо сдѣлать его, что оно новое,—возражалъ князь.— Вы первый покажете примѣръ; за вами всѣ пойдутъ...

— Не думаю, ваше сіятельство, чтобы стоимость этихъ домовъ была дешевле стоимости собственной постройки, не говоря о примѣненіи этой постройки къ моимъ потребностямъ, чего отъ готовыхъ желѣзныхъ домовъ ожидать нельзя,—скромно замѣчалъ я.

— Во-первыхъ, готовый домъ несравненно дешевле всякой постройки, а во-вторыхъ, они изготовляются по разнымъ планамъ, и вы выпишите тотъ, какой именно вамъ нуженъ,—возражалъ князь.

— Если собственно домъ и доставка его къ нашимъ берегамъ дѣйствительно не будутъ сопряжены съ большими расходами,—продолжалъ я,—то представьте, ваше сіятельство, во что обойдется доставка такой тяжести только отъ Поти до Каджоръ по нашимъ дорогамъ и по нашимъ провознымъ цѣнамъ?—продолжалъ я.

— Я вамъ привезу,—возражалъ князь.

На этой темѣ почти ежедневно загорались наши споры: онъ постоянно доказывалъ пользу и необходимость выписки желѣзнаго дома, я постоянно уклонялся отъ этой затѣи. Онъ ссылался на мнѣніе лицъ, присутствующихъ при этихъ спорахъ, и тѣ, конечно, принимали почти-тельно его сторону, точно такъ же, какъ они пристали бы усердно къ его мнѣнію, если бы онъ нашелъ полезнымъ снять съ меня голову. Мое положеніе становилось чрезвычайно затруднительнымъ: съ одной стороны, самая мысль жить въ желѣзномъ домѣ имѣла для меня что-то отвратительное, а съ другой, стоять упорно противъ того, что самъ князь находилъ хорошимъ и полезнымъ, было тоже крайне невыгодно. Привыкнувъ къ глубокому благоговѣнію со стороны всѣхъ окружающихъ и ввязавъ въ нашъ споръ большую часть этихъ окружающихъ, князь не могъ равнодушно отступить отъ своего мнѣнія, тѣмъ болѣе, что это было дѣломъ, совершенно для него не привычнымъ. Я истощилъ уже всѣ свои боевые запасы, а дѣло оставалось все въ томъ же положеніи и даже клонилось болѣе на сторону князя, чѣмъ на мою.

Въ этомъ отчаянномъ состояніи я прибѣгнулъ къ послѣднему средству. При новой атакѣ я сказалъ князю:

— Если бы, ваше сіятельство, я былъ одинокій, холостой человекъ я и минуты не задумался бы выписать желѣзный домъ; но если я позволяю себѣ представлять вамъ нѣкоторыя опасенія, то единственно подѣ влияніемъ семейныхъ моихъ обязанностей, которыя воспрещаютъ мнѣ дѣлать рискованные опыты. Вопросъ о томъ, не имѣютъ ли желѣзные дома какого-либо влияния на здоровье живущихъ въ немъ, кажется, не достаточно разрѣшается, по крайней мѣрѣ тѣми свѣдѣніями, какія имѣются на Кавказѣ, и я не могу не имѣть опасенія, что вопросъ этотъ можетъ неблагоприятно разрѣшиться на здоровьѣ моихъ маленькихъ дѣтей.

— Не припутывайте пожалуйста сюда дѣтей, — возразилъ князь, — я знаю, что вы просто боитесь вашей жены, потому что она держитъ васъ подѣ башмакомъ. Впрочемъ, дѣлайте какъ находите лучшимъ; для меня рѣшительно все равно; я заботился единственно о вашей пользѣ.

Послѣ такого холоднаго отзыва дальнѣйшія атаки прекратилась, и я терпѣливо ожидалъ представленія мнѣ заказанныхъ плановъ. Наконецъ я получилъ эти планы въ трехъ экземплярахъ, или точнѣе сказать въ трехъ видахъ, съ различнымъ расположеніемъ и въ различную цѣнность. Выбравъ изъ нихъ тотъ, который ближе отвѣчалъ моимъ средствамъ и моимъ семейнымъ потребностямъ, я рѣшился показать его предварительно князю. Но операція эта, съ виду весьма простая, представляла много моральныхъ, такъ сказать, затрудненій. Представленіе этого плана ясно и положительно говорило князю, что всѣ его совѣты и настоянія относительно желѣз-

*

ныхъ домовъ отвергнуты, а показать такой фактъ кавказскому намѣстнику, да еще князю Барятинскому, представлялось дѣломъ крайне рискованнымъ. Съ другой стороны, начать постройку дачи такъ, не предъявивъ князю плана, было еще хуже и такое распоряженіе съ полнымъ основаніемъ могло быть принято за невѣжество и даже положительную дерзость. Взвѣсивая, такимъ образомъ, то и другое, я рѣшился представить планъ моей дачи князю и посмотреть, что изъ этого выйдетъ, предоставляя окончательное разрѣшеніе этого вопроса произволению Аллаха. Князь, всегда деликатный и сдержанный, какъ-то холодно посмотрѣлъ на планъ и такъ же холодно сказалъ:

— Кажется, очень хорошо!

О желѣзныхъ домахъ не было уже никакой рѣчи, и я тотчасъ передалъ планъ исполнителямъ, въ убѣжденіи, что князь, чуждый мнѣнія, скоро забудетъ это небольшое столкновеніе, а я буду имѣть не жемъзанный острогъ, а все-таки нѣчто въ родѣ человѣческой дачи.

Строители поднесли мнѣ контрактъ, который я тотчасъ подписалъ и выдалъ задатку 1.000 рублей. Увы! Въ недобрый часъ я подписалъ этотъ контрактъ и трудно исчислить всѣ непріятности, какія довелось мнѣ испытать съ этой постройкой. Началось съ того, что на другой же день послѣ подписанія контракта и выдачи задатка главный основатель строительнаго заведенія и главный мой подрядчикъ, архитекторъ Браунмиллеръ, человѣкъ вообще болѣзненный, скоропостижно умеръ. Всѣ мои пріятеля совѣтовали разрушить по этому случаю мой контрактъ и отдать постройку другимъ лицамъ; но мнѣ казалось это не совсѣмъ добросовѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что помощникъ его, архитекторъ Бихольдъ, хотя по общимъ отзывамъ человѣкъ крайне не надежный, увѣрилъ меня, что все строительное заведеніе переходитъ въ его руки и что онъ такъ же точно исполнитъ всѣ принятыя въ отношеніи меня обязательства, какъ бы они были исполнены самимъ Браунмиллеромъ. Вслѣдъ затѣмъ началось постепенное вытаскиваніе этимъ господиномъ, подъ различными предлогами, денегъ изъ моего кармана, и дѣло приняло скоро такой видъ, что всѣ деньги, какія слѣдовали съ меня по контракту, я выплатилъ, а дача едва-едва была въ зародышѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что безпечность, неточность, какая-то отвратительная распущенность этого господина были тутъ главною причиною; но справедливость требуетъ сказать, что и самъ онъ былъ постоянно въ тискахъ со стороны тѣхъ безчисленныхъ затрудненій, съ которыми связана сколько-нибудь порядочная постройка въ Тифлисѣ, а тѣмъ болѣе на Каджорахъ, гдѣ часто доставка какого-либо предмета далеко превосходитъ цѣнность его. Такъ, напримѣръ, однажды Бихольдъ на мои упреки отвѣчалъ:

— Войдите и въ мое положеніе! Тысяча кирпича стоитъ въ Тифлисѣ 12 рублей, а за доставку въ Каджоры просятъ 30 рублей.

Само собою разумѣется, что это было въ какое-то особенно дурное время.

Несмотря на то, что Бихольдъ перебралъ у меня много денегъ сверхъ контракта, дача подвигалась чрезвычайно медленно и казалось, что такимъ образомъ и въ столѣтіе не будетъ кончена. На меня начали сыпаться со всѣхъ сторонъ насмѣшки, особенно со стороны безпутной свиты, которая давала моей несчастной дачѣ всевозможныя юмористическія наименованія. Наименованія эти, разумѣется, достигали князя и доставляли ему видимое удовольствіе. Однажды онъ собрался ѣхать куда-то. Путь лежалъ чрезъ Каджоры. Всѣ знатныя лица и свита, по обычаю, собрались провожать князя. Онъ былъ какъ-то особенно веселъ въ это утро. Разговоръ зашелъ о Каджорахъ; пользуясь удобнымъ случаемъ, я сказалъ князю:

— Не угодно ли вашему сіятельству взглянуть при проѣздѣ на мою дачу?

— Вашу дачу?—улыбаясь сказалъ князь, — да развѣ ее стоитъ смотрѣть? Вы знаете, какъ ее называютъ?

— Знаю, ваше сіятельство!—отвѣчалъ я.— Это шалуны ваши адъютанты такъ окрестили ее, плохо понимая строительныя дѣла; но я убѣжденъ, что это будетъ хорошая вещь.

— Посмотримъ, посмотримъ!—весело сказалъ князь.—Судя по тому, что я слышала, сомнительно что-то.

Наконецъ, слушая постоянныя оправданія и объясненія Бихольда, за которыми слѣдовало всегда выпрашиваніе новыхъ денегъ, убѣждаясь болѣе и болѣе, что съ нимъ я никогда не достигну окончанія дачи, я вышелъ изъ терпѣнія, устранилъ его совершенно отъ этого дѣла, простивъ ему всѣ перебранныя деньги, а окончаніе дачи отдалъ другому архитектору за значительную сумму. Дѣло быстро закипѣло, и дача явилась въ такомъ блескѣ, что тотчасъ всѣ заговорили о ней, осыпая ее всевозможными похвалами. И дѣйствительно, если относительно петербургскихъ дачъ она не только не имѣла никакого особеннаго значенія, но даже безспорно была произведеніемъ довольно слабымъ, то въ ряду каджорскихъ дачъ она занимала, по изяществу, первое мѣсто. Красота ея увеличивалась особенно устройствомъ при ней парка, чего не было рѣшительно ни при одной дачѣ. Все пространство, заглушенное густыми кустарниками, было расчищено, проложены дорожки, образованы клумбы, насыпаны партеры, сдѣланы дерновыя скамьи и т. п. Все это дѣлалось по планамъ и подъ руководствомъ специалистовъ этого дѣла. Желающихъ нанять мою дачу явилось множество и образовалось соперничество, весьма для меня выгодное; но на первый годъ, послѣ

окончания моей дачи, я отдалъ въ наемъ только нижній этажъ, а верхъ, заключавшій въ себѣ три или четыре уютныя и изящныя комнаты, занялъ самъ, такъ какъ семейство мое было въ это время въ Петербургѣ. 25-го іюля, въ день именинъ жены моеѣ, я задалъ на моей дачѣ кавказскій пиръ.

Впрочемъ, употребивъ множество хлопотъ на устройство моей каджорской дачи, я весьма мало ею пользовался и въ заключеніе радъ радешенекъ былъ, когда удалось мнѣ сбыть ее одному изъ богатыхъ туземцевъ, Тамамшеву...

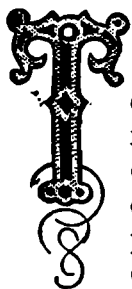
(Продолженіе слѣдуетъ).

Приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Александра I въ 1814 г.

II 1).

Торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ не могло не произвести радостнаго настроенія и въ первопрестольной столицѣ—Москвѣ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ шли совѣщанія высшихъ учреждений о принесеніи государю императору всеподданнѣйшей благодарности, сенаторы московскихъ департаментовъ Сената точно также составили чрезвычайное общее собраніе.

1814 года, апрѣля 29-го дня, пополудни въ 6 часовъ, вслѣдствіе предварительнаго соглашенія, прибыли въ общее собраніе московскихъ департаментовъ Сената сенаторы ¹⁾ и имѣли по этому случаю разсужденіе и единогласно заключили внести въ журналъ слѣдующее: «быстрые успѣхи російскаго оружія, отторгнувшіе отъ злобнаго врага Россіи тѣхъ союзниковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ проливали кровь россіянъ, знаменитыя побѣды въ Германіи и срединѣ самой Франціи, нако-

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, декабрь, 1897 г.

²⁾ Генералъ-отъ-инфантеріи и главнокомандующій въ Москвѣ графъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, дѣйствительные тайные совѣтники: Александръ Михайловичъ Лунинъ, князь Андрей Александровичъ Кольцовъ-Масальскій, Николай Ефимовичъ Мисоѣдовъ, Александръ Васильевичъ Алябьевъ; тайные совѣтники: Петръ Петровичъ Нарышкинъ, Алексѣй Ильичъ Мухановъ, князь Кирилъ Александровичъ Багратіонъ, Павелъ Степановичъ Руничъ, Василій Федоровичъ Козловъ, Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, Николай Ивановичъ Барановъ, Андрей Лаврентьевичъ Львовъ, Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ и князь Сергѣй Ивановичъ Гагаринъ.

ночь вступленіе въ Парижъ всемілостивѣйшаго государя нашего суть такія событія, которые на вѣки останутся незабвенными въ лѣтописяхъ міра, и вселюбивѣйшее имя Александра предадутъ позднѣйшему потомству.

«Давно-ль Москва, сей древній, первопрестольный градъ, былъ предметомъ всѣхъ усилій злобы и хищничества коварнаго Наполеона? Давно-ль являла она ужасное позорище кровопролитій и неистовства жестокаго властолюбца? И нынѣ Москва, сія мать градовъ, возноситъ вновь верхи свои, позлащенные твердостью и непоколебимымъ мужествомъ всеавгустѣйшаго нашего монарха и доблестью вѣрныхъ сыновъ Россіи; Москва, принеся себя въ жертву лютой врага, не купила собою не только спасеніе Россіи, но цѣлой Европы. Въ половинѣ 1812 года, когда безчисленные полчища Наполеона, подобно всеувлекающему потоку, стремились на гибель и поглощеніе Москвы, его императорское величество, среди шума бурь военныхъ, обратилъ отеческое свое воззваніе къ древней столицѣ, яко сердцу Россіи, и не замедлилъ стать среди пылающихъ любовью сыновъ отечества. Всѣмъ извѣстно, какими пожертвованіями ознаменовало привязанность свою къ престолу благородное російское дворянство и прочія сословія; всѣмъ извѣстно, какими чувствованіями любви преисполнены были сердца жителей Москвы при появленіи къ нимъ государя императора? Но всѣ сіи жертвованія, всѣ сіи усилія любви отечественной, колико ни были величественны сами по себѣ, не могли однако же противопоставить достаточнаго оплота пагубному стремленію Наполеона—и Москва пала. Одна токмо непоколебимая твердость духа нашего монарха превозмогла всѣ ухищренія злобы и избавила насъ отъ бѣды! И такъ надлежало быть Александру, чтобы совершить великій и безпримѣрный подвигъ спасенія Россіи и всей Европы. Среди сихъ происшествій, достойныхъ удивленія цѣлаго міра, какой россиянинъ не почувствуетъ въ сердцѣ своемъ цѣны сего благодѣянія? Какимъ изъявленіемъ чувствъ можетъ онъ воздать достойную дань благодаренія великому избавителю рода человѣческаго? Великіе подвиги Александра Перваго не требуютъ похвалъ. Они освящены событіями времени и сплели уже ему неувыдаемый вѣнецъ славы и бессмертія. Они превыше всѣхъ титуловъ, какіе когда-либо присвоены были мужамъ, прославленнымъ завоеваніями или мудрымъ управленіемъ своихъ народовъ; всякія выраженія будутъ слабы для изъясненія той благодати, которую оказалъ онъ всему роду человѣческому. Нельзя избобрѣсти, чѣмъ оправдать довѣренность великаго государя, которую онъ въ самыя трудныя времена благоволилъ оказать къ первопрестольному граду Москвѣ; недостаточно всякое чувство благоговѣнія, коимъ бы ознаменовалась вѣроподданническая преданность его волѣ. Но при всемъ томъ Сенатъ, преисполненный симъ чувствованіями къ своему велико-

душному государю, сему герою свѣта, почитаетъ приличнымъ, отъ лица своего и прочихъ сословій, поднести его императорскому величеству всеподданнѣйшее благодаренія за спасеніе Россіи и всей Европы.

«По такому разсужденіи господинъ главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ объявилъ, что, желая доставить лестный случай московскимъ дворянству и купечеству участвовать самымъ дѣломъ въ изъявленіи ихъ благоговѣйныхъ чувствованій къ безсмертнымъ подвигамъ всеавгустѣйшаго монарха, возвратившаго имъ прежнее благоденствіе и навсегда утвердившаго оное, онъ внесетъ въ общее собраніе Правительствующаго Сената отзвы обоихъ сихъ сословій. Въ заключеніе всего общее собраніе опредѣлило: для дальнѣйшаго разсужденія и окончательнаго положенія относительно поднесенія государю императору всеподданнѣйшей благодарности, собраться въ присутствіи Правительствующаго Сената 1-го мая въ 6 часовъ пополудни, разсужденія же двухъ господъ сенаторовъ: Голеннищева-Кутузова и Рунича, поступившія въ собраніе и изложенныя на бумагѣ, хранить при производствѣ.

Мнѣнія Голеннищева-Кутузова и Рунича были слѣдующія:

Сенатора Павла Голеннищева-Кутузова:

Когда не только Россія, торжествующая надъ врагами, превознесенная и поставленная на верхъ могущества и славы безсмертными подвигами великаго монарха своего, но и вся Европа, болѣе слава, весь міръ, восхищены, получивъ новую жизнь, новое бытіе отъ десницы самима Богомъ управляемаго Александра Перваго, паче всѣхъ земныхъ владыкъ величествомъ возсіявшаго!—то какіе триумфы, какіе вѣнцы, какія похвалы, какіе обеласки, какія изваднія величія его достойны? Какое названіе, какое нарѣченіе избрѣсти возможно и болѣе прилично, какъ имя Великаго? И кому оно принадлежитъ болѣе, нежели ему; ибо не лестно оно ему присвоивается, не малымъ числомъ голосовъ провозглашается, но дѣяніями его приобрѣтено, и милліоны народовъ, единогласныя души и уста Европы восклицаютъ: Александръ—Великъ! Отъ сѣвера до полудня, отъ востока до запада, всѣ народы, не только просвѣщенные, чувствующіе цѣну жизни и бытія, но и обитатели знойныхъ степей Африки и снѣгами покрытые дикари острововъ Лядистаго океана, должны признать, должны наименовать его Великимъ на всѣхъ языкахъ; ибо, ежели бы непобѣдимая рука Александра не низложила кровожаднѣйшаго общаго врага, то безпредѣльное сего тирана властолюбіе простерло бы желѣзный скиптръ его во всѣ четыре страны міра и въ необузданномъ стремленіи достигло бы всѣхъ народовъ, постигло бы всѣ племена земныя, разрушило бы ихъ благоденствіе, низвергнуло бы ихъ въ бездну воли, послыку безумному славолюбію сего чудовища и обладаніе вселенной казалося мало. Единный Александръ избавилъ цѣлый міръ.

А потому всѣми сердцами и устами нарѣченному Великимъ августѣйшему монарху вся Россія, чрезъ Правительствующій Сенатъ, яко органъ правды, яко оружіе всеобщаго гласа, обязана всеподданнѣйше его импера-

торское величество просить о принятіи титла Великаго, паче всѣхъ царей ему принадлежащаго и восторгами всего міра утверждаемаго. А ежели бы его императорское величество, по безпримѣрной его скромности и небесному смиренномудрію и отрекся отъ сего подносимаго ему Россією и вселенною именовапіа, тогда верховное судилище, яко провозвѣстникъ всякіа истинны и доблести, да преклонитъ благоговѣнно со всѣмъ отечествомъ колѣна предъ богоподобнымъ монархомъ, да умоляетъ его принять имя Великаго и на всѣхъ концахъ земли повторится: „Россіяне! вы исполнили обязанность благодарныхъ сыновъ отечества. Живи безчисленные годы ко благу всего міра, Александръ Первый, Александръ Великій“.

Мыслие тайнаго советника, сенатора и кавалера Рунича.

Быстрые успѣхи російскаго оружіа, отторгнушіе отъ злобнаго врага Россіи тѣхъ союзниковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ проливали кровь россіянъ, знаменитыя побѣды въ срединѣ самой Франціи и наконецъ вступленіе въ Парижъ всемілостивѣйшаго государя нашего суть такіа событія, которыя на вѣки останутся незабвенными въ лѣтописяхъ міра, и вселюбивѣйшее имя Александра предадутъ позднѣйшему потомству.

Давно-ль Москва, сей древній, первопрестольный градъ, былъ предметомъ всѣхъ усилій злобы и хищничества коварнаго Наполеона? Давно-ль являла она ужасное позорище кровопролитій и неистовства жестокаго властолюбца? И нынѣ Москва, сіа мать градовъ, возноситъ вновь верхи свои, позлащенные твердостью и непоколебимымъ мужествомъ всеавгустѣйшаго нашего монарха и доблестью вѣрныхъ сыновъ Россіи. Москва, принесла себя въ жертву лютости врага, искупила собою не только спасеніе Россіи, но цѣлой Европы.

Въ половинѣ 1812 года, когда безчисленныя полчища Наполеона, подобно всеувлекающему потоку, стремились на гибель и погложеніе Москвы, его императорское величество, среди шума бурь военныхъ, обратилъ отеческое свое воззваніе къ древней столицѣ, яко сердцу Россіи, и не замедлилъ стать среди пылающихъ любовью сыновъ отечества. Всѣмъ извѣстно, какими пожертвованіями ознаменовало привязанность свою къ престолу благородное російское дворянство и прочія сословія; всѣмъ извѣстно, какими чувствованіями любви пренсполнены были сердца жителей Москвы при появленіи къ нимъ государя императора. Но всѣ сіи жертвованія, всѣ сіи усилія любви отечественной, колико ни были величественны сами по себѣ, не могли однако же противопоставить достаточнаго оплота пагубному стремленію Наполеона—и Москва пала. Одна токмо непоколебимая твердость духа нашего монарха превозмогла всѣ ухищренія злобы и избавила насъ отъ бѣдъ. Игакъ надлежало быть Александру, чтобъ совершить великій и безпримѣрный подвигъ спасенія Россіи и всей Европы.

Среди сихъ происшествій, достойныхъ удивленія цѣлаго міра, какой россіянинъ не почувствуетъ въ сердцѣ своемъ цѣны сего благодѣанія? Какимъ изъявленіемъ чувствъ можетъ онъ воздать достойную дань благодаренія великому избавителю рода человѣческаго? Великіе подвиги Александра Перваго не требуютъ похвалъ. Они освящены событіями времени и сплели уже ему неувадаемый вѣнецъ славы и безсмертіа. Всякія выраженія будутъ слабы для изъясненія той благодати, которую оказалъ онъ всему роду человѣческому

Но какъ россиянинъ, какъ житель древней столицы, имѣющій честь засѣдать въ Правительствующемъ Сенатѣ, я осмѣливаюсь спросить: чѣмъ же оправдаемъ мы довѣренность великаго государя нашего, которую онъ въ самыя трудныя времена благоволилъ оказать къ первопрестольному граду Москвѣ? Какимъ чувствомъ благоговѣнія ознаменуемъ мы вѣрноподданческую нашу преданность его волѣ? Покореніе сердець народовъ иноплемennыхъ, устремлявшихся нѣкогда на истребленіе владычества Россіи, великодушіе, какому въ бытописаніяхъ нѣтъ примѣра, великодушіе, подвигнувшее тѣ же народы къ низложенію ига всеобщаго притѣснителя, превосходятъ, конечно, всякое описаніе и не имѣютъ названій. Но кому же приличнѣе, какъ не самой Москвѣ, средоточію Россіи, изъявить сему великодушному государю, сему герою свѣта свои чувствованія? Преполненный ими, я беру смѣлость представить мое мнѣніе, чтобъ отъ лица Правительствующаго Сената и прочихъ сословій поднесено было его императорскому величеству всеподданнѣйшее благодареніе за спасеніе Россіи и всей Европы.

Я поставляю обязанностью присовокупить, чтобы постановленіе общаго собранія московскихъ Правительствующаго Сената департаментовъ препровождено было въ Государственный Совѣтъ и общее собраніе Правительствующаго Сената с.-петербургскихъ департаментовъ, на общее уваженіе по высокому предмету сему съ нарочнымъ курьеромъ.

1-го мая, пополудни въ 6 часовъ, прибыли въ общее собраніе Правительствующаго Сената московскихъ департаментовъ господа сенаторы ¹⁾).

Господинъ сенаторъ и главнокомандующій въ Москвѣ графъ Ѳеодоръ Васильевичъ Ростопчинъ объявилъ: «московское дворянство, съ древнѣйшихъ временъ гордясь справедливо отличіями и благоволеніемъ царей російскихъ, поставляетъ для себя нынѣ священнымъ, вѣрноподданческимъ долгомъ въ то время, когда премудрость, мужество, великодушіе и твердость духа Александра уничтожаютъ Наполеона, спасаютъ Европу, возстановляютъ царства и прославляютъ на вѣки Россію, принести его императорскому величеству единодушную благодарность за совершеніе спасительнаго для міра подвига, надѣясь, что вѣрность и преданность къ престолу сословія дворянскаго обратятъ вниманіе и удостоится милостиваго воззрѣнія великаго государя на изъявленіе неліцемернаго чувства душъ, имъ оживленныхъ, и что другое поднести можетъ покрытое славою отечество отцу, коего дѣянія, на поприщахъ брани и добродѣтели, не являютъ въ событіяхъ всѣхъ протекшихъ

¹⁾ Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ Ростопчинъ, Александръ Михайловичъ Лунинъ, князь Андрей Александровичъ Кольцовъ-Масальскій, Николай Ефимовичъ Масоѣдовъ, Александръ Васильевичъ Алябевъ, Петръ Петровичъ Нарышкинъ, Алексѣй Ильичъ Мухановъ, князь Кирилла Александровичъ Багратионъ, Павелъ Степановичъ Руничъ, Василій Ѳеодоровичъ Козловъ, Павелъ Ивановичъ Голенщевъ-Кутузовъ, Николай Ивановичъ Барановъ, Андрей Лаврентьевичъ Львовъ, Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ и князь Сергѣй Ивановичъ Гагаринъ.

вѣковъ не токмо подобнаго, но даже и похожаго? Московское купечество, будучи одушевляемо такими же чувствованіями вѣроподданническаго усердія и любви къ престолу, предоставило ему, главнокомандующему, изъявленіе глубочайшаго своего благодаренія всемилостивѣйшему государю довести до свѣдѣнія куда слѣдуетъ; что исполняя, онъ, господинъ сенаторъ, отзывы московскаго дворянства и купечества представляетъ на уваженіе Правительствующаго Сената, присовокупляя, что и онъ согласенъ съ тѣмъ положеніемъ, которое по предмету сему состоялось въ прошедшемъ общемъ собраніи.

Въ представленіи къ нему, господину главнокомандующему, московскаго дворянства отъ предводителей губернскаго и уѣздныхъ значить: «московское благородное дворянство, бывъ пренсполнено чувствованіями благоговѣнія къ безпримѣрнымъ въ лѣтонисяхъ міра подвигамъ всеавгустѣйшаго монарха своего Александра Перваго, твердостью духа и ему единому свойственною благостью возвратившаго первопрестольному граду Москвѣ прежнее благоденствіе ея, нарушенное бывшимъ владѣтелемъ Франціи, доставившаго спасеніе Россіи, всей Европѣ и цѣлому свѣту, горитъ единымъ желаніемъ принести его императорскому величеству всеподданнѣйшее благодареніе. Предводители, бывъ движимы такимъ общимъ и собственнымъ своимъ рвеніемъ, просятъ его, господина главнокомандующаго, чтобъ изыскалъ для московскаго дворянства способъ изъяснить предъ лицомъ всемилостивѣйшаго государя тѣ безпредѣльныя чувствованія вѣроподданническаго благоговѣнія, каковымъ оно пренсполнено къ священной особѣ его императорскаго величества».

Московское купеческое сословіе, въ прошеніи къ нему же, господину главнокомандующему, изъясняетъ слѣдующее: «сіе сословіе, удостоенное неоднократно высочайшаго благоволенія государя императора, запечатлѣвая въ сердцѣ каждого изъ членовъ своихъ на вѣки милость монарха, какъ при радостнѣйшемъ событіи, ознаменованномъ исторженіемъ изъ предѣловъ любезнѣйшаго отечества врага иноплемяннаго, желавшаго поработить оное, такъ и нынѣ конечнымъ истребленіемъ въ предѣлахъ собственной его державы и занятіемъ самой столицы ея, признаетъ съ благоговѣніемъ въ лицѣ избавителя всей Европы, божественнаго помазанника Россіи, всеавгустѣйшаго государя императора Александра Павловича, мужествомъ, мудростью и великодушіемъ всемірнаго врага поборовшаго, утвердившаго незыблемо славу Россіи и спасшаго многіе народы, изъ коихъ и самый непріязненный побѣжденъ въ чувствованіяхъ своихъ безпримѣрною кротостью его величества. Желая изъяснить вѣроподданническую благодарность спасителю Европы, всемилостивѣйшему государю, отцу отечества за тѣ попеченія, твердость и неутомимость, кои въ совершеніи столь важныхъ происшествій

на каждомъ шагу предстояли, купеческое сословіе просить его, господина главнокомандующаго въ Москвѣ, повергнуть всеподданнѣйшія чувствованія московскаго купеческаго сословія къ освященнымъ стопамъ его императорскаго величества, чѣмъ удостоится оно, при стремленіи своемъ, раздѣлить съ соотечественниками своими общую признательность къ великому монарху».

По соображеніи таковыхъ желаній московскихъ дворянства и купечества съ разсужденіемъ Сената, записаннымъ въ журналѣ 29-го апрѣля, общее собраніе заключило: поднести его императорскому величеству всеподданнѣйшее представленіе слѣдующаго содержанія:

«Быстрые успѣхи россійскаго оружія, отторгнувшіе отъ злобнаго врага Россіи тѣхъ союзниковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ проливали кровь россіянъ; знаменитыя побѣды въ Германіи и срединѣ самой Франціи; наконецъ вступленіе вашего императорскаго величества въ Парижъ суть такія событія, которыя на вѣки останутся незабвенными въ лѣтописяхъ міра, и вселюбивѣйшее имя твое, всемилостивѣйшій государь, предадутъ позднѣйшему потомству. Давно-ль Москва, сей древній, первопрестольный градъ, былъ предметомъ всѣхъ усилій злобы и хищничества коварнаго Наполеона? Давно-ль являла она ужасное позорище кровопролитій и неистовства жестокаго властолюбца? И нынѣ Москва, сія мать градовъ, возноситъ вновь верхи свои, позлащенные твердостью и непоколебимымъ мужествомъ твоимъ, всеавгустѣйшій монархъ, и доблестью вѣрныхъ сыновъ Россіи. Москва, принеся себя въ жертву лютой врага, искупила собою не только спасеніе Россіи, но цѣлой Европы. Въ половинѣ 1812 года, когда безчисленныя полчища Наполеона, подобно всеувлекающему потоку, стремились на гибель и поглощеніе Москвы, ваше императорское величество, среди шума бурь военныхъ, обратили отеческое свое воззваніе къ древней столицѣ, яко сердцу Россіи, и не замедлили стать среди пылающихъ любовью сыновъ отечества. Всѣмъ извѣстно, какими пожертвованіями ознаменовало привязанность свою къ престолу благородное россійское дворянство и прочія сословія. Всѣмъ извѣстно, какими чувствованіями любви преисполнены были сердца жителей Москвы при твоёмъ появленіи къ нимъ, всемилостивѣйшій государь! Но всѣ сіи пожертвованія, всѣ сіи усилія любви отечественной, колико ни были величественны сами по себѣ, не могли однако же противопоставить достаточнаго оплота пагубному стремленію Наполеона и Москва пала. Одна токмо непоколебимая твердость духа Твоего превозмогла всѣ ухищренія злобы и избавила насъ отъ бѣды! Итакъ Тебѣ, всеавгустѣйшій монархъ, надлежало быть, чтобъ совершить великій и безпримѣрный подвигъ спасенія Россіи и всей Европы.

«Всемилолюбивѣйшій государь! Среди снхъ происшествій, достойныхъ удивленія цѣлаго міра, какой россіанинъ не почувствуетъ въ сердцѣ

своемъ цѣны сего благодѣянія? Какимъ изъявленіемъ чувствъ можетъ ояъ воздать достойную дань благодаренія Тебѣ, великій избавитель рода человѣческаго? Великіе подвиги Твои не требуютъ похвалъ. Они освящены событіями времени и сплели уже Тебѣ неувыдаемый вѣнецъ славы и безсмертія. Они превыше всѣхъ титуловъ, какіе когда-либо присвоены были мужамъ, прославленнымъ завоеваніями или мудрымъ управленіемъ своихъ народовъ. Всякія выраженія будутъ слабы для изясненія той благодати, которую оказалъ Ты, всемилостивѣйшій государь, всему роду человѣческому. Нельзя избрѣсти, чѣмъ оправдать довѣренность, каковую ваше императорское величество въ самыя трудныя времена благоволили изъяснить къ первопрестольному граду Москвѣ; недостаточно всякое чувство благоговѣнія, коимъ бы ознаменовалась вѣрноподданическая преданность наша Твоей, великій государь, волѣ; но при всемъ томъ Сенатъ, преисполненный сими чувствованіями къ Тебѣ, великодушный государь, герой свѣта, всеподданнѣйше просить дозволить всемилостивѣйше изъ среды его предстать предъ освященную особу Твою депутатамъ для изъясненія, отъ лица Сената, также московскаго дворянства и купечества, одушевляемыхъ одинаковыми чувствованіями усердія и любви къ престолу, глубочайшаго благодаренія за спасеніе Россіи и всей Европы».

«Такое представленіе для поднесенія его императорскому величеству препроводить къ господину министру юстиціи чрезъ господина оберъ-прокурора графа Кутайсова съ нарочнымъ курьеромъ, для чего и дать ему, господину оберъ-прокурору, съ сего журнала копию».

Постановленія эти, 5-го мая 1814 года, были представлены графомъ Кутайсовымъ министру юстиціи, который внесъ ихъ, вмѣстѣ съ приложеніями, въ комитетъ министровъ, испрашивая разрѣшенія: какой дать ходъ акту общаго собранія московскихъ департаментовъ и какой сдѣлать означенному собранію отзывъ.

Комитетъ министровъ, по выслушаніи, въ засѣданіи 12-го мая 1814 года, записки министра юстиціи о сдѣланномъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената постановленіи разсудилъ: что, какъ здѣсь, въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената, Святейшаго Синода, Государственнаго Совѣта и комитета министровъ сдѣлано уже постановленіе о принесеніи его императорскому величеству всеподданнѣйшей благодарности отъ лица всего російскаго народа и депутаты отправились, то тѣмъ самымъ и предварено похвальное побужденіе московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, а потому и признается уже несовмѣстнымъ отправлять отъ нихъ особую депутацію, тѣмъ наче, что сіи департаменты Сената принадлежать къ здѣшнимъ и вмѣстѣ составляютъ одно государственное сословіе. По симъ уваженіямъ комитетъ положилъ: «всѣ выше-

помянутыя бумаги, доставленныя къ министру юстиціи, приобщить къ производству по сему же предмету, а объ усердіи московскаго Сената довести симъ журналомъ до высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія, о чемъ и предоставить министру юстиціи сообщить въ московскіе департаменты Правительствующаго Сената; что же касается до изъявленнаго тамошними дворянствомъ и купечествомъ желанія участвовать въ принесеніи государю императору благодарности своей, то комитетъ предоставилъ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ дать имъ знать чрезъ главнокомандующаго въ Москвѣ, что хотя они и по положенію здѣшняго общаго собранія въ томъ участвуютъ, но сверхъ того могутъ къ возвращенію государя императора, такъ какъ здѣсь готовится торжественная встрѣча, прислать сюда для поздравленія его величества своихъ депутатовъ, испросивъ на то предварительно дозволеніе на основаніи общихъ правилъ чрезъ министерство полиціи».

Министръ юстиціи, сообщивъ оберъ-прокурору 1-го отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената о такомъ постановленіи комитета, вмѣстѣ съ тѣмъ далъ знать, что присланные къ нему акты приобщены, въ память потомству, къ постановленіямъ, состоявшимся въ чрезвычайномъ собраніи верховныхъ правительствъ въ С.-Петербургѣ.

13-го мая 1814 года главнокомандующій въ С.-Петербургѣ генералъ Вязмитиновъ о постановленіи чрезвычайнаго собранія далъ знать циркулярно всѣмъ начальствующимъ въ губерніяхъ, поручивъ имъ привести оное въ исполненіе, а 20-го іюня оберъ-гофмейстеръ графъ Литга препроводилъ къ министру юстиціи проектъ церемоніала торжественной встрѣчи государя императора при случаѣ благополучнаго возвращенія его въ столицу.

Празднованіе предполагалось раздѣлять на три дня: въ первый—встрѣча императора при вѣздѣ въ городъ и шествіе до Казанскаго собора и оттуда въ Зимній дворецъ; во второй день—молебствіе въ дворцовой церкви, и наконецъ въ третій день—торжественное молебствіе въ Казанскомъ соборѣ.

Между тѣмъ, императоръ Александръ, узнавъ о дѣлавшихся приготовленіяхъ къ встрѣчѣ, прислалъ генералу Вязмитинову слѣдующій рескриптъ, сообщенный имъ 7-го іюля 1814 года, въ копіи министру юстиціи:

«Сергѣй Козьмичъ! Дошло до моего свѣдѣнія, что дѣлаются разныя приготовленія къ моей встрѣчѣ. Ненавиди оныя всегда, почитаю ихъ еще менѣе приличными нынѣ. Единъ Всевышній причиною знаменитыхъ

пронсшествій, довершившихъ кровопролитную брань въ Европѣ. Предъ Нимъ всѣ должны мы смириться. Объявите повсюду мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и приемовъ для меня не дѣлать. Пошлите повелѣнія къ губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для сего предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія» ¹⁾).

Въ письмѣ своемъ къ министру юстиціи Вязмитиновъ сообщилъ также о томъ, что комитетъ министровъ, по выслушаніи означеннаго высочайшаго повелѣнія, положилъ: ежели гдѣ въ губерніяхъ и дѣлались какія-либо приготовленія, то оныя уничтожить.

24-го іюля 1814 года Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ собрались опять въ чрезвычайное собраніе для выслушанія послѣдовавшаго по тому же предмету высочайшаго указа, внесеннаго въ собраніе однимъ изъ посланныхъ къ его императорскому величеству отъ сихъ сословій депутатовъ, генераломъ -отъ-кавалеріи Тормасовымъ ²⁾, и по выслушаніи этого указа постановили: 1) Принести всѣмъ собраніемъ лично достоюлжную благодарность его императорскому величеству за высоко-монаршее изъясненіе отеческой любви его къ вѣрноподданнымъ, испрося на то предварительно всемилостивѣйшее дозволеніе, посредствомъ господина министра юстиціи. 2) Во исполненіи высочайшей воли, принятіе добровольныхъ приношеній на сооруженіе памятника и тисненіе медали отмѣнить, о чемъ предоставить господину главнокомандующему въ Санктъ-Петербургѣ и господину министру народнаго просвѣщенія сдѣлать свои распоряженія. 3) Оный высочайшій указъ, какъ новый залогъ высоко-монаршаго къ народу своему благоволенія, равно и всеподданнѣйшее прошеніе сими тремя сословіями отъ лица торжествующей Россіи поднесенныя, съ предварительнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, по коимъ оно послѣдовало, объявить во всенародное извѣстіе. 4) Подлинный указъ, вмѣстѣ съ производствомъ чрезвычайнаго собранія и московскихъ Сената департаментовъ по сему же случаю, хранить въ память потомству въ особомъ ковчегѣ при общемъ собраніи.

11-го августа того же 1814 года, генералъ Вязмитиновъ разослалъ къ начальствующимъ въ губерніяхъ лицамъ циркулярное предписаніе объ отмѣнѣ сдѣланныхъ имъ циркуляромъ отъ 13-го мая распоряженій по сбору добровольныхъ приношеній на сооруженіе памятника и тисненіе медали.

А. В. Безродный.

¹⁾ Полн. Собр. Зак., № 25617.

²⁾ Текстъ указа см. въ Полн. Собр. Закон., № 25629.

Открыта подписка на 1898 годъ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣятія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики и общественной жизни. 3. Обзорныя газеты и журналы. 4. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Последнія новостя (сообщеніе собственнымъ петербургскимъ корреспондентовъ и новостя другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. «Свѣтъ и Тѣнь» (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти о юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и новостя другихъ газетъ. 11. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и новостя другихъ газетъ. 12. Вѣщія новостя, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. 14. Судебная хроника. 15. Критика и библиографія. 16. Сибирь. 17. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенія къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. 21. Стороннія сообщенія. 22. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ новостя изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1898 Г.

съ пересылкой иногороднимъ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 80 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Съ конца текущаго 1897 года «Южный Край» будетъ печататься въ увеличенномъ размѣрѣ на новой ротационной машинѣ, заказанной въ Парижѣ, которая даетъ до 20.000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

4 Р. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г. 14-й годъ издавнн. **ВОЗВРАЩАТЬСЯ ВЪЗТА.** 4 Р. издавнн.

14-й годъ **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г.** 14-й годъ издавнн.
на ежедельный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

50 ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ЛЕЪ въ годѣ, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленныя рисунки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. П. Максимъ-Сибирякъ, Вас. Изв. Пемзиревъ-Давыенко, Н. П. Карзинга, К. М. Станковичъ, Н. П. Боголюбовъ, А. П. Рренъ, С. Р. Циммерманъ, К. Кап-Рокъ, Н. А. Чогожковъ, А. В. Павловъ, С. Д. Загорскій, К. В. Песеловъ (вызвѣтныя путешествіи) и др.

Кромѣ того, годовые подписчики, при доплатѣ одного рубля, получаютъ 2 роскошныхъ премій, состоящихъ изъ 2-хъ большихъ художественныхъ картинъ (географій), разнородъ 20¹/₂ в. въ длину и 13¹/₂ в. въ ширину, исполненныхъ въ 28 красокъ въ артистическомъ заведѣніи бр. Кадфахъ въ Берлинѣ, съ оригиналовъ:

- 1) Проф. Ю. КЛЕВЕРА „Зимній вечеръ въ деревнѣ“ 2) Акад. К. ЛЕВЕДЕВА „Отдыхъ на околлинной охотѣ“.

Оригиналы этихъ картинъ специально заказаны для премій 1898 года.
Всѣ подписчики получаютъ бесплатно 12 томовъ съ иллюстраціями лучшихъ заграничныхъ художниковъ собранія романовъ Жюль Верна.

Переводъ сдѣланъ съ полныхъ французскихъ подлинниковъ, лучшихъ русскихъ переводчиками, безъ всякихъ поправленій и сокращеній. Въ 1898 г. будутъ выданы следующие романы: **Путешествіе капит. Гаттераса 1 т., Путешествіе на луны 1 т., Возвратъ Луны 1 т., Пять недель на воздушномъ шарѣ 1 т., Страна пушныхъ зверей 2 т., Ледяной оленій 2 т., Черная Индія 1 т., Южная звезда 1 т., Архипелагъ въ огнѣ 1 т., Паровой домъ 1 т., Форматъ приключеній съ 1897 г. значительно увеличился. Подписчики, желающіе получить продолженія журнала „Вокругъ свѣта“ съ приложеніемъ за 1898 г., еще собраніе романа-новъ соч. Жюль Верна, выданные въ 1897 г. и состоящее изъ 12 т., заключающія въ себѣ следующие романы: 60,000 верстъ подъ водою 1 т., Азия капитана Гранта 3 т., Таинственный островъ 3 т., Путешествіе къ центру земли, Зеленыя луга, Вокругъ свѣта въ 80 дней. Воздушный корабль. Вверхъ дномъ—долждачники въ подлинной цѣнѣ съ доставкой и пересылкой только 2 рубля.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: НА ГОДЪ съ сборомъ соч. Жюль Верна, съ доставкой и пересылкою 4 р. Делается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и 1-му іюня по 1 р. За премію—при последнемъ выносѣ. Иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Издательскія ворота К. Титова.

Кромѣ того, подумая принимать во всѣхъ мѣстахъ издательствъ Москвитинъ, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъдается въ продажѣ въ вышесказанныхъ мѣстахъ Товариществомъ И. Д. Сытина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г.

ИЗДАЕТСЯ СЪ 1889.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

5 руб. безъ доставки въ Спб. **НА ГОДЪ**; съ дост. и перес. во всѣ города Россіи **ШЕСТЬ** руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1 Февраля 1 руб., къ 1 Мая 1 руб. и къ 1 Юля остальные. **Пробный №** высыл. за 7 к. марку.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№, каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 стран. плотной печати) заключаетъ въ себѣ разнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала „польза и развлеченіе“. Редакція тщательно избываетъ все, что отзывается сухостью, все, что можетъ наводить скуку на читателя.

12 ВЫПУСКОВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ „ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ“, сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго географа Фр. Гельвальда. Большаго формата, на лучшей бумагѣ, съ массою художественныхъ рисунковъ. Давая столь роскошное изданіе, Редакція увѣрена, что подписчики вполне оцѣнятъ подобное приложеніе, которое въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 5 руб.

И КРОМЪ ТОГО **НОВОЕ ВЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ**

ДВѢНАДЦАТЬ томовъ сочиненій

ФЕНИМОРА КУПЕРА

Объемомъ каждый отъ 200 до 240 стран., большаго формата, убористой печати.

1. Затробои. 2. Слѣдопытъ. 3. Послѣдній изъ могиканъ. 4. Понеры. 5. Прерія.
6. Блуждающій огонь. 7. На сушѣ и на морѣ. 8. Хижины на холмѣ. 9. Краснокоміе.
10. Красный корсаръ. 11. Колонія на кратерѣ. 12. Птицаль моря.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ № 12.

Издатель П. Сойкинъ.—Редакторъ Ф. Груздевъ.

3—2 *

ОТВЕРТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Издается съ 1885 г.

5 рублей безъ доставки. 6 рублей съ доставкой и пересылкой

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

Подъ редакцію

А. И. Поповицкаго и при участіи

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ представляет собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1898 ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

52	иллюстрированныхъ №№ Каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большаго формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художествен. рис.	12	ЕЖЕМЕСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изданныхъ отпечатанныхъ на плотной бумагѣ объемомъ каждая 10—12 листовъ (160—200 стран.)
-----------	--	-----------	--

И КРОМЪ ТОГО **БЕЗПЛАТНО** ИСПОЛНЕННАЯ НА МЕТАЛЛѢ **ВЪ 12 КРАСОКЪ**

РАЗМѢРОВЪ 5×6 ВЕРШКОВЪ ВЪ РЕЛЬЕФНОЙ ЗОЛОЧЕНОЙ РИЗѢ

Копія съ чудотворной

ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ ВОГОРОДИЦЫ

Въ 12 книжкахъ «РУССКАГО ПАЛОМНИКА» будетъ дано:

1) На каждый день. Сказанія изъ жизни святыхъ православной церкви восточныхъ и русскихъ, народныя обычаи, повѣрья, обряды, легенды и преданія, 1-е полугодіе, мѣсяцы январь—іюнь. И. Ф. Тюменева. 2) Последніе дни Іерусалима. Историческая повѣсть Д. Л. Мордочева. 3) Книга бытій моего. Извлеченіе изъ воспоминаній о Востокѣ епископа Порфирія Успенскаго. 4 и 5) Ассиній подвиги. Графини Багреевой-Сперанской 6) Последніи апостола Павла. Живанъ и дѣятельность великаго апостола языковъ. А. Александрова. 7) На каждый день. 2-е полугодіе мѣсяцы іюль—декабрь И. Ф. Тюменева. 8) Пророчица Соломея. Историческая повѣсть изъ быта поволжскихъ раскольниковъ. С. Воронина. 9) Путешествіе антиохійскаго патріарха Манарія въ Москву въ XVII в. Перев. съ арабскаго проф. Г. А. Муркоса. 10) Защитники христіанства. (апологеты). Проф. И. В. Реверсова. 11) Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ Ф. Е. Шеляговскаго, 12) Святые Придѣльцовъ. Очерки и рассказы изъ путешествій по св. обителямъ Юга. С. Л. Астафьева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ** безъ доставки въ Спб. пять р.

Съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **ШЕСТЬ** руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му августа 1 руб., къ первому іюня 1 руб. и къ 1-му августа остальные.

Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 коп. марку.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

Екатери́нбургъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

Перской губ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„УРАЛЪ“

ГАЗЕТА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ — внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскою и золотопромышленною дѣла.* 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла и всѣ касающіяся его извѣстія, какъ русскія, такъ и заграничныя.* 6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7) Обзорніе событій общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обзорніе газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библиографическіе отрывки о появляющихся въ Россіи и заграничій книгъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусства, ремесла и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о движеніи акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

„Уралъ“, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской такъ и заграничной жизни, по скольку послѣдняя касается Россіи, будетъ посвященъ также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывагъ этими отдѣлами будутъ приглашены специалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты „Уралъ“ будутъ получать Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми биллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковыя же биллетены будутъ высылаться со слѣдующимъ номеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкою:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ .	8 р. — к.
а полгода .	4 р. — к.	На полгода .	4 р. 50 к.
на три мѣсяца .	3 р. 50 к.	На три мѣсяца .	2 р. 75 к.
		На одинъ мѣсяць .	1 р. — к.

Допускается разсрочка — при подпискѣ — 3 руб., къ 1 мая — 3 руб., и къ 1 сентября — 3 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ — въ конторѣ редакціи „Урала“.

Издатель В. Г. Чеканъ.

За редактора П. И. Птокинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
Ч Т Е Н І Я
ВЪ
Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. Россіи съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, безплатно доставляемомъ желающимъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

ХІ-й годъ изданія „СЪВЕРЪ“ ХІ-й годъ изданія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ,
выходящій подъ редакціей А. А. Коринфскаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе: М. Н. Альбовъ, А. В. Амфитеатровъ, К. С. Бармацевичъ, П. В. Быковъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Е. Заринъ, А. В. Крауцъ, М. А. Лехницкая, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. А. Михайловскій, проф. Н. А. Орловъ, М. Н. Поталенко, гр. Е. А. Саласъ, В. Я. Свѣтловъ, К. М. Случевскій, проф. Н. В. Сорокинъ, Вл. А. Тихоновъ, кн. Э. Э. Ухтомскій, И. М. Феофановъ, Ант. П. Чеховъ, О. М. Чюмина, И. Л. Щегловъ и др. извѣст. писатели,

Въ 1898 году подписчики журнала „Съверъ“ получаютъ:

52 №№ богато иллюстрированного журнала, изъ которыхъ съ **12 №№** цвѣтными рис. извѣстн. русск. и иностранныхъ худож.

52 №№ еженедѣльной газеты „СЪВЕРЪ“ (въ форматѣ газетнаго листа убористой печати).

12 томовъ Библіотеки „Съвера“, каждый томъ — объемомъ 160 до 240 стр. плот. шрифта, въ которомъ будетъ дано

СОБРАНІЕ НОВѢЙШИХЪ РОМАНОВЪ

ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА:

1) „БЕЗЪ ДОГМАТА“, ром. въ 3 ч. 2) „СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ“, ром. въ 2 ч. 3) „QUO VADIS?“ („Камю грядеши?“), историч. ром. въ 11 ч. 4) „КРЕСТОНОСЦЫ“, больш. историч. ром. Этими произведеніями знаменитый писатель создалъ себѣ во всемірной литературѣ громкое имя.

Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб.

12 №№ еженедѣльнаго журнала **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**, совокупствомъ разнообразныхъ рисунковъ въ текстѣ.

12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваній, рукодѣлій, монограммъ, съ пояснительнымъ текстомъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ.

12 №№ еженедѣльнаго журнала „ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО“.

КРОМЪ ВСЕГО ЭТОГО, ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ „СЪВЕРА“ ПОЛУЧАЮТЪ БЕЗПЛАТНО

РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ:

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій

ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

Къ альбому будутъ приложены: 1) портретъ И. С. Тургенева, 2) вступительная статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литературно-художественная дѣятельность этой главной на 1898 г. архивъ журнала „Съверъ“ выпускавшаго уже свои художественные альбомы къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится вѣдъ всякаго сомнѣнія.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями и преміями.

6 р.	на годъ безъ достав- ки въ С.-Петербургѣ	7 р.	съ достав. и перес. во всѣ города Россіи; за грани- ду на годъ 11 р.	На 6 м. съ дост. и пер. 3 р. 50 к
				" 3 " " " " 1 " 75 "
				" 1 " " " " " 60 "

Подписка адресуется въ Главную контору журнала „Съверъ“ (СПБ., Екатерининская д. № 4) на имя издателя Н. О. Мертца.

Открыта подписка на 1898 годъ.

80-й годъ изд.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Въ настоящее время „Всемирная Иллюстрація“ занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ изданій Европы.

Всемирная иллюстрація даетъ въ годъ болѣе тысячи художественно выполненныхъ рисунковъ и болѣе трехъ тысячъ столбцовъ разнообразнѣйшаго текста.

Всемирная иллюстрація заручилась участіемъ павѣстныхъ писателей и художниковъ.

Годовая цѣна: въ С.-Петербур. безъ дост. 15 р., съ дост. 17 р., съ перес. во всѣ города имперіи 18 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы книгоиздательства Германъ Гоппе высылаются по требованію безплатно.

Превзошедшій всякія ожиданія успѣхъ экстренныхъ приложеній ко «Всемирной Иллюстраціи» прошлыхъ лѣтъ—Стихотвореній Кольцова, „Книги иѣсенъ“, Гейне, „Пѣсенъ Беранже“, „Сочиненій графа Л. Н. Толстого“ и „Натана Мудреца“ Лессинга—побуждаетъ ее предложить подписчикамъ на будущій—1898 г. два подарка какъ бы въ рандангъ къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ; «Всемирная Иллюстрація» дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ всемирной и русской литературѣ:

«Ф А У С Т Ъ»

трагедія І. В. Гёте съ многочисленными иллюстраціями первоклассныхъ германскихъ художниковъ въ стихотворномъ одобренномъ и исправленномъ самимъ Пушкинымъ, переводѣ Э. И. Губера и

ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

съ великогѣнными иллюстраціями выдающихся русскихъ художниковъ.

Въ это изданіе войдетъ около десяти крупныхъ произведеній Лермонтова. Такая премія должна много говорить сердцу русскаго человѣка, который готовъ перечитывать перлы поэзии Лермонтова.

Кромѣ того „Всемирная Иллюстрація“ даетъ:

ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: С.Петербургъ, Садовая 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ежемесячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста
ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Съ приложениемъ «Педагогическаго Листка» для родителей и учителей на 1898 г.
(ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Дѣтское Чтеніе“ разрѣшенъ въ выпискѣ въ ученическія бібліотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народная бібліотеки и читальни; журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» помѣщаются: а) повѣсти, рассказы и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады и проч.

При журналѣ «Дѣтское Чтеніе» издается „Педагогическій Листокъ“, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 4-до 6 листовъ. Большая часть статей „Педагогическаго Листка“ посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и народному образованію.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ помѣщаются періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и въ „Педагогическомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Альбовъ М. Н.—Баранцевичъ К. С.—Вагнеръ М. П.—Вагнеръ В. А.—Величко В. Л.—Гиляровскій В. А.—Глинскій Б. Б.—Гольцовъ В. А.—Гославскій Е. П.—Дрожжинъ С. Д.—Ельницкій.—Ермиловъ В. Е.—Засодимскій П. В.—Зенченко С. В.—Ивановъ И. И.—Кашкинъ Н. Д.—Кизветтеръ А. А.—Карелинъ М. Т.—Коропчевскій Д. А.—Лавровъ В. М.—Ладимженскій В. Н.—Лукашевичъ К. В.—Маминъ-Сибирякъ Д. Н.—Мачтетъ Г. А.—Медвѣдевъ Л. М.—Мечъ С. П.—Михаловскій Д. Л.—Михѣевъ В. М.—Мордовцевъ Д. Л.—Невѣжинъ П. М.—Немировичъ-Данченко В. И.—Немировичъ Данченко В. И.—Николаева М. К.—Оболевскій Л. Е.—Ануфриевъ В. И.—Острогорскій А. Н.—Острогорскій В. П.—Потапенко И. Н.—Рубакинъ Н. А.—Семеновъ Д. Д.—Семенова С. Т.—Сергѣенко П. А.—Сизова А. К.—Свабическій А. М.—Слѣпцова М. Н.—Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Станюковичъ К. М.—Свѣтловскій Е. В.—Чеховъ А. П.—Эварницкій Д. И.—Федоровъ-Давыдовъ А. А. Въ художественномъ отдѣлѣ: Бемъ Е. М.—Даньковичъ М. М.—Андреевъ В. И.—Гугунава И. Г.—Конюсъ Ю. Э.—Коровичъ С. А.—Максимовъ В. М.—Чичаговъ К. И.—Степановъ А. С.—Хохряковъ и др.

Въ 1898 году между прочимъ будутъ напечатаны: большая повѣсть И. Н. Потапенко „Два таланта“; повѣсть П. А. Сергѣенко „Сестра Милосердія“; Д. Н. Маминъ-Сибирякъ „Свѣтлячки“,—миниатюры изъ жизни природы; рассказы Е. С. Баранцевича, К. М. Станюковича, Е. П. Гославскаго, И. И. Иванова «Вальтеръ Скоттъ» біографическій очеркъ; Д. А. Коропчевскаго историко-культурнаго и географическіе очерки; Б. Б. Глинскаго, историческіе очерки, и др.

Подписная цѣна на годъ:

Безъ доставки 5 р. | Съ доставкой и пересылкою во всѣ г. Россіи. 6 р. | За границу 8 р.

На полгода—3 руб., на четверть года—1 руб. 50 коп.

Плата за объявленія въ журналѣ: за страницу 20 р. за полстраницы 30 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица, д. Гиршмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. (Книгопродавцы пользуются усткой 30 к. съ экземпляра).

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Открыта подписка на 1898 годъ на СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

журналъ литературно-научный и политическій.

Въ книжкозѣ «Сѣв. В.» 1898 г. будутъ напечатаны повѣсти В. Мишуличъ, В. Немировича-Данченко, О. Шапиръ; „СОВРЕМЕННАЯ НАУКА“ Карпентера, съ введеніемъ г. Л. М. Толстого, „О ГУБЕРНАТОРАХЪ“ прив.-доц. В. Гессена, „ПРОЕКТЪ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ“ проф. И. Фойницкаго, „МИЦКЕВИЧЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО“ В. Чуйко, „РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ ЗАП. ЕВРОПѢ“ И. Райхсберга и мн. др.; въ приложеніи къ журналу будетъ данъ переводъ книги проф. Штаммлера: „ХОЗЯЙСТВО И ПРАВО СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРИИ“.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Арешевъ, К. Бальмонтъ, проф. Ф. Батюшковъ, П. Боборыкинъ, П. Вейнбергъ, А. Волынский, Н. Геренштейнъ, прив.-доц. В. Гессенъ, П. Гвѣдицъ, М. Горькій, Н. Дружининъ, А. Каменскій, Н. Карабчевскій, В. Карвинъ, проф. А. Кяричниковъ, А. Контлевъ, Б. Корженевскій, Ботъ-Мурлыка, М. Лохвицкая, Б. Лдовъ, Е. Лѣткова, В. Мишуличъ, Н. Минскій, Вас. Немировичъ-Данченко, Вл. Немировичъ-Данченко, Ф. Нефедовъ, проф. Д. Овсяннико-Куликовскій, проф. И. Оршанскій, М. Петровъ, А. Рейнгольдтъ, Л. Саломе, проф. В. Сергѣевичъ, С. Смирнова, В. Спасовичъ, А. Субботинъ, П. Тверской, гр. Л. Н. Толстой, проф. А. Трачевскій, М. Чайковскій, В. Чуйко, О. Чюмина, О. Шапиръ, В. Шенрокъ, А. Шеллеръ, проф. Л. Шенелевичъ, В. Ширкова, проф. Е. Шмурло, проф. И. Фойницкій К. Фофановъ, проф. Н. Холодковскій, Г. Ясинскій, А. Эртель и мн. др.

Въ 1897 въ „Сѣв. В.“ напечатаны биллетристическія произведенія гг. П. Гвѣдица, М. Горькаго, Кота-Мурлыки, Вл. Немировича-Данченко, С. Смирновой, В. Ширкова, Г. Ясинскаго и др., статьи гг. Н. Дружинина, Н. Карабчевскаго, проф. А. Кяричникова, проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго, проф. И. Оршанскаго, проф. В. Сергѣевича, проф. А. Трачевскаго, М. Чайковскаго, В. Чуйко, проф. Л. Шенелевича, проф. Е. Шмурло и мн. др.

Начиная съ майской книги 1897 г., «Сѣверный Вѣстникъ» издается

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Съ облегченіемъ условій наданія, въ виду снятія съ журнала предварительной цензуры, редакция «Сѣвернаго Вѣстника» желаетъ расширить провинціальныи отдѣлъ и проситъ лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять матеріалы, пригодныя для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельныя замѣтки и корреспонденціи касательно явленій мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. Главная контора: Спб., Б. Московская, д. 11, въ Москвѣ—въ конторѣ И. Печниковой, Петровскія ливніи.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

	Годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.:	На 1 мѣс.
Для Нижегородскихъ съ перес.	12 р. — к. 6 р. — к. 3 р. — к. 1 р. — к.			
Въ Сѣв. съ доот.	11 » — » 5 » 50 » 2 » 1 » — » — »			
заграницкими...	14 » — » 7 » — » 4 »			

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка въ кредитъ (при подпискѣ въ Гл. Конторѣ); также и для частныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ—за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Пробный № высылается за 28 к. (марками). Новые подписчики получаютъ бесплатно первые части (напечат. въ 1897 г.) ром. Генр. Сенкевича «Брестосцы» который продолжится печатаніемъ въ 1898 г.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

Подписка на 1898 годъ открыта
для ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ“ попрежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на запросы мѣстной жизни, ея злобѣ для въ области бытowej и экономической. Увеличивающееся постепенно число читателей, возрастающее количество сотрудниковъ изъ мѣстной интеллигенціи, служащее доказательствомъ развитія общественной жизни и роста интеллигенціи провинціи, облегчаютъ задачу газеты: редакція съ удовольствіемъ и благодарностью будетъ принимать заявления и письма читателей, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, стараясь дать имъ широкое распространеніе, въ интересахъ общественной жизни.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своей задачей обще-русскіе интересы — русское дѣло и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ всѣ явленія и факты жизни, будущи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго отечества. Въ „Вилен. Вѣстн.“ читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководяція статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны баллетристическіе, научныя и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя одновременно съ столичными газетами; сообщенія соботвенныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; собиенія биржи и глѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 н. прилож. къ 318 ст. т. 1 ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія извѣстныя объявленія во двѣнадцати губерніяхъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Самарскіхъ Вѣдомостяхъ“.

Всѣхъ годовыхъ подписчиковъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылать **БЕЗПЛАТНО**.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ 6 р. — к.	На годъ 8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ .	. 3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ .	. 4 р. — к.
На 3 >	. 1 р. 80 к.	На 3 >	. 2 р. 50 к.
На 2 >	. 1 р. 20 к.	На 2 >	. 1 р. 80 к.
На 1 >	. — р. 70 к.	На 1 >	. 1 р. — к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 р., 1 мая 3 р., и 1 сентября 2 р.
городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 сентября 1 руб-
НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ: на 1 годъ 6 р.; 1 января 2 р., 1 мая 2 руб. и 1 сентября 2 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Въ Минскѣ у М. К. Шюффера, Полцейская улица, въ Книжномъ магазинѣ Фрункина и Френкела, въ Ковнѣ, въ книжномъ магазинѣ Оссовскаго.

Редакторъ-издатель П. БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(35-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границю/ съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.		на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.		на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.	
„ 6	„ 5	50 „	„ 6	„ 6	— „	„ 6	„ 9	— „
„ 3	„ 3	— „	„ 3	„ 3	80 „	„ 3	„ 4	80 „
„ 1	„ 1	— „	„ 1	„ 1	20 „	„ 1	„ 1	90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-правдничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. многогородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му юля 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяць 85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяць—1 руб. 2—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1898 ГОДЪ.

Въ Учебныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣя преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ **Ө. Миллеръ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго мировоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: 1) оригинальными статьями; 2) документами, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библиографія. Сверхъ того, редація постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ материаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андриевскаго, Н. О. Бѣлашевскаго проф. Д. И. Багалія, Н. П. Василенка, В. И. Василенка, В. П. Горленка проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кавлицкаго, О. А. Кудрявскаго, О. И. Левинскаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Лучкова, В. Г. Ляскаронскаго, проф. О. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, О. Д. Николаичика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, Б. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. О. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербини, В. Н. Ястребова и др.

Подписчикамъ 1896 и 1897 гг. будутъ разсылаемы, по мѣрѣ выхода изъ печати, листы 1 и 2-го тома „Малороссійскаго Словара“

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50 »
За границу.	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльные книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14,) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется Книжный Складъ преимущественно содержащій въ себѣ книги, касающіеся Юга Россіи. Подробный каталогъ будетъ приложенъ къ № 1 будущаго 1898 года.

Издатель Н. М. ГАМАЛѢЙ.

Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

Открыта подписка на 1898 годъ (V-й годъ изданія)
 НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛЬ
НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
 (Наука, научная философія, литература, исторія культуры).

Составъ сотрудниковъ и характеръ журнала остаются прежніе: естественныя и общественныя науки, психологія и литературная критика, корреспонденціи изъ-за границы, относящіяся къ предметамъ науки, литературы и искусства. Цѣль журнала—слѣдить за движеніемъ науки, а также давать статьи научнаго характера. Редакція стремится совмѣстить строгую научность съ доступностью изложенія.

Въ 1898 году, кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей и корреспонденцій, будутъ напечатаны, съ особымъ счетомъ страницъ, одно переводное приложеніе и три оригинальныхъ: 1) Гелльвальдъ. Исторія античной и средневѣковой культуры. Съ табл. рис. 2) Б. Львовъ. Соціальныя законы. Соціологія на исторической почвѣ. 3) А. Рязанцевъ. Опытъ элементарнаго изложенія новѣйшей теоріи электричества. 4) К. Трубецкой. Русская поэзія со временъ Некрасова. 5) Одинъ капитальный переводный трудъ.

Подписная цѣна: на годъ СЕМЬ руб. (за границу ДЕСЯТЬ руб.), на полгода ЧЕТЫРЕ руб. При обращеніи въ редакцію допускается разсрочка по рублю къ мѣсяцъ. Народнымъ учителямъ и учительницамъ, фельдшерамъ и фельдшерницамъ—уступка (пять рублей въ годъ съ разсрочкой по желанію).

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. 6, кв. 8.

Редакторъ-издатель д-ръ философін М. ФИЛИППОВЪ.

Открыта подписка на изданіе редакціи «Научнаго Обзорнія»
НАУЧНЫЙ СЛОВАРЬ

(Не менѣе 600 стр. убористой печати).

СЛОВАРЬ содержитъ подробное объясненіе терминовъ по естеств. и обществ. наукамъ, географическія и историческія ямена, математическія и химическія формулы.

Выйдетъ всего 15 выпусковъ. № 1 появится 20-го января 1898 года, остальные послѣдуютъ приблизительно ежемѣсячно (исключая лѣтнихъ мѣсяцевъ), такъ что редакція обѣщаетъ закончить все изданіе въ теченіе 18 мѣсяцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для подписчиковъ «Научнаго Обзорнія» безъ перес. 2 р. съ перес. 3 р. Для постороннихъ лицъ безъ перес. 4 р., съ перес. 5 р. Допускается уплата въ два срока. Наложенымъ платежемъ на 40 к. дороже. По закрытіи подписки, цѣна будетъ повышена.

Подписка принимается въ редакціи «Научнаго Обзорнія». С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. 6, кв. 8.

Редакторъ-издатель д-ръ философін М. ФИЛИППОВЪ.

1898 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1898 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VIII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Специальныя телеграммы, курсы-выя и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя вѣстия. 7. Заграничная жизнь. 8. О чемъ пишутъ. 9. О чемъ говорить. 10. Злобы дня. 11. Общяя хроника. 12. Летучіе листки. 13. Мѣстныя хроника и изъ отдѣленій. 14. Арабскія (Таганрогъ). 15. Пестрыя замѣтки (Новочеркасскъ). 16. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 17. Письма изъ Мариуполя. 18. Театръ и музыка. 19. Маленькій фельетонъ. 20. Изъ залы суда. 21. Наука, искусство и литература. 22. Библиографія. 23. Корреспонденціи. 24. По Россіи. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговныя свѣдѣнія. Биржа. 27. Справочный отдѣлъ. 28. Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к. на 3 м. 2 р. 75 к.; на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к.

За пересылку газеты за границу взимается сверхъ подписной цѣны 60 коп. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ cadaго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 19; въ Новочеркасскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица; въ Екатеринодарѣ—у И. А. Кузцова, при книжной торговлѣ П. Ф. Галладжянца; въ Мариуполѣ—у А. С. Попова; въ Ейскѣ—у Ф. С. Купцова; въ Новоросійскѣ—у Э. А. Маринаки; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файшвиича, типографія; въ Бахмутѣ—у И. Р. Грилихеса; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцовой; на ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

Открыта подписка на 1898 годъ
на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету
ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ,
ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ ГОРОДѢ КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.
ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. Руководящія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни во всѣхъ сколько нибудь культурныхъ мѣстностей Волжско-Камскаго края и примыкающихъ къ нему областей Имперіи. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на распространіе и прогрессивное пополненіе этого отдѣла постоянными сообщеніями собственныхъ корреспондентовъ. Камская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, и т. п. Судебная хроника. Библиографія. Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. Ежедневное обзорѣніе текущей и международной жизни. Обзоръ науки, литературы и искусства. Сельское хозяйство. Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и вѣншей торговли. На развитіе этихъ двухъ помѣстныхъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и статьи научнаго содержания,—естественно-научныя историческія и экономическія. Смѣсь. Справочный отдѣлъ; судебныя дѣла и резолюціи по нимъ, больницы, желѣзнодорожныя поѣзда, грузы приходящіе по жел. дорогѣ и пр. Объявленіи.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, проф. Д. В. Айналовъ, А. Н. Барановъ, Е. Ф. Бокетовъ, П. Берлинъ, М. Е. Владкова, Н. Н. Блиновъ, В. Ф. Бородинъ, М. П. Воронинъ, проф. Е. О. Будде, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Васильевъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркази, В. А. Геркенъ, В. А. Гольцевъ, И. Гофштеттеръ, А. В. Грейманъ, проф. А. Ф. Гусевъ, Г. С. Десятовъ, Дилетантъ (псевдонимъ), П. И. Добротворскій, С. С. Дѣвѣ, Е. О. Дубровина, П. В. Заодинскій, В. Е. Ильковъ, И. И. Иванюкъ, А. Ш. Иванковъ, проф. М. Я. Калускинъ, А. Коргольдъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, С. М. Капустина, П. С. Кукурановъ, проф. Н. М. Лубимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Лаге, Д. Е. Лаппо, И. А. Ляновъ, проф. Л. Б. Мандельштамъ, В. К. Магичинскій, А. И. Матовъ, проф. Н. А. Миславскій, Н. Н. Морозовъ, А. Д. Мысовая, В. Н. Назарьевъ, К. И. Назарьева, Б. Н. Нелидовъ, С. Н. Нелидовъ, В. К. Никольскій, В. Ц. Никонъ, В. П. Онгирскій, Н. А. Островская, П. А. Пономаревъ, О. В. Португаловъ, В. В. Португаловъ, П. С. Покровский, С. Д. Протопоповъ, П. С. Пчелназъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, П. А. Рождаевскій, И. С. Рузавициновъ, И. И. Степановъ, П. М. Сивковъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. С. Сырова, Н. А. Смирновъ, С. М. Смирновъ, О. Н. Траубенбергъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Д. П. Шестаковъ, Е. К. Щепетильниковъ, проф. Э. П. Яншевскій, Н. О. Юшковъ, А. М. Оедоровъ, и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ.		Для иногородн. подписчицъ.	
съ доставкой:	безъ доставки:		
На годъ..... 7 р. — к.	На годъ..... 6 р. 25 к.	На годъ..... 9 р. — к.	
» полгода.... 4 » — »	» полгода.... 3 » 25 »	» полгода... 5 » — »	
» 3 мѣсяца.. 2 » 25 »	» 3 мѣсяца.. 1 » 75 »	» 3 мѣсяца.. 2 » 75 »	
» 1 мѣсяцъ.. — » 75 »	» 1 мѣсяцъ.. — » 60 »	» 1 мѣсяцъ.. 1 » — »	

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюля 1 р.

Подписка принимается въ Казани въ главной конторѣ «Волж. Вѣстника» на Покровской ул., д. Перяковой, въ Сибирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣлевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова, въ Сарapulѣ—въ типографіи Болчина.

Редакторъ Н. Рейнгардтъ.

Издательница Л. Рейнгардтъ.

давшимъ всѣми необходимыми для такого начальника качествами: глазомеромъ, рѣшительностью и энергіею. Въ Кунерсдорфскомъ сраженіи онъ игралъ выдающуюся роль. Въ рапортѣ о «показанныхъ отличностяхъ» при взятіи Берлина генераль-поручикъ Чернышевъ аттестовалъ Панина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «споспѣшникъ своимъ маршемъ съ взвѣреннымъ ему detachmentомъ къ нему въ подкрѣпленіе и обратный отшествіемъ къ арміи учинилъ то съ совершеннымъ порядкомъ и безъ потерянна одного человека. Также при занятіи лагеря подъ Берлявомъ, мужественнымъ образомъ оное исполнилъ...». Въ началѣ 1762 г. Панинъ получилъ предиксаніе графа П. С. Салтыкова 1-го сдать свою дивизію и смѣнить генералъ-губернатора Восточной Пруссіи и въ этой должности пробылъ до конца іюня этого года, когда получилъ рескриптъ императрицы Екатерины II: «вѣдая вашу ревность и усердіе къ намъ, жалуетъ васъ всемілостивѣйше полнимъ генераломъ и повѣляемъ вамъ принять корпусъ, состоящій подъ командою Румянцева, въ свою полную команду». Закljučаютъ авторы эту главу слѣдующими словами: «историческая наука обязана исправить ошибку прежнихъ своихъ представителей и отдать должную справедливость выдающимся русскимъ дѣятелямъ Семилѣтней войны, поставивъ въ ряду ихъ, хотя и не на первое, но, во всякомъ случаѣ, на одно изъ первыхъ мѣстъ того же «идеально-храбраго» Петра Ивановича Панина».

Во второй главѣ говорится о заслугахъ П. И. Панина въ мирное время, назначеніи его сенаторомъ; затѣмъ приводится оцѣнка его дѣятельности въ первую турецкую войну въ качествѣ главнокомандующаго второю арміею (первою командовалъ графъ Румянцевъ). За взятіе Вендеръ, чтó составляло главную задачу второй арміи, Панинъ получилъ орденъ Георгія первой степени.

Сказавъ въ началѣ третьей главы про овалу Панина (въ это время императрица считала его «первымъ врагомъ», «себѣ персональнымъ оскорбителемъ» и «держкимъ болтуномъ»), П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской дѣлаютъ оцѣнку участія Панина въ усмирении Пугачевского бунта. Оцѣнка дѣятельности Панина по усмирению пугачевскими, говорятъ составители очерка, — не легка. Нѣкоторые исследователи этой эпохи совершенно отрицаютъ его заслуги въ усмирении мятежа, тогда какъ другіе если и

признаютъ эти заслуги, то лишь въ незначительной мѣрѣ. Въ этотъ сравнительно короткій (одинъ годъ) періодъ дѣятельности, П. И. Панинъ, по словамъ авторовъ, сдѣлалъ немало: 1, онъ усмирилъ бунтъ достаточно быстро и окончательно; 2, онъ выяснилъ неудовлетворительность устройства края и необходимость принятія (вслѣдствіи) мѣръ къ болѣе рациональному устройству областей съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, а равно и земель инородческихъ; 3, онъ принялъ возможныя мѣры къ предотвращенію голода и къ удовлетворенію нуждъ разоренныхъ дворянъ; 4, онъ же обратилъ вниманіе правительства на необходимость поднятія значенія духовенства.

Въ четвертой главѣ говорится о перешкѣ П. И. Панина съ наследникомъ-цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, въ которой обсуждались разнообразныя вопросы, касавшіяся главнымъ образомъ различныхъ сторонъ военной системы государства и отчасти государственнаго управленія и устройства.

Семейное положеніе и смерть Панина составляютъ содержаніе пятой главы, которую авторы заканчиваютъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ общемъ, безпристрастное изслѣдованіе почти полувѣковой дѣятельности графа Петра Ивановича Панина не можетъ не привести къ заключенію, что онъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи на многихъ поприщахъ государственной и особенно военной дѣятельности, а потому онъ и долженъ быть признанъ государственнымъ человекомъ, послужившимъ Престолу и Отечеству усердно, безкорыстно и по крайнему своему разумію».

Въ концѣ книги помѣщены: сообщенная книгинею С. А. Щербатовою, правнучкою графа П. И. Панина, малозвѣстная «Записка о нещастливомъ продолженіи службы генерала Графа Панина въ сравненіи его сверстниковъ» и три карты: 1, къ описанію дѣйствій П. И. Панина въ Семилѣтнюю войну; 2, къ описанію дѣйствій его во время Вендерской операціи въ 1769—70 г. и 3, къ описанію дѣйствій при усмирении Пугачевского бунта.

Такое въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго очерка П. А. Гейсмана и А. Н. Дубовскаго, который займетъ не послѣднее мѣсто въ нашей военно-исторической литературѣ.

Н. И.-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.** — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20 Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Бузнецкій мостъ, д. Фирсадова). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Живые описанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственннхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книги, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по 8 рублей; и съ 1888—1897 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІИ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“ Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семенова** и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старинѣ“ 2 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

ФЕВРАЛЬ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Последніе годы прошлаго столѣтія въ Академіи наукъ. Акад. К. С. Веселовскаго	225—245	XI. Юбилей вел. кн. Михаила Павловича. 1848 г. Н. К. Шильдера	421—424
II. Инструкція Великаго Князя Павла Петровича Великому Князю Маріи Феодоровнѣ (1776 г.). Сообщ. Евг. Шумигорскій	247—261	XII. Великій князь Михаилъ Павловичъ и его остроуты.	425—427
III. На зарѣ крестьянской свободы (Материалы для характеристики общества). Г. В. Р.	263—280	XIII. Графъ П. В. Завадовскій и Ф. Чацкий. Сообщ. Н. П. Корниловъ.	428—430
IV. Императоръ Николай I въ 1832 году (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). Сообщилъ Н. Б. Шильдеръ.	281—295	XIV. О предиахъ Н. М. Крамзина. Сообщилъ В. В. Сиповскій.	431—435
V. Московскій обѣдъ 28-го декабря 1857 г. и его послѣдствія. (Оконч.) Н. VI. Грѣхопаденіе перваго человека въ литературѣ. (Каррикат. 1837—38 гг.). И. Шляпкинъ.	297—326
327—332	XV. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XXIII—XXV. 437—464	
VII. Участіе Россіи въ разторженіи Амьенскаго мира. А. Рѣдкинъ.	333—365	XVI. Записная книжка „Русской Старины“: Эпиграмы: на драму «Наталья боярская дочь», на журналъ «Корифей» и на трагедію «Ермакъ». Сообщ. Л. С. М.—чч. (стр. 346). — О запрещеніи статскихъ носить бороды и усы. — Къ биографіи Г. Е. Власовѣтлова. (262). — Письмо кн. Александра I графу Панину о странномъ обращеніи съ нимъ короля шведскаго (266). — Письмо Вука Караджича импер. Николаю I. (266). — Объ образованіи III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. (486).	
VIII. Великій князь Михаилъ Павловичъ и послѣдніи Александръ Николаевичъ въ Юрьевомъ монастырѣ. А. Словескинскій	367—370	XVII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генераль-адъют. Л. В. Евдокимова. 267—272	
IX. Записки В. А. Мисарскаго. Ч. III. Гл. XI—XII.	371—400	XVIII. Библиографическ. вѣстникъ (на оборотѣ).	
X. Памяти вел. кн. Михаила Павловича (1798—1898). Н. Н. Вожегова. 401—420			

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ великаго князя Михаила Павловича и 2) Грѣхопаденіе перваго человека въ литературѣ. (Каррикатура). Грав. К. Адтъ.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайшии утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Вольная Подъячская, 39

1898.

II-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1898 г.

Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева. 1790—1867 гг. Въ двухъ частяхъ. Одесса. 1897 г

Воспоминанія А. М. Фадѣева принадлежатъ къ числу такихъ, которыя во всемъ своемъ объемѣ читаются съ неослабвающимъ интересомъ.

Отецъ известной писательницы Елены А. Ганъ и талантливаго публициста Р. А. Фадѣева, дѣдъ писательницъ Блаватской и Желиховской и нынѣшняго министра финансовъ С. Ю. Витте ¹⁾,—Андрей Михайловичъ является родоначальникомъ большой семьи, сыгравшей немаловажную роль въ государственной и умственной жизни Россіи. Понятно, что прошлое такого человѣка представляетъ не только личный интересъ, но даетъ возможность слѣдить за разнообразными измѣненіями въ государственной и общественной жизни.

А. М. Фадѣевъ принадлежалъ къ русской дворянской семьѣ, для которой, по преданію, военная служба считалась какъ-бы обязательно: прадѣдъ его, дѣдъ, отецъ (перешедшій впоследствии въ гражданскую службу) и братья были военными. Самъ Андрей Михайловичъ въ этомъ отношеніи составилъ исключеніе: еще одиннадцати лѣтъ, по обычаю тогдашняго времени, былъ зачисленъ въ гражданскую службу и семнадцати лѣтъ былъ уже титулярнымъ совѣтникомъ. Съ 1817 по 1834 г. А. М. Фадѣевъ былъ управляющимъ конторой иностранныхъ поселеній и жилъ въ Екаторинославѣ, потомъ былъ переведенъ членомъ комитета иностранныхъ поселенцевъ южнаго края Россіи—въ Одессу. Вскорѣ послѣ этого Фадѣевъ былъ назначенъ въ Астрахань главнымъ попечителемъ кочующихъ народовъ, откуда переведенъ въ Саратовъ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ и тамъ же назначенъ губернаторомъ; въ этой должности онъ прослужилъ около пяти лѣтъ, будучи вынужденъ выйти въ отставку по причинѣ несправедливыхъ придирокъ министра Перовскаго. Въ началѣ 1846 года А. М. получилъ отъ князя М. С. Воронцова, вмѣстѣ князя кавказскаго, приглашеніе занять должность члена совѣта главнаго управленія Закавказскаго края. Пріѣздомъ въ Тифлисъ въ половинѣ сентября 1846 г. заканчивается первая часть воспоминаній.

Первая часть воспоминаній Фадѣева содержитъ въ себѣ немало интересныхъ свѣдѣній. Такъ, напримеръ, о смерти императора Александра Павловича онъ, между

прочимъ, говоритъ: «это извѣстіе просто оглушило насъ какъ громомъ, — такъ оно было неожиданно, такъ казалось невѣроятнымъ. Только за нѣсколько дней до того я видѣлъ государя здороваго, бодрого, полнаго силъ тѣлесныхъ и душевныхъ; въ моихъ ушахъ звучалъ еще его сердечный голосъ, его милостивыя слова». По словамъ Андрея Михайловича, на поминкахъ по императору, служившихъ два раза въ день, при коихъ присутствовали всѣ таганрогскіе чиновники и почетнѣйшіе изъ гражданъ,—все обивалось слезами, а народъ, безпрестанно окружавшій дворецъ, оглашалъ воздухъ воплями и рыданіями. Императрица переносила несчастье съ удивительною твердостью, и здоровье ея, повидимому, поддерживалось удовлетворительно. На поминки она не выходила. Въ 6 ч. вечера, 27-го ноября, перенесли тѣло государя изъ спальни въ залу, и съ этого часа началась церемоніаль. Покойный императоръ, по замѣчанію автора воспоминаній, былъ одаренъ удивительною памятью, никогда ничего не забывалъ—ни именъ, ни лицъ, ни мѣстъ.

Опредѣленіе А. М. Фадѣева въ должность саратовскаго губернатора, какъ узнаемъ изъ воспоминаній, произошло слѣдующимъ образомъ. Императоръ Николай Павловичъ, со времени востества своего на престолъ, свѣдѣлъ уже четырехъ губернаторовъ въ Саратовѣ. Дѣйствія губернатора Власова, бывшаго жандармскаго штабъ-офицера, рекомендованнаго шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ, сильно разгнѣвали государя, и онъ приказалъ бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ графу А. С. Строганову избрать непременно хорошаго губернатора. Графъ Строгановъ представилъ двухъ кандидатовъ изъ военныхъ генераловъ. Государь усомнился, чтобы они были лучше прежнихъ, и спросилъ графа П. Д. Киселева, нѣтъ ли у него благонадежнаго и способнаго человѣка изъ подвѣдомственныхъ ему управляющихъ новыми палатами государственныхъ имуществъ къ опредѣленію на должность губернатора. Графъ Киселевъ указалъ на А. М. Фадѣева, который и былъ тогда же назначенъ.

Разбирая дѣятельность графа П. Д. Киселева по устройству казенныхъ крестьянъ, Фадѣевъ вполне справедливо замѣчаетъ: это неумѣіе или незнаніе, какъ обходиться съ нашими крестьянами и говорить съ ними, было обыкновеннѣйшимъ явленіемъ у многихъ изъ нашихъ высшихъ сановниковъ. Большая часть изъ нихъ знали французскій языкъ и саму Францію гораздо лучше, нежели Россію и свойства русскаго простаго народа, который любить ясность и рѣшительность обращаемой къ нему рѣчи.

До чего были мелочны придирки Перовскаго къ губернаторамъ, опредѣленнымъ не имъ самимъ, показываютъ, между прочимъ

¹⁾ Екатерина Андреевна, старшая дочь А. М. Фадѣева, вышла замужъ за Юлія Эдвардовича Витте въ 1844 г. Витте въ это время занималъ должность управляющаго хозяйственною фермою вѣдомства государственныхъ имуществъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ
(1798 — 1898 гг.)

Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ академіи наукъ.

Въ теченіе всей второй половины прошлаго столѣтія положеніе Академіи опредѣлялось регламентомъ, даннымъ ей императрицею Елисаветою 24-го іюля 1747 года. Этотъ регламентъ въ существенныхъ своихъ чертахъ отражалъ то состояніе Академіи, когда она еще наполнялась учеными, вызывавшимися изъ-за границы и служившими при ней по контрактамъ; когда съ нею соединенъ былъ университетъ съ гимназіей, для которыхъ также приходилось выписывать издалека и профессоровъ и учителей, и когда поэтому, вслѣдствіе самой разнохарактерности ея состава—одна сильная надъ нею центральная власть могла придавать всему сложному организму единство и стройность въ дѣйствіяхъ для достиженія цѣли. Поэтому, весьма естественнымъ и понятнымъ является то положеніе, въ которое былъ поставленъ этимъ регламентомъ президентъ, о которомъ сказано, что онъ «управляетъ и повелѣваетъ всѣми академиками, адъюнктами, университетомъ, канцелярією и прочими департаментами, до Академіи касающимися», и смотритъ «чтобы всякъ вездѣ у своего званія былъ прилѣженъ и напрасно на его иждивеніе было не употреблено» (§ 11). Ему предоставлена «совершенная власть выписать (изъ чужихъ краевъ) или отпустить (уволить) всякаго академика (§ 12), при чемъ однако стараться, чтобы адъюнкты были всѣ изъ русскихъ, и чтобы никто въ академики и въ адъюнкты не могъ «прійти, не показавъ ученому свѣту въ чемъ нибудь своей науки» (§ 13). Для управленія же «всего корпуса академическаго» и для веденія всѣхъ дѣлъ по административной и хозяйственной частямъ при президентѣ полагалась канцелярія, въ которой члены

«быть должны по нѣсколько искусны въ наукахъ и языкахъ», и которыми «должно имѣть обо всемъ попеченіе, наблюдая при томъ целостъ интереса, порядокъ экономіи и всѣхъ трудовъ пользу», а ученымъ людямъ и учащимся, кромѣ наукъ ни въ какія дѣла собою не вступать, но о всемъ представлять канцеляріи» (§ 50).

При такой организаціи дѣла новаго и труднаго по тогдашнему времени, при сосредоточеніи всей власти въ лицѣ одного человѣка, ходъ всѣхъ дѣлъ въ Академіи въ прошломъ столѣтіи вполнѣ зависилъ отъ тѣхъ, кто былъ облачаемъ этою властью; а академики, т. е. члены ученаго собранія, конференціи которыхъ всегда разумѣютъ, когда говорятъ объ академіи, какъ принципиально устраненные отъ какого бы то ни было участія въ дѣлахъ административныхъ, сами испытывали всѣ невыгоды такого положенія даже въ сферѣ чисто ученой дѣятельности, но измѣнить его конечно не могли. Такимъ образомъ судьба Академіи въ теченіе XVIII вѣка была въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ постепенныхъ видоизмѣненій, которымъ подвергалось въ ней устройство административной части, при чемъ должно отмѣтить, что участіе въ ней ученаго элемента понемногу сокращалось и наконецъ совершенно прекратилось: такъ, въ члены организованной по регламенту 1747 года канцеляріи должны были быть назначаемы люди «искусные въ наукахъ», и сначала таковыми они и были; такъ между прочимъ совѣтникомъ канцеляріи одно время былъ Ломоносовъ, который, конечно, могъ отстаивать въ ней интересы науки. Когда, въ 1766 году, вмѣсто президента, начальникомъ Академіи сдѣланъ съ званіемъ директора графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, при чемъ всѣ обязанности канцеляріи были возложены на «академическую комисію», то членами этой комисіи назначены три академика, Штелинь, Котельниковъ и Румовскій, которые продолжали составлять эту комисію и при Домашневѣ. Но когда въ 1783 г. дирекція надъ Академіею была «препоручена» княгинѣ Е. Р. Дашковой, то и эта комисія была упразднена, и всѣ права и обязанности прежней канцеляріи и «академической комисіи» сосредоточились въ лицѣ одного директора. Такъ продолжалось до 1803 года, до времени учрежденія комитета правленія Академіи по новому ея уставу.—При Дашковой канцелярію ея составлялъ опредѣленный ею въ помощь директору совѣтникомъ—арміи полковникъ Ѳедоръ Полторацкій, который въ мартѣ 1794 г., за слабостью здоровья, уволенъ, а на его мѣсто опредѣленъ совѣтникомъ надворный совѣтникъ Николай Авсовъ, оставшійся въ этой должности и во все время директорства Бакунина.

Эта историческая справка была необходима для объясненія положенія ученаго собранія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ прошедшаго столѣтія.

I.

Директорство П. П. Бакунина (1794—1798 г.).

Въ 1794 году, истекалъ двѣнадцатый годъ, что княгиня Екатерина Романовна Дашкова директорствовала въ Академіи наукъ ¹⁾. Присутствуя въ засѣданіи конференціи 14-го августа она объявила, что, чувствуя потребность въ отдыхѣ для поправленія своего здоровья и своихъ собственныхъ дѣлъ, она просила императрицу уволить ее отъ должности директора Академіи и дать ей, какъ статсъ-дамѣ, двухлѣтній отпускъ; но что государыня, соизволивъ только на отпускъ, повелѣла ей оставаться въ означенной должности, а на время отсутствія разрѣшила ей поручить правленіе Академіею ея родственнику, камеръ-юнкеру Павлу Петровичу Бакунину ²⁾ которому и дать въ руководство надлежащія наставленія. Затѣмъ княгиня сообщила копіи съ прошенія, поданнаго ею императрицѣ, съ доклада вмѣстѣ съ тѣмъ представленнаго о главныхъ результатахъ ея директорства въ Академіи, и высочайшаго указа отъ 12-го августа 1794 г. о двухлѣтнемъ ея отпускѣ съ сохраненіемъ содержанія,—и прощаясь съ академиками и адъюнктами она «поцѣловала каждого изъ нихъ», какъ о томъ и записано въ протоколѣ. Члены конференціи въ полномъ составѣ проводили княгиню до самой ея кареты и напутствовали ее пожеланіями о благополучномъ возвращеніи къ нимъ. Ни они, ни княгиня не могли предвидѣть, что они прощались навсегда.

Въ первомъ послѣ этого засѣданія конференціи, 18-го августа, Бакунинъ произнесъ небольшой спичъ, въ которомъ выразилъ все свое удовольствіе—быть въ Академіи замѣстителемъ княгини Дашковой на время ея отсутствія, и увѣрялъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы оправдать оказанное ему довѣріе и заслужить любовь и уваженіе академикомъ. Но скоро академики должны были убѣдиться, что намѣренія и ихъ исполненіе нерѣдко раздѣляются цѣлою пропастью.—При дѣйствіи тогдашняго регламента Академіи, по которому всѣ дѣла и даже лица отданы были въ безотчетное, полновластное распоряженіе начальника, отношенія между академикомъ и директорами сглаживались, при Дашковой, тѣми формами, въ какія умная свѣтская женщина всегда съумѣетъ поставить свои сношенія съ людьми. Но этого умѣнья княгиня не передала своему временному замѣстителю, который не разъ долженъ былъ собою напомнить академикамъ времена Домашнева ³⁾.

¹⁾ „Дирекція надъ Академіей“ была ей препоручена высочайшимъ указомъ 24-го января 1783 года.

²⁾ Онъ былъ сынъ Петра Васильевича Бакунина, члена государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и приходился племянникомъ Дашковой.

³⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г., № 9, стр. 457—492.

Первымъ дѣломъ Бакунина, по полученіи Академіи въ свою команду, было—пользоваться своимъ правомъ пополнять ея ряды принятіемъ новыхъ членовъ. Письменнымъ предложеніемъ 22-го января 1795 г. онъ предоставилъ конференціи поощрить адъюнкта Конова къ дальнѣйшимъ ученымъ трудамъ назначеніемъ его въ академики или же экстраординарнымъ профессоромъ. Въ это послѣднее званіе онъ и былъ избранъ, но въ томъ же году, 9-го октября, скончался, едва достигнувъ 29-лѣтняго возраста.

Вслѣдъ затѣмъ, въ засѣданіи 29-го января, Бакунинъ поспѣшилъ предложить въ адъюнкты—Юганна-Гейнриха Буссе. Предложеніе было сдѣлано словесно, весьма законически, безъ всякихъ объясненій, безъ какихъ либо указаній на труды Буссе, которые давали бы ему право на членство въ ученой корпораціи, даже безъ обозначенія для какой изъ наукъ, входящихъ въ кругъ занятій Академіи, онъ предлагается. Академики, зная, что и принятіе въ Академію, равно какъ и исключеніе изъ нея всѣхъ, въ томъ числѣ и самихъ академиковъ, всецѣло зависитъ отъ директора, который могъ бы и безъ ихъ согласія назначить Буссе адъюнктомъ,—конечно тотчасъ же единогласно одобрили предложеніе.

А кто же былъ этотъ Буссе и чѣмъ заслужилъ такое благоволеніе Бакунина, что онъ, такъ буквально державшійся за регламентъ, на этотъ разъ забылъ, что регламентъ повелѣвалъ назначать въ адъюнкты преимущественно русскихъ, и запрещалъ принимать въ это званіе людей, не показавшихъ ученому свѣту «въ чемъ нибудь своей науки?»

Бранденбургскій уроженецъ (р. 1763 г.), учившійся въ Галльскомъ университетѣ, Буссе былъ вызванъ изъ-за границы (1785 г.) для занятія мѣста конректора въ академической гимназіи, въ 1788 г. переименованъ въ унтеръ-библіотекаря при Академіи, и не былъ извѣстенъ въ ученой литературѣ какими либо самостоятельными трудами,—такъ что представлялось неизвѣстнымъ, представителемъ какой науки слѣдовало записать новаго адъюнкта, и его записали по исторіи, хотя исторія въ ту пору не входила въ кругъ занятій Академіи.

Отвѣты на выше означенные вопросы дать намъ не кто иной какъ сама императрица Екатерина. Извѣстно, что государыня, въ видѣ отдыха отъ государственныхъ дѣлъ, любила заниматься русскою исторіею, особенно послѣ 1783 года, и занималась иногда съ истиннымъ увлеченіемъ, какъ она сама сообщала о томъ въ своихъ письмахъ Гримму, напримѣръ въ письмѣ отъ 12-го января 1794 г., изъ котораго мы узнаемъ, что при этихъ занятіяхъ она пользовалась помощью бібліотекаря Академіи Буссе ¹⁾. Итакъ вотъ разгадка; Буссе удостоивался, конечно, верѣдко

¹⁾ Сообщая Гримму, какъ она окружила себя массою старыхъ лѣтописей и занялась составленіемъ по нимъ русской исторіи, Екатерина писала:

видѣть императрицу и разговаривать съ нею, и слѣдовательно являлся для Бакунина тѣмъ, что называется «нужный человѣчекъ». Во время пребыванія въ Академіи Буссе читалъ: «pour s'aquitter de son tour de lecture», какъ говорилось въ протоколахъ, нѣсколько небольшихъ записокъ, изъ которыхъ однаго ни одна не удостоилась напечатанія въ издававшемся тогда сборникѣ ученыхъ трудовъ академіи (*Nova Acta*), а по смерти Екатерины и по увольненіи Бакунина изъ директоровъ, Буссе, чувствуя, конечно, что въ конференціи онъ не на мѣстѣ, просилъ и получилъ 19-го марта 1800 года отставку отъ академіи, и занялъ мѣсто пастора при лютеранской церкви св. Екатерина на Васильевскомъ островѣ ¹⁾.

Вообще Бакунинъ очень широко пользовался своимъ правомъ вводить въ Академію новыхъ членовъ, дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ.

Большею частью это дѣлалось такъ, что директоръ объявлялъ конференціи о назначеніи имъ такого-то почетнымъ членомъ или корреспондентомъ, и конференцъ-секретарь получалъ приказаніе отправить новому члену дипломъ отъ имени Академіи. Иногда, впрочемъ, Бакунинъ простираетъ свою любезность къ конференціи до того, что предоставлялъ ей высказываться о предлагаемомъ имъ кандидатѣ, но куріозно, что при этомъ онъ не признавалъ за произведенною по его же приглашенію баллотировкою никакого значенія, и не считалъ себя ни малѣйше связаннымъ ею, если таковою не былъ одобренъ его выборъ. Такъ, въ засѣданіи 26-го октября 1795 г. былъ имъ предложенъ въ число почетныхъ членовъ (*Membres Associés*) ²⁾ Дюгальдъ Стюартъ, профессоръ философіи въ Эдинбургѣ. Такъ какъ философія не указана въ регламентѣ въ числѣ наукъ, которыми должна заниматься Академія, то академики нашли излишнимъ присутствіе философа въ числѣ почетныхъ членовъ, и при баллотировкѣ Стюартъ получилъ лишь 2 бѣлыхъ шара, и 8 черныхъ, но въ слѣдующемъ же затѣмъ засѣданіи, 29-го

«представьте, какая страсть писать о старинѣ, до которой никому нѣтъ дѣла и про которую, я увѣрена, никто не будетъ читать, кромѣ двухъ цедантовъ: одинъ изъ нихъ мой переводчикъ Фолькнеръ, другой—библіотекаръ Академіи Буссе».

¹⁾ Въ 1819 г. онъ возвратился въ свое отечество, и умеръ въ Гробовѣ, близъ Штетина въ 1835 году.

²⁾ Такъ назывались въ то время тѣ почетные члены, которые, по § 7 регламента, считались обязанными исправлять должность академиковъ и которые за это получали небольшое жалованіе, или пенсію, но не свыше 200 руб. въ годъ. Такихъ почетныхъ членовъ съ жалованіемъ позволялось имѣть не болѣе 10 человѣкъ; число же прочихъ почетныхъ членовъ было неограничено.

октября, Бакунинъ далъ знать конференціи, что онъ приказываетъ внести Стюарта въ списокъ почетныхъ членовъ и выслать ему дипломъ на это званіе. Изъ этого случая академики должны были понять, что балотировка въ глазахъ ихъ директора есть пустая и ненужная формальность, и что имъ только остается предложенія этого рода принимать за приказанія. Очевидно послѣ этого, что вся отвѣтственность за сдѣланныя въ это время избранія новыхъ членовъ Академіи падаетъ не на академиковъ.

Въ засѣданіи 19-го ноября 1795 г. конференціи было сообщено предложеніе Бакунина слѣдующаго содержанія: «Желая окончить сколь можно скорѣе отдѣлку залы, назначенной для засѣданій конференціи, я подрядилъ нужныхъ мастеровъ, и между прочимъ одного скульптора для исполненія барельефа вокругъ всей залы. Моя мысль та, чтобы раздѣлить его на 12 частей, и въ нихъ, подъ эмблемами двѣнадцати подвиговъ Геркулеса, изобразить двѣнадцать самыхъ замѣчательныхъ событій царствованія императрицы: оно достаточно богато таковыми и можетъ представить ихъ множество; поэтому я приглашаю каждого изъ академиковъ составить подробныя записки о сюжетахъ и способахъ ихъ изображенія, для того чтобы потомъ сдѣлать изъ нихъ надлежащій выборъ. Кромѣ того, нужно украсить залу головами въ профиль (вѣроятно медаліонами). Многіе изъ членовъ, прославившихъ нашу Академію, заслуживаютъ этого слабаго знака уваженія съ нашей стороны. Поэтому я предлагаю, чтобы каждый академикъ присоединилъ къ своей запискѣ списокъ умершихъ членовъ, которые наиболѣе достойны такого почета. Необходимо, чтобы копія съ этого моего предложенія были сообщены и тѣмъ академикамъ, которые бы въ засѣданіи не присутствовали, для того чтобы конференцъ-секретарь могъ имѣть и ихъ мнѣнія къ слѣдующему засѣданію и воспользоваться ими въ возможной скорости. Каждый изъ академиковъ будетъ, конечно, одушевленъ мотивами этого моего предложенія; предметъ, долженствующій возбудить работу воображенія, такъ прекрасенъ, что я ожидаю содѣйствія отъ всѣхъ въ предпріятіи, назначенномъ къ тому, чтобы достойно передать потомству благотворныя дѣянія императрицы, заслуживающія вашей благодарности и удивленія». П. Бакунинъ.

Академики, конечно, поспѣшили исполнить желаніе директора. Не-присутствовавшимъ членамъ немедленно посланы копіи съ этого предложенія, а бывшіе въ засѣданіи тотчасъ же, по сообщаніи между собою, составили въ отвѣтъ на него свои заключенія, въ которыхъ замѣтили, что великое число всѣхъ славнѣйшихъ дѣяній государыни не можетъ вмѣститься въ 12 барельефовъ, поэтому слѣдовало бы ограничиться лишь такими, которые относятся до Академіи и наукъ. Представивъ перечисленіе 13 такихъ дѣяній, изъ которыхъ предостав-

ляли Бакунину сдѣлать выборъ, академики прибавили, что, не будучи свѣдуши въ аллегоріи, они не въ состояніи придумать и предложить эмблемы, помощью которыхъ всего приличнѣе было бы изобразить тѣ дѣянія, и что эту задачу они должны предоставить живому и изобрѣтательному воображенію исправляющаго должность директора.

Изъ архивныхъ бумагъ не видно дальнѣйшей судьбы этой затѣи Бакунина, не видно, какія дѣянія великой государыни и подъ эмблемами какихъ двѣнадцати столь мало назидательныхъ подвиговъ Геркулеса онъ рѣшилъ изобразить въ барельефахъ. Вѣроятно, случившіяся вскорѣ затѣмъ событія не дали ему времени осуществить задуманную имъ скульптурную лѣсть Екатеринѣ.

Когда въ 1796 году было окончено печатаніе IX тома сборника «Nova Acta», въ конференціи былъ составленъ (въ засѣданіи 11-го февраля) списокъ лицъ и обществъ, которымъ слѣдовало выслать безденежно по экземпляру этого изданія, и передать къ исполненію въ канцелярію директора. Бакунинъ приказалъ (3-го марта) этотъ списокъ возвратить въ ученое собраніе съ тѣмъ, чтобы онъ былъ измѣненъ и передѣланъ, чтобы изъ него были исключены всѣ тѣ академики, которыхъ въ этомъ томѣ «Актовъ» нѣтъ трудовъ и которые въ теченіе 1795 г. ничего не читали въ засѣданіяхъ конференціи, и чтобы въ замѣнъ того были внесены въ списокъ посторонніе ученые, труды которыхъ напечатаны въ этомъ томѣ.

Въ отвѣтъ на это требованіе, въ протоколѣ засѣданія 10 марта, весьма малочисленнаго за неприбытіемъ, по случаю непогоды, многихъ академиковъ, записано, что «конференцъ-секретарь не считаетъ себя въ правѣ дѣлать въ томъ списокѣ какія либо измѣненія безъ согласія на то всей конференціи, которая, разъ она утвердила списокъ, одна можетъ его передѣлать, когда разсмотритъ мотивы для такихъ перемѣнъ, если г. временно исправляющему должность директора будетъ угодно сообщить ихъ конференціи».

Когда это постановленіе было сообщено Бакунину въ видѣ черноваго протокола, то онъ подъ нимъ написалъ: «Академія, имѣя директоромъ лицо, назначенное ей императорскимъ величествомъ, и вполне подчиненная этому директору, не можетъ и не смѣетъ входить въ разсмотрѣніе мотивовъ его дѣйствій и ей остается только исполнять даваемые имъ приказанія».

Это замѣненіе, по опредѣленію конференціи, внесено въ протоколъ засѣданія 14-го марта, съ присовокупленіемъ слѣдующихъ размышленій:

«Списокъ лицъ и обществъ, которымъ долженъ быть посланъ IX томъ «Новыхъ Актовъ», былъ составленъ въ порядкѣ, указанномъ въ статьѣ 31-й Регламенты Академіи, и къ тому же совершенно по образцу списка, по которому разсылались какъ томъ VIII-й Актовъ, такъ и всѣ предъ-

идушіе томы. Поэтому, такъ какъ сказанный списокъ составленъ согласно съ образцомъ, одобреннымъ княгиней Дашковой, облеченной въ званіе директора державною волею императрицы, высокой покровительницы Академіи — то конференція должна уважать ея постановленія, отъ которыхъ не можетъ и не смѣетъ отступать, тѣмъ болѣе, что, по сообщенному Академіи высочайшему повелѣнію, на камеръ-юнкера Бакунина правленіе Академіей поручено лишь на время отсутствія княгини Дашковой, подъ ея руководствомъ къ сохраненію установленнаго ею порядка». — Поэтому конференція, признавая, что составленный ею 11-го февраля списокъ не подлежитъ измѣненію, положила вторично представить его г. исправляющему должность директора.

Въ засѣданіи конференціи 28-го апрѣля 1796 года, академики Котельниковъ, Георги и адъютантъ Буссе заявили, что они были крайне изумлены, получивъ наканунѣ выписки изъ журнала канцеляріи исправляющаго должность директора такого содержанія: «По донесенію г. конференцъ-секретаря Эйлера академику N N репортовать въ канцелярію, по какимъ причинамъ въ понедѣльникъ 6-го сего апрѣля въ собраніи академическомъ онъ не былъ. Подписано Авсовъ». По этому поводу въ протоколѣ того засѣданія записано, что конференція была точно также изумлена, тѣмъ болѣе, что означенная канцелярія никогда не была утверждена указомъ, который давалъ бы ей право требовать рапортовъ отъ членовъ конференціи, подобно тому, какъ такое право повидимому имѣла канцелярія, существовавшая въ прежнее время на основаніи регламента (1747), и которая была совершенно упразднена и замѣнена существовавшею съ 1766 года академическою комисією. Но и эта комисія была въ свою очередь также упразднена и замѣнена ея назначена княгиня Е. Р. Дашкова, слѣдовательно академики обязаны рапортовать только ей или тому, кто на время ея отсутствія заступаетъ ея мѣсто; отъ этой обязанности академики никогда не стануть уклоняться, всякій разъ когда дѣло идетъ о чести и славѣ Академіи. — Затѣмъ, такъ какъ въ означенной выпискѣ сказано, что требованіе отъ академиковъ рапортовъ въ канцелярію съ извиненіями въ небытіи ихъ въ засѣданіи основано на донесеніи конференцъ-секретаря, то на это Эйлеръ замѣтилъ, что онъ никогда и въ мысляхъ не имѣлъ дѣлать канцелярію донесенія, что онъ только сообщаетъ временно исправляющему должность директора проекты протоколовъ засѣданій конференціи, въ заголовкѣ которыхъ показано, кто изъ академиковъ присутствовалъ, кто отсутствовалъ въ засѣданіи, и что одинъ лишь директоръ, а не его канцелярія можетъ, буде признаетъ это нужнымъ, спрашивать академика о причинѣ небытія его въ засѣданіи.

Вслѣдъ за тѣмъ академикъ П. Иноходцевъ донесъ конференціи, что и онъ получилъ изъ канцеляріи такое же предписаніе, и что эта прежде небывалая новость заставляетъ его объяснить ученому собранію, что онъ

весьма сомнѣвается, чтобы конференцъ-секретарь могъ сдѣлать донесеніе о небытности его, Иноходцева, въ засѣданіи. Если означенный нововводимый запросъ основанъ на генеральномъ Регламентѣ (ибо въ академическомъ сего нѣтъ), то въ ономъ разумѣются токмо нижніе канцелярскіе служители, а не члены какихъ либо собраній, къ каковому и онъ, Иноходцевъ, принадлежать честь имѣеть, пріобрѣти оную посильными къ отечеству въ званія его заслугами, бывъ сверхъ прочаго неоднократно употребляемъ отъ Академіи въ астрономическія экспедиціи, по высочайшей ея императорскаго величества волѣ предпринятая, и находится при Академіи сорокъ четвертый годъ безпорочно.—Далѣе Иноходцевъ продолжаетъ: «Канцелярія, уважая слишкомъ (т. е. придавая важность) небытности моей 7-го (а не 6-го числа, какъ она пишетъ, ибо 6-го числа былъ день воскресный) составила журналъ свой апрѣля 14-го дня, т. е. въ понедѣльникъ Страстной недѣли, якобы о дѣлѣ, заключающемъ въ себѣ какое либо важное преступленіе, не терпящее ни малѣйшаго отлагательства, поелику сіи дни представляются на дѣла богоугодныя и въ которые дается свобода; да и самый вопросъ: по какимъ причинамъ? таковую же важность дѣла изъясляетъ, но довольно и одной причины для члена какого либо собранія, чтобы въ ономъ не присутствовать, напримѣръ за болѣзненнымъ припадкомъ, какъ то и въ самомъ дѣлѣ со мною случилось, и о чемъ въ собраніи сказано было академикомъ Лепехинымъ». Обо всемъ этомъ конференція положила сообщить исправляющему должность директора.

Когда академики собрались въ слѣдовавшее за тѣмъ засѣданіе 2-го мая, то узнали, что Бакунинъ разорвалъ посланный ему протоколъ засѣданія 28-го апрѣля. По этому поводу занесено въ протоколъ, что академики изумлены тѣмъ, что исправляющій должность директора позволилъ себѣ разорвать протоколъ послѣдняго засѣданія (28-го апрѣля), представленный ему архивариусомъ Корцемъ для доведенія до его свѣдѣнія состоявшихся въ конференціи рѣшеній. При всемъ своемъ уваженіи къ особѣ, назначенной временно замѣнять ихъ доблестнаго начальника—княгиню Е. Р. Дашкову, въ ея отсутствіи,—они не могутъ не замѣтить, что подобный поступокъ не находитъ себѣ оправданія ни въ академическомъ Регламентѣ, ни въ высочайшихъ повелѣніяхъ относящихся до всѣхъ коллегій Имперіи. Поэтому академики, къ своему сожалѣнію, вынуждены объявить, что въ означенномъ образѣ дѣйствій г. Бакунина они видятъ знакъ явнаго презрѣнія его къ академической корпораціи, по единодушному согласію которой былъ составленъ означенный протоколъ. А такъ какъ они не могутъ оставаться нечувствительными къ тому, какъ обращается съ ними исправляющій должность директора, то они вынуждены просить его на будущее время воздерживаться отъ подобныхъ проявленій вспыльчивости, и лучше сообщать на особомъ

лѣствіи свои замѣчанія на протокольные опредѣленія конференціи, если бы представилась къ тому надобность; я въ такихъ случаяхъ конференція не преминетъ эти замѣчанія внести въ свой протоколъ слѣдующаго засѣданія со своими по нимъ отвѣтами. Затѣмъ, академики единогласно постановили сохранить въ архивѣ протоколъ, разорванный Бакунинымъ, а сдѣланную съ него чистую копию подписать всѣмъ членамъ конференціи, такъ какъ онъ былъ составленъ согласно съ ихъ постановленіемъ.

Въ 1796 году (12-го августа) кончился срокъ двухлѣтняго отпуска, здраваннаго княгини Дашковой, и она просила императрицу о продленіи его. Въ засѣданіи конференціи 31-го октября, былъ объявленъ высочайшій указъ отъ 11-го сентября такого содержанія:

«Княгиня Катерина Романовна!

Снисходя всемилостивѣйше на прошеніе ваше, позволяю вамъ пребыть въ отпуску еще годъ съ сохраненіемъ жалованья; пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательною. Е к а т е р и н а .»

Вскорѣ затѣмъ, именно 6-го ноября, императрица скончалась, а указомъ императора Павла, 12-го числа того же мѣсяца, «штатсъ-дамъ княгиня Катерина Романовна Дашкова отъ управленія порученныхъ ей мѣстъ уволена и всемилостивѣйше препоручено управленіе Академіи наукъ и Россійской господину камеръ-юнкеру Павлу Бакунину, съ производствомъ ему по 3.000 р. въ годъ жалованья».

Въ 1795 г. прибылъ въ Петербургъ молодой французъ, католическій монахъ ордена Лазаристовъ, аббатъ Маврикій Ганри ¹⁾, занимавшій дотогѣ мѣсто адъютанта при астрономической обсерваторіи въ Мангеймѣ, и представилъ Академіи, черезъ академика Румовскаго, четыре своихъ сочиненія: 1) «Сокращеніе сферической тригонометріи»; 2) «Сферическая астрономія»; 3) «Наблюденіе въ Мангеймѣ солнечнаго затменія 3-го сентября 1793 г.» и 4) «Наблюденіе покрытія Альдобарана луною, сдѣланное въ Мангеймѣ 10-го августа 1792 г.». Академики Фуссъ и Шубертъ, разсмотрѣвъ первыя два сочиненія, донесли, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, и что поэтому они не могутъ быть напечатаны въ «Актахъ» Академіи; а академики Румовскій и Иноходцевъ доложили, что двѣ послѣднія записки аббата Ганри могутъ быть помѣщены въ томъ отдѣлѣ «Актовъ», который, нося названіе «Исторіи Академіи», былъ складочнымъ мѣстомъ разныхъ мелкихъ извѣстій изъ міра ученаго. Казалося бы, что въ этихъ аттестаціяхъ не было ничего, что могло бы указывать на аббата, какъ на ученаго, достойнаго вступить въ Академію въ званіи ординарнаго академика. Къ тому же, въ ту пору Академія имѣла въ своей средѣ трехъ такихъ авторитетныхъ представителей астрономіи,

¹⁾ Род. 1763 г. въ Сосннѣ близъ Тула.

какъ Румовскій, Иноходцевъ и Шубертъ, и слѣдовательно не было никакой надобности усиливать ея составъ по этой наукѣ, особенно же когда по другимъ важнымъ наукамъ мѣста ординарныхъ академикомъ оставались давно незанятыми. Но Бакунинъ, который даже въ чисто ученыхъ вопросахъ позволялъ себѣ не обращать никакого вниманія на мнѣнія академикомъ, имѣлъ какія-то особыя причины благоволить къ аббату, и приказалъ конференцъ-секретарю предложить Ганри къ избранію въ число почетныхъ членомъ—*Membres Associés*—которымъ регламентъ позволялъ назначать небольшое жалованье (не болѣе 200 р.). Такъ какъ принятіе почетныхъ членомъ, по издавна установившемуся обычаю, дѣлалось на основаніи простыхъ предложеній, безъ всякихъ объясненій объ ученыхъ или иныхъ заслугъ кандидата, то и Ганри, вслѣдствіе словеснаго приказанія Бакунина, былъ баллотированъ въ засѣданіи 26-го октября и получилъ 8 бѣлыхъ шаромъ и 3 черныхъ. Вслѣдъ затѣмъ, Бакунинъ, который вообще очень рѣдко удостоивалъ ученое собраніе своимъ присутствіемъ, явился въ засѣданіе 2-го ноября въ сопровожденіи аббата, ввелъ его въ конференцію и объявилъ, къ изумленію академикомъ, что даетъ ему позволеніе присутствовать во всѣхъ собраніяхъ конференціи и читать самому мемуары, которые онъ признаеть за благо представить Академіи. Такимъ образомъ, милостію Бакунинскою членъ Академіи получалъ въ двухъ словахъ право сообщать ученому собранію и печатать въ его изданіяхъ всякое свое измышленіе, не заботясь о мнѣніи своихъ коллегъ.

Такое нежданное вторженіе неученаго директора прямо въ сферу ученой дѣятельности произвело сильное негодованіе въ Академіи; выразителемъ этого чувства явился совѣтникъ Авсовъ, который, когда Бакунинъ сдѣлалъ въ канцеляріи своей распоряженіе о назначеніи аббату Ганри жалованья, приложилъ къ журналу особое мнѣніе, которое было протестомъ противъ незаконнаго возведенія Ганри въ званіе академика. Конечно, Бакунинъ положилъ это особое мнѣніе, говоря канцелярскимъ языкомъ, «подъ сукно», и сдѣлалъ, что хотѣлъ; а вскорѣ затѣмъ, въ засѣданіи 7-го іюля слѣдующаго года (1796), конференція узнала отъ конференцъ-секретаря, что Бакунинъ назначилъ аббата Ганри (на этотъ разъ уже и не спрашивая конференцію) ординарнымъ академикомъ, съ жалованьемъ по 1.000 р. въ годъ и съ предоставленіемъ ему казенной квартиры.

Скоро этому новому академику представился случай выказать свою ученость.

Въ это время астрономическая обсерваторія Академіи была въ завьдываніи Румовскаго, но Бакунинъ безъ вѣдома его отдалъ первый этажъ обсерваторіи со всѣми бывшими тамъ инструментами въ распоряженіе аббата Ганри, который сталъ дѣлать тамъ приготовленія къ

помѣщенію на стѣнѣ имѣвшася въ Академіи квадранта. Тогда Румовскій счелъ своимъ долгомъ сообщить и прочесть въ засѣданіи конференціи 22-го августа записку, которую онъ передъ тѣмъ, 8-го августа, представлялъ Бакунину и въ которой изложилъ подробно причины, по которымъ большой стѣнной квадрантъ 8-ми футоваго радіуса, работы знаменитаго Бирда (Bird) въ Лондонѣ, приобретенный Академіею въ 1751 году, не былъ повѣшенъ на стѣнѣ ни имъ, Румовскимъ, ни его предѣльникомъ, знаменитымъ астрономомъ Гришовымъ, который рѣшительно отказался установить его въ восточномъ кабинетѣ обсерваторіи, построенномъ, вопреки его мыслямъ, по распоряженію бывшей тогда канцеляріи. Румовскій ссылаясь на мнѣніе академикомъ Крафта и покойнаго Лекселя, которые, по порученію бывшаго директора Академіи графа В. Г. Орлова, свидѣтельствовали этотъ кабинетъ и возведенную въ немъ стѣну для квадранта, и въ донесеніи своемъ, представленномъ конференціи 8-го декабря 1774 г., объяснили причины, по которымъ это помѣщеніе неудобно для такого инструмента. Въ дополненіе къ этимъ причинамъ Румовскій указалъ еще и на другія, и подробно изложилъ тѣ предосторожности, которыми никто никогда не позволялъ себѣ пренебрегать при установкѣ квадрантовъ такой величины и такой точности, при чемъ сослался на примѣръ Гринвичской обсерваторіи и на еще недавній примѣръ обсерваторіи въ Готѣ, состоящей подъ управленіемъ Цаха, занимающаго безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ между практическими астрономами.

По выслушаніи записки Румовскаго и упоминаемыхъ въ ней: мнѣнія академика Гришова, рапортовъ Крафта и Лекселя графу Орлову, и отзывомъ нѣсколькихъ знаменитыхъ иностранныхъ астрономовъ, конференція вполне одобрила основательныя заключенія Румовскаго и единогласно объявила, что «если желаютъ установить квадрантъ для того, чтобы извлечь изъ него всю возможную пользу, то въ настоящемъ положеніи астрономіи абсолютно необходимо строго соблюсти при этомъ всѣ предписанныя астрономами предосторожности; а такъ какъ подобные инструменты назначены не для обыкновенныхъ наблюденій, а для такихъ, которыя, будучи продолжаемы въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, должны служить основаніемъ для самыхъ тонкихъ изслѣдованій астрономическихъ, то пренебречь сказанными предосторожностями было бы то же самое, что и вовсе не устанавливать инструмента. Кроме того нужно еще принять въ соображеніе ту опасность поврежденій, которой будетъ подвергаться инструментъ при переноскахъ его съ одной стороны стѣны на другую, совершенно необходимыхъ, такъ какъ для повѣрокъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ астрономъ долженъ дѣлать наблюденія то съ сѣверной, то съ южной стороны».

Всѣхъ этихъ доводовъ Бакунинъ, какъ совершенно несвѣдущій

въ точныхъ наукахъ, конечно не въ состояніи былъ понять, и потому они остались безъ всякаго дѣйствія на него. Прочитавши ихъ онъ прислалъ конференцъ-секретарю, собственноручную записку, которая была прочитана въ томъ же засѣданіи конференціи, и въ которой онъ въ сущности говорилъ слѣдующіе:

«Я не согласенъ съ мнѣніемъ г. Румовскаго о невозможности надлежащей установки прекраснаго квадранта, принадлежащаго Академіи, и даже увѣренъ въ необходимости сдѣлать такую установку, для того чтобы избавить Академію отъ стыда, что она столько лѣтъ хранила подобный инструментъ запертымъ. Для меня очевидно, что Академія получаетъ черезъ то пользу и честь. Но я счелъ своимъ долгомъ представить резоны болѣе уважительные, чѣмъ мое мнѣніе, и поэтому поручилъ г. Ганри отвѣчать на всѣ возраженія г. Румовскаго, что онъ и взялся сдѣлать» ¹⁾.

По прочтеніи такой записки Бакунина, конференція сочла своимъ долгомъ не скрыть отъ исправляющаго должность директора, что она не можетъ спокойно смотрѣть на то, что онъ не удостоилъ ее даже увѣдомленіемъ о своемъ предпріятіи установки стѣннаго квадранта,—что подобные знаки пренебреженія къ ученому собранію не совмѣстны съ поощреніемъ и довѣріемъ, какія всякій директоръ долженъ считать себѣ за честь оказывать академической корпораціи, и противны всему тому, что такъ явственно выражено въ Регламентѣ.

Послѣ этого, конечно, Румовскій счелъ излишнимъ и даже несовмѣстнымъ съ достоинствомъ ученаго, входить въ какія либо пренія съ аббатомъ, такъ какъ это значило бы становиться на одну доску съ неучемъ. Какъ бы ни былъ безразсуденъ и самоувѣренъ Бакунинъ,

¹⁾ Записка писана по-французски, съ явнымъ пренебреженіемъ правилъ логическаго изложенія мыслей; поэтому, при передачѣ ея смысла по-русски пришлось нѣсколько отступить отъ подлинника; но чтобы дать читателю возможность самому судить объ авторѣ записки (*le style c'est l'homme*, какъ изрекъ Бюфонъ), то приведу подлинныя слова Бакунина: „En conséquence de la dite déclaration de Monsieur Roumowski bien que je ne sois pas de son avis au sujet de l'impossibilité de bien placer le beau Quart-de-Cercle mural que l'Académie possède, que je suis, même persuadé de la nécessité de le faire pour éviter la honte d'avoir gardé pendant tant d'années un instrument semblable enfermé, et qu'il est évident pour moi que l'Académie en retirera de l'avantage et de l'honneur. Cependant j'ai cru de mon devoir de donner des raisons plus valables que mon opinion, c'est pourquoi j'ai chargé Monsieur Henri de répondre à chaque objection de Monsieur Roumowski, et qu'il s'est chargé de le faire“. P. Vascoulin. Не знаешь, чему здѣсь больше дивиться—неумѣію ли связать между собою логически нѣсколько фразъ, или апломбу, съ которымъ круглый неучъ въ астрономіи выдаетъ за свои мысли то, что очевидно напѣлъ ему другой, хотя и астрономъ, но явно недоучившійся.

онъ бы никогда не вздумалъ вмѣшаться въ такой спеціальнѣйшій ученый вопросъ, какъ установка астрономическаго инструмента, если бы его не направилъ на это Ганри, на которомъ на одномъ и лежитъ вся отвѣтственность за то, что стѣнной квадрантъ Бирда былъ на академической обсерваторіи такъ установленъ, что произведенныя помощью его наблюденія не имѣли никакого значенія въ наукѣ.

Заключеніемъ всей этой печальной исторіи о стѣнномъ квадрантѣ служатъ слѣдующія строки, занесенныя въ протоколъ засѣданія конференціи 29-го сентября 1796 г.:

«Господинъ Бакунинъ сообщилъ черезъ архиваріуса Корца, для внесенія въ протоколъ въ отвѣтъ на протоколъ 22-го августа (т. е. на сообщенный выше докладъ Румовскаго и послѣдовавшія затѣмъ замѣчанія конференціи), что г-нъ Бакунинъ доводилъ до свѣдѣнія государыни о своемъ приказаніи повѣсить на стѣнѣ квадрантъ, и что такъ какъ ея императорское величество одобрила это распоряженіе, то онъ, Бакунинъ, удивляется, какъ это Академія критиковала его прежде».

Единственнымъ извиненіемъ Бакунину въ этомъ случаѣ служить то, что онъ не вѣдалъ, что творилъ. Инструментъ, котораго онъ вѣроятно лишь въ первый разъ узналъ при этомъ случаѣ даже названіе, представлялъ такія трудности для правильной его установки, что онъ уже давно вышелъ изъ употребленія у астрономовъ и замѣненъ другими болѣе удобными и болѣе совершенными.

Принадлежавшій Академіи квадрантъ, установку котораго Бакунинъ считалъ своимъ великимъ подвигомъ для чести ученаго собранія, повисѣвъ бесполезно на стѣнѣ академической обсерваторіи, былъ снятъ и отправленъ въ Пулковскую обсерваторію, гдѣ онъ и хранится въ собраніи старинныхъ, болѣе неупотребительныхъ инструментовъ, въ качествѣ документовъ для исторіи науки. А аббатъ, Ганри сдѣлавъ, во время недолгаго своего пребыванія въ Академіи, нѣсколько неважныхъ наблюденій, напечатанныхъ въ «*N o v a A c t a*», скоро послѣ увольненія Бакунина оставилъ Академію (10-го іюня 1800 г.) и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ былъ занятъ при геодезическихъ работахъ для градуснаго измѣренія по 45-й параллели между Женевой и Фіуме, и умеръ въ 1825 году.

Болѣе и болѣе входя въ свою роль полновластнаго повелителя Академіи, Бакунинъ дошелъ до того, что не терпѣлъ никакихъ даже сужденій и разсужденій въ конференціи по вопросамъ, однакоже близко касавшимся до наукъ и до академиковъ. Такъ, въ 1797 году академикъ Шубертъ, который занимался въ Академіи въ бышемъ при ней географическомъ департаментѣ, сперва—съ 1784 г. въ званіи географа, съ 1786 г. въ должности адъюнкта, а съ 1789 г. какъ профессоръ математики и академикъ-географъ,—обратился къ конференціи, въ засѣданіи 28-го августа, съ просьбою рѣшить вопросъ его о томъ, имѣеть ли онъ,

какъ академикъ-географъ, еще какія либо нныя обязанности кромѣ тѣхъ, какія указаны въ подробной инструкціи, данной географическому департаменту бывшимъ директоромъ графомъ В. Г. Орловымъ, и въ которой постановлено, что «профессора и адъюнкты этого департамента должны собираться разъ въ недѣлю для совѣщаній о дѣлахъ, касающихся географіи Россіи; профессора должны сообщать свѣдѣнія, нужныя для составленія новыхъ картъ, или для исправленія существующихъ, а адъюнкты должны заниматься дѣйствительнымъ исправленіемъ картъ».

Въ разрѣшеніе этого вопроса, въ протоколѣ того засѣданія записано, что «Академія никакъ не можетъ требовать отъ академика-географа ничего свѣше того, что опредѣлительно указано въ инструкціи; — что ни Румовскій, ни Леонардъ Эйлеръ, которые прежде Шуберта исправляли должность географовъ-академиковъ, ни всѣ другіе его предшественники никогда не занимались сами черченіемъ картъ, а только руководили въ подобныхъ работахъ адъюнктовъ, которые были имъ для этого подчинены. Наконецъ, если Шубертъ, уже и будучи академикомъ-географомъ, продолжалъ по прежнему рисовать карты, то это было съ его стороны одною лишь любезностью, заслуживающею со стороны Академіи особой благодарности. Впрочемъ весьма желательно, чтобы географическій департаментъ, столь полезный и даже необходимый, былъ скорѣе возстановленъ въ прежнее видѣ, чтобы въ него были опредѣлены одинъ или два адъюнкта, искусныхъ рисовальщика, которые могли бы работать подъ руководствомъ академика Шуберта, и чтобы сей послѣдній виѣсть съ нѣсколькими другими академиками математическаго класса, могли возобновить своя географическія засѣданія въ помѣщеніи болѣе приличномъ, чѣмъ какое теперь отведено для географіи». Затѣмъ положено выдать Шуберту просимое имъ свѣдѣтельство, если на это г-нъ директоръ изъявитъ свое согласіе.

Должно замѣтить, что вопросъ Шуберта и столь сдержанныя и почтительныя разсужденія конференціи были вызваны тѣмъ, что Бакунинъ, какъ полновластный и безконтрольный распорядитель всей административной и хозяйственной части Академіи, тратившій всѣ ея денежныя средства единственно по одному своему усмотрѣнію Богъ знаетъ на что, и даже иногда неизвѣстно на что, привелъ географическій департаментъ въ совершенный упадокъ и разстройство до того, что въ немъ въ ту пору не было ни одного адъюнкта для черченія картъ.

Когда вышеозначенный протоколъ засѣданія 28-го августа былъ для свѣдѣнія сообщенъ Бакунину, по заведенному порядку, — въ подлинникъ, то онъ, видимо разсерженный, всего его зачеркнулъ, и внизу приписалъ: «Эта послѣдняя статья (т. е. о возстановленіи географическаго департамента) не будетъ имѣть никакого исполненія, потому что она совершенно противна содержанію контракта, заключеннаго съ Шубер-

томъ '), и что всё эти разсужденія не имѣютъ никакого отношенія къ ученымъ занятіямъ конференціи, но принадлежать единственно администраціи Академіи».

Одно уже отсутствіе логической связи въ этихъ очевидно съ горяча набросанныхъ фразахъ показываетъ, въ какомъ возбужденіи былъ писавшій ихъ и какъ болѣзненно отзывался въ его сердцѣ всякій самый отдаленный и осторожный намекъ на распоряженія, которыми онъ приводилъ Академію, очевидно безсознательно, въ упадокъ.

Если уже въ конференціи, гдѣ обсуждались одни ученые вопросы, Бакунинъ не терпѣлъ мнѣній, которыя были бы несогласны съ его желаніями, и съ свойственною ему заносчивостью и опрометчивостью бралъ на себя рѣшать, по своему усмотрѣнію, чисто ученые вопросы, которыхъ онъ даже и не могъ повнмать, то тѣмъ болѣе самопроизвольство его проявлялось въ дѣлахъ административныхъ и экономическихъ, производившихся въ состоявшей при Академіи канцеляріи. Въ прежнее время, и существовавшая до директорства Орлова «канцелярія Академіи», и заведенная Орловымъ «академическая комисія», вѣдавшая всю хозяйственную часть Академіи, были устроены коллегіальнымъ порядкомъ, т. е. всё распоряженія ихъ производились журнальными постановленіями, которыя подписывались всѣми членами этихъ присутствій. Даже и при княгинѣ Дашковой, когда вмѣсто «академической комисіи» осталась единственнымъ органомъ для всѣхъ распоряженій по административной части канцелярія при директорѣ, эти распоряженія дѣлались въ формѣ журнальных постановленій, которыя подписывались состоявшими при директорѣ совѣтниками. Такую форму Бакунинъ нашелъ для себя стѣснительною, и не долго думая, не обращая вниманія на законы, отмѣнилъ ее своею собственною властью и сталъ дѣлать всё распоряженія простыми ордерами, которые онъ одинъ подписывалъ. Когда это самовольство его дошло до свѣдѣнія Сената, то онъ указомъ 8-го октября 1797 г. потребовалъ отъ него объясненій, по какимъ причинамъ Бакунинъ измѣнилъ въ Академіи форму журналовъ, которая для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ предписана и которой онъ самъ по вступленіи его въ директорскую должность нѣсколько времени слѣдовалъ. Это требованіе, видимо, поставило Бакунина въ большое затрудненіе; сдѣланное имъ измѣненіе въ формѣ журналовъ было нарушеніемъ закона; и вотъ онъ, чтобы вывернуться, въ своемъ рапортѣ Сенату, съ разными натяжками и увертками старался доказать «неудобствія» прежней формы

*) Контрактъ съ Шубертомъ былъ заключенъ при первоначальномъ приглашеніи его въ 1784 г. для занятій въ географическомъ департаментѣ, но назначеніе его потомъ, въ 1789 г., академикомъ, совершенно измѣнило его положеніе въ этомъ департаментѣ.

для дѣлъ Академіи. Изъ запутанныхъ и мало логически связанныхъ между собою фразъ, въ которыя онъ облекъ свою аргументацію, яснымъ являлось только одно, что участіе въ распоряженіяхъ по административной и хозяйственной частямъ даже такихъ подначальныхъ лицъ, какъ совѣтники при директорѣ, онъ считалъ для себя стѣснительнымъ и неудобнымъ, и поэтому ввелъ такую форму журналовъ, при которой не требовалось подписи совѣтниковъ.—Всѣ эти разсужденія конечно не убѣдили Сената, и Академіи объявленъ указъ его императорскаго величества изъ Правительствующаго Сената отъ 16-го ноября 1797 г., слѣдующаго содержанія:

«Именными высочайшими указами: 1) отъ 24-го января 1783 г. для управленія дѣлъ экономическихъ по Академіи наукъ и прочихъ касающихся до наблюденія порядка опредѣлены въ помощь директору Академіи два совѣтника, а 2) отъ 12-го августа 1794 г. повелѣно, въ отсутствіи директора Академіи княгини Дашковой правленіе Академіи поручить камеръ-юнкеру Павлу Бакунину, котораго снабдить наставленіями и руководствомъ къ сохраненію дѣлости казны и къ содержанію должнаго порядка во всемъ относящемся до помянутой Академіи. Вслѣдствіе сего указомъ Сената отъ 12-го іюня сего (1797 г.) предписано Академіи наукъ директору и совѣтникамъ, дабы каждый изъ нихъ, не выходя изъ предѣловъ должности и званія своего, поступали по законамъ, и въ производствѣ дѣлъ, также въ веденіи журналовъ и храненіи оныхъ соблюдали предписанный закономъ порядокъ. Но вопреки тому изъ донесеній совѣтниковъ и изъ представленныхъ книгъ отъ директора разныхъ бумагъ усматривается, что въ конторѣ Академіи наукъ предписанный закономъ порядокъ не сохраняется, да и журналы ведутся не по общей для присутственныхъ мѣстъ формѣ, издаваемой при указѣ Сената 1767 года, и для того директору Академіи предписать, чтобъ впредь по дѣламъ, единственно до экономіи и прочаго внутренняго по сей части порядка касающимся, непременно сохраняемъ былъ во всемъ должный порядокъ и журналы ведены бы были по издаваемой вообще для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ 1767 г. формѣ, какъ о томъ и указомъ Сената отъ 12-го іюня сего года оной Академіи предписано уже было; а совѣтникамъ подтвердить, чтобы они отнюдь не вмѣшивались въ распоряженія, до ученаго собранія касающіяся, хотя бы оныя иногда сопряжены были и съ дѣлами до экономіи принадлежащими, предоставляя оное непосредственно попеченію ученаго собранія и директора Академіи».

Этотъ указъ былъ полученъ въ канцеляріи директора и, вѣроятно, сообщенъ въ копіи совѣтникомъ Авсовымъ академику Румовскому, который и принесъ и прочиталъ его въ засѣданіи конференціи 27-го ноября. Выслушавъ его академики постановили имѣть въ одномъ изъ

слѣдующихъ засѣданій сужденіе о томъ, какіе изъ департаментовъ академическихъ должны быть, въ силу этого указа, предоставлены непосредственному попеченію ученаго собранія и директора Академіи. А между тѣмъ, имѣя въ виду, что въ этомъ указѣ, равно какъ и въ другомъ, отъ 29-го января, за собственноручнымъ подписаніемъ императора, канцелярія директора названа «конторою Академіи», академики положили спросить г-на директора, какъ они должны впредь поступать въ случаяхъ, когда представится надобность обращаться къ академической администраціи, надписывать ли свои представленія въ «контору» Академіи или директору? Вслѣдъ затѣмъ въ засѣданіи 14-го декабря, когда была получена бумага Бакунина о приобрѣтеніи телескопа отъ Шрадера, и въ ней административный органъ Академіи былъ названъ «канцеляріей». конференція, имѣя въ виду разъяснить свои сомнѣнія, положила отложить чтеніе этой бумаги до того засѣданія, въ которомъ будетъ лично присутствовать самъ директоръ; когда же въ слѣдующемъ за тѣмъ засѣданіи въ присутствіи Бакунина было прочитано это постановленіе, то онъ объявилъ, что оно должно быть вычеркнуто изъ протокола, такъ какъ употребленное въ его бумагѣ наименованіе академической администраціи «канцеляріей» не есть предметъ для ученыхъ разсужденій.

На это академики замѣтили ему, что хотя это и не предметъ для ученыхъ разсужденій, однако сказанный параграфъ долженъ остаться въ протоколѣ по слѣдующимъ причинамъ: въ высочайшемъ указѣ 29-го января, равно какъ и въ сенатскомъ указѣ 16-го ноября, прежде бывшая канцелярія Академіи наименована конторою; оба указа сообщены конференціи, которая имѣла право недоумѣвать, вида что администрація академическая продолжаетъ называться канцеляріей, и полагала, что она не исполнила бы своей обязанности почтенія и повиновенія повелѣніямъ верховной власти, если бы приняла къ исполненію бумагу, упомянутую въ послѣднемъ параграфѣ протокола 14-го декабря, прежде разъясненія ея сомнѣній господиномъ директоромъ.

Несмотря на всѣ эти резоны Бакунинъ продолжалъ настаивать на своемъ и объявилъ, что онъ запрещаетъ конференціи не только разсуждать въ своихъ засѣданіяхъ о подобныхъ предметахъ, но и читать указы его императорскаго величества ⁴⁾, и нѣсколько разъ повторилъ угрозу, что будетъ впредь зачеркивать въ протоколахъ конференціи всѣ параграфы, противные его приказанію. На это академики напомнили ему, что время то прошло, когда можно было

⁴⁾ Онъ конечно былъ разсерженъ тѣмъ, что означенный сенатскій указъ, нанесшій такое чувствительное оскорбленіе его самолюбію, сталъ околѣннымъ путемъ извѣстенъ конференціи.

зачеркивать и драть протоколы, какъ это дѣлалось доселѣ.—Наконецъ, такъ какъ Бакунинъ продолжалъ повторять свое запрещеніе и требовать полнаго повиновенія, называя себя то начальникомъ, то президентомъ Академіи и ссылаясь на регламентъ, то члены конференціи вынуждены были ему замѣтить, что онъ еще не президентъ, и что въ регламентѣ, едвали позволяющемъ подобныя проявленія власти, нѣтъ даже и упоминанія о директорѣ.

Послѣ этого Бакунинъ всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ собранія, объявивъ что въ такомъ случаѣ ему нечего дѣлать въ конференціи. Затѣмъ, призвавъ къ себѣ въ контору Академіи конференцъ-секретаря, приказалъ ему записать въ протоколъ весь этотъ споръ, предоставляя себѣ повергнуть свою жалобу къ подножью Престола.

Конечно, эта угроза жаловаться государю была сказана съ горяча; одумавшись и успокоившись, Бакунинъ на жалобу не рѣшился, зная, какъ государь всегда проявлялъ чувства строгой справедливости и любви къ законному порядку, и въ особенности вспомнивъ о незадолго передъ тѣмъ полученномъ имъ именномъ высочайшемъ указѣ, отъ 5-го октября того года (1797), въ которомъ было сказано слѣдующее:

«Господианъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бакунинъ! Въ регламентѣ нашей Академіи наукъ между прочимъ сказано о почетныхъ членахъ, что выборы и опредѣленіе имъ пенсіоновъ зависятъ отъ президента, а какъ оный нынѣ въ отлучкѣ, то повелѣваемъ вамъ до возвращенія президента самимъ собою пенсіоны не назначать, а предварительно спрашивать на то соизволеніе наше, прописавъ причины, по которымъ опредѣляютъ оклады однимъ предпочтительно другимъ членамъ. Павелъ».

Директорство Бакунина было, къ счастью, не продолжительно; оно занимаетъ въ исторіи Академіи всего лишь съ небольшимъ три съ половиною года,—хотя принесло ей не мало вреда. Наскуча за это время дѣлами, которыя, по недостаточному его образованію, и не могли быть для него интересны, Бакунинъ искалъ себѣ другой, болѣе подходящей для него службы, и наконецъ подалъ на высочайшее имя прошеніе объ увольненіи. Вслѣдствіе этого 8-го апрѣля 1798 г. состоялись два указа императора Павла, однимъ: «управлявшій Академію наукъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бакунинъ по прошенію его, за болѣзнію, уволенъ отъ службы»; а другимъ: «дѣйствительному статскому совѣтнику барону Николаю повелѣно быть президентомъ Академіи наукъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, на него возложенныхъ».

Баронъ Андрей Львовичъ Николаевъ, человекъ высокообразованный, талантливый писатель, отличавшійся благородствомъ характера и живостью ума, былъ связанъ узами давнишней, самой искренней дружбы съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, роднымъ братомъ

*

княгини Е. Р. Дашковой и дядею Бакунина. Переписка между ними ¹⁾, начавшаяся съ 1795 года, со времени назначенія Воронцова чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Лондонѣ, полна интереса и составляетъ драгоценный матеріалъ для изученія той эпохи. Это есть откровенная бесѣда двухъ умныхъ людей, проникнутыхъ взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, о событіяхъ и интересахъ дня, и поэтому она проливаетъ очень яркій свѣтъ на современныхъ имъ людей и ихъ дѣянія.

По вступленіи своемъ въ должность президента, ознакомившись съ состояніемъ дѣлъ въ Академіи, баронъ Николай не могъ въ своихъ письмахъ какъ къ графу Семену Романовичу Воронцову, такъ и къ его брату Александру Романовичу обойти молчаніемъ подвиги ихъ племянника въ ученое собраніи.

Въ своихъ письмахъ къ обомъ братьямъ Воронцовымъ онъ сообщаетъ, сколько труда ему стоить разобраться въ томъ безпорядкѣ, въ какой приведена Академія распоряженіями Бакунина. Въ письмѣ къ графу Александру Романовичу отъ 19-го сентября 1798 г. онъ между прочимъ писалъ: «Вы были совершенно правы, когда предполагали, что въ управленіи Академіею Бакунинъ не былъ столь бережливъ, какъ княгиня Дашкова. Меня сначала ввели-было въ заблужденіе его мелочныя урѣзки денегъ на существенныя надобности, на книги, литературныя сношенія и т. п. Но дѣло въ томъ, что во время его директорства этотъ господинъ ухлопалъ 46.000 р., оставленныхъ въ кассѣ Дашковою, и надѣлалъ долговъ на 22.000 руб., но всего хуже то, что даже не видно, куда дѣлись эти деньги. Онъ взялъ себѣ въ голову передѣлать академическую гимназію въ кадетскій корпусъ на подобіе Штутгардскаго, въ которомъ онъ самъ былъ воспитанъ. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для этой своей любимой затѣи и довелъ ежегодные расходы на содержаніе этого *hors-d'oeuvre* до 20.000 р., тогда какъ отпускается на этотъ предметъ только 4.000 р. въ годъ».

Нѣсколько позже, въ другомъ своемъ письмѣ къ тому же графу Александру Романовичу, баронъ Николай писалъ отъ 5-го ноября: «Академія задаетъ мнѣ болѣе работы, чѣмъ сколько я ожидалъ. Я теперь занятъ преобразованіемъ гимназіи, которую Бакунинъ сдѣлалъ любимымъ своимъ предметомъ, но объ истинной цѣли и надлежащей организаціи которой онъ не имѣлъ никакого понятія. Единственный образецъ, который былъ ему извѣстенъ, Штутгардскій кадетскій корпусъ, былъ заведеніемъ поверхностнымъ и худо устроеннымъ; зато жъ онъ давно и уничтоженъ. А между тѣмъ, увеличавъ число гимназистовъ

¹⁾ Издавая П. И. Бартевымъ въ XXII-й книгѣ „Архива князя Воронцова“.

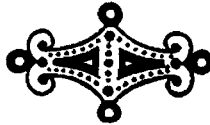
съ 50-ти до 170-ти, сдѣлалъ гимназію червемъ, подтачивающимъ Академію, такъ какъ она должна была ежегодно тратить до 12.000 руб. на это заведеніе».

Заключеніемъ этой характеристики о дѣяніяхъ Бакунина въ Академіи можетъ служить то, что писалъ барону Николаю графъ Семенъ Романовичъ въ письмѣ отъ 9-го августа 1799 г.: «Вы мнѣ пишете о безпорядкахъ, найденныхъ вами въ Академіи, и о вашихъ по этому поводу затрудненіяхъ. Я жалю васъ, мой любезный и давнишній другъ, но я этому не удивляюсь. Бакунинъ, мой племянникъ, есть не что иное, какъ легкомысленный и самонадѣянный неучъ (*un étourdi présomptueux et ignorant*); это человекъ наименѣе способный быть во главѣ какой-нибудь Академіи и наиболѣе пригодный только на то, чтобы завести безпорядки и путаницу даже тамъ, гдѣ дотолѣ ихъ не было».

Каковы бы ни были тѣ услуги, оказанныя Академіи княгиней Е. Р. Дашковой, которыми она въ 1794 г. такъ хвалилась въ своемъ докладѣ Екатеринѣ, но она сама совершенно уничтожила все ихъ полезное дѣйствіе, посадивъ вмѣсто себя на директорское кресло своего племянника.

Акад. К. Веселовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О п е ч а т к а.

Въ № 1-мъ «Рус. Стар.» на страницѣ 25-й строка 18-я снизу напечатано: торжественныхъ; слѣдуетъ читать — тождественныхъ.

Эпиграма на драму С. Н. Глинки «Наталья боярская дочь».

Наталью видѣлъ я.—А что то за новинка?
Фарфоръ или фаянсъ?—Ахъ нѣтъ! простая Глѣпка.

Эпиграма на журналъ «Корифей» ¹⁾

Морфей, увидѣвши, что свѣтъ
Его уставовъ не блюдетъ
И что совсѣмъ его пренебрегаетъ—
Иной Хераскова читаетъ,
Другой Державина всю ночь,
Его же отгоняетъ прочь,—
Вскричалъ: «Я это не оставлю
«И непремѣнно спать заставлю;
«Или не буду я Морфей».
Сказалъ и вышелъ «Корифей».

Карамановъ.

Эпиграма на трагедію Плавильщикова «Ермакъ».

Рублевакъ заплатилъ, чтобъ видѣть Ермака.
Увидѣлъ—и впередъ не дамъ ни пятака
Скончался чужехватъ.—Не ужъ то?—Въ самомъ дѣлѣ.
Да гдѣ же умеръ онъ?—Онъ умеръ на постели.—
Ну кто-бъ подумать могъ, что этотъ человекъ
Горизонтально кончатъ вѣкъ.

Сообщ. Л. С. М—чъ.

¹⁾ „Корифей или Ключъ Литературы“ издавался въ 1807 г. Яковомъ Андреевичемъ Глицинковскимъ. Л. М.

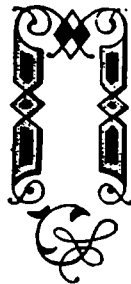

ИНСТРУКЦІЯ

Великаго Князя Павла Петровича

Великой Княгини Маріи Теодоровны.

(1776 г.)

омѣщаемая ниже инструкция написана была въ іюль 1776 года молодымъ, двадцатидвулѣтнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ для своей невѣсты, принцессы Софій-Доротей виртембергской, впоследствии великой княгини Маріи Теодоровны. Она написана была, вѣроятно всею, въ Берлинѣ, куда великій князь пріѣхалъ для свиданія съ своей невѣстой, тотчасъ послѣ кончины своей первой супруги, великой княгини Наталіи Алексѣевны. Когда сватовство было закончено, и Павелъ Петровичъ готовился къ отъѣзду обратно въ Россію, куда за нимъ должна была послѣдовать и принцесса, то, при прощаніи съ нею въ замкѣ Рейнсбергѣ, онъ вручилъ ей эту инструкцію, очевидно желая, чтобы она изучила ее до прибытія въ новое свое отечество.

Чтобы уяснить себѣ смыслъ и значеніе этого документа, важнаго для характеристики личности Павла Петровича и многихъ моментовъ екатерининской эпохи, напомнимъ читателямъ обстоятельства, вызвавшія у него оригинальную мысль о необходимости составленія инструкции для будущей семнадцатилѣтней своей супруги.

Первый бракъ Павла былъ несчастливъ. Супруга его, великая княгиня Наталія Алексѣевна, урожденная принцесса Вильгельмина гессенъ-дармштадтская, сначала успѣла привязать къ себѣ своего супруга, но встала затѣмъ въ натянутыя отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ и къ старымъ друзьямъ Павла—Панинымъ; говорили, что она стремится до-

ставитъ великому князю первенствующую роль въ управленіи государствомъ и готова вступить въ борьбу съ императрицей. вмѣстѣ съ тѣмъ, гордая и честолюбивая великая княгиня, своимъ пренебреженіемъ къ русскимъ обычаямъ и къ изученію русскаго языка, не возбуждала къ себѣ симпатій и со стороны русскаго общества. Спустя полтора года послѣ пріѣзда Наталіи Алексѣевны въ Россію, Екатерина такъ описывала свою невѣстку въ письмѣ къ Гримму отъ 21-го декабря 1774-го года:

«Она постоянно больна, но какъ же ей и не быть больвой? Во всемъ у нея крайности. Если соберется гулять пѣшкомъ, то за 20 верстъ, если начнетъ танцовать, то сразу танцуетъ 20 контрадансовъ и столько же менуетовъ, не считая аллемановъ. Чтобы въ комнатахъ не было слишкомъ жарко, ихъ вовсе перестали топить. Иные натираютъ себѣ льдомъ лицо, мы все тѣло обратили въ лицо. Однимъ словомъ, золотая середина отъ насъ далека. Опасаясь людей злыхъ, мы питаемъ недовѣріе ко всѣмъ вообще и не принимаемъ никакихъ совѣтовъ—ни добрыхъ, ни дурныхъ. Словомъ, до сихъ поръ не видать ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія. Богъ знаетъ, къ чему все это приведетъ, такъ какъ слушать мы никого не хотимъ, а имѣемъ собственную волюшку. Вообразите, вотъ уже полтора года какъ мы здѣсь, а еще ни слова не знаемъ по-русски. Мы требуемъ, чтобы насъ учили, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотимъ посвятить на это минуту прилежанія. Во всемъ одно вертопрахство, то тѣ, то другое намъ не понутру. Долговъ у насъ вдвое, чѣмъ достоянія, а кажется едва-ли кто въ Европѣ столько получаетъ. Но ни слова болѣе—въ молодыхъ людяхъ никогда не слѣдуетъ отчаяваться».

Въ концѣ концовъ, Екатерина однако совершенно отчаялась въ своей невѣсткѣ. Наталія Алексѣевна сблизилась съ душевнымъ другомъ своего мужа, графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, и, руководимая имъ, вошла въ сношенія съ посланниками Франціи и Испаніи, дѣйствовавшими во вредъ «Сѣверной системѣ», принятой въ то время Екатериной за основу русской политики. Императрица знала о всѣхъ интригахъ великой княгини и пыталась открыть глаза сыну на ея отношенія къ Разумовскому. Попытка эта однако осталась безуспѣшной: когда великая княгиня замѣтила холодность къ себѣ мужа и узнала ея причину, то проплакала нѣсколько дней сряду и этимъ путемъ привела Павла къ убѣжденію, что доставленные ему свѣдѣнія о ея жизни были клеветой, имѣвшей цѣлью уничтожить его довѣріе къ своей супругѣ и возбудить къ ней вражду. Конечно, съ этихъ поръ между Екатериной и ея невѣсткой началась глухая, тайная, но безпощадная борьба, въ которой самъ невольный виновникъ и жертва ея, великій князь Павелъ Петровичъ, игралъ лишь жалкую, страдающую роль. Борьба эта не замедлила бы сдѣлаться явною, если бы 16-го апрѣля 1776 года Наталія Алексѣевна не скончалась отъ несчастныхъ родовъ: кончина великой княгини была неизбѣжною при

ея физическомъ недостаткѣ (искривленіи стана), который былъ тщательно скрывается ея честолюбивой матерью, ландграфиней Каролиной. Шестъ дней страдала великая княгиня, сама государыня день и ночь ухаживала за больной, истощены были всѣ медицинскія средства, но когда смерть положила свою печать на великую княгиню, всѣ ея бумаги были разобраны лично самой императрицей, и въ нихъ найдена была переписка ея съ Разумовскимъ. Перепиской этой императрица воспользовалась для того, чтобы излечить горестъ Павла Петровича, неутѣнно оплакивавшего свою потерю, и заставить его немедленно подумать о новой женитьбѣ. Павелъ, дѣйствительно, былъ пораженъ открытіемъ двойной измѣны—жены и друга, и не пожелалъ болѣе видѣть Разумовскаго, который отосланъ былъ затѣмъ къ отцу въ деревню. Впечатлѣніе было такъ глубоко, что мысль о новой женитьбѣ не возбудила въ немъ сопротивленія. Сама Екатерина такъ рассказывала о настроеніи Павла Петровича въ послѣдовавшее затѣмъ время:

«Увидѣвъ, что корабль накренился на одинъ бокъ, я не теряла времени, наклонила его другимъ бокомъ, ковала желѣзо, пока оно было горячо, чтобы возмѣстить утрату, и такимъ образомъ мнѣ удалось разсвѣять глубокою печаль, которая насъ удручала. Сначала я предложила попутешествовать, съѣздить кое-куда и провѣтриться, а потомъ сказала:

— Мертвыхъ не воскресить, надо помышлять о живыхъ. Были убѣждены въ своемъ благополучіи; утратили это убѣжденіе. Но затѣмъ же отчаиваться обрѣсти его вновь? Поищемъ этого новаго.

— Да въ комъ же?

— О, у меня есть наготовѣ.

— Какъ, уже?

— Да, да, и какая игрушечка!

Такимъ образомъ затронуто любопытство.

— Кто же? Да какъ же? Черноволоса, бѣлокура, высока, маленькая?

— Нѣжная, прекрасная, воспитительная игрушечка!

«Про игрушечку весело слышать. Начались улыбки. Слово за словомъ, призывается въ свидѣтели ивѣкій расторопный путешественникъ (принцъ Генрихъ), недавно пріѣхавшій нарочно, чтобы утѣшать и развлекать. И вотъ онъ взялся посредничать и вести переговоры. Посланъ курьеръ, возвратился курьеръ, назначено путешествіе, приготовлено свиданіе, все это съ неслыханной быстротой. И вотъ сжатое сердце начинаетъ расширяться. Мы горюемъ, но по необходимости заняты приготовленіемъ къ поѣздкѣ, которая неизбѣжна для здоровья и должна послужить къ развлеченію.

— Такъ дайте намъ покажѣть портретъ, отъ этого еще ничего не станется.

— Портреть? Да немногіе портреты нравятся. Живопись не про-изводитъ впечатлѣнія.

«Портреть пришелъ съ первымъ курьеромъ.—На что онъ? Ну какъ не понравится? Лучше не вынимать его изъ ящика.—И вотъ портреть цѣлую недѣлю лежитъ, завернутый тамъ, гдѣ его положили когда онъ былъ привезенъ, на столѣ, рядомъ съ моею чернильницей. «Что тамъ такое?»—«Вкусы разные, а на мой взглядъ черты прекрасныя». Наконецъ портреть вскрытъ, немедленно положенъ въ карманъ и потомъ опять вынутъ, и напоследокъ на него не посмотрятъ и торопятъ приготовленіями къ отъѣзду, и вотъ путешествіе предпринято».

Новая невѣста великаго князя, принцесса Софія-Доротея виртембергская, была дѣвушкой, едва еще вышедшей изъ дѣтства, и воспитана была въ тихой семейной обстановкѣ въ небольшомъ городкѣ Монбельярѣ, въ южномъ Эльзасѣ, среди отроговъ Альпійскихъ горъ. Нѣжная молодость принцессы, ея неопытность и незнаніе большаго свѣта, столь тогда развращеннаго и всегда опаснаго для юныхъ, чистыхъ сердець—несомнѣнно побуждали мнительнаго, искушеннаго горькимъ опытомъ Павла Петровича позаботиться о томъ, чтобы второй бракъ его не принесъ ему новыхъ разочарованій, новаго горя. Павелъ Петровичъ съ дѣтства воспитанъ былъ въ строгомъ уваженіи къ обрядамъ, къ формальностямъ, къ буквѣ уставовъ и инструкцій. Немудрено, что и мысли свои о будущей своей супружеской жизни облекъ онъ для своей невѣсты также въ форму письменной инструкціи, подобно тому, какъ царственная мать его, съ гораздо бѣльшимъ основаніемъ и правомъ, выразила ранѣе свои требованія по отношенію къ своимъ невѣсткамъ также въ извѣстномъ «Наставленіи великимъ княгинямъ Россійскимъ». Павелъ не хотѣлъ понять, что формальныя требованія Екатерины обращены были преимущественно къ разсудку великой княгини и призывали ее лишь къ повиновенію, тогда какъ его отношенія къ будущей его супругѣ должны были покоиться на чувствахъ любви и взаимнаго уваженія, гдѣ о формальной, бумажной правдѣ, конечно, не могло быть и рѣчи. Будущая мать и благотворительница сиротъ и несчастныхъ была глубоко права, написавъ впоследствии на составленной для нея ея женихомъ инструкціи: «Благодаря Бога, она мнѣ не понадобилась, такъ какъ мой привязанность къ мужу всегда побуждала и всегда будетъ побуждать меня предупреждать его желанія».

Евгеній Шумигорскій.

Пункты инструкціи: ¹⁾

Первый. Касается религіи, т. е. того, что надобно будетъ соблюдать по отношенію церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и т. п.

Второй. Касается ея величества и поведенія принцессы по отношенію къ ней.

Третій. Касается желательнаго ея обращенія со мною.

Четвертый. Касается нашей публики, слѣдовательно косвенно и репутація принцессы даже въ чужихъ краяхъ.

Пятый. Касается нашего народа, который легко можетъ быть оскорбленъ въ своихъ чувствахъ.

Шестой. Русскаго языка и другихъ необходимыхъ свѣдѣній о Россіи.

Седьмой. Касается ея личнаго штата или прислуги.

Осьмой. Касается денегъ, гардероба и иныхъ расходовъ.

Девятый. Касается довѣрія, какое она должна имѣть къ супругѣ фельдмаршала ²⁾,

Десятый. Касается образа жизни вообще.

Одиннадцатый. Касается тѣхъ лицъ, конхъ намъ придется видѣть въ обществѣ.

Двѣнадцатый. Касается образа жизни дома и лицъ, допущенныхъ въ домашній кружокъ.

Слѣдующіе два пункта считаются особенно важными:

Тринадцатый. Никогда не вмѣшиваться ни въ какое дѣло, непосредственно ея не касающееся, тѣмъ болѣе въ какія либо интриги или пересуды.

Четырнадцатый. Не принимать ни отъ кого, кромѣ лицъ специально для того приставленныхъ, а тѣмъ болѣе отъ прислуги, никакихъ, хотя бы самыхъ пустяшныхъ, совѣтовъ или указаній, не сказавъ о томъ хоть чего-либо мнѣ.

Объясненіе каждаго изъ вышеозначенныхъ пунктовъ.

1. Я полагаю, не допуская въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что принцесса настолько ознакомлена съ религіей вообще, что она не можетъ быть ни невѣжественна, ни ханжа, ни неблагочестива. Подъ словомъ невѣжественна я понимаю, что она никогда не останавливалась мысленно на вопросахъ религіи или не задумывалась о нихъ; подъ

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Графиня Екатерина Михайловна Румянцева, урожденная княжна Голлицына, супруга фельдмаршала П. А. Румянцева, кавалерственная дама, бывшая оберъ-гофмейстериной двора великой княгини.

словомъ ханжа—что она суетвѣрна или мелочна; подь словомъ неблагочестива—что она легкомысленна и склонна подражать модѣ. Допустивъ это, приличіе требуетъ соблюдать для нея самой и ради того сана, который она будетъ носить, а тѣмъ болѣе для примѣра другимъ. обряды и правила нашей церкви,— хотя они бывають часто стѣснительны и утомляютъ,— дабы не подать повода къ соблазну и болѣе поправиться простолюдинамъ, что чрезвычайно важно. Все это слѣдуетъ соблюдать даже въ домашнемъ обиходѣ какъ относительно ѣды, такъ и другихъ мелочей, о которыхъ было бы слишкомъ долго распространяться. Наконецъ, необходимо, чтобы у нея по этому поводу никогда не сорвалось съ языка ни передъ кѣмъ насмѣшки, порицанія, жалобы и т. п., и чтобы она даже не выслушивала шутокъ, которыя многіе позволяютъ себѣ у насъ относительно религіи.

2. Принцесса, пріѣхавъ одна въ эту мало извѣстную и отдаленную страну, пойметъ, что ей собственная польза требуетъ, чтобы она сблизилась съ ея величествомъ и снискала ея довѣріе, дабы имѣть въ ней вторую мать и личность, которая будетъ руководить ею во всѣхъ ея поступкахъ, безо всякихъ личныхъ видовъ и цѣлей. Въ отношеніи къ императрицѣ, принцессѣ слѣдуетъ быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было; объясненіе съ глазу на глазъ всегда будетъ наилучшее. Этимъ она избавитъ себя отъ многихъ интригъ и происковъ, которые не замедлятъ коснуться ея. Такъ какъ принцесса не можетъ имѣть никакихъ личныхъ цѣлей, то ей не придется что либо скрывать отъ ея величества. Поэтому она хорошо поступитъ, говоря ей всегда откровенно все то, что у нея будетъ на душѣ; это (не говоря уже объ интригахъ) будетъ гораздо лучше для ея собственнаго спокойствія.

3. Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, ибо это вполне зависитъ отъ счастливой случайности; но что касается дружбы и довѣрія, пріобрѣсти которыя зависятъ отъ насъ самихъ, то я не сомнѣваюсь, что принцесса пожелаетъ снискать ихъ своимъ поведеніемъ, своей сердечною добротою и иными своими достоинствами, которыми она уже извѣстна. Ей придется прежде всего вооружиться терпѣніемъ и кротостью, чтобы сносить мою горячность и измѣнчивое расположеніе духа, а равно мою нетерпѣливость. Я желалъ бы чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить иногда даже быть можетъ довольно сухо, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, относительно образа жизни, умѣнья одѣваться и т. п. Я прошу ее принимать благосклонно совѣты, которые мнѣ случится ей давать, потому что изъ десяти совѣтовъ все же можетъ быть и одинъ хорошій, допустивъ даже, что остальные бу-

дуть непригодны. Притомъ, такъ какъ я нѣсколько знаю здѣшнюю сферу, то я могу иной разъ дать ей такой совѣтъ или высказать такое мнѣніе, которое не послужитъ ей во вредъ. Я желаю, чтобы она была со мною совершенно на дружеской ногѣ, не нарушая однако приличія и благопристойности въ обществѣ. Болѣе того—я хочу даже, чтобы она высказывала мнѣ прямо и откровенно все, что ей не понравится во мнѣ; чтобы она никогда не ставила между мною и ею третьяго лица и никогда не допускала, чтобы меня порицали въ разговорѣ съ нею, потому что это не отвѣчаетъ тому разстоянію, которое должно существовать между обою ея сана и моего, и подданнымъ.

4. Наша публика требовательна во многихъ отношеніяхъ, какъ вездѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже болѣе, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ она менѣе образована и, слѣдовательно, имѣетъ болѣе предразсудковъ, легче поддается страстямъ подъ первымъ впечатлѣніемъ и обращаетъ болѣе вниманія на всякія мелочи. Поэтому необходимо составить себѣ извѣстный планъ дѣйствій, который будетъ служить какъ бы защитой, и руководствуясь которымъ можно не дать повода къ невыгодному впечатлѣнію.—Для этого слѣдуетъ идти прямымъ путемъ, не обращая вниманія на то, что происходитъ вокругъ насъ, не вмѣшиваться въ жалобы и нынѣ дѣла частныхъ лицъ, не сближаться съ одною личностью болѣе, нежели съ другою (пунктъ чрезвычайно важный) или, по крайней мѣрѣ, остерегаться показывать это. Ровность въ обхожденіи всегда пріятна, такъ какъ она никого не отличаетъ, никому не вредитъ и не даетъ повода ни къ хвастовству, ни къ жалобамъ—пунктъ чрезвычайно важный для принцессы, и этимъ путемъ заставить полюбить себя и отнюдь ни въ комъ не возбудить ненависти. Она должна быть со всѣми вѣжлива безъ всякаго оттѣнка фамильярности, не искать сближенія съ посторонними, стараться разговаривать какъ можно болѣе съ лицами, занимающими извѣстное положеніе въ обществѣ, имѣть пріятливый и непринужденный видъ, избѣгать напыщенности, казаться всегда веселой и спокойной. Всѣ эти пункты и послѣдній въ особенности, конечно, повліяютъ на ея репутацію даже за границей.

5. Наша нація или нашъ народъ весьма легко можетъ быть оскорбленъ въ своихъ чувствахъ по тѣмъ же причинамъ, о коихъ я упомянулъ, говоря о нашей публикѣ (слѣдуетъ различать публику отъ націи или народа; первая болѣе воспитана и нѣсколько менѣе невѣжественна, нежели народъ), тѣми же вопросами, тѣмъ же образомъ и по той же причинѣ; однако онъ относится съ большимъ уваженіемъ и почти-тельностью ко всему, что стоитъ выше его, въ особенности если лицо

начальствующее или извѣстнаго чина съумѣеть приобрести въ его глазахъ авторитетъ. Народъ очень любитъ привѣтливое обращеніе, но излишней любезностью можно навлечь на себя и непріятности, ибо въ такомъ случаѣ люди имѣютъ обыкновеніе тотчасъ являться съ жалобами, справедливыми или нѣтъ, которыя у нихъ всегда наготовѣ.— Если вы станете принимать ихъ, то будете ими завалены, и вамъ будетъ совѣстно и непріятно, что вы взялись за дѣло, которое не можете исполнить; вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ будетъ непріятно, что про васъ станутъ говорить, что вы обманываете людей.— Поэтому, въ подобныхъ случаяхъ лучше всего отсылать и самихъ людей, и ихъ дѣла въ подлежащія вѣдомства, но не входить съ ними въ докучливыя объясненія. Народъ любитъ, чтобы все, касающееся религіи, соблюдалось какъ можно строже; поэтому слѣдуетъ остерегаться оскорбить въ немъ эти чувства. Все, что и сказалъ выше объ ѣдѣ и другихъ мелочахъ домашней жизни, примѣнимо и въ этомъ случаѣ, ибо прислуга, принадлежа до нѣкоторой степени къ этому классу и имѣя приблизительно тѣ же взгляды, всегда спѣшитъ, въ особенности въ минуту злобы, передать другимъ все, что дѣлается, придавъ этому свою окраску, смотря по своимъ собственнымъ понятіямъ. Народъ любитъ извѣстную представительность или пышность въ одеждѣ и образѣ жизни, любитъ также, чтобы ему показывались иногда изъ окна или инымъ образомъ. Извѣстныя мелочи производятъ въ данный моментъ такое же впечатлѣніе, какъ самыя благія желанія и намѣренія, которыя остаются въ тайнѣ или не замѣчаются никѣмъ, ибо люди, не имѣя возможности проникнуть эти намѣренія, не могутъ и судить о нихъ; но поклонъ, улыбка или что либо въ этомъ родѣ, какъ вещь очевидная, тотчасъ производятъ хорошее впечатлѣніе.

6. Со всѣмъ этимъ непосредственно связанъ вопросъ о знаніи русскаго языка — вопросъ первостепенной важности какъ для извѣстнаго рода публики, такъ и для народа, для прислуги, для молитвъ, чтенія и т. п. Среди тѣхъ лицъ, съ коими принцессѣ придется видѣться ежедневно, у насъ есть множество особъ, не знающихъ ни слова по-французски или по-нѣмецки; какъ же она будетъ говорить съ ними, не зная языка, какъ она будетъ понимать ихъ? Что касается народа, какъ она будетъ отвѣчать ему въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по существующему обычаю, будетъ съ чѣмъ-либо поздравлять или выражать свои желанія, а ничего не отвѣтитъ — въ извѣстныхъ случаяхъ было бы равносильно оскорбленію. Что касается молитвы, какъ она будетъ знать, когда надобно перекреститься или соблюсти иное правило или наружный знакъ благочестія, какъ будетъ она читать установленныя на извѣстный случай молитвы? Что касается прислуги, какимъ образомъ

будетъ она объясняться съ нею, какъ будетъ она давать ей приказанія, выслушивать ее отвѣты и сама отвѣчать на ея вопросы?— При передачѣ черезъ третье лицо, знающее оба языка?— Но это также порождаетъ недоразумѣнія: одни сваливаютъ вину на другихъ, и въ концѣ-концовъ съ той и съ другой стороны рождаются неудовольствія, не говоря уже о непріятностяхъ. Что же касается чтеній или спектаклей на русскомъ языкѣ, то хотя они бывають очень скучны, но ихъ также необходимо понимать. Точно также и по тѣмъ же причинамъ, которыя я привелъ говоря о русскомъ языкѣ, необходимо пріобрѣсти историческія и иныя познанія о Россіи. Въ заключеніе замѣчу, что, стараясь пріобрѣсти основательное знаніе языка и въ особенности всего, касающагося страны, принцесса выкажетъ этимъ такое вниманіе, такое желаніе понравиться и быть пріятной, которыя навѣрно произведутъ самое отличное впечатлѣніе, особенно вначалѣ.

7. Принцесса будетъ имѣть своихъ собственныхъ слугъ, мужскаго и женскаго пола, которые будутъ подчинены непосредственно фельд-маршалышѣ Румянцовой. Было бы хорошо предоставить этой дамѣ всецѣло заботу о нихъ, во избѣжаніе всякихъ жалобъ и непріятностей, особенно вначалѣ, когда всякій старается, дѣйствуя осторожно, разузнать какую-либо слабую сторону, чтобы вкратости въ довѣріе и захватить нѣкоторую власть или добиться чего-либо. Чтобы пресѣчь путь мелкимъ интригамъ и многому другому, чего нѣтъ возможности здѣсь исчислить, принцесса должна, насколько возможно, остерегаться ставить фельдмаршалышу Румянцову въ неловкое положеніе своими противорѣчивыми приказаніями, предупреждая ее всегда заранѣе о своихъ распоряженіяхъ или объ отмівѣ данныхъ приказаній. Она будетъ на столько разсудительна, что никогда не будетъ принимать въ услуженіе лицъ сверхъ штата, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и не назначитъ имъ жалованья сверхъ установленнаго обычая. Я не буду говорить здѣсь объ обращеніи съ прислугою: болѣе мягкое обхожденіе всегда будетъ наилучшимъ; однако слѣдуетъ внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы прислуга точно исполняла свои обязанности, а въ случаѣ неисправности, чтобы ей было тотчасъ сдѣлано по этому поводу замѣчаніе, дабы заставить ее быть всегда внимательной. Наша прислуга никогда не упускаетъ случая явиться съ какою-нибудь просьбою или съ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ; поэтому надобно быть постоянно на-сторожѣ и не позволять ей подобныя вольности. О прислугѣ, по причинамъ, мною вышеприведеннымъ, можно сказать въ этомъ отношеніи то же, что и о народѣ.

8. Деньги получаютъ у насъ по третямъ, т. е. каждые четыре мѣсяца. Такъ какъ сроки этихъ получекъ довольно удалены одинъ отъ

другаго, то необходимо устраниваться такимъ образомъ, чтобы не терпѣть недостатка въ деньгахъ въ этотъ промежутокъ времени и не быть вынужденнымъ брать впередъ. въ счетъ будущей трети (такъ какъ при такомъ способѣ къ концу года пришлось бы брать впередъ за цѣлую треть, что образуетъ уже долгъ). Это распредѣленіе должно быть сдѣлано слѣдующимъ образомъ: надобно составить списокъ необходимыхъ расходовъ и при этомъ обратить вниманіе, чтобы они никогда не превышали трети общаго годоваго расхода. Изъ трети, назначенной на обыкновенные расходы, придется удѣлить извѣстную сумму на уплату тѣмъ лицамъ, которые уже получали жалованье при моей покойной женѣ, извѣстную сумму на гардеробъ, какъ на платья, такъ и на покупку матерій, и извѣстную сумму на экстраординарные расходы, какъ-то: подарки, благотворительность и т. п.; остальная сумма должна быть внесена на храненіе: это будутъ деньги на черный день. Уплата по всѣмъ счетамъ должна производиться въ исходѣ трети, не оставляя ни одного счета на слѣдующую треть, чтобы это не обратилось въ долгъ. Надобно привыкнуть самой принимать счетъ всего израсходованнаго, провѣрять итоги и такимъ образомъ самой привыкнуть къ порядку, и сдерживать и внушить страхъ тѣмъ, кто нашель бы для себя выгоднымъ представлять не особенно вѣрные счета, ссылаясь на ошибки въ вычисленіяхъ, что случается очень часто. Необходимо требовать, чтобы счетъ израсходованнаго за истекшую треть представлялся перваго или втораго числа перваго мѣсяца слѣдующей трети вмѣстѣ съ подлинными счетами и квитанціями купцовъ. Принцесса должна также имѣть нѣкоторую сумму денегъ для своего личнаго употребленія, которая будетъ какъ бы ея карманными деньгами; на этотъ предметъ должна быть ассигнована извѣстная сумма, которой необходимо вести счетъ, представляемый ежемѣсячно.

Покончивъ со статьею о деньгахъ, надобно перейти къ гардеробу. Гардеробъ принцессы въ настоящее время такъ полонъ во всѣхъ отношеніяхъ, что ей не придется, разумѣется, дѣлать много новыхъ покупокъ; тѣмъ не менѣе, по прошествіи нѣкотораго времени его придется пополнять слѣдующимъ образомъ: никогда ничего не брать въ долгъ, но всегда на наличныя деньги; никогда не дѣлать покупокъ черезъ разныхъ лицъ, но всегда черезъ одно и то же лицо; не допускать, чтобы товаръ приносили откуда ни попало, и чтобы этимъ завѣдывало лишь одно какое-либо лицо, ибо въ противномъ случаѣ всегда найдутся люди, которые постараются воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы показать какіе-либо товары, прельстить ими и заставить купить вещь, быть можетъ, вдвое дороже противъ дѣйствительной цѣны. Имѣя же для этой цѣли особое лицо, на которое будетъ возложена обязанность доставлять товары, можно предупредить мошенничество и устранить без-

порядки, которые могли бы произойти въ томъ случаѣ, если бы вещи проходили черезъ разныя руки. Гардеробъ надобно постоянно пополнять предметами, составляющими его основу, т. е. кусками матерій тѣхъ цвѣтовъ, въ которыхъ чаще всего встрѣчается надобность и которые употребляются въ бѣльшемъ количествѣ для подарковъ и т. п. Счеты и книги по гардеробу надобно принимать точно такъ же, какъ и счетъ денежнымъ тратамъ и приблизительно одновременно.

9. При принцессѣ будетъ состоять супруга фельдмаршала Румянцева, дама, извѣстная своими достоинствами и честностью, которая употребитъ все свое стараніе, чтобы пріобрѣсти довѣріе принцессы. Принцесса можетъ положиться на то, что она не употребитъ ея довѣрія во зло; было бы хорошо, если бы принцесса по пути въ Россію посоветовалась съ нею о нѣкоторыхъ вещахъ. Но я долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредить принцессу, чтобы она не позволяла съ собой никакой фамильярности иначе, какъ въ тѣ моменты, когда она сама того пожелаетъ; это будетъ всегда хорошо, въ особенности въ томъ случаѣ, если бы фельдмаршальша Румянцева сдѣлала что-либо не заслужившее одобренія принцессы, такъ какъ это дало бы ей достаточный авторитетъ и право высказывать хотя въ мягкихъ выраженіяхъ все то, что могло бы ей не понравиться. Я совѣтую принцессѣ предоставить фельдмаршальшѣ Румянцовой полную свободу относительно прислуги и другихъ мелкихъ домашнихъ распоряженій, даже относительно гардероба, и никогда не допускать, чтобы ей жаловались на фельдмаршальшу Румянцову. Въ противномъ случаѣ, я совѣтую ей дѣйствовать такимъ образомъ: если бы принцессѣ случилось быть недовольною кѣмъ-либо изъ ея слугъ, то было бы лучше всего заявить о томъ фельдмаршальшѣ Румянцовой, не обращаясь никогда къ кому-либо постороннему. До тѣхъ поръ, пока все будетъ идти извѣстнымъ опредѣленнымъ порядкомъ, не будетъ никакихъ недоразумѣній, но лишь только произойдетъ уклоненіе отъ этого правила, той и другой сторонѣ всегда придется имѣть непріятности.

10. Нашъ образъ жизни долженъ быть строго опредѣленъ какъ для насъ самихъ, такъ и для прочихъ лицъ, и приблизительно по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ. Подчиняясь въ жизни извѣстнымъ правиламъ, мы защищаемъ себя этимъ отъ своихъ собственныхъ фантазій, которыя переходятъ нерѣдко въ капризы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даемъ примѣръ другимъ людямъ, которые обязаны подчиняться тѣмъ же правиламъ. Я желаю бы поэтому, чтобы нашъ образъ жизни былъ строго опредѣленъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы у насъ были назначенные дни для пріемовъ, обѣдовъ и ужиновъ съ приглашенными и чтобы все это соверша-

лось въ строгомъ порядкѣ (безъ перемѣнъ, ибо всякая перемѣна въ этихъ вещахъ является въ глазахъ публики капризомъ) и вполнѣ прилично. Слѣдуетъ различать два вида этикета: одинъ — соблюдаемый лишь въ дни большихъ приемовъ и выходовъ, какъ-то: въ праздничные и воскресные дни, другой — въ обыденной жизни. Что касается перваго вида этикета, то онъ соблюдается вообще всякій разъ, когда къ намъ съѣзжаются по обязанности или на поклонъ, или для поздравительныхъ привѣтствій по случаю какого-либо праздника — тогда ни въ чемъ не слѣдуетъ отступать отъ этикета. Въ этихъ случаяхъ надобно быть особенно внимательной и не упустить поговорить съ наиболѣе знатными лицами, какъ-то: фельдмаршалами, генералами, сенаторами и другими высшими должностными лицами и иностранными посланниками. Кромѣ того, по причинамъ, изложеннымъ мною выше, надобно обратить особенное вниманіе на то, чтобы не отказываться бывать въ обществѣ; если же отказываться, то какъ можно рѣже. Принцесса можетъ быть увѣрена, что, привыкнувъ принимать и разговаривать съ людьми и побѣдивъ первую робость, она такъ освоится съ этимъ, что это не составитъ уже для нея труда. Къ этому можно примѣнить то же самое правило, которое относится и ко многому другому: когда вслѣдствіе робости испытываешь въ извѣстный моментъ скуку, то это чувство вознаграждается какъ нельзя лучше удовольствіемъ, доставляемымъ сознаніемъ исполненнаго долга; вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуешь вдвойнѣ цѣну удовольствія при мысли, что отдѣлался отъ этой тѣноты и вдвойнѣ цѣнишь удовольствие быть у себя дома, на свободѣ.

Что касается втораго вида этикета, то надобно только слѣдить за тѣмъ, чтобы все дѣлалось какъ можно правильнѣе. Назначивъ извѣстные дни для званыхъ обѣдовъ и ужиновъ, слѣдуетъ измѣнять ихъ по причинамъ, высказаннымъ мною выше, какъ можно рѣже, оставивъ однако два дня для ужина и одинъ день для обѣда у себя дома, въ домашнемъ кругу. У насъ будутъ назначенные дни для обѣдовъ у ея величества, что бываетъ обыкновенно раза четыре въ недѣлю; въ остальные три дня придется обѣдать два раза съ гостями, а третій день, въ пятницу, обѣдать дома, такъ какъ этотъ день считается постнымъ. На эти обѣды за-просто приглашаются только лица извѣстнаго ранга. Надобно наблюдать за тѣмъ, чтобы выѣзжать изъ дома, а равно садиться за столъ къ обѣду и ужину всегда въ одинъ и тотъ же часъ. Мы будемъ ежедневно бывать вечеромъ у ея величества; по возвращеніи отъ нея въ тѣ дни, когда у насъ будутъ ужинать приглашенные, мы должны тотчасъ выйти къ нимъ. Я долженъ замѣтить, что въ дни куртаговъ и баловъ, для карточной партіи надобно всегда выбирать кого-либо изъ русскихъ дамъ или кавалеровъ и одного изъ иностранныхъ посланниковъ.

11. Что касается тѣхъ лицъ, съ которыми мы должны видѣться въ обществѣ, то я уже говорилъ достаточно объ этомъ предметѣ въ предыдущемъ пунктѣ, и такъ какъ у меня все это уже установлено разъ навсегда, то я не могу ничего прибавить къ сказанному выше. Я долженъ только замѣтить, что у насъ нѣтъ обычая видѣться съ иностранцами иначе, какъ въ дни, назначенные для пріемовъ.

12. Я сказалъ выше, что точное исполненіе правилъ—одно изъ главныхъ условій, которыя слѣдуетъ соблюдать въ жизни; повторяю это еще разъ, въ особенности относительно домашняго обихода. Пока мы придерживаемся извѣстныхъ правилъ, до тѣхъ поръ мы спасаемъ себя отъ многого, и скука, одинъ изъ главныхъ недруговъ человѣка,—не имѣетъ, такъ сказать, власти надъ нами. Поэтому я считаю долгомъ просить принцессу подчиняться, со своей стороны, извѣстнымъ правиламъ какъ въ образѣ жизни, такъ и относительно занятій въ частности. Я совѣтовалъ бы принцессѣ вставать довольно рано, чтобы имѣть время причесаться, употребить часъ или два на занятія и затѣмъ окончить свой туалетъ вполнѣ, тѣмъ болѣе, что мое собственное препровожденіе времени распределено такъ, что, начиная съ девяти часовъ, когда я бываю совсѣмъ одѣтъ, и до полудня, у меня нѣтъ ни минуты свободной (это касается вставанія). Я убѣдительно прошу ее быть готовой къ полудню, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ 10¹/₂ часамъ. Въ послѣобѣденное время я прошу ее заниматься также чтеніемъ, музыкой и иными предметами, которые она сама найдетъ полезными и приятными; въ числѣ утреннихъ занятій я прошу принцессу назначить извѣстные часы на русскій языкъ и другія занятія для того, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя познанія по части исторіи, политики и географіи нашей страны, а также относительно религіи и церковныхъ обрядовъ. Что касается тѣхъ лицъ, которыя будутъ допущены въ ея интимный кругъ, то, принявъ во вниманіе, что принцесса будетъ имѣть дома весьма мало свободного времени отъ занятій, а остальное время будетъ проводить съ гостями, я полагаю, что она будетъ рада провести нѣсколько минутъ въ день одна, сама съ собою, и не думаю поэтому, чтобы принцесса сама особенно пожелала, чтобы при ней постоянно находились постороннія лица. Кромѣ того, я долженъ предупредить ее, что всякій интимный кружокъ, составленный изъ иныхъ лицъ, нежели тѣхъ, которые такъ или иначе должны составлять его по своему служебному положенію, становится подозрительнымъ въ глазахъ публики и даетъ поводъ къ пересудамъ, какъ бы ни была невинна его цѣль, тѣмъ болѣе, что всякая личность, входящая въ интимный кругъ, считается допущенной въ него предпочтительно передъ другими, а это возбуждаетъ, само собою разумѣется, зависть и, слѣдовательно, даетъ поводъ къ неудовольствію, чего,

*

какъ я уже сказалъ выше, принцесса должна всячески избѣгать. Часы обѣда и ужина должны быть строго опредѣлены и соблюдаться какъ по отношенію къ постороннимъ, такъ и по отношенію къ намъ самимъ; ссылаюсь на сказанное мною выше, въ этомъ же пунктѣ. Что касается времени отхода ко сну, то я прошу принцессу подчиняться моей привычкѣ къ регулярной жизни (которая вначалѣ покажется ей быть можетъ стѣснительной), тѣмъ болѣе, что въ видахъ моего здоровья и моихъ утреннихъ занятій, я не имѣю возможности, несмотря на мои молодые лѣта, бодрствовать ночью. Наконецъ, я прошу ее никогда не дѣлать, даже въ ея собственной комнатѣ, ничего такого, что имѣло бы видъ таинственности или желанія сдѣлать что либо тайкомъ, ибо это болѣе чѣмъ что либо подстрекаетъ любопытство своею таинственностью и заставляетъ дѣлать не особенно лестныя предположенія, ибо всякій говоритъ себѣ, что у кого чиста совѣсть, тому нечего бояться и, слѣдовательно, прятаться отъ кого либо.

13. Единственною моею цѣлью всегда будетъ сдѣлать принцессу счастливою, давъ ей возможность пользоваться всѣми преимуществами, какія я буду въ состояніи предоставить ей посредственно или непосредственно, охраняя ее вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего, что могло бы случиться съ нею непріятнаго или прискорбнаго. Съ этой цѣлью я употреблю конечно всѣ средства, которыя будутъ въ моей власти, и не упущу случая дать ей надлежащіе совѣты, но съ другой стороны необходимо, чтобы принцесса своимъ поведеніемъ сама устраняла отъ себя всякія непріятности, снискавъ любовь общества, и никогда не вмѣшивалась ни въ какое дѣло, ея непосредственно не касающееся, тѣмъ болѣе въ интриги и т. п. Для этого принцессѣ надобно держать себя со всѣми ровно, безъ малѣйшей фамильярности; это не дастъ возможности льстецамъ и людямъ не въ мѣру угодливымъ бесѣдовать съ нею, подъ видомъ преданности, о своихъ собственныхъ интригахъ или наговаривать на кого либо. Какъ только она дозволитъ себѣ, изъ расположенія или хотя бы изъ вѣжливости, малѣйшую фамильярность или намекъ на откровенность, можно быть увѣреннымъ, что всегда найдутся люди, которые захотятъ этимъ воспользоваться и незамѣтнымъ образомъ вовлечь принцессу черезъ эту личность въ какія либо интриги, не говоря уже объ иныхъ опасностяхъ, могущихъ угрожать ей. Поэтому во всѣхъ отношеніяхъ было бы прекрасно, если бы принцесса съ самаго начала внушила своимъ приближеннымъ уваженіе своимъ безупречнымъ поведеніемъ и тѣмъ упрочила себѣ будущее.

14. Убѣдительно прошу принцессу, по причинамъ мною изложеннымъ въ предыдущемъ пунктѣ, не принимать ни отъ кого совѣтовъ и

не выслушивать ничьихъ мнѣній, кромѣ какъ отъ меня и фельдмаршальши, такъ какъ принцесса не знаетъ здѣсь ни людей, ни ихъ положенія, ни взаимныхъ отношеній, а въ случаѣ, если бы ей пришлось выслушать отъ кого нибудь что либо подобное, ей слѣдуетъ немедленно передать о томъ мнѣ, чтобы тотчасъ отразить ударъ, въ особенности со стороны прислуги.

Замѣчанія позднѣйшаго времени, сдѣланныя на этой инструкціи:

1) *Великой княгиней Маріей Теодоровной:*

Инструкція, которую великій князь начерталъ для меня, прежде чѣмъ меня узналъ, и которую онъ передалъ мнѣ въ Рейнсбергѣ. Благодаря Бога, она мнѣ не понадобилась, такъ какъ моя привязанность къ нему всегда побуждала и всегда будетъ побуждать меня предупреждать его желанія; мужъ мой созналъ самъ, что требованія, имъ предъявленныя, были ему внушены злополучнымъ опытомъ его перваго брака.

2) *Великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ:*

Я не стыжусь въ этомъ передъ Богомъ и совершенно отказался отъ мыслей, внушенныхъ мнѣ моимъ злополучнымъ опытомъ. Я обязанъ сдѣлать это признаніе такой супругѣ, какъ моя, которая обладаетъ добродѣтелями и достоинствами и которую я люблю всѣмъ сердцемъ.

Сообщ. **Евгеній Шумигорскій.**

О наблюденіи со стороны начальниковъ гражданскаго вѣдомства, чтобы подчиненные имъ лица брили бороды и не носили усовъ.

Циркулярное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

18 марта 1837 г.

Статсъ-секретарь Ташевъ сообщилъ мнѣ, что государь императоръ, сверхъ дошедшихъ до его величества, изъ разныхъ мѣстъ, свѣдѣній, самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенноти въ столицѣ, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ, или подражать французскимъ модамъ.

Его императорское величество изволилъ находить сіе совершенно неприличнымъ и вслѣдствіе сего высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежать одному военному мундиру.

О таковой монаршей волѣ долгомъ считаю сообщить вашему превосходительству, для зависящаго съ вашей стороны, къ точному исполненію оной по вѣренному вамъ управленію, распоряженія.

Изъ біографіи Григорія Евлампіевича Благосвѣтлова.

Циркулярное отношеніе министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ.

11 мая 1855 г.

Начальникъ главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ генералъ-адъютантъ Ростовцевъ сообщилъ мнѣ, что учитель Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, кандидатъ С.-Петербургскаго университета Григорій Благосвѣтловъ, увольняемый нынѣ отъ службы, оказался неспособнымъ передавать воспитанникамъ ученіе въ выраженіяхъ приличныхъ, и что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ увѣдомить меня о таковой неблагонадежности упомянутаго преподавателя.

О семъ нужнымъ считаю увѣдомить ваше превосходительство.

На зарѣ крестьянской свободы.

(Материалы для характеристики общества).

(1857—1861 гг.).

VI 1).

Остзейская форма освобождения крестьянъ.—Возгласы противъ такого предположенія.—Характеристика русской колоніи заграницею.—Парижское общество.—Новыя стѣсненія цензуры, а затѣмъ дозволеніе касаться эмансипаціоннаго вопроса.—Сообщеніе объ этомъ П. Н. Анненкова И. С. Тургеневу.—Отношеніе печати къ дворянскому сословію и къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ.—Газеты «Молва» и «Парусъ».—Сататъ «Le Nord'a».—Письмо П. Кирѣвскаго А. Кошелеву.

Нѣ началу 1858 г. стали появляться симптомы успокоенія или лучше сказать покорности; но уѣхавшіе за границу наши соотечественники все еще продолжали шумѣть и безобразничать.

«Безъ сомнѣнія, говорилось въ одномъ письмѣ изъ Парижа къ князю Евгенію Владиміровичу Л—ву ²⁾, никакой особой, непосредственной опасности не предстоитъ, однако вы въ заботѣ, а потому хочется знать скорѣе и подробнѣе, чтѣ у васъ дѣлается.

«Здѣсь, какъ и у васъ, одни толки объ освобожденіи крестьянъ. Мы съ жадностію ловимъ извѣстія изъ Россіи; со вниманіемъ перечитываемъ рескрипты и отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Все это неясно, неопредѣлительно.—Русскіе (въ Парижѣ) просто сумасшествуютъ. Кромѣ нѣкоторыхъ, самыхъ образованныхъ, почти всѣ недовольны и выражаютъ это неприличными выходками, которыя показываютъ отсутствіе всякихъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1898 г.

²⁾ Отъ 3 (15) января 1858.

чувствъ, всякихъ убѣжденій и твердости. Чтобы потолковать хорошенъко объ этомъ дѣлѣ и посерьезнѣе разобрать волю государя, у меня соби- рались два раза по нѣскольгу здравомыслящихъ русскихъ. Вчера ве- черомъ сидѣлъ у насъ: кн. Орловъ, кн. Трубецкой (католикъ, смѣшной, но довольно ученый и чрезвычайно добросовѣстный человѣкъ), Свѣчинъ, молодой человѣкъ, который занимался вопросомъ освобожденія крестъ- янъ, Рейтернъ, чиновникъ морскаго министерства, котораго кажется, прочать въ будущемъ министры финансовъ, Ѡ—товъ и священникъ.

«Орловъ привозилъ письмо отца своего. Кн. Ал. Ѡед. пишетъ, что очень занятъ и могъ написать только нѣсколько словъ. Вотъ прибли- зительно, что онъ говоритъ (по-французски): «мы начали великое дѣло. Я не обманываю себя и знаю, что оно не обойдется безъ беспорядковъ и возмущеній, но не сомнѣваюсь, что, съ благоразуміемъ (*sagesse*), мы совершимъ его успѣшно. Если будутъ возстанія, *il faudra sévir juste et fort*. Прежде чѣмъ приняться, надо было хорошо обдумать, но разъ при- нявшись, надо дѣйствовать,—*reculer n'est pas possible. Voici ma profes- sion de foi, et c'est ainsi que pense le Gouvernement et l'Empereur en personne*».

«Что же дѣлаешь ты? Тяжело быть предводителемъ въ такую минуту. Имѣешь ли ты возможность знать, въ какомъ расположеніи духа и что дѣлаетъ народъ? Полагаю, что ты самъ не отдаешь себѣ ясно отчета во всемъ, что дѣлать намѣренъ. Разумѣется, спокойнѣе быть вдали, но тяжело не знать и не видать, что дѣлать намѣрены у насъ. Не знаю, что дѣлать съ своимъ имѣніемъ безъ себя. Особенно заботить меня имѣніе новоторжское, потому что оно оброчное и запашки въ немъ нѣтъ, какъ въ костромскомъ; притомъ, земля ничего не стоитъ и кре- стьяне ходятъ всѣ въ Петербургъ, слѣдовательно платятъ оброкъ не за землю. Выскажу тебѣ взглядъ лично мой, потому что лица, у меня собирающіеся, до сихъ поръ съ нимъ несогласны. Читая рескрипты и отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, я вижу слѣдующее: все написан- ное въ отношеніи министра есть его личное мнѣніе, которое можетъ быть измѣнено губернскими комитетами. Мысль государя надо искать въ рескриптахъ, и только. И потому, чтобы исполнить волю государя и сознать его намѣренія, надо прочесть со вниманіемъ этотъ рескриптъ. Говорится-ли въ немъ объ освобожденіи крестьянъ? нѣтъ! Говорится только объ улучшеніи ихъ быта. Измѣняются ли отношенія помѣщика къ крестьянамъ? нѣтъ! Государь выражаетъ только желаніе, чтобы по- мѣщики привели имѣнія свои въ слѣдующее положеніе: помѣщикамъ со- храняется право собственности на всю землю, крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдность (они ее выкупаютъ) и предоставляется поль- зование извѣстнымъ количествомъ земли, за которую они отбываютъ работу или платятъ оброкъ. Есть-ли это только переходъ къ совершенной

свободѣ, или окончательная цѣль государя (надѣюсь, что только переходная)—это намъ неизвѣстно. Но, мнѣ кажется, неразумно будетъ, если дворяне и предводители дворянства захотятъ смотрѣть на это какъ на совершенное освобожденіе и начать кричать и отчаяваться, отнимая у себя орудіе къ удержанію крестьянъ въ спокойствіи. Мы знаемъ, что свобода будетъ дана, и потому видимъ ее въ актахъ, въ которыхъ о ней вовсе и не говорится. Отношеніе министра написано не столь ясно; оно могло бы подать поводъ къ спорамъ, толкамъ и опроверженіямъ, но поведетъ ли это къ пользѣ? Плачь правительства намѣченъ, отступить отъ него оно не можетъ и не должно, не полезнѣ ли же прямо содѣйствовать его цѣли безъ разсужденія? Въ чемъ же должно состоять это содѣйствіе? Должно: 1) внушить дворянству, что мѣра, государемъ принятая, будетъ полезна и для него; 2) вразумлять крестьянъ, что государь желаетъ (слова рескрипта), чтобы они оставались въ строгомъ повиновеніи у помѣщиковъ и 3) дворянамъ и предводителямъ приступать немедленно къ снятію на отдѣльные планы усадьбы крестьянъ, крестьянскихъ полей и полей господскихъ и къ оцѣнкѣ тѣхъ и другихъ.

«Я думаю, что государь имѣетъ въ виду слѣдующій планъ: до сихъ поръ помѣщичьи имѣнія не приведены въ ясность и извѣстность; въ каждомъ имѣніи существуетъ свой порядокъ, свои начала, и потому никакой общей мѣры принять нельзя. Намъ дадутъ 12 лѣтъ, чтобы привести все въ видъ, основанный на общихъ началахъ, изложенныхъ въ рескриптѣ. Пока крестьянамъ не позволено переходить, отношенія остаются прежнія, кромѣ правъ вредныхъ и ненужныхъ—общинное начало утверждается. Пройдетъ 12 лѣтъ, и если дворянство будетъ содѣйствовать и пойметъ цѣль правительства, а правительство въ силахъ будетъ удержать миръ и спокойствіе, тогда будетъ приступлено къ полному освобожденію крестьянъ, т. е. къ совершенному расторженію отношеній крестьянъ и помѣщиковъ. Отношенія ихъ изъ обязательныхъ превратятся въ добровольныя: крестьянамъ будетъ позволено переходъ, а помѣщики будутъ вознаграждены за отходящія отъ нихъ земли (ту часть, которою крестьяне будутъ пользоваться въ продолженіе 12 лѣтъ за оброкъ или работу) какимъ путемъ—не знаю, частнымъ займомъ внутреннимъ или вѣншнымъ, или чрезъ выкупъ самихъ крестьянъ. Напримѣръ такъ: у помѣщика 100 душъ; каждая душа работаетъ 100 дней, итого 10,000 дней. Считая рабочій день въ 20 коп., 100 душъ дадутъ 2000 р. сер. Крестьянамъ будетъ предоставлено право внести помѣщику капиталъ, который (напр.) считая по 6% далъ бы тотчасъ доходъ, слѣдовательно 33.000».

Помѣщики, въ особенности жившіе въ столицахъ, увидѣли, что правительство неуклонно ведетъ дѣло освобожденія крестьянъ, и потому думать о поворотѣ назадъ уже невозможно и остается только разсудить,

какъ бы выполнить волю государя съ меньшею для себя потерю. Большинство останавливалось на остзейской формѣ освобожденія. Новгородскій помѣщикъ В—въ писалъ 23-го января 1858 г. Б—ву въ Парижъ:

«Мы въ своемъ Питерѣ понемножку здоровѣемъ: умножаемъ журналы, обдумываемъ средство къ свободѣ 30 милліоновъ людей, громко порицаемъ недосмотры. Господствующій у насъ разговоръ—освобожденіе крестьянъ. Вездѣ и всюду толкуютъ объ этомъ. Шесть губерній поднесли уже адреса; наша Новгородская сдѣлаетъ это въ половинѣ февраля. Все уже готово, собираютъ подписи. Мнѣ поручено дѣлать это по Петербургу отъ живущихъ здѣсь Бѣлозерскихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ Т—ва (онъ подалъ особый оппозиціонный отзывъ) и Синявина. Почти общая у всѣхъ мысль уволить крестьянъ безъ земли на правахъ остзейскихъ губерній съ мѣстными измѣненіями. Много поступаетъ просьбъ отъ крестьянъ, что они не желаютъ отходить отъ помѣщиковъ (угоди на человѣчество), но эти «увлеченія сердець», не думающія о будущемъ, оставляютъ безъ вниманія. Государь разрѣшилъ на дняхъ печатать въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ пренія по этому важному предмету, которыя дѣйствительно, по послѣдствіямъ, значительнѣе эпохи 1812-го года, даже освобожденія отъ татаръ, потому что послѣ нихъ оставалась еще нравственная татарщина... Помѣщики теперь присосанились, оцупали головы на плечахъ, сознали необходимость труда и воздержанія отъ роскоши. Если съумѣютъ сладить съ этой гигантской административной мѣрой безъ крови и потрясеній, то нынѣшнее царствованіе будетъ безсмертно въ исторіи; а мы, допѣвавшіе лебединую пѣснь крѣпостнаго быта, достойны будемъ обиятія Европы».

Лебединой пѣсни однако было только начало, такъ какъ остзейское, безъ земли, освобожденіе не раздѣлялось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, да и многими лучшими людьми того времени.

«Какое счастье, пишетъ изъ Ниццы Ольга Тургенева къ Александру Романовичу Дрентельну, что по сю пору въ Россіи все идетъ такъ разумно и послѣдовательно впередъ, опровергая всѣ зловѣщія предсказанія современныхъ Простаковыхъ и прочихъ безумныхъ жалкихъ трусовъ и лицемеровъ. Когда бы вы знали, когда я умѣла бы выразить вамъ, съ какимъ сердечнымъ замирашемъ, съ какою горячею внутреннею молитвою слѣжу я за первымъ приступомъ къ врачеванію нашей родной Россіи. Чѣмъ болѣе я встрѣчаюсь съ людьми, тѣмъ тяжелѣе становится на сердцѣ. Какъ мало такихъ, которые понимаютъ, что главный вопросъ все-таки улучшеніе крестьянскаго быта. Какъ мало такихъ, которые рады щедро отплатить за всю ту неправду, которую нашъ народъ терпѣлъ изъ-за нихъ. Всѣ болѣе или менѣе заботятся только о томъ чтобы дохода отъ этого не убавилось. Да что и говорить! Какъ мнѣ ни толкуютъ, что мои требованія ребяческія, что мой взглядъ крайне

не практиченъ, мнѣ кажется, я никогда съ ними не соглашусь—не могу. Къ чему намъ перенимать у сосѣдей? Времена тѣ прошли, да и обстоятельства не тѣ. Не правда ли? Надо, чтобы во главѣ этого движенія сталъ истинно русскій великій человѣкъ, чтобы русскимъ духомъ проникнута была каждая мысль, была пропитана каждая мѣра, имѣющая въ виду счастье русскаго народа. Къ тому же еще вопросъ, насколько хорошо нѣмцамъ?... Оттого, что они рознятся отъ нашего мужика тѣмъ, что сознательнѣе его чувствуютъ гнетущее ихъ зло и свое собственное безвыходное безсиліе, оттого они еще не счастливы».

Мужъ Ольги Ивановны, Александръ Михайловичъ Тургеневъ еще рѣзче отзывался о намѣреніи и поведеніи тогдашняго дворянства. Почти въ то же время онъ писалъ изъ Ниццы къ К. П. П. что «насъ долгое время называли въ Европѣ «Bägenländer», но Екатерина II въ течение 34-хъ лѣтняго царствованія изгладила это о Россіи и ея жителей понятіе. Россія въ эпоху ея владычества достигла верха славы, могущества и всё ей покорялись. Мудрый Фридрихъ въ завѣщаніи своемъ наследникамъ трона сказалъ: «смотрите всегда на сѣверъ и послѣдуйте въ дѣйствіяхъ вашихъ сѣверной Семирамидѣ». О темномъ времени четырехлѣтія пройдемъ молчаніемъ, поелику это были плачевныя времена бури, или лучше сказать, было время хаоса. Вдругъ неожиданно *pois avons commencé à singer*—и въ продолженіе 50-ти годовъ обезьяничали на разный ладъ. Что можно требовать отъ такого сословія? Мы несравненно ниже стоимъ, нежели стояли за сто лѣтъ: тогда мы были невѣжды, но были тверды, какъ вѣковой стоящій дубъ, а нынѣ и съ тростникомъ сравнить нельзя: гдѣ нынѣ видимъ или въ комъ найдемъ твердость и смѣлость патріота Долгорукаго? Святое, великодушное, выше всякой хвалы, намѣреніе благочестивѣйшаго государя нашего уничтожить гнусное, адское рабство, какое встрѣтило въ лучшемъ сословіи противумысли! Весьма прилично сказать: не сыпьте бисера передъ свиньями, да не попрутъ его ногами. Въ насъ, т. е. въ сословіи дворянъ, все утрачено: нѣтъ ни характера, ни правдолюбія, ни чувства чести, въ чемъ дворянство должно подавать примѣръ другимъ людямъ; мы единственно помышляемъ о пресыщеніи похоти; вижу въ чемъ упражняются здѣсь (заграницею) бѣгающіе руссы. Дворяне въ чужихъ краяхъ проводятъ время въ пріятномъ мірѣ—у, да въ трактирахъ! Какого же благодушнаго, правдолюбиваго и безкорыстнаго мнѣнія возможно ожидать отъ такихъ людей? Г. Бланкъ изволилъ написать и напечатать статью, доказывая, что въ Россіи нѣтъ рабовъ, что у насъ не такъ, какъ было въ Римѣ рабство, гдѣ людьми кормили морскихъ рыбъ! Бланкъ вѣроятно теперь засѣдаетъ въ комитетѣ объ изысканіи мѣръ къ освобожденію отъ рабства!»

Мы уже говорили, что при самомъ началѣ призыва дворянства къ

освобожденію крестьянъ, многіе изъ помѣщиковъ уѣхали за границу и образовали тамъ цѣлыя русскія колоніи. И въ настоящіе время типъ шатающагося по Европѣ безъ дѣла россиянина не хорошъ, но въ то время онъ являлся просто невыносимымъ. Если г. Бланкъ возбудилъ негодованіе А. М. Тургенева, то что же можно сказать о князѣ Трубецкомъ, издавшемъ книгу: «*Etudes religieuses et politiques sur la Russie*», въ которой онъ старается увѣрить русскихъ, что они были въ началѣ римско-католиками, но отпали при царѣ Василии Темномъ. Понятно, что за подобную идею народъ разорвалъ бы его на части, какъ супостата и измѣнника вѣрѣ православной. Такими глупыми произведеніями, какъ Бланка и князя Трубецкаго, русское дворянство хотѣло оправдать себя передъ Европою и стать съ образованнымъ европейскимъ обществомъ на одну ногу.

«Ты совѣтуешь мнѣ, писалъ между прочимъ изъ Парижа А. Ж—ковъ брату ¹⁾, узнавать, кто прѣзжаетъ изъ людей русскихъ и не пустыхъ. Сколько времени пойдетъ на разузнаваніе о томъ и на ознакомленіе. Въ настоящее время, кажется, здѣсь такого никого нѣтъ, а дрянн не-счетное число. Отвратительно видѣть никуда негодное, несчастное дворянство русское, не умѣющее добыть себѣ куска хлѣба честнымъ трудомъ, не дѣлающее ничего путнаго, и которое шатается по Парижу изъ магазина въ магазинъ, изъ дома своихъ пустыхъ пріятелей въ домъ, и изъ трактира въ трактиръ, катаясь въ чудныхъ экипажахъ и выказывая свои глупыя рожи публично, съ самодовольствіемъ. Вся эта порча помѣщичья и русская гниль прощаются въ Россіи, но внести все это сюда, не отряхнувъ ни одной крохи этого и такъ явиться на сцену Европы—возмутительно! Ты не повѣришь какъ они противны здѣсь! Не пріобрѣвъ ничего разумнаго, не воспринявъ никакой мысли благотворной, они увѣрились еще болѣе въ правотѣ своихъ нелѣпыхъ идей и выказываютъ свою пошлость во всей блестящей обстановкѣ. Теперешнія человѣческія идеи и законы (освобожденія крестьянъ) возбуждаютъ въ нихъ бессмысленное и подлое помѣщичье негодованіе».

Замѣчательно, что вмѣстѣ съ своимъ ничтожествомъ эти шатающіеся россияне были требовательны въ отношеніи заграничныхъ порядковъ и оказывались либералами въ отношеніи иноземныхъ правительствъ. Извѣстно, что французы жили тогда подъ все болѣе усиливавшимся режимомъ Наполеона III. Многіе уже тогда видѣли все неестественное положеніе Франціи. А. И. А—дъ уже въ то время общался изъ Парижа въ Москву Д. Н. Св—ву, что французы рѣшительно ходятъ на вулканѣ. «На лекціяхъ Жирардена, пишетъ онъ, собираются до 3000 человекъ слушателей, у Лабуде тоже и надобно видѣть, какія

¹⁾ Отъ 16 (28) января 1858 г.

раздаются рукоплесканія, когда дѣлаются какія либо намеки на правительство или когда порицають деспотизмъ. Вчера, напримѣръ, Лабуле, который вообще очень строгъ къ французамъ, кончилъ свою лекцію слѣдующими словами: *à mon grand regret, je dois vous dire, Messieurs, que nous autres français, nous aimons trop les aventures, nous sommes un peuple de soldats et avant tout, nous aimons un drapeau et nous nous inquiétons même fort peu, si on nous trompe avec ce drapeau.* Однимъ словомъ, выходя изъ Сорбонны или Collège de France я чувствую, что все-таки не всѣ довольны во Франціи, какъ объ этомъ говорятъ газеты. Любопытно также наблюдать наше посольство, которое живетъ какъ бы въ другомъ мірѣ и ничего не видитъ. Оно и естественно. На балахъ и въ Тюльери не увидишь недовольныхъ. Говорятъ, что наши дипломаты только тѣмъ и занимаются, что слѣдятъ, что дѣлается во дворцѣ, что сказалъ императоръ, какъ была одѣта императрица, каково здоровье ихъ сына и проч. Все же, что совершается во Франціи внѣ этой среды, для нихъ—*terra incognita*».

Предсказаніе исполнилось—послѣдовало покушеніе на жизнь Наполеона, были брошены взрывчатая бомбы, открытъ былъ заговоръ царевубійцы. Какъ же отнеслась русская колонія въ Парижѣ къ этому гнусному поступку? Либерально, крайне либерально! «Здѣсь сильно распространился слухъ, сообщалъ въ это время изъ Парижа В—ковъ въ Петербургъ Б—дину ¹⁾, что убійцы были не политическіе, а что было тайное общество, членомъ котораго былъ самъ Луи-Наполеонъ въ молодости, что эти карбонары клялись въ чемъ-то и положено было измѣнниваго убить. Такъ какъ Луи-Наполеонъ измѣнилъ этому обществу, то его члены обязаны были клятвою убить Наполеона III. Но каково остервененіе ихъ, что не щадятъ невинныхъ. Это остервененіе зависти противъ возвысившагося до императорства. Говорятъ, что остается еще болѣе ста подобныхъ мстителей.

«Всѣ національности, до сѣверо-американскихъ штатовъ включительно, находящіяся въ большомъ числѣ въ Парижѣ, представили адреса Наполеону по случаю покушенія, кромѣ русскихъ. Эти радикалы радикальнѣе американцевъ. Вотъ либералы то! Изъ всѣхъ мною встрѣчаемыхъ русскихъ, я видѣлъ только одного Свѣчина, который здраво говоритъ и думаетъ о Наполеонѣ III-мъ. Орловъ тоже сбить С—ами и прочими Ѳ—выми. Удивительно, какъ рѣдокъ здравый смыслъ между нашими соотчичами, и чѣмъ болѣе они рабы въ своемъ отечествѣ, тѣмъ ненасытнѣе ихъ требованія безграничной свободы въ чужихъ краяхъ. Здѣсь они хотятъ полную свободу языка, пера, и печати, хотятъ социализма, уничтоженія собственности вмѣстѣ съ буржуазіею

¹⁾ Въ письмѣ отъ 25 января (6 февраля) 1858 г.

и всякихъ желаютъ катастрофъ, а сами до сихъ поръ не иное что какъ *marchands de chair humaine*, подбитые холопствомъ. Холопъ на волѣ всегда экзажеруетъ (пропагандируетъ) вольность—это извѣстно. Наши мужики тоже не разъ доказывали, какъ они разумѣютъ волю. Да и какъ невольнику знать предѣлы свободы? Этимъ только я оправдываю неограниченный либерализмъ русскихъ во Франціи.

Разумѣется были среди русской колоніи въ Парижѣ кружки людей болѣе благомыслящихъ и развитыхъ, но кружки эти не давали тона и являлись какъ бы исключеніемъ. «Послѣдніе рескрипты, писалъ изъ Парижа Е. М. О. профессору Кудрявцеву въ Москву¹⁾—касательно положенія крестьянъ произвели здѣсь въ русской колоніи, какъ и слѣдовало ожидать, истинный восторгъ. Могутъ существовать, разумѣется, различныя мнѣнія касательно условій, предложенныхъ дворянствомъ, но важно по крайней мѣрѣ то, что начало сдѣлано. Вы не можете себѣ представить, какъ мѣра эта занимаетъ французовъ. Въ журналахъ говорить о ней мало, ибо не имѣютъ надлежащихъ свѣдѣній, чтобы обсуживать ее, но за то въ частныхъ разговорахъ много ею занимаются. Вообще сочувствіе къ Россіи развивается все болѣе и болѣе, не разбирая партій и мнѣній. Недавно Мишле сказалъ мнѣ, что мечта его жизни посвятить Россію когда нибудь. Видите, куда идетъ».

Съ такимъ же восторгомъ отзывается и г. А.—ди, хотя въ то же время указываетъ и на существовавшую въ то время въ Парижѣ клику крѣпостниковъ. «Время, которое переживаетъ теперь Россія, пишетъ онъ, удивительное, и всѣ мы должны быть болѣе, чѣмъ когда нибудь, полны надеждъ самыхъ радужныхъ. Весь старый порядокъ такъ и ломается, все трещитъ и падаетъ. Давно пора было за умъ взяться и вырвать съ корнемъ вонъ все гнусное, гнилое и дряхлое. Я только тѣломъ существую въ Парижѣ, духъ же мой весь тамъ, на родинѣ, гдѣ, слава Богу, безъ суда и слѣдствія лишаютъ теперь всю Россію чиновъ и дворянства. Я твердо убѣжденъ, что отъ обѣихъ мѣръ польза будетъ огромная. А какъ любопытно слѣдить теперь за отсталыми консерваторами... Есть такіе же и между молодыми людьми, но къ несчастію, эти недовольные встрѣчаются только между военными».

Говоря о русскихъ за границу, нельзя однако отрицать, что немало было и такихъ, которые ѣздили туда, чтобы просвѣтить свой умъ, присмотрѣться къ европейскимъ порядкамъ, чтобы приготовиться къ новой жизни у себя дома, создаваемой освобожденіемъ крестьянъ. Любопытно видѣть, какое впечатлѣніе производили на подобнаго рода россиянъ западно-европейскія идеи, а именно любопытно въ томъ отношеніи, что этовліяніе потомъ сказалось во всей послѣдующей жизни

¹⁾ Въ письмѣ отъ 9 января 1858 г.

русскаго общества. Увлеченіе отвлеченными формулами социализма и затѣмъ полное самоуниженіе,—вотъ чѣмъ сказалась западно-европейская жизнь и наука на россиянина, жаждавшемъ воспринять отъ нихъ и знаній и опыта. Увлеченіе перваго рода потомъ выразилось въ нашей жизни разнаго рода затѣями «самодѣтельности», «саморазвитія» и разразилось потомъ въ потоки «самонадувательства» въ рукахъ всякаго рода дѣльцовъ; а увлеченіе втораго рода повело къ жалкому обезьяничеству, къ полному отрицанію своего я и къ созданію пошлаго типа «общечеловѣковъ».

«Я теперь только начинаю понимать, писалъ К—ревъ изъ Парижа С—скому въ Корсунь ¹⁾, почему узколобый солдатикъ въ Парижѣ никогда не могъ понять социализма должнымъ образомъ. Онъ все хотѣлъ правительственную форму, потому что сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ и т. д. казалось всѣмъ деспотизмомъ навыворотъ. Онъ никакъ не могъ понять, что социализмъ очищенный въ сущности есть не что иное какъ гарантія отъ нищеты т. е. ассоціація, составленная не съ цѣлью наживанія денегъ, а съ цѣлью легкаго самопожертвованія въ пользу большинства, на счетъ котораго мы всѣ живемъ.—гарантія на всякій непредвидѣнный случай, не обязывающій никого, а лишь могущій существовать при добровольномъ соглашеніи: его примѣнимая форма будетъ измѣняться отъ мѣста и обстоятельствъ.

«Я увѣренъ въ одномъ, что если у насъ пойдутъ дѣла такъ, какъ они теперь начинаются, то не пройдетъ и полвѣка, какъ славянское племя будетъ господствовать въ Европѣ. Я конечно, не о «москаляхъ» однихъ говорю и очень хорошо знаю, что хоть эмансипація началась и съ западныхъ губерній, такъ все-таки она не обошлась безъ разрѣшенія государя. Западные губерніи такъ въ долгу у Опекунскаго совѣта, что онѣ уже три раза просили отсрочки, а теперь вѣроятно рады хоть какъ-нибудь отдѣлаться отъ долговъ и такъ сказать отъ того номинальнаго богатства, которое на нихъ лежитъ въ видѣ разныхъ барскихъ обязанностей, а эмансипація положить конецъ всему, даже ложному стыду баричей и паньчей...

«Желалъ бы я съ тобою свидѣтся и то не въ Россіи, а то пожалуй стыдно намъ станеть смотрѣть другъ на друга... Теперь наступаетъ заря свободы, какъ выразился бы Марлинскій,—ерго нужно умѣть работать, а не разговаривать, или по крайней мѣрѣ имѣть простую сметку нашего русскаго мужика, да крѣпкія руки, а у насъ ни того, ни другаго не имѣется. Сметку мы возвели или довели до парадоксальной нелѣпости, потому что читали безъ примѣненія къ дѣлу вычитанныхъ истинъ, а мускулы наши истощены необходимостью всяческаго разврата.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11-го (23) января 1858 г.

Слава Богу, что мы не утратили любви къ людямъ, и языкъ нашъ, умно направленный, можетъ быть полезенъ обществу. Но скоро у свободно-развивающагося и дѣятельнаго человѣка явится языкъ, который насъ за поясъ заткнетъ. Представители крестьянъ, повѣрь, не глупѣ насъ, представителями же помѣщиковъ быть нашему брату унижительно».

Знакомыя слова и знакомый оборотъ мысли. На эти темы впоследствии разыгрывали свои пьесы такъ называемые «новые люди», не замѣтивъ какъ подъ покровомъ ихъ общихъ идей и пустыхъ фразъ зародились у насъ всякаго рода опустошившія страну строительства и учредительства, а съ другой злоредныя, потерявшія всякій человѣчскій смыслъ «разрушительства». Вообще интеллигенція того времени, искавшая знаній на Западѣ, не отличалась доброю славою и пожалуй справедливо навлекала на себя ѣдкія насмѣшки и даже болѣе рѣзкіе отзывы. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, какъ извѣстно, не стѣснялся въ своихъ отзывахъ о людяхъ и вотъ, напримѣръ, какъ онъ характеризуетъ бывшихъ въ то время въ Римѣ русскихъ. «Здѣсь Дмитрій О—скій, пишетъ онъ къ Анненкову въ Петербургъ, возится съ Е. П. надъ будущностью Россіи и т. п. Онъ хорошій человѣкъ и уменъ, но туповатъ. Смирнова тоже здѣсь. Мнѣ ея фальшивая нота противна, но она тонка и занимательна. Художники наши,—говорю это съ сокрушеніемъ,—либо дѣти, либо дураки. Ивановъ уменъ и образованъ, но никакъ не можетъ разрѣшиться отъ бремени своей картиной. Х—ковъ оказался совершеннымъ лакеемъ въ душѣ и понятіяхъ. Махни рукой и иди мимо. Здѣсь распространился слухъ, что Пушкину хотятъ поставить монументъ по подпискѣ. Если это правда, то прошу внести за меня 50 руб.»

Безспорно, что за границую было гораздо легче слѣдить за ходомъ крестьянскаго дѣла, чѣмъ у себя дома. Если иностранныя газеты весьма мало отводили мѣста такому колоссальному русскому административному предпріятію, то все-таки для русскаго заграничнаго читателя имѣлась возможность познакомиться съ главными чертами крестьянскаго преобразования по статьямъ и корреспонденціямъ, помѣщаемымъ въ Nord'ѣ, а также по статьямъ лондонскихъ русскихъ изданій, имѣвшихъ въ то время, какъ извѣстно, весьма обширную и дѣятельную корреспонденцію изъ Россіи и самымъ ревностнымъ образомъ слѣдившихъ за всѣмъ, что происходило въ нашемъ отечествѣ. У себя дома о крестьянскомъ дѣлѣ тщательно все скрывалось и, несмотря на учрежденіе гласнаго комитета подъ названіемъ «главнаго», правительство все-таки не покидало убѣжденія, что это дѣло должно вести секретнымъ образомъ. Московская манифестація съ обѣдомъ и затѣмъ напечатаніе рѣчей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напугало нашу цензуру, послѣдовали новыя за-прещенія, новыя стѣсненія.

«Цензура опять повысилась, сообщаетъ изъ Москвы профессору

В—ру въ Казань братъ его Николай ¹⁾. Строго преслѣдуютъ и вычеркиваютъ все, что касается эмансипаціи. Затѣяли дѣло общественное и хотять рѣшить его келейнымъ образомъ—странно! Какъ не понимать того, что при оппозиціи дворянства этотъ вопросъ можетъ быть скорѣе разрѣшенъ путемъ журналовъ. Жаль только, что многіе изъ нашихъ дворянъ читать журналы считаютъ дѣломъ головолomнымъ и обременительнымъ для желудка. По моему, дай цензурѣ относительно этого дѣла правила для руководства, укажи ей направленіе и границы, изъ которыхъ она не должна выходить; а то у насъ или все или ничего,—середины нѣтъ. Поневоля цензура будетъ располагать всѣмъ по произволу и собственному крайнему усмотрѣнію».

Впрочемъ такое преслѣдованіе цензурою продолжалось весьма не долго. Съ учрежденіемъ главнаго комитета, съ поступленіемъ все большаго и большаго числа адресовъ къ государю объ освобожденіи, скрывать дѣло было невозможно,—оно само выступало на гласное обсужденіе, а потому само призывало къ себѣ участіе печати. Къ концу января было объявлено повременнымъ изданіямъ о дозволеніи касаться эмансипаціоннаго вопроса, но при этомъ было указано на необходимость держаться самаго примирительнаго тона, не возбуждая раздора между крестьянскимъ и дворянскимъ сословіями. Для печати такое разрѣшеніе было настоящимъ торжествомъ и безпредѣльною радостью. П.Н. Анненковъ торопится сообщить объ этомъ И. С. Тургеневу въ Римъ и привѣтствуетъ такое правительственное распоряженіе какъ какую-либо побѣду.

«Желалъ бы, пишетъ онъ, чтобы я первымъ вамъ сообщилъ хорошую новость, именно: послѣ зрѣлаго обсужденія въ министерскомъ совѣтѣ (комитетѣ министровъ), печати нашей дозволено, съ однимъ условіемъ благонамѣренности, трактовать со всѣхъ сторонъ какъ крестьянскій вопросъ, такъ и всѣ вообще современные административные вопросы. Первымъ отвѣтомъ на дозволеніе была превосходная статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» нашего симбиряка Трубникова о системѣ заготовленія фуража и провіанта безъ посредства купцовъ, гдѣ высказана обстоятельно вся несостоятельность этой мѣры, предложенной генералъ-провіантмейстеромъ. Какъ посмотришь на путь, открывающійся нынѣ всякому, кто имѣетъ что либо сказать, то не безъ грусти подумаешь о многихъ уже косноязычныхъ отъ долгаго воздержанія. Меня поражаетъ замѣчательный фактъ—въ публикѣ и у тѣхъ, кто выше публики, развилось сознаніе, что русская литература есть весьма важное совѣщательное мѣсто, обладающее идеями, познаніями и аргументами, на которыхъ не мѣшаетъ провѣрять собственныя соображенія. Какъ давно

¹⁾ Въ письмѣ отъ 4-го января 1858 г.

народился этот фактъ—можете судить по тому, что его еще не было въ живыхъ при нашемъ отъѣздѣ за границу. Помню я, что въ 1849 г. Гоголь находилъ необычайную пользу для литературы въ тогдашней системѣ цензурнаго ограниченія: это, говорилъ онъ, временный арестъ, чтобы заставить людей мыслить. Иногда кажется, что онъ былъ правъ. Десять лѣтъ молчанія, которое способно было бы ступить всякую дружгу, не молодую націю, подготовили у насъ только настоящую литературу, которая теперь и ломится въ жизнь, какъ ребенокъ изъ утробы матери. Забудьте еще и то, что вся наша литература теперь откровенна, чистосердечна, правительственна, говорить ли она рго или contra, и не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ глухой оппозиціи, которую мы такъ хорошо знаемъ и которую нынѣ уже слѣдуетъ искать въ другихъ, доселѣ рѣдко оберегаемыхъ классахъ. Такъ и въ частной жизни: одно время показываетъ и обличаетъ корыстную дружбу и безкорыстныя привязанности».

П. Н. Анненковъ намекаетъ на дворянство. И дѣйствительно, если въ то время и существовала оппозиція правительству, то только въ дворянскомъ сословіи и по преимуществу въ средѣ высшей бюрократіи. Оппозиція зародилась, а потомъ, при призывѣ депутатовъ, приняла болѣе рѣзкія формы главнымъ образомъ отъ того, что правительство не хотѣло выпускать изъ своихъ рукъ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, тогда какъ дворянство желало расширить свой кругъ участія въ этомъ дѣлѣ. Но съ другой стороны, правительство по необходимости должно было оберегать честь и достоинство дворянскаго сословія, боясь ненависти народа. Вотъ почему всѣ статьи, написанныя хотя въ руку правительству, но съ болѣе рѣзкими отзывами о дворянствѣ, почитались тогда крайне неумѣстными. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ началъ было издавать въ Москвѣ журналъ «Молву», но Константинъ Сергѣевичъ написалъ такую наивную и вмѣстѣ съ тѣмъ обидную для дворянства статью, что произвелъ всеобщій ропотъ, и правительство назначило цензора Безсомыкина для наказанія «Молвы». Тогда Иванъ Сергѣевичъ просилъ разрѣшить ему издавать «Парусь». Вина напечатанія статьи въ «Молвѣ» вполнѣ впрочемъ лежитъ на Константинѣ Аксаковѣ, а не на Иванѣ, который этимъ обстоятельствомъ былъ крайне возмущенъ. Неумѣстность задирабельнаго противъ дворянства тона и тогда сознавалась членами славянофильскаго лагеря. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ К. Е.—на изъ Орла къ Ивану Сергѣевичу Аксакову въ Москву ¹⁾.

«Теперь наступило такое странное, непривычное время. Мнѣ все кажется, что это день послѣ ночи. Время идетъ гораздо медленнѣе—чув-

¹⁾ Отъ 5-го февраля 1858 г.

ствуется, что живешь—и весело чувствовать время. Конечно, правда, что еще ничего нѣтъ кромѣ разговоровъ, да еще большею частію такихъ, которые сердятъ; но зная, что того, что уже сдѣлано, никто отнять не можетъ, очень весело.

«По 9-й ревизіи, 8 милліоновъ душъ крестьянъ, и у нихъ 40 милліоновъ десятинъ, если только у нихъ половина земли. Если бы правительство и захотѣло вознаграждать деньгами, то платя среднимъ числомъ не болѣе 10 руб. серебромъ за десятину—это составило бы уже 400 милліоновъ руб. сереб., слѣдовательно объ этомъ и мечтать невозможно. Но гораздо больше денежной потери боятся здѣсь, по крайней мѣрѣ, того, что при всякомъ спорѣ и мужикъ и помѣщикъ обязаны будутъ жаловаться становому или въ уѣздный судъ; слѣдовательно, безпрестанно непріятныя столкновенія, остановка въ работѣ и проч., проч. Есть, конечно, и такіе, которые плачутъ о потерѣ власти и доходовъ, которые говорятъ, что это чистое грабительство.....; но это не помѣшало имъ подписаться подъ адресомъ, который написанъ очень умно и безкорыстно. Зато здѣсь никто не чувствуетъ благороднаго негодованія противъ Кокорева, никто не говоритъ: мы не позволимъ купчишкѣ мѣшаться въ дворянское дѣло. Описаніе обѣда читалось здѣсь съ восторгомъ, слѣдовательно, все-таки сочувствія къ освобожденію больше, чѣмъ негодованія; но никто еще не отдаетъ себѣ яснаго отчета о томъ, что будетъ и куда это ведетъ. Разбудили, потревожили правда, но какъ будто какимъ-то радостнымъ извѣстіемъ—съ просонковъ какъ-то не разберешь въ чѣмъ дѣло. Предчувствіе, а не сознаніе хорошаго. Я увѣрена, что въ Москвѣ гораздо больше злостнаго недоброжелательства чѣмъ здѣсь.

«Парусъ» долженъ быть мирнымъ посредникомъ между помѣщиками и правительствомъ: не долженъ ожесточать ни тѣхъ ни другаго, но только не давайте цензурѣ исказить смыслъ. Мужъ мой боится этого эмансипаторства во что-бы то ни стало, чтобы помѣщики не отказались отъ него. Надо, чтобы съ перваго нумера ясно было, что за землю, которую помѣщики отдаютъ, была для всѣхъ въ видѣ вознагражденія правда. Главное, чтобы не производить такого впечатлѣнія: «мы хорошіе люди, кто намъ сочувствуетъ вполне, тотъ только и хорошъ». Часто людьми честными и благородными повторяются рѣчи людей корыстолюбивыхъ, единственно за неимѣніемъ своего опредѣленнаго образа мыслей. Много значитъ то, что еще не всѣ говорятъ умѣютъ, что не всѣ позволили себѣ до сихъ поръ даже думать. Вина ли это ихъ? Если вина, то вина всей земли русской, а не однихъ только помѣщиковъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что въ тогдашнемъ обществѣ на печать смотрѣли гораздо серьезнѣе, чѣмъ въ настоящее время, а потому и го-

раздо болѣе вѣрили и болѣе цѣнили печатное слово. Незвѣстный доброжелатель писалъ М. Н. Каткову: ¹⁾ «Третье отдѣленіе ²⁾ требовало закрытія твоего журнала, ³⁾ но Норовъ ⁴⁾ отстоялъ, послалъ только строгій выговоръ. Будь остороженъ, иначе послѣдствія могутъ быть очень печальны; чтобы вообще не было ни одного намека на эмансипацію крестьянъ. Теперь этотъ вопросъ и безъ того лежитъ у всѣхъ на совѣсти или на шеѣ. Тебѣ вѣроятно извѣстно, что теперь существуетъ особый комитетъ по этому дѣлу подъ предсѣдательствомъ князя Орлова. Не нужно мѣшаться, иначе можно привести въ окончательное раздраженіе. Всѣ убѣждены, что книжка журнала можетъ быть прочтена людьми дворовыми. Напоминать народу ужасы пугачевщины въ такое время на-ходить опаснымъ».

Точно также К. В. Е.--на останавливается отъ увлеченія И. С. Аксакова, а Николай Николаевичъ Ч.--нъ останавливаетъ брата и проситъ не касаться эмансипаціи, такъ какъ этотъ вопросъ уже перешелъ изъ области теоретическаго изслѣдованія на практическую почву.

«Печально думать, пишетъ онъ ⁵⁾, что на нашу литературу подымается гоненіе, тогда какъ она пользуется предоставленною ей нѣкоторою свободою умно, благородно и осторожно. Всякій мыслящій человекъ долженъ отдать ей эту справедливость. Сколько мнѣ извѣстно, изъ всего написаннаго съ политическою цѣлью въ послѣдніе два года исключеніе составляетъ статья Аксакова «Публика и народъ». Если бы она могла произвести дѣйствіе, то конечно оно было бы не иное, какъ возбужденіе ненависти въ низшемъ сословіи къ высшему; но къ счастью эта статья такъ поверхностна, ничтожна и мало извѣстна, что никакихъ серьезныхъ послѣдствій не могло быть. Неужели вся литература должна отвѣчать за одного пустаго крикуна? Негодованіе за рѣчь Кокорева должно быть возбуждено министромъ финансовъ ⁶⁾. Отгадать это можно, но утѣшиться нельзя. О Закревскомъ говорить нечего: онъ сдѣлался историческимъ лицомъ; имя его ярко выставится въ дѣтописяхъ Москвы. Все это печально, но я утѣшаю себя тѣмъ, что поднявшаяся буря скоро пронесется, и новая жизнь для Россіи не угаснетъ на своей зарѣ. Благородныя, великодушныя стремленія государя восторжествуютъ надъ тѣми препятствіями, которыя съ такимъ стараніемъ и искусствомъ воздвигаются передъ нимъ. Въ настоящую минуту наше общество волнуется негодо-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11-го февраля 1858 г.

²⁾ Собственной Его Величества канцеляріи.

³⁾ За статью о Пугачевѣ, заимствованную изъ записокъ Мертваго.

⁴⁾ Въ то время министръ народнаго просвѣщенія.

⁵⁾ Отъ 5-го февраля изъ Тамбова въ Москву.

⁶⁾ Читатель уже видѣлъ, кѣмъ возбуждено негодованіе противъ Кокорева.

ваніемъ отъ статей, помѣщенныхъ въ «Le Nord». Негодованіе тѣмъ болѣе справедливое, что все тамъ сказанное—ложно. Я не могу отгадать цѣли, съ которою ты пишешь статью объ освобожденіи крестьянъ. Дѣло это въ ходу; оно совершится непременно, слѣдовательно нѣтъ надобности его подогрѣвать. Люди съ самою заматорѣлою любовью къ прежнему порядку пришли къ убѣжденію въ необходимости переменъ. Правда, что это убѣжденіе въ нихъ основано единственно на томъ, что было бы не безопасно отнять у народа возбужденныя въ немъ надежды; но дѣло въ томъ, что всѣ готовы къ переменѣ. Теперь остается разработка практической стороны, соглашеніе противоположныхъ интересовъ, примѣненіе основныхъ началъ къ разнообразнѣйшимъ условіямъ. Разрѣшеніе этихъ задачъ не можетъ быть предметомъ журнальной статьи и дѣломъ одного человѣка. При томъ же вопросъ теперь приведенъ въ такое щекотливое положеніе, что всякое печатное о немъ слово производитъ сенсацию; не только смѣлая мысль, но и неосторожное выраженіе можетъ возбудить или негодованіе правительства, или ненависть заинтересованнаго сословія. Сабуровъ привезъ брошюру: «Etudes sur l'avenir de la Russie par D. K. Schedo-Ferrot». Она написана русскимъ и какъ говорятъ въ Петербургѣ—Самаринымъ».

Общество тогда дѣйствительно зорко слѣдило за всѣмъ, что печаталось въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ; все печатное оно близко принимало къ сердцу, а иногда и пользовалось печатнымъ словомъ для возстановленія истины, кѣмъ-либо нарушенной. Объ упоминаемой въ письмѣ статьѣ «Nord'a» князя Юрія Г—на заговорила въ то время, что называется, вся губернія. Описанныя имъ въ брюссельской газетѣ будто бы направленные противъ него интриги на выборахъ по поводу своеобразнаго освобожденія имъ своихъ крестьянъ, взволновали и обидѣли поголовно все тамбовское дворянство. «Одно, что непріятно подѣйствовало на насъ, тамбовцевъ, пишетъ помѣщикъ А—скій къ А. И. С—ву,—это статья «Le Nord» отъ 2-го февраля. Вѣроятно, вы ее знаете. Въ ней кн. Г—нъ выставленъ совершенно не такъ, какъ мы его знаемъ. Статья эта меня просто разсердила, и общее мнѣніе здѣсь, что опроверженіе на нее должно быть, по крайней мѣрѣ, такъ сильно, какъ сильна клевета, заключающаяся въ ней. Полагаю, что вы раздѣляете наше общее негодованіе, и вамъ, какъ участнику въ выборахъ, какъ говорившему въ пользу новыхъ идей и нашедшему искренній отголосокъ, полагаю, въ большинствѣ лицъ, васъ слышавшихъ, вамъ, любезный дядюшка, я увѣренъ, неправда, напечатанная въ «Nord'ѣ» по происку Г—на, должна была показаться еще поразительнѣе, зная, какъ мы знаемъ, какое онъ имѣлъ слѣдственное дѣло, бывши предводителемъ, какими средствами онъ морочилъ насъ все трехлѣтіе, когда служилъ, наконецъ, какъ онъ, отпустивши крестьянъ, взявъ по пятидесяти рублей съ души безъ земли, разорилъ ихъ. Невыносимо

читать что гласитъ «Nord», будто бы причина его неизбрания та, что онъ, согласно видамъ правительства, освободилъ крестьянъ. Выхода эта стоятъ труда хорошенько его отдѣлать. Боюсь, что Леонъ не воспользуется случаемъ и не отстоитъ чести губерніи. Опроверженіе въ томъ же журналѣ можетъ быть блистательно; кажется, въ матеріалахъ нѣтъ недостатка».

Мнѣніе о вредѣ необдуманнаго вмѣшательства печати въ крестьянское дѣло раздѣляли и помѣщики южныхъ губерній, даже люди вполне образованные, передовые, какъ напримѣръ А. Н. Т—скій. Въ письмѣ къ Н. А. В—сйру онъ указываетъ на особенности степной полосы и здѣсь же добавляетъ, что эти особенности могутъ разрѣшиться только путемъ практики, а не печатно. «Съ Божіей помощью мы въ непродолжительномъ времени и отъ себя отправимъ нашу готовность со всеподданнѣйшей просьбой о дозволеніи открыть комитетъ. Весь югъ Россіи (это изъ сношеній предводителей намъ извѣстно) ждетъ только нашего рѣшенія, какъ губернія центральной и съ университетомъ. Богъ помоги! У насъ всѣ сознаютъ, что пора—но какъ?! Чтобы не было обиднымъ ни той, ни другой сторонѣ. Вотъ въ чемъ вопросъ. Степи наши, неизмѣримыя по природѣ, обычай, хозяйственное устройство, сама природа нашего народа, дѣлаютъ насъ исключительными изъ всѣхъ прочихъ губерній Россіи и рѣшительно неподходящими къ постановленіямъ ни одной изъ нихъ. При пространствахъ нашихъ—малолудіе! Вотъ основной пунктъ, на который всѣ умы обращены. Гроза страшная—земля можетъ безъ рукъ остаться въ будущемъ, когда переходъ разрѣшится, особенно при непобѣдимой страсти малороссіянъ къ странствованію на югъ дагѣе и чрезвычайно малой привязанности къ мѣсту и еще менѣе къ семьѣ. Кто одно глго могъ побывать у насъ, тотъ въ этомъ неутѣшительномъ направленіи могъ бы удостовѣриться и убѣдиться, какъ въ этомъ отношеніи фальшива (хотя чисто литературная, но не практическая) статья г. Кошелева, помѣщенная въ «смѣси» одной изъ послѣднихъ книгъ «Русскаго Вѣстника». Я подобныя статьи считаю вредными въ настоящее практическое для Россіи время, ибо онѣ увлекаютъ массу пустыми умозрѣніями и отвлекаютъ малое число тѣхъ, которые способны вникать въ предметъ, требующій не краснорѣчивости, хоть бы и логически правильнаго, а чисто матеріальнаго, практическаго, на неизмѣнныхъ законахъ природы основаннаго взгляда. Не должно и нельзя разсуждать тамъ, гдѣ нужны лапти, такъ, какъ бы были шелковые башмаки. Сначала подумай о прочныхъ лаптяхъ, иначе ноги крапивою обожжешь. Литературѣ и журналистикѣ нѣтъ мѣста, гдѣ идетъ дѣло о положеніи прочнаго фундамента новому зданію—здѣсь мѣсто одной математикѣ. Къ несчастію *Mrs les plumitifs* (писатели), къ какому бы словію они ни принадлежали, считаютъ нашъ настоящій жизненный вопросъ не предметомъ, отъ котораго зависитъ будущее и сила Россіи, а чисто

предметомъ литературнымъ, о которомъ всякій красиво что-нибудь накропалъ хочеть, нисколько не заботясь, что онъ можетъ попасть въ корову, стрѣляя въ ворону. Рѣчи въ Москвѣ, во-первыхъ г. Кокорева (ширко въ спиртѣ плавающая) принадлежать къ этой категоріи, за исключеніемъ, впрочемъ, рѣчи Погодина, въ которой много зрѣлаго, практическаго, съ отсутствіемъ голыхъ умозаключеній. «Що було, мы бачали, а що буде, то побачимъ»—вѣрная хохлацкая пословица.

Литература того времени шибко шла по дорогѣ обличительства, оставивалась на общихъ положеніяхъ, но она была весьма далека отъ усвоенія жизненныхъ требованій и условій. Самый вопросъ объ освобожденіи отзывался какою-то идеальностью: говорилось объ общихъ принципахъ, о государственномъ значеніи реформы, но не указывались практическіе приемы и способы приведенія задуманной цѣли въ исполненіе.

Весьма понятно поэтому, почему правительство зорко слѣдило за печатью въ отношеніи крестьянскаго вопроса и всячески первоначально старалось отклонять этотъ предметъ отъ гласнаго обсужденія; только впоследствии, когда дѣло перешло на практическую почву—на обсужденіе его губернскими комитетами, оно увидало, что единственнымъ способомъ обобщенія всѣхъ разнородныхъ работъ по губерніямъ можетъ служить печать. Печать и выполнила въ то время это назначеніе въ ббльшей или меньшей мѣрѣ удовлетворительно. «Газету нашу («Одесскій Вѣстникъ пишетъ Богдановскій ¹⁾ къ профессору Н. И. Крылову, повели мы шибко, такъ что нѣкоторымъ она пришлась не совсѣмъ по нутру; недавно поднята была такая буря въ городѣ (по поводу фельетона о балѣ у одного богатаго шута), что едва цѣлы остались ²⁾. Утѣшаетъ меня одушевленіе, съ которымъ была принята программа нашего журнала во всемъ здѣшнемъ краѣ: бездна лицъ откликнулась на нашъ призывъ статьями, въ которыхъ изображалась мерзость заустѣнія во всѣхъ сферахъ жизни; жажда знанія и чтенія замѣчается вездѣ удивительная».

Изъ этого письма видно, что журналисты того времени всю силу печати все еще видѣли исключительно въ обличительствѣ, и, что главное, призывали къ себѣ на помощь мѣстныхъ дѣятелей, людей практики, а въ этомъ и заключались вся сила и мощь предстоящей работы для печати. Съ развитіемъ хода самаго дѣла въ одинаковой мѣрѣ и печать становилась содержательнѣе, а потому и полезнѣе. Взаимное дѣйствіе общества и печати, по глубоко затрогивавшимъ всю жизнь вопросамъ, сказалось тогда весьма скоро и впоследствии уже не вызывало такого недружелюбства на печать, какъ это обнаруживалось въ началѣ.

Любопытенъ слѣдующій фактъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ между

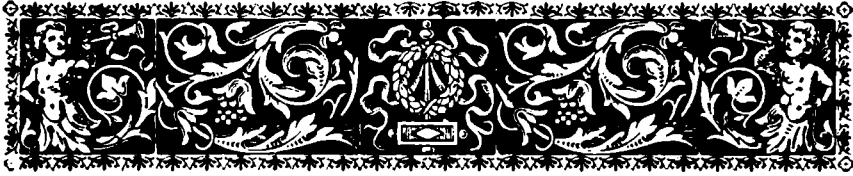
¹⁾ Одинъ изъ редакторовъ.

²⁾ См. выше «Московскій объѣдъ 28-го декабря 1857 г.».

А. В. Кошелевымъ и Петромъ Кирѣевскимъ затѣялась переписка касательно частнаго освобожденія крестьянъ. На приглашеніе Кошелева Кирѣевскій отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ вообще развивалъ свой взглядъ на освобожденіе крестьянъ и здѣсь уже указывалъ на практическіе приемы, какъ можно было бы исполнить это дѣло. Письмо это въ то время читалось въ славянофильскихъ кружкахъ, но посмотрите—какъ оно было понято въ то время! Е. С. Елагина въ письмѣ къ Вѣрѣ Вас. Павловой объясняетъ намъ это странное явленіе. «Я переписала для тебя, пишетъ она, письмо нашего Петра (Кирѣевского) къ Кошелеву, писанное въ пятидесятыхъ годахъ, въ отвѣтъ на его приглашеніе эмансипировать крестьянъ своихъ. Въ бумагахъ его нашли мы черновое, на разныхъ лоскуткахъ, написанное. Тогда оно намъ не нравилось. Горько вспомнить! Теперь же, прочтя его, поразило оно меня своей глубиной. Хотя вопросъ заключается въ частномъ освобожденіи, но ты увидишь, что оно приходится и къ теперешнему. Мнѣ кажется, что этимъ краткимъ отрывкомъ нашъ Петръ и въ этомъ вопросѣ съ того свѣта указываетъ намъ, о чемъ мы должны больше всего заботиться, т. е. что хлѣбъ нашъ насущный долженъ быть прежде всего «правда». Еще хотѣлось бы мнѣ чтобы письмо это перечелъ Ив. Авсаковъ. Онъ читалъ его также въ пятидесятомъ году, но также съ предубѣжденіемъ. Когда увидишь Ивана Сергѣевича, скажи ему, что я переписала съ черноваго и знаю, что многое измѣнили въ настоящемъ письмѣ, и попроси его, нельзя ли достать у Кошелева то, которое читалось на вечерѣ. Кошелевъ былъ въ Петербургѣ уже послѣ Петра. Никола говорилъ ему: хорошо бы было напечатать письмо. Знаете ли, что Кошелевъ отвѣтилъ: «Сохрани Богъ! Это показало бы Петра Васильевича въ дурномъ свѣтѣ, защитникомъ крѣпостнаго права». Вотъ какъ страсти помрачаютъ умъ у человѣка даже благоразумнаго. Я увѣрена, что если бы они, «собесѣдники», или «славянофилы», или «эмансипаторы», прочли это письмо теперь, то не только стали бы иначе думать о нашемъ Петрѣ, но даже вполне согласились бы съ его мнѣніемъ. Ты увидишь, что Петръ хотѣлъ освобожденія съ половиной земли въ собственность крестьянъ, слѣдовательно, онъ желалъ гораздо большаго, чѣмъ Кошелевъ. Нѣтъ, никто изъ жаркихъ эмансипаторовъ не желалъ больше его добра; его жажда правды могла утолиться только у ея источника, у самой правды. Никогда не было у него даже *aggrège pensée* о своей выгодѣ. Я увѣрена, что онъ ни минуты не задумался бы принести въ жертву не только все свое имѣніе, но и жизнь свою, если бы думалъ этимъ сдѣлать пользу. Такъ какъ я въ этомъ случаѣ чувствую себя виноватой передъ нашимъ незабвеннымъ Петромъ, то мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы всѣ, какъ ты я я, признали ясность, чистоту его побужденій и взгляда на такой важный вопросъ».

R.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I въ 1832 году.

(Изъ записокъ графа А. X. Бенкендорфа).

Толки о Польшѣ въ Европѣ.—Отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи.—Князь Паскевичъ намѣстникъ Царства Польскаго.—Учрежденіе почетнаго гражданства.—Запрещеніе азартныхъ игръ.—Переѣзъ мѣдныхъ денегъ.—Учрежденіе Военнаго совѣта.—Столѣтній юбилей перваго кадетскаго корпуса.—Депутатія Царства Польскаго.—Мехмедъ-Али и Египетскій вопросъ.—Маршалъ Мортъе и лордъ Дургамъ въ Петербургѣ.—Принятіе лорда Дургамъ на пароходѣ «Ижора» и переворотъ въ его мѣстѣ объ императорѣ Николаѣ.—Упраздненіе нѣсколькихъ польскихъ монастырей.—Дѣла на Кавказѣ.—Казимулла.—Повѣдка во внутреннія губерніи Россіи.—Посольство генерала Муравьева къ Мехмеду-Али для переговоровъ.

Европа, ревнуя къ нашему могуществу и симпатизируя польскому возстанію, какъ ослаблявшему наши силы, была однакоже бездѣйственною свидѣтельницею новыхъ успѣховъ нашего оружія, распущенія польской арміи и всѣхъ тѣхъ преобразованій, которыми государь старался поставить Царство Польское въ большую гармонію съ прочими частями своей имперіи. Кабинеты вѣнскій и берлинскій, одинаково съ петербургскимъ заинтересованные въ покореніи Польши, отдѣлились отъ общаго воля и искренно обрадовались прекращенію тѣхъ смуть, которыхъ отголосокъ проникалъ уже въ ихъ предѣлы. Люди разсудительные въ Англіи и Франціи не оспаривали, что польскій бунтъ справедливо вынудилъ императора Николая употребить всю силу и строгость для его подавленія, и соглашались, хотя и съ сожалѣніемъ, что усмиреніе этого буйнаго края есть одна изъ необходимыхъ гарантій мира и спокойствія Европы. Но либералы и оппозиціонная партія въ парижскихъ и лондонскихъ камерахъ громко требовали отъ своихъ правительствъ, чтобы они вступи-

лись за поляковъ и принудили Россію къ исполненію вѣнскаго трактата, которымъ утверждена независимость Польши, съ подчиненіемъ только ея конституціонному царю, въ лицѣ русскаго императора. Французское и англійское министерства должны были, по виду, уступить народнымъ крикамъ и обѣщали свое посредничество передъ русскимъ правительствомъ. Они предписали своимъ посламъ замолвить слово въ пользу поляковъ; но положительный отвѣтъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ отнялъ у нихъ всякую охоту поднимать официально голосъ по такому дѣлу, на которое государь справедливо смотрѣлъ, какъ на подлежащее исключительно его суду и не имѣющее ничего общаго съ нашею вѣншею политикою. Итакъ имъ пришлось замолчать, предоставивъ оппозиціи горланить въ Парижѣ и Лондонѣ. Газеты старались выместить безполезность и безсиліе попытокъ ихъ правительствъ самыми ѣдкими и желчными статьями противъ Россіи, а государь, презирая ихъ разглагольствованія, продолжалъ развивать и приводить въ дѣйствіе свои планы.

Затѣмъ, на первый планъ выдвинулось голландско-бельгійское дѣло. Франція склонялась въ пользу новаго бельгійскаго королевства, порожденнаго революціею, а Англія, Австрія, Пруссія и Россія держали сторону Голландіи. Такая разность въ видахъ и взглядахъ, замедлила окончательное рѣшеніе дѣла. Франція хотѣла присвоить себѣ и держать за собою вліяніе на судьбы Бельгій, которое давали ей географическое положеніе этой страны и тождественность языка, нравовъ и интересовъ ея населенія. Англія ревновала къ своей соперницѣ, и одно лишь средство интересовъ и принциповъ, одна лишь ненависть англійскихъ министровъ къ чистымъ монархіямъ могли привести ихъ къ союзу съ Франціей, на перекоръ исторіи и положенію обоихъ государствъ. Голландскій король оттягивалъ дѣло, въ надеждѣ разрыва между первостепенными державами, а съ нимъ всеобщей войны, полезной для личныхъ его интересовъ. Леопольдъ, бывший герцогъ Кобургскій и овдовѣвшій супругъ принцессы Каролины англійской, поддавался интригамъ кабинета Людовика-Филиппа, который, чрезъ посредство стараго хитреца Талейрана, старался склонить министерство англійское въ пользу герцога Леопольда, уже предъизбраннаго королемъ французовъ въ супруги своей дочери и слѣдовательно въ вассалы Франціи. Протоколы писались одинъ за другимъ, противорѣчили между собою, не вели ни къ чему, а между тѣмъ заставляли Голландію, Бельгію, Пруссію и Францію держать войска на военной ногѣ. Императоръ Николай уступилъ просьбѣ прусскаго короля и общему желанію, рѣшился сдѣлать попытку склонить короля голландскаго къ меньшей настойчивости и на этотъ конецъ отправилъ къ нему графа Орлова. Но король, отличавшійся упорнымъ нравомъ и все надѣявшійся, что возгорится европейская война,

воспротивился всѣмъ убѣжденіямъ нашего посла. Тогда графъ Орловъ прѣѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ дворъ, министры и публика приняли его, со всѣмъ почетомъ, подобавшимъ великому монарху, котораго онъ являлся представителемъ, и личнымъ качествамъ самаго графа, привлекившимъ къ нему, безъ различія, всѣ партіи. Послѣ этой попытки, нашъ государь предоставилъ времени рѣшеніе голландско-бельгійскаго вопроса, какъ не состоявшаго ни въ какомъ непосредственномъ прикосновеніи къ годамъ и пользамъ Россіи.

Между тѣмъ, при возстановившемся въ западныхъ нашихъ губерніяхъ порядкъ и спокойствіи, государь освободилъ ихъ отъ управленія на военномъ положеніи, подъ которымъ они находились еще со временъ императора Александра. Эта мѣра произвела въ краѣ самое благопріятное впечатлѣніе, послуживъ доказательствомъ, съ одной стороны, довѣрія правительства, съ другой—окончательнаго прекращенія обстоятельствъ, принуждавшихъ оное къ такимъ предосторожностямъ.

Съ окончаніемъ устройства Царства Польскаго на новыхъ началахъ, временное тамошнее правительство было закрыто, и фельдмаршалъ Паскевичъ, командовавшій расположенными въ Варшавѣ войсками, сталъ также и во главѣ гражданскаго управленія, съ званіемъ намѣстника царскаго и предсѣдателя совѣта управленія, составленнаго изъ русскихъ и польскихъ чиновниковъ, а также изъ управляющихъ разными частями, замѣнявшихъ прежнихъ министровъ. Число войскъ въ Царствѣ было ограничено однимъ корпусомъ. Сверхъ того, велѣно было образовать тамъ жандармскій корпусъ, на подобіе учрежденнаго въ Россіи, изъ поляковъ и русскихъ, и инвалидныя команды по воеводствамъ, сформировавъ ихъ изъ тѣхъ офицеровъ и солдатъ польской арміи, которые, со времени усмиренія мятежа, вели себя безукоризненно. Начальниками опредѣлены штабъ-офицеры нашей службы. Изъ числа офицеровъ, поляковъ, предавшихся великодушію государя, отличившимися покорностію и неимущимъ назначено содержаніе, соответственное прежнимъ ихъ чинамъ. Наконецъ сироты военныхъ и дѣти бѣдныхъ офицеровъ, по упраздненіи Калишскаго кадетскаго корпуса, отправлены на казенный счетъ въ корпуса петербургскіе и московскіе, а солдаты размѣщены по нашимъ войскамъ, сухопутнымъ и морскимъ. Имущество зачинщиковъ и главныхъ дѣятелей бунта, а также тѣхъ, кои, не воспользовавшись амнистіею, остались за границей, было подвергнуто секвестру, какъ въ предѣлахъ Царства, такъ равно и во всемъ Западномъ краѣ, впредь до разбора лежавшихъ на нихъ долговъ и окончательной конфискаціи сихъ имѣній въ казну.

Наконецъ, въ распоряженіе намѣстника Царства были отпущены значительныя суммы для пособій помѣщикамъ, фабрикантамъ и крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ бунта и войны. Правительство за-

купило въ Россіи огромныя гурты скота, для раздачи въ Царствѣ нуждавшимся въ немъ. Кромѣ того, была назначена особая коммиссія для разбора показаній о потеряхъ, понесенныхъ мирными жителями или тѣми, которые оставались вѣрными своей присягѣ. Впослѣдствіи, основываясь на изысканіяхъ этой коммиссіи, государственное казначейство щедро вознаградило ихъ за потери, чтобы такимъ образомъ всемірно изгладить слѣды этой бѣдственной войны.

Въ наступившую затѣмъ зиму не случилось ничего особеннаго, замѣчательнаго, и государь, пользуясь общимъ миромъ и спокойствіемъ, неуспынно занимался разными проектами и преобразованіями по гражданской части. Въ городскомъ населеніи учреждено было новое сословіе почетныхъ гражданъ, для удержанія людей торговаго сословія отъ необдуманныхъ и бесполезныхъ, какъ для нихъ, такъ и для общаго дѣла, переходовъ въ гражданскую службу.

Строгій указъ запретилъ всѣ азартныя игры, въ послѣднее время сильно развившіяся въ нашемъ обществѣ и разорившія многихъ молодыхъ людей и даже отцовъ семействъ.

Измѣнена была система мѣдныхъ денегъ нашихъ, дававшая дотолѣ поводъ къ вывозу ихъ, въ значительномъ количествѣ, за границу и даже къ спекуляціямъ на противузаконный ихъ переливъ. Военное министерство получило новое образованіе, черезъ упраздненіе званія начальника главнаго штаба и учрежденіе Военнаго совѣта. Наконецъ, сдѣланы были также перемѣны въ устройствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ томъ же году праздновался, 17-го февраля, столѣтній юбилей 1-го кадетскаго корпуса. Въ присутствіи приглашенныхъ къ этому торжеству всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса, кадеты, съ наследникомъ престола въ ихъ рядахъ, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, передъ монументомъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, одного изъ первыхъ воспитанниковъ сего корпуса. Потомъ послѣ молебствія въ корпусной церкви, императорская фамилія, приглашенные особы и кадеты были угощены завтракомъ въ залѣ корпуснаго зданія, гдѣ помѣщается его музей и въ тѣхъ комнатахъ, которыя занималъ нѣкогда любимецъ Петра Великаго, князь Меншиковъ, выстроившій этотъ домъ для собственнаго своего жилища, — а потомъ обѣдомъ въ Георгіевской и Бѣлой залахъ Зимняго дворца.

Въ началѣ мая государь принялъ, въ торжественной аудіенціи, депутацію, явившуюся изъ Царства Польскаго, для принесенія благодарности за дарованную его жителямъ амнистію. Придворные, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, городскія дамы, военные чины и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко двору, были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, гдѣ государь съ императрицею и наследникомъ стояла на

ступеняхъ трона. Депутація, состоявшая изъ 12-ти знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ Царства, была введена по-парно и приближалась къ трону, между выстроенными, по обѣ стороны залы, дворцовыми гренадерами. Князь Антонъ Радзивилъ, непричастный къ безумнымъ замысламъ своихъ соотечественниковъ, произнесъ рѣчь отъ имени депутаціи.

Эта сцена, столь уничижительная для Польши, произвела самое благоприятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ при ней русскихъ и нѣкоторымъ образомъ примирила національное самолюбіе видомъ унынія и покорности нашихъ укрошенныхъ враговъ.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ свѣта, завязалась новая политическая сумятица, которая опять возбудила къ намъ недовѣріе и зависть европейскихъ кабинетовъ.—Могущественный паша египетскій Мехмедъ-Али, давно уже негодовавшій на свое зависимое положеніе, вдругъ, подъ предлогомъ неблагодарности Порты Оттоманской за принесенную имъ жертву, посылкою для усмиренія Греціи своего сына и лучшихъ своихъ войскъ, поднялъ забрало и провозгласилъ себя врагомъ своего повелителя, султана. Интриги кабинетовъ парижскаго и, находящагося подъ его вліяніемъ, лондонскаго подожгли это возстаніе своими обѣщаніями, точно такъ же какъ прежде они раздували огонь революцій бельгійской и польской. Императоръ Николай, всегда благородный и послѣдовательный въ своей политикѣ, забылъ, что Турція вѣками враждуетъ противъ Россіи, и, чтобы дать разительное доказательство своихъ стремленій къ поддержанію законныхъ властей, послѣшилъ отозвать изъ Египта нашего консула. Мехмедъ-Али чрезвычайно огорчился этимъ знакомъ неодобренія его дѣйствій, польстившимъ Портѣ и который Франція и Англія старались, съ своей стороны, истолковать какъ новую, честолюбивую попытку нашего правительства. Но государь, не ограничиваясь этимъ, велѣлъ предложить султану прямую свою помощь, войсками или флотомъ, въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ признаетъ это нужнымъ. Турки, однако-же, сами слишкомъ хитрые и недовѣрчивые, чтобы положиться на благородное великодушіе Россіи, отклонили ея предложеніе. А Франція и Англія, съ цѣлью изгладить выгодное впечатлѣніе, произведенное русскими предложеніями на умы турокъ, послѣшили и съ своей стороны сдѣлать подобное же предложеніе, такъ что все ограничилось одною перепискою. Никто не повѣрилъ искренности императора Николая и приготовились: Мехмедъ-Али къ нападенію, слабая Порта къ защитѣ, а Лондонъ и Парижъ къ вооруженному нейтралитету, которому главную силу давали интриги ихъ посольствъ въ Константинополь и происки находившихся въ Египтѣ ихъ агентствъ.

Въ теченіе этого времени, Людовикъ-Филиппъ, продолжавшій, несмотря на тѣсный союзъ съ политикой Англіи, ревновать къ этой всегдашней соперницѣ Франціи,—искалъ случая сблизиться съ русскимъ

монархомъ, уже принимавшимъ въ свои руки вѣсы Европы. Хотя близкая связь съ Франціей обѣщала парализовать виды англійскаго министерства, враждебнаго нашимъ интересамъ и вообще монархическимъ началамъ, однако императоръ Николай, питая естественное отвращеніе къ хищнику законнаго трона Бурбоновъ, вѣжливо отклонилъ всѣ вкрадчивые его предложенія. Это не остановило Людовика-Филиппа въ достиженіи его плановъ. Онъ прислалъ въ Петербургъ маршала Мортъе, поручивъ ему всемѣрно стараться пріобрѣсти благорасположеніе императора и установить между обоими монархами сношенія менѣе прежнихъ холодныя. Мортъе былъ принятъ со всѣмъ почетомъ, приличествовавшимъ старому и храброму воину, тридцать лѣтъ сражавшемуся мужественно подъ знаменами республики и Наполеона. Государь почтилъ его своимъ довѣріемъ и пріобрѣлъ взаимно всю пріязнь престарѣлаго маршала—но въ политическомъ отношеніи дѣла остались какъ были, и въ разговорахъ своихъ съ Мортъе государь избѣгалъ даже произносить когда-либо имя короля французовъ.

Англія прислала также своего посла въ Петербургъ, но совсѣмъ съ другой цѣлью,—именно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе охладить отношенія между Россіей и Франціей, утвержденныя въ продолженіе двухъ вѣковъ взаимными интересами, торговлею и обоюдною симпатією сихъ націй. Лордъ Грей выбралъ для этой миссіи своего зятя, лорда Дургамъ, отчаяннаго либерала, человѣка заносчиваго, желчнаго и врага всѣхъ самодержавныхъ правительствъ, въ особенности же русскаго. Англійское министерство хотѣло употребить этого сварливаго и ненавидившаго насъ посла орудіемъ для истолкованія по-своему опасности, грозящей конституціонной Европѣ со стороны Россіи, чтобы оправдать черезъ сіе передъ англійскою націей тѣ жертвы, которыхъ намѣревалось требовать отъ нея (т. е. отъ англійской націи) для вооруженія и, можетъ быть, уже и для нападенія на императора Николая.

Съ такими непріязненными намѣреніями Дургамъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ на линейномъ кораблѣ, чтобы обозрѣть наши морскія силы, которыхъ возрожденіе пугало Великобританію и изыскать средства къ возможному ихъ сокрушенію. Въ самую минуту прибытія англійскаго корабля въ Кронштадтъ, туда случайно пріѣхалъ государь на пароходѣ «Ижора», и наша эскадра, по нѣсколько разъ въ годъ выходившая изъ этого порта и снова въ него возвращавшаяся, производила морскіе маневры. Государь, сидя въ шлюпкѣ, на которую сошелъ съ парохода, одною рукою правилъ рулемъ, а другою придерживалъ у себя на колѣняхъ шестилѣтняго своего сына, генералъ-адмирала русскаго флота Константина Николаевича, и такимъ образомъ обѣзжалъ суда. Въ этомъ видѣ англійскій посоль и экипажъ его корабля впервые увидѣли монарха Сѣвера,—котораго ихъ газеты изображали недоступнымъ тира-

номъ,—окруженнаго офицерами въ сюртукахъ и фуражкахъ. Эта простота, это отсутствіе всякаго этикета, это личное приготовленіе царственнаго младенца къ будущему его поприщу, на самыхъ первыхъ порахъ поразили лорда Дургамъ, воображавшаго себѣ лицо русскаго самодержца не иначе какъ среди пышнаго двора и бдительныхъ тѣлохранителей; но удивленіе его еще болѣе возросло, когда подплылъ къ его кораблю флигель-адъютантъ, приглашавшій его, отъ имени государя, на «Ижору», какъ онъ есть, въ томъ же костюмѣ и безъ всякихъ церемоніальныхъ приготовленій. По прибытіи посла на царскій пароходъ, государь принялъ его съ тѣмъ радушіемъ и тою прирожденною ему искренностию, которая отстраняла всякую принужденность и тотчасъ вселяла довѣріе. Введя Дургамъ въ свою каюту, онъ безъ всякихъ предисловіи и фразъ тотчасъ вступилъ съ нимъ въ пространный и душевный разговоръ о цѣли его миссіи, о дѣлахъ Европы, о началахъ руководствующихъ прямодушною политикою Россіи, и о личномъ своемъ желаніи оставаться въ добромъ и искренномъ согласіи съ Англійей, ибо хотя министры ея могутъ временно слѣдовать тому или другому направленію, но постоянные народныя интересы и опытъ прошедшаго ясно указываютъ на пользу и необходимость дружественныхъ сношеній между обѣими державами. Дургамъ вышелъ изъ этой аудіенціи въ совершенномъ изумленіи и съ инымъ совсѣмъ понятіемъ о государѣ. Едва бросивъ якорь у береговъ Россіи, онъ познакомился съ ея монархомъ, услышалъ отъ него лично то, что могъ бы желать услышать отъ министра иностранныхъ дѣлъ, узналъ такія вещи, которыя въ другихъ государствахъ сдѣлались бы ему извѣстными развѣ лишь послѣ долгихъ трудовъ и поисковъ, и съ самой первой минуты сталъ въ такія близкія и довѣрчивыя отношенія къ главѣ имперіи, какія для самыхъ искусныхъ дипломатовъ бывають большею частью плодомъ долготѣннихъ соприкосновеній. Человѣкъ умный и благородный, лордъ Дургамъ тотчасъ понялъ императора Николая, пересталъ сомнѣваться въ правотѣ его намѣреній и правдивости его словъ и, польщенный успѣхомъ столь быстрымъ и столь новымъ въ лѣтописяхъ дипломатіи, сдѣлался самымъ ревностнымъ поклонникомъ того монарха, въ которомъ предубѣжденіе и либеральный взглядъ на вещи и лица заставляли его дотошъ такъ грубо ошибаться. Все время миссіи лорда Дургамъ было для него рядомъ самыхъ пріятныхъ ощущеній и сопровождалось добрымъ согласіемъ. А донесенія его, въ которыхъ его личность не позволяла никому подозрѣвать пристрастія въ пользу самодержавнаго императора, образумили лондонскій кабинетъ и разсѣяли его прежнія ложныя предубѣжденія. Англійскій посолъ уже никогда болѣе не измѣнялъ составленное имъ мнѣніе о государѣ и уѣзжая чувствовалъ то же удивленіе и довѣренность, которыя были плодомъ этого перваго свиданія.

На слѣдующее утро, государь сдѣлалъ парадный смотръ флоту, по окончаніи котораго постигъ англійскій корабль. Онъ присутствовалъ на немъ при обѣдѣ матросовъ и, со стаканомъ въ рукѣ, провозгласилъ здоровье англійскаго короля. Капитанъ и офицеры были приглашены къ обѣденному столу въ Петергофъ, присутствовали на неподобающемъ праздникѣ 1-го іюля и потомъ на красносельскихъ маневрахъ и уѣхали въ совершенномъ восхищеніи отъ императора Николая, флотъ котораго, при припадѣ своемъ, хотѣли уничтожить. Петергофское общество, блескъ двора, изящество праздниковъ, стройная красота нашего войска, все это было для нихъ ослѣпительнымъ зрѣлищемъ, совершенно провуположнымъ тѣмъ понятіямъ о деспотизмѣ и общемъ мракѣ, да ожидающей ихъ ненависти, съ которыми они прибыли.

Тогда были у насъ въ большой модѣ Ревельскія морскія купальни и лѣтомъ 1832 года отправили туда великихъ княженъ Марію, Ольгу и Александру Николаевнѣ ¹⁾, въ сопровожденіи оберъ-штаб-мейстера князя Долгорукова и наставницы ихъ, г-жи Барановой. Мнѣ данъ былъ отпускъ на нѣсколько дней на мызу мою Фаль, и я съ семьей удостоился счастья принять тамъ августѣйшихъ дочерей моего императора, которыя провели у насъ цѣлый день.

Государь, постоянно занятый реформами въ западныхъ нашихъ губерніяхъ и убѣдившись, въ послѣднюю революцію, въ дурномъ духѣ, господствовавшемъ въ римско-католическихъ монастыряхъ, которые и вообще представляли скорѣе вертепъ разврата, нежели домъ молитвы, возобновилъ дѣйствіе Папской Буллы, издавна пришедшей въ забвеніе, чтобы обители, вмѣщающія въ себѣ не болѣе шести монашествующихъ, упразднить, съ распредѣленіемъ братіи въ другіе монастыри того-же ордена. Хотя эта мѣра и соответствовала строгой буквѣ закона, однако произвела громкій вопль между поляками, прикрытый похвальною привязанностію къ вѣрѣ, но въ сущности возбужденный желаніемъ втайнѣ упрекнуть правительство въ проступкѣ противъ вѣротерпимости и правосудія. Это не помѣшало, однако-же, дѣйствительно закрыть довольно много монастырей, съ переводомъ изъ нихъ монашествующихъ, а другіе обратить въ православные храмы, малочисленность и бѣдность которыхъ огорчали простое населеніе этого края, почти все принадлежащее къ господствующей церкви. Богатая и знаменитая Почаевская лавра, которая въ рукахъ униатовъ служила, во время революціи, притономъ для бунтовщиковъ,—была возвращена православію. Такимъ образомъ, государь старался снова поднять въ этихъ издревле русскихъ губерніяхъ православное вѣроисповѣданіе, пережившее тамъ польское завоеваніе и

¹⁾ Цѣлью поѣздки великихъ княженъ былъ собственно Добберавъ, но по случаю открывшейся тамъ холеры, онѣ остались въ Ревелѣ.

всѣ ухищренія латинянъ, которые, не успѣвъ задушить въ народѣ привязанность его къ вѣрѣ отцовъ, примѣнили ее къ латинской вѣрѣ — вымышленіемъ уни, подчинили ее главѣ римско-католической церкви въ лицѣ папы и наконецъ отторгли отъ нея древнее русское дворянство, всѣ ея богатства и всѣ воспоминанія, которыми она жила въ народномъ преданіи.

Въ продолженіе лѣта 1832 г., Дагестанскія горы сдѣлались, на границѣ Персіи, театромъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Отважный фанатикъ Кази-Мулла возбудилъ воинственные племена Закавказья противъ креста и противъ русскаго владычества. Прославившись своею набожностію и увлекательной силой слова, онъ вознамѣрился разыграть роль пророка и покровителя исламизма и безъ труда собралъ подъ свое знамя многочисленныя толпы горцевъ, всегда жаждущихъ боя и добычи и глубоко ненавидящихъ христіанство. Пробѣгая край съ алкораномъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой, Кази-Мулла напалъ врасплохъ на нѣкоторые изъ нашихъ постовъ и перерѣзалъ ихъ. Эта удача еще болѣе его ободрила и вмѣстѣ съ тѣмъ оживила всегдашнія надежды персіянъ и кавказскихъ племенъ сокрушить наше владычество въ этомъ краѣ. Вскорѣ, изъ скопища, первоначально собравшагося около Кази-Муллы, съ присоединеніемъ новыхъ сборищъ горцевъ, составила многолюдная армія, страшная своимъ фанатизмомъ. Главнокомандующій баронъ Розенъ успѣшилъ направиться противъ нея, во главѣ стянутыхъ имъ силъ и открылъ непріятеля, занимавшаго почти неприступныя высоты, которыхъ вся выгода была на сторонѣ горцевъ, сроднившихся съ своими, едва проходимыми тропами и извилистыми крутизнами дикихъ горъ.

Наши храбрые солдаты преодолѣли всѣ эти препятствія; взобрались на скалы, перекинулись черезъ овраги и пронасти и, сбивъ Кази-Муллу со всѣхъ его позицій, отважно бросились наконецъ на штурмъ укрѣпленной его засады. Бой былъ продолжителенъ и кровопролитенъ, но побѣда осталась за Розеномъ. Множество горцевъ пало подъ штыками нашихъ удалцевъ, и самъ Кази-Мулла заплатилъ жизнью за свою фанатическую попытку. Съ его смертію все возвратилось къ порядку, и кавказскія племена, утраченные своею неудачею, перестали сопротивляться. Джаробѣлоканскій край, гдѣ суровые лезгини столько лѣтъ вели съ нами упорную борьбу, успѣшилъ покориться и прислать аманатовъ.

1-го сентября, государь отправился для обозрѣнія внутреннихъ губерній Россіи. Мы поѣхали на Лугу и Великія-Луки, гдѣ его величество осмотрѣлъ нѣсколько полковъ гренадерскаго корпуса, отличавшихся своими подвигами въ послѣднюю Польскую кампанію. Они уже были частію укомплектованы и имѣли совершенно прежній прекрасный видъ. На слѣдующей станціи намъ встрѣтилось нѣсколько сотъ поль-

скихъ военнопленныхъ, предназначенныхъ къ поступленію въ ряды нашей арміи. Государь осматрѣлъ каждого по одиночкѣ, спросилъ о полкахъ, въ какихъ кто служилъ во время революціи, и по засвидѣтельствуванію препровождавшаго ихъ офицера о добромъ ихъ поведеніи, выбралъ нѣкоторыхъ въ гренадеры, а другихъ въ полки, расположенныя въ Финляндіи, а остальныхъ въ Балтійскій флотъ. Я роздалъ имъ деньги, и они отправились въ дальнѣйшій путь, въ восторгѣ отъ милостей того императора, противъ котораго сражались, единственно подъ вліяніемъ измѣнническихъ внушеній.

Ночью мы прѣехали въ Смоленскъ, городъ прославившійся въ нашихъ лѣтописяхъ своими вѣковыми несчастіями и представлявшій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ нашествія Наполеона груды развалинъ и пепла. Императоръ Александръ началъ возобновлять его, а императоръ Николай вновь воскресилъ его посредствомъ значительныхъ денежныхъ пособій пострадавшимъ жителямъ и возведеніемъ важныхъ казенныхъ построекъ. Все въ немъ было ново, вездѣ кипѣла работа и хотя мѣстами еще отдѣльно торчали трубы, и обгорѣлыя стѣны указывали на слѣды разрушенія, постигшаго этотъ древній городъ, но уже онъ обрисовывался въ возобновленномъ его видѣ: прекрасныя дома, большія общественныя зданія, отдѣланная за-ново церкви, чудесная больница, обширныя казармы свидѣтельствовали о возвращающемся благосостояніи города и о попечительности правительства. Государь все объѣхалъ и осматрѣлъ со свойственною ему наблюдательностію, — указалъ разныя новыя постройки и улучшения, въ томъ числѣ поправку древнихъ городскихъ стѣнъ, дважды въ теченіе двухъ вѣковъ выдержавшихъ непріятельскій натискъ; велѣлъ также замѣнить новымъ достойнымъ подвига памятникомъ ничтожный монументъ, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ разстрѣлянъ смоленскій дворянинъ Энгельгардъ, который предпочелъ смерть позору служить французамъ. По осматрѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ на полѣ сраженія, гдѣ Наполеонъ развернулъ свои многочисленныя полчища, государь продолжалъ путь къ Бобруйску и остался очень доволенъ всѣми работами, произведенными тамъ съ послѣдняго его посѣщенія. Оттуда, черезъ Козелецъ, въ которомъ государь пробылъ три дня для осмотра войскъ, мы поѣхали въ Кіевъ. Здѣсь государь остановился, какъ и въ прежнія свои поѣздки, у Печерской лавры, а на другой день осматривалъ на крѣпостной эспланадѣ нѣсколько резервныхъ батальоновъ и 6-ю уланскую дивизію, особенно сильно пострадавшую въ польской войнѣ. Съ престарѣлымъ фельдмаршаломъ графомъ Сакенымъ онъ обошелся со всею ласкою и дружбою, соотвѣтствовавшими его преклоннымъ лѣтамъ, заслугамъ и особенно ревностному усердію къ службѣ, нисколько не охладившемуся отъ дѣйствія времени. По осматрѣ государемъ публичныхъ заведеній и обшир-

ныхъ работъ, долженствовавшихъ обратить Кіевъ въ крѣпость перво-степенной важности, и по приѣмъ властей и главныхъ жителей города, мы выѣхали изъ него съ наступленіемъ ночи. Зажженная по этому случаю прекрасная иллюминація еще и вдалекѣ обрисовывала для насъ живописное положеніе Кіева и контуры богатыхъ его храмовъ.

Слѣдующее утро застало насъ въ Лубнахъ, главномъ складочномъ мѣстѣ аптекарскихъ матеріаловъ для войскъ, расположенныхъ на югѣ имперіи. Осмотрѣнными здѣсь тремя полками 1-й драгунской дивизіи государь остался недоволенъ и къ большому своему сокрушенію, вмѣсто похвалъ, которыя онъ такъ любилъ разсыпать, вынужденъ былъ бранить. Сходя съ лошади, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ; это насъ сильно встревожило, тѣмъ болѣе что докторъ его отсталъ въ пути. Къ счастью государь скоро оправился до такой степени, что могъ продолжать путь свой до Полтавы. Страшныя жары чрезвычайно затрудняли предстоящіе осмотры. Полтава носила на себѣ слѣды дѣятельности, водворившейся въ его царствованіе во всѣхъ частяхъ управленія. Городъ украсился, а малороссійскіе казаки, составляющіе главную часть городского населенія, только что передъ тѣмъ получили новое образованіе, съ большею точностію опредѣлившее ихъ повинности и ихъ отношенія къ властямъ и болѣе обезпечившее этотъ классъ отъ притѣсненій мелкихъ чиновниковъ.

Изъ Полтавы намъ довольно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы доѣхать до Харькова, жители котораго съ живою радостію встрѣтили своего юнаго монарха. По выслушаніи краткаго молебствія въ соборѣ, государь подробно осмотрѣлъ университетъ и остался недоволенъ худою постройкою его зданій, которыя, сооруженныя за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ огромными издержками, мѣстами угрожали уже разрушеніемъ. Студенты имѣли довольно порядочный видъ, и ректоръ хвалилъ ихъ добронравіе и прилежаніе, но вообще это заведеніе казалось не вполне отвѣчающимъ своему назначенію. Единственною, совершенно удовлетворительною частью, представлялась медицина, особенно-же родовспомогательная клиника. Государь похвалилъ, побранилъ и кончилъ свой обзоръ указаніемъ на необходимость разныхъ перемѣнъ.

Потомъ онъ посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, созданный благотворной рукой покойной его родительницы и перешедшій въ главное управленіе августѣйшей его супруги. Здѣсь все было прекрасно и все дышало тѣмъ порядкомъ и тою материнскою заботливостію, которыми вообще отличались заведенія императрицы Маріи, этого ангела благотворительности. Только помѣщеніе, частію деревянное, показалось государю не совѣтъ удобнымъ, и онъ самъ выбралъ болѣе обширное у городской заставы, при которомъ находился большой садъ. Затѣмъ, по осмотрѣ городской тюрьмы и богоугодныхъ заведеній, мы перенеслись въ Чугуевъ, центральный пунктъ украинскихъ военныхъ по-

селеній, гдѣ ожидали насъ въ сборѣ дивизіи кирасирская и уланская. Въ прежнія времена, чугуевское населеніе выставляло десятиэскадронный уланскій полкъ, который отличался красотой людей и лошадей, равно какъ и преданностію и мужествомъ. Но въ предыдущее царствованіе, воинственное племя чугуевскихъ казаковъ было реформировано въ военные поселенія, по безопадно строгой и жестокой системѣ графа Аракчеева, измѣнившей видъ этого небольшого, но богатаго края и превратившей его въ пространную казарму; эта система нарушила всѣ права собственности и водворила повсюду горькое раскаяніе. Множество казаковъ, посѣдѣвшихъ подъ ружьемъ и покрытыхъ славными ранами, было переселено изъ роднаго края и осуждено умереть въ мѣстахъ для нихъ чуждыхъ, частію даже въ Сибири, и всѣ эти ужасы совершились въ царствованіи самомъ мягкосердомъ, подъ скипетромъ самымъ просвѣщеннымъ, при государѣ, который спасъ Россію и Европу отъ Наполеонова рабства! Виною тому была одна слѣпая его довѣренность къ Аракчееву, котораго имя чугуевскіе казаки будутъ проклипать до позднѣйшаго потомства.

Императоръ Николай уже облегчилъ положеніе этихъ несчастныхъ въ настоящемъ, но не могъ исправить бѣдствій, перенесенныхъ ими въ прошедшемъ. Стараясь отвратить зло по крайней мѣрѣ на будущее время, онъ сдѣлалъ множество важныхъ и благотѣльныхъ перемѣнъ въ устройствѣ этихъ поселеній.

Собранное войско было въ самомъ блестящемъ положеніи и отличалось красотой и выѣзкою лошадей, а нижныя чины и офицеры превосходно знали свое дѣло. Мы провели тутъ три дня посреди ученій и хозяйственныхъ осмотровъ. Государь разсыпалъ щедрыя награды и почтилъ милостивымъ приѣмомъ депутацію коренныхъ жителей поселеній, стекавшихся отовсюду съ хлѣбомъ и солью.

Въ Бѣлгородѣ заслужила особенное высочайшее одобреніе 2-я драгунская дивизія, какъ находившаяся подъ командою генерала Граббе, одного изъ прощенныхъ заговорщиковъ 14-го декабря 1825 г., отличившагося въ Турецкую войну. Государь, не выдавшій Граббе съ той минуты, какъ онъ былъ приведенъ передъ него въ качествѣ преступника, поблагодарилъ возстановившаго свою честь генерала и вообще обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково. Граббе былъ растроганъ до глубины души и сказалъ мнѣ со слезами: «я болѣе въ долгу передъ Государемъ, чѣмъ кто-либо другой изъ его подданныхъ, и я съумѣю заслужить его милость и великодушіе».

Въ Воронежѣ, при исправленіи фундамента древняго собора, открыли гробъ архіепископа Митрофанія, кончившаго свою жизнь въ царствованіи Петра Великаго, особенно къ нему благоволившаго. Его тѣло, облаченіе и гробъ были найдены нетлѣнными, и это открытіе, вмѣстѣ

съ сохранившеюся въ преданіяхъ блаженною жизнью святителя, привлекало въ Воронежъ множество вѣрующихъ, жаждавшихъ поклониться его мощамъ. Вскорѣ, вѣсть объ ихъ нетлѣнности и объ исходящихъ отъ нихъ чудесахъ распространилась по всей Россіи, и общій голосъ нарекъ Митрофанія—святымъ. Синоду поручено было изслѣдовать это дѣло, и государь, соизволивъ на его приговоръ, подтвердившій общее мнѣніе, послалъ въ Воронежъ камергера Бибикова для присутствованія при открытіи мощей, которое совершилось съ подобавшею торжественностью. Съ тѣхъ поръ Воронежскій соборъ сдѣлался цѣлью богомолья вѣрующихъ.

Въ Бобруйскѣ, государь получилъ письмо отъ императрицы, со- вѣтовавшей и ему поклониться Св. Митрофанію. Онъ не замедлил это исполнить. Измѣненный маршрутъ привелъ насъ въ Воронежъ. Коляска едва могла двигаться среди толпы, ожидавшей государя на улицахъ и у собора. Войдя въ древнія стѣны собора, государь съ благоговѣніемъ припалъ къ ракъ Святителя. На слѣдующее утро, онъ подробно осмотрѣлъ госпитали, тюрьму, школу кантонистовъ, приказалъ спланировать площади и произвести разныя другія улучшенія. Народъ вездѣ бѣжалъ за нимъ съ неумолчными криками восторга.

Изъ Воронежа поѣхали мы въ Рязань, гдѣ государя встрѣтили съ тѣмъ-же энтузіазмомъ. Онъ остановился въ огромномъ домѣ нѣкоего Рюмина, который изъ мелочныхъ торговцевъ сдѣлался миллионеромъ и употреблялъ свои богатства самымъ благороднымъ образомъ на помощь бѣднымъ и украшеніе города.

Время года было уже довольно позднее и перепадали частыя дожди. Въ Рязанской губерніи мы ѣхали по ужаснымъ дорогамъ, изрытымъ слѣдовавшими въ Москву обозами и гуртами. Государь разгнѣвался и рѣшилъ предложить къ изслѣдованію и обсужденію новую систему шоссеиныхъ дорогъ, начавъ съ путей, ведущихъ къ Москвѣ. Впослѣдствіи, онъ неуспѣшно занимался осуществленіемъ этой мысли и, приведя ее въ исполненіе, стяжалъ вѣчную благодарность торговцевъ и путешественниковъ. На проѣздъ 200 верстъ, отдѣляющихъ Рязань отъ Москвы, мы употребили почти двое сутокъ и, пробывъ въ древней столицѣ только три дня, перелетѣли въ Петербургъ въ 36 часовъ. Императрица ожидала своего разрѣшенія, и нѣжная къ ней любовь августѣйшаго супруга ускорила наше возвращеніе. Спустя нѣсколько дней родился великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Въ теченіе минушаго лѣта, Мехметъ-Али, въ существѣ уже независимый повелитель Египта, продолжалъ свои приготовленія къ наступательной войнѣ противъ султана. Уже онъ переступилъ черезъ границы подвластныхъ ему областей, и сынъ его, Ибрагимъ-Паша, вошелъ завоевателемъ и бунтовщикомъ въ сосѣднія провинціи. Уже войска султана отступали передъ нимъ, и все мѣстное населеніе призывалось

къ возстанію. Ибрагимъ не тайлъ намѣренія отца своего: сокрушить державу, управлявшію мусульманами со время Магомета и, если нужно, проникнуть до Константинополя, чтобы ниспровергнуть колеблющійся тронъ султана. Онъ гласно возвѣщалъ преобразование Турецкой имперіи, отмѣну всѣхъ европейскихъ нововведеній и возвратъ къ обычаямъ и одеждѣ предковъ.—Турки, недовольные этими нововведеніями и уничиженные послѣднею войною съ Россіей, охотно внимали его общаніямъ и лишь весьма слабо защищали интересы своего монарха, неумѣстными переѣмами почти совсѣмъ утратившаго народную любовь. Армія его, худо устроенная и худо управляемая, отступала передъ египетскою, и частыя побѣги увеличивали силы противниковъ. Англія и Франція только на словахъ сулили Портѣ свою помощь, но ничѣмъ не старались остановить вторженіе Мехмета-Али. Въ этомъ положеніи дѣлъ, нашъ великодушный императоръ возобновилъ прежній свой вызовъ прислать Турціи вспомогательное войско и пригласилъ Англію и Францію способствовать дѣйствительными мѣрами къ предупрежденію паденія Порты Оттоманской. Обѣ сіи державы, не отказывая прямо, отвѣчали уклончиво и употребили свой вѣсъ у Дивана лишь для того, чтобы понудить его отклонить предложеніе императора Николая. Все, чего удалось намъ достигнуть, ограничилось просьбою Порты о посылкѣ съ нашей стороны въ Египетъ лица для переговоровъ. Выборъ государя палъ на генерала Н. Н. Муравьева, долго воевавшего за Кавказомъ и изучившаго обычай и характеръ турокъ. Съѣвъ въ Крыму на фрегатѣ, онъ проплылъ, черезъ Босфоръ и Дарданеллы, въ Александрію и былъ принятъ Мехметомъ-Али со всѣми внѣшними знаками почтенія и даже преданности русскому царю. Ихъ переговоры ведены были втайнѣ и внѣ интригъ иностранныхъ консульствъ. Муравьевъ, сознавая все достоинство роли Россіи въ этомъ дѣлѣ, требовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій и покорность султану, обѣщая взамѣнъ свои услуги у Порты для полюбовнаго соглашенія и забвенія прошлаго. Мехметъ-Али согласился и, разсыпаясь въ увѣреніяхъ уваженія и довѣрія, отправилъ Ибрагиму приказаніе остановить всякое дальнѣйшее движеніе. Таковъ былъ почти неожиданный успѣхъ этой миссіи: Ибрагимъ приостановился, и Турки могли оправиться. Но, къ несчастію, подозрительность и зависть Англіи и Франціи испортили дѣло, черезъ посылку въ Египетъ Галиль-Паши, того самаго, который пріѣзжалъ въ Петербургъ благодарить государя за Адрианопольскій миръ. Корабль, на которомъ прибылъ Галиль-Паша, бросилъ якорь возлѣ фрегата Муравьева. Не снесясь съ Муравьевымъ, Галиль-Паша преклонился передъ Мехметомъ-Али и не скрылъ всѣхъ опасеній Дивана, а черезъ то, познакомили честолюбиваго врага съ выгодами его положенія и со слабостію средствъ, которыми владѣлъ султанъ. Муравьевъ воротился черезъ Константинополь въ Россію. Порта замѣ-

тига, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно свою ошибку, а Англія и Франція обрадовались, что имъ удалось уничтожить покровительственное вліяніе Россіи. Вскорѣ за тѣмъ, турецкій агентъ былъ принужденъ оставить Египеть, и непріятельскія дѣйствія возобновились.

Сообщилъ **Н. К. Шильдеръ**.

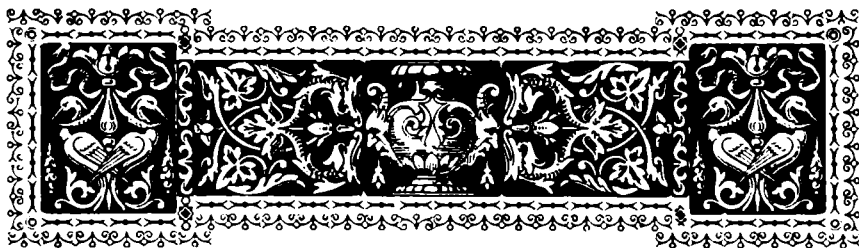
**Письмо императора Александра I графу Шанину о странномъ
обращеніи съ нимъ короля шведскаго.**

12-го іюня 1802 г.

Monsieur le Comte. Je n'ai pu apprendre par la lettre, que Vous m'aviez adressée de Wibourg, qu'avec une extrême surprise la manière étrange, dont Vous avez été traité dans les États du Roi de Suède. Je ne puis supposer, que ce Prince puisse avoir quelque motif de mécontentement personnel contre Vous et il serait encore plus singulier de croire, qu'il ai pu s'en prendre à Vous pour quelques actes de Votre Ministère, dans lesquels Vous n'avez pu être que l'organe de ma volonté et n'avoir d'autre responsabilité qu'envers moi. Cependant, quelque soit le motif, qui ait porté le Roi de Suède d'exercer cet acte de violence à Votre égard, j'ai été moins fâché de la chose elle même, qui ne saurait jamais Vous faire aucun tort, que des embarras dans lesquels Vous avez du Vous trouver avec Votre famille. Il m'est au reste agréable de Vous donner ici l'assurance de ma bienveillance et de mon estime ¹⁾.

¹⁾ Графъ. По письму, которое вы адресовали мнѣ изъ Выборга, я съ крайнимъ изумленіемъ узналъ о странномъ обращеніи, которому вы подверглись во владѣніяхъ короля шведскаго. Я не могу предполагать, что бы государь этотъ имѣлъ какіе либо поводы къ неудовольствію противъ васъ, лично; а еще болѣе было бы страннымъ полагать, чтобы онъ ставилъ вамъ въ вину какія либо дѣйствія вашего министерства, при которыхъ вы могли быть лишь органомъ моей воли и имѣть отвѣтственность лишь предо мною. Впрочемъ, какая бы ни была причина, побудившая шведскаго короля совершить надъ вами сей актъ насилія.—я былъ менѣе огорченъ самымъ событіемъ этимъ, которое никакъ и никогда не можетъ повредить вамъ, нежели тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ вы, съ семействомъ вашимъ, должны были очутиться.—Впрочемъ мнѣ пріятно выразить вамъ здѣсь увѣреніе въ моемъ благоволеніи и уваженіи.

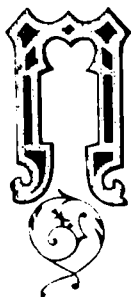
Московскій обѣдъ 28-го декабря 1857 года.

и его

ПОСЛѢДСТВІЯ.

—
III ¹⁾.

Цензурный надзоръ за „Одесскимъ Вѣстникомъ“.—Записка князя П. А. Вяземскаго.—Мнѣнія цензора Елагина—Обвиненіе Н. И. Пирогова.—Херсонскій губернский предводитель дворянства Касиновъ, какъ порицатель направленія „Одесскаго Вѣстника“.

Нолучивъ по наслѣдству вопросъ, возбужденный новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ о вредномъ направленіи «Одесскаго Вѣстника», Е. П. Ковалевскій счелъ необходимымъ ближе ознакомиться съ этимъ щекотливымъ дѣломъ. Онъ просилъ бывшаго въ то время членомъ главнаго управленія цензуры князя П. А. Вяземскаго вновь разсмотрѣть всѣ статьи, указанныя графомъ Строгановымъ, и въ то же время поручилъ состоявшему по особымъ порученіямъ при томъ же управленіи статскому совѣтнику Елагину слѣдить за статьями, появляющимися въ «Вѣстникѣ».

Какъ князь Вяземскій, такъ и Елагинъ доставили свое заключеніе и, конечно, расходились въ мнѣніяхъ.

«Я разсмотрѣлъ, писалъ князь Вяземскій, съ особеннымъ вниманіемъ статьи «Одесскаго Вѣстника», на которые указываетъ графъ Строгановъ, и имѣю честь представить вамъ мое о нихъ заключеніе.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1896 г.

«По мнѣнію самого графа Строганова: «можетъ быть каждая изъ этихъ статей, подвергаясь просмотру отдѣльно, могла бы не подать повода къ возбужденію вниманія недостаточно предусмотрительною цензурою, но въ совокупности они должны родить порицаніе самаго свиходительнаго и свободно мыслящаго лица въ Россіи».

«Безъ пристрастія и безъ предубѣжденія разсматривая это мнѣніе, мудро было бы логически согласить: какъ статьи, отдѣльно взятая, сами по себѣ не имѣютъ характера предосудительности, а взятая вмѣстѣ составляютъ предметъ порицанія даже и для самыхъ свободомыслящихъ людей. Не доказываетъ ли это, что, читая эти статьи безъ предубѣжденія и, такъ сказать, безъ готоваго о нихъ уже заранѣе мнѣнія, не найдешь въ нихъ ничего положительно вреднаго; но читая ихъ въ духѣ перетолкованія и преслѣдуя самъ собственную свою мысль, находишь въ нихъ не то, что есть, а то, чего въ нихъ ищешь. По моему мнѣнію, даже и придерживаясь этой совокупности, на которую указываетъ графъ Строгановъ, въ этихъ означенныхъ отдѣльныхъ статьяхъ нѣтъ общаго значенія и направленія, которыя могли бы въ ихъ авторахъ обличить тайныя и заднія мысли или систематическое преднамѣреніе потрясти довѣріе и преданность къ правительству и поколебать основы нашего государственнаго и общественнаго порядка.

«Въ частностяхъ же нѣкоторыя изъ этихъ статей заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя въ цензурномъ отношеніи неумѣстныя и неприличныя выраженія, на которыя далѣе будетъ мною указано.

«Приступаю теперь къ разсмотрѣнію помянутыхъ статей, каждой порознь.

№ 5-й «Одесскаго Вѣстника»: а) 1858 г. «Замѣтки и вѣсти изъ Подолія», б) «О современномъ положеніи русской мануфактурной промышленности».

«Въ сихъ двухъ статьяхъ собрано много свѣдѣній хозяйственныхъ, промышленныхъ, фабричныхъ и коммерческихъ. Эти свѣдѣнія могутъ почестъя полезными не только для соображеній частныхъ, но и правительству. Если же мѣстное начальство или специалисты найдутъ въ показаніяхъ невѣрности или мнѣнія, подлежащія спору, то могутъ они внести поправки или новые воззрѣнія на тѣ же предметы. Напрасно только цензура пропустила въ первой статьѣ слѣдующія выраженія: «Здѣсь помѣщикъ мало заботится о довольствѣ своего крестьянина и вовсе не сочувствуетъ его нуждамъ». Оно, къ сожалѣнію, можетъ быть и правда, но не слѣдовало говорить того печатно, особенно въ мѣстной газетѣ, которая можетъ быть читаема и въ деревняхъ.

«Статья о русской мануфактурной промышленности не только не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но весьма благонамѣренна. Сущность ее состоитъ въ томъ, что Новороссія еще недостаточно вос-

пользовалась для развитія мануфактурной промышленности тѣми средствами, коими надѣлила ее природа, и тѣми пособіями, которыя даетъ къ тому правительство въ видѣ камеральныхъ факультетовъ при университетахъ и лицеяхъ, технологическаго института и образцовыхъ фермъ. Подобныхъ статей не только не слѣдуетъ воспрепятствовать, но желательно, чтобы онѣ являлись чаще и было имъ оказываемо поощреніе.

«№ 6-й—«О юридическомъ образованіи». Статья содержитъ показанія, какъ мало распространено въ Россіи юридическихъ свѣдѣній въ тѣхъ классахъ людей, которые не служатъ по судебной части или не занимаются ремесломъ стряпчихъ. Въ ней порицаются не законы наши, а то, что мы законовъ своихъ не знаемъ и, слѣдовательно, никто не знаетъ правъ и обязанностей того званія, къ которому онъ принадлежитъ. Одно только мѣсто могло бы здѣсь обратить вниманіе цензора, а именно, гдѣ авторъ отдаетъ преимущество публичному или открытому судопроизводству передъ закрытымъ. Но и эта мысль выражена у автора умеренно, вскользь и въ пяти или въ шести словахъ слѣдующаго содержанія: «Судопроизводство, которое было бы всею извѣстно и всею доступно и которое введено въ иныхъ западныхъ государствахъ» ¹⁾. Впрочемъ, здѣсь не слѣдуетъ подразумѣвать суда присяжныхъ, потому что гласное судопроизводство можетъ быть введено и безъ онаго.

«№ 7-й—«Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ». По содержанію своему эта статья имѣетъ значеніе полицейское и административное, а потому цензура не должна была бы ее одобрить безъ разрѣшенія высшаго мѣстнаго начальства. Цифры могутъ быть въ ней невѣрны и повести къ неосновательнымъ и несправедливымъ заключеніямъ. Къ тому же въ ней мѣстами встрѣчаются слишкомъ рѣзкія выходки, какъ, напримѣръ, о баринѣ, который говоритъ слугѣ: «Отъ тебя несетъ кабакомъ, а самъ облизывается послѣ рюмки мараскину, которымъ онъ запилъ объдѣ, на которомъ нельзя было пожаловаться на недостатокъ вина» ²⁾.

По поводу бюджета рабочаго статскій совѣтникъ Елагинъ, 3-го марта, доносилъ министру, что въ статьѣ этой выведено, что трудъ крестьянина недостаточно вознаграждается и такъ ничтоженъ, что не доставляетъ ему необходимыхъ средствъ къ жизни, въ чемъ, по мнѣнію цензора, кроется источникъ къ преступленіямъ.

«Мысль ложная, продолжаетъ Елагинъ, и весьма опасная. Последняя революція во Франціи началась съ требованія рабочихъ о большемъ вознагражденіи труда. Приведенные авторомъ выводы не вѣрны, поло-

¹⁾ Противъ этого мѣста на полѣ листа Е. П. Ковалевскій написалъ: „Въ этой статьѣ явный намекъ на гласное судопроизводство“.

²⁾ Е. П. Ковалевскій написалъ: „Статья, которую цензура никакъ не должна бы пропускать“.

жительно могутъ быть опровергнуты и разсѣиваютъ только непріязненные чувства низшаго класса людей къ высшему.

№ 9-й—«Степное хозяйство». Здѣсь, писалъ князь П. А. Вяземскій, нѣтъ ни слова о худомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами, а говорится только вообще о худомъ, т. е. о невыгодномъ и неблагоразумномъ хозяйствѣ. Въ концѣ объясняется, что работа вольнонаемными людьми будетъ полезнѣе для самихъ помѣщиковъ, мысль, которая совершенно совпадаетъ съ мѣрами, нынѣ принимаемыми правительствомъ ¹⁾).

№ 13-й—«Обзоръ русской литературы за 1857 годъ». Въ ней ничего нѣтъ, кромѣ общихъ разсужденій о томъ, что литература въ настоящее время пробудилась отъ усыпленія, дѣятельно занимается современными вопросами, обратилась болѣе прежняго на пслѣдованія ученыхъ, историческихъ и нравственныхъ предметовъ, обличаетъ и разоблачаетъ, отбросивъ притворство и самохвалство, наши народные недостатки, слабости и пороки. Статья, конечно, имѣетъ характеръ общественный и отчасти политическій, потому что и самая литература, которая въ ней разсматривается, носить этотъ характеръ. Но въ ней нѣтъ ничего вольнодумнаго и противнаго должному уваженію и покорности правительству. Разсужденія о Россіи до-Петровской и преобразованной, о системахъ торговли при тарифахъ, болѣе или менѣе свободныхъ, о выгодной сторонѣ работы наемной передъ обязанной и т. п., уже давно занимаютъ вниманіе русскихъ читателей и не могутъ не занимать ихъ при настоящемъ возбужденіи государственныхъ вопросовъ ²⁾).

№ 14-й—«О существенныхъ условіяхъ процвѣтанія промышленности земледѣльской». Статья совершенно сходная съ настоящими видами правительства и можно сказать, что вся ея сущность заключается въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ авторомъ: «Съ новымъ учрежденіемъ все придетъ въ нормальный порядокъ и заживетъ новою жизнью, прославляя вѣчно царствованіе Александра II ³⁾).

№ 18-й—«О французской беллетристикѣ». Главная мысль этой статьи заключается въ томъ, что стремленіе во Франціи къ матеріальному благосостоянію идетъ въ ущербъ умственному и нравственному развитію общества. Спекуляціи, игра на биржѣ все поглотило. Этому порядку далъ начало само французское правительство. Оно стоитъ во главѣ

¹⁾ Въ этой статьѣ Елагинъ находилъ, что авторъ отзывается „съ невыгодной стороны о помѣщикахъ въ отношеніи крестьянъ ихъ и хозяйства“. Е. П. Ковалевскій написалъ: „Ничего противоцenzурнаго и даже въ духѣ правительства насчетъ освобожденія крестьянъ“.

²⁾ Е. П. Ковалевскій написалъ на полѣ листа: „Кромѣ вступленія, чисто ученый разборъ вышедшихъ сочиненій“.

³⁾ „Есть, замѣтилъ Е. П. Ковалевскій, нѣсколько мыслей и выраженій рѣзкихъ относительно крестьянскаго сословія“.

всѣхъ промышленныхъ предпріятій, перестраиваетъ Парижъ за-ново и т. д. Литературныя сужденія автора поверхностны, односторонни и пристрастны, но впрочемъ, въ статьѣ никакого отношенія до нашего быта нѣтъ и ничего нѣтъ противнаго правиламъ цензуры ¹⁾).

№ 20-й—«О пароходномъ обществѣ». Здѣсь выставляются разныя неточности, несообразности, излишнія формализмы, замѣченные въ управленіи и дѣйствіяхъ этого общества; рѣзкихъ нареканій, личностей никакихъ нѣтъ; напротивъ, отзываются съ удивленіемъ и благодарностью о пользѣ общества, о покровительствѣ, которое оказываетъ ему правительство, о благонамѣренности начальниковъ конторы и т. д. Общество пароходное не есть правительственное мѣсто. Почему же и не подвергать дѣйствій его разсмотрѣнію и обсужденію? Если представленные факты не справедливы, то начальство можетъ опровергнуть ихъ въ той же газетѣ ²⁾). Впрочемъ, и редація сдѣлала оговорку, что не ручается за достовѣрность приводимыхъ фактовъ, и надѣется, что если между ними найдутся несправедливыя, то они вызовутъ опроверженія».

Безпристрастная и вполне спокойная записка князя П. А. Вяземскаго мало помогла дѣлу. Къ обвиненію «Одесскаго Вѣстника» присоединилось и обвиненіе попечителя учебнаго округа Н. И. Пирогова, будто бы покровительствующаго такому направленію газеты.

Въ № 21, отъ 22-го февраля, появилась небольшая замѣтка Пирогова слѣдующаго содержанія:

«Заключеніе г. автора: «Réponse à l'invitation de «l'Odesskii Vestnik» du 13 Fevrier», писалъ Н. И. Пироговъ, которое всякій можетъ самъ прочесть въ подлинникѣ (см. «Journal d'Odessa», 1858 г. № 20 mercredi, 19 fevr. (3 mais), относится, по тщательномъ обсужденіи, при существующихъ у насъ цензурныхъ постановленіяхъ, собственно не до сочинителя статьи «О существенныхъ условіяхъ процвѣтанія промышленности земледѣльской», помѣщенной въ № 17 «Одесскаго Вѣстника», а во-первыхъ, до постановленій, допускающихъ подобныя статьи къ обнародованію, и во-вторыхъ, до лицъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ опредѣленныхъ закономъ постановленій.

«Не принимая на себя права во всеуслышаніе давать совѣты, что можетъ и что не можетъ быть допущено къ перенесенію «sur le terrain brûlant de la presse», я не касаюсь перваго пункта; но считаю долгомъ замѣтить противъ втораго, что лица, назначенныя блюсти за исполненіемъ законныхъ постановленій, не могутъ себѣ сдѣлать никакого въ этомъ случаѣ

¹⁾ „Развѣ, написалъ Е. П. Ковалевскій, излишнія похвалы французскому поэту Беранже“.

²⁾ „Что уже оно и сдѣлало“, замѣтилъ Е. П. Ковалевскій.

упрека, исполняя совѣстливо и по крайнему своему разумѣнію какъ возложенныя на нихъ обязанности вообще, такъ въ особенности § 6 устава о цензурѣ, въ которомъ сказано: «Руководствуясь въ точности постановленными въ статьѣ 3-й правилами, цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону».

По поводу этой замѣтки Елагинъ, 12-го марта, доносилъ министру народнаго просвѣщенія, что сколько ему извѣстно никогда еще не появлялись въ русской печати подобныя объясненія правительственной власти съ какимъ нибудь «незаслуживающимъ вниманія по нравственнымъ достоинствамъ писателемъ статьи. Доселѣ, прибавлялъ Елагинъ, печатались только всеподданѣйшіе отчеты министровъ предъ государемъ императоромъ, а не отчеты правительственныхъ лицъ передъ публичною. Статья эта, бывъ допущена въ печать, въ формѣ изложенной въ «Вѣстникѣ», унижаетъ, по моему мнѣнію, административную власть и даетъ значеніе публикѣ, какое не принадлежитъ ей по нашему государственному устройству».

Къ этому обвиненію Н. И. Пирогова присоединился и херсонскій губернскій предводитель дворянства Касиновъ.

«Заботливое правительство, писалъ онъ министру народнаго просвѣщенія ¹⁾, слѣдуя путемъ прогресса, въ настоящую эпоху, возбуждало вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Вопросъ, обще-человѣчскій по мысли и совершенно русскій по той почвѣ (?), съ которой связано его разрѣшеніе. Дворянство имперіи спѣшитъ исполнить волю августѣйшаго монарха. Оно старается если не глубокимъ изученіемъ теорій, то по благородному стремленію сердца, стать въ уровень съ предложенной задачей, въ которой, довѣріемъ государя, ему предоставлено право практической дѣятельности. Обнародованы основанія развитія вопроса и указана самая историческая послѣдовательность его окончательнаго разрѣшенія. Изъ этихъ формъ, смѣю думать, ни дворянство, поставленное лицомъ къ лицу съ фактомъ, ни современная литература выйдти не вправѣ. Особенно печатное слово публицистовъ, это сѣмя, брошенное на общественную почву, въ настоящую эпоху, болѣе чѣмъ когда либо, должно быть употреблено съ разборчивостію, честно, и не набрасывая тѣни сомнѣнія на затаенную мысль».

«Къ сожалѣнію, рядъ статей «Одесскаго Вѣстника» 1858 года избралъ путь совершенно противоположный. Подъ фирмою разбора условій процвѣтанія промышленности земледѣльческой, въ противорѣчіе точному

¹⁾ Отъ 3-го марта 1858 г. № 154.

содержанію высочайше обнародованныхъ рескриптовъ, пункту 1-му, допускающему со стороны крестьянъ, за пользованіе землею, плату работою, трудомъ, — «Одесскій Вѣстникъ» (№ 17) провозглашаетъ, что «въ странѣ (слѣдовательно и въ Россіи) не должно быть другаго труда кромѣ свободнаго... Что это нестерпимое зло...¹⁾ Далѣе, что революціонная буря 1848 года освободила Австрію отъ великаго зла: оно состояло въ томъ, что за пользованіе землею, на поселянъ возложены были повинности, и эта мѣра, однажды вкравшись, вновь закабалила крестьянъ, лишила ихъ всякой энергии, всякой охоты къ труду.

«Критическая оцѣнка превосходства свободнаго труда передъ нужденнымъ вошла во многія періодическія изданія общимъ политико-экономическимъ вопросамъ, но никто не дозволилъ себѣ гласнаго приговора послѣдовательной мѣрѣ, въ настоящую минуту правительствомъ допущенной въ Россіи; никто не возвысилъ голосъ, чтобы произнести панегирикъ революціоннымъ бурямъ, очищающимъ міръ отъ разнаго рода зла. Такимъ образомъ, общество не слышитъ примирительнаго слова отъ людей науки и публицистовъ.

«Но и этотъ фактъ оставилъ бы я безъ вниманія, если бы не официальная статья г. попечителя одесскаго учебнаго округа, въ № 21-мъ «Одесскаго Вѣстника». Г. Пироговъ, скромно лишая себя права во всеуслышаніе давать совѣты, оправдываетъ, авторитетомъ своего разумія (который безъ сомнѣнія великъ) и общимъ содержаніемъ § 6-го устава о цензурѣ, направленіе статей одесской газеты. Такимъ образомъ, г. попечитель учебнаго округа, изъ области чисто литературной — вопросъ переноситъ въ отдѣлъ внутренней политики.

«По званію моему поставленный въ ближайшее соприкосновеніе съ правительственной мѣрой²⁾, имѣющей осуществиться и по Херсонской губерніи, исполненный притомъ уваженія къ специально-ученому авторитету г. Пирогова, и къ искренности стремленій его ко благу общему, — я почелъ себя обязаннымъ высказать открыто и мое убѣжденіе.

«Редакція «Одесскаго Вѣстника» 1858 года, пользуясь покровительствомъ г. попечителя, въ короткое время успѣла стать въ непріязненное столкновеніе съ одесскимъ обществомъ, позволивъ себѣ (№ 13) критическую оцѣнку частнаго бала, гдѣ всѣ лица извѣстны, на томъ основаніи, что балъ этотъ стоилъ дорого г. негоціанту (№ 16), что жизнь салонная вполнѣ отрѣшилась вездѣ отъ всякой связи съ жизнью семейной, и что въ *Indépendance Belge*, это допущено (№ 21)³⁾. Многое допущено на Западѣ, гдѣ, притомъ, нѣтъ цензурнаго комитета и что не

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁾ Освобожденія крестьянъ.

³⁾ Т. е. допущено описаніе такого же бала.

можетъ быть терпимо въ отечествѣ нашемъ. Назвать извѣстныя лица небольшого общества картиннымъ фебомъ и разными одалисками, осмѣивать удовольствія, соединенныя съ благотворительною цѣлью, не значить «еще быть цѣлой головой выше общества и вести его къ прогрессу. Подобныя истины не далеко ушли отъ извѣстной «*La propriété c'est le vol*». Только неловко затаенная зависть могла родить подобную мысль и дать ей столь циническую форму. Извѣстно частно, что хозяева отказали въ приглашеніи лица близкаго одному изъ редакторовъ, и вотъ появляется назидательно-сатирическая статья относительно частнаго бала и нравовъ цѣлаго общества. Возбужденъ вопросъ улучшенія быта крестьянъ и гласно (№ 9 «Одесскаго Вѣстника») ¹⁾ взводятъ небывалыя на цѣлое сословіе, обвиняя его въ злоупотребленіи помѣщичьей власти: относительно перехода закономъ установленной половинной работы въ 4-хъ дневную и наконецъ въ еженедѣльную и т. д. Обвиненіе это, если бы оно было справедливо, всю тяжесть падаетъ на мѣстныя власти, допускающія безнаказанно подобное зло.

«Статья такого качества, съ прибавленіями, жадно перепечатаваютъ вольные станки Европы. Опровергать ихъ печатно—инымъ недосугъ, другіе для того не приготовлены и всѣмъ закрыта дверь въ «Одесскій Вѣстникъ», единственный органъ гласности литературной въ Новороссійскомъ краѣ. Привратники впускаютъ только тѣхъ, кто ихъ върова-ній. Пригѣры тому извѣстны каждому въ Одессѣ, такъ же точно, какъ извѣстно и то, что авторъ статьи «О степномъ хозяйствѣ», поборникъ свободнаго труда и общественнаго прогресса, братъ и сотрудникъ редактора, получа годъ назадъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, по праву жены, часть имѣнія... землю продалъ, а трудъ каждаго крестьянина, во ста рублѣхъ серебромъ, закабалилъ разнымъ колонистамъ. Подобную справку объ этой филантропической сдѣлкѣ во имя свободы навести не трудно. И вотъ тѣ личности, въ руки которыхъ корпораціею ученыхъ отданъ печатный станокъ «Одесскаго Вѣстника»! Вотъ нравственные будильники общества. Не подобный ли классъ публицистовъ во всѣ эпохи колебалъ, одну за другою, основы государственнаго устройства Европы? Можно ли быть равнодушнымъ свидѣтелемъ подобнаго направленія, если притомъ его органы покровительствуются явно? Совѣтливо говорю: что отъ публичнаго обнародованія подобныхъ статей до воззванія къ топорамъ во имя свободы труда—весьма недалеко. Не этимъ ли коммерческимъ путемъ современные реформаторы всѣхъ странъ: Прудонъ, Мацини, Герценъ и другіе, начали свою социальную пропаганду? Ея образцы («Колоколъ») проникли даже въ Новороссійскій Край, и, какъ сообщено мнѣ, продавались на ярмаркѣ въ

¹⁾ Статья «Степное хозяйство». См. выше.

мѣстекъ Каховкѣ, Таврической губерніи. Подобный двойственный союзъ, если онъ не будетъ разрушенъ, дѣйствительно можетъ ослабить вѣковую связь народа и власти... ¹⁾ и вмѣсто мирнаго исхода великимъ государственнымъ реформамъ, повести ихъ кровавою стезею безпорядковъ.

«Въ силу ст. 147 XIV т. уст. о пред. и пресѣч. преступленій, приложенія къ ней, устава цензурнаго, ст. 22,—указанъ мною главному начальнику Новороссійскаго края, графу Строганову, явный примѣръ того непріязненнаго направленія, которымъ преисполненъ «Одесскій Вѣстникъ» вообще къ сословію дворянства. «Вѣстнику» не угодно, даже въ статьяхъ официальныхъ, которыя должны перепечатываться въ полномъ объемѣ изъ правительственныхъ источниковъ, помѣщать высочайше одобренныхъ протоколовъ дворянства, между тѣмъ какъ имъ дано мѣсто всѣми другими газетами: «Московскими», «С.-Петербургскими Вѣдомостями», «Сѣверною Пчелою» и т. д. «Одесскій Вѣстникъ» (№ 13) вовсе исключилъ изъ официального отдѣла протоколъ московскаго дворянства.

«Общее мѣсто цензурнаго устава (ст. 6-ой), печатно приведеннаго г. Пироговымъ, въ оправданіе редакціи и мѣстной цензуры, не даетъ ни малѣйшаго права высказывать печатно мнѣнія о вредномъ влияніи мѣръ, обнародованныхъ къ исполненію въ государственномъ актѣ. Цензурный уставъ—не тайна, его 3-я статья, пункты б, в и г, и соответствующія имъ статьи: 8, 11—15 и т. д., нарушены, какъ направленіемъ «Одесскаго Вѣстника», такъ и буквою текста литературныхъ статей, приведенныхъ мною. Безграничная свобода тисненія, умышленное исключеніе официальныхъ актовъ, условное истолкованіе законовъ цензурныхъ, въ настоящую эпоху—для Россіи, быть можетъ опаснѣе произвола судебныхъ инстанцій. Чѣмъ выше въ общественномъ мнѣніи стоитъ человекъ, тѣмъ болѣе лежитъ на немъ отвѣтственности за терпимое зло. Петръ Великій, преслѣдуя корыстный произволъ судей въ истолкованіи законовъ, сравнилъ подобное зло съ ловкимъ подборомъ картъ. Отъ подобнаго злоупотребленія судебной власти гарантируетъ cadaго право апелляціи. Но гдѣ право апелляціи общества на тѣхъ лицъ, кому ввѣрена цензура и печатный станокъ и кто въ одной рукѣ держитъ цензурный уставъ, а другою даетъ направленіе мысли и слову? Не страшась обвиненія корпораціи въ доносѣ, я позволяю себѣ предложить вопросъ: умѣстенъ ли намекъ въ официальномъ актѣ (№ 21 «Одесскаго Вѣстника») на то, что г. попечитель учебнаго округа, считаетъ себя не въ правѣ во всеуслышаніе давать совѣты насчетъ того, что можетъ быть допущено къ перенесенію «*Sur le terrain brûlant de la presse*». Не легко обдать туманомъ здравый смыслъ русскаго чело-вѣка! Каждый изъ насъ твердо убѣжденъ, что правительство русскаго

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

императора не нуждается въ шопотѣ австрійской политики. Гласно и торжественно приступаетъ оно къ прогрессивнымъ реформамъ въ государствѣ, исполненное довѣрія къ своему народу. Разочаровать насъ въ этомъ убѣжденіи самый авторитетъ г. Пирогова не въ силахъ. Каждый гражданинъ и отецъ семейства вправѣ ожидать отъ г. Пирогова, болѣе чѣмъ отъ кого либо, уваженія къ истинѣ, а не официального покровительства увлеченіямъ, на основаніи заранѣе усвоенныхъ теорій. Грустный примѣръ столкновенія непреклонной идеи съ жизнью народа представила намъ исторія, сохранивъ изображенія личности Робеспьера и другихъ дѣятелей, с к р о м о вѣровавшихъ, что въ нихъ заключена надежда человѣчества.

«Представивъ вашему высокопревосходительству фактическія данныя въ подтвержденіе словъ моихъ, смѣю думать, что совѣстливо и по крайнему моему разумѣнію выполнилъ долгъ вѣрноподданнаго, русскаго семьянина и человѣка.

«Правительство взвѣситъ, современны ли доводы мои, и выведетъ заключеніе: говорю ли я съ фарисейски затаеннымъ намѣреніемъ—устрашить несбыточными послѣдствіями, или съ чистою цѣлью содѣйствовать благу общему».

IV.

Статья Н. И. Пирогова „Талмудъ-Тора“ и замѣчанія на нее Елагина — Записка А. Г. Тройницкаго. — Всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія по поводу статей, помѣщенныхъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“.

Г. Елагинъ тщательно слѣдилъ за «Одесскимъ Вѣстникомъ» и за Н. И. Пироговымъ. Въ № 26-мъ газеты появилась статья послѣдняго подъ заглавіемъ «Одесская Талмудъ-Тора», въ которой онъ между прочимъ писалъ.

«Надняхъ я посѣтилъ Талмудъ-Тору, и вышелъ изъ нея съ такимъ чувствомъ, которымъ не могу не подѣлиться.

«Можетъ быть, многіе изъ читателей «Одесскаго Вѣстника» скажутъ: какое намъ дѣло до жидовскаго приходскаго училища, когда насъ и наши христіанскія мало занимаютъ?

«Но виновать ли я, если меня занимаетъ все общечеловѣческое, когда сущность его истекаетъ изъ вѣчныхъ истинъ откровенія, будутъ ли онѣ сознательно или безсознательно принимаемы націею?

«Не болѣе, какъ за годъ, бѣдныя, нищенствующія сироты ветхозавѣтнаго поколѣнія гнѣздились скученныя, одѣтыя въ рубища на лав-

кахъ прежней Талмудъ-Торы, читая нараспѣвъ съ утра до вечера подъ ферулой своихъ меламадовъ. Черствый кусокъ хлѣба, который эти несчастныя дѣти приносили съ собою въ училище, служилъ имъ единственною пищею. Казалось, и учителя и дѣти полагали всю свою надежду на духовное питаніе талмудическими сентенціями.

«Всѣ занятія грязной, нечесаной толпы учениковъ и учителей ограничивались переводомъ съ еврейскаго на испорченный нѣмецкій жаргонъ, казавшимся для непривычнаго уха однимъ безтолковымъ крикомъ.

«И вотъ нѣсколько просвѣщенныхъ благотворителей, вникнувъ въ глубокій смыслъ словъ вдохновеннаго пророка, движимые высокимъ милосердіемъ къ своимъ соплеменникамъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ измѣнили и сущность, и видъ училища.

«Я, нимало не приписывая себѣ никакой заслуги, потому что ходатайствовалъ только у правительства о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ программѣ ученія,—имѣю полное право безпристрастно хвалить то, о чемъ грѣшно бы было умолчать. Одну только приписываю себѣ услугу, оказанную дѣтямъ бѣдныхъ евреевъ: я содѣйствовалъ къ опредѣленію прусскаго подданнаго г. доктора Гольденблюма. А ему послѣ просвѣщенныхъ блюстителей школы и должна быть отдана вся честь и вся заслуга преобразования. Но ни онъ, ни блюстители не могли бы совершить такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ дѣло преобразования, если бы все еврейское общество не приняло истинно сердечнаго участія въ этомъ подвигѣ человѣколюбія. Нельзя довольно оцѣнить просвѣщенное милосердіе и ревность, съ которыми общество принялось за это дѣло.

«Слишкомъ 200 мальчиковъ, преимущественно сиротъ, помѣщаются теперь въ чистыхъ и теплыхъ комнатахъ; всѣ одѣты въ опрятные байковые сюртуки; ни у одного не замѣтно нечесаныхъ, всклокоченныхъ волосъ, грязныхъ ногтей, разорванныхъ сапогъ; а что главное,—дѣти высшихъ классовъ уже объясняются съ главнымъ учителемъ ихъ, г. Гольденблюмомъ, не на несносномъ еврейскомъ жаргонѣ, отвѣчаютъ на вопросы со смысломъ, отстаютъ, доведенные неусыпными трудами этого педагога, отъ безтолковаго голословія; не болѣе трехъ недѣль тому назадъ г. Гольденблюмъ ввелъ хоральное пѣніе, и уже 30 или 40 мальчиковъ поютъ складно молитвы и стихи на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Прежде и въ хорошую погоду ученики не являлись по цѣлымъ недѣлямъ, предпочитая училищу праздное скитанье по улицамъ; теперь—и въ грязь, и въ дождь училище полно учениками. Заведены печатныя журнальныя книги для отгѣтокъ, въ классахъ введены условные знаки, вездѣ господствуетъ порядокъ. Обхожденіе съ учениками также перемѣнилось. Правда, въ низшихъ классахъ еще замѣчается иногда, что иной школьникъ, отвѣчая на вопросы гнѣвнаго мелама, откло-

*

няеть отъ него невольно голову въ сторону; но это только доказываетъ извѣстную истину, что никто столько не консервативенъ, какъ земледѣлецъ и старый учитель. За то ни одинъ старосвѣтскій еврей си отыщеть теперь въ Талмудъ-Торѣ своего сына, назвавъ его Мошкою или Гершкою.

«Но мало еще этого; милосердіе еврейскаго общества къ бездомнымъ сиротамъ не ограничилось тѣмъ, что оно доставило имъ ученье, одежду, и обувь;—сверхъ этого, семьдесятъ изъ нихъ, бѣднѣйшихъ, обѣдаютъ въ училищѣ: имъ даютъ ежедневно въ часъ—отличный хлѣбъ и сытный, хорошо приготовленный супъ съ мясомъ и картофелемъ, и того я другаго вдоволь. За столомъ—благочиніе и порядокъ. Еврейскія дамы, участвующія въ пожертвованіяхъ, ежедневно по-очереди приглашаются къ столу и присутствуютъ при немъ, раздають кушанье дѣтямъ и слѣдятъ за качествомъ пищи.

«Итакъ, изумительные успѣхи учениковъ, перемѣна ихъ образа жизни, даже ихъ физиономій, получившихъ здоровый, веселый видъ,—и все это въ девять мѣсяцевъ!

«Если, невольно подумалъ я выходя изъ школы, человекъ черезъ девять мѣсяцевъ родится на свѣтъ, то во столько же времени онъ можетъ переродиться. Послѣ этого намъ ничего болѣе не остается, какъ благодарить Бога, что Онъ далъ намъ два чудесныя свойства привыкать и отвыкать. Привычка удерживаетъ насъ идти слишкомъ скоро впередъ, дѣлаетъ насъ осторожно-консервативными; а отвыкая, подъ руководствомъ благоразумныхъ наставниковъ, мы дѣлаемся прогрессистами. Этими двумя неощенными свойствами человека разрѣшается вся задача его общественной жизни. Кто умѣетъ хорошо, кстати привыкнуть и отвыкнуть, тотъ и понялъ науку жить. Мудрое и вѣчное правило, которое столько же относится до приходскаго школьника, сколько и до знаменитаго гражданина, какого бы ни былъ онъ рода и племени, въ какомъ бы вѣкѣ ни родился, и въ которой бы изъ пяти частей свѣта ни обиталъ!

«Но намъ ли, живущимъ въ вѣкѣ смѣлыхъ предпріятій, въ вѣкѣ прогресса, еще удивляться, что двѣ сотни еврейскихъ мальчишекъ переродились въ девять какихъ-нибудь мѣсяцевъ? Такія ли еще чудеса совершаются теперь предъ нашими глазами!

«Однако же, если наша гражданственность, глядя свысока, не позволяетъ намъ удивляться такой простой вещи, то почему же наши христіанскія училища въ эти девять мѣсяцевъ не сдѣлали никакого шагу впередъ? Не я ли виноватъ?

«По совѣсти говорю, нѣтъ. Или если виноватъ, то бессознательно. Вслушайте и судите.

«Если дѣла минувшихъ дней доказали намъ, что можно заставить и

въ худыхъ училищахъ нехота учиться, то еще никто не доказалъ, что можно заставить въ нихъ и хорошо учиться. Для этого необходимо одно изъ двухъ: или охота, или хорошее училище.

«Извѣстно, охота пуще неволи; но тутъ нужно приманить, а не заставить.

«А чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами.

«Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять?

«Словъ сколько угодно; а убѣждений, это дѣло иное.

«Вотъ въ этомъ то отношеніи нельзя не указать на евреевъ.

«Евреевъ считаетъ священнѣйшею обязанностію научить грамотѣ своего сына, едва научившагося лепетать; это онъ дѣлаетъ по глубокому убѣжденію, что грамота есть единственное средство узнать законъ. Онъ это дѣлаетъ, потому что убѣжденъ въ вдохновенной истинѣ словъ Моисея: «Слыши Израилю, Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть, и возлюби Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и отъ всея силы твоея, и да будутъ слова сіи въ душѣ твоей и сердцѣ твоёмъ, и научи ихъ сыновъ твоихъ».

«Въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка грамота и законъ сливаются въ одно неразрывное цѣлое. У него нѣтъ ни споровъ, ни журнальной полемики о томъ, нужна ли его народу грамотность. Въ мысляхъ его, кто отвергаетъ необходимость грамотности, тотъ отвергаетъ законъ. Еврей въ нашихъ глазахъ есть старообрядецъ, старообычникъ, поклонникъ мертвой буквы, формалистъ,—все, что хотите; но все—по убѣжденію.

«А мы, которымъ открыта и благодать, и истина, которымъ дѣти поставлены въ образецъ; мы вѣрующіе, что «Богъ бѣ слово», какъ мы убѣждены, что наши дѣти должны знать слово? Мы вдаемся въ толки, рассуждая, споря и сомнѣваясь еще о томъ, что должно быть нашимъ кровнымъ убѣжденіемъ. Мы и прогрессисты, и искатели сущности; но когда дѣло дойдетъ до дѣйствій по убѣжденію, то мы поспоримъ въ консерватизмъ и съ евреями.

«Но знаю, за то, что я теперь сказалъ, меня будутъ упрекать въ пристрастіи, въ ослѣпленіи, въ напраслині; мнѣ скажутъ, что я слѣпъ и глухъ, если, живя въ просвѣщенномъ и челоуѣколюбивомъ обществѣ, не слышу и не вижу ежедневныхъ фактовъ, доказывающихъ и любовь къ просвѣщенію, и благотворительность,—фактовъ погромаднѣе того, который я привелъ, говоря о какой-то мелочной Талмудъ-Торѣ. Я знаю, что многіе даже обидятся и за сравненіе, и за параллель. «Какъ можно смѣть сравнивать, скажутъ, нравственныя свойства и еще чьи? семитическаго отжившаго племени съ нашими? Это неслыханная дерзость!»

«Все это я знаю; но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь говорить, что мнѣ кажется истинною правдою.

«Не забудемъ: кому больше дано, съ того болѣе и спросится. Мы говоримъ, что мы любимъ просвѣщеніе. Да это не мудрено: намъ нельзя сказать иначе, в о-п е р в ы х ѣ, потому что мы привыкли къ этой фразѣ, а в о-в т о р ы х ѣ, мы стыдимся сказать противное, точно такъ же какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ. Вы приводите факты: вы содержите на вашемъ пждивеніи сиротскія и приходскія училища, вы дѣлаетесь ихъ почетными зрителями и попечителями. Но вѣдь мы знаемъ, кто у насъ истинный распространитель просвѣщенія; вѣдь мы знаемъ, какъ одно Его слово, Его желаніе для насъ дорого. Мы знаемъ хорошо, что отъ Него не скроется ни одинъ добрый поступокъ на общую пользу. Что же тутъ собственно нашего? это все Его. Мы творимъ только волю пославшаго насъ. Но проникла ли эта высшая, благая воля до нашего сознательнаго внутренняго убѣжденія? Сдѣлалась ли она нашею второю натурою, нашею задушевною, неотъемлемою собственностію?—Вотъ это докажите мнѣ фактами».

Въ заключеніе своей статьи Н. И. Пироговъ писалъ:

«Неужели же мы, озаренные свѣтомъ истины, должны въ этомъ отношеніи отстать отъ вѣтхозавѣтниковъ? Неужели толки о томъ, нужна ли грамота для дѣтей нашего народа, должны еще серьезно занимать насъ? Или еще болѣе, неужели мы еще должны бояться, что она вредна, и вѣрять въ цифру, будто-бы математически доказывающую ея тлетворное вліяніе на нравственность простолюдина? Да развѣ благо слова и его распространенія въ народѣ должно доказывать фактами и статистикой? Развѣ истина, облеченная въ слово, въ словѣ и чрезъ слово изучаемая, не есть сама себѣ доказательство? И если бы въ доказательство вреда приводили, что не только половина, а в с ѣ грамотные простолюдины сдѣлались пьяницами и ворами именно отъ того, что учились грамотѣ, то можетъ ли глупо вѣрующій въ воплощеніе слова сказать что нибудь другое въ отвѣтъ, какъ одно: н е в ѣ р ю.

«Если же кто либо изъ противниковъ просвѣщенія смѣшиваетъ грамоту съ приложеніемъ ея къ жизни, то тѣмъ хуже для него.

«Нѣтъ, у насъ еще нѣтъ убѣждений. Мы споримъ о первыхъ основаніяхъ, и, слѣдовательно, сомнѣваемся еще въ нихъ. Евреи въ этомъ отношеніи со всѣмъ ихъ старообрядчествомъ, со всѣмъ ветхимъ консерватизмомъ, могутъ служить образцомъ, к а к ѣ должно имѣть убѣжденія. Они, съ ихъ непреодолимою настойчивостію, успѣли въ дѣлѣ убѣжденія уничтожить тѣ огромные промежутки, которые у насъ раздѣляютъ мысль, слово и дѣло. Едва ребенокъ начинаетъ говорить, и еврей-отецъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, посылаетъ его уже къ меламду учиться. Большая часть этихъ доморощенныхъ учителей-самозванцевъ скрывается въ самыхъ

отдаленныхъ частяхъ города, преслѣдуемая штатными смотрителями и полиціей. Я сказалъ бы, что если еще кто на свѣтѣ злоупотребляетъ грамотой, то это именно одни мелажды. Но увы! даже этимъ тяжкимъ порицаніемъ еврея не могу воспользоваться къ возвышенію нашего собственнаго достоинства. Безутѣшная цифра, сообщенная публикѣ моимъ другомъ В. И. Далемъ, не позволяетъ похвалиться и нашимъ умѣньемъ въ распространеніи свѣта грамотою.

«Итакъ, правда, грамотность не въ прокъ суевѣрнымъ послѣдователямъ талмуда, не въ прокъ она и нашимъ раскольникамъ. Несмотря на это, я уважаю и въ еврей, и въ раскольникѣ глубокое, сознательное убѣжденіе, что она необходима,—убѣжденіе, котораго не имѣютъ не только многіе изъ православныхъ, но и такая голова, какъ В. И. Дале, которая одна многихъ стоитъ. Будемъ снисходительны и согласимся, что не одинъ еврей и раскольникъ, а вообще человѣкъ всѣмъ злоупотребляетъ, даже святынею. Этой нравственно-исторической аксіомы, кажется, доказывать не нужно. Итакъ, будемъ и правосудны, не станемъ общую человѣческую слабость сваливать на однихъ изъ меньшихъ нашихъ братій. Откинемъ предубѣжденія, проникнемъ мыслию сквозь безобразную груду зла до самаго основанія, и мы увидимъ, что это зло есть не что иное, какъ переродившееся и искаженное добро.

«И вотъ, если бы мнѣ теперь моими, слегка набросанными мыслями удалось убѣдить хотя бы одного христіанскаго благотворителя или благотворительницу, что все сдѣланное еврейскимъ обществомъ для здѣшней Талмудъ-Торы достойно подражанія, если бы мнѣ удалось обратить просвѣщенное милосердіе хоть на одну изъ нашихъ приходскихъ школъ, цѣль моя была бы совершенно достигнута.

«И у насъ, между многими учениками приходскихъ училищъ, посылаемыми обыкновенно въ школу только для того, чтобы ихъ сбыть съ рукъ, есть однакожь и такіе, которыхъ отцы хотятъ, чтобы они научились читать псалтырь и другія церковныя книги. И у насъ приходскіе школьники ходятъ за три и за четыре версты въ училище, носятъ такъ же, какъ въ прежней Талмудъ-Торѣ, изорванные сапоги, ѣдятъ одинъ хлѣбъ, и часто не являются въ училище по недостатку обуви или отвлекаемые работами по домашнему хозяйству. Учителя также ведутъ списки. Но чѣмъ имъ завлечь или принудить ребенка, чтобы онъ посѣщалъ школу? Желудокъ вопіетъ сильнѣе головы. И если ребенокъ знаетъ, что, сходя въ школу, онъ останется послѣ голодець, то и по методѣ Ланкастера не заставишь его учиться.

«Вотъ гдѣ обширное поприще для истинно христіанскаго и, слѣдовательно, просвѣщеннаго милосердія.

«Хлѣбъ и грамоту, хлѣбъ и правду,—вотъ что дайте, христіане-благотворители, грядущему поколѣнію нашего отечества. Слейте въ умъ ва-

шесть мысль о тѣлесной пищѣ въ одно съ мыслию о пищѣ духовной; дайте ту и другую тѣмъ существамъ, которыя разрѣшили устами Спасителя вопросъ: «кто убо велій есть въ царствіи небесномъ»—и вы исполните завѣтъ Его лучше, чѣмъ раздавая пригоршнями милостыню встречнымъ и поперечнымъ. Не безпокойтесь, что облагодѣтельствованные вами ученики приходской школы не будутъ подѣ безпрестаннымъ надзоромъ вашимъ, какъ дѣти сиротскихъ училищъ, и, продолжая оставаться подѣ вліяніемъ грубыхъ и закоренѣлыхъ въ предразсудкахъ родителей, не принесутъ тѣхъ плодовъ, которыхъ вы вправѣ были ожидать отъ вашего милосердія. Родительскій домъ, вмѣщая даже предразсудки и пороки, не такъ вредно дѣйствуетъ на нравственность сына, какъ закрытое заведеніе, если пороки и безнравственность прокрались въ него, подѣ егидою формы.

«Накормите, одѣньте, обуейте бѣдныхъ приходскихъ школьниковъ, пошлите вашихъ женъ посмотреть за раздачею пищи и ея качествомъ, хлопочите о выборѣ и достаточномъ содержаніи педагога, и у васъ также явится свой Гольденблюмъ, и ваша приходская школа такъ же переродится какъ еврейская Талмудъ-Тора».

Прочитавъ эту статью г. Елагинъ нашелъ ее предосудительною потому, что Н. И. Широковъ совѣтуетъ христіанамъ брать примѣръ образованія дѣтей съ евреями.

«Правительственному лицу, доносилъ Елагинъ, ¹⁾ поставленному во главѣ образованія Южнаго края, подлежащему отчетностію только передъ министромъ народнаго просвѣщенія и государемъ императоромъ, по моему мнѣнію, не слѣдовало, безъ нарушенія своего достоинства, пускаться въ печатныя объясненія съ публикою о превосходствѣ еврейскаго образованія, въ какомъ бы ни было отношеніи, предѣ христіанскимъ. На статью можетъ быть помѣщенъ отвѣтъ въ другомъ журналѣ или газетѣ, въ которомъ могутъ не согласиться съ мнѣніемъ Н. И. Широкова и сдѣлають это безъ малѣйшаго труда, потому что въ статьѣ встрѣчаются мысли недоконченныя (!) Напримѣръ, вначалѣ сказано: сущность еврейскаго образованія истекаетъ изъ вѣчныхъ истинъ откровенія. Ветхій законъ есть начало новаго завѣта Бога съ людьми, и предопредѣленъ для приготовления рода человѣческаго къ принятію Искупителя отъ грѣха Адамова. Съ сошествіемъ на землю Бога, ветхо-завѣтное ученіе озарилось собственнымъ свѣтомъ, въ которомъ разъяснено бытіе Христа Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. Евреи, не узнавъ свѣта истины въ ветхомъ завѣтѣ, не познали и божественнаго откровенія ветхозавѣтной церкви. Слѣдовательно, настоящее ихъ ученіе о законѣ Божіемъ не заимствовано изъ вѣчныхъ истинъ откровенія.

¹⁾ Отъ 2-го апрѣля 1858 г.

«Есть и другія выраженія, доступныя возраженіямъ».

Трудно сказать, почему цензоръ признавалъ эту цитату недоконченною, но можно сказать, что онъ зорко слѣдилъ за «Одесскимъ Вѣстникомъ». «Въ № 28 тѣхъ же «Вѣдомостей», писалъ онъ, напечатана статья «А b o v o». Авторъ ея, Ижицынъ, даетъ понятіе, что составъ нашей государственной администраціи организованъ дурно въ отношеніи быта чиновниковъ, что они недостаточно обезпечены, потому по необходимости воруютъ и берутъ взятки; говоритъ, что если положеніе ихъ останется въ настоящемъ видѣ, то чиновники высосутъ изъ Россіи всю жизненную силу и что литература, истощая остроуміе на раскрытіе взяточничества, во всѣхъ его видахъ, трудится напрасно,—зло заключается въ государственномъ уложеніи о гражданской службѣ. Тутъ же приводится примѣръ, какъ квартальный надзиратель беретъ взятки съ безпаспортныхъ арестантовъ, для удовлетворенія насущной потребности. Статья предосудительная!

«Въ 29 нумерѣ «Одесскаго Вѣстника», доносилъ г. Елагинъ, въ письмѣ О. Р. помѣщены республиканскіе возгласы: «чего народъ хочетъ, того и Богъ хочетъ; что Богу пріятно, то пріятно и народу; что народомъ опредѣлено, то Богомъ внушено; кого народъ отвергаетъ, того Богъ отвергаетъ».

Столь сильное обвиненіе «Вѣстника» должно было обратить вниманіе министра народнаго просвѣщенія, но познакомившись со статьями, трудно было бы произнести тотъ приговоръ, который произнесъ г. Елагинъ. Вотъ что писалъ О. Р.

«Vox populi—vox Dei,—гласъ народа есть гласъ Божій! Сколько варьяцій можно написать на эти четыре латинскія слова, полныя глубокаго смысла! Чего народъ хочетъ, того и Богъ хочетъ; что Богу пріятно, то пріятно и народу; что народомъ опредѣлено, то Богомъ внушено; кого народъ отвергаетъ, того Богъ отвергаетъ; нѣтъ отъ Бога ничего скрытаго, и отъ народа ничего не скрыто; какъ за Богомъ молитва не пропадаетъ, такъ не пропадаетъ доброе дѣло за народомъ. Нечего и говорить, что латинская поговорка не имѣетъ въ виду какой либо народъ исключительно: ея объемъ безпредѣленъ, потому что подъ словами г л а с ъ н а р о д а она разумѣетъ «общественное мнѣніе».

Эти мысли овладѣли О. Р. по поводу напечатанной статьи въ № 3-мъ еврейской газеты «Га-Магидъ», выходящей въ прусскомъ гор. Лыкѣ (Lusk). Въ этой статьѣ высказывалась благодарность доктору Линку, жившему въ Одессѣ, прославившемуся леченіемъ глазныхъ болѣзней, а главное безвозмездной помощью страдающимъ.

«Соплеменники возлюбленные! говорила въ заключеніе еврейская газета. Чѣмъ воздадимъ мы этому несравненному человѣку? Его добрыя дѣла уже сами по себѣ служатъ ему наградой,—а мы, съ своей стороны,

можемъ сказать, что глубоко чувствуемъ его благія дѣянія и что имя его и память о немъ навѣки вѣзались въ сердцахъ нашихъ. Блаженъ мужъ, иже такъ творить».

Вотъ и вся статья, въ которой г. Елагинъ нашелъ республиканскіе возгласы. Тѣмъ не менѣе, разъ поручивши ему слѣдить за «Одесскимъ Вѣстникомъ», министръ не могъ оставить безъ вниманія его донесеній. Поставленный въ двусмысленное положеніе, Е. П. Ковалевскій поручилъ члену главнаго управленія цензуры А. Г. Тройницкому пересмотрѣть всѣ статьи «Одесскаго Вѣстника» и дать о нихъ свое заключеніе.

«Разсмотрѣвъ, доносилъ онъ ¹⁾, въ цензурномъ отношеніи всѣ статьи «Одесскаго Вѣстника» нынѣшняго года, указанныя, какъ предосудительныя, съ одной стороны — новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ и херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а съ другой — чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, статскимъ совѣтникомъ Елагинымъ, въ номерахъ этой газеты: 5, 6, 7, 8, 9, 13, 16, 17, 18, 20, 26, 28 и 29-мъ, имѣю честь представить по этому предмету слѣдующее свое заключеніе:

«Изъ числа 14-ти указанныхъ статей я нахожу предосудительными только три, а именно: въ № 6-мъ — «О юридическомъ образованіи», въ № 7-мъ — «Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ», и въ № 28-мъ — «Ab ovo». Статьи эти, по самому направленію ихъ, едва-ли слѣдовало допускать къ печати. Въ первой, не только осуждается вообще наша система судопроизводства и, въ противоположность ей, рекомендуется судопроизводство гласное, но въ ней явно видно направленіе чернить все отечественное, особенно рѣзко выражаемое въ словахъ: «Есть такіе моменты въ жизни народа, когда можно и должно, скрывая даже то немногое, что въ немъ есть добраго, выставлять ему же на показъ всѣ дурныя стороны его нравственной, физической и гражданской жизни, и т. д.». Едва-ли самая цѣль, которую имѣетъ въ виду авторъ — вызвать народъ на самоисправленіе, оправдываетъ указываемыя къ тому средства. Во второй, оправдывается пьянство въ простомъ народѣ недостаточностью будто-бы платы за его труды, при чемъ самый расчетъ бюджета рабочаго въ Одессѣ едва-ли можетъ быть признанъ основательнымъ, тѣмъ болѣе, что авторъ признаетъ, между прочимъ, недостаточною уплату рабочему 25 коп. сер. за перенесеніе калача изъ одного дома въ другой; во всей статьѣ явно обнаруживается нерасположеніе къ достаточнымъ сословіямъ. Въ третьей, взяточничество чиновниковъ выставляется въ самой грязной картинѣ, которая легко можетъ возбудить негодованіе простаго народа противъ

¹⁾ Отъ 11-го апрѣля 1858 г.

служащихъ и особенно противъ полицейскихъ властей, и притомъ вѣроятнѣе это оправдывается недостаточнымъ содержаніемъ чиновниковъ и признается почти неизбѣжнымъ при нашей системѣ управленія.

«Изъ другихъ статей, нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ только неосторожныя фразы и выраженія, которыя слѣдовало бы исключить, не подвергая запрещенію всей статьи, большею частью написанной съ хорошимъ направленіемъ. Таковы статьи: въ № 5-мъ—«Замѣтки и вѣсти изъ Подолія», гдѣ въ концѣ только есть неумѣстныя выходки противъ помѣщиковъ; въ № 18-мъ—«О французской беллетристикѣ», заключающаяся слишкомъ безусловнымъ воскваленіемъ Беранже, и въ № 29-мъ—«Письмо г. О. Р.» о докторѣ Линкѣ, которое, безъ особеннаго даже повода къ тому, начинается превознесеніемъ гласа и мнѣнія народа, въ выраженіяхъ, едва-ли позволительныхъ въ государствѣ монархическомъ.

«Статьи: въ № 5-мъ—«О современномъ положеніи русской мануфактурной промышленности»; въ № 9-мъ—«О степномъ хозяйствѣ» и въ № 17-мъ—«О существенныхъ условіяхъ къ процвѣтанію промышленности земледѣльческой», имѣютъ цѣль вполне благонамѣренную—возбудить нашу промышленность, мануфактурную и земледѣльческую, къ новой дѣятельности. Но нельзя не пожалѣть, что въ первой изъ нихъ, мануфактуристамъ, исключительно русскимъ, дѣлаются упреки, впрочемъ справедливыя, отъ которыхъ едва-ли свободны мануфактуристы и у другихъ народовъ. Въ двухъ послѣднихъ статьяхъ нельзя одобрить порицанія, слишкомъ общаго, нашего помѣщичьяго хозяйства; авторъ не всегда справедливъ и обнаруживаетъ поверхностное только знакомство съ этимъ дѣломъ на практикѣ; при томъ же, едва-ли умѣстно въ настоящую минуту, по рѣшенію уже волею государя императора преобразованія взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, чернить исключительно первыхъ въ глазахъ послѣднихъ: теперь болѣе, нежели когда-либо, слѣдуетъ избѣгать столь невыгодныхъ отзывовъ о дворянствѣ, если бы они были и вполне основательны, а они у автора не совсѣмъ основательны, и онъ, приписывая частныя недостатки цѣлому сословію, упускаетъ изъ виду пользу, принесенную этимъ сословіемъ государству. Сверхъ того, въ послѣдней статьѣ вовсе не слѣдовало бы допустить къ печати отзыва о томъ—какъ уничтожилось крѣпостное состояніе въ Австріи—по мнѣнію автора, бурями 1848 г.—съ довольно явными намеками на недостаточность мѣръ, указанныхъ въ этомъ отношеніи правительствомъ у насъ.

«Статьи въ №№ 13, 16 и 21-мъ—«О частномъ балѣ въ Одессѣ», не противны, въ строгомъ смыслѣ, цензурнымъ постановленіямъ; но онѣ показываютъ недостатокъ такта и незнаніе общественныхъ приличій въ

авторѣ или авторахъ, которые подвергнули своему обсужденію и осужденію балъ, данный въ частномъ домѣ, въ городѣ, гдѣ общество не велико и гдѣ всѣмъ и каждому извѣстны указываемыя ими лица; положеніе этихъ лицъ, особенно дамъ, не могло не быть весьма неприятнымъ, и неумѣстность упомянутыхъ статей доказывается желчною полемикою, вызванною ими въ двухъ одесскихъ газетахъ: «Одесскомъ Вѣстникѣ» и «Journal d'Odessa».

«Въ помѣщеніи, въ № 13-мъ, протокола московскаго дворянства по крестьянскому дѣлу, указываемомъ херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, какъ предосудительномъ, я не могу видѣть никакого злаго умысла, и увѣренъ, что поводомъ къ тому было единственно затрудненіе помѣстить длинный списокъ дворянъ въ газетѣ небольшого объема. Въ «Письмѣ г. А. М. о русскомъ пароходствѣ», въ № 20-мъ, я не нахожу рѣшительно ничего предосудительнаго: въ немъ, въ выраженіяхъ вовсе необходимыхъ, высказано мнѣніе о дѣйствіяхъ частной компаніи, и оно принесло даже пользу, вызвавши подробное объясненіе дѣла однимъ изъ учредителей компаніи.

«Относительно двухъ статей, явившихся съ подписью г. попечителя Одесскаго учебнаго округа: въ № 21-мъ—«Замѣтка о цензурѣ», и въ № 26-мъ—«Одесская Талмудъ-Тора», позволяю себѣ только сказать, что едва-ли г. Пирогову, по званію своему, слѣдовало подвергать въ газетѣ, издаваемой подъ его руководствомъ, имя свое полемикѣ и замѣчаніямъ, которыя могли вызвать и вызвали подписанныя имъ статьи. Въ первой онъ оправдываетъ предъ публикою дѣйствія одесской цензуры въ отвѣтъ на статью въ «Journal d'Odessa», въ которой и не заключалось порицанія цензуры, а высказано было только мнѣніе о томъ, что въ настоящее время слѣдуетъ крайне осторожно касаться въ печати вопросовъ по крестьянскому дѣлу; авторъ статьи въ «Journal d'Odessa» и указалъ потомъ настоящую свою мысль въ отвѣтѣ г. Пирогову. Во второй статьѣ высказаны прекрасно, но можетъ быть слишкомъ афористически, свѣтлыя мысли о пользѣ, которая могла бы произойти отъ направленія общественной благотворительности преимущественно на улучшеніе приходскихъ училищъ. Но не можетъ не показаться страннымъ, что, въ началѣ этой статьи, въ примѣрѣ христіанскому обществу въ Одессѣ, много и разнообразно дѣйствующему на пользу ближняго въ дѣлѣ общественнаго воспитанія и призрѣнія неимущихъ, выставлено общество еврейское; что евреямъ, и даже отчасти раскольникамъ, отдается преимущество предъ христіанами въ распространеніи между ними грамотности по убѣжденію; и что даже зло, происходящее иногда отъ распространенія грамотности, приписывается болѣе христіанамъ, нежели евреямъ, между тѣмъ какъ противное кажется болѣе справедливымъ. Статья эта вызвала въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ «Одесскаго Вѣстника»

объясненіе отъ имени Одесскаго женскаго благотворительнаго общества, состоящаго подъ предѣдательствомъ княгини Воронцовой, съ явнымъ намекомъ на исключительность мыслей г. Пирогова, намекомъ, особенно неприятнымъ потому, что онъ падаетъ на человѣка, занимающаго высокое положеніе въ краѣ и заслужившаго громкій авторитетъ въ качествѣ одного изъ блистательнѣйшихъ представителей русской науки.

«Изложенное здѣсь разсмотрѣніе всѣхъ статей, указанныхъ, какъ предосудительныя, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», приводитъ меня къ заключенію, что едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора, что нынѣшняя редакція этой газеты приняла направленіе рѣшительно вредное или даже почти преступное, по мнѣнію херсонскаго губернскаго предводителя дворянства; тѣмъ болѣе, что въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года появились въ другихъ нумерахъ статьи истинно дѣльныя и полезныя. Все, что можно сказать—что направленіе большей части указанныхъ статей не вполне одобрительно по довольно часто повторяющимся выходкамъ противъ помѣщиковъ и богатаго сословія, по рѣзости отзывовъ о недостаткахъ нашего внутренняго устройства и по излишней склонности къ теоретической полемикѣ, въ газетѣ имѣющей цѣли чисто практическія. Эти выходки и отзывы я никакъ не могу приписать какому-либо вредному умыслу и приписываю ихъ неопытности, незнакомству съ краемъ, съ его практической стороны, и недостатку такта въ общественныхъ сношеніяхъ. Притомъ я не могу не согласиться съ мнѣніемъ графа Строганова, что эти же самыя статьи, напечатанныя въ ученомъ журналѣ, не могли бы имѣть того неприятнаго на мѣстное общество вліянія, какое онѣ производятъ, появляясь въ газетѣ, почти ежедневной, читаемой во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и людьми всѣхъ сословій.

«Не думаю, чтобы до сихъ поръ произошелъ какой-либо ощутительный вредъ отъ того, что напечатано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года; но полагаю, что рѣзкое противорѣчіе во взглядѣ на редакцію этой газеты между главнымъ начальникомъ края и попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, не можетъ не повести къ неприятнымъ послѣдствіямъ не только относительно газеты, но и въ отношеніи къ управленію учебнаго округа. Мѣстные цензоры, которыхъ благонамѣренность и осторожность мнѣ лично извѣстны, едва-ли могутъ предупредить эти послѣдствія; они не всегда могутъ останавливать статьи, признаваемые ими, быть можетъ, и неодобрительными, какъ по снѣжности работы при просмотрѣ въ корректурѣ газетныхъ статей, такъ и потому, что большая часть статей «Одесскаго Вѣстника», какъ видно по отзыву графа Строганова, предварительно одобряется непосредственнымъ начальникомъ цензуры въ Одессѣ, попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Замѣна нынѣш-

нихъ редакторовъ другими изъ ученаго сословія Ришельевскаго лицей едва-ли также могла бы улучшить дѣло. При всемъ уваженіи моему къ этому сословію, къ которому я самъ имѣлъ честь нѣкогда принадлежать, я позволю себѣ думать, что члены его, по роду своей жизни и занятій, по большей части чуждые движенію торговли и коммерческимъ интересамъ края и имѣющіе мало сношеній съ городской общественною жизнью, не могутъ быть практически полезными руководителями газеты, которая должна быть преимущественно органомъ именно коммерческихъ интересовъ Южнаго края Россіи, живущаго особенно торговлею, и представительницею общественной жизни этого края; они слишкомъ увлекаются въ теоретическую полемику, не соответствующую практическимъ цѣлямъ газеты. Подтверженіемъ моего мнѣнія о неудобствѣ изданія газеты непосредственно ученымъ сословіемъ можетъ служить и то, что Академія наукъ и Московскій университетъ признали за лучшее передать частнымъ лицамъ редакцію и изданіе принадлежащихъ имъ «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей».

«По всемъ этимъ соображеніямъ, лучшимъ и, можетъ быть, единственнымъ средствомъ къ предупрежденію возможныхъ неприятныхъ столкновеній и послѣдствій по изданію «Одесскаго Вѣстника», я полагалъ бы пригласить Ришельевскій лицей отказаться отъ предоставленнаго ему права изданія этой газеты, которое, сколько мнѣ извѣстно, въ денежномъ отношеніи не можетъ доставить ему существенной выгоды, и просить графа Строганова возвратиться къ прежнему порядку изданія газеты, т. е. избрать благонадежнаго и опытнаго редактора, который состоялъ бы подъ личнымъ его руководствомъ, тѣмъ болѣе, что изданіе «Одесскаго Вѣстника», какъ газеты, имѣющей отдѣлъ политическій и выходящей въ городѣ пограничномъ, и по закону и по сущности дѣла не можетъ быть изъято изъ вѣдѣнія главнаго начальника края; лицей же предоставитъ, если онъ признаетъ это нужнымъ и полезнымъ, право основать специально ученый журналъ, въ которомъ члены лицей, не стѣсняясь практическими потребностями газеты, гораздо удобнѣе и свободнѣе могутъ развивать занимающіе ихъ вопросы по наукѣ и по общественному воспитанію. Распоряженіе это, по моему мнѣнію, могло бы быть приведено въ исполненіе чрезъ сношеніе г. министра народнаго просвѣщенія съ г. новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ и попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, не утруждая тѣмъ государя императора, потому что оно не требуетъ никакой новой законодательной или высшей правительственной мѣры.

«Что касается до мнѣнія графа Строганова о неумѣстности вообще въ газетахъ отзывовъ о дѣйствіяхъ верховной власти въ Россіи съ требованіемъ доложить о томъ его императорскому величеству, то я не считаю себя въ правѣ представлять по этому предмету какое-либо по-

ложительное свое заключеніе. Позволяю себѣ только думать, что едва-ли слѣдуетъ безусловно воспретить всякіе отзывы о благодѣтельныхъ постановленіяхъ верховной власти, и что дозволеніе такихъ отзывать не только въ православной и преданной своимъ монархамъ Россіи, но и въ указываемыхъ графомъ Строгановымъ иностранныхъ государствахъ, съ другими формами правленія, никакъ не влечетъ за собою разрѣшенія высказывать въ печати и неодобрительные отзывы о дѣйствіяхъ правительства: разборъ вопросовъ государственнаго управления подчиненъ условіямъ, неодинаковымъ съ разборомъ вопросовъ чисто ученыхъ или теоретическихъ».

Получивъ записку А. Г. Троицкаго и имѣя въ своихъ рукахъ мнѣніе кн. Вяземскаго и донесенія ст. сов. Елагина, министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ. Изложивъ въ главныхъ чертахъ содержаніе переписки графа А. Г. Строганова съ нпмъ и А. С. Норовымъ министръ повергалъ на высочайшее благоусмотрѣніе слѣдующія его соображенія.

1) «Допущеніе огласки мнѣній рго не влечетъ за собою необходимость для цензуры позволять оглашеніе мнѣній contra. На дѣлѣ и во многихъ явленіяхъ въ жизни частной и общественной бываетъ именно такъ. Касательно изъявленія чувствъ подданнаго къ государю встрѣчаются тѣ же соотношенія, основанныя на разумѣ и нравственномъ приличіи. Мнѣніе графа Строганова, что даже въ конституціонныхъ государствахъ законъ, утвержденный высшею законодательною властью, уже не подлежитъ свободному толкованію справедливо и вмѣстѣ ошибочно. Порипательная критика закона вездѣ воспрещается, но нигдѣ, даже и у насъ, никогда не воспрещалось указывать на мудрость, пользу и благодѣтельныя послѣдствія правительственной мѣры. Проявленіе благодарности не есть свободное толкованіе. Воспрещать подданнымъ изъявлять сознательно благодарность свою царю, за оказанныя народу милости, оцѣнивать ихъ, объяснять всю ихъ благодѣтельную важность въ опасеніи, что на основаніи даннаго на то позволенія разрѣшается подданнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ осуждать и порипать мѣры верховной власти—значило бы допустить и облечь въ законную силу прискорбное джеумствование. Оно извратило бы, разорвало бы священнѣйшія узы сочувствія и любви, связывающія народъ съ государемъ своимъ ¹⁾.

2) «Все заключеніе графа Строганова и ссылка на Сводъ Законовъ, на который онъ опирается, не согласуются съ новѣйшими постановленіями, именно съ высочайшимъ повелѣніемъ 23-го января сего года, коимъ въ опредѣленныхъ границахъ дозволено говорить о современныхъ госу-

¹⁾ Последнія слова взяты изъ записки кн. П. А. Вяземскаго.

дарственныхъ вопросахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ ⁴⁾. Въ-роятно гр. Строгановъ не получилъ еще, до написанія послѣдняго отношенія ко мнѣ, увѣдомленія о сей монаршей волѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, которому она мною сообщена 25-го января.

3) «По статьѣ 22-ой (по XII пр.) цензурнаго устава, цензура періодическихъ изданій въ пограничныхъ губерніяхъ, а именно: въ Остзейскихъ, Виленской, Гродненской и Новороссійскихъ, подчиняется вѣдѣнію тамошнихъ главныхъ начальниковъ губерній. Цензоръ разсматриваетъ сіи изданія, одобряетъ ихъ и доноситъ о томъ своему непосредственному начальству, по установленной формѣ; но всѣ наставленія и разрѣшенія въ случаяхъ сомнительныхъ получаетъ отъ поминутаго мѣстнаго начальства.

«Усматривая изъ всей переписки съ графомъ Строгановымъ, что по мнѣнію его всякая частная литературная дѣятельность есть всегда выраженіе правительственныхъ видовъ и что должно наложить на всякое понятіе, на всякое нравственное сознаніе и чувство, выраженное въ отношеніи къ правительству, печать ненарушимаго молчанія, я нахожу, что при такомъ возрѣніи его на литературу и цензуру трудно

⁴⁾ Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся 23-го января 1858 года, объявленнымъ статсъ-секретаремъ Суковскимъ, между прочимъ было постановлено: „правила, наложенныя въ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ государственнымъ секретаремъ 14-го января 1858 г., для руководства цевворовъ и цензурныхъ комитетовъ, при разсмотрѣніи и дозволени къ печатанію статей, касающихся крѣпостныхъ людей и отношеній ихъ къ помѣщикамъ, распространять и на прочіе предметы современныхъ государственныхъ распоряженій. Правила эти суть слѣдующія:

а) Статей, гдѣ будутъ разбирать осуждать и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу (о помѣщичьихъ крестьянахъ) къ печатанію не допускать.

б) Не позволять тоже печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ, въ формѣ разсказа или какой либо другой, помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ.

в) За тѣмъ всѣ сочиненія и статьи чисто ученныя, теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственныя о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, доводить печатать какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ съ тѣмъ только: а) чтобы при этомъ не было допускаемо расужденій и толкованій о главныхъ началахъ, высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство комитетамъ, по губерніямъ учрежденнымъ; б) чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности наблюдались общія правила цензурнымъ уставомъ предписанныя, и в) чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія; и

г) Статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ.

будеть согласить его мнѣнія съ существующими цензурными правилами. Хотя и желалъ бы, чтобы онъ продолжалъ руководить цензуру, но если онъ оставитъ завѣдываніе мѣстною цензурою періодическихъ изданій, то она въ такомъ случаѣ будетъ, чрезъ посредство попечителя Одесскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Пирогова, подчинена, на основаніи цензурнаго устава, главному управленію цензуры, что впрочемъ совершенно согласно со смысломъ послѣднихъ высочайшихъ повелѣній вашего императорскаго величества, клонящихся къ сосредоточенію цензуры въ одно закономъ облеченное отвѣтственное управленіе, безъ раздробленія цензуры по разнымъ вѣдомствамъ».

14-го апрѣля 1858 года было высочайшее повѣлено: «статьи, замѣченныя графомъ Строгановымъ, передать по порядку на разсмотрѣніе главнаго управленія цензуры, о чемъ увѣдомить графа Строганова, съ изясненіемъ, что онъ не можетъ быть освобожденъ отъ возлагаемой на него по закону обязанности главнаго наблюденія надъ цензурою періодическихъ изданій во ввѣренномъ ему краѣ».

V.

Пересмотръ всѣхъ статей „Одесскаго Вѣстника“ въ главномъ управленіи цензуры. Передача газеты въ непосредственное вѣдѣніе новороссійскаго генералъ-губернатора и предложеніе лицу издавать особый ученый или педагогическій журналъ.—Заявленіе Н. И. Пирогова.

18-го апрѣля 1858 г. главное управленіе цензуры, выслушавъ всю переписку по поводу статей, помѣщенныхъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», признало изъ всѣхъ статей, появившихся въ газетѣ, предосудительными только три: въ № 6—«О юридическомъ образованіи», въ № 7—«Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ» и въ № 28—«Ab ovo». Въ другихъ статьяхъ, по мнѣнію управленія, встрѣчались только неосторожныя фразы. Общее же разсмотрѣніе статей привело главное управленіе къ заключенію, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ графа Строганова, будто нынѣшняя редакция этой газеты приняла вредное направленіе, но что полезнѣе было бы подчинить изданіе ея прежнему порядку, главному мѣстному начальству. Послѣднее «ввѣритъ редакцію газеты и направленіе оной, по своему усмотрѣнію, лицу способному удовлетворить общественнымъ интересамъ и требованіямъ края. Лицу же приличнѣе издавать собственно ученый или педагогическій журналъ, если между членами его найдутся желающіе посвятить себя этому труду. Въ семъ специальномъ журналѣ члены ученаго сословія, не стѣняясь практическими потребностями газеты,

гораздо удобнѣе и свободнѣе могли бы развивать занимающіе ихъ вопросы по наукѣ и общественному воспитанію. Но этотъ переходъ газеты изъ вѣдомства лица въ завѣдываніе генераль-губернатора долженъ совершиться не вдругъ, а по окончаніи настоящаго года, съ одной стороны, для устраненія неблагопріятныхъ для лица толковъ, а съ другой— для доставленія какъ нынѣшней, такъ и будущей редакціи газеты времени и способовъ исподволь приготовиться къ предстоящимъ перемѣнамъ».

Опредѣленіе главнаго управленія цензуры было доведено до высочайшаго свѣдѣнія, причеиъ министръ народнаго просвѣщенія писалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ графа Строганова, будто нынѣшняя редакція «Одесскаго Вѣстника» «привыкла направленіе рѣшительно вредное или, какъ утверждаетъ херсонскій губерискій предводитель дворянства, почти преступное, тѣмъ болѣе что въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года появились въ другихъ номерахъ статьи истинно дѣльныя и полезныя».

7-го іюня 1858 г. высочайше повелѣно было: 1) Сдѣлать замѣчаніе одесскому цензурному комитету за упущенія и отступленія отъ «цензурныхъ правилъ, при разрѣшеніи къ напечатанію нѣкоторыхъ статей въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; 2) Отнестись къ новороссійскому генераль-губернатору о принятіи изданія этой газеты съ 1859 года, по прежнеиу порядку, въ свое непосредственное завѣдываніе, съ назначеніемъ редактора по его избранію и 3) Ришельевскому лицу предложить, если онъ признаетъ полезнымъ и возможнымъ, основать, установленнымъ порядкомъ, специальныйъ ученый или педагогическій журналъ.

Получивъ предписаніе министра, съ изложеніемъ высочайшей воли, Н. И. Пироговъ доносилъ ¹⁾, что онъ поставилъ на видъ одесскому цензурному комитету сдѣланныя имъ упущенія по изданію «Одесскаго Вѣстника», вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ какъ у цензоровъ, такъ и у редакторовъ «Одесскаго Вѣстника», на какомъ основаніи допустили они къ напечатанію статьи, подвергшіяся столь важнымъ замѣчаніямъ. «Запросъ этотъ цензорамъ и редакторамъ съ моей стороны, писалъ онъ, тѣмъ болѣе казался необходимымъ, что въ первыхъ предписаніемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія отъ 3-го апрѣля 1857 г. (№ 618) опредѣлялось, на основаніи ст. 22 т. XIV Св. Зак. уст. цензур., по II продолж., чтобы въ случаяхъ сомнительныхъ цензоры допускали статьи къ напечатанію не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго начальства края; во вторыхъ, что еще въ февраль мѣсяцѣ 1858 года, по случаю одной статьи, перепечатанной

¹⁾ Въ отношеніи отъ 7-го іюля 1858 года за № 1853, по канцеляріи печатателя.

въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» изъ «Русскаго Вѣстника», за которую г. новороссійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ сдѣлалъ словесное замѣчаніе цензорамъ и редакторамъ, я самъ строжайше предписалъ какъ цензорамъ, такъ и редакторамъ, чтобы всѣ статьи, назначенныя для «Одесскаго Вѣстника», не исключая и моихъ собственныхъ, если онѣ возбуждаютъ хотя какое нибудь сомнѣніе или если содержаніе ихъ касается преимущественно Новороссійскаго края, были предварительно подвергаемы на обсужденіе г. генераль-губернатора и не иначе допускаемы къ напечатанію, какъ съ разрѣшенія его сіятельства. Сверхъ того я извѣщалъ и словесно и письменно о сдѣланномъ мною распоряженіи и самого генераль-губернатора. Мнѣ казалось послѣ всего этого непонятнымъ, какимъ образомъ столь многія статьи, подвергнушіяся замѣчаніямъ главнаго управленія цензуры, могли быть допущены къ напечатанію, тогда какъ я положительно зналъ, что гг. цензоры и редакторы не однажды относились уже лично съ разными статьями къ генераль-губернатору и что нѣкоторыя статьи не были имъ одобрены, а потому не были и обнародованы.

«Дѣйствительно, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ отъ гг. цензоровъ оказалось, что:

1) изъ трехъ статей, преимущественно подвергнувшихся осужденію со стороны главнаго управленія цензуры, двѣ: «О юридическомъ образованіи» въ № 6 «Одесскаго Вѣстника» и «Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ» въ № 7, одобрены къ напечатанію генераль-губернаторомъ: первая словесно, а вторая за его собственоручною подписью; третья же статья: «Ab ovo» въ № 28, была разрѣшена цензорами на томъ основаніи, что въ ней хотя и представлено взяточничество въ рѣзкомъ видѣ, однакожь далеко не такъ рѣзко, какъ во многихъ другихъ столичныхъ, періодическихъ изданіяхъ («Спб. Вѣдомостяхъ», «Сынъ Отечества» и друг.), обнародованныхъ въ то же самое время, и потому принятыхъ по необходимости въ соображеніе гг. цензорами одесскаго комитета, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ въ послѣднее время сдѣлался почти ежедневнымъ въ нашей литературѣ.

2) Статья «О степномъ хозяйствѣ», въ № 9 «Одесскаго Вѣстника» и «Отвѣтъ на замѣчаніе г. Гулака» (въ № 42) были также докладываемы г. цензоромъ Хрусталевымъ—новороссійскому и бессарабскому генераль-губернатору и имъ одобрены. При докладѣ второй статьи, г. Хрусталевъ упомянулъ о находящихся въ ней, по его мнѣнію, рѣзкихъ выраженіяхъ, отмѣтивъ нарочно краснымъ карандашомъ, на первой страницѣ рукописи, номера тѣхъ страницъ, гдѣ подобныя выраженія встрѣчались. Его сіятельство генераль-губернаторъ, оставивъ

предварительно у себя рукопись, на другой же день возвратилъ ее съ собственноручною подписью: «дозволяю», отозвавшись о ней съ выгодной стороны, и потому она напечатана безъ всякой перемены противъ сдѣланныхъ цензоромъ замѣчаній.

3) Статья, помѣщенная въ № 5 «Одесскаго Вѣстника», подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей о таксѣ», была также представляема на разсмотрѣніе г. генераль-губернатора цензоромъ Синицынымъ и, по предварительномъ исключеніи нѣкоторыхъ мѣстъ, была также одобрена его сѣятельствомъ къ напечатанію.

4) Наконецъ изъ статьи «О таксѣ на жизненные припасы» (№ 50 «Одесскаго Вѣстника») цензоръ Синицынъ исключилъ именно то мѣсто, которое осуждено въ предписаніи вашего высокопревосходительства за № 1325, а именно: «потому то пора подумать, имѣя передъ глазами примѣръ Пруссіи и Греціи, объ увеличеніи жалованья (чиновниковъ)»; вслѣдствіе чего это мѣсто, какъ видно изъ рукописи, дѣйствительно и было измѣнено редакціею на полѣ страницы другимъ, болѣе приличнымъ; но при исправленіи корректурныхъ листовъ редакторы, работая въ ночное время, упустили изъ виду сдѣланныя ими же самими исправленія и потому это мѣсто прошло въ печать неисправленнымъ, за что они и получили отъ меня строгое замѣчаніе.

«И такъ, изъ всѣхъ статей «Одесскаго Вѣстника», какъ указанныхъ генераль-губернаторомъ и херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, такъ и обратившихъ на себя вниманіе главнаго управленія цензуры, только четыре («Замѣтки и вѣсти изъ Подолія», «О французской беллетристикѣ», «Письмо о докторѣ Линкѣ» и «Ab ovo») не были разсматриваемы мѣстнымъ начальствомъ края, и изъ этихъ четырехъ, только одна «Ab ovo» найдена главнымъ управленіемъ цензуры неприличною.

«Изъ приводимыхъ мною объясненій, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что одесскій цензурный комитетъ, по крайней мѣрѣ, не въ такой степени виновенъ въ послабленіи и упущеніяхъ, чтобы могъ заслужить строгій упрекъ со стороны его начальства, за неисполненіе своихъ обязанностей. Онъ исполнилъ въ точности данныя ему предписанія и если допустилъ однажды къ обнародованію такую статью («Ab ovo» № 28), которая дѣйствительно содержала въ себѣ изображеніе злоупотребленій чиновничества, то именно виновенъ только въ томъ, что слишкомъ увлекся примѣромъ другихъ цензоровъ, наблюдающихъ за изданіемъ столичныхъ періодическихъ изданій. Не болѣе мнѣ кажутся виновными и редакторы «Одесскаго Вѣстника»: они почти всѣ статьи, казавшіяся сомнительными, не исключая даже и моихъ собственныхъ, подвергали сами, по словесному приказанію г. генераль-губернатора, его разсмотрѣнію и обнародовали не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Вся ихъ вина заключается въ томъ, что они однажды только допустили небрежность

въ исправленіи корректуры (статья «О такѣ на жизненные припасы», № 50 «Одесскаго Вѣстника») и пропустили неумышленно (какъ оказалось по справкѣ съ рукописью) мѣсто, вычеркнутое цензоромъ Синицынымъ. Но мнѣ кажется, что эта небрежность, за которую они и получили уже отъ меня строгое замѣчаніе, и нѣкоторые промахи, которые, какъ справедливо замѣчаетъ главное управленіе цензуры, должно болѣе приписать ихъ неопытности и недостатку такта, нежели какому либо вредному умыслу, не могутъ уменьшить истинныхъ заслугъ, оказанныхъ редакторами «Одесскаго Вѣстника» всему краю и преимущественно учебному его сословію, а именно: 1) изданіе «Одесскаго Вѣстника» лицеемъ, существующее не болѣе 7 мѣсяцевъ, успѣло уже возбудить до такой степени литературную дѣятельность, что слишкомъ 60 сотрудниковъ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. Значительный гонораръ (до 40 р. сер. за печатный столбецъ) улучшилъ средства существованія многихъ учителей и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, немѣющихъ кромѣ ограниченнаго жалованья никакихъ другихъ пособій; 2) самый лицей получилъ 1,500 р. сер. чистой выгоды отъ изданія; 3) мѣстные вопросы края, которые обсуждались въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», подали уже поводъ къ началу многихъ улучшеній. Статьи о воспитаніи и торговлѣ края, замѣтно уже начали интересовать и торговое, и учебное сословіе и всѣхъ родителей, истинно пекущихся о воспитаніи ихъ дѣтей. Это свидѣтельствуютъ письма съ изъявленіемъ благодарности отъ помѣщиковъ и отъ купцовъ, адресованныя къ редакторамъ и ко мнѣ; 4) большая часть образованной публики замѣтно сочувствовала изданію. Наконецъ, та часть публики, которая не сочувствовала прогрессивному направленію «Одесскаго Вѣстника» намѣревалась уже приступить къ изданію другого антагонистическаго журнала, которое вѣроятно и положило бы конецъ всѣмъ неудовольствіямъ и нареканіямъ на редакторовъ «Одесскаго Вѣстника». Несмотря на всѣ изложенныя заслуги, редакторы, надѣявшіеся имѣть нѣкоторую выгоду отъ изданія, если бы оно продолжалось долѣе, доставивъ имъ большее число подписчиковъ, теперь, при неожиданной передачѣ «Одесскаго Вѣстника» мѣстному начальству края, понесутъ очевидный убытокъ, выплативъ впередъ значительную сумму лицей и совѣстливо уплативъ значительный гонораръ (на основаніи программы) своимъ сотрудникамъ.

«Изложивъ, по долгу совѣсти и службы, весь ходъ дѣла изданія «Одесскаго Вѣстника», я не могу при семъ не упомянуть и еще объ одномъ важномъ обстоятельстве.

«Еще до изданія «Одесскаго Вѣстника», я имѣлъ честь докладывать бывшему министру народнаго просвѣщенія о трудномъ и, такъ сказать, критическомъ положеніи провинціальныхъ цензоровъ. Какъ, съ одной стороны, всѣ прежнія цензурныя постановленія остаются до сихъ поръ

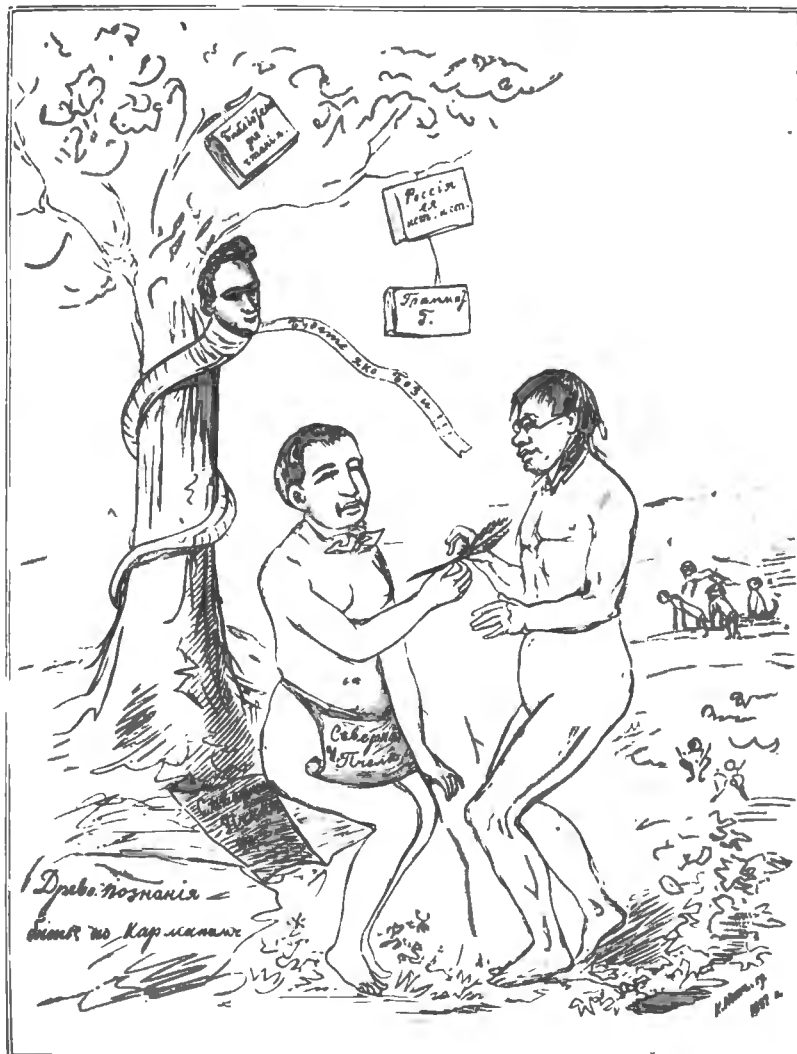
въ полной силѣ, а съ другой стороны, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ литература наша приняла столь отличное отъ прежней направленіе, что во всѣхъ столичныхъ, періодическихъ изданіяхъ (газетахъ и журналахъ) постоянно появляются такія статьи, которыя въ прежнее время ни одна цензура не взяла бы на свою отвѣтственность допустить къ печатанію,—то естественно, что авторы и редакторы, при строгомъ обсужденіи провинціальною цензурою статей, подвергнутыхъ разсмотрѣнію, постоянно приводятъ въ примѣръ статьи, помѣщаемыя въ столичныхъ изданіяхъ, считаютъ себя въ правѣ упрекать цензуру въ пристрастія и приносить мнѣ безпрестанныя жалобы на произволь и отсталость нашихъ цензоровъ; да и вся читающая публика раздѣляетъ эти убѣжденія, сравнивая читанное ею и судя болѣе по слухамъ. Еще болѣе положеніе цензоровъ дѣлается затруднительнымъ, когда періодическое изданіе (какъ «Одесскій Вѣстникъ») подвергается двумъ контролямъ: главнаго управленія цензуры и главнаго начальства края. Сверхъ того еще и книгопродавцы иностранныхъ книгъ, находя въ каталогахъ, издаваемыхъ столичными книгопродавцами, и давно уже публикованными названія тѣхъ книгъ, которыя, на законномъ основаніи, считаются мѣстною цензурою или неизвѣстными, или же недозволенными, также упрекаютъ цензоровъ въ пристрастія и произволь. Входя въ столь трудное и непріятное положеніе цензоровъ въ здѣшнемъ обществѣ, я счелъ долгомъ представить всѣ нечисленныя обстоятельства на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, прося покорнѣйше обратить благосклонно на этотъ важный предметъ ваше просвѣщенное вниманіе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняясь отвѣчать цензорамъ, какими правилами они должны руководствоваться на будущее время при дозволеніи къ печатанію тѣхъ статей, которыя будутъ разрѣшены къ помѣщенію новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, Н. И. Пироговъ просилъ министра дать ему предписаніе ¹⁾. Конечно, онъ не получилъ просимаго и первое его заявленіе было принято къ свѣдѣнію, а второе оставлено безъ отвѣта.

Н.

¹⁾ Отношеніе по цензурному комитету отъ 7-го іюля за № 423.

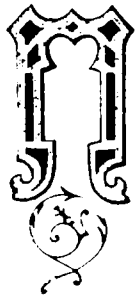

Грѣхопаденіє першого чоловіка въ літературѣ.

Грѣхопаденіе перваго человѣка въ литературѣ.

(Карриатура 1837—38 гг.).

Прилагаемая въ настоящей книжкѣ карриатура, озаглавленная неизвѣстнымъ авторомъ ея: «Грѣхопаденіе перваго человѣка въ литературѣ», сохранилась въ бумагахъ И. П. Сахарова. Оригиналъ нарисованъ карандашемъ на обыкновенной бѣлой бумагѣ, писчаго формата. Вокругъ древа познанія битья по карманамъ обвился змѣй съ головой О. И. Сенковскаго; Ф. В. Булгаринъ въ видѣ Евы, съ фиговымъ листкомъ изъ «Сѣверной Пчелы», подаетъ перо «первому человѣку литературы» Н. И. Гречу. Вдали видна литературная чехарда. На дровѣ висятъ запретные плоды: извѣстный журналъ Сенковскаго и Греча «Библиотека для Чтенія» (съ 1834 г.), «Русская Грамматика» Греча, выдержавшая въ разныхъ видахъ и извлеченіяхъ около двадцати пяти изданій въ періодъ 1808—1855 года и «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» 6 частей Спб. 1837 г.—изданіе Булгарина. Самъ Гречъ въ своихъ запискахъ (изд. Суворина, Спб. 1886 г., стр. 451 ср. «Русскую Старину» 1871 г. № 11, стр. 495), такъ характеризуетъ послѣднюю книгу: «Въ 1836 г. ватѣялъ Булгаринъ большую спекуляцію сочиненіемъ книги «Россія» и пр..... не могу исчислить всѣхъ его изданій, которыя онъ предпринималъ съ экономическимъ расчетомъ». О выгодахъ, приносимыхъ самому Гречу его «Грамматикой» и говорить нечего. Успѣхъ «Библиотеки для Чтенія», издаваемой А. Ф. Смирдинымъ подъ ближайшей редакціей Сенковскаго, былъ огромный. Гоголь пишетъ Погдину, отъ 11-го января 1834 г.: почтенные редакторы «Библиотеки» (Гречъ

и Сенковскій) зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ и на нашихъ же спинахъ развѣзжаютъ... теперь это другая «Пчела» ¹⁾).

«Сѣверная Пчела», совмѣстная газета Греча и Булгарина, началась въ 1825 г., а при «Пчелѣ» продолжали издаваться ея предшественники журналы: «Сынъ Отечества» Греча и «Сѣверный Архивъ» Булгарина. Изъ всего вышесказаннаго видно, что карриатура не имѣетъ въ виду строго опредѣленнаго литературнаго эпизода и должна быть отнесена ко времени не ранѣе 1837 года. Знакомство Греча съ Булгаринимъ произошло 5-го февраля 1820 г. и заключилось тѣсной дружбой. Эта дружба для Греча имѣла печальныя литературныя послѣдствія, вслѣдствіе которыхъ прежніе друзья Греча отвернулись отъ него и сдѣлались его врагами. «Я былъ въ то время (1820 г.), рассказываетъ Гречъ, отчаяннымъ либераломъ, напитавшись этого духа въ краткое время пребыванія моего во Франціи въ 1817 году. Да и кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи? Всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвалою былъ императоръ Александръ Павловичъ. Оппозиція Аракчееву, Голицыну и всѣмъ этимъ темнымъ властямъ была дѣломъ извѣстнымъ, славою, знаменемъ тогдашняго юнаго поколѣнія». Въ домѣ Греча бывали Бестужевъ (Марлинскій), Н. И. Тургеневъ, Грибоѣдовъ, «поручившій свое «Горе отъ ума» Булгарину, Рылѣевъ, посвятившій Гречу строфу своей пѣсни «Ахъ гдѣ тѣ острова»:—

Гдѣ не думаетъ Гречъ,
Что его будутъ съѣ
Больно!

При началіи «Сѣверной Пчелы» (1825 г.) Гречъ, по его словамъ, уже вытрезвился отъ либеральныхъ идей волею и неволею и удерживалъ сарматскіе (польскіе) порывы Булгарина. Рылѣевъ, раздраженный консервативными выходками газеты, однажды сказалъ Булгарину: «когда случится революція, мы тебѣ на «Сѣверной Пчелѣ» голову отрубимъ». Къ сожалѣнію, «образумленіе» Греча произошло не въ одномъ политическомъ отношеніи: и общественныя и правительственныя идеалы діаметрально измѣнились, и дружба Греча и Булгарина сдѣлалась прятчей во языцѣхъ. Полное отсутствіе цѣльнаго міровоззрѣнія, прикрытое quasi-патріотическимъ направленіемъ, беззащитное самохвальство и спекуляція, искусное держаніе носа по вѣтру, доносительное направленіе по личнымъ расчетамъ, однимъ словомъ, впервые появившійся въ русской литературѣ «типъ пресмыкающейся печати» вызвалъ

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя Кулиша V, 194. Объ отношеніяхъ Гоголя къ Сенковскому см. въ сочиненіяхъ Гоголя ред. Тихонова и Шенрока т. VI стр. 7:2—717.

на Греча и Булгарина рядъ ожесточенныхъ нападеній со стороны лицъ всевозможныхъ лагерей: Воейковъ и Полевой, Надеждинъ и Сенковский, Пушкинъ и Гоголь, Бѣлинскій и Герценъ, Погодинъ и Аксаковы сдѣлали имена ихъ на долгое время нарицательными, и только недавно съ ихъ памяти снято обвиненіе въ непосредственной агентурѣ одного уничтоженнаго учрежденія. Въ остроумномъ памфлетѣ А. И. Герцена 1846 г. «У м ѣ х о р о ш о , а д в а л у ч ш е» («Русская Старина» 1881 г., т. IV, № 11, стр. 524), авторъ, нападая на одну изъ фракцій славянофиловъ, неосновательно, но весьма расчетливо приравниалъ своихъ противниковъ, Погодина и Шевырева, къ Гречу и Булгарину. Тутъ мы находимъ ядовитую характеристику двухъ послѣднихъ: «Булгаринъ посвятилъ Гречу своего «Дмитрія Самозванца»,—Гречь, въ знакъ благодарности посвятилъ Булгарину «Поѣздку въ Германію»; Гречь издалъ «Русскую Грамматику»,—Булгаринъ написалъ къ ней предисловіе, восхвалявшее друга такъ же, какъ и въ біографіи при изданіи сочиненій Греча. Нѣтъ ни одного человѣка въ Москвѣ, который бы умѣлъ врознь понять Минина и Пожарскаго, какъ нѣтъ ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы умѣлъ понять врознь Греча и Булгарина, хотя бы одинъ жилъ для удовольствія и нравственныхъ наблюденій въ Парижѣ, а другой для нравственныхъ наблюденій и удовольствія въ Дерптѣ. Союзъ г. Булгарина съ Гречемъ—открытый конкубинатъ». Булгаринъ, говоритъ Гречь, умѣетъ чувствовать и взаимно оплачивать дружбу, но онъ такой же другъ, какъ другіе бываютъ любовники, ревнивый до крайности. Подобными выраженіями воспользовалась одна малозвѣстная эпиграмма:

Легѣшь ты свои красы:
 Румяны ты на щекѣ сыплешь,
 Ты брѣешь бороду, усы,
 Ты волосы на тѣлѣ щиплешь—
 Все это для жены твоей:
 Такъ къ ней любовью пламенѣешь,
 Ты нравишься желаешь ей—
 Понятно, милый другъ Фаддей,
 Но для чего ты

Отношенія Сенковского и Булгарина менѣе извѣстны. Воспитаникъ виленаго университета Сенковский, послѣ путешествія на Востокъ, появляется въ октябрѣ 1821 года въ Петербургѣ въ кружкѣ Булгарина и Греча. Съ первымъ онъ уже познакомился въ Вильнѣ; въ домѣ послѣдняго онъ сошелся съ Марлинскимъ. Направленіе Сенковского за этотъ періодъ выразилось въ его отношеніяхъ къ Мицкевичу, котораго онъ свелъ съ Марлинскимъ, и еще раньше въ перепискѣ съ Делевелемъ. «Мицкевичъ во все время пребыванія своего въ Петербургѣ (1824 г.) былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ со своимъ землякомъ

и товарищемъ по университету (Сенковскимъ), который перевелъ для него нѣсколько арабскихъ поэмъ и ознакомилъ съ духомъ арабской поэзіи» ¹⁾. Переписка Сенковского съ Лелевелемъ была напечатана въ варшавской «Западной Почтѣ» 1878 г. Вотъ что писалъ Сенковскій о Булгаринѣ 18-го октября 1822 года: «Булгаринъ—славный малый, который, что удивительнѣе всего, самъ иностранецъ, издаетъ тутъ (въ Спб.) самый лучший въ Россіи журналъ «Сѣверный Архивъ»... Онъ разболталъ тутъ вездѣ о вашей рецензіи Карамзина. Поторопитесь съ ней, прошу васъ для вашей собственной славы и славы народа». Далѣе Сенковскій пишетъ, отъ 9-го декабря 1822 г.: «Булгаринъ превосходно перевелъ рецензію, а общій голосъ гласитъ, что это первое произведеніе на рускомъ языкѣ, написанное мастерскимъ перомъ и философски. Но съ другой стороны партія автора (Карамзина) т. е. друзья его дома (т. е. Дмитріевъ, Жуковскій, можетъ быть Пушкинъ) бѣсятся отъ злости. Знаменитый поэтъ Жуковскій даже плакалъ... Въ началѣ статьи я самъ написалъ краткое извѣстіе о васъ, которое будетъ напечатано въ журналѣ Булгарина»... Наконецъ, отъ 3-го января 1823 г. Сенковскій пишетъ: «на торжественную просьбу Булгарина пишу къ вамъ, заклинаю штанами св. Бонифаса, чтобы вы были такъ добры и поспѣшили съ своей рецензіей. Для вашей чести, для чести Польши, Литвы и Мазовіи, насъ, живущихъ въ Петербургѣ, вашихъ истинныхъ почитателей, друзей и земляковъ, для редакторской чести, славы и кармана Булгарина... торопитесь!» Въ свою очередь и Булгаринъ восхваляетъ своего сотрудника, именуя его первымъ русскимъ путешественникомъ, побывшимъ сіи полярныя страны (Нубію и Эіоію) и т. д. Статьи Сенковского въ это время появляются и въ «Сѣверномъ Архивѣ» Булгарина (1822 г.) и въ «Сынѣ Отечества» Греча (1822 г.) и въ «Сѣверной Пчелѣ» (въ 1825, 1828, 1833 и слѣдующихъ). Сенковскій наконецъ посылалъ свои этимологическія изысканія Гречу, и они вошли въ составъ «Грамматики» послѣдняго. Послѣ возстанія 1831 г., польскія ноты Булгарина совершенно исчезли, и это кажется повліяло на его позднѣйшія отношенія къ Сенковскому. Дружба Сенковского съ Гречемъ, впрочемъ, продолжалась до 1836 года. «Библиотека для Чтенія», за редактированіе которой Сенковскій получалъ 12,000 руб. ассигнаціями, начала выходить съ января 1834 г. и была усердно пропагандируема въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгаринимъ. Редакторами журнала, издававшагося извѣстнымъ книгопродавцемъ и издателемъ А. Ф. Смирдянымъ, были

¹⁾ Мы цитируемъ это мѣсто изъ рукописныхъ дополненій П. С. Савельева въ его книгѣ «О жизни и сочиненіяхъ О. И. Сенковского» Спб. 1858 г. Экземпляръ ея, снабженный бѣлыми листами для дополненій, отъ автора перешелъ къ В. В. Григорьеву, а теперь принадлежитъ нашему собранію.

объявлены Гречъ и Сенковскій. «Впрочемъ мы, писавъ женѣ Сенковскій, раздѣлишь редакцію съ Гречемъ: онъ будетъ читать корректуры и управлять слогу въ переводахъ; я беру на себя только выборъ статей, критику, да еще обѣщаю написать нѣсколько повѣстей» (О. И. Сенковскій. Біографическія записки его жены, Спб. 1859 г. стр. 69). Эту эпоху отмѣтилъ Пушкинъ извѣстной эниграммой:

Къ Смирливу какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь -
Иль Сенковского найдешь,
Иль въ Булгарина вступишь.

Кажется, мы не ошибемся, если къ этому моменту (1837 г.) приурочимъ и тему нашей карикатуры, хотя нарисованной гораздо позднѣе. Понятны змѣй-искуситель Сенковскій, затѣявшій «Библиотеку для Чтенія» — плодъ древа битья по карманамъ, Ева — Булгаринъ, соблазнившій Адама-Греча «Сѣверной Пчелой» и предлагающій ему писать и въ «Библиотекѣ для Чтенія», усердно имъ перевозимой при ея появленіи въ свѣтъ. Но доброе согласіе продолжалось недолго. Еще въ 1828 г. Сенковскій былъ сдѣланъ цензоромъ, но въ апрѣлѣ 1833 г. «принужденъ былъ выйти изъ цензурства за пропускъ (драмы) «Негъ пі» Виктора Гюго, которая не понравилась императрицѣ»¹⁾ и вѣроятно по той же причинѣ, въ февралѣ 1834 г., сложилъ съ себя званіе редактора. Остался одинъ Гречъ, отказавшійся отъ редакторства въ декабрѣ этого же года и передавшій его И. А. Крылову (Гречъ. Литературныя поясненія. Спб. 1838 г. стр. 3). Въ августѣ 1836 г. Сенковскій получилъ разрѣшеніе гласно объявить себя редакторомъ. Объ этомъ онъ заявилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Для отклоненія неумѣстныхъ догадокъ и толковъ считаемъ нужнымъ сказать откровенно, что съ самаго начала существованія этого журнала, какъ то почти всѣмъ извѣстно, настоящимъ его редакторомъ былъ всегда самъ директоръ и общій съ издателемъ владѣлецъ его О. И. Сенковскій, и что никто въ свѣтѣ, кромѣ г. Сенковского, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на составъ и содержаніе «Библиотеки для Чтенія». Тѣ, которые носили званіе редакторовъ «Библиотеки для Чтенія», слишкомъ невинны, чтобы отвѣчать за нихъ передъ публикою, и слишкомъ благородны, чтобы требовать для себя похвалы за достоинства. Весь кругъ ихъ редакторскаго дѣйствія ограничивался чтеніемъ третьей, послѣдней корректуры»... Въ томъ же духѣ была и статья о сочиненіяхъ Греча въ апрѣльской книгѣ «Библиотеки для Чтенія» 1838 г. Гречъ отвѣчалъ въ вышеназванныхъ «Литературныхъ поясненіяхъ», что, хотя онъ не былъ формально избранъ здѣшними литераторами въ редакторы «Библиотеки для Чтенія», но что его избраніе под-

¹⁾ Рукописныя дополненія П. С. Савельева.

тверждено единогласнымъ одобреніемъ всѣхъ участвовавшихъ въ составленіи «Библіотеки», литераторовъ... «Вообще, почтенный нынѣшній директоръ «Библіотеки для Чтенія», какъ кажется, отъ давности забылъ нѣкоторыя обстоятельства, при которыхъ началось это изданіе» (стр. 2). Затѣмъ слѣдуетъ знаменитая полемика по поводу гоненій «Библіотекой» словъ с е и о н ы й. «Товарищи (Гречъ и Сенковский), говорятъ въ своихъ запискахъ жена Сенковского (стр. 89), разошлись безъ шума, безъ ссоры, совершенными друзьями». Если это вѣрно, то къ Булгарину какъ къ подстрекателю Греча, ссорившему его съ своимъ прежнимъ другомъ, должно быть отнесено другое мѣсто этихъ записокъ, гдѣ говорится о «врагѣ неумолимомъ, озлобленномъ противъ всякаго дарованія, превышавшаго его собственное, покушавшемся опрокинуть эту яркую съ самаго появленія славу... Дань (похвалъ Сенковскому), принесенная молодымъ энтузіастомъ, показалась преувеличенною одному изъ литературныхъ собратовъ, не такъ любимому публикой, но между тѣмъ извѣстному и знаменитому уже на литературной сценѣ гораздо прежде барона Брамбеуса. Бывшій другъ сталъ недругомъ, тогда же (въ 1834 г.) и въ продолженіе долгихъ лѣтъ употреблялъ напрасныя усилія, которыя, бросая тѣнь на него самого, еще ярче выказывали все достоинство Сенковского (стр. 82). Появленіе каррикатуры должно быть отнесено къ 1837—38 гг. Изъ какого лагеря она вышла, сказать трудно, но видно, что ее нарисовалъ челоѡкъ, хорошо знавшій трехъ пріятелей и считавшій Греча «первымъ челоѡкомъ въ литературѣ».

И. Шляпкинъ.

Участіе Россіи въ расторженіи Аміенскаго мира.

(май—сентябрь 1803 г.)¹⁾.

Хранящаяся въ лондонской «Канцеляриі донесеній» (Record Office) переписка британскихъ пословъ въ С.-Петербургъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько писемъ, касающихся расторженія Аміенскаго мира. Письма эти съ полною опредѣленностью обрисовываютъ отношеніе Англіи и Франціи къ Россіи въ началѣ XIX столѣтія и ту роль, которую играла послѣдняя изъ этихъ державъ наканунѣ третьей коалиціи²⁾.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію переговоровъ, въ продолженіе которыхъ написаны были эти письма, считаемъ необходимымъ очертить вкратцѣ тогдашнее политическое положеніе Европы.

12 мая³⁾ 1803 г. посоль его британскаго величества короля Георга III, лордъ Уитвортъ, выѣхалъ изъ Парижя, чтобы возвратиться въ Лондонъ, чѣмъ и завершилъ произошедшій между Франціею и Великобританіею разрывъ.

Въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль дѣла находились въ чрезвычайно натянутомъ положеніи. Англія соглашалась на сохраненіе мира лишь

¹⁾ Статья Жака Потреля, помѣщенная въ журналѣ: «Annales de l'École libre des sciences politiques» 1897 г.

²⁾ Foreign Office, Russia, Letters and Papers from Sir John Borlase Warren and Mr. Consul Shairp at Saint-Petersburg to the Secretary of State: with drafts. Vol. the first. From January to June the 30-th 1803 — Vol. the second. From July the 8-th to December the 30-th 1803 (все это въ лондонскомъ Record Office). — Императорское русское историческое общество, томъ 77. — Thiers, Histoire du Consulat et de l'Empire. — Mémoires du Prince A. Czartoryski. — «Moniteur» за 1803 г.

³⁾ Всѣ числа обозначены по новому стилю.

подъ тѣмъ условіемъ, чтобы за нею оставлена была Мальта; Франція же желала войны, въ случаѣ, если Мальта не будетъ очищена. Такимъ образомъ, дѣйствительно—можно почти сказать единственною—причиною столкновенія между обоими государствами была Мальта.

13 марта въ Тюильри произошла самая бурная сцена: въ присутствіи многолюднаго собранія, первый консулъ ¹⁾, увлеченный гнѣвомъ, въ поведительномъ тонѣ указалъ лорду Уитворту свои положительныя намѣренія, которыя до тѣхъ поръ были смягчаемы въ дипломатической перепискѣ и въ официальныхъ собесѣдованіяхъ. Спустя мѣсяць послѣ этого, Франція и Великобританія официально находились въ войнѣ между собою.

Какое положеніе могли занять, въ виду столь серьезнаго потрясенія, государства, косвенно заинтересованныя въ начинавшейся борьбѣ?

По всей вѣроятности, Австрія, находившаяся еще подъ вліяніемъ недавнихъ бѣдствій, не посмѣла-бы поднять голосъ. Пруссія, по чувству признательности и изъ боязни, а Италія, вслѣдствіе общности интересовъ—стали-бы, вѣроятно, на сторону Франціи. Одна только Россія, сохранявшая полную независимость, могла по собственному выбору занять то или другое положеніе въ возникшей распрѣ. Она была единственною державою, возможное отношеніе которой къ дѣлу должно было вызывать самыя разнообразныя догадки. Будучи связана съ Англіею торговыми интересами, а съ Франціею—своею континентальною политикою, она не могла отнестись безучастно къ войнѣ между этими двумя странами; поэтому всѣ дипломатическія усилія обѣихъ воюющихъ державъ должны были съ самаго начала направиться въ сторону Россіи.

Канцлеръ Александръ Воронцовъ и его братъ Семенъ Воронцовъ, посоль въ Лондонѣ, олицетворяли собою безусловную привязанность къ Англіи; посланникъ во Франціи, графъ Марковъ, тоже склонялся на сторону англичанъ. Такое-же настроеніе обнаруживала молодая партія, пользовавшая при русскомъ дворѣ значительнымъ вліяніемъ; главнѣйшими ея представителями были князь А. Чарторыйскій, Новосильцевъ и графъ Строгановъ, друзья и совѣтники молодого императора. Ихъ политическія идеи хотя и не были благопріятны Франціи, однако все-же были ей менѣе враждебны, чѣмъ возрѣнія стараго двора.

Александръ I колебался. Съ одной стороны, онъ чувствовалъ влеченіе къ первому консулу; оба они только-что покончили съ дѣломъ Германской имперіи и, казалось, были готовы договориться относительно раздѣла между собою европейскою гегемонію.

Вслѣдствіе этого, посты посланниковъ Франціи и Англіи въ С.-Петербургѣ имѣли чрезвычайно важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ посланникамъ обѣихъ враждебныхъ державъ надлежало устранить нерѣ-

¹⁾ Наполеонъ Бонапартъ.

шимость императора къ выгодѣ той или другой изъ нихъ. А между тѣмъ, любопытно, что въ представители своихъ интересовъ при Александрѣ I Франція и Англія выбрали двухъ такихъ людей, авторитетъ которыхъ въ дипломатическихъ дѣлахъ былъ слабъ—генерала Эдувиля (Hédouville) и адмирала Уорена (Waggen).

Князь Чарторыйскій, бывший въ то время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, весьма хорошо опредѣлялъ оба эти лица въ нѣсколькихъ строкахъ своихъ мемуаровъ: «Первый изъ нихъ, говорить онъ—былъ добрый и спокойный генералъ; что-же касается вторю, то онъ представлялъ собою полное ничтожество». Выборъ этихъ посланниковъ не былъ благоприятенъ для французскихъ интересовъ, потому что если въ Петербургѣ генералъ Эдувиль, по неопытности, могъ пропустить незамѣченными драгоцѣнные случаи, когда можно было-бы сдѣлать попытку къ сближенію между Франціею и Россіею, то въ Лондонѣ и Парижѣ недоброжелательныя намѣренія графа Семена Воронцова и графа Маркова, казалось, должны были неизбѣжно привести къ разрыву между обѣими этими странами. Между тѣмъ, въ началѣ 1803 г., дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею и Англіею шли нормальнымъ ходомъ. Между парижскимъ и петербургскимъ кабинетами оставалось еще только одно затрудненіе по вопросу о назначеніи вознагражденія королю Сардинскому. По этому предмету происходило нѣсколько совѣщаній между канцлеромъ Воронцовымъ и генераломъ Эдувилемъ въ С.-Петербургѣ и между Талъраномъ¹⁾ и графомъ Марковымъ въ Парижѣ, но вопросъ не могъ быть рѣшенъ и оставался открытымъ.

Въ маѣ 1803 г. между Франціею и Англіею послѣдовалъ разрывъ. Тогда въ дѣло вмѣшалась Россія и, въ теченіе лѣта и осени 1803 г., лондонское, с.-петербургское и парижское канцлерства заняты были переговорами, явившимися послѣдствіемъ такого вмѣшательства.

Различныя фазисы этихъ переговоровъ и составляютъ предметъ настоящаго очерка.

I.

Окончательному разрыву сношеній между Франціею и Англіею предшествовала первая попытка Бонапарта добиться вмѣшательства Александра I. Въ первые-же дни марта 1803 г. первый консулъ рѣшилъ обратиться къ нему съ собственноручнымъ письмомъ, которое и намѣренъ былъ отправить съ чрезвычайнымъ посломъ. Для выполненія этой

¹⁾ Прдерживаясь принятаго французами произношенія, мы предпочитаемъ такое начертаніе фамиліи, которую у насъ неправильно принято произносить «Талейранъ».

Примѣчаніе переводчика.

задачи онъ остановилъ свой выборъ на полковникѣ графѣ Кольбертѣ, который состоялъ командиромъ одного изъ полковъ конныхъ стрѣлковъ.

Письмо, помѣченное 11-мъ марта 1803 г., было вручено Александру 9-го апрѣля. Первый консулъ указывалъ въ немъ русскому императору на отказъ Англии, вопреки договорамъ, «очистить Мальту; затѣмъ, послѣ общаго очерка существовавшихъ въ то время между Франціею и Англіею отношеній, онъ заключалъ свое письмо слѣдующими словами: «Мнѣ кажется, что интересъ, съ которымъ ваше величество отнеслись къ Мальтійскому ордену, полученное вами приглашеніе обезпечить независимость острова и предложенныя вашимъ величествомъ статьи, требуютъ, чтобы вы приняли нѣкоторый интересъ въ этомъ дѣлѣ.... Я настоятельно прошу (*Je réclame*) вмѣшательства вашего величества; оно представляется мнѣ необходимымъ для дальнѣйшаго существованія морского мира, которымъ вы всегда, казалось, интересовались». Такимъ образомъ, Бонапартъ выдвигалъ принципъ вмѣшательства и даже вызывалъ мысль о посредничествѣ.

Отвѣтъ императора, замедленный религиозными торжествами Святой недѣли и пасхальными празднествами, отправленъ былъ 22 апрѣля, одновременно съ новыми инструкціями государя графу Маркову.

Въ письмѣ своемъ къ Бонапарту, Александръ употребляетъ лишь весьма неопредѣленные выраженія. Онъ распространяется объ «интересѣ сохранить миръ и объ усиліяхъ, которыя онъ употребитъ, чтобы привести оба правительства къ объясненію между собою». Признавая, что «образъ дѣйствій Англии представляется въ настоящую минуту противнымъ Аміенскому договору», онъ не беретъ сторону ни того, ни другаго изъ обоихъ государствъ. Тѣмъ не менѣе, онъ обязывается вмѣшаться, согласно выраженному первымъ консуломъ желанію.

Въ инструкціяхъ, посланныхъ графу Маркову съ цѣлью указать ему новый порядокъ дѣйствій, Александръ говоритъ болѣе точно. «Если оба правительства, пишетъ онъ, полагали бы, что посредничество можетъ облегчить эти объясненія и способствовать ихъ полюбовному окончанію, я не отказался бы, въ случаѣ просьбы о томъ заинтересованныхъ сторонъ, выполнить эту задачу со всѣмъ безпристрастіемъ, какого она требуетъ; и тогда вы, а также и графъ Воронцовъ въ Лондонѣ, были бы уполномочены поступать соотвѣтственно тому при обоихъ правительствахъ. Вашъ долгъ былъ бы сдѣлать все возможное, чтобы уладить затрудненія и выяснить пунктъ, разъединяющій оба правительства, которыя одинаково одушевлены желаніемъ мира и которымъ, чтобы примириться, нужно только понять другъ друга».

Генералъ Эдувиль не заблуждался относительно истинныхъ намѣреній русской политики и 22 апрѣля писалъ Тальрану, предупреждая

его «о пристрастіи, отъ котораго с.-петербургскій кабинетъ не отступитъ, если первый консулъ приметъ посредничество Россіи». Онъ прибавлялъ, что «посредничество императора было бы искреннимъ, если бы не находилось подъ вліяніемъ его министерства». Будущее подтвердило эти слова. Уже одна слѣдующая черта обрисовываетъ настроеніе канцлера Воронцова: когда генералъ Эдувиль излагалъ ему жалобы Франціи на Англію и происки британскаго кабинета, канцлеръ возразилъ, что «онъ не уклонится отъ своего долга ради... Китайской имперіи».

Отвѣтъ Александра первому консулу пришелъ въ Парижъ 11 мая, наканунѣ того дня, когда лордъ Уитвортъ, согласно инструкціямъ своего правительства, долженъ былъ выѣхать изъ Парижа. Предложеніе посредничества слишкомъ запоздало, чтобы предотвратить отъѣздъ британскаго посла, и было слишкомъ преждевременно для того, чтобы вызвать новые переговоры между Францією и Англіей; оно не могло, слѣдовательно, послужить тѣмъ видамъ, въ которыхъ Бонапартъ ходатайствовалъ о немъ. Поэтому отвѣтъ Тальрана былъ составленъ «въ вѣжливыхъ, но общихъ выраженіяхъ» ¹⁾.

Согласно инструкціямъ императора, графъ Марковъ повторилъ 28 мая предложеніе посредничества и добрыхъ услугъ, уже сдѣланное имъ за нѣсколько дней передъ этимъ. Г. Тальранъ отвѣтилъ ему чрезъ три дня, въ такомъ же тонѣ, какъ и въ первый разъ, ссылаясь на противодѣйствіе Англіи. Послѣдняя и въ самомъ дѣлѣ противодѣйствовала. Когда британское правительство получило предложенія русскаго посольства, оно дало на нихъ отрицательный отвѣтъ, заявивъ, что предотвращать разрывъ уже поздно и что, притомъ, такое посредничество только послужило бы для Франціи предлогомъ къ затягиванію бесполезныхъ переговоровъ. А между тѣмъ, вопреки такому утвержденію, первый министръ Эдингтонъ заявилъ въ парламентѣ, что воспользуется всякимъ вмѣшательствомъ Россіи.

Первый консулъ надѣялся, что лондонскій дворъ приметъ предложеніе Александромъ посредничество. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, онъ, во время аудіенціи 5 іюня, выразилъ графу Маркову сильное неудовольствіе, которое питалъ по этому поводу, и горько жаловался на недоброжелательность графа Воронцова и на всѣхъ приближенныхъ императора. Эта рѣзкая сцена была однимъ изъ первыхъ предвѣстниковъ разрыва между Россіей и Франціей. Русскій посланникъ не преминулъ доставить своему двору самое драматическое описаніе этой бурной сцены, дававшей предвидѣть прекращеніе сношеній между Россією и Франціей. «Съ прискорбіемъ, но съ правдивостью,

¹⁾ Письмо графа Маркова канцлеру Воронцову, отъ 18 мая 1803 г.

писалъ онъ императору, я долженъ сказать вашему императорскому величеству, что всѣ бумаги и всѣ поступки, вызванные нынѣшними обстоятельствами, отдають навсегда ненавистными временами Робеспьера и Директоріи и стремятся пробудить повсюду идеи мятежа и переворота, отъ которыхъ—какъ льстили себя нѣкоторое время мыслью—это правительство, будто бы, совершенно отказалось. Съ той и другой стороны, прибавлялъ посоль, умамъ нужно успокоиться: дѣла еще не достаточно распутались и требуется время, чтобы разобраться въ нихъ».

Спустя нѣсколько дней, переговоры снова какъ бы оживились. Талбранъ и графъ Марковъ опять стали говорить о посредничествѣ, если и не съ цѣлью придти къ соглашенію, то изъ вниманія къ тѣмъ, къ которымъ оно было предложено. Несмотря на эти послѣдніе переговоры, эта первая попытка посредничества завершилась неудачею при наименѣе счастливыхъ условіяхъ: она повела только къ тому, что хорошія отношенія между Франціею и Россіею нарушились. Отнынѣ, казалось, разрѣшить столкновение между Франціею и Англіею возможно было единственно только путемъ войны.

II.

Внезапное рѣшеніе, принятое первымъ консуломъ съ цѣлью вызвать уже не посредничество, а третейскій судъ Александра I, повело къ тому, что переговоры, не имѣвшіе уже, какъ казалось, цѣли, вступили въ новый фазисъ. Рѣшеніе это принято было при довольно страшныхъ обстоятельствахъ, разсказъ о которыхъ мы находимъ въ началѣ донесенія, посланнаго графомъ Марковымъ императору.

«У г-жи Бонапартъ, говоритъ онъ, былъ въ прошлое воскресенье въ Сент-Клу вечерній приемъ, послѣ котораго данъ былъ спектакль. Давали трагедію Расина «Esther», съ музыкальными хорами. Когда пьеса кончилась и занавѣсъ опустили, первый консулъ остался въ своей ложѣ, а потому всѣ ожидали, что будетъ еще другая пьеса. И дѣйствительно, занавѣсъ взвился и мы увидѣли появившагося на сценѣ актера во фракѣ. — Сдѣлавъ обычные поклоны на три стороны, онъ вынулъ изъ кармана бумагу и прочиталъ кантату, сочиненную накануне, но которую не успѣли положить на музыку. Авторомъ ея былъ правительственный поэтъ Фонтанъ, а сюжетъ составляли завоеваніе ГанOVERA и масса грубыхъ выходокъ противъ англійскаго короля и всего его народа. Во время этого чтенія, среди какъ иностранцевъ,

такъ и присутствовавшихъ французовъ, господствовало мрачное, глубокое молчаніе; одинъ только голосъ осмѣлился нарушить его похвалами красотѣ стиховъ: то былъ голосъ чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра берлинскаго двора.—По выходѣ изъ театра, мы послѣдовали за г-жею Бонапартъ, которая открыла куртажъ. Первый консуль не замедлилъ появиться здѣсь и, завладѣвъ мною, увелъ меня въ отдѣльную комнату. Тамъ мы имѣли разговоръ, который продолжался съ полуночи до 3 часовъ утра».

Вслѣдъ за этимъ рассказомъ, графъ Марковъ вкратцѣ излагаетъ императору предложенія Бонапарта. Мы находимъ ихъ въ болѣе пространномъ изложеніи въ слѣдующемъ письмѣ, съ которымъ русскій посолъ въ Парижѣ обратился 13 іюня къ своему лондонскому сотоварищу, графу Семену Воронцову.

Парижъ, 13 іюня 1803.

«По составленіи моихъ вчерашнихъ денешъ къ вашему сіятельству, я отправился въ Сентъ-Клу, гдѣ былъ вечеръ у г-жи Бонапартъ, а потомъ спектакль. По выходѣ изъ спектакля, первый консуль отвелъ меня въ отдѣльную комнату и имѣлъ со мною очень продолжительный разговоръ на тему о представленіяхъ, которыя я имѣлъ честь сообщить вамъ сегодня... Первый консуль поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы формально объявили британскому министерству: 1) что онъ, какъ и прежде, соглашается на самое неограниченное третейское разбирательство государемъ императоромъ спорныхъ между обѣими воюющими державами пунктовъ; 2) что если бы Англія, прививъ, съ своей стороны, такую же мѣру и вручивъ (графу Воронцову?) формальный актъ объ этомъ предметѣ, взаимнѣ подобнаго акта, который былъ бы врученъ французскимъ правительствомъ мнѣ—признала умѣстнымъ приостановить военныя дѣйствія, онъ также согласился бы на это; но что если она предпочитаетъ продолжать ихъ впредь до рѣшенія императора, это не измѣнило бы его готовности къ окончательному улаженію спора, лишь бы призы, уже захваченные у французской торговли или еще предстоящіе, были сохраняемы подѣ секвестромъ и возвращены къ тому времени; взаимнѣ этого, онъ предлагаетъ очистить курфюршество Ганноверъ и возвратитъ всѣ контрибуціи, которыя были бы тамъ взысканы и которыя уже опредѣлены въ суммѣ 40 милліоновъ ливровъ.—Хотя я не нашель сдѣлать никакого возраженія противъ столь справедливаго и столь умѣреннаго предложенія, однако попросилъ перваго консула изыскать какой-нибудь способъ, который могъ бы, если возможно, поскорѣ привести къ окончательному соглашенію; тогда онъ изложилъ другой планъ, который тоже разрѣшилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству съ просьбою предложить его британскому министерству. Онъ представляетъ слѣдующія основы: 1) островъ Мальта долженъ

*

быть переданъ въ руки русскаго императора; 2) первый консулъ немедленно очищаетъ отъ французскихъ войскъ Голландію и Швейцарію; 3) Франція не противится основанію англійскаго поселенія на островѣ Лампедузѣ; 4) къ обезпеченію участи короля Сардинскаго будутъ приняты мѣры, вполне соответствующія желаніямъ и намѣреніямъ русскаго императора, не касаясь, однако, Пьемонта, и 5) если бы при переговорахъ озаботились также и объ обезпеченіи безопасности и независимости Европы вообще, онъ подчинился бы всему, что было бы предложено въ этомъ отношеніи, предполагая, конечно, что территориальное *status quo* Франціи до войны будетъ въ существенныхъ пунктахъ сохранено.

«Я совѣтовалъ первому консулу замѣнить первую статью этого плана предложеніемъ, чтобы, въ случаѣ отказа императора, Мальта оставалась въ рукахъ англичанъ на условное число лѣтъ. Но онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался отъ этого. Мнѣ показалося, что отказъ этотъ противорѣчитъ его увѣренію въ томъ, что онъ вполне полагается на рѣшеніе императора какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, поднимавшихся между Франціею и Англіей; я указалъ ему на это. Но онъ сталъ доказывать мнѣ, что никакого противорѣчія тутъ нѣтъ, и сказалъ, что если бы императоръ присудилъ Мальту англичанамъ навсегда или на время, то онъ покорился бы этому, какъ покоряются проигрышу процесса, который считали вѣрнымъ, но что онъ считаетъ дѣломъ чести и долга не уступать по собственному побужденію и по собственному рѣшенію.

«Исполняю данное мнѣ первымъ консуломъ порученіе: рекомендовать заботамъ и добрымъ услугамъ вашего сіятельства достиженіе того, чтобы британское министерство склонилось къ выслушанію столь примирительныхъ предложеній и къ ихъ принятію»...

Таковы были вопросы и рѣшенія, поднятые и принятые первымъ консуломъ и графомъ Марковымъ въ ночь съ 12-го на 13-е іюля 1803 г. Вопросы эти имѣли въ высшей степени важное значеніе.

Первый консулъ, предоставляя свои притязанія третейскому рѣшенію императора Александра, совершалъ политическій поступокъ, смѣлость котораго неоспорима. Но, если онъ рисковалъ увидѣть, что притязанія его будутъ отвергнуты и рѣшеніе императора окажется выгоднымъ для его противника, то, взамѣнъ этого, онъ могъ надѣяться, что доказательство такого безусловнаго довѣрія, данное молодому императору, навсегда привлечетъ послѣдняго къ Франціи.

Переговоры, завязавшіяся на слѣдующій день послѣ разговора въ Сентъ-Клу, представляютъ совершенно особенный интересъ. Въ виду разрыва дипломатическихъ сношеній между Франціею и Англіей, тюльрийскій и сентъ-жемскій кабинеты сносились тогда между собою чрезъ посредство русскихъ пословъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Направленіе дѣла съ перваго-же дня взялъ на себя министр иностранныхъ дѣлъ, Тальранъ. Будучи освѣдомленъ относительно намѣреній перваго консула, онъ снова изложилъ ихъ графу Маркову, когда тотъ заѣхалъ къ нему черезъ нѣсколько часовъ послѣ возвращенія изъ Сентъ-Клу. Дѣлая визитъ Тальрану, русскій посоль имѣлъ цѣлью показать ему депешу, составленную имъ въ то-же утро для отправки русскому послу въ Лондонъ, графу Семену Воронцову. Депеша эта, начало которой мы уже приводили выше, заканчивалась слѣдующими строками относительно образа дѣйствій Бонапарта: «Результатъ разговора, какъ мнѣ кажется, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ искренности миролюбивыхъ намѣреній, которыя обнаружилъ первый консулъ....

«...Этотъ отвѣтъ ¹⁾ показался мнѣ такимъ благороднымъ, такимъ прямодушнымъ и такимъ честнымъ, что я съ удвоеннымъ усердіемъ и горячностью исполняю данное мнѣ первымъ консуломъ порученіе: рекомендовать заботамъ и добрымъ услугамъ вашего сіятельства достиженіе того, чтобы британское министерство склонилось къ выслушанію такихъ примирительныхъ предложеній и къ принятію ихъ».

Тальранъ, ознакомившись съ депешою, одобрилъ ея содержаніе и вечеромъ того-же дня, 14-го іюня, посольскій курьеръ, надворный совѣтникъ Ланской, отправился въ Лондонъ, гдѣ долженъ былъ вручить графу Воронцову письмо графа Маркова. Только-что приведенные хвалебные отзывы объ образѣ дѣйствій Бонапарта продиктованы были лишь необходимостью для графа Маркова сообщить содержаніе депеши Тальрану. На самомъ дѣлѣ онъ судилъ совсѣмъ иначе о томъ разговорѣ, который имѣлъ съ Бонапартомъ въ Сентъ-Клу. «Чѣмъ болѣе щедрыми представляются мнѣ предложенія перваго консула, писалъ онъ 14-го іюня русскому канцлеру, тѣмъ болѣе подозрительно представляется мнѣ ихъ искренность. Въ обѣщаніи подчиниться неограниченному третейскому рѣшенію государя императора я вижу лишь желаніе превзойти Англию и надежду, что если она не согласится на это, то онъ приобрѣтетъ новую выгоду какъ передъ своимъ собственнымъ народомъ, такъ и передъ Россіею».

Тальранъ, съ своей стороны, успѣшилъ отправить новыя инструкціи генералу Эдувию, въ то время какъ посланный графомъ Марковымъ курьеръ ѣхалъ въ Лондонъ. Депешою отъ 18-го іюня онъ ознакомилъ французскаго посла въ С.-Петербургѣ съ положеніемъ дѣлъ и предписалъ ему выставить передъ Александромъ I величіе роли, разыгрываемой первымъ консуломъ. Съ этой стороны дѣйстви-

¹⁾ „Если императоръ присудитъ Мальту Авліи навсегда или на время, и покорюсь этому, какъ покоряются проигрышу процесса, который считали вѣрнымъ; но я считаю дѣломъ чести и долга не уступать по собственному побужденію и по собственному почину“.

тельно было необходимо обезпечить себя. Генераль Эдувиль уже не разъ извѣщалъ Тальрана о нерасположеніи, которое питали къ Франціи если не императоръ, то, по крайней мѣрѣ, окружавшія его лица. Такъ какъ въ Тюильри надѣялись, что это враждебное настроеніе отнынѣ исчезнетъ, въ виду просьбы французскаго правительства о третейскомъ разбирательствѣ, то генералу Эдувилю, конечно, слѣдовало своими усиліями содѣйствовать такому результату. Но нужно было также знать отвѣтъ британскаго правительства на предложеніе Бонапарта, такъ какъ могло случиться, что отвѣтъ этотъ тоже измѣнилъ бы къ выгодѣ Франціи чувства русскаго двора. Поэтому съ 13-го іюня въ Парижѣ господствовало сильное нетерпѣніе.

Ш.

Надворный совѣтникъ Ланской, переправился чрезъ Ламаншъ 15-го числа утромъ, а послѣ полудня прибылъ въ Лондонъ, гдѣ тотчасъ же и вручилъ русскому послу депеши графа Маркова.

Въ виду прекращенія всякихъ сообщеній между Англіей и Франціей, о проѣздѣ русскаго курьера чрезъ Ламаншъ, чрезъ Кале и Дувръ, было сообщено во французскихъ газетахъ. Во Франціи пронеслися слухи о вмѣшательствѣ Россіи, а можетъ быть даже о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій; послѣдствіемъ этого началось было повышеніе бумагъ.

Въ Лондонѣ графъ Семенъ Воронцовъ, ознакомившись съ депешами графа Маркова, немедленно приказалъ переписать ихъ, а затѣмъ отправилъ копии къ лорду Гоуксбери (Hawkesbury), при слѣдующей запискѣ:

«Надѣсь, что вы назначите мнѣ завтра поутру часъ, чтобы мы могли переговорить объ этомъ дѣлѣ. Спѣша сообщить вамъ прилагаемые документы, пишу вамъ эту записку *currente calamo*, ¹⁾ но завтра или сегодня вечеромъ пришлю вамъ официальную ноту въ дополненіе сообщенія, которое тороплюсь сдѣлать вамъ теперь-же».

На слѣдующій день графъ Воронцовъ дѣйствительно послалъ министру официальную ноту, въ которой торжественно говорилъ «объ открывшемся новомъ пути къ миру, который можетъ быть достигнуть почетнымъ и надежнымъ для обѣихъ воюющихъ державъ образомъ». Къ этой официальной нотѣ приложена была записка слѣдующаго содержанія:

¹⁾ На-скоро.

«Дорогой лордъ, вотъ официальная нота, которую я долженъ-бы былъ отправить вамъ вчера, но которой я не имѣлъ времени составить; она должна считаться препроводительною нотою къ копіи официального письма графа Маркова отъ 13-го числа настоящаго мѣсяца»¹⁾.

Какое-же положеніе могла занять Великобританія, въ виду предложеній Бонапарта, которыя дошли наконецъ до сентъ-джемскаго кабинета, пройдя сперва чрезъ посредничество Тальрана, графа Маркова и графа Воронцова?

Министерству Эдингтона-Гоуксбери, управлявшему тогда дѣлами Англій, нерѣдко дѣлались упреки въ недостаточной способности и особенно въ недостаткѣ рѣшимости. Между тѣмъ, разсмотрѣніе фактовъ позволяетъ сказать утвердительно, что въ этомъ дѣлѣ о третейскомъ разбирательствѣ министерство съ выгодою для себя вышло изъ чрезвычайно опаснаго положенія. Оно сумѣло предотвратить вмѣшательство, которое, по сознанію самого графа Воронцова, «могло выставить Бонапарта въ болѣе благоприятномъ для него видѣ въ С.-Петербургѣ».

Дѣйствительно, Бонапартъ предлагалъ вполне подчиниться рѣшенію русскаго императора и даже обѣщалъ отказаться отъ всякихъ претензій по поводу Мальты, если бы къ этому обязало его императорское рѣшеніе. Взамѣнъ этого, онъ приглашалъ британское правительство послѣдовать его примѣру. Такимъ образомъ, правительство это вынуждено было выбрать одно изъ двухъ: либо принять третейское разбирательство Александра I, либо, отказавшись отъ русскаго вмѣшательства, обратиться къ оружію. Въ послѣднемъ случаѣ, оно обнаружилось бы недостатокъ довѣрія къ справедливости русскаго императора и оказалось-бы въ рѣзкомъ противорѣчій съ тѣмъ положеніемъ, которое занялъ адмиралъ Уоренъ въ Петербургѣ; послужа этому британское правительство предписало увѣрить русскаго канцлера въ безпредѣльномъ довѣрїи Англїи къ справедливости молодого императора. Остановиться на другомъ рѣшенїи, т. е. согласиться на то, чтобы подчиниться неограниченному рѣшенію Александра, значило-бы подтвердить увѣренія въ довѣрїи, въ которыхъ Англїя непрерывно разсыпалась передъ Россїею уже нѣсколько мѣсяцевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это значило-бы рисковать утратою Мальты. И въ самомъ дѣлѣ, молчаніе императорскаго правительства относительно этого пункта вызвало въ Лондонѣ безпокойство; тамъ опасались, какъ-бы не возымѣли успѣха дѣлавшіяся французскою дипломатїею усилія съ цѣлью добиться того, чтобы Александръ потребовалъ исполненія Амїенскаго трактата вътой его части, которая касалась очищенія Мальты. Наконецъ, англійское правительство знало о рескриптѣ,

¹⁾ Обѣ воспроизведенныя нами записки цѣликомъ написаны собственно-ручно графомъ Воронцовымъ.

данномъ на имя графа Воронцова русскимъ императоромъ 22-го апрѣля 1803 г. и заключавшемъ въ себѣ слѣдующія слова, весьма способныя вызвать тревогу:

«Я долженъ сознаться, что въ этомъ случаѣ ¹⁾, по крайней мѣрѣ по вѣщности, англійское правительство поступило противно буквѣ Аміенскаго трактата и что юридически право не на его сторонѣ, такъ какъ оно обязалось очистить Мальту въ сроки, которые уже исполнились или могутъ исполниться, когда оно того захочетъ. Но я слишкомъ хорошо знаю стойкость принциповъ и прямоту короля Великобританіи, чтобы хоть на минуту допустить мысль, будто онъ хотѣлъ не выполнить заключеннаго такъ недавно договора, ради присвоенія себѣ Мальты»...

Между тѣмъ, именно удержаніе за собою Мальты и было цѣлью, къ которой направлены были всѣ усилія англійской политики; поэтому адмиралу Уорену было поручено доказывать въ Петербургѣ императорскому правительству, что «Мальта должна быть навсегда оставлена за Великобританію, какъ островъ, необходимый для ея торговли, для безопасности ея индійскихъ владѣній и для ея сближенія съ югомъ Европы».

Итакъ, британскій кабинетъ, уже подвергавшійся сильнымъ нападкамъ въ парламентѣ и въ странѣ, оказался поставленнымъ между двухъ опасностей, которымъ поколебленное положеніе его придавало тѣмъ болѣе грозный характеръ. И вотъ, посолъ Александра I, графъ Семенъ Воронцовъ, помогъ лорду Гоуксбери преодолѣть это затрудненіе, выступивъ защитникомъ англійскихъ интересовъ.

Мы уже рассказали, при какихъ обстоятельствахъ графъ С. Воронцовъ писалъ 16 іюня лорду Гоуксбери, чтобы сообщить ему о предложеніяхъ французскаго правительства. 17 іюня британскій министръ и русскій посолъ имѣли свиданіе. При этомъ было рѣшено, что, ранѣе официального отвѣта на предложенія перваго консула, англійскій кабинетъ представить на разсмотрѣніе графа Воронцова проектъ отвѣта. 18 іюня проектъ этотъ былъ составленъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и посланъ въ русское посольство. На слѣдующій же день русскій посолъ сообщилъ лорду Гоуксбери свои замѣчанія. Письмо, въ которомъ они были изложены, заслуживаетъ того, чтобы его привести цѣликомъ.

Лондонъ, 19-го іюня 1803 г..

«Возвращаю вамъ, милордъ, переводъ проекта вашего отвѣта мнѣ, который я получилъ вчера вечеромъ. Немногія замѣчанія, которыя я могу сдѣлать по поводу прочитаннаго мною, заключаются въ слѣдующемъ:

¹⁾ Въ дѣлѣ о Мальтѣ.

1) «Прошу васъ вычеркнуть число, отъ котораго писано письмо графа Маркова и сказать только: «Имѣю честь увѣдомить о полученіи письма, посланнаго мнѣ вашимъ сіятельствомъ 16 числа нынѣшняго мѣсяца, вмѣстѣ съ приложенною къ нему копіею письма графа Маркова»,—такъ какъ я долженъ былъ дать вамъ копію только съ письма отъ 11-го числа, а содержаніе письма отъ 13-го обязанъ былъ сообщить вамъ лишь на словахъ. Если я поступилъ иначе, то лишь въ силу моего довѣрія къ вамъ и потому, что когда рѣшается какой бы то ни было вопросъ между Англіей и Франціей, сердце мое всегда склоняется въ пользу первой и противъ послѣдней, и я хотѣлъ, чтобы вы знали основную сущность дѣла.

2) «Мнѣ кажется, что первая часть письма, касающаяся только посредничества, нѣсколько длинна.

3) «Вторая часть, гдѣ идетъ рѣчь о третейскомъ рѣшеніи, недостаточно пространна, и основанія, приводимыя въ пользу и противъ этого дѣла, недостаточно развиты. Предметъ этотъ, о которомъ мы теперь заботимся, имѣетъ такую большую важность, что долженъ рѣшить существованіе въ будущемъ доброй или дурной гармоніи между нашими двумя дворами. Смотри по тому, какъ будутъ дѣйствовать отсюда, настоящій случай можетъ либо выставить Бонапарта въ болѣе благопріятномъ видѣ въ С.-Петербургѣ, либо обнаружить его недобросовѣстность и коварство; отъ этого зависить судьба Европы, въ связи съ оборотомъ, который приметъ эта война, или съ тѣмъ, при какихъ условіяхъ она кончится миромъ. Все это заставило меня много думать—но безъ успѣха—о возможныхъ способахъ къ соглашенію относительно той формы, въ какой можно было бы отвѣтить на лукавое предложеніе Бонапарта, потому что я долженъ, съ обычною откровенностью, сознаться, что возраженія, сдѣланныя вами, милордъ, на мою первоначальную мысль, были весьма вѣски и что вы были правы, не соглашаясь на мое предложеніе *in extenso*. Въ виду такого затрудненія, я прибѣгнулъ къ совѣтамъ одного друга, мнѣніе котораго я привыкъ спрашивать и котораго глубокое знаніе, огромная опытность въ дѣлахъ и честность не могутъ быть подвергнуты никакому сомнѣнію. Друга этого, который есть не кто иной, какъ князь Кастель-Чикала ¹⁾, я просилъ помочь мнѣ въ присканіи возможности принять роль третейскаго судьи, но совершенно конфиденціальнымъ образомъ, причемъ не казалось бы,

¹⁾ Князь Кастель-Чикала, по подлинному имени Фабриче Руффо, былъ тогда посломъ неаполитанскаго короля Фердинанда IV при англійскомъ королѣ. Передъ тѣмъ онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ своей родины и посломъ въ Парижѣ. Въ продолженіе своей долгой карьеры князь Кастель-Чикала постоянно являлся сторонникомъ неограниченной власти и явнымъ противникомъ принциповъ революціи.

будто это происходитъ изъ недовѣрія, и сдѣлать это такъ, чтобы раз-облачить Бонапарта и привлечь къ себѣ императора. Я ничуть не колебался открыться въ данномъ случаѣ этому другу, потому что онъ душою и сердцемъ привязанъ къ Англіи и его отечество болѣе всякой другой страны въ мірѣ заинтересовано въ томъ, чтобы война окончилась къ невыгодѣ Франціи и чтобы Россія была противъ перваго консула. Обдумавъ это дѣло и подробно обсудивъ съ моимъ другомъ форму, въ которой вы могли бы отвѣчать мнѣ, а также доводы, которые вы могли-бы привести въ вашемъ отвѣтѣ, мы нашли, что распространяя вторую часть вашего письма, гдѣ резюмированъ весь изложенный вами предметъ, вы должны бы прибавить то, что увидите въ прилагаемой бумагѣ. Отъ вашего, милордъ, вниманія не ускользнетъ, что резюме это составлено такимъ образомъ, что третейскому рѣшенію императора вы предоставляете только тѣ пункты, которые находятся внѣ сферы вашего воздѣйствія, которыми вы не располагаете, но которые, напротивъ, находятся во власти и подъ влияніемъ вашего непріятеля; ибо что можете вы сдѣлать, чтобы вырвать изъ когтей корсиканца Пьемонтъ, Швейцарію, Голландію? Отдавая эти пункты на третейское рѣшеніе Россіи, вы дѣлаете все отъ васъ зависящее, чтобы улучшить ихъ участь. Мальту вы изъемиете во всѣхъ возможныхъ случаяхъ отъ третейскаго рѣшенія и вы ни въ чемъ не манкируете передъ императоромъ; напротивъ, вы свидѣтельствуєте ему всевозможное довѣріе и почтеніе—и вы ставите его въ возможность снять маску съ корсиканца, что, при дальнѣйшемъ ходѣ войны, доставило бы вамъ весьма благопріятныя, а Бонапарту роковыя шансы.

«Пакетъ этотъ я предпочелъ послать вамъ, а не доставить самому, чтобы вы имѣли время прочесть его содержаніе до моего прибытія, послѣ чего мы поговоримъ объ этомъ дѣлѣ основательно».

Письмо это какъ нельзя болѣе ясно разоблачаетъ настроеніе, въ которомъ находился графъ Воронцовъ, его ненависть къ Франціи, его рѣшимость не отступать ни передъ какою интригой, лишь бы обезпечить Англіи поддержку Россіи, и, наконецъ, всю громадность отвѣтственности, которую онъ бралъ на себя такъ заблаговременно и, притомъ, по собственному почину, вмѣшивая въ дѣло политику своего отечества.

Графъ Воронцовъ получилъ отъ императора Александра формальныя инструкціи. Онъ долженъ былъ, по соглашенію съ графомъ Марковымъ, «пригласить правительства, чтобы они изъявили готовность къ искреннему и дружественному объясненію». Съ другой стороны, въ ту самую минуту, когда онъ получалъ эти инструкціи, онъ писалъ графу Маркову:

«На свѣтѣ есть одна только власть, которой я долженъ и желаю давать отчетъ обо всѣхъ случаяхъ моего официального образа дѣйствій;

власть эта—мой августѣйшій монархъ, государь императоръ. Разъ я пользуюсь его августѣйшимъ одобреніемъ, я вполне счастливъ, потому что счастье мое заключается лишь въ надеждѣ заслужить хорошее мнѣніе его величества».

Но не позволительно-ли спросить себя, какъ могъ графъ Воронцовъ согласовать чувства, которыми хвалился, съ его дѣйствіями по отношенію къ англійскому правительству? Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, думалъ заслужить «хорошее мнѣніе Александра» и достигнуть «откровеннаго и дружественнаго объясненія между правительствами», когда онъ говорилъ лорду Гоуксбери о «когтяхъ» и «интригахъ корсиканца» и о средствахъ, «способныхъ сорвать съ него маску»?

Мало вѣроятія, чтобы графъ Воронцовъ, несмотря на его увѣренія, когда-либо давалъ своему «августѣйшему монарху» отчетъ въ дѣйствительныхъ своихъ поступкахъ во время этихъ переговоровъ; еще менѣе вѣроятно, чтобы эти поступки, если бы о нихъ узнали въ Петербургѣ, могли заслужить «хорошее мнѣніе» Александра. Что касается интересовъ Россіи, то очевидно, что графъ Воронцовъ, ослѣпленный своимъ поклоненіемъ Англіи, пожертвовалъ ими къ выгодѣ этой страны. Оно ускорило разрывъ между Франціею и Россіею и можетъ, въ известной степени, считаться отвѣтственнымъ за гибельныя событія, бывшія послѣдствіемъ этого разрыва ¹⁾).

Къ письму своему отъ 19 іюня графъ Воронцовъ приложилъ проектъ отвѣта, который, по рѣшенію, принятому въ согласіи съ британскимъ министромъ, долженъ былъ поступить къ нему обратно за подписью лорда Гоуксбери.

«Его британское величество, говорилось въ проектированномъ отвѣтѣ, питаетъ самое полное, самое широкое довѣріе къ справедливости, мудрости и миролюбію его величества императора всероссійскаго, равно какъ и къ его горячей заботѣ о безопасности и независимости Европы.

¹⁾ Приводимъ отзывъ о князѣ Семенѣ Воронцовѣ, данный однимъ изъ его соотечественниковъ, княземъ А. Чарторыйскимъ:

„Что касается его манеры смотрѣть и воздѣйствовать на ходъ дѣлъ, то ему можно-бы сдѣлать немало упрековъ.

„Ошибки его были послѣдствіемъ всего его характера, который увлекалъ его къ безусловному преклоненію предъ Англіею, передъ страной, которая одна только управлялась тогда свободными учрежденіями. Графъ Семенъ привязался чувствомъ дружбы—я готовъ сказать: безпредѣльнаго обожанія—къ г. Питту и нѣсколькимъ изъ его товарищей. Это чрезмѣрно пылкое чувство препятствовало ему безпристрастно относиться къ ходу событій и достигать, въ различныхъ случаяхъ, истинные интересы Россіи или даже Европы въ общей совокупности ея политики...

„...Невозможность вполне полагаться на свѣдѣнія графа С. Воронцова вызвала отправку другого лица, Новосильцева“.

Въ силу этого довѣрія его британское величество нисколько не затрудняется повергнуть на третейское рѣшеніе его императорскаго величества всѣ вопросы, какого-бы ни было рода, которые послужили поводомъ къ возобновленію враждебныхъ дѣйствій между Великобританіей и Франціей. Первымъ изъ этихъ вопросовъ является расширеніе, которое Франція въ мирное время, послѣ аміенскаго трактата и противно духу послѣдняго, дала своимъ владѣніямъ, присоединивъ къ нимъ Пьемонтъ, островъ Эльбу, герцогство Пармское и Пьяченцу, подчинивъ себѣ Швейцарію и уничтоживъ независимость Батавской республики... Въ видѣ предварительнаго и основнаго условія третейскаго рѣшенія, его британское величество проситъ сохранить за нимъ Мальту, дѣлая это безъ всякихъ видовъ честолюбія и интереса и имѣя на это право, такъ какъ Франція поставила условіемъ третейскаго рѣшенія то, что она сохранитъ свои нынѣшнія владѣнія».

Относительно Мальты графъ Воронцовъ подсказываетъ британскому правительству новые доводы:

«Мальта въ рукахъ англичанъ не причиняетъ вреда никакой державѣ, даже Франціи, если она не захочетъ предпринять реокупацію Египта и тѣмъ самымъ сдѣлаться опасною въ самыхъ тревожныхъ размѣрахъ для британскихъ владѣній въ Остъ-Индіи; она (Мальта) никакъ не можетъ даже задѣвать французское самолюбіе, потому что не находится на французской территоріи, какъ Гибралтаръ на территоріи Испаніи. Мальта расположена на разстояніи свыше 2,000 мѣ отъ береговъ Прованса и гарнизонъ и эскадра британскіе будутъ для Франціи не болѣе опасны, чѣмъ она были на Миноркѣ. Но если бы нынѣшнее или будущее французское правительство вновь захотѣло осуществить свои виды на Левантъ, британская эскадра, стоящая у Мальты, будетъ въ состояніи разстроить этотъ замыселъ. Слѣдовательно, Мальта во власти Великобританіи обезпечиваетъ безопасность Леванта и даже освобождаетъ южную Италію и Средиземное море, а также Архипелагъ, отъ деспотическаго господства Франціи...»

Лордъ Гоуксбери послѣшно ухватился за эти доводы, такъ кстати подсказанные ему графомъ Воронцовымъ, и 23-го іюня послалъ ему письмо, содержаніе котораго должно было послужить официальнымъ отвѣтомъ на предложенія перваго консула. Письмо это было отчасти прямо копіею съ проекта, составленнаго русскимъ посломъ. Британское правительство заявляло въ немъ, что принимаетъ третейское рѣшеніе Александра I, если за основу переговоровъ будетъ принято «положеніе владѣній въ началѣ войны и обезпеченіе отъ послѣдующихъ проектовъ Франціи».

Выборъ этой довольно неопредѣленной формулы доказываетъ, что британское правительство хотѣло изъять изъ третейскаго рѣшенія

Мальту, бывшую въ началѣ войны въ рукахъ Англіи. Выводы, которые можно было-бы сдѣлать изъ этого, имѣли-бы, впрочемъ, мало интереса, такъ какъ письмо, о которомъ мы только-что говорили, по неизвѣстной причинѣ не было послано въ Парижъ. Лордъ Гоуксбери и графъ Воронцовъ имѣли, вѣроятно, новое свиданіе, слѣдовъ котораго нельзя найти въ лондонскомъ архивѣ. Во всякомъ случаѣ,—въ русскомъ-ли посольствѣ или въ британскомъ министерствѣ—выработанъ былъ новый проектъ отвѣта, который затѣмъ и посланъ графу Маркову для сообщенія французскому правительству. Резюме этого окончательнаго отвѣта заключалось въ слѣдующихъ строкахъ: «его величество уже заявилъ, что принимаетъ посредничество русскаго императора, вполне позагаясь на мудрость, справедливость и великодушіе этого добродѣтельнаго государя. Его величество желаетъ, чтобы переговоры, которые могли бы состояться подъ эгидою его императорскаго величества, не ограничились однимъ только предметомъ, но обняли бы всѣ разногласія, подавшія поводъ къ войнѣ между Англіею и Франціею».

Подъ этимъ кажущимся согласіемъ на предложенія французскаго правительства не трудно обнаружить усилія, сдѣланныя съ цѣлью избѣгнуть вмѣшательства Россіи. Замѣна мысли о третейскомъ разбирательствѣ мыслью о посредничествѣ и приписываніе первому консулу намѣренія предоставить на рѣшеніе Александра одинъ только споръ о Мальтѣ являются приемами политики, сознающей свою двуличность. Настоятельныя инструкторціи, посланныя представителю короля Георга въ Петербургѣ, служатъ новымъ тому доказательствомъ. Въ «особомъ и конфиденціальномъ» письмѣ лорда Гоуксбери отъ 22-го іюня проглядываютъ истинныя намѣренія англійской политики. Такъ какъ адмиралъ Уоренъ уже неоднократно отмѣчалъ въ своихъ депешахъ, что русскій дворъ, повидимому, расположенъ къ тому, чтобы лучше Англія удержалась на Мальтѣ, чѣмъ островъ этотъ снова былъ занятъ Франціею, то лордъ Гоуксбери, стремясь извлечь выгоду изъ этого расположенія, умышленно преувеличиваетъ его значеніе: «Въ высшей степени важно, пишетъ онъ въ своей конфиденціальной депешѣ къ адмиралу, чтобы вы выяснили канцлеру, что англійское правительство по отношенію къ Мальтѣ поступало подъ матеріальнымъ вліяніемъ (*have been materially influenced*) знанія о чувствахъ императора въ этомъ вопросѣ».

Несомнѣнно, что въ официальномъ письмѣ отъ 24-го іюня лордъ Гоуксбери, съ цѣлью внушить русскому правительству предположеніе, будто Великобританія всегда готова принять вмѣшательство императора Александра, поручилъ адмиралу Уорену выразить русскому канцлеру «довѣріе короля къ справедливости и мудрости его императорскаго величества и удовольствіе, съ которымъ онъ видитъ, что дѣло Европы находится, въ большой мѣрѣ, въ рукахъ государя, положеніе котораго

среди государствъ міра и прославленные добродѣтели также указываютъ на него для выполнения этой важной задачи».

Графъ Воронцовъ, съ своей стороны, написалъ 28-го іюня графу Маркову и сообщилъ ему подписанный британскимъ министромъ официальный отвѣтъ. Въ письмѣ своемъ графъ Воронцовъ поддерживаетъ представленные лордомъ Гоуксбери доводы и, кажется, тѣмъ болѣе охотно, что авторомъ ихъ былъ онъ самъ. Затѣмъ, пускаясь еще разъ въ заявленія своего восторга передъ Англіей, онъ предается восхваленію этой страны.

«Не удивляйтесь запозданію этого письма, говорить онъ: во Франціи все зависитъ отъ одного человѣка, все дѣлается волею перваго консула; ему даютъ отчетъ, а онъ дѣлаетъ распоряженіе, когда хочетъ сдѣлать какое-нибудь дѣло быстро; здѣсь же нужны совѣты кабинета. потому что министерство состоитъ подъ контролемъ не только парламента, но всей націи, сужденіе которой производитъ дѣйствіе и затрогивать которую опасно. По важному дѣлу собирается нѣсколько засѣданій совѣта кабинета, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, послѣ чего докладъ о томъ, что рѣшено, посылается къ королю въ Уинзоръ ¹⁾. Его величество нерѣдко отсылаетъ этотъ докладъ обратно съ замѣтками, которыя вызываютъ новыя засѣданія совѣта, послѣ которыхъ снова представляются королю сдѣланныя измѣненія и только послѣ одобренія ихъ королемъ дѣло поступаетъ на обсужденіе и рѣшается. А такъ какъ такое же и даже еще большее вниманіе отдается внутреннимъ дѣламъ, интересъ которыхъ, конечно, выше интереса вѣнскихъ и навлекаетъ на министерство, во всемъ его составѣ, большую отвѣтственность, то дѣла эти занимаютъ кабинетъ несравненно болѣе, чѣмъ все другое. Такъ, иностранныя дѣла ведутся гораздо болѣе медленно, чѣмъ повсюду въ другихъ странахъ. Быть можетъ, способъ этотъ невыгоденъ, но несомнѣнно, что дѣла внутреннія, составляющія истинную основу счастья государства, ведутся здѣсь лучше, чѣмъ въ какой-бы ни было странѣ міра, о чемъ свидѣтельствуетъ благосостояніе, господствующее на всемъ пространствѣ Великобританіи».

Въ тотъ самый день, когда графъ Воронцовъ отправилъ графу Маркову отвѣтъ, онъ написалъ къ лорду Гоуксбери, чтобы сообщить ему содержаніе рескрипта, только-что полученнаго имъ отъ императора Александра. Въ рескриптѣ этомъ, данномъ въ Выборгѣ 27-го мая (8-го іюня) 1803 г., императоръ заявлялъ, что, съ цѣлью предупредить кровопролитіе, онъ соглашается наконецъ принять Мальту подъ свою охрану.

Рѣшеніе это составляло неоспоримый успѣхъ для дипломатіи гене-

¹⁾ Мы держимся обычнаго англійскаго произношенія слова Windsor.

Прим. переводч.

рала Эдувиля. Дѣйствительно, въ инструкціяхъ Тальрана намѣчалась именно эта цѣль стараніямъ французскаго посланника въ Петербургѣ и, убѣдился-ли императоръ доводами генерала Эдувиля въ пользу того, чтобы сдѣлать воюющимъ державамъ такое предложеніе, или же рѣшеніе это было принято имъ ранѣе,—но Александръ I и въ томъ, и въ другомъ случаѣ поступилъ согласно видамъ французскаго правительства.

Положеніе снова стало очень затруднительнымъ для Англій. Какое рѣшеніе приметъ она теперь? Она не разъ заявляла, что хочетъ оставить за собою Мальту лишь для того, чтобы предотвратить возможный въ будущемъ захватъ острова Франціею. Отказавшись отъ предложенія Александра I, она только доказала бы, что не питаетъ къ нему безпредѣльнаго довѣрія, какъ заявляла еще недавно, и, кромѣ того, показала бы, что она стремилась удержать за собою Мальту съ цѣлью усилить свое господство на Средиземномъ морѣ и, слѣдовательно, открыто нарушить Аміенскій договоръ.

Выборъ между утратой Мальты и навлеченіемъ на себя нерасположенія русскаго императора казался еще болѣе затруднительнымъ, чѣмъ рѣшеніе по поводу недавняго предложенія Бонапарта.

Англійское правительство, рѣшившееся сохранить Мальту за собою во что-бы ни стало, не впало въ колебаніе, и 30-го іюня лордъ Гоуксбери отвѣтилъ графу Воронцову, что рескриптъ былъ показанъ королю, что его британское величество благодаритъ императора за добрыя услуги, но не можетъ принять его предложеніе. Министръ писалъ: «Рескриптъ этотъ, должно быть, написанъ былъ подъ впечатлѣніемъ положенія дѣлъ, несходнаго съ тѣмъ, какое существуетъ въ настоящее время, и въ такую минуту, когда императору невозможно было знать многихъ изъ событій, породившихъ настоящее столкновеніе, и обстоятельствъ, при которыхъ начались военныя дѣйствія».

Слова эти, вполне способны открыть Александру глаза на истинныя намѣренія британскаго правительства и на то, какъ мало слѣдовало вѣрить его увѣреніямъ въ довѣріи, не имѣли тѣхъ послѣдствій, къ которымъ, казалось бы, должны были повести. Стеченіе обстоятельствъ, къ которымъ мы еще будемъ имѣть случай вернуться, съ каждымъ днемъ все болѣе вліяло на русскаго императора въ благопріятномъ для Великобританіи смыслѣ и, такимъ образомъ, устранялась рѣзкость того, что могло быть оскорбительнаго въ поступкахъ этой державы.

IV.

Въ Парижѣ графъ Марковъ съ сильнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта британскаго правительства. Первый консулъ и министръ иностранныхъ дѣлъ съ первыхъ чиселъ іюня уѣхали на сѣверъ Франціи,

и потому никакія официальные надобности не удерживали уже русскаго посланника въ столицѣ; а такъ какъ онъ желалъ съѣздить въ Боржъ, гдѣ доктора совѣтовали ему полечиться, то онъ надѣялся, что вскорѣ кончится его роль посредника между Великобританіей и Франціей. 1-го іюля онъ получилъ письмо графа Воронцова, а на слѣдующій день написалъ Тальрану, сообщая содержаніе его. Въ письмѣ своемъ онъ воздерживался отъ всякихъ объясненій и только заявлялъ, что, по его мнѣнію, виды лорда Гоуксбери «достаточно подходятъ къ одной изъ тѣхъ основъ, которыя первый консулъ уполномочилъ его предложить въ Лондонѣ». Письмо свое графъ Марковъ заканчивалъ слѣдующими словами: «Сообщенія, которыя я имѣю честь дѣлать вамъ, прошу васъ представить первому консулу, чтобы онъ, въ мудрости своей, разсудилъ, могутъ ли они быть развиты вполнѣдствіи даѣе». Тальранъ получилъ это письмо въ Дюнкирхенѣ и немедленно представилъ его первому консулу.

Чтобы понять, какъ велико было впечатлѣніе, произведенное отвѣтомъ британскаго министерства на Бонапарта, нужно припомнить нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, среди которыхъ совершалась его поѣздка на сѣверъ Франціи. Онъ останавливался во всѣхъ важныхъ городахъ этого края и былъ всюду встрѣчаемъ «съ восторгомъ и совершенно королевскими почестями»¹⁾. Въ Аміенѣ мэръ, слѣдуя старинному обычаю, поднесъ будущему императору французовъ двухъ лебедей ослѣпительной бѣлизны, причемъ сказалъ: «Это залогъ, который наши предки во всѣ времена подносили главѣ государства: мудрый Людовикъ XII милостиво принималъ его; принять его достоинъ и мужественный Генрихъ; а чтобы исполнить долгъ передъ вами, мы удвоили число лебедей».—Въ Булонн первый консулъ посѣтилъ новый лагерь и лично руководилъ организаціею колоссальныхъ вооруженій противъ Англіи. «Наша поѣздка затягивается, писалъ въ ту пору Тальранъ графу Маркову: празднества, иллюминаціи, балы и всякаго рода развлечения устраиваются въ изобиліи; мы видимъ матросовъ и шлюпки цѣлыми толпами». Весь народъ, охваченный восторгомъ при мысли о войнѣ, кричалъ какъ бы въ одинъ голосъ: «Отечество и Наполеонъ Бонапартъ—вотъ нашъ сборный кличъ!» Каждый день первый консулъ получалъ со всѣхъ концовъ Франціи безчисленное множество писемъ, въ которыхъ ему приносились поздравленія по поводу его разрыва съ «коварнымъ Альбіономъ». Сановники, чиновники, корпораціи—все выражали главѣ правительства преданность и довѣріе, которое они питали къ будущему.

Какъ разъ среди всѣхъ этихъ восторженныхъ манифестацій достав-

¹⁾ Thiers, Histoire du Consulat.

лень былъ Бонапарту отвѣтъ англійскаго кабинета. Контрастъ былъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы не вызвать въ первомъ консулѣ сильнѣйшаго раздраженія. И въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны, вся нація, цѣлкомъ, полная довѣрія къ своему главѣ и готовая ринуться вслѣдъ за нимъ по первому знаку, давала ему сознаніе силы, которою онъ могъ располагать; съ другой—онъ видѣлъ, что на его добросовѣстныхъ предложенія британское правительство отвѣчаетъ отказомъ, плохо замаскированнымъ двусмысленными предложеніями и неискренними доводами.

Хотя при такихъ условіяхъ возобновленіе переговоровъ представлялось невозможнымъ, однако Бонапартъ хотѣлъ сдѣлать еще послѣднее усиліе, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Онъ рѣшилъ, чтобы Англійи еще разъ было предложено предоставить дѣло и той и другой стороны третейскому рѣшенію Александра I. Такъ какъ главное средство англійскаго кабинета къ тому, чтобы обойти первое предложеніе насчетъ третейскаго рѣшенія, заключалось въ возбужденія затрудненій по вопросу о размѣрахъ этого рѣшенія, то Тальрану пришла мысль—чтобы предовратить новую попытку въ такомъ же родѣ—прибѣгнуть къ ультиматуму, который былъ представленъ французскому правительству лордомъ Уитвортомъ за два мѣсяца передъ тѣмъ. Британскій кабинетъ увѣрялъ, что выполненіе этого ультиматума послужило бы гарантіею прочнаго мира; поэтому Бонапартъ, предлагая отдать на третейское рѣшеніе русскаго императора содержавшіяся въ этомъ самомъ ультиматумѣ пункты, долженъ былъ, казалось-бы, предовратить всякое новое возраженіе со стороны Англійи. Тальранъ, приводя эту мысль въ исполненіе, написалъ графу Маркову 5-го іюля 1803 года: «Я только-что имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 2-го іюля и поспѣшилъ представить его первому консулу. Отъ него не могло ускользнуть, что въ составленномъ лордомъ Гоуксбери отвѣтѣ нѣтъ ничего искренняго и что англійское министерство, повидимому, употребило стараніе, чтобы поставить вопросъ такъ, какъ не ставили его вы. Поэтому первый консулъ можетъ только выразить желаніе, чтобы вы благоволили передать это замѣчаніе графу Воронцову въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ добился отъ британскаго кабинета рѣшительнаго отвѣта на предложеніе, которое графа просили сдѣлать ему, именно: чтобы кабинетъ этотъ вновь обратился ко всѣмъ вопросамъ, заключавшимся въ ультиматумѣ, который былъ врученъ лордомъ Уитвортомъ въ моментъ его отъѣзда изъ Парижа; дагѣ, въ виду того, что со времени открытія военныхъ дѣйствій обѣ державы нанесли одна другой вредъ—Франція захватомъ ГанOVERA, а Англія захватомъ французскихъ и батавскихъ торговыхъ судовъ—чтобы было условлено, что та и другая сторона возвратятъ все захваченное, съ цѣлью вер-

нуться въ невозможно скоромъ времени въ то положеніе, въ какомъ оба государства находились до войны...»

Опредѣленность и прямоту предложеній Бонапарта не могли не понравиться императору Александру. Таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе генерала Эдувиля. «Надо, писалъ онъ Тальрану, чтобы французское правительство представляло вещи въ болѣе естественномъ и лучшемъ видѣ, чѣмъ сентъ-жемскій кабинетъ».

Графъ Марковъ, котораго едвали можно подозрѣвать въ пристрастіи къ первому консулу, сдѣлалъ слѣдующій отзывъ о положеніи того и другого правительства: «Не могу не согласиться, что замѣчанія перваго консула по поводу отвѣта британскаго министерства на предложенія, изложенныя въ моей депешѣ отъ 13-го іюня, основательны, потому что всѣ эти предложенія касаются опредѣленныхъ и, притомъ, нѣсколькихъ вопросовъ, тогда какъ отвѣтъ лорда Гоуксбери придаетъ имъ характеръ неопредѣленности и сводитъ ихъ къ одному вопросу—о Мальтѣ...»¹⁾.

Несмотря на такое одобреніе дѣйствій Бонапарта, графъ Марковъ съ этой минуты сталъ поддерживать британское правительство. До сихъ поръ онъ ограничивался тѣмъ, что въ нѣсколькихъ случаяхъ проявлялъ сильную враждебность къ Франціи; теперь-же онъ будетъ дѣлать болѣе того и, слѣдуя примѣру своего лондонскаго коллеги, станетъ изыскивать средства къ тому, чтобы обратить вниманіе Россіи къ выгодѣ Англіи. Въ письмѣ своемъ къ графу Воронцову, первую часть котораго мы привели, онъ прибавлялъ: «Въ моемъ отвѣтѣ г. Тальрану я долженъ былъ подыскать какой-нибудь такой оборотъ, который могъ-бы оправдать выставленные англійскимъ министерствомъ доводы, но я чувствую, что сдѣлалъ это недостаточно старательно, такъ какъ посредствомъ послѣдняго изъ пяти предложеній, которыя первый консулъ уполномочилъ меня сдѣлать кабинету его британскаго величества, онъ, повидимому, хотѣлъ самъ приготовить все, что могло-бы упрочить владѣніе государствами не только для Англіи, но также и для всей Европы».

Мы видимъ, что образъ дѣйствій графа Маркова въ Парижѣ мало отличался отъ дѣйствій графа Воронцова въ Лондонѣ. Нетрудно найти сходство между «оборотами, изыскивавшимися русскимъ посольствомъ въ Парижѣ съ цѣлью оправдать британское министерство» и «возможными способами, предлагавшимися русскимъ посломъ въ Лондонѣ къ тому, чтобы согласиться относительно формы, въ которой можно было-бы отвѣтить на хитрое предложеніе Бонапарта».

Британское министерство, какъ мы вскорѣ увидимъ, счумѣло извлечь одинаковую выгоду какъ изъ «оборотовъ» графа Маркова, такъ и изъ «способовъ» графа Воронцова.

¹⁾ Марковъ—Воронцову, письмо отъ 8-го іюля.

Вотъ письмо, съ которымъ графъ Марковъ обратился къ Тальрану и въ которомъ онъ употребилъ только-что упомянутые «обороты».

Парижъ, 7-го іюля 1803 г.

«Вчера вечеромъ я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 16-го месидора и сегодня же доставляю копію съ него графу Воронцову для сообщенія британскому министерству. Миръ—такое желательное благо, что невозможно предполагать, будто то или другое изъ правительствъ, находящихся нынѣ въ войнѣ, могло имѣть намѣреніе отсрочить его возстановленіе. Поэтому я долженъ заключить, что, согласно заявленію его британскаго величества вслѣдъ за открытіемъ первыхъ военныхъ дѣйствій, министры его не думаютъ, чтобы основы, изложенныя въ ультиматумѣ, который былъ врученъ лордомъ Уитвортомъ при его отъѣздѣ изъ Парижа, при всей удовлетворительности ихъ для предотвращенія разрыва, были достаточны также и для возстановленія крѣпкаго и долговѣчнаго мира. Чтобы въ скорѣйшемъ времени достигнуть этой цѣли, я считаю себя обязаннымъ возобновить вамъ предложеніе, которое уже имѣлъ честь сдѣлать: уполномочить меня на исходатайствованіе отъ лондонскаго двора паспортовъ для лица, которое вы пошлете въ Лондонъ для переговоровъ, или же разрѣшить мнѣ предложить британскому правительству выдачу съ вашей стороны паспортовъ лицу, которое оно признало бы умѣстнымъ прислать въ Парижъ. Сверхъ того, не могу не замѣтить, что Англія, такъ же, какъ и остальная Европа, всегда признавала интересы Ганноверскаго курфюршества не имѣющими никакой связи съ ея собственными, и что единственный интересъ, который она могла имѣть въ настоящемъ случаѣ, есть интересъ человечности, страдающей при видѣ того, что страна, совершенно чуждая разразившейся войнѣ и неповинная въ вызываемыхъ послѣднею бѣдствіяхъ, несетъ самую гнетущую тяжесть войны, никимъ образомъ не заслуживъ того...»

Въ письмѣ этомъ мысль о замѣнѣ французскимъ или англійскимъ агентомъ русскихъ пословъ, которые до тѣхъ поръ служили посредниками въ переговорахъ, ясно указываетъ на желаніе графа Маркова сложить съ себя это дѣло. Дѣйствительно, какъ мы уже упоминали, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ уѣхать на воды въ Борэжъ. Съ другой стороны, доводы, приводимые имъ въ пользу Англии, указываютъ на его стремленіе подготовить неудачу проекту перваго консула или направить дѣло такъ, чтобы осуществленіе этого проекта оказалось выгоднымъ для англійскихъ интересовъ.

Черезъ посредство русскихъ пословъ, британскому правительству доставлены были еще новыя предложенія насчетъ третейскаго разбирательства, основаннаго на ультиматумѣ лорда Уитворта.

Въ Лондонѣ графъ Воронцовъ препроводилъ къ британскому министру копии съ писемъ, обмѣненныхъ между графомъ Марковымъ и Тальраномъ; все это было вручено лорду Гоуксбери 11-го іюля.

Въ виду настойчивости, съ которою первый консулъ требовалъ вмѣшательства Россіи, британское правительство ощутило испугъ: оно поняло, что новыя возраженія со стороны Англіи, несмотря на всю замаскировку и на всѣ ухищренія, которыми они были бы обставлены, могли, въ концѣ концовъ, вызвать неудовольствіе императора Александра. И вотъ, чтобы этого не случилось, лордъ Гоуксбери, прежде чѣмъ отклонить вторую попытку Франціи, старался дѣйствовать такъ, чтобы не затронуть щекотливости Россіи.

12-го іюля адмиралу Уорену посланы были новыя инструкціи, которыми ему предписывалось еще разъ объяснить императорскому правительству, насколько для Англіи необходимо оставить за собою Мальту, и указать на опасность, которою грозили всей Европѣ захваты Франціи. Далѣе, адмиралу Уорену поручалось заявить, что, еслибы Россія, Пруссія и Австрія соединились противъ Франціи, то «его британское величество былъ бы готовъ подписать съ Россіей договоръ о взаимной помощи, размѣры которой (какъ было въ одномъ предшествовавшемъ случаѣ) зависѣли бы отъ числа употребленныхъ силъ и оказанныхъ услугъ. Въ этомъ случаѣ его величество горячо желалъ бы условиться съ его императорскимъ величествомъ относительно системы, которую было бы всего лучше принять для огражденія общихъ интересовъ Европы, и относительно средствъ къ успокоенію ревнивыхъ чувствъ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, соединивъ ихъ подъ вліяніемъ его императорскаго величества въ могущественный союзъ противъ видовъ и замысловъ Франціи».

Планъ четырехсторонняго союза между Англіею, Россіей, Пруссіей и Австріей, заключавшійся въ этихъ инструкціяхъ, былъ почти вполне осуществленъ во время третьей коалиціи. Дѣйствительно, мы встречаемъ здѣсь тотъ принципъ, что Россія должна обратиться къ вѣнскому и берлинскому дворамъ съ представленіями, цѣлью которыхъ было пріобрѣсть ихъ содѣйствіе, а также мысль о верховной роли Россіи въ попутительныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи и объ участіи Англіи въ коалиціи посредствомъ матеріальной помощи.

Сдѣлавъ эти распоряженія по отношенію къ Россіи, лордъ Гоуксбери отправилъ французскому правительству, опять-таки чрезъ посредство графовъ Воронцова и Маркова, свой officialный отвѣтъ на вторыя предложенія Бонапарта. Въ отвѣтѣ этомъ онъ заявлялъ, что ультиматума лорда Уитворта было бы достаточно, чтобы предотвратить возобновеніе военныхъ дѣйствій два мѣсяца тому назадъ, но уже недостаточно для водворенія долговѣчнаго мира.

Мы видимъ, что въ этомъ случаѣ лордъ Гоуксбери воспользовался тѣмъ самымъ доводомъ, который уже былъ выставленъ Тальрану графомъ Марковымъ. Итакъ, британское правительство два раза сряду уклонилось отъ миролюбивыхъ предложеній Франціи и въ обоихъ случаяхъ было поддержано представителями Россіи.

Графъ Марковъ, тотчасъ по полученіи отвѣта лорда Гоуксбери, передалъ его Тальрану, который еще находился въ поѣздкѣ на сѣверъ Франціи, а самъ выѣхалъ 23-го іюля въ Боражъ. Въ Парижѣ онъ оставилъ г. Убри, возложивъ на него веденіе дѣлъ во время своего отсутствія. Въ числѣ причинъ отъѣзда графа Маркова политическіи событія имѣли, по меньшей мѣрѣ, такое же важное значеніе, какъ и его разстроенное здоровье. Дѣйствительно, поводы къ разногласію между Франціею и Россіею постоянно возрастали. Французское правительство жаловалось на дѣйствія русскихъ пословъ въ Парижѣ и Лондонѣ. «Если русскій дворъ, писалъ Тальранъ генералу Эдувилю 19-го іюля, считаетъ нужнымъ держать въ Лондонѣ графа Воронцова, извѣстнаго тѣмъ, что онъ англичанинъ, то ему слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, предписать своему послу въ Парижѣ, чтобы онъ сталъ немного французомъ».

Россія, съ своей стороны, съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣла на то, что тюльрійскій кабинетъ не принялъ благопріятно ея требованій. Графъ Марковъ неоднократно заявлялъ министру иностранныхъ дѣлъ объ интересѣ, съ которымъ императоръ Александръ относился къ независимости Италіи и Германіи, сильно нарушенной присутствіемъ французскихъ войскъ въ Ганноверѣ, Куксгафенѣ и Неаполѣ. Тальранъ постоянно ограничивался отвѣтомъ, что французскія войска удалятся изъ Неаполя, какъ только англичане покинутъ Мальту. И въ самомъ дѣлѣ, эвакуація всѣхъ этихъ пунктовъ была оговорена въ Аміенскомъ трактатѣ съ одинаковою силой, и Россія, бывшая поручительницею въ этомъ трактатѣ, допускала Англію пользоваться важною станціею, Мальтой, на Средиземномъ морѣ, не возбуждая никакого протеста, тогда какъ передъ французскимъ правительствомъ она горячо настаивала на очищеніи Неаполя.

Совокупность этихъ событій дѣлала отношенія между Франціею и Россіею все болѣе и болѣе затруднительными; врученіе графомъ Марковымъ французскому правительству отвѣта лорда Гоуксбери могло только ухудшить положеніе; поэтому отсутствіе русскаго посла весьма кстати совпало съ возвращеніемъ перваго консула въ Парижъ.

30-го іюля 1803 г. Тальранъ извѣстилъ графа Маркова изъ Брюсселя о полученіи его послѣдняго письма и приложеннаго къ письму отвѣта британскаго кабинета. Въ этомъ письмѣ министръ иностранныхъ дѣлъ дѣлаетъ сводку всѣхъ переговоровъ, предпринимаемыхъ съ на-

чала военныхъ дѣйствій, съ цѣлью вызвать вмѣшательство Россіи. Онъ указываетъ на всѣ противорѣчія и двусмысленности англійской политики въ этомъ дѣлѣ и защищаетъ перваго консула отъ упрека въ томъ, будто онъ—какъ заявлялъ лордъ Гоуксбери—хотѣлъ ограничить третейское вмѣшательство однимъ только вопросомъ о Мальтѣ.

«Можно спросить себя, прибавляетъ Тальранъ, изъ чего усмотрѣло британское правительство, будто первый консулъ предлагалъ обратиться къ императору лишь за рѣшеніемъ вопроса о Мальтѣ, когда онъ опредѣленно заявилъ, что подчиняется его императорскому величеству во всемъ, касающемся нынѣшняго вопроса? Итакъ, я имѣлъ основаніе протестовать въ моемъ письмѣ отъ 16-го месидора противъ этой недобросовѣстности, перемѣщавшей вопросъ и отвѣчавшей на вещи, о которыхъ не было говорено. И именно съ цѣлью выставить эту недобросовѣстность, во всей ея яркости, я предложилъ принять за основу самый ультиматумъ лорда Уитворта, который, конечно, составлялъ одно и то же съ спорными пунктами, указанными первою нотой лорда Гоуксбери, одно и то же съ пунктами, составляющими нынѣшній вопросъ, одно и то же со всѣми разногласіями, вызвавшими войну между Англіею и Франціею...»

Письмо Тальрана заканчивалось угрозою:

«Это будетъ въ послѣдній разъ, графъ, что я позволю себѣ занимать васъ этимъ дѣломъ, если британскій кабинетъ станетъ еще стараться представить возраженія или новыя редакціи, чтѣ съ его стороны является лишь средствомъ къ тому, чтобы уклониться отъ посредничества вашего двора... Война будетъ длиться столько времени, сколько окажется нужнымъ, чтобы британское правительство хорошенько научилось дѣлать различіе между Франціею временъ трактата въ Бретини и трактата 1763 года и Франціею Аміенскаго договора».

Такъ кончались переговоры, предпринятые между Лондономъ и Парижемъ чрезъ посредство русскихъ пословъ. Невозможность прийти къ соглашенію стала теперь очевидною. Два мѣсяца бесплодныхъ пререканій изъ-за простаго вопроса о словахъ, являлись рѣшительнымъ доказательствомъ, что причины разрыва никогда не могли бы быть устранены мирнымъ путемъ.

Поводомъ для обѣихъ воюющихъ державъ къ окончательному отклоненію вмѣшательства Россіи послужилъ рескриптъ императора Александра I.

V.

Графъ Марковъ написалъ 14-го іюля императору Александру и канцлеру о свиданіи, которое онъ имѣлъ въ Сень-Клу съ первымъ консуломъ, и о сдѣланномъ ему со стороны послѣдняго предложеніи относительно третейскаго вмѣшательства.

Канцлеръ Воронцовъ имѣлъ по этому поводу свиданіе съ генераломъ Эдувилемъ, который, въ свою очередь, былъ извѣщенъ о случившемся Тальраномъ. Канцлеръ заявилъ французскому посланнику, что «его императорское величество тѣмъ болѣе польщенъ довѣріемъ перваго консула, что никогда ни одна нація не получала знаковъ довѣрія столь безпредѣльнаго въ такомъ важномъ дѣлѣ, но онъ думаетъ, что англійскій король не имѣетъ достаточно власти, чтобы взять на себя обязательство, подобное тому, которое предлагаетъ первый консулъ».

Какъ мы видимъ, канцлеръ Воронцовъ, по примѣру своего брата, посла, и графа Маркова, подготовлялъ доводы, чтобы оправдать возможный отказъ Англій.

Предложеніе Бонапарта стало вскорѣ предметомъ общихъ толковъ при русскомъ дворѣ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рескрипта, которымъ императоръ объявилъ бы, какое положеніе займетъ онъ въ этомъ дѣлѣ.

15-го іюля адмиралъ Уоренъ отправилъ своему правительству шифрованную, «весьма секретную и конфиденціальную» депешу, чтобы предупредить его о преобладавшемъ тогда при русскомъ дворѣ мнѣніи. Мнѣніе это онъ излагалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я думаю, что Россія никогда не гарантируетъ намъ обладаніе Мальтою. Этимъ я хочу сказать, что держава эта никогда не гарантируетъ намъ острова своимъ посредничествомъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что она не будетъ поддерживать нашего притязанія на Мальту, но она сдѣлаетъ это только потому, что мы заявляемъ открыто, что таково наше рѣшеніе... Опасаюсь, что заявляемый этимъ правительствомъ принципъ безпристрастія и его настоянія въ пользу того, что осталось отъ Мальтійскаго ордена, послужатъ препятствіемъ къ благопріятному и гласному рѣшенію, котораго мы ищемъ. Правительство это ничуть не поощряло меня къ возбужденію передъ нимъ вопроса о Мальтѣ... Я думаю, что Мальты мы не потеряемъ или, скорѣе, что Россія не откажетъ намъ въ своемъ согласіи, если мы заявимъ, что не можемъ покинуть этотъ островъ по причинамъ, о которыхъ было такъ часто говорено; съ другой стороны, я думаю, что, какія причины мы ни приводили бы, мы никогда не получимъ одобренія Россіи, если рискнемъ обладаніемъ Мальты въ

переговорахъ, въ которыхъ русскій императоръ былъ бы посредникомъ».

Для того, чтобы адмиралъ Уоренъ могъ считать себя вправѣ говорить такимъ образомъ, нужно было, чтобы русскій канцлеръ далъ ему понять, что императоръ склоненъ никогда не поднимать протеста по поводу устройства британскаго поселенія на Мальтѣ, но что въ случаѣ, еслибы ему пришлось постановлять третейское рѣшеніе, онъ не могъ бы признать за Англією права на окончательное владѣніе островомъ.

О рѣшеніи, принятомъ имъ въ виду новаго положенія дѣлъ, созданнаго предложеніями Бонапарта, Александръ I объявилъ въ рескриптѣ 19-го іюля.

Въ началѣ этого рескрипта императоръ развиваетъ мысль, уже высказанную канцлеромъ въ его бесѣдѣ съ генераломъ Эдувилемъ; онъ заявляетъ, что не можетъ принять роль третейскаго судьи, но беретъ на себя только роль посредника, потому что не хочетъ злоупотреблять довѣріемъ перваго консула и не думаетъ, чтобы полномочія британскаго правительства были достаточно широки для передачи судебъ Англій въ руки иноземнаго государя.

Вслѣдствіе этого къ рескрипту приложенъ былъ проектъ конвенціи изъ девяти статей, и императоръ, въ качествѣ посредника, поручалъ графу Маркову сообщить этотъ проектъ французскому правительству.

Девять статей конвенціи могутъ быть изложены вкратцѣ такъ:

1) Островъ Мальта возвращается ордену св. Іоанна Іерусалимскаго. а «такъ какъ орденъ этотъ не имѣетъ средствъ къ тому, чтобы обезпечить независимость острова», то послѣдній будетъ занятъ въ продолженіе десяти лѣтъ русскимъ гарнизономъ; 2) Франція позволяетъ Англій основаться на островѣ Лампедузѣ; 3) будетъ приступлено къ улаженію вопроса о вознагражденіи короля Сардинскаго; 4) обезпечивается нейтралитетъ республикъ: Батавской, Швейцарской, Лигурійской, Итальянской и Іонійской; 5) обезпечивается также цѣлость границъ германскихъ земель, королевствъ: Этрурій, Сардиніи и обѣихъ Сицилій; 6) такія же мѣры будутъ признаны примѣнимыми и къ Оттоманской имперіи; 7) конвенція, которая будетъ заключена между Францією и Великобританією, будетъ гарантирована императоромъ Россійскимъ, императоромъ Германскимъ, королемъ Испанскимъ и королемъ Прусскимъ; 8) тотчасъ по подписаніи предварительныхъ условій, военныя дѣйствія прекращаются и французскія войска очищаютъ Голландію, Швейцарію, Италію и сѣверъ Германіи, тогда какъ англичане возвращаютъ сдѣланныя ими завоеванія; 9) создавъ будетъ общій конгрессъ для большаго упроченія безопасности и спокойствія Европы».

Таковы были условія мира, подчиниться которымъ совѣтовалъ Франція и Великобританія императоръ Александръ.

Намъ остается только взглянуть на то, какъ приняты были во Франціи и Англіи рескриптъ и проектъ конвенціи русскаго императора.

Въ Парижѣ первый консулъ, въ виду явнаго нерасположенія Англіи, оставилъ всякую мысль о мирномъ разрѣшеніи спора; его планы войны были почти готовы и вооруженія быстро подвигались впередъ. Кромѣ того, за французскимъ правительствомъ были обезпечены поддержка или, по меньшей мѣрѣ, доброжелательный нейтралитетъ Пруссіи.

Рескриптъ императора Александра не могъ измѣнить намѣреній перваго консула. 29-го августа Тальранъ писалъ генералу Эдувилю, поручая ему выразить русскому двору удивленіе, которое испыталъ первый консулъ, узнавъ о «столь пристрастномъ проектѣ примиренія», и заявить, что французское правительство считаетъ долгомъ отказаться отъ принятія такого проекта. Инструкціи генерала Эдувиля резюмированы въ одной фразѣ, показывающей, насколько первый консулъ, утомленный проволочками британскаго кабинета, рѣшился отнынѣ вести войну, устранивъ всѣми возможными способами иностранное вмѣшательство, котораго такъ прямодушно просилъ два мѣсяца тому назадъ; фраза эта была такова: «Поймать русскій кабинетъ на словѣ относительно отказа въ третейскомъ рѣшеніи и уклониться отъ посредничества, какъ неопредѣленнаго въ проектѣ и обманчиваго по результатамъ».

Слѣдуетъ пожалѣть, что предложенія Александра I не дошли до перваго консула въ началѣ переговоровъ, такъ какъ въ виду его еще примирительныхъ и мирныхъ въ то время намѣреній, онъ навѣрное принялъ бы ихъ съ большою готовностью ¹⁾). Если въ моментъ полученія плана посредничества Александра I онъ отказался отъ всякой мысли о соглашеніи, то именно потому, что видѣлъ, какъ Англія постоянно пятится отъ него, непрерывно выдвигая новыя притязанія. Тщетно предлагалъ онъ новые планы примиренія, составленные согласно видамъ и самимъ заявленіямъ министровъ этой державы: онъ чувствовалъ, что она постоянно уклоняется передъ нимъ.

Въ Лондонѣ, гдѣ дѣятельно готовились воевать съ Франціею, рескриптъ императора Александра встрѣтилъ не лучшій приемъ, чѣмъ въ Парижѣ. Когда онъ прибылъ туда, между британскимъ правительствомъ и нѣсколькими

¹⁾ Что первый консулъ былъ намѣренъ покончить миромъ существовавшее тогда столкновеніе съ Англіею, это доказывается еще тѣмъ, что г. Отто, назначенный полномочнымъ министромъ Французской республики при курфюрстѣ Баварскомъ, не являлся на свой постъ въ теченіе іюня и іюля 1803 г. Въ 1802 г. г-ну Отто было поручено веденіе переговоровъ объ Аміенскомъ мирѣ; поэтому равнѣ нельзя предположить, что первый консулъ, задерживая его въ Парижѣ, имѣлъ намѣреніе снова возложить на него переговоры съ Англіею, въ случаѣ, еслибы съ этою страной были возобновлены непосредственные переговоры?

французскими изгнанниками завязывались переговоры. Если сопоставить приводимую нами ниже записку съ событіями 1804 года, то сопоставленіе это даетъ поводъ думать, что съ сентября 1803 года англійское правительство, сообщая съ укрывавшимися въ Лондонѣ французами, изыскивало средства къ тому, чтобы нарушить внутренній порядокъ во Франціи. Записка эта писана русскимъ посломъ Семеномъ Воронцовымъ къ секретарю лорда Гоуксбери, Гаммонду, 6-го сентября 1803 г.:

«Графъ Воронцовъ, свидѣтельствуя г. Гаммонду свое почтеніе, просить его извѣстить милорда Гоуксбери, что онъ принимаетъ его приглашеніе въ Кумъ-Вудъ (Coombe-Wood) на будущую пятницу, чтобы встрѣтиться съ генераломъ Пишегрю. Согласно желанію г. Гаммонда, онъ посылаетъ этому генералу записку съ курьеромъ».

Съ другой стороны, сообщалось о присутствіи въ Лондонѣ съ іюля 1803 г. генерала Дюмуре, и графъ Воронцовъ, предвидя вѣроятность сношеній бывшаго французскаго министра съ британскимъ кабинетомъ, заключилъ одно изъ своихъ писемъ къ лорду Гоуксбери слѣдующими словами:

«Пишу вамъ эту конфиденціальную записку какъ другъ къ другу. Позвольте же мнѣ спросить васъ, тоже въ качествѣ друга, правда ли, что сюда, какъ я слышалъ, пріѣхалъ Дюмуре? Возможно ли, чтобы довѣрились такому плуту, какъ онъ? Весь вашъ».

Не трудно понять, что при такихъ условіяхъ британскій кабинетъ весьма мало заботился о планахъ Александра I относительно примиренія.

Графъ Воронцовъ, ознакомившись съ императорскимъ рескриптомъ, понялъ, какъ великъ будетъ гнѣвъ британскаго правительства, когда оно узнаетъ, что императоръ рѣшилъ возвратить Мальту ордену св. Іоанна. Поэтому, сообщая рескриптъ г. Гаммонду, онъ сопровождалъ его слѣдующими словами: «Прошу васъ, мой добрый другъ, передать эти копіи лорду Гоуксбери и попросите его отъ моего имени терпѣливо дождаться прибытія въ Петербургъ нашей послѣдней почты ¹⁾). Я могу увѣрить его, что императоръ и канцлеръ далеко не французы; не слѣдуетъ ни принимать настоящее дѣло въ худшемъ значеніи, ни дурно истолковывать его, ни даже давать проникнуть въ публику мнѣнію, будто правительство недовольно тѣмъ, что получено имъ изъ Россіи. Это только дало бы Бонапарту и его сторонникамъ поводъ кричать о побѣдѣ и значило бы дискредитировать британское правительство. Будьте увѣрены, что вы получите доказательства добраго расположенія Россіи».

Британскій кабинетъ послалъ свой отвѣтъ адмиралу Уорену 23-го

¹⁾ Той, въ которой заключалось предложеніе англійской помощи въ случаѣ образованія европейской коалиціи противъ Франціи.

сентября, болѣе мѣсяца спустя послѣ полученія сообщенія о рескриптѣ Александра I. Въ отвѣтѣ этомъ онъ отклонялъ предложенный планъ примиренія, ссылаясь на его «пристрастіе въ пользу Франціи и на невозможность согласиться на подобныя статьи».

Графъ Воронцовъ былъ освѣдомленъ объ отвѣтѣ британскаго правительства ранѣе его послышки въ Петербургъ и успѣшили увѣдомить лорда Гоуксбери, что отвѣтъ этотъ произвелъ на него «весьма тягостное впечатлѣніе».

«Какъ же вы можете, прибавляя онъ, писать отвѣтъ, переполненный неподходящими выраженіями, съ намѣреніемъ показать ваше раздраженіе—такъ какъ смыслъ идетъ въ уровень со словами и кажется проникнутымъ жолчью... Пять недѣль спустя послѣ полученія предложеній императора вы пишете этотъ отвѣтъ, можно сказать, *à brûle-pourpoint*... Оставьте за собою Мальту, но не говорите оскорбительныхъ вещей; онѣ бесполезны, неудобны и причиняютъ вамъ большой ущербъ... Вамъ слѣдовало бы прибавить вотъ что: «Его величество повелѣлъ мнѣ выразить вамъ, что онъ весьма тронутъ мудростью и столь дружественною деликатностью императора, не пожелавшаго принять третейское разбирательство, столь коварно предложенное Франціею, которая, будучи управляема деспотомъ, можетъ рисковать интересами страны, на которую она не имѣетъ никакихъ правъ, и которая, сверхъ того, не будучи удерживаема никакимъ принципомъ чести, ничуть не затруднилась бы уклониться отъ подчиненія этому третейскому рѣшенію, какъ только увидѣла бы, что оно не осуществляетъ всѣхъ ея гигантскихъ замысловъ». Такимъ образомъ, не все было бы порвано между Англіею и Россіею, чего, однако, можно было бы опасаться въ случаѣ послышки письма».

Но лордъ Гоуксбери, не обративъ никакого вниманія на эти замѣчанія, отправилъ свой отвѣтъ безъ всякаго измѣненія его редакціи.

Генералъ Эдувиль и адмиралъ Уоренъ заявили русскому канцлеру объ отказѣ ихъ правительствъ—первый 20-го сентября, а второй 20-го октября.

Отвѣтъ русскаго правительства на ноты посланниковъ Франціи и Англій является послѣднимъ канцелярскимъ документомъ по части вмѣшательства Россіи въ дѣло о нарушеніи Аміенскаго мира; онъ заключается въ двухъ нотахъ, врученныхъ адмиралу Уорену и генералу Эдувилю 10-го и 11-го ноября графомъ Александромъ Воронцовымъ. Въ отвѣтѣ этомъ развиты соображенія, на основаніи которыхъ составлены были статьи проекта посредничества. «Что статьи эти, говоритъ канцлеръ, были подсказаны истиннымъ безпристрастіемъ, это доказывается тѣмъ, что каждая изъ обѣихъ заинтересованныхъ державъ, какъ бы съ общаго согласія, признала ихъ слишкомъ благоприятными для противной

стороны... Слѣдовательно, только время и событія способны возродить съ той и другой стороны болѣе миролюбивый взглядъ на вещи».

Итакъ, отнынѣ развязка столкновенія могла быть достигнута только силою оружія,—и вся Европа стала готовиться къ войнѣ. Во Франціи, какъ мы уже говорили, производились противъ Англіи громадныя вооруженія, которымъ предстояло позднѣе отклониться отъ первоначальной цѣли. Испанія шла слѣдомъ за Франціею; Пруссія, казалось, готова была поступить такъ же. Въ Петербургѣ съ каждымъ днемъ все болѣе укрѣплялась мысль о союзѣ съ Англіею. Сдѣланное Великобританіею предложеніе о помощи и ловкость, съ которою эта держава умѣла возбуждать въ умѣ императора Александра опасенія относительно мнимой агитаціи Бонапарта на Востокѣ, принесли плоды: Россія вступила въ переговоры съ берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами, съ цѣлью составить коалицію.

Въ Англіи руководство движеніемъ противъ Франціи долженъ былъ вскорѣ взять въ свои руки Питтъ, присутствіе котораго у дѣлъ сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе крайней серьезности положенія.

Общій пожаръ былъ неизбеженъ; и дѣйствительно, двумя годами позже, англійскій флотъ праздновалъ побѣду подъ Трафальгаромъ въ то время, какъ великая армія уничтожала коалицію подъ Аустерлицомъ.

VI.

Въ приведенномъ очеркѣ мы хотѣли только представить нѣкоторые новые документы, помѣстивъ ихъ посреди событій, которые, хотя и были уже извѣстны, могли, благодаря такому сопоставленію, получить новое истолкованіе.

Дѣйствительно, это вопросъ тонкій и трудно рѣшить, дѣлалъ ли первый консулъ честную попытку къ примиренію, когда предоставлялъ императору Александру разрѣшеніе спора между Франціею и Англіею, или же онъ искалъ въ этомъ только средства къ тому, чтобы занять вниманіе англійскаго правительства съ цѣлью выиграть время.

Скажемъ только, что намѣренія Бонапарта въ продолженіе переговоровъ, которые мы пытались изложить, казались намъ болѣе искренними, чѣмъ утверждали нѣкоторые историки, и что если поступки перваго консула дадутъ поводъ къ различнымъ истолкованіямъ, то образъ дѣйствій британскаго кабинета не оставляетъ, напротивъ, никакого сомнѣнія, въ виду очевидности его желанія, всѣми возможными средствами уклониться отъ посредничества Россіи.

Бонапарта можно было бы, правда, упрекнуть въ томъ, что въ концѣ августа 1803 года онъ отклонилъ предложенный ему императоромъ Александромъ планъ примиренія, но нужно признать, что онъ болѣе двухъ мѣсяцевъ выжидалъ согласія Англіи, прежде чѣмъ принять то направленіе, котораго Англія держалась съ перваго же дня переговоровъ.

Изъ всего изложеннаго, повидимому, вытекаетъ заключеніе, что въ своей попыткѣ сохранить миръ первый консулъ былъ искрененъ и что отвѣтственность за происшедшій между Франціей и Англіей въ 1803 г. разрывъ, а также и за послѣдующія событія, падаетъ на британское правительство и на поддерживавшихъ его русскихъ пословъ.

А. Рѣдкинъ.

Письмо Вука Караджича императору Николаю.

10 февраля 1841 г. Вѣна.

Всемиловѣйшій государь!

Древняя жизнь и славные подвиги нашихъ знаменитыхъ предковъ изображены въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ съ такою плѣнительною простотою природы, и вмѣстѣ съ такою возвышенностью пѣтическаго восторга, каковыхъ примѣры можно находить только въ безсмертныхъ твореніяхъ Гомера.

Такое сокровище намѣриваясь издать въ свѣтъ, кому принесу оно, если не великодушному возстановителю политическаго бытія нынѣшнихъ сербовъ, нашедшему ихъ достойными своихъ отеческихъ попеченій? Когда же обращаю вниманіе и на высокомонаршія щедроты вашего императорскаго величества, подавшія мнѣ средство собрать безцѣпныя останки нашей древности и, обладаемъ чувствомъ благодарности, ищу даровъ, достойныхъ державнаго благодѣтеля, также не нахожу ничего больше и лучше того же самаго сокровища.

И такъ, великодушный монархъ, воззри благосклоннымъ окомъ на трудъ сей, съ благоговѣніемъ полагаемый мною къ подножію твоего превозвышеннаго престола и прими оный, какъ самую усердную дань, тебѣ одному принадлежащую.

Всемиловѣйшій государь, вашего императорскаго величества всенижайшій слуга Вукъ Караджичъ, сербскій писатель ¹⁾.

¹⁾ По политическимъ соображеніямъ императоръ Николай не согласился на посвященіе этой книги его имени.

Великій князь Михаилъ Павловичъ и наследникъ Александръ Николаевичъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

(По письмамъ архимандрита Фотія).

I.

Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ Юрьевѣ 8-го мая 1836 года. Онъ прибылъ въ монастырь въ сопровожденіи свиты. Минувавъ большія ворота, князь прямо подѣхалъ въ открытой коляскѣ къ собору св. Георгія, выскочилъ изъ экипажа и смотрѣлъ орломъ во всѣ стороны. На паперти, въ ожиданіи стоялъ Фотій съ крестомъ, окруженный сонмомъ монаховъ. Между тѣмъ, у ближайшей къ воротамъ колонны, былъ поставленъ монахъ Корнилій, который долженъ былъ указать великаго князя, такъ какъ самъ Фотій и никто изъ братій, кромѣ Корнилія, не зналъ въ лицо Михаила Павловича.

По данному знаку, всѣ монахи востепенулись; Фотій принялъ кроткій и смиренный видъ. Великій князь подошелъ къ архимандриту, приложился ко кресту и спросилъ: «вы кто?» Получивъ отвѣтъ, онъ направился въ храмъ: впереди шелъ Фотій, а сзади — братія. Въ моментъ встрѣчи, Фотій не на шутку оробѣлъ. Послѣ ему передавалъ Корнилій: «отче, лицо твое сдѣлалось совсѣмъ иное, бѣлое, какъ снѣгъ». Великій князь осматривалъ соборъ, алтарь, восхищался живописью иконовъ и цѣнностью ихъ украшеній, а главнымъ образомъ былъ въ восторгѣ отъ сѣни надъ престоломъ, которая представляетъ собою парящаго голубя, художественно вылетаго изъ серебра; отъ него расходятся во всѣ стороны лучи, изящно выкованные изъ того же металла.

О пріездѣ великаго князя, Фотій зналъ ранѣе. Еще наканунѣ онъ письменно сообщалъ графинѣ Ордовой: «князь въ Новгородѣ, то спѣшу готовиться въ соборъ и писать некогда». Тѣмъ не менѣе, всѣ приготовления

Фотій старался дѣлать такъ, чтобы о нихъ великій князь и его свита не знали. Этимъ онъ хотѣлъ показать какой въ его обители существуетъ порядокъ. Удалась ли ему эта уловка—неизвѣстно, но, по крайней мѣрѣ, онъ писалъ графинѣ, что князь убѣжденъ былъ въ нечаянномъ прїѣздѣ и хорошо замѣтилъ удивленіе монашествующихъ отъ неожиданности прїѣзда. Это князя настолько смутило, что онъ «не зналъ, какъ ему быть, что дѣлать, и, цѣловавъ крестъ, не принималъ благословенія». Замѣтивъ смущеніе, Фотій протянулъ руку, чтобы взять руку князя, но онъ самъ взялъ руку архимандрита и «очень прїятно цѣловали другъ у друга; тогда уже онъ сталъ посмѣлѣе».

Фотій радовался хорошему исходу посѣщенія Михаила Павловича: «По всему было видно, писалъ архимандритъ графинѣ, что князь остался доволенъ и таковой встрѣчи онъ во всю жизнь не имѣлъ». По въ то же время онъ какъ будто и не вѣрять, прибавляя: «а впрочемъ не знаю».

II.

Наслѣдникъ посѣтилъ Юрьевъ 3-го мая 1837 года. Въ концѣ апрѣля Фотій, бывъ въ Петербургѣ, случайно узналъ отъ начальника старорусскихъ военныхъ поселеній г. Набокова, что на-дняхъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ отправляется въ путешествіе по Россіи и поѣдетъ непременно чрезъ Новгородъ Полагая, что онъ не оставитъ безъ вниманія монастырь, Фотій сообщилъ объ этомъ графинѣ и наскоро собрался въ свой «земной рай» для встрѣчи августѣйшаго гостя. Правда, архимандриту стало извѣстно, что наслѣдникъ будетъ въ Новгородѣ 2-го мая, а въ Юрьевѣ—на другой день; 3-го мая, Фотій чуть свѣтъ поднялъ на ноги всю братію и къ 4-мъ часамъ утра все уже было готово къ встрѣчѣ. Во всѣхъ соборахъ затеплили лампы, зажгли свѣчи въ паникадилахъ. Монахи и послушники облеклись въ лучшія крестовыя ризы и стихари. Отъ большихъ воротъ до собора св. Георгія и отъ собора до келій архимандрита путь былъ устланъ краснымъ сукномъ.

Александръ Николаевичъ прїѣхалъ въ Юрьевъ вечеромъ на пароходѣ, окруженный блестящей свитой. Пароходъ сопровождало много горожанъ, плившихъ въ разукрашенныхъ лодкахъ. Наслѣдникъ и свита шли по монастырю среди монаховъ, стоявшихъ отъ воротъ до соборнаго амвона въ два ряда и низко кланявшихся проходящимъ гостямъ.

Фотій встрѣтилъ наслѣдника съ крестомъ, ввелъ его въ соборъ и

сейчасъ-же съ братіей началъ служить молебень. Затѣмъ Александръ Николаевичъ осматривалъ храмы, богѣе продолжительно останавливался въ алтаряхъ и восхищался дорогими украшеніями. Кромѣ того, Фотій показывалъ ему ризницу, водилъ его въ трапезу и даже въ свои келіи, причѣмъ на пути все объяснялъ подробно, съ подобострастіемъ и поясными поклонами,—словомъ, «встрѣча была сдѣлана такъ достойно, что лучше не можно сдѣлать по человѣчеству».

Цесаревичъ пробылъ въ монастырѣ только одинъ часъ и отбылъ обратно на пароходѣ. Монахи имѣли строгое приказаніе не отлучаться отъ своихъ мѣстъ и потому съ самаго утра находились во всемъ облаченіи, не пили и ничего не ѣли.

Описавъ вкратцѣ это посѣщеніе, Фотій говорилъ въ письмѣ къ Орловой что «видъ наслѣдника, ступаніе, хожденіе, стояніе, невинность, кротость премного восхитительны». Въ концѣ онъ восклицаетъ: «прекрасный наслѣдникъ по тѣлу и душѣ! Не могу описать, а скажу на словахъ лучше».

Вскорѣ графиня пріѣхала въ монастырь, и тогда архимандритъ богѣе подробно передалъ своей духовной дочери впечатлѣніе, которое произвелъ на него цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

— Послушай, святая душа, дѣвственная!—восторженно обращался Фотій къ графинѣ.—Ты мнѣ говорила о преемникѣ престола, какъ о чемъ-то великолѣпномъ. Братъ твой Алексѣй до небесъ восхвалялъ его, многіе говорили о немъ прекрасное. И это правда. Ты вѣдаешь, что я видѣлъ самъ душевными и тѣлесными глазами въ наслѣдникѣ? Какъ ты думаешь, кого и что я въ немъ обрѣлъ? Я нашелъ въ престолонаслѣдникѣ истиннаго ангела Божія. Когда онъ будетъ все, то станетъ утѣшителемъ во плоти для своего народа. Я смотрѣлъ ему въ лицо, и онъ смотрѣлъ на меня, особенно при встрѣчѣ и въ соборѣ при многолѣтіи. Послѣ кончины Александра Павловича, я въ первый разъ былъ обрадованъ наслѣдникомъ, я въ первый разъ видѣлъ отъ царственныхъ особъ такое ангелоподобное обращеніе, благоправіе и смиреніе. Я думаю, что враговъ у него не будетъ, ибо злые сердца и люди лукавые кровожадные, видѣвши такого ангела, безъ брани побѣждены будутъ. Прошу и молю Господа,—зывалъ Фотій, поднимая глаза къ небу,—чтобы онъ не однимъ ангеломъ хранителемъ, но ополченіемъ святыхъ своихъ соблюдалъ и наставлялъ его во всю жизнь. Видно по всему, что царь любить своего сына, когда сколько можно лучше избралъ къ нему учителей.

— Тебѣ, отче, и свитскіе поправились?—спросила графиня.

— Благочестивые люди. Я всѣхъ видѣлъ въ первый разъ; только Арсеньева 30 лѣтъ знаю какъ прекраснѣйшаго человѣка. Особенно по сердцу мнѣ пришелся военный, Юркевичъ. Вообрази, чадо, мое

удивленіе. Жуковский, котораго я тоже единожды видалъ, во сто кратъ показался мнѣ лучше, нежели я отъ другихъ о немъ слыхалъ. По его словамъ и дѣйствіямъ, онъ хорошій человѣкъ. Такой любезный и расположительный онъ показался. На другой день этотъ Жуковский прислалъ ко мнѣ губернскаго предводителя съ сообщеніемъ, что наследникъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ остался и что говорилъ Набокову обо мнѣ, что у меня удивительные глаза—быстрые и свѣтлые. Жуковский, надо думать, талантливый; онъ по отъѣздѣ съ парохода видъ монастыря снялъ. Вотъ какой.

— Ты писалъ, что цесаревичъ восхищался монастыремъ?

— Зѣло восхищался. Все на него, невиннаго, мягкаго, какъ воскъ, производило святое дѣйствіе и онъ всѣмъ показался въ разсужденіяхъ мудрымъ. Полезно будетъ таковое его путешествіе по Россіи для него и особенно для народа. А народъ сбѣгался смотрѣть наследника болѣе, нежели на кого другаго изъ царской фамиліи, ибо слышалъ, что онъ по всему какъ ангель.

— И прощался милостиво?

— При прощаніи со мною просилъ самъ благословенія трижды. Я, перекрестивъ его, цѣловался съ нимъ рука въ руку. На проводахъ наследникъ милостиво принялъ отъ меня образъ Всемилостиваго Спаса. Юревичъ говорилъ мнѣ, что мое благословеніе образомъ было первымъ для цесаревича на путешествіе. Вотъ какъ принималъ и провожалъ Юрьевъ будущаго вождя великаго народа!—воскликнулъ Фотій и добавилъ съ укоризной, напоминая графинѣ свое наказаніе за неучтивый пріемъ въ монастырѣ Николая I—довольно выученъ я подъ началомъ Палладія, какъ слѣдуетъ срѣтать царственныхъ особъ.

А. Слезкинскій.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ Ш¹).

ГЛАВА XI.

Каджорская жизнь князя Барятинскаго.—Ежедневныя гулянья предъ его домою.—Романтическій подвигъ князя.—Два блестящія праздника.—Знаменитыя дроги, свалившіяся въ кручу.—Неосторожныя увлеченія многихъ на второмъ праздникѣ.—Замѣчательный вопросъ князя о числѣ „мертвыхъ тѣлъ“.—Мирзоевъ, тифлисскій Монтекристо.—Первое мое знакомство съ шамлыкомъ.—Грузинская кухня.

Обращаюсь къ житью-бытью нашему на Каджорахъ въ первое лѣто моего на Кавказѣ пребыванія, когда князь, полный наслажденія своею властію, восхищался всѣмъ, что входило въ кругъ этой власти, и преимущественно Каджорами. Главныя черты каджорской жизни князя состояли въ слѣдующемъ: утро, какъ и въ Тифлисѣ, посвящалось слушанію докладовъ и пріему представлявшихся, которые непрерывно наѣзжали въ Каджоры и смѣнялись одни другими. Въ часъ или два подавался, какъ и въ Тифлисѣ, обильный завтракъ, на который жадно бросалась молодая свита, за что и была прозвана какимъ-то остракомъ «саранчей». Князь всегда завтракалъ въ своемъ кабинетѣ съ тѣмъ, кто тамъ случайно находился въ этотъ моментъ. Послѣ завтрака свита рассыпалась, кто куда хотѣлъ; князь дѣлалъ прогулку пѣшкомъ или верхомъ, выбирая сотоварищемъ какого-нибудь счастливецъ изъ свитскихъ или вообще изъ живущихъ на Каджорахъ и распредѣляя равномерно эту честь между всѣми припѣвающими. Когда князь ѣхалъ верхомъ, его постоянно сопровождала часть конвоя; когда шелъ пѣшкомъ — въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали за нимъ нѣсколько казаковъ, въ числѣ

¹) См. „Русск. Старину“ январь. 1898 г.

которыхъ непремѣнно находился безсѣтнный его ординарецъ, т. е. любимый казакъ, обыкновенно быстро производимый въ офицеры.

Въ 6 часовъ князь обѣдалъ. Къ обѣду постоянно собирались нѣсколько приближенныхъ, къ числу которыхъ и я принадлежалъ. Въ тотъ самый моментъ, когда мы сѣли за столъ, на небольшой площадкѣ начинала играть полковая музыка, которая и занималась своимъ дѣломъ вплоть до 10 часовъ вечера. Въ продолженіе обѣда на эту площадку собирались всѣ кадзорскіе обыватели и обывательницы, разряженные въ пухъ и прахъ, разсаживаясь на устроенныхъ здѣсь скамейкахъ или расхаживая по площадкѣ.

По окончаніи обѣда почти всѣ обѣдавшіе высыпали также на эту площадку и смѣшивались съ гуляющими толпами, такъ что князю стоило всегда большаго труда задержать кого-нибудь, чтобъ выпить съ нимъ чашку кофе, который всегда приготавлился на противоположной, устроенной внутри двора, площадкѣ, прилично драпированной. Подобныя атаки въ отношеніи молодежи положительно не удавались, и она мгновенно исчезала; но какъ съ одной стороны за обѣдомъ почти всегда находился кто-нибудь изъ почтенныхъ мужей, а съ другой—въ толпѣ, окружающей князя, непремѣнно обрѣтался какой-нибудь честолюбивый господинъ, рассчитывающій произвести эффектъ и возвысить свое значеніе появленіемъ предъ народомъ вмѣстѣ съ княземъ—то князь и оставался совершенно удовлетвореннымъ краткимъ собесѣдничествомъ съ тою или другою изъ подобныхъ личностей. Выпивъ свой кофе, князь выходилъ на ту же площадку, на которой толпился весь кадзорскій міръ, обходилъ дамъ, которыя при этомъ случаѣ замѣтно подбирались, такъ сказать, гулялъ съ ними, и такимъ образомъ проводилъ весь вечеръ.

Случалось часто, что съ наступленіемъ темноты, когда никого нельзя уже было узнать, заблѣтавшись съ какою-нибудь барыней, вдругъ наткнешься на высокую и стройную фигуру князя. Въ заключеніе вечера, князь приглашалъ нѣкоторыхъ къ себѣ играть въ вистъ; остальные расходились по своимъ знакомымъ.

Въ числѣ дамскихъ личностей, появившихся на знаменитой площадкѣ, стала обращать на себя всеобщее вниманіе одна чрезвычайно эффектная женщина съ итальянскою фізіономією, черными волосами и огненными глазами. Женщину эту никто изъ высшаго круга не зналъ, и потому, естественно, она должна была возбудить еще болѣе интересъ. Стали разыскивать, разузнавать. Оказалось, что эта жена одного незначительнаго чиновника, поселившагося на небольшой дачѣ, вблизи дачи, на которой я жилъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о первомъ лѣтѣ, проведенномъ на Каджорахъ, особенно рельефное мѣсто занимаютъ два праздника широкихъ

размѣровъ, великолѣпные, бурные, истинно кавказскіе. Я не говорю уже о тѣхъ праздникахъ, которые князь давалъ обыкновенно въ царскіе дни. Онъ очень любилъ заниматься самъ лично устройствомъ ихъ. Мнѣ не разъ случалось въ подобныя дни находить его въ столовой, погруженнаго въ убранство параднаго стола. И здѣсь, въ домашнемъ быту, онъ представлялся главнокомандующимъ, по мановенію котораго дворецкіе, лакеи и другая челядь металась изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлые. Но я считаю не лишнимъ, въ моихъ многословныхъ запискахъ, сказать о двухъ особенныхъ праздникахъ, которые несомнѣнно долго будутъ жить въ памяти тифлисскаго большаго свѣта. Одинъ праздникъ былъ данъ самимъ княземъ каджорскому обществу, а другой былъ данъ князьями Орбеліани князю.

Начну съ перваго. Прежде всего надобно замѣтить, что въ разстояніи верстъ 10-ти или 12-ти отъ Каджоръ лежитъ принадлежащее барону Николаю имѣніе, носящее названіе «Бетанія». Въ этомъ имѣніи есть прекрасный, по крайней мѣрѣ по-туземному, домъ, удовлетворяющій скромнымъ европейскимъ требованіямъ. Обыкновенно самъ баронъ Николай проводилъ здѣсь лѣтнее время; но въ это лѣто онъ куда-то уѣзжалъ и домъ оставался свободнымъ. Въ этомъ-то домѣ князь и предложилъ устроить праздникъ. Само собою разумѣется, что заблаговременно были отправлены туда люди различныхъ наименованій, обязанные приготовить все, что необходимо для того, чтобъ праздникъ былъ роскошенъ и великолѣпенъ, и во главѣ ихъ, конечно, значительная партія поваровъ.

Въ назначенный день все общество собралось въ домѣ князя, гдѣ былъ приготовленъ обильный завтракъ. Тамъ же должны были сосредоточиться всѣ экипажи и табуны верховыхъ лошадей, приготовленныхъ для дамъ и мужчинъ. У меня тоже была верховая, довольно бѣшеная лошадь; но, чувствуя себя въ этотъ день несомнѣнно здоровымъ, я уступилъ ее въ общее пользованіе, а самъ предпочелъ отправиться въ экипажѣ, для чего и выпросилъ у Фадѣева его оригинальныя дрожки или, лучше сказать, огромные дроги, на которыхъ обыкновенно усаживалось все его довольно многочисленное семейство. Въ эти дроги были заложены дышлою двѣ огромныя вороныя лошади, нѣкогда прекрасныя, но значительно уже устарѣвшія, изъ которыхъ одна даже была крива на одинъ глазъ. Это, повидимому, незначительное обстоятельство, я упоминаю потому, что оно должно играть нѣкоторую роль въ приключеніяхъ этого дня.

Въ опредѣленный моментъ все общество разсѣлось, кто въ экипажахъ, кто на верховыхъ лошадяхъ и, подъ предводительствомъ великолѣпнаго хозяина на великолѣпномъ конѣ, тронулось въ путь. Кавалькада была огромная, и амазонокъ въ ней было едва-ли не на половину.

За нею тянулась нескончаемая цѣпь различныхъ экипажей, въ числѣ которыхъ мои замѣчательные дроги привлекали на себя тысячи остроумныхъ шутокъ и сравненій. Мнѣ было, однако, чрезвычайно покойно на нихъ, и весьма скоро, при постоянныхъ остановкахъ экипажей на извилистой и неровной дорогѣ, много дамъ пересѣло изъ своихъ экипажей ко мнѣ, на мои достославные дроги, такъ что на нихъ скоро водворилось величайшее веселье, а потомъ раздалось и пѣніе.

Возсѣдая на своихъ дрогахъ, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на Ханькова, известнаго археолога или ориенталиста, которому достался мой конь. Конь былъ очень игривъ, а Ханьковъ былъ очень плохъ, какъ ѣздокъ. Отъ этого происходило взаимное ихъ мученіе. Конь непрерывно прыгалъ и вертѣлся, чтó составляетъ обыкновенную привычку карабагскихъ лошадей, и что нисколько не беспокоитъ туземныхъ ѣздоковъ. Между тѣмъ довольно тучный Ханьковъ хотѣлъ ѣхать тихо и спокойно, дергалъ лошадь, желая привести ее въ мирное положеніе, отъ чего она еще болѣе горячилась, заставляя бѣднаго ученаго небезопасно и ежеминутно подпрыгивать на сѣдлѣ. При самомъ началѣ нашего путешествія потъ уже катился съ него градомъ, и не трудно было угадать, что онъ проклинаетъ и лошадь, и жаркій день, и поѣздку, которая, вмѣсто удовольствія, надѣляетъ его мученіями чуждаго ему джигитства, въ заключеніе которыхъ стоитъ удовольствіе сломить себѣ шею. Я съ безпокойствомъ ожидалъ этой катастрофы, но Ханьковъ умолилъ кого-то взять у него эту сумасшедшую лошадь, и весь красный и потный усѣлся въ какой-то экипажъ, постоянно отдуваясь. Преемнику его тоже не посчастливилось. Разгоряченная лошадь металась изъ стороны въ сторону и нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Всѣ находили ее безпокойною и неудобною для тихихъ удовольствій; наконецъ вручили ее камердинеру князя, отличному наѣзднику, который, уступивъ смирную лошадь, на которой самъ ѣхалъ, долженъ былъ волею-неволею гарповать всю дорогу на моемъ конѣ.

Погода была восхитительная, и самая поѣздка наша въ «Бетанію» была изъ лучшихъ частей общаго плана праздника. Неровная дорога то поднималась на гору, то спускалась внизъ, то шла по долинѣ, то зарывалась въ дремучемъ лѣсу. Оканчивалась она длиннымъ, версты въ двѣ или три, и крутымъ спускомъ къ самой «Бетаніи», такъ что дамы, помѣщенные въ экипажахъ, непрерывно вскрикивали, а многія выходили изъ экипажей и спускались ишкомъ. Съ окончаніемъ спуска взорамъ нашимъ представился прекрасный домъ, а предъ домомъ убранные для обѣда столы, украшенные зеленью и обставленные лакеями въ бѣлыхъ галстукахъ, готовыми ринуться, по первому знаку, за яствами.

Ожидательное ихъ состояніе продолжалось не долго. Все общество,

исправивъ на скорую руку, по-кавказски, свои туалеты, разсѣлось за столами. Всеобщее настроеніе было восхитительное. Южное солнце съ своими золотыми лучами, море зелени, сквозь которую проходили эти лучи, добрый аппетитъ, возбужденный поѣздкою, все это располагало каждаго къ чистому и полному удовольствію. Скоро надъ столами понесся веселый гулъ и говоръ, смѣшанный съ взрывами хохота, брицаніемъ тарелокъ, стакановъ и обычными возгласами: «алла верды!» возгласами, понятными каждому, кто хоть не надолго заглянулъ въ кавказскій міръ, міръ, истинно очаровательный.

Всѣхъ подробностей этого праздника я исчислять не буду, потому уже, что не могу и припомнить ихъ. Помню только, что праздникъ продолжался не долго. Послѣ обѣда предъ домомъ же разостланы были ковры, на которыхъ полукругомъ и разсѣлось все общество. Черезъ нѣсколько минутъ въ средину этого круга вошли мы съ Харитоновымъ со всѣми пріемами сценическихъ пѣвцовъ, съ нотами въ рукахъ, торжественно раскланялись и исполнили какой-то дуэтъ.... Затѣмъ явилось общее желаніе танцовать тутъ же на коврахъ, что разумѣется тотчасъ и приведено въ исполненіе. Во время танцевъ началъ уже накрапывать дождь, на который разумѣется сначала не обратили никакого вниманія. Я сформировалъ хоръ, который среди далекой отъ центра Россіи обстановки исполнялъ самымъ энергическимъ образомъ пѣсни чисто великороссійскаго содержанія. Дѣло шло такъ хорошо, что грузины и армяне присоединили свои голоса къ хору, хотя большая часть изъ нихъ вовсе не понимала, о чемъ тутъ шло дѣло. Я помню очень живо умную и почтенную физиономію князя Бебутова, который постоянно стоялъ подлѣ меня, пристально смотрѣлъ на меня, какъ на дирижера и старческимъ басомъ старался выразить свое посильное участіе въ русской пѣснѣ. Одна изъ нихъ, вѣроятно много разъ слышанная имъ во время походовъ отъ русскихъ солдатъ, именно: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» доставляла ему особенное наслажденіе, такъ что по настоящему его желанію надо было повторять ее нѣсколько разъ. На лицѣ князя Александра Ивановича написано было живѣйшее удовольствіе; видно было, что онъ чрезвычайно доволенъ разгаромъ общаго веселья. Убѣждаясь въ моихъ талантахъ по этой части, онъ награждалъ меня тою очаровательною и свойственною ему одною улыбкою, въ которой соединялось все, и пріязнь, и признательность, и одобреніе.

Между тѣмъ, пока мы предавались вокальнымъ нашимъ подвигамъ, дождь, сначала едва замѣтный, постепенно усиливался и сталъ загонять все общество въ залы дома. Обстоятельство это, конечно, вовсе неожиданное, значительно повредило празднику, рассчитанному именно на наслажденіе открытымъ воздухомъ; никому однако не приходило въ голову, по крайней мѣрѣ изъ мужчинъ, отступать предъ этимъ препятствіемъ и

большинство торжественно заявляло, что праздникъ будетъ продолжаться въ комнатахъ дома. На бѣду какой-то баринъ изъ наиболѣе знатныхъ вздумалось покапризничать вслѣдствіе какого-то совершенно ничтожнаго повода, и она объявила рѣшимость ѣхать. Всеобщія убѣжденія остаться и не разрушать праздника, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не повели ни къ чему.

Мгновенно все стало укутываться и собираться. Пьяные кучера, ни сколько не предвидя, что ихъ такъ скоро потревожатъ, стали подавать мокрые экипажи къ подъѣзду, подъ проливнымъ дождемъ, причемъ не обошлось безъ провсшествія. Кучеръ князя, наиболѣе пьяный, ударилъ какую-то изъ своихъ лошадей; та ударила его и переломила ему ногу. Разумѣется суматоха увеличилась. Кучера сняли и отдали въ распоряженіе докторовъ, въ составѣ общества находившихся. Всѣ амазонки, такъ бодро и изящно ѣхавшія на своихъ коняхъ до «Бетанія», размѣщались кое-какъ въ экипажахъ, справедливо находя, что подъ дождемъ и въ грязи никакое изящество уже не возможно, и вмѣсто ловкой наѣздницы можно обратиться въ мокрую курицу.

При этомъ размѣщеніи мои необъятные дроги выказали со славою все свое вмѣстительное достоинство; на нихъ насѣло безчисленное множество народа всякихъ видовъ, возрастовъ и разнаго пола. Я съ гордостію стоялъ у нихъ и, самодовольно, какъ при входѣ въ царкъ какой нибудь, приглашалъ желающихъ умѣщаться. Кучеръ мой, тоже подвыпившій, нѣсколько разъ обарачивался, чтобъ взглянуть на населеніе его владѣній и сомнительно покачивалъ головою; но я былъ глубоко убѣжденъ, что все пойдетъ отлично и благополучно, ибо видѣлъ предъ собою двухъ огромныхъ лошадей, въ которыхъ естественно предполагалъ огромную силу и въ то же время зналъ хорошо, что мои дроги чужды той бесполезной роскоши, въ видѣ рессоръ и т. п., которая, доставляя нѣкоторыя удобства сѣдокамъ, страшно увеличиваетъ тяжесть экипажа и можетъ быть умѣстна только на шоссеинныхъ дорогахъ, а не на тѣхъ естественныхъ первобытныхъ путяхъ, гдѣ двѣ, три пары буйволовъ съ трудомъ ташатъ пустую арбу, съ скрипомъ, гиканьемъ и безирерывнымъ хлопаньемъ необъятно-длиннаго бича.

Когда дроги наполнились до-нельзя, они торжественно двинулись во слѣдъ другимъ экипажамъ, которые не требовали столь хлопотливаго наполненія ихъ и потому скорѣе нашего отправлялись въ путь. Едва мы сдѣлали поворотъ, ведущій отъ дому на дорогу, которая шла въ гору, именно въ ту гору, съ которой мы такъ весело спускались и которая теперь, покрытая ручьями, представляла массу черноземной густой грязи, предъ нами открылось тотчасъ печальное зрѣлище; почти всѣ экипажи, двинувшіеся впередъ насъ, стояли на этой горѣ, на различныхъ точкахъ: одни выше, другіе ниже. Всѣ эти экипажи окружены были линей-

ными казаками, лакеями и различнымъ народомъ, въ среды котораго непрерывно подымались совѣты перепречь рыжую, ударить дышловую, взять нагѣво, повернуть направо. Среди этихъ разнородныхъ совѣтовъ слышались иногда женскіе визги, выходившіе изъ экипажей. Мои дроги, естественно, тоже должны были остановиться, потому что объѣхать экипажи, остановившіеся впереди, не было никакой возможности: до такой степени дорога, обставленная то гѣсомъ, то обрывами, была узка. Я обходилъ эти остановившіеся экипажи, присоединялъ мои совѣты къ разнороднымъ совѣтамъ, кругомъ ихъ раздававшимся, и главное, предлагалъ дамамъ, ради несомнѣннаго спокойствія перемѣститься на мои дроги, хотя бы для этого пришлось нѣсколько потѣсниться, на что нѣкоторые охотно соглашались и были переносимы на рукахъ казаками.

Эти казаки, составлявшіе обычный конвой князя и потому отборные молодцы изъ молодцовъ, въ этотъ день безспорно увеличили свою славу на сто процентовъ, хотя подвиги ихъ не имѣли въ себѣ ничего воинственнаго и не занесены въ ихъ формулярные и другіе списки. Безъ преувеличенія можно сказать, что обратное переселеніе наше изъ «Бетанія» въ Каджоры, матеріально совершено ими. Начать съ того, что всѣ засѣвшіе на горѣ экипажи они вынесли почти на своихъ рукахъ на болѣе ровную дорогу и потомъ умѣли такъ распорядиться, что у каждаго экипажа былъ свой конвой, который и выручалъ его изъ всѣхъ засадъ и приключеній. Само собою разумѣется, что присутствіе князя, отдавашаго свой конвой для спасенія погибавшихъ, еще болѣе воодушевляло этихъ дивныхъ людей. Однимъ словомъ, куда ни повернешься, куда ни взглянешь—вездѣ казаки, готовые помогать вамъ и исполнять всѣ ваши желанія и приказанія.

Когда передніе экипажи тронулись, предстояло тронуться и моимъ знаменитымъ дорогамъ, наполненнымъ до крайней возможности. Надо замѣтить, что обозрѣвая впереди дорогу, шествуя для этого почти по колѣва въ грязи и присутствуя при бѣдствіяхъ другихъ экипажей, я не могъ не поддаться чувству нѣкотораго безпокойства за благополучное шествіе и моего экипажа и въ особенности за успѣшное одолѣніе низъ страшной горы. Сначала дроги двинулись бодро и возвеселили было мой начинавшій падать духъ; но увы! скоро и они очутились въ томъ же бѣдственномъ положеніи, которое испытали другіе предшествующіе экипажи. Лошади остановились и не только не шли впередъ, но пятились назадъ, оттягиваемые страшною тягостью, помѣщенною на дорогахъ. Какъ во время кораблекрушенія—мгновенно наступило общее замѣшательство, увеличивавшееся тѣмъ, что съ одной стороны дороги находился крутой обрывъ, заросшій деревьями, куда именно и направлялись пятившіеся дроги. «Стой! держи! куда?» раздалось вдругъ на разные голоса и эти возгласы покрывались визгами испуганныхъ дамъ, въ ко-

торыхъ многія стали выскакивать въ своихъ нарядныхъ платьяхъ прямо на дорогу въ глубокую грязь. Однимъ словомъ водворилось страшное смятеніе! На бѣду кривая лошадь, которая преимущественно и начала портить дѣло, не могла видѣть находившагося съ ея боку обрыва и, продолжая пятиться, вдругъ повалилась въ него, увлекая съ собою другую лошадь и самые дроги! Все это полетѣло бы, конечно, въ самую глубь обрыва, если бы не деревья, которыми онъ заросъ и которыя, задержавъ дальнѣйшее паденіе, образовали изъ лошадей и громадныхъ дрогъ самое хаотическое зрѣлище! Распутывать всю эту путаницу простыми средствами не было никакой возможности, и потому налетѣвшіе казаки мгновенно начали рубить и сбрую и части экипажа своими огромными кинжалами, съ цѣлю только спасти лошадей, которыя могли задохнуться или покатиться дальше въ кручу.

Но въ то время, когда казаки работали съ экипажемъ, у меня были страшнѣйшіе хлопоты съ дамами. На мнѣ лежала, какъ сказать, нравственная обязанность улучшить, всѣми мѣрами, ихъ затруднительное положеніе, въ которое вѣкоторымъ образомъ я же ихъ увлекъ, выставя красоты и достоинство моего экипажа. Поливаемыя дождемъ, они стояли въ глубокой грязи... На мое счастье въ этотъ моментъ проѣхалъ мимо насъ, на моей же лошади, камердинеръ князя, обвѣшанный со всѣхъ сторонъ разными узлами. Я началъ съ того, что отобралъ отъ него эти узлы и разнороднымъ бѣльемъ, въ нихъ находившимся, укрылъ по возможности моихъ дамъ отъ дождя, разрушавшаго ихъ шляпы и разные головные уборы, потомъ тому же камердинеру поручилъ скакать куда знаетъ и высылать намъ экипажи и верховыхъ лошадей, также откуда онъ знаетъ. Это былъ распорядительнѣйшій человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ молодцовъ, какими были всегда камердинеры князя.

Между тѣмъ, объятые ночью, мы перехватывали на пути все, что намъ попадалось и добыча эта была значительна, потому что вслѣдъ за нами таянулись отставшіе гости и цѣлыя полки прислуги. Я даже не помню, дождался ли мы результатовъ распоряженій княжескаго камердинера, помню только, что наиболѣе щепетильныхъ дамъ удалось помѣстить кое-какъ въ мимо проходившіе экипажи; остальные дамы, преимущественно туземки, по предложенію умной и рѣшительной княгини Сумбатовой, съ которой въ этихъ бѣдствіяхъ я очень сблизился, выразили желаніе ѣхать верхомъ. Въ верховыхъ лошадяхъ на Кавказѣ вообще недостатка нѣтъ. Начать съ того, что мы отобрали лошадей у казаковъ, возившихся съ нашимъ бѣдствующимъ экипажемъ; потомъ мы останавливали всѣхъ, кто ѣхалъ мимо, и отбирали также лошадей. Кавалькада составила великолѣпная по своей оригинальности. Впереди шло нѣсколько казаковъ съ факелами, освѣщая дорогу; другіе казаки вели лошадей, на которыхъ помѣшались не очень храбрыя дамы; все

это заключалось отрядомъ мужчинъ, которые тотчасъ превратились въ пѣсенниковъ. Вся эта процессія останавливалась у каждаго духана, лежащаго по дорогѣ. Удивленный, ошеломленный духанщикъ начиналъ метаться во все стороны, выносилъ намъ лучшее кахетинское вино, или шампанское, если таковое находилось, и разныя грузинскія яства, которыя мы и потребляли съ замѣчательнымъ апетитомъ, а затѣмъ отправлялись далѣе до слѣдующаго духана.

Такимъ образомъ возвращеніе наше, имѣвшее столь печальное начало, въ своемъ продолженіи отличалось оригинальною прелестью. Въ глубокую полночь, промоченные буквально до костей, мы добрались до Каджоръ и разстались въ смутномъ ожиданіи появленія на другой день насморковъ, кашлей, флюсовъ, лихорадокъ и вообще простудныхъ болѣзней всякаго рода, которыя имѣли здѣсь прекрасный случай и вполнѣ законное право проявить все свое отвратительное могущество. Ничего однако же не было, и ясное утро нашло всѣхъ здоровыми и невредимыми и полными веселыхъ воспоминаній, которыя безъ сомнѣнія, какъ я сказалъ уже, и до днесь живутъ въ тифлисскомъ большомъ свѣтѣ. Одни только искалѣченные Фадѣевскіе дроги, приволаченные на другой день буйволами, представляли печальную картину и требовали съ моей стороны значительныхъ хлопотъ и жертвъ для ихъ возможнаго исцѣленія. Въ конечномъ же результатѣ было то, что я сталъ на дружескую ногу почти со всѣми, что было замѣчательнаго въ Каджорахъ и преимущественно съ дамскою половиною, которая цѣнила самымъ любезнымъ образомъ мои подвиги, ради ея спокойствія, совершенные.

Другой праздникъ, Орбелиановскій, имѣлъ въ себѣ также много достопамятнаго, хотя представлялъ много совершенно другихъ оттѣнковъ въ своемъ развитіи. И здѣсь тоже необходимо предварительно замѣтить, что въ верстахъ тридцати отъ Каджоръ находилось родовое орбелиановское имѣніе: «Вышловани». Кому изъ братьевъ собственно оно принадлежало, я ужъ не знаю; помню только, что въ устройствѣ праздника соединились все три брата. Дмитрій, Иванъ и знаменитый князь Мамука, который, повидимому, былъ главнымъ распорядителемъ.

За долго до праздника все они втроемъ объѣзжали все Каджорскіе дома и дѣлали формальныя приглашенія. Такъ точно они были и у меня. Я чувствовалъ тогда себя очень дурно и въ самой вѣжливой формѣ старался уклониться отъ этого приглашенія; но эти старики, по своимъ грузинскимъ патріархальнымъ обычаямъ, осадили меня такими настоятельными и въ то же время милѣйшими просьбами, что я вынужденъ былъ дать слово явиться на мѣсто, если только не умру.

Относительно отъѣзда въ назначенный день въ «Вышловани» повторились почти все тѣ же распоряженія, какъ и при отъѣздѣ въ «Бетанию». Точно также одни ѣхали въ экипажахъ, другіе верхомъ. День

былъ такой же восхитительный, только болѣе жаркій. Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ пукались въ дѣло всѣ экипажи намѣстника, которые и предлагались желающимъ, разумеется за исключеніемъ тѣхъ экипажей, которые самъ князь предназначалъ для извѣстныхъ лицъ. Верхомъ ѣхать я, по прежнему, не могъ; пускаться въ дѣло опять знаменитые дроги не хотѣлъ, и потому, когда за завтракомъ, предшествующимъ отъѣзду, князь спросилъ меня: «Василій Антоновичъ! какъ вы ѣдете?» я отвѣчалъ: «въ экипажахъ намѣстника». Княгиня Марья Ивановна, разыгрывавшая роль хозяйки, тотчасъ подхватила «поѣзжайте въ моей коляскѣ, я туда ѣду верхомъ, а оттуда вѣстѣ возвратимся». Какъ бы то ни было, въ этой коляскѣ, запряженной прекрасной четверней, развалившись самымъ комфортабельнымъ образомъ, я летѣлъ вслѣдъ за кавалькадой, предводительствуемой по прежнему княземъ и окруженной, какъ тучей комаровъ, свитской молодежью и опять молодцами линейцами.

Путь былъ длиненъ и продолжителенъ, а потому утомителенъ. Почти по всему протяженію дороги разставлены были Орбеліановскіе вѣстовые или курьеры, которые, завидѣвъ наше шествіе, срывались, какъ безумные, съ мѣста, и мгновенно скрывались изъ нашихъ глазъ. За нѣсколько верстъ отъ имѣнія, вѣроятно на границѣ его, насъ встрѣтили сами князья Орбеліани верхами, съ огромною свитою.

Скоро представился нашимъ взорамъ большой грузинскій домъ, окруженный множествомъ саекъ и лашенный всякой зелени, которая обыкновенно окружаетъ дома русскихъ помѣщиковъ. Шествіе наше направлено было къ этому дому, гдѣ казалось и совершится праздникъ. На дѣлѣ оказалось не такъ. Всѣ дѣйствительно вошли въ этотъ домъ, вѣроятно только ради исполненія грузинскихъ обычаевъ, потому что тотчасъ было объявлено, что надо отправляться въ садъ, отстоящій на нѣсколько верстъ, гдѣ и приготовленъ обѣдъ. При этомъ случаѣ, однако, амазонки, большею частію, побросали своихъ верховыхъ лошадей и наполнили всѣ свободныя мѣста въ экипажахъ. Я набралъ свою коляску до нельзя дамами и самъ помѣстился на козлахъ.

Переѣздъ уже былъ незначителенъ, версты три, четыре, и мы скоро очутились въ роскошнѣйшемъ грузинскомъ саду, охватившемъ насъ со всѣхъ сторонъ моремъ зелени. Виноградныя аллеи заставлены были столами, роскошно убранными; по концамъ этихъ аллей были фонтаны, бросавшіе свои струи въ обширные бассейны; яркое солнце, пробиваясь сквозь зелень, рисовало своими лучами на свѣтлыхъ чистыхъ скатертяхъ затѣйливые узоры. Все дышало невообразимою прелестью. Туземные нукеры смѣшивались съ нашими фрачными лакеями въ бѣлыхъ галстукахъ; такое же смѣшеніе представляло и самое общество гостей, какой-нибудь франтъ изъ нашихъ увивался около грузинки, въ ея ту-

земномъ нарядѣ, съ длинными заплетенными косами; подлѣ нашей барыни, у которой съ необъятнаго кринолина влячился еще болѣе необъятный шлейфъ, шелъ грузинъ въ чухѣ, увѣшанный кинжалами и сіяющій позументами. Полковая музыка ожидала только знака; знаменитый Саторъ, пѣвецъ, о которомъ я выше говорилъ, сядѣлъ по обычаю на ковръ, поджавши ноги, въ компаніи различныхъ туземныхъ музыкантовъ, составившихъ обыкновенно аккомпанементъ его пѣнію, пріятно улыбался и тоже выжидалъ момента, когда дадутъ просторъ поразительнымъ звукамъ его непонятнаго голоса.

Общее настроеніе было то же, какъ и въ Бетаніи, восхитительное. Да, другаго настроенія кажется и не существуетъ на Кавказѣ. Одна природа, свѣтлая, радостная, въ состояніи изгнать изъ сердца каждаго все скучное, нехорошее, мрачное. Но къ этому присоединяется еще то безпримѣрное, чистосердечное до наивности радушіе грузинъ, предъ которымъ никакой мизантропъ не устоитъ. Если грузины, въ смыслѣ какой-либо головоломной дѣятельности и не высоко стоять, за то тамъ, гдѣ нужно подражаться съ врагомъ или покутить съ другомъ, тамъ, гдѣ нужно храбрость, беззаветное радушіе—нѣтъ въ мірѣ людей, подобныхъ грузинамъ.

Скоро всѣ усѣлись за столы и пиръ закипѣлъ. Музыка гремѣла вальсы и польки, Саторъ заливался въ своихъ треляхъ, кахетинское пошло въ ходъ въ кулахъ и азарпешахъ. Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ князь Александръ Ивановичъ держалъ себя превосходно: онъ не только никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, напротивъ старался, какъ говорится: «поддать жару». На лицѣ его появлялась какая-то милѣйшая, одобряющая, улыбка, которую каждому было пріятно встрѣтить, которая какъ будто говорила: «ничего, веселись».

Обѣдъ скоро принялъ гомерическій видъ; радушные хозяева постоянно стояли надъ каждымъ съ кулами и азарпешами, выдумывая непрерывно тосты и различные предлоги, чтобъ заставить пить. Я приобрѣлъ уже славу неодолимаго въ этомъ отношеніи рыцаря и потому «алла верды» сыпались на меня со всѣхъ сторонъ, а хозяева преимущественно наседали на меня. Самолюбіе и честолюбіе имѣеть въ своемъ проявленіи различныя формы. Непонятно, почему мнѣ казалось чрезвычайно лестнымъ выдерживать эту общую атаку, на меня направленную. Этому самообоющенію много содѣйствовало мое убѣжденіе, что кахетинскимъ меня нельзя свалить, когда я держался всегда крѣпко противъ хересовъ и другихъ, болѣе крѣпкихъ, вещей. Въ минуты, о которыхъ говорю, я былъ особенно въ ударѣ: естественное веселье, производимое пріятной обстановкой праздника, при содѣйствіи кахетинскаго, возрастало неудержимо. Я говорилъ спичи, и все это производило общій восторгъ. За каждымъ успѣхомъ въ этомъ родѣ слѣдовали новые тосты, новые кулы и азарпешы. Само собою разумѣется, что за мною слѣдовали и другіе и изъ

этихъ нѣкоторые, далеко до конца обѣда, скрывались изъ-за стола, что еще болѣе увеличивало мое торжество, и я самъ предлагалъ тосты за подкрѣпленіе силъ слабѣющихъ членовъ общества. Къ концу обѣда я сталъ замѣчать, однако, въ самомъ себѣ мало знакомое мнѣ чувство опьяненія, но относилъ это къ ничтожной случайности, которую ничего не стоить преодолѣть.

Послѣ обѣда все общество разошлось и разлеглось на коврахъ и началась лезгинка, неизбѣжная во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Дѣло это совершается слѣдующимъ образомъ. Все общество образуетъ одинъ кругъ, въ средину котораго врывается мужчина или дама, а иногда и мужчина и дама вмѣстѣ и танцуютъ бѣшеную лезгинку. Оканчивающій свой танецъ, посреди рукоплесканій, обращается непремѣнно къ кому-нибудь изъ присутствующихъ и приглашаетъ его выступить на арену. Отъ этой повинности освобождался одинъ только намѣстникъ; затѣмъ рѣшительно не было пошады никому, никакія возраженія и объясненія не принимались въ уваженіе; не обращалось вниманія ни на званіе, ни на лѣта, ни на искусство по этой части.

Что касается до меня, то я не только во слѣдъ другимъ танцевалъ лезгинку, но по общему настоянію, долженъ былъ удивлять туземцевъ русскими плясками, въ которыхъ я имѣлъ однажды неосторожность показать свое искусство въ самомъ тѣсномъ кружкѣ друзей и тоже подъ веселую руку. Всѣ эти подвиги, совершаемые тотчасъ послѣ обѣда, значительно усилили мое опьяненіе, и я помню только, что, сознавая свое ненормальное положеніе, я призналъ необходимымъ сойти съ арены и зарыться среди музыкантовъ, которые меня очень любили вслѣдствіе обильныхъ приношеній, всегда подносимыхъ имъ при подобныхъ торжествахъ какъ отъ меня лично, такъ и отъ имени всего общества, составлявшаго по моимъ предложеніямъ, значительныя складчины. Капельмейстеръ, отличный музыкантъ я въ то же время отличный малый, всегда находился въ полномъ моемъ распоряженіи, и гдѣ бы хоръ ни игралъ, при моемъ приближеніи всегда начиналъ исполнять піесы, наиболѣе мною любимыя. Укрываясь въ толпѣ музыкантовъ, я поручалъ имъ не обращать на меня вниманія и только, при самомъ окончаніи вечера, дать мнѣ знать, потому что я никакъ не хотѣлъ остаться на цѣлую ночь одинъ среди большаго сада, при чемъ я могъ быть атакованъ лихорадкой, а при случаѣ и ограбленъ. Заключивъ эту конвенцію, я потребовалъ кресло, развалился въ немъ самымъ комфортабельнымъ образомъ и заснулъ богатырскимъ сномъ подъ звуки флейтъ, трубъ и барабановъ. Болѣе я ничего не помню. Помню только, что любезный капельмейстеръ усяленно раскачивалъ меня и повторялъ: «извольте вставать, всѣ ѣдутъ!»

Вскочивъ со своего кресла я дѣйствительно увидѣлъ, что экипажи уносятся одинъ за другимъ изъ сада; но коляска, въ которой я ѣхалъ

изъ Каджоръ, наполненная уже дамами, ожидала меня. Я быстро вскочилъ на козлы, и мы помчались къ дому, который горѣлъ множествомъ огней и издали походилъ на огромный фонарь. Глубокій сонъ и свѣжесть ночи почти совершенно возстановили меня, такъ что я могъ войти въ освѣщенную залу бодро и рѣшительно, какъ ни въ чемъ не бывало. Первый, котораго я встрѣтилъ къ домѣ, былъ князь Александръ Ивановичъ, который весело подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Вы не знаете, сколько у насъ мертвыхъ тѣлъ?» «Не знаю» отвѣчалъ я, не понявъ совершенно этого оригинальнаго вопроса. Оказалось, что значительное число свитской молодежи было въ такомъ положеніи, что никакими средствами нельзя было ни собрать ихъ, ни разбудить тѣхъ, кого находили. Одинъ спалъ гдѣ нибудь въ кручѣ; другой въ какой нибудь чащѣ; кто-то ухитрился помѣститься, какъ птица, на древесныхъ вѣтвяхъ. Этыхъ-то неотысканныхъ и оставшихся на мѣстѣ господъ князь и называлъ: «мертвыми тѣлами».

Если я, испытанный боецъ въ подобныхъ битвахъ, долженъ былъ сойти съ арены, то существованіе этихъ «мертвыхъ тѣлъ» не было ни сколько удивительно. Хозяева позаботились усердно, чтобы уходить своихъ гостей, и я до сихъ поръ сохраняю убѣжденіе, что они употребили для этого экстраординарныя средства, быть можетъ допускаемыя грузинскими обычаями. Убѣжденіе это я основываю на ощущеніяхъ, испытанныхъ мною самимъ. Начать съ того, что во всѣхъ подобныхъ пирахъ, сколько бы я ни пилъ, я никогда не терялъ памяти и на другой день рѣшительно помнилъ все до малѣйшей подробности. Здѣсь было совершенно не такъ. Я помнилъ только то, что рассказалъ. Когда разбитые остатки общества собрались въ домѣ, составились партіи преферанса, виста, такъ что и я сѣлъ за карты. Остатокъ вечера, хоть поддерживаемый различными угощеніями, шелъ уже довольно вало вслѣдствіе общаго утомленія. Скоро всѣ разошлись по отведеннымъ для каждого ночлегамъ...

Нельзя не замѣтить, что именно тутъ, за картами, я познакомился съ Мирзоевымъ, личностію, въ высшей степени замѣчательною, о которой съ самаго пріѣзда моего на Кавказъ я слышалъ постоянные и разнородные рассказы, но съ которою дотогѣ не приходилось войти въ личныя отношенія. Мирзоевъ былъ нѣчто въ родѣ тифлискаго Монтекресто. Относительно обогащенія его рассказывали, что оно совершилось преимущественно поставкою спирта для кавказскихъ войскъ, предоставленною ему княземъ Воронцовомъ. Въ заключеніе расчетовъ, которыми опредѣляли выгоды его отъ этой операціи, всѣ утверждали, что онъ нажалъ милліоны. Но не въ томъ дѣло, что онъ былъ богатъ, мало-ли кто богатъ? а въ томъ, какъ онъ распоряжался этимъ богатствомъ, и эту-то баснословную сторону я и считаю нужнымъ обрисовать здѣсь по возможности.

Начну съ отношеній его къ тифлисскому правительству. Когда какое нибудь дѣло не двигалось, какая-нибудь оброчная статья не шла съ рукъ—призывался Мирзоевъ, и намѣстникъ говорилъ ему: «сдѣлай, и возьми!» Мирзоевъ дѣлалъ и бралъ, считая за особенное счастье угождать намѣстнику. Когда по дѣламъ Мирзоева возникалъ какой-нибудь громадный расчетъ съ казною и дѣло наклонялось въ его сторону, намѣстникъ призывалъ Мирзоева и говорилъ: «Любезный Иванъ Минаевичъ! мнѣ было бы пріятно, если бы можно было прекратить это дѣло!» Мирзоевъ тотчасъ прекращалъ процессъ. Такимъ образомъ Мирзоевъ, собственно по предложенію намѣстника, взялъ громадный Сальянскій рыбный откупъ и вносилъ одной откупной суммы до 360.000 руб. въ годъ; такимъ образомъ онъ, по предложенію намѣстника, отказывался отъ громадныхъ претензій по расчетамъ съ казною. Когда приготавливалось какое-нибудь торжество по случаю ли прибытія великихъ князей или по случаю покоренія Кавказа—Мирзоевъ благосклонно приглашался къ участію въ устройствѣ этого торжества и не останавливался ни передъ какими жертвами и расходами.

Въ частныхъ сношеніяхъ онъ былъ просто опасенъ неувереннымъ своимъ стремленіемъ надѣлать васъ чѣмъ-нибудь. Отъ этого не удержались даже сами намѣстники. До сихъ поръ рассказываютъ простодушную наивность Муравьева, съ которою онъ хвалился дешевойю различныхъ предметовъ, доставляемыхъ ему Мирзоевымъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, эти предметы нельзя было достать и за тройную цѣну. Когда кто нибудь изъ значительныхъ лицъ пріѣзжалъ или увѣзжалъ, Мирзоевъ дѣлалъ торжественныя встрѣчи и проводы. Будучи самъ григоріанскаго исповѣданія онъ точно также встрѣчалъ и провожалъ митрополита Исидора, экзарха Евсевія и т. п. Этого мало. У отъѣзжающаго онъ скупалъ за какую хотите цѣну мебель, экипажи, лошадей; пріѣзжающаго онъ снабжалъ всѣмъ этимъ за самую ничтожную цѣну, назначаемую только для приличія. Отъ этого въ его сараахъ, конюшняхъ, подвалахъ всегда находилась бездна экипажей, лошадей, мебели и всякаго хозяйственнаго добра. Кто увѣзжалъ изъ Тифлиса на время, въ Петербургъ напрямѣръ, или куда нибудь, бралъ у Мирзоева, безданно, безцпошлинно, экипажъ, какой ему нравился а, отдѣлавъ его во время пути, благополучно возвращалъ. Будучи хозяиномъ Сальянскаго рыбнаго промысла онъ отдѣлывалъ лучшія сорта икры, шамаа, осетровъ въ свои подвалы и надѣлывалъ ими всю тифлискую знать. Купить такой икры и рыбы въ Тифлисі было невозможно, и кто обращался по этой части къ Мирзоеву, вынужденъ былъ брать ее даромъ, потому что за деньги онъ не давалъ рѣшительно ничего. То же было и съ кахетянскимъ виномъ. Извѣстно, что мѣстное вино при слабѣй выдѣлкѣ дѣлится на три сорта: первый, сред-

нѣй и послѣднѣй. Мирзоевъ скупалъ первые сорта почти во всѣхъ садахъ и распорядился съ ними такимъ же точно образомъ: даромъ сколько хотите; за деньги ничего. Отъ этого происходило, что Мирзоевъ самъ не занимался винодѣліемъ, а такъ называемое «Мирзоевское» вино считалось роскошью. Общее мнѣніе было таково, что Мирзоевъ такимъ образомъ раздавалъ, раздавалъ вина, рыбы и другихъ предметовъ по нѣсколько десятковъ тысячъ въ годъ. Щедрость его была просто изумительна. Вновь прибывшему адъютанту какому-нибудь, напримеръ, понадобилась лошадь. По произведеннымъ розыскамъ оказывается, что у Мирзоева есть чудо лошадь. Адъютантъ летитъ къ нему и спрашиваетъ:

— Не уступите ли такую то лошадь?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Позвольте узнать цѣну? спрашиваетъ адъютантъ.

— Цѣны ей нѣтъ никакой, отвѣчаетъ Мирзоевъ.—Позвольте предложить вамъ ее въ знакъ моего уваженія.

Ошеломленный адъютантъ начинаетъ восклицать: «какъ можно, помилуйте, и т. п.», но ничто не беретъ: за деньги ни за что; такъ берите. Такая именно исторія была, между прочимъ, съ С мъ. Самолюбивый и самъ довольно богатый, онъ никакъ не рѣшался брать лошадь даромъ, а между тѣмъ лошадь правилась ему чрезвычайно; наконецъ, послѣдовалъ нашему совѣту, взял лошадь безъ денегъ и потомъ сдѣлалъ Мирзоеву равноцѣнный подарокъ.

Подарить что-нибудь—было страстію Мирзоева, точно также, какъ и дѣлать роскошные обѣды или ужины при малѣйшемъ намекѣ съ чьей либо стороны, если не было случаевъ, самостоятельно, такъ сказать, указывающихъ на это. Я помню, когда прѣхалъ на Кавказъ князь Владиміръ Ивановичъ Бяратинскій и выразилъ желаніе, почти неизбежное во всѣхъ заѣзжающихъ туда, приобрести хорошую бирюзу, Мирзоевъ не замедлилъ преподнести ему камень въ родѣ скалы. За обѣдомъ, который Мирзоевъ также незамедлилъ устроить для князя, камень этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки и вызвалъ общее удивленіе по громадности и цѣнности его. Послѣ обѣда князь Владиміръ Ивановичъ обратился ко мнѣ:

— Согласитесь, что я не могу принять такой цѣнный камень въ подарокъ; нельзя ли узнать, что онъ стоитъ и тогда надо будетъ или заплатить за него или отдарить.

— Заплатить во всякомъ случаѣ невозможно, отвѣчалъ я, это глубоко оскорбитъ Мирзоева, да онъ и не возьметъ денегъ, а отдарить, я полагаю, можно и должно. Подождите, я вамъ узнаю цѣну камня.

Отведя Мирзоева въ сторону, я спросилъ его:

— Скажите, любезный Иванъ Минаевичъ, какой цѣны камень князя Владиміра Ивановича?

— Совершенные пустяки, и говорить не стоитъ, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, скажите положительно, возразилъ я нетерпѣливо,—это необходимо.

— Ну, извольте, если вамъ угодно; онъ достался мнѣ по особенному случаю, кажется за 50 или 75 руб., хорошенько, право, не помню.

Отвѣтъ этотъ я передалъ князю, прибавивъ, что это, разумѣется, вздоръ и что цѣну камня легко узнать другими путями.

Чтобъ лучше обрисовать эту истинно замѣчательную личность, я обращусь къ моимъ непосредственнымъ къ ней отношеніямъ. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Мирзоевымъ на Вышлованскомъ праздникѣ не было особенно благопріятно. Мнѣ представили господина, довольно толстаго, съ армянскою фізіономіею, во фракѣ и съ крестомъ на шеѣ. Во всѣхъ манерахъ его проявлялось страшное подобострастіе, которымъ отличаются всѣ туземцы въ отношеніяхъ съ сколько-нибудь значительными лицами правительственнаго міра. Подъ вліяніемъ праздничной суеты я мало и обратилъ на него вниманія и потомъ долго не встрѣчался съ нимъ. Потомъ уже, когда, оставивъ Каджоры и встрѣтивъ прибывшее ко мнѣ семейство, я водворился въ Тифлисъ, отношенія наши начались довольно оригинальнымъ и страннымъ для петербургскаго чиновника образомъ. Возвратившись, однажды, изъ канцеляріи домой, я узнаю, что отъ Мирзоева доставлено мнѣ столько-то бутылокъ краснаго вина, столько-то бѣлаго, столько-то осетровъ, столько-то шемаи, столько-то жестянокъ зернистой икры, столько-то салфеточной и всѣ эти снадобья представлены были подлинникомъ на мое благоусмотрѣніе.

Я былъ изумленъ въ высшей степени. Присылка эта представилась мнѣ дерзкою ловушкою, и потому я тотчасъ рѣшился примѣрно наказать виновнаго и рассказать все князю. На другой день, отправляясь къ нему, я долженъ былъ зайти по какому-то дѣлу къ Крузенштерну и, между прочимъ, передалъ ему продѣлку Мирзоева, выразивъ величайшее негодованіе. Я былъ удивленъ, видя, что Крузенштернъ, слушая мой энергическій рассказъ, какъ-то странно улыбался, а когда я кончилъ свое повѣствованіе, то просто расхохотался.

— Полноже, любезный Василій Антоновичъ! Во-первыхъ, не сердитесь, а во-вторыхъ, не дѣлайте глупостей. Вы просто оскорбите, безъ нужды, Мирзоева, человѣка весьма почтеннаго, и надъ вами же весь Тифлисъ будетъ смѣяться. Эти приношенія дѣло принятое и извѣстное, и никто рѣшительно отъ нихъ не отказывается, начиная съ самихъ намѣстниковъ. Это ужъ слабость Мирзоева и всѣ ей потворствуютъ. Вы человѣкъ семейный и у васъ его припасы могутъ быть еще полезны сколько-нибудь; а вотъ человѣкъ холостой, мнѣ ничего этого рѣши-

тельно не нужно, а между тѣмъ я никакъ не могу умолить его пощадить меня. Если это грѣхъ, то здѣсь рѣшительно всё грѣшны по этой части, не исключая и вашихъ друзей Фадѣевыхъ, которыхъ и можете распросить въ подробности, прежде чѣмъ будете жаловаться намѣстнику.

Объясненіе это совершенно сбilo меня съ толку. Между тѣмъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, оно подтвердилось вполне. Фадѣевы именно удостовѣрили меня, что и они, и всѣ значительныя лица Тифлиса постоянно одѣляются со стороны Мирзоева виномъ, рыбой и икрой и что къ этому всѣ привыкли, какъ къ дѣлу совершенно простому и обыкновенному.

«Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ», говорятъ пословица, а другая пословица гласитъ: «съ волками жить—надо по волчьи выть». Все мое изумленіе и негодованіе имѣли конечнымъ результатомъ то, что при первомъ свиданіи я благодарилъ Мирзоева. Повидимому, ему только это и нужно было. Съ тѣхъ поръ онъ до такой степени усилилъ свои присылки, что потребленіе различныхъ припасовъ, имъ доставляемыхъ, при ограниченности моей семьи, сдѣлалось положительно невозможнымъ. Ясно было, что пропорція, отдѣляемая на мою долю, сравнительно съ другими, была значительно выше, вслѣдствіе ли особенной симпатіи этого безпримѣрнаго господина къ моей личности, или вслѣдствіе преувеличеннаго понятія о моемъ значеніи при князѣ. Мнѣ досадно однако было, что большая часть добра составляла достояніе моей прислуги, и что мой камердинеръ, онъ же и дворецкій, чловѣкъ столь же ловкій, сколько и плутоватый, безъ сомнѣнія могъ производить нѣкоторую торговлю виномъ и икрой, потому что считать расходующія бутылки и жестянки никому, кромѣ его, не было ни надобности, ни охоты. Сколько я ни упрощивалъ Мирзоева не учать такъ своихъ присылокъ, ничто не помогало; наконецъ я вынужденъ былъ положительно запретить ему присылать что-либо, давши ему слово, что его будутъ увѣдомлять, что истрасходовалось и слѣдовательно требуетъ дополненія. Этотъ порядокъ и соблюдался по возможности во все время моего пребыванія въ Тифлисѣ, хотя и тутъ являлись часто значительныя отступленія. Такъ, напримѣръ, предъ наступленіемъ какого-нибудь большаго праздника Мирзоевъ непременно присылалъ сверхштатнымъ, такъ сказать, образомъ возы съ разными разностями. Замашки его не ограничивались, впрочемъ, предѣлами яствъ и питій. На каждомъ шагу, можно сказать, онъ выискивалъ и ловилъ случай презентовать что-нибудь. Однажды, предъ праздникомъ Св. Пасхи, возвратившись изъ должности, я нашелъ галерею, которая обыкновенно составляетъ неизбѣжную принадлежность каждаго тифлисскаго дома, заваленную коврами.

— Что это такое?—спросилъ я.

•

— Иванъ Минаевичъ прислалъ по случаю праздника, — отвѣчала мнѣ.

Этотъ сюрпризъ положительно ужъ мнѣ не понравился, потому что болѣе икры и вина пахнулъ взяткой. Оказалось, что прислано пять персидскихъ ковровъ необъятной величины, такъ что мои комнаты, разнѣ за исключеніемъ одной залы, не могли и вмѣщать ихъ. Я тотчасъ написалъ Мирзоеву записку съ приглашеніемъ заѣхать на другой день въ канцелярію ко мнѣ. При этомъ личномъ свиданіи я объяснилъ ему мой взглядъ на подобныя вещи, просилъ извинить мою рѣшимость прислать назадъ ковры и пригласилъ его не портить нашихъ отвоше-вій подобными присылками. По тону моихъ словъ, немножко суровому, Мирзоевъ понялъ, что никакія возраженія тутъ неумѣстны. Ковры немедленно были возвращены. Каково же было мое удивленіе, когда въ первый день праздника, посѣтивъ Фадѣевыхъ, я замѣтилъ на полахъ новыя ковры и на вопросъ мой, гдѣ и когда куплены, узналъ, что это подарокъ Мирзоева.

Встрѣтивъ съ моей стороны такое упорство, Мирзоевъ придумалъ другой способъ. При наступленіи каждаго праздника онъ присылалъ моимъ дѣтямъ положительно пуды конфетъ французскаго произведенія, потому что другихъ въ Тифлисѣ и не было, въ сопровожденіи десятка великолѣпнѣйшихъ парижскихъ бонбоньерокъ, такъ что каждый подобный дѣтскій подарокъ, по петербургской цѣнѣ, стоилъ двѣсти, триста рублей. Отвергать эти подарки я уже считалъ невозможнымъ, хотя постоянно протестовалъ противъ безумной цѣнности ихъ.

При дальнѣйшемъ сближеніи моемъ съ этимъ страннымъ чело-вѣкомъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ принадлежалъ къ армянскому, самому корыстнѣйшему, такъ сказать племени, оказалось, что Мирзоевыхъ было два брата: этотъ Иванъ Минаевичъ, о которомъ я говорилъ, и Гавриилъ Минаевичъ. Оба они были женаты, имѣли красивыхъ женъ и значительное количество дѣтей; но жили вмѣстѣ и вели всѣ дѣла вмѣстѣ. Нераздѣльный ихъ капиталъ, какъ полагали въ Тифлисѣ, простирался отъ семи до восьми милліоновъ. Дѣятельность ихъ была раздѣлена такимъ образомъ, что Иванъ Минаевичъ постоянно находился въ обществѣ и поддерживалъ сношенія съ разными правительственными лицами; Гавриилъ Минаевичъ, чело-вѣкъ чрезвычайно умный и вообще гораздо серьезнѣе брата, сидѣлъ дома и велъ всѣ письменныя дѣла, изрѣдка только въ торжественныхъ случаяхъ показываясь въ свѣтѣ, а большею частью проводя вечера въ клубѣ, гдѣ и игралъ по копѣйки въ ералашъ. Иванъ Минаевичъ былъ губернскимъ секретаремъ и чрезвычайно эффектно раскладывалъ на груди громаднѣйшаго Станислава, котораго правительство даровало ему за многочисленныя заслуги. Гавриилъ Минаевичъ за такія же заслуги возведенъ былъ въ потомственное дворянство. Не столько по

этими званіями, сколько по огромному богатству, которое на всѣхъ точкахъ земнаго шара сохраняетъ одинаковую силу и обаяніе, Мирзевы сохраняли въ Тифлисѣ огромное значеніе. Рыбныя дѣла необъятныхъ размѣровъ заставили ихъ учредить свои конторы не только въ большихъ русскихъ городахъ, но даже и за-границею. Отъ этого происходило, что куда бы ни ѣхалъ кавказецъ, вездѣ были повѣренные и уполномоченные Мирзевыхъ, которые вслѣдствіе ихъ инструкцій и оказывали заѣзжему всевозможныя услуги; отъ этого же происходило, что тифлисскій житель, находясь на мѣстѣ и отправляясь куда-нибудь, вѣчно былъ въ необходимости прибѣгать къ помощи и содѣйствію Мирзевыхъ.

Выше, кажется, я замѣтилъ уже, что обстоятельства вынудили меня войти съ Мирзевыми въ денежныя отношенія. Дѣло въ томъ, что, находясь въ Петербургѣ, я получалъ содержанія по службѣ до трехъ тысячъ рублей и три тысячи рублей я получалъ на мой небольшой капиталъ, по расчету восьми процентовъ. Капиталъ этотъ помѣщенъ былъ въ гальванопластическомъ заведеніи, учрежденномъ покойнымъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ и управляемомъ Дювалемъ, который имѣлъ банкирскій домъ. Дѣла князя Барятинскаго, когда я завѣдывалъ ими, велись чрезъ этотъ домъ, гдѣ я пользовался неограниченнымъ кредитомъ и слѣдовательно былъ хорошо извѣстенъ Дювалю. Эти условія помогли мнѣ въ томъ, что когда покойный государь смѣшалъ меня съ другимъ Инсарскимъ и отъ этого положеніе мое сдѣлалось затруднительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, Дюваль нашелъ возможность помѣстить мой капиталъ въ свое заведеніе, поставленное имъ на коммерческомъ основаніи, и платилъ мнѣ восемь процентовъ, т. е. три тысячи рублей, которыя я и получалъ по третямъ года самымъ исправнѣйшимъ образомъ, какъ изъ своего собственнаго сундука. Кончина герцога, а потомъ удаленіе Дюваля сдѣлала то, что заведеніе это, а вмѣстѣ съ нимъ и мое выгодное положеніе, стало какъ-то колебаться. Вслѣдъ за моимъ переѣздомъ на Кавказъ мнѣ возвратили мой капиталъ, который я и вынужденъ былъ положить въ мѣстный приказъ только на четыре процента, т. е. получать съ него ровно половину, не три тысячи, а только 1.500 рублей. Слагая эту сумму съ моимъ кавказскимъ содержаніемъ 3.600 рублей, выходило, что мои фонды уменьшились противъ петербургскихъ. Необходимость заставила меня думать о лучшемъ помѣщеніи моего капитала.

Для этого представлялись два мѣста: какаѣ-то компанія, учрежденная барономъ Торнау на деньги Кокорева и другихъ петербургскихъ капиталистовъ, для торговли съ Персіею, и Мирзевы, которые, хотя не только не имѣли надобности въ чужихъ деньгахъ, а и своихъ не знали куда дѣвать, тѣмъ не менѣе не отказали бы, судя по ихъ любезностямъ ко мнѣ, пристроить такъ или иначе мой незначительный капи-

талъ. Но я хорошо зналъ, что сдѣлка въ томъ и другомъ случаѣ повела бы къ неизбѣжнымъ и разнороднымъ толкамъ, изъ которыхъ добрые люди умѣли бы извлечь неблагоприятныя для меня выводы и бросить значительныя тѣни на мои дѣйствія; а потому я рѣшился прежде всего объяснить самому князю и мои обстоятельства, и мои предположенія. Князь выслушалъ все это и одобрилъ, прибавивъ только, что лучше бы помѣстять эти деньги къ барону Торнау, если только это можно.

Объясненія съ этимъ умнымъ вообще, но очевидно взявшимся не за свое дѣло господиномъ, не повели ни къ чему. Онъ объяснилъ, что дѣйствія учрежденной имъ компаніи имѣютъ еще только видъ опыта и что она окончательно утвердится не прежде, какъ опытъ подтвердитъ полезность ея дѣйствій. Однимъ словомъ, я тотчасъ увидѣлъ, что тутъ можно попасть въ такую кашу, изъ которой потомъ не вылѣзешь. Соображеніе это подтвердилось, потому что скоро потомъ дѣла компаніи пошли дурно, баронъ Торнау сначала переѣхалъ изъ Тифлиса въ Баку, на самое мѣсто дѣйствій, а потомъ и окончательно уѣхалъ съ Кавказа.

При этомъ нельзя не замѣтить странной судьбы, постигавшей доселѣ всѣ кавказскія предпріятія. Кто бы и что бы ни предпринималъ, ничто не удавалось. Взять хотя бы предпріятіе барона Торнау: человекъ умный, образованный, знающій край, какъ свои пять пальцевъ, потому что онъ проходилъ различныя должности именно въ той мѣстности, которую избралъ центромъ своихъ дѣйствій, и былъ вице-губернаторомъ въ Шемахивской губерніи, замѣненной Бакинскою губерніею. Располагая страшными петербургскими капиталами, привлеченными имъ къ этому предпріятію, пользуясь величайшимъ покровительствомъ намѣстника, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми мѣстными властями, могъ ли онъ сомнѣваться въ успѣхѣ? И дѣйствительно, въ началѣ, когда баронъ Торнау, окруженный университетскою молодежью, прибылъ въ Тифлисъ и, какъ въ своей частной жизни, такъ и во всѣхъ его распорядкахъ, сталъ проявлять обиліе сильныхъ средствъ, которыми располагалъ, всѣ тифлискыя рукоплескали его предпріятію. Потомъ стали говорить, что персіяне какъ-то недоумчиво смотрятъ на это дѣло, потомъ прибавляли, что агенты барона Торнау, молодые люди, только что вынужденные изъ университета, не такъ взялись за дѣло, потомъ что приказчики страшно обманываютъ компанію, потомъ хуже, да хуже и дѣло быстро начало падать. Отъ всѣхъ этихъ наобъятныхъ начинаній, кажется, остался какой-то заводъ для выдѣлки фотогена, построенный на знаменитыхъ бакинскихъ огняхъ и обратившій эти поэтическіе огни въ прозаическую машинную силу.

Возвращаясь къ своему дѣлу. Избавившись такъ счастливо отъ соучастія въ плаваніи по этому морю, я обратился къ Мирзоевымъ.

Трудно изобразить любезную готовность, съ которою они взялись пристроить мой капиталъ. Я объявилъ имъ, что буду радъ и благодаренъ, если буду получать прежніе восемь процентовъ. Они наговорили мнѣ что-то очень много о своихъ оборотахъ шелкомъ, вѣномъ, рыбой, стараясь доказать, что мой капиталъ принесетъ гораздо болѣе; но я стоялъ на своемъ, убѣжденный вполне, что они не имѣютъ никакой надобности ни въ чьихъ капиталахъ. За всѣмъ тѣмъ они все-таки ухитрились, при составленіи бумагъ, сюда относящихся, которыя я имъ предоставилъ, назначить мнѣ девять процентовъ. Всѣ эти продѣлки съ ихъ стороны я самъ публиковалъ во всеобщее извѣстіе, зная, что этотъ способъ лучше всего уничтожаетъ сплетни. Я всегда открыто говорилъ сколько у меня денегъ, какъ они составились и какъ помѣщены. Многіе слушали эти самообличительныя объясненія съ изумленіемъ, слѣдуя какому-то странному и закоренѣлому убѣжденію, что размѣръ своего состоянія и вообще всѣ денежные обороты и дѣйствія надо скрывать непременно, убѣжденію, которое я никогда не раздѣлялъ, полагая, напротивъ, что искренность и правдивость всегда и во всемъ не только хорошая вещь сама по себѣ, но и вещь самая выгодная. Этого, однако, мало. При ежегодныхъ расчетахъ моихъ съ Мирзоевыми они всегда составляли такіе счеты, по которымъ мнѣ непременно приходилось лишніхъ тысяча или двѣ и на мои укору отзывались неопытностью ихъ конторщиковъ, допустившихъ ошибку. Такъ какъ ошибки эти всегда были одного и того же свойства, то я отнялъ у нихъ право составлять наши ежегодные расчеты и занимался составленіемъ ихъ самъ. Въ такомъ положеніи оставалось это дѣло до окончательнаго моего выѣзда изъ Тифлиса, когда, по моей просьбѣ, весь мой капиталъ переведенъ въ Петербургъ и стараніемъ ихъ же повѣреннаго здѣсь обращенъ въ выкупныя свидѣтельства.

Возвращаясь къ вышлованскому празднику. На другой день утромъ съ отягченными головами всѣ собрались въ залъ дома, гдѣ приготовленъ былъ двойной завтракъ—грузинскій и европейскій. Многіе чувствовали себя весьма дурно, начиная съ меня. Графъ Комаровскій, молодой человекъ изъ приближенныхъ къ князю, просто умиралъ и возбуждалъ серьезныя опасенія. Но кахетинское вино, вновь полившееся рѣжкой, было самымъ лучшимъ лѣкарствомъ. Князь, надѣленный, какъ и братья его, великолѣпнымъ организмомъ, былъ свѣжъ, блестящъ и веселъ. Завтракъ шелъ оживленно.

Тутъ я познакомился съ «шашлыкомъ», знаменитостью грузинской кухни, о которомъ много слышалъ, но котораго вкушать еще не имѣлъ случая. Князь Димитрій Орбелиани, старшій изъ всѣхъ лѣтами и чинами, сидѣлъ во главѣ стола, какъ хозяинъ. Я замѣтилъ, что ему по временамъ приносили длинныя желѣзные прутья, на которыхъ также длин-

ными полосами находилось мясо, которое князь рѣзалъ тонкими лентами и одѣлывалъ ими толпу желающихъ. Когда я спросилъ, что это, мнѣ отвѣчали—«шашлыкъ»! Тогда и я потянулся за одною изъ лентъ... Я долженъ безъ преувеличенія сказать, что никогда не ѣлъ ничего подобнаго. Я сдѣлался самымъ нахальнымъ требователемъ этихъ дивныхъ лентъ и не отходилъ отъ князя до тѣхъ поръ, когда ему доложили, что ихъ нѣтъ больше. Шашлыкъ готовится изъ различныхъ матеріаловъ и различными способами. Самый обыкновенный состоитъ въ томъ, что небольшіе куски баранины насаживаются на длинный желѣзный пруть, вертятся и жарятся надъ огнемъ. Самый роскошный шашлыкъ дѣлается именно изъ филейнаго мяса. Этимъ именно шашлыкомъ угощали насъ князь Дмитрій. Шашлыкъ сдѣлался тотчасъ самымъ любимымъ моимъ блюдомъ, предъ которымъ, по моему вкусу, меркнуть всѣ другія произведенія грузинскаго кулинарнаго искусства. Круэенштернъ напрямѣръ приходилъ въ восторгъ отъ рыбы, приготовленной по-грузински, тогда какъ я въ ней не находилъ рѣшительно ничего особеннаго. Говорили, что курица, приготовленная по-имеритянски—блюдо боговъ. Говорили, что торжество грузинскаго искусства—цѣлый быкъ, изжаренный на вертелѣ; я подобной штуки не видалъ, но слышалъ, что опыты, произведенные по этой части самимъ княземъ въ Боржомѣ, были рѣшительно не удачны.

Само собою разумѣется, что конецъ нашего завтрака облить былъ обильно шампанскимъ. Князь Александръ Ивановичъ послѣ завтрака тотчасъ уѣзжалъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ дѣловые люди; большая же часть общества оставалась до обѣда и собиралась танцевать и веселиться, задержавъ полковую музыку и всѣхъ туземныхъ артистовъ.

Началось веселье, которое дѣйствительно можно назвать бѣшеннымъ. Танцы смѣнялись пѣньемъ, за пѣньемъ слѣдовали опять танцы, а кахетинское вино и шампанское ходило непрерывно. Такимъ сумасшедшимъ образомъ прошло время до обѣда, который также долженъ былъ явиться въ двухъ экземплярахъ—грузинскомъ и европейскомъ.

Очарованный шашлыкомъ, я обязался ѣсть всѣ грузинскія блюда, которыя заранее мнѣ перечислили, но съ перваго же блюда долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія. Это первое блюдо, кѣчто въ родѣ нашего супа, была просто тарелка сплошнаго жира, который не только ѣсть, но на который даже смотрѣть было тошно. Къ довершенію ужаса прелестныя барыни, грузинскаго происхожденія, ѣли этотъ супъ какъ-то руками и пачкались такъ сказать въ жиру. Названіе этого отвратительнаго блюда я ужъ не помню, а между тѣмъ оно считается у туземцевъ превосходнымъ именно по обилію жира, которымъ болѣе или мѣнѣе сопровождаются и всѣ другія грузинскія яства.

Когда кончился этотъ неудачный для меня обѣдъ, начался общій

отъѣздъ. Довольно отдаленная сама по себѣ поѣздка эта, сдѣлалась еще длиннѣе вслѣдствіе плутанья кучеровъ, которые потеряли настоящую дорогу и никакъ не могли добраться до Каджоръ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго плутанья, мы попали все-таки на настоящій путь и прибыли въ Каджоры здравы и невредимы.

ГЛАВА XII.

Каджорскія занятія.--Письмо великаго князя Константина Николаевича кн. Барятинскому.—Мнагрельское дѣло.—Вопросъ объ образованіи областей Терской и Кубанской.

Отъ этихъ праздниковъ пора перейти къ дѣламъ. Я нисколько не претендую изобразить всю дѣятельность князя по управленію Кавказомъ, къ чему я и не имѣю возможности, ибо, принадлежа къ гражданской сферѣ, я не могъ знать положительно, что дѣлается въ военномъ мірѣ, а этотъ міръ безспорно обращалъ на себя преимущественное вниманіе князя, что и доказали громадныя результаты, имъ достигнутыя. Поэтому я буду говорить только о тѣхъ дѣлахъ, которые по моему крайнему разумнію представляются особенно замѣчательными и въ которыхъ я принималъ болѣе или менѣе непосредственное участіе.

Первой, болѣе серьезной, работѣ на Каджорахъ я подвергся вслѣдствіе письма, полученнаго княземъ Александромъ Ивановичемъ отъ великаго князя Константина Николаевича.

Я говорилъ уже въ своемъ мѣстѣ, что князь Александръ Ивановичъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, предъ назначеніемъ его намѣстникомъ, близко сошелся съ великимъ княземъ, и я слышалъ отъ князя Александра Ивановича восторженные отзывы о манерѣ великаго князя работать, его обширныхъ свѣдѣніяхъ и т. п. Таково было положеніе дѣлъ, когда князь Александръ Ивановичъ, послѣ коронаціи, отправился изъ Москвы на Кавказъ. Шестіе его туда, какъ я тоже говорилъ уже, исполнено было великолѣпія. Огромная свита въ которой звучало много аристократическихъ именъ, прелестныя женщины, какъ княгиня Виттенштейнъ, художники, какъ Бланшаръ, литераторы, какъ графъ Соллогубъ,—наконецъ торжественныя встрѣчи, дѣлаемые князю во всѣхъ городахъ—все это дѣлало путешествіе его шумнымъ и торжественнымъ, и шумъ этотъ не могъ не отдаваться въ Петербургѣ, гдѣ все-таки на князя, какъ друга и любимца государя, устремлены были всѣ взоры, большая часть которыхъ блестяла завистью и злобой.

Первые шаги его на Кавказѣ, исполненные того же великолѣпія, сопоставленные съ суровыми приемами Муравьева, также разнеслись

по свѣту. Все, что Муравьевъ изъ какихъ-то экономическихъ видовъ уничтожилъ, начиная съ италіанской оперы, князь возстановилъ въ новомъ блескѣ. Такимъ образомъ рѣшительная противоположность великолѣпныхъ и роскошныхъ пріемовъ князя съ пріемами Муравьева, которые онъ имѣлъ претензію считать Суворовскими, а главное зависть и недоброжелательство петербургскихъ стариковъ, которыхъ обогналъ и затмилъ молодой князь, все это, въ соединеніи съ петербургскою репутациею его какъ плохого хозяина, произвело повидимому въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, рѣшительный гвалтъ. Несомнѣннымъ послѣдствіемъ этого гвалта и было письмо великаго князя.

Конечно я не могу уже припомнить подлинныхъ фразъ письма, но помню, что оно въ дружескихъ формахъ заключало довольно суровыя наставленія. Смысль его былъ тотъ, что великій князь осуждалъ стремленіе князя стать «падишахомъ» и предпочиталъ ему другое стремленіе оставить памятникъ государственной своей дѣятельности. Князь очень хорошо понималъ, что письмо это заключаетъ въ себѣ не одно только личное мнѣніе великаго князя, но представляетъ несомнѣнно мнѣніе самого государя, министровъ и всего высшаго міра. Поэтому письмо это сильно заняло и озаботило его и стало предметомъ исключительнаго его вниманія, предпочительно предъ всѣми другими дѣлами.

Я былъ призванъ сочинить отвѣтъ на это письмо. При подобныхъ задачахъ князь обыкновенно указывалъ главныя черты своихъ мыслей, и моимъ уже дѣломъ было дать имъ стройное изложеніе, въ которое нисколько не запрещалось подпустить сколько угодно и собственныхъ своихъ подходящихъ къ дѣлу мыслей и соображеній. Содержание отвѣта, сколько помню, было таково, что князь цѣнитъ высоко участіе великаго князя въ его положеніи, съ глубокой благодарностію принимаетъ совѣты столь опытнаго государственнаго мужа, проситъ этихъ наставленій и въ будущемъ, сознавая исполнѣ, что только эти указанія дадутъ ему возможность оправдать довѣріе государя, а въ заключеніе излагаетъ основанія своихъ дѣйствій со времени прибытія на Кавказъ. Въ этомъ заключеніи, нѣсколько пространномъ, изображено, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ онъ постоянно имѣлъ въ виду не личность свою, а интересы края, въ которомъ, по его убѣжденію, основанному на долготѣнемъ опытѣ, власть должна проявляться предъ глазами туземцевъ, сообразно ихъ понятіямъ; иначе она утрачиваетъ свое достоинство. Въ доказательство что то, что можетъ казаться бесполезною роскошью въ иныхъ мѣстахъ, составляетъ дѣйствительную потребность края, приведены италіанская опера, которая не только отвлекаетъ туземцевъ отъ другихъ менѣ благородныхъ увлеченій, но составляетъ центръ, въ которомъ сливаются всѣ разнородныя національности

края и прельекаются къ русской гражданской жизни, что составляет одну изъ существенныхъ задачъ правительства.

Всѣхъ подробностей этого отвѣта я тоже припомнить не могу, но помню хорошо, что когда я привнесъ и прочиталъ князю свое довольно обширное сочиненіе, князь остался доволенъ, но сказалъ, «надо, чтобы все это еще переварилось вотъ въ этой кухнѣ». При этомъ онъ по обычаю указалъ на свою голову, которую любилъ называть кухней.

Переварка эта, тоже по обычаю, продолжалась довольно долго. Въ подобныхъ случаяхъ князь любилъ совѣщаться со многими. Я никогда не слышалъ отъ него известной пословицы: «умъ хорошо, а два лучше», но видѣлъ, что онъ твердо вѣрилъ и слѣдовалъ этому правилу. Такимъ образомъ мой проектъ перешелъ въ руки Д. А. Милютяна, и въ концѣ концовъ образовалась довольно значительная тетрадь, которая, въ видѣ письма, и была отправлена великому князю Константину Николаевичу...

Въ то же лѣто на Каджорахъ заварилось мингрельское дѣло, о которомъ я уже выше говорилъ по поводу личности Джкруаси. Начало моего участія въ этомъ дѣлѣ было не совсѣмъ удачно. Въ одно прекрасное утро я былъ призванъ къ князю и засталъ его погруженнымъ въ сочиненіе какихъ то бумагъ вмѣстѣ съ тогдашнимъ любимцемъ его, Ч—мъ (Михаиломъ). Надо замѣтить, что тогда Ч—въ, флигель-адъютантъ, состоялъ кажется просто при князѣ, который чрезвычайно приблизилъ его къ себѣ и который вскорѣ назначенъ былъ командиромъ лучшаго изъ кавказскихъ полковъ, но потомъ совсѣмъ оставилъ Кавказъ.

Когда я вошелъ къ князю, онъ показалъ важныя бумаги, между которыми были письма, государю о мингрельскомъ волненіи и княгинѣ Дадьянъ и объ отношеніяхъ къ этому событію правительства. Письмо государю начиналось такъ, что князь Воронцовъ сдѣлалъ ошибку, учредивъ послѣ смерти владѣтеля Мингрелии особый совѣтъ для управленія ею... Я тотчасъ замѣтилъ, что такое начало, по моему убѣжденію, неудобно въ томъ отношеніи, что представляетъ порицаніе дѣйствій Воронцова, которое едва-ли нужно и котораго легко можно избѣгнуть. Надо замѣтить что князь чрезвычайно чувствителенъ къ собственнымъ произведеніямъ или къ тѣмъ произведеніямъ, которыя онъ уже одобрилъ, чему приведу въ своемъ мѣстѣ другой, болѣе разительной, примѣръ. Едва я выразилъ это замѣчаніе, какъ князь вспыхнулъ.

— Да когда это правда?—сказалъ онъ,—что жъ тутъ вы находите неудобнаго? Рѣшительно ничего. Совершенно справедливо!

Слова эти, сказанныя недовольнымъ и нетерпѣливымъ тономъ, кольнули и меня нѣкоторымъ образомъ.

— Миѣ кажется, ваше сіятельство,—сказалъ я,—я призванъ вами для того, чтобы высказать мое убѣжденіе; я его и высказываю подъ вліяніемъ той мысли, что если вы будете порицать дѣйствія Воронцова,

то въ свою очередь будутъ порицать, по этому примѣру, и ваши дѣйствія. Если же вы изволите находить бумаги удовлетворительными, то мнѣ остается только ожидать вашихъ приказаній.

У князя Александра Ивановича была великолѣпная черта. Когда онъ видитъ, что человѣкъ задѣтъ за живое и выходитъ изъ нормальнаго его положенія, онъ тотчасъ старается обласкать и успокоить его. Такъ по крайней мѣрѣ всегда было со мной. Какъ только князь замѣчалъ сильную краску, выступившую на моемъ лицѣ, онъ тотчасъ спѣшилъ успокоить мою внутреннюю бурю. Мнѣ совѣстно вспомнить, что въ моемъ невольномъ увлеченіи я говорилъ князю иногда такія рѣзкія вещи, за которыя другой, на его мѣстѣ, не только прервалъ бы всѣ отношенія со мною, но просто стеръ бы меня, какъ говорится, съ лица земли. Великодушный князь, напротивъ, всегда отступалъ, а о какомъ либо мщеніи и рѣчи быть не могло.

Изъ моихъ разсказовъ видно уже, что князь былъ величайшій капризникъ; онъ страшно шумѣлъ иногда и кричалъ на своихъ приближенныхъ, но всѣ эти капризы и крики имѣли какой-то, если можно такъ выразиться женскій характеръ; злобы въ нихъ не было и признака, такъ что чрезъ минуту, двѣ, онъ начиналъ шутить съ тѣмъ же, на котораго только что кричалъ, какъ будто ничего не бывало. Къ серьезному давленію на своихъ подчиненныхъ и окружающихъ, тому страшному давленію, которымъ такъ знамениты были Муравьевы, Перовскіе, Клейнмихели, заставляшіе трепетать весь подвѣдомственный имъ міръ и дѣлавшіе положительно несчастными тѣхъ, кто имъ не понравился или не угодилъ, князь рѣшительно не былъ способенъ. Въ этомъ отношеніи его, безъ преувеличенія, можно назвать ангеломъ доброты и великодушія. Всякое чувство мщенія было совершенно чуждо ему. Повторяю слова, сказанныя мнѣ княземъ относительно генерала Б—оя: «этотъ господинъ три раза измѣнялъ мнѣ, а я опять взялъ его подъ свое крыло!» Эти слова лучше всего выражаютъ князя по отношенію его къ своимъ подчиненнымъ.

Надъ лицами пошлыми, глупыми онъ ограничивался одними насмѣшками и островами и то въ самомъ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ, а въ отношеніяхъ съ ними держалъ себя совершенно сдержанно и только изрѣдка бросалъ очаровательный, многозначительный взглядъ на когонибудь изъ присутствующихъ, кому было извѣстно истинное мнѣніе князя о томъ или другомъ изъ господъ этого сорта. Къ выраженію положительнаго негодованія, выговора, князь также былъ неспособенъ. Въ этомъ отношеніи онъ, можно сказать, былъ даже слабъ. Онъ часто жаловался на когонибудь за глаза, рассчитывая, что жалобы эти какънибудь дойдутъ до того, кому слѣдуетъ и не имѣя твердости высказать ихъ прямо въ лицо. Если, наконецъ, случалось, что когда набудь, въ

чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, онъ вынужденъ бывалъ сдѣлать кому либо личное замѣчаніе, то нѣтъ сомнѣнія, что это стоило ему большихъ усилий и онъ облакалъ это замѣчаніе въ такія утонченныя формы, что оно могло имѣть значеніе только по примѣненію къ личностямъ тоже утонченнымъ; натуры дубоватыя едва догадывались, что тутъ есть что-то имѣющее запахъ замѣчанія.

Если тому, кому придется читать эти рассказы, угодно будетъ припомнить изложенный мною случай, когда князь, рѣшившись отказать князю Орбеліани въ квартирныхъ деньгахъ, при самомъ началѣ объясненія съ нимъ объ этомъ, покраснѣлъ, сконфузился и немедленно далъ эти квартирныя деньги, тогда будетъ понятнѣе его нѣжная, деликатная утонченная натура. Для этой натуры были положительно не выносимы всѣ личныя дѣйствія, которыми онъ долженъ былъ наносить тотъ или другой ущербъ достоинству человѣка. Въ этомъ отношеніи, онъ, какъ и въ другихъ, былъ неизмѣримо выше тѣхъ мелкихъ выходцевъ которые, вытянутые какою либо могущественною рукою наверхъ, начинаютъ страшно ломаться и важничать, усиливаясь проявить всѣми мѣрами свою власть и значеніе, къ чему отвратительно холодное и прізрительное обхожденіе съ подчиненными считается этими господами наилучшимъ средствомъ.

Обращаясь къ мингрельскому дѣлу. Обрисовывая личность Дюкруаси, я изобразилъ главныя черты этого дѣла, въ которомъ этому господину суждено было такъ неудачно дѣйствовать. Политическая задача князя состояла въ томъ, чтобъ, воспользовавшись происшедшимъ въ Мингреліи волненіемъ, выставить неумѣніе учрежденнаго Воронцовымъ совѣта управлять страню и необходимость ввести тамъ, до совершеннолѣтія владѣтеля, русское управленіе, а на содержаніе владѣтеля въ теченіе этого періода, опредѣлять по 30 тысячъ рублей ежегодно. Князь былъ убѣжденъ, что, достигнувъ совершеннолѣтія, владѣтель предпочтетъ остаться при этомъ содержаніи и жать совершенно покойно, чѣмъ вступать въ управленіе страню, въ которой будутъ уже водворены русскіе порядки и которая, при малѣйшемъ желаніи его взять ее въ свои руки, тотчасъ снова взволнуется. Этимъ способомъ князь достигалъ сокровенной цѣли: сліянія Мингреліи окончательнаго съ прочими частями края, подчиненными вполне и непосредственно русскому правительству. Само собою разумѣется, что цѣль эта нигдѣ не высказывалась и дѣло шло только объ упраздненіи существовавшаго тамъ совѣта, по неспособности его, положительно доказанной возмущеніемъ страны, и о замѣнѣ его русскимъ управленіемъ, для устраненія дальнѣйшихъ волненій и лучшаго сохраненія интересовъ и достоинства малолѣтняго владѣтеля.

Въ этомъ родѣ и были заготовлены тѣ бумаги, которыя сочинены

были княземъ и Ч—мъ и предъявлены мнѣ. Однимъ изъ главныхъ условій этого переворота признавалось удаленіе изъ страны маменьки малолѣтняго владѣтеля, знаменитой княгини Екатерины Александровны Дадьянъ, женщины, довольно умной и значительно строптивой. Въ этихъ видахъ князь просилъ государя пригласить ее высочайшимъ письмомъ переѣхать, для лучшаго воспитанія сына, въ Петербургъ. Письмо же князя самой Дадьянъ, объясняющее необходимость измѣненія въ управленіи Мингреліею и несомнѣнное право княгини сохранить за собою званіе опекуниши надъ имѣніемъ владѣтеля со всѣми преимуществами и обязанностями, съ этимъ званіемъ сопряженными, предназначалось отправить съ Ч—мъ, который долженъ былъ сдѣлать ей дополнителныя объясненія и убѣжденія.

Когда я пробѣжалъ эти бумаги и, для поддержанія моего замѣчанія о неудобствѣ порицанія, сдѣланнаго княземъ Воронцовымъ учрежденія Мингрельскаго совѣта, произнесъ тѣ рѣзкія слова, которыя выше приведены, князь, по великодушному своему обычаю, сказалъ.

— Василій Антоновичъ! Возьмите бумаги, исправьте слогъ, но только пожалуйста сохраните основныя мысли, потому что я много думалъ надъ этимъ дѣломъ. Когда бумаги будутъ готовы, принесите ихъ ко мнѣ сами.

Сдѣлавъ нѣкоторыя незначительныя исправленія въ бумагахъ, я тотчасъ приказалъ переписать ихъ и скоро принесть къ князю.

Само собою разумѣется, что я не знаю, что происходило у Ч—ва и Дадьянши при личномъ ихъ свиданіи, но извѣстно, что княгиня Дадьянъ потомъ не могла слышать этого имени. Потомъ отправленъ былъ въ Мингрелію, для дипломатическихъ дѣйствій, какъ я выше уже говорилъ, Дюкруаси, который успѣлъ озлобить еще болѣе эту барыню и навлекъ на себя величайшее неудовольствіе. Вообще, предъугадывала ли княгиня Дадьянъ или нѣтъ, затаенную политическую цѣль князя отнять у нея и ея сына ихъ царство, только она страшно волновалась, не шла ни на какія сдѣлки и въ непрерывныхъ письмахъ къ князю жаловалась на всевозможныя несправедливости, которыя представлялись ей умственными взорамъ.

Тѣмъ не менѣе когда послѣдовало высочайшее утвержденіе всѣхъ принятыхъ княземъ мѣръ, а на ея имя послѣдовало письмо государя съ приглашеніемъ переѣхать вмѣстѣ съ малолѣтнимъ владѣтелемъ въ Петербургъ, дѣлать было нечего, надобно было повиноваться. Передавъ свои права опекуниши барону Николаю, женатому на родной ея сестрѣ, и князю Чавчавадзе, родному своему брату, она выѣхала изъ края. Совѣтъ, чисто русскій, вступилъ въ управленіе Мингреліею. Ему предлежало, во-первыхъ, опредѣлить тѣ статьи такъ сказать государственнаго дохода, принадлежащія владѣтелю, въ замѣнъ которыхъ ему назначено

30.000 р., во-вторыхъ—опредѣлить статьи, предназначенныя на общественныя потребности, или лучше сказать на управленіе страной, и наконецъ, въ третьихъ, обозначить источники, которыми пользоваться владѣтель, не какъ владѣтель, но какъ помѣщикъ.

Задача эта, повидимому, представляла большія трудности и столкновенія съ представителями опекунства владѣтеля, потому что и баронъ Николай и князь Чавчавадзе скоро сложили съ себя обязанности, связанныя съ представительствомъ этого опекунства. Я уже несколько не слѣдилъ за дальнѣйшимъ движеніемъ этого дѣла и мало интересовался столкновеніями, происходившими между русскимъ управленіемъ и представителями опекунства. Но однажды князь сказалъ мнѣ мимоходомъ: «Вы знаете, что баронъ Николай и князь Чавчавадзе отказались отъ опекунства. Княгиня уполномочиваетъ Кишіани и спрашиваетъ моего согласія. Я не знаю, хорошо ли это будетъ?» Я старался доказать князю, что это будетъ отягчо. Мнѣ дѣйствительно представлялось, что Кишіани, состоя, съ одной стороны, членомъ совѣта намѣстника и слѣдовательно зная правительственныя его виды на Мингрелію, а съ другой, будучи защитникомъ правъ и выгодъ малолѣтняго владѣтеля, лучше, чѣмъ кто-либо, можетъ уладить существующія столкновенія и найти ту вѣрную точку, въ которой обоюдные интересы будутъ слиты равномѣрно и справедливо. Князь, выслушавъ меня внимательно, сказалъ, «ну и прекрасно! Приходите же сегодня обѣдать ко мнѣ; я приглашу Кишіани, и мы втроемъ потолкуемъ». За обѣдомъ я развивалъ тотъ же самый взглядъ, который признавался справедливымъ какъ самимъ Кишіани, такъ и княземъ. Затѣмъ Кишіани сдѣлался единственнымъ представителемъ опекунства и все предвѣщало, что дѣло пойдетъ, какъ по маслу.

Не тутъ то было. Я не имѣлъ никакого интереса слѣдить за всѣми видоизмѣненіями его, тѣмъ болѣе, что оно, по существу своему, подлежало вѣдѣнію судебного департамента и не касалось уже круга моихъ прямыхъ занятій и обязанностей. Потомъ наступилъ знаменитый походъ 1859 г., потомъ торжественная поѣздка князя въ Петербургъ, потомъ болѣзненная поѣздка его въ 1861 г. за границу. Во всѣхъ этихъ событіяхъ и разъѣздахъ Мингрельское дѣло окончательно утратило свой интересъ для самого князя, а тѣмъ болѣе для меня. Извѣстно было только, что главныя столкновенія сосредоточиваются на вопросѣ о личныхъ доходахъ владѣтеля и что по этому вопросу составляются какія-то толстѣйшія бумаги и отправляются въ Кавказскій комитетъ,—какъ вдругъ, именно въ 1861 г., дѣло это, казавшееся незначительнымъ, приняло весьма серьезный для князя оборотъ, вслѣдствіе чего я тотчасъ былъ вызванъ имъ въ Дрезденъ изъ повтической глуши моей—подмосковной резиденціи. Какъ я отправился въ Дрезденъ, что тамъ дѣлалъ, и что изъ всего этого вышло, я расскажу ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Могу сказать, что князь любилъ толковать о своихъ планахъ со мной, хотя часто планы эти не только не относились до моихъ обязанностей, какъ сотрудника князя, но и превосходили мои понятія, какъ частнаго человѣка. Любимою его идею, между прочимъ, было новое раздѣленіе Линейныхъ и Черноморскихъ казаковъ и образованіе двухъ областей Терской и Кубанской, основанное на этомъ раздѣленіи. Предметъ, конечно, совершенно для меня чуждый и значительно темный.

Я помню очень хорошо, что въ одинъ прекрасный день, именно на Каджорахъ, когда я былъ у князя, онъ сталъ развивать эту идею и съ пылкимъ его воображеніемъ, живо представляя практическія послѣдствія ея осуществленія, восхищался уже тѣмъ, что изъ нее выйдетъ. Въ припадкѣ такого восхищенія князь вдругъ говоритъ: «а знаете, мы такъ много говорили съ вами объ этомъ дѣлѣ и такъ все хорошо выходитъ, а между тѣмъ никакихъ слѣдовъ не остается. Садитесь, давайте сочинять!» Удивленный этимъ совершенно неожиданнымъ порывомъ, я взялъ бумагу, перо и сталъ ожидать, что будетъ дальше? Князь, углубившись нѣсколько минутъ въ размышленія, началъ диктовать. Я уже, конечно, не могу припомнить съ точностію содержанія нашего сочиненія. Помню только, что князь признавалъ необходимымъ разрушить замкнутость Черноморскихъ казаковъ, утратившихъ прежнюю доблесть и для этого отдѣлить въ составъ Черноморскаго войска нѣсколько бригадъ Линейныхъ казаковъ, которые внесутъ туда элементъ удали; вмѣстѣ съ тѣмъ, для ослабленія понятій о различныхъ привилегіяхъ и отдѣльной самобытности казаковъ, уничтожить прежнія наименованія, имъ присвоенныя, и назвать ихъ по названію рѣкъ, на которыхъ они сядятъ: Линейное войско—Терскимъ, по рѣкѣ Тереку, а Черноморское—Кубанскимъ, по рѣкѣ Кубани; наконецъ сообразно этому, самую территорію раздѣлить на двѣ области: Терскую и Кубанскую, въ составъ которыхъ должны войти, по принадлежности, какъ самый Ставрополь, такъ и всѣ города Ставропольской губерніи; и по слиянію въ образованныхъ такимъ образомъ областяхъ элементовъ военнаго и гражданскаго, составить для управленія ими соотвѣтственныя уставы и т. д. Въ этихъ главныхъ чертахъ, я помню, не забыто и то, какіе мундиры, т. е. какой формы и какого цвѣта, слѣдуетъ дать Терскому и Кубанскому войску. Все это сочиненіе улеглось мнѣ, чѣмъ на одномъ почтовомъ листѣ и когда оно было кончено, князь сказалъ: «прочитайте-ка его!» Выслушавъ мое чтеніе, князь добивилъ: «прекрасно! я отдамъ этотъ листокъ Д. А. Милютину!»

И дѣйствительно, основной этотъ планъ, въ обширномъ его развитіи, сдѣланномъ Д. А. Милютинимъ, какъ я потомъ убѣдился, скоро былъ посланъ въ Петербургъ и заслужилъ тамъ полное одобреніе. Но практическое его исполненіе затянулось на долгое время.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАМЯТИ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА
(1798 — 1898).

I.

Четвертый сынъ императора Павла I, великій князь Михаилъ Павловичъ родился въ С.-Петербургѣ, въ 3¹/₂ часа пополудни, 28-го января 1798 года.

На слѣдующій день, при паролѣ, императоръ Павелъ отдалъ наслѣднику цесаревичу Александру Павловичу слѣдующій приказъ: «Богъ даровалъ намъ сына, его императорское высочество, великаго князя Михаила Павловича, которому и быть генералъ-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона».

6-го февраля, совершены были крестины великаго князя Михаила Павловича. Воспріемниками были: великій князь Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна, заступавшая мѣсто герцогини Виртембергъ-Штутгартской. Во время молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ, былъ произведенъ салютъ въ 301 выстрѣлъ. На обѣдѣ присутствовала весь дворъ и особы первыхъ классовъ: во время стола играла вокальная и инструментальная музыка. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ.

Няней великаго князя Михаила была мисстрисъ Кеннеди жена, пастора англійской церкви въ С.-Петербургѣ; у ней и гувернантки Ю. Э. Адлербергъ (урожденный Багговуть) Михаилъ Павловичъ сталъ учиться французскому, а потомъ и русскому языку, при чемъ дѣлалъ остроумныя замѣчанія насчетъ формы буквъ французской и русской азбуки. Такъ онъ говорить: что *h une bonne chaise*, а *K une chaise cassée* и т. д.

Съ раннихъ лѣтъ великій князь Михаилъ Павловичъ отличался остроумою ума и находчивостью. Извѣстный князь И. М. Долгорукій (поэтъ и авторъ книги «Капище моего сердца») говоритъ про великаго князя Михаила Павловича: «Когда онъ, будучи въ ребячествѣ еще, воспитывался, мнѣ довелось быть ему представлену генераломъ Ламздорфомъ. Я служилъ губернаторомъ. Онъ меня удивилъ до крайности своимъ вопросомъ. Я считалъ, что, поцѣловавъ у него руку и низко поклонясь, выйду изъ комнаты, едва примѣтя взоръ его и наружность; но онъ меня спросилъ: «Любятъ ли науки въ губерніи, и какіе успѣхи имѣеть просвѣщеніе?» Въ устахъ ребенка, хотя онъ былъ и царскій сынъ, такое любопытство меня поразило, и я вышелъ отъ него гораздо довольнѣе сей аудіенціей, нежели могъ и долженъ былъ ожидать по возрасту его высочества».

Первоначальное воспитаніе великій князь Михаилъ Павловичъ получилъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ подъ руководствомъ извѣстнаго генерала М. И. Ламздорфа, человѣка жестокаго и грубаго ¹⁾.

Съ воцареніемъ императора Александра I, воспитаніе великихъ князей перешло всецѣло въ руки императрицы Маріи Ѳеодоровны. Самъ Александръ Павловичъ очень мало и рѣдко видалъ своихъ младшихъ братьевъ въ лѣта ихъ дѣтства и не входилъ въ подробности ихъ воспитанія до 1809 года.

Чтобы устранить дѣтей своихъ отъ всякихъ зрѣлищъ военныхъ и тѣмъ оживить дремавшее въ нихъ расположеніе къ наукамъ, императрица Марія Ѳеодоровна удалилась съ ними въ Гатчину, и тамъ продолжалось ихъ воспитаніе въ совершенномъ уединеніи. Мало этого, императрица желала даже отправить своихъ сыновей въ Лейпцигскій университетъ, чему рѣшительно воспротивился императоръ Александръ Павловичъ. Взамѣнъ того, ему пришла идея образовать въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы его младшіе братья могли слушать публичныя лекціи. Лицею положено было существовать подъ самымъ крыломъ царскимъ, и для него отведенъ былъ дворцовый флигель, соединенный галлереею съ главнымъ корпусомъ дворца. Но мысль помѣстить туда великихъ князей не осуществилась. Лицей былъ открытъ 19-го октября 1811 г., когда надъ Россією уже висѣли тучи войны...

Сохранилось свѣдѣніе, что оба великіе князя рвались на войну, въ которой пламенно желалъ принять тогда участіе всякій русскій; но ни императоръ Александръ, ни императрица на то не соглашались, и всѣ просьбы Николая и Михаила Павловичей оставались тщетными; только тогда получили они соизволеніе своей родительницы и императора, когда

¹⁾ Подробности воспитанія великихъ князей см. „Рус. Стар.“ 1896 г. № 6-й, стр. 450.

война была перенесена во Францію, но и тутъ, отъ разныхъ замедленій, они успѣли въ Парижъ, когда все уже было кончено.

Съ возвращеніемъ великихъ князей въ Россію они часто стали присутствовать на разводахъ, парадахъ и военныхъ ученіяхъ, посѣщать арсеналы, смотрѣть новоприводимыхъ рекрутъ и проч. Возгорѣвшая вновь война съ Наполеономъ призвала наши войска къ новой дѣятельности, и на этотъ разъ ихъ высочества, уже безъ особеннаго, какъ кажется, затрудненія, получили дозволеніе находиться при арміи.

Они прибыли въ главную квартиру императора Александра I, находившуюся въ Гейдельбергѣ, и вмѣстѣ съ нимъ вступили въ Парижъ.

По возвращеніи изъ похода великіе князья, начиная съ декабря 1816 года, продолжали свои занятія, но изъ замѣтокъ профессоровъ видно, что эти лекціи были весьма неаккуратны во времени, будучи часто опускаемы по случаю военныхъ смотровъ и придворныхъ торжествъ.

Въ концѣ лѣта 1817 года великій князь Михаилъ Павловичъ отправился въ путешествіе по Россіи, сопровождаемый генераломъ Паскевичемъ ¹⁾ и кавалерами Алединскимъ и Глинкою.

22-го іюля 1817 года явился къ Паскевичу, находившемуся въ Смоленскѣ, фельдъегерь съ высочайшимъ повелѣніемъ прибыть въ С.-Петербургъ. Императрица Марія Ѳеодоровна приняла его «по родственному», вспоминая то время, когда Паскевичъ былъ лейбъ-нажемъ и флигель-адъютантомъ ея державнаго супруга, разспрашивала о его семейныхъ дѣлахъ и, поручая его попеченію младшаго своего сына, сказала: «Я знаю, что у него есть особое расположеніе къ фронту, но ты старайся внушить ему, что это хорошо, но гораздо существеннѣе узнать бытъ государства».

По словамъ князя Паскевича: «Глинка и Алединскій были почтенные, достойные уваженія люди, но оба безхарактерные. Михаилъ Павловичъ не только пересталъ ихъ слушаться, но приучился подсмѣиваться надъ ними.

— Если ваше высочество,—сказалъ Паскевичъ,—не дадите мнѣ слово не забывать въ обращеніи своемъ съ почтенными вашими бывшими наставниками учтивость и приличное къ нимъ уваженіе, то я сейчасъ же откажусь отъ чести вамъ сопутствовать» ²⁾.

Глинка, путешествуя въ свѣтѣ великаго князя Николая Павловича, тогда еще составилъ нѣчто въ родѣ научной программы для великокняжескихъ путешествій ³⁾, которую императрица-мать утвердила и передала генералу Паскевичу.

¹⁾ Впоследствии княземъ Варшавскимъ и фельдмаршаломъ.

²⁾ „Рус. Арх.“ 1889 г., т. I, стр. 419.

³⁾ „Рус. Арх.“ 1877 г., т. II, стр. 175—189.

Самъ авторъ этой программы скоро разочаровался въ пользѣ ея и 24-го августа 1817 года писалъ: «Поѣздка наша по Россіи совершенно курьерская, много видимъ... но мало приобрѣтаемъ основательныхъ о Россіи свѣдѣній», а Паскевичъ замѣчалъ: «Поведеніе великаго князя Михаила Павловича, его щедрость (которая привлекала ему всѣ сердца: онъ все раздавалъ бѣднымъ, а на себя ничего не хотѣлъ тратить) ¹⁾ и привѣтливость со всѣми даютъ мнѣ право радовать императрицу, но страсть къ экзерцирмейстерству неизлѣчима, а самъ государь предоставляетъ всѣ способы развивать ее».

Выѣхавъ утромъ 11-го августа 1817 года изъ Петергофа, великій князь Михаилъ Павловичъ объѣхалъ большую часть Россіи, посѣтилъ главнѣйшія государства Европы, и только 28-го мая 1819 года возвратился въ Петербургъ.

Въ день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22-го іюля 1819 года, великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ командиромъ бригады полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго, и одновременно вступилъ въ управленіе артиллерію, предназначенною ему со дня рожденія императоромъ Павломъ. Послѣднюю онъ привѣтствовалъ слѣдующимъ приказомъ, 25-го іюля:

«По Высочайшему приказу, въ 22-й день сего іюля отданному, вступая въ отправленіе моея должности по званію генералъ-фельдцейхмейстера, я считаю себя счастливымъ принять въ управленіе знаменитый артиллерійскій корпусъ, который, отличивъ себя мужествомъ въ браняхъ и рѣдкимъ устройствомъ, утверждаетъ меня въ надеждѣ, что, сохраненіемъ блистательнаго порядка и доведеніемъ всѣхъ частей до совершенства, поставитъ меня въ возможность оправдать довѣріе монарха, столь лестное мнѣ начальство поручившаго.

«Объявляя о семъ по артиллеріи, рекомендую начальникамъ всѣхъ частей оной дѣла, по командѣ ходъ имѣющія, представлять впредь на имя мое, адресуя прежнимъ порядкомъ въ военную канцелярію инспектора артиллеріи ²⁾».

¹⁾ Въ три мѣсяца своего путешествія по Россіи великій князь Михаилъ Павловичъ роздалъ 50.000 рублей; въ числѣ мелкихъ выдать въ этомъ спискѣ, веденномъ А. Г. Глинкою, встрѣчаются и такія выдачи: на пожаръ Казанской губерніи—3.000 рублей; въ Симбирскѣ на выкупъ должниковъ—2.000 рублей и такъ далѣе („Рус. Арх.“. 1877 г., т. II, стр. 249).

²⁾ Инспекторомъ артиллеріи былъ въ то время графъ Аракчеевъ. Вскорѣ послѣ этого приказа великій князь Михаилъ Павловичъ серьезно заболѣлъ, такъ что императрица Марія Ѳеодоровна переѣхала къ нему, чтобы за нимъ ухаживать („Арх. кн. Воронцова“ т. 35, стр. 256), а Арсеній Андр. Закаревскій писалъ изъ Петербурга, 31-го августа 1819 г., П. Д. Киселеву: „великій князь Михаилъ Павловичъ очень боленъ и нѣсколько времени сомнѣвался въ его выздоровленіи. Онъ прехорошій малый и отлично себя ведетъ съ подчиненными“ („Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ.“ т. 78, стр. 204).

Этимъ приказомъ начался блестящій періодъ управленія великаго князя Михаила Павловича нашею артиллеріею. Основаніемъ Артиллерійскаго училища (Михайловскаго), его высочество доставилъ арміи отличныхъ офицеровъ, а учрежденіемъ учебной артиллерійской бригады представилась возможность пополнять батареи опытными и искусными фейерверкерами. Артиллерійскій комитетъ, Капсюльное заведеніе и Ракетная батарея равномерно обязаны были своимъ основаніемъ великому князю Михаилу Павловичу. Новая организація артиллеріи (въ 1833 г.), введеніе бомбовыхъ пушекъ, шрапнелевыхъ гранатъ, баллистическаго маятника, желѣзныхъ осей, оружія ударной системы, новой конструкціи полевыхъ орудій и желѣзныхъ лафетовъ для крѣпостныхъ орудій—всѣ эти и многія другія усовершенствованія, равно какъ и новое устройство арсеналовъ, оружейныхъ и пороховыхъ заводовъ,—безспорно принадлежить просвѣщенной заботливости генераль-фельдцейхмейстера.

«Русская артиллерія, писалъ кн. Чернышевъ ¹⁾, въ концѣ 1825 года, шесть лѣтъ уже находилась подъ высокимъ управленіемъ незабвеннаго ея генераль-фельдцейхмейстера, его императорскаго высочества, блаженныя памяти, великаго князя Михаила Павловича. Всѣ мѣры улучшеній и преобразованій, которыя его высочество, съ самаго начала своего управленія, признавалъ нужными и полезными, получили полное развитіе и примѣненіе въ теченіе благополучнаго царствованія вашего императорскаго величества».

«Ни одна часть военно-сухопутнаго управленія не подвергалась бѣльшимъ преобразованіямъ, какъ артиллерійское вѣдомство. Почти всѣ новыя заграничныя изобрѣтенія по усовершенствованію вооруженія войскъ и артиллеріи, были у насъ, въ теченіе 25-ти лѣтъ, испытываемы, примѣняемы къ нашимъ войскамъ и постепенно вводимы, съ необходимыми измѣненіями и улучшеніями».

Достигнуть столь блестящихъ результатовъ стоило въ великому князю Михаилу Павловичу не малыхъ хлопотъ.

Въ 1820 г., великій князь Михайлъ Павловичъ, заботясь о приготовленіи свѣдующихъ артиллерійскихъ офицеровъ и знающихъ фейерверкеровъ (некомплектъ которыхъ достигъ въ 1820 г. до 660 человекъ), вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о сформированіи учебной артиллерійской бригады изъ трехъ ротъ для приготовленія фейерверкеровъ и при ней Артиллерійскаго училища для образованія офицеровъ.

Докладъ его высочества удостоился высочайшаго утвержденія 9-го

¹⁾ Въ „Историческомъ обозрѣніи военно-сухопутнаго управленія съ 1825 по 1850 г.“ Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ. т. 98, стр. 375—396.

мая 1820 года и мѣсто для Артиллерійскаго училища было избрано на Выборгской сторонѣ, гдѣ помѣщалась 1-я лабораторная рота, на берегу большой Невы, противъ зданія литейнаго дома, въ который упиралась Литейная улица.

25-го ноября 1820 г. училище было открыто и въ него поступило 22 человека, которыхъ великій князь Михаилъ Павловичъ зналъ не только по фамиліямъ, но и по-именно.

Годъ спустя по открытіи училища, 23-го декабря 1821 г., посѣтилъ его императоръ Александръ I, пріѣхавшій вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, а за ними слѣдовалъ великій князь Николай Павловичъ. Государь, осмотрѣвъ училище, остался очень доволенъ тѣмъ, что было сдѣлано въ такое короткое время, и благодарилъ его высочество.

Въ 1821 и 1822 годахъ великій князь Михаилъ Павловичъ уѣзжалъ лѣтомъ изъ Петербурга. Въ отсутствіе его артиллеріей управлялъ военный министръ, генералъ-отъ-артиллеріи баронъ Моллеръ-Закомельскій и подписывалъ приказы по артиллеріи; великій князь Михаилъ Павловичъ, однако, такъ дорожилъ своимъ училищемъ, что приказы, касавшіеся собственно училища, посылали къ нему изъ Петербурга для подписи. Ни одинъ юнкеръ не былъ ни уволенъ, ни принятъ безъ личнаго разрѣшенія его высочества. Возвратясь въ Петербургъ, первымъ дѣломъ великаго князя было посѣтить училище. 2-го ноября 1822 года Михаилъ Павловичъ узнавъ, что мосты еще не разведены, тотчасъ отправился въ училище и засталъ юнкеровъ за ужиномъ. Его высочество былъ необыкновенно веселъ и доволенъ всѣмъ, что было сдѣлано въ его отсутствіе, продолжавшееся полгода. Вдругъ ему доложили, что пошелъ сильный ледъ и мосты сняты; это сильно встревожило великаго князя, такъ какъ онъ еще не былъ у императрицы-матери; послали за рыбаками, которые держали тоню противъ училища, и въ ноябрьскую темную, ненастную ночь, при довольно сильномъ ледоходѣ, его высочество, съ начальникомъ училища Засядко, въ рыбацкѣй лодкѣ, отправился на противоположный берегъ. Переправа эта была не безопасна, и все училище съ безпокойствомъ ждало на берегу возвращенія рыбака, повезшаго великаго князя.

Въ началѣ 1823 года стало извѣстнымъ о бракосочетаніи великаго князя Михаила Павловича съ принцессою Виртембергскою, племянницею короля Вильгельма I, Фридерикою-Шарлотою-Марією.

«Нареченная невѣста великаго князя Михаила Павловича,—говорить князь Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій¹⁾»,—на прошедшей недѣлѣ

¹⁾ См. его книгу „Хроника недавней Старины“, стр. 251—253; письмо отъ 8-го октября 1823 года.

прибыла въ Гатчино. Государыня Марія Ѳеодоровна встрѣтила ее за двѣ или за три станціи. Похвала объ ней единогласна. Всѣхъ безъ изъятія она съ перваго раза плѣнила. Представъ себѣ дѣвицу 16-ти лѣтъ, пріѣхавшую къ такому пышному двору, каковъ нашъ, и къ которой черезъ полтора часа по выходѣ изъ кареты подводятъ одного, за другимъ, человекъ двѣсти, съ которыми она со всякимъ молвить по личности каждаго. Значительныя имена всѣ у ней были затвержены и, ни разу не замѣшавшись, всякому все кстати сказала».

Вскорѣ по пріѣздѣ невесты, женихъ ея, великій князь Михаилъ Павловичъ, былъ обрадованъ именнымъ высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 12-го декабря 1823 года, которымъ «за неутомимые труды и примѣрное стараніе въ усовершенствованіи ввѣренныхъ частей, неусыпную попечительность объ основательномъ образованіи юношества въ учебныхъ заведеніяхъ, подъ начальствомъ его высочества состоящихъ, равно и отличное состояніе командуемыхъ войскъ, пожалованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владимира 1-й степени большого креста».

Такимъ образомъ его высочество за свои труды получилъ высокую награду, имѣя всего 24 года отъ роду.

5-го декабря 1823 года, въ большой церкви Зимняго дворца былъ совершенъ обрядъ мвропомазанія ея королевскаго высочества Виртембергской принцессы Шарлотты, которая была наречена Еленою Павловною. На слѣдующій день, 6-го декабря, былъ совершенъ обрядъ обрученія. 8-го февраля 1824 года совершилось бракосочетаніе и въ этотъ день его высочество былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, который тогда входилъ въ число полковъ первой гвардейской дивизіи.

3-го марта 1824 великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи, а затѣмъ 25-го іюля получилъ слѣдующій рескриптъ императора:

«Начальникъ главнаго штаба Моего докладывалъ мнѣ доставленныя вашимъ императорскимъ высочествомъ свѣдѣнія о тѣхъ способахъ, кои изысканы вами для приведенія всѣхъ вообще артиллерійскихъ зданій въ устройство, соразмѣрное дѣйствительной надобности.

«Усматривая изъ сихъ свѣдѣній, что потребности на вышеизложенный предметъ, исчисленныя департаментомъ артиллерійскимъ въ 1.027.000 рублей, сокращены до 176.000 рублей, мнѣ пріятно изъявить вашему императорскому высочеству совершенное удовольствіе и признательность за сей новый опытъ постояннаго усердія вашего къ сохраненію пользы государственной».

II.

Извѣстіе о кончинѣ императора Александра I было получено въ Варшавѣ въ 7 часовъ вечера 25-го ноября 1825 года, гдѣ въ то время находился великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ съ братомъ своимъ, Константиномъ Павловичемъ, провелъ всю ночь въ слезахъ и молитвѣ. 3-го декабря Михаилъ Павловичъ, прибылъ въ С.-Петербургъ, а 5-го числа уѣхалъ обратно въ Варшаву ¹⁾ къ великому князю Константину Павловичу, такъ какъ великій князь Николай Павловичъ великодушно отказывался отъ престола въ пользу старшаго брата, несмотря на его отреченіе.

«14-го декабря,—какъ записано въ формулярѣ ²⁾,—великій князь Михаилъ Павловичъ, по возвращеніи изъ командировки, исполненной по высочайшему государя императора повелѣнію, прибылъ къ Зимнему дворцу въ самое время возникновенія въ С.-Петербургѣ бунта: немедленно отправился по высочайшему повелѣнію лейбъ-гвардіи къ Конной артиллеріи и привелъ къ присягѣ офицеровъ оной, а потомъ, узнавъ о возмущеніи лейбъ-гвардіи Московскаго полка, въ то же время прибылъ въ казармы онаго, гдѣ, заставъ еще часть его, не рѣшавшуюся слѣдовать даннымъ приказаніямъ, присутствіемъ своимъ ободрилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и, приведя полкъ къ присягѣ, повелъ лично оный на Адмиралтейскую площадь. Вслѣдъ затѣмъ его императорскимъ величествомъ былъ посланъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, привелъ его и присоединился съ нимъ къ войскамъ, пребывавшимъ вѣрныхъ государю. Въ теченіе дѣйствій, происходившихъ на семь мѣстѣ, подъ огнемъ бунтовщиковъ, нѣсколько разъ подвергался явной опасности, устремляясь къ Гвардейскому морскому экипажу, находившемуся въ рядахъ мятежниковъ, дабы увѣщаніями своими обратить ихъ къ вѣрности престолу».

15-го декабря великій князь Михаилъ Павловичъ отправился въ казармы Гвардейскаго морскаго экипажа, гдѣ, какъ говорится въ его формулярѣ, «арестовалъ виновныхъ офицеровъ и привелъ лично весь баталіонъ на Адмиралтейскую площадь, гдѣ всѣми офицерами онаго и нижними чинами торжественно, въ присутствіи большаго стеченія народа, принесена присяга государю императору».

«Въ тотъ же день, рассказываетъ В. И. Фелькнеръ, ³⁾ въ двѣнадцатомъ часу утра государь императоръ Николай Павловичъ, въ муи-

¹⁾ «Сборн. Истор. Общ.», т. 73, стр. 185.

²⁾ Формуляръ этотъ хранится въ Главномъ артиллерійскомъ управленіи.

³⁾ «Рус. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 161.

дирѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, сошелъ съ крыльца главной гауптвахты, подошелъ къ лейбъ-гвардіи Саперному баталіону, выстроенному въ густой взводной колоннѣ, на большомъ дворцовомъ дворѣ. Поздоровавшись съ саперами, государь еще разъ благодарилъ ихъ за преданность и усердіе, оказанныя ими наканунѣ и, взявъ за руку сопровождавшаго его великаго князя Михаила Павловича, представилъ его саперамъ, какъ преемника своего въ званіи генераль-инспектора по инженерной части ¹⁾, прибавивъ, «что онъ увѣренъ, что они брата его будутъ такъ же любить, какъ любили его».

Три дня спустя, 17-го декабря, великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Желая изъяснить предъ лицомъ Отечества чувства моей искреннѣйшей признательности вашему императорскому высочеству, я далъ приложенное у сего въ копіи мое повелѣніе Государственному Совѣту.

«Мнѣ утѣшительно думать, что вашему высочеству пріятно будетъ найти здѣсь очевидный опытъ нашей съ вами братской нѣжной связи, которая, начавшись съ дѣтства нашего, никогда не можетъ пресѣчься.

«Я въ то же время слѣлалъ распоряженіе, что ваше высочество будете присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ только тогда, когда другія дѣла службы вашей то дозволятъ, или когда встрѣтится для того особенная надобность по дѣламъ государственнымъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ознаменованіе своей признательности за усердіе и неутомимость, оказанныя 14-го декабря 1825 года, императоръ Николай I почтилъ великаго князя Михаила Павловича, 14-го іюля 1826 года, высочайшимъ рескриптомъ, пожаловавъ во владѣніе его высочества 4 орудія ²⁾ легкой гвардейской № 1-го роты, которыя употреблены были 14-го декабря для усмиренія мятежниковъ, съ тѣмъ, чтобы они были поставлены передъ дворцомъ его высочества, служа памятникомъ благодарности за заслуги, оказанныя государю и отечеству.

А десять дней спустя великій князь получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Отличное усердіе и примѣрная дѣятельность, оказанная вашимъ императорскимъ высочествомъ въ слѣдственной комиссіи, для открытія злоумышленныхъ обществъ учрежденной, оправдали совершенно ожиданіе наше.

«Прозорливостью и неутомимыми трудами исполнили вы въ полной мѣрѣ желаніе наше при назначеніи васъ членомъ сей комиссіи: от-

¹⁾ И шефомъ 5-го піонернаго баталіона.

²⁾ Эти орудія, согласно духовному завѣщанію великаго князя Михаила Павловича, поставлены на плацу Михайловскаго артиллерійскаго училища 31-го октября 1849 года.

крыть невинности вѣрнѣйшій способъ къ оправданію, и менѣе преступному средство къ достиженію возможнаго снисхожденія, не уменьшая средствъ къ обнаруженію ужаснаго зла, грозившаго государству.

«Намъ остается пріятнѣйшій долгъ объявить вашему императорскому высочеству истинную признательность за оказанную отечеству услугу».

Съ поступленіемъ инженернаго вѣдомства въ вѣдѣніе его высочества, производство крѣпостныхъ сооружений получило новое развитіе. Императоръ Николай Павловичъ, обладавшій обширными познаніями въ инженерномъ искусствѣ, по вступленіи на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на сооруженіе крѣпостей, преимущественно на западной границѣ государства и за Кавказомъ. Наблюдая самъ за постройкою крѣпостныхъ верковъ, государь, во время посѣщенія крѣпостей Кронштадта, Динабурга, Бобруйска, Изаила и Бендеръ, неоднократно изъявлялъ благоволеніе свое великому князю Михаилу Павловичу, особенно за значительное сокращеніе издержекъ. Возведеніе крѣпостей: Кіевской, Ивангорода, Брестъ-Литовской и Александровской цитадели, сооруженныхъ въ самое короткое время, представляло образецъ инженернаго искусства. Государь, неоднократно осматривая крѣпостныя работы, съ особеннымъ удовольствіемъ удостовѣрился, что возведеніе верковъ этихъ важныхъ и обширныхъ укрѣпленій сопровождалось самымъ блестящимъ успѣхомъ, какъ по обширности работъ, совершенныхъ въ короткое время, такъ и по чистотѣ отдѣлки и видимой прочности самыхъ построекъ. Подъ наблюденіемъ великаго князя Михаила Павловича составлено было положеніе, высочайше утвержденное 26-го апрѣля 1838 года, объ образованіи управленія генераль-инспектора по инженерной части. Къ просвѣщенной его заботливости должно отнести также образованіе, въ январѣ 1840 года, при лейбъ-гвардіи Саперномъ баталіонѣ, учебной гальванической команды, по образцу которой учреждены были въ апрѣлѣ слѣдующаго года подобныя же при штабахъ саперныхъ бригадъ. 20-го марта 1846 года введены въ употребленіе въ учебныхъ командахъ саперныхъ бригадъ телеграфы.

Безконечная доброта великаго князя Михаила Павловича была всѣмъ извѣстна.—Добро онъ дѣлалъ истинно по христіански: у него была записная книжка, въ которой его высочество отмѣчалъ лишь сумму пособій, никогда не называя просителя. Щедрость его доходила до такихъ широкихъ размѣровъ, что гофмейстеръ двора его высочества не разъ былъ принужденъ отказывать великому князю Михаилу Павловичу въ выдачѣ суммъ на благотворительность, чтобы привести кассу въ порядокъ. Адъютантъ великаго князя Михаила Павловича—И. І. Бибииковъ (бывшій впоследствии кіевскимъ генераль-губернаторомъ), рассказывалъ слѣдующее: у одного изъ гвардейскихъ полковниковъ С. оказался недо-

четь въ суммахъ, которыя онъ долженъ былъ представить къ инспекторскому смотру и которыя онъ издержалъ на свои надобности. Въ крайности онъ бросается во дворецъ къ великому князю и обращается къ Бибикову, заявляя о своемъ безвыходномъ положеніи. Было очень поздно и великій князь Михаилъ Павловичъ раздѣвался, чтобы лечь спать, какъ вошелъ Бибиковъ и разсказалъ о случившемся съ полковникомъ, не называя его по фамиліи. Великій князь выслушалъ разсказъ, подошелъ къ письменному столу, вынулъ ту сумму, въ которой нуждался проситель, и, передавъ ее Бибикову, сказалъ:

— Отдай ему и не смѣй мнѣ никогда называть его фамилію—иначе, какъ командиръ корпуса, я отдамъ его подъ судъ. Скажи, что я помогаю ему какъ великій князь и какъ частный человѣкъ»¹⁾.

Личныя качества великаго князя Михаила Павловича привязывали къ нему не только лицъ подчиненныхъ, но и людей, неимѣвшихъ къ нему служебныхъ отношеній. Укажемъ на два тому примѣра:

Лейбъ-медикъ императора Александра I баронетъ Вилліе, питая глубокую, душевную привязанность къ великому князю Михаилу Павловичу, завѣщалъ сооруженный госпиталь на пожертвованный имъ капиталъ (1.200.000 р.) наименовать Св. Архистратига Михаила въ память великаго князя Михаила Павловича. То же сдѣлалъ и генералъ-лейтенантъ Н. Д. Чертковъ, пожертвовавшій 1.500.000 р. и тысячу душъ крестьянъ для учреждавшагося въ городѣ Воронежѣ корпуса, причемъ ходатайствовалъ наименовать его Михайловскимъ, что и было разрѣшено императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ и патриотомъ въ полномъ значеніи этихъ словъ. Графъ П. X. Граббе въ своихъ «Запискахъ» говоритъ:—«Мнѣ случилось выразить духъ нашихъ дѣйствій на Кавказѣ слѣдующимъ девизомъ:

«Да возвеличится Россія
И стигнутъ ваши имена»...

Съ блестящими отъ благородныхъ слезъ глазами великій князь Михаилъ Павловичъ кинулся меня обнимать».

Заступничество его высочества спасало Лермонтова отъ тяжкихъ бѣдъ²⁾ Высоко онъ цѣнилъ также Пушкина и любилъ съ нимъ бесѣдовать, равно какъ и съ баснописцемъ Крыловымъ.

¹⁾ „Историч. очеркъ Артилл. училища“; стр. 203.

²⁾ См. письмо Лермонтова къ великому князю Михаилу Павловичу по поводу его дуэли съ Барантомъ („Рус. Стар.“ 1872 г., т. V, стр. 295).

III.

8-го декабря 1827 г. Турція объявила войну Россіи, и великій князь Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія къ приведенію гвардіи на военное положеніе, по выступленіи ея изъ С.-Петербурга въ походъ, сдалъ командованіе надъ гвардейскимъ корпусомъ генераль-адъютанту Депрерадовичу, самъ отправился прямо въ дѣйствующую армію, перешедшую уже границу на трехъ пунктахъ. По прибытіи къ крѣпости Браилову, 5-го мая великій князь принялъ начальство надъ осаднымъ корпусомъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ только-что приступившимъ къ обложенію. Осадою этой крѣпости открылась кампанія 1828 года. Несмотря на мѣстныя затрудненія, безпрепятстванныя вылазки гарнизона и неудачный штурмъ, въ которомъ войсками нашими понесена была значительная потеря, осада однако принудила крѣпость сдаться 7-го іюня.

Однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, желая удостовѣриться, въ какой степени повреждены непріятельскія укрѣпленія нашею артиллеріею, при посѣщеніи плацъ-дарма, сталъ на мѣстѣ одного изъ часовыхъ и, несмотря на сильный огонь, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, разсматривалъ изъ амбразуры противолжащій бастионъ. Лишь только его высочество, по окончаніи наблюденій, удалился, какъ часовой, занявшій свое мѣсто, упалъ, раненый пулею въ голову. Рядовой однако, не взирая на сильную рану, выздоровѣлъ и впоследствии служилъ у великаго князя Михаила Павловича рейткнехтомъ.

Сдача Браилова имѣла большое значеніе: вслѣдъ за Браиловымъ пали крѣпости Гирсово, Кюстенджи и Тульча. Кромѣ того, съ паденіемъ Браилова обезпечивалась операціонная наша линія, открывалось судоходство по низовьямъ Дуная до самой Силистріи и, наконецъ, армія наша усиливалась войсками всего осаднаго корпуса.

Императоръ Николай Павловичъ вполне оцѣнилъ заслуги своего брата, и 8-го іюня пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 2-й степени, «за новый опытъ пламеннаго усердія, неутомимой дѣятельности и личной храбрости, оказанныхъ его высочествомъ при осадѣ крѣпости Браилова, оконченной счастливымъ покореніемъ оной оружію нашему».

Затѣмъ 29-го іюня были пожалованы его высочеству шесть мѣдныхъ орудій, изъ числа взятыхъ на стѣнахъ Браиловской крѣпости, какъ справедливая дань храброму, искусному и неутомимо-дѣятельному вождю.

По покореніи Браилова, великій князь Михаилъ Павловичъ, встрѣтивъ у селенія Сатунова прибывшіе къ берегамъ Дуная, въ началѣ августа, полки гвардейскаго корпуса, присутствовалъ при ихъ перепра-

въ черезъ Дунай и въ Бабадагѣ вступилъ въ командованіе корпусомъ. Дальнѣйшій походъ гвардіи къ крѣпости Варнѣ, чрезъ страну, опустошенную непріателемъ, почти безводную, былъ сопряженъ съ необыкновенными трудностями, и только благодаря предусмотрительности и заботливости его высочества, совершенъ съ самою ничтожною убылью людей.

Съ прибытіемъ гвардейскаго корпуса къ Варнѣ, великій князь находился при осадѣ этой крѣпости во все время, до самаго ея покоренія, послѣдовавшаго 29-го сентября. Затѣмъ вскорѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, вслѣдъ за государемъ, гдѣ 28-го октября 1828 года въ Бозѣ почилъ императрица-мать Марія Ѳеодоровна.

Когда вернулась гвардія въ С.-Петербургъ, императоръ Николай, 23-го февраля 1830 года, почтилъ великаго князя Михаила Павловича слѣдующимъ рескриптомъ:

«Знаменитые труды, лично подъятыя вашимъ императорскимъ высочествомъ въ продолженіе кампаніи 1828 г., неутомимая дѣятельность и вообще примѣрная попечительность, какъ по начальствованію вашему войсками, такъ и по главному управленію всѣми прочими частями, вамъ ввѣренными, суть постоянныя опыты пламеннаго усердія и отличной ревности вашей къ пользамъ службы и отечества. Настоящее блистательное состояніе гвардіи, которая, послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія изъ С.-Петербурга, несмотря ни на тягость похода, ни на затрудненіе обратнаго слѣдованія, совершеннаго въ самое суровое время года, возвратилась нынѣ въ томъ-же отличномъ устройствѣ, въ какомъ я привыкъ видѣть ее и прежде, есть новое доказательство неуспѣшной вашей заботливости и попеченія о семъ корпусѣ.

«Истинно признательный вамъ за таковыя подвиги ваши къ благу государственному, я полагаю сдѣлать вамъ пріятное назначеніемъ васъ шефомъ Глуховскаго кирасирскаго полка, о чемъ и повелѣлъ отдать сегодня въ приказѣ».

IV.

Въ 1831 году вспыхнулъ польскій мятежъ, и великій князь Михаилъ Павловичъ съ гвардейскимъ корпусомъ снова выступилъ въ походъ, который составлялъ главный резервъ дѣйствующей арміи. Перейдя въ мѣстечкѣ Тыкочинѣ границу, гвардія вступила въ Польшу и заняла 17-го марта городъ Ломжу, въ то самое время, тогда Уминскій со своимъ отрядомъ хотѣлъ пробраться въ Литву, съ цѣлью рас-

пространить возмущеніе внѣ предѣловъ Царства Польскаго и содѣйствовать вооруженными силами литовскимъ инсургентамъ.

Великому князю Михаилу Павловичу, находившемуся съ гвардіею въ южной части Августовскаго воеводства, поручено было наблюдать все пространство между Бугомъ и Наревомъ. Послѣ движенія гвардіи къ Нуру, его высочество, по полученіи извѣстія, что поляки дѣлають приготовленія къ переправѣ на правый берегъ Буга, не далеко отъ Сероцка, выступилъ изъ Ломжи и занялъ 23-го апрѣля главными своими силами центральную позицію въ м. Замбровѣ, имѣя авангардъ подъ начальствомъ генераль-адъютанта Вистромъ въ селѣ Вонсовѣ. Въ ночь же на 5-ое мая, когда получены были донесенія, что главнокомандующій польскими войсками со всею своею арміею перешелъ Наревъ, что на обѣихъ флангахъ гвардейскаго корпуса показались партіи поляковъ, что Остроленка была атакована силами, превосходившими бывшій тамъ отрядъ барона Сакена, и что Нуръ занятъ уже непріятелемъ,—великій князь, принимая во вниманіе превосходство непріятельскихъ силъ и видя сообщенія свои съ главною арміею, находившеюся въ Сѣдецѣ, черезъ занятіе Нура дивизіею Лубенскаго, на время прерванными, счелъ необходимымъ, не принимая сраженія, немедленнымъ отступленіемъ своимъ, въ направленіи къ Бѣлостоку, увлечь непріятеля возможно далѣе и дать возможность главнокомандующему быстрымъ движеніемъ во флангъ и тылъ польской арміи, поставить ее между двухъ огней. Съ этою цѣлью его высочество, соединивъ всѣ свои силы у Снядова, послѣ жаркаго арьергардскаго дѣла при селѣ Якацѣ (во время котораго великій князь Михайлъ Павловичъ прибылъ къ отряду генераль-лейтенанта Бистрома и поѣхалъ къ мосту, обсыпавшему картечью и здѣсь благодарилъ егерей за оказанную ими накануне храбрость), двинулся 7-го числа къ селу Рудкамъ, гдѣ гвардейскіе полки, Егерскій и Финляндскій, въ продолженіе 8-ми часовъ, удерживали наступленіе поляковъ и дали время обозамъ отступить въ Тыкочинъ.

На разсвѣтъ 9-го мая великій князь Михайлъ Павловичъ, съ гвардіею, перешелъ Наревъ при Тыкочинѣ и селеніи Желткахъ и занялъ на противоположной сторонѣ весьма сильную позицію, съ фронта и фланговъ обезпеченную непроходимыми болотами. Вскорѣ затѣмъ показался непріятель, въ числѣ 15.000 человекъ, и двинулся къ переправѣ. Гвардейскій корпусъ сталъ въ ружье. Только что его высочество вышелъ изъ занимаемаго имъ дома, какъ ядро съ непріятельской батареи оторвало часть крыши. Одушевляя своимъ присутствіемъ угрожаемые пункты, великій князь успѣлъ повсюду отразить покушеніе непріятеля. Такимъ образомъ, гвардія совершила отступленіе въ виду всей польской арміи,

въ полномъ порядкѣ, пройдя въ два дня почти сто верстъ со всѣми парками и обозами.

Соображенія великаго князя Михаила Павловича увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ то время, когда Скржинецкій, увлекаясь своимъ наступательнымъ движеніемъ, торжествовалъ мнимые свои успѣхи, предполагая разбить гвардію и вторгнуться въ предѣлы русскіе, фельдмаршалъ Дибичъ быстро двинулся на соединеніе съ гвардією и взялъ дорогу на Высоко-Мазовецкъ, который и занялъ 12-го мая.

Скржинецкій, получивъ свѣдѣніе о движеніи фельдмаршала Дибича на сообщенія польской арміи, поспѣшилъ начать свое отступление на Снядово и Остроленко. Великій князь Михаилъ Павловичъ, преслѣдуя аріергардъ Скржинецкаго, 13-го мая занялъ Снядово. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня генераль-адъютантъ Вистромъ, командовавшій авангардомъ гвардейскаго корпуса, продолжалъ наступленіе къ Остроленкѣ, гдѣ и произошло знаменитое сраженіе, въ которомъ его высочество содѣйствіемъ своимъ много способствовало къ пораженію польскихъ мятежниковъ.

При дальнѣйшемъ движеніи арміи, послѣ сраженія при Остроленкѣ, въ Плоцкое воеводство, великій князь Михаилъ Павловичъ расположился съ гвардією въ мѣстечкѣ Маковѣ и его окрестностяхъ. Здѣсь онъ находился до 22-го іюня, когда предпринято было вновь прибывшимъ главнокомандующимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, общее наступательное движеніе войскъ къ Варшавѣ. Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ фельдмаршаломъ Паскевичемъ 23-го августа, его высочество указывалъ на необходимость атаковать непріятельскіе редуты между Вольскою и Іерусалимскою заставами, направляя главныя атаки противъ отдѣльнаго сомкнутаго укрѣпленія Воли. Согласно этому мнѣнію, раздѣляемому Паскевичемъ и графомъ Толемъ, были сдѣланы окончательныя распоряженія къ штурму Варшавы 25-го августа.

Императоръ Николай I, въ уваженіе отличнаго благородумія, твердости и рѣшительности, сопровождавшихъ всѣ распоряженія великаго князя Михаила Павловича, въ направленіи движенія и дѣйствій гвардейскаго корпуса противъ польскихъ мятежниковъ съ 30-го апрѣля по 13-е мая, и за сильное пораженіе инсургентовъ при Остроленкѣ, почтилъ его высочество рескриптомъ (21-го іюня 1831 года), съ изъясненіемъ благоволенія своего и особенной признательности къ дѣйствіямъ великаго князя, покрывшимъ предводительствуемый имъ гвардейскій корпусъ новою славою, и за личное непоколебимое мужество, оказанное его высочествомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ сего корпуса, пожаловалъ ему шпагу съ надписью «за храбрость», съ лаврами и алмазными украшеніями.

За штурмъ Варшавы великій князь Михаилъ Павловичъ былъ на-

граждень, 23-го сентября того же года, званіемъ генералъ-адъютанта. Сдача Модина доставила новый случай государю выразить свою благодарность любимому брату. Въ рескриптѣ 6-го октября 1831 года, за это счастливое событіе, довершившее успокоеніе Царства Польскаго, въ ознаменованіе своей искренней благодарности за новый подвигъ знаменитаго служенія на пользу и славу отечества, императоръ Николай Павловичъ препроводилъ къ великому князю Михаилу Павловичу одинъ изъ ключей Модинской крѣпости.

V.

25 іюня 1831 года великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ корпусовъ.

Время начальствованія его военно-учебными заведеніями ознаменовалось весьма крупными преобразованіями.—Такъ, въ 1838 году изданъ былъ III томъ Свода военныхъ постановленій, которымъ опредѣлялись: положеніе преподавателей, цѣль учрежденія корпусовъ, ихъ составъ и устройство; затѣмъ въ 1843 г. явилось положеніе объ управленіи Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, а въ 1848 г. «Наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній».

18-ти лѣтнее управленіе великаго князя военно-учебными заведеніями показало, какъ много онъ способствовалъ умственному образованію молодаго поколѣнія и какъ зорко слѣдилъ за учебной частью. По всѣмъ отраслямъ наукъ составлены были программы и напечатано болѣе 30 учебныхъ руководствъ, написанныхъ извѣстными учеными и изданныхъ согласно съ требованіями современнаго состоянія науки и съ условіями воспитанія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ первый-же годъ своего назначенія великій князь Михаилъ Павловичъ далъ слѣдующее наставленіе главному директору корпусовъ:

«Замѣтивъ изъ представленныхъ отъ Дворянскаго полка свѣдѣній, что многіе изъ дворянъ предназначаются къ увольненію классными чинами по болѣзненнымъ припадкамъ, и принявъ въ соображеніе, что нѣкоторыя болѣзни нерѣдко происходятъ и развиваются отъ несоответственныхъ силамъ молодыхъ людей частыхъ и продолжительныхъ фронтовыхъ ученій, поручаю генералъ-адъютанту Демидову обратить на это особенное вниманіе и предписать всѣмъ директорамъ корпусовъ, а въ особенности командиру Дворянскаго полка, соразмѣрять фронтовые занятія воспитанниковъ съ ихъ физическими силами»¹⁾.

¹⁾ „Истор. очеркъ Артил. училища“, стр. 202.

Точно также великій князь, обративъ вниманіе на особое тѣлосложеніе кавалергардскаго юнкера Пантелѣва, находившагося въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, приказалъ перевести его въ гвардейскіе уланы. Пантелѣвъ рассчитывавшій служить въ кавалергардахъ, вмѣстѣ съ своимъ роднымъ братомъ, былъ очень огорченъ такимъ переводомъ; но едва его высочество узналъ объ этомъ обстоятельствѣ, какъ приказалъ сказать ему стороною, что онъ, по окончаніи курса, будетъ произведенъ въ Кавалергардскій полкъ, и что его высочество сдѣлалъ это, снисходя только къ его физической слабости и полагая, что тяжелыя солдатскія кирасы будутъ дѣйствовать вредно на его здоровье ¹⁾.

Великій князь Михаилъ Павловичъ почти ежедневно посѣщалъ тотъ или другой корпусъ въ неопредѣленное время и лично входилъ во всѣ подробности воспитанія. Любилъ воспитанниковъ какъ дѣтей своихъ и благодѣтельствовалъ многимъ даже и по выпускѣ ихъ въ офицеры. Заботливостію великаго князя, въ гвардію поступали отличнѣйшіе по способностямъ офицеры изъ корпусовъ, и неимѣвшіе достаточныхъ средствъ къ содержанію себя въ гвардейскихъ полкахъ ежегодно получали отъ щедротъ его высочества значительныя вспомошествованія.

Скромность великаго князя Михаила Павловича была такъ-же велика, какъ и его справедливость. Такъ, при празднованіи 25-го ноября 1845 г. 25-ти лѣтія основаннаго имъ Артиллерійскаго училища, онъ не явился на этотъ праздникъ, а собранную сумму (до 7.000 руб.), на сооруженіе изъ бронзы бюста его высочества, испросилъ высочайшее разрѣшеніе употребить на установленіе преміи для выдачи за лучшее сочиненіе или полезное изобрѣтеніе, которыя будутъ представлены бывшими воспитанниками училища.

Какъ цѣнилъ императоръ Николай I заслуги своего брата на поприщѣ военно-воспитательной дѣятельности, тому служатъ его рескрипты, въ одномъ изъ которыхъ (отъ 25-го марта 1843 г.) государь говорилъ: «Изъ всѣхъ концовъ имперіи слышу я благословенія отцовъ и матерей за родительскую попечительность вашу объ ихъ дѣтяхъ, за христіанское просвѣщеніе и истинно русское ихъ воспитаніе».

Являясь строгимъ и взыскательнымъ до мелочей начальникомъ, великій князь Михаилъ Павловичъ таилъ въ себѣ доброе сердце... «Эта напускная строгость, говоритъ Н. Скарятинъ, ²⁾ истекала изъ той основной мысли, что пусть за нее бранятъ его, какъ корпуснаго командира, но лишь бы не роптали на государя». Дѣйствительно, великій князь Михаилъ Павловичъ любилъ говорить: «я хочу, чтобы не меня, а брата любили!» ³⁾

¹⁾ „Истор. очеркъ никол. кавалерійск. училища“, стр. 181.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1893 г. Т. II, стр. 18.

³⁾ „Очеркъ Артиллерійскаго училища“ стр. 196.

VI.

28-го января 1848 г. русская артиллерія съ высочайшаго соизволенія праздновала 50-лѣтній юбилей своего августѣйшаго генералъ-фельдцейхмейстера.

Въ этотъ день императоръ Николай почтилъ великаго князя особымъ рескриптомъ ¹⁾, а затѣмъ былъ отданъ высочайшій приказъ по артиллеріи о производствѣ въ чины, который начинался такъ:

«По желанію его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ назначается шефомъ лейбъ-гвардіи 2-ой артиллерійской бригады, его императорское высочество великій князь Александръ Александровичъ состоятъ по гвардейской конной артиллеріи».

По случаю празднованія 50-ти-лѣтія в. к. Михаила Павловича артиллерійскіе офицеры собрали капиталъ до 18,000 рублей для сооруженія бюста его высочества; бюстъ этотъ былъ вылѣпленъ профессоромъ скульптуры Витали и отлитъ изъ бронзы бывшимъ воспитанникомъ артиллерійскаго училища барономъ П. К. Клодтомъ. Бюстъ этотъ, съ надписью «благодарная артиллерія 1798—1848», поставленъ былъ въ конференцъ-залѣ Артиллерійскаго училища.

На слѣдующій день, 29-го января, великій князь Михаилъ Павловичъ, прибывъ въ училище вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, со слезами на глазахъ благодарилъ любезныхъ ему сослуживцевъ, причемъ, поцѣловавъ стоявшаго возлѣ него великаго князя Михаила Николаевича, представилъ его артиллеристамъ, сказавъ что онъ убѣжденъ, что чувство признательности и любви, выраженное его сослуживцами, они перенесутъ на дорогого ему крестника, племянника и будущаго его преемника.

Отъ сооруженія бюста осталось неизрасходованныхъ 8,000 рублей; къ этому капиталу присоединено было его высочествомъ еще 3,000 руб. съ тѣмъ, чтобы образовавшійся капиталъ положить въ Государственный банкъ и проценты съ него въ совокупности съ 571 рублями, ежегодно жертвуемыми великимъ княземъ, назначать на воспитаніе въ Маріинскомъ институтѣ пяти дочерей недостаточныхъ и заслуженныхъ артиллеристовъ, преимущественно сиротъ по отцу и матери.

Въ слѣдующемъ году, 8-го февраля 1849 г., великій князь Михаилъ Павловичъ праздновалъ 25-ти-лѣтіе своего супружества и шефства въ л.-гв. Московскомъ полку, который на этотъ случай выбилъ медаль, рѣзанную медальеромъ академикомъ Клепиковымъ.

¹⁾ Полный текстъ рескрипта напечатанъ ниже на стр. 422. Р е д.

Полгода спустя послѣ этого событія смерть похитила великаго князя Михаила Павловича, который былъ сложенія крѣпкаго и обладалъ хорошимъ здоровьемъ. Онъ часто смѣялся надъ докторами, незная, что скоро придется и ему обратиться къ ихъ помощи. Первое потрясеніе организма великаго князя произвела кончина великой княгини Елизаветы Михайловны. На другой годъ послѣ этой потери его высочество испыталъ новую—въ 1846 г. на его рукахъ скончалась въ Вѣнѣ старшая его дочь, Марія Михайловна. Душевное потрясеніе, вызванное этимъ событіемъ, было причиной носоваго кровоточенія, случившагося у его высочества въ Вѣнѣ въ 1846 г. Во время пребыванія Михаила Павловича съ императорскою фамиліею въ Москвѣ, на святой недѣлѣ 1849 г. кровоточеніе повторилось съ большею силою и имѣло послѣдствіемъ сильное нервное разстройство. Великій князь сталъ замѣтно худѣть и терять силы; въ іюлѣ мѣсяцѣ по совѣту докторовъ онъ началъ пить въ Петербургѣ киссингенскія воды, а въ іюлѣ, несмотря на свое болѣзненное состояніе, отправился въ Варшаву, гдѣ собирались вѣрныя ему войска гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

11-го августа, въ 12 часовъ дня былъ назначенъ смотръ полкамъ 7-ой кавалерійской дивизіи съ ея артиллеріею; при объѣздѣ войскъ его высочество обратился къ Н. Н. Муравьеву, сказавъ: «у меня нѣмѣть рука» и за этими словами сталъ терять сознаніе... Окружавшіе успѣли, однако, снять великаго князя съ лошади и въ безпамятномъ состояніи онъ былъ отвезенъ въ Бельведерскій дворецъ. Тотчасъ же былъ посланъ адъютантъ къ государю императору. Собравшіеся доктора рѣшили пустить больному кровь, послѣ чего великій князь на нѣкоторое время былъ приведенъ въ память. Цѣлыхъ семнадцать дней продолжалась тяжелая борьба жизни съ смертію, и наконецъ въ 2½ часа дня 28-го августа его высочество тихо въ Бозѣ почилъ.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, объявляя эту горестную вѣсть войскамъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, писалъ въ приказѣ: «Плачьте ребята, соединимъ всѣ вѣстѣ слезы наши у престола Всевышняго; его высочество былъ справедливейшій начальникъ и попечительнѣйшій отецъ вашъ; плачьте и молитесь милосердному Богу, да приметъ Онъ душу его во святыхъ своихъ обителяхъ».

Тѣло великаго князя Михаила Павловича было перевезено въ С.-Петербургъ и погребеніе состоялось 16-го сентября, въ Петропавловскомъ соборѣ. Русская армія и гвардія носили трауръ три мѣсяца.

Императоръ Николай I три дня спустя послѣ похоронъ великаго князя Михаила Павловича отдалъ по артиллеріи слѣдующій приказъ:

«Въ изъявленіе признательности къ незабвеннымъ заслугамъ по устройству артиллеріи и всѣхъ подлежащихъ ей учрежденій покойнаго

*

генераль-фельдцейхмейстера, любезнѣйшаго брата нашего, его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, повелѣваемъ:

«Артиллерійскому училищу, въ память своего незабвеннаго учредителя—называться впредь Михайловскимъ артиллерійскимъ училищемъ; офицерамъ онаго на эполетахъ, а воспитанникамъ на погонахъ—имѣть вензель: М подъ короною.

«1-й батареѣной батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады сохранить навсегда названіе батареѣной батареѣ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича.

«Вмѣстѣ съ симъ, принимая на себя званіе шефа лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, повелѣваемъ числить насъ по спискамъ въ батареѣной батареѣ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича».

И. Н. Вожеяновъ.

ЮБИЛЕЙ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.
1848 г.

28-го января 1848 года въ Петербургѣ праздновалось пятидесяти-лѣтіе со времени назначенія императоромъ Павломъ великаго князя Михаила Павловича генераль-фельдцейхмейстеромъ ¹⁾. Въ биографическомъ очеркѣ жизни и дѣятельности великаго князя Михаила Павловича, составленномъ генераломъ Далаевымъ и появившемся въ началѣ нынѣшняго года, по случаю столѣтія со дня рожденія великаго князя, этому событію посвящены только немногія строки. Дополнимъ этотъ пробѣлъ нижеслѣдующею замѣткою ²⁾.

28-го февраля 1848 года великому князю Михаилу Павловичу минуло 50 лѣтъ, и съ тѣмъ вѣстѣ былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей его службы въ званіи генераль-фельдцейхмейстера. Къ этому дню императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ своему брату эполеты, съ изображеніемъ двухъ крестообразно положенныхъ пушекъ, выражаясь притомъ, что, не умѣя ничѣмъ достойно вознаградить его за заслуги и доблести, старался, по крайней мѣрѣ, придумать для подарка

¹⁾ Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I, на великаго князя, какъ мы видѣли выше, возложено было еще и управленіе инженернымъ вѣдомствомъ. Высочайшимъ приказомъ 14-го декабря 1825 года, великій князь Михаилъ Павловичъ назначенъ былъ генераль-инспекторомъ по инженерной части. Такимъ образомъ, въ лицѣ августѣйшаго брата государя сосредоточилось на многіе годы управленіе двухъ специальныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ столь тѣсную между собою связь.

²⁾ Изъ сочиненія Н. Шильдера: „Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе“, которое будетъ издаво А. С. Сувориннымъ.

такую вещь, какой никто прежде не имѣлъ. Кромѣ того, повелѣно было гвардейской артиллеріи отдавать впредь великому князю такую же честь, какъ лицу самого императора, о чемъ возвышено было исполненнѣмъ благоволенія и сердечнаго чувства рескриптомъ.

Содержаніе этого милостиваго рескрипта было слѣдующее:

«Ваше императорское высочество! Съ особенною душевною радостію праздную я нынѣ, со всею россійскою артиллеріею, день рожденія вашего и совершившагося пятидесятилѣтія со времени назначенія васъ генераль-фельдцейхмейстеромъ. Не буду говорить при семъ случаѣ о сердечныхъ чувствованіяхъ моихъ, какъ брата вашего: они вамъ извѣстны изъ нашей долготѣней испытанной дружбы, изъ того личнаго уваженія, которое я привыкъ всегда питать къ достоинствамъ вашимъ. Но мнѣ остается исполнить священнѣй для меня долгъ—отдать справедливость вашимъ государственнымъ заслугамъ и незабвеннымъ трудамъ, понесеннымъ по званію генераль-фельдцейхмейстера. Завѣдывая близъ тридцати лѣтъ артиллерійскою частью, при другихъ обширныхъ и важныхъ обязанностяхъ, на васъ возложенныхъ, вы ознаменовали управленіе ваше существенными усовершенствованіями, поставившими россійскую артиллерію на ту превосходную степень благоустройства во всѣхъ отношеніяхъ, на коей она, къ полному моему удовольствію, нынѣ находится. Во изъявленіе искренней и душевной моей признательности за столь достохвальное и доблестное служеніе ваше престолу, я вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ, чтобы гвардейская артиллерія отдавала вашему императорскому высочеству ту же самую честь, которая по уставу опредѣлена только мнѣ.

«Примите сердечное мое поздравленіе съ торжественнымъ днемъ, нынѣ празднуемымъ, и живѣйшее мое желаніе, да сохранитъ Всевластнѣйшій Творецъ драгоцѣнныя для меня дни ваши на многія и многія лѣта для блага и пользы любезнаго нашего отечества».

«Николай» ¹⁾.

Въ С.-Петербургѣ.
Генвари 28-го дня
1848 г.

¹⁾ Въ тотъ же день императоръ Николай удостоилъ еще начальника штаба его императорскаго высочества генераль-фельдцейхмейстера, генераль-лейтенанта князя Долгорукова слѣдующимъ рескриптомъ:

„Господинъ генераль-лейтенантъ князь Долгоруковъ! Празднуя сего числа радостнѣй для меня и торжественнѣй для всей россійской артиллеріи день совершившагося пятидесятилѣтія со времени назначенія его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича генераль-фельдцейхмейстеромъ, я признаю вполне справедливымъ объявить при этомъ случаѣ вамъ, какъ ближайшему сотруднику и помощнику его высочества по артил-

Сверхъ того императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ своему брату, для его арсенала, двѣ пушки, вылитыя въ годъ его рожденія. Государь приказалъ предварительно выставить эти пушки въ Михайловскомъ манежѣ, на показъ для царской фамилии, съ прислугою изъ пятнадцати артиллеристовъ, одѣтыхъ въ полную форму 1798 года. Затѣмъ весь церемоніаль юбилейнаго праздника былъ разработанъ по непосредственнымъ указаніямъ императора.

Утромъ, выйдя въ большой свой кабинетъ, великій князь Михаилъ Павловичъ нашелъ въ немъ наследника цесаревича Александра Николаевича и великаго князя Михаила Николаевича, въ артиллерійскихъ мундирахъ, вмѣстѣ со всѣми артиллерійскими генералами. Цесаревичъ вручалъ ему приведенный выше рескриптъ, а старшій генералъ поднесъ описаніе всѣхъ улучшеній, введенныхъ въ нашу артиллерию въ тридцатилѣтнее управленіе ею великаго князя, и списокъ всѣхъ ея чиновъ, участвовавшихъ въ подпискѣ на сооруженіе его бюста для Артиллерійскаго училища ¹⁾. Въ другой комнатѣ подали ему: фельдмаршалъ, князь Варшавскій—рапортъ о состояніи дѣйствующей арміи, а военный министръ князь Чернышевъ—высочайшій приказъ того дня ²⁾. Вслѣдъ за этимъ юбиляръ принималъ главный штабъ государевъ и весь гвардейскій корпусъ, въ радахъ котораго стояли всѣ великіе князья.

Къ обѣднѣ, отслуженной въ Михайловскомъ дворцѣ, пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ со всею царскою фамиліею. Послѣ обѣдни происходило, въ Михайловскомъ манежѣ, молебствіе съ церковнымъ парадомъ отъ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады и конной артиллеріи, при которомъ старшій братъ принялъ младшаго, стоя на флангѣ, и первый прокричалъ: «ура!» На молебнѣ, за обычнымъ многолѣтіемъ царственному дому, протодіаконъ провозгласилъ вѣчную память императору Павлу, которымъ великій князь былъ пожалованъ въ генералъ-фельдцейхмейстеры, и многолѣтіе всему русскому воинству. При последнемъ раздались выстрѣлы изъ пушекъ, поставленныхъ у памятника

лерійской части, искреннюю мою благодарность и признательность за неуспынные ваши труды, притѣрное усердіе и полезное, въ продолженіе семнадцатилѣтнаго управленія штабомъ генералъ-фельдцейхмейстера, содѣйствіе его императорскому высочеству въ доведеніи артиллеріи до того отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія, въ коемъ она нынѣ находится.

„Въ ознаменованіе особеннаго моего за сіе благоволенія, препровождаю къ вамъ золотую табакерку съ моимъ портретомъ, пребывавъ къ вамъ благосклонный“.

„Николай“.

¹⁾ Бюстъ этотъ вылитъ былъ, по волѣ государя, изъ металла одного изъ орудій, взятыхъ при покореніи крѣпости Браилова великимъ княземъ во время Турецкой войны 1828 года. См. выше стр. 418 и 419.

²⁾ См. выше стр. 418.

Петра Великаго передъ Инженернымъ замкомъ, и въ эту же минуту должны были гремѣть такіе же выстрѣлы по всей имперіи, гдѣ только имѣлись пушки.

Послѣ молебна и семейнаго завтрака, великій князь продолжалъ принимать поздравленія, что заняло все время до обѣда. Тутъ являлись попеременно: вся артиллерія, весь Государственный Совѣтъ, депутація отъ дворянства, съ губернскаимъ предводителемъ, депутація отъ биржеваго купечества, съ городскимъ головою, и пр. Всѣмъ присутствовавшимъ великій князь повторялъ, что не знаетъ, какъ и чѣмъ впредь заслужить излитія на него государемъ милости; всѣхъ благодарилъ отъ души за оказанную ему честь, говоря, что послѣ расположенія государева выше всего цѣнить эти знаки общей внимательности, возвышающіе его въ собственныхъ глазахъ и налагающіе на него еще болѣе обязанностей; для каждаго находилъ ласковое слово и вообще принималъ поздравленія глубоко растроганный, со слезами на глазахъ. Многихъ изъ присутствовавшихъ на этомъ поздравленія сановниковъ онъ удостоилъ поцѣлуемъ, а биржевыхъ депутатовъ, числомъ до сорока, перецѣловалъ рѣшительно всѣхъ, каждаго трижды.

Въ 4 часа состоялся торжественный обѣдъ въ Гербовомъ залѣ Зимняго дворца, на 500 человекъ, для всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ артиллеріи, и день окончился спектаклями во всѣхъ театрахъ, въ которыхъ отведены были даровыя мѣста для воспитанниковъ Артиллерійскаго училища и нижнихъ чиновъ всѣхъ артиллерійскихъ командъ.

Какъ продолженіе этого юбилейнаго праздника, на другой день, 29-го января, былъ балъ у наследника цесаревича; приглашенныхъ было до 800 человекъ. На этомъ балѣ великій князь Михаилъ Павловичъ высказывалъ многимъ изъ присутствовавшихъ гостей, сколько онъ осчастливленъ видимыми знаками общаго къ нему вниманія. «Теперь только я понялъ, сказалъ онъ, между прочимъ, что жизнь моя прошла не даромъ, и этотъ день останется навсегда однимъ изъ самыхъ счастливейшихъ моихъ воспоминаній».

Празднованіе юбилея великаго князя заключилось двумя у него обѣдами: однимъ—8-го февраля, въ присутствіи царской фамилии, для всѣхъ офицеровъ артиллерійскаго вѣдомства, которыхъ собралось до 600 человекъ; другимъ—10-го числа, для нижнихъ чиновъ того же вѣдомства, которыхъ было по семи человекъ отъ каждой батареи.

Н. Шильдеръ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ и его остроты.

Въ концѣ 1839 года, по уничтоженіи лажа и введенія новой денежной системы, которую сначала никто не понималъ, великій князь сказалъ: «Прежде былъ лажъ, а теперь ералашъ!».

Генералъ Киселевъ, быстро возвысившійся на степени министра и графа, входилъ однажды на лѣстницу къ великому князю, въ то самое время, когда его высочество начиналъ сходить съ той же лѣстницы. «C'est le comte,—сказалъ великій князь—qui s'élève (Kisselev).

Встрѣчая на Невскомъ проспектѣ стараго офицера, въ отставномъ военномъ мундирѣ, часто на веселѣ и всегда въ самой дрянной шляпѣ, великій князь однажды остановилъ его.

— Отчего, спросилъ онъ, на тебѣ такая ветхая шляпа?

Офицеръ отвѣчалъ, что нѣтъ денегъ, и великій князь далъ ему 25 рублей на шляпу. Старый гуляка купилъ шляпу на толкучемъ рынкѣ за цѣлковый, а остальные деньги, разумѣется, прогулялъ. Черезъ нѣсколько дней великій князь опять встрѣтилъ его, опять на веселѣ, но въ новой шляпѣ. Замѣтивъ куражъ старика, Михаилъ Павловичъ остановился противъ него съ неудовольствіемъ. Испуганный офицеръ, приложивъ руку къ шляпѣ, говорилъ дрожащимъ голосомъ: «Вотъ купилъ!»

— Да—сказалъ великій князь—я вижу, что водку пилъ! и отошелъ отъ него прочь.

Про французскую актрису Алланъ, которая была въ Парижѣ изъ лучшихъ актрисъ театра драматической гимназій, а съ 1838 года восхитила петербургскую публику, великій князь сказалъ: «*Charmant talent (Charmante Allans)*».

Французская актриса Варле пѣла хотя и похуже Каталани и Зонтагъ, но чуть ли не громче ихъ. Однажды въ театрѣ эта актриса ужъ черезчуръ кричала. Кто-то сказалъ великому князю: «какъ громко она поетъ».

— Да—отвѣчалъ его высочество, — въ Орлѣ слышно! (Варле слышно!)

Иногда гвардейскіе офицеры и кадеты, чувствуя себя въ чемъ либо неисправными и замѣтивъ великаго князя, старались скрыться отъ него; но онъ преслѣдовалъ ихъ, и доставалось тѣмъ, которые были достигнуты, виновные рѣдко увертывались отъ него.

За однимъ офицеромъ великій князь скакалъ нѣсколько улицъ, но тотъ все-таки пропалъ изъ вида. Михаилъ Павловичъ, встрѣтивъ послѣ этого офицера, сказалъ ему только: «Славная у тебя лошадь».

Одинъ кадетъ былъ не въ формѣ и шелъ по Невскому проспекту. Завидя великаго князя, онъ скрылся въ первый магазинъ дамскихъ модъ. Михаилъ Павловичъ бросился за нимъ и, не найдя его въ первой комнатѣ, ходилъ по всѣмъ комнатамъ, даже тамъ, гдѣ работаютъ модистки, вездѣ искалъ, но не нашелъ кадета. Удивляясь такому странному явленію, великій князь долженъ былъ оставить напрасный поискъ. Прошло послѣ того два года; кадетъ былъ выпущенъ въ офицеры. Представляясь великому князю, новый офицеръ до того былъ разстроганъ милостивымъ приемомъ его высочества, что сознался въ старой винѣ своей.

— Гдѣ-же ты былъ — спросилъ его высочество — отчего я тебя нигдѣ не отыскалъ, тогда какъ вошелъ въ магазинъ по слѣдамъ твоимъ?

Офицеръ рассказалъ, что онъ, отворивъ и затворивъ за собой первыя двери, скрылся между двумя дверями магазина и вышелъ изъ засады уже послѣ напрасныхъ поисковъ его высочества. Великій князь много смѣялся и не только не гнѣвался, но прислалъ этому офицеру 1.000 рублей на дорогу.

Великій князь былъ очень строгъ по службѣ и не могъ пропустить безъ вниманія ни малѣйшаго отступленія отъ обязанностей. Взглядъ у него на это былъ самый зоркій. Незастегнутая пуговица, калоши на ногахъ и подобныя мелочи онъ тотчасъ замѣчалъ, останавливалъ виновнаго на улицѣ, на гуляньѣ, гдѣ-бы то ни было. Дѣлая строгій выговоръ на языкѣ его — значило распекать, а онъ за каждую неисправность распекалъ ужасно. Это было не жестокость сердца, не преслѣдованіе, но наказаніе изъ однихъ словъ, и послѣ того, онъ былъ по-прежнему милостивъ, особенно къ офицерамъ усерднымъ, провинившимся по одному легкомыслію. Дѣлая самый жестокій выговоръ, уничтожая совершенно офицера и, кажется, готовый погубить его, онъ въ то-же время обращался къ окружающимъ его лицамъ и спрашивалъ ихъ

въ полголоса: «Каково распекаю!» Многихъ онъ распекалъ по нѣскольکو разъ и оставался ихъ благодѣтелемъ.

Великій князь любилъ я въ другихъ остроу, такъ что, несмотря на строгость свою по службѣ, прощалъ гвардейскимъ офицерамъ и кадетамъ шалости, какъ скоро онѣ были замысловаты или показывали умъ въ шалуѣ.

Въ мелкихъ несправностяхъ по службѣ чаще всѣхъ попадался офицеръ гвардіи Булгаковъ сынъ Московскаго почти-директора, молодой человекъ умный и образованный. Онъ то ходилъ въ фуражкѣ, то въ калошахъ, то съ растегнутыми пуговицами, а за это нерѣдко бывалъ на гауптвахтѣ, но иногда шалости его оставались безъ наказанія.

Однажды онъ шелъ въ калошахъ и встрѣтился съ великимъ княземъ.

— Калоши? на гауптвахту!—сказалъ великій князь.

Булгаковъ отправился на гауптвахту, но, оставивъ тамъ калоши, самъ возвратился туда, гдѣ былъ великій князь.

— Булгаковъ—вскричалъ великій князь съ гнѣвомъ—ты не исполнилъ моего приказанія?

— Исполнилъ, ваше высочество—отвѣчалъ Булгаковъ.

— Какъ исполнилъ?—возразилъ великій князь.

— Ваше высочество—продолжалъ Булгаковъ—изволили сказать: «калоши, на гауптвахту!» я я отнесъ ихъ на гауптвахту!

Въ другой разъ Булгаковъ шелъ не въ каскѣ, а въ фуражкѣ; великій князь, ѣхавшій навстрѣчу, тотчасъ началъ звать рукою къ себѣ Булгакова, но тотъ, сдѣлавъ фронтъ, пошелъ далѣе. Великій князь приказалъ повернуть свою лошадь и, нагнавъ Булгакова, закричалъ:

— Булгаковъ, я тебя зову, куда ты идешь?

— Ваше высочество—отвѣчалъ Булгаковъ—я иду на гауптвахту.

Графъ П. В. Завадовскій и Ѳ. Чацкій.

Печатаемое нами ниже письмо визитатора училищъ (съ 1803-го по 1813-ый гг.) Кіевской, Подольской и Волинской губерній, Ѳаддея Чацкаго, къ министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому (съ 1802-го по 1809-го гг.), и отвѣтъ послѣдняго дають въ высшей степени интересныя данныя для характеристики этихъ лицъ, ихъ взаимныхъ отношеній и того дѣла, которому служилъ Чацкій. Какъ видимъ, колонизаторская дѣятельность Чацкаго не только не вызывала какого-либо неудовольствія или порицанія со стороны русскаго министра народнаго просвѣщенія но даже удостоилась его полнаго одобренія и похвалы.

Такое поведеніе гр. Завадовскаго вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что извѣстно о немъ изъ другихъ источниковъ. Такъ, напр., вотъ что говоритъ о немъ князь Адамъ Чарторыйскій въ своей автобіографіи. «По странному случаю онъ воспитывался въ польскихъ іезуитскихъ школахъ и научился тамъ латинскому языку. Онъ не забылъ польскаго языка, щеголялъ имъ и говорилъ съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, котораго многіе стихи зналъ наизусть. Все это особенно располагало его къ Польшѣ и къ полякамъ; даже за его обѣдами угощали гостей непременно польскими кушаньями. Между тѣмъ какъ другіе попечители часто встрѣчали затрудненія со стороны министра, не всегда соглашавшагося съ ихъ представленіями о новыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ,—я никогда не имѣлъ повода на него жаловаться, и онъ постоянно оказывалъ мнѣ совершенное довѣріе. Мнѣ стоило только обратиться къ нему съ какимъ-нибудь предложеніемъ, и онъ всегда съ величайшей готовностью и доброжелательствомъ

меня поддерживалъ. Я глубоко ему признателенъ за искренность, дружбу и помощь, которыя онъ всегда мнѣ оказывалъ¹⁾.

Уваженіе и любовь, какими пользовался у поляковъ гр. Завадовскій отмѣчаетъ въ своей запискѣ, поданной императору Александру I, и М. М. Сперанскій²⁾.

При такихъ условіяхъ, конечно, Оадею Чацкому, какъ визитатору трехъ юго-западныхъ губерній, представлялась полная возможность быстраго ополченія того края, что въ дѣйствительности и было.—Помѣщаемы ниже два письма служить тому подтвержденіемъ.

1.

Письмо О. Чацкаго—графу П. В. Завадовскому

10-го октября 1806 г. № 425.

Я открылъ 1-го октября Волынскую гимназію. Съѣхавшіеся епископы, ошаты, разныхъ степеней капланы, губернаторъ, маршалки и обыватели двухъ губерній присутствовали на этомъ великомъ торжествѣ. Радость всеобщая, выраженія живой признательности, надежда на то, что наши дѣти достигнуть высшей степени совершенства,—все это, въ совокупности, сдѣлало это торжество важнымъ и для всѣхъ равно приятнымъ. Въ рѣчи, мною сказанной, я воздалъ должное просвѣщенной заботливости вашей, ясне вельможный пане добродзею.

Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія, руководимая вами, особенно важна для общественнаго воспитанія. Вы благоволили оказать милостивую помощь для нашихъ учреждений. Позвольте мнѣ, какъ служащему дѣлу воспитанія, какъ обывателю этой губерніи заявить просьбу о томъ, чтобы вы прислали свой портретъ для Волынской гимназіи. Пусть благодарный ученикъ, даже въ грядущей смѣнѣ поколѣній взираетъ на ликъ министра, имя котораго записано на страницахъ исторіи Россійскаго государства и въ дѣяніяхъ просвѣщенной Европы.

Имѣю честь быть съ глубокимъ почтеніемъ ясне вельможный пане добродзею, низнѣйшій слуга Чацкій.

¹⁾ См. брошюру — „Князь Адамъ Чарторыйскій“ (отдѣльн. отт. пѣз журн. „Русское Обозрѣніе“), стр. 38.

²⁾ Извлеченіе пѣз „Сборника истор. матер.“, 1876 г.; вып. 1-й, стр. 216.

2.

Графъ П. В. Завадовскій—Ф. Чацкому.

14-го ноября 1805 г. № 687.

Ваше превосходительство почтяти меня увѣдомленіемъ, съ какиѣ торжествомъ въ Кременцѣ вы насадили сѣмена будущиѣ Аеннѣ. Читая ваше слово, произнесенное при семъ обрядѣ, я уполяя подобною сладостью, какова дѣйствовала на душу древниѣ грековъ, рукопискавшихъ Геродоту, когда сей предлагалъ имъ свою исторію, составленную по именамъ Музъ. Состязавшимся въ томъ, якобы въ нашемъ вѣкѣ отдыхаетъ природа въ произведеніи великиѣ дарованій—я укажу на геній Чацкаго, который, на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ музы, умершия въ Аттікѣ; ибо какой даръ знаменуется превосходнѣе таковаго, что просвѣщаетъ настоящее колѣно своихъ согражданъ и ихъ будущіе роды? Тако я взираю съ моеи точки на ваши подвиги, незабвеніемъ и общею благодарностью печатлѣемые. Теките, милостивый государь, по своему поприщу, посѣвая науки, благотворительныя челоувѣческому роду. Дѣлателью уже близокъ предѣлъ, дабы сказать: *jam opus ehegi....*, и услышать къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ и позднее потомство: *nomenque erit indelibile vestrum*.

Портретъ, что имѣть желаете, я пришлю, влечень будучи не тщеславіемъ, а признательностью за честь предлагаемую и удовольствіемъ повиноваться вашей волѣ. Объ одномъ прошу: чтобы стоялъ подъ вашимъ образомъ, кониъ подобаетъ украшать храмы наукъ въ томъ отношеніи: *et de plenitudine ejus nos omnes asserimus*.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнымъ слугою гр. Завадовскій.

Сообщ. И. П. Корниловъ.

О предках Н. М. Карамзина.

Для характеристики известнаго лица вопросъ объ его отдаленныхъ предкахъ конечно не имѣеть особой важности, тѣмъ не менѣе, пренебрегать подобными вопросами все-таки не приходится, такъ какъ при внимательномъ изученіи ихъ для насъ выясняется иногда довольно многое. Мы узнаемъ, на примѣръ, съ какою мѣстностью была связана жизнь известнаго рода, узнаемъ изъ его исторіи нѣкоторые мелкіе факты, которые, въ ряду другихъ, имѣють иногда свою цѣну; наконецъ, выясняются для насъ и тѣ вліянія, которыя въ теченіе вѣковъ тяготѣли надъ известнымъ родомъ, воздѣйствуя на него постоянно, и понемногу складывая его характеръ. Вотъ почему сообщеніе нѣкоторыхъ данныхъ изъ исторіи рода Н. М. Карамзина можетъ имѣть для насъ несомнѣнный интересъ.

Къ тому же литература по этому вопросу очень небогата: въ известныхъ «Материалахъ для библиографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ» г. Пономарева ¹⁾ подъ рубрикой: «О родѣ Карамзинныхъ» находимъ указаніе лишь на двѣ статьи: 1) «о родѣ Карамзинныхъ» въ сочиненіи Погодина «Карамзинъ» ²⁾ и 2) «Синодикъ въ 1670 г.,» археологическую замѣтку князя Оболенскаго ³⁾.

Небольшая замѣтка Погодина, извлеченная, по его словамъ, изъ бумагъ

¹⁾ Приложение къ XLV тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ, № 4, 86 стр., № 1 и 2.

²⁾ Погодинъ, „Карамзинъ“. Прилож., стр. 23.

³⁾ „Русск. Арх.“, 1869, стр. 1076.

Пекарскаго, отличается краткостью и не даетъ особенно яснаго представленія о родѣ Карамзинныхъ. Вторая же замѣтка внесена въ «Матеріалы» очевидно по ошибкѣ: если въ «Синодикѣ 1670 г. Богословскаго монастыря, что на Вагѣ» и говорится о Карамзинныхъ, то съ родомъ Н. М. Карамзина этотъ родъ конечно ничего общаго не имѣлъ. Во-первыхъ, «Синодикъ», повидимому, связанъ съ Новгородскою областью и совершенно чуждъ Поволжью, гдѣ всегда жили предки Н. М. Карамзина. Во-вторыхъ, между перечисленными членами этого рода въ «Синодикѣ» столько лицъ духовнаго званія, что съ дворянскимъ родомъ Н. М. Карамзина, почти постоянно служившимъ Русской землѣ на ратномъ полѣ, онъ, очевидно, ничего общаго не имѣеть. Тождество фамилій не есть достаточное основаніе для того, чтобы сблизить эти оба рода, такъ какъ фамилія «Карамзинныхъ», по словамъ Погодина, была очень распространена и въ его время на Кавказѣ, а потому и въ старые годы могли быть выходцы въ Русскую землю, носящіе одинаковыя клички Карамзинныхъ, но ничего общаго между собой не имѣющие.

Укажемъ, наконецъ, на «Родословный Сборникъ» (гг. Руммеля и Голубцова), въ первомъ томѣ котораго приведена генеалогія Карамзинныхъ.

Благодаря любезности В. В. Руммеля, которому приносимъ нашу благодарность, мы имѣли возможность познакомиться съ дѣломъ «О внесеніи герба рода Карамзинныхъ въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссийской имперіи»¹⁾, откуда и почерпаемъ данныя для исторіи этого рода.

Въ гербѣ Карамзина на голубомъ полѣ изображенъ полумѣсяцъ надъ двумя скрещенными золотыми мечами; это означаетъ, «что родоначальникъ Карамзинныхъ Семіонъ, происходившій отъ именитыхъ татаръ, оставя магометанство, принялъ христіанскую вѣру и что дѣти его, Дмитрій и Томило, при царѣ Василии Ивановичѣ Шуйскомъ и при государѣ царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ упоминаются въ числѣ дворянъ, военною службою отличавшихся, за что и верстаны были тогда помѣстными и денежными окладами».

Фактическая исторія рода Карамзинныхъ начинается, какъ указать еще Пекарскій, съ 7114 года, когда «ноября въ 22-й день по государеву цареву и великаго князя Дмитрія Ивановича наказу поверстали нижегородцовъ, которые служили городовую осадную службу, а пригодились въ полковую службу, государевымъ денежнымъ жалованьемъ и поместнымъ окладомъ. Въ числѣ награжденныхъ написанъ Дмитрій Семеновъ сынъ Карамзинъ. Дано ему семь рублей». Такимъ образомъ впервые родъ Карамзинныхъ по-

¹⁾ Правит. Сената, департ. герольдіи, № 662 (началось 24-го октября 1799 года, гербъ внесенъ въ V часть).

является на сценѣ исторической жизни русской при самозванцѣ, обстоятельство, постоянно замалчиваемое даже въ официальныхъ бумагахъ.

Тотъ-же Дмитрій Семеновичъ, нижегородецъ, дворянинъ и сынъ боярскій, вѣрно служившій самозванцу, былъ ревностнымъ слугою и Шуйскаго и не разъ получалъ денежные и помѣстные оклады (1606, 1608, 1612): за службу «подмосковную», «за вѣзтiе арзамасское», «за касимовскую службу», «за суздальскую» и за другія.

Въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича предки Карамзина продолжали служить Русской землѣ и не разъ были жалованы царями.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Дмитрій Семеновичъ былъ аттестованъ слѣдующимъ образомъ: «собою добръ, поместье и вотчина обычное, а на государевѣ службѣ будетъ на конѣ съ пичалью да сабля». Помѣстье за нимъ числилось 172 чети, крестьянъ 6 человекъ, бобылей 4 человекъ, вотчины 70 чети, а крестьянъ 3 человекъ, 3 бобыля.

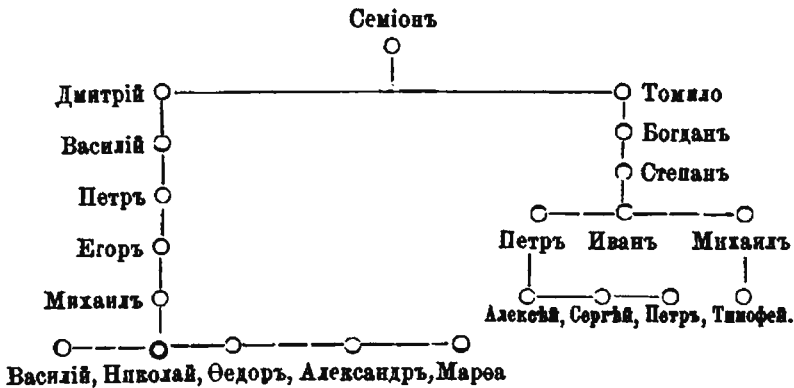
Съ именемъ сына его Василія (повикъ на службѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1629 г.) связаны только хлопоты о передачѣ ему отцовскихъ помѣстій. За то сынъ этого Василія, Петръ Васильевичъ, «жилецъ въ начальныхъ людяхъ», много послужилъ отечеству: имя его не разъ встрѣчается въ числѣ награжденныхъ «за чигиринскую службу», «за кievскую», «для вѣчнаго миру съ польскимъ королемъ», «за службу крымскаго походу». Подъ 7200 годомъ онъ записанъ «въ разрядѣ въ боярской книгѣ стряпчихъ». Въ 7206 году онъ «поступился дѣтямъ своимъ нижегородскими вотчинами».

Въ 1733 году въ «спискѣ генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ отставнымъ отъ службы» среди отставленныхъ «написанъ Егоръ Петра сынъ Карамзинъ, 64 лѣтъ, 16 дворовъ», «испомещенъ въ нижегородцкомъ, въ Синбирскѣ». Въ 1763 году умеръ Егоръ Петровичъ, и сынъ его Михаилъ, отецъ Н. М. Карамзина, вышелъ въ отставку. Въ прошеніи объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства онъ называетъ себя «капитаномъ». Въ томъ же, 1763 году, «отставной капитанъ» Михаилъ Карамзинъ продалъ часть земель за 400 рублей подполковнику Неплюеву. Въ 1765 году онъ опять продалъ часть земель за 100 рублей. По смерти первой жены своей изъ рода Пазухиныхъ Михаилъ Егоровичъ женился въ 1770 году на Евдокии Гавриловой, дочери Дмитріевой.

По смерти его (1782) недвижимаго наслѣдства осталось дѣтямъ: 1) Симбирскаго намѣстничества, Сенгилейской (округи?), село Знаменское (Карамзино—то-жъ), 2) Ясашной тамли, уфимскаго (намѣстничества?), Богурсланской округи деревня Ключевка, 3) Уфимскаго (намѣстничества?), Оренбургской волости, Бузулуцкаго округа, село

Преображенское (Михайлово—тожь) и 4) оставшееся ему отъ второй жены Симбирскаго намѣстничества, Сызранской округи село Богоявленское. Въ этомъ же году состоялъ дѣлежъ наслѣдства. Дѣтямъ отъ втораго брака выдѣлили изъ наслѣдства части: Александру четвертую, а Марѣ—слѣдуюмую, а кромѣ того, отдали село Богоявленское. Дѣтямъ отъ перваго брака: Василю, Николаю и Ѳедору выдѣлили изъ имѣннй мачихи слѣдуюмыя части и отдали имъ ее людьми и крестьянами, не дробя земли; а вмѣсто земли, отдали деревню Ключевку. Село Знаменское подѣлили между старшими братьями на три части, село Преображенское отдали Василю и Ѳедору, а деревню Ключевку отдали Николаю.

Родословная Карамзинныхъ.

Такимъ образомъ, исторія этого рода, довольно сбивчивая, мѣстами темная, тѣсно связана съ Поволжьемъ. Это былъ мелкій дворянскій родъ, сначала даже съ трудомъ существовавшій. Только царское жалованье поддерживало его. Талантами особенными никто изъ предковъ Карамзина не выдѣлился,—все они были рядовыми слугами Русской земли. То обстоятельство, что отецъ Н. М. Карамзина нѣсколько разъ продавалъ участки своихъ имѣннй, можетъ свидѣтельствовать о нѣкоторой разстроенности его дѣль.

Еще менѣе богата событіями исторія рода Пазухинныхъ, ¹⁾ изъ котораго происходила мать Карамзина. Первое имя этого рода Де м и д ѣ, извѣстный, впрочемъ, только по своему сыну И в а н у, который въ 7128 г. при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, за войну противъ польскаго короля былъ

¹⁾ Правит. Сената, департ. герольдн. Дѣло дворянскаго рода Пазухинныхъ. Настольнаго реестра № 343—348.

пожалованъ двумя деревнями. Родовая вотчина его была въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Плескомъ стану. Сынъ Ивана, Семень, грамотой 7198 года «за храбрую службу и ополченіе отца его и предковъ» получилъ «помѣстье въ отчину». Петръ Семеновичъ, сынъ его, владѣлецъ села Сары Симбирской губерніи, Алатырскаго уѣзда, какъ видно изъ патентовъ, данныхъ въ 1732, 1733, 1737 годахъ, состоялъ въ военныя-х чинахъ до полковника включительно. У него были два сына и дочь Екатерина. Эта дочь и была—мать Н. М. Карамзина. Братъ ея—Иванъ былъ арміи поручикомъ и Петръ тоже, какъ видно изъ 3-хъ патентовъ, данныхъ въ 1749, 1750 и 1754 годахъ изъ военной коллегіи, состоялъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ до поручика включительно». Въ 1765 году былъ между Пазухиными раздѣлъ.

Родословная Пазухинныхъ.

Сообщилъ В. В. Сиповскій.

Объ учрежденіи III отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи.

— —

Опредѣленіе Правительствующаго Сената изъ 1-го департамента въ 1-е отдѣленіе 5-го департамента.

7-го сентября 1826 г.

1826 года августа 16-го дня Правительствующій Сенатъ слушалъ рапортъ г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что государь императоръ, признавъ за благо уничтожить особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ и преобразовать ее подъ начальствомъ г. генераль-адъютанта Бенкендорфа въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, высочайшимъ указомъ 3-го іюля сего года, на имя его г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ состоявшимся, повелѣтъ извоилъ ему учинить нужныя по сему распоряженія. Въ исполненіе сего онъ, г. управляющій, сдѣлавъ надлежащее распоряженіе и предписавъ гг. начальникамъ губерній, чтобъ они по предметамъ, въ составъ помянутаго отдѣленія вошедшимъ, доносили уже не министерству внутреннихъ дѣлъ, а прямо его императорскому величеству,—доводить о томъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената.

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садикъ паши).

XXIII ¹⁾.

Парижъ.—Полки.—Польскіе сановники.—Князь Адамъ Чарторыйскій; графъ Владиславъ Замоискій.—Возвращеніе въ Буржъ.—Отъездъ въ Фонтенебло.—Наши военныя занятія.—Кибризи-Мехмедъ-паша, эскадронный командиръ 7-го драгунскаго полка.—Отъездъ изъ Фонтенебло.

Мы пріѣхали въ Парижъ на разсвѣтъ, черезъ Фонтенеблоскую заставу; такъ какъ мы были совершенно заспаны и городъ еще только просыпался, то онъ не произвелъ на насъ особеннаго впечатлѣнія. Какъ только мы вышли изъ дилижанса, насъ встрѣтилъ одинъ изъ нашихъ товарищей-артиллеристовъ вмѣстѣ съ паномъ Вислоухомъ, который намъ былъ незнакомъ; оказалось, что они были посланы намъ на встрѣчу демократами и карбонаріями, которые узнали о нашемъ пріѣздѣ. Они привели насъ въ прекрасный отель, по близости отъ Пале-Рояля; пока посланные рекомендовались Карлу Ружицкому и толковали съ нимъ о политикѣ, мы съ Омединскимъ, не теряя времени, пошли осмотрѣть Пале-Рояль.

Вернувшись въ отель, мы застали у Карла Ружицкаго массу польскихъ эмигрантовъ, которые привѣтствовали насъ, какъ товарищей и земляковъ, дѣлая намъ въ то же время какіе-то масонскіе знаки: они какъ-то особенно пожимали намъ руку, складывая пальцы, стучали по

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ май 1897 г.

столу и по стѣнѣ и спрашивала, къ какому отдѣлу или къ какой ложѣ мы принадлежимъ? Намъ все это было непонятно. Въ числѣ присутствующихъ были: докторъ Корабѣвичъ (Korabiewicz), человекъ весьма почтенный, но ярый демократъ, Янъ Чинскій, и многіе другіе. Всѣ они были настроены враждебно противъ князя Адама Чарторыйскаго. Ропеловскій, здороваясь со мною, кричалъ:

— Гражданинъ, богатырь Волынской, пусть ногі твоей не будетъ въ салонѣ этого тирана польской sprawy, ибо твое присутствіе въ его домѣ было бы равносильно сочувствію къ его безчестнымъ замысламъ, имѣющимъ цѣлью погубить Польшу.

Всѣ закричали вслѣдъ за нимъ:

— Пусть ногі твоей не будетъ въ салонѣ Адама Чарторыйскаго.

Поднялся такой гвалтъ, что мы уже были готовы бѣжать обратно въ Пале-Рояль, когда вошелъ Іосифъ Томашевскій, украинецъ и истый польскій шляхтичъ.

Все это происходило третьяго ноября, а четвертаго праздновалась память св. Карла; Томашевскій, усердно читавшій бердичевскій календарь съ тѣхъ поръ, какъ Ягелонида, поэма его отца, печаталась въ типографіи босыхъ кармелитовъ, тамъ же, гдѣ и календарь, отлично зналъ, что это день ангела Ружицкаго и, услыжавъ о его приѣздѣ, явился звать насъ на другой день къ себѣ на обѣдъ.

Обѣдъ былъ данъ въ ресторанѣ «Rocher du Saucal», на улицѣ Montorgueil. Вся прислуга была одѣта въ ливрея Томашевскаго; амфитріонъ, придерживаясь правила своего пріятеля Игнатія Струмилло, что обѣдъ можетъ быть веселъ только тогда, когда приглашенныхъ немного, пригласилъ всего девять человекъ: генерала Дверницкаго, Адама Мицкевича, генерала Гавронскаго, Богдана Залѣскаго, Іосифа Залѣскаго, Карла Ружицкаго, Омецинскаго и меня.

Я видѣлъ тутъ въ первый разъ двухъ польскихъ бардовъ или двухъ славянскихъ поэтовъ: Адама Мицкевича и Богдана Залѣскаго. У Мицкевича были длинныя, по-плечи волосы, какъ у распятаго Христа, но онъ не имѣлъ видъ мученика, а ѣлъ и пилъ, какъ нельзя лучше. У Богдана Залѣскаго были такія густыя нахмуренныя брови, что Кормарини говорилъ про него, что если бы русскіе смотрѣли ему въ брови, а не въ глаза, то они всѣ разбѣжались бы со страха.

Удивительно, что въ этомъ обществѣ, состоявшемъ изъ людей образованныхъ, благовоспитанныхъ и прирожденныхъ шляхтичей, не нашлось ни одного человека, который былъ бы на сторонѣ князя Адама Чарторыйскаго. Хотя его не могли ни въ чемъ упрекнуть и ни въ чемъ обвинить по отношенію къ общему дѣлу, но тѣмъ не менѣе всѣ были противъ него, повинуваясь тому стадному инстинкту, который влечетъ людей по теченію, вслѣдъ за большинствомъ.

Хотя единодушiе и согласiе—прекрасныя вещи, но въ этомъ случаѣ они ни къ чему хорошему не привели.

Мы посѣтили всю такъ называемую польскую знать, не особенно задаваясь вопросомъ о ея происхожденiи. Были мы и у сенатора Островскаго, и у Рыбинскаго, командовавшаго войсками, у котораго видѣли двухъ его мальчугановъ, изъ коихъ старшiй былъ прозванъ отцомъ *Listopadkiem* (ноябрьскiй), чтобы онъ всегда помнилъ, въ какомъ мѣсяцѣ началось народное движенiе, а второй—*Wierzgasem* (брыкливымъ), должно быть для того, чтобы онъ не забывалъ, что именно его отецъ былъ тотъ командиръ, который вывелъ польское войско за границу, отступая передъ русскими.

Мы были также у каштеляна Нѣмцевича, расчесаннаго и разодѣтаго, какъ у себя въ Рафаловкѣ. Онъ много бесѣдовалъ съ нами объ Америкѣ и ни слова не сказалъ о Польшѣ; у пана Буржиковского, который искренно и сердечно защищалъ князя Адама Чарторыйскаго; у Наркиса Олизара, у котораго застали нѣсколько нимфъ изъ французскаго театра; у генерала Дембинскаго мы застали четырехъ гризетовъ; передъ ними на столѣ были печеные каштаны, бѣлое вино изъ *Rouilly* и тутъ же, на угольяхъ, въ каминѣ, пеклись вафли. Генераль увѣрялъ, что ничто такъ не напоминаетъ ему стратегiю и тактику, какъ эти гризетки и печеные каштаны. Онъ далъ намъ по одному экземпляру брошюрки, въ которой доказывалъ, что уйдя изъ отечества, польское войско не должно было сложить оружiя, но идти, куда глаза глядятъ, изъ края въ край, надѣдая всѣмъ народамъ и правительствамъ, чтобы его заставили вернуться въ Польшу и предоставили ему тамъ властвовать. Эта брошюра была издана въ Парижѣ.

У Яна Ледоховскаго, посла и сенатора, графа и демократа, насъ угостили разговоромъ о необходимости созвать сеймъ и разбить на немъ враговъ славянства нашими аргументами. Если мы, говорилъ ораторъ, не были въ состоянiи сразить враговъ нашими пулями и саблями, то въдъ даръ слова помимо нашей воли остался за нами. Генераль Княжевичъ и графъ Платеръ, которые были послами или, такъ сказать, представителями польской sprawy во Францiи и въ Парижѣ въ 1831 г., рассказали намъ, въ какомъ они были страхѣ, когда національная гвардiя и многiе свободомыслящiе граждане хотѣли своими манифестациями вынудить короля Людовика-Филиппа двинуть войска на помощь полякамъ. Король былъ въ большомъ затрудненiи, ибо большинство министровъ соглашалось исполнить волю народа. Манифестанты хотѣли отправиться вмѣстѣ съ представителями польскаго народа къ королю въ Тюльери, но Княжевичъ и Платеръ, узнавъ объ этомъ, успѣли въ-время ухватить въ Монморанси. Гвардiя и либералы, прiйдя къ нимъ на квартиру и никого не заставъ, не пошли одни въ Тюльери; такъ дѣло и

кончилось, слава Богу, ничѣмъ, безъ кровопролитія, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Польшѣ.

Мы выслушали ихъ разсказъ спокойно, но панна Паулина Платеръ всплеснула руками и сказала:

— Есть чѣмъ хвастать, нечего сказать!

Она была права; эти представители польскаго народа или послы были честные люди, но имъ недоставало политическаго смысла и даже польской отваги.

Итакъ, мы посѣтили всѣхъ польскихъ сановниковъ. Мнѣ съ трудомъ удалось уговорить моего полковника засвидѣтельствовать почтенію князю Адаму Чарторыйскому, жившему въ то время въ предмѣстьѣ du Roule. Мы застали у него Владислава Замойскаго. Сердечный пріемъ князя и его задушевная рѣчь, сказанная отъ чистаго сердца и нашедшая откликъ въ нашихъ сердцахъ, едва не разсѣяла предубѣжденіе противъ него Карла Ружицкаго; я видѣлъ по его глазамъ, что онъ готовъ былъ признать власть князя Адама и изъявить готовность подчиниться его приказаніямъ. Но когда Замойскій началъ проповѣдывать свои благоразумныя, но холодныя, какъ ледъ, теоріи, лицо моего полковника омрачилось и, вышедши отъ князя, онъ сказалъ:

— Мнѣ нечего съ ними дѣлать!

Можетъ быть, многіе испытали то же самое, посѣщая князя Адама; ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, хотя бы самый ярый демократъ, поговоривъ съ княземъ съ глаза-на-глазъ, не могъ ни въ чемъ отказать ему, чтобы сдѣлать ему пріятное; такъ много было сердечности, прямоты и патріотизма въ этомъ выдающемся польскомъ дѣятелѣ. Онъ былъ до того простъ и сердеченъ въ обращеніи, что каковы бы ни были ваши политическія убѣжденія, имѣя дѣло съ нимъ, вы не могли не полюбить его и не благоговѣть передъ нимъ. Зато поговоривъ съ графомъ Владиславомъ Замойскимъ, который также былъ убѣжденный патріотъ и притомъ человѣкъ весьма умный, твердаго характера и убѣжденій, самый пылкій монархистъ и приверженецъ существующей династіи,—каждый терялъ вѣру въ правильность своихъ убѣжденій и въ самого себя. Послѣ разговора съ графомъ Замойскимъ невольно сжималось сердце и смолкали самые восторженные порывы.

На свѣтѣ встрѣчаются люди, коимъ все удается, тогда какъ другихъ во всемъ преслѣдуетъ неудача. Владиславъ Замойскій принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которые губятъ своимъ холоднымъ разсудкомъ всякое дѣло и всякаго человѣка, подходящаго съ ними въ соприкосновеніе; онъ принесъ Польшѣ несчастье въ политикѣ точно такъ, какъ генералъ Храпановскій на полѣ битвы, несмотря на то, что оба были люди умные, образованные и прекрасно знали свое дѣло. По мнѣнію генерала Дверницкаго, мнѣнію быть можетъ и справедливому, главная заслуга обще-

ственнаго дѣятеля заключается въ счастіи, въ удачѣ, отъ которой, по его словамъ, все зависитъ. Это какъ-будто напоминаетъ фатализмъ и не вполне согласуется съ христіанскимъ ученіемъ о свободѣ воли; но отрицать этого нельзя, ибо за это говорятъ факты. Кроме того, генералъ Дверницкій и Адамъ Мицкевичъ утверждали, что бываютъ люди, коимъ все удается въ общественной дѣятельности, тогда какъ въ личной жизни ихъ преслѣдуютъ неудачи; эта истина также не подлежитъ сомнѣнію.

Карлъ Ружицкій охладѣлъ послѣ разговора съ Замоискимъ къ князю Адаму, но все же онъ былъ убѣжденъ въ искреннемъ патріотизмѣ князя и понималъ, что Чарторыйскій по своему соціальному положенію долженъ былъ состоять во главѣ поляковъ, но онъ до того поддался влиянію партіи, которая агитировала противъ князя, что даже подписался подъ протестомъ противъ подчиненія его власти. Подъ этимъ нелѣпымъ воззваніемъ оказались подписи Омецинскаго и моя собственная, одѣланные безъ нашего вѣдома, точно такъ же, какъ и подписи нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Вытъ можетъ, эту глупую манифестацію можно объяснить до извѣстной степени досадою на князя за то, что онъ ничего не сдѣлалъ для спасенія отечества, когда это было въ его власти. Его супруга, княгиня Анна Чарторыйская, говорила ему со слезами на глазахъ:

— Вступи на престолъ, спаси Польшу; а если ты не хочешь принять короны, которая слишкомъ тяжела для твоей головы, то уѣзжай изъ Варшавы и изъ Польши, ибо твое присутствіе скорѣе повредитъ отечеству, нежели принесетъ ему пользу.

Но онъ не принялъ ея совѣтовъ, а поддакъ убѣжденіямъ или, лучше сказать, наущеніямъ Густава Малаховскаго и Владислава Замоискаго и предложилъ корону австрійскому эрцгерцогу и тѣмъ погубилъ польскую справу, а Польши не спасъ. Поэтому нельзя сказать, что обвиненія, которыя заводили на него агитаторы, стараясь собрать какъ можно болѣе подписей подъ своимъ воззваніемъ, были совершенно несправедливы и что противники дѣйствовали безчестно; но во всякомъ случаѣ они поступили со свойственнымъ полякамъ легкомысліемъ, и съ ихъ стороны было не только большою ошибкою, но можно сказать даже политическимъ преступленіемъ лишить князя Адама его политической роли, не имѣя въ виду другаго человѣка, который могъ бы замѣнить его.

Я упоминаю неоднократно объ отказѣ князя Адама отъ польской короны въ пользу эрцгерцога потому, что эта была, по моему убѣжденію, одна изъ главныхъ причинъ позорной неудачи польской справы.

Поляки, во время своего пребыванія въ Парижѣ, были до того поглощены своими національными интересами и манифестаціями, что они

не облизались съ французами и совершенно не интересовались ихъ политическою жизнью.

Мы вдвоемъ съ Омецинскимъ много бродили по городу, осматривая его достопримѣчательности; намъ жаль было видѣть Карла Ружицкаго, который совершенно измучился и даже упалъ духомъ вслѣдствіе частыхъ посѣщеній демократовъ, карбонаріевъ и иныхъ крикуновъ, конхъ было вдоволь среди эмигрантовъ и которые не давали ему ни ѣсть, ни пить, ни одѣться и отдохнуть. По истинѣ это былъ мученикъ политики. Однажды вечеромъ мы всѣ трое рѣшили вернуться въ Буржъ. Эта поѣздка имѣла огромное значеніе въ моей жизни. Въ Буржѣ я познакомился съ семействомъ de Gabaret, часто бывалъ у нихъ и, сойдясь съ ними поближе, посватался за единственную ихъ дочь, очень хорошенькую молоденькую дѣвушку.

Ставъ женихомъ, я болѣе не тратилъ по-пусту время и началъ читать спеціальныя военныя сочиненія, чтобы основательно изучить военное дѣло не потому, чтобы я придавалъ ему особенное значеніе, напротивъ, я никогда не любилъ и посейчасъ не люблю этого дѣла: меня не прельщаетъ мундиръ и вся военная мишура, но я посвятилъ себя военной службѣ будучи убѣжденъ, что полякъ, не имѣя отечества, долженъ избрать ремесломъ военную службу, что это единственная для него возможная карьера и что только на этомъ поприщѣ онъ можетъ быть полезенъ самому себѣ и отечеству.

Въ Буржѣ мы познакомились случайно съ полковникомъ Бракомъ, командовавшимъ въ то время четвертымъ гусарскимъ полкомъ, въ коемъ служилъ нашъ старый знакомый графъ Валевскій.

Карлъ Ружицкій, собравъ всѣхъ офицеровъ Волынской кавалеріи, которыхъ онъ вызвалъ изъ другихъ отрядовъ, поселился въ Фонтенебло, гдѣ квартировалъ со своимъ полкомъ полковникъ Бракъ и полковникъ Regnault de S-t Angely съ уланскимъ полкомъ. Оба полковника отнеслись къ намъ какъ нельзя лучше и пригласили посѣщать офицерскія лекціи и ученія, для которыхъ намъ давали даже лошадей; мы обѣдали въ офицерской столовой;—однимъ словомъ, вели гарнизонную жизнь, прилежно учились, переводили съ нѣмецкаго и русскаго для маленькаго военнаго журнальца, издаваемаго въ то время полковникомъ Бракомъ; это было для насъ настоящей и притомъ весьма полезной военной школой. Кромѣ графа Валевскаго мы были въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ поручикомъ княземъ д'Экмюлемъ (Eckmuhl), сыномъ маршала Даву, который въ виду заслугъ, оказанныхъ его отцомъ полякамъ и польскому дѣлу, и популярности его между поляками, считалъ себя кандидатомъ на польскій престолъ, въ чемъ его поддерживали Коржелинскій и Иннокентій Дрогонъ. Оба они присоединились къ намъ, хотя

и не служили прежде въ Волынской кавалеріи; но это было имъ съ руки, такъ какъ кандидатъ былъ человѣкъ богатый и тароватый.

Въ Фонтенебло я познакомился съ Кибризли-Мехмедъ-пашею, въ то время эскадроннымъ командиромъ 7-го французскаго драгунскаго полка; онъ пріѣхалъ осмотрѣть четвертый гусарскій полкъ, считавшійся въ то время образцовымъ во французской кавалеріи.

Съ туркомъ мы сразу подружились. Кибризли былъ въ то время далеко отъ политики; онъ былъ драгунъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы знали изъ газетъ, что когда оскорбленный кѣмъ-то секретарь турецкаго посольства, христіанинъ, родомъ грекъ или болгаринъ, не хотѣлъ требовать удовлетворенія за обиду, утверждая, что поединки воспрещены кораномъ, а онъ, какъ слуга монарха, признающаго коранъ, обязанъ соблюдать вѣрованія и обычаи своего монарха, то Кибризли разыскалъ того человѣка, который нанесъ оскорбленіе этому секретарю, вызвалъ его на дуэль, отрубилъ ему уши и тѣмъ приобрѣлъ извѣстность. По словамъ Брака, онъ былъ прекрасный кавалерійскій офицеръ, очень ловокъ, привѣтливъ и симпатизировалъ полякамъ. Наше знакомство перешло въ дружбу, которая не ослабѣвала до самой смерти Кибризли.

Въ то время въ Фонтенебло жило нѣсколько англійскихъ семействъ; все это были люди довольно зажиточные въ особенности нѣкто Филиппъ, издатель сочиненій лорда Байрона, у котораго была красавица дочь, и Фрикъ, бывший интендантъ англо-индійской арміи, у коего было двѣ дочери. Семидесятилѣтній старикъ Филиппъ часто давалъ въ своемъ домѣ очень веселые вечера и маскарады.

Ни про одного монарха злые языки не рассказывали такъ много анекдотовъ какъ про Людовика-Филиппа. Въ бассейнахъ Фонтенебло водились огромные, откормленные карпы; доходъ отъ продажи этихъ карповъ шель на такъ называемый *liste civile*, т. е. на покрытіе расходовъ по содержанію главы конституціоннаго государства. Французы говорили, что король дѣлаетъ подрывъ этому фонду тѣмъ, что потихоньку выуживаетъ этихъ карповъ и продаетъ ихъ въ свою пользу, иначе говоря, кладетъ эти деньги въ свой собственный карманъ. Филиппу очень понравился этотъ глупый анекдотъ; когда ему говорили, что этого быть не можетъ, потому что вездѣ стоятъ часовые, которые арестовали бы переодѣтаго короля, то онъ отвѣчалъ, что продѣлаетъ то же самое. Дѣйствительно, онъ нанялъ осла, осѣдлалъ его, а самъ надѣлъ казацкій костюмъ, который досталъ ему Коржелинскій. Онъ былъ очень смѣшонъ въ этомъ нарядѣ: толстый, съ брюшкомъ и коротенькими ножками; вмѣсто папахи онъ надѣлъ на голову сахарный картузь; ему дали въ руки огромную пиху съ придѣланнымъ къ ней крючкомъ для ловли рыбы. Средь бѣла дня повѣхалъ Филиппъ на ловлю карповъ въ то время, какъ въ Фонтенебло былъ король и его семья; не знаю какимъ образомъ онъ

попалъ въ паркъ, вѣрно его пропустили ради его шутовскаго костюма. Въ паркѣ, сойдя съ осла и ставъ надъ бассейномъ, онъ началъ зацѣплять своимъ крючкомъ карповъ и успѣлъ уже захватить нѣсколько штукъ въ свой мѣшокъ, когда его замѣтилъ одинъ изъ сторожей и, подскочивъ къ нему, такъ ударилъ его по плечу, что бѣдняга Филиппъ упалъ въ бассейнъ головою внизъ дрыгая ножками. Когда его вытащили, король и королева, узнавъ объ этомъ приключеніи, велѣли отвести его въ дворцовый лазаретъ, гдѣ его обсушили, а затѣмъ отправили домой.

На другой день въ Фонтенебло разнесся слухъ, что Людовикъ-Филиппъ, переодѣтый казакомъ, взявъ съ собою ослика, чтобы наловить побольше карповъ, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія сторожемъ, отъ котораго ему порядкомъ досталось; на всѣхъ стѣнахъ и заборахъ появился нарисованный карпъ съ надписью: «за кражу домашнихъ звѣрей въ огороженномъ мѣстѣ подлежитъ суду исправительной полиціи».

Между тѣмъ бѣдный Филиппъ не могъ оправиться отъ страха и отъ неожиданной ванны и черезъ нѣсколько дней скончался; трауръ прервалъ наше веселье. Въ газетахъ упомянули объ этомъ происшествіи, но при этомъ коварно намекнули, что оно было вымышлено для того, чтобы скрыть поступокъ короля Людовика-Филиппа и спасти его отъ суда исправительной полиціи.

Такова была Франція и таковы были французы въ ту пору.

Я впервые взялся въ то время за перо и написалъ какое то плохенькое сочиненьице о легкой кавалеріи съ примѣрами, взятыми изъ жизни, и теоріей, мною самимъ выдуманной. Карлъ Ружицкій нашель въ этомъ сочиненіи много правилъ, примѣнимыхъ на практикѣ, и показаль его обоимъ полковникамъ, которые поздравили меня съ тѣмъ, что я прекрасно понимаю духъ кавалерійской службы и въ какихъ именно случаяхъ можно съ пользою употреблять въ дѣло кавалерію; рукописи моей мнѣ не возвратили; впрочемъ, не придавая ей ни малѣйшаго значенія, я и не вспоминалъ о ней.

Черезъ годъ, когда я уже окончательно позабылъ объ этой рукописи, я получилъ однажды отъ редактора военнаго журнала «*Spectateur militaire*» номеръ этого журнала, въ которомъ была напечатана моя статейка съ подписью: «Офицеръ польскихъ казаковъ» и при этомъ чекъ на полученіе 500 франковъ изъ редакціи журнала и приглашеніе явиться въ военное министерство, о чемъ будетъ рѣчь дальше.

Четвертый гусарскій и первый уланскій полки были переведены между тѣмъ изъ Фонтенебло въ другой пунктъ; полковникъ Бракъ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ директоромъ кавалерійскаго училища въ Союрѣ. Въ это время г-жа Томашевская привезла изъ Галиціи моего племянника Станислава Ружицкаго, и мы отправились всѣ вмѣстѣ въ Парижъ, гдѣ мой зять хотѣлъ воспитывать своего сына

Цѣлый годъ провели мы въ Фонтенебло, и, благодаря практичности и опытности Карла Ружицкаго, это время было употреблено нами съ величайшею пользою, ибо мы всё усовершенствовались въ кавалерійской службѣ, и если бы отечеству снова повадобились наши услуги, то мы могли бы ему быть полезнѣе прежняго. Оба полковые командиры и все общество офицеровъ оказало намъ въ Фонтенебло самый сердечный, братскій приемъ, и жизнь въ этомъ городѣ оставила въ насъ самое отрадное воспоминаніе о братьяхъ польскаго и французскаго войска.

XXIV.

Вторичный прїездъ въ Парижъ.— Не особенно прїятное положеніе.— Маркграфъ Ласъ-Меримасъ.— Генераль Шнейдеръ и полковникъ Бриквилъ.— Я дѣлаюсь литераторомъ и журналистомъ.— Адамъ Мицкевичъ.— Начинаю писать по-польски.— Я знакоюсь съ княземъ Чарторыйскимъ и провожу мысль о необходимости создать вышнюю политику Польши.— Знакомство съ нѣкото рыми славянскими дѣятелями.— Румыны.— Новая политическая программа.— Французскіе салоны.— Польскій салонъ.

Этотъ разъ я вѣзжалъ въ Парижъ, будучи вынужденъ, по французской поговоркѣ: «*faite bonne mine au pauvre jeun*»; у меня былъ въ карманѣ всего одинъ дукатъ и нѣсколько франковъ мелкой монеты, рекомендательное письмо къ Бокеру-Агуадо (*Bankier Aguado*) или марграфу Ласъ-Меримасу (*Las Merismas*) и масса хлопотъ впереди. Карлъ Ружицкій и Омединскій остались пока въ Фонтенебло, ожидая разрѣшенія переехать изъ тамошняго гарнизона въ столицу; мнѣ же не нужно было этого разрѣшенія, такъ какъ я не получалъ жалованья.

Надобно было позаботиться о мѣстѣ; мнѣ хотѣлось выхлопотать его до прїезда жены. Я отправился къ марграфу, жившему близъ зданія Большой Оперы, и былъ принятъ имъ весьма любезно; мы бесѣдовали съ нимъ довольно долго и онъ обѣщалъ мнѣ во всемъ свое содѣйствіе, обѣщалъ даже мѣсто у себя и просилъ меня зайти къ нему дня черезъ три. Я ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, что это будетъ за мѣсто въ банкѣ или въ его канцеляріи, или наконецъ какая-нибудь должность лично при немъ—быть можетъ онъ думалъ возложить на меня обязанность занимать его гостей? Пока я размышлялъ о томъ, что меня ожидало, я встрѣтился съ Іосифомъ Залѣскимъ, который передалъ мнѣ, что французскій генераль Шнейдеръ, женатый на дѣвицѣ Залѣской и занимавшій въ то время мѣсто директора канцеляріи военнаго министерства, спрашивалъ обо мнѣ и о томъ, гдѣ меня можно разыскать. Я не зналъ его лично, но слышалъ о немъ много хорошаго отъ моей матери,

которая была довольно близка съ семействомъ Залѣскихъ. Генералъ Шнейдеръ, эльзасецъ, былъ русскимъ военно-плѣннымъ и взятъ на поруки моимъ родственникомъ—презусомъ Проскурою.

Я отправился къ генералу въ тотъ часъ, когда онъ возвращался со службы; онъ принялъ меня радушно и просилъ съ нимъ отобѣдать, сказавъ, что онъ ожидаетъ къ обѣду нѣсколькихъ пріятелей. Въ числѣ гостей было нѣсколько народныхъ представителей и между прочимъ полковникъ де-Бриквиль, ярый демократъ, даже республиканецъ, большой пріятель поляковъ. Собравшіеся начали меня разспрашивать о Польшѣ, о Россіи, о нашей войнѣ. Вѣроятно, мои рассказы заинтересовали ихъ, ибо генералъ Шнейдеръ вокликнулъ:

— И такой человекъ хочетъ быть счетчикомъ въ банкѣ или приближеннымъ Агуады,—да этого допустить нельзя.

Когда я замѣтилъ, что мнѣ необходимъ заработокъ для того, чтобы существовать, полковникъ де-Бриквиль сказалъ:

— Пишите то, что вы рассказываете и именно такъ, какъ вы говорите—и вы наживете себя состояніе. Если вы не обезпечены, то вамъ, какъ шляхтичу, возможны только два пути: либо быть военнымъ, либо писателемъ, иного выбора быть не можетъ,—всякое иное занятіе вамъ наскутитъ.

Онъ наговорилъ мнѣ такъ много о моемъ талантѣ, о моихъ способностяхъ, что, придя домой, я составилъ въ головѣ планъ повѣсти о казакѣ Михненко, въ которой хотѣлъ выяснитъ связь, существующую съ давнихъ поръ между поляками и казаками, и доказать, какую огромную службу могло бы сослужить казачество Польшѣ. Присѣвъ къ столу, я не всталъ съ мѣста, пока не окончилъ повѣсти.

Набросавъ черновикъ, я перечиталъ его и, оставивъ рукопись на столѣ, ушелъ изъ дома, рѣшивъ исправить повѣсть впоследствии; когда же я вернулся поздно вечеромъ, то привратникъ сказалъ мнѣ, что ко мнѣ пріѣзжали какіе-то два знатныхъ господина въ экипажѣ, и хотя имъ сказали, что меня нѣтъ дома, тѣмъ не менѣе они поднялись наверхъ и пробыли тамъ болѣе часа. Когда я вошелъ въ квартиру, г-жа Мюллеръ сказала, что у меня были два генерала, долго читали какую-то бумагу, взяли ее съ собою и уѣхали, не назвавъ своихъ фамилій, но сказавъ, что я навѣрно догадаюсь, кто у меня былъ. Дѣйствительно, я догадался кто были эти генералы и нисколько не былъ смущенъ, но меня тревожила мысль, что они будутъ смѣяться надо мною, ибо я не былъ увѣренъ въ томъ, что не написалъ въ своей повѣсти какого-нибудь вздора; расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, я припоминалъ что и какъ было мною написано. На другой день мнѣ предстояло идти къ марграфу Ласъ-Меримасу. Съ этой мыслью я уже вставалъ съ постели, когда служанка, пріотворивъ дверь, просунула мнѣ въ щелку газету въ бандеролѣ, на которой я прочиталъ

свою фамилію. Это былъ «Réformateur», а въ фельетонѣ, въ девяти колонкахъ, была напечатана моя повѣсть «Михненко»; при этомъ были приложены письмо, въ которомъ меня просили зайти въ десятомъ часу въ контору редакціи, и ордеръ въ кассу, на полученіе 50 франковъ. Я не помнилъ себя отъ радости; до половины десятаго читалъ я и перечитывалъ моего «Михненко» и былъ доволенъ имъ и самимъ собою. Я не пошелъ къ марграфу, а прямо отправился въ контору редакціи, гдѣ засталъ главнаго редактора газеты—Роспайля и полковника де-Бриквизя, который былъ однимъ изъ главныхъ ея издателей. Они сказали мнѣ, что принимаютъ меня въ сотрудники «Реформатора», что я могу помѣщать въ немъ, еженедѣльно, по одному фельетону, за который мнѣ будутъ платить по 50 франковъ, а за статьи политическаго характера по четыре су за строчку; литературная карьера представлялась мнѣ весьма заманчивой, поэтому я согласился на ихъ предложеніе, но желая остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ марграфомъ, я написалъ ему любезное письмо, объясняя почему я не могу быть у него.

Такъ начались мои литературныя занятія; я подписался на русскіе, польскіе и славянскіе газеты и журналы и началъ дѣлать изъ нихъ извлеченія, помѣщая свои статьи въ разныхъ французскихъ газетахъ, какъ-то: «Figaro», «Quotidienne», «La France», которыя мнѣ высылались поэтому бесплатно. Въ это же время одинъ изъ нашихъ украинцевъ, Петръ Копчинскій, человекъ весьма почтенный и отличный химикъ, предложилъ мнѣ вступить съ нимъ въ компанію и держать вмѣстѣ кабинетъ для чтенія, на бульварѣ des Capucins. Онъ приобрѣлъ этотъ кабинетъ, чтобы оказать услугу одному другу-французу, обстоятельства котораго были весьма разстроены. Я вступилъ съ нимъ въ компанію на слѣдующихъ условіяхъ: завѣдываніе читальней лежало на мнѣ; мы пригласили одну пожилую даму для занятій въ конторѣ и молодого поляка Вазовскаго для разноски газетъ и журналовъ; онъ же собиралъ деньги съ подписчиковъ; пять процентовъ съ капитала, за вычетомъ расходовъ, шло въ пользу Копчинскаго, а остальной барышъ мы дѣлили пополамъ.

Четыре мѣсяца спустя читальня была продана вчетверо дороже ея первоначальной стоимости, и я получилъ отъ Копчинскаго довольно крупную сумму денегъ. Въ читальнѣ я познакомился съ извѣстнымъ своимъ остроуміемъ, докторомъ Корево, пруссакомъ, который познакомилъ меня, въ свою очередь, съ Этьеномъ, однимъ изъ собственниковъ «Constitutionnel»а, со старикомъ Сентъ-Альбиномъ, членомъ народнаго конвента, отвѣтственнымъ издателемъ этой газеты и съ ея главнымъ редакторомъ. Я былъ принятъ ими въ число редакторовъ «Constitutionnel»а по составленію и редактированію отдѣла заграничныхъ извѣстій, получаемыхъ съ востока и юга, и долженъ былъ являться въ контору редакціи два

раза въ день: въ десять часовъ утра и въ десять часовъ вечера, за что получалъ триста франковъ въ мѣсяцъ.

Въ газетѣ «Des Tribunaux» я писалъ статьи и отчеты по уголовнымъ процессамъ, получая сто пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ; кромѣ того, редакция представила въ мое распоряженіе, ежедневно, экипажъ, коимъ я могъ пользоваться до полуночи.

Я былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ главныхъ редакторовъ «Revue du Nord», вмѣстѣ съ очаровательной, Гортензіей Корну, молочной сестрой Наполеона III, съ шведомъ Мельдоленомъ, съ вѣмцами Гейне и Берне и съ итальянцемъ Азаріо. Издателемъ этого журнала былъ Булуа.

Кромѣ того, я писалъ въ «Journal des Débats», въ «Revue de Paris» и другихъ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ, зарабатывая до тысячи франковъ въ мѣсяцъ; и свелъ знакомство со многими извѣстными писателями.

Курьезныя сцены происходили у меня иногда со старикомъ Альбиномъ. Онъ не любилъ русскихъ и, не имѣя возможности утопить ихъ въ потокахъ крови, старался топить ихъ, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, въ потокахъ чернилъ. Однажды я прочелъ въ корреспонденціи изъ Одессы о стычкѣ, происшедшей между казаками и абаздехами, въ которой погибло тридцать человекъ русскихъ; я написалъ объ этомъ статью во французскую газету въ томъ же смыслѣ, сказавъ со словъ корреспонденціи, что въ этомъ дѣлѣ участвовалъ всего только одинъ эскадронъ. Старикъ Севтъ-Альбинъ велѣлъ напечатать, что убито триста казаковъ. Вечеромъ я сталъ доказывать ему, что это совершенно невѣроятно, ибо въ эскадронѣ не можетъ быть болѣе ста шестидесяти человекъ. Старикъ разсердился, что я шажу русскихъ, сказавъ, что я грѣшу противъ польской sprawy, и что если я не хочу, чтобы было убито триста казаковъ, то онъ велѣтъ напечатать, что ихъ убито три тысячи; дѣйствительно, такъ и напечаталъ, оставивъ въ то же время мои слова, что въ этомъ дѣлѣ участвовалъ всего одинъ только эскадронъ!

Надъ старикомъ посмѣялись и прозвали его убійцею казаковъ.

Я писалъ также въ военныхъ журналахъ и былъ приглашенъ директоромъ института историческихъ наукъ Дандевиллемъ принять участие въ издаваемомъ этимъ институтомъ словарѣ, для котораго написаны мною статьи о казакахъ, киргизахъ и другихъ азіатскихъ народахъ. Кромѣ обѣщанной мнѣ за это платы, я получилъ премію въ 1.000 франковъ и дипломъ на званіе члена историческаго института, въ который я былъ принятъ при весьма торжественной обстановкѣ. Секретарь института Евгений де-Монглавъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ обо мнѣ, что я запорожскій казакъ, служу живымъ примѣромъ того, что наука и искусства проникли и въ это дикое военное сословіе и что дикъпровскій казакъ такъ же хорошо можетъ владѣть перомъ, какъ саблей.

Какъ членъ историческаго института, я былъ представленъ Дандвиллемъ тогдашнему министерству, состоявшему изъ маршала Сульта, князя Брогли, Тьера и Гизо—они довольно долго разговаривали со мною. Должно быть я произвелъ на нихъ благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ я былъ приглашенъ къ нимъ въ домъ и былъ весьма любезно принятъ ихъ женами, въ особенности въ семьѣ Гизо, сестра котораго, г-жа Melun, считала меня большимъ знатокомъ Востока и славянства.

Я познакомился съ проживавшими въ Парижѣ сербами и румынами: съ Мариновичемъ, Христочемъ, Николаевичемъ, Черноберцемъ, княземъ Гикой, Николаемъ Кречулеско, Рудольфомъ и Александромъ Голеско и многими другими; говорилъ съ ними о политикѣ и познакомилъ ихъ со многими политическими дѣятелями Франціи. Однимъ словомъ, я сдѣлался политическимъ писателемъ и великимъ политикомъ.

Съ поляками я мало водилъ знакомства; впрочемъ, сошелся съ Адамомъ Мицкевичемъ, который уговаривалъ меня писать по-польски, доказывая, что мнѣ непростительно расточать свой талантъ по французскимъ изданіямъ. Я послѣдовалъ его совѣту и при всѣхъ моихъ занятіяхъ написалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ повѣсть «Węrynohe», которая была набрана и отпечатана Александромъ Еловецкимъ и Евстафіемъ Янушкевичемъ.

Въ это самое время Янушъ Вороничъ издалъ, надѣлавшую много шума, брошюрку о монархіи и династіи. Князь Адамъ Чарторыйскій искалъ сближенія со мною черезъ Адама Мицкевича и Карла Сенкевича; я не избѣгалъ сближенія съ этимъ выдающимся польскимъ дѣятелемъ, но при первомъ же разговорѣ о политикѣ заявилъ ему прямо, что готовъ дѣйствовать подъ его руководствомъ, только съ условіемъ, что мы будемъ считать его законнымъ королемъ польскимъ, ибо политическое служеніе Польшѣ возможно только при этомъ условіи. Карлъ Сенкевичъ поддержалъ меня, а Замоискій только улыбнулся.

Князь Адамъ Чарторыйскій оказывалъ мнѣ величайшее довѣріе, а княгиня Анна Чарторыйская, княгиня Марія Виртембергская и княгиня Анна Сапѣга выразили мнѣ такое вниманіе, за которое я посейчасъ имъ благодаренъ; онѣ дѣлали мнѣ всевозможныя одолженія.

Въ то время, какъ я считалъ уже себя связаннымъ съ княземъ Адамомъ, въ «Spectateur militaire» появилась моя статья о кавалеріи и я былъ приглашенъ по этому поводу въ военное министерство. Маршалъ Султъ похвалилъ мою статью и заявилъ мнѣ, что если я пожелаю поступить на службу во французское войско, то буду принятъ тѣмъ же чиномъ. Я попросилъ нѣсколько дней на размышленіе и, отправившись къ князю Чарторыйскому, разсказалъ ему о предложеніи, мнѣ сдѣланномъ,

отдавая свою будущность вполнѣ въ его распоряженіе. Князь, со свойственной ему добротою и со слезами на глазахъ пожалъ мнѣ руку:

— Оставайтесь со мною,—сказалъ онъ,—будемъ вмѣстѣ работать, надѣюсь на Бога и на свои собственные силы, можетъ быть намъ удастся принести какую-нибудь пользу нашей бѣдной Польшѣ.

Я остался, позабывъ обо всемъ, позабывъ даже о самомъ себѣ, чтобы сдѣлать удовольствіе начальнику, котораго я такъ полюбилъ, что по первому его знаку готовъ былъ пожертвовать жизнію, а не только будущностью. Признаюсь, я всѣмъ сердцемъ преклонился передъ этимъ польскимъ королемъ безъ престола и передъ его роднею. Я изложилъ ему свою программу дѣйствій или, такъ сказать, свою политическую *profession de foi*, заключавшуюся въ слѣдующемъ:

«Не обращать никакого вниманія на крики и выходки польскихъ эмигрантовъ, не добиваться у нихъ популярности, оставивъ ихъ въ покоѣ, пусть себѣ глупятъ; помогать каждому безъ различія партій, не обращая вниманія на его политическое прошлое, быть бы только полякъ. Относительно французскаго и англійскаго правительствъ—стать въ положеніе законной, наслѣдственной власти Польскаго королевства, находящейся временно внѣ предѣловъ отечества, и требовать отъ этихъ правительствъ, чтобы они не принимали относительно эмигрантовъ никакихъ мѣръ безъ вѣдома и согласія князя Адама. Я доказывалъ необходимость создать въ эмиграціи внѣшнюю политику Польши, которой у насъ собственно говоря не было. Центромъ этой политики дѣйствительно можетъ быть Римъ, какъ того требуютъ католики, но не слѣдуетъ забывать, что католицизмъ пошатнулъ политическое существованіе Польши, оторвавъ ее отъ славянства, отъ коего ей не слѣдовало отдаляться и которое представляетъ собою для нея въ настоящее время единственный источникъ жизненной силы. Затѣмъ слѣдуетъ завести политическія сношенія на Востокъ, подразумѣвая подъ этимъ: 1-е) турецкое правительство, которое одно до конца поддерживало союзъ, заключенный съ Польшей, и до сей поры не скрѣпило никакимъ политическимъ актомъ раздѣла Польши; 2-е) славянскія племена, находящіеся подъ верховною властью султана, изъ коихъ одни такіе же славяне, какъ поляки, а другія считаютъ своими врагами тѣ же самыя націи, которыя участвовали въ раздѣлѣ Польши. Когда мы создадимъ такую внѣшнюю политику, которая высоко поставитъ авторитетъ и значеніе князя Адама въ глазахъ иностранныхъ державъ и народовъ Европы, тогда слѣдуетъ организовать за границею польское войско, которое могло бы служить польскому дѣлу. Я откровенно сказалъ князю Адаму, что не возлагаю надеждъ на возстаніе самихъ поляковъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ и не будетъ силъ противустоять могущественному врагу, который властвуетъ въ краѣ, въ особенности при рознѣ, существующей въ нашемъ обществѣ, въ коемъ

нѣтъ связующаго звена, при враждѣ, укоренившейся между панамъ и холопами, при отсутствіи людей съ извѣстнымъ социальнымъ положеніемъ, коимъ всѣ охотно подчинились бы и которые стали бы во главѣ повстанія; при легкомысліи народа, которое можно назвать политической трусостью, и наконецъ при нашей несчастной политической несостоятельности, которую я считаю величайшимъ наказаніемъ за наши грѣхи. Каждое повстаніе влечетъ за собою цѣлый рядъ несчастій, которыя все болѣе и болѣе губятъ наше отечество; поэтому я всегда былъ противъ всякихъ заговоровъ и пропаганды, возбуждающей возстаніе въ Польшѣ. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что для блага Польши необходимо дѣйствовать за границей и тамъ подготовить силы, которыя при удобномъ случаѣ можно бы выставить на защиту нашего дѣла. Эти силы должны быть подчинены одному вождю подъ знаменемъ народа, но это знамя должно быть не революціонное, оно должно быть символомъ возстановленія законнаго порядка».

Князь Адамъ согласился принять эту программу и былъ готовъ дѣйствовать, не обращая вниманія на польскихъ эмигрантовъ и не объявляя имъ этой программы.

Между тѣмъ я продолжалъ писать свои повѣсти. Быстро слѣдовали одна за другой: «Kirdzali», «Ukrainki», «Hetman Ukrainy», «Gawędy» и др. («Киржали», «Украинки», «Украинскій гетманъ», рассказы и др.), которыя должны были въ легкой и интересной формѣ знакомить поляковъ съ тою мѣстностью и съ тою средою, которой я думалъ воспользоваться для нашего дѣла. Я распустилъ слухъ, что «Киржали» написаны княгиней Маріей Виртембергской, чтобы этимъ показать сербамъ и прочимъ славянамъ, что родные Чарторыйскаго ими интересуются, а лицамъ, которые были связаны съ княземъ Адамомъ политической дѣятельностью—что Чарторыйскіе пишутъ о славянахъ и интересуются славянствомъ.

Я ввелъ въ салонъ князя Адама всѣхъ сербовъ и прочихъ славянъ и румынъ, и тѣмъ успѣлъ придать ему извѣстную политическую окраску, которая показывала Франціи и Англии, что славяне стремятся къ князю Адаму, что они ему довѣряютъ. Я поощрялъ тѣхъ, кто начиналъ интересоваться политикой и старался найти поддержку въ князѣ Адамѣ. На мой призывъ и на письма завербованныхъ мною новичковъ, разсуждавшихъ со своими близкими о политикѣ, откликнулись изъ нашего края нѣкоторые знакомые; такимъ образомъ прибыли въ Парижъ: Кампиніано, Кантакузинъ, Балшъ, Стурдза и др. Съ другой стороны, уваженіе, которое оказывали мнѣ Гизо и Тьеръ, открыло мнѣ доступъ въ домъ Цинтрота, директора политическаго отдѣла при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Это былъ единственный человекъ, придерживавшійся традицій великихъ дипломатовъ Франціи; онъ любилъ поляковъ не только

*

сердцемъ и воображеніемъ, онъ любилъ ихъ на дѣлѣ; это былъ человекъ въ высшей степени даровитый, трудолюбивый, прекрасно знакомый со всѣми вопросами политики. Онъ и его супруга принимали насъ весьма любезно; на ихъ вечерахъ бывалъ князь Адамъ и всѣ мои славяне и румыны, которые находились въ политическомъ отношеніи какъ бы подъ моею опекою. Черезъ меня шли всѣ ихъ сношенія съ французскимъ правительствомъ, я же придавалъ, по ихъ просьбѣ, ихъ петиціямъ болѣе литературную форму и согласовалъ ихъ съ нашими польскими желаніями.

Эту дѣятельность нельзя назвать безплодною, ибо французское министерство мало-по-малу убѣдилось такимъ образомъ, на чьей сторонѣ была правда, и авторитетъ, и вліяніе князя Адама Чарторыйскаго возросли чрезвычайно. Во Франціи точно такъ же, какъ въ Англіи, прекрасно сознавали, что князь Адамъ создалъ внѣшнюю политику Польши, которая могла со временемъ сослужить хорошую службу западнымъ кабинетамъ въ Восточномъ вопросѣ.

Князь Чарторыйскій получилъ полную возможность дѣйствовать на пользу Польши, и его власть, несмотря на всѣ происки и на оппозицію эмигрантовъ, была признана французскимъ правительствомъ настолько, что оно не принимало никакихъ мѣръ относительно эмигрантовъ безъ его согласія и одобренія.

Начало было весьма удачное, и князь Адамъ былъ доволенъ. Въ этой дѣятельности онъ не встрѣтилъ помѣхи со стороны графа Замойскаго, который въ свою очередь поощрялъ поляковъ издавать брошюры и книжки въ строго религіозномъ и консервативномъ духѣ. Графъ былъ весьма разсчетливъ такъ же, какъ и все его семейство, можно даже сказать, что онъ былъ скупъ, но на печатаніе книгъ не только не жалѣлъ денегъ, но даже былъ расточителенъ, впрочемъ, только тогда, когда дѣло шло о книгахъ въ его духѣ, какъ напр., философія Бабутаго, которая, по его мнѣнію, должна была до того смутить демократовъ и иныхъ антирелигіозныхъ и вольнодумныхъ людей, что они откажутся отъ своихъ принциповъ и убѣжденій, не будутъ въ состояніи довести своей пропаганды до конца и будутъ только способны каяться въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ въ стѣнахъ Шарантона или Бѣдлама — это наилучшій способъ отрешенія отъ политическихъ заблужденій. Онъ совѣтовалъ читать Вронскаго, Френтовскаго и тому подобныхъ авторовъ, конкъ польскіе эмигранты не въ состояніи были понимать. Не могу не рассказать, какъ онъ выискивалъ между писателями человека, который взялся бы написать романъ въ религіозно-консервативномъ духѣ, который обнималъ бы собою пять столѣтій, три—прошлыхъ и два—будущихъ, которые имѣли бы значеніе пророчества. Такъ какъ онъ предложилъ за это большое вознагражденіе, то охотники нашлись; говорятъ, что на эту тему

писали: Ропеловскій, Мѣрославскій и Риценгеймъ, но пальма первенства была присуждена Замойскимъ Николаю Еловицкому, и его смѣхотворный романъ начали уже печатать, когда Карлъ Сенкевичъ своими, какъ всегда, разумными доводами, отговорилъ Замойскаго отъ этой глупости, чего тотъ никогда не могъ ему простить.

У семейства Цинтратъ, въ назначенные дни, по вторникамъ, собиралось блестящее, избранное общество; къ нимъ съѣзжались молодые дипломаты, кандидаты на посольскія мѣста и старые ветераны, а нерѣдко бывали и посланники и многія заграничныя знаменитости. На этихъ вечерахъ не танцевали, а бесѣдовали объ умныхъ вещахъ и угощались вкусными лакомствами. У Цинтратъ бывало также много духовныхъ лицъ, отирающихся на миссіонерскую дѣятельность или только-что вернувшихся изъ дальнихъ странъ.

Послѣ вечеровъ семейства Цинтратъ, которые отличались отъ другихъ своею аристократичностью, слѣдуетъ упомянуть о вечерахъ г-жи Редереръ, вдовы французскаго цѣра, написавшаго известную брошюру объ июльской монархіи, которая много способствовала упроченію власти короля Людовика-Филиппа. Г-жа Редереръ состоянія не имѣла, но ея двѣ закадычныя пріятельницы, королева Амалия и княгиня Аделаида, помогали ей своими средствами поддерживать знакомства и связи, ибо ея вечера имѣли цѣлью разузнавать и направлять взгляды и мнѣнія депутатовъ и знакомить ихъ со взглядами и желаніями короля и министерства. Это было практично, выгодно и благоразумно. Въ этомъ домѣ мнѣ оказывали большое вниманіе, что я приписываю моимъ статьямъ, которыя появлялись въ «Revue du Nord» и другихъ журналахъ за подписью казацкаго офицера. Эти вечера были для меня наилучшей и пріятнѣйшей школой, и я многому научился, посѣщая ихъ.

Слѣдуетъ также упомянуть о вечерахъ и обѣдахъ семейства Гаита, которыя особенно охотно посѣщались княземъ Чарторыйскимъ. Ихъ домъ была полная чаша и образецъ хорошаго тона; даже вина подавались настоящія, не поддѣльныя.

У Гизо были серьезныя, чисто протестантскіе вечера, не доставало только чтенія библіи, чтобы они походили на собранія какихъ-нибудь сектантовъ.

Изъ польскихъ салоновъ заслуживалъ этого названія только салонъ князя Чарторыйскаго, жившаго въ то время въ предмѣстьи Rule. Это былъ скромный, но истинно царскій салонъ по его значенію и по тому обществу, которое въ немъ собиралось. Князь Адамъ умомъ и сердцемъ былъ настоящій король и держалъ себя, какъ любящій отецъ своего народа; онъ умѣлъ ободрить всякаго добрымъ словомъ и такъ высоко поднять его въ собственныхъ глазахъ, что являлось желаніе быть достойнымъ его похвалы и удержаться на этой высотѣ. Княгиня Анна, горячая па-

триотка, красавица собою, утѣшительница несчастныхъ, достойно носила корону (!) въ изгнаніи. Княгиня Марія Виртембергская, знатная польская дама, которая помнила еще блистательную пору нашего отечества, въ обращеніи со старшими была почтительна, съ молодыми весела, умѣла обойтись со всякимъ; однимъ словомъ, это была женщина умная и любящая. Княгиня Анна Сапѣга была воплощенный умъ и справедливость. Князь Витольдъ былъ еще слишкомъ молодъ, а князь Владиславъ и совсѣмъ ребенокъ, но оба были Ягеллоны и поэтому были дороги каждому поляку. О Владиславѣ Замоискомъ я уже много говорилъ; ко всему сказанному прибавлю, что у него была красивая, выразительная наружность и что онъ одинаково умѣлъ держать себя въ салонѣ, въ совѣтѣ и на полѣ битвы. Карлъ Сенкевичъ былъ единственный человекъ между поляками, который могъ бы играть роль польскаго Ришелье или Шуазеля, если бы князь Адамъ былъ польскимъ королемъ. Ипполитъ Блотноцкій, неразлучный съ княземъ Адамомъ и его семьей, представлялъ собою идеаль върности и преданности старымъ польскимъ обычаямъ, былъ безгранично преданъ Польшѣ и славному польскому роду князей Чарторыйскихъ— вотъ и всѣ личности, составлявшія салонъ Чарторыйскихъ. Частыми гостями въ немъ были: Княжевичъ, каштелянъ Нѣмцевичъ, каштелянъ Олизаръ, генералы: Хржановскій, Дембинскій, Бемъ, Гавронскій, Коонарскій, Шнейде, Адамъ Мипкевичъ, Юліанъ Словацкій и многіе другіе болѣе или менѣе извѣстные поляки. На вечерахъ князя Адама бывали также французы и англичане, по большей части люди заслуженные и сароковые; иногда прѣѣзжали и принцы Орлеанскіе. При этомъ салонѣ состояли безсмысленно слѣдующія три личности:

Капитанъ Феликсъ Тржецякъ (Trzeciak), герой Вассерштадта, украшенный орденомъ Почетнаго Легіона, съ торчащими, какъ у сома, усами, съ огромной бородавкой на носу, производившей впечатлѣніе какъ бы втораго носа; онъ носилъ брюки съ серебряными лампасами, черный фракъ съ бѣлымъ жилетомъ и бѣлоснѣжную рубашку.

Иннокентій Дрогошъ, человекъ маленькаго роста, рябой, съ носомъ въ видѣ картофелины, въ тѣлеснаго цвѣта обтянутыхъ шароварахъ, башмакахъ и чулкахъ; въ свѣтло-синемъ фракѣ съ блестящими стальными пуговицами и въ перчаткахъ цвѣта свѣже-сбитаго масла.

Юганъ, нѣмецъ, камердинеръ князя Адама, съ молодыхъ лѣтъ не говорившій ни по-нѣмецки, ни по-польски, ни на какомъ человѣческомъ языкѣ, но вѣчно что-то бормотавшій себѣ подъ носъ на языкѣ, ему одному понятномъ.

Капитанъ Тржецякъ принялъ на себя обязанность вводить въ салонъ князя Адама людей, интересующихся политикой, которыхъ онъ разыскивалъ и представлялъ князю.

Иннокентій Дрогошъ состоялъ въ вѣдѣніи княгини Анны, снималъ

съ прекраснаго пола шубы, мантильи, теплыя сапоги, вводилъ въ салонъ дамъ и провожалъ ихъ до кареты.

Юганнъ докладывалъ о приѣздѣ простыхъ смертныхъ, уморительно коверкая каждую фамилію, какъ онъ говорилъ, изъ мести и на зло, такъ какъ иностранцы перековеркиваютъ наши польскія фамиліи, и у нихъ только и слышишь: кре, крже, скій и богѣ ничего. Юганнъ платилъ имъ тѣмъ же.

Таковъ былъ салонъ нашего короля...

XXV.

Изданіе моихъ сочиненій.—Отзывъ полицейскаго префекта о польскихъ эмигрантахъ.— Батиньольскій отдѣлъ.— Графъ Замоискій и генералъ Хржановскій.— Парижская конфедерація.— Янъ Ледоховскій, генералъ Дверницкій.— Высылка конфедератовъ въ Англію и возвращеніе ихъ въ Парижъ.— Салонъ княгини Кунигунды.

Въ теченіе трехъ лѣтъ Александръ Еловицкій и Евстафій Янушкевичъ издали въ Парижѣ слѣдующія мои сочиненія на польскомъ языкѣ: «*Powiesci kozackie*» одинъ томъ, «*Wernyhoга*» два тома, «*Kirdzali*» два тома, «*Ukrainki*» одинъ томъ, «*Stefan Czarniecki*» два тома и «*Hetman Ukrainy*» два тома. Я заключилъ съ ними условіе, чтобы они платили мнѣ за каждый томъ по тысячи франковъ, а по распродажѣ всего изданія, при окончательномъ расчетѣ—половину чистой прибыли. Такимъ образомъ жизнь моя была вполнѣ обезпечена. Статей, написанныхъ мною на французскомъ языкѣ, я никогда не издавалъ отдѣльно. Кромѣ того я писалъ въ польскихъ газетахъ, а въ Познани былъ изданъ, на польскомъ языкѣ, мой романъ «*Алла*» въ двухъ томахъ.

Положеніе польскихъ эмигрантовъ совершенно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ они были распределены небольшими группами по разнымъ городамъ; ихъ гордости и самонадѣянности былъ нанесенъ этимъ большою ударъ и они уже не могли, по прежнему, быть всегда на готовѣ стать на защиту отчизны; ихъ нельзя уже было считать передовыми стражами польскаго дѣла какъ въ то время, когда они составляли одну многочисленную группу, живя праздно, не имѣя заработка, но за то готовые ежечасно взяться за оружіе и идти на защиту отечества. Живя разбросанно, малыми группами, поляки начали заниматься ремеслами, даже торговлею; многіе изъ нихъ женились и превратились, такъ сказать, въ ополченцевъ польской sprawy, которые молили Господа, чтобы отечество не призвало ихъ на службу до тѣхъ поръ, пока не подрастутъ ихъ дѣтки, пока они не скопятъ капитала, коимъ могли бы обезпечить жену

и семейство и тогда уже со спокойнымъ сердцемъ служить отечеству. Таковъ былъ впоследствии духъ эмигрантовъ, да и могло ли быть иначе? Я уже говорилъ и теперь повторяю, что основною чертою характера эмигрантовъ 1831 года была добросовѣстность какъ въ частной, такъ и въ политической дѣятельности; они могли заблуждаться и часто заблуждались, но во всякомъ случаѣ они относились къ общественному дѣлу честно, а въ личныхъ отношеніяхъ держали себя безупречно, подчасъ даже съ преувеличенной вѣжливостью, доходившей до самопожертвованія. Духъ рыцарства въ нихъ не угасъ, они неразъ доказали это на дѣлѣ, но семейная жизнь улыбалась имъ болѣе прежняго; всякому хотѣлось имѣть свой уголокъ, всякій старался обзавестись своимъ домомъ.

Изъ числа нѣсколькихъ десятковъ тысячъ эмигрантовъ, покинувшихъ отечество въ 1831 г., едвали можно насчитать человѣкъ 50 такъ называемыхъ *chevaliers d'industrie* ¹⁾, я не говорю авантюристовъ, ибо таковыми были всѣ тѣ, которые, покинувъ отечество, странствовали по бѣлу-свѣту, ища приключеній. Однажды, префектъ парижской полиціи Жиске, въ разговорѣ со мною любопытствовалъ узнать, есть ли у насъ въ Польшѣ полицейскіе чины и жандармы. Я отвѣчалъ, что есть и, пожалуй, даже болѣе чѣмъ слѣдуетъ, а онъ сказалъ на это: можетъ быть они существуютъ для политическихъ цѣлей, ибо воровъ, разбойниковъ и мошенниковъ у васъ, конечно, нѣтъ, такъ какъ и тутъ полиціи не попадаютъ мошенники среди столькихъ тысячъ поляковъ, живущихъ въ условіяхъ совершенно аномальныхъ, а если въ ея руки и попадется случайно какой нибудь плутъ, то онъ оказывается всегда мечтателемъ или повтомъ. Сказавъ это, онъ далъ прочесть мнѣ на половину уже написанное имъ донесеніе о нѣкоемъ Васкевичѣ. Литовець, студентъ Виленскаго университета, Васкевичъ напечаталъ въ Парижѣ, на свой счетъ, нѣсколько тысячъ экземпляровъ имъ же написанной брошюры подъ заглавіемъ: «Истязаніе и убійство въ Пруссіи 30 тысячъ поляковъ пруссаками». Купивъ телѣжку, въ родѣ тѣхъ, въ коихъ торговцы развозятъ по деревнямъ ваксу и всякій мелкій товаръ, съ перекладиной по серединѣ, въ которую былъ воткнутъ шесть съ привязаннымъ на верху звонкомъ, онъ запрегъ въ нее осла и, взявъ съ собою паспортъ, отправился въ путь. Въ каждомъ селѣ (а онъ предпочиталъ села городамъ), онъ оставался на торговой площади и звонилъ въ свой колокольчикъ изо всей мочи; сбѣгался народъ; тогда на шесть взвивалось польское знамя съ орломъ и гербомъ бывшаго Литовскаго княжества (всадникъ съ мечемъ на конѣ), и Васкевичъ предлагалъ покупателямъ свою брошюру, выкрикивая ея названіе. Продажа шла бойко;

¹⁾ Проїдоха, мошенники.

женщины и мужчины раскупали книжонку, платя за нее по 5 франковъ, и плакали, читая объ истязаніи поляковъ варварами пруссаками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поляки возстали противъ этой продажи, называя ее обманомъ, и донесли о томъ полицейскому префекту, но Жиске не усмотрѣлъ въ этомъ никакого обмана, а только жажду къ наживѣ и разрѣшилъ Васкевичу ѣхать далѣе.—Такимъ образомъ онъ собралъ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ, на которыя приобрѣлъ имѣнье, женился и прижилъ дѣтей — будущихъ защитниковъ поляковъ, угнетаемыхъ пруссаками.

Карль Ружицкій поселился въ Парижѣ, чтобы слѣдить за воспитаніемъ своего сына Станислава. Северинъ Пильховскій также отправился въ столицу; такимъ образомъ въ Батиньоль образовался демократическій отдѣлъ, который нѣкоторые демократы называли шляхетскимъ; этотъ отдѣлъ ни къ чему особенно не стремился, не заявилъ себя никакими начинаніями, и члены его только для очистки совѣсти собирались на засѣданія. Лелевель, желая оживить этотъ отдѣлъ, послалъ туда своего довѣреннаго адъютанта, галичанина Фетмайера, а послѣдній, желая придать этому отдѣлу болѣе блеска и жизни, старался привлечь въ него бывшего вице-президента Варшавы Ксаверія Брониковскаго, извѣстнаго своими сочиненіями и краснорѣчіемъ.—Брониковскій былъ человекъ передовой, но не хотѣлъ сдѣлаться демократомъ и порвать своихъ прежнихъ отношеній. Фетмайеръ, не успѣвъ привлечь мужа, привлекъ въ Батиньоль его жену, очень красивую и кокетливую варшавянку. Это вызвало цѣлую бурю нареканій противъ Батиньольскаго отдѣла; на его членовъ полились жалобы въ судъ. Орденга, походившій на Отелло, Валентинъ Звѣрковскій со своимъ престопадомъ жаргономъ, Богданъ Залѣсскій со своими страшными бровями и Северинъ Пильховскій со своимъ огромнымъ животомъ нагнали страхъ на полицію; говорятъ, что на нихъ были доносы; дѣйствительно, Батиньольскій отдѣлъ совратилъ многихъ женъ съ пути истиннаго. Коротко сказать, что на одномъ засѣданіи полиція арестовала всѣхъ собравшихся, продержала ихъ подъ арестомъ три недѣли и выпустила на свободу только по ходатайству князя Адама Чарторыйскаго.

Юліанъ Душинскій, или Сулейманъ-бей, о которомъ я много писалъ въ моихъ предыдущихъ сочиненіяхъ, а въ особенности въ сочиненіи: «Жизнь замѣчательныхъ поляковъ», возвратился въ Стамбулъ, гдѣ онъ состоялъ при генералѣ Хржановскомъ.—Онъ осуждалъ этого генерала, называя его человекомъ глупымъ, робкимъ, который ничего не сдѣлалъ по своей бездарности и никогда ни при какихъ условіяхъ ничего не сдѣлаетъ. Общественное мнѣніе эмигрантовъ было на сторонѣ Душинскаго, но Владиславъ Замойскій защищалъ Хржановскаго наперекоръ всѣмъ и каждому и даже вопреки своему собственному убѣжденію и

чувствамъ, ибо, говоря откровенно, я никогда не видалъ людей, которые до того ненавидѣли бы другъ друга какъ они. Всѣ близко знавшіе графа увѣряли, что онъ оттого покровительствовалъ генералу и защищалъ его, что отлично зналъ, что когда дойдетъ до дѣла, то генераль не затмить его своими талантами и что люди все-таки будутъ говорить: «если бы тамъ былъ Замоискій, все было бы иначе». Я понялъ впоследствии, что графъ Владиславъ Замоискій держался правила покровительствовать посредственностямъ, выдвигать людей совершенно неспособныхъ и ставить преграды тѣмъ, кто обладалъ несомнѣнными достоинствами и дарованіями, хотя бы эти люди были однихъ убѣжденій съ нимъ. Этотъ недостатокъ или, лучше сказать, эта политическая ошибка умаляла до извѣстной степени значеніе графа Владислава Замоискаго, его преданность общему дѣлу и всѣ преимущества его соціальнаго положенія. Не будь этого недостатка, графъ былъ бы самымъ виднымъ дѣятелемъ между поляками, а можетъ быть и самымъ выдающимся человѣкомъ на военномъ поприщѣ. Вотъ напр. какъ поступалъ Замоискій: турки просятъ послать имъ Хржановскаго, чтобы, будучи назначенъ главнокомандующимъ, онъ былъ уволенъ отъ командованія войскомъ, не доѣхавъ до Нежиба; итальянцы просятъ послать имъ Хржановскаго, чтобы онъ проигралъ битву подъ Новарой и чтобы самому говорить потомъ: «жаль, что я самъ не поѣхалъ, жаль, что я не принялъ начальство надъ войскомъ», а прислѣшники вторили ему хоромъ: «если бы тамъ былъ нашъ Владиславъ Замоискій, дѣло кончилось бы совсѣмъ иначе».

Въ это время въ Парижѣ возникла польская конфедерація, надѣлавшая много шума и возбудившая много толковъ, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ протестъ со стороны трехъ державъ, раздѣлившихъ Польшу. Во главѣ этой конфедераціи стояли люди извѣстные и вліятельные, какъ-то: Янъ Ледоховскій, генераль Дверницкій, Тржецинскій, и хотя въ числѣ 20—30 эмигрантовъ, образовавшихъ эту конфедерацію, не было ни одного человѣка, который дѣйствовалъ бы опрометчиво или непоследовательно, однако конфедерація не привилась къ эмигрантамъ.

Она встревожила своей архи-народной окраской враговъ Польши, возбудивъ въ нихъ опасеніе, что конфедераты добьются того, чего не могли достигнуть ни демократія, ни централизація, ни братскіе союзы и всѣ прочія политическія выдумки Іоахима Лелевеля; но конфедерація не пришлась по сердцу эмигрантамъ и, зародившись въ Парижѣ, покончила свое существованіе въ Лондонѣ, лопнувъ какъ мыльный пузырь и оставивъ по себѣ единственное воспоминаніе: шесть номеровъ журнала «Народъ», который началъ издавать Брезе, одинъ изъ депутатовъ на сеймѣ 1831 года.

Генераль Дверницкій былъ человѣкъ умный, за весьма малыми исключеніями гораздо умнѣе всѣхъ польскихъ генераловъ и сановни-

ковъ и несомнѣнно болѣе ихъ практичный и проникательный. Графъ Янъ Ледоховскій судилъ обо всемъ весьма здраво въ тѣ моменты, когда онъ не кипятился и не завирался. Я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ тѣмъ и съ другимъ.—Однажды, они пригласили меня на совѣщаніе и сообщили мнѣ выработанный ими планъ дѣйствій, прося меня высказать по этому поводу мое мнѣніе.—Я отвѣчалъ, что понимаю конфедерацію по-казацки, т. е. кликнуть кличъ, сѣсть на коней, обнажить сабли и сражаться. Если они такъ думаютъ и могутъ привести это въ исполненіе, если они надѣются по крайней мѣрѣ что имъ позволятъ выступить изъ Парижа на коняхъ и при полномъ вооруженіи и пройти въ Польшу черезъ Германію, хотя бы для этого пришлось сражаться съ нѣмцами,—въ такомъ случаѣ я понимаю конфедерацію, сочувствую ей какъ и всякому политическому, народному движенію; но если она ограничится только шумомъ и гамомъ, то это будетъ пустая потѣха и вызоветъ только смѣхъ.

Судя по тому, какъ были приняты мои слова, было видно, что эти господа находились въ критическомъ положеніи, и я одумавшись прибавилъ: «впрочемъ можетъ быть намъ удастся пробудить этимъ духъ народа и удержать эмигрантовъ отъ увлеченія всѣмъ иностраннымъ и отъ подражанія иностранцамъ». Янъ Ледоховскій, какъ истый дипломатъ, промолвилъ: «будь что будетъ, сдержу свое слово, объявлю конфедерацію». Изъ этихъ словъ я понялъ, что парижская конфедерація, подобно битвѣ подъ Сольцомъ, была нужна генералу Дверницкому для того, чтобы выйти изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находился.

Будучи председателемъ комитета объ оказаніи помощи эмигрантамъ, онъ растратилъ изрядную сумму денегъ, собранныхъ въ Польшѣ и присланныхъ на вспомошествованіе польскимъ эмигрантамъ, оставшимся въ Швейцаріи послѣ неудачной экспедиціи Сабанскаго. Правда, сенаторъ Островскій и прочіе вельможи уплатили за него эту сумму, но она числилась долгомъ генерала и ему напоминали время отъ времени объ этомъ долгѣ, чтобы онъ не позабылъ о немъ окончательно.

Кромѣ того, онъ растратилъ и другія, болѣе или менѣе значительныя суммы, присланныя на его имя.—Нѣсколько дней передъ тѣмъ я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: среди эмигрантовъ было два брата Старжинскихъ, родные племянники генерала; ихъ отецъ былъ богатый подольскій помѣщикъ.—Съ самаго начала эмиграціи онъ присылалъ на имя генерала по тысячи дукатовъ на воспитаніе каждаго изъ сыновей, но деньги эти никогда не доходили до своего назначенія. Старшій Старжинскій учился у сапожника, а младшій былъ, вмѣстѣ съ Адамомъ Борановскимъ, надсмотрщикомъ за уличными метельщиками въ Парижѣ. Отецъ, не получая вѣвѣстій отъ сыновей, о которыхъ генералъ только

изрѣдка упоминалъ въ своихъ письмахъ, написалъ своему бывшему повѣренному Заржинскому, прося его отыскать его сыновей, переговорить съ генераломъ Дверницкимъ и увѣдомить его о томъ, что тамъ дѣлается.

Заржинскій показалъ это письмо генералу въ нашемъ присутствіи, а тотъ прочитавъ его, возвратилъ Заржинскому и сказалъ самымъ спокойнымъ образомъ:

— Это правда, они ни разу не получали денегъ. Деньги круглы, какъ были получены такъ и укатились куда то, самъ не знаю какъ и куда; но для мальчиковъ это лучше; нуждаюсь, они научились трудиться и будутъ честными, порядочными людьми, а если бы у нихъ были деньги, то они вышли бы такими же бездѣльниками какъ я; такъ и напишите ихъ отцу.

Тѣмъ дѣло и кончилось; генераль былъ кругомъ въ долгахъ, но при томъ все еще имѣлъ неограниченный кредитъ.

Анастасій Дуининъ не только состоялъ при особѣ Людовика-Наполеона Бонапарта, сына королевы Гортензіи, но пользовался его довѣріемъ, и принцъ употреблялъ его для своихъ тайныхъ политическихъ происковъ. Я узналъ впоследствии достоверно, отъ Яна Ледоховскаго, что проектъ конфедераціи, выработанный въ кабинетѣ будущаго императора французовъ былъ доставленъ ему именно Анастіемъ Дуининымъ и не могъ имѣть иной цѣли, какъ поссорить три державы, раздѣлившія Польшу съ Людовикомъ-Филиппомъ и съ Орлеанскимъ домомъ. Правительство Людовика-Филиппа, несмотря на всю свою твердость, боялось какой бы то ни было войны; быть можетъ, въ душѣ, оно не долюбивало поляковъ, въ особенности эмигрантовъ, но обладая значительной долей здраваго политическаго смысла и желая приобрести популярность среди поляковъ, оно не могло пренебрегать польскимъ дѣломъ и предпочитало имѣть его про запасъ, на всякій случай; поэтому оно относилось къ польскимъ эмигрантамъ очень мягко и полагало имъ во всемъ, какъ малымъ дѣтямъ. Подобное отношеніе конечно не могло нравиться тремъ державамъ и возбудило ихъ подозрительность и даже отчасти ихъ враждебное отношеніе къ Франціи. Неудивительно, что такой ловкій заговорщикъ какъ принцъ Людовикъ-Наполеонъ былъ радъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

Съ разрѣшенія лицъ, пригласившихъ меня на совѣщаніе, я передалъ все на немъ происходившее князю Адаму, который въ принципѣ не былъ противъ конфедераціи, считая ее цѣлесообразнѣе демократическаго и всякихъ иныхъ обществъ и пропагандъ.

Въ то время какъ я былъ у князя Адама, къ нему пріѣхалъ г. Цянтратъ, привезшій ноту, полученную имъ отъ посланниковъ трехъ державъ, которые высказались противъ конфедераціи и требовали, чтобы

эта манифестація была энергично подавлена, а лица, въ ней участвовавшія—строго наказаны. Въ наиболѣе вызывающемъ тонѣ была написана австрійская нота, которая рѣшительно требовала уничтоженія конфедераціи.

— Австрія въ страхѣ, Пруссія не обращаетъ особеннаго вниманія на поляковъ и на польское дѣло, Россія говоритъ въ угрожающемъ тонѣ—сказалъ г. Цинтратъ,—и потому министерство рѣшило или выслатъ конфедератовъ изъ Парижа и даже за предѣлы Франціи, или заключить ихъ въ какую нибудь крѣпость, какъ людей, нарушающихъ спокойствіе Европы.

Но предварительно министерство послало его узнать мнѣніе князя Адама, какъ главы польскихъ эмигрантовъ и польской sprawy. Князь просилъ дать ему нѣсколько часовъ на размышленіе. Когда г. Цинтратъ ушелъ, онъ тотчасъ послалъ меня къ конфедератамъ, чтобы узнать, чтѣ они предпочтутъ, и велѣлъ сказать имъ, что онъ будетъ сообразоваться въ своемъ отвѣтѣ съ ихъ желаніемъ.

Какъ только я явился къ Дверницкому и сообщилъ о рѣшеніи министерства, всѣ конфедераты закричали: «само собою разумѣется пусть насъ вышлютъ изъ Франціи, лишь бы только не въ Америку».

Конфедераты были высланы въ Англію, но это было сдѣлано такъ деликатно и осторожно, что ихъ отъѣздъ производилъ впечатлѣніе добровольнаго переселенія на новое мѣсто жительства. Въ Лондонѣ конфедераты были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ; но удивительно, что хватаясь за все, они не приняли никакого участія въ заговорахъ этого принца. Это обстоятельство еще болѣе упрочило хорошее мнѣніе, которое составили о нихъ король и французское правительство. Я самъ слышалъ отзывъ Гизо и Тьера, которые говорили: «это честные, порядочные люди, они думаютъ только о Польшѣ, а въ чужія дѣла не мѣшались».

Примѣрное поведеніе конфедератовъ и благоприятное о нихъ мнѣніе французскаго правительства помогло князю Адаму добиться отъѣзду приказа объ ихъ высылкѣ изъ Франціи и выхлопотать имъ разрѣшеніе вернуться по желанію обратно. Одни изъ конфедератовъ, съ Ледоховскимъ, Дверницкимъ и Тржецинскимъ во главѣ, вернулись во Францію, другіе остались въ Лондонѣ, но въ кругу эмигрантовъ мало говорили и писали о конфедераціи. Даже сами конфедераты не придавали ей никакого значенія и начали снова вступать въ общество демократовъ и въ иныя товарищества.

Какъ отнеслись къ этой конфедераціи собственно въ Польшѣ, я до сихъ поръ не знаю, хотя тотчасъ по образованіи конфедераціи въ Познань былъ посланъ молодой Тржембскій, человекъ дѣятельный, способный и преданный патріотъ. Когда я встрѣтился съ нимъ уже по возвра-

шеній его изъ Познани, и когда конфедерація уже распалась, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ:

— Въ Польшѣ предпочитаютъ эмиссаровъ и мѣстныхъ повстанья, ибо отъ первыхъ можно избавиться, а во вторыхъ можно не принимать участія, слѣдовательно можно сохранить свое положеніе и въ то же время прослыть хорошимъ и даже разсудительнымъ патріотомъ; при конфедераціи же всѣмъ и каждому приходится сѣдлатъ коня, идти противъ непріятеля и сражаться—а это никому не охота.

Въ этихъ словахъ была доля правды.

Я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Тржембскимъ и считалъ его человѣкомъ искреннимъ, даровитымъ и отлично понимающимъ польскіе интересы. Бѣдняга не сумѣлъ, подобно многимъ другимъ эмиссарамъ, собрать деньги въ Польшѣ, чтобы промотать ихъ въ Парижѣ. Быть можетъ онъ оттого и вернулся въ Парижъ безъ гроша, что былъ эмиссаромъ конфедераціи, а не демократіи. Идя съ нимъ по улицѣ, мы встрѣтили пани Раутенштраухъ, которая шла передъ нами; я зналъ ее въ лицо, но Тржембскій никогда ее не видалъ; она была кокетлива и имѣла поступь истой варшавянки, которой не можетъ подражать ни одна парижанка, какъ бы ей того ни хотѣлось. Тржембскому припомнилась Варшава, онъ не скупился на похвалы въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ; г-жа Раутенштраухъ нѣсколько разъ оборачивалась и по ея глазамъ было видно, что она слышала его слова и что они ей были пріятны. Замѣтивъ это, я сказалъ Тржембскому: «о деньгахъ не безпокойся, завтра будешь имѣть ихъ, я введу тебя въ дамское общество». Я попросилъ г-жу Клементину Гауфманъ, секретаря общества, доложить на засѣданіи о надобностяхъ моего пріятеля и представить его самого. Г-жа Раутенштраухъ, присутствовавшая на этомъ собраніи, какъ кассирша общества, тотчасъ узнала Тржембскаго. Ему было назначено пособіе въ размѣрѣ двухъ тысячъ франковъ. Я былъ очень радъ тому, что мнѣ удалось выхлопотать пособіе Тржембскому, ибо когда онъ пришелъ къ генералу Дверницкому, то послѣдній сказалъ ему:

— Если ты не привезъ съ собою ни гроша, такъ ты настоящій дурень. Развѣ ты не знаешь, что быть посланнымъ эмиссаромъ—все равно что получить хлѣбное мѣсто, на которомъ можно разбогатѣть, или командовать полкомъ, или по крайней мѣрѣ эскадрономъ въ наши времена, при цесаревичѣ. Взгляни на другихъ; уплативъ что слѣдуетъ тѣмъ, кто ихъ послалъ, они живутъ себѣ въ лучшихъ отеляхъ, бываютъ въ театрахъ, а все оттого, что они себѣ на умѣ. Надобно ковать желѣзо пока горячо; это нисколько не мѣшаетъ служить дѣлу нашего дорогаго отечества.

Таковъ былъ нравственный, политическій и личный кодексъ генерала Дверницкаго, которому онъ всегда слѣдовалъ. Съ отъѣздомъ его въ Лон-

донъ, былъ забыть швейцарскій долгъ и небыло болѣе поминъ о другихъ, болѣе мелкихъ его долгахъ. Какъ же согласовать подобныя принципы и политическія и личныя убѣжденія генерала Дверницкаго съ тѣмъ, что я писалъ выше о безупречной честности и прямотѣ характера нашихъ эмигрантовъ 1831 года? Такъ могли бы, весьма основательно, спросить меня многіе. Поэтому, объявляя во всеуслышаніе объ этомъ недостаткѣ генерала Дверницкаго, я долженъ сказать и о его рѣдкихъ, исключительныхъ качествахъ. Онъ никогда не плутовалъ тайно, не поступалъ коварно и совершалъ свои проступки такъ простодушно и наивно, такъ откровенно признавался въ нихъ, что обезоруживалъ этимъ самыхъ строгихъ судей. До 1831 года, когда онъ былъ еще полковникомъ несмотря на то, что онъ платилъ подчиненнымъ жалованье весьма неаккуратно и никогда не имѣлъ полного комплекта лошадей, никто изъ его подчиненныхъ не только не жаловался на него, напротивъ, всѣ старались скрыть его неисправность и недостатки; точно также и въ эмиграціи никто явно не бросилъ въ него камень. Высшія стремленія его ума и сердца служили ему во всемъ оправданіемъ. Но разумѣется было бы лучше, если бы онъ вовсе не нуждался въ оправданіи.

Въ это время, Евстафій Якушкевичъ, сблизившійся на почвѣ политики съ княземъ Адамомъ, предложилъ ему довольно практичный планъ дѣйствій. Онъ совѣтовалъ издать политическій календарь, помѣстивъ въ заголовкѣ: Адамъ I король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, курляндскій, инфландскій и т. д. и т. д., перечисливъ всѣ титулы королей польскихъ. Затѣмъ напечатать въ немъ составъ министерства, сената, поименовать воеводъ, каштеляновъ, гетмановъ, генераловъ, полковниковъ, гражданскихъ властей, полицейскихъ, все по порядку, по чинамъ и должностямъ. Перечисляя всѣ полки по роду оружія оставить листки бѣлой бумаги для записыванія именъ и фамилій служащихъ, перечислить придворныхъ, ордена, титулы и т. д. Онъ совѣтовалъ издать нѣсколько тысячъ или нѣсколько десятковъ тысячъ экземпляровъ этого календаря и распространить его въ Польшѣ, чтобы каждый обыватель могъ его имѣть и видѣть бы что его имя и фамилія могутъ быть записаны въ мѣстѣ, соответственномъ его чину и занимаемой имъ должности. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ вычеканить известное количество монетъ, хотя бы самаго мелкаго достоинства, но непременно изъ чистаго золота или серебра съ портретомъ Адама I, съ соответственной надписью и съ обозначеніемъ цѣнности монеты, и эти монеты также распространить въ Польшѣ. Онъ увѣрялъ, что подобная пропаганда будетъ дѣйствительно, нежели конституція 3-го мая, нежели брошюры о королевской власти, и даже вдохновенныя пѣсни ксендза Праневича.

Проектъ Янушкевича былъ представленъ на обсужденіе избранныхъ и всѣми уважаемыхъ личностей: каштеляна Нѣмцевича, Владислава Замойскаго и др. и былъ ими отвергнутъ. Въ тотъ разъ Карлъ Линкевичъ не былъ приглашенъ на совѣщаніе, по причинѣ его ссоры съ Владиславомъ Замоискимъ, которому онъ сказалъ публично, что онъ разыгрываетъ, по отношенію къ князю Адаму Чарторыйскому, ту же роль, какую сыгралъ принцъ Орлеанскій относительно Карла X, но ему было извѣстно объ этомъ проектѣ точно также, какъ и мнѣ, и онъ находилъ его практичнымъ. Какъ бы то ни было, проектъ былъ отвергнутъ и всѣми позабытъ.

Хотя конфедераты, по возвращеніи изъ Лондона, не принимали участія ни въ одномъ изъ Бонапартійскихъ заговоровъ, но они привезли оттуда вѣсти, возбуждившія кое-какія надежды въ приверженцахъ этой партіи. Я часто встрѣчалъ у княгини Кунигунды Гедройцъ, горячей сторонницы конфедерации, старыхъ генераловъ и офицеровъ Наполеоновскихъ войскъ, которые бытъ можетъ и не участвовали ни въ какомъ заговорѣ, но пріѣзжали къ ней послушать новостей изъ Лондона о принцѣ Людовикѣ-Наполеонѣ и потолковать о минувшихъ событіяхъ. Княгиня Кунигунда вышла замужъ за Бѣлошотровича, но продолжая носить фамилію отца, жила со своей старухой матерью, которая была замужемъ за Гедройцемъ, служившимъ еще при Станиславѣ-Августѣ. Княгиня Кунигунда была статсъ-дамой императрицы Жозефины и находилась при ней до конца ея жизни; всѣ Бонапарты относились къ ней съ большимъ уваженіемъ. Ея братъ, при Наполеонѣ I, былъ полковникомъ французскаго драгунскаго полка, а въ описываемое время былъ генераломъ въ отставкѣ. Адамъ Мицкевичъ очень любилъ бывать у нихъ; я также охотно посѣщалъ Гедройцъ; мы отправлялись къ нимъ обыкновенно вмѣстѣ и не пропускали ни одного приглашенія. Княгиня Кунигунда оказывала мнѣ особое благоволеніе, и я весьма благодаренъ ей за пріязнь, съ какою она относилась ко мнѣ и къ моей семьѣ во время моего отсутствія изъ Парижа.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Открыта подписка на 1898 годъ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики и общественной жизни. 3. Обзорныя газеты и журналы. 4. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Последнія извѣстія (сообщеніе собственнымъ петербургскимъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. «Свѣтъ и Тѣнь» (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти съ мѣд, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 11. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 12. Вышнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, беллетристическій, сатирическій и общественной жизни. 14. Судебная хроника. 15. Критика и біографія. 16. Слѣсь. 17. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. 21. Стороннія сообщенія. 22. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и полководцевъ, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1898 Г.
съ пересылкой иногороднимъ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 80 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Сумской улицѣ, въ доулѣ А. А. Іосефовича, № 13.

Съ конца текущаго 1897 года «Южный Край» будетъ печататься въ увеличенномъ размѣрѣ на новой ротационной машинѣ, заказанной въ Парижѣ, которая дастъ до 20.000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ. 3—2

4 Р.

14-й годъ **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г.** 14-й годъ
изданія. **изданія.**

на ежегодный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВОКРУГУТЪ СВѢТА.

4 Р.

3-3

ЕЖЕГОДНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ КЪ ВЪ ГОДЪ, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, поцѣлочно-научныя статьи и многочисленныя рисунки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. П. Максимъ (Минерка), Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, П. П. Карзынъ, К. М. Станковичъ, Н. П. Боголюбовъ, А. П. Гренъ, Э. Р. Димчерманъ, Ю. Казъ-Векъ, Н. А. Чогоковъ, А. В. Павловъ, С. Д. Загорскій, К. В. Носиловъ (издательскіе путешествіи) и др.

Кромѣ того, годовые подписчики, при доплатѣ одного рубль, получаютъ 2 роскошныхъ премій, состоящихъ изъ 2-хъ большихъ художественныхъ картинъ (фотографій, разкрапокъ 20^{1/2}, в. въ длину и 13^{1/2}, в. въ ширину, исполненныхъ въ 23 кра-сокъ въ артистическомъ заведеніи фр. Кауфманъ въ Берлинѣ, съ оригиналовъ:

1) Проф. Ю. КЛЕВИЦА „Зимній Вечеръ въ деревнѣ“ 2) Акад. К. ЛЕБЕДЕВА „Отдыхъ на соколиной охотѣ“. Оригиналы этихъ картинъ специально выкаваны для премій 1898 года.

Всѣ подписчики получаютъ **бесплатно 12 томовъ** съ иллюстраціями лучшихъ французскихъ художниковъ соображенія романистовъ **ЖЮЛЪ ВЕРНА.**

Переводъ сдѣланъ съ полнѣйш. французскихъ подлинниковъ лучшимъ русскимъ переводчикомъ безъ всякаго наивѣренія и сокращеній. Въ 1898 г. будутъ выданы следующие романы: ПУТЕШЕСТВІЕ КАПИТ. ГАТТЕРАСА 1 т., ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ 1 т., ВОКРУГЪ ЛУНЫ 1 т., ПИТЬ НЕДѢЛЬ НА ВОЗДУШНОМЪ ШАРѢ 1 т., СТРАНА ПУШУХЪ ЗВЕРЕЙ 2 т., ЛЕДЯНОЯ СѢНИКСЪ 2 т., ЧЕРНАЯ НИЦА 1 т., ЮЖНАЯ ЗВѢЗДА 1 т., АРХИМЕЛАТЪ ВЪ ОГНѢ 1 т., ПАРОВОЙ ДОМЪ 1 т., Форматъ предложенъ съ 1897 г. значительно увеличенъ. Подписчики, желающіе получить, кромѣ журнала, „Вокругъ Шаръ“ съ предложевіемъ за 1898 г., еще собраніе романовъ соч. Жюль Верна, выданное въ 1897 г. и состоящее изъ 12 т., выдаютъ въ себѣ следующие романы: 80,000 верстъ подъ водою 1 т., Дѣти напавшаго графа 3 т., Таинственнымъ островъ 3 т., Путешествіе къ центру земли. Зеленой дугъ. Вокругъ шаръ въ 80 дней. Воздушный корабль. Вокругъ Аномъ—доказываютъ къ подписной цѣнѣ съ доставкою и пересылкою только 2 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюль Верна, съ доставкою и пересылкою **4 р.** Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣлю и 1-му іюня по 1 р. За премію—при последнемъ вынобѣ. Иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно.

ДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Изьянская ворта д. Титова.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ минималъ главныххъ Москви, Петербурга и другихъ городовъ Россіи. Журналъ выдается Высокѣйше утвержденныхъ Товариществомъ И. Д. Стыина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г.

ИЗДАЕТСЯ СЪ 1889.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

5 руб. безъ доставки въ Спб. на ГОДЪ; съ дост. и перес. во всѣ города Россіи **ШЕСТЬ** руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1 Февраля 1 руб., къ 1 Мая 1 руб. и къ 1 Юля остальные. Пробный № высыл. за 7 к. марку.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№, каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 стран. плотной печати) заключаетъ въ себя разнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала „польза и развлеченіе“. Редакція тщательно избѣгаетъ всего, что отзывается сухостью, всего, что можетъ наводить скуку на читателя.

12 ВЫПУСКОВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ „ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ“, сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго географа Фр. Гельвальда. Большаго формата, на лучшей бумагѣ, съ массою художественныхъ рисунковъ. Давалъ столь роскошное изданіе, Редакція увѣрена, что подписчики вполнѣ оцѣнятъ подобное приложеніе, которое въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 5 руб.

И КРОМЪ ТОГО НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ ТОМОВЪ СОЧИНЕНІЙ

ФЕНИМОРА КУПЕРА

Объемомъ каждый отъ 200 до 240 стран., большаго формата, убористой печати.

1. Зѣтробой. 2. Слѣдопытъ. 3. Последній изъ могиканъ. 4. Понеры. 5. Прерія.
6. Блауждающій огонь. 7. На сушѣ и на морѣ. 8. Хижина на холмѣ. 9. Краснокоміе.
10. Красный морсаръ. 11. Колонія на кратерѣ. 12. Пѣниталь моря.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: С.-Петербургъ, Стремлянная, собств. домъ № 12.

Издатель П. Сойкинъ.—Редакторъ Ф. Груздевъ.

3—3 *

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

Издается съ 1885 г.

5 рублей безъ доставки. 6 рублей съ доставкой и пересылкой

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

Подъ редакцію

А. И. Поповичаго и при участіи

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ представляет собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1898 ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

52 иллюстрированныхъ №№ Каждый нумеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большаго формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художествен. рис. | **12** ЕЖЕМЕСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, назыво отпечатанныхъ на плотной бумагѣ объемомъ каждая 10—12 листовъ (160—200 стран.)

И КРОМЪ ТОГО **БЕЗПЛАТНО** ИСПОЛНЕННАЯ НА МЕТАЛЛѢ ВЪ 12 КРАСОЕЪ

РАЗМѢРОВЪ 5×6 ВЕРШКОВЪ ВЪ РЕЛЬЕФНОЙ ЗОЛОЧЕНОЙ РИЗѢ

Копія съ чудотворной

ИВЕРСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ ВОГОРОДИЦЫ

Въ 12 книжкахъ «РУССКАГО ПАЛОМНИКА» будетъ дано:

1) На каждый день. Сказанія изъ жизни святыхъ православной церкви восточныхъ и русскихъ, народныя обычаи, повѣрья, обряды, легенды и преданія, 1-е полугодіе, мѣсяцы январь—іюнь. И. Ф. Тюменева. 2) Послѣдніе дни Іерусалима. Историческая повѣсть Д. Л. Мордовцева. 3) Книга бытія моего. Извлеченіе изъ воспоминаній о Востокѣ епископа Порфирія Успенскаго. 4 и 5) Ассонскій подвигъ. Графини Багреевой-Сперанской. 6) Послѣдній апостола Павла. Жизнь и дѣятельность великаго апостола языковъ. А. Александрова. 7) На каждый день. 2-е полугодіе мѣсяцы іюль—декабрь И. Ф. Тюменева. 8) Пророчица Соломея. Историческая повѣсть изъ быта поволжскихъ раскольниковъ. С. Воронина. 9) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Москву въ XVII в. Перев. съ арабскаго проф. Г. А. Муркоса. 10) Защитники христіанства. (апологеты). Проф. И. В. Реверсова. 11) Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ Ф. Е. Шелагова, 12) Святые Придѣлорья. Очерки и рассказы изъ путешествій по св. обителямъ Юга. С. Д. Астафьева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ** безъ доставки въ Спб. пять р.

Съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **ШЕСТЬ** руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 1 руб., къ первому іюня 1 руб. и къ 1-му августа остальные.

Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 коп. марку.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

Екатеринбургъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

Пермской губ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„УРАЛЪ“

ГАЗЕТА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ — внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскою и золотопромышленною дѣла*. 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этой дѣла и всѣ касающіяся его извѣстія, какъ русскія, такъ и заграничныя.* 6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7) Обзорніе событій общественной жизни. Хроника и равныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обзорніе газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библиографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграничій книгахъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусства, ремеслъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о движеніи акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарка и урожай. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

„Уралъ“, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской такъ и заграничной жизни, по скольку послѣдняя касается Россіи, будетъ посвященъ также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывать этими отдѣлами будутъ приглашены спеціалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты „Уралъ“ будутъ получать Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми билетами, инокороднымъ же подписчикамъ таковыя же билеты будутъ высылаться со слѣдующимъ номеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкою и пересылкою	
На годъ	7 р. — к.	На годъ .	8 р. — к.
На полгода .	4 р. — к.	На полгода .	4 р. 50 к.
На три мѣсяца .	2 р. 50 к.	На три мѣсяца .	2 р. 75 к.
		На одинъ мѣсяць .	1 р. — к.

Допускается разсрочка—при подпискѣ — 3 руб., къ 1 мая — 3 руб., и къ 1 сентября — 3 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ—въ конторѣ редакціи „Урала“.

Издатель В. Г. Чекавъ.

За редактора П. И. Печетъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
Ч Т Е Н І Я
ВЪ
Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. Россіи съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрести изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемъ желающимъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

ХІ-й „СЪВЕРЪ“ ХІ-й
годъ издаванія „СЪВЕРЪ“ годъ издаванія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ,
выходящій подъ редакціей А. А. Коринфскаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе: М. Н. Альбовъ, А. В. Амфитеатровъ, К. С. Баринцевичъ, П. В. Быковъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Е. Заринъ, А. В. Кругловъ, М. А. Лехвицкая, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Михаловскій, проф. Н. А. Орловъ, И. Н. Потапенко, гр. Е. А. Саласъ, В. Я. Свѣтловъ, К. Н. Случевскій, проф. Н. В. Сорокинъ, Ва. А. Тихоновъ, вн. Э. Э. Ухтомскій, И. М. Фофановъ, Ант. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, И. Л. Щегловъ и др. повѣст. писатели,

Въ 1898 году подписчики журнала „Съверъ“ получаютъ:

52 №№ богато иллюстрированного журнала, изъ которыхъ съ 12 №№
цветными рис. извѣстн. русск. и иностранныхъ художн.

52 №№ еженедѣльной „СЪВЕРЪ“ (въ форматѣ газетнаго листа
газеты убористой печати).

12 томовъ Библіотеки „Съвера“, каждый томъ — объемомъ 160 до 240 стр.
плот. шрифта, въ которомъ будетъ дано
СОБРАНИЕ НОВѢЙШИХЪ РОМАНОВЪ

ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА:

1) „БЕЗЪ ДОГМАТА“, ром. въ 3 ч. 2) „СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ“, ром. въ 2 ч.
3) „QUO YADIS?“ („Камо грядеши?“), историч. ром. въ 11 ч. 4) „КРЕСТНОСОЦЫ“,
болш. историч. ром. Этими произведеніями знаменитый писатель создаетъ
себѣ во всемірной литературѣ громкое имя.

Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб.

12 №№ еженедѣльнаго ПARIЖСКІЯ МОДЫ, множествомъ разнообраз-
наго журнала выхъ рисунковъ въ текстѣ.

12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваній, руководствъ, монограммъ, съ пояс-
нительнымъ текстомъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ.

12 №№ еженедѣльнаго „ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО“.
журнала

КРОМЪ ВСЕГО ЭТОГО, ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ „СЪВЕРА“ ПОЛУЧАТЪ
БЕЗПЛАТНО

РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ:

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій

ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

Къ альбому будутъ приложены: 1) портретъ М. С. Тургенева, 2) вступительная
статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литера-
турно-художественная цѣнность этой главной на 1898 г. преміи журнала „Съверъ“
выпускавшаго уже свои художественные альбомы къ произведеніямъ Н. В.
Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится внѣ всякаго
сомнѣнія.

Подписная цѣна со всеми приложеніями и преміями:

6 р.	на годъ безъ достав- ки въ С.-Петербургѣ	7 р.	въ достав. и перес. во всѣ города Россіи; за грани- цу на годъ 11 р.	На 6 м. съ дост. и пер. 3 р. 50 к
				„ 5 „ „ „ „ 1 „ 75 „
				„ 1 „ „ „ „ „ 60 „

Подписка адресуется въ Главную контору журнала „Съверъ“ (СПБ., Екатеринп-
ская д. № 4) на имя издателя Н. Ф. Мертца.

Открыта подписка на 1898 годъ.

80-й годъ изд.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Въ настоящее время „Всемирная Иллюстрація“ занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ изданій Европы.

Всемирная иллюстрація даетъ въ годъ болѣе тысячи художественно выполненныхъ рисунковъ и болѣе трехъ тысячъ столбцовъ разнообразнѣйшаго текста.

Всемирная иллюстрація заручилась участіемъ извѣстныхъ писателей и художниковъ.

Годовая цѣна: въ С.-Петербур. безъ дост. 15 р., съ дост. 17 р., съ перес. во всѣ города имперіи 18 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы книгоиздательства Германъ Гоппе высылаются по требованію безплатно.

Превосходнѣйшія всякія ожиданія успѣхъ экстренныхъ приложеній ко «Всемирной Иллюстраціи» прошлыхъ лѣтъ—Стихотвореній Кольцова, „Книги пѣсенъ“, Гейне, „Пѣсень Беранже“, „Сочиненій графа Л. Н. Толстого“ и „Натана Мудреца“ Лессинга—побуждаетъ ее предложить подписчикамъ на будущій—1898 г. два подарка какъ бы въ рендепъ къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ; «Всемирная Иллюстрація» дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ всемирной и русской литературы:

«Ф А У С ТЪ»

трагедія І. В. Гёте съ многочисленными иллюстраціями первоклассныхъ германскихъ художниковъ въ стихотворномъ одобренномъ и исправленномъ самимъ Пушкинымъ, переводѣ Э. И. Губера и

ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

съ великолѣпными иллюстраціями выдающихся русскихъ художниковъ.

Въ это изданіе войдетъ около десяти крупныхъ произведеній Лермонтова. Такая премія должна много говорить сердцу русскаго человѣка, который готовъ перечитывать перлы поэзіи Лермонтова.

Кромѣ того „Всемирная Иллюстрація“ даетъ:

ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: С.Петербургъ, Садовая 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ежемесячный иллюстрированный журнал для дѣтей школьнаго возраста
ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Съ приложеніемъ «Педагогическаго Листка» для родителей и учителей на 1898 г.
(ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Дѣтское Чтеніе“ разрѣшенъ въ выпискѣ въ ученическія бібліотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народная бібліотеки и читальни; журавль одобренъ Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» помѣщаются: а) повѣсти, рассказы и сказки (оригинальныя и переводныя); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарады и проч.

При журналѣ «Дѣтское Чтеніе» издается „Педагогическій Листокъ“, выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 4-до 6 листовъ. Большая часть статей „Педагогическаго Листка“ посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и народному образованію.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ помѣщаются періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и въ „Педагогическомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: Альбовъ М. Н.—Баранцевичъ К. С.—Вагнеръ М. П.—Вагнеръ В. А.—Величко В. Л.—Гилларовскій В. А.—Глинскій Б. Б.—Гольцовъ В. А.—Гославскій Е. П.—Дрожжинъ С. Д.—Ельницкій.—Ермиловъ В. Е.—Засодимскій П. В.—Зенченко С. В.—Ивановъ И. И.—Кашкинъ Н. Д.—Киевветтеръ А. А.—Барелинъ М. Т.—Коропчевскій Д. А.—Лавровъ В. М.—Ладженскій В. Н.—Лукашевичъ К. В.—Маминъ-Сибирякъ Д. Н.—Мачтетъ Г. А.—Медвѣдевъ Л. М.—Мечъ С. П.—Михаловскій Д. Л.—Михѣевъ В. М.—Мордовцевъ Д. Л.—Новѣжинъ П. М.—Немировичъ-Данченко В. И.—Немировичъ Данченко В. И.—Николаева М. К.—Оболенскій Л. Е.—Ануфриевъ В. И.—Острогорскій А. Н.—Острогорскій В. П.—Потапенко И. Н.—Рубаевъ Н. А.—Семеновъ Д. Д.—Семенова С. Т.—Сергѣенко П. А.—Сизова А. К.—Скабичевскій А. М.—Слѣпцова М. Н.—Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Станюковичъ К. М.—Свѣтловскій Е. В.—Чеховъ А. П.—Эварницкій Д. И.—Федоровъ-Давыдовъ А. А. Въ художественномъ отдѣлѣ: Бемъ Е. М.—Даньковичъ М. М.—Андреевъ В. И.—Гугунова И. Г.—Конюсъ Ю. Э.—Боровинъ С. А.—Максимовъ В. М.—Чичаговъ Е. И.—Степановъ А. С.—Хохряковъ и др.

Въ 1898 году между прочимъ будутъ напечатаны: большая повѣсть И. Н. Потапенко „Два таланта“; повѣсть П. А. Сергѣенко „Сестра Милосердія“; Д. Н. Маминъ-Сибирякъ „Свѣтлячки“,—миниатюры изъ жизни природы; рассказы К. С. Баранцевича, К. М. Станюковича, Е. П. Гославскаго, И. И. Иванова «Вальтеръ Скоттъ» біографическій очеркъ; Д. А. Коропчевскаго историко-культурныя и географическіе очерки; Б. Б. Глинскаго, историческіе очерки, и др.

Подписная цѣна на годъ:

Безъ доставки 5 р. | Съ доставкой и пересылкою во всѣ г. Россіи. 6 р. | За границу 8 р.

На полгода—3 руб., на четверть года—1 руб. 50 коп.

Плата за объявленія въ журналѣ: за страницу 20 р. за полстраницы 30 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица, д. Гиршмана, кв. Дм. Изв. Тихомирова, и во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ. (Книгопродавцы пользуются усткой 30 в. съ экземпляра).

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Открыта подписка на 1898 годъ на
СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

журналъ литературно-научный и политическій.

Въ книжкахъ «Съв. В.» 1898 г. будутъ напечатаны повѣсти В. Микулъчъ, В. Немировича-Данченко, О. Шапиръ; „СОВРЕМЕННАЯ НАУКА“ Кароентера, съ введениемъ гр. А. Н. Толстого, „О ГУБЕРНАТОРАХЪ“ прив.-доц. В. Гессена, „ПРОЕКТЪ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ“ проф. И. Фойницкаго, „МИЦКЕВИЧЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО“ в. Чуйко, „РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ ЗАП. ЕВРОПѢ“ Н. Райхесберга и мн. др.; въ приложеніи къ журналу будетъ данъ переводъ книги проф. Штаммлера: „ХОЗЯЙСТВО И ПРАВО СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРИИ“.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Арефьевъ, К. Бальмонтъ, проф. Ф. Батюшковъ, П. Боборыкинъ, П. Вейнбергъ, А. Волынский, Н. Геренштейнъ, прив.-доц. В. Гессенъ, П. Гвѣдичъ, М. Горькій, Н. Дружининъ, А. Каменскій, Н. Карабчевскій, В. Каренинъ, проф. А. Кириничниковъ, А. Коптеевъ, Б. Корженевскій, Котъ-Мурлыка, М. Лохвицкая, Б. Льдовъ, Е. Лѣткова, В. Микулъчъ, Н. Мисскій, Вас. Немировичъ-Данченко, Вя. Немировичъ-Данченко, Ф. Нефедовъ, проф. Д. Овсяннико-Куликовскій, проф. И. Оршанскій, М. Петровъ, А. Рейнгольдтъ, Л. Саломъ, проф. В. Сергѣевичъ, С. Смирнова, В. Спасовичъ, А. Субботинъ, П. Тверской, гр. А. Н. Толстой, проф. А. Трачевскій, М. Чайковскій, В. Чуйко, О. Чюмина, О. Шапиръ, В. Шеврокъ, А. Шеллеръ, проф. Л. Шепелевичъ, В. Ширкова, проф. Е. Шмурло, проф. И. Фойницкій К. Ффановъ, проф. Н. Холодковский, Г. Ясинскій, А. Эргель и мн. др.

Въ 1897 въ „Съв. В.“ напечатаны биллетристическія произведенія гр. П. Гвѣдича, М. Горькаго, Котъ-Мурлыки, Вя. Немировича-Данченко, С. Смирновой, В. Ширкова, Г. Ясинскаго и др., статьи гг. Н. Дружинина, Н. Карабчевскаго, проф. А. Кириничникова, проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго, проф. И. Оршанскаго, проф. В. Сергѣевича, проф. А. Трачевскаго, М. Чайковскаго, В. Чуйко, проф. Л. Шепелевича, проф. Е. Шмурло и мн. др.

Начиная съ майской книги 1897 г., «Съверный Вѣстникъ» издается

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Съ облегченіемъ условій изданія, въ виду снятія съ журнала предварительной цензуры, редація „Съвернаго Вѣстника“ желаетъ расширить провинціальныи отдѣлъ и проситъ лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять матеріалы, пригодныя для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельныя замѣтки и корреспонденціи касательно явленій мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. Главная контора: Спб., Б. Московская, д. 11, въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	Годъ.	На полгода.	На 3 мѣс :	На 1 мѣс.
Для иногороднихъ съ перес.	12 р. — к. 6 р.	— к. 6 р.	— к. 2 р.	— к. 1 р. — к.
Въ Спб. съ дост.	11 » — » 5 » 50 » 3 » 1 » — » — »			
» заграничныхъ...	14 » — » 7 » — » 4 »			

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка въ кредитъ (при подпискѣ въ Гл. Конторѣ; также и для частныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ — за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Пробный № высылается за 28 к. (марками). Новые подписчики получаютъ бесплатно первые части (напечат. въ 1897 г.) ром. Генр. Сенкевича «Крестноносцы» который продолжится печатаніемъ въ 1898 г.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

Подписка на 1898 годъ открыта
для ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ“ попрежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на запросы мѣстной жизни, ея злобѣ дня въ области бытовой и экономической. Увеличивающееся постепенно число читателей, возрастающее количество сотрудниковъ изъ мѣстной интеллигенціи, служащее доказательствомъ развитія общественной жизни и роста интеллигенціи провинціи, облегчаютъ задачу газеты: редакция съ удовольствіемъ и благодарностью будетъ принимать замѣленія и письма читателей, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, стараясь давать имъ широкое распространеніе, въ интересахъ общественной жизни.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ свою задачей обще-русскіе интересы — русское дѣло и съ этой точки зрѣнія осцѣиваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благосостоянію своего общаго отечества. Въ „Вилен. Вѣстн.“ читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя одновременно съ столичными газетами; сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I. ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться БЕЗПЛАТНО.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

Съ доставкой въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ .	. 6 р. — к.	На годъ .	. 8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ .	. 3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ .	. 4 р. — к.
На 3 >	. 1 р. 80 к.	На 3 >	. 2 р. 50 к.
На 2 >	. 1 р. 20 к.	На 2 >	. 1 р. 80 к.
На 1 >	. — р. 70 к.	На 1 >	. 1 р. — к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 р., 1 мая 3 р., и 1 сентября 2 р.
городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 сентября 1 руб.
НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ: на 1 годъ 6 р.; 1 января 2 р., 1 мая 2 руб. и 1 сентября 2 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Въ Минскѣ у М. К. Шöffера, Полцейская улица, въ Книжномъ магазинѣ Фрункена и Френкеля, въ Новитѣ, въ книжномъ магазинѣ Оссовскаго.

Редакторъ-издатель П. БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(35-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границю/ съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
„ 6	„ 5 „ 50 „	„ 6	„ 6 „ — „	„ 6	„ 9 „ — „
„ 3	„ 3 „ — „	„ 3	„ 3 „ 50 „	„ 3	„ 4 „ 80 „
„ 1	„ 1 „ — „	„ 1	„ 1 „ 20 „	„ 1	„ 1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору „Русскія Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учителей-лицъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяць 85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяць—1 руб. 2—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1898 ГОДЪ.

Въ Учебныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская хроника: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ Э. Мищенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и въѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: 1) оригинальными статьями; 2) документами, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библиографія. Сверхъ того, редація постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андриѣвскаго, Н. О. Бѣляшевскаго проф. Д. И. Багалія, Н. П. Василенка, В. И. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, проф. В. С. Иконниковъ, И. М. Каманна, Е. А. Кваницаго, О. А. Кудринскаго, О. И. Левицаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ласкаронскаго, проф. О. Г. Мищенко, Н. В. Молчавовскаго, К. П. Михальчука, О. Д. Николаичка, проф. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, Б. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. О. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербини, В. Н. Ястребова и др.

Подписчикамъ 1896 и 1897 гг. будутъ разсылаемы, по мѣрѣ выхода изъ печати, листы 1 и 2-го тома „Малороссійскаго Словара“

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 > 50 >
За границу.	12 > — >

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14,) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется Книжный Складъ преимущественно содержащій въ себѣ книги, касающіеся Юга Россіи. Подробный каталогъ будетъ приложенъ къ № 1 будущаго 1898 года.

Издатель **Н. М. ГАМАЛІЙ.**

Редакторъ **В. П. НАУМЕНКО.**

Открыта подписка на 1898 годъ (V-й годъ изданія)
 НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛЬ
НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Наука, научная философія, литература, исторія культуры).

Составъ сотрудниковъ и характеръ журнала остаются прежніе: естественныя и общественныя науки, психологія и литературная критика, корреспонденціи изъ-за границы, относящіяся къ предметамъ науки, литературы и искусства. Цѣль журнала—слѣдить за движеніемъ науки, а также давать статьи научнаго характера. Редакція стремится совмѣстить строгую научность съ доступностью изложенія.

Въ 1898 году, кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей и корреспонденцій, будутъ напечатаны, съ особымъ счетомъ страницъ, одно переводное приложеніе и три оригинальныхъ: 1) Гелльвальдъ. Исторія античной и средневѣковой культуры. Съ табл. рис. 2) Б. Львовъ. Соціальныя законы. Соціологія на исторической почвѣ. 3) А. Рязанцевъ. Опытъ элементарнаго изложенія новѣйшей теоріи электричества. 4) К. Трубецкой. Русская поэзія со временъ Некрасова. 5) Одинъ капитальный переводный трудъ.

Подписная цѣна: на годъ СЕМЬ руб. (за границу ДЕСЯТЬ руб.), на полгода ЧЕТЫРЕ руб. При обращеніи въ редакцію допускается разсрочка по рублю къ мѣсяцъ. Народнымъ учителямъ и учительницамъ, фельдшерамъ и фельдшерницамъ—уступка (пять рублей въ годъ, съ разсрочкой по желанію).

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. 6, кв. 8.

Редакторъ-издатель д-ръ философіи М. ФИЛИПОВЪ.

Открыта подписка на изданіе редакціи «Научнаго Обзорнія»

НАУЧНЫЙ СЛОВАРЬ

(Не менѣе 600 стр. убористой печати).

СЛОВАРЬ содержитъ подробное объясненіе терминовъ по естеств. и обществ. наукамъ, географическія и историческія имена, математическія и химическія формулы.

Выйдетъ всего 15 выпусковъ. № 1 появится 20-го января 1898 года, остальные послѣдуютъ приблизительно ежемѣсячно (исключая лѣтнихъ мѣсяцевъ), такъ что редакція обѣщаетъ закончить все изданіе въ теченіе 18 мѣсяцевъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для подписчиковъ «Научнаго Обзорнія» безъ перес. 2 р., съ перес. 3 р. Для постороннихъ лицъ безъ перес. 4 р., съ перес. 5 р. Допускается уплата въ два срока. Наложенымъ платежемъ на 40 к. дороже. По закрытіи подписки, цѣна будетъ повышена.

Подписка принимается въ редакціи «Научнаго Обзорнія». С.-Петербургъ, Екатерининская ул., д. 6, кв. 8.

Редакторъ-издатель д-ръ философіи М. ФИЛИПОВЪ.

1898 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1898 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VIII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Специальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя вѣстия. 7. Заграничная жизнь. 8. О чемъ пишутъ. 9. О чемъ говорятъ. 10. Злобы дня. 11. Общія хроника. 12. Легучіе листки. 13. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 14. Арабски (Таганрогъ). 15. Пестрыя замѣтки (Новочеркасскъ). 16. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 17. Письма изъ Мариуполя. 18. Театръ и музыка. 19. Маленькій фельетонъ. 20. Изъ залы суда. 21. Наука, искусство и литература. 22. Библиографія. 23. Корреспонденціи. 24. По Россіи. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговныя свѣдѣнія. Биржа. 27. Справочный отдѣлъ. 28. Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, изображающіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к. на 3 м. 2 р. 75 к.; на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к. За пересылку газеты за границу взимается сверхъ подпisanной цѣны 60 коп. въ мѣсяць. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 19; въ Новочеркасскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица; въ Екатеринодарѣ—у И. А. Кузнецова, при нижней торговлѣ П. Ф. Галаджянца; въ Мариуполѣ—у А. С. Попова; въ Ейскѣ—у Ф. С. Куцева; въ Новоросійскѣ—у Э. А. Мариники; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файнштейна, типографія; въ Бахмутѣ—у И. Р. Гриликхеса; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой; на ст. Каменской—у В. И. Воловятина, типографія.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. *Θ. Журова*, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 р. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Суворова и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей». См. *Журн. Минист. Нар. Просвѣщ.* 1876 г. кн. 10, стр. 103 (такового одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается Краткая двойная бухгалтерія (68 страницъ). *Θ. Журова*. Цѣна 25 коп.

Адресующіеся прямо къ автору (въ гор. Шую, *Θедору Гавриловичу Журову*) за пересылку не прилагаютъ.

Для увѣковѣченія достойной памяти выдающагося русскаго государственнаго дѣятеля, мыслителя и талантливаго ученаго, *Николай Христіановичъ Бунге* Правленіе С.-Петербургскаго общества вспомошествованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго университета рѣшило устроить образцовую школу имени *Николая Христіановича* въ Кіевѣ. На образованіе фонда для устройства этой школы въ Редакціи «Вѣстника финансовъ, Промышленности и Торговли и Торгово-промышленной Газеты (С.-Петербургъ, Галерная 22), открыть сборъ пожертвованій. Надѣемся, что на это доброе дѣло откликнутся почитатели *Н. Х. Бунге*.

обвинения Фадьева, что онъ распустилъ и разбавилъ Саратовскую губернію; что всѣ губерніи идутъ въ чепъ-либо впередъ, а Саратовская—нисколько; что онъ допустилъ частнаго пристава, соучаствовавшаго съ ворамъ и разбойниками, оставаться въ своей должности; допустилъ разрѣтіе въ Саратовѣ кладбища и избѣгалъ какъ бы съ нагнѣреніемъ нахожденія въ губернскомъ городѣ при затруднительныхъ случаяхъ; но словамъ обвинителя, Фадѣевъ неправильно ввелъ прогонъ на поѣздку въ Петербургъ. «Одно изъ обвиненій,—говоритъ А. М., состояло въ томъ, что, въ мое отсутствіе изъ губернскаго города, кто-то изъ моихъ людей якобы однажды бралъ къ себѣ въ богоугодномъ заведеніи». На всѣ эти обвиненія Фадѣевымъ даны вполне обстоятельныя возраженія. Въ первыхъ числахъ января 1846 г. онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности губернатора.

Вторая часть воспоминаній А. М. Фадѣева обнимаетъ собою время съ 1846 по 1867 годы, въ продолженіе которыхъ онъ былъ членомъ совѣта главнаго управленія и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ Закавказскаго края. И въ этой части воспоминаній находится много интересныхъ свѣдѣній и поучительныхъ разсужденій. Такъ, описывая нѣмецкія колоніи въ Грузіи, онъ высказывается о колонистахъ Россіи вообще въ слѣдующихъ выраженіяхъ: что вообще нѣмецкіе колонисты, въ сравненіи съ льготами, пожалованными и пожертвованными, для нихъ сдѣланными, пользы привнесли немного, то это можно сказать не только о кавказскихъ, но и о всѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи. Мнѣ онъ извѣстенъ почти всѣ: въ губерніяхъ Петербургской, Саратовской, Самарской и Черниговской. Прошло уже столѣтіе со времени ихъ переселенія изъ Германіи и водворенія въ Россію; но рѣзкое отличіе между колонистами и крестьянами русскими, малороссійскими и прочими туземными, въ хозяйственномъ и домашнемъ быту, составляютъ только колоніи меновниковъ въ Новороссійскомъ краѣ.

Воржомъ и Абасъ-Туманъ, гдѣ семья Фадѣевыхъ проводила каникулярное время, описаны Андреемъ Михайловичемъ со свойственнымъ ему талантомъ; не менѣе интересно описаніе Эчмиадзина и его священныя предметы. Вмѣстѣ съ этимъ мы встрѣчаемъ не лишениаго интереса свѣдѣнія о князѣ А. И. Барятинскомъ, съ которымъ Андрею Михайловичу пришлось быть въ частныхъ близкихъ сношеніяхъ. Барятинскаго Фадѣевъ увидѣлъ въ первый разъ, когда князь былъ еще только полковникомъ.

Какъ образчикъ слога мы приводимъ описаніе солнечнаго затменія: «... Зрѣлище, по истинѣ, было поразительное. Съ высшей точки горы Гомеръ горизонтъ открывался широко во всѣ стороны. Постепенно усили-

вавшаяся тѣнь начинавшагося затменія, какіе-то страшные перепады и измѣненія цвѣтовъ, при переходѣ отъ свѣта къ тѣнѣ и потомъ обратно, представляли всю окружающую природу въ такомъ необыкновенномъ, волшебномъ видѣ, какой, кажется, не создатъ самому пламенному воображенію. По наступленіи полнаго затменія, эффектъ еще усилился: мракъ не достигалъ абсолютной темноты, даже былъ слабѣе обыкновенной безлуной ночи; въ немъ не было ничего чернаго, ничего сумрачнаго; онъ принялъ чудную, густо-фіолетовую окраску и хотя она возрала настолько, что небо загорѣлось яркими звѣздами, но вся окрестность видѣлась совершенно ластенною; только всѣ предметы: горы, лѣса, бездонныя низменности, скалы—все пришло неопредѣленно, фантастическія формы, таинственныя очертанія и какъ бы тонуло въ необъятномъ пространствѣ прозрачнаго, темно-фіолетоваго тумана...»

1-го марта 1855 года пріѣхалъ въ Тифлисъ новый намѣстникъ Николай Николаевичъ Муравьевъ и привезъ собою горестное извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича. Можно себѣ представить,—говоритъ Фадѣевъ,—какое это произвело смѣтеніе, сколько было тревожныхъ разговоръ и сужденій по этому поводу. Съ одной стороны, неизвѣстность, чего ожидать отъ дѣйствій новаго намѣстника, а съ другой, еще болѣе,—чего ожидать отъ послѣдствій нежданной кончины государя при тяжкой и неблагоприятной войнѣ!

Въ дальнѣйшемъ своемъ повѣствованіи мемуаристъ характеризуетъ Н. Н. Муравьева въ слѣдующихъ выраженіяхъ: нельзя отвергать многія его хорошія качества и достоинства: познанія его были обширны, память удивительная; но все это у него было какъ-то такъ перепутано съ странными, своеобразными идеями, съ необыкновенною подозрительностію и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ отсталыми понятіями, что эта помѣсь иногда какъ будто затмевала то, что у него было несомнѣнно и истинно хорошаго; ... для управленія Закавказскимъ краемъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, онъ совсѣмъ не подходилъ.

Заканчиваются воспоминанія описаніемъ событій на Кавказѣ во время намѣстничества князя А. И. Барятинскаго и его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе интересныхъ воспоминаній А. М. Фадѣева, скончавшагося 28-го августа 1867 года 77-ми лѣтъ отъ роду.

Книга издана прекрасно: красивымъ, четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ; но есть существенный недостатокъ: отсутствуетъ указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, и это затрудняетъ справки.

И И шъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.** — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсаева). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8 рублей**; и съ 1888—1897 по **9 рублей**.

Въ конторѣ редакціи ищетса въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІИ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“ Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3 рубля**. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2 рубля**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

МАРТЪ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. На зарѣ крестьянской свободы (Материалы для характеристики общества). Глав. VII. Р.	465—490	XI. Записки Михаила Чайковского. Гл. XXVI—XXX. Пер. В. В. Тимощукъ.	651—681	
II. Вѣнсій конгрессъ по разсвазамъ графини Э. фонъ-Бернсторфъ. Акад. Л. Н. Майкова.	491—496	XII. Записная книжка „Русской Старины“: Стихотвореніе, написанное въ 1858 г. по поводу занятій губернскихъ комитетовъ объ освобожденіи крестьянъ. Золотъ. (стр. 542).—Молитва А. Измайлова объ императ. Николаѣ I. Сообщ. Н. А. Боровковъ (558).—Эпиграмы: 1) на стихи, сочиненныя гр. Хвостовымъ по поводу освященія новой церкви Баянской Богородицы 15 сент. 1811 г., Виллахова; 2) на Карамзина; 3) на князя Шаховскаго и Шишкова, Д. Блудова (586).—Выпускъ изъ типографіи «Исторіи Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. Сообщ. П. М. Майковъ (650).—Поправки (682).		
III. Изъ дневника П. Г. Дивова. 1828 г.	497—520	XIII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъют. Л. В. Евдокимова	273—288	
IV. П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ. Глав. I и II. В. Шенрока.	521—536	XIV. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).		
V. И. Ф. Горбуновъ. «О въ которомъ зайдѣ» Сообщ. графъ П. С. Шереметевъ	537—541			
VI. Есграфъ Васильевичъ Чешининъ. (Материалы для его биографіи). Ч. Вѣтринскаго.	543—557			
VII. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской. Гл. XII и XIII	559—585			
VIII. Изъ университета въ острогъ. И. Цвѣткова.	587—606			
IX. Записки В. А. Инсарскаго. (Оконч. III части).	607—634			
X. Выѣздъ въ Россію Франца Лефорта. А. З. Мышляевского.	635—649			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Павла Степановича Мочалова. Грав. И. И. Хелмицкий.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по повѣдѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Вольная Подълесная, 39.

1898.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1898 г.

Вибліографическій листокъ.

Очеркъ жизни и дѣятельности въ Востъ почившаго великаго князя Михаила Павловича. Къ столѣтію со дня его рожденія 1798—1898. Съ двумя портретами (копіи съ рѣдкой акварели и современной литографіи). Составилъ генераль-отъ-артиллеріи М. С. Лазавъ. Спб. 1898.

Къ столѣтію со дня рожденія великаго князя Михаила Павловича генераль-отъ-артиллеріи М. С. Лазавъ выпустилъ въ свѣтъ біографическій очеркъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ; очеркъ этотъ написанъ хорошими, вполне литературными языкомъ и состоитъ изъ трехъ главъ и заключенія.

Великій князь Михаилъ Павловичъ родился 28-го января 1798 г. и въ тотъ же день высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ генераль-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона Первоначальное воспитаніе великаго князя, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Николаемъ, ведено было подъ руководствомъ директора сухопутнаго кадетскаго корпуса, М. И. Ламздорфа. Пройдя строгую нѣмцкую школу прошлаго столѣтія и въ долгой службѣ сроднившись съ суровою воинскою дисциплиною, генераль Ламздорфъ былъ наставникомъ педантически-требовательнымъ и строго взыскательнымъ.

Въ 1814 году, послѣ вступленія союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, императоръ Александръ разрѣшилъ обоимъ младшимъ братьямъ прибыть къ арміи, и великіе князья провели полгода во Франціи, Нидерландахъ и Германіи и ознайомились съ мѣстными достопримѣчательностями, преимущественно относящимися къ военному дѣлу. Во время вторичнаго пребыванія въ Парижѣ, въ 1815 г., Михаилъ Павловичъ обратилъ особенное вниманіе на усиленную подготовку французскихъ артиллеристовъ и вообще на организацію войскъ, а на высочайшемъ смотрѣ подъ Вердѣ впервые самъ командовалъ конно-артиллерійскою бригадою. Возвратившись въ Петербургъ, великій князь уже не прерывалъ учебныхъ занятій до отъѣзда въ большое путешествіе по Россіи и чужимъ краямъ, съ образовательною цѣлію, продолжавшееся съ августа 1817 по іюнь 1819 года. По возвращеніи изъ путешествія Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, шефомъ Московскаго полка, а затѣмъ—начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

По воцареніи императора Николая I, Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ генераль-

инспекторомъ по инженерной части, а въ 1826 году—командиромъ гвардейскаго корпуса.

Принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ турецкой и съ польскими мятежниками, великій князь въ 1831 году былъ поставленъ во главѣ управленія Пажескимъ корпусомъ, всѣми сухопутными кадетскими корпусами и Дворанскимъ полкомъ, а въ слѣдующемъ—былъ назначенъ почетнымъ президентомъ императорской военной академіи.

Въ 1844 году Михаилъ Павловичъ былъ возведенъ въ званіе главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскими корпусами.

Во второй главѣ авторъ подробно разбираетъ дѣятельность великаго князя по управленію артиллеріею, инженерными вѣдомствами и военно-учебными заведеніями. 25-го ноября 1820 года было открыто артиллерійское (нынѣ Михайловское) училище. Въ 1821 г. была учреждена техническая артиллерійская школа при петербургскомъ арсеналѣ. Въ исходѣ тридцатыхъ годовъ были приняты у насъ орудія новой конструкции. Съ 1845 г. начало снабженіе полевой артиллеріи лафетами и зарядными ящиками новой системы; въ то же время положено начало горной артиллеріи. Осадная артиллерія была преобразована въ 1848 г., а для крѣпостной—приняты были чугуныя орудія и желѣзные лафеты новой конструкции (1838—49 гг.).

Высочайшимъ приказомъ 14-го декабря 1825 г. великій князь Михаилъ Павловичъ былъ поставленъ во главѣ инженернаго вѣдомства. Во время управленія его этимъ вѣдомствомъ было вновь построено 10 крѣпостей, и перестроены многія изъ существовавшихъ. Августѣйшій генераль-инспекторъ обращалъ постоянное вниманіе на обученіе и практическія занятія инженерныхъ войскъ. Сверхъ ротныхъ и баталіонныхъ училищъ былъ учрежденъ учебный саперный баталіонъ; въ 1826 г. устроены кондукторскіе классы при петербургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ; въ 1828 г. заведены бригадная саперная школа, а черезъ три года издано «наставленіе для обученія саперныхъ баталіоновъ по искусственной части». Въ 1846 году впервые были введены военныя телеграфы въ командахъ каждой изъ саперныхъ бригадъ.

Главное инженерное (нынѣ николаевское) училище, учрежденное еще въ 1819 году, пользовалъ съ сердечною заботливостію его высочества, по ходатайству котораго, начиная съ 1832 г., отлично кончившіе въ училищѣ курсъ верхняго офицерскаго класса

ПАВЕЛЬ СТЕПАНОВИЧЪ

МОЧАЛОВЪ.

(ИЗВѢСТНЫЙ ТРАГИКЪ).

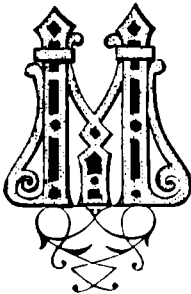
На зарѣ крестьянской свободы.

(Материалы для характеристики общества).

(1857—1861 гг.).

VII ¹⁾.

Адресъ московскаго дворянства.—Крѣпостническое настроеніе Москвы.—Рассказы, что крестьяне сами не желаютъ освобожденія. Необходимость улучшенія администраціи.—Новыя опасенія за революцію.—Письма объ этомъ И. В. П—ва, В. В. Григорьева, Алексакова и другихъ.—Эмансипаторы безъ земли.—Усиленіе реакціи.—Отраженіе реакціоннаго теченія въ столицахъ на провинціальную жизнь.—Народные слухи о волгѣ.—Спокойствіе народа.—Примѣры гуманнаго отношенія къ дѣлу освобожденія и лучшихъ побужденій дворянства.—Забота о нравственномъ воспитаніи народа.—Взгляды иностранцевъ на этотъ предметъ.—Опасеніе за отобраніе въ пользу крестьянъ отъ помѣщиковъ земли.—Недовѣріе къ высшей администраціи.—Навѣты на славянофиловъ.—Записка Забруцкаго и отмѣтки на ней императора Александра II.

Московское дворянство написало адресъ напыщенно, многобѣливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣмѣло въ немъ высказать, что дворянство желало бы остаться не стѣсненнымъ тѣми формами, какія преподаны циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ. Рескриптъ въ отвѣтъ на адресъ послѣдовалъ тотчасъ же и не отличался отъ прежнихъ рескриптовъ, какъ равно и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ почти дословно говорилъ то же самое, что было высказано для Литовскихъ, Петербургской и Нижегородской губерній. Москва осталась этимъ недовольна. По городу ходили два противорѣчащихъ слуха: одни говорили, что будто государь сказалъ: «что

¹⁾ См. „Русскую Старину“, февраль 1898 г.

московское дворянство вздумало меня учить», а другіе, что онъ сказалъ: «что онъ этого и ожидалъ отъ московскихъ дворянъ и благодаритъ ихъ». Москвичи думали сдѣлать что-то особенное, но вышло ординарное. «Прочли ли вы рескриптъ московскому дворянству? спрашиваетъ въ письмѣ Н. М. Л—инъ И. В. Павлова. Замѣьте какъ онъ холоденъ. Да уже дворянство—нечего сказать! Сперва было расходилось удивительно: во всякомъ домѣ почти клубъ сдѣлался; но не прошло и двухъ недѣль, какъ всѣ замолчали и если кто занкался объ освобожденіи, говорили: полноте, надоѣло! Душевная мысль дворянъ, какъ кажется, была протянуть дѣло—но не выгорѣло».

О всеобщемъ недовольствѣ Москвы свидѣтельствуетъ также К. П. П. въ письмѣ къ А. М. Тургеневу въ Ниццу: «У насъ теперь главный предметъ разговора, пишетъ онъ ¹⁾—освобожденія крестьянъ. Повсюду между дворянствомъ слышится открытый и весьма сильный ропотъ. Ропщутъ и тѣ, которые отвергали всякую эмансипацію; ропщутъ и тѣ, которые прежде ее проповѣдывали. Тѣ и другіе недовольны. Послѣдніе говорятъ, что дѣло слѣдовало не такъ дѣлать; что должно было обратиться къ дворянству прямо и откровенно, предоставивъ ему, по условіямъ мѣстнымъ, свободно обсудить и избрать лучшей способъ освобожденія, а не стѣснять всѣхъ и каждого заранѣе придуманными въ Петербургѣ правилами; что свобода, предоставляемая нынѣ, не поведетъ къ цѣли, потому что оба класса будутъ еще болѣе стѣснены въ своихъ отношеніяхъ и оба потерпятъ разореніе; наконецъ, что несогласно съ справедливостью лишать кого бы ни было собственности безъ вознагражденія, не вслѣдствіе свободнаго договора, а по распоряженію правительства и что повелѣніе, прикрываемое наружнымъ видомъ приглашенія и доброй воли имѣетъ видъ лицемерія. Этотъ ропотъ, конечно, умолкнетъ современемъ; но прискорбно то, что въ такомъ важномъ дѣлѣ дворянство не знаетъ, какъ за него взяться. Предстоитъ трудная работа и для этого назначено пять мѣсяцевъ, а ее и въ нѣсколько лѣтъ не кончишь, ибо одни предварительныя собранія требуютъ для каждой деревни особаго кадастра. Дворяне бродятъ въ потемкахъ. Слышишь только сплетни да споры и ни одного дѣльнаго спокойнаго мнѣнія. Могла бы тутъ помочь литература, но къ несчастію объявлено, что статьи должны быть въ духѣ правительства. Всякій же цензоръ будетъ толковать духъ правительства по-своему».

Между тѣмъ крѣпостническая тенденція обнаруживалась въ Москвѣ то въ томъ, то въ другомъ случаѣ. Ю. О. Самаринъ пишетъ напримѣръ А. В. Головинну ²⁾: «Московскіе уѣздные предводители, наконецъ, убѣ-

¹⁾ Отъ 5-го февраля 1858 г.

²⁾ Въ письмѣ отъ 8-го февраля изъ Москвы.

дѣлись въ томъ, въ чемъ, кажется, доселѣ не убѣдился петербургскій комитетъ, а именно, что нельзя приступить къ составленію полнаго положенія на основаніи высочайшаго рескрипта, не имѣя подъ рукою нѣсколькихъ статистическихъ данныхъ о числѣ поселеній, числѣ усадебъ, числѣ душъ, отношеніи тяголъ къ душамъ, количествѣ мірской земли, о теперешнихъ запашкахъ, оброкахъ и т. д.

«Вотъ, коли хотите, мелочной, но по моему многозначительный признакъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», напечатано объявленіе о приглашеніи дворянъ на съѣздъ къ 15-му февраля для выбора депутатовъ въ комитетъ объ измѣненіи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Мы уже не рѣшаемся повторить употребленнаго въ рескриптахъ выраженія объ улучшеніи быта; оно повидимому слишкомъ обязательно, слишкомъ связываетъ. «Московскіе Вѣдомости» читаются всѣми и вездѣ. Всѣ прочли въ рескриптахъ, что государь призвалъ дворянъ къ обсужденію вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ, а теперь прочтутъ, что дворяне собираются разсуждать объ измѣненіи этого быта. Что же это значитъ? Выводъ сдѣлать не трудно. Вотъ это гораздо важнѣе, чѣмъ статья «Публика и народъ» ¹⁾ или обѣдъ у Кокорева».

Такое же направленіе московскаго общества подмѣчено было тогда Г. П. Галаганомъ, что имъ и сообщено было Фед. Вас. Ч—ву въ Вѣну. «Аристократія здѣсь, пишетъ онъ ²⁾, какъ и все почти дворянство, сохраняетъ положеніе оппозиціи. До сихъ поръ еще весьма мало губерній изъявили желаніе на эмансипацію; да и тѣ, которыя изъявили, дѣлаютъ это съ невеселымъ видомъ, будто говоря: «тебѣ этого хочется, ну и дѣлай самъ, а наше дѣло покоряться». Слѣдовательно поступаютъ пассивно и очень въ этомъ ошибаются. Государь стоитъ одинъ твердо на своихъ началахъ и не уступаетъ въ этомъ отношеніи никакимъ проискамъ и просьбамъ. Народъ безмолвствуетъ и ожидаетъ, подчюя иногда своихъ господъ разными фразами и увѣреніями въ нежеланіи переменъ, и баре остаются совершенно спокойны и довольны. Славянофилы дѣйствуютъ твердо и благородно, но такъ какъ они очень не популярны ни между дворянами, ни между правительственными лицами, то и весьма трудно имъ выйти на сцену дѣятельности практической, которая теперь такъ важна. Правительство не знаетъ, какихъ оно имѣетъ въ нихъ помощниковъ! Дворянство же нападаетъ на нихъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Дѣло идетъ впередъ, но и реакція не засыпаетъ».

Она довольно ловко распускала слухи, что крестьяне вовсе не хотятъ воли, что они боятся изъ рукъ помѣщика попасть въ руки чиновниковъ, которые изъ-за ложно-либеральныхъ кабинетныхъ тенденцій подняли во-

¹⁾ Статья Аксакова.

²⁾ Въ письмѣ отъ 4-го февраля 1858 г. изъ Москвы.

прось о свободѣ, тревожа и волнуя общество и населеніе. Въ Москвѣ такое мнѣніе было сильно распространено. А. К. Т—кой сообщалъ Н. Ѳ. Б—теву въ Вѣну, что «крестьяне, страшась зависимости отъ чиновниковъ взяточниковъ, боятся свободы. Здѣсь по рукамъ ходитъ копія съ письма крестьянъ къ какому-то Воейкову, въ которомъ они увѣдомляютъ барина, что будутъ сражаться до послѣдней капли крови, а на волю не пойдутъ. Нашему Урусову пишутъ крестьяне, что не хотятъ воли и желаютъ объ этомъ подать просьбу государю. Вообще, полагаю: что если бы дозволили помѣщикамъ, не выдѣляя земли, заключить условія съ крестьянами, то большая часть осталась бы на прежнемъ основаніи и вмѣстѣ мы были бы избавлены отъ произвола. Потеряли бы только тѣ господа, которые теперь слишкомъ много заставляютъ крестьянъ работать, или берутъ тяжелый оброкъ. Вмѣсто такихъ могъ бы заключать условія комитетъ».

Авторъ этого письма хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ до манифеста. «Т—кой, говоритъ М. В—въ въ письмѣ изъ Парижа къ Ал. Ив. Б—дину, можетъ служить и даже дѣйствительно представляетъ оселокъ для пробы освобожденія. Онъ давно хлопочетъ объ этомъ, и давно предлагалъ крестьянамъ и эти давно соглашались будто бы. Соглашались неположительно. Уѣзжая отсюда, Т—кой былъ совершенно убѣжденъ, что совершить освобожденіе своихъ крестьянъ, къ которому, казалось ему, все было улажено и подготовлено. Вышло напротивъ. Крестьяне не желаютъ, вмѣсто помѣщика, имѣть начальствомъ своимъ совершенно чуждыхъ имъ людей, каковы: становые, исправники и т. п. куроцапы, отъ которымъ они нынѣ защищены бариниомъ. Наши фантазеры дѣйствуютъ, не спросясь мужиковъ, и воображаютъ имъ полезнымъ и приятнымъ то, что ни мало имъ не полезно и не приятно. Они находятъ выгоду и спокойнѣе быть крѣпостными своего барина, чѣмъ крѣпостными міра и становаго пристава. Дворяне (я сужу по себѣ) очень бы желали отвязаться отъ своихъ крѣпостныхъ, но крѣпостные-то не отстанутъ. Развязка этого дѣла будетъ можетъ быть преоригинальная: крестьяне возмутятся противъ своего освобожденія!.. Воля ваша, а я не вижу никакого разумнаго выхода изъ нашего положенія, пока администрація столь дурна. Надобно сперва, чтобы непомѣщичьимъ людямъ было лучше, чѣмъ помѣщичьимъ, тогда только помѣщичьи согласятся быть непомѣщичьими. А когда это будетъ? Когда наша администрація сдѣлается человѣчною и нравственною? Черезъ сто лѣтъ можетъ быть и болѣе».

Подобнаго рода мотивы варьировались въ то время на тысячу ладовъ,—что-де крестьяне не хотятъ никакой воли, а что ни правительство, ни помѣщики къ этому не готовы. Объ этомъ говорилось въ собраніяхъ дворянъ, высказывалось на сѣздахъ предводителей и даже писалось въ журналахъ. Вотъ напримѣръ какъ формулировалось въ то

время подобнаго рода взгляды подь перомъ богѣ развитыхъ и образованныхъ помѣщиковъ, какимъ нельзя не признать генерала Г—ва.

•Хотите ли, пишетъ онъ къ Алекс. Григорьевичу Т—цкому ¹⁾. выслушать мое мнѣніе объ эмансипаціи.

«Всякое стремленіе къ распространенію деспотизма и централизаціи возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе; все, что ведетъ къ свободѣ, находитъ самое сильное сочувствіе. А здѣсь свобода большинства, какъ же не желать ея? Но принадлежа къ фанатикамъ справедливости, не допускаю реформъ насильственныхъ, сопряженныхъ съ пролитіемъ крови. Все, что вводится въ государствѣ, должно идти путемъ закона. Теперь предлагаю вамъ на обсужденіе самый важный вопросъ: готовы ли для этой реформы: правительство—нѣтъ, помѣщикъ—нѣтъ, крестьяне—отчасти.

«1. Правительство. Собственные слова ваши: «одни думали, другіе говорили, третьи писали», достаточно порѣшаютъ это. По моему, всѣхъ менѣе подготовлено къ этому правительство. У него нѣтъ мудраго министра въ родѣ Тюрго или Сперанскаго, ни энергическаго исполнителя въ родѣ Клейнмихеля, ни палача, какъ Аракчеевъ, и къ счастью всего менѣе . . . который соединялъ въ себѣ качества совѣтника и исполнителя. Государя нашего по благодати души сравнить можно съ Екатериною или Іосифомъ. Какъ Іосифъ, онъ хочетъ дать народу свободу цензуры, гласность судопроизводства, уничтожить чины. Но дѣйствительно ли этого хочетъ Петербургъ? Желаніе это несовмѣстно съ благоговѣніемъ къ памяти Петра Великаго, о чемъ вы мнѣ писали. Сдѣлало ли правительство со временъ Екатерины хоть одинъ шагъ къ децентрализаціи (decentralisation), за исключеніемъ послѣдняго циркуляра. Имѣемъ ли съемки и кадастры и что-нибудь въ родѣ *juge de paix* или шерифа, т. е. учрежденіе судебное, независимое, для словеснаго разбора жалобъ и споровъ, которые возникнуть между помѣщиками и крестьянами. Все это, повидимому, перейдетъ въ руки становаго, который и теперь важнѣе губернатора и Сената. Если бы эмансипація совершилась, сдумаютъ ли присутственные мѣста распутать вопросъ о переложеніи банковыхъ процентовъ съ душъ на землю и другіе подобныя ему?

«2. Помѣщ и к и, готовы ли они? Имъ дали обсудить самый важный государственный вопросъ, не приготовивъ ихъ къ тому ни умственно, ни матеріально. Надо было дозволить перепечатывать во всѣхъ журналахъ и даже нарочно распространять грошоваго изданія о положеніи естляндской эмансипаціи, выписки изъ Тургенева о попыткахъ Сперанскаго и другихъ. Надо было дать имъ сначала на обсужденіе вопросы гораздо менѣе сложные: опытность нужна въ народѣ неразвитомъ. Мы не въ свободной Греціи, гдѣ гражданинъ былъ въ одно время солдатъ,

¹⁾ Въ письмѣ изъ Херсона 11-го февраля 1856 г.

философъ и дипломатъ. Въ одной изъ междоусобныхъ войнъ Греціи, солдаты, недовольные своимъ генераломъ, смѣнили его и вытащили изъ среды себя рядового, котораго и сдѣлали генераломъ. Имя ему Энамиондъ..... Съ величайшимъ любопытствомъ жду отъ васъ извѣстій о томъ, что сказали губерніи. Но по невѣроятному легкомыслію, съ какими изъяснили согласіе Петербургская и Нижегородская губерніи, полагаю, что три четверти ограничатся безмолвною покорностью священной волѣ государя.

«Въ Херсонѣ съѣхалось уѣздное дворянство, и одинъ господинъ, женатый на вдовушкѣ, боится разинуть ротъ, и когда его спрашиваютъ, то нѣхотя отвѣчаетъ, «что я-де недавно въ этомъ краю; а впрочемъ все рѣшить губернскій комитетъ».

Въ мои лѣта не должно смѣть,
Свое сужденіе имѣть.

«Исправляющій должность екатеринославскаго предводителя, какъ называютъ, утихъ и подалъ рапортъ больнымъ. Мнѣніе, посланное моему предводителю, далеко не полно, но и этого не переварить. Матеріально помѣщики тоже не готовы. Могутъ ли они быть безъ дворовыхъ?—не могутъ ни въ городѣ, ни въ деревнѣ. Города наши не вымощены, не освѣщены, не снабжены водой; полиція нѣтъ. Горожанинъ по необходимости долженъ имѣть экипажъ, водовоза, дворника, двухъ ночныхъ часовыхъ,—что видѣли вы неоднократно у дверей одесскихъ коммерческихъ конторъ. Въ деревнѣ ему (помѣщику) жить будетъ трудно, хозяйничать трудно, а вводить улучшения невозможно. Все хорошіе люди: повара, писаря, слесаря, механики отойдутъ въ большіе города, ибо, напримѣръ, хорошій механикъ не находитъ занятія въ деревнѣ, а большаго жалованья нельзя ему платить.

«3. Готовы ли крестьяне? Мѣстныя и историческія условія крестьянскаго быта такъ различны въ огромной имперіи, что есть крестьяне образованные, стоящіе на высокой степени благосостоянія, и крестьяне, стоящіе наравнѣ съ ирландцами. Къ первымъ принадлежатъ оброчные крестьяне у богатыхъ владѣльцевъ губерній — Ярославской, Владимірской и Нижегородской. Эти-то готовы; съ нихъ надо начинать. Не странно ли, что о состояніи оброчныхъ мнѣ не встрѣчалось ни одного слова читать на русскомъ языкѣ. О нихъ я распространился нѣсколько въ статьѣ мой «О гуманности русскаго народа», на которую я еще разъ прошу обратить вниманіе, или, лучше сказать, милостивое покровительство.

«Послѣ трехъ поименованныхъ губерній Новороссійскій край, мало-земельный, болѣе всѣхъ подготовленъ къ эмансипаціи. Изъ этого бѣлаго взгляда видно, что во всемъ этомъ утѣшительнаго есть только доброе на-

мѣрение государя и мысль передать вопросъ на обсужденіе дворянства. Это есть первый шагъ къ государственнѣмъ чинамъ. Вы пишете, что объ нихъ никто не думаетъ—быть можетъ; но кажется, что это придетъ само-собою. Только я желаю, чтобы оно пришло путемъ русскимъ, какъ были государственные чины при Романовыхъ; а они придутъ путемъ французскаго подражанія!»

Ко всѣмъ этимъ болѣе или менѣе теоретическимъ соображеніямъ добавлялся страхъ за бунтъ, за революцію, несмотря на то, что уже болѣе года народъ зналъ и слыхалъ о предполагаемой волѣ и безропотно, терпѣливо несъ крѣпостное ярмо. Замѣчательно еще то, что этому страху подвергались въ одинаковой степени какъ люди малообразованные, грубые, жестокіе, такъ и помѣщики развитые, въ другихъ отношеніяхъ гуманные и даже любимые своими крестьянами. Интересно въ этомъ отношеніи задушевное письмо знакомаго намъ орловскаго помѣщика И. В. П—ва къ женѣ своей въ Москву, гдѣ онъ подробно развиваетъ практическую несостоятельность предпринятаго дѣла и цѣлую массу страховъ и опасеній. «Мы остаемся рѣшительно безъ всего, пишетъ онъ женѣ ¹⁾. Изъ царскаго рескрипта мужики поняли одно и одному только вѣрять: усадьбы остаются за ними. На переселеніе добромъ ихъ не согласишь. Ежели и будетъ дозволено переселять, то въ каждую деревню надо будетъ поставить по цѣлой ротѣ солдатъ, на что не хватитъ у правительства ни средствъ, ни воли. Платить за усадьбы мужикамъ рѣшительно нечѣмъ. Да они и не вѣрять, чтобы платить было приказано. «Какая же эта воля, когда съ голоду умирать придется», говорятъ они и очень резонно. Эмансипація по трафарету не удастся. Господи! три года назадъ я это предвидѣлъ и все собирался переселить на Лыково. Въмѣсто машинъ, сушилокъ и лошадей за это бы прежде всего надо было приняться. Справедлива моя любимая поговорка: годить—гѣдить. Были бы съ кускомъ хлѣба, а теперь на-голо нищѣ. Имѣніе надо бросить.

«А какъ легко было сдѣлать благое дѣло, не разоряя насъ въ лоскъ. Трофаретикъ-то понравился. Думаютъ, что всякій русскій мужикъ ярославецъ да владимирецъ, а того не знаютъ, что нашъ черноземный, барщинскій мужикъ давно утратилъ всякую энергію и всякую самостоятельность. Мысль отправить семейство въ Гельсингфорсъ меня серьезно посѣщаетъ. Ты, конечно, согласишься раздѣлить со мною опасность и коли нужно умереть вмѣстѣ—на это ты способна. Мы теперь на пороховой минѣ. Скоро, скоро начнется страшное кровавое дѣло. Первые симптомы уже показались. Остается одинъ исходъ—отнять у дворянъ земли. Историческихъ правъ мы имѣемъ столько же, сколько и стано-

¹⁾ Отъ 18-го февраля 1858 г.

выс, съ которыми мы вмѣстѣ служили сборщиками податей, отдатчиками рекрутъ и полицейскими надсмотрщиками. Ежели Петръ I-й, во имя государственнаго порядка, отнялъ личную свободу у нѣсколькихъ милліоновъ, то во имя человѣческаго достоинства, можно отнять состояніе у какой-нибудь сотни тысячъ. Объ этомъ спору нѣтъ, но пользы-то отечеству отъ этого не будетъ никакой! Очевидно, что всѣ густонаселенныя, черноземныя губерніи не будутъ продавать хлѣба ни зерна. Чѣмъ армію кормить, изъ чего водку гнать? Вѣроятно, до этого не допустить. Вотъ тутъ-то и бѣда! Въ каждую деревню придется ставить по цѣлой ротѣ,—армін не хватить. Пріѣзжай умирать вмѣстѣ; дѣтей въ пріемыши мужикамъ отдадимъ. Чтобы меня не назвали пустымъ алярмистомъ, приведу мой разговоръ съ Василюмъ Пронинымъ.

— Ты знаешь, что за усадьбы мы должны получить съ васъ деньги.

— Помилуйте, какія деньги! Развѣ вы не знаете, что съ насъ взять нечего.

— Для этого я и переведу васъ на Лыково и отдамъ вамъ и усадьбы и земли даромъ.

— Какъ можно! Намъ царь усадьбы оставилъ, мы съ нихъ не тронемся. Зачѣмъ намъ переходить.

— Пожалуй, оставайтесь. Я буду свое выбирать, мнѣ тоже царь далъ.

— Да вѣдь эдакъ у насъ въ два года не останется не токмо теленка, да и курченка.

— Сами того хотите. Переходите добромъ.

— Нѣтъ-съ, мужики не согласятся, объ этомъ и толковать нечего.

«Какъ это тебѣ нравится? Наше имѣніе подгородное, а Василій Пронинъ умнѣйшій мужикъ въ имѣніи; его слова выражаютъ общественное крестьянское мнѣніе.

«Давыдовскій приказчикъ съ ужасомъ рассказывалъ, что мужики отказались везти барскій хлѣбъ въ Орелъ продавать,—все, говорятъ, наше будетъ. Послалъ за становымъ. Тутъ однимъ сѣченіемъ ничего не возьмишь. Отъ этого только злоба накапливается и прорвется разомъ. А я было хорошую штуку придумалъ, какъ помѣщиковъ вознаградить за земли и наемный трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить. Съ шести десятинъ положить сбору по 10 руб. Это легко; 10 руб. представляетъ 5% съ 200 руб. Десятина обойдется въ 33 руб. 33 1/2 коп. Ежели даже 2% будутъ поступать въ погашеніе, а только 3% за капиталъ и то въ наглядѣ не остались бы. Эти 5% выдавать помѣщикамъ не деньгами, а контромарками и съ мужиковъ поземельный оброкъ или сборъ брать не деньгами, а этими же контрамарками обязательно. Мужикъ поневолѣ пришелъ бы у помѣщика просить работы и наши звѣри не загуляли бы

(по крайней мѣрѣ вполнѣ), какъ въ Галиціи. Передай эту штуку братьямъ. Теперь она, впрочемъ, ни къ черту не годится; все погребло».

Еще съ большимъ страхомъ и притомъ тономъ самой безповоротной убѣжденности, писалъ въ то время покойный Василій Васильевичъ Григорьевъ¹⁾ изъ Оренбурга къ Павл. Степан. С---ву. «Умирать, обращается онъ къ другу²⁾, такъ умремъ вмѣстѣ, *les derniers des Romains*. Именно послѣдніе, потому что и Мишка Погодинъ присталъ къ западникамъ, обѣдаетъ съ аболіціонистами и глупыя рѣчи произноситъ—Какъ Ламартинъ, послѣ 1848 года, чтобы не сойти вовсе со сцены, трется онъ съ теперешнимъ главнымъ *en vogue*. «Молва» скончалась и слава Богу: стыдъ только приносила славянофиламъ. Полагаю, что недолго предержится и «Бесѣда», находящая достоинство свое въ томъ, чтобы выходить въ годъ не 12 разъ, а четыре. Коротко жила у славянофиловъ, надо отдать имъ справедливость. Впрочемъ наступаетъ такое время, что уже не перомъ надо будетъ дѣйствовать, а топоромъ. Благодаря безконечной, непримѣрной, невообразимой глупости... Крымская война будетъ имѣть двойника своего внутри Имперіи. Дай Богъ только, чтобы роль французовъ и англичанъ досталась въ этой кампаніи народу, а роль Россіи—помѣщичеству. Государь, говорятъ, нездоровъ и въ лѣту увѣжаетъ за границу. Безъ него еще хуже будетъ.

«Мы тоже собираемся лѣтомъ за границу—въ степь, да того и гляди не успѣемъ на верблюдовъ влѣсть, какъ назадъ потянуть, ради неспокойства внутри края. У насъ, братъ, пойдетъ чепуха, такъ на славу.— Казаки оренбургскіе... на нихъ правительство опереться не можетъ, а уральцы неизвѣстно кому помогать стануть. Искать спасенія въ башкирцахъ смѣшно, потому что они магометане; ну, а русскій народъ здѣсь все раскольниковъ и значительною частью заводскіе крестьяне. А ты слыхалъ, что это за люди и каково ихъ положеніе? Придется спасать отечество съ киргизами. Вотъ штука-то будетъ. Вообще, когда тебѣ тамъ, въ Питерѣ, станетъ неловко, пріѣзжай къ намъ на Сыръ-Дарью. Въ случаѣ какой серьезной сумятицы въ Заволжьѣ, гарнизонамъ Сыръ-Дарьинскимъ, получающимъ продовольствіе съ Оренбургской линіи, нечего ѣсть будетъ, а голодъ заставитъ на что-нибудь рѣшиться. Пойдемъ съ горя и завоемъ Коканское владѣніе, гдѣ хлѣба довольно. Тощее брюхо и не на такіе подвиги подыметъ».

Боялись, впрочемъ, и западники и славянофилы. Боязнь послѣднихъ вытекала изъ другихъ причинъ и объяснялась иначе. Самарскій предводитель пишетъ къ Серг. Тимофѣевичу Аксакову, «что онъ еще дер-

¹⁾ Впоследствии главноуправляющій по дѣламъ печати.

²⁾ Письмомъ отъ 16-го февраля 1858 г. изъ Ушгорода Оренбургской губерніи. Письмо подписано: „твой Мирза Меликъ“.

жится того убѣжденія, что переворотъ мирно не можетъ совершиться. Съ освобожденіемъ крестьянъ уничтожится привилегированное сословіе; слѣдовательно измѣнится быть, къ которому мы уже привыкли. Всѣ наши старанія едва ли удовлетворятъ крестьянина, потому что въ совершающемся событіи онъ видитъ тайное доказательство правъ своихъ на землю, и кончится тѣмъ, что потребуетъ ее. Никакимъ манифестамъ народъ не повѣритъ; онъ останется при своемъ убѣжденіи, что царь хотѣлъ бы сейчасъ отдать волю и землю, да господа не позволяютъ». Мнѣніе это раздѣлялось тогда многими, главное потому, что крестьяне не скрывали своей мысли и своего убѣжденія, что воли безъ земли для нихъ не можетъ быть. Впослѣдствіи такое народное убѣжденіе мало-помалу перешло въ сознаніе общества и полекло за собою освобожденіе съ землею, но въ первый періодъ оно являлось только одною изъ причинъ, возбуждавшихся въ средѣ помѣщиковъ опасеній. Разумѣется, у страха глаза велики и рассказывалось объ ужасахъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. «Пока пережелеется все на муку, сообщалъ одинъ курскій помѣщикъ, вдоволь наплачемся, и безъ револьверовъ не показывай носа. У насъ здѣсь уже началась потѣха. П—цаго, Юрія мужики распяли на крестѣ (оказалось, что это былъ вздоръ и ничего подобнаго никогда не было), а у К—мова сторожъ продалъ рожь, а денежки взялъ себѣ; мы, говорятъ, послѣ новаго года всѣ вольные, а денежки годятся. Теперь одна выгода—отпускать на волю домашними вольными, а для земли нанимать работниковъ. Эмансипація произвела ужасное волненіе въ народѣ и дай Богъ, чтобы обошлось благополучно. Не было бы такъ, какъ было въ Галиціи? Какъ пойдутъ вздергивать нашу братію и войска отъ этого не удержатъ, потому что самые близкіе начальники—все наша же братія, которые имъ надоѣли. Это и будетъ хуже, чѣмъ въ Индіи, съ тою разницею, что въ дѣла Англіи никто не мѣшался, а къ намъ явятся вѣрно доброжелатели и друзья—однокровные нѣмцы и всякая чушь. Не хорошо, не хорошо дѣлается! Говорю это не потому, чтобы я былъ старовѣръ въ мнѣніяхъ, а говорю по убѣжденію и основываю ихъ на опытѣ, полученномъ послѣ 9-ти-лѣтняго хозяйства. Новые эти постановленія расплодятъ только нищихъ, а главное, раздѣлятъ помѣщика и крестьянина и заставятъ обирать мужика, тогда какъ теперь сознаютъ, что богатѣетъ мужикъ,—богатѣетъ и помѣщикъ».

Съ другой стороны и правительство, начавъ дѣло и не разобравъ его со всѣхъ сторонъ, не могло отвѣтить на бездну внезапно всплывавшихъ для разрѣшенія вопросовъ, волнуя тѣмъ и безъ того взволнованное воображеніе дворянъ. «Дѣло освобожденія крестьянъ идетъ вообще весьма туго, передаетъ въ письмѣ знакомый изъ Петербурга Николаю Аркадіевичу Р—ану въ Парижъ; независимо отъ сильной оппозиціи со стороны дво-

рянства, самое предложеніе правительства, сдѣланное очень не практически, даетъ поводъ находить въ этомъ предметѣ всевозможныя помѣхи. Высшія правительственныя лица не разрѣшаютъ дѣлаемыхъ имъ вопросовъ, потому что мало въ этомъ дѣлѣ понимаютъ сами. Болѣе всего встрѣчается затрудненій въ имѣніяхъ оброчныхъ, о которыхъ вовсе не подумали. Мы же съ нашимъ черноземомъ кое-какъ выйдемъ изъ затрудненій. На-дняхъ возникъ и обдумывается вопросъ о выкупѣ крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и переселеніи ихъ на казенныя земли. Никакъ не сладить иначе съ мелкопомѣстными, которые, разорившись, могутъ сдѣлаться, по мнѣнію многихъ, опасными пролетаріями. Вотъ причина, почему правительство рѣшается на такой выкупъ. Вообще дворянство подлито, и удивленное правительство видитъ, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. А между тѣмъ назадъ вернуться—нельзя! Хорошо еще, что народъ вездѣ покоенъ; больше потому, что положеніе его, предложенное въ циркулярѣ, вовсе ему не убывается».

Далѣе знакомый Р—мана сообщаетъ о Москвѣ. «Говорить ли тебѣ, пишетъ онъ, о томъ, сколько я выслушалъ въ Москвѣ разныхъ разсужденій и сколько дичи! Великіе паны все себя утѣшаютъ тѣмъ, что народъ этого не хочетъ, но что это выдумки красныхъ. Западники кричатъ, но ихъ легко сбиваютъ тѣмъ, что они, сами ничего не имѣя, не судьи въ вопросѣ. Славянофиловъ сильно ругаютъ, но осудить никто не можетъ, потому что они въ полномъ правѣ объ этомъ говорить. Славный народъ. Я проводилъ въ ихъ обществѣ время съ наслажденіемъ».

По правдѣ сказать, славянофильская партія, возбудившая противъ себя все ретроградное дворянство, составляла въ то время единственный оплотъ противъ дворянской оппозиціи, сильнейшей вышустить крестьянъ на волю безъ земли. «Здѣсь публика, пишетъ изъ С.-Петербурга знакомый къ Ю. Э. Самарину въ Москву, сильнѣйше отстаиваетъ усадьбы и землю и кажется не безъ успѣха. На-дняхъ составленъ циркуляръ, который сегодня будетъ напечатанъ. Эмансипаторы безъ земли прояснились. Отъ положительныхъ началъ правительство не отступаетъ, но нѣкоторыя поясненія для насъ пріятны. Мнѣ сказывали, что дозволяется выкупъ за усадьбы разсрочить и болѣе чѣмъ на 12 лѣтъ,—это важно! Переселенія крестьянъ на иныя усадьбы допускаются только съ согласія крестьянъ и съ утвержденія уѣзднаго присутствія. Жаль, что это правило получить силу только съ новымъ порядкомъ вещей, а не сейчасъ, ибо помѣщики успѣютъ переселить до того времени поль-Россіи. Очень, очень было бы важно теперь напечатать статью въ опроверженіе тѣхъ, которые утверждаютъ, что освобождать должно безъ земли и что освобожденіе съ землею уничтожаетъ дворянское сословіе».

И. С. Аксаковъ написалъ въ то время статью въ «Парусѣ» объ

отношеніи правительства къ владѣльцамъ въ крестьянскомъ вопросѣ, но статья эта была встрѣчена порывомъ негодованія со стороны дворянства и косыми взглядами со стороны цензуры. Даже братъ Ивана Сергѣевъ, самарскій предводитель, остался недоволенъ и указывалъ въ письмѣ къ отцу Сергѣю Тимофѣевичу, что усиливать самостоятельность правительственной власти въ крестьянскомъ дѣлѣ едва ли основательно. «Картину, которую набросалъ Иванъ, пишетъ онъ, именно, обоюднаго положенія правительства и владѣльцевъ, можно было ожидать. Мнѣніе тверскаго предводителя очень дѣльно, но нельзя надѣяться, чтобы при такихъ министрахъ какъ... государь рѣшился самъ вести дѣло. Нельзя же одному все видѣть, знать, понимать, придумывать, рѣшать и исполнять. У Наполеона есть люди, есть исполнители, а у насъ въ нихъ большой недостатокъ, да притомъ нельзя быть увѣреннымъ въ ихъ благонадежности. Не понимаю внезапнаго учрежденія новой цензурной инстанціи. Не дѣйствуетъ ли въ этомъ случаѣ примѣръ Франціи?»

Предположеніе невѣрное. Дѣйствовали въ то время не примѣръ Франціи, а просто усилившіяся силы реакціи. Въ отношеніи печати и въ отношеніи крестьянскаго вопроса направленіе повернуло въ другую сторону, заговорили о неприкосновенности правъ собственности въ смыслѣ оставленія народа бобылемъ, указывали на опасность дворянской оппозиціи, на увеличеніе въ народѣ несбыточныхъ надеждъ, на неудобство излишней гласности¹⁾. Лучшие люди скорбѣли объ этомъ.

«Крестьянскій вопросъ, пишетъ Ковалевскій къ брату Евг. Петровичу въ Москву, идетъ съверно. Съ такимъ эгоизмомъ и безнравственною апатіею къ пользѣ собственной, которыми отличается наше дворянство, трудно сдѣлать что-нибудь комитету выборныхъ. Палка или историческая дубинка сдѣлала бы гораздо болѣе, и я думаю, что и кончится тѣмъ, что она разрѣжетъ гордіевъ узелъ». Тоже самое замѣчалъ помѣщикъ М—вскій въ письмѣ къ брату въ Парижъ. «У насъ на Руси, говоритъ онъ, и дворянство и крестьяне дурятъ ужасно. Но къ чести послѣднихъ нужно сказать, что дѣйствія ихъ гораздо благоразумнѣе: они ожидаютъ съ терпѣніемъ развязки, не взирая на злонамѣренныя слухи, покоряются своему положенію, пока наконецъ дѣйствія дворянъ не вызовутъ движеній, гибельныхъ для спокойствія отечества. Никакія убѣжденія не могутъ вразумить помѣщиковъ къ гуманнѣмъ, разсудительнѣмъ мѣрамъ. Да и можетъ ли быть иначе, при отсталости и не-

¹⁾ Припоминаемъ исторію съ К. Д. Кавелинымъ по поводу его статьи, напечатанной въ „Современникѣ“. Г. Кавелину пришлось отказаться отъ чтенія лекціи наследнику, въ цензурѣ явились строгости и установленъ новый надзоръ со стороны чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ (см. „Матеріалы“, стр. 250 и слѣд.).

вѣжествѣ этого сословія, занявшаго отъ Запада все гнусное и непотребное. Правительство, вмѣсто настоящихъ мѣръ, принялось за полумѣры и тѣмъ еще болѣе спутало вопросъ. Что изъ всего этого будетъ, одинъ Богъ знаетъ!»

Нѣкоторые, высказанное правительствомъ желаніе освободить крестьянъ съ землею, приписывали влиянію Герцена. Такъ одна помѣщица изъ Симферополя припоминаетъ въ письмѣ къ Игн. Ал. У—цу слова Татьяны Петровны Пассекъ, какъ московскія дамы боялись влиянія Герцена на государя. «Предчувствіе ихъ сбылось, писала она. Герценъ въ письмѣ своемъ къ государю говоритъ: «отдайте землю крестьянамъ, она имъ принадлежитъ». Въ нашемъ захолустѣ также появились сочиненія Герцена и я, какъ поклонница его, ихъ имѣю». Другимъ не понравилось даже слово, допущенное въ циркулярѣ объ отводѣ крестьянамъ земли, «по добровольному соглашенію».

«На прошлой недѣлѣ, говоритъ Х—цкій въ письмѣ къ отцу, явилось одно только писаніе глубокомысленнаго Ланскаго, и разсмѣшило болѣзненно публику и меня тоже, какъ одну изъ единицъ этого итога. Что недѣлѣе его толкованія «по взаимному согласію». Экую милость дѣлаетъ: «дозволяетъ!» да отъ потопа оно существовало. Могу по взаимному согласію позволить и себя высѣчь, если это мнѣ нравится. И какъ темно и сбивчиво написано! Боже, что за архитекторы!»

Посмотримъ теперѣ, какъ эта усилившаяся въ началѣ 1858 года реакція въ столицахъ отражалась на провинціальной и деревенской жизни. Отраженіе это сказалось самымъ плачевнымъ образомъ для народа. Помѣщики начали снова бесчинствовать, полиція, въ угоду помѣщиковъ, начала безмилосердно сѣчь народъ. Помѣщикъ Я—нъ сообщаетъ изъ Вязьмы Е. Г. Я—ной въ Москву, что «слухъ о вольности дошелъ и сюда, но вяземское начальство распоряжается по своему, какъ будто не было вовсе ни рескрипта, ни циркуляра. Исправникъ, какъ только узнаетъ, что говорятъ о вольности, такъ сейчасъ пороть, хотя это нисколько не прекращаетъ слуховъ. Мужики терпятъ пока всѣ неистовства земской полиціи, ожидая и уповая, что не долго имъ придется потерпѣть, помѣщики упорно молчатъ. Я же объявилъ своимъ, что они скоро будутъ вольные и это объявленіе, какъ и слѣдуетъ ожидать, имъ было очень пріятно». Тоже самое сообщалось Е. Г. Я—ной и изъ Смоленска. «Звѣрства и притѣсненія, писалось въ письмѣ, о которыхъ въ Московской губерніи услышишь какъ объ исключеніяхъ, здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагѣ и между мелкими и между большими владѣльцами. У помѣщика графа Э—на взбунтовались крестьяне, поставили экзекуцію—солдатъ, и крестьяне рады были, потому что имъ возможно было убраться хлѣбъ. Помѣщикъ М—овъ заставлялъ бабъ впрягаться въ бороны за недостаткомъ рабочаго скота. А такихъ помѣщи

ковъ, которые отбирають у крестьянъ уваженную землю, а имъ даютъ негодную—и числа нѣтъ. Крестьяне ждутъ спокойно. Нигдѣ нѣтъ и признаковъ возмущенія; но дворяне дѣлають, кажется, все, чтобы вызвать пугачевщину. Не одобровать тогда и попамъ; противъ нихъ мужики давно точатъ зубы. Да и попы здѣсь точно на подборъ». Затѣмъ изъ другого письма, относящагося къ тому же времени и къ той же Е. Г. Я—ной, мы читаемъ: «сѣчь, сѣчь и сѣчь—вотъ главное правило М—ва ¹⁾, сколько я знаю изъ его же словъ, на исполненіи котораго онъ такъ настаиваетъ, что Смоленская губернія уже давно вся пересѣчена; впрочемъ, вѣроятно, то же дѣлается и въ Московской». Далѣе, смоленскій помѣщикъ проситъ Е. Г. Я—ну сказать Б—ту, что грѣхъ ему будетъ, ежели онъ не напишетъ хоть коротенькой замѣтки на статью Безобразова, помѣщенную во второй январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», въ которой тотъ проповѣдывалъ о необходимости вознагражденія за промыслы крестьянъ. «Впрочемъ, можетъ быть и нельзя написать, замѣчаетъ помѣщикъ, потому что въ рескриптѣ въ Петербургской губерніи положено вознагражденіе за промыслы. Это такая дикая вещь, что уже лучше было бы назначить личный выкупъ. Судите сами. Около Хорошкова есть село съ чудотворнымъ образомъ, богомольцы стекаются туда толпами, они останавливаются иногда у хорошковскихъ крестьянъ, нанимають у нихъ подводы, покупають провизіи и т. п., такъ что черезъ это образовался довольно выгодный для нихъ промыселъ. Неужели же крестьяне должны заплатить за то, что въ нихъ приходѣ есть чудотворный образъ? Богъ знаетъ что такое!»

Сѣченіе и экзекуція совершались повсемѣстно. Екатеринѣ Ивановѣ Е—ной сообщали, напримѣръ, что «въ Рязанской губерніи село Дѣдново не бунтовало, но уже три года отыскивало свободу. Сорокъ человекъ были за это высѣчены. Любопытны также отзывы ближайшаго дѣтеля всѣхъ этихъ сѣченій одного становаго С.-Петербургской губерніи Кириллова. «Время самое трудное теперь, рассказываетъ онъ пріятелю въ письмѣ, не знаешь что случится завтра. Въ 1-мъ и 2-мъ станахъ много было серьезныхъ проказъ. Меня же Господь миловалъ. Все тихо, спокойно, какъ передъ бурей. Но какая-то особенность замѣчается въ народѣ, онъ чего-то ждетъ въ будущемъ, и много нелѣпыхъ слуховъ ходитъ по деревнямъ. Надо умѣть удерживать всѣхъ въ границахъ и въ самомъ началѣ разсѣвать бесполезную молву, чтобы нѣкоторыхъ невѣждъ невинно не подвергать той же участи, которую уже многіе изъ нихъ испытали въ первыхъ двухъ станахъ».

Ходившіе въ народѣ слухи варіировались на разные лады и иной разъ принимали самыя причудливыя формы, но народъ наивно вѣрилъ

¹⁾ Смоленскій губернаторъ

имъ, прислушивался къ нимъ. Кіевскій профессор Р—новъ сообщалъ брату о заготовленномъ кіевскими дворянами адресѣ государю о согласіи на освобожденіе крестьянъ и о томъ, что профессоръ С—инъ отказался написать этотъ адресъ, по нежеланію высказывать мнѣній, противныхъ его убѣжденіямъ, между прочимъ сообщаетъ также, что въ народѣ носятя слухи объ эмансипаціи одинъ нелѣпѣе другого. «Для предупрежденія ихъ т. е. слуховъ, говоритъ профессоръ, или нужно было бы дѣлать все въ тайнѣ, или вполне гласно, объявивъ въ церквахъ. Народъ не умѣетъ читать, не имѣетъ газетъ, и всякій отставной солдатъ, всякій полуграмотный дыячекъ можетъ распускать нелѣпые слухи и волновать его. Одинъ, напримѣръ, лакей рассказывалъ, что царь заказалъ сапожникамъ дѣлать сапоги съ гвоздями и помѣщиковъ будутъ водить въ этихъ сапогахъ до тѣхъ поръ, пока они не освободятъ крестьянъ. На площади какой то разсыльный рассказывалъ, что государь хотѣлъ освободить крестьянъ, но вотъ собрались на контракты помѣщики и порѣшили, чтобы не освободить ихъ. Это все напоминаетъ негровъ Американскихъ штатовъ, которые однажды все дожидали, что вотъ-вотъ выйдеть изъ воды какое-то войско и освободить ихъ!»

Начали ходить по народу разнаго рода пророчества и предсказанія. «Здѣсь начали пророчить худое: разореніе, огонь и мечъ, пишетъ мать Е. И. Е—ной. У О—ва отказались платить оброкъ, а къ Аннѣ Алексѣевнѣ Е—ной пришли мужики сказать, что землю берутъ всю,—она вся наша, а кормить тебя будемъ, пока жива и пр. Въ Петербургѣ, писала старушка, считаютъ уже дѣло оконченнымъ, и государь ѣдетъ въ Архангельскъ, для чего собираютъ по 1½ коп. съ души по тракту».

О томъ что помѣщикамъ не слѣдовало скрывать передъ крестьянами • готовящихся перемѣнахъ еще ранѣе сознавали многіе помѣщики, и нѣкоторые изъ нихъ старались вразумить крестьянамъ тѣ основныя начала, которыя положены въ рескриптахъ, нисколько не боясь ни возмущеній, ни мнимой революціи. «Не знаю, отъ излишней ли довѣренности къ человѣческой добродѣтели, пишетъ дочь къ Ал. Алекс. З—ву, но я надѣюсь, что все кончится какъ нельзя лучше и что это совершенно зависить отъ того, какъ возмутся за дѣло помѣщики. Я не вѣрю преувеличеннымъ слухамъ о беспорядкахъ, будто бы происшедшихъ въ Витебской и Тульской губерніяхъ, а если они и были, то тутъ вѣроятно виноваты не одни крестьяне. Мнѣ кажется, что скрывать отъ мужиковъ предстоящую перемѣну неблагоприятно и что гораздо лучше растолковать имъ откровенно и резонно въ чемъ дѣло. Это ихъ успокоить и вселить въ нихъ довѣріе. Если самъ помѣщикъ не пояснитъ крестьянамъ всего дѣла, то очень натурально, что они будутъ слушать нелѣпые и злонамѣренныя слухи».

Въ томъ же успокоительномъ тонѣ высказывалъ свое мнѣніе

одинъ москвичъ Н. О. В—теву, говоря: «не знаю, что будетъ да-
лѣе, но теперь въ Россіи спокойствіе нигдѣ не нарушается. Кресть-
яне выполняютъ свои обязанности безпрекословно, оброчные платятъ
оброки попрежнему, дворовые не выходятъ изъ повиновенія, и хотя
многіе помѣщики предлагаютъ имъ свободу, но они отказываются. Фа-
бричные спокойно работаютъ, и хотя теперь у насъ масляница, недѣля
разгула, но буйства нигдѣ не слышно. Богъ дастъ, Россія покажетъ
Европѣ, какъ совершаются у насъ важные перевороты—тихо, смирно;
какъ русскіе, несмотря на данное имъ титуло варваровъ, умѣютъ по-
стигать благія намѣренія своего молодого и великаго царя». Николай
Николаевичъ Ч—инъ писалъ въ то время къ брату Борису въ Москву,
что «по свѣдѣніямъ, доставляемымъ губернатору, народъ ожидаетъ пере-
мѣны въ своей судьбѣ спокойно и тихо. Кое-гдѣ въ деревняхъ появля-
ются люди, которые толкуютъ крестьянамъ о вольности въ томъ смыслѣ,
что они не должны болѣе повиноваться помѣщикамъ, но крестьяне,
увлекшись этими внушеніями, возвращаются къ повиновенію при первомъ
разумномъ объясненіи со стороны правительства или даже самого помѣ-
щика. Все это показываетъ, что если крестьянамъ дадутъ свободу не та-
кую, которая хуже крѣпостнаго состоянія, и приступятъ къ этому съ
благоразумною постепенностью, то эмансипація совершится не только
безъ общаго волненія, но и безъ частныхъ несчастій».

Говоря о реакціи, объ ожидаемыхъ со стороны помѣщиковъ страхахъ,
о наказаніяхъ народа полиціею, нельзя также наряду съ этимъ и не отмѣ-
тить массу лучшихъ побужденій и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, существо-
вавшихъ въ тогдашнемъ обществѣ. Вотъ мы встрѣчаемъ молодого помѣ-
щика Киндякова, пишущаго изъ Рима такія душевные слова матери
«Возможностью быть достойными гражданами, говоритъ онъ, мы обязанъ
вамъ, маменька. Вы привили къ намъ чувство бережливости, умѣренности,
и вотъ они то позволяютъ намъ благословлять освобожденіе, но не опла-
кивать его. Если бы великая реформа и потребовала жертвъ, то ужели
же мы не сдѣлаемъ ихъ, имѣя въ виду счастье и славу всей страны.
Какое черное и грязное пятно назожили на себя тамбовцы и пен-
зенцы. Его не смеетъ даже время. Потомство не забудетъ ихъ по-
ступка, дѣти ихъ будутъ стыдиться. А доберитесь-ка до источника всего
этого. Настоящее любезной Пензы легко объяснится ея прошедшимъ.
Убѣдился я въ томъ, что по истеченіи 12-ти лѣтъ земля, которою бу-
дутъ надѣлены крестьяне на основаніи положеній губернскихъ комите-
товъ, обратится въ полную собственность крестьянъ. Да иначе и быть
не можетъ. Объ этомъ нечего и толковать. Повидимому всѣ такъ и пони-
маютъ; бѣда въ томъ только, что негодуютъ на это. Хороши же эти
господа, желающіе отказать 20-ти милліонамъ жителей въ пропитанія и
правъ». Встрѣчаемъ молодого чиновника Стодольскаго, проникнутаго

самых честных, безкорыстных убеждений и дѣлящагося съ своимъ товарищемъ В. В. П.—вымъ такими мыслями: «Здѣсь въ Новоржевѣ, пишетъ онъ, болѣе всего меня сердить непониманіе своего времени, враждебный взглядъ на каждый шагъ впередъ, предпочтеніе личнаго интереса общественному благу, тупое равнодушіе къ современнымъ вопросамъ, заносчивое барство, напоминающее средневѣковое вассальство. Приведу въ примѣръ хоть облаву на лосей, которую на этой недѣлѣ дѣлалъ одинъ помѣщикъ. По приказанію земской полиціи разосланы были разсылыные, которые хватили народъ съ работы и вербовали въ загонщики. Помѣщикъ, недовольный тѣмъ, что ему успѣли собрать только 40 человекъ, общагъ дать разсылному 100 палокъ. Я былъ на облавѣ и когда узналъ, что для потѣхи большого барина сгоняютъ людей не по найму, а насильно, незаконно употребляя правительственную власть, уѣхалъ немедленно. Я проклялъ облавы и конечно никогда не замараю званіе гражданина участіемъ въ деспотическихъ барскихъ потѣхахъ. Одна просьба любящаго тебя товарища: души подлецовъ, души безъ сожалѣнія. Пока мы молоды и не женаты—тутъ и работать».

Попадаются восторженные отклики на все: на самую реформу, на щедрость дворянства, на благородіе народа. «Честь и слава русскому дворянству, восклицаетъ одинъ варшавскій чиновникъ въ письмѣ къ Петру Рафану. О—ву, которое способно жертвовать съ такою готовностью своими правами. Вслѣдствіе сего миллионы людей, созданныхъ по образу и подобию Божію, братьевъ нашихъ о Христѣ, пребывавшихъ въ рабствѣ, будутъ называться свободными. Но правительство съ меньшимъ пожертвованіемъ и болѣею для себя пользою можетъ сдѣлать еще болѣе, предоставивъ всѣмъ безъ исключенія пользоваться отличительными дарами, данными отъ Бога человѣку—разумною волею и словомъ. Тогда только возникнутъ дѣйствительная свобода и общественное мнѣніе, которые скорѣе и успѣшнѣе всѣхъ другихъ мѣръ, алгвазиловъ и жандармовъ, прекратятъ большую часть злоупотребленій, когда введутъ истинное просвѣщеніе и правосудіе, установятъ кредитъ и разовьютъ промышленность. Надобно и можно ожидать этихъ благъ отъ такого благонамѣреннаго и добродушнаго государя, каковъ нынѣ царствующій Александръ Николаевичъ».

Предполагаемое освобожденіе народа, вслѣдъ за имущественною его обезпеченностью, вызвало также заботливость о его нравственномъ, умственномъ и религіозномъ образованіи. Въ невѣжествѣ и безрелигіозности народа никто не сомнѣвался. Крѣпостничество развратило народъ до послѣдней степени и еще нужно удивляться крѣпости и силѣ народнаго духа, давшаго возможность сохранить хоть отчасти нравственно-бытовыя основы, подъ которыми жило тогда крестьянство. Наиболѣе это замѣтно было въ западныхъ губерніяхъ. «Быть крестьянъ,

пишет витебскій помѣщикъ сенатору Жемчужникову, въ положеніи ужасномъ и религіи здѣсь между мнимыми православными почти нѣтъ. Какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, многіе крестьяне на вопросъ: какого они исповѣданія? отвѣчаютъ, что они и сами не знаютъ. Замѣтно, что католицизмъ болѣе уважаютъ, въ чемъ нельзя обвинять крестьянъ, потому что примѣръ ксендзовъ и нашего духовенства невольно располагаетъ ихъ къ слабому убѣжденію въ православіи».

Объ упадкѣ духовно-правственной жизни въ народѣ свидѣлствуютъ не только ближайшіе его наблюдатели, но люди менѣ знакомые съ нимъ и наблюдавшіе его, такъ сказать, издали. Въ этомъ отношеніи интересенъ взглядъ одной англичанки, миссъ-Гальтонъ, печально попавшей въ Россію и прожившей у насъ въ провинціи въ Троицкѣ нѣсколько лѣтъ. Въ письмѣ къ своей подругѣ миссъ-Айлевардъ въ Англию, добродѣтельная миссъ между прочимъ освобожденіе крестьянъ сопровождаетъ такого рода чисто пуританскими заключеніями. «Вы пишете мнѣ, говоритъ она, что народъ въ Англии радуется, слыша объ эмансипаціи рабовъ въ Россіи. Я знаю, Россія можетъ быть лучше нежели тѣ, которые радуются. Я горжусь религіозной свободой; но что значить освобожденіе бѣднаго тѣла, когда душа остается рабыней всякаго рода предрасудковъ и суевѣрій. Ихъ эмансипацію я не считаю столь великимъ даромъ, какимъ ее представляютъ многіе: народъ этотъ бѣденъ и невѣжественъ въ высочайшей степени и закованъ въ сѣтяхъ попа, который пасетъ его жезломъ желѣзнымъ. Но воспитайте ихъ, дайте имъ въ руки слова истины—и немного пройдетъ времени, какъ они сами освободятъ себя. Эта эмансипація будетъ благодѣтельна не только для нихъ, но и для страны. Теперешнее невѣжество народа поведетъ только къ анархіи, путаницѣ и кончится возмущеніемъ. По моему, русскихъ крестьянъ сперва должно образовать и, по мѣрѣ расширенія горизонта ихъ понятій, освобождать постепенно. Въ Англии, конечно, болѣе можете знать о ходѣ дѣла въ Россіи, нежели мы здѣсь и особенно мы, живущіе за 700 миль отъ мѣста пребыванія правительства».

Объ этомъ же, т. е. объ образованіи народа, начали думать и предлагать свои услуги лучшіе русскіе люди. Въ письмѣ къ графу Ев. Евгр. Комаровскому пишетъ напримѣръ протоіерей Ефимъ О—ленскій изъ Орла слѣдующее: «Наше купечество и мѣщанство такъ равнодушно къ образованію своихъ дѣтей, что самые богатые довольствуются тѣмъ, чтобы отдать своихъ сыновей (о дочеряхъ и говорить нечего) на воспитаніе къ дьячку или къ діакону. Пусть дозволятъ хотя примѣрно мнѣ на первый разъ обратиться ко всѣмъ благотворителямъ и ревнителямъ народнаго образованія съ предложеніемъ подписки на воспитаніе. Неужели не можетъ никогда у насъ въ Россіи составиться товарищество или общество для воспитанія народнаго, по образцу иностранныхъ обществъ? Пусть

дозволять мнѣ испытать это. Можетъ быть найдутся и такіе, которые подпишутъ ежегодно вносить какую нибудь сумму на воспитаніе народное. Мнѣ, признаюсь, очень больно, какъ человѣку русскому, православному, что такъ брошена, необразована большая часть православнаго народа нашего. А что можетъ случиться съ народомъ, когда выпустятъ его на волю!»

Но гдѣ было въ то время заботиться объ этомъ вопросѣ, когда всѣ умы и стремленія были поглощены имущественною стороною предстоящаго дѣла и когда у всякаго въ душѣ говорили интересы кармана.

«У насъ вся работа объ улучшеніи воспитанія и учебнаго заведенія, говоритъ одинъ харьковскій помѣщикъ, ограничивается одними словами, звонкими фразами, и Богъ вѣсть когда наступитъ время для настоящаго дѣла. Меня удивляетъ это несогласіе между словомъ и дѣломъ. Кричатъ о преобразованіи воспитанія, о важности онаго для будущаго блага Россіи и т. п. и не дѣлаютъ ничего, чтобы исполнить то, что говорятъ. Если бы вы послушали, что говорятъ помѣщики объ улучшеніи быта крестьянскаго. Вотъ дебрь непроходимая глупости, невѣжества и узкаго нехристіанскаго эгоизма! Повѣрите ли вы, что на это правое и святое дѣло смотрятъ какъ на верхъ несправедливости и предрекаютъ гибель Россіи потому только, что ихъ заставляютъ смотрѣть на крестьянъ, какъ на людей, а не какъ на скотовъ».

Требованія на научное знаніе и вообще на кой-какую образованность въ то время предъявлялись самыя ограниченныя не только въ низшихъ классахъ общества, но и даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ. Харьковъ—университетскій городъ, и между прочимъ вотъ какъ рисуетъ мѣстный житель въ письмѣ къ Ник. Ник. Колошину тогдашнюю общественную жизнь. «Провинція наша, пишетъ онъ, какъ и всякая другая, слагается изъ двухъ классовъ—помѣщиковъ и чиновниковъ. То и другое въ Харьковѣ особенно не привлекательно. По милости бывшихъ генераль-губернаторовъ все направлено здѣсь къ одной роскоши, а здѣшній клубъ совершенно уничтожилъ семейную жизнь. Университетъ не имѣетъ здѣсь никакого вліянія и кажется только придавать печать законности всеобщему распутству. Студенты цѣлые дни проводятъ въ кофейняхъ, за бильярдомъ и за картами или шляются по улицамъ. Словомъ, нигдѣ развратъ и наглость такъ гордо не носятъ головы, какъ здѣсь. Вопросъ о крестьянахъ разбудилъ и здѣшнихъ помѣщиковъ, но большая часть ихъ обнаруживаетъ совершенный недостатокъ политическаго такта и даже безграмотность. Желательно, чтобы этому дѣлу придавалось какъ можно болѣе гласности, а то сами же помѣщики распускаютъ нелѣпые слухи, что повсюду волненія и перевороты, какъ есть настоящіе «последніе язычники» Майкова».

*

Столичная реакція быстро переходила въ провинцію. Чуть появится какой-либо реакціонный слухъ въ Петербургѣ, провинція торжествуетъ и уже спѣшитъ успокоить себя, что ничего изъ затѣянаго не будетъ. «У насъ распускають, свидѣтельствовалъ одинъ пензенскій помѣщикъ, разные слухи, что будто бы въ Петербургѣ, даже въ Зимнемъ дворцѣ энтузіазмъ къ эмансипаціи охладѣлъ и что думаютъ теперь о томъ, какъ бы выйти изъ сдѣланнаго неосторожнаго шага. Мнѣ этому не хочется вѣрить, мнѣ кажется, что невозможно, да и опасно останавливаться теперь. Хотя у насъ все спокойно, но народъ ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, не отдавая себѣ отчета, что хотять для него сдѣлать; въ немъ есть однако твердая надежда на освобожденіе. Эту надежду опасно уничтожить,—ее слѣдуетъ по крайней мѣрѣ чѣмъ нибудь удовлетворить». А казанскій помѣщикъ въ одномъ собраніи прямо заявилъ, «что помѣщикъ не толкуй, а правительство не грози, мужикъ не хочетъ понимать, что земля принадлежитъ не ему; онъ толкуетъ одно: «что мы приходили въ крѣпость съ землею, какъ же насъ гнать на волю безъ земли. Да купи еще на первыхъ порахъ и жалье себѣ, которыми мы владѣли по днесъ даромъ». Заявленіе крайне категоричное и возбуждавшее въ средѣ помѣщиковъ большой переполохъ. Начали заподозрѣвать, что правительство имѣетъ заднюю мысль ограничить права помѣщика на землю. Казанцы начали просто бунтовать и неистовствовать, разумѣется у себя въ кабинетахъ и въ заднихъ комнатахъ дворянскаго собранія. За казанцами заговорили другіе, и недобѣрчивость къ правительству появилась въ то время во многихъ губерніяхъ, хотя люди, стоящіе въ сторонѣ отъ провинціальной жизни, не вѣрили, чтобы правительство могло рискнуть на такой смѣлый шагъ. «Предположеніе, пишетъ помѣщикъ К—овъ изъ Рима къ брату, будто бы у правительства задняя мысль современемъ ограничить! право помѣщиковъ на землю—не имѣетъ смысла. Если положенія министерства непримѣнимы и если оно не хочетъ увѣрится въ этомъ, то просто отъ самодури, лѣни, привычки смотрѣть на все съ канцелярской точки зрѣнія—лишь бы было написано, а тамъ какъ это написанное клеится съ жизнью, не наше дѣло. Такъ, я думаю, разсуждаютъ тамъ, и никто меня не увѣритъ, что Ланской за освобожденіе. Не говорю, чтобы онъ былъ противъ, но утверждаю, что онъ смотритъ на это дѣло равнодушно. Дворянство должно дѣйствовать откровенно и энергично и конечно болѣе или менѣе великодушно. Безъ жертвъ не придетъ къ желаемому результату».

Именно, увѣренность въ благодушныя желанія государя и въ полный застой и неприязнь къ предполагаемой мѣрѣ въ бюрократіи существовала тогда и въ средѣ лучшихъ помѣщиковъ и въ болѣе передовыхъ людяхъ администраціи, не говоря о партіи славянофиловъ и вообще литераторовъ. «Мы не такъ расходимся въ мнѣніяхъ, какъ кажется, пишетъ генералъ Г—новъ Алек. Гр. Тройницкому. Признавая

необходимость эмансипація, желаю болѣе всего, чтобы обошлось безъ несправедливостей, чтобы было учреждено независимое судилище для разбора недоразумѣній и столкновеній, иначе свобода окажется не свободой, а анархией и коммунизмомъ. Я нисколько не въ претензіи, что статьи обрѣзываются и уничтожаются неумолимою цензурою. Лозунгомъ моимъ служатъ слова: свобода, справедливость, человѣчество. Въ Петербургѣ одинъ государь этого хочетъ, а дворъ и общество—нисколько. Очень скоро отрѣшились бы они отъ своихъ либеральныхъ идей, если бы могли предвидѣть, къ чему это поведетъ. Въ позволеніи писать о взяточникахъ я еще не вижу прогресса, а только игрушку, побрякушку, брошенную общественному мнѣнію. Позволеніе дано писать о взяточникахъ—замѣйте—только провинціальныхъ; а попробуйте коснуться департаментовъ, министерствъ или откуповъ, какой шумъ подымутъ! Почему для столицъ дѣлаютъ исключеніе и чѣмъ выше и богаче лицо, тѣмъ строже? Не знаю, дошла ли до васъ статья моя: «Голосъ въ пользу взяточниковъ». Главная мысль въ ней заключается въ томъ, что при несоразмѣрности общественныхъ требованій, мнѣній о приличіи и роскоши съ содержаніемъ, получаемымъ чиновниками и при отсутствіи всякаго уваженія къ честности, взятки неизбѣжны и что очень многіе начинаютъ брать ихъ со слезами на глазахъ. Статью мою, намекающую, что дѣло не во взяточникахъ, а въ людяхъ и учрежденіяхъ, допускающихъ взятки, нельзя было пропустить. Вы вѣрите, что въ Петербургѣ есть искреннее желаніе прогресса—почему же вы не пропустили мою статью? Не понимаю также, отчего не проходитъ статья о гуманности? Тамъ чисто патриотическій взглядъ на добрую русскую натуру; развѣ замѣшалась проклятая идея о décentralisation и о государственныхъ чинахъ?»

Такое же мнѣніе было и у русскихъ, жившихъ за границею. Они вполне вѣрили царю и недоувѣрили бюрократіи «Вы пишете, говорить г. X—ни въ письмѣ къ Э. П. Т.—ву, что даже ревностные эмансипаторы качаютъ головою и начинаютъ опасаться. Но чего? Царь предоставилъ дворянамъ устроить все къ лучшему, заявивъ свое мнѣніе, что крестьянннхъ, получившій свободу безъ клочка земли, обратится въ пролетарія. Совершенно справедливо и въ рукахъ дворянъ сдѣлать такъ, чтобы обоюдные интересы были соблюдены. Ничего лучше нельзя было придумать и нельзя же предположить, чтобы комитеты явились одною кукольною комедіею. Вотъ почему никогда не возбуждала Россія такой симпатіи въ Европѣ, какъ теперь. Самые либеральные журналы на ея сторонѣ. «Кладдарадачъ» помѣстилъ недавно карикатуру, какъ Россія передаетъ свой клугъ Франціи. Это очень мѣтко рисуетъ настоящее «Царижской имперіи». Къ Наполеону можно приложить теперь извѣстное выраженіе:

Wenn ich einmal zu fürchten angefangen,
Hab'ich zu fürchten aufgehört.

«А новое министерство, у котораго глава—лютый врагъ Наполеона. Нѣмецкіе фюрсты и негоціанты въ лихорадкѣ. Мы должно быть скоро сподобимся быть зрителями великолѣпнаго спектакля. Неестественность положенія колетъ глаза самыхъ близорукихъ колбасниковъ».

Между тѣмъ люди близкіе царю и имѣвшіе вѣсъ, даже влияние, были совсѣмъ инаго мнѣнія, пугали несбыточными страхами, старались уронить въ глазахъ государя и всей администраціи благонамѣренность стремленій славянофильской партіи и всячески старались остановить начавшееся въ пользу народа движеніе. Самый крупный изъ представителей такого направленія является Строгановъ и вотъ, наприимѣръ, что онъ пишетъ къ брату своему графу Алек. Григ. Строганову въ Одессу: «Славянофилы превозносятъ зарю новой жизни для Россіи и смотрятъ на основаніе общины, какъ на первый шагъ отступленія отъ петровскихъ реформъ. Хомяковъ говорилъ на дняхъ, что послѣ этого перваго шага второй долженъ быть отпускъ бороды и кафтанъ, чтобы народъ узналъ, что правительство ищетъ свое спасеніе въ его началѣ. Ты видишь, что это православный социализмъ! При этомъ корифей утверждаетъ, что если дворянство въ продолженіе столькихъ лѣтъ не успѣло упрочить себя, какъ независимое сословіе, то симъ доказало свое ничтожество и не заслуживаетъ быть поддержано. Движеніе умовъ вообще замѣчательное и я опасаясь, что, разшевеливъ неосторожно одно учрежденіе, не раскачали бы все зданіе.... Мнѣ кажется, что рано или поздно, но придется взяться за это средство, какъ это дѣлаютъ съ небалованными дѣтьми».

Но кромѣ влияния такихъ людей, какъ Строгановъ, правильному ходу крестьянскаго дѣла мѣшали и другія причины и явленія, такъ или иначе доходившія до государя. Такъ извѣстно, что М. П. Погодинъ велъ оживленную переписку съ корреспондентомъ императорской Академіи наукъ Зубрицкимъ¹⁾ и желалъ подѣлиться съ нимъ взглядами относительно предполагаемаго освобожденія крестьянъ въ Россіи. На запросъ М. П. Погодина о формахъ и средствахъ освобожденія крестьянъ въ Австріи, Зубрицкій прислалъ ему обширное письмо²⁾ въ видѣ записки, которую Погодинъ читалъ въ Академіи и которое затѣмъ въ копіи было представлено государю. Письмо это весьма замѣчательное, а еще болѣе замѣчательны отмѣтки и подчеркиванія, сдѣланныя его величествомъ.

«Что касается нашихъ крестьянъ, говоритъ Зубрицкій, то прежнее ихъ состояніе, прежнія отношенія принадлежатъ уже исторіи. Настоящее же ихъ состояніе незавидно, а будущая судьба Богу одному извѣстна. Ихъ, не желавшихъ, не думавшихъ, освободили на чужой коштъ отъ обязательныхъ работъ, исправляемыхъ для помѣщика, и обременили

¹⁾ Зубрицкій жилъ въ Лембергѣ, былъ корреспондентомъ нашей Академіи наукъ по литературѣ славянскихъ народовъ.

²⁾ Отъ 9-го (21-го) апрѣля 1858 г.

ихъ государственными, земскими и общинными денежными налогами и работами. Легче было отработать одинъ или два дня въ недѣлю барину, употребивъ къ тому домашнюю челядь, чѣмъ теперь платить огромныя подати. Лишили ихъ попечителей, заступниковъ и кормителей въ нуждѣ и выставили ихъ на произволъ жидовъ, лихоимцевъ, ябедниковъ и другихъ корыстолюбцевъ, по каковой причинѣ множество уже обнаженныхъ бродятъ по городамъ и мѣстечкамъ. Освобождая ихъ, коснулись чужой собственности, т. е. права помѣщиковъ требовать вознагражденія за отданную въ откупъ землю (ибо у насъ не было личнаго крѣпостнаго состоянія) и сдѣлали вопиющую несправедливость неучаствующимъ въ семь дѣлъ лицамъ, взыскивая съ нихъ подати на фундушъ для вознагражденія помѣщиковъ за потерянную барщину, ибо всякій податной человекъ долженъ платить на этотъ предметъ ежегодно положенную дань. Такъ, напримѣръ, я съ своего домика, который даетъ мнѣ 350 гульденовъ дохода, долженъ, кромѣ казенныхъ податей, простирающихся до 110 гульденовъ, платить на вознагражденіе помѣщиковъ за барщину въ нынѣшнемъ году 48 гульденовъ или 30 рублей, и Богъ знаетъ, сколько придется на слѣдующій годъ, ибо меня увѣряютъ, что сама одна Галиція обязана заплатить болѣе 100 милліоновъ и кромѣ того проценты (по 5%). Слѣдовательно, платежъ этотъ будетъ продолжаться по крайней мѣрѣ съ полвѣка. А между тѣмъ поселянинъ не осчастливленъ, помѣщики же ограблены и третій невинный (классъ) угнетенъ. Помѣщикамъ выдаютъ въ вознагражденіе, вмѣсто наличныхъ денегъ, облигаціи, на которыя правительство платитъ 5% изъ собираемыхъ на этотъ предметъ налоговъ; но такъ какъ облигаціи эти чрезмѣрно умножились, то цѣна ихъ такъ понизилась, что жида за 100 едва даютъ 75 и 78, и они ими уже порядочно завладѣли. Такимъ образомъ помѣщикъ промотаетъ деньги и въ нѣсколько лѣтъ придетъ въ нищету, а помѣстье—въ руки иностранцевъ. Уже теперь жида завладѣли многими помѣстьями и крестьянскими усадьбами.

«Когда у насъ разнесся слухъ, что и въ Россіи хотять заняться преобразованіемъ крестьянскихъ отношеній, то я ужаснулся, тѣмъ болѣе, что всѣ враждебные Россіи западные журналы стали съ восхищеніемъ одобрять это намѣреніе вашего государя. Я думалъ, что чѣмъ болѣе ваши враги радуются, тѣмъ менѣе надежды на пользу вашу, отъ чего и принялся за изученіе духа указовъ и предписаній министра, и убѣдился, что гг. журналисты, не вѣдая обстоятельствъ и духа распоряженій, обманулись, обсчитались въ своихъ ожиданіяхъ. У васъ есть дворовые и крѣпостные, которыхъ продавали, а у насъ ихъ не было. У васъ дворовые и крѣпостные должны работать и лично и потомственно, сколько барину угодно; у насъ же поселянинъ (подданный) былъ обязанъ работать только условленное, постоянно-инвентарное число дней въ недѣлю. У васъ помѣщикъ можетъ отобрать землю и усадьбу отъ крестьянина,

у насъ онъ былъ наследственнымъ собственникомъ поверхности земли и всѣхъ растений, на ней находящихся, а помѣщикъ имѣлъ только право взыскивать инвентарную барщину, не имѣя права отнимать произвольно у крестьянина землю или перегонять на иную усадьбу. У насъ помѣщикъ былъ судьей своихъ подданныхъ; но онъ долженъ былъ подвергнуться испытанію въ правосѣдствіи и получить декретъ на судебскую должность и дать присягу; въ противномъ же случаѣ онъ былъ обязанъ избрать или держать испытаннаго законовѣда. Судъ производился безденежно, и недовольный могъ переносить свое дѣло въ высшій государственный судъ. У насъ этого ничего не бывало. У насъ послѣдовавшее измѣненіе крестьянскихъ отношеній было слѣдствіемъ революціи; у насъ—желаніемъ улучшить судьбу рабочаго народа. Въ пору ли оно или нѣтъ, и не лучше ли было бы приводить его медленно, постепенно, безъ всенароднаго волненія,—это другой вопросъ; я по крайней мѣрѣ не совѣтовалъ бы сего рода азартной игры. У насъ толпа голышей, писакъ и бродягъ собралась въ 1848 году въ квартирѣ львовскаго портнаго, списали и обнародовали актъ освобожденія крестьянъ отъ барскихъ повинностей, желая тѣмъ привлечь ихъ къ своей партіи къ возстанію¹⁾. Правительство, узнавъ это, тотчасъ издало съ своей стороны такое же обвѣщеніе, что освобождаетъ поселянъ отъ барщины, объявляя ихъ полными владѣльцами земли, кою они доселѣ пользовались, и обѣщается вознаградить помѣщиковъ за ихъ убытокъ изъ государственной казны; слѣдовательно, должно было исполнить свое обѣщаніе. У насъ же не отъ голышей, не снизу, а отъ верховной власти произошелъ помыселъ улучшить судьбу крестьянъ. У насъ дали имъ даромъ чужую собственность; у насъ они должны уплатою или трудомъ пріобрѣсть ее²⁾; у насъ стремглавъ взялись за дѣло, а у насъ назначенъ пространный срокъ къ совершенному окончанію столь важнаго дѣла; у насъ однимъ ударомъ пересѣкли всю связь между помѣщиками и крестьянами; у насъ же будутъ всегда продолжаться отношенія; слѣдовательно, нашихъ прежнихъ и настоящихъ учреждений, распоряженій, хватокъ, при приведеніи въ исполненіе теперешнихъ крестьянскихъ отношеній, какъ совсѣмъ инообразныхъ по началамъ и формамъ—нельзя примѣнить къ русскимъ.

«Оканчивая разсужденіе объ этомъ предметѣ, прошу Бога, чтобы Онъ дозволилъ вамъ довершить благополучно намѣренное дѣло безъ всякаго потрясенія и худыхъ послѣдствій. Но на меня находитъ какой-то ужасъ, замѣчая у насъ другое, болѣе опасное направленіе, которое тѣмъ подозрительнѣе и сомнительнѣе, что во время тронутаго вопроса объ

¹⁾ Слово „возстанію“ императоръ подчеркнул два раза, а съ боку на запискѣ написалъ: „этого-то и у насъ желаютъ сдѣлать ваши бездомные прогрессисты!“

²⁾ Эти слова тоже подчеркнуты рукою государя императора.

освобожденіи крестьянъ появляются въ журналахъ, газетахъ и театраль-ныхъ сочиненіяхъ поносительные, насмѣшливые и ругательные отзывы о чиновникахъ, о взяткахъ и прочіе презрительные замѣчанія и намеки на настоящій порядокъ вещей, воздыханія объ адвокатствѣ, присяжныхъ, открытомъ уголовномъ судопроизводствѣ и другихъ западныхъ дурачествахъ. Когда я это читаю о Россіи, то у меня морозъ деретъ по кожѣ, и я вижу въ этихъ господахъ энциклопедистовъ, предшествовавшихъ и приготовившихъ французскую революцію, и даже еще болѣе опасныхъ. Энциклопедисты излагали свое ученіе въ сочиненіяхъ не для всѣхъ доступныхъ,—ваши же журналисты подчуютъ своимъ ядомъ всѣ слои народа: молодежь, голышей, всю чернь. Воображеніе разгорячается, головы кружатся. Одному мнится, что онъ призванъ исправить общественные безпорядки, другой хочетъ только возвыситься въ общемъ возмущеніи. А иной слѣдуетъ модѣ и желаетъ блистать мнимою западно-современною мудростью и мараетъ вздоръ. Затѣмъ явятся и честолюбцы, которые воспользуются этимъ направленіемъ умовъ. Когда нашілись во Франціи, во время первой революціи, и въ Вѣнѣ, въ 1848 году, между тяжело-флегматичными нѣмцами (хотя у насъ прежде сего года журналистика не дѣйствовала столь нагло, не было раздражительныхъ газетъ) такіе люди, то почему же не послѣдовать революціи и въ Россіи, гдѣ уже столько горячаго матеріала, а народъ проворенъ, рѣшителенъ и предприимчивъ? Еще разъ возвращаюсь къ возмутительнымъ писакамъ: у нихъ есть своя тактика. Если они намѣреваются напасть на алтарь, то подтруниваютъ и издѣваются прежде надъ духовенствомъ; если же ихъ цѣль опровергнуть престоль, то они прежде бросаются на чиновниковъ и взводятъ на нихъ всякаго рода злорѣчіе. Взятки всегда и вездѣ были, и есть и будутъ. Спаситель избралъ только 12 апостоловъ—и одинъ изъ нихъ былъ взяточникъ. Я полагаю, что сего рода нападенія, во время раздраженія умовъ, не приличны и опасны. Ради Бога, обуздывайте вашимъ перомъ и вліяніемъ это вредное направленіе, если возможно ¹⁾, ибо опасность велика. Мое предчувствіе не есть ипохондрическая греза,—знаю, что пишу. Если у насъ, хотя журналистика и не возмущала прежде 1848 года умовъ народа—вспыхнулъ мятежъ и угрожалъ распаденіемъ державы, если бы не явился великодушный сосѣдь на помощь, то Россія въ болѣе опасномъ положеніи, ибо ей никто не

¹⁾ Все, набранное разрядкой, въ запискѣ Зубрицкаго подчеркнуто рукою государя.

поможетъ въ подобномъ случаѣ, а потому берегите, Господа ради, святую Русь. Съ ея существованіемъ соединена судьба и славянскаго племени и православной церкви! Вашъ государь увлекся челоѡколюбіемъ, желаніемъ осчастливить многочисленныхъ своихъ подданныхъ; но и Людовикъ XVI, и нашъ Фердинандъ были тоже благородные монархи, но что же послѣдовало? Первый кончилъ жизнь позорнымъ образомъ, а послѣдній долженъ былъ бѣжать и выйти въ отставку. Господа русскіе вельможи пусть бы подумали, какая была участь во Франціи Людовика Орлеанскаго, а у насъ — графовъ Латура и Ламберта. Достойно вниманія, что было поводомъ у польско-литовскихъ дворянъ начать у васъ сіе дѣло, тогда какъ они никогда не отличались отъиной филантропіей къ своимъ крестьянамъ. И вотъ, вдругъ три губерніи единогласно, разомъ отступаются отъ своихъ правъ въ пользу крестьянъ. Удивительно! Не есть ли это тлѣющій патріотизмъ, чтобы произвести въ Россіи замѣшательство, воспользоваться имъ, отторгнуться и возстановить свое отечество. А можетъ быть тутъ дѣйствовали и англійскія деньги?..»

Записка Зубрицкаго, по приказанію государя императора, была передана для прочтенія Якову Ивановичу Ростовцеву и затѣмъ относительно печати изъ нея былъ сдѣланъ экстрактъ и переданъ для руководства министру народнаго просвѣщенія. Такія причины, разумѣется, имѣли свои послѣдствія и послѣдствія самыя гибельныя для хода дѣла. Составлена была программа для занятій губернскихъ комитетовъ, стѣсняющая всякій начинъ со стороны дворянства, къ печати стали относиться все строже и строже, помѣщики въ отношеніи печати стали требовательнѣе и обидчивѣе.

«Статья Кавелина, сообщая изъ С.-Петербурга графу Ал. Серг. Уварову, въ апрѣльской книгѣ «Современника» надѣлала шуму. Его пудрили, упрекая, что онъ ссорить два сословія, что хочетъ внушить неуваженіе народа къ чиновникамъ и т. п. Вообще скверно со всѣхъ сторонъ: помѣщичья гниль окончательно восторжествовала; верховнымъ комитетомъ напечатана для всѣхъ губернскихъ комитетовъ программа
., рабство почти сохраняется съ легкими ограниченіями и названіемъ вмѣсто крѣпостныхъ—срочно-обязанныхъ».

R.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ

ПО РАЗСКАЗАМЪ ГРАФИНИ

ЭЛИЗЫ ФОНЪ-БЕРНСТОРФЪ.

Нзданная въ прошломъ году біографія графини Элизы фонъ-Бернсторфъ, въ составъ которой почти цѣликомъ вошли веденныя ею записки ¹⁾, не даетъ почти ничего для политической исторіи, но содержитъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ для исторіи придворной и бытовой за первыя десятилѣтія текущаго вѣка. Графиня Элиза принадлежала къ графскому роду фонъ-Дернахъ и родилась въ Копенгагенѣ, въ 1789 году. Родители ея были люди небогатыя; дѣтство и юность ей пришлось провести въ кочеваньи у разныхъ родственниковъ, но порядочнаго образованія ей не удалось получить. Тѣмъ не менѣе, природный умъ и очень привлекательная, хотя нѣсколько массивная наружность, доставили ей возможность сдѣлать такъ-называемую выгодную партію: въ 1806 году она вышла замужъ за своего близкаго родственника, брата матери, графа Христіана фонъ-Бернсторфа, который былъ почти вдвое старше ея. Несмотря на разницу возраста и на привередливый характеръ мужа, она прожила съ нимъ двадцать-девять лѣтъ въ полномъ счастьи, и въ своихъ запискахъ неоднократно настаиваетъ на этомъ обстоятельствѣ; она даже прервала свои записки въ 1836 году, послѣ смерти мужа, полагая, что ей нечего описывать свое вдовье су-

¹⁾ Gräfin Elisa von Bernstorff. Ein Bild aus der Zeit von 1789–1835. Aus ihren Aufzeichnungen. Berlin. 1897, Zwei Bände.

ществованіе, а между тѣмъ скончалась она много позже, въ глубокой старости.

Графъ Христіанъ имѣлъ влеченіе къ военной службѣ, но обстоятельства сдѣлали его дипломатомъ: въ 1812 году онъ былъ назначенъ датскимъ посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ, а въ двадцатыхъ годахъ перешелъ въ прусскую службу и сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Фридриха-Вильгельма III, при чемъ проявилъ себя истиннымъ представителемъ эпохи конгрессовъ и реакціи, и врагомъ «парижской пропаганды». Онъ былъ еще не старымъ человѣкомъ, а его супруга—молодоу красавицей въ 1814—1815 годахъ, во время Вѣнскаго конгресса. Въ политическихъ переговорахъ того времени графъ Христіанъ, разумѣется, не игралъ крупной роли, но его супруга, благодаря своему уму и красотѣ, занимала видное положеніе въ блестящемъ обществѣ, собравшемся въ Вѣнѣ, и въ ея запискахъ рассказы о Вѣнскомъ конгрессѣ составляютъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ.

29-го сентября 1814 года Вѣна освѣтилась блестящею иллюминаціей: императоръ Францъ встрѣчалъ своихъ высокихъ гостей—русскаго государя и прусскаго короля. Они вступили въ городъ втроемъ, верхами. Впереди ихъ шла мадьярская гвардія, подъ командой князя Эстергази, который явился въ блестящемъ магнатскомъ нарядѣ, съ жемчужными пуговицами на сапогахъ и брилліантами на шапкѣ. По прибытіи императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма въ Вѣну, пріѣхали и другія владѣтельныя особы и множество дипломатовъ; такимъ образомъ, къ началу октября весь составъ конгресса былъ на лицѣ.

Государь, на коемъ было сосредоточено всеобщее вниманіе, около котораго сплетались и развязывались всевозможныя интриги, былъ, конечно, императоръ Александръ. Историки Вѣнскаго конгресса любятъ распространяться объ его чарующей любезности—качеству, которымъ онъ дѣйствительно обладалъ и которое охотно признавалъ въ себѣ. Графиня фонъ-Бернсторфъ обратила вниманіе на другія стороны его характера—на его молчаливость и сдержанность. Она приписываетъ такое настроеніе Александра тогдашнему влиянію на него г-жи Крюднеръ. Затѣмъ, этому мечтателю хотѣлось явиться на конгрессѣ въ красивой роли освободителя и благодѣтеля человѣчества, но тысяча затрудненій опутывали свободу его дѣйствій. Впрочемъ, если въ официальныхъ собраніяхъ Александръ оказывался обыкновенно не въ духѣ и какъ бы грустнымъ, то внѣ ихъ онъ обнаруживалъ и любезность, и живость. Лично къ графинѣ фонъ-Бернсторфъ онъ всегда былъ очень внимателенъ, и она не имѣла права жаловаться на его обращеніе; но не таково было общее настроеніе Вѣны, жители которой относились къ русскому государю съ крайнимъ нерасположеніемъ. Вѣнскій народъ въ особенности былъ недоволенъ его дружескимъ вниманіемъ къ принцу Евгенію Бо-

гарне. Но Александръ дорожилъ независимостью своихъ мнѣній; народныя манифестаціи, противъ него направленные, только раздражали его. Какъ бы изъ желанія идти имъ наперекоръ онъ еще болѣе сблизился съ бывшимъ вице-королемъ италіанскимъ. Онъ любилъ дѣлать вмѣстѣ съ нимъ большія прогулки пѣшкомъ, въ народныхъ кварталахъ, притомъ безъ всякой свиты. Этотъ обычай подалъ однажды поводъ къ довольно неприятному приключенію. Когда государь, въ сопровожденіи принца, проходилъ по одной пустынной улицѣ, одна продавщица плодовъ узнала гуляющихъ и стала бросать имъ вслѣдъ гнилые яблоки, сопровождая ихъ грубостями, и такъ усердно, что императоръ и его спутникъ принуждены были свернуть въ другую улицу.

Изъ другихъ вѣнценосцевъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ, графиня фонъ-Бернсторфъ говоритъ о Фридрихѣ-Вильгельмѣ прусскомъ и Фридрихѣ VI датскомъ. Первый нравился ей своею мужественностью; второй, обладавшій «почти отталкивающею» наружностью, былъ однако человѣкъ простой и привѣтливый къ простому народу; онъ любилъ осматривать фабрики, и рабочіе всегда охотно встрѣчали его. Но на конгрессѣ король Фридрихъ игралъ жалкую роль: его неизмѣнная преданность Наполеону возстановила противъ него всѣхъ, и онъ заплатился за нее утратой Норвергіи. Фридрихъ былъ глубоко огорченъ этимъ. Когда онъ уѣзжалъ изъ Вѣны, императоръ Александръ, намекая на пріобрѣтенную имъ здѣсь популярность, сказалъ ему:

— Вы похищаете всѣ сердца съ собою.

— Да, отвѣчалъ Фридрихъ VI,—но не увижу ни единой души въ своемъ портфельѣ.

Церемоніальная часть конгресса лежала, разумѣется, на австрійскомъ дворѣ, и главнымъ образомъ на важнѣйшемъ его представителѣ—князѣ Меттернихѣ. На одномъ изъ его баловъ графиня Элиза фонъ-Бернсторфъ познакомилась со всѣми видными членами высшаго вѣнскаго общества и имѣла большой успѣхъ. Переговоры, ради которыхъ конгрессъ былъ собранъ, сперва подвигались очень медленно, и чтобы скрыть влчій ходъ ихъ, нужно было занять общество обиліемъ увеселеній. Меттерниху приходилось устраивать частыя празднества, при чемъ онъ еще долженъ былъ заботиться объ ихъ разнообразіи. На одинъ изъ происходившихъ у него въ домѣ маскарадовъ, приглашенные, желая доставить удовольствіе хозяину, явились наряженными въ народные костюмы многочисленныхъ племенъ, населяющихъ Австрійскую имперію. На другомъ балу у Меттерниха частью присутствовавшихъ дамъ исполненъ былъ дивертиссментъ, подъ названіемъ «Четыре элемента»; къ сожалѣнію, тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторой неловкости. Участницамъ дивертиссента, въ томъ числѣ и графинѣ Элизѣ, предложено было до его начала не снимать съ головы вуаля, который скрывалъ

ихъ лица. Это дало поводъ сравнить танцующихъ дамъ съ соколами, которымъ тоже покрываютъ головы, прежде чѣмъ выпустить ихъ на охоту.

Кромѣ описанія официальныхъ празднествъ, графиня фонъ-Бернсторфъ упоминаетъ о многочисленныхъ вечернихъ собраніяхъ у частныхъ лицъ. Между прочимъ, она посѣщала салонъ княгини Екатерины Павловны Багратионъ, рожденной графини Скавронской, вдовы известнаго генерала, гдѣ видѣла русскую пляску, исполняемую хозяйкой въ національномъ костюмѣ. Императоръ Александръ также былъ усерднымъ посѣтителемъ этого салона. Онъ вносилъ большое оживленіе въ бесѣду, и здѣсь графиня фонъ-Бернсторфъ могла убѣдиться, что онъ не врагъ пріятной шутки, и что внушенія г-жи Крюднеръ не преслѣдовали его во время веселыхъ ужиновъ. Въ салонѣ княгини Багратионъ, въ присутствіи графа и графини фонъ-Бернсторфъ и многихъ другихъ свидѣтелей, императоръ Александръ побился объ закладъ съ графиней Флорой Врбна насчетъ того, кто изъ нихъ скорѣе облечется въ полный парадный нарядъ. Состязаніе состоялось нѣсколько дней спустя, въ домѣ графовъ Зичи. Въ девять часовъ вечера императоръ Александръ и графиня Флора пріѣхали къ Зичи въ обыкновенномъ платьѣ и, показавшись присутствовавшимъ, разошлись въ разные стороны, въ сопровожденіи и подъ надзоромъ особо назначенныхъ свидѣтелей. Всѣ съ трепетомъ ожидали развязки этого состязанія. Не прошло пяти минутъ, какъ государь явился въ полной парадной формѣ — короткихъ панталонахъ, шелковыхъ чулкахъ и т. д. Но каково было его удивленіе, когда оказалось, что графиня Врбна вошла въ залу двумя-тремя секундами ранѣе его. Она успѣла надѣть полный придворный нарядъ, употреблявшійся въ прошломъ вѣкѣ; успѣла даже напудрить себѣ волосы и налѣпить мушки на лицо. На ножкахъ у ней были башмаки съ высокими каблуками, а за поясомъ букетъ; вообще, ея нарядъ былъ безукоризненъ. Государь былъ пораженъ, и гости княгини Багратионъ прочли на его лицѣ величайшее удивленіе. Онъ любезно призналъ себя побѣжденнымъ и на другой же день послалъ великолѣпный подарокъ своей побѣдительницѣ.

Самымъ оригинальнымъ было празднество, устроенное англійскимъ адмираломъ Сиднеемъ Смитомъ по поводу возникшаго тогда вопроса о рабствѣ негровъ. Оно началось съ большаго обѣда, на который были приглашены всѣ государи и посланники. За десертомъ адмиралъ всталъ и произнесъ рѣчь, въ которой приглашалъ конгрессъ немедленно отмѣнить рабство негровъ. Это было такъ простодушно, что присутствовавшіе приняли предложеніе адмирала съ улыбкой. Къ этому присоединился еще другой комическій эпизодъ. Праздникъ, затѣянный Сиднеемъ Смитомъ, былъ устроенъ какъ пикникъ, въ складчину по три червонца

съ персоны. При концѣ обѣда стали собирать деньги; оказалось, что въ карманѣ у баварскаго курфюрста не нашлось требуемой суммы, и онъ, пародируя Шекспира, воскликнулъ: «Полцарства за три червонца». Принцъ Евгений Богарне, сидѣвшій подлѣ, хотѣлъ было бросить три червонца, но императоръ Александръ предупредилъ его. Всѣ нашли, что курфюрстъ проявилъ большое остроуміе.

Между тѣмъ Сидней Смитъ продолжалъ свою гуманитарную проповѣдь въ пользу негровъ. Гости начали скучать ею и стали подумывать о томъ, какъ бы встать изъ-за стола. Особенно было это желательно императору Александру. Графиня фонъ-Бернсторфъ дала ему случай исполнить свое желаніе. Тотчасъ же за обѣдомъ долженъ былъ открыться балъ. Графиня фонъ-Бернсторфъ условилась съ женой русскаго посланника, графиней Штакельбергъ, что онѣ поѣдутъ на балъ вмѣстѣ. И онѣ дѣйствительно поѣхали, но явились къ Сиднею Смиту слишкомъ рано, прежде чѣмъ кончился обѣдъ. Онѣ вошли въ залу потихоньку и запретили прислугѣ объявлять кому-либо о ихъ приѣздѣ. Но это была напрасная предосторожность: извѣстіе о прибытіи двухъ посланницъ немедленно распространилось среди сидѣвшихъ за столомъ. Тогда императоръ Александръ поспѣшилъ встать и пригласилъ къ тому же датскаго короля. Ихъ примѣру послѣдовали всѣ прочіе. Государи направились въ большую залу и принялись отыскивать двухъ графинь. Послѣднія, въ смущеніи, спрятались за какую-то колонну, но услышавъ по звуку сабель приближеніе кавалеровъ, принуждены были покинуть свою засаду. Государи торжественно привѣтствовали ихъ появленіе, и императоръ Александръ склонилъ свою голову, чтобы прикоснуться къ рукѣ графини фонъ-Бернсторфъ. Каково однако было отчаяніе графини Элизы, когда оказалось, что именно въ этомъ мѣстѣ ея руки лопнула перчатка, и графиня до тѣхъ поръ не замѣчала этого изъяна! За то о своемъ смущеніи она позаботилась упомянуть въ своихъ запискахъ, утверждая, что чуть не упала притомъ въ обморокъ.

Въ началѣ конгресса увеселенія служили для прикрытія вялости переговоровъ; позже ими стали пользоваться, чтобы скрывать интриги, грозившія развиться до полной ссоры между совѣщавшимися державами. Какъ бы то ни было, въ самый разгаръ всякихъ празднествъ, въ ночь съ 6-го на 7-е марта 1815 года, въ Вѣну пришло извѣстіе о высадкѣ Наполеона на французскій берегъ. Шло представленіе въ Бургтеатрѣ, и многіе значительнѣйшіе члены конгресса тутъ присутствовали; по словамъ графини Элизы, они не сумѣли скрыть свое смущеніе. У императора Александра лицо стало желтымъ, какъ лимонъ, и даже Талейранъ казался встревоженнымъ и безпрестанно повторялъ, что на Наполеона надо устроить облаву, какъ на бѣшеную собаку. Дальнѣйшія извѣстія объ успѣхахъ Наполеона только усилили панику; однако, они

имѣли и свою хорошую сторону: въ виду новой опасности, перессорившіеся между собою члены конгресса должны были по неволѣ помириться.

Мы уже знаемъ, что Данія суждено было сдѣлаться одною изъ жертвъ европейскаго ареопага. Графъ фонъ-Бернсторфъ глубоко скорбѣлъ о томъ и съ горя даже слегъ въ постель. Въ такомъ положеніи засталъ его король Фридрихъ VI, навѣстившій его за нѣсколько дней до заключительнаго засѣданія конгресса. Король рѣшилъ уѣхать, не ожидая конца совѣщаній, которыя уже не могли обратиться въ его пользу. Свиданіе короля со своимъ посланникомъ было очень трогательно: оба они плакали. Это не помѣшало, однако, добряку Фридриху VI осыпать Бернсторфовъ подарками: графинѣ онъ вручилъ роскошную парюру, а ея мужу—золотую табакерку со своимъ портретомъ. Когда король уѣхалъ, практическая графиня Элиза отыскала на двѣ футляра своей парюры отмѣтку съ означеніемъ цѣны этого убора.

— Восемьсотъ червонцевъ за эту вещь!—воскликнула она, король дался въ обманъ: уборъ не стоитъ и двухсотъ червонцевъ.

Нужно согласиться, что графиня фонъ-Бернсторфъ обнаружила большое безпристрастіе, внося въ послѣдствіи это свое восклицаніе въ свои записки.

Участіемъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ графъ фонъ-Бернсторфъ заключилъ свою дипломатическую дѣятельность при австрійскомъ дворѣ. Вскорѣ затѣмъ Бернсторфы покинули столицу Габсбурговъ, и гдѣто 1815 года графиня Элиза провела уже въ мекленбургскомъ имѣніи мужа, вспоминая среди сельской тишины развлеченія блестящаго вѣнскаго сѣзда.

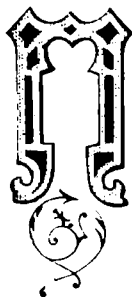
Л. Майковъ.

Изъ дневника П. Г. Дивова.

1828 годъ.

ерваго января во дворцѣ былъ маскированный балъ.

Января 29-го. Получены неутѣшительныя вѣсти изъ Персїи, которая оттягиваетъ заключеніе мира и какъ будто хочетъ объявить недѣйствительными полномочія, полученныя Аббасъ-Мирзою отъ его отца Фетъ-Али-Шаха. Эти проволоочки, приписываемыя наущеніямъ Порты, надѣялись предотвратить, пославъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ дополнительную инструкцію нашимъ уполномоченнымъ. Мнѣ кажется, что ни главнокомандующій Паскевичъ, ни его дипломатическій агентъ Обресковъ не находятся на высотѣ положенія и что шахъ провелъ и того и другаго, цѣлыхъ три мѣсяца обманывая ихъ пустыми обѣщаніями.

Февраля 1-го. При дворѣ (въ особенности императрица Александра Θεодоровна) чрезвычайно желаютъ устроить карусель, въ которомъ будутъ участвовать кавалеры и дамы. Трудно ожидать особенной ловкости отъ лицъ, которыя будутъ фигурировать въ этомъ каруселѣ.

Февраля 6-го. Взглядъ на положеніе Европы. Никогда еще, отъ сотворенія міра, Европа не находилась въ болѣе странномъ положенія какъ теперь; это неопредѣленное положеніе вызвано несообразностью тѣхъ принциповъ, на которыхъ зиждется политическая комбинація, окрещенная громкимъ названіемъ «священнаго союза». Европейскія государства, ошеломленныя нашествіемъ Наполеона, которому судьба благопріятствовала на полѣ битвы, вышли наконецъ изъ оцѣпенѣнія, въ которое ихъ повергъ властелинъ Франціи: 1813 г. былъ ко-

лыбелю «священнаго союза», къ которому (въ 1815 г.) примкнули Россія, Австрія и Пруссія—три главныя державы, низвергнувъ исполна, который поработилъ Францію. Англія отказалась отъ участія въ этомъ союзѣ. Принципы «священнаго союза» были весьма похвальны съ точки зрѣнія христіанства и нравственности, такъ какъ ихъ цѣль была главнымъ образомъ отвратить отъ Европы бичъ войны; но рядомъ съ этимъ пустили корни принципы либерализма, ибо основатели союза хотѣли положить начало конституціонныхъ государствъ. За это особенно ратовала Пруссія, желавшая ввести у себя конституцію. Россія, т. е. императоръ Александръ I, былъ проникнутъ подобными же чувствами, и слово свобода было неосторожно произнесено въ самомъ началѣ его царствованія. Возвращеніе Бонапарта съ острова Эльбы скрѣпило еще болѣе узы «священнаго союза», въ которомъ Франція приняла активное участіе при Бурбонахъ. Когда смерть Бонапарта на островѣ Св. Елены утвердила окончательно династію Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, то новое правительство этой страны упрочилось, благодаря мудрой политикѣ Людовика XVIII, и дало версальскому кабинету возможность принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ европейскаго материка.

Между тѣмъ возстаніе въ Моревѣ, Молдавіи и Валахіи неожиданно привлекло вниманіе кабинетовъ. Потомъ вспыхнуло возстаніе въ Испаніи, Неаполѣ и Пьемонтѣ, и такъ какъ основнымъ принципомъ «священнаго союза» было поддерживать авторитетъ законной власти, то державы не колеблясь объявили, что они имѣютъ право вмѣшаться въ эти дѣла, чтобы возстановить законную власть, поспранную либерализмомъ. Принципъ вмѣшательства былъ провозглашенъ на Лайбахскомъ и Веронскомъ конгрессахъ. По окончаніи этихъ конгрессовъ Австрія принялась усмирять Неаполь и Пьемонтъ, Франція — Испанію, а Россія обезоружила грековъ въ Молдавіи и Валахіи.

Возстаніе въ Моревѣ, поддерживаемое различными обществами, возникшими въ Европѣ, не утихло, несмотря на стараніе Порты подавить его войсками египетскаго пашы. Англія, до тѣхъ поръ занятая признаніемъ независимости тѣхъ государствъ Америки, которыя возстали противъ Испаніи и Португаліи, руководясь тѣми же принципами, обратила вниманіе на Морею, главный очагъ греческаго возстанія. Но вооруженное вмѣшательство морскихъ силъ Англіи, къ которымъ присоединились Россія и Франція, было произведено лишь въ 1826 г., т. е. 5 лѣтъ спустя послѣ того, какъ греками была сдѣлана первая попытка стряхнуть съ себя иго Порты Оттоманской. Наваринская битва лишила Порту всякой надежды на возстановленіе ея власти въ Моревѣ, но Диванъ упорно продолжалъ не обращать ни малѣйшаго вниманія на попытку трехъ союзныхъ державъ, игнорируя ихъ вмѣшательство, что, въ свою

очередь, вынудило посланниковъ трехъ державъ оставить Константинополь, не объявляя однако войны туркамъ.

Въ то время, когда происходили эти событія, во Франціи совершилась перемѣна министерства; Англія находилась въ такомъ же положеніи, такъ что Россія не могла ожидать рѣшенія важныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди, до тѣхъ поръ, пока эти министерства не упрочатся настолько, чтобы вести переговоры отъ имени государствъ съ представительнымъ образомъ правленія, коихъ они являлись уполномоченными. Съ другой стороны Персія, пользуясь нерѣшительностью кабинетовъ по отношенію къ Турціи, затягивала подъ различными предлогами окончательное заключеніе мира. Русскіе уполномоченные позволили водить себя за носъ, польстившись на обѣщаніе персіянъ прислать 30 милліоновъ, которыхъ тщетно ожидали въ Таврисѣ съ 4-го мая.

Удивительно, что никто не зналъ чего онъ хочетъ. Даже Англія дѣйствовала непослѣдовательно, подъ вліяніемъ минуты. Франція, увлекаемая желаніемъ играть роль, дѣйствовала безъ ясно намѣченной цѣли, а Россія, лишившись свободы дѣйствій и участвуя въ ошибкахъ Европы, также была вынуждена подчиняться этимъ вѣчнымъ колебаніямъ. Австрія, которая поступала болѣе послѣдовательно, одна осталась искреннимъ другомъ Порты, на цѣлость которой никто не дерзалъ посягнуть вооруженной силою. Пруссія такъ же, какъ и Австрія, обижена тѣмъ, что ее исключили изъ тройственного союза, руководится совѣтами этой державы. Къ чему же приведетъ эта всеобщая готовность къ войнѣ безъ военныхъ дѣйствій и настойчивость, съ какою Порта продолжаетъ вооружаться не объявляя никому войны? Это приведетъ къ тому, что она потеряетъ Морею и острова Архипелага и очутится въ своей собственной столицѣ, поддерживаемая Россіей до тѣхъ поръ, пока позволятъ средства султана, а въ концѣ-концовъ окончить свое политическое существованіе въ Европѣ среди всѣхъ ужасовъ и бѣдствій всеобщей войны. Грустно подумать, какъ будетъ держать себя въ это время Россія съ такимъ министромъ, какъ у нея. Время рѣшить, кому долженъ принадлежать Константинополь, но спокойствіе нашего отечества на вѣки будетъ нарушено.

Февраля 20-го. Появилось правительственное сообщеніе о томъ, что переговоры съ Персіей пріостановлены и что главнокомандующій русской арміей Паскевичъ уполномоченъ возобновить военныя дѣйствія, чтобы наказать Фетъ-Али-Шаха за его вѣроломство, такъ какъ онъ уничтожилъ полномочія, данныя имъ Аббасъ-Мирзѣ.

Предвидятъ разрывъ съ Портою. Нѣсколько полковъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, получили приказаніе двинуться въ Могилевъ.

Февраля 24-го. Въ 7 часовъ вечера скончалась княгиня Ливенъ; наканунѣ вся царская фамилія собралась у ея кровати и простилась

*

съ этой старѣйшей слугою двора. Проживъ при дворѣ 50 лѣтъ она сроднилась съ царской фамиліей. Въ царствованіе Екатерины II она была воспитательницею великихъ князей. Императоръ Павелъ пожаловалъ ей большія помѣстья, точно такъ же, какъ и императоръ Александръ; онъ пожаловалъ, кромѣ того, ей и ея дѣтямъ графскій титулъ. Императоръ Николай далъ ей княжескій титулъ. При Екатеринѣ Ливень не имѣла особеннаго значенія, при Павлѣ она сдѣлалась наперстницею императрицы Маріи Феодоровны, которая дѣлилась съ нею всякимъ горемъ. При Александрѣ она была центромъ всѣхъ интригъ; отъ нея зависѣла судьба служащихъ лицъ. Подъ видомъ добродушія и чистосердечія скрывался ея ясный умъ, способный творить чудеса, когда того требовали ея личные интересы или выгода ея друзей. Ея преклонныя лѣта и попеченія о всѣхъ членахъ царской фамиліи съ самаго ранняго ихъ дѣтства дали ей такое вліяніе, которое ничто не въ состояніи было поколебать, и она стала относиться, наконецъ, къ царской фамиліи, какъ бабушка. Дворскія интриги свили себѣ гнѣздо въ ея комнатахъ, куда сходились ежедневно придворные, а посланники иностранныхъ державъ пользовались этимъ во время своихъ посѣщеній, въ особенности графъ Бломъ, датскій посланникъ. Она покровительствовала почти исключительно однимъ лифляндцамъ и нѣмцамъ, принявшихъ русское подданство.

Февраля 28-го. Похоронили княгиню Ливень. Отпѣваніе происходило въ Анненской церкви. Ихъ императорскія высочества, даже самъ императоръ почтили ея похороны своимъ присутствіемъ.

Въ тотъ же день правительство опубликовало въ газетахъ переводъ гати-шерифа Оттоманской Порты, которымъ эта держава призываетъ всѣхъ мусульманъ вооружиться противъ невѣрныхъ и объявляетъ, что всѣ договоры, заключенные между нею и Россіей до Аккерманскаго трактата и даже этотъ послѣдній считаются уничтоженными. Петербургскій кабинетъ отвѣчалъ въ газетахъ на этотъ новый способъ объявлять войну въ такомъ тонѣ, который даетъ право думать, что онъ намѣренъ начать военныя дѣйствія. Многіе находятъ, что было бы болѣе умѣстно объявить войну официально манифестомъ, но такъ какъ въ статьѣ, помѣщенной въ газетахъ упоминается о конвенціи, заключенной съ лондонскимъ и парижскимъ дворами, то надобно выждать результата этихъ объясненій и тогда уже появится манифестъ.

Въ тотъ же день было обнародовано извѣстіе о заключеніи мира съ Персіей, которое привезъ князь Суворовъ. Говорятъ, что большая часть требуемой нами суммы (т. е. 45 мил.) внесены въ кассу главнокомандующаго Паскевича.

Любопытно слѣдующее обстоятельство, имѣющее отношеніе къ Персіи: императрица написала, по желанію императора, очаровательную за-

писку графинѣ Сологубъ (невѣстѣ Обрескова, который ведетъ переговоры съ Персїей), красивой и очаровательной дѣвушкѣ, прося у нея извиненія за горе, причиненное ей персидскими дѣлами. Къ этому императоръ приписалъ собственноручно, что онъ просить у нея прощенія на колѣняхъ. Безъ сомнѣнія все это очень любезно; въ тотъ же день вечеромъ она была приглашена къ 7-ми часамъ пить чай, втроемъ съ ихъ величествами. Трудно допустить, чтобы супружеская любовь не спасовала передъ этой, въ самомъ дѣлѣ, очаровательной особой, когда брачныя узы облегчатъ возможность сближенія.

Марта 4-го. Разнесся слухъ о бунтѣ удѣльныхъ крестьянъ въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ.

Марта 9-го. Сегодня была карусель; все искусство наѣздниковъ состояло въ томъ, чтобы исполнить верхомъ англійскую кадрили, полонезы и т. п. Каждый изъ участвующихъ имѣлъ право пригласить троихъ родственниковъ, которые были зрителями.

Марта 11-го. Въ дворцовой церкви отслужена панихида по императорѣ Павлѣ I; но объ этомъ было объявлено отъ полиціи, а не по повѣсткамъ Сената, какъ въ прошломъ году. Наканунѣ прїѣхалъ принцъ Оранскій.

Марта 14-го. Коллежскій совѣтникъ Грибоѣдовъ прибылъ курьеромъ съ мирнымъ договоромъ, заключеннымъ съ Персїей. Жителямъ столицы было возвѣщено объ этомъ пушечными выстрѣлами. На другой день при дворѣ было отслужено молебствіе; главнокомандующій Паскевичъ получилъ званіе графа Эриванскаго и милліонъ рублей награды.

Марта 15-го. Сегодня императоръ послалъ невѣстѣ Обрескова 300 тыс. руб. и рескриптъ, въ которомъ говорится, что эти деньги пожалованы ей за заслуги ея жениха.

Марта 18-го. Я осматривалъ училище солдатскихъ дѣтей батальона поселеній, гдѣ обучается 1.000 чел. дѣтей разныхъ возрастовъ; въ томъ числѣ есть 5 и 8 лѣтніе дѣти. Они помѣщаются въ зданіи бывшей военной коллегіи и раздѣлены на 4 роты, по 250 человекъ въ каждой. Въ 1-ю роту зачисляются тѣ юноши, которыхъ готовятъ въ инструкторы военныхъ поселеній и поселеннаго батальона. Изъ 2-й и 3-й ротъ выходятъ унтеръ-офицеры въ артиллерію и инженерный корпусъ, а въ 4-й ротѣ находятся дѣти отъ 5—10 и 12 лѣтъ.

Спальни содержатся въ порядкѣ, классы точно также; у нихъ есть и школа взаимнаго обученія. Учениковъ кормятъ очень хорошо, что сейчасъ замѣтно по ихъ наружному виду, но на содержаніе ихъ не существуетъ никакого фонда, всѣ издержки по этому предмету покрываются изъ экономіи на крупу, холстъ и сапоги, которые отпускаются имъ на 1.000 человекъ изъ казны, какъ прочимъ войскамъ.

Это прекрасное и полезное учрежденіе изольетъ со временемъ, вмѣ-

стѣ со школою кантонистовъ, свѣтъ грамотности на всю Россію. Подобно ларчику Пандоры, это заведеніе заключаетъ въ себѣ добро и зло. Дай Богъ, чтобы надежды, скрытыя на днѣ этого ларчика не были заглушены зломъ; ежели зло будетъ уравновѣшено добромъ, то это заведеніе принесетъ государству не мало пользы.

Марта 25-го. Первый день Пасхи. По министерству иностранныхъ дѣлъ много наградъ; я ничего не получилъ. Графъ Нессельроде назначенъ вице-канцлеромъ; его домашній секретарь Родофиникинъ получилъ 25 тысячъ и Владимира. Князю Волконскому и графу Кочубею дали Андрея Первозваннаго съ алмазами. Я такъ и ожидалъ, что меня забудутъ, ибо вице-канцлеръ относится ко мнѣ слишкомъ дурно, чтобы я могъ ожидать противнаго.

Марта 26-го. Я былъ съ визитомъ у вице-канцлера, графа Нессельроде, который не принялъ меня, извинившись, что онъ не одѣтъ, и велѣлъ сказать, что мы увидимся во дворцѣ. Дѣйствительно, я видѣлъ его во дворцѣ, но онъ имѣлъ натянутый видъ и мы не обмѣнялись ни словомъ. Приѣмъ происходилъ во дворцѣ во вновь отдѣланныхъ и заново меблированныхъ покояхъ вдовствующей императрицы, куда былъ допущенъ и дипломатическій корпусъ. Это нововведеніе будетъ имѣть удобства для двора; такимъ образомъ дипломатическій корпусъ не будетъ находиться вмѣстѣ съ посторонними до возвращенія ихъ величествъ изъ церкви.

Апрѣль. Перваго апрѣля гвардія выступила въ походъ двумя колоннами, а къ 15-му числу изъ Петербурга уйдутъ всѣ войска. Императоръ напутствовалъ ихъ рѣчами. Артиллеристамъ, говорятъ, онъ сказалъ:

— Вамъ будетъ много дѣла, надѣюсь на вашу преданность.

Егерямъ его величество сказалъ, что ему неизвѣстно, будетъ ли война или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ радъ видѣть своихъ егерей, когда они вернутся. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что его величество будетъ дѣйствовать не теряя времени; его супруга ѣдетъ въ Одессу, гдѣ останется съ министромъ двора, княземъ Волконскимъ. Между тѣмъ, какъ оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій будетъ исполнять его обязанности при императорѣ. Уже говорятъ о назначеніи губернатора въ Молдавію. Кандидатами на эту должность называютъ графа Фридриха Палена и моего зятя. Вообще, все носитъ печать чего-то страннаго. Дай Богъ, чтобы эти необычайныя событія, которыя являются послѣдствіемъ неустойчивой политики предъидущаго царствованія, окончились благополучно.

Апрѣля 12-го. Непослѣдовательность, которой отмѣнены всѣ дѣла вообще, не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Наконецъ рѣшено поддерживать съ честью права Россіи, попрачныя Портою. Говорятъ, что мани-

Фестъ появится 14-го числа сего мѣсяца. 18-го числа великая княгиня Елена Павловна уѣзжаетъ въ Эмсъ, 22-го ея супругъ ѣдетъ въ Измаиль, 25-го императоръ уѣзжаетъ въ армию, а 27-го числа императрица Александра Феодоровна ѣдетъ въ Одессу.

Такъ какъ мы дожили до событій, при которыхъ Россіи предстоитъ занять совершенно иное положеніе среди прочихъ державъ, то любопытно будетъ взглянуть, какія личности окружаютъ императора. Вице-канцлеръ, графъ Нессельроде человѣкъ порядочный, но безхарактерный, привыкшій въ царствованіе Александра, въ теченіе многихъ лѣтъ, къ пассивной роли, такъ какъ покойный императоръ держалъ его при себѣ только для того, чтобы Европа чувствовала, что этотъ министръ не играетъ никакой роли въ его политическихъ комбинаціяхъ. Александръ не задумался даже высказаться по этому поводу откровенно баварскому министру, графу де-Бре, на обратномъ пути изъ Парижа въ 1813 г. Съ такими же пассивными наклонностями Нессельроде перешелъ въ наслѣдіе и къ императору Николаю. Три личности имѣютъ большое вліяніе на взгляды и рѣшенія графа Нессельроде: 1) его супруга, въ качествѣ диктатора, 2) директоръ Азіатскаго департамента Родофиникинъ, какъ человѣкъ, который ведетъ личныя дѣла графа, и 3) сенаторъ Полетика, который снуетъ въ городѣ и при дворѣ, передавая графу все слышанное. Графъ Нессельроде пользуется благоволеніемъ государя не за свои способности, а благодаря дружбѣ къ нему князя Александра Голицына, который несомнѣнно занялъ въ сердцѣ монарха самое прочное мѣсто съ той знаменитой сцены, которая разыгралась въ Государственномъ Совѣтѣ вслѣдъ за кончиною императора Александра.

Въ то время какъ я пишу эти строки и съ тѣхъ поръ какъ графъ Кочубей назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, графъ Нессельроде чрезвычайно поддался его вліянію. Говорятъ, что графъ Кочубей отказался отъ мѣста управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое было ему предложено; этому я и приписываю дружескую связь, возникшую между нимъ и графомъ Нессельроде. Кочубей не одаренъ отъ природы особенными способностями, но занимая послѣдовательно различныя должности, въ томъ числѣ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ приобрѣлъ съ теченіемъ времени большой навыкъ въ дѣлахъ. Это человѣкъ въ высшей степени тщеславный; его назначеніе предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта оковчательно вскружило ему голову; однако онъ имѣетъ большое вліяніе на императора; тѣ проблески ума и предусмотрительности, которые онъ иногда проявляетъ, надобно отнести на счетъ его родственника, генерала Васильчикова (Иллариона Васильевича). Этотъ генералъ руководитъ также с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Кутузовымъ.

Шефъ жандармовъ и начальникъ тайной полиціи Бенкендорфъ также имѣеть большой вѣсъ въ глазахъ государя. Его считаютъ человѣкомъ порядочнымъ; для блага общества отъ души желаю, чтобы это было справедливо.

Начальникъ главнаго штаба Дибичъ вполне заслуженно пользуется довѣріемъ монарха. Его хотѣли смѣнить, назначивъ на его мѣсто графа Петра Александровича Толстого, который исполнялъ его обязанности въ то время, когда войска выступили изъ Петербурга и во время отъѣзда Дибича въ Персію.

Министръ двора, князь Петръ Михайловичъ Волконскій также имѣеть голосъ; видя императора ежедневно, онъ имѣеть возможность дѣлать добро и зло. Это также одинъ изъ друзей вице-канцлера.

Генераль Чернышевъ (военный министръ) пользуется большимъ вліяніемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ процессѣ по дѣлу о заговорѣ 14-го декабря. Это человѣкъ способный, но его мало кто любитъ. Были пущены въ ходъ всевозможныя старанія, чтобы парализовать его вліяніе. Такъ какъ Дибичъ удержался на посту начальника главнаго штаба, съ присвоенными этой должности правами, то графъ Чернышевъ вступилъ въ управленіе министерствомъ съ тѣми же ограниченіями, которыя существовали при его предшественникѣ.

Назвавъ лицъ наиболѣе вліятельныхъ, замѣтимъ, что императора видятъ ежедневно князь Волконскій, князь Голицынъ, графъ Дибичъ, Бенкендорфъ, с.-петербургскій губернаторъ и оберъ-полиціймейстеръ.

Кромѣ этихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, при дворѣ императрицы Александры Ѳеодоровны, вдовствующей государыни и великаго князя Михаила Павловича существуетъ еще нѣсколько скромныхъ, малоизвѣстныхъ личностей, коихъ роль ограничивается нѣсколькими словами, но эти слова бывають подчасъ рѣшающія и имѣють значеніе приговора при рѣшеніяхъ императора.

Князь Меншиковъ, назначенный начальникомъ морского штаба незадолго до выступленія войскъ изъ Петербурга, человѣкъ выдающихся способностей. Онъ только что появился на горизонтѣ, но надобно полагать, что онъ будетъ имѣть вліяніе.

По всему вышесказанному, главными совѣтниками императора можно считать въ настоящее время: вице-канцлера графа Нессельроде, Дибича, Меншикова, главнокомандующаго арміей и графа Кочубея по корреспонденціи.

А прѣля 15-го. Четырнадцатаго числа сего мѣсяца отпечатаны, а 15-го числа обнародованы манифестъ и объявленіе о войнѣ съ Турціей, въ которыхъ изложены причины, вызвавшія эту войну. Въ объявленіи меня поразило одно мѣсто, то именно, гдѣ говорится о желаніи

обеспечить всѣмъ націямъ свободу плаванія по Босфору. Очевидно это указываетъ на желаніе овладѣть Босфоромъ, ибо, не овладѣвъ имъ, нельзя будетъ обеспечить желаемое.

Копіи съ этого объявленія и съ манифеста разосланы всѣмъ дипломатическимъ агентамъ иностранныхъ державъ въ С.-Петербургѣ.

Апрѣля 20-го. Въ то время какъ я находился въ общемъ собраніи Сената, объявленъ указъ о моемъ назначеніи управляющимъ министерству иностранныхъ дѣлъ на время отсутствія графа Нессельроде, съ прибавкою тысячи руб. жалованья въ мѣсяцъ. Въ тотъ же день я отправился къ графу Нессельроде и поблагодарилъ его за доброжелательство. Онъ сказалъ мнѣ, что императоръ не желаетъ имѣть бумагъ при арміи и что ему слѣдуетъ посылать какъ можно менѣе дѣлъ. Мнѣ будетъ дана, какъ онъ сказалъ, письменная инструкция, а всѣ прочія указанія я получу изустно. Я воспользовался случаемъ переговорить съ нимъ о Кудрявскомъ; онъ обрисовалъ его такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и просилъ меня посоветовать ему обращать вниманіе на то, что можетъ быть полезно его дѣтямъ, т. е. на улучшеніе его финансовъ. Затѣмъ разговоръ коснулся вновь назначеннаго министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго. Графъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что онъ не будетъ болѣе управлять Финляндіей, что этотъ указъ данъ временно, до пріѣзда императора. О Лонгиновѣ графъ выразился какъ о человѣкѣ глупомъ, прибавивъ что онъ жаловался на него императору и что это человѣкъ ничтожный.

Апрѣля 21-го. Тезоименитство императрицы Александры Феодоровны. Я былъ во дворцѣ на церемоніи *baise-mains*. Графъ Чернышевъ просилъ меня прислать ему немедленно всѣ извѣстія, касающіяся вооруженій Швеціи и Англій. Я обѣщаль сообщать ему эти свѣдѣнія тотчасъ по полученіи и предпочтительно передъ другими лицами. Онъ сказалъ, что генералъ-губернаторъ будетъ смѣненъ и что на его мѣсто назначать графа Петра Толстого.

Апрѣля 22-го. Я былъ у вице-канцлера, который прочелъ мнѣ нѣчто въ родѣ инструкціи, одобренной императоромъ и Родофинкинскимъ, директоромъ Азіатскаго департамента. Это было оригинальное произведеніе его превосходительства; уменьшая мою власть, оно облегчало мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе моихъ обязанностей. Вице-канцлеръ кажется былъ удивленъ, видя мое удовольствіе при этомъ чтеніи.

Меня поражаетъ легкомысліе, съ какимъ говорятъ о начавшейся войнѣ. Въ Молдавіи и Валахіи распредѣляютъ стоянки какъ у себя дома. Въ Яссы и Бухарестъ отправилась масса всевозможныхъ чиновниковъ. Кажется всѣ увѣрены въ томъ, что султанъ не двинетъ войскъ въ подвластныя ему княжества, и мы будемъ преспокойно получать тамъ всѣ

средства, необходимыя для военныхъ дѣйствій за Дунаемъ. Увидимъ, оправдаются ли мои опасенія.

А прѣля 25-го. Императоръ уѣхалъ въ армію. На молебнѣ, отслуженномъ по случаю его отъѣзда, вдовствующая императрица и весь дворъ плакали, но всѣмъ бросилось въ глаза, что императрица Александра Феодоровна была невозмутима.

А прѣля 26-го. Сенатъ собрался въ полномъ составѣ и ему былъ прочитанъ высочайшій указъ относительно завѣщанія, которое его величество оставлялъ на случай своей кончины. Въ этомъ указѣ было упомянуто и о распоряженіи, сдѣланномъ еще во время коронаціи относительно назначенія регентомъ великаго князя Михаила Павловича. Кромѣ того, былъ назначенъ для управленія имперіей особый Совѣтъ, въ который назначены: графъ Кочубей, князь Голицынъ и графъ Петръ Алекс. Толстой. По прочтеніи этого акта мы составили о томъ протоколъ и поручили министру юстиціи послать донесеніе объ исполненіи Сенатомъ высочайшей воли.

Мая 5-го. Прусскій посланникъ генералъ Шолеръ прислалъ мнѣ копію съ депешъ на имя русскаго посланника въ Берлинъ и русскаго посла въ Лондонъ, которыя ему сообщилъ вице-канцлеръ. Въ первой депешѣ говорилось о чувствахъ дружбы, связывающихъ оба двора, и выражалась признательность его величеству королю прусскому за формальное обѣщаніе съ его стороны дѣйствовать согласно съ интересами Россіи. Во второй депешѣ, служащей дополненіемъ первой, подробно объяснено намѣреніе Россіи соблюдать конвенцію 6-го іюля касательно Греціи и говорится между прочимъ, что русскій флотъ, который находится въ Средиземномъ морѣ, начнетъ непріязненные дѣйствія противъ Турціи только въ случаѣ послѣдней крайности, т. е. ежели онъ самъ подвергнется нападенію; что посланникъ уполномоченъ заключить съ лондонскимъ и парижскимъ кабинетами такую конвенцію, какая будетъ признана желательной, и что Россія, не стремясь къ увеличенію своихъ владѣній, потребуетъ отъ Порты денежнаго вознагражденія за убытки, понесенныя ея подданными въ торговлѣ за послѣдніе семь лѣтъ. Однимъ словомъ, лондонскому двору дали понять, что Россія будетъ настаивать на вознагражденіи убытковъ, причиненныхъ коварнымъ образомъ дѣйствій Турціи, и вполнѣ увѣрена въ томъ, что сень-джемскій кабинетъ поддержитъ предложенія русскаго посланника относительно средиземнаго флота.

Мая 6-го. Я былъ у графа Кочубея по его приглашенію; онъ сказалъ мнѣ, что весьма затрудняется, какъ поступить относительно нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, въ коихъ помѣщена прокламація графа Витгенштейна. Я обѣщаль ему помѣстить эту прокламацію на другой же день въ «Gazette de St.-Petersbourg», о чемъ и сообщилъ графу

Лавазю, прося его сказать въ видѣ предисловія къ ней (такъ какъ тамъ неизвѣстно точное число), что на основаніи рескрипта графу Витгенштейну, полученнаго Сенатомъ, военныя дѣйствія будутъ начаты 25-го числа.

М а я 8-го. У меня былъ шведскій посланникъ баронъ Пальмштіерна; онъ высказалъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу задержки въ обнародованіи торговаго договора, заключеннаго со Швеціей, присовокупивъ, что такъ какъ подлежащія власти не извѣщены объ этомъ договорѣ, то подданные его монарха находятся въ печальной необходимости подчиняться прежней такѣ, впредь до разъясненія. Я попросилъ его представить мнѣ объ этомъ записку, которую я передалъ министру финансовъ, чтобы помочь бѣдѣ, пока не послѣдуетъ обнародованіе договора.

Затѣмъ онъ просилъ меня сообщить ему пояснительную депешу, посланную нами англійскому кабинету по поводу войны, начатой съ Портою. Я отвѣчалъ, что я на это не уполномоченъ и не могу исполнить его желанія, хотя онъ далъ мнѣ честное слово, что вице-канцлеръ обѣщаль ему сообщить содержаніе этой депеши; впрочемъ, я обѣщаль написать объ этомъ вице-канцлеру, сказавъ, что нѣсколько дней промедленія не принесутъ никакого ущерба дѣламъ.

М а я 26-го. Англійскій посланникъ Тэмпль просилъ у меня свиданія и передалъ мнѣ всѣ бумаги, касающіяся Португаліи, которыя онъ оставилъ у меня до 29-го числа. Англійское правительство приказало ему сообщить намъ эти бумаги. Въ нихъ осуждаютъ поведеніе дона Мигуэля, называютъ его узурпаторомъ; англійскій посланникъ получилъ приказаніе уѣхать изъ Лиссабона какъ только этотъ принцъ провозгласитъ себя королемъ.

Извѣстія, получаемыя изъ дунайской арміи, далеко не удовлетворительны и совершенно не соотвѣтствуютъ той быстротѣ, съ какою рассчитывали вести военныя дѣйствія. Осада Браилова была поручена великому князю Михаилу Павловичу, но онъ велъ ее очень медленно.

І ю н я 3. Въ Таврическомъ дворцѣ отслужено молебствіе о благополучной переправѣ черезъ Дунай.

І ю л я 7-го. Въ Таврическомъ дворцѣ отслужено благодарственное молебствіе, по случаю взятія Исакчи и уничтоженія турецкаго флота.

Получено извѣстіе о внезапной кончинѣ великаго герцога веймарскаго; два дня спустя пріѣхалъ адъютантъ короля прусскаго, сообщившій подробности этого событія.

І ю н я 17-го. Получено извѣстіе о взятіи Браилова и Мачина. Судя по бюллетеню, который появился на слѣдующій день, мы понесли большія потери; подкопы, которые велись съ цѣлью взорвать крѣпость, были заложены весьма необдуманно и нанесли, кажется, болѣе всего вреда дѣйствующему корпусу.

Іюня 22-го. Въ Таврическомъ дворцѣ отслужено молебствіе по случаю взятія Кюстенджи и Гирсова, но празднованіе по случаю взятія Браилова отложено, потому ли что мы понесли при этомъ большія потери, или по иной причинѣ—мнѣ неизвѣстно.

Іюня 25-го. Сегодня день рожденія императора; въ городѣ нѣтъ никакого торжества, даже не трезвонятъ въ колокола и нигдѣ не служать молебновъ.

Получено извѣстіе о взятіи Анапы; весь гарнизонъ, численностью до 3,700 чел., вмѣстѣ съ пашею взяты въ плѣнъ.

Іюдя 2-го. Въ Никольскомъ соборѣ отслужено молебствіе по случаю взятія Браилова, Анапы и Тульчи, на которомъ присутствовала вдовствующая императрица; въ соборъ былъ приглашенъ и дипломатическій корпусъ. Я воспользовался случаемъ сказать англійскому посланнику, что императоръ весьма доволенъ тѣмъ довѣріемъ, съ какимъ отнесся къ намъ лондонскій кабинетъ, сообщивъ намъ документы, касающіеся португальскихъ дѣлъ, и что его величество одобряетъ поступокъ повѣреннаго въ дѣлахъ, который уѣхалъ изъ Лиссабона.

Іюля 11-го. Я былъ первый разъ въ Павловскѣ у вдовствующей императрицы. До обѣдни, въ кругу придворныхъ, ея величество весьма любезно упрекнула меня за то, что я рѣдко у нея бываю, а послѣ обѣдни, вторично, въ присутствіи придворныхъ, неоднократно заговаривала со мною. Передъ обѣдомъ она также говорила со мною весьма благосклонно, стараясь, повидимому, всячески выказать мнѣ свое благоволеніе. Я не могу объяснить себѣ это иначе, какъ воспоминаніемъ о покойной сестрѣ; императрица какъ-будто даже хотѣла дать мнѣ понять, что я имѣю право считать себя въ ея дворцѣ своимъ человѣкомъ. За обѣдомъ мнѣ указали почетное мѣсто почти напротивъ самой государыни, а послѣ обѣда она велѣла передать мнѣ, что желаетъ говорить со мною.

Я прождалъ добрыхъ полчаса у нея въ аванзалѣ. Она пригласила меня на маленькій балкончикъ, куда надобно было пройти черезъ ея спальню. Государыня встала, когда я вошелъ вмѣстѣ съ барономъ Альбедилемъ. Я осмѣлился попросить ее сѣсть, сказавъ, что мы будемъ стоять. Она приказала подать два стула; я сѣлъ противъ ея величества. Первымъ ея вопросомъ было — считается ли отвѣтная нота валахамъ официальнымъ документомъ? Я отвѣчалъ утвердительно. Затѣмъ она упомянула о донъ-Мигуалѣ и сдѣлала очень умное замѣчаніе относительно блокады Оппорто, признанной англійскимъ правительствомъ дѣломъ справедливымъ, сказавъ, что, признавая за регентомъ это право, англійское правительство не задумается признать и законность его правъ на престолъ, когда донъ-Педро вздумаетъ ихъ провозгласить. Затѣмъ она повела рѣчь о газетныхъ извѣстіяхъ вообще. Послѣ получасовой бесѣды, во время которой я вставилъ нѣсколько словъ о лечебницѣ ду-

шевно-больныхъ, о которой французское правительство желаетъ получить свѣдѣнія и за конми я уже обратился къ Венингу, государыни сказала:

— Да вѣдь я еще ничего не сдѣлала, я только успѣла улучшить ихъ содержаніе въ смыслѣ пищи.

— Ваше величество много сдѣлали, — отвѣчалъ я, — такъ какъ эти умалишенные испытываютъ счастье находиться подъ вашимъ благодѣтельнымъ попеченіемъ.

Когда я откланивался, ея величество сказала мнѣ «навѣщайте меня». Я видѣлъ въ Павловскѣ графа Кочубея, князя Голицына и графа Толстаго.

Іюля 13-го. Получено извѣстіе о побѣдѣ подъ Базарджикомъ, который занятъ нашими войсками, и подъ Коварною.

Іюля 15-го. Изъ неофициальныхъ источниковъ получено извѣстіе о томъ, что графъ Паскевичъ овладѣлъ Карсомъ, взявъ 7.000 чел. въ плѣнъ, захватилъ 150 орудій, 15 т. четв. ржи и проч.

Іюля 16-го. У меня былъ португальскій посланникъ, сообщившій мнѣ содержаніе двухъ писемъ, посланныхъ имъ графу Нессельроде, конми онъ его извѣщаетъ о томъ, что онъ не состоитъ болѣе посланникомъ своего двора и что вслѣдствіе смутъ, терзающихъ его родину, онъ не можетъ признать ни дона-Мигуэля, ни юнты ¹⁾. Онъ сообщилъ мнѣ, что инсургенты въ Оппорто требуютъ, чтобы ихъ права были признаны, чтобы блокада Оппорто была отмѣнена и чтобы ввозъ оружія и военныхъ снарядовъ въ Португалію былъ воспрещенъ.

Іюля 22-го. Я былъ въ Павловскѣ, гдѣ праздновался день тезоименитства вдовствующей императрицы. Курьеръ, прибывшій въ этотъ день изъ арміи, привезъ извѣстіе о сраженіи подъ Шумлою, вслѣдствіе котораго мы отгѣснили турокъ съ ближайшихъ къ этой крѣпости высотъ. Въ этомъ сраженіи убитъ полковникъ Реадъ; войсками командовалъ начальникъ главнаго штаба Дибичъ.

Августа 3-го. Съ 21-го іюля по 3-е августа не было извѣстій объ императорѣ. Говорятъ, будто фельдъегерь Сивковъ, не доѣзжая границы, убитъ турками. Это и было причиною отсутствія всякихъ извѣстій. По свѣдѣніямъ, полученнымъ съ послѣднимъ курьеромъ, осада Шумлы и Варны ведется энергично. Императоръ уѣхалъ въ Одессу, гдѣ онъ намѣренъ провести нѣсколько дней, пока не будутъ возведены редуты около этихъ крѣпостей, а я полагаю, что онъ уѣхалъ изъ главной квартиры для того, чтобы отсрочить свое свиданіе съ англійскимъ посланникомъ (Гаксберри). Это весьма благоразумно и дастъ

¹⁾ Юнта — собраніе народныхъ представителей для разрѣшенія государственныхъ вопросовъ. В. Т.

возможность подвинуть военныя дѣйствія прежде, нежели мы узнаемъ, что именно замышляютъ сенъ-джемскій и вѣнскій кабинеты для того, чтобы парализовать наши успѣхи.

Августа 8-го. Шведскій посланникъ баронъ Пальмптиерна просилъ у меня свиданія какъ можно скорѣе. Сначала я назначилъ ему это свиданіе въ 8 ч. вечера, а затѣмъ въ 6¹/₂ ч., такъ какъ я догадывался, въ чемъ дѣло, и полагалъ, что придется послать эстафету. Онъ пріѣхалъ въ назначенный часъ, вручилъ мнѣ ноту и на словахъ просилъ дать ему паспортъ для проѣзда въ главную квартиру. Я отвѣчалъ, что это совершенно немисливо, такъ какъ въ инструкціи, данной мнѣ императоромъ при отъѣздѣ, сказано совершенно точно, что я не долженъ выдавать паспортъ ни одному изъ посланниковъ или повѣренныхъ въ дѣлахъ, не испросивъ на то предварительно согласія его императорскаго величества. Пальмптиерна чуть не упалъ въ обморокъ, сидя на стулѣ; у него показались отъ досады слезы на глазахъ и онъ сказалъ, что это произведетъ подавляющее впечатлѣніе въ Стокгольмѣ; что адъютантъ Гулленштольпе, который долженъ былъ сопровождать его, возвратясь на родину, распространить слухъ объ отказѣ, полученномъ имъ, Пальмптиерной. Чтобы успокоить его, я прочелъ ему тотъ пунктъ моихъ инструкцій, въ которомъ говорилось объ этомъ запрещеніи, сказавъ, что онъ можетъ послать курьеромъ Гулленштольпе, которому я выдамъ паспортъ. Онъ отвѣчалъ, что такъ какъ король поручилъ ему передать его величеству это письмо собственноручно, то онъ никому не можетъ его довѣрить.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—потерпите нѣсколько дней, надеюсь, что я буду уполномоченъ выдать вамъ паспортъ.

Наконецъ я сообщилъ ему, что, предвидя возможность подобнаго случая, я уже писалъ объ этомъ вице-канцлеру и въ субботу (11 ч.) получу вѣроятно обстоятельный отвѣтъ, который выяснитъ этотъ вопросъ. Между прочимъ я совѣтовалъ ему не отправлять Гулленштольпе обратно въ Стокгольмъ, а обождать; я же со своей стороны пошлю экстреннаго курьера Сухтелену, чтобы увѣдомить его обо всемъ происшедшемъ, и о результатѣ сообщу. Онъ протянулъ мнѣ руку въ знакъ согласія и далъ честное слово, что не пошлетъ Гулленштольпе и будетъ писать не ранѣе субботы, по почтѣ. Уходя, онъ упомянулъ о своемъ стараніи поддержать доброе согласіе между обоими дворами и выразилъ сожалѣніе по поводу того, что распоряженія общаго характера могутъ распространяться на данный экстраординарный случай, въ которомъ онъ заинтересованъ. Я отвѣчалъ, что это меня еще болѣе огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно, какую цѣну его величество придаетъ дружбѣ его монарха и что государь императоръ относится къ нему съ самымъ искреннимъ расположеніемъ. Онъ ушелъ отъ меня успокоенный;

я же успѣшилъ извѣстить обо всемъ вице-канцлера эстафетой, отправленной въ 11 ч. вечера. Вотъ плоды непослѣдовательнаго образа дѣйствій, благодаря которому датскій посланникъ былъ допущенъ въ главную квартиру. Бенкендорфъ опрометчиво устроилъ поѣзду графа Блоома, а вице-канцлеръ уступилъ, движимый своей пріязнью къ датскому посланнику, не думая о послѣдствіяхъ, какія это могло имѣть. Письмо короля шведскаго къ государю могло быть вызвано вопросомъ о королевскомъ титулѣ принца шведскаго, который сынъ Густава хотѣлъ принять при бракосочетаніи съ принцессой Нидерландской, но, разумѣется, король не прибѣгнулъ бы къ этой уловкѣ для того, чтобы добиться своему посланнику разрѣшенія прибыть въ главную квартиру.

Августа 10-го. Мнѣ приказано отправить въ Стокгольмъ курьера съ депешей отъ вице-канцлера къ графу Сухтелену. Этою депешей ему предписывалось испросить аудіенцію у короля и дать ему слѣдующія объясненія по поводу брака принца Густава съ принцессой Нидерландской:

1) что императоръ не вызвалъ и не поощрялъ союза принца Густава съ принцессой Маріанной Нидерландской;

2) что его величество говорилъ объ этомъ бракѣ съ принцемъ Оранскимъ въ его послѣдній пріѣздъ въ Россію, какъ о намѣреніи, о которомъ его королевское величество самъ скорбитъ;

3) что императоръ былъ извѣщенъ о томъ, что вопросъ объ этомъ бракѣ рѣшенъ окончательно письмомъ короля шведскаго, которое получено его величествомъ въ то время, когда онъ былъ за Дунаемъ;

4) что отношенія, въ которыя принцъ Густавъ будетъ поставленъ къ Нассаускому дому, никоимъ образомъ не измѣнятъ непоколебимаго рѣшенія императора соблюдать по отношенію къ нынѣ царствующему королю Швеціи и Норвегіи и къ его династіи всѣ обязательства, простирающіяся изъ договоровъ и частныхъ соглашеній, заключенныхъ съ его величествомъ королемъ шведскимъ блаженной памяти императоромъ Александромъ;

5) что такимъ образомъ никакое домогательство, несомнѣнное съ несомнѣнными правами короля и его законныхъ наслѣдниковъ на престолъ Швеціи и Норвегіи, не встрѣтитъ поощренія и поддержки со стороны Россіи;

6) что графу, напротивъ того, будетъ приказано во всеуслышаніе, громогласно подтвердить сдѣланное выше заявленіе, дабы убѣдить въ этомъ всѣхъ, кто вздумалъ бы возжечь въ Швеціи пламя раздора и возлагать надежды на узы, которыя принцъ Густавъ намѣревается заключить съ королевскимъ домомъ; его величество далекъ отъ мысли поддерживать эти надежды и твердо намѣренъ соблюдать союзъ и отношенія, установившіяся съ монархомъ, который непрестанно даетъ ему до-

казательства своей дружбы и имѣть полное право рассчитывать на дружественныя чувства съ его стороны.

Мнѣ было приказано сообщить объ этомъ словесно барону Пальмштерну нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ курьера, но я нашелъ гораздо проще сдѣлать это раньше, чтобы успокоить его насчетъ моего отказа выдать ему паспортъ. Поэтому я попросилъ шведскаго посланника, черезъ одного изъ чиновниковъ канцеляріи, заѣхать въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ. Первымъ моимъ словомъ было, что я не получилъ еще резолюціи касательно его паспорта, но что мнѣ велѣно сдѣлать ему словесное сообщеніе по вопросу, коимъ такъ сильно озабоченъ его монархъ, король шведскій. Затѣмъ я прочелъ ему вышеупомянутые шесть пунктовъ и, положивъ эту выписку въ карманъ, сказалъ:

— Вы видите изъ этого, съ какою искренностью его императорское величество дѣйствуетъ по отношенію къ королю, вашему монарху.

Видимо, онъ былъ чрезвычайно доволенъ моимъ сообщеніемъ, но замѣтилъ, что, послѣ этого заявленія, его поѣздка въ главную квартиру можетъ быть будетъ излишней. Я ничего не отвѣчалъ, но поблагодарилъ его за интересное сообщеніе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ о планахъ короля шведскаго относительно торговыхъ сношеній. Прощаясь, посланникъ сказалъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени сообщить мнѣ еще болѣе пріятныя вѣсти, и мы разстались; онъ былъ спокойнѣе, а я былъ доволенъ тѣмъ, что мнѣ удалось его успокоить.

А в г у с т а 14-го. Я получилъ съ одесской почтой отъ вице-канцлера настоятельное приказаніе — не выдавать паспортовъ барону Пальмштерну до тѣхъ поръ, пока объ этомъ не будетъ доложено его величеству.

А в г у с т а 15-го. Отслужено благодарственное молебствіе по случаю взятія Поти. Весь дипломатическій корпусъ, понявъ мои намеки, явился въ чулкахъ и башмакахъ, тогда какъ прежде они не стѣснялись являться въ сапогахъ.

А в г у с т а 24-го. Шведскій посланникъ атаковалъ меня насчетъ его поѣздки въ главную квартиру. Я сказалъ ему, что не получилъ еще никакого отвѣта по этому поводу. Нѣсколько часовъ спустя я узналъ, что моя депеша была получена въ Одессѣ 15-го числа, а депеша вице-канцлера помѣчена 17-мъ числомъ. Это доказываетъ безспорно, что онъ не потрудился доложить ее императору. Правда, императоръ ѣздилъ въ это время въ Николаевъ.

Въ тотъ же день я получилъ съ экстра-почтой циркуляръ, разосланный всѣмъ нашимъ министрамъ о посылкѣ 15-ти тысячнаго корпуса французскихъ войскъ въ Морею, что служить доказательствомъ друже-

скаго согласія, существующаго между тремя великими державами по дѣламъ Греціи.

Апрѣля 26-го и 27-го. Я былъ въ Павловскѣ. Императрица приняла меня со своей обычной добротою. Послѣ обѣда она пригласила меня во внутренніе покои и бесѣдовала о текущихъ событіяхъ. Сентябрь мѣсяцъ внушаетъ ей, повидимому, большія опасенія. Она упомянула о коварствѣ вѣнскаго кабинета. Я старался успокоить ее, сказавъ, что эта держава не объявитъ намъ войны. Она замѣтила, между прочимъ, что запрещеніе вывоза зерна изъ Черноморскихъ портовъ причинитъ большіе убытки частнымъ лицамъ. Я отвѣчалъ, что эта мѣра благоразумная, что она вызоветъ недостатокъ продовольствія въ Константинополѣ.

— Такъ Венгрія снабдитъ его хлѣбомъ,—возразила она.

— Да, ваше величество, но потребуется нѣсколько тысячъ воловъ, чтобы доставить то количество зерна, которое необходимо для арміи на одинъ день.

Августа 28-го и 29-го. Наконецъ мнѣ сообщили изъ главной квартиры резолюцію относительно поѣздки шведскаго посланника. Вице-канцлеръ прислалъ ему письмо, въ которомъ высказываетъ причины, въ силу которыхъ посланнику не слѣдовало бы настаивать на томъ, чтобы лично передать императору письмо короля шведскаго; тѣмъ не менѣе, ему предоставляется право совершить поѣздку до Одессы, ежели онъ того пожелаетъ. Онъ проситъ у меня свиданія и заявилъ, что считаетъ долгомъ сообразоваться съ приказаніями своего монарха и поэтому проситъ меня выдать ему паспортъ; будучи на это уполномоченъ, я выдалъ ему паспортъ 29-го числа.

Кромѣ писемъ по этому дѣлу, я получилъ секретное предписаніе послать шифрованную депешу графу Сухтелену въ Стокгольмъ съ просьбою сообщить намъ все, что ему извѣстно о происходящихъ яко бы вооруженіяхъ Швеціи. Я отправилъ это шифрованное письмо почтою 29-го числа, приложивъ къ нему копію съ письма вице-канцлера къ Пальмптиерну.

Августа 30-го. Сегодня вернулся фельдъегерь, посланный въ Стокгольмъ 10-го числа этого мѣсяца. Онъ привезъ мнѣ незапечатанно письмо на имя вице-канцлера, въ которомъ генералъ графъ Сухтеленъ сообщаетъ результатъ своего разговора съ королемъ, который онъ велъ согласно съ данными ему инструкціями. Король принялъ заявленіе императора съ благодарностью и прибавилъ со своей стороны, что его императорское величество вполне можетъ разчитывать на него, что онъ особенно доволенъ лойяльностью, съ какою императоръ высказалъ свое рѣшеніе, такъ какъ это разбиваетъ всѣ инсинуаціи, сдѣланныя ему по поводу этого брака и относительно титула, коего добивался принцъ

Густавъ; но онъ не называлъ кабинета, коимъ были сдѣланы эти инсинуаціи.

Кромѣ этой депеши, привезенной фельдъегеремъ, была прислана еще депеша отъ шведскаго двора на имя Пальмштіерна; въ нее было вложено письмо короля, служащее отвѣтомъ на заявленіе, сдѣланное ему графомъ Сухтеленемъ.

Пальмштіерна имѣлъ прощальную аудіенцію въ Зимнемъ дворцѣ.

Сентября 1-го. Повѣренный въ дѣлахъ Нидерландовъ пріѣхалъ ко мнѣ неожиданно-негаданно въ 8¹/₂, ч. утра, чтобы сообщить, что баронъ Пальмштіерна, уѣхавшій наканунѣ въ Одессу, объяснилъ ему въ краткихъ словахъ причину своей поѣздки, и что хотя онъ не уполномоченъ своимъ дворомъ говорить со мною объ этомъ предметѣ, однако, онъ проситъ меня сообщить ему все, что я сочту возможнымъ. Я сразу понималъ всю затруднительность моего положенія и, гуляя съ нимъ по саду, сказалъ ему въ общихъ чертахъ, что русскій дворъ твердо намѣренъ соблюдать договоры, заключенные съ Швеціей, а затѣмъ попросилъ его зайти часу въ первомъ въ канцелярію, чтобы поговорить объ этомъ дѣлѣ обстоятельнѣе. Тѣмъ временемъ я приказалъ написать краткое извлеченіе изъ заявленія, сдѣланнаго королю шведскому графомъ Сухтеленемъ по приказанію его величества. Послѣ того, какъ я сдѣлалъ въ немъ необходимыя поправки, изъ этого извлеченія можно было вывести лишь то существенное заключеніе, что мы намѣрены соблюдать договоры, заключенные императоромъ Александромъ и, будучи вполнѣ довольны поступками короля шведскаго, намѣрены поддерживать права его собственные и его династіи. Пріѣхавъ въ канцелярію, повѣренный въ дѣлахъ Нидерландовъ г. О'Сюлливанъ де-Грѣ началъ разговоръ съ того, что баронъ Пальмштіерна сообщилъ ему вкратцѣ все происшедшее между его дворомъ и нашимъ. Я отвѣчалъ ему, что дойальная политика государя императора даетъ мнѣ право ничего не скрывать отъ него (хотя я и не уполномоченъ дѣлать ему какія бы то ни было сообщенія). Я прочелъ сдѣланное по моему приказанію извлеченіе, присовокупивъ, что баронъ Пальмштіерна повезъ письмо своего монарха, служащее отвѣтомъ на это словесное заявленіе. О'Сюлливанъ де-Грѣ поблагодарилъ меня за довѣріе и сказалъ въ общихъ выраженіяхъ, что его дворъ никогда не сталъ бы дѣлать никакихъ домогательствъ относительно титула принца Густава, будущаго супруга принцессы Маріанны, не заручившись предварительно согласіемъ русскаго императора, предпочтительно передъ всеми остальными главными державами Европы; онъ полагаетъ, что его величество, король Нидерландскій, объявляя штатамъ объ этомъ бракѣ, заявитъ, что принцесса выходитъ за принца Густава, сына бывшаго шведскаго короля. Я спросилъ повѣреннаго, правда ли, что у нее 30 мил. приданаго, не считая мелочей. Онъ отвѣ-

чалъ, что принцесса Маріанна очень хороша собою и очень богата, что она веселаго характера и составляетъ утѣху отца, который всячески старался, чтобы его дочь, выходя замужъ, не покинула Нидерланды, но, кажется, принцъ Густавъ поселится въ австрійскихъ владѣніяхъ. Я написалъ немедленно донесеніе о нашемъ разговорѣ.

Сентября 6-го. Я былъ у графа Петра Толетаго, одного изъ трехъ управителей имперіи, и заключилъ изъ его словъ, что или онъ самъ, или они всѣ трое недовольны своими занятіями, такъ какъ онъ сказалъ мнѣ, что работаетъ, какъ волъ, но что въ концѣ-концовъ изъ его трудовъ ничего не выходитъ. Я попросилъ его сообщить мнѣ подробности о спасательномъ снарядѣ Гейльборна. Онъ отвѣчалъ, что имъ уже сообщено объ этомъ военному министерству, но министръ, графъ Чернышевъ, котораго я видѣлъ дня два спустя, сказалъ мнѣ, что онъ не получалъ отъ него никакихъ свѣдѣній, присовокупивъ, что графъ Толстой никогда не помнитъ, что онъ дѣластъ.

Сентября 9-го. Я былъ въ Павловскѣ. Послѣ обѣдни вдовствующая императрица позвала меня во внутренніе покои. Когда я явился, она завела рѣчь объ отъѣздѣ шведскаго посланника. Я разсказалъ ей все происшедшее по этому случаю между мною, Пальмптиерномъ и О'Сюлливаномъ де-Грѣ. Она отвѣчала мнѣ, что принцъ Густавъ писалъ ей о предстоящемъ его бракѣ, но она не сочла нужнымъ отвѣчать ему и переслала его письмо императору, своему сыну. Между прочимъ государыня сказала, что его величество находится на флагманскомъ суднѣ «Городъ Парижъ», съ котораго онъ будетъ слѣдить за сухопутными и морскими дѣйствіями противъ Варны. Затѣмъ разговоръ коснулся старанія вѣнскаго двора заставить Англію дѣйствовать относительно насъ согласно съ желаніями Австріи. Ея величество обошлась со мною весьма милостиво и приказала барону Альбедилю передать мнѣ, что ей всегда пріятно меня видѣть. Графъ Кочубей и князь Голицынъ стали держать себя со мною болѣе непринужденно. Это въ порядкѣ вещей.

Сентября 18-го. Вдовствующая императрица возвратилась въ городъ. До 15-го числа не было никакихъ положительныхъ извѣстій изъ Варны.

Сентября 23-го. Прибылъ курьеръ съ официальнымъ извѣстіемъ о вѣзгтіи Ахалцыха. За эту побѣду графъ Паскевичъ получилъ Андрея Первозваннаго.

Сентября 24-го. Пріѣхалъ курьеръ, не привезшій, кажется, никакихъ утѣшительныхъ извѣстій, а я получилъ депешу отъ графа Сухтеленa изъ Стокгольма. Онъ отвѣчаетъ весьма рѣзко вице-канцлеру на шифрованную депешу, которую я ему послалъ.

Сентября 26-го. Въ городѣ разнесся слухъ о рѣшительномъ пораженіи подъ Варною гвардейскихъ егерей, которые разбиты 15-ти ты-

*

сячнымъ вспомогательнымъ корпусомъ, подошедшимъ къ непріятельскому войску. Говорятъ будто убито 12—15 офицеровъ и ихъ командиръ, генераль Гардингъ и будто отъ всего полка уцѣлѣло не болѣе 300 человѣкъ.

Сентября 29-го. Курьеръ, пріѣхавшій изъ арміи съ депешами, не привезъ мнѣ никакихъ извѣстій; даже зять мой, генераль - адъютантъ Стрекаловъ, препровождая мнѣ свои письма къ разнымъ лицамъ, не пишетъ мнѣ ни слова. Это молчаніе чрезвычайно встревожило меня за участь сына, служащаго въ Егерскомъ полку.

Октября 2-го. Меня извѣстили о томъ, что я имѣлъ, вѣроятно, несчастье потерять сына, хотя подають надежду, что онъ можетъ еще оказаться въ числѣ плѣнныхъ. Я не возлагаю на это никакой надежды; мы оплакали съ женою потерю сына, подававшаго большія надежды,

Октября 3-го. Я получилъ третьяго числа тоже извѣстіе отъ зятя но онъ также подаетъ мнѣ нѣкоторую надежду.

Октября 5-го. Вдовствующая императрица прислала ко мнѣ барона Альбедилля, поручивъ ему выразить мнѣ участіе, которое она принимаетъ въ моемъ горѣ, а я просилъ его повергнуть къ стопамъ ея величества изъявленіе моей глубочайшей признательности. Я далъ прочесть барону Альбедиллю письмо моего зятя генерала Стрекалова, но сказалъ, что не питаю ни малѣйшей надежды, хотя дѣлаю видъ, что надежда еще не потеряна, чтобы хотя нѣсколько облегчить горе моей жены.

Октября 9-го. Получено извѣстіе о взятіи Варны и капитуляціи капитанъ-паши; всѣ войска оказались въ плѣну. На другой день отслужено молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи ихъ величествъ, обѣихъ императриць.

Октября 12-го. Повѣренный въ дѣлахъ королевства Виртембергскаго извѣстилъ меня о кончинѣ вдовствующей герцогини Виртембергской. Я просилъ его сообщить мнѣ о томъ официально и предложить барону фонъ-Мальценбаху, который привезъ эту скорбную вѣсть, не показываться въ обществѣ до понедѣльника.

Октября 13-го. Вдовствующая императрица спросила меня чрезъ ея статсъ-секретаря Вилламова, имѣю ли я какія-либо извѣстія о поланномъ Виртембергскаго двора? Я передалъ ему записку повѣреннаго въ дѣлахъ сказать, что я отложилъ объявленіе о кончинѣ герцогини до 15-го числа (но не прибавилъ, что это было сдѣлано съ цѣлью дать возможность отпраздновать 14-го числа день рожденія вдовствующей государыни), и что я буду ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Мнѣ ничего не передали, слѣдовательно распорихеніе мое одобрено.

Я послалъ военному министру графу Чернышеву гранату, которая

была испытана въ 1813 г., со всѣми бумагами, до этого дѣла относящимися. Увидимъ какъ онъ поступить.

Октября 14-го. Я былъ во дворцѣ, чтобы поздравить вдовствующую императрицу съ днемъ ея рожденія. Ея величество захворала три дня тому назадъ и не принимала; я росписался и отправился къ обѣднѣ въ малую дворцовую церковь, гдѣ была императрица Александра Феодоровна. Едва началось богослуженіе, какъ я услышалъ въ церкви громкіе возгласы. Я подумалъ сначала, что кому-нибудь дурно, но увидѣлъ, что императрица и обѣ великія княжны выбѣжали изъ церкви съ радостными криками, и узналъ, что императоръ вернулся изъ поѣздки. Всѣ бросились въ погоню вдовствующей императрицы. Я послѣдовалъ за толпою и всталъ въ одной изъ залъ. Императоръ прошелъ взадъ и впередъ съ дѣтьми. Мы поклонились. На видъ онъ здоровъ. Миѣ кажется, что столь шумный выходъ изъ церкви, столь громкое изъясненіе радости слишкомъ шумно для придворнаго этикета. Когда я уѣзжалъ изъ дворца, миѣ сказали, что штандартъ, поднятый надъ дворцомъ былъ поднятъ вверхъ ногами, такъ что орелъ висѣлъ съ полчаса ногами вверхъ а головою внизъ. Этотъ случай былъ истолкованъ публикой какъ дурное предзнаменованіе.

Октября 15-го. Въ Казанскомъ соборѣ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовали императоръ съ супругою. Дипломатическій корпусъ получилъ приглашеніе на этотъ молебенъ немного поздно. Поѣрренный въ дѣлахъ Австрій, испанскій и саксонскій посланники не были на молебнѣ; всѣ остальные сѣхались въ соборъ.

Октября 18-го. Изъ Сената взято духовное завѣщаніе, которое императоръ оставилъ тамъ на храненіе, уѣжая въ армію, и комитетъ, состоявшій изъ графовъ Кочубея, Толстаго и князя Голицына, упраздненъ.

Октября 20. Говорятъ, что императоръ кажется весьма озабоченнымъ. Поразительно, что съ 14-го числа, т. е. со дня его пріѣзда, не появлялось бюллетеня изъ арміи.

Октября 25-го. Я былъ у графа Нессельроде, который возвратился наканунѣ. Онъ принялъ меня весьма любезно и казалось былъ чрезвычайно взволнованъ кончиною вдовствующей императрицы. Миѣ пришло на умъ, что его волненіе объясняется, можетъ быть, до нѣкоторой степени тѣмъ, что онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ моего сына подъ Варною; у меня не хватило духа спросить его объ этомъ, и я завелъ рѣчь о хозяйственной части иностранной коллегіи.

Октября 29-го. Покончивъ съ дѣлами коллегіи я отправился во дворецъ отдать послѣдній долгъ вдовствующей императрицѣ. Я ѣхалъ туда въ полной увѣренности, что панихида уже окончена и что я встрѣчусь тамъ съ такими же не привилегированными лицами какъ я; но

по счастливой случайности я еще засталъ во дворцѣ его величество и весь дворъ въ полномъ сборѣ. Я присутствовалъ на панихидѣ, поклонился праху усопшей и съ трудомъ поднялся на ноги послѣ того какъ я вторично преклонилъ колѣна. Императоръ былъ очень взволнованъ, онъ преклонилъ колѣна передъ параднымъ ложемъ и плакалъ нѣсколько минутъ, подозвавъ къ постели наследника.

Ноября 4-го. Дѣвица Дивова была назначена сегодня на дежурство къ тѣлу покойной императрицы, но занемогла ночью, о чемъ я извѣстилъ церемоніймейстера, князя Гагарина.

Вдовствующая императрица скончалась 24-го октября безъ агоніи; зародышь смертельной болѣзни, которая усилилась вслѣдствіе простуды, тайлся въ ней давно. Война противъ Турціи и опасность, которой подвергались ея сыновья, императоръ Николай и великій князь Михаилъ, пошатнули ея здоровье. Варна, взятіе которой всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ, такъ какъ этимъ должна была окончиться война 1828 г., была наконецъ во власти русскихъ. Это извѣстіе нанесло первый смертельный ударъ этой любящей матери. Ея радость была такъ велика, что, какъ полагаютъ, ее постигъ тогда первый ударъ; затѣмъ молебень, отслуженный въ холодную погоду въ Казанскомъ соборѣ, далъ окончательный толчекъ болѣзни, которая похитила ее у Россіи. Всѣ русскіе должны оплакивать потерю этой достойной обожанія и благодѣтельной матери всѣхъ удрученныхъ нуждою и горемъ. Пройдетъ нѣкоторое время и всѣ почувствуютъ какъ велика эта утрата.

Ноября 8-го. Я дежурилъ у тѣла императрицы. При мнѣ приходили императоръ, его супруга, наследникъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Болѣе всѣхъ опечаленнымъ казался императоръ, онъ былъ дѣйствительно огорченъ болѣе другихъ. Богослуженіе совершилось чинно; я особенно любовался народомъ, котораго прошло по церкви до 8 тысячъ лицъ обоого пола. Обѣденный столъ и ужинъ были сервированы прекрасно, вообще все было вполне достойно монарха, жившаго во дворцѣ. Меня огорчило сказанное однимъ царедворцемъ, что со смертью вдовствующей императрицы слово «*considération*» придется вычеркнуть изъ придворнаго словаря. Мнѣ говорили также, что не любовь императора къ виѣшной представительности проявляется сильнѣе чѣмъ когда-либо и что мы болѣе не увидимъ экипажей съ фореиторами и золоченыхъ каретъ.

Ноября 13-го. Сегодня совершилось погребеніе императрицы. Всѣ три брата присутствовали при погребеніи своей матери. Я былъ назначенъ ассистентомъ при ордѣнѣ Александра Невскаго. Смерть вдовствующей императрицы—большое горе для Россіи; при дворѣ говорятъ не стѣсняясь, что вмѣстѣ съ этой добродѣтельной государыней сошла въ могилу представительность.

Н о я б р я 20-го. Я былъ у вице-канцлера, чтобы спросить его, не согласится ли онъ испросить для меня у императора вспомошествованіе въ размѣрѣ отъ 50—60 тысячъ рублей для устройства моихъ дѣлъ. Онъ отвѣчалъ, что сдѣлаеть это охотно и попросилъ меня подать ему о томъ докладную записку, что я и сдѣлалъ, отославъ ее графу 22-го числа. Да пошлетъ Господь мнѣ удачу и да поможетъ онъ мнѣ въ теперешнихъ обстоятельствахъ.

Н о я б р я 23-го. Я былъ у князя Дм. Хилкова, бывшаго секретаря вдовствующей императрицы, который только что возвратился изъ своего имѣнія и наканунѣ имѣлъ аудіенцію у императора. Между прочими вопросами, которые были затронуты императоромъ во время ихъ бесѣды, его величество говорилъ объ управленіи губерніями. Императоръ сказалъ, что въ губернскихъ правленіяхъ дѣла ведутся плохо, что у нихъ то и дѣло возникаютъ столкновенія съ министерствами, съ коими они находятся почти всегда въ разногласіи, что онъ уже повелѣлъ выработать для этихъ присутственныхъ мѣстъ новыя правила, коими они должны будутъ руководствоваться и которые войдутъ въ силу съ будущаго года. Государь находитъ, что только одна уголовная часть идетъ правильно; онъ самъ сознаеть, что онъ дѣйствовалъ иногда слишкомъ поспѣшно, но теперь онъ дѣйствуетъ болѣе осмотрительно. Изъ всѣхъ словъ государя я вывожу заключеніе, что онъ потерялъ довѣріе къ тѣмъ личностямъ, которыя занимаютъ губернаторскія мѣста, и что онъ слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу вопросы, къ которымъ слѣдуетъ относиться хладнокровнѣе.

— Неудивительно, что государь затрудняется въ дѣлѣ управленія государствомъ,—сказалъ я князю Хилкову,—имѣя такихъ ничтожныхъ совѣтниковъ, каковы Кочубей и Голицынъ. Первый извѣстенъ своимъ управленіемъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и какъ сторонникъ мысли о необходимости низвергнуть весь прежній строй; второй—человѣкъ порядочный, ловкій царедворецъ и болѣе ничего; около государя есть и другія личности, какъ напримѣръ, князь Волконскій, которые также вполне ничтожны; какого же совѣта можно ожидать отъ подобныхъ людей, въ особенности когда является желаніе избѣгнуть прежнихъ ошибокъ, къ чему императоръ кажется искренно стремиться.

Д е к а б р я 16-го. Съ 6-го по 15-е число этого мѣсяца императоръ ѣздилъ то въ Петергофъ, то въ Кронштадтъ и въ военные поселенія. Эти поѣздки, въ холодное время года, не вызванныя никакой необходимостью, служатъ мнѣ, какъ и въ царствованіе Александра, мѣриломъ, по которому я сужу о настроеніи государя.—Онъ чѣмъ-то чрезвычайно озабоченъ и не знаетъ на что рѣшиться, чтобы выйти изъ этого лабиринта; а такъ какъ въ настоящее время, со смертью вдовствующей императрицы, нѣтъ болѣе центра, куда бы можно прибѣгнуть съ полнымъ до-

вѣрїемъ со всѣми своими заботами, то приходится прибѣгать къ этимъ развлечениямъ.

Говорять о новомъ рекрутскомъ наборѣ по 6 чел. съ 500 жит. Эти слухи указываютъ на положеніе дѣлъ въ мїрѣ политики.

П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ.

I.

За все время существованія русскаго театра нельзя указать артиста, подвергавшагося самымъ противоположнымъ оцѣнкамъ при жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ такого колоссальнаго генія искусства, не только равнаго безсмертному Щепкину, но даже нерѣдко превосходившаго его въ отдѣльные моменты высокаго вдохновеннаго творчества, какъ великій Мочаловъ. При необыкновенно могучемъ дарованіи онъ далеко не былъ, однако, свободенъ и отъ крупныхъ недостатковъ и, обладая самымъ драгоценнымъ преимуществомъ истиннаго артиста—великой душой, онъ съ непростительной беззаботностью относился къ богатству своихъ природныхъ даровъ и къ усовершенствованію своего необыкновеннаго таланта. Мочаловъ, эта яркая звѣзда русской сцены, представлялъ собою явленіе въ высокой степени оригинальное и самобытное; ему принадлежитъ совершенно исключительное значеніе въ ряду лучшихъ нашихъ артистовъ; но при всемъ томъ онъ даже не создалъ никакой школы. Настоящая оцѣнка его установилась не скоро и притомъ, главнымъ образомъ, благодаря другому великому генію—Бѣлинскому. Но и послѣ замѣчательныхъ статей нашего критика, Н. И. Гречъ, перечисляя однажды величайшихъ представителей русской сцены, ненамѣренно ли или, быть можетъ, сознательно—въ противоположность отзываетъ Бѣлинскаго—совершенно пропускаетъ Мочалова. Такъ онъ говоритъ: «Въ Каратыгиныхъ, Брянскомъ, Сосницкомъ имѣемъ мы артистовъ, которыхъ смѣло можемъ поставить на ряду первыхъ талантовъ Европы. Московскій театръ красуется необыкновеннымъ, оригинальнымъ дарованіемъ Щеп-

кина» ¹⁾). О Мочаловѣ нѣтъ и помина. Значительно позднѣе, лѣтъ черезъ пятнадцать, мы читаемъ въ одномъ безобидномъ театральномъ обзорѣни безусловно справедливыя строки, которыя вскользь указываютъ на какое-то уединенное и исключительное значеніе Мочалова на сценѣ. «Покойный П. С. Мочаловъ, сказано тамъ, артистъ, пользовавшійся въ Москвѣ, какъ извѣстно, и большою славой, и очень большой популярностью, сдѣлалъ въ свое время немало прозелитовъ и не оставилъ на сценѣ ни одного живого воспоминанія: я хочу сказать, ни одного артиста, о которомъ можно было бы выразиться: «вотъ преемникъ Мочалова» или хоть бы только: «вотъ ученикъ его» ²⁾). У насъ были артисты или поздно завоевавшіе себѣ общее признаніе, какъ В. В. Самойловъ, или заживо испытавшіе почти полное забвеніе со стороны неблагодарнаго общества, какъ отчасти было съ Брянскимъ; но не было больше ни одного такого, который, какъ Мочаловъ, возбуждалъ бы иногда восторженное преклоненіе и почти тотчасъ послѣ этого падалъ бы чуть не до позора. Мочаловъ—геній и Мочаловъ—жалкій актеръ—какое непостижимое превращеніе происходило зачастую на глазахъ одной и той же публики!..

Въ неравномъ исполненіи ролей и въ безпечномъ отношеніи къ природному дару, у Мочалова было что-то наслѣдственное. Отецъ его, Степанъ Ѳедоровичъ, былъ нѣкогда довольно извѣстнымъ трагикомъ московскаго театра; онъ никогда не возвышался значительно надъ среднимъ уровнемъ исполнителей и не пользовался громкой славой, но его уважали, и случалось, что на нѣкоторое время онъ становился любимцемъ публики. Онъ даже иногда поражалъ неожиданными блестящими яркаго таланта, но затѣмъ все это забывалось и онъ снова смѣшивался съ толпой посредственныхъ актеровъ. С. Т. Аксаковъ, въ своихъ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ», характеризуетъ его, какъ очень добраго человѣка, любящаго свое дѣло, но понимающаго его «только по инстинкту». «Въ душѣ у него, прибавляетъ Аксаковъ, было много чувства и огня» ³⁾).

Конечно, нельзя отрицать, что приблизительно та же характеристика подходила бы и къ его знаменитому сыну. Кокоршкинъ былъ однимъ изъ главныхъ меценатовъ и цѣнителей таланта по отношенію къ старшему Мочалову, но и онъ также говорилъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Аксакову: «Что касается Мочалова, то я не ожидалъ, чтобъ онъ былъ такъ хорошъ въ «Крутогѣ». Вы оставилъ Мочалова

¹⁾ „Репертуаръ русской сцены“. 1839 г., I, „Очеркъ поэзіи драматической“. Н. И. Греча, стр. 9.

²⁾ „Навтеовъ“, 1854, 2, „Московский Вѣстникъ“, стр. 18.

³⁾ Соч. С. Т. Аксакова, IV, 25.

въ двѣнадцатомъ году весьма плохимъ актеромъ, но у него вдругъ открылся талантъ, и онъ сдѣлался любимцемъ публики; талантъ у него точно есть, но искусства, искусства мало»¹⁾). Какое и тутъ сходство въ природѣ и судьбѣ обоихъ артистовъ: старшій Мочаловъ также блистательно проявлялъ свой талантъ только въ гениальныхъ произведеніяхъ, хотя бы, напримѣръ, и въ жалкомъ переводѣ какого-нибудь Кокоскина: уже самая передача названія главнаго лица (Крутонъ, вмѣсто: Мизантропъ; какъ-будто бы главная черта характера Альцеста была—«крутость») даетъ достаточное понятіе объ этомъ переводѣ, который, безъ сомнѣнія, много вредилъ проявленію во всемъ блескѣ таланта Мочалова-отца. Но вотъ еще строки въ «Театральныхъ воспоминаніяхъ» Аксакова, указывающія на большое сходство если не въ степени, то въ характерѣ дарованія обоихъ артистовъ. «Я видѣлъ Мочалова, рассказываетъ Аксаковъ о Мочаловѣ-отцѣ, въ двухъ самыхъ лучшихъ его роляхъ, въ комедіяхъ: «Гваделупскій житель» и «Тонъ моднаго свѣта». Обѣ эти пьесы, теперь давно забытыя, даже и тогда уже сходили съ репертуара и давались очень рѣдко; едва ли не въ послѣдній разъ видѣла ихъ тогда на сценѣ московская публика, и вмѣстѣ съ нею я—въ первый и въ послѣдній разъ. Кокоскинъ, пользуясь сильнымъ авторитетомъ при театрѣ, устроилъ нарочно для меня оба спектакля: ему хотѣлось, чтобы и видѣлъ Мочалова въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ хорошъ безукоризненно, и въ самомъ дѣлѣ Мочаловъ привелъ меня въ изумленіе и восхищеніе. Это было какое-то чудо, превращеніе Мочалова въ другихъ пьесахъ, особенно въ трагедіяхъ, и Мочалова въ «Гваделупскомъ жителѣ» и преимущественно въ «Тонѣ моднаго свѣта», нельзя было признать однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Если бы кто-нибудь видѣлъ Мочалова только въ этихъ двухъ пьесахъ, онъ счелъ бы его за одного изъ первоклассныхъ, великихъ артистовъ, между тѣмъ какъ этотъ же самый актеръ являлся во всѣхъ трагедіяхъ безысключительно, а въ драмахъ и комедіяхъ съ исключеніями—весьма плохимъ актеромъ; у него бывали одушевленные мѣста, но по большей части одушевленіе приходило не кстатѣ, не къ мѣсту, однимъ словомъ: талантъ былъ замѣчательнъ, но отсутствіе всякаго искусства, непониманіе представляемаго лица убивали его талантъ».

Опять большое сходство почти во всемъ, до мелочей: стоитъ только вспомнить неожиданные колоссальные успѣхи Мочалова-сына и горькое разочарованіе въ немъ Панаева, которому С. Т. Аксаковъ хотѣлъ показать во всемъ блескѣ талантъ Мочалова-сына, какъ ему самому когда-то, впрочемъ съ болѣею удачей, показывалъ Кокоскинъ талантъ Мочалова-отца. Причиной гибели таланта Степана Федоровича, какъ

¹⁾ Соч. С. Т. Аксакова, IV, стр. 23

впослѣдствіи и его сына, было то же чрезмѣрное упоеніе неожиданнѣмъ и легкимъ успѣхомъ и, какъ слѣдствіе его, при свойственной обоимъ распущенности—широкій, безобразный разгулъ. О Мочаловѣ-отцѣ Аксаковъ говоритъ далѣе: «У него былъ одинъ пріемъ, всегда блистательно удававшійся ему на московской сценѣ: въ какомъ-нибудь патетическомъ мѣстѣ своей роли бросался онъ на авансцену и съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ огнемъ, вылетающимъ прямо изъ души, скорымъ полушопотомъ проносилъ онъ нѣсколько стиховъ или нѣсколько строкъ прозы, и обыкновенно увлекалъ публику. Въ первый разъ это точно былъ сценическій порывъ, избытокъ вскипѣвшаго чувства, пришедшійся кстати и, по справедливости, восхитившій публику. Мочаловъ, замѣтивъ успѣхъ, сталъ употреблять этотъ пріемъ чаще; сначала тогда только, когда чувствовать приливъ одушевленія, а потомъ уже безъ всякаго прилива и совершенно невпопадъ; но благосклонная и благодарная публика всегда награждала его громкими рукоплесканіями. Это его избаловало; онъ началъ плохо учить новыя роли, забывалъ старыя, излѣнился, загулялъ и началъ постепенно падать во мнѣніи публики» ¹⁾).

Такимъ образомъ, Мочаловъ-отецъ былъ настоящимъ типомъ талантливаго неудачника. При меньшихъ размѣрахъ дарованія и менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, сравнительно съ сыномъ, мы видимъ у него перевѣсъ сценическихъ недостатковъ надъ силой таланта; но задатки у него были уже несомнѣнно тѣ же самыя, какъ и у его гениальнаго сына. Сынъ былъ гораздо счастливѣе отца въ томъ отношеніи, что съ ранняго возраста сталъ развивать свое дарованіе, причемъ онъ съ самаго начала «показывалъ необыкновенный талантъ, бездну огня и чувства» ²⁾). Въ данномъ случаѣ преемственность слѣдуетъ видѣть и въ томъ, что старикъ Мочаловъ, очевидно жившій душой на сценѣ, предназначалъ на то же поприще и дѣтей своихъ: сына и дочь. Такъ однажды, пользуясь правомъ бенефицианта, онъ въ пьесѣ «Эдинъ въ Аѳинахъ», въ которой исполнялъ главную роль, сыну поручилъ роль Полиника, а дочери—Антигоны. Самъ старикъ особеннаго успѣха на этотъ разъ не имѣлъ, но зато дѣти его были приняты съ большимъ восторгомъ, а для сына вскорѣ загорѣлась заря блестящей славы. Сначала, впрочемъ, публику заинтересовала больше сестра будущаго знаменитаго артиста, о которой Н. А. Полевой писалъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, что эта дѣвица «плѣняла Москву, молодая, прелестная собой, хоть и не великая артистка» ³⁾). О братѣ же ея Полевой замѣтилъ только, что на

¹⁾ Соч. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 32.

²⁾ Тамъ же, стр. 33.

³⁾ „Репертуаръ русской сцены“, 1840; 1; стр. 9.

бенефисъ его стараго отца онъ «въ первый разъ увидѣлъ Мочалова въ роли Полиника, гдѣ прежде несносно выкрикивалъ Прусаковъ». По словамъ М. С. Кублицкаго, уже съ этого перваго дебюта игра Мочалова «опредѣлилась рельефно и осталась преобладающею на всю жизнь» ¹⁾. Для характеристики великаго артиста воспользуемся, между прочимъ, статьей этого любителя театра, провѣряя ее другими источниками; она представляетъ для насъ то удобство, что является болѣе или менѣе цѣльнымъ и законченнымъ очеркомъ значенія и дѣятельности нашего величайшаго артиста.

Начнемъ съ наружности, указанія необходимыхъ для сцены природныхъ сценическихъ средствъ Мочалова и его образа жизни, а затѣмъ посмотримъ, какимъ онъ являлся на сценѣ.

Мочаловъ былъ хорошо сложенъ и обладалъ крѣпкой грудью. Фигура его была не сценична, но зато онъ имѣлъ другія капитальныя внѣшнія преимущества передъ большинствомъ другихъ артистовъ, такъ что и его, какъ Каратыгина, можно считать, даже по внѣшнимъ природнымъ даннымъ, какъ бы созданнымъ для сцены. Если Каратыгинъ и выигрывалъ вообще необыкновенно живописной пластикой и эффектностью фигуры и каждаго движенія, то въ распоряженіи Мочалова былъ сильный и гибкій голосъ. Нельзя отрицать, что это условіе также въ высшей степени важно, какъ для декламации, такъ и для игры на сценѣ. Кублицкій разсказываетъ, что однажды онъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ разговора Мочалова съ однимъ юнымъ студентомъ, только что не безъ волненія прочитавшимъ ему какую-то сцену и ожидавшимъ съ трепетомъ приговора. Мочаловъ призналъ въ чтеніи юноши много чувства, но нашелъ его голосъ недостаточно выразительнымъ и сильнымъ, и въ заключеніе растегнулъ жилетъ и показалъ ему на свою грудь. «Тогда мнѣ стало ясно, прибавляетъ Кублицкій, что только съ такою грудью можно воплемъ растерзать слухъ и въ жилахъ у зрителей заморозить кровь» ²⁾. Дѣйствительно, могучая душа Мочалова могла въ полной силѣ выразить себя только при такомъ могучемъ органѣ; иначе возможно ли было бы, чтобы шопотъ его былъ слышенъ совершенно отчетливо во всей залѣ, до верхнихъ галлерей. Не будь у Мочалова крѣпкой груди и чуднаго голоса, безъ сомнѣнія, сила производимаго имъ впечатлѣнія была бы уже не такъ велика. По словамъ Бѣлинскаго, «голосъ Мочалова былъ дивнымъ инструментомъ, въ которомъ заключались всѣ звуки страстей и чувствъ» ³⁾. Что же касается наружности Мочалова, то хотя онъ былъ средняго

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1875, XII, 485 и соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 517.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1875, XII, 493.

³⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 544, и „Русская Старина“, 1836, IV, 191.

роста и немного сутуловать, но у него были прекрасные, выразительные черные глаза и красивая голова, на могучихъ плечахъ. «Лицо его, продолжаетъ Бѣлинскій, было создано для сцены. Красивое и приятное въ спокойномъ состояніи духа, оно было измѣнчиво, подвижно—настоящее зеркало всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ ощущеній, чувствъ и страстей» ¹⁾. Кромѣ того, Мочаловъ въ минуты артистическаго воодушевленія какъ-то вдругъ вырасталъ и становился представительнымъ.

Хотя здѣсь уже имѣла огромное значеніе сила его души, но и при всемъ томъ нельзя отрицать, что искусство и вдохновеніе безспорно нуждаются въ извѣстной опорѣ внѣшнихъ, чисто физическихъ данныхъ. Мочаловъ производилъ сильное впечатлѣніе, когда произносилъ въ «Лирѣ»: «Я король, съ ногъ до головы король!» Въ этотъ моментъ онъ какъ-будто становился выше ростомъ (и онъ дѣйствительно поднимался) и дѣлался чрезвычайно величественнымъ, а въ сценѣ адскаго смѣха, послѣ того, какъ Гамлетъ убѣждается въ истинности своего подозрѣнія насчетъ короля, по словамъ Бѣлинскаго, «въ мгновеніе исчезъ его обыкновенный ростъ: передъ зрителями было какое-то страшное явленіе, которое, при фантастическомъ блескѣ театральнаго освѣщенія, отдѣлялось отъ земли, росло и вытягивалось во все пространство между поломъ и потолкомъ сцены, и колебалось на немъ, какъ зловѣщее привидѣніе» ²⁾.

Таковы были внѣшнія артистическія данныя Мочалова, которымъ придавалъ неотразимую силу и обаяніе жившій въ груди артиста могучій душевный огонь. Но будучи, быть можетъ, величайшимъ сценическимъ гениемъ, какіе только существовали и существуютъ въ Россіи, Мочаловъ далеко не могъ бы сказать про себя, подобно Щепкину и Каратыгину, что онъ не зарывалъ свой талантъ въ землю. Правда, онъ горячо любилъ свое призваніе, причѣмъ особенно почтенно и трогательно было въ немъ то, что онъ не позволялъ себѣ «профанировать своимъ чувствомъ для эффектовъ» ³⁾, но онъ не позаботился о своемъ образованіи и въ своей частной жизни не возвышался надъ унаслѣдованной отъ своихъ предковъ-купцовъ мѣщанско-купеческой обстановкой и средой, изъ которой вырвать его не было никакой возможности. Онъ какъ-будто приросъ къ низменной сферѣ и только въ ней чувствовалъ себя привольно. Внѣ сцены Мочалова можно было представить себѣ въ его скромномъ домашнемъ углу, гдѣ его взглядъ любилъ встрѣчать привычные горшки съ геранью и множество иконъ съ зажженной передъ ними лампадкой, или гдѣ-нибудь въ трактирѣ, въ шумномъ приятель-

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т. XII, стр. 192.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 534.

³⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 503.

скомъ сборищѣ. Мочаловъ былъ даже нѣсколько времени въ университетѣ, но когда призваніе потянуло его на сцену, то онъ уже больше о наукахъ не вспоминалъ. Извѣстенъ разсказъ С. Т. Аксакова объ его неудачныхъ попыткахъ сколько-нибудь образовать Мочалова. Послѣдній былъ тронутъ и искренно благодаренъ за эти добрыя заботы, но толку никакого изъ этого не вышло ¹⁾. Особенно повредила ему, кажется, женитьба на дочери трактирщика и потомъ разводъ съ нею, послѣ котораго онъ сталъ пить запоемъ. Лучшаго случая для того, чтобы подняться, нежели сближеніе съ умнымъ, образованнымъ и въ высокой степени доброжелательнымъ Аксаковымъ, трудно было бы, конечно, и вообразить, но и этимъ счастливымъ случаемъ онъ воспользоваться не сумѣлъ и не могъ.

Противорѣчіе между высокимъ призваніемъ, ставившимъ великаго артиста на недосягаемый пьедесталъ, и горькимъ сознаніемъ своей полной ничтожности въ другихъ отношеніяхъ, заставляло Мочалова избѣгать общества образованныхъ людей, робѣть передъ ними и искать отдыха и забвенія въ толпѣ, передъ которой въ нетрезвомъ видѣ онъ грубо величался, называя себя безъ церемоніи гениемъ и тѣмъ вознаграждая большое самолюбіе за неизбѣжное свое униженіе во всякомъ другомъ кругу и въ другой обстановкѣ. Можетъ быть, это же чувство неловкости за себя было виной совершенной неспособности Мочалова принимать чьи-либо указанія и тѣмъ болѣе слѣдовать самымъ доброжелательнымъ совѣтамъ и руководству. Былъ случай, когда онъ послушался было наставленій С. Т. Аксакова и, тотчасъ схвативъ изъ его словъ сущность дѣла, прочелъ на другой день роль неподражаемо, со всѣми оттѣнками; но, увидѣвъ во время представленія, что публика не понимаетъ его игры, сталъ опять играть по прежнему, и только тогда снова со всѣхъ сторонъ загремѣли рукоплесканія. Между тѣмъ Мочаловъ любилъ славу и почерпалъ въ рукоплесканіяхъ бодрость и силу вдохновенія; тутъ, на рампѣ онъ чувствовалъ себя царемъ и забывался въ высокомъ восторженномъ упоеніи. Въ собственныхъ глазахъ Мочаловъ былъ попеременно то исполиномъ, то пигмеемъ, и это не могло не отражаться на его игрѣ. Стоило Мочалову выйти за волшебную черту, отдѣлявшую для него отъ царства сцены будничную, обыденную жизнь,—что случалось съ нимъ иногда почему нибудь даже во время представленія,—и онъ неудержимо падалъ до уровня посредственности. Однажды Шаховской опоздалъ въ театръ, когда шла его пьеса «Пустодомы», и Мочаловъ, играя, «спустя рукава», былъ, что называется, въ ударѣ, такъ что вызвалъ въ авторѣ бурныя проявленія восторга. Шаховской едва не бросился передъ нимъ на колѣни; онъ обнималъ, цѣловалъ въ голову удивленнаго, недовольнаго

¹⁾ Сочиненія Аксакова, т. IV, стр. 61 - 63 и 107.

собой Мочалова и дрожащимъ отъ радости голосомъ говорилъ: «Талья! какой Талья! Талья въ слуги тебѣ не годится: ты былъ сегодня Богъ!» ¹⁾ Но зато въ другой разъ, когда для какого-то почетнаго гостя Мочалову нужно было блеснуть талантомъ, такъ какъ Шаховской хотѣлъ непременно похвастаться его игрой, Мочаловъ началъ стараться и тѣмъ совершенно испортилъ дѣло. На бѣду Шаховскому представилось, что весь неуспѣхъ произошелъ отъ замѣны въ одной роли артиста Ширяева новымъ актеромъ Максимымъ. Досада его была безгранична, такъ что каждое слово и движеніе Максима Шаховской осыпалъ бранью и проклятіями. Наконецъ князь совершенно вышелъ изъ себя, и когда Максимъ подошелъ поближе къ директорской ложѣ, то Шаховской, будучи уже не въ состояніи говорить отъ сильнаго гнѣва, началъ высовываться изъ ложи и языкомъ дразнить бѣднаго актера. Кокоскинъ, схвативъ его за руки, усадилъ въ кресло, въ глубинѣ ложи, и умилненнымъ голосомъ произнесъ: «Помилуй, князь! чтѣ ты дѣлаешь. За что ты его обижаешь и конфузишь!? Вѣдь онъ прекраснѣйшій человекъ!»— «Федоль Федольчъ, бормоталъ, дрожа объ бѣшенства, не поминившій себя Шаховской. Я ладъ, что онъ плекласнѣйшій, добродѣтельнѣйшій человекъ, пусть онъ будетъ святой—я ладъ его въ святцы записать, молиться ему стану, свѣчку поставлю, молебень отслужу, да на сцену то его, лазбойника, не пускайте» ²⁾. Какъ всѣ любители театра, Шаховской, Аксаковъ, Загоскинъ, не говоря уже о Бѣлинскомъ, горячо любили Мочалова и готовы были прощать ему всѣ недостатки и иногда совершенно плохую игру за тѣ великіе моменты наслажденія, которыхъ никогда не удастся испытать, можетъ быть, длинному ряду другихъ поколѣній и которыми такъ щедро дарилъ современниковъ Мочаловъ.

О князь Шаховскомъ Кублицкій выражается въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ до того любилъ гениальнаго артиста, что ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ ³⁾. Да и вся Москва любила Мочалова. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходилось убѣждаться, что талантъ его капризенъ и что надо терпѣливо ждать, когда артиста озаритъ вдохновеніе. Шаховской, проученный нѣсколькими неудачными опытами, пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что такъ какъ Мочаловъ гений по инстинкту, то надо его просить только, чтобы онъ не старался: «попалъ, такъ выйдетъ чудо, а не попалъ, выйдетъ дрянь» ⁴⁾. Бѣлинскій называлъ только двѣ пьесы, въ которыхъ Мочалову удавалось выдержать роль до конца: именно роль Яромира въ «Прароди-

¹⁾ Аксаковъ, т. IV, стр. 79.

²⁾ Соч. Аксакова, т. IV, стр. 79—80

³⁾ „Русскій Архивъ“, 1875, XII, стр. 493.

⁴⁾ Соч. Аксакова, т. IV, стр. 68.

тельницѣ» и заглавную роль въ «Тассѣ» Кукольника, ¹⁾ а также, по его словамъ, Мочаловъ былъ замѣчательно хорошъ въ роли Мейнау въ пьесѣ Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Но бывали цѣлыя полосы въ артистической дѣятельности Мочалова, когда онъ не выдавался особенно по совершенной неспособности не только вдохновляться, но хоть бы сносно играть доставшіяся ему безжизненные ложно-классическія и другія фальшивыя роли. Зато роли Мочаловъ училъ всегда твердо ²⁾ и, если онѣ сколько-нибудь затрогивали его душу, то съ успѣхомъ выходилъ онъ изъ самыхъ трудныхъ положеній. Въ пьесѣ «Школа супруговъ», въ которой Шаховской ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допускать пропусковъ, онъ съ такимъ мастерствомъ прочелъ монологъ въ семь страницъ, что именно въ этомъ-то трудномъ и рискованномъ мѣстѣ и вызвалъ самое восторженное одобреніе публики ³⁾.

Но особенно превосходенъ былъ Мочаловъ въ тѣхъ мѣстахъ ролей, гдѣ на долю его выпадало выразить глубокую мысль или сильное чувство. Какъ въ декламаци, такъ и въ игрѣ на сценѣ всего труднѣе воодушевленное и осмысленное исполненіе именно такихъ мѣстъ, но зато они-то наиболѣе и способны возбуждать въ зрителяхъ энтузіазмъ. И здѣсь лучше всего узнается гений. Нельзя было предвидѣть заранѣе, гдѣ именно съ особенной силой проявится вдохновеніе Мочалова, сколько бы разъ ни смотрѣть его въ одной и той же роли, потому что въ его игрѣ не было ничего размѣренного и строго опредѣленнаго; но случиться это могло только тамъ, гдѣ была дѣйствительно искра поэзіи. Въ такихъ случаяхъ артистъ всю душу влагалъ въ какое-нибудь восклицаніе или монологъ и неожиданно для самого себя давалъ переживать многое, чего не могли и предчувствовать зрители, знакомые съ пьесой въ чтеніи. Такъ въ Ромео, когда восторженный юноша объявляетъ монаху, что онъ можетъ дышать только тѣмъ воздухомъ, какимъ дышетъ Джульета, Мочаловъ съ необыкновеннымъ чувствомъ произносилъ: «Старикъ, ты не поймешь меня!» Въ роли Лира Мочаловъ возвышался до потрясающаго трагизма въ словахъ: «собака живетъ, лошадь живетъ, а въ тебѣ нѣтъ дыханія жизни!» и производилъ глубокое впечатлѣніе въ одной изъ предъидущихъ сценъ, въ тотъ моментъ, когда Лиръ начинаетъ приходить въ себя и узнаетъ Корделію; здѣсь онъ проявлялъ такую горячую и страстную нѣжность, бросааясь передъ дочерью на колѣни и цѣлуя ее, принимался даже сосать ея

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. 1, стр. 502.

²⁾ Недавно въ бесѣдѣ съ нашимъ извѣстнымъ и почтеннымъ драматургомъ, Н. А. Чаевымъ, мы имѣли случай слышать отъ него энергичное подтвержденіе этого факта, тогда, какъ и теперь, въ печати высказывается иногда мнѣніе противоположное, безусловно незырное.

³⁾ Соч. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 86.

слезы, что иллюзія была полная. Не менѣе искусно передавалъ онъ чувства Ричарда III въ той сценѣ, гдѣ послѣдній притворно отказывается принять корону. Въ этомъ мѣстѣ, по словамъ Кублицкаго, у него «игра фیزیономіи была замѣчательна: у него въ этотъ моментъ было два лица: одно для представителей парламента, другое для публики» ¹⁾. «Кромѣ того, говоритъ Кублицкій, несмотря на то, что битвы наполнялись десяткомъ статистовъ, которые очень дурно дрались старыми шпаженками» и «все дѣлалось для того, чтобы отнять всякую иллюзію у зрителя и расхолодить его»,—только-что раздавался еще за сценой крикъ Ричарда: «коня, коня, все царство за коня!» какъ все измѣнялось. Мочаловъ вбѣгалъ на сцену усталый, растерянный; правая рука крѣпко сжимала рукоятку меча; ноги его путались, какъ будто шли по неровному полю... онъ приносилъ съ собою всю бурю брани, весь ужасъ пораженія. Зритель чувствовалъ, что въ эту минуту королю дороже всего конь. Онъ утомленъ, онъ хромъ, армія его разбита; королю нужнѣе всего убѣжать съ поля битвы. На другой день онъ способенъ отомстить за пораженіе десятками побѣдъ; но теперь ему нуженъ только конь» ²⁾. Въ «Отелло», по мнѣнію Кублицкаго, Мочаловъ былъ выше Ольриджа: его первый выходъ былъ не такъ ходулень (разсказъ въ сенатѣ у Ольриджа отличался какою-то особою, чрезмѣрной торжественностью), повѣсть о своей любви въ сенатѣ нашъ артистъ передалъ съ выраженіемъ особенной нѣжности къ Дездемонѣ, хорошъ былъ также проникнутый грустью монологъ прощанія со всѣмъ, что было когда то дорого мавру, и наконецъ въ сценѣ убійства вмѣсто безжалостной кровожадности Ольриджа Мочаловъ выражалъ какое-то колебаніе, показывая тѣмъ, что въ душѣ его еще оставалась искра состраданія къ горячо любимой прежде женѣ.

Но въ послѣднемъ случаѣ отзывъ Кублицкаго встрѣчаетъ въ насъ уже нѣкоторое недоумѣніе по рѣшительному противорѣчію съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Великій критикъ въ своей оцѣнкѣ игры Мочалова въ роли Отелло, какъ извѣстно, кромѣ общаго потрясающаго впечатлѣнія оти- тилъ много достоинствъ въ исполненіи пятаго акта, но указывалъ на проявленіе нѣжнаго чувства любви къ Дездемонѣ, боровшагося въ его груди съ гигантской ненавистью къ ней, уже послѣ убійства ея, когда всѣмъ казалось, что онъ какъ будто ждалъ чуда воскресенія. Но сцену въ сенатѣ и сцену прощанія со всѣмъ дорогимъ въ жизни Бѣлинскій не одобрялъ. Такое разнорѣчіе могло быть или обычнымъ слѣдствіемъ неровности игры Мочалова, или же служить доказательствомъ трудности полвой характеристики всѣхъ гениальныхъ красотъ ея.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1875, т. XII, стр. 488.

²⁾ Тамъ же.

Трагическому артисту нѣрѣдко приходится умирать на сценѣ, являться и самому убійцей. По этому поводу Кублицій сообщаетъ: «Падаль Мочаловъ, какъ падать умѣютъ немногіе, и онъ эти паденія умѣлъ разобразить. Онъ падаль на спину мгновенно, какъ бы подкошенный; онъ подчасъ медленно валился на полъ; онъ умѣлъ падать въ судорогахъ, какъ, напримѣръ, въ «Отелло».

Въ мелодрамѣ «Тридцать лѣтъ изъ жизни игрока» игра Мочалова, по воспоминаніямъ Галахова, «держала всѣхъ и cadaго постоянно въ напряженномъ состояніи духа». Особенно выдавалось здѣсь то мѣсто, гдѣ онъ судорожно, со страшной улыбкой, съ искаженнымъ лицомъ, обтираетъ на рукавахъ кровь, замѣченную его дочерью. Въ роли Фердинанда поразилъ Галахова забываемой выразительностью тонъ словъ его несправедливо подозрѣваемой Луизѣ: «не можетъ быть! ты сказала это изъ боязни, оттого, что я допрашивалъ тебя рѣзко... Это неправда... Если же это правда... то солги мнѣ». Въ пьесѣ Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» нельзя было слышать безъ содраганія двухъ непосредственно слѣдовавшихъ одно за другимъ восклицаній, выразившихъ въ Ляпуновѣ мучительную борьбу надежды на спасеніе Россіи съ отчаяніемъ въ немъ. Въ пьесѣ Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаянье» Мочаловъ въ сценѣ встрѣчи съ другомъ и въ разсказѣ о своемъ несчастіи заставлялъ плакать навзрыдь... Тѣмъ страннѣе и досаднѣе было, когда такой могучій талантъ неожиданно обрывался и терялъ свою силу; такъ, когда настало время пріѣзда супруговъ Каратыгиныхъ въ Москву, онъ въ роли Мортимера вмѣсто юноши явился пожилымъ человѣкомъ и игралъ очень нехорошо, хотя изрѣдка въ его игрѣ и прорывался огонь и такое бурное воодушевленіе, которое заразительно и неудержимо увлекало зрителей.

Прошли годы и десятки лѣтъ, но свидѣтели полного торжества генія и славы Мочалова не могутъ и теперь забыть его необыкновенной игры; споры объ его артистическомъ дарованіи, осужденіе его недостатковъ уже давно замолкли, а благодарная память о немъ еще жива у многихъ. Самое важное то, что воспоминанія о Мочаловѣ, для свидѣтелей его славной дѣятельности, являлись и являются вовсе не безразличнымъ архивнымъ фактомъ, но самымъ заветнымъ, самымъ дорогимъ украшеніемъ сокровищъ пережитаго. Подводя жизненный итогъ почти на порогѣ смерти и часто, можетъ быть, вынося изъ этого пересмотра горькое и неутѣшительное чувство, старики, видѣвшіе этого дивнаго артиста, не могутъ не признавать, что имъ все-таки есть чтѣ вспомнить, что есть многое, въ чемъ имъ смѣло могутъ завидовать позднѣйшія поколѣнія. Такія воспоминанія о Мочаловѣ, безъ сомнѣнія, многимъ и теперь случается слышать. Но мы позволимъ себѣ привести здѣсь слѣдующія задушевные строки о Мочаловѣ покойнаго А. Д. Га-

*

лахова: «Мнѣ трудно говорить о немъ равнодушно. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ, но и теперь, несмотря на преклонность моихъ лѣтъ, при малѣйшемъ воспоминаніи объ игрѣ его въ тѣхъ или другихъ пьесахъ душа моя снова испытываетъ тѣ мощныя и сладостныя впечатлѣнія, которыя онъ возбуждалъ въ зрителяхъ. Къ этому наслажденію прошлымъ примѣшивается и сожалѣніе о молодыхъ людяхъ настоящаго времени, лишенныхъ возможности запасаться сильными и благодатными ощущеніями высокаго трагизма. Увы, нѣтъ болѣе русскихъ трагиковъ, нѣтъ болѣе трагедій на русской сценѣ! Это—великій пробѣлъ въ артистическомъ образованіи нашемъ!» ¹⁾ И многіе сохранили самую чистую и свѣтлую память о благородномъ артистѣ, пробуждавшемъ въ ихъ душѣ лучшія человѣческія чувства; есть люди, для которыхъ память о Мочаловѣ священна, какъ память объ истинномъ другѣ и честномъ наставникѣ. Человѣкъ съ позорной слабостью и необразованный, Мочаловъ, однако, вполне заслуживаетъ названія учителя по отношенію къ современному московскому обществу, такъ какъ силой своего генія онъ умѣлъ растолковать самымъ ученымъ многое въ бездонной глубинѣ творчества одного изъ величайшихъ представителей всемірной литературы.

II.

Отношенія публики къ артисту такого замѣчательнаго сценическаго дарованія, какъ Мочаловъ, представляютъ несомнѣнный культурный интересъ, показывая наглядно уровень художественнаго и литературнаго развитія большинства въ данный историческій моментъ. Если признаніе геніальности Щелкина произошло сравнительно легко и скоро, то здѣсь, кромѣ огромнаго дарованія, значеніе имѣла, конечно, необыкновенная, образцовая добросовѣстность этого артиста въ отношеніи къ своему призванію и неусыпная забота объ усовершенствованіи своего таланта. Совѣмъ иначе было съ Мочаловымъ, который крайне неровнымъ исполненіемъ даже лучшихъ своихъ ролей ставилъ иногда въ тупикъ вполне образованныхъ и доброжелательныхъ судей. Толпа, которая всегда скоро привыкаетъ къ общепризнаннымъ авторитетамъ, не возбуждающимъ разнорѣчивыхъ толковъ, какъ извѣстно, бываетъ крайне опрометчива, когда, оставшись безъ надежнаго руководства, рѣшается высказывать приговоры на собственный страхъ. Въ этихъ

¹⁾ „Русская Старина“, 1886, IV, 190—191

случаяхъ кромѣ шаткой эстетической оцѣнки игры отдѣльнаго артиста мы имѣемъ дѣло обыкновенно и съ вліяніемъ господствующихъ теоретическихъ убѣжденій, совершенно такъ же, какъ въ литературѣ при появленіи новаго оригинальнаго таланта.

Чтобы понять всю естественность колебаній публики въ оцѣнкѣ Мочалова, кромѣ всѣмъ извѣстной необработанности его дарованій, необходимо принять во вниманіе и современные литературные вкусы. Не надо забывать, что блестящая пора сценической дѣятельности этого артиста совпала съ той литературной эпохой, которая, едва покончивъ съ пресловутой борьбой псевдоклассицизма и романтизма, еще весьма недовѣрчиво присматривалась къ успѣхамъ только-что зарождавшейся натуральной школы. Бѣлинскому, блистательному истолкователю генія Мочалова, приходилось въ то же время разъяснять значеніе произведеній и въ частности комедій Гоголя и мужественно возвышать свой голосъ противъ слѣпаго и упornaго преклоненія толпы передъ драматическими издѣліями Кукольника, Полеваго и Ободовскаго. Такимъ образомъ и здѣсь постепенные успѣхи и торжество реального направленія громко свидѣтельствовали о ростѣ общественнаго прогресса. Поэтому намъ кажется вполне умѣстнымъ прослѣдить колебанія въ критической оцѣнкѣ Мочалова и Каратыгина I, насколько они отразились въ единственномъ органѣ печати конца 30-хъ и сороковыхъ годовъ, который правильно заносилъ на свои страницы отзывы не только о всѣхъ сколько-нибудь выдающихся, но часто даже и вполне заурядныхъ явленіяхъ тогдашней сцены,—въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ».

Обычай сравнивать Мочалова съ Каратыгинимъ установился, по-видимому, случайно и вслѣдствіе внѣшней причины, но на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ глубокое основаніе въ борьбѣ двухъ театральныхъ эпохъ: отживавшей и нарождавшейся, и оттого эти споры были такъ продолжительны и представляли такой живой, захватывающій интересъ. Страстное соперничество обѣихъ столицъ играло здѣсь только роль бурнаго вихря, раздувавшаго и безъ того сильно разбушевавшійся пожаръ. Мочаловъ, какъ артистъ, способный бурными вспышками вдохновенной игры мгновенно потрясать до глубины души тысячи жителей и зажигать въ нихъ искры горячаго, благороднаго энтузіазма, и какъ актеръ трагическій естественно выдвигался на первый планъ и невольно заставлялъ думать о сравненіи его съ Каратыгинимъ, получившимъ давно репутацію недосягаемаго колоссальнаго величія въ области драматическаго искусства. Какъ неострашимое обаяніе игры гениальнаго московскаго артиста въ минуты вдохновенія, такъ и его ярко бросающіеся недостатки въ другое время были причиной жгучаго обостренія возбужденныхъ имъ споровъ. Поэтому не Щенкину, истинному представителю и главѣ натуральной школы на поприщѣ сценическаго иску-

ства, но именно Мочалову суждено было держать знамя въ рѣшительной схваткѣ двухъ враждебныхъ направленій. Притомъ Щепкинъ, хотя и пользовался единодушнымъ признаніемъ въ обѣихъ столицахъ и во всей Россіи, но по характеру своего амбуа могъ одно время по недоразумѣнію считаться даже совмѣстникомъ, а не соперникомъ Каратыгина. При сравненіи же послѣдняго съ Мочаловымъ сущность дѣла сразу обозначалась какъ нельзя яснѣе и никакое недоразумѣніе не было уже возможно.

Мы говорили, что по особенностямъ своего дарованія Мочаловъ былъ способенъ временами даже отступать на второй планъ, чтобы тѣмъ ярче поразить потомъ чуднымъ блескомъ и сіяніемъ своего генія. Такъ именно передъ самымъ апогеемъ его сценическаго торжества талантъ его сталъ какъ будто неудержимо блекнуть и падать. Конечно, и самъ обладатель его не могъ подозрѣвать, что онъ былъ накануне своей величайшей славы, что въ самое короткое время онъ выростетъ до соперничества съ Каратыгинымъ, а наконецъ и до несомнѣннаго торжества надъ нимъ. Достаточно припомнить относящіяся сюда факты, чтобы убѣдиться въ величайшей геніальности этого артиста. Извѣстно, какой необыкновенной силой отличается косность взглядовъ толпы, а потому, по нашему мнѣнію, удивительно вовсе не упорство защитниковъ Каратыгина, а напротивъ—тотъ великій и почти мгновенный переворотъ въ сужденіяхъ о Мочаловѣ, который былъ произведенъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, его первыми представленіями «Гамлета» на сценѣ Петровскаго театра. Мочаловъ, какъ волшебникъ, какъ властный чародѣй, сразу завоевалъ себѣ безпредѣльное поклоненіе—и это уже несомнѣнная черта генія. Бѣлинскій явился, правда, великимъ и достойнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія; но восторгъ, возбужденный игрой Мочалова и прежде его знаменитой статьи, былъ общій и очарованіе неотразимое. Едва ли даже самому Щепкину удавалось дарить публикѣ когда-нибудь такіа святая минуты истинно высокаго художественнаго наслажденія! Мочаловъ показалъ себя вдругъ исполномъ и оставилъ надолго въ преданіяхъ сцены смутное представленіе о томъ, до какого волшебнаго очарованія можетъ возвыситься и какъ можетъ увлечь за собой массу зрителей истинный артистъ, являющійся яркимъ маякомъ цѣлаго ряда поколѣній, до слѣдующаго колоссальнаго генія. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ поразительномъ успѣхѣ знаменитаго трагика Бѣлинскій: «Мочаловъ все падать и падать во мнѣніи публики, и наконецъ сдѣлался для нея какимъ-то пріятнымъ воспоминаніемъ, и то сомнительнымъ.... Публика забыла своего идола, тѣмъ болѣе, что ей представился другой идолъ—изваянный, живописный, граціозный, всегда равный, всегда находчивый, всегда готовый изумлять ее новыми, неожиданными и смѣлыми карти-

нами и рисующимися положеніями... Публика увидѣла въ своемъ новомъ идолѣ не горделиваго властелина, который даетъ ей законы и увлекаетъ ея зыбкую волю своей могучей волею, но льстиваго услужника, который за мгновенный успѣхъ ея легкомысленныхъ рукоплесканий и кликовъ старался угадывать ея вѣтренныя прихоти» ¹⁾). Даже Бѣлинскій шелъ на знаменательный бенефисъ Мочалова съ затаеннымъ страхомъ и съ довольно смутной надеждой на возрожденіе великаго гения; по его собственному признанію, для него представленіе «Гамлета» должно было рѣшить окончательно, «что такое Мочаловъ, и можно ли еще публикѣ посѣщать Петровскій театръ, когда на немъ дается драма» ²⁾). Въ то время, казалось, не могло быть и мысли объ артистическомъ состязаніи Мочалова съ Каратыгинымъ. Если прежде казалось возможнымъ инымъ такое сравненіе между этими артистами, то только немногимъ; и во всякомъ случаѣ Бѣлинскій первый за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ открыто и смѣло сталъ на сторону Мочалова, заявивъ съ своей обычной прямотой: «у насъ два трагическихъ актера: г. Мочаловъ и г. Каратыгинъ». Эти слова были напечатаны въ «Молвѣ» въ 1835 г., причемъ Бѣлинскій тутъ же и предполагаетъ слѣдующее возраженіе себѣ: «Какое невѣжество! Каратыгинъ и Мочаловъ—fi don! Можно ли помнить о Мочаловѣ, говоря о Каратыгинѣ», и немного ниже продолжаетъ: «Что г. Мочаловъ талантъ низкій, односторонній, а г. Каратыгинъ актеръ съ талантомъ всеобъемлющимъ, Гете сценическаго искусства, такъ думаетъ большая часть нашей публики,—большая часть, но не всѣ, и я принадлежу къ малому числу этихъ не всѣхъ» ³⁾). Тогда, слѣдовательно, Бѣлинскій впервые выступилъ смѣлымъ выразителемъ только-что зарождавшагося новаго образа сужденій о достоинствахъ обоихъ этихъ сценическихъ дѣятелей. Съ свойственнымъ ему увлеченіемъ онъ правдиво, но какъ-то сначала усиленно и съ особой горячностью, подчеркивалъ слабыя стороны таланта Каратыгина, стараясь объяснить публикѣ ея собственное еще бессознательное, но уже достаточно обозначавшееся охлажденіе къ знаменитому гастролеру. О Мочаловѣ же онъ говорилъ, что послѣдній, «часто дурно понимая и дурно исполняя цѣлую роль, бываетъ превосходенъ, неподражаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оной, когда и на него находятъ свыше гения вдохновенія», и что зато надо «ловить эти немногія мѣста и благодарить художника за нѣсколько глубокихъ потрясеній, за нѣсколько сладкихъ минутъ восторга, память о которыхъ долго, долго носится въ душѣ» ⁴⁾). Намъ известно

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 516.

²⁾ Тамъ же, стр. 518.

³⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 502 и 503

⁴⁾ Тамъ же, стр. 503.

что и до знаменитыхъ представлений Мочалова въ роли Гамлета, обомимъ трагикамъ приходилось встрѣчаться на одинаковыхъ роляхъ на той же сценѣ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, гдѣ Мочаловъ былъ на гастроляхъ въ 1834 г.; ¹⁾ но въ то время какъ въ «Отелло» Мочаловъ вообще плохо выдержалъ «цѣлость роли», хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заставилъ Бѣлинскаго забытья отъ восторга до того, что онъ «потерялъ свое мѣсто и не помнилъ и не зналъ, гдѣ онъ и чтѣ онъ; внезапно всѣ предметы, всѣ идеи, весь міръ и самъ онъ слилось въ что-то неопредѣленное»—²⁾, но въ общемъ былъ неудовлетворителенъ благодаря безобразной передѣлкѣ этой пьесы у Дюсиса,—Каратыгинъ, напротивъ, имѣя счастливую возможность исполнять по хорошему переводу Шекспировской пьесы, «пересаливалъ», и требовалъ характернаго для него отступленія отъ роли въ словахъ Отелло: «Крови я жажду» ³⁾. Каратыгину казалось необходимымъ ради эффекта слово «крови» повторить еще разъ.

Сравненіе Мочалова и Каратыгина, намѣченное впервые, кажется, Бѣлинскимъ, вполне сохраняя свое значеніе по существу дѣла, представлялось большинству невѣроятнымъ, и послѣ гастролей Каратыгина въ Москвѣ «раздались со всѣхъ сторонъ холодные возгласы: Мочаловъ—мѣщанскій актеръ; чтѣ-за средства, чтѣ-за ростъ, чтѣ-за манеры, чтѣ-за фигура и тому подобныя» ⁴⁾. И такъ судила не пристрастная петербургская публика, а московская, любимцемъ которой не безъ извѣстнаго основанія давно уже считался Мочаловъ. При такихъ условіяхъ понятны слова Бѣлинскаго: «торжество Мочалова было бы нашимъ торжествомъ, его послѣднее паденіе было бы нашимъ паденіемъ» ⁵⁾, да и самъ Бѣлинскій уже начиналъ смотрѣть на дарованіе Мочалова, «какъ на сильное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нисколько не развитое, а вслѣдствіе этого искаженное, обезсиленное и погибшее для всякой будущности» ⁶⁾.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“ Вольфа, т. I, стр. 35.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 509.

³⁾ „Литературныя воспоминанія“ Панаева, стр. 76 и „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“ Вольфа, т. I, стр. 51.

⁴⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 516.

⁵⁾ Тамъ же, т. II, стр. 517.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 515.

И. Ф. ГОРБУНОВЪ

„О НѢКОТОРОМЪ ЗАЙЦѢ“.

I.

Изсказы И. Ф. Горбунова, его живыя картины русской жизни, общественныя нравы московскаго захолустья и прочія бытовыя сцены навсегда останутся въ памяти его слушателей. Но, помимо этихъ чисто художественныхъ произведеній, покойный Иванъ Федоровичъ былъ необыкновенно интересенъ въ своихъ воспоминаніяхъ о людяхъ прошлой эпохи, писателяхъ и артистахъ по преимуществу, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ жизни. Обладая богатою памятью и умѣньемъ въ яркихъ образахъ воссоздавать прошлое, онъ изображалъ, бывало, сохраняя при этомъ интонацію, цѣлыя сцены и разговоры съ давно умершими людьми.

Въ такія минуты Иванъ Федоровичъ былъ неподражаемъ. Многое къ сожалѣнію изъ всего слышаннаго не сохранилось въ памяти. Быть можетъ дневникъ покойнаго, который онъ велъ и который, повидимому, готовится къ печати, дастъ возможность подробно ознакомиться именно съ этими воспоминаніями, но, безъ всякаго сомнѣнія, яркое воссозданіе минувшаго самимъ Иваномъ Федоровичемъ въ живомъ его разсказѣ не можетъ равняться съ письменной записью. Воспоминанія объ Островскомъ, кружкѣ молодого Москвитянина, Герценъ, Некрасовъ, Писемскомъ, московскихъ артистахъ Малаго театра, вызывались въ памяти Ивана Федоровича и производили на слушающихъ неотразимое впечатлѣніе воскрешенія людей, уже давно сошедшихъ со сцены. Ярко рисовалась суровая и смѣшная фигура графа Закревскаго.

По всей вѣроятности многое изъ всѣхъ этихъ историческихъ воспоминаній осталось нигдѣ незаписаннымъ. Было бы поэтому чрезвычайно интересно, если бы всѣ знавшіе покойнаго Ивана Федоровича могли бы припомнить и записать все слышанное отъ него о старомъ времени. Что касается пишущаго эти строки, то онъ не разъ собирался занести на бумагу иногда брошенное вскользь слово, мѣткую характеристику, цѣлую картинку, освѣщающую прошедшее, но привести въ исполненіе это намѣреніе какъ-то не удавалось. Теперь, конечно, когда впечатлѣнія уже успѣли нѣсколько изгладиться, а нѣкоторыя и вовсе исчезнуть, сдѣлать это труднѣе. Въ памяти цѣлы только весьма немногіе отрывочные клочки... но, можетъ быть, и они не лишены интереса. Вотъ одинъ отрывокъ изъ воспоминаній Горбунова, слышанный отъ него лично.

Путешествуя за границей, Горбуновъ, будучи въ Лондонѣ, посѣтилъ жившаго тамъ писателя-эмигранта. Герценъ поразилъ Ивана Федоровича силою своего таланта и степенью того «дьявольскаго остроумія», которымъ, по словамъ Горбунова, отличался. Въ свою очередь и Горбуновъ послѣ двухъ, трехъ рассказовъ завоевалъ всѣ симпатіи Герцена. Послѣдній пришелъ въ неописанный восторгъ, горячо обнялъ Горбунова и разцѣловалъ его. По рассказу Горбунова, Герценъ, разставаясь, подарилъ ему свою фотографическую карточку, снятую вмѣстѣ съ Огаревымъ, на которой надписалъ: «alter ego», но Иванъ Федоровичъ сожалѣлъ, что карточка эта куда то затерялась. Во время бесѣды разговоръ вращался вокругъ темы о готовившемся освобожденіи крестьянъ. Носились слухи о будто бы безземельномъ освобожденіи, которые не могли не волновать Герцена. Горбуновъ, между прочимъ, передавалъ такую сцену, которой былъ свидѣтелемъ: Герценъ стоялъ около стола и, посреди разговора, вдругъ съ размаху ударилъ кулакомъ о крышку его и воскликнулъ: «Нѣтъ! крестьяне будутъ освобождены... и съ землей!»

Много воспоминаній приводилъ Иванъ Федоровичъ о Некрасовѣ. У него былъ цѣлый рядъ рассказовъ объ охотахъ съ поэтомъ, какъ известно, страстнымъ охотникомъ. Облавы на медвѣдей и лосей, дорожные эпизоды, происшествія на привалахъ и ночевкахъ, словомъ, цѣлая вереница образовъ, сценъ, шутокъ, разговоровъ, пейзажей... Однажды оба охотника стояли на лосиномъ кругу. Охота была, повидимому, неудачна. Лоси, казалось, вышли изъ круга, ибо загонщики уже приближались и мѣстами выходили. Некрасовъ пересталъ ждать и крикнулъ съ своего номера: «А что, не приложиться-ли къ мадерѣ?» Только что, тронутый доводами товарища, Иванъ Федоровичъ сталъ приводить въ дѣйствіе предложеніе, какъ показалась голова лося. Горбуновъ бросаетъ фляжки, быстро вскидываетъ штуцеръ, стрѣляетъ «какъ по бекасу». Раздается выстрѣлъ... Лось падаетъ... Подбѣгаютъ... Лосиха! Въ другой разъ, послѣ одной охоты, расположились на привалѣ. Стали готовить

обѣдъ. Иванъ Федоровичъ, по обыкновенію, какъ знатокъ дѣла, возился около кухни. Обѣдъ что то долго не поспѣвалъ и прочіе охотники стали торопить. Некрасовъ крикнулъ:

— Ну, Ванюша, поскорѣе!

Одинъ изъ стоявшихъ рядомъ загонщиковъ, желая услужить, подбѣжалъ къ Горбунову и тономъ приказанія сказалъ ему:

— Слышь, Ванька, поживѣе, вишь господу требуютъ.

Много еще охотничьихъ воспомнаній было у Ивана Федоровича, но вотъ сцена, имѣющая историческій интересъ.

Въ Петербургѣ послѣ литературной вечеринки, на которой читалось вслухъ одно изъ только что вышедшихъ произведеній Л. Н. Толстого, поздно вечеромъ, Горбуновъ возвращался домой вмѣстѣ съ Писемскимъ. Послѣдній былъ угрюмъ до нельзя и молчалъ. Талантъ Толстого видимо произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Вдругъ Писемскій останавливается у панели и раздраженно произноситъ:

Этотъ всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ, или бросай перо! офицершко всѣхъ заклюеть...

У Ивана Федоровича была страсть къ собиранію старыхъ вещей и къ старымъ памятникамъ литературы, искусства. Извѣстно, что его стараніями, главнымъ образомъ, основался музей-фойе Александринскаго театра. Онъ всегда звалъ посмотреть на это интересное собраніе портретовъ, гравюръ и другихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи русскаго театра. Какъ огорчался онъ равнодушіемъ къ его дѣтищу, и съ какимъ негодованіемъ говорилъ объ этомъ равнодушіи однажды, сидя за столикомъ въ своемъ музеѣ, за кружкой пива.

Въ скоромъ времени должно выйти полное собраніе сочиненій Горбунова, въ которомъ, надо надѣяться, будутъ помѣщены неизданныя еще его произведенія. У Ивана Федоровича была привычка посылать иногда своимъ знакомымъ письма и записки, вызванныя текущею жизнью, но написанныя стариннымъ слогомъ. Таково, на примѣръ, и помѣщаемое ниже дѣло «О нѣкоемъ зайцѣ», вторая часть котораго изложена въ видѣ переписки между митрополитомъ Фотіемъ, княземъ А. Н. Голицынымъ и др. Произведеніе это написано Иваномъ Федоровичемъ въ 1892 году. Поводъ къ написанію «О нѣкоемъ зайцѣ» былъ слѣдующій. Вернувшись однажды съ охоты, по просьбѣ Ивана Федоровича, я отправилъ ему въ видѣ охотничьяго приношенія убитаго зайца. Черезъ нѣсколько дней Иванъ Федоровичъ передалъ мнѣ листокъ бумаги, на которомъ было написано: «на память. И. Горбуновъ, февраль 19-го 1892 года». а затѣмъ слѣдовалъ отвѣтъ:

I.

Minber

Графъ.

Зазаеца благодарствую і тово заеца немепкаеъ на асамблеи с ели і івашку хмельникава многожды неленосно тревожили понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпигусомъ зело чиненъ чаели и животу небыть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшего Кура жывы суці и е здравіи пребываемъ і отомъ поддино вамъ от писываю

Piter.

II.

Фотій—бнязю А. Н. Голицыну.

Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія, въ тоннѣмъ снѣ пребываль и присные мои дали покой очима своима и вѣждама своима дреманіе. И се гласъ нечеловѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку спросить—какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человекъ, подобіемъ міеологическій центавръ, отвѣтствовалъ—яко бы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребываль, подъ камнемъ жылъ (писано бо есть: «камень прибѣжище зайцемъ») и кормилъ я его рукама своима, и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досіею рясу, подаренную Анной ¹⁾, изорвала. Защити, другъ великій.

III.

Князь А. Н. Голицынъ—Фотію.

На письмо вашего высокопреподобія имѣю честь отвѣтствовать, что я не преминулъ написать новгородскому губернатору о семъ крайне огорчившемъ меня происшествіи. Очень грущу, что нарушили ваше безмолвіе, необходимое для спасенія души, но врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и несть иже укрыется отъ него, а я

Есмь и пр.

¹⁾ Известной графиней Анной Орловой-Чесменской.

IV.

Новгородскій губернаторъ—князю А. Н. Голицыну.

На письмо вашего сіятельства высокопочтительнѣйше имѣю честь отвѣтствовать, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ вышеупомянутаго зайца затравили дворовые люди его сіятельства, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны¹⁾, для ея стола и сдали его повару Порфирію. Они же застрѣлили въ Волховѣ трехъ частныхъ гусей, принадлежащихъ села Взгорья діакону Островидову, и, разложивъ въ полѣ огонь изжарили и съѣли крестьянскую овцу, и все то дѣлали именемъ Анастасіи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною поручено исправнику, подъ личной его отвѣтственностью, произвести строжайшее разслѣдованіе.

Съ глубочайшимъ и пр.

V.

Капитанъ-исправникъ—новгородскому губернатору.

Получивъ словесное повелѣніе вашего превосходительства о разслѣдованіи затравленнаго зайца, оный заяцъ, по негласнымъ свѣдѣніямъ и присяжнымъ показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по пойманіи онаго, будетъ доставленъ отцу архимандриту. Касательно гусей, то отецъ-діаконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ.

Первоначальный набросокъ, переданный мнѣ также самимъ авторомъ нѣсколько короче, а потому здѣсь приведена окончательная редакція.

Сообщ. Графъ Павелъ Шереметевъ.

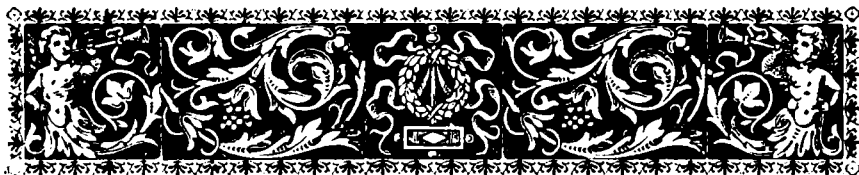
¹⁾ Минкиной, известной фаворитки графа Аракчеева

**Стихотвореніе, написанное въ 1858 года по поводу занятій губер-
скихъ комитетовъ объ освобожденіи крестьянъ.**

Le Comité
 говорятъ,
Des députés
 говорятъ,
На счетъ душъ
 говорятъ,
Поряты чужь
 говорятъ.
Ты—мужланъ
 говорятъ,
Ты болванъ
 говорятъ,
На печи
 говорятъ,
Ты лежи
 говорятъ,
А земли
 говорятъ,
Не проси
 говорятъ.—

Земля.

Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ.

(Матеріалы для его біографіи ¹⁾).

I.

Происхожденіе и юность. — Пребываніе въ Московскомъ университетѣ. — Служба въ Замостьѣ и Ригѣ. — Характеристика общества въ Прибалтійскомъ краѣ. — Основаніе Чешихинимъ „Рижскаго Вѣстника“. — Затрудненія, встрѣчаемыя при его изданіи.

Е. В. Чешихинъ родился 6-го декабря 1824 года въ Оренбургѣ. Отецъ его, аудиторъ, кочевалъ вслѣдъ за полкомъ по всей Россіи. Образованіе онъ получилъ сперва въ Динабургѣ (нынѣ Двинскѣ), въ гимназій, потомъ въ Москвѣ, въ университетѣ, куда поступилъ въ 1843 году на II-е отдѣленіе философскаго факультета (нынѣ математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета). Въ гимназій со среднихъ классовъ и въ университетѣ ему пришлось существовать на заработокъ

¹⁾ Бумаги Евграфа Васильевича Чешихина, основателя и редактора газеты „Рижскій Вѣстникъ“ и автора „Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ“, остались, послѣ везанной кончины его 2-го марта 1888 г., въ большомъ беспорядкѣ. Поглощенный газетнымъ дѣломъ и историческими трудами, этотъ скромный труженникъ не думалъ, чтобы его дѣятельность сама могла когда либо стать предметомъ исторической оцѣнки, и не заботился поэтому ни о тщательномъ сохраненіи переписки, которую ему приходилось вести съ нѣкоторыми замѣчательными личностями, ни о томъ, чтобы сохранить слѣды своей общественной дѣятельности, выразившейся, напримѣръ, въ подачѣ докладныхъ записокъ отъ русскаго рижскаго общества и т. п.

Года три назадъ задумано было въ Ригѣ издать сборникъ писемъ покойнаго и воспоминаній о немъ; было напечатано сообщеніе объ этомъ въ „Рижскомъ Вѣствикѣ“ и „Новомъ Времени“, съ просьбою прислать въ Ригу издателямъ весь матеріалъ, какой найдется у лицъ, имѣвшихъ сношенія съ Е.

отъ частныхъ уроковъ. Всѣмъ извѣстно, какое это было блестящее время въ жизни Московскаго университета: онъ былъ самымъ крупнымъ центромъ умственной жизни тогдашней Россіи. Это было время Го-голя и Бѣлинскаго, время профессорства Грановскаго, время знаменитыхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія кружковъ западниковъ и славянофиловъ. Е. В. Чешихинъ не остался внѣ этихъ вліяній, и всю жизнь былъ мало виднымъ, но глубоко-убѣжденнымъ представителемъ благороднаго стараго московскаго славянофильства 40-хъ и 60-хъ годовъ, горячимъ поклонникомъ А. С. Хомякова, Ю. О. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковыхъ и др.

По окончаніи университета Е. В. Чешихинъ мечталъ о педагогической дѣятельности, но по просьбѣ родителей долженъ былъ поступить на службу, именно бухгалтеромъ въ инженерную команду въ крѣпости Замостье (Царство Польское). Въ этомъ глухомъ углу онъ оставался до 1862 года, когда наканунѣ возстанія былъ переведенъ въ Ригу. Здѣсь онъ увлекся дѣлами и интересами мѣстнаго края, въ то время безусловно обособленнаго отъ остальной Россіи, край съ учрежденіями средне-вѣковаго и феодальнаго характера, и съ глухою затаенною враждою между различными группами населенія.

Съ первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Ригѣ, Е. В. Чешихинъ намѣчаетъ кругъ своей дальнѣйшей дѣятельности. Онъ принимаетъ, напримеръ, дѣятельное участіе въ хлопотахъ со стороны русскаго общества для открытія двухъ русскихъ гимназій (Ломоносовской женской и Александровской мужской). Начало царствованія императора Александра II и празднованіе тысячелѣтія Россіи пробудили въ русскомъ обществѣ Прибалтійскаго края національное самосознаніе; возникаютъ, по образцу нѣмецкихъ ферейновъ, русскія общества и является сознаніе, что мѣст-

В. Чешихинимъ; съ тою же цѣлью посланы были и письма къ тѣмъ, у кого можно было предположить существованіе такого матеріала. Къ сожалѣнію, и газетное воззваніе и письма до сихъ поръ дали весьма мало результатовъ. Къ скудному матеріалу, находившемуся въ самомъ началѣ въ рукахъ нищупаго эти строки, прибавились только одно письмо Е. В. Чешихина къ Ю. О. Самарину, любезно сообщенное его братомъ, Д. О. Самаринимъ, три письма къ А. О. Кони и нѣсколько писемъ къ И. П. Корнилову. Приносимъ искреннюю благодарность названнымъ лицамъ.

Хотѣлось бы надѣяться, что появленіе ниже слѣдующихъ матеріаловъ для характеристики Е. В. Чешихина и его дѣятельности, побудитъ лицъ, имѣвшихъ сношеніе съ нимъ, или наслѣдниковъ ихъ, подѣлиться сохранившимся у нихъ матеріаломъ.

Весь этотъ историко-біографическій матеріалъ, какъ-то: письма Е. В. Чешихина, воспоминанія о немъ, хотя бы самыя краткія и т. п., просятъ адресовать въ Ригу, Стрѣлковая улица, д. 5, кв. 26, на имя Елисаветы Ирадіоновны Чешихиной.

ные остатки средневѣковаго быта и учрежденій должны уступить мѣсто новымъ русскимъ общественнымъ учрежденіямъ и отношеніямъ, какъ болѣе естественнымъ и высокимъ. Прибалтійскій строй покоился на привилегіяхъ нѣмецкаго слоя, распадавшагося на дворянскую (Land) и бюргерскую (Stadt) группы; и русскіе, и латыши были одинаково безправны въ мѣстномъ краѣ. Поэтому съ самаго начала борьба не могла не принять довольно рѣзкой вражды къ нѣмечеству. Но ошибочно было бы думать, что только въ этомъ различіи расы и былъ источникъ борьбы; какъ сказано, это была борьба противъ учреждений. Реформы Александра II были ясно опредѣленнаго демократическаго характера; тотъ же характеръ носили и лучшія стремленія славянофиловъ, особенно Ю. Э. Самарина, впервые вступившагося за интересы русскихъ и латышей въ мѣстномъ краѣ.

Въ 1869 году, сгруппировавъ около себя нѣсколько лицъ изъ мѣстнаго русскаго (главнымъ образомъ купеческаго) общества, Чешихинъ становится редакторомъ и издателемъ «Рижскаго Вѣстника»¹⁾. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1895 г., июль) была помѣщена наша статья о неудачной и жалкой попыткѣ въ 1859 г. издавать въ Ригѣ русскій листокъ съ болѣе обширною программой, именно «Остзейскій Вѣстникъ». Попытка не удалась, какъ вслѣдствіе враждебности къ русской газетѣ со стороны господствовавшаго общества, такъ въ особенности по совершенной неопредѣленности взглядовъ издателя. Е. В. Чешихинъ, какъ сказано, смѣло примкнулъ къ взглядамъ Ю. Э. Самарина, провозглашеннымъ еще въ «Рижскихъ письмахъ» (1846 года) и снова повтореннымъ, какъ разъ въ это время, въ «Окраинахъ Россіи», появившихся въ Прагѣ.

Первые годы издательства и съ матеріальной и съ нравственной стороны были конечно самыми тяжелыми. Въ 1871 году газету спасла отъ закрытія, за недостаткомъ средствъ на печатаніе и жалованье редактору, только денежная помощь, собранная въ Москвѣ кружкомъ И. С. Аксакова. Редакція помѣщалась въ домѣ грязнаго средневѣковаго облика, на углу «Улицы Грѣшниковъ» и «Водопроводной», во дворѣ; входъ былъ съ переулка, въ которомъ съ трудомъ развѣзжались двѣ телеги. Въ комнатѣ редактора было мало свѣта, но много грязи; изъ оконъ дуло, съ потолка текло, съ улицы доносился грохотъ телегъ. Ничего не замѣчая, Чешихинъ работалъ въ такомъ помѣщеніи гдѣ десять сряду. Однажды дочь его, — корректоръ газеты, — съ ужасомъ восклик-

¹⁾ Первою русскою газетою въ Ригѣ было издаваемое въ 1816 г. «Россійское еженедѣльное изданіе» пастора Авг. Албануса, выходившее съ благотворительною цѣлью и носившее полупедагогическій характеръ (см. «Истор. Вѣстникъ» 1896 г., апрѣль, стр. 369—370).

нула: «мнѣ каплетъ на голову». Чешихинъ отвѣтилъ спокойно: «Такъ подвинься».

Что касается нравственной стороны дѣла, отношеній къ газетѣ со стороны начальства, прямаго и косвеннаго, со стороны цензуры и т. д., то въ этомъ отношеніи Чешихину пришлось перенести многія испытанія.

Прежде всего онъ былъ вызванъ на объясненія съ ближайшимъ начальствомъ, которое недовольно было совмѣщеніемъ служебныхъ и редакціонныхъ занятій и намекало на необходимость выбирать либо то, либо другое. Приводимъ «конфиденціальное» объясненіе Е. В. Чешихина, представленное имъ непосредственному своему начальнику, въ письмѣ отъ 10-го марта 1871 года.

«На извѣстныя вамъ обстоятельства, писалъ Чешихинъ, о которыхъ была рѣчь на прошлой недѣлѣ, вы позволили мнѣ отвѣтить письменно. Пользуюсь этимъ дозволеніемъ, чтобы съ полною откровенностью высказаться насчетъ моего настоящаго положенія.

«Съ 1848 года я, какъ вамъ извѣстно, состою на службѣ въ инженерномъ корпусѣ чиновникомъ, находясь съ 1858 г. подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ. Въ теченіе всей моей 23-хъ-лѣтней службы, я, какъ вамъ также извѣстно, занималъ мѣста, дававшія мнѣ весьма скудныя средства къ существованію, такъ что безъ постороннихъ занятій, независимыхъ отъ занятій служебныхъ, мнѣ никогда нельзя было обойтись при многочисленности моего семейства.

«Въ годы моей молодости, я занимался частными уроками и преподавалъ желающимъ математику, русскій языкъ и исторію; въ лѣта зрѣлыя, я свое свободное время посвящалъ труду литературному, доставлявшему мнѣ доходъ, который въ соединеніи съ жалованьемъ позволялъ мнѣ жить, хотя и бѣдно, но и безъ особыхъ крайностей.

«Въ 1869 г., для усиленія своихъ денежныхъ средствъ (жалованье мое, какъ тогда, такъ и нынѣ составляетъ въ годъ 531 р.), я предпринялъ, съ разрѣшенія подлежащихъ начальствъ, изданіе газеты «Рижскій Вѣстникъ».—Въ настоящее время отъ этой газеты я имѣю чистаго дохода 1.500 руб. въ годъ¹⁾.

«Между тѣмъ, въ конфиденціальной бесѣдѣ со мною на прошлой недѣлѣ, вы дали мнѣ знать, что высокопоставленныя лица, подъ начальствомъ которыхъ состоитъ рижская инженерная дистанція, находятъ

¹⁾ Это—тогдашнее жалованье Е. В. Чешихину, какъ редактору. Въ началѣ 1887 г. оно было неожиданно сокращено до 1.200 рублей издателемъ И. А. Шутовымъ, въ руки котораго перешла газета. Въ чисто практическихъ дѣлахъ Е. В. Чешихинъ по истинѣ былъ „младенцемъ безпомощнымъ“, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ въ нижеприведенномъ письмѣ къ А. Н. Мосолову.

неумѣстнымъ служащему лицу принимать главное участіе въ газетѣ и невозможнымъ для меня одновременно состоять на службѣ и быть редакторомъ газеты. Въмѣстѣ съ тѣмъ вы дали мнѣ понять, что если я желаю продолжать редактировать «Рижскій Вѣстникъ», то долженъ или подать въ отставку, или, по крайней мѣрѣ, перейти въ другое вѣдомство. Я тогда же имѣлъ честь заявить вамъ, что, при 531 руб. жалованья, мнѣ обойтись невозможно безъ постороннихъ занятій; дать же честное слово отказаться отъ нихъ и не сдержатъ слова—было бы позорно. Подать въ отставку послѣ 23-хъ-лѣтней службы, послѣ того, какъ двѣ-третьи срока до пенсіи уже пройдено, было бы съ моей стороны по меньшей мѣрѣ неблагоразумно. Переимѣнить родъ службы въ Ригѣ для меня почти невозможно.

«Тѣмъ не менѣе я могъ бы исполнить требованіе и отказаться отъ редактированія «Риж. Вѣст.», но это лишь въ томъ случаѣ, когда мнѣ явится возможность существовать безъ постороннихъ занятій, т. е. при полученіи мѣста, которое бы обезпечивало мои потребности. Величайшимъ счастіемъ для себя я бы счелъ назначеніе меня въ одно изъ окружныхъ инженерныхъ управленій дѣлопроизводителемъ хозяйственной части, преимущественно въ Вильну, какъ городъ, отличающійся сравнительною дешевизною жизни. Быть полезнымъ для службы могу, ибо приобрѣлъ достаточное для того знаніе и опытность и полагаю, что это назначеніе могло бы состояться, если только вы не откажете милостивымъ ходатайствомъ обо мнѣ. При содержаніи въ 1500 руб. съ казенною квартирою мнѣ явилась бы дѣйствительная возможность прекратить постороннія занятія и дослужить свой срокъ до пенсіи въ томъ вѣдомствѣ, въ которомъ я началъ свою службу, но это, повторяю, возможно лишь въ томъ случаѣ, если вы не откажете ходатайствомъ обо мнѣ, о которомъ всепокорнѣйше испрашиваю».

Къ этому объясненію, писанному въ 1871 г., когда газета висѣла на волоскѣ, добавлено предъ подписью, какъ видно, рукою начальника Чешихина: «и затѣмъ я не буду принимать никакого участія въ трудахъ, не относящихся къ обязанностямъ службы»—и далѣе идетъ черновая бумага, при которой объясненіе Чешихина было представлено тогдашнему начальнику военныхъ инженеровъ, Э. И. Тотлебену. Въ бумагѣ выражено ручательство, что если исполнить просьбу Чешихина, то писать онъ, дѣйствительно, не будетъ, разъ давши такое обѣщаніе. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи со стороны начальства къ редакторской дѣятельности Чешихина, помимо неопредѣленнаго, столь обычнаго у насъ недовольства, что подчиненный «что-то пишетъ», была доля и прямого неудовольствія на направленіе газеты, которое шло въ разрѣзъ со склонностями и симпатіями, господствовавшими въ тогдашнихъ членовыхъ рижскихъ сферахъ. Какъ бы то ни было, Чешихинъ остался

*

на своемъ мѣстѣ, и какъ передають, остался, благодаря словамъ сказаннымъ Тотлебеномъ: «оставьте этого человѣка въ покоѣ». Далѣе чина коллежскаго совѣтника, полученнаго еще въ 1866 г., Чешихинъ по службѣ уже не двигался и по выслугѣ пенсіи вышелъ немедленно въ отставку.

Положеніе «Рижскаго Вѣстника» было своеобразно въ томъ отношеніи, что нигдѣ, быть можетъ, такъ широко не понималась и не примѣнялась статья цензурнаго устава, предписывающая цензору не пропускать всего, что «возбуждаетъ неприязнь и ненависть одного сословія къ другому» (96-я статья по изд. 1890 г.). Указывать совершенно фактически на то, что въ Прибалтійскомъ краѣ городское и дворянское сословія пользуются привилегіями и прямо требуютъ уничтоженія ихъ или распространенія на всѣ разноплеменные слои населенія, — для газеты было совершенно немыслимо. Какъ бдительна, придирчива и — прямо сказать — пристрастна была цензура надъ «Рижскимъ Вѣстникомъ», мы увидимъ сейчасъ. Мимоходомъ же замѣтимъ, что это обстоятельство имѣло одно весьма печальное послѣдствіе. Газета, не имѣя прямой возможности оцѣнивать мѣстные учрежденія по достоинству, была вынуждена нерѣдко лишь въ общихъ чертахъ противопоставлять мѣстное русскому, могла требовать введенія русскихъ всеобщихъ учреждений, земства, суда и т. д. часто лишь въ общей формѣ ратоборства за все русское.

Прежде всего остановимся на сохранившихся у насъ цензурныхъ листахъ одного изъ экземпляровъ «Рижскаго Вѣстника» за 1873 годъ. Мы находимъ здѣсь изуродованную красными чернилами замѣтку чисто-историческаго характера, подъ заглавіемъ: «О чемъ можно и должно вспомнить въ Ригѣ 24-го ноября, въ день открытія въ Петербургѣ памятника императрицѣ Екатеринѣ II». Замѣтка состоитъ изъ ряда годовъ и голыхъ отгѣтокъ мѣропріятій и событій, имѣющихъ отношеніе къ мѣстному краю. Подъ 1762 г. исключено: «Возстановленіе горцога Бирона на курляндскомъ престолѣ и пресѣченіе тѣмъ прусскихъ замысловъ на Курляндію». Подъ 1763 г. читаемъ: «Учрежденіе въ Ригѣ комисіи о рижской коммерціи съ непремѣннымъ условіемъ быть председателемъ въ оной природному русскому». Последняя фраза исключена цензоромъ. Подъ 1775 г. исключено «Янцкіе казаки (сподвижники Пугачева) въ Прибалтійскомъ Краѣ». Подъ 1783 г. исключено: «Приступъ къ открытію намѣстничествъ» и «Открытіе намѣстничествъ». Наконецъ, подъ 1786 г. исключены слова: «Упраздненіе ландратскихъ коллегій». Подпись: «Дозволено цензурою. Рига, 16-го ноября 1873 года, О. (т. е. отдѣльный) цензоръ Гредингеръ».

Итакъ, о сподвижникахъ Пугачева нельзя было двадцать лѣтъ назадъ писать въ Ригѣ совершенно такъ же, какъ нельзя было говорить о реформахъ Екатерины II, упраздненныхъ при Павлѣ I.

Еще краснорѣчивѣе безплодныя жалобы Е. В. Чешихина въ главное управленіе по дѣламъ печати и отписка его въ лифляндскій гофгерихтъ въ отвѣтъ на судебное преслѣдованіе за неисполненіе цензурскихъ распоряженій.

«По программѣ «Рижск. Вѣст.», писалъ К. Чешихинъ 28-го августа 1873 г., утвержденной главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ 1869 году, было дозволено помѣщать въ этомъ изданіи, между прочимъ, статьи и документы по исторіи Прибалтійскаго края. — На основаніи этого дозволенія съ 1869 года въ «Рижск. Вѣст.» были напечатаны многіе обзоры различныхъ періодовъ исторіи Прибалтійскаго края, а въ первые два года изданія и многіе историческіе документы по дѣламъ здѣшняго края, относящіеся къ прошлому столѣтію ¹⁾. Дальнѣйшее помѣщеніе такихъ документовъ оказалось уже съ 1871 года невозможнымъ, вслѣдствіе если не положительнаго запрещенія со стороны цензуры, то вслѣдствіе цензурныхъ исключеній изъ текстовъ высочайшихъ указовъ, рескриптовъ, писемъ, записокъ современниковъ и проч., исключеній столь многочисленныхъ, что документы являлись не только въ некаженномъ видѣ, но могли наводить даже на мысль о подлогѣ.

«Прекращая помѣщеніе документовъ, мною было приступлено къ труду, въ пользу котораго я былъ убѣжденъ, — имено я рѣшился со ставить перечень всѣхъ узаконеній по дѣламъ Прибалтійскаго края, которыя вошли въ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, начиная съ 1710 г. по настоящее время ²⁾. — Польза такого перечня очевидна: онъ доставилъ бы возможность знать, гдѣ и въ какомъ томѣ означеннаго Собранія слѣдуетъ искать законъ или повелѣніе по данному вопросу, а составивъ указатель къ предметамъ — явилась бы возможность знать весь ходъ законодательства въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ по всѣмъ отраслямъ управленія. — Но помѣщеніе и этого перечня оказалось совершенно невозможнымъ, ибо, начавъ печатаніе съ царствованія императора Павла, я долженъ былъ прекратить оное, вслѣдствіе цензурнаго исключенія не только отдѣльныхъ словъ и выраженій, буквально взятыхъ изъ текста законовъ, но и исключенія цѣлыхъ статей и даже главъ. Эти исключенія были столь многочисленны, что всякій, кому знакомо Полное Собраніе Законовъ, могъ бы уличить меня не только въ непозволительно небрежномъ отношеніи къ дѣлу, въ пропускахъ и искаженіяхъ текста, но даже и въ

¹⁾ Всѣ статьи этого рода принадлежали самому Е. В. Чешихину и частью вошли въ 4 тома «Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края».

²⁾ Въ Прибалтійскомъ краѣ дѣйствовалъ de jure Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній, de facto заслоняемый юридическими традиціями. См. объ этомъ у Ю. О. Самарина въ его сочиненіяхъ, т. VIII, стр. 55—64. Москва 1890 г.

подлогахъ и въ умысленномъ введеніи въ обманъ читателя, который могъ бы думать, что павловское правительство по данному вопросу только и ограничилось тѣмъ, что указано, въ то время, когда было сдѣлано и распоряджено и опубликовано въ общее свѣдѣніе несравненно больше.

«Види совершенную невозможность помѣщенія въ «Рижск. Вѣстникѣ» перечня нашимъ законамъ относительно Прибалтійскаго края, я прекратилъ оное, но приступилъ къ новому труду, который, по моему мнѣнію, былъ бы также не бесполезенъ и могъ бы также сдѣлать изданіе «Рижскаго Вѣстника» интереснымъ для читателей. Изъ огромной нѣмецкой исторической литературы о Прибалтійскомъ краѣ я рѣшился перевести съ нѣмецкаго на русскій языкъ на первый разъ лѣтописи: Генриха Латыша, Алвинке, Рюссова, и Ниепштета. — Эти лѣтописи составляютъ важнѣйшіе источники исторіи здѣшняго края; онѣ изданы всѣ съ разрѣшенія цензуры; онѣ объяснены и сопровождаемы примѣчаніями лучшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей и писателей, но тѣмъ не менѣе русской публикѣ остаются неизвѣстными, такъ какъ изданія ихъ на русскомъ языкѣ никогда не было, — слѣдовательно, полагалъ я, переводъ названныхъ четырехъ, какъ наиважнѣйшихъ источниковъ, былъ бы и не излишенъ и полезенъ, ибо доставилъ бы читателю возможность получить не какія либо голословныя, но вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія о прошломъ Прибалтійскаго края. — Съ этою цѣлю я приступилъ къ переводу хроники Генриха Латыша по тексту, изданному съ разрѣшенія цензуры въ 1867 году въ Ревелѣ Пабстомъ, самому полному и самому точному изданію, какое только было до сихъ поръ, перваго лѣтописца о Прибалтійскомъ краѣ за время съ 1184 по 1227 г.

«Слѣдъ затѣмъ я предполагалъ перевести римованную хронику Алвинке съ нѣмецкаго текста, изданнаго съ разрѣшенія цензуры Кальмейеромъ и Наперскимъ, — затѣмъ хронику Рюссова по тексту, изданному въ 1845 г. также съ разрѣшенія цензуры Пабстомъ, и наконецъ хронику бургомистра Ниепштета.

«Сообразно моему плану я и началъ печатать въ «Риж. Вѣстн.» хронику Генриха Латыша и успѣлъ напечатать 19 главъ оной (всѣхъ главъ 30) безъ всякихъ сокращеній и отступленій отъ текста. Со стороны цензуры я также не встрѣтилъ никакихъ запрещеній или исключеній, но къ сожалѣнію, я долженъ былъ прекратить печатаніе моего перевода съ 20 главы, такъ какъ въ ней г-нъ цензоръ исключилъ почти половину текста существенной важности, именно о томъ, что русскіе въ 1217 г. оказывали помощь эстонцамъ, боровшимся за свое существованіе съ меченосцами и епископомъ Альбертомъ. Произвольныя исключенія и сокращенія текста лѣтописи лишаютъ мой переводъ не только всякаго значенія, но и могутъ ввести въ заблужденіе всякаго незнако-

маго съ нѣмецкимъ языкомъ читателя: онъ можетъ полагать, что русскіе оставались хладнокровными зрителями покоренія ихъ исконной вотчины припельцами,—чего на дѣлѣ никогда не было, какъ то и свидѣтельствууетъ Генрихъ Латышъ.

«Пріостановивъ печатаніе названной гѣтониси, я смѣю обратиться къ главному управленію по дѣламъ печати и всепокорнѣйше просить разрѣшенія помѣстить въ «Риж. Вѣсти.» окончаніе хроника Генриха Латыша, а также хроники: Алвинеке, Рюссова и Ніенштета по нѣмецкимъ текстамъ, напечатаннымъ съ разрѣшенія цензуры,—съ тѣмъ, чтобы г-нъ отдѣльный цензоръ не дѣлалъ никакихъ сокращеній и исключеній изъ переводовъ, не имѣющихъ никакого значенія, ни цѣны, если они будутъ напечатаны не согласно съ подлинными текстами.

«О послѣдующемъ распоряженіи, какое благоугодно будетъ сдѣлать главному управленію по сему моему прошенію, буду имѣть честь ожидать увѣдомленія».

Со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, видимо удивившій Чешихина и заставившій его предположить, что онъ недостаточно ясно изложилъ дѣло.

По этому онъ вторично обратился въ главное управленіе по дѣламъ печати съ слѣдующимъ прошеніемъ.

«Запрещеніе печатанія въ «Риж. Вѣсти.» перевода остальныхъ 11 главъ «Ливонской хроники» Генриха Латыша мнѣ объявлено г-мъ отдѣльнымъ цензоромъ вчерашняго числа.

«Сдѣлавъ распоряженіе о прекращеніи дальнѣйшаго набора «Хроники» и отложивъ приготовленіе къ изданію на русскомъ языкѣ карты Прибалтійскаго края, составленной Рихтеромъ, для приложенія къ «Хроникѣ», я долгомъ своимъ считаю доложить Управленію, что прошеніемъ отъ 28-го минувшаго августа я отнюдь не ходатайствовалъ о безцензурномъ изданіи ливонскихъ хроникъ Генриха, Алвинеке, Рюссова и Ніенштета—я не осмѣлился бы я утруждать управленіе подобнымъ неосновательнымъ ходатайствомъ—но просилъ о разрѣшеніи напечатать въ «Риж. Вѣсти.» переводы названныхъ хроникъ по текстамъ, изданнымъ съ разрѣшенія цензуры на нѣмецкомъ языкѣ и имѣвшимъ неоднократно уже изданія. Я просилъ о разрѣшеніи дозволить напечатать уже разсмотрѣнное и одобренное цензурою полностію, безъ всякихъ исключеній. При представленіи на разрѣшеніе печатать переводъ, я обязанъ бы былъ представить г-ну цензору и книги, изъ которыхъ сдѣлалъ переводъ. Тогда г-нъ цензоръ могъ бы видѣть когда и гдѣ именно разрѣшены къ печатанію оныя, а ровно могъ бы видѣть, что я не извращаю подлинниковъ ни произвольными вставками, ни неумѣстными толкованіями. Я ходатайствовалъ о представленіи мнѣ возможности сообщить русскимъ читателямъ то, что имѣетъ и чѣмъ давно пользуется публика.

нѣмецкая, но какъ это признается невозможнымъ, потому я и прекратилъ свой трудъ, не доведя его до конца, подобно другимъ начинаніямъ, о которыхъ я имѣлъ уже честь донести управленію въ прошеніи отъ 28-го августа.

«Издавая «Рижскій Вѣстникъ» въ теченіе пяти лѣтъ, я никогда не обременялъ главнаго управленія по дѣламъ печати ни просьбами, ни ходатайствами, но въ послѣднее время обстоятельства слагаются такимъ образомъ, что я мимовольно долженъ снова обратиться къ Управленію и доложить ему о ниже слѣдующемъ.

«Въ законахъ о печати и цензурномъ уставѣ недостаточно ясно указано, имѣеть ли право цензоръ, дозволивъ помѣщеніе какой либо статьи въ одной газетѣ, запретить въ то же время помѣщеніе той же самой статьи въ другой газетѣ? Повидимому, никакого права существовать не могло бы, ибо всѣ газеты, на какихъ бы языкахъ онѣ ни издавались въ одномъ и томъ же городѣ, подчинены одному и тому же закону. На дѣлѣ же оказывается не такъ и неясность закона на этотъ счетъ подастъ поводъ къ нѣкоторымъ недоумѣніямъ.

«Въ 31, 32 и 33 №№ отъ 15-го, 22-го и 29-го августа текущаго года издающейся въ Ригѣ на нѣмецкомъ языкѣ газеты «Baltische Zeitung» были помѣщены, съ разрѣшенія цензуры, три статьи подъ заглавіемъ: «Der Präsident der lettisch-literarischen Gesellschaft und die lettische Nationalbewegung». Содержаніе этихъ статей, какъ имѣющихъ чисто мѣстный интересъ, я хотѣлъ помѣстить въ «Риж. Вѣстн.», но какъ русской публикѣ мало извѣстно, что такое латышское литературное общество, въ чемъ именно заключается латышское національное движеніе и когда оно начало обнаруживаться, потому предварительно изложенія содержанія статей «Baltische Zeitung» я счелъ неизлишнимъ рассказать содержаніе брошюры г. Кренвальда о національныхъ стремленіяхъ, изданной въ прошломъ году на нѣмецкомъ языкѣ съ разрѣшенія той же самой цензуры, которая цензуруетъ газеты, издающіяся въ Ригѣ.—Первыя двѣ статьи о латышскомъ національномъ движеніи были дозволены съ нѣкоторыми исключеніями и напечатаны въ «Риж. Вѣст.», но третья статья была исключена вся цѣлкомъ.—На цензурномъ листѣ г. цензоръ отмѣтилъ только своеручно: «Я продолженія о латышскомъ національномъ движеніи въ сей газетѣ пропустить не могу».—Продолженія и окончанія статей не было и не будетъ, на основаніи этой отмѣтки, но изъ нея ясно оказывается, что возможное и доступное для «Baltische Zeitung» невозможно и недоступно для «Риж. Вѣстника».

«Случай этотъ, какъ ни маловаженъ самъ по себѣ, но все же по-даетъ поводъ къ недоумѣнію и жалобамъ на несправедливость, которыхъ желательно бы было избѣжать.— Я лично не имѣю причинъ просить о

разрѣшеніи продолжать начатыя статьи, ибо мнѣ все равно не дозволено бы было высказаться, на чьей сторонѣ правда въ этой полемикѣ, которую неуклонно въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ вели и ведутъ латышскія и нѣмецкія газеты, но мнѣ кажется, что полное устраненіе русской газеты отъ сообщенія русской публикѣ сущности вопроса о латышскомъ національномъ движеніи едва-ли справедливо».

Что отвѣтило главное управленіе на просьбу о разъясненіи, мы не знаемъ, но знаемъ, что несчастныя лѣтописи, подвергшіяся столь неожиданному гоненію чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ ихъ составленія благочестивыми священниками, каковыми были Генрихъ Латышъ и Рюсовъ, такъ и не появились въ «Риж. Вѣстн.». Черезъ нѣсколько лѣтъ Чешихинъ помѣстилъ эти хроникѣ (за исключеніемъ «Рифмованной») со своими примѣчаніями, уже безъ всякихъ препятствій, въ своемъ «Сборникѣ матер. и стат. по исторіи Прибалтійскаго края», болѣе ответственномъ для помѣщенія этого сухаго историческаго матеріала, чѣмъ газета.

Для болѣе ясной характеристики отношеній цензуры того времени къ «Риж. Вѣстн.» укажемъ на столкновеніе, по поводу котораго цензоръ принесъ жалобу въ лифляндскій гофгерихтъ на неисполненіе Чешихинымъ его требованій.

На это обвиняемый отвѣчалъ:

«Вслѣдствіе резолюціи отъ 10-го сентября (1873 г.) за № 5.924 по жалобѣ отдѣльнаго цензора на нарушеніе мною закона о печати, честь имѣю представить императорскому лифляндскому гофгерихту слѣдующее мое объясненіе:

«Въ издаваемой мною въ Ригѣ газетѣ «Риж. Вѣстн.» въ № 8 отъ 11-го января текущаго (1873) года была помѣщена телеграмма изъ Петербурга слѣдующаго содержанія: «Правит. Вѣстн.» сообщаетъ, что происходившая въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ дипломатическая переписка по среднеазиатскимъ дѣламъ между петербургскимъ и лондонскимъ дворами сохранила во все это и по настоящее время дружественный характеръ и что при взаимномъ обмѣнѣ мыслей не обнаружилось никакого разногласія между Россією и Великобританією». — Телеграмма эта была исключена г-мъ отдѣльнымъ цензоромъ и къ печатанію недозволена, но тѣмъ не менѣе, несмотря на запрещеніе ея, я приказалъ отпечатать оную, видя въ этомъ запрещеніи ничего больше, какъ ошибку и недосмотръ со стороны г. цензора, о чемъ я ему словесно объявилъ на другой день при личномъ свиданіи и разъяснилъ, почему я поступилъ такъ, а не иначе.

«Причины и поводы, побудившіе меня видѣть въ исключеніи изъ газеты вышеозначенной телеграммы простой недосмотръ и ошибку со стороны г-на цензора, заключаются въ слѣдующемъ:

1) «Рижскій Вѣстникъ» получаетъ телеграммы отъ рижскаго телеграфнаго агентства, основаннаго въ Ригѣ при участіи рижскаго биржеваго общества. Агентство это получаетъ весьма многочисленныя торговыя телеграммы изъ-за-границы и сообщаетъ политическія извѣстія, преимущественно такія, которыя могутъ интересовать торговыхъ людей. Всѣ телеграммы, получаемыя агентствомъ, ежедневно выставляются, для общаго свѣдѣнія биржеваго купечества, въ биржѣ, и рассылаются подписчикамъ на «телеграммы», къ числу которыхъ принадлежитъ и «Рижскій Вѣстникъ», уплачивающій за телеграммы, по условію съ агентствомъ, 300 рублей въ годъ. Всѣ телеграммы, получаемыя агентствомъ, цензуруются въ Ригѣ комитетомъ иностранной цензуры, и только послѣ одобренія цензора рассылаются по назначенію и объявляются въ биржѣ. Слѣдовательно, вышеназванная телеграмма была уже разсмотрѣна цензурою и, строго говоря, не должна бы была и подлежать вторичной цензурѣ, ибо г-да цензоры руководствуются при разсмотрѣніи подлежащихъ къ одобренію книгъ, статей, газетъ и проч. одними и тѣми же законами и постановленіями; слѣдовательно, разрѣшенное къ объявленію однимъ цензоромъ, не можетъ уже быть запрещено другимъ, и обратно, запрещенное однимъ, не можетъ быть разрѣшено другимъ; иначе, пришлось бы допустить, что г-да цензоры руководствуются при своихъ разсмотрѣніяхъ книгъ, статей, газетъ и проч. своими личными различными взглядами, а не закономъ и постановленіями и распоряженіями правительства—чего никогда не было и нѣтъ. Но если названная телеграмма была объявлена въ биржѣ и разослана подписчикамъ, то это обстоятельство уже указываетъ, что она была разсмотрѣна и разрѣшена къ объявленію въ общее свѣдѣніе цензурою; слѣдовательно, я имѣлъ основаніе предполагать, что исключеніе петербургской телеграммы изъ «Рижскаго Вѣстника» произошло по ошибкѣ.

2) «Рижскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно и обыкновенно въ 6-мъ и 7-мъ часу вечера, двумя часами позднѣе послѣ «Рижской Газеты». Получивъ 11-го января, по обыкновенію въ пятомъ часу пополудни номеръ «Рижской Газеты», я нашелъ въ немъ петербургскую телеграмму, напечатанную слово въ слово такъ, какъ она сообщена телеграфнымъ агентствомъ. Я не предполагалъ, да и не могъ предполагать, чтобы эта телеграмма была такъ же исключена изъ этой газеты, какъ исключена изъ «Рижскаго Вѣстника», но заключилъ и имѣлъ право заключить, что телеграмма разрѣшена г-мъ цензоромъ къ печатанію въ «Рижской Газетѣ». Но какъ г-нъ цензоръ не можетъ, по крайней мѣрѣ не долженъ разрѣшать къ печатанію въ одной газетѣ и въ то же время и то же самое извѣстіе запрещать въ другой, потому въ запрещеніи петербургской телеграммы въ «Рижскомъ Вѣстникѣ», я видѣлъ ошибку г-на цен-

зора и притомъ столь очевидную, что исправить ее я не считалъ ни предосудительнымъ, ни противозаконнымъ для себя дѣломъ.

3) Къ тому же сущность и смыслъ телеграммы вполне утвердили меня въ томъ, что исключеніе ея произведено по ошибкѣ. Г-да судьи благоволятъ вспомнить при какихъ обстоятельствахъ и въ какое время появилась эта телеграмма.

«Въ началѣ нынѣшняго года наше правительство рѣшило отправить въ Хиву экспедиціонный отрядъ для наказанія тѣхъ хищническихъ племенъ этого ханства, которыя своими разбойничьими набѣгами тревожили наши границы и наносили ущербъ торговлѣ. Англійское правительство, заинтересованное въ средне-азиатскихъ дѣлахъ, вошло въ сношенія съ нашимъ кабинетомъ по поводу предполагаемаго похода, и англійскія газеты, отыгравшіяся сначала вообще неблагоприятно о предстоящемъ походѣ, сообщали слухи, что между кабинетами лондонскимъ и петербургскимъ возникли серьезныя недоразумѣнія по поводу средне-азиатскихъ дѣлъ вообще и Хивы въ частности. Слухи эти сильно встревожили торговый міръ, потому что въ случаѣ разрыва между столь могущественными державами, каковы Россія и Англія, торговля могла бы сильно пострадать. Тревожные слухи достигли и рижской биржи, и рижскаго купечества, и если не произвели въ началѣ никакого замѣтнаго колебанія или разстройства дѣлъ, то все же могли впоследствии неблагоприятно повліять на сношенія съ англійскими купцами, важнѣйшими, какъ извѣстно, двигателями рижской отпускной торговли. Наше правительство именно въ виду этихъ слуховъ, могшихъ неблагоприятно отозваться на всѣхъ русскихъ биржахъ, поспѣшило сообщить въ своемъ органѣ, «Правительственномъ Вѣстникѣ», что всѣ слухи о разногласіяхъ между Россією и Англією не имѣютъ никакого основанія. Это сообщеніе, важное въ политическомъ отношеніи, и въ особенности важное для торговаго мира, имѣло прямою и непосредственную цѣль разсѣять ложныя и тревожныя слухи, а потому петербургскій агентъ здѣшняго телеграфнаго агенства, чуть лишь вышелъ изъ печати номеръ «Правительственнаго Вѣстника», содержащій въ себѣ названное правительственное сообщеніе, прислалъ въ Ригу депешу, содержаніе которой приведено выше. Подлежало ли запрещенію столь успокоительное и разсѣивающее неосновательныя слухи извѣстіе? Чѣмъ объяснить запрещеніе, если не ошибкой? На другой день, т. е. 12-го января, получить въ Ригѣ и номеръ «Правительственнаго Вѣстника», содержащій въ себѣ полное сообщеніе, о которомъ говорила телеграмма; слѣдовательно, г-нъ цензоръ могъ бы убѣдиться, что она передала съ совершенною точностью, хотя и вкратцѣ, содержаніе сообщенія, не нуждающагося, конечно, ни въ разсмотрѣніи, ни въ одобреніи мѣстныхъ цензоровъ. Изъ-за

чего же тутъ возбуждать судебное преслѣдованіе, если только смотрѣть на сущность дѣла, на духъ, а не на букву закона.

«Вотъ тѣ обстоятельства, которые побуждали меня напечатать телеграмму помимо запрещенія ея цензоромъ.—Гг. судьи благоволятъ теперь усмотрѣть, были ли нарушены мною законы о печати, или нѣтъ?»

«Къ сему не лишнимъ считаю присовокупить, что г. рижскій отдѣльный цензоръ имѣетъ весьма своеобразныя понятія, какъ о «Прав. Вѣстн.», такъ и о значеніи помѣщающихся въ немъ правительственныхъ сообщений. Такое свое мнѣніе, я основалъ на слѣдующемъ обстоятельстве.

«По полученіи номера «Прав. Вѣстн.», въ которомъ было помѣщено правительственное сообщеніе о мирномъ и дружественномъ характерѣ отношеній нашего и англійскаго министерствъ по средне-азиатскимъ дѣламъ, я сдѣлалъ распоряженіе перепечатать въ «Риж. Вѣст.» это сообщеніе полностью. Г-нъ цензоръ зачеркнулъ это сообщеніе, и исключилъ изъ печатанія оно также полностью и все цѣликомъ. Этимъ исключеніемъ онъ, очевидно, показалъ, что «Прав. Вѣстн.» онъ считаетъ частною газетою, перепечатки изъ которой могутъ быть исключены по усмотрѣнію цензоровъ и что сообщенія нашего правительства, публикуемыя въ общее свѣдѣніе, подлежатъ разсмотрѣнію гг. цензоровъ и могутъ быть исключаемы по ихъ усмотрѣнію. Но тутъ уже я совершенно сознательно и безъ всякихъ колебаній, несмотря на запрещеніе, приказалъ подѣ своею личною отвѣтственностью перепечатать сообщеніе «Прав. Вѣст.», слово въ слово, предоставивъ г-ну цензору жаловаться кому угодно на меня за это quasi нарушеніе закона. Но г-нъ цензоръ предпочелъ жаловаться на такой мой проступокъ (если только это проступокъ), который совершенъ мною безъ малѣйшаго умысла нарушить законъ о печати, и въ полномъ убѣжденіи, что исключеніе телеграммы послѣдовало единственно по ошибкѣ г-на цензора, и оставилъ безъ вниманія то, что я напечаталъ правительственное сообщеніе въ противность его запрещенія и воплѣ сознательно, въ убѣжденіи, что г-нъ цензоръ упустилъ изъ виду, что наше правительство, публикуя какое либо свое распоряженіе, приказъ или сообщеніе, отнюдь не желаетъ, чтобы оно было скрыто отъ общаго свѣдѣнія и публики.

«Такое мое объясненіе имѣю честь представить на усмотрѣніе и сужденіе императорскаго лифляндскаго гофгерихта» ¹⁾.

1) Зачеркнуто слѣдующее окопачіе объясненія «Такое мое объясненіе представляя сужденію Им. Л. Г., я питаю твердую увѣренность, что гг. судьи при разсмотрѣніи этого дѣла не упустятъ обратить свое вниманіе и на то, не было ли въ настоящемъ случаѣ превышенія власти г-на цензора, а равно, правильно-ли онъ понялъ предписаніе своего начальства о запрещеніи статей въ провинціальныхъ газетахъ.»

Это длинное объясненіе какъ нельзя лучше рисуетъ трудное положеніе Чешихина и острый характеръ столкновеній съ цензурою, какой возможенъ только при явно пристрастномъ отношеніи къ дѣлу.

Вообще 1873-й годъ былъ для Чешихина особенно обилень цензурными столкновеніями. Это видно изъ письма его къ Ю. Ѳ. Самарину отъ 24-го февраля 1873 г.

«За русскій языкъ, писалъ Евграфъ Васильевичъ, мы воюемъ на сколько можемъ при нашемъ положеніи и средствахъ; единство учреждений проповѣдуемъ при всякомъ удобномъ случаѣ; противодѣйствія русскому языку обнаруживаемъ, гдѣ возможно; своихъ будимъ всячески, но не бѣлка ли все это въ колесѣ?... Богъ вѣдаетъ, какъ сказать вамъ на это.

«Православіе идетъ—попятнымъ шагомъ.—Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и виднѣе обнаруживаются послѣдствія извѣстнаго вамъ распоряженія о смѣшанныхъ бракахъ ¹⁾).

«Всѣ наши выходы и заявленія о публикаціяхъ на русскомъ языкѣ не послужили ровно ни къ чему. Какъ было прежде, какъ было въ сороковыхъ годахъ, когда вы оставили Прибалтійскій край, такъ идетъ и теперь, быть можетъ и хуже, потому что Е. А. Головинъ ²⁾ все же понималъ, чего хотѣлъ, и зналъ, что дѣлалъ. Не послужили, говорю, ровно ни къ чему наши заявленія и выходы, но обозлили нашихъ нѣмецкихъ друзей до крайности. Обозлили до крайности, но дѣла не выиграли.

«Впрочемъ это имѣетъ и свою хорошую сторону: упорство указываетъ на совершенную невозможность какихъ бы то ни было соглашеній или уступокъ,—и эту невозможность, сколько мнѣ извѣстно, начинаютъ видѣть такія лица, которымъ давно бы пора понять, что фатерландскіе проекты реформъ, судебной и городской, должны быть отвергнуты, какъ вовсе не подходящія къ эсто-латышскому краю.

Ч. Вѣтринскій.

(О кончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Высочайшее повелѣніе 1865 г., не прошедшее обычнымъ законодательнымъ путемъ и разрѣшавшее дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ крестить по желанію родителей, отмѣнено при Александрѣ III, что вызвало массу такъ называемыхъ „пасторскихъ дѣлъ“.

²⁾ Прибалтійскій генералъ-губернаторъ съ 1845—1848 г.

Молитва А. Измайлова объ императорѣ Николаѣ I.

Святитель Николай, молися,
Чтобы здравъ былъ царь нашъ Николай!
Невидимо надъ нимъ несися,
Въ трудахъ и нуждахъ помогай.—
Но если дерзость возмѣетъ
Кто истину предъ нимъ затмить,
Съ лукавымъ умысломъ посмѣетъ
Ему неправду говорить:
Тогда, на говоря ни слова,
Ревнитель правды, поспѣши
И невидимо хитрослова
Въ ланиту сильно зауши
Какъ Арія среди собора.
Сказать неправду предъ царемъ
Все тожъ, что лгать передъ олтаремъ
И стоить лжець такой позора.
Святитель добрый Николай!
Къ тебѣ изъ Вѣжецка зываю:
Царю правдиву Николаю
Во всемъ усердно помогай.

А. Измайловъ

6-го декабря 1827 г.

Сообщ. Н. А. Борозновъ.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвоцинекой.

(Рожденной княжны Голицыной).

—
XII ').

Мое первое горе.—Отъѣздъ отца за границу.—Жизнь его въ Лондонѣ.—Концеры и неудачи.—Наши друзья и столичные гости.

В

ъ 1859 году, когда отецъ жилъ въ Козловѣ, а мать была съ нами въ Огаревѣ, онъ просилъ привезти насъ къ нему. Не знаю, почему мать сама не поѣхала, а послала насъ съ братомъ и няней. Ёхала я съ чувствомъ и радости, и страха и, не сознавая почему, мнѣ было такъ жаль мать и отца, часто напѣвала:

«Въ хижины бѣдную, Богомъ хранимую,
Скоро-ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцѣлюю любимую—
Съ добрымъ отцомъ обнимусь?..»

И при послѣднемъ стихѣ я украдкой вытирала слезы, чтобы няня съ сестрами не замѣтили ихъ. Вскорѣ послѣ нашего приѣзда приѣхала и мамъ, вызванная отцомъ. Она была печальна, разстроена, и мнѣ показалась постарѣвшей; одѣта была просто и не снимала съ головы бѣленькій, старушечій чепчикъ. Отецъ былъ также грустный, мрачный и часто слезы навертывались у него, въ особенности когда онъ ласкалъ насъ.

Братъ мой былъ какой-то сконфуженный и такъ же не такой, какъ

') См. «Русск. Стар.», 1897 г., № 9, сентябрь, стр. 593.

всегда. Что все это значило, я не понимала; мнѣ было 9 лѣтъ, но всѣхъ ихъ было жаль... Когда мать моя ѣхала въ Козловъ къ отцу, она по дорогѣ заѣзжала къ друзьямъ своимъ Р—мъ, и тамъ приснился ей знаменательный сонъ: видѣла она себя мертвой и стараго слугу своего, Василя Кузмича, который одѣлъ ее въ бѣлое платье и поставилъ въ уголь; въ другомъ углу стоялъ мужъ ея грустный, а около него стояла наша сосѣдка дѣвица К., смѣющаяся и указывавшая на ея трупъ пальцемъ и говорила: «умерла!» Впослѣдствіи я узнала, что мать, пріѣхавъ въ Козловъ, должна была выдержать тяжкія сцены: отецъ просилъ дать ему разводъ. Но она на-отрѣзъ отказала, сказавъ, что ни передъ Богомъ, ни передъ дѣтьми, ни передъ совѣстью она этого не сдѣлаетъ—и развода никогда не дастъ. Мы съ матерью уѣхали обратно въ Огарево, разставшись надолго съ отцомъ... Вскорѣ и онъ покинулъ Козловъ, уѣхавъ за границу, куда послѣдовала за нимъ та, которую мать моя видѣла во снѣ, указывающую на нее, говоря: «умерла»; сонъ былъ въ руку—все кончилось...

Для меня это было первое, настоящее горе. Хотя отецъ и не жилъ съ нами—разлука съ нимъ не представлялась мнѣ такой ужасной какъ тогда, когда узнала я, что онъ покинулъ родину на неопредѣленное время. Я всегда была съ нимъ въ перепискѣ, а тутъ стала писать чаще и, получая его отвѣты, заливалась горячими слезами.

Будучи подъ присмотромъ полиціи и не имѣя права выѣзжать изъ Тамбовской губерніи, отецъ придумалъ слѣдующій способъ, чтобы уѣхать тайно за границу. Онъ затѣялъ строить ледяную гору отъ своего дома по базарной площади и дальше для забавы народа и своей, какъ увѣрилъ онъ, и, собираясь однажды въ Тамбовъ къ губернатору, просилъ городничаго послѣдить за горой и, когда будетъ готова, сообщить ему объ этомъ въ Тамбовъ. Сдѣлавъ такое распоряженіе, онъ уѣхалъ. У городничаго гора была готова и онъ телеграфировалъ отцу моему, проси его пріѣхать. Получивъ эту телеграмму, отецъ отвѣтилъ: «Городите гору выше, хочу прокатиться дальше». А самъ въ ту же ночь, послѣ ужина у губернатора, уѣхалъ за границу! Бѣдный городничій былъ обманутъ, но за то народъ очень былъ доволенъ и катался, вспоминая и благодаря князя, что оставилъ по себѣ такую веселую память. Въ Козловѣ и теперь вспоминаютъ объ этой горѣ.

Изъ Перекопа отецъ отправилъ князю Василию Андреевичу Долгорукову, который былъ тогда шефомъ жандармовъ, слѣдующую телеграмму: «Благодаря исправности вашей тайной полиціи я благополучно достигъ границы». Мать моя въ то время находилась въ Петербургѣ, и князь Долгоруковъ, показывая ей эту телеграмму, съ ужасомъ сказалъ:

Посмотрите, что продѣлываетъ Юрка! Видь онъ меня срамить на всю Европу!

А бѣдная моя дорогая мать, вернувшись въ Огарево съ новымъ горемъ, имѣла очень неприятное объясненіе съ чиновникомъ особыхъ порученій пензенскаго губернатора Н. А. Мясоедовымъ, который былъ присланъ къ ней по просьбѣ тамбовскаго губернатора. Къ счастью, онъ былъ человекъ почтенный и деликатный, и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ объяснялъ матери моей причину своего пріѣзда. Ея обвиняли въ томъ, что она помогла мужу уѣхать, чтобы остаться опекуницей надъ его состояніемъ и прислали чиновника для разслѣдованія.

Покинувъ родину тайкомъ, отецъ не имѣлъ уже права вернуться и очутился въ бѣдственномъ положеніи на чужбинѣ.

«Здѣсь, писалъ онъ 14-го (26-го) мая 1860 г. изъ Лондона, жизнь скромная, умѣренная, чрезвычайно дорога, а роскошная жизнь — разореніе. Конечно, я пріѣхать сюда не жуировать, а работать, и Англія такая страна, что деньги зарабатывать съ талантомъ не трудно, ибо здѣсь за концертный билетъ цѣна 5, 6 и 7 руб. сер. Плохой учитель музыки или пѣнія получаетъ 3 руб.; извѣстное имя—отъ 6-ти и до 8-ми руб. на дому; такъ что я могу въ день, сидя дома, давать по три и по четыре урока (т. е. на 20 руб. сер.). За статьи музыкальныя, сочиненія и переводы также получаютъ хорошую плату. Но вся здѣсь штука въ одномъ: не обнаруживать свои средства! Дома сиди хоть голый и питайся однимъ картофелемъ, а квартира должна быть, для успѣха въ будущемъ, въ аристократическомъ кварталѣ, домъ прилично мебелированъ (чтобы давать на дому уроки), ибо, по понятіямъ англичанъ, учитель, дающій уроки не у себя,—дуракъ, прощальга, и если онъ не богатъ, нѣтъ ему довѣрія, нѣтъ ему и цѣны и нѣтъ, говорятъ, у него и таланта. Здѣсь такъ бываетъ!.. Переводчикъ Библии Кошневъ — прекрасный молодой человекъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, два года бѣдствовалъ потому только, что онъ на первое время не умѣлъ себя самостоятельно поставить, а люди-спекуляторы забрали его такъ въ руки, что его трудами наживали большія деньги, а онъ едва имѣлъ насущный хлѣбъ. Такъ и со мной хотять поступить! Англичане народъ практичный, пронырливый и предприимчивый. Они уже предлагали меня купить на двѣнадцать лѣтъ, но дѣло въ томъ, что я получать буду едва-едва на содержаніе, а впереди у меня все-таки имени нѣтъ и, продавъ себя такимъ образомъ, я долженъ буду по ихъ назначенію пѣть, дирижировать, уроки давать, сочинять, переводить, писать статьи, описать мою жизнь,—словомъ, отдать себя, за исключеніемъ тѣлеснаго наказанія, въ крѣпостное состояніе! И что же въ будущемъ? На сорокъ девятомъ году се trouver en face de rien!..¹⁾ А я долженъ думать о будущемъ... Мой талантъ съ каждымъ годомъ усиливается и, отдавъ себя въ куплю, я загублю

¹⁾ Остаться не при чемъ!..

весь музыкальный капиталъ, убью свой талантъ и потеряю нравственную силу, меня поддерживающую! Ты, К—въ, меня бы здѣсь не узналъ: въ шесть съ половиной часовъ я уже одѣтый сижу въ кабинетѣ за работой, въ восемь часовъ пьемъ чай за русскимъ самоваромъ, а въ девять я опять за работой до двѣнадцати; въ это время мы завтракаемъ, въ часъ я отправляюсь въ Citiz по дѣламъ, возвращаюсь въ шестомъ часу; въ шесть обѣдаемъ, въ семь гуляемъ въ нашемъ саду, въ девять чай пьемъ, а въ десять опять за работу до двѣнадцати. Пища наша обыкновенная или даже ниже обыкновенной; супъ всегда отвратительный, потому что говядина стоитъ 1 р. 20 к. фунтъ, кусокъ рыбы, кусокъ говядины, вода, и то теплая: ледъ такъ дорогъ, что о немъ думать не должно. На завтракъ подаютъ, если осталось, холодную говядину или баранину, кусокъ сыру, редиску и иногда яйца; яйца здѣсь три и иногда четыре копѣйки серебромъ штука. Зато отдуваемся чаемъ; чай здѣсь—1 р. 50 к. фунтъ, а сахаръ 17 к. Я позволю себѣ только одну роскошь—утромъ нѣсколько ложечекъ сливокъ (на 20 к.), молоко здѣсь недорогое, но оно напоминаетъ вкусомъ и цвѣтомъ Черное море. Здѣсь все такъ дорого, что, несмотря на то, что я принимаю каждый день провизію на своихъ вѣсахъ и что въ день хожу раза четыре на кухню, у меня выходитъ 7 рублей. Подумай, во что мнѣ обойдется годъ! Въ особенности теперь намъ все стоитъ вдвое, ибо, не зная языка и имѣя дѣло съ такимъ народомъ, у котораго честный человекъ считается дуракомъ — кричи «караулъ!» Это не мои слова и убѣжденія, это голосъ всѣхъ иностранцевъ, здѣсь проживающихъ. Они, т. е. англичане, какъ мусульмане, гордятся тѣмъ, кто чище одеретъ иностранца. Правосудіе здѣсь напоминаетъ нашу Россію: бѣдный человекъ не въ состояніи вести процессъ. Я теперь пишу брошюру «Салтыково-Голыцкая капелла», а потомъ буду описывать причину моего выѣзда изъ Россіи, а потомъ уже примусь за Англію. Стелловскій можетъ получить отъ меня эти статьи объ Англии для своего журнала,—и возьму не менѣе и не болѣе другихъ. Вотъ, мой другъ, здѣсь всегда такъ. Спленъ тотъ, кто не голоденъ. 15 мѣсяцевъ я не долженъ нуждаться въ средствахъ, а то меня запрягутъ въ тягловую хомутъ и все будущее пропало. Если я здѣсь себѣ составлю имя, тогда я вызову изъ Россіи хоръ басовъ и теноровъ и навѣрное полмилліона заработаю, но до того нужно дожить и прожить. Конечно, я и теперь надѣюсь что-нибудь заработать, но увы, время концертовъ проходитъ. Нотъ нѣтъ, денегъ также. При такой обстановкѣ петля гораздо ближе виситъ, чѣмъ надежда на будущее. У Б. деньги мои, у Г. тоже, а я здѣсь сижу безъ денегъ, задолжалъ уже 1.500 руб. Узнай въ подробности дѣйствія правительства и тамбово-козловскихъ властей по моему дѣлу о побѣгѣ; а записки перешли чрезъ вѣрныя руки къ Андрееву. Онъ, говорятъ, ся-

дѣль подь арестомъ. Мнѣ эти подробности необходимы. Что Стелловскій? Что Даргомыжскій? Что Сѣровъ? Что всѣ?.. Перепиши это письмо и перешли къ В. В. Р—вой. Юрій Голицынъ».

Поселившись въ Лондонѣ, князь Ю. Н. Голицынъ испытывалъ много невзгодъ и лишеній. Такъ, онъ заключилъ контрактъ съ однимъ антрепренеромъ, которому за три шиллинга въ день обязанъ былъ три раза въ сутки дирижировать въ концертахъ или оркестромъ на балѣ. Трудно сказать, сколько времени пришлось бы ему отбывать подобнаго рода тяжелую службу, но приобрѣтя себѣ уже извѣстность въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, онъ вошелъ въ соглашеніе съ другимъ концертнымъ антрепренеромъ, г. «Кардуаль и компанія», содержателями великолѣпнаго сада въ Лондонѣ «Sereygardens», и заключилъ съ ними контрактъ на срокъ сезонныхъ концертовъ. Условія были выгодныя: полный валовой сборъ долженъ былъ дѣлиться между нимъ и антрепренерами, но съ тѣмъ условіемъ, что князь Голицынъ долженъ былъ составить оркестръ не менѣе, какъ изъ 60-ти человекъ, а всѣ расходы по саду, афиши—падали на антрепренера и компанію. Зала, въ которой должны были быть концерты, вмѣщала, кромѣ наружныхъ галлерей и террасъ, болѣе 8.000 человекъ. Первый концертъ долженъ былъ быть въ пользу антрепренеровъ. Въ день ихъ бенифиса по Лондону разносились огромныя афиши въ видѣ «двуспальныхъ одѣялъ», какъ говорилъ отецъ, и которыя гласили, что весь концертъ будетъ подь управленіемъ His Highness prince George Nicolas Golitzine, т. е. его королевскаго высочества ¹⁾, князя Георгія Николаевича Голицына, и на афишахъ чуть не аршинными буквами красовались имена Альбани и Олебуля ²⁾. Концертъ вполне удался, сборъ былъ громадный, такъ какъ публики было не менѣе шестнадцать тысячъ человекъ. Но не суждено было осуществиться второму концерту, отъ котораго отецъ ожидалъ прибыли. Послѣ репетиціи, которая кончилась въ 12 часовъ, отецъ пошелъ домой въ Alfa Road; путь былъ далекъ, онъ рассчитывалъ къ четыремъ часамъ быть дома; проходя по Regent Street около 4-хъ часовъ какой-то господинъ подошелъ къ нему и спросилъ по-французски съ итальянскимъ акцентомъ:

Вы князь Голицынъ?

Да,—отвѣчалъ отецъ.

— У васъ сегодня назначенъ концертъ въ «Sereygardens»? Но этотъ концертъ состояться не можетъ—и, указывая по направленію «Sereygardens», гдѣ виднѣлся густой черный дымъ, подаль отцу газету

¹⁾ При переводѣ князя на титулъ принцъ, англичане именуютъ его королевскимъ высочествомъ.

²⁾ Альбани — знаменитая пѣвица-контральто, а Олебуле — знаменитый скрипачъ.

«Express», выходящую ежедневно въ три часа, въ которой онъ съ ужасомъ прочелъ: «Пока мы пишемъ эти строки, Sereygardens'кая зала, въ которой былъ вчера концертъ подъ управленіемъ князя Голицына, наполовину уже сгорѣла».

Это извѣстіе было, конечно, страшнымъ ударомъ для отца. Причину пожара никто не могъ разъяснить, но подозрѣніе было на товарищѣ Кардуэля — контрактъ былъ слишкомъ выгоденъ для князя Голицына, сила контракта пожаромъ уничтожалась и можно было приступить къ новому условію на менѣе выгодныхъ для него условіяхъ, что и было сдѣлано. Кардуэль и компанія ничего не потеряли, зала была застрахована и накануне концертъ съ буфетнымъ сборомъ далъ 10 тысячъ рублей чистыхъ, и Кардуэль выстроилъ новую залу въ видѣ палатки, съ раковинообразной формой для помѣщенія оркестра.

Концерты въ Лондонѣ—это та же рулетка: погода хорошая—сборъ громадный, погода дурная—банкротство концертныхъ антрепренеровъ, и Sereygardens'кіе концерты потерпѣли неудачи вслѣдствіе проливныхъ дождей, лившихъ цѣлый мѣсяць; болѣе 150 или 200 человекъ не приходило ихъ слушать.

Несмотря на понесенный убытокъ отъ Sereygardens'кихъ концертовъ, отецъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ о тѣхъ хорошихъ отношеніяхъ между имъ и его оркестромъ и то довѣріе, которое музыканты имѣли къ нему: «Хорошія отношенія, говоритъ онъ, которые существовали между мною и музыкантами, были въ продолженіе всей моей артистической жизни однимъ изъ самыхъ отрадныхъ явленій». Послѣ этой неудачи отецъ получилъ предложеніе г-на Смитъ управлять оркестромъ въ Креморенгарденскомъ саду, который онъ купилъ за 20.000 фунтовъ стерл., и для устройства этого сада ничего не жалѣлъ. Онъ предложилъ отцу заключить съ нимъ контрактъ на 6 лѣтъ, съ платою ежегодно за 8 мѣсяцевъ 3.000 фунтовъ жалованья, квартиру съ полнымъ содержаніемъ, 4-хъ мѣсячный отпускъ и полный бенефисъ въ срединѣ сезона. Нельзя было не согласиться на такія условія, и отецъ былъ въ полномъ восторгѣ, сожалѣя только о томъ, что подписаніе контракта Смитъ отложилъ, желая, вѣроятно, испытать «князя Голицына». На него смотрѣли тогда какъ на «князя-диллетанта». Вотъ что говорилъ онъ по поводу этого: «Въ теченіе моей жизни я не разъ привлеченъ былъ къ занятію многихъ почетныхъ должностей, былъ честолюбивъ, но всегда танцось во мнѣ призваніе артиста! Много горькаго и тяжкаго испыталъ я за это призваніе».

«Нѣтъ сомнѣнія, что рожденіе, связи и та обстановка, въ которой я находился, не мало тормозили болѣе серьезное развитіе моей артистической дѣятельности и, при появленіи моемъ на заграничномъ артистическомъ поприщѣ, тамъ сначала полагали меня способнымъ вос-

производить только то, что принято въ обществѣ, съ критической точки зрѣнія, называть — *musique de prince* ¹⁾). Но сила воли взяла свое, и недобѣряшіе дали въ послѣдствіи мнѣ возможность имѣть честь и право считать себя артистомъ.

«Въ заключеніе смѣло скажу, что одна только горячая любовь къ искусству постоянно поддерживала меня въ моемъ призваніи и довела, несмотря на сословные предразсудки и ожесточенныя борьбы, до берега».

Итакъ, вернемся къ концертамъ Кремленгарденскаго сада. Смитъ предполагалъ для открытія гулянья въ своемъ саду собрать для этого торжества четыре оркестра и нѣсколько хоровъ, всего до 1.000 человѣкъ, подъ управленіемъ князя Голицына. Для этой цѣли въ саду была выстроена громадная эстрада и великолѣпная декорация. Программа была составлена самимъ Смитомъ и, по словамъ отца, не отличалась музыкальнымъ интересомъ. Каждое отдѣленіе начиналось увертюрой изъ разныхъ оперъ. А именно: «Цампы», «Фенеллы», «Бронзоваго коня» и «Фра-Діаволо». Въ день концерта отецъ явился въ 9 часовъ утра на репетицію. Всѣ музыканты, участвовавшіе въ концертѣ, были ему незнакомы, и во время репетиціи онъ замѣтилъ, что они неохотно играютъ подъ его управленіемъ, не вполне подчиняются его темпу, переговариваются, хихикаютъ и т. д., но онъ старался не замѣчать этого. Оставалось исполнить увертюру «Фра-Діаволо», которая начинается барабаннымъ вою. Отецъ подавъ знакъ барабанщику-солисту начинать, но послѣдній разговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ и не начиналъ; тогда отецъ постучалъ палочкою по юпитру и далъ повторительный знакъ. Барабанщикъ не унимался и продолжалъ разговоръ. Тогда отецъ, обратясь къ нему, съ сердцемъ сказалъ, какъ онъ самъ выражается — «avec le ton qui fait la musique»: «Je ne suis pas venu, monsieur, pour écouter vos balivernes, je vous engage d'être à votre affaire» ²⁾.—«On y est, monsieur, est on y sera» ³⁾), — отвѣтилъ нахально французъ-барабанщикъ.

Въ половинѣ восьмого вечера того же дня начался концертъ. Въ программѣ первымъ № стояла увертюра «Цампы». Отецъ мой вошелъ на эстраду, махнулъ капельмейстерскимъ жезломъ и, о ужасъ! съ перваго же аккорда послышался страшный диссонансъ: одинъ оркестръ началъ «Цампу», другой — «Бронзоваго коня», третій — «Фенеллу» и четвертый — «Фра-Діаволо», и тотъ дерзкій барабанщикъ, стоя на' стулѣ,

¹⁾ Княжеская музыка.

²⁾ «Я здѣсь не для того, чтобы слушать ваши шутки—я прошу васъ заниматься вашимъ дѣломъ».

³⁾ «Я здѣсь, милостивый государь, и буду на своемъ мѣстѣ».

громко билъ дробь на барабанѣ, прикрикивая: «On y est, monsieur, on y est!!...»¹⁾).

«Видя, что это было не что иное, какъ общій заговоръ всѣхъ музыкантовъ противъ меня, говоритъ князь Голицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и что тутъ уже ничего не подѣлаешь, увлекся постоянной моею нетерпимостью и, пустивъ мѣтко моимъ капельмейстерскимъ железомъ въ грудь француза, сошелъ съ эстрады!

«Смѣть, которому объ этомъ скандалѣ немедленно доложили, обѣжалъ уже къ мѣсту сраженія и, встрѣтивъ меня на дорогѣ, сказалъ мнѣ:

— Можеть быть у вашего королевскаго высочества много таланта, но вы не обладаете однимъ и самымъ главнымъ, это—умѣнемъ уживаться съ тѣми, отъ кого вы зависите, и потому, не находя возможнымъ имѣть съ вами серьезное дѣло, отъ предложеній моихъ отказываюсь и контракта не подпишу. Доброй ночи!

«И съ этими словами онъ пошелъ дальше. Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, но въ первый разъ не выдержалъ такого удара... и горько заплакалъ».

Вотъ какія тяжкія минуты приходилось переживать отцу на чужой сторонѣ. Но онъ не унывалъ.

«Къ будущему сезону я надѣюсь поставить «Жизнь за Царя», писалъ онъ Р—ву, и, конечно, самъ буду дирижировать въ оркестрѣ au théâtre de la reine. Cela sera un pas pour avoir après la direction des opéras classiques²⁾. Я только сегодня вернулся изъ провинціи. Представь себѣ, любезный камрадъ, съ 10-го августа по 24-е сентября chaque jour un et quelquefois deux concerts et chaque jour un voyage sans valet de chambre!³⁾.

«Трудно, братъ, а честно, такъ должно je suis venu gagner mon pain et une fortune!⁴⁾ Иногда хочется закричать: ей... человекъ! надѣнь носки! Подождешь, подумаешь, нагнешься и кое-какъ самъ натянешь; да, мой другъ,—autre temps, autre mœurs!⁵⁾ Я, впрочемъ, такъ теперь привыкъ къ этой новой жизни, такъ свыкся съ лишениями, что кажется иначе быть не можетъ и не должно! Je suis homme à présent⁶⁾; и я такъ увлекся моимъ положеніемъ, что если бы теперь я долженъ былъ ne pas travailler pour vivre et ne pas vivre pour travailler. ma posi-

¹⁾ „Я здѣсь, милостивый государь, я здѣсь!!..“

²⁾ Въ театрѣ королевы; это будетъ шагъ, чтобы получить мѣсто директора классическихъ оперъ.

³⁾ Каждый день одинъ, а иногда два концерта, и каждый день путешествіе безъ лакея!

⁴⁾ Я пріѣхалъ сюда зарабатывать насущный хлѣбъ и состояніе.

⁵⁾ Другое время, другіе нравы.

⁶⁾ Я теперь сталъ человѣкомъ.

tion ne serait pas tenable! *) Сожалѣю только, что 36-ти лѣтъ попасть въ эту школу, а не 16-ти, — чувствую, что я былъ бы человѣкъ и человѣкъ недюжинный».

Мама со смиреніемъ продолжала переносить свое горе; заботъ же у нея прибавилось: по желанію отца, она была назначена опекуницей надъ его состояніемъ и часто должна была ѣздить въ Салтыки. Иногда мама и насъ брала съ собою, что составляло для насъ величайшее блаженство, потому что мы заѣзжали къ нашимъ друзьямъ Р—мъ и оставались у нихъ гостить, пока мама была задерживаема дѣлами въ Салтыкахъ.

Радость Р—хъ видѣть насъ была большая. Въ домѣ поднималась бѣготня, кто заботился какъ бы посытнѣе угостить, кто—какъ бы покойнѣе устроить комнаты пріѣзжимъ друзьямъ изъ такой дали. Но мы о покой не думали и требовали, чтобы насъ непременно помѣщали всѣхъ вмѣстѣ; а такъ какъ комната трехъ нашихъ подругъ была невелика и поставить шесть кроватей было невозможно, то намъ устранивали постели на полу, а кровати оставались пустыя. Сонъ долго не смыкалъ нашихъ глазъ, ему не было мѣста въ нашей комнатѣ, которая далеко за полночь оглашалась болтовней шести юныхъ дѣвочекъ и ихъ веселымъ смѣхомъ... После того, какъ В. В. Р—ва нѣсколько разъ повторитъ намъ: «Дѣвочки, пора спать!» мы на время стихали, потомъ шепотомъ продолжали наши разговоры и, наконецъ, подъ тихій говоръ—одна за другой—засыпали... А утромъ просыпались подъ чудные звуки Фильда, Шопена, Мендельсона и др. Р—въ какъ вставалъ, садился за фортепiano и, великолѣпно исполняя эту дивную музыку, вливалъ въ душу такіе хорошія, радостныя чувства! Дорогой нашъ другъ, дивные звуки, которыми онъ услаждалъ насъ, и многое хорошее улетѣло въ вѣчность и прошло безвозвратно, какъ-будто и не существовало... Но въ душѣ все живетъ и прошлое неизгладимо!

А когда мы взрослыми дѣвицами пріѣзжали къ Р—ымъ, то такъ веселились, что впоследствии и удовольствія Петербурга не заставляли забывать веселые дни, проведенные съ нашими друзьями, и пожалуй иногда промѣняли бы пышный великосвѣтскій балъ на наши танцевальныя вечера въ Знаменскомъ.

Такъ какъ Р—вы славились своимъ гостепримствомъ, то у нихъ всегда кто-нибудь бывалъ изъ сосѣдей; съ нашимъ же пріѣздомъ молодежи прибавлялось, и всѣ удовольствія бывали въ очень большой компаніи. По утрамъ мы обыкновенно сходились вмѣстѣ, каждая съ работою, а хозяйка дома или сестра ея читали намъ громко; они прида-

*) Не жить для труда и не трудиться для жизни—положеніе мое было бы невыносимо.

вали столько жизни каждому, даже незначительному разсказу, что слушать ихъ было наслажденіе, а въ особенности, когда читали классиковъ. Послѣ обѣда мы всѣ отправлялись играть на бильярдѣ; вечеръ начинался съ пѣнія. Послѣ чая А. А. Р—въ обыкновенно садился за фортепіано и, проигравъ нѣсколько аккордовъ изъ того, что онъ желалъ бы, чтобъ я спѣла (почти всегда начиналъ онъ съ «Любови роскошная звѣзда» изъ «Руслана»), приглашалъ меня пѣть. Я спѣшила кончать свой чай и идти на его зовъ. Вся наша милая, старая и молодая компанія разсуживалась по уголкамъ и слушала меня. Я пѣвала долго; мнѣ самой пріятно было дѣлать удовольствіе тѣмъ, кто любилъ мой голосъ и пѣніе. Кончали вечеръ танцами. Въ хорошую же погоду и лунную ночь любили ѣздить кататься, и послѣ ужина намъ подавали нѣсколько розвальней и поѣздъ нашъ трогался. Домъ Р—хъ стоялъ на очень живописной, довольно большой горѣ, подъ горой протекала широкая рѣка, по ту сторону былъ лѣсъ; и наше любимое мѣсто катанья было ѣхать на рѣку, такъ какъ при лунномъ освѣщеніи мѣстоположеніе было очень красиво. При спускѣ съ крутой горы розвальни пустѣли—мы съ крикомъ и хохотомъ на ухабахъ и раскатахъ вылетали изъ нихъ!

Однажды пріѣхали къ Р—мъ молодые люди, проводившіе большую часть времени въ Петербургѣ, они важничали тѣмъ, что не провинціалы и, напоминая объ этомъ, говорили: «chez nous à Pétersbourg». Мы, желая позабавить столичныхъ гостей деревенскими удовольствіями, по обыкновенію приказали заложить розвальни, надѣли свои полушубки, шапки, солдатскіе башлыки, подпоясались красными кушаками и, щеголяя деревенскимъ нарядомъ, пригласили кавалеровъ насъ сопровождать. Кавалеры вышли одѣтые по послѣдней модѣ, надѣясь, можетъ быть, плѣнить насъ и, вѣроятно, думали найти у крыльца великолѣпную тройку, такъ какъ у Р—хъ былъ хорошій конный заводъ, но по ихъ удивленнымъ лицамъ можно было видѣть, что розвальни на нихъ не совсѣмъ сдѣлали пріятное впечатлѣніе, и они по-неволѣ, съ гримасой, усѣлись въ «мужицкія сани». А мы, проказницы, шепнули кучеру, чтобъ на ухабахъ ѣхалъ шибче! Каковъ былъ ужасъ нашихъ петербургскихъ франтиковъ, когда они на ухабѣ очутились выброшенными въ снѣгъ. На этотъ разъ мы удержались и не упали, но зато хохотъ былъ не-удержимый и, вѣроятно, по мнѣнію нашихъ кавалеровъ, вышелъ изъ приличія; они такъ разгнѣвались, что рѣшили вернуться пѣшкомъ, боясь опять выпасть изъ отвратительныхъ саней, и, спотыкаясь, теряя калоши, поплелись домой... А мы, чтобы не дразнить ихъ нашимъ хохотомъ, который не въ силахъ были удержать, погнали лошадей и скрылись отъ недовольныхъ взоровъ нашихъ столичныхъ гостей!..

XIII.

Наканунѣ эмансипаціи.—Неустрашимость матери.—Первый прїѣздъ посредника.—Евграфъ въ розовыхъ панталонахъ.—Прїѣздъ гувернантки и поѣздка въ Пензу.—Возвращеніе отца на родину.—Поѣздка къ дѣдушкѣ князю Н. Б. Голицину.—Весна въ Курской губерніи.—Путешествіе по Малороссіи.—Свиданіе съ отцомъ.—Поѣздка въ Тамбовъ.—Поступленіе сестеръ въ Тамбовскій институтъ.—Возвращеніе въ Огарево.—Русская пляска.—Прощаніе съ дѣтствомъ — Памята брата.

19-го февраля, 1861 года, знаменительный и славный день для Россіи—прошелъ въ Огаревѣ незамѣтнымъ, такъ какъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ не дошелъ тогда еще до нашего захолустья. Въ концѣ или въ срединѣ марта, въ самую распутицу, мамà прїѣхала изъ Петербурга и привезла его съ собой. Она радовалась и гордилась тѣмъ, что раньше властей привезла въ Огарево счастливую вѣсть, о которой официально нельзя было еще объявлять, но всѣмъ по секрету она читала манифестъ. Рассказывала она, что и какъ изъ Нижняго, по большой почтовой дорогѣ, съ трудомъ добивалась лошадей, такъ какъ на всѣхъ станціяхъ вѣчно было тройки оставлять для курьеровъ, которые должны были развозить манифесты. Когда пришелъ нашъ священникъ поздравить «княгиню» съ прїѣздомъ и узнать, что новенькаго, немало смѣялся онъ, когда мамà рассказывала ему, что наканунѣ 19-го февраля,—день когда по Высочайшему повелѣнію было приказано прочесть въ церквахъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, страшно боялись жеиъ священниковъ, т. е. ихъ болтливости, и поэтому наканунѣ манифесты не были розданы и всѣхъ столичныхъ священниковъ будили ночью на 19-е февраля, вручая имъ манифестъ для прочтенія за обѣдней. Рассказывала мамà, что въ Петербургѣ всѣ боялись безпорядковъ и бунта, но многіе удивлялись этому и говорили, что страхъ былъ непонятный, неосновательный и раздутый недоброжелателями. У насъ-же, въ Огаревѣ страховъ никакихъ не было, хотя все-таки маленькое событіе и произошло наканунѣ 1861 года.

Крестьяне, въ крѣпостное право, работали, кажется, три дня въ недѣлю на себя, а остальные на помѣщика. Случилось такъ, что они свой хлѣбъ свезли, а нашъ еще былъ въ полѣ. Мать моя, чтобы не затягивать возку, предложила имъ помѣняться днями, т. е. взять ихъ дни и отдать имъ свои, когда свезутъ хлѣбъ, на что крестьяне согласились. Но слова «свобода и воля» уже вертѣлись въ головахъ, и понимая ихъ въ смыслѣ послушанія и противодѣйствія начальству, вожаки общества взбунтовали все село и порѣшили не выходить совсѣмъ на работу. На другой день они также не пошли на работу и съ раняго

утра стали собираться къ намъ во дворъ. Мы всё еще спали. Прислуга перепугалась—разбудили мамá. Она, наклонувъ пенюаръ, вышла къ нимъ.

Многіе изъ крестьянъ даже не сняли шапокъ при видѣ ея. Мамá не смутилась и не струсила, а строго и недовольнымъ тономъ стала съ ними говорить, на что нѣкоторые не совсемъ дружелюбно отвѣчали: тогда мамá возвысила голосъ и требовала выдать зачинщиковъ безпорядка, сказавъ, что если они этого не сдѣлаютъ, то она сейчасъ по-лѣтъ за исправникомъ и становымъ, которые по-своему съ ними раздѣляются. Приказчикъ, стоявшій около мамá, былъ какъ въ лихорадкѣ и все повторялъ: «Ваше сіятельство! уходите, вѣдь это разбойники, они васъ убьютъ!» Мамá, приказавъ ему замолчать, продолжала говорить. Крестьяне одинъ за другимъ стали снимать шапки и наконецъ, ставши на колѣни, просили прощенія, и выдавъ виновниковъ безпорядка, прямо отъ крыльца пошли въ поле на работу. Мамá въ наказанье взяла у нихъ два дня не въ зачетъ, а главного виновника бунта отправила на нѣкоторое время въ исправительный домъ, такъ какъ у нея тѣлесныя наказанія не практиковались. Этотъ урокъ и наказанія послужили въ пользу мужику — онъ впоследствии сдѣлался самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою. Первый приѣздъ посредника ознаменовался слѣдующимъ эпизодомъ. Евграфъ явился къ нему жаловаться на «княгиню» и посредникъ, разобравъ его жалобу, пришелъ къ намъ съ очень серьезнымъ лицомъ и, обращаясь къ мамá сказалъ:

— Княгиня! я сію минуту выслушалъ на васъ жалобу одного вашего служащаго и признаюсь удивлюсь вашему жестокосердію.

Мамá, легко пугавшаяся, не на шутку испугалась и съ видомъ удивленія спросила:

— Что такое, что я сдѣлала?!

— Вашъ лакей Евграфъ, отвѣтилъ посредникъ, обиженъ тѣмъ, что вы его одѣваете какъ старика: другаго цвѣта кромѣ чернаго не позволяете носить.

Много мы всё смѣялись надъ этой жалобой, и мамá рѣшила прибавить Евграфу жалованья съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ одѣвался какъ знаетъ. Онъ воспользовался этой свободой и сшилъ себѣ туалетъ, подходящий къ его молодымъ годамъ. Въ первый праздникъ нарядился онъ въ свѣтло-розовые паяталоны и лиловый галстухъ, само-довольно оглядывая себя! Но къ несчастью, всё его невѣсты дѣвичьей осмѣяли его, и онъ, повѣривъ имъ, что червыи цвѣтъ болѣе ему къ лицу, опять облекъ себя въ старческій туалетъ, хотя иногда, по болѣ-шимъ праздникамъ, украшалъ себя цвѣтными галстухами.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ, когда мы еще не спали, приѣхала къ намъ изъ Петербурга новая гувернантка m-me К. Мамá позвала насъ и подвела къ ней сказавъ: «Voici vos futures élèves». Она насъ

испугала своимъ необыкновеннымъ ростомъ: въ ней было 2 ар. 10 вершковъ и ей пришлось очень низко нагнуться, чтобы подѣловать насъ. Необыкновенный ростъ m-lle К. возбуждалъ всеобщее любопытство. Такъ однажды, когда мы, будучи въ Пензѣ, пошли въ церковь, то прохожіе останавливались и оглядывали ее съ ногъ до головы. Въ церкви-же у одного господина любопытство дошло до того, что онъ подошелъ къ ней и поднялъ вуаль, желая убѣдиться дѣйствительно-ли это женщина.

M-lle К. была добрая, привязчивая, очень веселая, и мы скоро ее полюбили. Она научила насъ всевозможнымъ забавнымъ играмъ и сама принимала участіе въ нихъ.

Но, несмотря на ея веселость, часто напала на нее грусть и вотъ причина: она постоянно видѣла во снѣ своего умершаго отца и видѣла его несчастнымъ; сны эти, ужасно ее мучали, и она часто говорила, что ей недостаетъ въ ея религій молитвы объ усопшихъ; тогда мамá посовѣтовала ей подавать на проскомидію, а ей дала обязанность зажигать наканунѣ праздниковъ всѣ лампы въ домѣ, и называя ее своей «весталкой», совѣтовала при зажиганіи лампадокъ молиться за упокой души ея отца. Совѣтъ этотъ не прошелъ даромъ—она успокоилась и перестала видѣть тяжелые сны. Эти молитвы и покой душевный приблизили ее къ нашей православной религій: она часто стала ѣздить съ нами въ церковь, и свѣтъ, разливаемый ею въ лампадахъ, просвѣтилъ и ея душу—она перешла въ православную вѣру.

Живши безвыѣздно въ Огаревѣ, мы росли далеко отъ родныхъ и друзей, а между тѣмъ, всѣ желали видѣть насъ: нѣкоторые, изъ любви къ нашимъ родителямъ, другіе—изъ любопытства. Мамá не имѣла достаточно средствъ, чтобы везти насъ къ роднымъ на показъ и рѣшила снять фотографіи и разослать ихъ всѣмъ желающимъ насъ видѣть. Итакъ, въ одинъ прекрасный день мы собрались въ первый разъ въ Пензу. Радость была большая, и само собою разумѣется, что, не выдавши давно ничего кромѣ Огарева, Пенза произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ. Повезли насъ въ театръ, гдѣ давали «Эмеральду» и «Аскольдову» могилу». Вернувшись въ Огарево, я долго бредила театромъ и писала на всѣхъ тетрадахъ даже Катенькѣ въ альбомъ, изливая свой восторгъ при воспоминаніи о Пензѣ.

Въ 1862 году отецъ вернулся въ Россію; получивъ разрѣшеніе отъ императора Александра II, онъ, при воспоминаніи о своемъ возвращеніи на родину, писалъ въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Кто не испыталъ сладости возвращенія на родину тогда, когда, вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, уже составилось тяжкое убѣжденіе, что возвращеніе невозможно,—тотъ вполне не можетъ оцѣнить всю истину и глубину извѣстнаго изреченія: «и дымъ отечества пріятенъ». А потому, возвратившись на родину и приступая къ описанію моей

жизни, прежде всего не могу не сказать, какъ глубоко запало въ мое сердце чувство благодарности и преданности къ тому, который далъ мнѣ отраду этого возвращенія».

Мать-же, оставивъ насъ въ Огаревѣ и уѣхавъ по дѣламъ, писала намъ 14-го октября того-же года:

«Дорогіе мои дѣти! въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ могу только разцѣловать васъ тысячу разъ и сказать вамъ, какъ горячо люблю васъ и какъ грустно мнѣ было расстаться съ вами опять. Будьте умны, дорогія мои дѣвочки, украшайте умъ свой и сердца ваши знаніями, чтеніемъ хорошихъ книгъ и слушайте добрые совѣты вашей наставницы. Если-бы вы знали, какъ люблю я васъ и какъ желаю я видѣть въ васъ одно хорошее! Объявляю вамъ, мои милыя, что отецъ вашъ вернулся въ Россію! Передъ своимъ отъѣздомъ я не могла вамъ сказать объ этомъ, потому что извѣстіе это пришло за нѣсколько минутъ до разлуки съ вами и я была слишкомъ взволнована и тѣмъ и другимъ...

«Можетъ быть папá прійдетъ васъ навѣститъ; будьте милы и ласковы къ нему. Онъ добрый, но несчастный! Утѣшите его. Молитесь Богу утро и вечеръ. Скажите *m-me de Laveau* и Катенькѣ, чтобы онѣ приняли папá какъ можно лучше, чтобы всѣ его желанія были исполнены и чтобы ни въ чемъ не было недостатка. Господь да хравить васъ».

Въ 1863 году по первому зимнему пути, мы наконецъ двинулись всѣ вмѣстѣ въ дальнее путешествіе. Огарево опустѣло. Осталась тамъ одна Катенька, свыкшаяся такъ съ огаревской тихой и мирной жизнью, что ей никуда не хотѣлось выѣзжать оттуда. Дѣдушка, кн. Голлицынъ пригласилъ насъ на всю зиму погостить къ себѣ въ Курскую губернію, село Богородское. Я стремилась къ новымъ мѣстамъ и новымъ лицамъ! Ѣхать было весело—насъ была большая компанія: мамá, насъ трое, *m-me K.*, двѣ горничныя, поваръ и лакей. Ѣхали въ двухъ возкахъ и саняхъ. Путешествіе было длинное и утомительное, желѣзныхъ дорогъ по пути не было. Несчастливая *m-elle K.* ужасно страдала въ возкѣ по случаю своихъ длинныхъ ногъ, которыя то высовывала въ окно, то садилась на козлы—расправлять ихъ, то выходила и шла прыжкомъ. На почтовыхъ станціяхъ, пока перепрягали лошадей, мы пили чай, грѣлись и кушали, съ большимъ аппетитомъ, заготовленные на дорогу пирожки съ канустой и вареньемъ, куры, утки и т. д. У мамá было много друзей по дорогѣ, и мы ко всѣмъ заѣзжали, останавливаясь на нѣсколько дней, поэтому Ѣхали долго. Дѣдушка и бабушка (мачиха отца) встрѣтили насъ очень радушно. Первое время, все насъ интересовало и забавляло въ Богородскомъ, но скоро мы стали тосковать объ Огаревѣ. Мы чувствовали себя не дома, не было той свободы, той простоты. Пришли святки, мы также на-

ряжались, плясали, но праздники показались намъ скучнѣе огаревскихъ. Пришла Пасха, и она намъ показалась совсѣмъ не такой радостной какъ въ Огаревѣ. Первое неудовольствіе было на то, что въ домѣ у бабушки было такъ всегда чисто, что передъ великимъ праздникомъ мы не ощущали перемѣны, все оставалось на своемъ мѣстѣ, ничто не выносилось, не выбивалось, не мылось, и мы потихоньку говорили: «какая скука! совсѣмъ не похоже, что мы наканунѣ Свѣтлаго Праздника! то-ли дѣло у насъ въ Огаревѣ!» Бабушка, кн. Вѣра Θεодоровна рожденная Пешмень, воспитывалась у прабабушки кн. Анны Александровны Голицыной, которая своимъ вліяніемъ заставила воспитанницу полюбить православную вѣру, въ которую она и перешла. Она, говорятъ, была хорошенькая блондинка, образованная, умная, хорошо воспитанная.

Дѣдушка овдовѣвъ влюбился въ нее и женился противъ желанія матери и всѣхъ родныхъ, которые находили, что бракъ неравенъ. Но вскорѣ всѣ ее полюбили, несмотря на то, что она была очень строга, какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ. Дѣдушка и вся его семья очень ее любили и уважали. Когда дѣдушка разстроилъ свое состояніе и Богородское должно было идти кредиторамъ, сестра его Татьяна Борисовна Потемкина, какъ ангель-хранитель своего семейства, посѣщала брата на помощь, выкупила его имѣнье, но передала бабушкѣ Вѣрѣ Θεодоровнѣ, которая съ тѣхъ поръ завѣдывала всѣми дѣлами сама. Отецъ мой также очень любилъ ее и съ глубокимъ уваженіемъ относился къ ея качествамъ. Въ началѣ, когда мы гостили въ Богородскомъ, я боялась бабушку, такъ какъ она не пропускала ни одной неловкости, ни одной оплошности въ насъ и всегда все замѣчала, но потомъ я любила ее и пользовалась также ея расположеніемъ. Она часто, бывало, заставляла меня пѣть романсъ: «Гори, гори, моя лампада» и говорила «j'aime la voix pure d'Hélène et aussi son front si pur» ¹⁾.

У нихъ было два сына, Борисъ и Николай ²⁾. Дѣдушка Николай Борисовичъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ. Несмотря на свою застѣнчивость и разсѣянность, онъ былъ всегда пріятнымъ въ обществѣ; говорилъ умно, краснорѣчиво и былъ до старости поклонникомъ прекраснаго пола. Онъ игралъ замѣчательно хорошаго виолончели, такъ что лучшие артисты, европейскіе знаменитости, считали за удовольствіе играть съ нимъ. Однажды я слышала его на музыкальномъ вечерѣ у

¹⁾ „Я люблю, чистый голосъ Елены, а также ея непорочный лобъ“.

²⁾ Дядя Борисъ Николаевичъ былъ любимецъ матери, а дядя Николай Николаевичъ незаслуженно и несправедливо не пользовался ни лаской, ни любовью матери, что конечно должно было горечью отражаться въ его добромъ и горячемъ сердцѣ.

Т. В. Потемкиной, играющимъ съ знаменитымъ віолончелистомъ Seguais, и общіе толки были тогда, что трудно сказать, кто лучше игралъ— артистъ или дилетантъ?... Вышли за-границей, дѣдушка познакомился съ Бетховеномъ, съ которымъ подружился, и чуть ли не онъ привезъ его въ Россію. Есть нѣсколько сочиненій Бетховена, посвященныхъ ему. Дѣдушку въ домѣ не было слышно: онъ кромѣ своихъ книгъ и віолончели, ничего не зналъ, ни во что не входилъ; все управлялось его женой, и рѣдкій порядокъ въ домѣ велся ею. Дѣдушка очень любилъ поэзію, часто декламировалъ и самъ писалъ стихи.

Когда мы у него гостили, онъ по вечерамъ или игралъ на віолончели, или забавлялъ насъ разказами о себѣ и о проказахъ нашего отца. Онъ былъ такой добрый и ласковый къ намъ и если-бъ юность умѣла разумно цѣнить людей, ихъ умъ и знаніе, то можно было-бы многому научиться отъ него и много послушаться и запомнить интересныхъ разказовъ, но къ несчастью, я была тогда почти дитя, и все слышанное позабыто; онъ былъ также участникомъ Отечественной войны, но въ юнкерскомъ чинѣ. Смѣшно, что остался у меня въ памяти, одинъ только пустой, но смѣшной разказъ его о шалостяхъ отца. Конечно тогда намъ, дѣтямъ, этотъ разказъ былъ переданъ дѣдушкой совершенно просто, не такъ, какъ я его передаю и какъ впоследствии слышала, бывши взрослой— конечно отъ ухаживанія, любви и успѣхъ въ то время съ дѣтьми не говорили. Вотъ этотъ разказъ: отецъ и дѣдушка какъ то разъ проводили зиму вмѣстѣ въ Петербургѣ; кругъ знакомыхъ конечно былъ тотъ же; оба они любили поухаживать за дамами, но дѣдушка, зная успѣхъ отца въ дамскомъ обществѣ и любовь отбивать у него симпатію дамъ, старался скрыть, которая изъ нихъ пользуется его вниманіемъ, боясь чтобы сынъ не разбилъ всѣхъ его воздушные замки. Но трудно было маскироваться отъ опытнаго взгляда сына—и мечты дѣдушкины разбивались въ дребезги...

Однажды онъ собрался дѣлать визиты, принарядился, раздушился и передъ выѣздомъ велѣлъ подать закусить на скорую руку.

Подали къ закускѣ и лимбургскій сыръ, который дѣдушка велѣлъ отнести, говоря, что когда собираешься съ визитами, лимбургскій сыръ нельзя ѣсть. Отецъ, бывши въ комнатѣ, остановилъ человека сказавъ: «такъ какъ я, папа, сегодня не ѣду, желая вамъ дать полную свободу дѣйствій, позвольте оставить сыръ—я имъ займусь» и принялся кунзть. Между тѣмъ, у него въ умѣ было другое! когда дѣдушка нагнулся къ столу, выбирая закуску, онъ потихоньку вложилъ въ его карманъ кусокъ сыра, который дѣдушка опасался даже кунзть. Надушивъ себя еще разъ, боясь захватить съ собою дурной запахъ отъ близкаго соседства сыра и не подозревая, что онъ въ его карманѣ, дѣдушка уѣхалъ. Его ужасу и удивленію не было границъ, когда онъ, посѣщая элегантныя

салоны великосвѣтскихъ красавиць, былъ преслѣдуемъ невозможнымъ запахомъ... Въ каждой швейцарской онъ приказывалъ оглядывать свой туалетъ, не понимая откуда подобный запахъ, но все было на немъ чисто и элегантно. Онъ былъ въ отчаяніи, когда нѣкоторыя дамы при его появленіи не стѣсняясь держали носовые платки у носа... Не кончивъ визитовъ раздосадованный вернулся онъ домой и тамъ дѣло разъяснилось: въ карманѣ камердинеръ нашелъ кусокъ лимбургскаго сыра: «всегда этотъ проказникъ—Юрка вездѣ мнѣ насолить!» воскликнулъ дѣдушка...

Мы въ первый разъ встрѣчали весну на югѣ. Какъ ни любила я свою сѣверную огаревскую весну, какъ ни находила много прелестей въ ней, какъ ни наслаждалась мартовскимъ солнцемъ, сгоняющимъ такъ быстро снѣжныя груды, подъ которыми ручейки струились и которыми мы, бывало, давали свободный ходъ, расчищая лопаточками снѣгъ и любясь на воду, утекающую съ тихимъ журчаніемъ куда-то далеко по склону, какъ ни любила я слышать веселое чирканье разныхъ птичекъ, какъ ни радовалась первому крику журавлей и гусей, возвѣщающихъ тепло, какъ ни восхищалась первымъ пѣніемъ скворца—все эти прелести огаревской весны, по которой я собиралась тосковать, при воспоминаніи о ней потускнѣли... когда я, пораженный какъ бы чудомъ, увидѣла растущіе изъ-подъ тающаго снѣга голубые цвѣты съ красивыми тонкими ярко-зелеными листьями. Да вѣдь какіе! ярко-голубые, стройные! и какое ихъ было множество!.. Весь прелестный садъ дѣдушки, безъ преувеличеній, былъ какъ будто покрытъ голубыми коврами. Вскорѣ послѣ подснѣжниковъ, когда сошелъ снѣгъ, въ саду запахло такъ хорошо, какъ будто самые лучшіе духи были разлиты въ немъ—фіалки разцвѣли! Недалеко отъ дома были мѣловые горы, и у подножья ихъ было такое множество фіалокъ, что мы приносили ихъ цѣлыми корзинами, и весь домъ наполнялся гнѣжнымъ ихъ запахомъ. Въ первый разъ я поняла, что югъ можно любить болѣе сѣвера. На югѣ природа красивѣе и все-украшающее ея—лучше цвѣтеть, лучше пахнетъ, лучше поеть... Прилетѣли соловьи и такъ запѣли, что не ушелъ бы изъ сада! не даромъ «Курскіе соловьи» славятся, и ихъ тамъ такъ много, что легко можно было прослѣдить, какъ поетъ соловей, съ закрытыми или открытыми глазами. Они такъ увлекаются своимъ пѣніемъ, что подойдешь, бывало, близко и смотришь, какъ соловей, закрывши глаза, заливается.

Послѣ 9-го мая, отпраздновавъ дѣдушкины именины въ Богородскомъ, мы выѣхали въ Святія Горы (Харьковской губ.) къ бабушкѣ Т. Б. Потемкиной. Май мѣсяць для путешествій самый пріятный; онъ рѣдко бываетъ дурень у насъ на сѣверѣ, а ужъ на югѣ Россіи онъ такъ хорошъ, что забыть его трудно, и нельзя безъ восторга проѣзжать

деревни и села Малороссіи: маленькія избушки, снѣжной бѣлизны, какъ будто утопають въ сирени, розахъ и фруктовыхъ садахъ, въ полномъ пѣту... И чѣмъ дальше мы подвигались къ югу, тѣмъ я болѣе восхищалась Малороссіей, жалѣя о томъ, что русскіе не имѣютъ той потребности къ чистотѣ и любви къ красивому, какъ малороссы. Первая наша остановка была въ городѣ Корочѣ. Плохенькая почтовая станція съ полусгнившей лѣсенкой и страшнымъ идиломъ у входа; потѣшный станціонный смотритель немного покрасивѣе идола; соловей въ клеткѣ, завѣшенный зеленой занавѣской и поющій такъ-же хорошо, какъ въ саду у дѣдушки, но не дѣлающій того же отраднаго впечатлѣнія; любочныя картины, все насъ интересовало и мы въ ожиданіи лошадей, которыхъ намъ долго не подавали, вѣроятно за неимѣніемъ, все осмотрѣли.

Въ Харьковѣ мы остановились на нѣсколько дней; тамъ, мамѣ повела насъ знакомить съ родными. Въ то время былъ губернаторомъ ея двоюродный братъ, графъ А. К. Сиверсъ. Онъ жилъ въ домѣ Бахметевыхъ, въ томъ домѣ, гдѣ мамѣ прожила свою молодость. Изъ Харькова поѣхали къ тетѣ С. Н. Герасимовой, въ Хорошевъ монастырь. Она такъ рада была нашему пріѣзду, такъ ласково приняла насъ. Оттуда мы съ тетей С. Н. поѣхали въ Водолаги къ дядѣ Ивану Николаевичу Бахметеву; у него также погостили, и тамъ Богъ помогъ мнѣ избавить мамѣ отъ страшнаго несчастія: потерять за-разъ двухъ дочерей, а можетъ быть и всѣхъ трехъ. Вотъ какъ это случилось: мы каждое утро ѣздили купаться; рѣка была довольно далеко отъ дома, и насъ дядя предупреждалъ, чтобъ мы не удалялись далеко отъ купальни, такъ какъ рѣчка, хотя и узкая, но очень глубокая и полна водоворотовъ. Мамѣ вышла ранѣе всѣхъ, горничная была съ нею, я возилась на берегу, разыскивая въ пескѣ камушки и раковины, забавлявшіе меня, несмотря на мои 14-ть лѣтъ. Таня съ Соней отплыли довольно далеко отъ меня, и я види, что Таня впереди, и зная ея отважность, крикнула ей: «Таня, не плыви далеко, помни чтò сказалъ дядя!» и опять занялась своими камушками... вдругъ я услышала страшный, раздирающій крикъ... Я повернула голову по направленію крика, и что же я увидѣла? Саженьхъ въ 20-ти отъ меня, Таню и Соню, борющихся съ водою... Въ мигъ я поняла, что Таня попала въ водоворотъ и тонетъ... а Соня хочетъ ее вытащить, но выбивается изъ силъ... и въ эту минуту я, кромѣ влеченія скорѣй доплыть и вытащить Таню, ничего не испытывала, даже Господь избавилъ меня отъ страха и мысли, что мы можемъ утонуть! это и спасло насъ всѣхъ. Я бросилась къ сестрамъ на помощь!.. приплыла къ Танѣ, которая то шла подъ воду, то выскакивала, издавая страшные гортанные звуки, схватила ее подъ мышку и, видя ея порывъ, обхватить меня за шею, имѣла еще присутствіе духа закричать ей: «Не трогай меня!» и такимъ образомъ, повернувшись къ бе-

регу, втащида ее въ камыши, гдѣ она лишилась чувствъ... Я еще чувствовала себя сильной и хотѣла броситься къ Сонѣ, но увидѣвъ, что къ ней приплыла горничная на помощь, осталась, и тутъ только поняла, чему мы всё подвергались, и моментально, мнѣ какъ будто кто подкосилъ ноги, я не могла держаться на нихъ и опустилась въ камыши, гдѣ лежала Таня, которая приходила въ себя. Соня присоединилась къ намъ, тоже испуганная и блѣдная, и мы всё побрели на встрѣчу къ мамѣ...

Я не буду описывать Святые Горы, лѣтнюю резиденцію бабушки Т. Б. Потемкиной, куда мы поѣхали изъ Водолага, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ я опять вернусь туда, взрослой дѣвицей, когда воспоминанія мои о Святыхъ Горахъ дороже мнѣ и полюбвѣ, когда я уже могла цѣнить и любить горячо ту, которая воздвигла вновь монастырь на Святыхъ Горахъ и построила на нихъ не одинъ храмъ Божій!

Бабушка Потемкина предложила мамѣ провести лѣто въ ея маленькомъ имѣніи, Макашихѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Славянска и въ 14-ти отъ Святыхъ Горъ. Мамѣ, конечно, приняла это предложеніе, и мы поселились въ Макашихѣ на лѣто; каждое утро большой компаніей ѣздили купаться въ Славянскія соленыя озера (у насъ гостили Бахметевы, двѣ племянницы и племянникъ мамѣ, дѣти — брата ея Николая, круглыя сироты). Весело и дружно проводили мы время: по субботамъ ѣздили всё въ Святые Горы, гдѣ насъ встрѣчала дорогая, добрая наша бабушка, Татьяна Борисовна; она такъ любила молодежь, такъ привѣтливо, такъ ласково смотрѣла на насъ, что и наши молодые сердца не могли не отозваться на ея ласки, и мы всё полюбили ее. Захлопотали сдѣлать ей сюрпризъ, когда ожидали ея пріѣзда въ Макашиху. Николай Бахметевъ сдѣлалъ великолѣпный транспарантъ, фонарики для иллюминаціи, а мы шили костюмы для живыхъ картинъ, которыя большею частью были библейскаго содержанія. Впрочемъ, была одна картина романтическая и которая очень понравилась бабушкѣ—это Paul et Virginie, идущіе подъ листомъ; Paul—была я, а Virginie—Соня Бахметева подходящая подъ этотъ типъ. Нашъ сюрпризъ удался какъ нельзя лучше и самое для насъ пріятное было то, что обрадовалъ и утѣшилъ нашу добрую бабушку, которая всё время рассказывала, какъ ее молодежь встрѣчала и праздновала ея пріѣздъ въ Макашиху.

Между тѣмъ отецъ вернулся изъ-за границы. Его ждали въ Святые Горы. Сердца, любившія его, волновались и ожидали свиданія. Меня онъ пожелалъ видѣть первую, и мамѣ отправила меня къ бабушкѣ Т. Б. Потемкиной.

Когда я увидѣла этого могучаго великана, плачущимъ такъ горько, какъ онъ плакалъ, я поняла, какой адъ былъ въ его душѣ. Сколько было въ этихъ слезахъ жалости о потерянномъ, сколько раскаянья и сколько

нѣжности ко мнѣ! Когда мы успокоились отъ перваго избытка чувствъ, я взглянула на бабушку — она, этотъ ангель доброты, не менѣ насъ страдала... и я въ эту минуту особенно сильно ее полюбила.

На другой день пріѣхали сестры. За обѣдней, въ домовой церкви, отецъ горячо молился, и когда запѣли «Тебѣ поемъ», онъ склонился на одно колѣно и горько заплакалъ, простоявъ такъ во время всей молитвы, нагнувши голову на руку. Мнѣ такъ врѣзалась въ память горячая молитва отца, что я всегда, когда слышу «Тебѣ поемъ», вижу его, и невольно душа моя располагается къ молитвѣ.

На возвратномъ пути изъ Малороссіи въ Огарево, маму ожидало новое испытаніе и горе: разлука съ своими дѣвочками и отчасти недобровольная! Но она, привыкшая покоряться разнымъ невздамъ жизни, покорилась и тутъ, и рѣшилась, по совѣтамъ родныхъ отца, помѣстить сестеръ въ институтъ; меня она оставила при себѣ, такъ какъ не въ силахъ была остаться одна въ Огаревѣ, которое она не могла покинуть, не имѣя кому поручить хозяйство—тогда эмансипація отняла возможность у благоразумныхъ помѣщиковъ покидать имѣнія на произволъ судьбы. Больше всѣхъ, бабушка, княгиня Голицына, возставала противъ домашняго образованія, какъ недающаго диплома, который необходимъ бываетъ въ жизни. Мама, сознавая справедливость этихъ словъ, для блага дѣтей, рѣшилась пожертвовать своимъ душевнымъ спокойствіемъ и помѣстила Сою и Таню въ Тамбовскій институтъ, гдѣ была начальницей ея другъ, Е. Д. Тимофѣева, рожденная Краунъ, умная, образованная, хорошая и сердечная женщина, и ей она поручила своихъ дѣвочекъ. Итакъ, наше Огаревское гнѣздышко начало разстраиваться!..

Мы съ мамѣ грустныя возвращались домой, оставляя за собою двухъ дорогихъ институточекъ въ длинныхъ камлотовыхъ платьяхъ и бѣленькихъ фартучкахъ.

Быль октябрь мѣсяцъ. Холодный вѣтеръ врывался къ намъ въ карету и завывалъ грустную, осеннюю пѣснь... Не радостно было ѣхать домой, не всѣ возвращались вмѣстѣ, какъ выѣхали! Дорога становилась все хуже и хуже, тучи ходили такія черныя и низкія, что можно было ждать снѣга, и мама тревожилась, что придется бросить карету. Подъѣзжая къ Спасску, пошелъ хлопьями снѣгъ, землю такъ сковало, что карета наша прыгала съ кочки на кочку, и ямщики, не жалѣя ни се, ни наши бока, погоняли лошадей. Вдругъ мы почувствовали, что какъ будто что-то оторвалось отъ кареты и услышали крикъ горничныхъ, которыя сидѣли сзади въ колясочкѣ, а ямщикъ, не замѣтивъ никакой перемѣны, продолжалъ скакать. Я высунулась въ окно, и что же увидѣла? На дорогѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, валялась колясочка, а изъ нея видѣлись ноги нашихъ двухъ горничныхъ! Остановили ямщи-

ка, лакой побѣжалъ вытаскивать упавшихъ и, къ счастью, привелъ ихъ невредимыми. Посадили ихъ въ карету и поѣхали. Зима настоящимъ образомъ начинала входить въ свои права, все было покрыто снѣгомъ, и наша карета принимала все болѣе и болѣе печальный видъ. Правда, она была древнихъ лѣтъ и морозъ безъ жалости такъ ее пристукнулъ, что дверцы разѣхались, пришлось ихъ связывать веревками и колеса еле-еле двигались... Стало темнѣть, и ящикъ сказалъ, что онъ и до Спасска (оставалось пять верстъ) не можетъ довести, а что тутъ есть предводитель въ первомъ селѣ, у котораго можно попросить возокъ или сани. Мама велѣла ѣхать къ нему. Подѣхавъ къ крыльцу, человекъ побѣжалъ просить ночлега для прїѣзжей княгини Голицыной.

Гостепріимный хозяинъ самъ выбѣжалъ на крыльцо принимать насъ, но какъ мы ни порывались выйти скорѣй изъ кареты — невозможно было. Веревки распутали, а дверцы не отрывались — такъ онъ примерзли, что потребовался топоръ, съ помощью котораго мы, наконецъ, могли вылѣзть изъ нашей злосчастной кареты. Только русскій помѣщикъ способенъ незнакомыхъ ему людей обогрѣть, накормить, съ такимъ радушіемъ принять, какъ мы были приняты въ семействѣ г-на Бедряги. На другой день насъ снабдили возкомъ, и мы продолжали свой путь и благополучно доѣхали до Огарева.

Можно себѣ представить, какъ въ Огаревѣ было грустно и пусто безъ сестеръ, какъ мама тосковала и беспокоилась о нихъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалась извѣстія изъ института. Но городъ былъ отъ насъ далеко, почта ходила медленно, желѣзныхъ дорогъ не было, такъ что все это прибавляло безпокойство любящему сердцу матери. Изъ института вѣсти были не особенно утѣшительныя. Таня, бывши очень слабого здоровья, постоянно была чѣмъ-нибудь больна и это была главная причина, по которой мама, черезъ три мѣсяца по вступленіи сестеръ въ институтъ, рѣшила взять ихъ назадъ. Свои мученья, безпокойства, тоску она перенесла бы, ей этому не учиться было, но рисковать отнять послѣднее здоровье у дочери изъ-за удовольствія, что она получила бы дипломъ, мама не рѣшилась, и съ вѣрой и съ убѣжденіемъ, что Господь не оставитъ ее и поможетъ ей окончить воспитаніе и образованіе дочерей дома, она, отслуживъ напутствующій молебенъ, отправилась за сестрами Аграфену Ивановну, и онѣ прїѣхали къ празднику Рождества Христова, внося къ намъ радость и веселіе. Мы опять зажили нашей мирной огаревской жизнью, охраняемая заботливостью нашей матери и ея молитвами. Мама всегда боялась мужскаго элемента для огаревского женскаго монастыря и почти съ такимъ же страхомъ встрѣчала каждаго вновь появляющагося мужчину, какъ встрѣтила разъ становаго Несмѣлаго, поэтому она избѣгала учителей, но пришлось все-таки время, когда слѣдовало распространить программу нашихъ

*

занятій, и мамá пригласила для насъ учителя—старичка съ семействомъ, состоящимъ изъ жены, дочери (карлицы) и сына. Дѣтство уходило... Мы серьезно стали сознавать необходимость знанія, стали съ интересомъ учиться, чему очень способствовалъ нашъ учитель, Илья Ивановичъ Третье. Онъ былъ человѣкъ очень образованный, относящійся съ любовью и пылкостью юноши ко всѣмъ предметамъ преподаваемымъ имъ. Соня совсѣмъ сдѣлалась серьезной барышней, рѣдко принимала участие въ нашихъ играхъ и сидѣла гдѣ-нибудь въ уголкѣ, съ сочиненіями любимаго своего въ то время поэта—Некрасова.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Новый годъ мы поѣхали встрѣчать въ Новгородскую губернію, въ село Оброчное, къ двоюродному брату матери: Александру Яковлевичу Потемкину ¹⁾, который обѣщалъ своимъ племянницамъ и сосѣдямъ балъ съ оркестромъ, выписаннымъ изъ Нижняго. Тогда въ деревняхъ всѣмъ помѣщикамъ жилось лучше, чѣмъ теперь, а у Потемкина бывало веселѣй, чѣмъ у кого-либо, такъ какъ хозяинъ дома не только любилъ веселить молодежь, но и самъ не отставалъ отъ нея. Несмотря на свою полноту и большой ростъ онъ былъ граціозенъ, легкокъ и танцевалъ артистично; любилъ также доказывать молодежи, что не умѣютъ они такъ танцевать, какъ танцовали въ его время. Да и правда—съ нимъ невозможно было состязаться: трудный танецъ «матлотъ» онъ исполнялъ не хуже любого балетмейстера.

Вообще дядя Потемкинъ былъ человѣкъ съ большимъ вкусомъ и интересовался всѣмъ: была у него прекрасная бібліотека, былъ онъ хорошиій хозяинъ, а ужъ садоводъ какихъ трудно найти и эта отрасль въ Оброчномъ въ особенности процвѣтала. Онъ не только былъ любитель-садоводъ, но и знатокъ; у него были рѣдкія оранжереи и садъ фруктовый; 25 садовниковъ, кромѣ главнаго нѣмца, ухаживали за чудными его оранжереями. Когда сѣзжались къ нему гости, онъ съ гордостью водилъ ихъ туда и было на что полюбоваться. На балахъ въ Оброчномъ барышни украшались его цвѣтами, но не всѣ, а лишь только избранныя, такъ какъ онъ каждымъ цвѣткомъ дорожилъ, какъ брильянтомъ.

Итакъ, къ новому 1865 году, всѣ мы собрались у Потемкиныхъ, куда сѣхались и всѣ сосѣди дальніе и ближніе и готовились къ балу. Такъ какъ въ деревнѣ никогда Рождественскіе праздники не проходили безъ костюмированія, то мы захватили съ собой изъ Огарева разные костюмы, и я взяла свой синій сарафанъ.

¹⁾ А. Я. Потемкинъ былъ женатъ на графинѣ Варварѣ Александровнѣ Толстой, очень умной и достойной женщинѣ; онъ былъ сынъ героя Отечественной войны—Якова Алексѣевича Потемкина, а мать его была Варвара Димитріевна Бахметева.

Я съ дѣтства любила до страсти русскую пляску, но въ большомъ обществѣ никогда не плясала. Во время самаго разгара бала, подъ Новый годъ, кто-то изъ моихъ друзей, кажется Ольга Философова, подала мысль заставить меня проплясать «русскую». Оркестръ заигралъ трепака! Когда я услышала любимые, родные звуки, исполняемые у насъ, въ Огаревѣ, гармоніей, или фортепiano, а тутъ оркестромъ—душа у меня загорѣлась, духъ захватило, а ноги сами заходили! Уговаривать меня плясать, конечно, не надо было! Я сняла свой бальный туалетъ, сбросила съ головы цѣпты, заплела свои волосы въ косу, надѣла сарафанъ, кокошникъ съ фатой—я не шла, а летѣла въ залъ, подъ звуки родной моей пляски!..

Нашелся кавалеръ, такой же любитель плясать какъ я, высокій, статный блондинъ Н. Н. Панюгинъ, стрѣлокъ его величества, и мы, взявшись за руки, начали съ плавной, граціозной «русской», а кончили подъ удалую «ахъ! Настасья!..»

Не даромъ каждая нація имѣетъ свою родную пляску, которую изучить нельзя, если нѣтъ врожденной къ ней страсти. Пляшущіе вдохновляются народными звуками... въ каждомъ незаученномъ ихъ движеніи виденъ характеръ націи. Возьмите «тарантеллу», пляску южную, горичую, какъ сами итальянцы; возьмите вальсъ: методичный, акуратный и сентиментальный, какъ нѣмецъ; а «мазурка», элегантная, бьющая на эффектъ—характерная черта поляковъ, для дамъ же «мазурка» — это обширное поле для граціи и кокетства, въ чемъ и отличаются польки. Наша русская пляска сначала плавная, граціозная, спокойная, какъ и нашъ братъ—спокоенъ и мягокъ, пока не расшевелитъ его «ретивое»; такъ и въ русской народной пляскѣ, звуки «трепака» пробуждаютъ удаль.

Меня никто не училъ плясать, но я была настоящая «русская дѣвушка», выросшая въ русской деревнѣ, и когда бывало слышала я пѣсню «Шла дѣвица за водой, за холодной ключевой», то невольно руки мои поднимались надъ головой и хотѣлось плавно, какъ лебеди плынуть по водѣ, неслышно выступать, не касаясь почти пола... Когда же такая музыка переходила на «трепакъ», или «барыню»—вскинешь, бывало, плечами, посмотришь на своего кавалера... и пойдешь плясать такъ, что никого и ничего уже не видишь, отдаваясь всей душой роднымъ звукамъ!.. только сердце заставляло бросать пляску—такъ сильно оно билось! Но тогда, на балѣ въ Оброчномъ, другіе звуки пробудили меня: шумъ аплодисментовъ и крики: «браво! браво!» ...Что-то новое, неиспытанное доселѣ:—«усгѣхъ», закружилъ мнѣ голову, и я, чтобы не упасть, подала руку своему кавалеру, и пройдя съ нимъ, лицомъ къ публики, всю залу на каблучкахъ (такъ кончала я всегда свой «трепакъ») мы отвѣсили всѣмъ низкій, русскій поклонъ, за что получили еще аплодисменты и «браво!»

Всѣ обступили меня съ просьбою еще проплясать, и дядя, не любившій отставать отъ молодежи, предложилъ быть моимъ кавалеромъ. Ольга Ф-ва, фрейлина императрицы Маріи Александровны, подошла ко мнѣ и сказала: «ты такъ хорошо плянешь, что можешь плясать и передъ самимъ государемъ—надо это когда-нибудь устроить!..» Мамà, услышавъ это, испуганно сказала: «*Chère Olga! pourquoi lui montez-vous la tête?!*»¹⁾).

Такъ встрѣтила я Новый годъ въ сарафанѣ, окруженная кавалерами, которые по очереди считали «своей обязанностью» дѣлать комплименты пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, и прощала съ я--не сознавая тогда этого, съ своимъ счастливымъ, дорогимъ дѣтствомъ, съ своими чистыми, свѣтлыми думами, безхитростными забавами и мечтами!.. Неумолимое время уносить все за собой—такъ оно уносило и наше дѣтство...

Воспоминанія мои о дѣтствѣ, юности, молодости такъ тѣсно связаны съ дорогимъ братомъ Евгениемъ, что я, прощаясь съ дѣтствомъ, съ любовью удѣляю страннику въ моихъ воспоминаніяхъ для доброй памяти о немъ. Да, онъ былъ для насъ и братомъ, и другомъ, и отцомъ--- онъ жилъ нашей жизнью: онъ радовался, когда мы были веселы, и былъ печаленъ, когда мы плакали!.. заботы, мечты его были о насъ и для насъ.

Для матери онъ былъ самымъ нѣжнымъ, преданнымъ сыномъ, и она въ немъ «души не чаяла». Всѣ домашніе также любили «молодаго князя»; отношенія его къ прислугѣ и живущимъ въ домѣ матери были самыя сердечныя и симпатичныя—безъ ласковаго слова или шутки онъ никогда не проходилъ мимо кого-либо. Довѣрчивый, любящій и свисходительный, онъ часто сталкивался въ жизни съ людьми, которые пользовались его довѣріемъ, добротой и обманывали его; но эти печальные уроки не уничтожали въ немъ любви къ людямъ и желанія имъ добра—онъ прощалъ, не помнилъ зла и продолжалъ вѣрить въ добро и людей! О немъ говорили, что «онъ въ отъявленныхъ, скверныхъ людяхъ умѣлъ находить тайникъ свѣжести и хорошія стороны». Вслѣдствіе спартанскаго воспитанія, даннаго ему отцомъ, въ немъ выработалась, съ ранняго дѣтства, отважная, сильная натура, любящая сильные ощущенія; страха для него не существовало и онъ любилъ преодолевать опасности: такъ у отца нашего, въ Салтыкахъ, была организована пожарная команда, въ которой братъ, бывши еще мальчикомъ, принималъ дѣятельное участіе, а когда бывало, впоследствии, взрослымъ человѣкомъ, онъ слышалъ набатъ или видѣлъ зарево—то не могъ оставаться безучастнымъ и летѣлъ на мѣсто пожара тупить и спасать людей отъ огня! Не разъ приходилось ему спасать и тону-

¹⁾ „Дорогая Ольга! зачѣмъ вы ей кружите голову?“

шихъ. Физически онъ былъ закаленъ, но нравственно—былъ мягокъ и чувствителенъ. Морская служба была ему по-душѣ и когда, по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ оставлять ее на время, то тосковалъ по морю и товарищамъ. Въ то время, когда братъ воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, директоромъ былъ Воинъ Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, котораго онъ любилъ и глубоко уважалъ. Это былъ примѣрной честности и справедливости человекъ. Корпусъ подъ его надзоромъ выпускалъ молодежь хорошо воспитанную, съ хорошими задатками и правилами. Воспитателемъ брата былъ Алексѣй Николаевичъ Епанчинъ, впоследствии директоръ Морскаго корпуса, котораго онъ также любилъ и уважалъ. Не мудрено, что, вручая дѣтей хорошему начальству, родители получали любящихъ сыновей, вѣрующихъ въ Бога, честныхъ юношей, готовыхъ служить отечеству вѣрой и правдой.

Когда братъ вышелъ изъ гардемариновъ въ мичманы, мать хотѣла прибавить ему содержаніе и вмѣсто трехъ сотъ рублей назначила пять сотъ, но онъ отъ этого отказался, сказавъ, что ему «совѣстно получать больше своихъ друзей-товарищей, людей небогатыхъ» и просилъ эти деньги употребить для сестеръ. Когда отецъ отдалъ намъ свое состояніе, братъ отказался въ пользу насъ отъ своей части. Безкорыстный, правдивый, добродушный онъ былъ любимъ всѣми, кто хорошо его зналъ; но въ большомъ обществѣ, гдѣ его мало знали, онъ терялся, такъ какъ былъ застѣнчивъ и разсѣянъ; въ тѣсномъ же кругу былъ остроуменъ и забавенъ.

Остроуміе и любовь пошутить и пошалить онъ унаслѣдовалъ отъ отца; талантовъ же отцовскимъ онъ не наслѣдовалъ, но страстно любилъ музыку, которая трогала его иногда до слезъ. Онъ интересовался развитіемъ въ насъ талантовъ и поощрялъ ихъ, заботясь о томъ, чтобы ничего намъ не доставало для изученія музыки. На мой голосъ онъ возлагалъ большія надежды и съ любовью отца слушалъ меня; а когда, послѣ снѣгата мною его любимаго романа, онъ подходилъ поцѣловать меня, я видѣла въ глазахъ его слезы... Вотъ очеркъ его наружности и характера, который я нашла въ старой тетради его друга дѣтства, Катеньки Θεодоровой, и который вѣрно рисуетъ его молодые годы:

«Высокъ ростомъ, имѣлъ черты правильныя и красивыя; видъ мужественный и скромный вмѣстѣ. Въ обществѣ казался онъ даже нѣсколько угрюмъ, смотрѣлъ задумчиво и разсѣянно и рѣдко кому улыбался; за то улыбка его была пріятна, какъ отъ скупаго дорогой подарокъ; только въ пріятельскомъ кругу скупой дѣлался расточителемъ. Незнакомые почитали его холоднымъ и мрачнымъ,—онъ весь былъ любовь и чувство. Былъ чрезвычайно вспыльчивъ и нетерпѣливъ, его необычайная сила разсудка, коими одарила его природа, останавливала его въ предѣлахъ умѣренности. Это вѣчная борьба съ самимъ собою, въ которой почти

всегда оставался побѣдителемъ, проявлялась и въ рѣчи его,—онъ заикался. Когда же касался важнаго предмета, то говорилъ плавно, чисто, безостановочно, та же чистота была въ душѣ, въ слогѣ и даже въ почеркѣ пера».

Братъ мой десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ свидѣтелемъ Крымской кампаніи ¹⁾, а черезъ 23 года самъ былъ участникомъ въ послѣдней турецкой войнѣ. 11-го іюля 1877 г. на «Вестѣ» видѣлъ смерть въ двухъ шагахъ отъ себя, защищая собою или, вѣрнѣе сказать, служа щитомъ капитану Баранову. Онъ зналъ, что храбрый командиръ «Весты» Барановъ въ минуту опасности былъ сила могучая, двигающая и воодушевляющая героевъ, и оберегалъ его жизнь, жертвуя своею для спасенія «Весты» и ея команды ²⁾.

Когда была объявлена война 1877 г., братъ не служилъ во флотѣ и пошелъ добровольцемъ. Мать его благословила идти на войну, находя, что мѣсто ея сына было тамъ, гдѣ сражались за христіанъ его товарищи!.. И она, эта мать-героиня, провожая единственнаго, горячо любимаго сына, была спокойна, не проронивъ даже слезинки, полагаясь на милосердіе Бога!.. Она поддавала бодрость духа и товарищамъ его; ѣхали съ нимъ: капитанъ Барановъ, братья Перелешены, Кротковъ и другіе; кто-то изъ нихъ сказалъ ей:

— Если бы всѣ матери и жены провожали насъ такъ спокойно и героично, какъ вы, княгиня, провожаете вашего сына, то намъ легче было бы идти на войну и умирать!..

Надежда и упованіе на Бога оправдались и молитвы матери услышаны были Имъ. Вотъ письмо ея сына послѣ сраженія 11-го іюля 1877 года:

Николаевъ, пароходъ „Веста“, 28-го іюля 1877 г.

«Спасибо вамъ, милая дорогая мамаша, за ваше доброе, хорошее письмо. Богу угодно было меня сохранить какимъ-то чудомъ: вездѣ, гдѣ я былъ и кругомъ меня были смерть и гибель, а я остался почти невредимъ. Я контуженъ въ обѣ ноги, но такъ легко, что обѣ этомъ не стоить и говорить. Изъ тѣхъ товарищей, которые съ нами вмѣстѣ ѣхали, не осталось уже ни одного, кромѣ командира и меня. Старшій Перелешинъ контуженъ въ голову и оставилъ пароходъ; братъ его, милый, симпатичный человекъ, смертельно раненый въ ногу, на другой день

¹⁾ Гл. VI, ст. 174; см. „Русскую Старину“, апрѣль 1897 г.

²⁾ „Долгъ мой, доносилъ Барановъ, 12-го іюля 1877 г., заставляетъ меня упомянуть о самоотверженіи князя Голицына-Головкина; замѣта, что мостикъ въ особенности осыпается снарядами и что нѣкоторые изъ непріятельскихъ снарядовъ покрыли уже кровью весь мостикъ, дебриадированный мною отъ косякъ, въ виду прикрывшия ими машины, Голицынъ подъ всякими предлогами старался заслонить меня, желая мнѣ служить щитомъ“.

сраженія умеръ послѣ ужасной, мучительной операціи; ему отняли ногу почти у самаго паха. Кротковъ, сильно контуженный въ голову, кромѣ того получилъ безчисленное число ранъ. Сюртукъ его избить, какъ рѣшето. Кротковъ также насъ оставилъ. Командиръ получилъ три контузій.

«Трусовъ у насъ не было, но были герои, на которыхъ можно было молиться, такъ они были великолѣпны, столько было въ нихъ спокойной, сознательной отваги. Въ теченіе двухъ часовъ мы считали гибель свою неизбежною и, несмотря на это, ни одинъ человѣкъ не упалъ духомъ и исполнялъ свои обязанности, въ самомъ дѣлѣ, какъ на ученьи. Вашъ сынъ былъ не послѣднимъ—про него сказали, что онъ «счумѣлъ шиковать своею храбростію». Когда кончилось сраженіе, длившееся почти шесть часовъ, нервы и горечь потерь взяли свое: я зарыдалъ, какъ ребенокъ!

«Я всегда понималъ и понимаю важность значенія моей жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ нашего разоренія, вслѣдствіе котораго я былъ подъ гнетомъ тяжелыхъ и незаслуженныхъ нареканій—не могу не радоваться, что Богу угодно было дать мнѣ случай показать свою храбрость и сдѣлать ее извѣстной всей Россіи. Служебныя дѣла мои пошли необыкновенно быстро и хорошо. Въ одинъ мѣсяць я получилъ чинъ, Владимірскаго креста съ бантомъ и мечами, пожизненную пенсію, и настолько себя зарекомендовалъ, какъ морскою офицеръ, что уже назначенъ старшимъ офицеромъ «Весты».

«Скажу вамъ по правдѣ, дорогая мамаша, что намѣренъ я быть теперь осторожнѣе и не собираюсь слишкомъ подставлять своего лба. Такая счастливая удача и такой благополучный исходъ, вѣроятно, не повторятся, а я надѣюсь быть полезнымъ и близкимъ дорогимъ людямъ и, можетъ быть, Россіи. Вы помните, дорогая мамаша, какъ часто мнѣ удавалось завоевывать симпатію, здѣсь же это превосходить все прежнее и меня положительно носятъ на рукахъ. Если останусь живъ, служба моя послѣ войны пойдетъ совсѣмъ хорошо. Цѣлую ваши ручки. Вашъ сынъ Евгенийъ».

Черезъ 10 лѣтъ послѣ славнаго боя «Весты», а именно 10-го іюля 1887 года, братъ мой былъ въ Севастополѣ, куда нарочно поѣхалъ, чтобы поклониться въ этотъ достопамятный день могиламъ своихъ убитыхъ товарищей и помолиться за нихъ; какъ мнѣ помнится, онъ тамъ былъ одинъ—никого не было изъ его товарищей. 2-го сентября того же года его самого не стало!.. Онъ скончался въ своемъ маіоратномъ имѣніи Полтавской губ., мѣстечкѣ Константиновѣ, на 43-мъ году. Его преждевременная кончина тяжелымъ, непрогляднымъ горемъ отразилась на всей нашей семьѣ!.. Такого сына и брата терять было не легко!

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Эпиграма на стихи, сочиненные Гр. Хвостовымъ по поводу освященія
новой церкви Казанской Богородицы 15-го сентября 1811 года.**

Се храма новаго свершилось чудо!
Хвостовъ стихи скропалъ, и—говорять—не худо.

Виладковъ.

Эпиграма на Карамзина.

И даже Мирлифлоръ, прозопита дамской,
Мечтающій плѣнить то былью насъ, то сказкой,
Между сороками сидящій гоголькомъ
Горячую слезу лиющъ надъ василькомъ,
И онъ умреть.—Ахъ вѣтъ! какъ сахаръ онъ растеть,
Въ незриму превратится мглу;
И свѣтъ безсовѣстный во вѣки не узнаеть,
Что Стерномъ нѣкогда онъ слылъ въ своемъ углу.

Эпиграма на князя Шаховскаго и Шишкова.

Хотите ли, друзья, межъ Россѣями пѣвцами
Увидѣть записныхъ Карамзина враговъ?
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами,
И вотъ потѣющій надъ святцами Шишковъ.
Они умомъ равны; обоихъ зависть мучить;
И одного супить онъ, другого пучить.

Д. Блудовъ.

Изъ университета въ острогъ.

I.

Въ часть дня 5-го декабря 1880 года я случайно проѣзжалъ по Моховой мимо стараго зданія Московскаго университета и не могъ не замѣтить, что на университетскомъ дворѣ противъ входа въ правленіе стояла толпа студентовъ человѣкъ въ триста. Отъ одного моего знакомаго я узналъ, что студенты рѣшили просить ректора о смягченіи участи пятирхъ своихъ товарищей, исключенныхъ изъ университета и высылаемыхъ изъ города административнымъ порядкомъ; что ректоръ уклонился отъ свиданія съ ними и что они теперь вынуждены ждать встрѣчи съ нимъ на дворѣ, при входѣ его въ залу университетскаго совѣта, члены котораго уже съѣзжались и должны были черезъ часъ открыть засѣданіе подъ предсѣдательствомъ ректора.

На улицѣ, на тротуарѣ, передъ чугунной рѣшеткой, отдѣляющей университетскій дворъ отъ улицы, уже начала собираться толпа народа. Въ эту толпу вмѣшался и я, и, сознаюсь, не безъ нѣкотораго безпокойства за молодежь, сталъ слѣдить, чѣмъ кончится эта новая «студенческая исторія».

Студенты, очень легко одѣтые, совсѣмъ не по зимнему, накрываясь пледями, попрыгивали отъ холоду съ ноги на ногу, курили, ѣли на морозѣ горячіе пирожки и добродушно подшучивали надъ собой. Скоро къ университету лихо на парѣ въ пристяжку подскакалъ московскій обер-полицеймейстеръ. Онъ быстро вошелъ во дворъ, въ толпу, сказалъ тамъ нѣсколько словъ, которыя слышны были, можетъ быть, немногимъ ближайшимъ къ нему студентамъ и, при возгласахъ «скажите погромче,

ничего не слышно!» круто повернулся, вышелъ со двора и поскакалъ на Тверскую улицу, какъ мы догадывались, къ генераль-губернатору.

Впослѣдствіи я узналъ, что оберъ-полиціймейстеръ предложилъ студентамъ оставить университетскій дворъ и указалъ имъ, что они своимъ появленіемъ на дворѣ привлекаютъ на улицѣ публику. Студенты отвѣчали ему, что онъ имѣетъ возможность удалить эту публику, что они никакого безпорядка не желаютъ произвести и не производятъ, что они поджидаютъ на дворѣ своего ректора, который черезъ полчаса долженъ будетъ тутъ проходить.

Тотчасъ-же послѣ отъѣзда оберъ-полиціймestера студенты рѣшили, чтобы не привлекать публики и не входить въ столкновение съ полиціей, войти въ зданіе университета и помѣститься на тѣхъ лѣстницахъ и площадкахъ, на которыхъ, по ихъ расчетамъ, можно было встрѣтить ректора. Створчатая дверь университета, ведущая въ правленіе, въ канцелярію и въ совѣтъ, широко отворилась, и студенты начали входить въ нее медленно, понемногу и скоро вошли туда всѣ. На дворѣ не осталось ни одной души, не безъ умысла подчеркиваю эти слова.

Было два часа. Случайные зрители, покрывавшіе оба тротуара Моховой противъ университета, стали расходиться.

Настала тишина. Можно было-бы совсѣмъ успокоиться, если бы среди этой тишины не стали зловѣще медкать передъ нами одновременно старшіе городовые, подъѣзжавшіе къ университету и ординарные и экстраординарные профессора, члены совѣта, уѣзжавшіе изъ университета какъ-то бокомъ, не глядя ни на кого и тщательно кутаясь въ свои воротники. И тѣ и другіе ужасно спѣшили; казалось они не уѣзжали и пріѣзжали, а просто летали, реяли въ воздухѣ, подобно ласточкамъ передъ бурей.

Недаромъ было такъ тихо, недаромъ и ласточки летали: тучи не заставили долго ожидать себя. Вскорѣ со стороны Охотнаго ряда показалась масса солдатъ-городовыхъ, которые строемъ, человекъ по шести въ рядъ, прошли длинной вереницей мимо насъ, мимо университета и повернули налѣво, за уголъ, въ манежъ.

Завидя издали въ числѣ убѣгающихъ изъ университета одного знакомаго профессора, я перешелъ черезъ Моховую до противоположнаго тротуара, примыкающаго къ университету, и, ставъ ему поперекъ дороги, едва-едва остановилъ его.

— Куда-же это вы, гг. члены совѣта, такъ спѣшно разѣзжаетесь: вѣдь студенты, кажется, еще не успокоились?

— Что-жъ намъ дѣлать? Ректоръ не желаетъ показаться студентамъ, а они, какъ пчелы, набились во всѣ корридоры, по площадкамъ, по лѣстницамъ, такъ что яблоку упасть негдѣ: стоять и въ корридорѣ близъ залы совѣта, и какъ только при проходѣ кого-нибудь въ залу

дверь открывается, просятъ принять какую-то бумажку, гдѣ написано ихъ желаніе. Кто же могъ ихъ выслушивать, кто же могъ принять эту бумажку?

— Да вы, ихъ наставники, совѣтъ.

— Поймите, возразилъ профессоръ, если мы сегодня ничего не сдѣлали и ничего не дѣлаемъ, то потому, что не могли же мы открыть совѣтъ и совѣщаться; они своимъ присутствіемъ могли оказывать на насъ нравственное вліяніе.

— Ну, полноте, профессоръ, какое нравственное вліяніе могли оказывать на ваше совѣщаніе студенты?

— Они могли подслушивать, подсматривать въ щелку.....

— Ничего не понимаю, извините меня, профессоръ.

— Прощайте. Мы, члены совѣта, умываемъ руки.

Лишь только я проводилъ глазами профессора и перешелъ черезъ улицу на прежнее свое мѣсто, какъ на Моховой появились гнѣшіе жандармы, а за ними, ровню въ 3 часа, вадимая клубы снѣга, проскакалъ цѣлый эскадронъ конныхъ жандармовъ и повернулъ вправо, на Никитскую. Они заняли тамъ, на Никитской и въ Долгоруковскомъ переулкѣ, всѣ выходы изъ университета и, вернувшись назадъ на Моховую, стали цѣпью во всю длину университетскаго фасада по Моховой.

Вскорѣ изъ манежа привели на дворъ университета солдатъ-городовыхъ, которые и стали въ видѣ толпы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли студенты во время пріѣзда къ нимъ оберъ-полиціймейстера.

— Что же медлятъ арестомъ? слышатся вопросы публики. — Чего же ждуть? Ужъ лучше бы сразу и конецъ всему дѣлу.

Догадливые объясняли эту медлительность затруднительнымъ положеніемъ полиціи: она пришла арестовать студентовъ на улицѣ или по крайней мѣрѣ на дворѣ, а на дворѣ никого не оказывается:— всѣ студенты втѣснились въ зданіе университета.

Между тѣмъ студенты, занимавшіе лѣстницы и корридоры близъ залъ правленія, совѣта и канцеляріи, видя, что профессора бѣгутъ отъ нихъ и отъ всѣхъ ихъ просьбъ, старались давать имъ дорогу. Когда, вслѣдъ за исчезновеніемъ профессоровъ, студенты увидали, что университетъ оцѣпленъ полиціей, они вошли въ залу факультетскихъ засѣданій и тамъ рѣшили, что фактически они уже арестованы, окружены, что теперь имъ остается только позаботиться, чтобъ какое-нибудь письмо или простая записка при предстоящемъ обыскѣ не могли повредить какъ имъ, такъ и остальнымъ товарищамъ, оставшимся на свободѣ. Тогда каждый изъ этихъ четырехсотъ человѣкъ началъ рвать все, что попадалось въ карманахъ, Одинъ студентъ, рассказывая впоследствии мнѣ эту исторію, ужасно сожалѣлъ, что второпяхъ изорвалъ даже письмо своей матери, которымъ онъ очень дорожилъ. Затѣмъ сдѣланъ былъ

сборъ въ пользу исключенныхъ товарищей и, наконецъ, рѣшено было выйти всѣмъ вмѣстѣ на встрѣчу городовымъ.

По мѣрѣ того, какъ студенты выходили, городовые окружали ихъ и потомъ повели со двора. Здѣсь къ конвою присоединились конные жандармы. Студенты были окружены двумя концентрическими цѣпями: сначала шла сплошная цѣпь изъ пѣшихъ жандармовъ и городскихъ, а затѣмъ параллельно съ нею слѣдовала другая цѣпь, наружная, изъ конныхъ жандармовъ.

Печальная процессія, въ срединѣ которой по глубокому снѣгу шло четыреста студентовъ, двинулась изъ воротъ стараго зданія университета направо по Никитской, чрезъ Никитскія ворота, по Малой Никитской и потомъ повернула по Кудринской Садовой къ Старымъ триумфальнымъ воротамъ.

Арестованные шли молча. Только изрѣдка, и черезъ часъ по выходѣ изъ университета, стали слышаться просьбы студентовъ къ конвойнымъ офицерамъ: «пожалуйста, нельзя ли идти потише, дайте вздохнуть!» И тогда по всей наружной цѣпи, отъ одного коннаго жандарма къ другому, передавалась команда: «короче шагъ!» И этотъ преимущественно сильный, протяжный крикъ хоть нѣсколько оживлялъ печальную процессію, сильно напоминавшую погребальное шествіе. Какъ нарочно для поддержанія этого послѣдняго сходства, во время шествія, гудѣли колокола по всей Москвѣ, такъ какъ все это происходило вечеромъ наканунѣ Николина дня.

У старыхъ триумфальныхъ воротъ дали всѣмъ арестованнымъ отдохнуть, и отсюда повели ихъ по Оружейной улицѣ, идущей параллельно и лѣвѣе Триумфальной Садовой, по Новослободской и Острожской улицамъ—прямо въ острогъ, въ дверь со стороны Бутырской заставы. Все шествіе, отъ университета до острога, продолжалось около двухъ часовъ.

Само собою разумѣется, что мы, публика, не могли лично наблюдать дальше за этимъ прискорбнымъ, но крайне интереснымъ эпизодомъ жизни нашего роднаго университета. Но я рѣшился, насколько можно, прослѣдить эту «студенческую исторію» до конца и составить возможно полное ея описаніе; для этого и разспрашивалъ и переспрашивалъ многихъ очевидцевъ и участниковъ этого событія.

II.

На другой день, 6-го декабря, когда студенты въ острогѣ изнемогли отъ предшествовавшихъ волненій, голода, а главнымъ образомъ

отъ сильнѣйшаго холода того истопленнаго отдѣленія, въ которое ихъ помѣстили, г. ректоръ праздновалъ день своихъ именинъ, принималъ поздравленія и угощалъ своихъ сослуживцевъ и пріятелей. Въ слѣдующій затѣмъ день, 7-го декабря, друзья ректора стали рассказывать, что студенты избили ректорскаго пивейцара, выломали дверь къ ректору, намѣревались нанести оскорбленіе ректоршѣ. При этомъ передавали дословно и ту рѣчь, исполненную ума, краснорѣчія, а главное мужества, которую будто бы ректорша сказала студентамъ, и которою она ихъ будто бы обезоружила; рассказывали, какъ студенты должны были извиниться передъ ней и совсѣмъ отказаться розыскивать спрятавшася ректора; рассказывали, что ректоръ не могъ не передать студентовъ полиціи, такъ какъ между ними много «красныхъ», что даже между клочками бумаги, разбросанной студентами, на послѣдней сходкѣ, въ залѣ совѣта, нашли прокламаціи и проч.

Рассказамъ не было конца.

Нѣкоторые изъ этихъ вѣчныхъ болтуновъ тѣмъ охотнѣе, тѣмъ старательнѣе рассказывали всякія небылицы въ лицахъ, что, обливая студентовъ всякою грязью, они какъ-будто понемногу и себя очищали: что, молъ, оставалось намъ, благороднымъ людямъ, состарившимся въ либеральномъ говореніи, дѣлать, какъ не «умывать руки?!»

И чѣмъ дальше шли эти сплетни отъ своего перво-источника и чѣмъ ниже по общественной лѣстницѣ они спускались, тѣмъ чудовищнѣе, баснословнѣе онѣ становились: въ концѣ концовъ рассказывалось, что студентовъ за то посадили въ острогъ, что они изорвали на ректоршѣ платье въ клочки, а ректору проломили голову въ двухъ мѣстахъ. *Sic fama crescit eundo!*

Но этого мало.

Съ 6-го же декабря начались подобныя толки и разсужденія въ печати. «Русскія Вѣдомости», органъ г. ректора и другихъ такъ-называемыхъ либеральныхъ профессоровъ, напечатали, что они «убѣдились въ возможности, со стороны нашей молодежи, поступковъ, которые оставляютъ за собой всякое порицаніе» («Русскія Вѣдомости» 1880 г., № 315). Сваливъ вину на студентовъ, «Русскія Вѣдомости» въ слѣдующіе три дня, 7-го, 8-го и 9-го декабря, подъ видомъ борьбы съ «Московскими» и «Петербуржскими Вѣдомостями», въ трехъ передовыхъ статьяхъ, при помощи всевозможныхъ изворотовъ, старались выгородить г. ректора и университетскій совѣтъ изъ этой непріятной исторіи и раскрыть молодежи глаза на то, какой превосходный человѣкъ этотъ «уважаемый ректоръ» и какими наполненъ онъ хорошими намѣреніями относительно устройства студентовъ. При этомъ, какъ бы мимоходомъ, «Русскія Вѣдомости» считали долгомъ заявить свою благодарность и полиціи за содѣйствіе въ слѣдую-

шихъ выраженіяхъ: полиція «исполнила свою обязанность съ подобающею сдержанностью, какъ, вѣроятно, ей указано было ближайшимъ начальствомъ, соединявшимъ настойчивость власти съ гуманностью приемовъ, что не можетъ не быть въ немъ цѣнимо».

Другія газеты, не имѣющія въ числѣ своихъ сотрудниковъ ни одного арестованнаго студента, и, напротивъ, имѣющія въ числѣ наиболѣе почетныхъ корреспондентовъ, по крайней мѣрѣ, двухъ-трехъ профессоровъ, членовъ совѣта, затаили свою пѣсню по тому же академическому камертону. И, странное дѣло! только «Московскія Вѣдомости», сводившія кстаті свои особые счеты съ г. ректоромъ и съ совѣтомъ университета, на этотъ разъ высказались сочувственно къ студентамъ и довольно близко къ истинѣ.

III.

Въ дѣйствительности же, эта исторія произошла слѣдующимъ образомъ:

Въ сентябрѣ 1880 года, предъ пріѣздомъ министра народнаго просвѣщенія въ Москву, студенты Московскаго университета, возлагавшіе особыя надежды на этого министра, порѣшили привести въ извѣстность всѣ свои нужды и желанія и изложить ихъ въ особой петиціи на имя министра.

Съ этою цѣлью въ университетѣ собрана была большая общая сходка студентовъ всѣхъ курсовъ и факультетовъ. Студентамъ на выборъ предложены были двѣ редакціи предполагаемой петиціи: одна предложена была студентомъ Гофманомъ, другая—студентомъ Омировымъ. Большинствомъ голосомъ была принята въ основѣ редакція, предложенная г. Омировымъ. Она подробно обсуждалась, въ ней дѣлались измѣненія частію по усмотрѣнію самихъ студентовъ, частію по совѣту ректора, къ которому во время совѣщанія студентовъ на сходкѣ неоднократно ходили депутаты совѣтоваться по разнымъ вопросамъ этой петиціи.

Когда всѣ возраженія были устранены и сдѣланы были всѣ нужныя поправки, то петиція оказалась принятой въ слѣдующей окончательной редакціи:

«Ваше высокопревосходительство!

Общее направленіе дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія со времени вступленія вашего въ управленіе имъ выразилось въ желаніи согласовать всѣ мѣропріятія министерства съ дѣйствительными потребностями русскаго образованія, что и дастъ намъ поводъ обратиться

къ вашему высокопревосходительству съ просьбой—принять во вниманіе настоящее заявленіе о нашихъ нуждахъ. Несоотвѣтствіе существующихъ университетскихъ правилъ съ нашими нуждами всего ближе отзывается на насъ—всего естественноѣ намъ и заявлять объ этомъ. Съ каждымъ годомъ усиливается наплывъ молодежи въ университетъ, борьба за существованіе обостряется и для многихъ изъ нашихъ товарищей представляется единственная дилемма: или, продолжая высшее образованіе, подвергаться хроническому голоданію, или отказываться отъ достиженія своихъ образовательныхъ цѣлей. Съ другой стороны, ограниченіе нашихъ гражданскихъ правъ, полная изолированность отъ общества и разединенность между нами самими, рядъ стѣснительныхъ административныхъ мѣръ и регламентація въ сферѣ даже научныхъ занятій—все это составляетъ крайне неблагоприятное условіе для свободного умственного и нравственнаго развитія.

«Изъ столь тягостнаго положенія студенчества мы не видимъ выхода внѣ широкаго развитія принципа «самопомощи» и отмены или ограниченія нѣкоторыхъ правилъ, стѣсняющихъ насъ и ставящихъ въ полную зависимость отъ администраціи и инспекціи безъ всякаго контроля со стороны профессорской коллегіи. Исходя изъ принципа широкой самопомощи, мы прежде всего должны указать на необходимость признанія за нами слѣдующихъ правъ: права сходокъ для организаціи и обсужденія нашихъ дѣлъ; права подачи петицій о своихъ нуждахъ высшему начальству; права устройства такихъ студенческихъ учреждений, какъ касса, бюро для присканія работъ и занятій, кухмистерская и общія квартиры; права избранія представителей для завѣдыванія всѣми вышеуказанными учреждениями. Для поддержки и развитія этихъ учреждений необходимо также признать за нами: права устройства концертовъ, спектаклей и публичныхъ собраній. Въ видахъ огражденія студенчества отъ поступковъ, позорящихъ его честь и отъ возможности произвола со стороны администраціи, намъ необходимо право суда чести надъ своими товарищами и право университетскаго совѣта регулировать столкновеніе студентовъ съ полиціей и администраціей. Вслѣдствіе не всегда правильнаго распредѣленія студенческихъ пособій и степендій лицами, не имѣющими достаточныхъ свѣдѣній о степени матеріальной обеспеченности каждаго изъ насъ, необходимо также право участвовать въ ихъ распредѣленіи самимъ студентамъ, чрезъ своихъ представителей. Кромѣ того, мы находимъ необходимымъ отмену нѣкоторыхъ постановленій, узаконеній и правилъ, ограничивающихъ наши гражданскія права и стѣсняющихъ насъ въ сферѣ научныхъ занятій, какъ-то: отмену запрещенія жениться и женатому поступать въ университетъ; отмену запрещенія студентамъ самимъ издавать профессорскія лекціи; отмену срока пребыванія въ университетѣ; уменьшеніе платы за право слушанія лекцій:

измѣненіе временныхъ студенческихъ правилъ и взамѣнъ ихъ непосредственное подчиненіе студентовъ профессорской коллегіи. Будучи убѣждены, что полное корпоративное устройство возможно лишь при удовлетвореніи значительно большаго числа нашихъ нуждъ, мы ограничиваемся перечисленіемъ лишь наиболѣе настоятельныхъ, безъ удовлетворенія которыхъ невозможны какія-либо улучшенія въ нашемъ студенческомъ бытѣ».

Тутъ возникъ вопросъ, какимъ способомъ удобнѣе передать эту петицію министру. Большинство студентовъ предлагало подать петицію черезъ депутатовъ лично министру въ его временной московской квартирѣ, на Тверской площади, въ домѣ Варгина. Но нѣкоторые студенты, навѣщавшіе ректора въ качествѣ депутатовъ, старались доказать товарищамъ, что петицію слѣдуетъ подать черезъ ректора. Когда ихъ доводы не измѣнили мнѣнія большинства, полагавшаго, что «вѣрнѣе будетъ подать петицію министру лично», эти депутаты стали говорить, что студенчество, обойдя въ этомъ дѣлѣ ректора, какъ бы выразить ему свое недовѣріе. Когда большинство не вняло и этому послѣднему доводу, то депутаты, отъ имени ректора, прямо объявили на сходкѣ, что ректоръ крайне недоволенъ недовѣріемъ къ нему студентовъ и, на случай рѣшенія подать петицію помимо его, уполномочилъ ихъ передать студентамъ, чтобъ «они попути къ министру съ петиціей, кстати зашли бы и за его отставкой».

Ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться ультиматуму ректора, и вновь образовавшееся большинство рѣшило передать петицію ректору, что и было исполнено въ этотъ же день, 25-го сентября.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 29-го сентября, собралась большая общая сходка, и депутаты отправились къ ректору, чтобъ узнать отвѣтъ министра.

Возвратясь они передали сходкѣ, что министръ отнесся сочувственно къ нуждамъ студентовъ, изложеннымъ въ переданной ему петиціи, нашель, что только вытекающій изъ петиціи *modus vivendi* можетъ сдѣлать бытъ студентовъ сколько нибудь сноснымъ; сказалъ, что осуществленіе студенческихъ желаній будетъ производиться постепенно и начнется немедленно и что всѣ требованія студентовъ будутъ удовлетворены въ теченіе года. Кромѣ того, ректоръ отъ себя сообщилъ депутатамъ, что министръ уже разрѣшилъ ему позволять студентамъ жениться и оставаться въ университетѣ долѣе установленнаго срока и что относительно этого срока на этихъ же дняхъ выйдетъ циркуляръ министра. Лишь-бы только министръ провелъ законъ, по которому правила для студентовъ составляются университетскимъ совѣтомъ, то, по словамъ ректора, больше ничего и не нужно. Ректоръ объявилъ студентамъ, что совѣтъ уже выразился о студенческихъ нуждахъ

слѣдующимъ образомъ: 1) возстановляется прежняя инспекція, отмѣненная правилами 1879 года, 2) регламентація научныхъ занятій студентовъ предоставляется только совѣту; 3) полицейскій чиновникъ до принятія первыхъ мѣръ относительно студента сообщаетъ объ этомъ университету; при столкновеніи администраціи съ студентомъ присутствуетъ депутатъ отъ университета, который имѣетъ право обжаловать рѣшеніе администраціи; 4) раздача стипендій производится факультетами подъ контролемъ совѣта; 5) кромѣ замѣчаній и выговоровъ, предоставленныхъ инспекціи, всѣ болѣе строгія мѣры налагаются совѣтомъ; 6) студентамъ разрѣшается имѣть кассы и давать концерты; 7) отмѣняется обязательное для студентовъ посѣщеніе лекцій; 8) отмѣняется запрещеніе литографировать лекціи; 9) отмѣняются свидѣтельства на даваніе уроковъ и, наконецъ, 10) облегчается для стороннихъ слушателей доступъ въ университетъ.

Сходка была въ восторгѣ: получился результатъ, превосходившій самыя смѣлыя желанія студентовъ!

IV.

Но вотъ вскорѣ по отъѣздѣ министра изъ Москвы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появляется извѣстное официальное заявленіе, что министръ народнаго просвѣщенія не принималъ отъ московскихъ студентовъ никакой петиціи.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это сообщеніе на студентовъ! Они поняли, что ректоръ, такъ настоятельно добивавшійся посредничества между студентами и министромъ, достигъ своей затаенной цѣли и далъ студенческой петиціи совсѣмъ иное назначеніе, именно то, для котораго не было надобности и писать ее.

Собралась многолюдная сходка студентовъ, на которой рѣшено было попросить отъ ректора объясненія, подалъ-ли онъ ихъ петицію министру или нѣтъ, и если подалъ, то какой смыслъ имѣетъ появившееся правительственное сообщеніе. Черезъ посланныхъ отъ сходки депутатовъ ректоръ сообщилъ, что бумагу, составленную студентами, онъ передалъ министру и недоразумѣніе происходитъ единственно отъ того, что эта бумага должна быть названа «докладной запиской, а не петиціей, которую министръ принять не имѣлъ права по закону; стало-быть, не все ли равно для студентовъ, что министръ принялъ отъ нихъ докладную записку и не принималъ никакихъ противозаконныхъ петицій, какъ справедливо утверждаетъ «Правительственный Вѣстникъ».

*

Такое объясненіе ректора удовлетворило очень немногихъ студентовъ, большинство-же попрежнему недоумѣвало; нѣкоторые же рекомендовали на будущее время быть осторожнѣе относительно ректора.

Какъ и слѣдовало ожидать, такое настроеніе студентовъ не осталось тайною для ректора. И вотъ 10-го октября, по желанію ректора, въ аудиторіи анатомическаго театра собирается большая общая сходка; на ней появляется самъ ректоръ и произноситъ предъ студентами слѣдующую рѣчь:

«Милостивые Государи! Прежде всего я прошу васъ выслушать меня внимательно и спокойно, вникнуть хорошенъко въ смыслъ моихъ словъ.

«Я начну съ начала. Когда въ Москву пріѣхалъ министръ, у всѣхъ московскихъ студентовъ (не у какого-нибудь отдѣльнаго кружка, а у всѣхъ студентовъ положительно—я это утверждаю) явилась мысль подать министру заявленіе, докладную записку или, какъ невѣрно нѣкоторые называютъ, «петицію» о своихъ нуждахъ. Рядомъ сходокъ были выработаны вами всѣ пункты этого заявленія, почти согласные съ тѣми, которые выработала профессорская коллегія по этому-же предмету.

«Здѣсь возникаетъ вопросъ: какъ передать эту петицію министру? Какъ дать ему знать о нуждахъ московскаго студенчества? Если бы вы послали къ нему свою депутацію въ 51 человекъ, то, нѣтъ сомнѣнія, какъ вы это и сами знаете, что она не дошла-бы даже до квартиры министра; если бы вы послали къ министру самую незначительную депутацію, хотя въ 3—4 человекъ, то она дошла-бы до его квартиры, но не дальше, такъ какъ онъ не имѣетъ нѣкакого законнаго права принимать отъ васъ что бы то ни было. Ваше положеніе было отчаянное. Что тутъ дѣлать? Я, посоветовавшись предварительно съ нѣкоторыми профессорами, пожелалъ вывести васъ изъ такого затруднительнаго положенія и рѣшилъ во что бы то ни стало довести до свѣдѣнія министра о вашихъ нуждахъ. Съ этой цѣлью я предложилъ вамъ вручить мнѣ петицію для передачи ея по назначенію. Вы такъ и сдѣлали: петиція была мнѣ вручена, а я на слѣдующій-же день передалъ ее министру и получилъ отъ него отвѣтъ, который отъ вашихъ депутатовъ вамъ извѣстенъ. Вотъ историческій ходъ всего дѣла, какъ оно происходило. Вы успокоились, сходки и волненія въ университетѣ на время прекратились. Но вотъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появляется официальное заявленіе о томъ, что московскіе студенты не подавали министру такой петиціи, заявленіе, написано безъ вѣдома министра, который былъ тогда въ Твери (я это утверждаю).

«Теперь позвольте мнѣ сдѣлать маленькое отступленіе.

«Вамъ, вѣроятно, хорошо извѣстно положеніе новаго министра; вы знаете, какая сильная у него противная партія, которая всячески старается устранить его отъ должности (я имѣю право говорить открыто объ

этихъ людей, такъ какъ у нихъ есть свои печатные органы), вы знаете, какая сильная агитація ведется противъ него».

Далѣ ректоръ доказывалъ, что появившееся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опроверженіе «явилось результатомъ агитациі реакціонной интриги, безсильной измѣнить направленіе дѣятельности министра».

Въ записной книжкѣ студента, откуда выписывается эта рѣчь, къ сожалѣнію, конца ея не записано. Рѣчь произнесена была съ одушевленіемъ, дышала такою искренностью и убѣдительностью, что въ первыя минуты студенты даже устыдились своего подозрѣнія. Но вскорѣ, и не далѣе, какъ со слѣдующаго дня, они начали анализировать ректорскую рѣчь и, къ новому смущенію, убѣдились, что рѣчь, задѣвая много любопытныхъ вопросовъ общаго свойства, не содержитъ въ себѣ никакихъ фактическихъ данныхъ противъ ихъ подозрѣнія: одно голословное утверженіе, что петиція министру имъ подана, что ихъ депутаты и раньше отъ него слышали—и больше ничего.

Это сомнѣніе овладѣвало умами медленно, по немногу, но на этотъ разъ окончательно и навсегда. Тутъ студенты припомнили и рассказали на сходкахъ факты, которые могутъ характеризовать г. ректора съ иной стороны, чѣмъ та, которою онъ старался выказываться передъ студентами-депутатами и на сходкахъ. Рассказывали, напримѣръ, съ мельчайшими подробностями, какъ г. ректоръ не только препятствовалъ вступленію студентамъ другихъ университетовъ и въ особенности медицинской академіи въ московскій университетъ для окончанія курса; но даже болѣе того,—онъ каждый разъ, какъ только узнавалъ, что бывшіе просители его поступаютъ въ другіе университеты, писалъ туда къ начальству письма, въ которыхъ говорилъ дурно о студентахъ, часто ему совсѣмъ неизвѣстныхъ, и просилъ не принимать ихъ въ видахъ единства педагогическихъ дѣйствій. Мало того, рассказывали, какъ фактъ вполне достовѣрный и проверенный, что когда одинъ студентъ умолялъ принять его въ университетъ, то ректоръ велѣлъ вывести его вонъ и, когда по поводу этого произошелъ между ними непріятный разговоръ, ректоръ отправилъ студента съ экзекуторомъ по начальству и исходатайствовалъ ему немедленную административную высылку.

И многое тому подобное, что хранилось въ памяти немногихъ, теперь на сходкахъ перешло въ всеобщее свѣдѣніе.

Отношенія между ректоромъ и студентами съ каждымъ днемъ становились непріятнѣе.

Необходимо упомянуть, что еще раньше составленія петиціи ректоръ самъ предложилъ студентамъ, чтобы они выбрали изъ себя постоянныхъ представителей по одному отъ cadaго курса, а въ многолюдныхъ курсахъ по одному отъ каждыхъ 50 человѣкъ для совѣщанія о средствахъ удовлетворенія студенческихъ нуждъ. Такихъ представителей

одно время насчитывалось 51 человекъ, а впослѣдствіи это число дошло до 57. Они составляли такъ называемое «депутатское собраніе» и засѣдали съ разрѣшенія ректора за длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, въ залѣ факультетскихъ засѣданій.

Въ виду новизны дѣла депутаты были выбраны съ условіемъ, что они время отъ времени будутъ знакомить своихъ товарищей о ходѣ ихъ совѣщаній и въ особенности о тѣхъ проектахъ и правилахъ, которые будутъ выработаны депутатскимъ собраніемъ. Ректоръ, находившійся тогда въ добрыхъ отношеніяхъ къ студентамъ, общалъ не только не противодействовать курсовымъ сходкамъ, но общалъ даже отводить для нихъ удобныя просторныя помѣщенія. Болѣе мѣсяца сходки собирались часто; инспекція собственными глазами видѣла ихъ и не говорила противъ нихъ ни единого слова, такъ что студенты привыкли считать и считали сходки своимъ неотъемлемымъ правомъ.

Такъ на это смотрѣлъ и г. ректоръ до тѣхъ поръ, пока не померкла его популярность. Тутъ онъ быстро бросилъ личину либерала и принялъ свой естественный обычный видъ чиновника; предавъ забвенію свои собственные дозволенія и заблужденія, онъ неожиданно для студентовъ сталъ на прочную и легальную почву начальника и рѣшилъ сначала потребовать отъ нихъ исполненія тѣхъ правилъ для студентовъ отъ 2-го августа 1879 года, составленныхъ во время министерства графа Толстого, которыхъ прежде самъ и словомъ и дѣломъ порицалъ предъ студентами, и потомъ началъ подвергать виновныхъ въ неисполненіи наказаніямъ по всей строгости, какую только допускали эти правила, словомъ, рѣшилъ «подтянуть» студентовъ.

Началось съ того, что г. ректоръ вывѣсилъ объявленіе слѣдующаго содержанія: «Совѣтъ Московскаго университета, по поводу происходящихъ въ университетѣ сходокъ, въ засѣданіи 8-го ноября постановилъ: признать необходимымъ, въ случаѣ повторенія сходокъ, нарушающихъ правильный ходъ учебныхъ занятій студентовъ, прибѣгнуть къ закрытію курса, на которомъ будутъ допущены сходки. Объ этомъ постановленіи университетскаго собранія симъ объявляю студентамъ».

Это объявленіе очень удивило студентовъ и еще болѣе укрѣпило ихъ въ своемъ новомъ мнѣніи о г. ректорѣ. Странное дѣло, разсуждали студенты, «депутатскія собранія», придуманныя самимъ ректоромъ, столько же незаконныя, какъ и сходки, продолжали собираться за зеленымъ столомъ и не подверглись не только запрещенію, но даже и никакимъ стѣсненіямъ, а сходки строго воспрещались.

Какъ и слѣдовало ожидать, постановленіе совѣта относительно сходокъ не было нарушено только до перваго, неотложнаго случая. Этотъ случай не заставилъ себя долго ждать. Вскорѣ депутатское собраніе окончило свои работы (по предложенію самого ректора) относительно

проекта устава кухмистерской. Депутаты, согласно условіямъ ихъ избранія, сочли своей обязанностію познакомить съ этимъ проектомъ своихъ избирателей. И вотъ, во всѣхъ факультетахъ стали собираться сходки, начались сначала чтенія, потомъ рѣчи, дебаты. Дѣло не могло обойтись безъ нѣкотораго шума.

Ректоръ сначала предлагалъ нѣкоторымъ профессорамъ сдѣлать ему официальное заявленіе, что сходки студентовъ препятствуютъ правильному чтенію ихъ лекцій; когда же профессора не исполнили его желанія, онъ, хотя всюду на сходкахъ шли жаркія пренія, терпѣливо ждалъ случая, чтобъ имѣть поводъ сразу забрать студентовъ въ руки.

Впрочемъ, и ждать ему пришлось недолго.

V.

26-го ноября профессоръ З. въ своемъ кабинетѣ частнымъ образомъ объяснялъ препаратъ глаза студентамъ-медикамъ II-го курса, которыхъ на этотъ разъ собралось не болѣе 15 — 20 человекъ. Въ аудиторіи, сосѣдней съ кабинетомъ, въ которой, по внезапной болѣзни профессора ботаники, чтеніе лекцій не состоялось, студенты обсуждали проектъ кухмистерской; произносились рѣчи, которыя сопровождались или аплодисментами, или шиканьемъ. Кабинетъ отдѣленъ отъ аудиторіи капитальной стѣной, и при устройствѣ двери имѣлось въ виду возможность одновременнаго чтенія лекцій въ обоихъ этихъ помѣщеніяхъ. И дѣйствительно, сначала г. З. при своихъ объясненіяхъ не обращалъ вниманія на аплодисменты, которые по-временамъ слышались изъ сосѣдней комнаты; но вотъ вскорѣ нѣкоторые изъ его слушателей стали уходить отъ него тихо, на цыпочкахъ въ комнату, откуда слышались аплодисменты. Это обстоятельство видимо не понравилось профессору. Онъ прервалъ объясненіе и, несмотря на увѣреніе присутствующихъ, что шумъ нисколько не мѣшаетъ имъ, неожиданно отправился на сходку.

Громко и не своимъ обычнымъ тономъ г. З. потребовалъ прекратить дебаты и шумъ. Его слова, въ особенности тонъ, которыми они были сказаны, не произвели на сходку желаемаго дѣйствія: студенты, выслушавъ г. З., продолжали свои дебаты, и кончили ихъ только тогда, когда исчерпали предметъ обсуждения.

Черезъ день происходитъ новое, печальное недоразумѣніе, случай на этотъ разъ неожиданный. Въ 11 часовъ, 28-го ноября, г. З. окончилъ читать свою лекцію анатоміи; студенты встали съ своихъ мѣстъ, начали выходить изъ аудиторіи, начался говоръ, топанье и шумъ,

многіе сидѣли въ аудиторіи въ шапкахъ, многіе (по давнему обычаю) курили.

Въ это время антракта между лекціями одинъ изъ депутатовъ перваго курса, г. Горѣцкій, вошелъ въ аудиторію и съ одной изъ верхнихъ лавокъ амфитеатра, возвысивъ голосъ, просилъ вниманія шумѣвшихъ товарищей, предлагая познакомить ихъ съ выработаннымъ въ депутатскомъ собраніи проектомъ кухмистерской.

— Я васъ прошу замолчать и выйти вонъ!—послышался громкій, гнѣвный голосъ г. З.

Оказалось, что послѣ лекціи въ толпѣ студентовъ, окружавшихъ столъ, г. З., незамѣченный г. Горѣцкимъ, объяснялъ для желающихъ анатомическіе препараты, такъ какъ его прозекторъ, обыкновенно дѣлавшій эти объясненія, почему-то не могъ ихъ дѣлать въ этотъ день.

— Я васъ прошу выйти вонъ,—повторилъ г. З.

— Вы не можете знать, г. профессоръ, насколько важныя свѣдѣнія я имѣю объяснить товарищамъ,—сказалъ въ замѣшательствѣ обиженный студентъ.

— Господа, вы кого желаете слушать—его или меня?—сказалъ З., обратившись ко всѣмъ недоумѣвавшимъ студентамъ.

Тогда студенты, обратившись въ сторону Горѣцаго, закричали:

— Довольно, вонъ, вонъ!

Крикъ сопровождался шиканьемъ. Горѣцкій блѣдный, не говоря ни одного слова, немедленно оставилъ аудиторію.

Какъ выше замѣчено, все это произошло 28-го ноября въ пятницу. Черезъ два дня послѣ этого, именно въ понедѣльникъ 1-го декабря, правленіе университета, состоящее изъ ректора, четырехъ декановъ, помощника проректора и синдика, собралось въ засѣданіи, и безъ слѣдствія, безъ опроса виновныхъ и свидѣтелей, единственно на основаніи доносовъ, исключило изъ университета г. Горѣцаго, такъ несчастливо встрѣтившагося съ г. З., и г.г. Омирова, Шараго, Герстнера и Мухлынина, какъ главныхъ дѣятелей той сходки, на которой появлялся г. З. Извѣстіе объ этомъ, распространившееся въ слѣдующій день съ быстротой молніи, тронуло студентовъ и до глубины души возмутило ихъ какъ свою неожиданностію, такъ и свою крайнею несправедливостію.

Извѣстно далѣе, что 5-го декабря передъ началомъ лекціи анатоміи нѣкоторые изъ студентовъ устроили г. З. демонстрацію, безъ сомнѣнія, дикаго характера: они этого почтеннаго профессора ошικάли, освистали, и выгнали вонъ; но этимъ способомъ, конечно, не смягчили участи своихъ исключенныхъ товарищей.

Говорили только, что исключеніе правленіемъ студентовъ еще не утверждено совѣтомъ. Засѣданіе совѣта, говорилъ, назначалось къ двумъ

часамъ съ цѣлю утвержденія исключенія пятерыхъ студентовъ и съ цѣлю закрыть первый медицинскій курсъ; но никто ничего достовѣрнаго не зналъ. Студенты собрались въ анатомическомъ театрѣ и всѣ рѣшили просить ректора, который состоитъ по уставу председателемъ и въ правленіи и въ совѣтѣ, о смягченіи участи своихъ товарищей. Выбрали депутатовъ и отправили ихъ къ ректору просить его пожаловать къ нимъ въ анатомическій театръ.

Ректоръ сухо принялъ депутатовъ и на этотъ разъ отказался говорить съ студентами. Онъ сказалъ только депутатамъ, чтобъ студенты прислали ему черезъ нихъ же результаты преній («резолуцію сходки»), къ которымъ придетъ сходка, и что онъ ихъ разсмотритъ. При этомъ онъ выразилъ, что исключеннымъ помилованія не будетъ, что, напротивъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ сегодня же вышлютъ изъ Москвы и прежде всѣхъ Горьцаго и Омирова.

Когда депутаты возвратясь передали сходкѣ слова ректора, произошелъ взрывъ негодованія.

Депутатамъ поручено было вторично отправиться къ ректору и передать ему, что если ему не угодно будетъ переговорить съ ними здѣсь, въ удобной аудиторіи, то они всею сходкой должны будутъ идти и непременно пойдутъ къ нему, въ его квартиру, говорить съ нимъ тамъ; переговариваться же съ ректоромъ черезъ депутатовъ они теперь, послѣ случая съ петиціей, къ сожалѣнію, не находили возможнымъ.

Лишь только депутаты отправились къ ректору, исключенные студенты, бывшіе пока тутъ же на сходкѣ и назначенные, по словамъ ректора, къ административной ссылкѣ, стали прощаться съ товарищами, и одинъ изъ нихъ, именно г. Омировъ, произнесъ, говорятъ, душевную рѣчь на тему о положеніи студентовъ вообще и въ особенности о положеніи студентовъ, исключенныхъ изъ университета и отправляемыхъ въ солдаты отбывать воинскую повинность. Рѣчь произвела подавляющее впечатлѣніе на слушателей: какъ ни крѣпились студенты, у многихъ замѣтны были слезы, а въ концѣ рѣчи слышались даже рыданія, точно надъ покойниками; всѣ готовы были на всякія жертвованія и лишенія, чтобъ облегчить участь товарищей. Тутъ же въ пользу ссылаемыхъ собрано было 225 руб.

Возвратившіеся депутаты сообщили, что ректоръ не желаетъ ни говорить съ студентами, ни видѣть ихъ у себя и грозитъ ѣхать къ генералъ-губернатору. Послѣ недолгаго совѣщанія товарищи отправились просить лично ректора въ его университетской квартирѣ, находящейся въ сосѣднемъ домѣ.

Настроеніе студентовъ было хотя и грустное, но мирное; участь исключенныхъ товарищей не выходила у нихъ изъ головы; они готовы были идти на всякія соглашенія, на всякія уступки, напримѣръ, готовы

были отказаться и отъ желанія имѣть читальни и кухмистерскія, даже и отъ права самыхъ сходокъ, лишь бы облегчить участь несчастныхъ товарищей. Но ректоръ, вслѣдъ за выходомъ отъ него студентовъ, немедля ни минуты, куда-то исчезъ и во весь этотъ день болѣе нигдѣ не показывался. Его швейцаръ вышелъ къ студентамъ на крыльцо и клялся, что г. ректоръ «только лишь отъѣхали къ генераль-губернатору». Простоявъ противъ двери не болѣе трехъ минутъ, студенты, чтобы не обращать на себя вниманія публики, вернулись назадъ во дворъ стараго университета и рѣшили ждать ректора здѣсь, противъ входа въ зало совѣта. Какъ уже сказано, здѣсь они надѣялись непременно увидать его при входѣ въ засѣданіе совѣта, члены котораго уже сѣзжались. Видя, что нѣкоторая часть публики, наиболѣе любопытная, готова войти во дворъ университета, студенты заперли за собою большія университетскія ворота.

Вотъ это-то пребываніе во дворѣ и поджиданіе ректора на морозѣ и было формальною причиною заключенія студентовъ въ тюрьму.

VI.

Черезъ длинный узкій коридоръ студенты входили въ острогъ. Въ трехъ мѣстахъ этого коридора имъ производили тройной счетъ при помощи особыхъ автоматическихъ счетчиковъ, звонившихъ при прохожденіи каждаго студента. Когда всѣ они вошли въ большую общую камеру, оказалось, что всѣхъ ихъ 405 человекъ.

Предложено было отдѣлиться отъ студентовъ лицамъ постороннимъ, такъ какъ существовало предположеніе, что между студентами находятся сторонніе агитаторы. Изъ всей толпы отдѣлилось пять человекъ: одинъ врачъ, захваченный въ коридорѣ правленія, куда онъ явился за полученіемъ свидѣній о вызовахъ земствами врачей на службу, и четверо фармацевтовъ, состоявшихъ вольно-слушателями университета. Ихъ фамилии и адреса были записаны и ихъ тотчасъ-же отпустили. Затѣмъ предложено было студентамъ подходить по одному къ писарю и объявлять свое имя, отчество, фамилію, факультетъ, курсъ и адресъ квартиры.

Когда записанныхъ составлялась партія въ двадцать человекъ, ихъ выводили вонъ. Но куда? Этому никто не зналъ. Студентовъ вели куда-то вверхъ, все выше и выше, въ третій этажъ, и подводили къ двери, на которой крупными буквами было изображено: «женское отдѣленіе ссыльно-каторжныхъ». Сосредоточенно, молча студенты ждали, когда отворять дверь, и каково-же было ихъ изумленіе и радость, когда, входя въ свое

помѣщеніе, они находили тамъ въ сборѣ всѣхъ своихъ товарищей, выведенныхъ прежде ихъ изъ пріемной камеры.

«Женское отдѣленіе ссыльно-каторожныхъ» занимало собою весь третій этажъ, только лишь надстроенный. По срединѣ его тянулся длинный коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены обширныя камеры. Помѣщеніе было освѣщено очень непривѣтливо, тускло; въ разныхъ мѣстахъ его, особенно въ коридорѣ, стояли городовые; двери были заперты снаружи на ключъ. Но что больше всего неприятно дѣйствовало на студентовъ—это холодъ: изо рта каждаго выходилъ клубомъ парь. Оказалось, что до привода студентовъ въ этомъ этажѣ никогда еще никто не жилъ; онъ никогда не отапливался и вслѣдствіе этого имѣлъ температуру внѣшняго воздуха, т. е., около 5—6 градусовъ холода по Реомюру. Положеніе оказалось ужаснымъ: студенты, отправляясь въ университетъ на лекціи, конечно и не воображали, что имъ придется ночевать въ нежиломъ, не-топленномъ острогѣ; поэтому, какъ уже замѣчено было выше, большая часть ихъ одѣта была въ очень легкое платье; нѣкоторые не имѣли на себѣ даже ничего выстеганнаго на ватѣ и, пробывъ около двухъ часовъ на дворѣ университета и два часа на пути къ острогу, дрогли отъ холода. Но особенно плачевно было положеніе тѣхъ, которые пришли въ университетъ безъ калошъ и должны были идти черезъ весь городъ по глубокому снѣгу въ тонкихъ сапогахъ или даже въ ботинкахъ безъ голенищъ.

Студенты заявили начальству тюрьмы, что они буквально страдаютъ отъ голода. Начальникъ тюрьмы, очень вѣжливый и любезный, отдалъ приказъ немедленно раздать имъ по одному бѣлому хлѣбу и напоить ихъ чаемъ.

Дѣйствительно, вскорѣ отворилась дверь и появилось нѣсколько чловѣкъ служителей съ ушатами, изъ которыхъ клубами валилъ парь. Въ огромныхъ жестяныхъ чайникахъ студенты заваривали чай и спѣшили пить его изъ чего понало: кто изъ глиняныхъ кружекъ, а кто изъ блюдецъ къ нимъ. Но при всей жадѣ, при всемъ желаніи напиться чегонибудь горячаго, студенты не могли пить этотъ чай безъ нѣкотораго усилія надъ собой: до того онъ былъ противенъ на вкусъ и вонючъ; по нему плавали капельки сала, безъ сомнѣнія, отъ этихъ громадныхъ ушатовъ, въ которыхъ обыкновенно разносили арестантамъ щи и кашу.

Студенты начали было просить еще чего-нибудь поѣсть, но имъ въ отвѣтъ было разъяснено, что на каждаго изъ нихъ, какъ на всякаго арестанта, полагается на прокормъ по 10 коп. въ сутки и что они, съѣвши по бѣлому хлѣбу и напившись чаю, воспользовались всѣмъ казеннымъ гривенникомъ.

Тогда прибѣгли къ сбору пожертвованій на общее пропитаніе, сборъ этотъ далъ около 90 рублей. Часть этихъ денегъ тутъ-же вручена была

начальнику острога съ просьбой приобрести съѣстныхъ припасовъ. По всѣмъ лавочкамъ этого захоlustья собрано было все, что тамъ было съѣстнаго: колбаса, ветчина, масло, яйца, селедки и т. п. Лавочники, сообразивъ, что могутъ продать для голодныхъ студентовъ все, что угодно, не упустили случая очистить свои лавочки и спустили студентамъ не только годный товаръ, но и всякую гадость, заплѣснѣвшую, загнившую, протухлую—словомъ такую, которую давно забраковали даже извозчики, обычные покупатели этихъ дрянныхъ лавченокъ.

Значительная часть этой провизии была разбросана, но все остальное было все таки съѣдено. Многие студенты до сего времени не могутъ вспомнить безъ содраганія объ этомъ угощеніи, особенно о колбасѣ.

Утоливши сколь возможно голодь, студенты долго слушали своихъ ораторовъ, которые говорили о возможномъ и невозможномъ положеніи студенчества и своемъ университетскомъ начальствѣ; затѣмъ начали пѣть сначала хоромъ, потомъ—solo, а потомъ кто во что гораздъ, т. е. въ разныхъ мѣстахъ острога нѣсколько исполнителей пѣли одновременно разныя пѣсни, такъ что въ общемъ получалась безобразная, дикая пѣсня. Наконецъ, и пѣть надоѣло, а тѣмъ болѣе слушать такое пѣніе; поэтому всѣ очень обрадовались, когда кто-то предложилъ соснуть. Вдругъ въ какія нибудь пять минутъ въ третьемъ этажѣ острога все стихло. Такая тишина продолжалась, впрочемъ, не долго. Оказалось, что, несмотря на крайнее утомленіе, почти никто заснуть не можетъ: всѣ были крайне возбуждены, всѣмъ было неудобно—на голыхъ нарахъ и безъ подушекъ, но главное всѣ дрожали отъ холода.

Мало-по-малу всѣ поднялись на ноги и рѣшили ждать утра, не ложась спать. Въ полночь въ острогъ явился адъютантъ генералъ-губернатора, отъ имени котораго предложилъ студентамъ четыре вопроса: съ какою цѣлію они собирались на сходку въ анатомическомъ театрѣ? для чего толпой ходили къ ректору? почему не выполняли требованія полиціи разойтись? чего они сейчасъ желаютъ?

Студенты отвѣчали, что собирались въ анатомическомъ театрѣ для совѣщанія о средствахъ смягчить участь пятерыхъ своихъ товарищей: ходили къ ректору просить его объ этомъ; требованіе полиціи они выполнили, войдя со двора въ помѣщенія близъ правленія и совѣта; а теперь они желаютъ по прежнему одного: помилованія неправильно исключенныхъ товарищей и смягченія участи студента Горѣцаго. Адъютантъ уѣхалъ и болѣе не возвращался.

Было далеко за полночь, позднѣе трехъ часовъ. Вдругъ одинъ студентъ, Маріенгофъ, стоявшій среди товарищей, падаетъ на полъ мертво и разбиваетъ себѣ лобъ и носъ, обливается кровью.

Послышались голоса: «доктора сюда, доктора!»

Докторъ, навѣстивъ студентовъ по заведенному порядку тотчасъ-же

по приводѣ въ острогъ и узнавъ, что всѣ они здоровы, теперь куда-то уѣхалъ. Между студентами оказались медики старшаго курса, но они, не имѣя подъ руками ровно никакихъ средствъ, не могли оказать больному никакой помощи. Явился фельдшеръ и, на вопросъ студентовъ-медиковъ послѣдняго курса о необходимыхъ средствахъ, отвѣчалъ, что такихъ средствъ у нихъ въ острогѣ не полагается. Наконецъ появился какой-то старикъ, частный врачъ, по виду французъ. Явились кое-какія средства и снѣгъ. Больного привели въ себя, подняли и положили на голыя нары.

Студенты начали уже какъ бы привыкать къ своему положенію, и, не смыкая глазъ, продолжали апатично бродить, какъ осеннія мухи, едва держась на ногахъ.....

VII.

Около шести часовъ утра студентамъ объявили, что начнется отпускъ по домамъ. Но, вызвавши черезъ нѣкоторые промежутки времени восемьдесятъ два человѣка и, постѣ всѣхъ, тѣхъ пятерыхъ, исключенныхъ, за которыхъ они намѣрены были просить начальство, дверь заперли и отпускъ прекратился. На вопросъ студентовъ, почему-же не выводятъ отсюда и всѣхъ остальныхъ, начальникъ тюрьмы отвѣчалъ, что теперь этого сдѣлать нельзя, такъ какъ у нихъ, въ острогѣ, въ настоящее время, по случаю Николина дня, служится литургія.

Желая себя подкрѣпить, студенты снова начали требовать горячей пищи, но начальникъ тюрьмы снова имъ объяснилъ, что болѣе гривенника на каждого изъ нихъ онъ не можетъ расходовать. Голодная молодежь просила тюремнаго начальника позволить имъ послать телеграмму генераль-губернатору. И когда начальникъ разрѣшилъ имъ это, то они по короткомъ совѣщаніи, выставляя на видъ свое ужасное положеніе, просили генераль-губернатора, во первыхъ, о горячей пищѣ, а во-вторыхъ, о позволеніи имъ прислать къ его сіятельству двухъ своихъ уполномоченныхъ для изложенія просьбы о своихъ нуждахъ.

Генераль-губернаторъ отвѣчалъ, что не можетъ принять ихъ представителей и увеличить положенный закономъ суточный окладъ въ 10 копѣекъ; но что законъ не воспрепятствуетъ улучшить продовольствіе на свои средства.

Вскорѣ въ острогъ ввели лавочника съ тремя мальчиками, которые и открыли торговлю съѣстными и курительными припасами; а въ 3 часа въ томъ-же помѣщеніи появился совѣтникъ тюремнаго комитета, кото-

рый, признавая, что положеніе студентовъ въ этомъ помѣщеніи дѣйстви-тельно ужасно, объяснилъ это единственно тѣмъ, что въ острогѣ не ожидали ихъ въ такомъ большомъ числѣ. Онъ увѣрялъ, что въ 4 часа будетъ совѣтъ съ участіемъ ректора, на которомъ, нѣтъ сомнѣнія, рѣшатъ ихъ выпустить, и заключеніе увѣрялъ, что ихъ выпускъ начнется не позднѣе семи часовъ вечера.

— Обогрѣйте и накормите насъ горячею пищею, ради Бога, говорили студенты, — и мы будемъ покойно ждать своей участи, сколько вамъ будетъ угодно.

Желанный и давно обѣщанный отпускъ по домамъ все еще не наступалъ. Только около шести часовъ вечера, когда снова стемнѣло и наступила ранняя декабрьская ночь, велѣно было выпустить арестованныхъ.

Студентовъ человѣкъ по двадцати вызывали изъ общаго помѣщенія сверху внизъ, въ нижнюю камеру, и оттуда выпускали ихъ по шести человѣкъ черезъ каждыя шесть минутъ, безъ сомнѣнія, съ тою цѣлю, чтобъ возвращеніе студентовъ по домамъ произошло незамѣтно, тихо, безъ шума.

Такимъ образомъ отпускъ студентовъ, начавшійся въ шесть часовъ, окончился только къ полуночи.

И. Цвѣтковъ.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ Ш¹).

ГЛАВА XIII.

Поѣздка моя въ Баку.—Поразительныя послѣдствія туземнаго климата.—Картина ямщиковъ и казаковъ, страдающихъ въ лихорадочномъ бреду.—Князь Торхановъ, шемахинскій губернаторъ.—Великолѣпіе, окружившее меня въ предѣлахъ Шемахинской губерніи.—Мои любезности съ татарами.—Учтивость моя, обратившаяся въ мѣку для одного изъ нихъ.—Незабвенный Пигулевскій, встрѣтившій меня въ Баку.—Купанье въ Каспійскомъ морѣ.—Туземный метрд'отель съ огромнымъ княжаломъ и поварь изъ русскихъ бѣглыхъ.—Невѣрность всѣхъ моихъ расчетовъ, основанныхъ на календарѣ.—Тревожныя ожиданія моей семьи.—Поѣздка на „баканскіе огни“.—Искусственное богослуженіе индѣйцевъ.—Огни въ морѣ.

Какъ ни занимательна была для меня кадзорская жизнь, исполненная, съ одной стороны, великолѣпныхъ праздниковъ, а съ другой—такихъ серьезныхъ занятій и почетныхъ отношеній къ главѣ страны, тѣмъ не менѣе я не могъ не испытывать въ моемъ положеніи нѣкотораго тревожнаго раздвоенія. Одною половиною я принадлежалъ Кадзорамъ или, лучше сказать, кавказскому міру, а другой—моей семьѣ, которая, по моимъ планамъ и указаніямъ, совершала огромный переѣздъ отъ Петербурга на Кавказъ. Переѣздъ этотъ я направилъ воднымъ путемъ, рассчитывая, что для женщины съ малолѣтними дѣтьми онъ во всякомъ случаѣ представляетъ несравненно болѣе спокойствія, чѣмъ сухопутное путешествіе по нашимъ дорогамъ и чрезъ наши станціи. И дѣйствительно, при содѣй-

¹) См. „Русск. Старину“, февраль 1898 г.

ствіи нѣкоторыхъ связей оказалось, что семейство мое совершало путешествіе съ полными удобствами. Оно направлялось на Астрахань, а оттуда на Баку. Въ то время находился во всей силѣ вопросъ о подчиненіи Астраханской губерніи кавказскому намѣстнику, и потому князь, по моей просьбѣ, писалъ губернатору Васильеву, по прибытіи въ Астрахань моего семейства, устроить его тамъ и потомъ отправить въ Баку самымъ комфортабельнымъ образомъ.

Тогда между Астраханью и Баку существовало гнуснѣйшее, такъ называемое «почтовое пароходство». По кавказскому календарю значилось, что пароходы изъ Астрахани идутъ въ Баку два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, приходятъ туда на пятый день. Съ простодушіемъ неопытности довѣряя этимъ печатнымъ заявленіямъ, я въ письмахъ своихъ къ семьѣ настоятельно требовалъ, чтобы прибытіе ея въ Астрахань совершилось непременно въ концѣ августа такъ, чтобы 1-го сентября она могла отправиться оттуда въ Баку. Съ своей стороны я рассчитывалъ самъ отправиться туда изъ Тифлиса также 1-го сентября и прибыть въ Баку на пятый день. Такимъ образомъ по моимъ предположеніямъ мы должны были съѣхаться тамъ въ одинъ и тотъ же день; разница могла заключаться только въ нѣсколькихъ часахъ.

Пока я возился въ Тифлисѣ съ дорожными хлопотами, наступило 30-е августа, день тезоименитства государя и именинъ князя, день, который онъ потомъ всегда праздновалъ самымъ пышнымъ образомъ. Торжественное празднованіе сопровождало этотъ день и тогда. Князь со всею свитою переѣхалъ въ Тифлисъ, кажется, наканунѣ. Я не буду перечислять праздничныхъ подробностей этого дня. Утромъ, разумеется, все знатное и важное было соединено въ Сіонскомъ соборѣ. Потомъ все потянулось съ поздравленіями къ князю, въ ряду которыхъ самымъ оригинальнымъ для меня было поздравленіе амкаровъ (цеховыхъ депутатовъ), прибывшихъ огромными толпами съ своими значками, зурнами, барабанами ко дворцу намѣстника. Вечеромъ былъ роскошный праздникъ въ саду намѣстника, въ аллеяхъ котораго, по туземному обычаю, разсѣлись тѣ же толпы амкаровъ съ своими яствами. Восторженное «ура!» почти не умолкало, взрываясь постоянно то въ той, то въ другой группѣ.

Князь, я помню, былъ въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи. Достигнувъ высоты возможнаго величія, къ которому онъ стремился, видя непритворную любовь народа, онъ какъ бы упивался наслажденіемъ власти, тѣмъ болѣе сладостнымъ, что оно было въ то время еще ново и свѣжо для него. Въ то время, когда мы, ни для кого невидимые, ходили по маленькому садку, народъ и амкары начали расходиться изъ сада и, останавливаясь предъ балкономъ княжескаго дворца, посылали

въ воздухъ оглушительное, изъ тысячи голосовъ «ура!» Князь, смотря сквозь кусты зелени на эти массы, стоящія предъ балкономъ и посылающія туда свои привѣты, хвалилъ кавказскій воспримчивый народъ и смѣялся, что эти толпы принимаютъ за него какого-нибудь лакея, стоящаго на балконѣ и, вѣроятно, удивляются его недвижному положенію. Простившись съ нимъ, я унесъ въ душѣ самыя отрадныя впечатлѣнія; это были тѣ рѣдкія минуты, въ которыя князь становился человѣкомъ и проявлялъ истинно-человѣческія ощущенія. Минуты эти тѣмъ болѣе драгоцѣнны для тѣхъ, кто подмѣчалъ ихъ, что гордый по натурѣ, а потомъ ослѣпленный властію, князь не только не любилъ нѣжничать, но всякое проявленіе чувства, сердечности, гдѣ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было, считалъ немножко смѣшнымъ.

Та самая карета, которая привезла меня изъ Петербурга въ Тифлисъ, помчала меня въ Баку, отстоящій отъ Тифлиса на разстояніи до 600 верстъ. Мнѣ говорили, что на этомъ пространствѣ лѣтомъ просто ѣздить невозможно: до такой степени эта полоса исполнена лихорадочными мѣазмами; по общему убѣжденію, даже куры и змѣи болѣютъ лихорадками. Пробѣздъ тутъ даже и въ сентябрѣ не совсѣмъ безопасенъ. Не знаю почему, но всѣ эти рассказы казались мнѣ преувеличенными, и я смѣло, ни о чемъ не думая, пустился въ путь, въ радостной надеждѣ слиться, наконецъ, съ своей семьей, съ которой разлучился въ первый разъ и которой не видалъ семь мѣсяцевъ.

Дѣйствительность подтвердила однако-же въ значительной степени всѣ эти рассказы. Я сталъ встрѣчать нѣкоторыя затрудненія въ полученіи лошадей, а еще болѣе—конвой. На мои грозныя разглагобствования, мнѣ спокойно предлагали взглянуть на конвойныя и ямщицкія помѣщенія, что я дѣлалъ раза два или три. Видъ этихъ помѣщеній былъ поразителенъ: на широкой лавкѣ или такъ называемыхъ нарахъ валялись въ безпорядкѣ различныя фигуры съ страшно блѣдными, изможденными лицами, съ запекшимися и полопавшимися губами, со ртами, наполненными мухами, фигуры мертвецовъ, въ жару и бреду испускающія стоны. Я раздавалъ хинныя порошки, которыми запасся въ изобиліи въ Тифлисѣ, и ѣхалъ далѣе, сдерживая свои претензіи въ виду страшныхъ страданій человѣчества на этой полосѣ земли и особенно несчастныхъ донскихъ казаковъ, положеніе которыхъ вообще на Кавказѣ было хуже каторги.

Надо замѣтить, что, независимо отъ болѣзненныхъ опасностей, путь отъ Тифлиса къ Елисаветполю, несмотря на то, что онъ лежитъ внутри мирнаго края, самый опасный для путешественниковъ и въ другомъ отношеніи. Татарское населеніе, занимающее эту полосу и не имѣющее ничего общаго съ мусульманскимъ населеніемъ враждебныхъ горцевъ—постоянно занимается грабежами. Впослѣдствіи въ моемъ департаментѣ

общихъ дѣлъ сосредоточивались всѣ донесенія о происшествіяхъ: большая часть происшествій совершается именно на этомъ пространствѣ. Ночью тутъ вовсе не ѣздятъ. Лишенные всякой храбрости, эти гнусные татары всегда нападаютъ тамъ, гдѣ на ихъ сторонѣ тройная или четвертная сила и гдѣ всякое сопротивленіе невозможно. Самая форма нападенія чрезвычайно подлая и всегда начинается или татарскимъ привѣтствіемъ, или какою-нибудь пустою просьбою, причемъ эти хищники высматриваютъ, какое у васъ оружіе и съ какой стороны лучше на васъ напасть. Разказовъ объ этихъ нападеніяхъ и грабежахъ и именно на этомъ пространствѣ ходитъ въ Тифлисѣ бездна. Со мною, однако-же, не случилось ничего особеннаго, и я совершенно благополучно достигъ границы Шемахинской губерніи, переименованной впоследствии въ Бакинскую.

Незадолго предъ тѣмъ губернаторомъ въ эту губернію назначенъ былъ князь Константинъ Торханъ-Моуравовъ, братъ того знаменитаго на Кавказѣ героя Юсифа Торханова, на свадьбѣ котораго мы пировали въ Атеняхъ, у старика-князя Георгія Эрстова. Князь Константинъ Торхановъ считался чрезвычайно умнымъ и опытнымъ

Я сказалъ уже, что путешествіе мое въ предѣлахъ Тифлисской губерніи не имѣло ничего блестящаго. Миѣ было самому совѣстно требовать значительнаго конвоя, когда почти всѣ казаки походили на мертвецовъ. Съ этими скромными воззрѣніями я передвигался на паромѣ чрезъ мутную Куру, погруженный въ разнородныя мечтанія о семействѣ, которое ѣхалъ встрѣчать, о петербургскомъ мірѣ, съ которымъ разстался, о новомъ кавказскомъ мірѣ, мірѣ, столь новомъ в своеобразномъ, въ который погрузился. Въ этихъ мечтаніяхъ я взглянулъ разсѣянно на противоположный берегъ, къ которому приближался я, по обыкновенію, глаза мои встрѣтили одинъ изъ духановъ, которыхъ такъ много разбросано на всѣхъ точкахъ Закавказья. Кругомъ духана было много татарскихъ фигуръ, какъ всегда, вооруженныхъ, изъ которыхъ одни лежали, другіе стояли, третьи ходили, образуя разнообразныя группы; не вдалекѣ было много лошадей, частію осѣдланыхъ, частію неосѣдланыхъ, очевидно, принадлежащихъ этимъ татарамъ. Все это вмѣстѣ представляло такую обыкновенную картину, что она вовсе не обратила на себя особеннаго моего вниманія.

Когда я и экипажъ мой очутились на берегу, одинъ изъ татаръ приблизился къ моему камердинеру и началъ съ нимъ продолжительно шептаться. Оказалось, что вся эта толпа, подъ предводительствомъ помощника участкаго засѣдателя, тоже изъ татаръ, по распоряженію шемахинскаго губернатора, уже нѣсколько дней ожидаетъ здѣсь изъ Тифлиса какого-то генерала, чтобъ составить его конвой, и что этотъ

генераль именно я и есть. Мигомъ все бросилось къ верховымъ лошадямъ и образовало нѣчто въ родѣ эскадрона. Нѣкоторое, слабое впрочемъ, чувство пріятности, производимое такимъ почетомъ, заглушалось совершенно во мнѣ заботами о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя я долженъ поставить себя къ этимъ людямъ, отношеніяхъ, которыя, по неопытности моей, представлялись мнѣ чуждыми и стѣснительными. Тысячи самыхъ разнородныхъ соображеній мгновенно пролетѣли въ моей головѣ. Я вспомнилъ неоднократно высказанныя мнѣ княземъ замѣтки, что въ азіатскомъ краѣ власть и проводники ея должны отличаться важностью и силой, и что малѣйшая уступка въ этомъ отношеніи принимается всегда за признакъ слабости; потомъ мнѣ пришло въ голову, что какой же я начальникъ и что если буду важничать, то буду смѣшонъ, прежде всего, въ собственныхъ своихъ глазахъ, а этого особенно я избѣгалъ, и довольно удачно, въ теченіе всей моей жизни, наконецъ, и болѣе всего, меня мучило то, что, если я на первыхъ же порахъ надѣлаю чепухи въ томъ или другомъ отношеніи, то непремѣнно сдѣлаю баснею всего края, подобно пріятели моему С—му, запечатлѣнному на вѣки номеромъ третьимъ.

Процессъ этой внутренней борьбы долженъ былъ совершиться быстро, ибо предъ моими глазами стоялъ цѣлый отрядъ верховыхъ татаръ, какъ-то тупо и безпокойно смотрящихъ на мою карету, а предъ самыми дверцами ея торчалъ почтенный сѣдой старикъ татаринъ, несмотря на тридцатипяти градусный жаръ, одѣтый въ какую-то короткую мѣховую шубу съ огромной на головѣ папахой, изъ-подъ которой по бритому лбу текли обильно ручьи грязнаго пота. Я рѣшился вести себя истиннымъ представителемъ Петербурга въ томъ вниманіи, что если и надѣлаю глупостей—то уже самыхъ любезныхъ, цивилизованныхъ, которыя скорѣе простять, чѣмъ проявленіе какого-нибудь напыщеннаго самодурства. Принявъ такое рѣшеніе, я выскочилъ изъ кареты, при помощи переводчиковъ вступилъ въ любезныя объясненія съ почтеннымъ старикомъ, жалъ ему руки и повелъ его въ комнату духана. Тамъ я старался объяснить ему, какъ неожиданно для меня такое вниманіе, какъ я глубоко благодаренъ за него, какъ мнѣ совѣстно, что я причиною такого безпокойства и т. п. Съ своей стороны умный старикъ убѣрялъ меня, что это ничего, что имъ тоже пріятно встрѣтить меня, въ доказательство чего привелъ, что многіе беки (дворяне) сами вызвались конвоировать меня. Я просилъ представить ихъ мнѣ, жалъ имъ руки на петербургскій манеръ и вообще старался очаровать этихъ полудикахъ сыновъ страны, хотя древней, но тоже еще значительно дикой.

Когда я узналъ, что старикъ будетъ провожать меня черезъ весь свой участокъ, т. е. нѣсколько станцій, и все верхомъ, я рѣшительно

*

предъявилъ протестъ противъ такого намѣренія, и когда убѣдился, что онъ не имѣетъ достаточной силы, сталъ упрашивать старика, чтобы онъ ѣхалъ со мною въ каретѣ, объявивъ, что въ противномъ случаѣ не тронусь съ мѣста. Старикъ долженъ былъ уступить моимъ настояніямъ, хотя скоро обнаружилось, что какъ эти настоянія, такъ и его уступчивость равно были опрометчивы. Начать съ того, что взрослые на конѣ, онъ никогда не залѣзалъ въ изобрѣтенную цивилизаціею квадратную клетку, обхватившую его со всѣхъ сторонъ, да едва ли и видѣлъ ее когда-нибудь. Потомъ онъ долженъ былъ, одѣтый въ мѣховое, т. е. самое почетное платье, закупориться въ эту клетку въ страшнѣйшую жару, когда и на открытомъ воздухѣ не было никакой прохлады. Къ этому прибавить надо, что онъ не говорилъ по-русски, а я не понималъ ни слова по-татарски. Когда помчалась карета наша, качаемая со стороны на сторону неровною дорогою, я тотчасъ замѣтилъ на лицѣ моего собесѣдника величайшее {безпокойство; при малѣйшемъ колебаніи экипажа онъ постоянно хватался за что-нибудь; обильный потъ изъ-подъ папахи пролагалъ по бритому лбу новые ручья; видно было, что подъ видомъ любезности я погрузилъ сего почтеннаго мусульманина въ адскія муки; мнѣ было ужасно совѣстно, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ средствъ улучшить его положеніе. Сначала я показывалъ ему, какъ извѣстная пружинка мгновенно подхватываетъ занавѣски кареты, причемъ онъ говорилъ: «якши» (хорошо); но скоро убѣдился, что на этой штуцѣ трудно утвердить его спокойствіе и потому нашелъ самымъ приличнымъ въ этомъ затруднительномъ положеніи закрыть глаза и притвориться спящимъ, предоставивъ моего спутника его судьбѣ. Скоро, однако же, я дѣйствительно заснулъ, а когда проснулся, то моего товарища не было уже въ каретѣ; онъ летѣлъ на конѣ впереди конвоя и разсказалъ вечерній воздухъ. Мнѣ, конечно, не было надобности доискиваться причинъ, почему онъ оставилъ мою петербургскую карету и предпочелъ огненнаго карабахскаго коня.

Сопровождаемый почетнымъ конвоемъ, который смѣнялся на каждой станціи, я пріѣхалъ такимъ образомъ въ Шемаху, городъ, довольно значительный, но чисто азіатскій, состоящій почти исключительно изъ сакель, среди которыхъ изрѣдка возвышались дома зажиточныхъ людей, обѣдалъ у губернатора и, несмотря на всѣ его убѣжденія погостать въ Шемахѣ, на другой же день, раннимъ утромъ, отправился въ Баку, положительно свидѣаемый ветераніемъ свидѣться съ моимъ семействомъ. Баку лежитъ отъ Шемахи въ 100 верстахъ и потому въ тотъ же день къ вечеру я приближался къ ней, завидѣвъ издали Каспійское море.

Еще верстъ за семь отъ Баку навстрѣчу мнѣ двигался какой-то тарантасъ, въ которомъ, съ постепеннымъ приближеніемъ его къ намъ,

можно было разсмотрѣть мундирную фигуру. Я тотчасъ смекнулъ, что эта фигура тоже путешествуетъ, такъ сказать, на мой счетъ. И дѣйствительно, за нѣсколько шаговъ до окончательной встрѣчи фигура выльзла изъ тарантаса и стала въ почтительное положеніе посреди столбовой дороги. Поровнявшись съ нею, я тоже вышелъ изъ кареты и узналъ, что это былъ бакинскій уѣздный начальникъ, Пигулевскій, «имѣвшій честь явиться». За эту честь я сильно укорялъ г. Пигулевскаго и просилъ его пристроить меня какъ-нибудь въ Баку. Пигулевскій сталъ доказывать, что, если я не остановлюсь у него, то это будетъ кровной для него обидой и позоромъ на всю губернію. Во всей фигурѣ этого господина, особенно въ манерѣ его изъясняться, видно было какое-то добродушіе, смѣшанное съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Все это, на первыхъ же порахъ, произвело на меня весьма пріятное впечатлѣніе, такъ что я предоставилъ ему дѣлать со мною, что хочетъ и знаетъ. Это доброе первоначальное впечатлѣніе не обмануло меня. Послѣдствія вполне подтвердили, что это былъ дѣйствительно отличный, хотя, быть можетъ, немного хитрый, господинъ, какъ и всѣ малороссы, къ числу которыхъ онъ, кажется, принадлежалъ.

Когда заключены были наши предварительные переговоры, Пигулевскій сѣлъ въ свой тарантасъ, пригласивъ мою карету слѣдовать за нимъ. Въѣхавъ въ самый городъ, я нашелъ, что онъ лучше Шемахи, уже потому собственно, что стоялъ на берегу моря и оживлялся кипучею дѣятельностью на пристаняхъ. Въ Баку же существовала, такъ называемая, «морская станція». Съ начальникомъ этой станціи, Фрейгангомъ я познакомился тутъ же, проѣзжая городъ. При въѣздѣ въ какія-то ворота, произошла остановка, которая заставила насъ выйти изъ экипажей; въ этотъ моментъ проходилъ въ тѣ же ворота Фрейгангъ, котораго Пигулевскій тотчасъ и представилъ мнѣ.

Наконецъ мы добрались до дома уѣзднаго начальника, въ которомъ и было отведено мнѣ нѣсколько комнатъ. Пигулевскій былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но въ это время все семейство его, какъ онъ увѣрялъ меня еще на дорогѣ, было въ отсутствіи гдѣ-то у родственниковъ. Домъ стоялъ почти на самомъ берегу моря, былъ въ одинъ этажъ и отличался такою чистотою и уютностью, что я и теперь съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю свѣтлыя прекрасныя комнаты, въ которыхъ рассчитывалъ провести нѣсколько часовъ, а провелъ, по велѣнію судьбы, почти около мѣсяца.

Къ величайшему моему счастью оказалось, что на берегу моря, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, находилась ванна, въ которую я мгновенно и бросился и въ которой потомъ ежедневно нырять по нѣсколько разъ. Такимъ же счастьемъ должно считать и то обстоятельство, что у Пигулевскаго оказался великолѣпный поварь, разумѣется изъ русски хъ

бѣглыхъ. Когда, освѣженный волнами Каспійскаго моря, я возвратился въ свои комнаты, суетливый и хлѣбосольный Пигулевскій тотчасъ забросалъ меня безчисленными вопросами по части продовольствія. Я отвѣчалъ ему рѣшительно, что владѣю изряднымъ аппетитомъ и съ удовольствіемъ буду ѣсть все, что дадутъ, и что по части тонкостей гастрономическихъ я совершеннѣйшій невѣжда. При наступленіи времени ужина я былъ, однако, значительно смущенъ, когда для приготовленія стола явилась какая-то персидская, довольно грязноватая, какъ всегда, фигура, въ засаленномъ архалукѣ, въ огромной бараньей шапкѣ, вадѣтой на бритую голову и съ кинжаломъ за поясомъ ужасающей величины. Скоро впрочемъ я позналъ истинно неоцѣненные достоинства этой азіатской персоны: это былъ такой великолѣпный буфетчикъ или дворецкій, какъ хотите, что дай Богъ я русскому, во всякомъ порядочномъ домѣ. Назывался онъ, сколько помню, какииъ-то «ага». Этотъ «ага» скоро сдѣлался истиннымъ моимъ пріателемъ и своими распоряженіями по части завтраковъ, обѣдовъ, ужиновъ приводилъ меня въ полнѣйшее восхищеніе. Само собою разумѣется, что значительная доля этого восхищенія принадлежала по справедливости повару, который, къ удивленію, тоже оказался «артистомъ», что впрочемъ и надо было предугадывать уже потому собственно, что онъ былъ бѣглый, т. е. человѣкъ съ дарованіемъ и стремленіемъ къ свободѣ. Однимъ словомъ, со стороны хозяйственной, я, по пословицѣ, катался, какъ сыръ въ маслѣ.

Но въ моемъ путешествіи, конечно, эта сторона менѣ всего принималась въ расчетъ: только силою сложившихся обстоятельствъ я вынужденъ былъ ознакомиться съ нею. Въ моихъ цѣляхъ не было ни бакинскаго повара, ни туземнаго метр-д'отеля, ни даже самого Пигулевскаго; мнѣ нуженъ былъ пароходъ, который долженъ былъ принести мнѣ мое семейство. Увы! Эта-то именно цѣль не только отдалась, но и осложнилась такими событіями, о которыхъ и вспомнить страшно.

Начать съ того, что мнѣ тотчасъ пришлось убѣдиться въ истинѣ, еще Фамусовымъ провозглашенной: «всѣ врутъ календари». Кавкаскій календарь, въ примѣненіи къ моему положенію, совралъ преславно. Когда, пріѣхавъ въ Баку, я спросилъ за ужиномъ собесѣдника: въ какомъ часу на другой день можно ожидать прибытія парохода, я тотчасъ замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какую-то ироническую улыбку. Улыбка эта разъяснилась такимъ образомъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ міръ стоитъ, или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ, какъ существуетъ между Астраханью и Баку, такъ называемое, почтовое пароходство, никогда не случалось, чтобы пароходъ дѣйствительно приходилъ, какъ сказано въ календарѣ, на пятый день; что пароходы отходятъ изъ Астрахани и приходятъ въ Баку, какъ Богъ дастъ, совершенно случайно; что маленькіе, плоскодонные, эти пароходики

ползуть, какъ раки; и при малѣйшей непогодѣ укрываются гдѣ-нибудь и стоять тамъ, тоже сколько случится; что при самомъ отходѣ изъ Астрахани они тотчасъ натываются на такъ называемую «Бирючью косу» и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока Богъ подбавитъ водицы и дастъ пароходу возможность перескочить эту косу; что, наконецъ, тотъ пароходъ, который, согласно распisaniю, напечатанному въ коварномъ календарѣ, долженъ былъ выйти изъ Астрахани 1-го сентября, недавно только прошелъ мимо Баку въ дальнѣйшіе порты; слѣдовательно надо ждать, во-первыхъ, когда онъ пройдетъ назадъ въ Астрахань и во-вторыхъ, когда потомъ уже снова пойдетъ изъ Астрахани, на что, по самому умѣренному расчисленію, потребуется около мѣсяца.

Всѣ эти утѣшительные рассказы я слушалъ съ чувствомъ, понятнымъ каждому. Оно сдѣлается еще понятнѣе, когда къ этимъ рассказамъ прибавляли, что теперь прибытіе парохода еще труднѣе опредѣлить съ точностью потому, что сентябрь и октябрь мѣсяцы самые бурные и затруднительные для плаванія по Каспійскому морю, въ чемъ я и самъ имѣлъ скоро полную возможность убѣдиться, слушая съ одной стороны дикія завыванія вѣтра, а съ другой, смотря собственными глазами на вздымающіяся горами волны съ террасы, устроенной при домѣ. Неопредѣленное утѣшеніе я находилъ въ томъ только, что астраханскимъ властямъ писано было самимъ княземъ принять всевозможныя мѣры къ благополучному путешествію моего семейства.

Какъ ни старался, однако, я ободрять себя, видѣ моря, на которое я смотрѣлъ постоянно и которое могъ обозрѣвать на далекое пространство, насыпало непреодолимо въ душу самую тяжелую впечатлѣнія. Верстахъ въ семи отъ берега, среди моря, стоялъ какой-то островъ и я видѣлъ, какъ дѣлали на него громаднѣйшія волны и разбивались объ его грудь бѣлою пѣною. Въ теченіе ночи впечатлѣнія эти становились особенно мучительны. Съ одной стороны, шумъ бурнаго моря, а съ другой—свистъ неистоваго вѣтра, въ углы комнаты, гдѣ была моя спальня, наводили на меня такой ужасъ, что я непрерывно и усердно молился. Мысль, что въ эти минуты, среди мрачной и бурной ночи, мое семейство въ объятіяхъ яростнаго моря—какъ-то неотступно томила душу. Я проклиналъ Кавказъ, который изъ моего петербургскаго покойнаго положенія увлекъ меня въ такую дикую мѣстность, въ такое отчаянное состояніе. Я готовъ былъ отдать пол-жизни, чтобы видѣть мою семью на берегу, подѣв меня. Мнѣ казалось, что я никогда не увижу ее, что я самъ погубилъ ее. Словомъ, мысли мои становились все чернѣе и чернѣе съ теченіемъ времени.

Между тѣмъ добрый Пигулевскій, какъ говорится, изъ кожи дѣвъ, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Баку пріятнымъ, и, желая устроить мои внутреннія ощущенія, никому впрочемъ недоступныя—достигалъ

цѣли своихъ усилій самымъ блестящимъ образомъ. Начать съ того, что онъ представилъ мнѣ всѣхъ именитыхъ людей города и уѣзда, старыхъ и почтенныхъ персіанъ, которые большею частью отличались приятнымъ достоинствомъ, съ которыми держали себя. Я не знаю, въ какой степени это справедливо, но общее мнѣніе края утверждало, что персіане—прирожденные дипломаты. Потомъ онъ перезнакомилъ меня со всѣмъ административнымъ составомъ города, въ которомъ морской элементъ выдавался самымъ яркимъ образомъ. Я сказалъ уже, что начальникомъ морской станціи въ Баку былъ морякъ Фрейгангъ, человекъ открытый и приятный. Домъ Фрейганга, сколько по его положенію, столько же и по склонности къ хлѣбосольству, былъ совершенно «станціей», на которой всегда можно было видѣть толпы морскихъ офицеровъ, то прибывающихъ, то отбывающихъ, и гдѣ всегда было весело, при содѣйствіи танцевъ и неизбежнаго лѣнія.

Потомъ Пигулевскій окружилъ меня толпою молодежи, какая нашлась въ Баку и которая съ самаго утра наполняла мои комнаты. Въ ряду этой молодежи надо упомянуть Поленскаго, участковаго засѣдателя, т. е. подчиненнаго Пигулевскому. Это былъ блестящій молодой человекъ, удивлявшій своимъ пребываніемъ въ такомъ захолустьѣ. Красивый собой, образованный, ловкій, онъ могъ бы одѣлать честь любому изъ петербургскихъ департаментовъ. Какими судьбами онъ попалъ въ Закавказье—я не спрашивалъ; но одно уже то, что онъ былъ полякъ—на половину разъясняло вопросъ. Закавказье въ этомъ отношеніи дивная страна: чего тамъ не встрѣтишь? Въ эту же поѣздку, ужъ не помню гдѣ, меня встрѣчалъ на обратномъ пути другой, тоже участковый засѣдатель, въ родѣ русскихъ становыхъ приставовъ—чистѣйшій французъ! Если припомнить, что въ самый день моего прибытія въ Тифлисъ ко мнѣ явился тамъ частный приставъ, баронъ де-Монфоръ—то будетъ ясно, что Закавказье имѣетъ притягательную силу для разноплеменныхъ авантюристовъ.

Затѣмъ, въ составѣ молодежи, окружавшей меня, было нѣсколько личностей, завлеченныхъ обширнымъ коммерческимъ предпріятіемъ барона Торнау, о которомъ я выше говорилъ. Здѣсь рельефно выдавалась фигура Потѣхина «младшаго». Это былъ красивый молодой человекъ, только что окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ.

Потомъ Пигулевскій устраивалъ для меня различныя «parties de plaisir». Само собою разумѣется, что поѣздка на знаменитые бакинскіе огни занимала здѣсь первое мѣсто: ихъ было двѣ, одна сухопутная, къ храму огнепоклонниковъ, другая—морская. Изъ многоразличныхъ разсказовъ, какіе я слышалъ на Кавказѣ, извѣстно, что въ Закавказьѣ появился первоначально какой-то индѣецъ, секты огнепоклонниковъ, привлеченный именно бакинскими огнями. Занимаясь духовными дѣ-

лами, онъ вздумалъ попытать счастья и въ мірскихъ дѣлахъ. Попытка эта была столь удачна, что посредствомъ подрядовъ, ростовщичества и другихъ оборотовъ, онъ скоро и сильно разбогатѣлъ и тогда-то выстроилъ храмъ для огнепоклонниковъ, зданіе весьма эффектное и устроенное такъ, что изъ каждой башни его выходили огненные языки, что вечеромъ представляло зрѣлище, истинно изумительное.

При моемъ посѣщеніи храма я видѣлъ тамъ нѣсколько индѣйцевъ и между ними старшаго, который, при нашемъ прибытіи, тотчасъ приступилъ къ богослуженію. Началось оно пронзительнымъ свистомъ въ какую-то раковину и появленіемъ огня на различныхъ точкахъ. Потомъ оно, въ дальнѣйшемъ ходѣ, очень походило на наши молебны. Старшій что-то читалъ и провозглашалъ, упоминая имя государя, а потомъ и наши имена, а другіе индѣйцы, сидя на корточкахъ по стѣнамъ, что-то выли время отъ времени. Полагають, что все это богослуженіе не есть истинное богослуженіе огнепоклонниковъ, а сочиненное хитрыми индѣйцами искусственно, въ подраженіе нашему, для того, чтобы привлечь обирать посѣтителей. Въ заключеніе этого истиннаго или ложнаго богослуженія, старшій индѣецъ обносилъ посѣтителямъ на тарелкѣ маленькіе кусочки леденцу, а тѣ должны были класть на ту же тарелку свои послышныя приношенія. Мѣстность кругомъ храма до такой степени изобилуетъ нефтянымъ газомъ, что мальчишки, вырывъ небольшую ямку, тотчасъ воспламеняли ее. На этой мѣстности находились многіе широкіе и глубокіе колодцы, на днѣ которыхъ также пылало пламя, представляя, такъ сказать, наглядное изображеніе ада.

Морская поѣздка имѣла своего рода занимательность. На огромномъ катерѣ отправились мы, при наступленіи лунной ночи, въ море, вереть за семь, если не ошибаюсь. Когда прибыли на то пространство, которое извѣстно своею воспламеняемостью всѣмъ туземнымъ жителямъ, матросы зажгли нѣкоторое количество пакли и бросили ее на воду. Вода, или лучше сказать, газъ, изъ нея выходящій, мигомъ воспламенился. Море на значительное пространство сдѣлалось огненнымъ и, конечно, для непривычнаго глаза представило зрѣлище, истинно поразительное. Пламенные волны, качаясь по волѣ вѣтра, довольно впрочемъ тихаго, грозили какъ будто поглотить насъ. Мы отбѣжали на соответственное разстояніе и долго любовались картиною, которую, конечно, никакое искусство человеческое создать не въ состояніи. На вопросъ мой, кто же потушитъ это зажженное море? Мнѣ отвѣчали: «вѣтеръ, когда сдѣлается посылнѣе». При нашемъ отбѣздѣ вѣтеръ не сдѣлался сильнѣе и не препятствовалъ совершить намъ обратный путь при самой рѣдкой и оригинальной изъ всевозможныхъ иллюминацій.

Не знаю, на долго ли вода сохранитъ въ себѣ неприкосновенную эту чудную силу; что касается до этой силы, заключающейся въ землѣ,

то она давно пошла уже на служеніе промышленнымъ цѣлямъ. Баронъ Торнау первый святотатственно наложилъ на нее свою руку и на мѣстѣ священныхъ огней выстроилъ какой-то парафиновый заводъ. Быть можетъ за это именно, такъ называемыя, неблагопріятныя обстоятельства наложили руку на самого Торнау и скоро стерли его, со всѣми его затѣями, съ лица Закавказья.

Наконецъ мы дѣлали поѣздки по окрестнымъ деревнямъ, замѣчательнымъ въ какомъ-либо отношеніи. Обозрѣвали нефтяныя промыслы со всѣмъ ихъ устройствомъ, выдѣлку ковровъ, которою занималось женское населеніе въ некоторыхъ деревняхъ и т. п. Не будучи нисколько специалистомъ въ подобныхъ вещахъ, я смотрѣлъ на все это исключительно со стороны празднаго любопытства; казалось мнѣ, впрочемъ, что эти отрасли отличались крайнею неразвитостью, почти дикостью; мнѣ чудилось, быть можетъ я ошибочно, какія бы чудеса здѣсь явились, если бы перенести сюда промышленный духъ англичанъ, напримѣръ, ихъ знаніе, ихъ опытность, ихъ страшную паровую силу, двигающую тысячи разнообразнѣйшихъ механическихъ приспособленій? Особенно мое воображеніе разыгралось на эту тему, когда при видѣ двухъ женщинъ сидящихъ за выдѣлкою ковра, я спросилъ: «въ какое время можетъ быть изготовленъ ими цѣльный коверъ?» и мнѣ отвѣчали, что на это нужно чуть ли не цѣлый годъ...

ГЛАВА XIV.

Исторія крушенія парохода „Куба“. — Остовъ парохода, перегнутый на скалистомъ берегу. — Мертвыя тѣла, выбрасываемыя моремъ. — Погребальныя церемоніи въ Баку. — Первое разстройство, произведенное во мнѣ этой драмою. — Томительное ожиданіе другаго парохода. — Комическія стремленія туземцевъ высмотрѣть его въ морѣ. — Прибытіе парохода. — Встрѣча моя съ семействомъ. — Отъѣздъ нашъ въ Тифлисъ.

Между тѣмъ время шло и приближалось уже къ половинѣ сентября. Я помню очень хорошо одинъ дурной вечеръ, когда у насъ собралось довольно большое общество; всѣ играли въ карты, а въ томъ числѣ и я. Поленскаго не было. Надо замѣтить, что самая резиденція его была не въ Баку, а въ какомъ-то значительномъ селеніи, называемомъ «Маштаги» и составлявшемъ центръ всѣхъ другихъ селеній, которыми онъ командовалъ. Большая часть этихъ селеній лежала на берегу самаго моря, такъ что жители ихъ всегда видѣли каждый пароходъ, проходящій мимо ихъ. Въ числѣ этихъ селеній было селеніе «Бильги», отсто-

явшее отъ Баку верстахъ въ 30, сухимъ путемъ, тогда какъ путемъ морскимъ, который долженъ дѣлать пароходъ, было версть 70 или 80. На этомъ обстоятельстве именно основаны были слѣдующія комбинаціи. Начальники этого селенія, когда завидятъ пароходъ, идущій изъ Астрахани, который они обязаны были всемірно стеречь, должны были мгновенно дать знать Поленскому, а Поленскій Пигулевскому. Такимъ образомъ нарочные, изъ татаръ, быстрые, какъ вѣтеръ, должны были, пролетѣвъ только 30 верствъ, за нѣсколько часовъ предупредить насъ о прибытіи парохода, которому предстояло огибать Апшеронскій островъ и дѣлать до 80 верствъ.

Когда я сидѣлъ за картами, сосредоточивая все свое вниманіе не столько на козыряхъ и взяткахъ, сколько на неистовыхъ порывахъ вѣтра, который казалось старался сдернуть съ мѣста самый домъ, въ которомъ мы находились, входитъ Пигулевскій съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «не угодно ли прежде всего заказать ужинъ для встрѣчи, а на завтра обѣдъ!»—Надо замѣтить, что эту часть онъ считалъ наиболѣе важнымъ дѣломъ, полагая, быть можетъ, свое тщеславіе въ томъ, что она у него такъ отлично устроена. Я мгновенно вскочилъ изъ-за стола и выхватилъ у него бумагу, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Это было письмо Поленскаго, которое подлинникомъ и теперь лежать предъ моими глазами. Поленскій писалъ:

«Сейчасъ получилъ извѣстіе изъ селенія Вильги, что пароходъ сію минуту прошелъ мимо по направленію въ Апшеронъ, гдѣ навѣрно, при столь сильномъ вѣтрѣ, будетъ стоять на якорѣ и не рѣшится идти въ море. Вчера я отправилъ туда нарочнаго, а потому надѣюсь, что къ разсвѣту вы получите извѣстіе настоящее изъ Апшерона о прибытіи супруга Василія Антоновича. Кромѣ того я взовъ пошлю туда нарочнаго. 14-го сентября 1857. Четверть шестаго по полудни».

Письмо это надѣлило меня какимъ-то двойственнымъ чувствомъ: радость ровно на половину смѣшалась съ тревогою. Фразы: «при столь сильномъ вѣтрѣ не рѣшится идти въ море... будутъ стоять на якорѣ...» какимъ-то жгучимъ образомъ засѣли въ души и не давали рѣшительно мѣста никакимъ другимъ мыслямъ. Неопытный въ морскихъ плаваніяхъ, я изъ этихъ фразъ заключалъ, что теперь, въ сію минуту, на морѣ дѣйствительно есть опасность, что опасность эта виситъ надъ головой моего семейства и что всѣ успокоительныя фразы Пигулевскаго, Фрейганга и др. чистый вздоръ. Гораздо сильнѣе этихъ фразъ говорили мнѣ истину постоянный шумъ моря, доходившій въ наши комнаты, и такіе порывы вѣтра, что часто всѣ присутствующіе значительно переглядывались. Само собою разумѣется, что всѣ эти ощущенія возникали, боролись, смѣнялись одни другими—внутри меня; для общества я сохранялъ полнѣйшее спокойствіе, козырялъ, какъ и въ чемъ не бывало

и съ наружнымъ равнодушіемъ слушалъ споры и сужденія о томъ, придетъ ли пароходъ сегодня или будетъ вынужденъ бурною погодою остановиться на ночь въ Апшеронъ? Последнее предположеніе взяло верхъ и самъ Пигулевскій, тонкій и смѣтливый, какъ ни сознавалъ, что всѣ эти пренія представляютъ для меня мало утѣшительнаго, долженъ былъ заключить ихъ фразою: «да! сегодня ждать нечего; завтра рано утромъ мы встрѣтимъ нашихъ дорогихъ гостей!»

Послѣ ужина всѣ мы разошлись, и я могу сказать, что во всю мою жизнь я не помню такой мучительной ночи, какую мнѣ суждено было провести теперь. Эту ночь, по справедливости, можно назвать адскою. Я не знаю, можно ли положить различіе между трусостию и мнительностию. Мнѣ кажется можно. Трусости въ буквальномъ смыслѣ въ моей натурѣ нѣтъ, и это, какъ мнѣ кажется, могутъ подтвердить всѣ, кто меня зналъ; но мнительности бездна. Я не боюсь ничего яснаго и опредѣленнаго, какъ бы оно опасно ни было. Неясность и неопредѣленность совершенно уничтожаютъ меня. Такъ точно было и теперь. Въ головѣ моей, не совсѣмъ лишенной способности къ мышленію, происходило страшное броженіе самыхъ тревожныхъ мыслей и соображеній, вызванныхъ именно этою неопредѣленностию, этою невѣдностію. Этими мыслямъ и соображеніямъ отлично аккомпанировалъ свирѣпѣйшій вѣтеръ, который кажется никогда не бушевалъ такъ, какъ именно въ эту ночь. Задѣвая углы моей комнаты, онъ просто былъ самымъ звучнымъ и въ то же время отвратительнымъ образомъ. Понятно, что я почти глазъ не могъ сомкнуть, а если и забывался на минуту, то тотчасъ просыпался въ сильнѣйшемъ волненіи и вновь прислушивался къ завываніямъ вѣтра, вновь предавался самымъ тягостнымъ соображеніямъ.

Я истинно радъ былъ, когда эта отвратительная ночь стала уступать дневному свѣту. Совершенно разстроенный, я поднялся съ постели чрезвычайно рано, и наскоро одѣвшись, тотчасъ вышелъ изъ дома, чтобы подняться на извѣстную террасу и взглянуть на море. Вскходя на террасу, я нашелъ уже тамъ добраго Пигулевскаго, который встрѣтилъ меня словами, проникнутыми собственнымъ его безпокойствомъ: «нѣтъ! что то не видать. Вѣрно держатся на якорѣ. Ужъ вѣтеръ очень силенъ. Это хорошо, что они выжидаютъ. Безопаснѣ!»

День былъ чрезвычайно сумрачный. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что трудно было на ногахъ держаться. На море взглянуть было страшно. Волны ходили черными горами. Островъ, видимый съ берега, весь былъ въ пѣнѣ. Мучительно было подумать, что все дорогое въ жизни въ эту минуту въ когтахъ этой коварной стихіи. Другаго, однако, ничего не оставалось дѣлать, какъ ждать съ покорностию Провадѣнію, что будетъ дальше. Съ ранняго утра 15-го сентября начали соби-

раться обычные наши собесѣдники съ фizioноміями, далеко не такъ оживленными, какъ въ обычное время.

Тотъ фактъ, что пароходъ долженъ былъ уже придти, но не пришелъ—былъ ясенъ, какъ день и хотя не былъ никакъ высказываемъ ясно и положительно—тѣмъ не менѣе висѣлъ надъ всѣми стопудовой гирей. Страшно бурное море, на которое всѣ непрерывно бѣгали смотреть, столь же страшные порывы вѣтра, обставляли этотъ фактъ самыми отвратительными соображеніями, которыя видимо блуждали на лицѣ у всѣхъ. Молчаніе, которое охватило все наше общество, обыкновенно говорливое и шумливое, было выразительно въ самой непріятнѣйшей степени. Одинъ только болтливый Фрейгангъ старался храбриться изо всей мочи и блистать предъ нами познаніями и опытностію въ дѣлѣ морскихъ путешествій. Онъ утверждалъ, что все это вздоръ, что такія ли бури бывають на морѣ и при этомъ начиналъ рассказывать, какія тамъ бывають страшныя бури. Онъ утверждалъ, что капитанъ, который управляетъ, по его соображеніямъ, ожидаемымъ пароходомъ, отличный знатокъ дѣла, изучилъ Каспійское море, какъ свои пять пальцевъ и что съ нимъ ничего дурнаго случиться не можетъ. Расскази его, надо сказать, производили мало практическаго дѣйствія, особенно на меня, и именно потому, что въ то же время мнѣ гораздо внушительнѣе разъясняли существо дѣла раскаты разъяренныхъ волкъ, шумъ которыхъ вривался въ наши комнаты, и свирѣпый свистъ вѣтра. /

Между тѣмъ приблизилось время завтрака, за который мы и усѣлись, сохраняя все то же напряженное состояніе, хотя каждый старался изо всѣхъ силъ разрушить его. Пигулевскій сыпалъ своими рассказами, подмигивая въ нихъ, какъ и всегда, значительную долю милаго малороссійскаго юмору; Фрейгангъ повѣствовалъ о моряхъ и буряхъ, Потѣхинъ сыпалъ высшими взглядами на политическую экономію и на варварство крѣпостнаго состоянія; я въ особенности старался, при малѣйшемъ перерывѣ разговора, связывать его и оживлять; но повторяю, все это шло такъ слабо и вяло, что не было нисколько лучше нашего общаго и глубокаго молчанія.

Въ средній нашего завтрака Пигулевскому доложили, что прискакалъ иарочный отъ Поленскаго. Всѣ задрогнули. Пигулевскій тотчасъ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ свою контору или канцелярію, расположенную въ смежныхъ комнатахъ. Воцарилось общее молчаніе и ожиданіе, которое продолжалось довольно долго. Самое замедленіе возвращенія Пигулевскаго казалось умысленнымъ и многозначительнымъ. Наконецъ онъ появился съ письмомъ въ рукахъ и какъ-то неестественно улыбаясь произнесъ: «Случилась маленькая остановка!» Я тотчасъ взялъ изъ рукъ Пигулевскаго письмо Поленскаго и прочиталъ слѣдующее:

«Сейчасъ получилъ рапортъ отъ старшины деревни Касево (кажется такъ; трудно разобрать, потому что Поленскій видимо писалъ кое-какъ, на скорую руку), что пароходъ получалъ поврежденіе близъ деревни. Не знаю, сколь вѣроятно это донесеніе; но во всякомъ случаѣ нужнымъ считалъ васъ объ этомъ увѣдомить, а съ симъ вмѣстѣ сажусь на коня и ѣду туда. 15-го сентября 1857 г. Маштаги, 10 часовъ утра».

Письмо это, въ которомъ слова только начинались, но не оканчивались и потому представляли значительное затрудненіе, чтобъ разобрать и понять ихъ, свидѣтельствовало самою наружностію своею, во первыхъ, что Поленскій значительно перетрусилъ, а во-вторыхъ, что страшно спѣшилъ. Когда было разобрано и прочтано письмо, воцарилось молчаніе, исполненное очевиднаго смущенія. Фрейгантъ началъ было рассказывать, что поврежденіе парохода вздоръ и пояснять, какія иногда бывають поврежденія; но я не сталъ его слушать и тотчасъ потребовалъ тройку лошадей, чтобы лѣтѣть туда, гдѣ случилось поврежденіе, а Фрейганта просилъ дать мнѣ унтеръ-офицера, матроса или вообще спеціальнаго человѣка, который, въ случаѣ надобности, могъ бы распорядиться помощію. Требованія эти были высказаны такъ рѣшительно и настойчиво, что оставалось только немедленно исполнить ихъ. Пигулевскій заявилъ только, что онъ ни за что въ мірѣ не отпуститъ меня одного, а побѣдетъ вмѣстѣ со мной, на что конечно я съ радостію согласился, видя въ немъ истинную привязанность ко мнѣ и значительное начальническое вліяніе на народъ, столь необходимое въ подобныхъ случаяхъ. Явилась тройка, и мы съ Пигулевскимъ усѣлись въ тарантасъ, а на козлахъ съ кучеромъ помѣстился какой-то морякъ, снабженный «фалшфейрами» и другими снастями, а главное какими-то спеціальными наставленіями добрѣйшаго Фрейганга. Мы быстро понеслись.

Я тотчасъ погрузился въ пропасть самыхъ безотраднѣхъ размышленій, среди которыхъ могъ замѣтить и разобрать только то, что, по словамъ Пигулевскаго, прежде нежели мы пріѣдемъ на мѣсто, мы встрѣтимъ на дорогѣ нарочныхъ, къ намъ вновь посланныхъ Поленскимъ. И дѣйствительно, глубокое безмолвіе, въ которомъ мы продолжали нашъ путь, прервано было возгласомъ нашего ямщика, который болѣе или менѣе понималъ уже въ чемъ дѣло: «Вонъ скачутъ!» Взглянувъ въ даль, мы дѣйствительно замѣтили двухъ всадниковъ, несшихся на встрѣчу намъ во весь опоръ. Пигулевскій сказалъ: «Это нарочные!» У меня сердце замерло. Что-то скажутъ они? спрашивала душа. Когда нашъ тарантасъ и всадники встрѣтились—все остановилось. Одинъ изъ нихъ, приблизясь къ моей сторонѣ, протягивалъ какой-то наектъ. Я мгновенно схватилъ его, сорвалъ печать, развернулъ бумагу и первыя слова, на которыя упали глаза мои, были: «пароходъ разбился... погибше!»...

Какъ будто ослѣвленный чѣмъ нибудь, я закрылъ глаза, выровнялъ

бумагу и впалъ въ какое-то непонятное и потому неизъяснимое состояніе. Тутъ не было ни ужаса, ни отчаянія, ничего опредѣленнаго. Былъ какой-то туманъ, изъ котораго я не могъ выбраться. Самое отчетливое представленіе было то, что я какъ будто видѣлъ трупы моей жены, моихъ дѣтей, перебрасываемые въ сію минуту громадными волнами; потомъ мнѣ представлялось, какъ въ роковую минуту они звали меня на помощь... Но ни слезъ, ни жестовъ—ничего не было; я просто оставался истуканомъ съ закрытыми руками глазами. Пигулевскій изрѣдка и тихо бормоталъ: «Успокойтесь, успокойтесь!».—«Прикажите ѣхать дальше!» нетерпѣливо сказалъ я, и мы снова быстро понеслись. Въ продолженіе дороги Пигулевскій пытался возобновлять свои утѣшенія, на которыя я спокойно отвѣчалъ: «Вы видите, что я покоряюсь судьбѣ и право ничего особеннаго не чувствую, кромѣ какого-то страннаго тумана».

Надо замѣтить вообще, что моя натура не изъ тѣхъ, которыя вдругъ, сразу, поражаются какимъ-нибудь сильнымъ впечатлѣніемъ; надобно, чтобы это впечатлѣніе вошло прежде въ плоть и кровь мою; тогда оно сторицею начинаетъ производить свое разѣдающее вліяніе и долго остается во всемъ моемъ существѣ. Поэтому я никакъ не способенъ внезапно умереть ни отъ горя, ни отъ радости, ни отъ ужаса; все это никакъ не воспринимается мною вдругъ, а входитъ какъ-то долями, постепенно и осаждается тамъ упорно. Отъ этого происходитъ, что когда у другихъ какая-нибудь печаль, живо воспринятая, начинаетъ уже, съ теченіемъ времени, ослабѣвать, проходить, у меня она только начинаетъ воспринимать свою разѣдающую силу. Такъ напримѣръ, я постоянно замѣчалъ, что друзья и родственники, оставивъ кого-нибудь изъ своихъ близкихъ на кладбищѣ, возвращаются домой уже болѣе спокойными, какъ будто съ окончаніемъ религиозныхъ обрядовъ сознаніе и сила утраты то же должны, если не совсѣмъ исчезнуть, то на половину уменьшиться. Для меня, напротивъ, въ подобныхъ случаяхъ вѣтъ момента ужаса, какъ именно возвращеніе съ кладбища, когда всѣ возвращаются, а одинъ уже не возвращается и когда исчезновеніе этого одного дѣлается яснымъ въ ужасающей степени. Такъ точно и теперь, въ эту минуту, я только предчувствовалъ то, что буду потомъ чувствовать; но никакихъ положительныхъ мученій рѣшительно не испытывалъ и даже не плакалъ и, сколько могу припомнить, вовсе не потому, чтобы внутренняя скорбь достигла той ужасающей степени, когда уже не плачуть, а просто потому, что событіе подавило мой умъ какимъ-то вѣдшимъ образомъ, сверху, а не вошло въ меня и не проникло всего моего существа. Пигулевскій смотрѣлъ на все это, однако, не такъ: смотря на мою неподвижно устремленные въ одну точку глаза, онъ былъ убѣжденъ какъ потомъ говорилъ мнѣ, что я или уже сошелъ съ ума или сталъ на дорогу къ сумасшествію.

Первые нарочные встрѣтили насъ верстахъ въ 10-ти отъ Баку, и потому я ѣхалъ версты 10 или 15 съ душой, наполненной впечатлѣніемъ, которымъ надѣлила меня принесенная ими вѣсть. Надъ всѣми этими впечатлѣніями господствовало ужасающее ожиданіе увидѣть обезображенные трупы моей жены, моихъ дѣтей, обставленные грубыми и грязными татарами. Но милосердному Богу, излившему на меня въ теченіе всей моей жизни обильные источники всевозможныхъ милостей, угодно было отвлечь отъ меня, и въ этотъ моментъ, зрѣлище, котораго я съ трепетомъ ожидалъ. Почти бессознательное состояніе, въ которомъ я двигался впередъ, нарушено было новымъ возгласомъ нашего ямщика: «Вонъ еще скачутъ!» Почему нарочные посылались и скакали какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ, не въ единственномъ числѣ—этого я объяснить не умѣю. Ничего, конечно, радостнаго отъ этихъ новыхъ нарочныхъ я уже ожидать не могъ; они могли принести только страшныя подробности страшнаго бѣдствія. Пигулевскій несомнѣнно былъ того же мнѣнія, и потому, когда, съ приближеніемъ нарочныхъ, я хотѣлъ, первый, взять пакетъ, который они везли, Пигулевскій выразилъ что-то въ родѣ протеста, который, конечно, не имѣлъ никакой силы. Я взялъ пакетъ, сорвалъ печать и жадно впился глазами въ бумагу. Послѣ словъ: «Пароходъ разбился въ дребезги...» слѣдовали слова: «къ счастію величайшему супруги Василя Антоновича не было на пароходѣ...»

Тутъ со мною случилось нѣчто исключительное и вообще не подходящее подъ тѣ общіе законы моей духовной природы, о которыхъ только-что говорилъ. Какая-то сила вытолкнула меня изъ тарантаса; я бросился на колѣна и горячими молитвами благодарилъ Бога. Слезы ручьями лились изъ моихъ глазъ, и нѣтъ сомнѣнія, что я долго бы оставался въ этомъ положеніи, полномъ неизъяснимой радости и блаженства, совершенно забывая, что я окруженъ различными людьми, изъ которыхъ нѣкоторые, даже не понимая, въ чемъ дѣло, съ изумленіемъ смотрѣли на мое восторженное состояніе, если бы не кроткіе, задушевные привѣты добраго Пигулевскаго, привѣты, въ которыхъ слышались тоже слезы. Поднявшись съ земли я бросился цѣловать прежде всего, моихъ благовѣстителей, присланныхъ нарочными татарами, несмотря на то, что лица ихъ, едва ли когда-нибудь вымываемыя, покрыты были толстымъ слоемъ смѣси изъ пота и пыли, и роздалъ имъ всѣ деньги, какія находились въ моихъ карманахъ. Потомъ крѣпко прижалъ къ груди Пигулевскаго и благодарилъ его за участіе, за сочувствіе, истинно родственныя, истинно дружескія...

Когда водворилось нѣкоторое спокойствіе, такъ сильно взволнованное этою моральною бурей, мы принялись разбирать дѣло и перечитывать доставленные намъ бумаги. Оказалось, что первая бумага, которую я вырвалъ изъ рукъ передовыхъ нарочныхъ, вовсе не была адресована

къ намъ и составляла рапортъ начальника съемки Каспійскаго моря Ивашинцева (въ то же время и начальника разбитаго парохода) командирующему Бакинскою станціею, т. е. нашему милому Фрейгангу. Ивашинецъ писалъ: «сего 14-го сентября, слѣдуя изъ Астрахани въ Баку, чрезъ Апшеронскій проливъ, пароходъ Куба въ 10¹/₂ часовъ вечера, разбился у мыса Шоуланъ. Число погибшихъ еще съ точностію неизвѣстно, спаслись около 50 человекъ. Подробности буду имѣть честь сообщить впоследствии при личномъ свиданіи. Докладывая о семъ вашему высокоблагородію, имѣю честь просить о содѣйствіи и помощи какъ спасеннымъ чинамъ, такъ и спасенію того, что можно будетъ съ парохода, который совершенно разбитъ и затонулъ въ камняхъ, немного ниже Шоулана. 15-го сентября 4 ч. утра.» Эта именно ужасная бумага, въ которой я прежде всего замѣтилъ слова: «разбился, погибшіе» заставила меня въ теченіе по крайней мѣрѣ часа, на разстояніи десяти или пятнадцати верстъ, нести въ душѣ тѣ невыразимыя впечатлѣнія, о которыхъ я выше говорилъ.

Бумага Поленскаго была слѣдующаго содержанія: «сейчасъ прибылъ въ Швеланы, гдѣ нашелъ капитана разбитаго въ дребезги парохода «Куба». Къ счастью величайшему супруга Василія Антоновича не была на этомъ пароходѣ, а то бы сдѣлалась жертвою волнъ морскихъ. Она будетъ съ слѣдующимъ пароходомъ: «Ленкоранъ». О подробностяхъ крушенія вы узнаете изъ рапорта, посланнаго капитаномъ парохода къ г. Фрейгангу. Пароходъ «Ленкоранъ» имѣетъ выйти изъ Астрахани 15-го числа, т. е. сегодня. М-ше Инсарская уже въ Астрахани. Швеланы. 15-го сентября. 12 часовъ ровно».

Разсматривая и соображая эти бумаги, я вдругъ пораженъ былъ страшною мыслию: что если умный, добрый, ловкій Поленскій сочинилъ всю эту исторію объ отсутствіи моей жены, моихъ дѣтей въ часъ гибели, желая этою выдуманною исторіею отдалить или ослабить страшный первый ударъ, сужденный мнѣ Провидѣніемъ? Откуда и какъ онъ знаетъ, что мое семейство въ Астрахани? Можно ли допустить, что пароходъ «Куба» отправился оттуда, не взявъ моего семейства, если оно дѣйствительно тамъ, когда жена моя знаетъ, что я ожидаю ее съ нетерпѣніемъ въ Баку и когда сто разъ я писалъ ей, чтобы непременно старалась расположить свое путешествіе такимъ образомъ, чтобы прибыть въ Астрахань къ 1-го сентября и оттуда выѣхать 1-го сентября? Съ другой стороны, можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы астраханскія власти, подчиненныя князю, пренебрегли собственнымъ его письмомъ обезпечить и ускорить всевозможно переѣздъ моего семейства изъ Астрахани въ Баку и пустили оттуда пароходъ, а мое семейство оставили въ Астрахани? Все это казалось мнѣ, или не положительно невѣроятнымъ, то въ высшей степени сомнительнымъ и начало снова наполнять мою душу

тревожными ощущеніями. Пигулевскій употреблялъ всё усилія, чтобы разсвѣять и уничтожить мои опасенія и изъ всевозможныхъ доводовъ, энергически приводимыхъ имъ, особенно упорно стоялъ на томъ, что Поленскій никакъ не рѣшится написать неправду. Но такъ какъ мы были уже не далеко отъ мѣста происшествія, то и заключили наши споры рѣшеніемъ ѣхать далѣе, тѣмъ болѣе, что и со стороны Пигулевскаго, какъ главнаго начальника уѣзда, должны были быть приняты разныя, такъ называемыя, «соотвѣтственные обстоятельствамъ» мѣры.

Когда мы прибыли къ селенію «Швеляны» (по Поленскому) или «Шоуляны» (по Ивашинцеву) наступалъ уже вечеръ. Издали еще мы замѣтили, вблизи какого-то значительнаго зданія, оказавшагося лучшимъ домомъ этого селенія, принадлежащимъ зажиточнѣйшему изъ обывателей, нѣсколько странныхъ по одѣянію фигуръ, оказавшихся спасенными съ погибшаго парохода морскими офицерами. Намъ указали старшаго, на которомъ была надѣта татарская шапка. Это и былъ Ивашинцевъ.

Личность эта сразу поражала замѣчательнымъ умомъ и проявленіемъ твердаго и рѣшительнаго характера, присущаго болѣе или менѣе всѣмъ морякамъ. Но какъ Ивашинцевъ слишкомъ извѣстенъ въ ученomъ мѣрѣ, то и распространяться о немъ я считаю излишнимъ. Достаточно сказать, что онъ былъ, какъ и изъ вышеприведеннаго рапорта его видно, начальникомъ съемки Каспійскаго моря и сколько извѣстно въ этомъ отношеніи оказалъ драгоцѣнныя заслуги. Именно для производства работъ по этому дѣлу пароходъ «Куба» и отданъ былъ въ его распоряженіе. Впрочемъ онъ не былъ, какъ Поленскій называетъ его въ своемъ письмѣ, капитаномъ этого парохода. Капитаномъ былъ другой великолѣпнѣйшихъ качествъ, какъ всё утверждали, офицеръ Поскочинъ, къ общему сожалѣнію погибшій при этой катастрофѣ, свято исполняя свой капитанскій долгъ и оставаясь послѣднимъ на кожухѣ парохода, откуда, по словамъ однихъ, былъ снесенъ волнами, а по словамъ другихъ, сбитъ какою-то пароходной шляпкой. Весь экипажъ, судя по оставшимся офицерамъ, составленъ былъ превосходно: это была наиболѣе просвѣщенная молодежь нашего флота, жаждавшая не одного внѣшняго блеска, столь увлекательнаго для всякой молодежи, но истиннаго дѣла, истинной пользы той отрасли морской службы, которой себя посвятила. Частію тутъ же, а частію потомъ, во время пребыванія въ Баку, я сошелся со всѣми этими господами на самую короткую ногу, и воспоминаніе о моихъ кратковременныхъ сношеніяхъ съ ними принадлежать къ числу воспоминаній, самыхъ пріятнѣйшихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія гибели парохода «Куба» подробно разслѣдована и какъ говорится «выведена на чистую воду» знатоками дѣла. Я не помню, какъ она изложена официально; не помню даже, читалъ ли я гдѣ-нибудь официальное ея изложеніе, но хорошо помню изустныя

разказы самихъ офицеровъ, сюда относящіеся, и считаю не совѣмъ излишнимъ привести здѣсь главнѣйшія черты.

Приближаясь къ Апшеронскому проливу пароходъ шелъ быстро и всѣ надѣялись въ тотъ же вечеръ, т. е. 14-го сентября, быть въ Баку. Понятно, что весь экипажъ, занимавшійся постоянно съемкою Каспійскаго моря, достаточно зналъ всѣ условія, сюда относящіяся. Опасности рѣшительно никакой не предвидѣлось. Волненіе было сильное и вѣтеръ, по выраженію ихъ, былъ «очень свѣжій», но онъ дулъ постоянно въ задъ, въ корму, такъ сказать подгонялъ пароходъ. При наступленіи вечера вдругъ, внезапно и неожиданно, случились два обстоятельства: туманъ обхватилъ все пространство, и вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, страшно усилился и сталъ дуть не въ задъ, а въ бокъ парохода, къ сторонѣ скалистыхъ береговъ, которые, по выраженію Ивашинцева, тутъ являлись «зубами акулы». Плоскодонный пароходъ, не имѣвшій упора въ водѣ, вѣтромъ стало тянуть къ берегу.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось крушеніе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ настоящаго берега, изображавшаго «зубы акулы», находились въ морѣ каменные гряды, выходившія изъ воды, а еще далѣе такія же гряды подводныя. Когда пароходъ силою вѣтра потянуло къ берегу, онъ скоро ударился о камни подводной гряды, но, какъ говорили моряки, соскочилъ съ нея; вслѣдъ затѣмъ его потянуло къ той грядѣ, которая выходила изъ воды, пароходъ, по ихъ словамъ, задѣлъ эту гряду, но только «прочертилъ по ней» и затѣмъ вынесенъ былъ на чистое пространство, находившееся уже между пароходомъ и самымъ берегомъ, т. е. «зубами акулы». Здѣсь тотчасъ брошены были два якоря; одинъ скоро оторвало а съ другимъ пароходъ снова потянуло къ берегу. Гибель была неизбежна; стали рубить мачту, которая и повалилась именно въ тотъ моментъ, когда пароходъ получилъ первый страшный ударъ. Конецъ мачты ¹⁾ упалъ на одинъ изъ зубовъ берега, и этотъ неожиданный мостъ служилъ нѣсколько мгновеній для перехода отъ смерти къ жизни. По этой то собственно перекладнѣ счастливѣйшіе успѣли спастись; но она тотчасъ рухнула и прервала остальнымъ единственный путь спасенія. По свидѣтельству спасшихся—изъ всего экипажа погибло на половину, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ. Изъ спасшихся почти не было ни одного, который бы не былъ ушибленъ и болѣе или менѣе изувѣченъ. Почти всѣ офицеры, при нашемъ прибытіи, собрались около насъ;

¹⁾ Когда я читалъ этотъ разказъ одному изъ моихъ знакомыхъ, онъ вдругъ спросилъ меня: „какая же мачта на пароходѣ? На пароходахъ не бываетъ мачты!“ На этотъ вопросъ я и тогда не умѣлъ отвѣчать и теперь не умѣю. Отвѣчаю только за то, что передаю именно слова спасшихся офицеровъ.

относительно матросовъ намъ сказали, что они помѣщены въ особомъ-строеніи. Мы пошли смотрѣть ихъ.

Зрѣлище было мало привлекательное. Матросы были помѣщены въ какомъ-то сараѣ и лежали на соломѣ. Еще при входѣ насъ встрѣтили раздавшіяся стenanія. Спасшійся пароходный докторъ, кажется Заремба, потребовалъ огня, такъ какъ было уже совсѣмъ темно, и вновь сталъ осматривать каждого матроса. Мы должны были, почти невольно, присутствовать при этомъ осмотрѣ и испытывать чувство состраданія, смѣшанное съ ужасомъ, при видѣ ранъ и увѣчья, которыми эти люди заплатили за свое спасеніе. Отраднo только было видѣть то присущее простому русскому человѣку и въ особенности русскому солдату чувство покорности судьбѣ... Заремба, о которомъ офицеры отзывались, какъ о докторѣ, весьма хорошо, дѣлалъ все, что можно было, для облегченія страданій этихъ людей, употребляя конечно самыя простыя, имѣвшіяся подъ рукой средства, ибо всѣ пароходныя медикаменты погибли вмѣстѣ съ пароходомъ, а объ аптекахъ нечего было и думать...

Сдѣлавъ это обзорѣніе, мы должны были принять ужинъ, приготовленный намъ нашимъ ховяномъ, въ составъ котораго, разумѣется, входили невзбѣжныя пилавъ, шашлыкъ и т. п., и потомъ легли спать, на походную ногу, условившись на другой день рано утромъ ѣхать на мѣсто крушенія, отстоявшее отъ селенія, въ которомъ мы находились, верстать въ трехъ или четырехъ. Между тѣмъ Пигулевскій распорядился, чтобы приготовлены были верховныя лошади, тарантасы, телѣги и т. п. Дѣйствительно, едва разсвѣло, мы услышали сильный шумъ на дворѣ, гдѣ рубленая татарская рѣчь смѣшивалась съ топотомъ безчисленныхъ лошадиныхъ копытъ. Послѣ кратчайшаго завтрака все наше общество разсѣлось, большею частью, на верховныхъ лошадехъ, а частію въ различные экипажи и пустилось къ мѣсту назначенія, въ сопровожденіи огромной толпы провожатыхъ и конвойныхъ. Весьма скоро прибыли мы къ берегу моря, стоящему скалистыми утесами надъ водою.

По свидѣтельству спасшихся моряковъ, буря, которая погубила ихъ пароходъ, уже утихла; тѣмъ не менѣе волненіе было еще такъ сильно, что брызги отъ ударяющихся въ каменные берега волнъ обдавали насъ сильнѣйшимъ образомъ, хотя мы находились на нѣсколько саженъ высоты надъ моремъ. При видѣ прибоя и отлива волнъ ясно было, что ни что не могло сопротивляться имъ: съ такою силою онѣ ударялись въ берегъ и взбѣгали на скалы и потомъ устремлялись назадъ.

Первое, что представилось нашимъ взорамъ, былъ остовъ парохода, перегнутой на зубьяхъ скалистаго берега, далеко ввызу отъ оконечной высоты его, на которой мы находились; здѣсь держалось только то, что

состояло изъ желѣза; всѣ другія части оторваны, смыты, разнесены. Черезъ этотъ страшный островъ, недавно живой и сильный, ходили буруны; говорили тутъ и потомъ въ Баку, что въ частяхъ этого острова запуталось какимъ-то образомъ тѣло молодого и смѣлаго капитана, которое хотя можно было видѣть, но достать чрезвычайно трудно. Когда мы пошли далѣе по берегу, то видѣли, что всѣ углубленія его набиты были осколками различныхъ пароходныхъ принадлежностей, по крайней мѣрѣ на протяженіи пяти верстъ. Потомъ берегъ теряетъ свой скалистый характеръ и дѣлается отлогимъ и ровнымъ. Слѣдуя этою частию берега, мы видѣли много труповъ, выкинутыхъ уже моремъ. Сопровождавшіе насъ офицеры узнавали лицо каждаго и поминали каждаго соответственнымъ дѣламъ его словомъ.

Ивашинцевъ рѣшительно принималъ всю отвѣтственность въ дѣлѣ крушенія парохода на себя уже потому собственно, какъ онъ выражался, что капитанъ погибъ и не могъ защищаться. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не сокрушался; онъ сожалѣлъ болѣе всего о томъ, что плоды многолѣтнихъ его трудовъ, бумаги и карты, относящіяся къ изслѣдованію и съемкѣ Каспійскаго моря, погибли вмѣстѣ съ пароходомъ. Послѣдствія показали, однако-же, что никакой отвѣтственности на него не легло; напротивъ, онъ снова назначенъ начальникомъ и руководителемъ этого важнаго дѣла, которое, сколько извѣстно, онъ и привелъ къ желаемому окончанію.

Когда мы съ Пигулевскимъ возвратились въ Баку, онъ нашелъ тамъ письмо слѣдующаго содержанія: «Штурманъ парохода Куба, слѣдовавшаго изъ Астрахани въ Баку, прибывъ ко мнѣ сегодня, въ 12 часовъ пополудни, объявилъ, что послѣ сильнѣйшихъ волненій и шторма, пароходъ «Куба» вчера вечеромъ, близъ Шавеляны, совершенно потерпѣлъ крушеніе; изъ экипажа погибло четыре офицера, въ томъ числѣ и командиръ парохода, до 20-ти или 25-ти человекъ нижнихъ чиновъ, и совершенно все имущество, какъ казенное, такъ и частное. Первый вопросъ мой былъ о пассажирахъ, а въ особенности о супругѣ вице-директора. «Да, отвѣчалъ г. штурманъ, Господь Богъ помиловалъ. Супругъ весьма желательно было прибыть на пароходѣ «Куба» въ Баку, зная, что и супругъ ихъ въ Баку—смерть была бы неизбежная!» Разговоръ продолжался недолго, потому что г. штурманъ торопился на «Шаховую косу» къ флотскимъ офицерамъ за палатками, чтобы какъ-нибудь укрыть отъ дождей и вѣтровъ спасшихся отъ гибели. Итакъ, къ успокоенію сердца вице-директора доложите, что супруга ихъ здравствуетъ, и пароходъ «Ленкорань», по словамъ г. штурмана, долженъ отправиться изъ Астрахани сегодня. Дня четыре тому назадъ прибыло изъ Астрахани судно, и на вопросъ мой судовщикъ отозвался, что пароходъ «Ленкорань» близъ Бирючей косы, по случаю мелководья, сталъ

на мель, но что далѣе—неизвѣстно. Тамъ совершенно безопасно, потому что не въ морѣ. 15-го сентября 1857 г. Апшеронъ».

Во всей этой исторіи я никакъ не могъ разрѣшить вопроса: какииъ образомъ жена моя, прибывъ въ Астрахань къ 1-му сентября, зная, что я ожидаю ее въ Баку, и наконецъ, заставъ тамъ пароходъ «Кубу»— не отправилась съ нимъ? Нѣтъ сомнѣнія, что если бы этотъ пароходъ пришелъ благополучно, это обстоятельство вызвало бы съ моей стороны сильнѣйшее негодованіе; при настоящихъ же обстоятельствахъ мнѣ оставалось благодарить Бога, видимо, осозательно показавшаго мнѣ новую, неоцѣнимую милость и задержавшаго, противъ моей настоятельной воли и самыхъ положительныхъ инструкцій, мое семейство въ Астрахани. Впослѣдствіи, при свиданіи съ женой, обстоятельство это разъяснилось такимъ образомъ, что при самомъ входѣ парохода, на которомъ ѣхало мое семейство изъ Нижняго въ Астраханскую гавань, пароходъ «Куба» готовъ былъ къ выходу оттуда и разводилъ уже пары. «Какъ теперь вижу, прибавляетъ жена, стройную фигуру офицера, рисовавшагося на кожухѣ парохода и распорившагося матросами. Мнѣ сказали, что это капитанъ. Измученная продолжительнымъ пребываніемъ на пароходѣ во время пути отъ Нижняго до Астрахани, я хотя съ нетерпѣніемъ ожидала возможности отдохнуть, но зная, что ты ждешь меня въ Баку, я тотчасъ послала спросить капитана: можетъ ли онъ взять меня? Мнѣ привесли отвѣтъ, что пароходъ немедленно отходить и что если я желаю ѣхать на немъ, то чтобы слышала пересѣсть. Я сказала, что для перегрузки вещей и экипажей необходимо по крайней мѣрѣ сутки. Мнѣ отвѣчали, что пароходъ «Куба» имѣетъ свое специальное назначеніе, что ожидать онъ не можетъ, и что вслѣдъ за нимъ пойдетъ другой пароходъ «Ленкорань», на которомъ я и могу отправиться. Тогда я рѣшилась остаться въ Астрахани въ ожиданіи отхода «Ленкорани», но, чтобы успокоить тебя, написала тебѣ письмо о причинахъ невольнаго моего замедленія и отвезла это письмо сама капитану, упрасывая его непременно и тотчасъ по прибытіи въ Баку отдать письмо лично тебѣ». Капитанъ, по словамъ жены, съ величайшею любезностью принялъ на себя это порученіе и для доказательства, что оно будетъ исполнено съ величайшею аккуратностію, тутъ же при ней положилъ письмо въ боковой карманъ своего форменнаго сюртука. Письмо это вмѣстѣ съ милымъ капитаномъ пошло на дно моря.

Первое время по возвращеніи нашемъ въ Баку посвящено было торжественнымъ погребеніямъ погибшихъ морскихъ офицеровъ, которыхъ, одного за другимъ, море выкидывало на берега свои и которыхъ постепенно доставляли въ Баку для погребенія. Позже всѣхъ доставленъ былъ капитанъ парохода именно потому, что онъ, какъ я упоминалъ уже, запутался въ снастяхъ парохода, откуда достать его было чрезъ-

вычайно затруднительно. При погребеніи этихъ молодыхъ людей я моллся усердно. Смотри на ихъ сянія лица, представляя положеніе ихъ далекихъ отцовъ, матерей, быть можетъ, женъ и дѣтей, я плакалъ, какъ братъ ихъ родной. Я пламенно просилъ Бога успокоить, вознаграждать ихъ въ будущей жизни и послать имъ тамъ счастье, которое сохранено мнѣ на землѣ... Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней улицы и храмы Баку наполнялись постоянно погребальными звуками, такъ какъ въ томъ краю не только военныхъ, но и простыхъ гражданъ всегда хоронятъ съ музыкой.

Если, съ одной стороны, миновавшая смертельная опасность наполнила мою душу безконечною благодарностью къ Богу, то съ другой она рѣшительно потрясла все мое нравственное существо. Нервное разстройство достигло во мнѣ такой сильной степени, въ какой, вѣроятно, не испытывала его ни одна слабая женщина. Тысячи мрачныхъ мыслей снова осадили меня. «Крушеніе парохода, стало быть, вещь возможная! думалъ я. Если погибъ лучший изъ пароходовъ, управляемый самыми лучшими моряками, специально изучившими море, то, что удивительнаго, если гнилой «Ленкорань», о которомъ всё говорили, какъ о мерзвѣйшемъ пароходишкѣ, потерпѣть ту же участь».

Это мрачное настроеніе опять-таки поддерживалось постоянно бурнымъ волненіемъ моря и тѣми ужасными порывами свистящаго вѣтра, которыхъ я никогда не забуду. Отъ этого происходило то, что въ теченіе дня, окруженный обществомъ, котрое значительно усилилось спасшимися офицерами, я держался довольно бодро; когда наступала ночь и я оставался одинъ съ своими мрачными мыслями, мнѣ слышались въ порывахъ вѣтра стоны моихъ погибающихъ дѣтей и вопли моей, заливаемой волнами, жены. Когда, по общимъ расчетамъ, приближалось время прибытія «Ленкорани», время это не столько радовало, сколько пугало меня. Я ожидалъ, что оно принесетъ мнѣ страшную развязку моихъ томительныхъ сомнѣній.

Безъ преувеличенія можно сказать, что прибытіе этого парохода сдѣлалось живымъ вопросомъ для всего города. Нечего и говорить, что на известной террасѣ при домѣ Пигулевскаго съ утра до вечера торчалъ разнокалиберный народъ, высматривающій въ морѣ ожидаемый пароходъ. Всѣ зрительные инструменты, какіе нашлись въ городѣ, сосредоточивались на этой террасѣ. Я помню живо, что среди тревогъ, меня осаждающихъ, я часто хохоталъ при видѣ, какъ какой-нибудь чапаръ, въ первый разъ взявшійся за подобный инструментъ, рѣшительно ничего не видя, увѣрялъ, что видитъ идущій пароходъ. Не только эти дикари, но часто и люди высшаго разряда впадали въ большее заблужденіе и утверждали, что пароходъ идетъ, тогда какъ ока-

зывалось, что мы принимали за пароходъ какую-нибудь трынку на стоящемъ на якорѣ маленькомъ и незамѣтномъ суднѣ.

Но всему бываетъ конецъ, тотъ или другой. Такъ точно былъ конецъ и нашимъ ожиданіямъ; такъ точно долженъ быть конецъ моему многословію, разлившемуся на этомъ пунктѣ. Однажды вечеромъ, дней чрезъ пятнадцать послѣ катастрофы, значительное общество, постоянно окружавшее меня, по обычаю собралось къ намъ. Было часовъ 11 вечера. Почти всѣ играли въ карты. Ожиданія парохода какъ-то утомили всѣхъ и о нихъ мало стали уже говорить, какъ будто состоялось общее рѣшеніе: предать все это дѣло волѣ Божіей. Ночь была значительно темная. Общее вниманіе сосредоточивалось на интересахъ игры, среди которой раздавались звуки ножей, вилокъ и тарелокъ, расположенныхъ на особомъ столѣ извѣстномъ «агою» для ужина. Совершенно незамѣтно является на порогѣ занимаемой нами комнаты мой камердинеръ Игнатій и, не обращаясь ни къ кому въ частности, спрашиваетъ: «позвольте спросить, когда пароходъ идетъ ночью, бываютъ на немъ огни?» Мгновенно все обратилось къ нему съ вопрошающими взорами. Многіе голоса провозгласили какъ-то странно-звучно: «бываютъ, бываютъ; что такое?» Довольный и улыбающійся Игнатій сказалъ: «пожалуйте-съ; огонь виденъ!»

Мигомъ все вскочило съ своихъ мѣстъ и бросилось на террасу. Я, конечно, былъ одинъ изъ первыхъ. Но увы! столько разъ обманутой, я и тутъ рѣшительно ничего не видѣлъ, какими трубами ни вооружался. Но Игнатій упорно стоялъ на своемъ, что видѣлъ огонь. Среди возраженій, которыя посыпались на него со всѣхъ сторонъ, что никакого огня нѣтъ, что ему это почудилось, возраженій, начинавшихъ уже смущать его, чей-то голосъ вдругъ вскричалъ: «вонъ, вонъ, сейчасъ мелькнущъ». Но огонь опять пропалъ и ничего рѣшительно не было видно. Потомъ опять кто-то вскрикнулъ: «вижу, вижу!» Толпа бросится туда, но видѣвшій опять уже ничего не видитъ. Пройдетъ нѣсколько мгновений тишины и усиленнаго смотрѣнія и опять какой-нибудь неистовый возгласъ: «огонь, огонь!» Какъ мнѣ ни объясняли видѣвшіе это благодатное знаменіе, куда и какъ надобно смотрѣть, чтобы затѣтить его, я рѣшительно ничего не видѣлъ, какъ ни напрягалъ всѣ свои усилія. Большая часть смотрящихъ также ничего не видѣли; но возгласы: «вижу, вижу» или «вонъ, вонъ!» стали повторяться чаще. Наконецъ и Фрейгантъ, постоянно и молчаливо смотрѣвшій въ длинную трубу, сказалъ «идетъ!» Это лаконическое «идетъ» привело меня въ величайшій восторгъ. Я съ новыми усиліями сталъ смотрѣть въ море и, наконецъ, мнѣ самому удалось подмѣтить въ чрезвычайномъ отдаленіи огненную точку, которая то мелькнетъ, то пропадетъ. Все оживилось. Фрейгантъ,

сказавъ: «черезъ полтора часа придетъ!» отправился дѣлать распоряженія для торжественной встрѣчи парохода.

Игнатій торжествовалъ, какъ какой-нибудь герой. И дѣйствительно непостижимо, какъ онъ умудрился на такомъ разстояніи замѣтить свѣтлую точку, которая потомъ ускользала отъ сосредоточенныхъ глазъ всего нашего общества. Потому я не могъ не оцѣнить въ немъ той преданности, съ которою онъ, одинъ, среди ночи, торчалъ на террасѣ, когда никто его къ тому не понуждалъ, и когда не было рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы его полуночное и одиночное ожиданіе увѣнчалось успѣхомъ. Пигулевскій, съ своей манією хлѣбосолюства, немедленно атаковалъ меня вопросомъ: «какой ужинъ прикажете приготовить?»

— Бога ради распорядитесь сами, любезнѣйшій Левъ Викторовичъ!—отвѣчала я,—впиваясь глазами въ свѣтлую точку, среди моря, которая дѣлалась все виднѣе на темномъ фонѣ ночи.

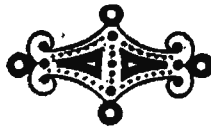
Набережная начала наполняться толпами народа. На террасу стали прибывать наши знакомые съ женами и даже дѣтьми. Все приняло видъ какого-то праздника. Я сидѣлъ съ трубою предъ глазами и мысленно возсылалъ Творцу теплыя благодарныя молитвы! Скоро у пристани показались большіе катера, усаженные матросами и готовые перевести насъ на пароходъ, когда онъ станетъ на якорь. Вслѣдъ затѣмъ полетѣли къ небу ракеты, освѣщавшія эффектно море; стали почти непрерывно жечь фальшфейеры, не только на берегу и катерахъ, но и на всѣхъ казенныхъ судахъ, стоящихъ въ гавани. Милый Фрейгантъ, очевидно, хотѣлъ показать мнѣ и признаніе свою и свое морское могущество. Картина была въ высшей степени радостная и оживленная. Наконецъ, пароходъ съ шумомъ и свистомъ приблизился и сталъ становиться на якорь. Все общество, кругомъ меня собравшееся, разсѣлось на катера и отправилось на пароходъ.

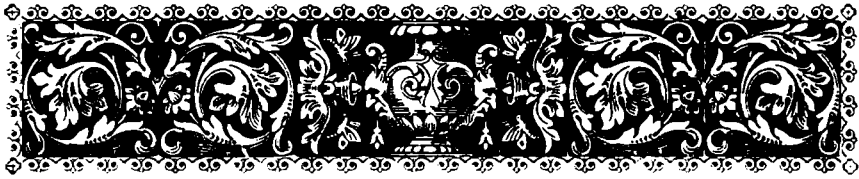
Описывать встрѣчу мою съ женой и дѣтьми я не стану; она понятна должна быть каждому порядочному семейннику. Такъ какъ дѣти уже спали, то рѣшено окончательный переездъ на берегъ отложить до завтра, а нынѣшнюю ночь провести по-прежнему на пароходѣ. Приличія однако требовали, чтобы жена уступила любезнымъ и настоятельнымъ предложеніямъ Пигулевскаго отъуживать у него, а вмѣстѣ съ тѣмъ ближе ознакомиться съ лицами, которыя принимали въ моихъ ожиданіяхъ и ея путешествіи такое живое участіе. Поэтому она рѣшилась съѣхать на берегъ, а черезъ часъ или два возвратиться на пароходъ.

Едва ли нужно говорить о томъ оживленіи, о тѣхъ разсказахъ, о тѣхъ безконечныхъ тостахъ, которые сопровождали нашъ ужинъ. Крушеніе парохода «Куба» и чудесное избавленіе моего семейства отъ вѣрной гибели составляли, разумѣется, главную тему разговоръ. При

этомъ оказалось, что жена моя, точно такъ же какъ и всѣ тѣ, которые плыли на «Ленкораня», не имѣли рѣшительно никакого понятія объ этомъ ужасномъ событіи до тѣхъ поръ, пока они не поровнялись съ мѣстомъ, на которомъ оно совершилось. Только тогда, по сдѣланнымъ имъ съ берега, на которомъ находились сторожевые матросы, знакамъ они остановились; потомъ осмотрѣли страшный остовъ погибшаго парохода и узнали ужасную истину. Послѣ веселаго ужина мы съ женой сѣли снова на катеръ и отправились на пароходъ, и спустя нѣсколько дней выѣхали въ Тифлисъ.

КОНЕЦЪ III ЧАСТИ.

Выѣздъ въ Россію Франца Лефорта.

(Современная переписка).

Въ архивѣ Главнаго Штаба недавно разыскано большое количество старинныхъ дѣлъ по исторіи Россіи въ XVII и въ первой четверти XVIII вѣковъ. Одни изъ этихъ памятниковъ, какъ напримѣръ военно-походный журналъ фельдмаршала В. П. Шереметева 1711—1712 г.г., имѣютъ захватывающій обще-историческій интересъ, другіе важны въ военномъ отношеніи, наконецъ значеніе третьихъ обусловливается почти исключительно тою личностью, которой они касаются. Къ числу этихъ послѣднихъ памятниковъ принадлежитъ, между прочимъ, и дѣло 1675 года о выѣздѣ въ Россію капитана Франца Лефорта съ полковникомъ Яковомъ фонъ-Фростеномъ и другими иноземцами.

Личность Лефорта занимаетъ вполне опредѣленное и точно установленное мѣсто въ жизни Петра Великаго, а потому было бы лишнимъ распространяться о важности такого источника, какъ современная переписка о выѣздѣ «Франца Яковлевича» въ Россію. Къ сожалѣнію, до насъ дошло не все дѣло; конецъ его утерянъ, а нѣкоторые листы тронуты временемъ. Тѣмъ не менѣе и то, что сохранилось, рисуетъ яркую картину быта и служебно-канцелярскихъ порядковъ того времени, отъ которыхъ Лефорту съ товарищами пришлось не мало претерпѣть. Ниже въ полной неприкосновенности (кромя орфографической) излагается важнѣйшая часть этой переписки. Для удобства чтенія документы размѣщены въ хронологической послѣдовательности и связаны небольшими отмытками составителя.

Въ 1675 году на ярмарку въ Архангельскъ прибылъ голландскій торговый корабль. Привезъ онъ не одни товары заморскіе, но и ратныхъ людей и ноземцевъ; то были полковникъ Яковъ фонъ-Фростенъ, подполковникъ фонъ-Торнинъ, маіоръ Францъ Шванбергъ, капитаны: Станиславъ Тшебяковскій, Филиппъ фонъ-Дерфельдъ, Иванъ Зенгеръ, Яковъ Румеръ и Францъ Лефортъ, поручики: Янъ Бузигъ, Питеръ Юшимъ, Олверъ Дергянъ, Михель Ясынъ и два прапорщика. Уроженцы разныхъ земель, прошедшіе годы бурной жизни, во вкусъ извѣстныхъ кондотьери, на многихъ службахъ въ Свѣйской, Барабанской, Галанской и Шпанской земляхъ, у польскаго короля и у «цесаря крестьянскаго». Соединились эти лица подъ предводительствомъ фонъ-Фростена въ одной общей мысли: въ Московіи иноземцевъ хорошо принимаютъ, а особенно хорошо имъ платятъ; надо туда ѣхать. Такая побудительная причина свела искателей новаго счастья въ Голландіи, гдѣ они сѣли на корабль. Послѣ продолжительнаго путешествія «съ женишками и дѣтишками», офицеры прибыли въ Архангельскъ и явились въ сѣбзжей пѣзбѣ двинскому воеводѣ думному дворянину Федору Полуехтовичу Нарышкину и товарищу его дьяку Афонасію Зыкову. Заявленія «сборной братіи» отличались рѣдкимъ единодушіемъ и опредѣленностью требованій: мы-де по специальности ратные начальныя люди разныхъ чиновъ, хотимъ послужить Великому Государю, а потому просимъ, во-первыхъ, отпустить намъ государево жалованье—кормъ, а во-вторыхъ,—немедленно отправить въ Москву.

Требованія служилыхъ людей иноземцевъ для воеводы не представляли новости. Иное дѣло—исполненіе желанія фонъ-Фростена и его спутниковъ. Тутъ было надъ чѣмъ призадуматься. Немедленно отправить? Да развѣ это можно сдѣлать, не списавшись съ Посольскимъ приказомъ, въ которомъ засѣдаетъ самъ бояринъ Матвѣевъ! Дать кормъ? Конечно, безъ корму иноземцы, да еще съ семьями, рискуютъ «голодною смертью помереть» или же, въ лучшемъ случаѣ, общаются надобъсть своими челоубитьями; но съ другой стороны, какъ бы назначеніемъ кормовъ не навлечь на себя государевъ гнѣвъ? Изъ этого затрудненія воевода Нарышкинъ, содѣйствуемый приказною мудростью дьяка Зыкова, выходитъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. «Примѣря къ прежнему», онъ назначаетъ иноземцамъ кормовой окладъ «не по велику», полтину въ день на всѣхъ 14 челоубкъ ¹⁾, и въ то же время съ двинскимъ стрѣльцомъ Михайкой Четкинскимъ отправляетъ такую «отписку» въ Посольскій приказъ:

¹⁾ На вышнія деньги это составить примѣрно около 8 рублей, т. е. по 60 копѣекъ въ сутки каждому (См. В. Ключевскій: „Русскій рубль XVI—XVIII в.“, стр. 72).

«Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, холопи твои Оедька Нарышкинъ и Афонька Зыковъ челомъ бьютъ ¹⁾. Въ нынѣшнемъ, Государь, во рѣг (183) году августа въ кѣ (25) день пришли съ моря къ Архангельскому городу на галанскихъ торговыхъ корабляхъ служилые иноземцы: полковникъ Яковъ Оанъ-Өростенъ, да подполковникъ Гаврило Оанъ-Торнинъ, а съ ними маіоръ, да пять человекъ капитановъ, четыре человекъ поручиковъ, два человекъ прапорщиковъ, всего четырнадцать человекъ, и били челомъ тебѣ, Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, а у Архангельскаго города въ сѣзжей избѣ намъ, холопомъ твоимъ, подали они челобитную за руками, а въ челобитной ихъ написано: служили-де они въ разныхъ земляхъ, а нынѣ пріѣхали они служить тебѣ, Великому Государю, и чтобъ ты, Великій Государь, пожаловать ихъ, велѣлъ имъ дать свое Великаго Государя жалованье—кормъ и отъ Архангельскаго города отпустить ихъ къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ. И мы, холопи твои, того полковника и начальныхъ людей велѣли въ сѣзжей избѣ распросить, а что они намъ, холопомъ твоимъ, въ распросѣ сказали и тѣ ихъ распросныя рѣчи къ тебѣ, Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу. . . . ²⁾ сею отпискою съ двинскимъ стрѣльцомъ съ Михейкомъ Четкинскимъ и велѣли ему отписку и распросныя рѣчи подать въ Посольскомъ приказѣ боярину Артемону Сергѣевичу Матѣеву, да дьякомъ: думному Григорью Богданову, Василью Бобинину, Емельяну Украинцову; а полковника и начальныхъ людей къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ безъ твоего, Великаго Государя, указу отпустить не смѣли, а велѣли имъ побыть у Архангельскаго города до твоего, Великаго Государя, указу. И твоего, Великаго Государя, жалованья на кормъ велѣли имъ давать, примѣрясь къ прежнему, не по велику. И о томъ полковникъ и о начальныхъ людяхъ вели, Государь, свой, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя

¹⁾ Напомнимъ, что въ XVII в. наше лѣтосчисленіе велось отъ сотворенія міра и что годъ начинался съ 1-го сентября. Для перевода старыхъ хронологическихъ датъ на новыя слѣдуетъ вычесть изъ первыхъ 5508 лѣтъ, и время съ 1-го сентября по 1-е января причислать къ предыдущему году. Слѣдовательно 25 авг. (7)183 г. соотвѣтствуетъ 25 авг. 1675 г., 13 сент. или 25 окт. (7)184 г.—13 сентября и 25 октября того же 1675 г., а 19 января (7)184 г.—19 января 1676 года и т. д.

²⁾ Конецъ столбца внизу вырванъ; должно быть было написано: „подали съ“.

Михайловича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, намъ, холопомъ своимъ, указъ учинить» ¹⁾).

При «отпискѣ» съ тѣмъ же стрѣльцомъ Михейкою Четкиннмъ, были отправлены и нижеслѣдующія о службахъ иноземцевъ распросныя рѣчи, за подписью дьяка Афонасія Зыкова:

«Рѣг (183) году августа въ кѣ (25) день пришли съ моря къ Архангельскому городу на галанскихъ торговыхъ корабляхъ служилые иноземцы четырнадцать человекъ, а въ распросѣ сказались:

«Полковникъ Яковъ Фанъ-Фростенъ сказался родомъ Прусскія земли отъ городу Дансика. И изъ Прусской земли былъ онъ въ Свѣйской земли капитаномъ, а послѣ-де того служилъ онъ въ Ишпанской и въ Галанской земляхъ полковникомъ и былъ отъ ишпанцовъ и отъ галанцовъ со французаны на многихъ бояхъ; а какъ-де онъ служилъ въ Ишпанской землѣ, и о той его службѣ данъ ему въ Ишпанской землѣ листъ за королевскою печатью тому нынѣ два года. И въ нынѣшнемъ во рѣг (183) году былъ онъ въ Галанской землѣ проездомъ и жилъ мѣсяца съ трп, и изъ Галанской-де земли пришелъ нынѣ на галанскихъ корабляхъ къ Архангельскому городу; а у галанцовъ-де нынѣ война со французаны и съ свѣяны, а бою-де у нихъ нынѣшняго лѣта при нихъ не было.

«Полуполковникъ Гаврило Фанъ-Торнинъ сказался родомъ Прусскія-жъ земли того-жъ города Дансика, и изъ Прусской-де земли былъ онъ въ Польской земли и служилъ польскому королю Яну Казимеру оснадцать лѣтъ капитаномъ и маіоромъ, а послѣ-де того служилъ цысарю крестьянскому два года, а изъ Цысарской-де земли пришелъ въ Галанскую землю и служилъ полуполковникомъ три года, и въ нынѣшнемъ-де въ рѣг (183) году. . . . ²⁾ къ Архангельскому городу. А у галанцовъ-де нынѣ со французаны и съ свѣяны война, а бою-де у нихъ нынѣшняго лѣта при немъ не было.

«Маіоръ Фрянсъ Виллимовъ сынъ Сванберхъ родомъ сказался Прусскія жъ земли города Королевы; и изъ Прусской-де земли былъ онъ въ Свѣйской земли капитномъ десять лѣтъ, а изъ Свѣйской-де земли былъ онъ въ Индѣйской землѣ съ галанцы капитномъ же года съ четыре, а послѣ-де того служилъ онъ въ Ишпанской землѣ два года, а изъ Ишпанской-де земли въ нынѣшнемъ во рѣг (183) году былъ онъ въ Галанской землѣ и къ Архангельскому городу на кораблехъ пришелъ съ полковникомъ съ Яковомъ вмѣстѣ.

«Каптины Станиславъ Тшебляковскій, Филиппъ Фрянсовъ, Иванъ Каш-

¹⁾ На оборотѣ отписки адресъ: Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу.

²⁾ Нижняя строка сгольца оборвана.

пиревъ, Яковъ Михайловъ, Фрянсъ Лафортъ родомъ сказали Прусскія-жъ земли города Дансика. И изъ Прусской-де земли были они въ Испанской и въ Галанской земляхъ и служили отъ испанцовъ и отъ галанцовъ со французаны на многихъ бояхъ съ полковникомъ фанъ-Фростеномъ вмѣстѣ. И въ нынѣшнемъ во рѣг (183) году изъ Шпанской земли были они въ Галанской землѣ, а изъ Галанской земли пришли на корабляхъ къ Архангельскому городу съ полковникомъ съ Яковомъ.

«Порутчики Янъ Бузь, Питеръ Юшимъ, Оливеръ Дергинъ, Михель Янсынъ сказались родомъ Барабанской земли города Брюсала. А изъ Барабанской земли были они въ Испанской землѣ и служили въ полку у полковника у Якова фанъ-Фростена два года, и отъ испанцовъ и отъ галанцовъ со французаны были на многихъ бояхъ, и въ нынѣшнемъ-де во рѣг (183) году изъ Шпанской земли были они въ Галанской землѣ, и изъ Галанской земли пришли на кораблехъ къ Архангельскому городу съ нимъ-жъ, полковникомъ съ Яковомъ; да съ полковникомъ-жъ де пришли къ городу два человекъ прапорщиковъ, а родомъ-де они прапорщики Прусской земли и нынѣ-де они оставлены на кораблехъ для береженья ихъ рухляди»¹⁾.

Снабженный такими документами, стрѣлецъ Михейка Чететкинъ поѣхалъ изъ Архангельска въ Москву, надо полагать, не съ добрымъ сердцемъ. Оторванный отъ своихъ торговыхъ дѣлишекъ въ горячее время ярморочнаго развала по челобитьямъ какихъ-то нѣмцевъ, вносящихъ смуту и новшества въ освященные вѣками «ратныя поведенія» и «хитрости», вынужденный къ тому же тренаться то по непроѣзжимъ дорогамъ, то по покрытому осеннимъ туманомъ водному простору Двины и ея притоковъ, Михейка сдѣлалъ, однако, все, чтобы безъ задержки исполнить порученіе своего воеводы и поскорѣе возвратиться домой. Въ двѣ недѣли доставился онъ въ Москву и 13-го сентября представилъ грамотки въ Посольскомъ приказѣ²⁾; но тамъ вступила въ свои права обычная въ то время «волобита».

Между тѣмъ въ Архангельскѣ иноземцы, снабженные весьма умеренными кормами, не переставали беспокоить воеводу просьбами о скорѣйшемъ отпращиваніи въ Москву. Чтобы дать движеніе ихъ настояніямъ, Нарышкинъ не нашелъ иного выхода, кромѣ новыхъ отписокъ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ отсылки первой грамотки, 24-го сентября, съ деньщикомъ Захаркою Микитинымъ, было отправлено въ Посольскій приказъ новое донесеніе такого содержанія:

¹⁾ Распросныя рѣчи скрѣплены подписью дьяка Афонасія Зыкова.

²⁾ На оборотѣ грамоты, подъ адресомъ, стоитъ помѣта: «рѣд (184) году, сентября въ 11 (13) день подалъ двинской стрѣлецъ Михейко Федоровъ».

«Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, холопи твои, Федька Нарышкинъ и Афонька Зыковъ, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, Государь, во рѣг (183) году августа въ ѳи (28) день писали къ тебѣ, Великому Государю, Царю и Великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, мы, холопи твои, съ двинскимъ стрѣльцомъ съ Михайкою Четеквинымъ о прїѣздѣ изъ-за моря къ Архангельскому городу служилыхъ иноземцовъ полковника Якова фанъ-Фростена, да подполковника Гаврила фанъ-Торнина съ товарищи о четырнадцати человекѣхъ, и что по ихъ челобитью отъ Архангельскаго города къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ безъ твоего, Великаго Государя, указу отпустить ихъ не смѣли. И сентябри, Государь, по ѳе (25) число нынѣшняго рѣд (184) году твоего, Великаго Государя, указу къ намъ, холопомъ твоимъ, на Двину о томъ не прислано, а твоего, Великаго Государя, жалованья велѣли имъ мы, холопи твои, имъ, полковнику съ товарищи, до твоего, Великаго Государя, указу, примѣрясь къ прежнему, давать всемъ вопче по полтинѣ на день. И о тѣхъ иноземцахъ вели, Государь, свой, Великаго Государя, Цари и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, намъ, холопомъ своимъ, указъ учинить» ¹⁾.

Послѣ отсылки грамоты снова прошелъ мѣсяць, а распоряженіе объ иноземцахъ въ Архангельскѣ все еще не было получено. Нарышкинъ и Зыковъ стали беспокоиться. Какъ ни мала дача кормовыхъ, но въ два мѣсяца она достигла уже солидной по тому времени суммы въ 30 рублей; навигація прекращена, иноземцы въ худшемъ случаѣ со своею «докукою» будутъ челобитничать цѣлую зиму,—надо еще разъ напомнить о нихъ въ Москвѣ. 25-го октября посылается еще одна грамотка, остающаяся безъ отвѣта, подобно первымъ двумъ; наконецъ 10-го ноября дѣлается новое, четвертое, напоминаніе въ Посольскій приказъ и только послѣ этого приходитъ желанный отвѣтъ ²⁾.

Посмотримъ теперь, чтѣ дѣлалось въ Москвѣ въ Посольскомъ приказѣ. Первая отписка, полученная 13-го сентября, не удостоилась вниманія и по ней не было сдѣлано никакихъ распоряженій. Болѣе счастливо было донесеніе, доставленное 17-го октября Захаркомъ Микитинымъ. На этой грамоткѣ рукою дьяка написано: «выписать въ докладъ

¹⁾ На оборотѣ грамоты надписъ такая же, какъ и на первой, и помѣта: «рѣд (184) г., октября въ 31 (17) день подалъ стрѣлецкаго приказу деньщикъ Захарко Микитинъ».

²⁾ «Отписки» 25-го октября и 10-го ноября не приводятся. Онѣ представляютъ собою почти дословное повтореніе донесенія 25-го сентября.

и отписать». Докладъ дѣйствительно былъ составленъ, вотъ онъ въ полной его неприкосновенности (кромя грамматической):

«Въ нынѣшнемъ во рѣд (184) году октября въ 31 (17) день писали къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, съ Двины думной дворянинъ Федоръ Полуехтовичъ Нарышкинъ, да дякъ Афонасей Зыковъ, что прѣѣхали-де на торговыхъ галанскихъ корабляхъ къ Архангельскому городу начальныя люди полковникъ Яковъ фанъ-Тростенъ (sic!), полуполковникъ Гаврило фанъ-Торнинъ, майоръ Фряпцъ Сванберхъ, капитановъ 5 (5) поручиковъ 4 (4) человекъ, прапорщиковъ 2 (2) человекъ, всего 14 (14) человекъ. А въ допросехъ имъ сказались, что они родомъ Прусскія земли и были у Галанскихъ Статовъ изъ найму противъ французскихъ воинскихъ людей на многихъ бояхъ, а изъ Галанскія земли пришли къ городу на корабляхъ и хотятъ быть въ службѣ у Великаго Государя, у Его Царскаго Величества, и били челомъ Великому Государю, а имъ въ сѣзжей избѣ подали челобитную, чтобъ ихъ отпустить къ Москвѣ и давать кормъ. И они-де, думной дворянинъ и воевода и дякъ, безъ указа Великаго Государя отпустить ихъ къ Москвѣ не смѣютъ; а его Великаго Государя жажованья велѣли имъ давать для прокормленія всѣмъ вопче по полтинѣ на день, и о томъ бы имъ его, Великаго Государя, указъ учинить».

Результатъ доклада для иноземцевъ былъ самый непріятный, разбиравшій всѣ мечты о веселомъ житіи въ Москвѣ въ нѣмецкой слободѣ на болѣе щедрыхъ кормахъ, чѣмъ тѣ, которые расчетливо отпускалъ имъ Нарышкинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и воевода получалъ небольшое напоминаніе о нектати проявленной отзывчивости на челобитныя фонъ-Фростена съ товарищами. Въ двухъ послѣдовательныхъ грамотахъ 25-го октября (съ вологодскимъ кружечнымъ цѣловальникомъ Сидоркою Александровымъ) и 20-го ноября (съ приставомъ Андрюшкою Заиграевымъ и съ солдатомъ Чернымъ) за подписью Василья Бобина сообщалось, что въ фонъ-Фростенѣ и его спутникахъ надобности никакой не имѣется. Изъ этихъ двухъ, одинаковыхъ по содержанию грамотъ помѣщаемъ болѣе позднюю:

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, на Двину думному нашему дворянину и воеводѣ Федору Полуехтовичю Нарышкину, да дяку нашему Афонасю Зыкову. Въ нынѣшнемъ во рѣд (184) году октября въ 31 (25)-мъ числѣ послана къ вамъ наша, Великаго Государя, грамота, а велѣно отъ Архангельскаго города прѣѣзжихъ иноземцовъ начальныхъ людей полковника Якова фанъ-Тростена, да полуполковника Гаврила фанъ-Торнена съ товарищи четырнадцати человекъ выслати за море, а

къ Москвѣ отпускать и нашего, Великаго Государя, жалованья имъ давать не велѣть. И ноября въ 31 (17)-мъ числѣ писали вы къ намъ, Великому Государю, что о тѣхъ иноземцахъ нашего, Великаго Государя, указу къ вамъ не прислано и къ Москвѣ ихъ отпустить, или назадъ выѣхать, о томъ бы вамъ нашъ, Великаго Государя, указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и вы бъ по прежнему и по сему нашему, Великаго Государя, указу полковника Якова фанъ-Тростена и полуполковника Гаврила фанъ-Торнена съ товарищи отъ Архангельскаго города велѣли выслать за море, а къ Москвѣ отпускать и нашего, Великаго Государя, жалованья имъ давать не велѣли; тако-жь и впредь, буде изъ-за моря на корабляхъ учнутъ приѣзжать къ городу какіе иноземцы и стануть намъ, Великому Государю, бити челомъ въ нашу, Великаго Государя, службу и чтобъ ихъ отъ города отпустить къ Москвѣ, и вы бъ такимъ иноземцомъ нашего, Великаго Государя, жалованья давать и къ Москвѣ отпускать не велѣли, а высылали ихъ отъ Архангельскаго города по прежнему за море на тѣхъ же корабляхъ, на которыхъ они учнутъ приѣзжать. Писанъ на Москвѣ лѣта 7184 (1784) ноября въ 20 день. За приписью Василья Бобинина».

Полученіе такихъ грамотъ ставило нашихъ иноземцевъ, въ томъ числѣ и «Франса Лафорта» въ невозможное положеніе: кормовъ нѣтъ, корабли уже ушли, впереди длинная сѣверная зима, архангельская нѣмецкая колонія не особенно многочисленна и состоитъ по преимуществу изъ купцовъ и ихъ приказчиковъ, мало расположенныхъ къ сердечному отношенію къ офицерамъ—искателямъ приключеній и веселаго житья (на купеческій взглядъ), словомъ—обстоятельства во всѣхъ смыслахъ критическія. Въ этихъ обстоятельствахъ, подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, фанъ-Фростенъ съ товарищами дѣлають послѣднюю попытку повернуть фортуна къ себѣ лицомъ, а орудіемъ для осуществленія этой попытки выбираютъ одного изъ складно пишущихъ архангельскихъ подъячихъ. Плодомъ авторскаго творчества послѣдняго является нижеслѣдующая челобитная, посылаемая, съ разрѣшенія воеводы Нарышкина, въ Москву:

«Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, бьютъ челомъ служиваго строю иноземцы полковникъ Якушко фанъ-Фронтенъ (sic!), да полуполковникъ Ганка Турнигъ. Будучи въ нѣмецкихъ странахъ, слышали мы, иноземцы, про твою царскую славную неизрѣченную милость къ нашей братіи къ служилымъ иноземцамъ и, похотя мы, иноземцы, тебѣ, Великому Государю, послужить, обнадѣючись на твою царскую милость, изъ Галанскія земли на корабляхъ къ Архангельскому городу въ прошломъ

во рѣг (183) году прїѣхали, а съ собою вывезли служилыхъ людей маіора, да пять человекъ капитановъ, да трехъ человекъ поручиковъ, да дву человекъ прапорщиковъ. И били челомъ у Архангельскаго города тебѣ, Великому Государю, и подали челобитную думному дворянину Ѳедору Полуехтовичю Нарышкину, чтобъ ты, Великій Государь, насъ пожаловаль, велѣть бы насъ отъ Архангельскаго города отпустить къ себѣ, Великому Государю, къ Москвѣ. И думной дворянинъ безъ твоего, Великаго Государя, указу насъ, иноземцовъ, къ Москвѣ не отпустилъ, а корабли ушли за море, а мы остались у Архангельскаго города, обнадѣючись на твою царскую милость, что ты, Великій Государь, насъ пожалуешь, отъ Архангельскаго города къ Москвѣ велишь отпустить. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалѣй насъ иноземцевъ! Вели, Государь, насъ всѣхъ отъ Архангельскаго города къ Москвѣ отпустить на своихъ проторяхъ и подводахъ, а какъ мы будемъ на Москвѣ и будетъ мы, иноземцы, въ твою, Великаго Государя, службу годимся, вели Государь въ свою, Великаго Государя, службу принять; а будетъ негодимся, вели Государь насъ съ Москвы за нѣмецкой рубежъ отпустить, и о томъ къ Архангельскому городу вели, Государь, дать свою, Великаго Государя, грамоту, чтобъ намъ, иноземцамъ, будучи у Архангельскаго города съ женишками и съ дѣтишками, голодною смертью не помереть. Царь, Государь, смилуйся!»

Слезное ли прошеніе, или соображеніе о дѣйствительно безвыходномъ положеніи иноземцевъ были причиною, но на этотъ разъ къ просьбамъ ихъ отнеслись снисходительнѣе. 16-го декабря на челобитной была положена такая резолюція: «рѣд (184) году декабря въ 5ї (16) день. Послать на Двину Великаго Государя грамоту и велѣть тѣхъ иноземцовъ на ихъ проторяхъ отпустить отъ города къ Москвѣ». Грамота была изготовлена въ тотъ же день; вотъ ея содержаніе:

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, на Двину думному нашему дворянину и воеводѣ Ѳедору Полуехтовичю Нарышкину, дьяку нашему Афонасью Зыкову. Какъ къ вамъ ся наша, Великаго Государя, грамота придетъ, и вы бѣ полковникѣ Якова фанъ - Фростена, да полуполковника Ягана Турнина съ начальными людьми, которые выѣхали изъ-за моря въ нашу службу къ Архангельскому городу на галанскихъ корабляхъ, отпустили къ намъ, Великому Государю, къ Москвѣ на ихъ подводахъ и харчахъ, и проторяхъ; а котораго числа отъ города ихъ отпустите, и вы бѣ о томъ къ намъ, Великому Государю, писали; а отписку велѣтъ подать и имъ явиться въ Посольскомъ приказѣ боярину нашему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, да дьякомъ нашимъ думному Григорью Богданову, Ва-

*

силью Бобинину, Емельяну Украинцеву. Писанъ на Москвѣ лѣта 7307 А (7184) декабря 5ї (16) дня. Приписъ Василья Бобинина».

Грамота была получена на Двинѣ 4-го января, въ отсутствіе воеводы Нарышкина; вмѣсто него отвѣтилъ дьякъ Зыковъ:

«Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, холопъ твой Афонька Зыковъ челомъ бьетъ. Въ ныѣшнемъ, Государь, во рѣдѣ (184) году генваря въ 4 (4) день въ твоей, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, грамотѣ изъ Посольскаго приказа, за приписью дьяка Василья Бобинина, писано на Двину къ думному дворянину и воеводѣ къ Федору Полуехтовичю Нарышкину, да ко мнѣ, холопу твоему, Афонькѣ: велѣно полковника Якова фанъ-Фростена, да полуполковника Ягана Турнина съ начальными людьми, которые выѣхали изъ-за моря въ твою, Великаго Государя, службу къ Архангельскому городу въ прошлую ярмонку на галанскихъ корабляхъ, отпустить къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ на ихъ подводахъ и харчахъ, и проторяхъ; а котораго числа отъ города они опущены будутъ, и о томъ къ тебѣ, Великому Государю, велѣно отписать и полковнику Якову и полуполковнику Ягану съ начальными людьми явиться въ Посольскомъ приказѣ. И по твоему, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, указу полковника Якова и полуполковника Ягана съ товарищи четырнадцати человекъ отъ Архангельскаго города къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ отпустилъ я, холопъ твой Афонька, на ихъ подводахъ и харчахъ, и проторяхъ съ сею отпискою вмѣстѣ генваря въ 19 (19) день, а на Москвѣ велѣтъ имъ явиться и отписку подать въ Посольскомъ приказѣ боярину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву, да дьякомъ думному Григорью Богданову, Василью Бобинину, Емельяну Украинцеву».

Такимъ образомъ не ранѣе какъ чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Архангельскъ, двинулся фанъ-Фростенъ со своими спутниками въ Москву. Ыхали они не съ особенно розовыми надеждами. Испытанная уже «волоклита», разбѣившіяся надежды немедленно стать на казенное довольствіе, большія издержки по переѣзду, а главное—полная неясность будущаго, которое могло закончиться дальнѣйшимъ путешествіемъ къ нѣмецкимъ рубежамъ черезъ Смоленскъ, Псковъ или Новгородъ, все это не могло содѣйствовать особому подъему духа.

Путешествіе тянулось очень долго. Какъ видно изъ отмѣтки на отпискѣ Зыкова, грамотка его была подана не ранѣе 25-го февраля, а слѣдовательно нѣсколькими лишь днями ранѣе прибыть въ Москву и фанъ-Фростенъ съ Лефортомъ и другими. По прибытіи въ столицу путе-

шественникамъ пришлось ждать рѣшенія своей участи болѣе мѣсяца. Только 4-го апрѣля послѣдоваль о нихъ докладъ боярина Матвѣева царю Алексѣю Михайловичу; въ тотъ же день иноземцамъ было объявлено рѣшеніе государя, занесенное въ столбцахъ Посольскаго приказа такъ:

«рѣд (184) году апрѣля въ А (4) день бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, сшедъ съ Верху, въ Посольскомъ приказѣ выѣзжимъ иноземцомъ сказалъ Великаго Государя указъ, что они ему, Великому Государю, въ службу не годны, и указаль ихъ Великій Государь отпустить въ свою землю за море, и они бѣ къ отпуску были готовы».

Итакъ, новая неудача и на этотъ разъ при значительно худшихъ условіяхъ. Переписка не даетъ никакихъ указаній о томъ, что именно переживали иноземцы и въ чемъ заключались ихъ дальнѣйшія ходатайства. Надо полагать, что, по обычаямъ того времени, дѣло не обошлось безъ «поминокъ» и протекціи власть имущихъ. Какъ бы то ни было, но мѣсяца чрезъ полтора послѣ отказа судьба трехъ старшихъ офицеровъ, полковника фанъ-Фростена, подполковника Шванберга и фанъ-Торнена, догадавшихся объявить о себѣ, что они по специальности «инженѣры», вполне опредѣлилась и дѣло устроилось, согласно съ ихъ желаніями. Въ концѣ мая въ Посольскомъ приказѣ, за подписью дьяка Даниила Полянскаго, составлена была особая память, въ которой сообщался указъ вступившаго на престолъ царя Θεодора Алексѣевича объ отсылкѣ перечисленныхъ иноземцевъ въ Пушкарскій приказъ, завѣдывавшій въ XVII вѣкѣ, кромѣ артиллеріи, также и всѣми инженерными чинами.

«Рѣд (184) году мая въ К (20) день, читаемъ въ памяти, указаль Великій Государь, Царь и Великій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержецъ, выѣзжимъ иноземцомъ индженѣромъ полковнику Якову фанъ-Фростену, да полуполковникомъ Францувиць (?) фанъ-Шванонберху, да Гавріелю фанъ-Торниру, которые выѣхали на имя отца его, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, изъ Галанскія земли на корабляхъ къ Архангельскому городу въ городскую ярмонку прошлаго рѣд (183) году, а къ Москвѣ пріѣхали въ нынѣшнемъ во рѣд (184) году февраля въ Кз (26) день, быть въ своей, Великаго Государя, службѣ и для того изъ Посольскаго приказа отослать ихъ въ Пушкарской приказъ съ памятью. Думной дѣакъ Данило Полянскій».

Во исполненіе этого указа 26-го мая была послана за «приписью Любима Домнича» память въ Пушкарскій приказъ «къ боярину ко князю Юрію Ивановичю Ромодановскому, да къ думному дворянину къ Ивану

Ивановичу Баклашовскому и къ дьякамъ къ Ивану и къ Федору» о состоявшемся приѣмѣ трехъ иноземцевъ инженерами ¹⁾). Явившись въ Пушкарскій приказъ, фанъ-Фростенъ, по требованію приказа, представилъ письмо, въ которомъ «кратко объявилъ», въ чемъ именно заключается его инженерное искусство. Письмо это является цѣнною находкою для исторіи нашего военно-инженернаго дѣла, а потому приводится ниже въ цѣломъ видѣ:

«Переводъ нѣмецкаго письма полковника Якова фанъ-Фростена. По-неже Его Цесарское Величество на Москвѣ и всеа Россіи Самодержецъ меня, полковника, инженеромъ къ службѣ милостивѣйше принялъ и въ Пушкарской приказъ подъ началъ господина князь Юрья Ивановича Ромодановскаго послалъ, гдѣ отъ меня роспись искусства моего просили, и я послѣдующе подъ моею рукою послушительнѣйше хотѣлъ выдати и кратко объявити:

«Всякому инженеру подобаетъ вѣдати, какъ мѣсто со всякими оберегательными крѣпостями укрѣпити доведется, что бѣ противъ наружныя силы и непріятельскому наступленію не многими людьми оберегати и очищати, и пакы по учиненному случаю узваткою взять.

«Къ сему потребно, чтобъ инженеръ, егда нѣкоторое мѣсто укрѣпити хочетъ, прежде добре вывѣдалъ, какая тамо земля: песошное ли, болотное или каменное, такожде есть ли тамъ горы, рѣки, переправы и дороги, и потомъ лѣса или кусты, сверхъ того годно-ли ко укрѣпленію, и какъ учинить, по правиламъ или безъ правилъ.

«И какъ-то осмотрѣно, тогда инженеру основаніе со всемпъ обстоящими случаями написать на бумагѣ, чтобъ ему по тому лучше было ступать и крѣпость учинить мочно было.

«Къ такому крѣпящему строенію надобны послѣдующая оружія: \bar{a} (1) чѣпъ желѣзная съ двѣнадцатю кольцами, длиною двѣнадцать же сажень, \bar{b} (2) розныя деревянныя посохи, вострымъ желѣзомъ окованы, \bar{c} (3) кружала съ смѣтами для вымѣренія, \bar{d} (4) четырехугольное, \bar{e} (5) правило, \bar{z} (6) сажень или мѣрной посохъ.

«При семъ же надобно нѣсколько сотъ людей къ копанію земли и чтобъ высклп колья и вязать хворостъ, а ихъ спасти есть: заступы, лопаты, ручныя возки обѣ одномъ колесѣ, тупицы, топоры и кирки, которыхъ множество изготовить надобно.

«И какъ все приуготовлено, тогда начнетъ инженеръ заводить крѣпость, а особливо подошву валамъ и иныя земляныя оберегательныя воинскіе заводы, башни и станы, тако же, есть ли понадобится, рвы, шанцы и покрытыя лазы и все что надобно ко обереганію.

¹⁾ „Память“ сохранилась въ черновикѣ и таково же содержанія какъ и приведенная выше въ текстѣ.

«Сверхъ того подобаеть инженеру вѣдати, какъ такое крѣпкое мѣсто осадить и взять мочно. Къ сему надобно въ началѣ доброе войско для осажденія, а въ походѣ ему, инженеру, надобно (вѣдать), какъ построить обозъ, въ которомъ войско безопасно стояло-бъ; а такой обозъ учинить мочно окопомъ или окруженіемъ телѣгами на противленіе непріателемъ, по коихъ мѣстъ войско отъ того осажденнаго мѣста пойдетъ; и послѣ надобно, чтобъ нарочные таборы построить съ турами, съ угольными шанцами и наружными острогами. И какъ сіе исполнится, и тогда инженеру добре размышляти подобаеть о крѣпости и о безсиліи осажденнаго мѣста, и послѣ того начистъ рвы круглые и угольныя башни, и станы, надъ которыми противъ непріятелей пушки ставить, изготовить, дондеже придетъ къ непріятельскимъ рвамъ, гдѣ чрезъ подкопщиковъ, у которыхъ особно вѣдомость есть, подкопы заводить, непріятельскія стѣны обрушены чинятся. Слмъ кратко объявилъ искусство инженерова и подписалъ сіе писаніе своею рукою Яковъ Мартинъ фонъ-Фростенъ полковникъ».

Не многое объяснилъ фанъ-Фростенъ по части своего искусства. Сообщенія его не идутъ далѣе общихъ выраженій и схематическаго описанія сущности инженерныхъ работъ; технической стороны устройства оберегательныхъ заводовъ, становъ, шанцовъ, остроговъ и т. п. онъ вовсе не касается, дѣлая изъ этого какъ бы профессиональную тайну. Если такія же объясненія давали и другіе инженеры-иноземцы, то нѣтъ ничего удивительнаго, что спеціальныя свѣдѣнія по инженерному дѣлу распространялись у насъ въ XVII вѣкѣ весьма туго.

Во всякомъ случаѣ судьба фанъ-Фростена и двухъ его товарищей была устроена; въ иномъ положеніи оказались другіе спутники Фростена, лишившіеся, съ зачисленіемъ на службу полковника, общаго главы и вынужденные теперь хлопотать каждый на свой собственный рискъ. Раньше всѣхъ возобновили ходатайства капитаны Филиппъ-Францъ фанъ-Дортфельдъ, Яковъ Михайловъ Руморъ и Яганъ-Кашпиръ Зенгеръ. 7-го іюня они снова били челомъ въ Посольскомъ приказѣ, а 12-го іюня государь разрѣшилъ принять ихъ на службу. Объ этомъ составлена была память въ такихъ выраженіяхъ:

«Лѣта 7384 (1784) г. іюня въ 12 (12) день по Государеву, Цареву и Великаго князя Феодора Алексѣевича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, указу боярину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву, да дьякамъ думному Григорью Богданову, да Василью Бобинину, да Емельяну Украинцову, да Любиму Домвину. Въ нынѣшнемъ во 184 (184) году іюня въ 6 (6) день били челомъ Великому Государю, Царю и Великому Князю Феодору Алексѣевичю, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцу, иноземцы капитаны Филиппъ Францъ фанъ-Дортфельдъ, Яковъ Михайловъ сынъ Руморъ, Яганъ Кашпиръ Зенгеръ: въ

нынѣшнемъ во рѣдъ (184) году выѣхали они изъ своей земли съ полковникомъ съ Яганомъ Мартыномъ фанъ-Фростомъ служить ему, Великому Государю, и по указу-де Великаго Государя полковникъ Яковъ Мартынь фанъ-Фростъ съ двумя подполковники въ его, Великаго Государя, службу въ Пушкарской приказъ для инженерства принять, а они-де ни въ которой приказъ не приняты и въ его, Великаго Государя, службу не написаны; а выѣхали-де они изъ своей земли служить ему, Великому Государю, вѣрою и правдою, и Великій Государь пожаловалъ бы, велѣлъ ихъ принять въ свою, Великаго Государя, службу и имена ихъ въ Иноземскомъ приказѣ съ ихъ братьею иноземцы написать. И Великій Государь, Царь и Великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ нововыѣзжихъ иноземцовъ Филиппа Франца фанъ-Дертафентъ, Якова Михайлова сына Румора, Ягана Кашпира Зенгера для своей, Великаго Государя, службы прислать, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ они и изъ которой земли выѣхали, и кто въ какомъ чинѣ выѣхалъ, отписать въ Иноземскій приказъ къ боярину ко князю Юрью Петровичю Трубецкому, да думному дворянину къ Семѣну Ѳеодоровичю Полтеву, да къ дьякамъ къ Кузьмѣ Прокофьеву, да къ Еремею Полянскому, да къ Ивану Кучецкому. И по Государеву Цареву и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, указу боярину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву, да дьякомъ думному Григорью Богданову, да Василью Бобинину, да Емельяну Украинцову, да Любиму Домнину учинить о томъ по указу Государя». Подпись дьяка Прокофьева ¹⁾.

Во исполненіе этого распоряженія, въ Посольскомъ приказѣ была составлена длинная справка изъ предшествующаго дѣлопроизводства и списокъ иноземцамъ, а 17-го іюня послана память въ Иноземскій приказъ о приемѣ на службу помянутыхъ выше капитановъ. Изъ перечисленныхъ документовъ приводимъ списокъ, какъ близко касающійся Лефорта ²⁾:

«Имена выѣзжимъ иноземцамъ. Инженеры: полковникъ Яковъ-Мартынь фонъ-Өроштенъ, полуполковникъ Ганъ фонъ-Турниръ, полуполковникъ Францъ Швабберхъ, маіоръ Станиславъ Вонцмольденъ, маіоръ же Яковъ Касперъ Зенгеръ; капитаны Якубъ Румеръ, Францъ Дорфельтъ, поручики французы Яганъ Бузвой съ товарищи ꙗ (3) человекъ, прапорщикъ Михайло Эншъ». Сравнивая этотъ списокъ съ составленнымъ двинскимъ воеводою Нарышкинымъ, мы замѣтимъ, что несомнѣнный полякъ Станиславъ Тшебяковскій не безъ основательныхъ соображеній посѣдѣшилъ измѣнить свою фамилію на Вонцмольдена и что тому же Тшебя-

¹⁾ На оборотѣ написано: „справилъ Петрушка Берсеевъ“.

²⁾ Прочіе два документа не представляютъ интереса.

ковскому и Якову Зенгеру за годъ приказной волокиты надѣло оставаться капитанами и они послѣжили «перемѣниться чинами» въ майоры. Эти наблюденія небезынтересны для характеристики нашихъ иноземцевъ XVII вѣка. Главное замѣчаніе касается, однако, имени «Франса Лефорта», вовсе исчезающаго изъ списка вмѣстѣ съ двумя другими своими товарищами. Объясненіе этому исчезновенію даетъ слѣдующая приписка на томъ же спискѣ: «да съ ними жъ выѣхали 1 (3) человекъ капитановъ и тѣ-де службы не ищутъ». Такимъ образомъ Францу Лефорту надѣло толкаться въ запертую предъ нимъ дверь и онъ на время отказался поступить на службу. Свѣдѣніе это подтверждается и другими источниками.

Грамотою въ Иноземскій приказъ и приведеннымъ выше спискомъ дѣло о выѣздѣ прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ прерываются и дальнѣйшія свѣдѣнія о Лефортѣ. Дѣлопроизводство, ведшееся при позднѣйшемъ зачисленіи его въ войска, заключалось въ другихъ столбцахъ, которые, насколько намъ извѣстно, пока не разысканы. Во всякомъ случаѣ то немногое, что даетъ наша переписка, ни единымъ намекомъ не указываетъ на недовольство и вражду, возникшую будто-бы между иноземцами и воеводою Нарышкинымъ, который-де самовольно не пропускалъ ихъ въ Москву и даже грозилъ ссылкой въ Сибирь ¹⁾. Наоборотъ, поведеніе Нарышкина полно самой внимательной предупредительности. Онъ настойчиво бомбардируетъ Посольскій приказъ грамотами, на свой страхъ выдаетъ офицерамъ кормовыя деньги и въ концѣ-концовъ даже получаетъ за это косвенное замѣчаніе. Но вся его настойчивость разбивалась о канцелярскіе порядки современнаго приказнаго строя, требовавшаго цѣлыя мѣсяцы на изготовленіе доклада, отписки, памяти или указа. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключалась истинная причина, что для рѣшенія такого простаго дѣла, какъ зачисленіе на службу, потребовалось болѣе года. Иноземцы, которымъ не были извѣстны тогдашніе порядки, конечно, имѣли основаніе негодовать, а болѣе свободные отъ заботы о кормахъ и уклоняться, подобно Лефорту, на время отъ службы; но изслѣдователямъ въ случаяхъ, подобныхъ бывшему при выѣздѣ въ Россію Лефорта, къ lamentаціямъ иноземцевъ на дурной пріемъ воеводъ, ихъ грубость и самоволіе слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ относиться съ большою осторожностью.

А. Э. Мышлаевскій.

¹⁾ Голицковъ. „Историческое изображеніе жизни Лефорта“, изд. 1800 г. стр. 14.

Выпускъ изъ типографіи „Исторіи Пугачевского бунта“ А. С. Пушкина.

Печатаніе исторіи Пугачевского бунта Пушкина производилось въ типографіи бывшаго II отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи. Въ хранящихся въ архивѣ Государственнаго Совѣта бумагахъ графа М. М. Сперанскаго, имѣются слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся до изданія этого сочиненія.

Графъ Бенкендорфъ, 18-го декабря 1834 г., писалъ М. М. Сперанскому, чтобы онъ приказалъ выдать камеръ-юнкеру Пушкину изъ типографіи изданіе напечатанной имъ книги «Исторія Пугачевского бунта», его сочиненія.

Въ тотъ же день былъ присланъ М. М. Сперанскому за подписью А. Н. Мордвинова ¹⁾ слѣдующій всеподданиѣйшій докладъ III отдѣленія.

«Исторія о бунтѣ Пугачева, написанная Пушкинымъ, печаталась по высочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію въ типографіи II отдѣленія Собственной вашего величества канцеляріи.

«Книга сія нынѣ отпечатана, но экземпляры оной могутъ быть выданы Пушкину не иначе какъ съ разрѣшенія вашего величества.

«Г. Пушкинъ проситъ о высочайшемъ повелѣніи выдать ему экземпляры означенной книги». 18-го декабря 1834 года.

На этомъ докладѣ императоръ Николай I написалъ собственноручно: «Можно ему выдать, ежели ничего другого нѣтъ какъ то, что я читалъ».

На основаніи этой резолюціи М. М. Сперанскій, подъ начальствомъ котораго состояла типографія, писалъ Мордвинову 19-го декабря 1834 года, «что во исполненіе Высочайшей резолюціи остается только свѣрить печатный экземпляръ исторіи съ оригиналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго прочтенія, чтобы удостовѣриться, что нѣтъ въ немъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Директору типографіи представить для удобства сличенія одинъ печатный экземпляръ сей исторіи».

О результатахъ свѣрки въ бумагахъ Сперанскаго никакихъ свѣдѣній не имѣется.

Сообщилъ П. М. Майковъ.

¹⁾ Александръ Николаевичъ Мордвиновъ былъ управляющимъ III отдѣленіемъ.

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыкъ паша).

XXVI ¹⁾.

Вечера у г-жи Dolomieuх.—Принцы Орлеанскіе.—Князь Витольдъ Чарторыйскій.—Г-жа де-Рекамье.—Иезуитъ, ксендзъ Коньяръ.—Мое путешествіе въ Римъ.—Графъ Александръ Потоцкій и Стаиславъ Малаховскій.

На вечерахъ у г-жи Dolomieuх, первой статсъ-дамы королевы Амалии, которой я былъ представленъ княгиней Анной Чарторыйской и гдѣ танцовали въ интимномъ кругу мазурку, я часто встрѣчалъ дочерей и сыновей короля, видѣлъ нѣсколько разъ княгиню Аделаиду и однажды даже самого короля. Принцы Орлеанскіе, сыновья короля, держали себя со всѣми вѣжливо и любезно, но въ нихъ проглядывала какая-то англійская чопорность, которая была не особенно привлекательна. Они были умны, способны, смѣлы и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрны; въ нихъ было особенно развито чувство чести, но не было той живости, свойственной французамъ, которая такъ привлекаетъ насъ, поляковъ.

Не знаю, какъ относились прочіе эмигранты къ Орлеанскимъ принцамъ, но на меня, какъ на поляка, отъ нихъ вѣяло холодомъ. Бурбоны любили наше шляхетство, Бонапартъ любилъ наше войско, но въ насъ не было мѣщанства, чтобы насъ могли полюбить Орлеанскіе принцы.

Князь Витольдъ Чарторыйскій достигъ въ это время ювошескаго

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1898 г.

возраста и уже окончил курсъ наукъ; надобно было позаботиться объ его политическомъ воспитаніи. Лучше всего ему было бы жить при отцѣ, это была бы для него наилучшая школа; въ домѣ отца онъ гораздо скорѣе узналъ бы всѣ нужды и потребности поляковъ, нежели разъѣзжая Богъ вѣсть зачѣмъ и для чего по всѣмъ столицамъ Европы. Но во всякомъ случаѣ, признавъ путешествіе хорошимъ средствомъ для того, чтобы познакомить молодого князя съ польскою политикою, слѣдовало дать ему въ спутники наставника, въ родѣ, наприм., Карла Сенкевича. Это былъ человѣкъ дѣйствительно выдающійся, который, воспользовавшись природными дарованіями князя Витольда, его умомъ и прекрасными душевными свойствами, въ коихъ ему нельзя было отказать, подготовилъ бы изъ него достойнаго кандидата на польскій престолъ. Между тѣмъ Владиславъ Замойскій, со свойственной ему въ подобныхъ дѣлахъ ловкостью, сумѣлъ устранить Карла Сенкевича отъ этой должности, давъ князю Витольду въ товарищи и менторы Орпиевскаго—человѣка, по видимому, благороднаго и богобоязненнаго, но ничего не смыслившаго въ политикѣ, не имѣвшаго никакого значенія и вообще довольно ограниченнаго и скромнаго до бояливости.

Владиславъ Замойскій съ самаго начала всячески старался отвлечь князя Витольда отъ посѣщенія великосвѣтскихъ салоновъ, не исключая и салона его отца, гдѣ непремѣнно ему слѣдовало появляться. Поддавшись вліянію Замойскаго и его друзей, молодой князь сталъ избѣгать порядочнаго общества, пристрастился къ веселой, разгульной жизни, къ пустой, ничего не значащей болтовнѣ и выпивкѣ, и къ такой компаніи, гдѣ можно было держать себя не стѣняясь. Этимъ были въ корнѣ погублены хорошіе задатки этого юноши, на котораго поляки возлагали всѣ свои надежды.

Князя Адама Чарторыйскаго чрезвычайно интересовало положеніе католической церкви въ Россіи. Въ это время польская католическая церковь была заинтересована дѣломъ епископа Готовскаго, сосланнаго въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Князь Адамъ потребовалъ всѣ документы, касающіеся этого дѣла, просмотрѣлъ ихъ, а Карлъ Сенкевичъ составилъ къ нимъ пояснительную записку. Всѣ эти бумаги были вложены въ огромный пакетъ, къ которому приложена именная печать князя Адама, и вручены мнѣ для передачи Смертвыхъ встанцамъ (*Zmartwychwstancę*)¹⁾. Я долженъ былъ выдать себя за простаго путешественника, пріѣхавшаго въ Италію для свиданія съ поляками, прибывшими изъ Польши.

Бывая иногда на вечерахъ у г-жи Рекамье, я встрѣтился у нея съ

¹⁾ Недавно возникшій польскій монашескій орденъ въ Римѣ, имѣвшій сношеніе съ генераломъ іезуитскаго ордена.

ксендзомъ Коньяромъ, настоятелемъ іезуитскаго монастыря, который помѣщался на улицѣ du Regard, и съ матерью Розаліей, начальницей сестеръ милосердія, женщиной весьма доброй и богобоязненной. Ксендзъ Коньярь, худощавый шестидесятилѣтній старикъ, съ морщинистымъ, высохшимъ лицомъ, цвѣта древняго пергамента, былъ прекрасно образованъ, вращался въ высшемъ кругу и былъ остроумный собесѣдникъ; онъ питалъ ко мнѣ большую симпатію; нерѣдко я помогалъ ему и матери Розаліи растрогать сердце юныхъ и прекрасныхъ посѣтительницъ г-жи Рекамье и уговорить ихъ жертвовать на миссіонерство и на другія добрыя дѣла. Я дѣлалъ это охотно, отъ чистаго сердца, и тѣмъ снискалъ расположеніе этихъ двухъ столповъ католицизма въ Парижѣ. Замойскій зналъ, что я съ ними знакомъ, но ему не были извѣстны мои общественныя къ нимъ отношенія.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Римъ онъ совѣтовалъ мнѣ очиститься отъ грѣховъ, чтобы явиться въ столицу міра непорочнымъ, какъ агнецъ, и для этого отправился со мною къ ксендзу Коньяру, коему предварительно наговорилъ о моихъ грѣхахъ и о необходимости для меня покаянія. Выйди изъ комнаты, чтобы побесѣдовать съ другими іезуитами, онъ оставилъ меня одного съ настоятелемъ. Ксендзъ Коньярь ожидалъ вѣроитно, что я выражу ему желаніе исповѣдываться и принести покаяніе, а я ожидалъ, что онъ сообщитъ мнѣ то, что, по словамъ Замойскаго, онъ желалъ передать мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ въ Римъ, поэтому мы оба молчали, глядя другъ на друга. Наконецъ, іезуитъ сказалъ:

— Что же ты хочешь? исповѣдываться или разговаривать, я молчанія твоего не понимаю.

Я отвѣчалъ, что не думаю объ исповѣди, а разговаривать всегда готовъ. Тогда, расхохотавшись, онъ разсказалъ мнѣ, что Замойскій изобразилъ меня страшнымъ ловеласомъ и Донъ-Жуаномъ, и что должно быть онъ мой хорошей пріятель, коли такъ заботится о спасеніи моей души. Я отвѣчалъ, что охотно вѣрю этому и что, вѣроитно, Замойскій хочетъ ввести меня въ рай для того, чтобы не разставаться со мною на томъ свѣтѣ.

Ксендзъ Коньярь возразилъ на это, что, кажется, мы оба болѣе грѣшны, нежели склонны къ покаянію и что рай не французскій салонъ, пожалуй, насъ туда и не впуститъ. Наконецъ онъ присовокупилъ, что Богу и религіи можно служить во всякомъ положеніи и при всѣхъ обстоятельствахъ, а трудясь для Бога и костела, можно и безъ покаянія получить отпущеніе грѣховъ и царство небесное; что я стою на хорошей дорогѣ и могу, въ моемъ положеніи, быть полезнѣе церкви дѣломъ, нежели молитвою. Зная, что я ѣду въ Римъ, онъ приготовилъ мнѣ письмо къ ксендзу Розавену, представителю французскихъ іезуитовъ и ихъ до-

вѣренному лицу. Кроме того, онъ сообщилъ мнѣ, что уже переговорилъ съ матерью Розаліей о томъ, чтобы помѣстить мою жену и дѣтей на время моего отсутствія изъ Парижа въ домъ сестеръ въ *Jouarre la Ferté*, основанномъ именно съ тою цѣлью, чтобы жены лицъ военныхъ и гражданскихъ могли найти въ немъ, въ отсутствіи мужей, пріютъ и подходящее общество и жили бы подъ защитою религіи.

Я принялъ приготовленное ксендзомъ письмо, а равно его предложеніе относительно моей семьи и отвезъ жену съ дочерьми въ *Jouarre*, гдѣ мы дѣйствительно нашли очень приличное общество, состоявшее изъ жещъ нѣсколькихъ штабъ-офицеровъ, командовавшихъ войсками въ Алжирѣ, и нѣсколькихъ моряковъ, находившихся въ плаваніи; почти всѣ эти дамы принадлежали къ семьямъ легитимистовъ.

Первый разъ приходилось мнѣ ѣхать моремъ на пароходѣ. Мы вышли изъ Марсели вечеромъ; проклятый мистраль ¹⁾ дулъ со всей силой, пароходъ сильно качало, море было покрыто не бѣлыми барашками, а огромными валами, которые неслись на насъ, какъ бѣшеные кони. И мнѣ припоминалось непередаваемое, но чрезвычайно образное выраженіе, коимъ французы передаютъ это состояніе моря: *la mer moulotte, la mer chevauche...*

Въ Ливорно на нашъ пароходъ сѣли: графъ Александръ Потоцкій, братъ г-жи Киселевой и Станиславъ Малаховскій, бывшій поручикъ Сандомірской кавалеріи; онъ ѣхалъ на богомолье въ Римъ, но, проживая въ этомъ городѣ, кажется интересовался болѣе артистами и болѣе старался подражать ихъ жизни, нежели молиться и каяться. Александръ Потоцкій былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова благородный и достойный; у него было доброе сердце. Онъ обладалъ весьма солидными знаніями, но они были такъ глубоко скрыты въ его душѣ, что трудно было ихъ подмѣтить; поэтому всѣ считали его посредственностью, хотя это было совершенно несправедливо. Вѣрнѣе сказать, что онъ, какъ полякъ, находился въ фальшивомъ положеніи въ смыслѣ политическомъ и у него не хватало храбрости заявить о правахъ своихъ собственныхъ и своихъ родныхъ; онъ предпочиталъ проводить день за днемъ въ лѣни и безпечности, задавая себѣ вопросъ: что изъ всего этого выйдетъ и чѣмъ все это кончится?

Онъ былъ сыгъ красавицы-гречанки, а его сестра, Софія, дѣвушка замѣчательно энергичная и любящая, была горячая польская патриотка, несмотря на то, что она вышла замужъ за русскаго ²⁾. Для славнаго рода Потоцкихъ было бы гораздо лучше, если бы природа создала ее мужчи-

¹⁾ Холодный и сухой сѣверо-западный вѣтеръ, дующій въ южной Франціи.
В. Т.

²⁾ Графа П. Д. Киселева, впоследствии посла въ Парижѣ.

ной, а ея брата—женщиной; ибо она, конечно, носила бы славное имя Потоцкихъ съ бѣльшей честью, нежели ея братъ Александръ.

Послѣдній дослужился въ русской арміи до чина полковника, но, разсердившись на то, что ему не дали полка, оставилъ русскую службу и отправился въ Варшаву послужить польской справѣ, какъ подобало Потоцкому; тамъ ему предложили выбрать любой полкъ, онъ выбиралъ, выбиралъ, да такъ ни одного и не выбралъ. Просидѣвъ въ Варшавѣ отъ начала войны до конца, онъ эмигрировалъ съ чиномъ отставнаго полковника и въ званіи бывшаго владѣльца не только Умани, гдѣ Гонтъ и Желѣзнякъ дали себя знать ляхамъ, но и прелестной Софіевки—воспѣтой Тржембичкинь. Помимо этого, у него не было никакихъ заслугъ, а сказаннаго слишкомъ мало для потомка тѣхъ славныхъ Потоцкихъ, которые водили нѣкогда поляковъ и казаковъ на враговъ Польши. Видно крестъ, находящійся въ ихъ гербѣ, оказался слишкомъ тяжелъ для Александра Потоцкаго; поэтому онъ и скитался по бѣлу-свѣту безъ всякой цѣли и безъ всякихъ думъ, лишь бы дотянуть какъ-нибудь до конца и заглушить голосъ совѣсти. шептавшій ему объ его долгѣ по отношенію къ отечеству.

Жаль было этого человѣка, жаль его славнаго рода; но надо сознаться, что большинство нашихъ, такъ называемыхъ, пановъ (баръ), если не всѣ поголовно, то за весьма малыми исключеніями, относились къ польскому вопросу либо враждебно и несочувственно, либо такъ же индифферентно, какъ онъ. Трудно было найти человѣка столь преданнаго Польшѣ, какъ Владиславъ Замоискій, такихъ же, какъ графъ Александръ Потоцкій, были десятки и сотни. Это большое зло для Польши, ибо этимъ путемъ демократія, продуктъ иноземный, беретъ перевѣсъ надъ мѣстной аристократіей, и послѣдняя утрачиваетъ всѣ доблестныя качества, коими она отличалась нѣкогда въ бою, на совѣтѣ и въ частной жизни.

XXVII.

Римъ.—Смертвыхъстанцы.—Домъ іезуитовъ.—Генералъ іезуитовъ, отецъ Ротавъ.—Аудиенція у кардинала, папскаго секретаря.—Аудиенція у сятаго отца.—Конкуренція со смертвыхъстанцами.—Отецъ Лакордеръ, новій доминиканецъ.—Польки и поляки въ Римѣ.—Присоединеніе поляковъ къ политикѣ князя Адама Чарторыйскаго.—Римскіе нравы.

По пріѣздѣ въ Римъ, первымъ дѣломъ я нанялъ себѣ помѣщеніе на Корсо, затѣмъ немедленно отправился въ польскій монастырь смертвыхъ-станцевъ, настоятелемъ котораго былъ въ то время ксендзъ Семененко сынъ благочестиваго литовскаго попа и одинъ изъ самыхъ ярыхъ де-

мократовъ. Испугавшись, какъ гласила о немъ народная молва, любовной связи, которая едва не нарушила супружескаго счастья его добраго пріятеля и опекуна, мучимый раскаяніемъ, онъ перешелъ въ лоно римско-католической церкви и поступилъ въ новый монашескій орденъ, который поставилъ себѣ цѣлью возродить въ Польшѣ католическую церковь, распатанную до основанія нашими предками.

Я засталъ въ монастырѣ ксендза Губего (Hubego) мнѣ незнакомаго и, какъ мнѣ сказали, человека весьма ученаго, ксендза Кайсевича (Kaj-siewicz), нѣкогда храбро сражавшагося въ рядахъ литовскихъ повстанцевъ, ксендза Дунскаго или Курскаго, который былъ недавно дѣятельнымъ эмиссаромъ и дѣйствовалъ подъ руководствомъ Іосифа Залѣскаго, и непосвященныхъ еще послушниковъ: Туровскаго, Микульскаго и Карла Каченовскаго—храбраго и благороднаго артиллериста, во многомъ напоминавшаго своими личными качествами славнаго Бема.

Всѣ они привѣтствовали меня съ кротостью и смиреніемъ; такъ какъ въ этотъ день было гризно, то настоятель монастыря позвалъ Карла Каченовскаго и велѣлъ ему вычистить мои калоши, чего я никакъ не хотѣлъ допустить, говоря что это мой пріятель, мой товарищъ по оружію.

Ксендзъ Семененко отвѣчалъ мнѣ на это съ притворной усмѣшкою.

— Карлъ Каченовскій, капитанъ артиллеріи, умеръ для свѣта, теперь предъ вами стоитъ братъ Карлъ, самый скромный слуга Господа нашего Іисуса Христа.

Ксендзъ прибавилъ:

Кто привыкъ повелѣвать и командовать, тотъ долженъ на семъ свѣтѣ замолить этотъ грѣхъ послушаніемъ, чтобы ему не пришлось отвѣчать за него на томъ свѣтѣ.

А ксендзъ Дунскій докончилъ его рѣчь:

— Смирненіе творитъ великія чудеса и можетъ снискать милосердіе Божіе. Кто малъ передъ Богомъ—будетъ великъ передъ людьми, а кто великъ на землѣ—будетъ малъ на томъ свѣтѣ.

Ксендзъ Кайсевичъ, не произнося никакой сентенціи, завопилъ: «Аминь» тѣмъ зычнымъ голосомъ, коимъ онъ привыкъ командовать своимъ литовцамъ: «впередъ».

Смертвыхъ станцы были предупреждены о моемъ пріѣздѣ и знали о моемъ порученіи, тѣмъ не менѣе они выразили свое удивленіе по поводу того, что меня, казака и православнаго, видятъ въ католическомъ Римѣ; я и самъ удивлялся, что все это такъ случилось. Я отвѣчалъ имъ, что пріѣхалъ осмотрѣть языческія древности и повидаться съ поляками, пріѣхавшими съ родины и притомъ, какъ казакъ, всегда готовый исполнить приказаніе короля и Рѣчи Посполитой, я взялся отвезти письмо и передать его братьямъ собственноручно, что и исполнить, доставъ запечатанный конвейтъ, который я вручилъ ксендзу Семененко.

— Получите письмо—сказать я; позвольте поблагодарить васъ за хлѣбъ-соль и попросить у васъ расписку въ передачѣ этого письма.

Ксецндзъ Семененко взялъ пакетъ и ушелъ, прося меня подождать съ часокъ. Я заговорилъ съ Кайсевичемъ о войнѣ, хотѣлъ втянуть въ разговоръ и Каченовскаго, но ему было запрещено разговаривать; онъ все время подматалъ корридоры съ двумя другими послушниками, выметая вмѣстѣ съ тѣмъ изъ своего сердца прежнюю гордость и высокомеріе и вселяя въ него кротость и смиреніе.

Вернувшись, ксецндзъ Семененко сказалъ, что меня хочетъ видѣть и познакомиться со мною ксецндзъ Ротанъ, генералъ іезуитскаго ордена, что переговоривъ со мною, онъ рѣшилъ чтò дѣлать съ пакетомъ, а теперь ожидаетъ насъ. Я отвѣчалъ, что не имѣю ничего общаго съ пакетомъ, но готовъ исполнить приказаніе генерала столь могущественнаго ордена, чтобы не сказали, что казакъ испугался іезуита. Мы поѣхали немедленно.

Генералъ Ротанъ, по происхожденію голландецъ, долгое время жилъ въ Польшѣ, въ Полоцкѣ и говорилъ по-польски какъ истый полякъ; живя въ Польшѣ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ильинскими и съ Платерами. Ксецндзъ Семененко упалъ передъ нимъ на колѣна и поцѣловалъ его ногу; генералу пришлось поднять его, ибо иначе онъ такъ и застылъ бы у ногъ его преподобія. Я ограничился поклономъ, при чемъ на неподвижномъ лицѣ прелата выразилось удивленіе. Онъ указалъ рукою на стулъ, приглашая садиться и прямо, какъ говорится, съ мѣста въ карьеръ, началъ излагать мнѣ свои мысли по поводу избранія князя Адама королемъ, поднимая на смѣхъ его ягеллонскіе права на польскій престолъ, коимъ владѣютъ люди, получившіе власть отъ Бога, и въ силу этого законно управляющіе Польшей. Я отвѣчалъ, что пришелъ представиться ему по его желанію, но отнюдь не съ тѣмъ, чтобы обсуждать съ нимъ политическіе вопросы, но во всякомъ случаѣ, если бы я призналъ, справедливость его словъ, то мнѣ пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ признать что католическая церковь поступаетъ неправильно и несправедливо, иди противъ тѣхъ же, Богомъ установленныхъ и церквою признанныхъ властей; что въ такомъ случаѣ католическая церковь была бы не только непослѣдовательна, но даже преступна; тогда какъ при теперешнемъ положеніи она не только можетъ возставать противъ гнета и притѣсненія русскихъ, но даже ставить это себѣ въ обязанность. Генералъ говорилъ какъ заведенная машина, а я, со своей стороны, все повторялъ одно и то же, не стараясь подыскать иныхъ доводовъ, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что іезуитъ приготовилъ свою рѣчь заранѣе. Не желая ни соглашаться съ нимъ, ни раздражать его, я разыгралъ роль челоуѣка хотя разбитаго его доводами но упорствующаго въ своемъ мнѣніи; затѣмъ я простился и ушелъ. Часа черезъ полтора ко мнѣ пріѣхалъ ксецндзъ Семененко, привезшій мнѣ обратно запечатанный конвертъ съ оговоркой,

что ни Смертвыхвстанцы, ни отцы иезуиты не могут возобновить съ княземъ Адамомъ прежнихъ сношеній, вслѣдствіе того, что онъ измѣнилъ свои политическія убѣжденія и что они не возьмутся передать эти бумаги кардиналу-декану.

Тогда я попросилъ его дать мнѣ въ томъ письменное заявленіе, которое я пошлю вмѣстѣ съ бумагами въ Парижъ. Онъ удовлетворилъ мою просьбу, написавъ это заявленіе въ демократическомъ духѣ; видно, демократическіе принципы пустили глубокіе корни въ душѣ Смертвыхвстанцевъ и сильно повліяли на ихъ политическія убѣжденія, такъ какъ онъ, видимо, былъ радъ случаю изложить свой протестъ противъ королевской власти князя Адама, а я былъ радъ получить въ томъ письменное заявленіе, потому мы разстались довольные другъ другомъ.

Какъ только ксендзъ Семененко уѣхалъ, я отправился не теряя времени въ иезуитскую коллегію, къ ксендзу Розавену, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ ксендза Коньяра. Онъ совершенно не подходилъ на всѣхъ прочихъ иезуитовъ: довольно тучный, румяный онъ любилъ хорошо покушать, и я засталъ его смакующимъ хорошее, старое бордосское вино; онъ принялъ меня любезно и поподчивалъ виномъ. Я сказалъ ему, что нахожусь въ большомъ затрудненіи, какимъ образомъ получить аудіенцію у кардинала-декана и передать ему пакетъ съ важными бумагами. Ксендзъ Розавень, безо всякаго кривлянья, далъ мнѣ письмо къ кардиналу Ламброскини; онъ сдѣлалъ это охотно и тѣмъ придалъ мнѣ бодрость духа и я смѣло отправился къ кардиналу.

У него въ передней ожидала масса лицъ, однако, когда я передалъ свое письмо, то меня тотчасъ провели въ кабинетъ кардинала. Я сказалъ ему, что посланъ княземъ Адамомъ въ распоряженіе кардинала-декана. Ламброскини спросилъ меня съ улыбкой, кѣмъ я посланъ, княземъ Чарторыйскимъ или королемъ Адамомъ?

— По моему убѣжденію, отвѣчалъ я,—отъ короля Адама, отъ Ягеллона, имѣющаго право на польскій престолъ. Мнѣ кажется, что такъ должна смотрѣть на него и католическая церковь, если она желаетъ бороться противъ русскаго правительства, дѣйствія котораго уже нельзя будетъ назвать злоупотребленіями, если Римъ не признаетъ инаго, истиннаго польскаго короля, ибо церковь должна помнить слова Христа: Божіе Богови, а Кесарево Кесареви.

Я говорилъ горячо о королевскомъ титулѣ князя Адама и доказывалъ, что не слѣдуетъ отрицать правъ потомка Ягеллоновъ на польскій престолъ, который отнять у него силою. Римъ можетъ объяснить свои сношенія съ княземъ Адамомъ, основываясь на догматахъ религіи; это принесетъ огромную пользу католической церкви. Онъ слушалъ меня внимательно и спросилъ, могу ли изложить все сказанное письменно и сколько мнѣ потребуется на это времени? Я отвѣчалъ утвердительно,

прибавивъ, что въ тотъ же день повергну все написанное мною къ его стопамъ. Затѣмъ онъ вскрылъ пакетъ и просмотрѣлъ бумаги, а я отелаялся и удалился.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я набросалъ краткую замѣтку, въ которой доказывалъ, что князь Адамъ, какъ Ягелловъ, въ силу основныхъ законовъ королевства и конституціи 3-го мая, имѣетъ неоспоримое право на польскій престолъ, что всѣ прочіе правители Польши владѣютъ ею временно и незаконно, вслѣдствіе захвата, а не въ силу власти, данной имъ отъ Бога, коего представителемъ является церковь, а не люди. Католическая церковь, опираясь на законъ, можетъ признать королемъ князя Адама; въ такомъ случаѣ всѣ ея сношенія съ нимъ будутъ считаться правильными и законными, и католическая церковь получить возможность, на законномъ основаніи, ополчиться противъ злоупотребленій и насилій.

На другой день папскій драгунъ принесъ мнѣ письмо отъ кардинала Ламброскини съ приглашеніемъ заѣхать къ нему. Этотъ разъ кардиналъ принялъ меня въ высшей степени любезно, познакомилъ со вторымъ секретаремъ папы, монсиньоромъ Капачини и сказалъ, что этотъ секретарь представитъ меня въ тотъ же вечеръ святому отцу.

Вечеромъ мы отправились въ Ватиканъ; на лѣстницѣ стояли слуги въ шапкахъ, съ зажженными факелами, а возлѣ дверей отрядъ швейцарской гвардіи съ офицеромъ. Секретарь проводилъ меня до аппартамента монсиньора Палавиччини, съ которыми мы пошли нѣсколько минутъ спустя къ святому отцу.

Папѣ Григорію было въ то время лѣтъ около семидесяти; онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, а лицо его дышало добротою и искренностью. Онъ сидѣлъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, въ креслѣ, передъ большимъ столомъ, на которомъ были разложены бумаги и книги; возлѣ стола стоялъ маленькій диванчикъ. На всемъ лежалъ отпечатокъ чрезвычайной простоты. Я преклонилъ колѣна, чтобы поцѣловать его туфлю; онъ поднялъ меня, далъ мнѣ поцѣловать руку, благословилъ и предложилъ сѣсть на диванъ. Монсиньоръ Палавиччини вышелъ; мы остались со святымъ отцомъ одни.

Онъ указалъ на лежавшую на столѣ мою замѣтку и на пакетъ, присланный княземъ Адамомъ. Я долженъ былъ рассказать ему о положеніи католической церкви въ Польшѣ и въ Россіи, объ униі, о настроеніи жителей Польши, о князѣ Адамѣ, объ его семьѣ, о войнѣ 1831 г. и проч. По его глазамъ и по выраженію лица было видно, что мой рассказъ его интересуесть; нѣкоторыя вещи онъ просилъ повторить. Взявъ въ руки мою замѣтку, онъ сказалъ:

— Если бы это было во время вашей войны, я благословилъ бы васъ и не былъ бы вынужденъ васъ порицать.

*

Тогда я упомянулъ о проискахъ Австріи, но не могъ вспомнить фамилій тѣхъ поляковъ, которые были въ нихъ замѣшаны; онъ не выдержалъ и сказалъ:—охъ! эти австріицы, эти австріицы, все тѣ же!

Около двухъ часовъ длилась моя бесѣда со святымъ отцомъ. Онъ сказалъ между прочимъ, что, прочитавъ мою записку, которая вполне согласуется съ его взглядами, приказалъ кардиналу-декану сноситься со мною во всѣхъ вопросахъ, касающихся католической церкви въ Польшѣ, и поручилъ мнѣ при первомъ же случаѣ написать князю Адаму, что святой отецъ молится за Польшу, за князя Адама и весь его родъ.

На слѣдующій день я поѣхалъ благодарить кардинала-декана, который передалъ мнѣ разные документы, касающіеся дѣла епископа Гутковскаго съ просьбою, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ краткое извлечение для ноты, которую намѣревались послать изъ Рима петербургскому кабинету.

Я усердно принялся за эту работу и, окончивъ ее въ тотъ же день, послалъ съ нея копію князю Адаму. Нѣсколько недѣль спустя эта записка и нѣкоторыя другія замѣтки, составленныя мною по просьбѣ кардинала, были напечатаны дословно въ Аугсбургской газетѣ, которая имѣла постоянныя сношенія съ папскимъ секретаремъ или съ русскимъ посольствомъ въ Римѣ, а быть можетъ съ обоими вмѣстѣ. Это послужило князю Адаму лучшимъ доказательствомъ того, что его миссія имѣла успѣхъ въ Римѣ; впрочемъ, это подтвердилось впоследствии и письмомъ кардинала-декана къ князю Адаму, въ которомъ онъ благодарилъ его за усердіе къ вѣрѣ и за мои труды. Видно, это не понравилось въ Парижѣ опекунамъ смертыхъ-станцевъ и тѣмъ лицамъ, которые относились неодобрительно къ политикѣ князя Адама, ибо въ двухъ польскихъ газетахъ («Pszonka» и «Nowa Polska») появились карикатуры на мое посольство. Мнѣ разсказывали впоследствии, какъ фактъ достовѣрный, что «Nowa Polska» и «Pszonka» почерпали, для своихъ нападокъ на меня свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ: изъ канцеляріи графа Владислава Замойскаго и изъ канцеляріи графа Платера. Это была все та же гнусная и зловредная польская политика, которая характеризуется словами: почему сдѣлалъ это онъ, а не мы? Эта политика постоянно мѣшала моимъ трудамъ на пользу отечества, которые Господь благословилъ, но которымъ поляки всячески старались вредить.

Въ это время пріѣхала въ Римъ Лаура Лущинская, дочь генерала Каменскаго, съ новыми документами, присланными изъ Польши все по тому же дѣлу епископа Гутковскаго, о которомъ я говорилъ выше. Бумаги эти были переданы мнѣ, какъ агенту князя Адама; и я воспользовался ими весьма удачно для дѣла, которое, по самому существу, не имѣло особеннаго значенія, но, возбудивъ всеобщее вниманіе, заставило говорить о Польшѣ. Я старался вести дѣло такимъ образомъ, чтобы быть полезнымъ Польшѣ, дѣйствуя на почвѣ религіи, никогда не оправ-

дывался и не старался опровергнуть обвиненій, которые взводили на меня по этому поводу иезуиты, смертвыхвстанцы, графъ Платеръ и графъ Замойскій. Единственной моей цѣлью было—благо Польши, я трудился только для нея и въ Римѣ, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ довелось жить и дѣйствовать.

Въ Парижѣ я былъ знакомъ съ ксендзомъ Лакордеромъ, который поступилъ въ Римъ въ орденъ доминиканцевъ и дѣйствовалъ противъ иезуитовъ. Я возобновилъ знакомство съ этимъ, въ высшей степени умнымъ и талантливымъ человѣкомъ; мы бесѣдовали съ нимъ искренно и откровенно; онъ понималъ цѣль, къ которой я стремился, и мы рѣшили дѣйствовать сообща. Такимъ образомъ, я нашелъ поддержку моимъ политическимъ планамъ въ духовенствѣ; ксендзъ Лакордеръ лучше самихъ поляковъ понималъ польскіе интересы и былъ готовъ ихъ поддерживать. Хотя Лакордеръ былъ на дурномъ счету въ Римѣ за свой либерализмъ, но, во время моего тамъ пребыванія, онъ пользовался громкой извѣстностью, какъ талантливый проповѣдникъ и человѣкъ въ высшей степени благочестивой жизни. Желаніе большинства духовенства обуздать надменность и могущество иезуитскаго ордена было причиною, что оно всячески поддерживало Лакордера, какъ самаго яраго и опаснаго противника иезуитовъ. Кардиналь-деканъ, стараясь поддержать равновѣсіе и оградиться, по мѣрѣ возможности, отъ гнета иезуитовъ, также поддерживалъ Лакордера. Все это вмѣстѣ взятое придавало ему большой вѣсъ и значеніе, а мнѣ было очень съ руки, такъ какъ онъ во многомъ мнѣ помогалъ. Благодаря содѣйствію Лакордера, итальянскія, французскія и нѣмецкія газеты трубили о польской справѣ. Дѣло епископа Гутковского было раздуто и получило въ глазахъ католиковъ значеніе вопроса общаго всей католической церкви.

Я былъ введенъ Дельфиной Потоцкой въ первые дома Рима; общественное мнѣніе было за меня, такъ какъ на моей сторонѣ были женщины.

Я бывалъ довольно часто, какъ гость, у кардиналовъ и разныхъ знатныхъ монсиньоровъ и могу сказать совершенно искренно, что высшія лица католическаго духовенства смотрѣли на меня, какъ на настоящаго польскаго посла или, лучше сказать, какъ на посла польскаго короля. Я неоднократно имѣлъ случай оказать услуги смертвыхвстанцамъ, замолвить за нихъ слово то у кардинала, то во французскомъ посольствѣ, гдѣ ко мнѣ относились очень хорошо, благодадя рекомендаціи Тьера, Гизо и Каролины de Guaita, большой пріятельницы и даже родственницы супруги посланника г-жи de Latour-Maubourg.

Довольно смѣшныя обычаи существовали въ то время въ священномъ Римѣ. Такъ напримѣръ, какъ только я поселился на квартиру у одной римлянки, мнѣ подали бумагу для рисованья, карандаши,

флаконъ съ краской, желтый воскъ, глину для лѣпки и нѣсколько маленькихъ долотцевъ разныхъ величинъ. Я спросилъ, что это значитъ? Хозяйка дома, особа довольно пожилая, отвѣчала мнѣ, что въ Римѣ строго соблюдаются обычай, что ни одна женщина не можетъ войти въ комнату путешественника, если онъ не художникъ и не скульпторъ, поэтому мнѣ даютъ атрибуты артиста, чтобы меня могли считать таковымъ, и чтобы я могъ принимать сколько угодно и какихъ угодно натурщицъ. Впослѣдствіи меня познакомили подробно съ этими обычаями художникъ Вейсенгофъ, нѣсколько лѣтъ жившій въ Римѣ. Мелкіе, отставные чиновники, которыхъ въ Римѣ была масса, и которые ходили въ городѣ въ самыхъ невѣроятныхъ костюмахъ: оборванные, босые, въ красныхъ, фіолетовыхъ и желтыхъ чулкахъ и самыхъ причудливыхъ шляпахъ, держали у себя натурщицъ и поставляли ихъ художникамъ. Полиція строго слѣдила за нравственностью и поведеніемъ этихъ женщинъ. За посѣщеніе постороннихъ лицъ, не художниковъ, ихъ подвергали наказанію— заключенію въ тюрьму на три года, съ обязательствомъ шить бѣлье и одежду на папскую стражу; подобное же наказаніе угрожало натурщицъ въ томъ случаѣ, если ее залучалъ кто-нибудь обманомъ, выдавая себя за артиста, и она не доносила о томъ полиціи тотчасъ послѣ перваго посѣщенія. Швейныя мастерскія были переполнены натурщицами: это было единственное средство обмундировывать папское войско.

Невольно напрашивается на сравненіе домашній бытъ римскихъ кардиналовъ и турецкихъ пашей; у тѣхъ и у другихъ та же масса растрепанныхъ слугъ, одѣтыхъ въ лохмотья, которые живутъ во дворцѣ кардинала и въ конакѣ паша, со своими семьями, которые тутъ ѣдятъ, пьютъ и имѣютъ заработки на сторонѣ. Двери въ конакъ открыты цѣлый день, всякій можетъ войти въ него, не говоря даже, кто онъ; дворцы кардиналовъ также открыты день и ночь, всякій можетъ безпрепятственно придти къ нимъ, всякій имѣетъ право даже спать на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы и въ передней. Такъ было, по крайней мѣрѣ, во время моего пребыванія въ Римѣ. Монсеньоры и аббаты, состоявшіе при кардиналахъ, соответствовали беймъ, эфенди и агамъ, которые находятся три пашахъ. Если у кардиналовъ не было гаремовъ, зато у нихъ были экономки, присматривавшія за хозяйствомъ, а у послѣднихъ цѣлая свита женской прислуги всѣхъ возрастовъ. Та же пышность, соединенная съ безалаберщиной въ лошадахъ, экипажахъ, прислугѣ, во всемъ домашнемъ обиходѣ, тѣ же просители и приближенные, которыхъ кардиналы получали въ наслѣдіе отъ древнихъ римскихъ патриціевъ, а турецкіе паша—отъ византійскихъ грековъ. Та же дипломатія, поставившая себя за правило ни въ чемъ не отказывать, дабы никого не вооружить противъ себя, и ничего не исполнять, чтобы никого не удовлетворить. Въ католическомъ Римѣ и въ мусульманскомъ Стамбулѣ дѣла шли одина-

ково: если настаивать, поприжать—возьмутся за дѣло горячо, но быстро къ нему охладѣютъ, утомятся—и все пойдетъ по старому.

Во всемъ свѣтѣ нѣтъ болѣе великолѣпнаго и роскошнаго зрѣлища, какъ то, когда халифъ ѣдетъ, въ день Байрама, окруженный блестящей гвардіей, предшествуемый важнѣйшими сановниками, на чудныхъ арабскихъ коняхъ, въ сверкающей сбруѣ, среди разставленныхъ шпалерами войскъ. Это эмблема власти, силы и могущества, добытыхъ этими войсками. Эта пышность, это великолѣпіе говорятъ взорамъ и, внушая трепетъ, порождаютъ послушаніе—въ этомъ сила ислама.

Ничего не можетъ быть плѣнительнѣе для сердца, какъ видѣть въ Пасхальную ночь папу, благословляющаго съ галереи Ватикана тысячную колѣнопреклоненную толпу народа и слышать, какъ намѣстникъ Иисуса Христа посылаетъ благословеніе на всѣ страны свѣта, взывая: «*urbi et orbi*» ¹⁾). Это власть духа, власть христіанства.

Проживъ долгое время на Востокѣ, мнѣ не разъ напрашивалось на умъ сравненіе этихъ двухъ намѣстниковъ Всевышняго Бога, этихъ двухъ столицъ, этихъ двухъ властителей и народовъ, ихъ признающихъ. Между ними есть огромное сходство и поэтому объ эти власти несомнѣнно установлены самимъ Богомъ.

XXVIII.

Отъѣздъ изъ Рима.—Въ пути.—Флоренція.—Польское общество.—Пріѣздъ въ Геную.—Нѣсколько словъ о русской дипломатіи.—Ницца.—Тулонъ.—Возвращеніе въ Парижъ.—Рожденіе моего сына Михаила Чайковскаго.

Приближался періодъ маляріи; всѣ путешественники свѣдѣли оставить Римъ и уѣзжали въ другіе города Италіи; поляки также собирались уѣхать изъ Рима, и я, со своей стороны, получилъ приказаніе отправиться въ Флоренцію, куда ѣхало большинство поляковъ. Надобно было къ нимъ приглядѣться, познакомиться съ ихъ политическими стремленіями и навести ихъ, если окажется возможнымъ, на путь, для насъ благопріятный.

Мы выѣхали изъ Рима цѣлой компаніей, чисто по-польски, не на пароходѣ, не въ дилижансѣ или на почтовыхъ, а съ виттуринами ²⁾ для того, чтобы хорошенько осмотрѣть папскія владѣнія и, видя ихъ об-

¹⁾ „*Urbi et orbi*“, т. е. городу (Риму) и всему міру. Слова, входящія въ папское благословеніе и означающія, что оно распространяется на весь міръ.

В. Т.

²⁾ Виттурино—извозчикъ въ Италіи, который возитъ „на долгихъ“.

ширность, еще болѣе проникнутыя уваженіемъ къ духовной власти главы католической церкви; но, шутки въ сторону, этотъ способъ путешествія былъ весьма пріятенъ. Мы ѣхали не спѣша, осматривая по пути древніе памятники и достопримѣчательности. Въ Чивита-Кастелана, Тражимонахъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ я написалъ нѣсколько статей, которыя были напечатаны въ «Tygodnik Poznanskiј» и въ «Przyjaciele ludu», а во время моего пребыванія въ Римѣ я написалъ: «Owguzapów»; для этой статьи у меня еще раньше были набросаны кое-какія замѣтки, сообщенныя мнѣ капитаномъ Тржецякомъ, которыя я дополнилъ по рассказамъ Оттона Хорвата, жившаго по сосѣдству съ Овруцскимъ повѣтомъ.

Въ то время во Флоренціи жили два брата Потоцкіе—Иосифъ и Германъ, съ которыми я былъ знакомъ еще въ Украинѣ, Владиміръ Потоцкій и генераль Стрижевскій съ супругою; генераль отдыхалъ на лаврахъ отъ прежнихъ боевыхъ подвиговъ, а генеральша кичилась своимъ происхожденіемъ—она была рожденная Потоцкая—извѣстностью своего брата-дипломата, который былъ русскимъ посланникомъ въ Швеціи, и славой своего доблестнаго мужа. Во Флоренціи жили, кромѣ того, сестра Понятовскихъ, маркграфиня Ріази съ своей дочерью, княгиней Валевской, обѣ польки по фамиліи, а быть можетъ и по чувствамъ, но не по ихъ привычкамъ и образу жизни. Всѣ эти лица составляли такъ-называемую польскую колонію. Къ этому кружку принадлежали: посоль Дунскій, графъ Мольтке, женатый на Разумовской, внучкѣ послѣдняго гетмана украинскаго, которая скорѣе могла назваться полькой, нежели вся родня Понятовскихъ, вмѣстѣ взятая; французскій посланникъ Талейранъ, семейство шотландца Макдональда, генераль, тосканскій графъ La Rochefoucauld, женатый на княжнѣ Чарторыйской, дочери князя Константина, и, наконецъ, г-жа Ревицкая, рожденная Шумлянская, супруга австрійскаго посланника, венгерца.

Вся эта компанія веселилась съ утра до ночи въ очаровательной Флоренціи, но никого изъ нихъ нельзя было никакими силами втянуть въ серьезный разговоръ и заинтересовать политикой. Оттонъ Хорватъ былъ чрезвычайно радъ, что ему удалось, наконецъ, испытать прославленное *dolce far niente*, которое царствовало во Флоренціи безраздѣльно. Я испугался за самого себя, боясь какъ бы и меня не втянула эта соблазнительная жизнь, и послѣдшилъ уѣхать изъ Флоренціи, наплавъ князю Адаму: «тутъ нечего дѣлать!»

Я отправился въ *Valia di Luka*, гдѣ тотчасъ по приѣздѣ встрѣтился съ двумя Разумовскими, братьями графини Мольтке, отставными гусарскими офицерами венгерскаго войска; оба они были энергичны, молодцоваты и интересовались политикой. Они опоздали подать въ отставку и поэтому не могли принять участія въ повстаніи 1831 года.

Они горѣли желаніемъ послужить Польшѣ, но могли ей быть полезны только своимъ оружіемъ, ибо ни денегъ, ни особенныхъ талантовъ у нихъ не было, а была только горячая венгерская кровь да молодая удаля. Я далъ имъ рекомендательныя письма къ Александру Панчѣ, но къ сожалѣнію ни одинъ изъ нихъ не доѣхалъ до Парижа: старшаго похитила по пути какая-то неаполитанская принцесса, а младшій увезъ пѣвицу, жену директора какой-то странствующей труппы, пропалъ съ нею безъ вѣсти, и я болѣе о нихъ не слыхалъ.

Прибывъ въ Геную, я засталъ тамъ сенатора и бывшаго министра Соболевскаго и его двухъ сыновей, изъ коихъ старшій былъ первымъ секретаремъ русскаго посольства въ Лондонѣ, вышелъ въ отставку въ 1831 году и предложилъ свои услуги польскому революціонному ржонду, но не былъ принятъ имъ потому, что онъ служилъ въ русскомъ дипломатическомъ корпусѣ; другой братъ былъ флигель-адъютантомъ императора Николая I, и во время повстанія служилъ въ пятомъ полку польскихъ конныхъ егерей.

Отъ Юсифа Соболевскаго я узналъ, что въ 1831 году наши (польскіе) дипломаты въ Парижѣ, Лондонѣ и Брюсселѣ до того боялись скомпрометировать себя, какъ-будто они находились въ Петербургѣ или въ Москвѣ; они не имѣли мужества бывать у министровъ, къ которымъ ихъ приглашали; генераль Княжевичъ и графъ Людвигъ Платеръ устраивали всѣ польскія дѣла черезъ Леонарда Ходскаго, который доставлялъ отъ нихъ бумаги Лафайету, а Лафайетъ передавалъ ихъ, черезъ своихъ родныхъ и друзей, министрамъ; фельдмаршалъ Себастіани никакъ не могъ найти случая переговорить съ обоими послами, которые успѣли уѣхать изъ Парижа, полагая, что имъ хотятъ устроить какую-нибудь ловушку, чтобы скомпрометировать ихъ въ глазахъ русскаго посольства; они же рассказывали, что Романъ Залускій, бывший представителемъ повстанцевъ въ Брюсселѣ, встрѣтилъ однажды, на улицѣ, короля Леопольда. Король пріостановился и сталъ спрашивать Залусскаго о томъ, что дѣлается въ Польшѣ; посолъ считалъ себя послѣ этого погибшимъ и твердилъ:

— Я погибъ, объ этомъ узнаютъ въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, Берлинѣ; одинъ Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ.

Когда Соболевскій, бывший въ это время въ Брюсселѣ, убѣждалъ не бояться, онъ отвѣчалъ:

— Да что вы думаете, скажутъ пожалуй, что я наускиваю Бельгію къ войнѣ противъ Россіи.

— Такъ, какая же у васъ цѣль, для чего же вы пріѣхали сюда?—спросилъ Соболевскій.

— Чтобы не быть въ Варшавѣ,—не колеблясь отвѣчалъ Залусскій.

Одинъ только Валевскій исполнялъ въ Лондонѣ обязанности посла добросовѣстно, какъ слѣдуетъ; онъ одинъ писалъ: «На Англію нечего рассчитывать до тѣхъ поръ, пока мы не одержимъ рѣшительной побѣды».

Всѣ прочіе писали: «народъ за насъ и правительство втайнѣ намъ сочувствуетъ; надобно быть весьма осторожнымъ, чтобы не скомпрометировать себя». Передъ кѣмъ? Для чего же они брали на себя подобныя порученія, если боялись говорить о дѣлѣ, коего они были представителями. Войско сражалось, край платилъ подати ржонду, палата объявила императора низложеннымъ съ престола, а дипломаты хотѣли тайно вести заговоръ о дѣлѣ, которое совершалось явно, на глазахъ у всего свѣта; они боялись, что скажутъ въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, а не боялись того, что будетъ съ Варшавой и съ польской справой. Несчастные польскіе дипломаты либо составляли заговоръ, либо занимались шпионствомъ; но боялись, какъ огня, вести открыто честные дипломатическіе переговоры. Какъ это ни прискорбно, но это такъ было, есть и вѣроятно будетъ и впредь.

По дорогѣ въ Туринъ, я не разъ бесѣдовалъ съ Іосифомъ Соболевскимъ о русской дипломатіи. Никто изъ русскихъ не умѣлъ такъ ясно и отчетливо представить всѣ нужды славянства, какъ поляки, когда они состояли на службѣ русскаго дипломатическаго корпуса. Удивительно, что, состоя на русской службѣ, они дѣйствовали умно, тактично и вполне понимали требованія политики въ настоящемъ и въ будущемъ, но предоставленные самимъ себѣ, служа полякамъ и Польшѣ, они становились не только противниками, но даже врагами славянства; точно злой духъ лишалъ ихъ разума; поэтому они не могли быть полезны своей родинѣ, ибо Польша, хотя бы она была страной архикатолическою или даже іезуитскою, не можетъ существовать внѣ славянства.

Іосифъ Соболевскій рассказывалъ мнѣ, что князь Адамъ Чарторыйскій, въ бытность министромъ Александра I, первый воспользовался связью, существовавшей между Россіей и Черногоріей и основанной на общности исповѣдуемой ими православной вѣры, чтобы создать проектъ сближенія этихъ двухъ славянскихъ народовъ; онъ же первый внушилъ сербамъ, своими депешами, мысль стать во главѣ южныхъ славянъ.

Минуя Ниццу и Тулонъ, я проѣхалъ изъ Турина прямо въ Парижъ, гдѣ изъ дипломата превратился снова въ бумагомарателя и сталъ по прежнему писать въ газеты и журналы статьи и повѣсти. Я издалъ въ двухъ томахъ, написанную мною въ Римѣ, повѣсть «Owguiszenie» и написалъ новую повѣсть «Аппа», которая была издана въ Познани.

Я вступилъ также въ исполненіе моихъ прежнихъ политическихъ

обязанностей при князѣ Адамѣ и возобновилъ всѣ свои общественныя и политическія сношенія, словомъ—все вошло въ прежнюю колею. Я былъ такъ сердечно и радушно принятъ княземъ Адамомъ и его семьею, за исключеніемъ Владислава Замойскаго, что этотъ приемъ былъ для меня большою наградою; я былъ такъ веселъ и доволенъ что былъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ, чтобы сдѣлать пріятное моему начальнику и его достойной семьѣ; я любилъ ихъ больше самого себя, болѣе всего на свѣтѣ, точно такъ, какъ я любилъ Польшу.

Всѣ тѣ, кого я встрѣчалъ на вечерахъ у Гизо, Тьера и въ другихъ домахъ, поздравляли меня съ удачнымъ исполненіемъ возложеннаго на меня порученія; вообще, всѣ французы были со мною любезны и выражали удовольствіе по поводу моего успѣшнаго служенія Польшѣ. Иначе относились ко мнѣ поляки, кромѣ пожилаго капитана Тржецяка, Яна Омецинскаго и Александра Панчи, которые смотрѣли на меня, какъ на роднаго и не выказывали мнѣ явно нерасположенія и зависти, хотя по ихъ глазамъ было замѣтно, что и они до извѣстной степени недовольны и невольно сожальютъ, почему все это выпало на мою, а не на ихъ долю. У меня образовались политическіе противники и враги, которыхъ я и въ глаза не видалъ.

У меня родился сынъ, которому при святомъ крещеніи дано имя Михаилъ; восприемниками его были князь Адамъ Чарторыйскій и г-жа К. Чарновская, рожденная Голѣвская; и такъ Господь послалъ мнѣ наслѣдника, который могъ замѣнить меня современемъ, когда я буду не въ силахъ служить Польшѣ. Я отъ души благодарилъ Бога, прося Его, чтобы сынъ мой служилъ родинѣ такъ же искренно и безкорыстно, какъ я, но былъ бы счастливѣе меня въ своихъ отношеніяхъ къ полякамъ; и нынѣ молю Бога о томъ, чтобы сынъ мой съ честью носилъ имя Чайковскихъ, черная силу и мужество въ словахъ, украшающихъ нашъ гербъ Ястржембовъ: «Bog i ja ze mnę».

XXIX.

Политика польскихъ эмигрантовъ, начавшихъ дѣйствовать болѣе или менѣе за-одно съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ.—Пріѣздъ въ Парижъ семейства гр. Гудовича —Полковникъ Грековъ.—Товариизмъ —Г-жа Чарковская при дворѣ Людовика-Филиппа.—Появленіе Черногорскаго князя Святотопка Вазовича.—Его сношенія съ маршаломъ Сультомъ —Его переговоры съ Владиславомъ Замоискимъ.—Я получаю приказаніе отправиться въ Италію и въ Римъ.

Непосредственныя сношенія князя Адама съ папою придали новое обаяніе его личности и власти; многіе изъ эмигрантовъ стали мало-по-

малу собираться подъ его знамя и готовы были подчиниться вліянію Владислава Замойскаго. Я доказывалъ князю Адаму необходимость не останавливаться на этомъ, и не удовлетворяться успѣхомъ моей миссиіи въ Римѣ, а начать ту же политику на Востокъ, гдѣ съ нами были не прочь завязать сношенія, а подъ-часъ даже и слушались насъ. Владиславъ Замойскій возражалъ на это, что генералъ Хржановскій былъ въ сношеніи съ нѣкоторыми изъ самыхъ дѣльныхъ офицеровъ въ Царьградѣ, но ему ничего не удалось достигнуть. Я замѣтилъ, что ген. Хржановскій не былъ въ Турціи въ качествѣ поляка, подъ своей собственной фамиліей, а подъ фамиліей генерала Кингъ, состоящаго на англійской службѣ, и что всѣ офицеры, съ нимъ бывшіе, назывались: Шпрингъ, Штрикъ, Брингъ, а не своими собственными фамиліями: Ковальскій, Заблоцкій, Бржазовскій; даже почтеннаго Людовика Зжверковскаго прозвали Ленуаромъ, а Верещинскаго—Корчакомъ.—Этотъ маскарадъ или лучше сказать эта комедія не могли быть приняты въ серьезъ, турки о ней не знали, а русскіе смѣялись надо всѣмъ этимъ; наконецъ, ген. Кингъ испортилъ все, что онъ могъ бы сдѣлать въ военномъ смыслѣ.

Мнѣ было какъ нельзя лучше извѣстно все это дѣло. Кингъ или Хржановскій былъ назначенъ фирманомъ султана главнокомандующимъ войсками, которыя должны были встрѣтиться съ египетскими войсками и вступить съ ними въ сраженіе подъ Нежибомъ. Русское посольство, еще до отъѣзда Кинга изъ Стамбула, протестовало противъ этого назначенія, но лордъ Понсомби настоялъ на томъ, чтобы Кингъ выѣхалъ изъ Константинополя какъ можно скорѣе, принялъ бы начальство надъ войсками и далъ сраженіе прежде, нежели будетъ объявлено объ отъѣздѣ фирмана, чего можно было ожидать въ силу договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Турціей. Кингъ со своимъ штабомъ ѣхалъ не спѣша, такъ сказать черепашьимъ шагомъ, и не успѣлъ доѣхать до Нежиба, какъ былъ полученъ приказъ объ его отозваніи. Гафизъ-паша принялъ тогда командованіе надъ отрядомъ черкесъ и расположился по плану, выработанному маіоромъ Мольтке (впоследствии графъ и фельдмаршалъ). Египетское войско, подъ командою Ибрагима-паши и француза Солимана-паши появилось совсѣмъ не съ той стороны откуда его ожидали. Турецкое войско не могло перемѣнить фронтъ, не будучи этому обучено; Гафизъ-паша моллся, бросалъ въ непріятели, по турецкому обычаю, пескомъ, а затѣмъ повелъ въ бой полкъ татарской кавалеріи, который отгнѣялъ египетскую кавалерію и тѣмъ спасъ турецкое войско отъ окончательнаго пораженія. Этотъ полкъ состоялъ изъ татаръ Добруджи; имъ командовалъ полковникъ Мурадъ-бей, татаринъ, бывший унтеръ-офицеръ русскаго войска; помощникомъ его былъ татаринъ Липка, въ 1831 г. быв-

шій унтеръ-офицеромъ Августовскаго отряда повстанцевъ, причисленнаго къ Волынской кавалеріи, и который находился въ моемъ взводѣ; его звали Мустафа-бей, а по-польски—Юліанъ Яжинскій. Кингъ прибылъ въ Стамбуль одновременно съ потерпѣвшимъ пораженіе турецкимъ войскомъ и беспрепятственно уѣхалъ во Францію, взявъ со собою свой штабъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ въ Турціи о польскихъ дѣлахъ, ибо отказался даже отъ своей польской фамиліи; въ Константинополь остались Корчакъ и Ленуаръ, первый выдавалъ себя за торговца выдѣланными кожами изъ Далмаціи, а второй назвался французомъ, учителемъ плаванья и фехтованія.

Надобно было преобразовать наше агенство на Востокъ; въ то время къ этому представился удобный случай, такъ какъ изъ Парижа отправлялись въ Бухарестъ черезъ Константинополь два знатныхъ валаха: Кампиніано и Кантакузинъ. Мы были въ очень близкихъ отношеніяхъ съ этими лицами и хотадаивствовали за нихъ у Тъера, который обѣщаль имъ создать изъ Журжева вторую Анкону, занявъ этотъ пунктъ французскимъ войскомъ.

Князь Адамъ хотѣлъ послать меня на Востокъ, но Владиславъ Замоискій былъ противъ этого, говоря что я долженъ ѣхать въ Римъ и продолжать столь счастливо начатую мною миссію; онъ предлагалъ послать въ Валахію Яна Воронича, оставивъ въ Стамбулѣ Корчака и Ленуара и снабдивъ ихъ новыми инструкціями. Вороничъ уѣхалъ въ Валахію вмѣстѣ съ Кампиніано и Кантакузинымъ, не моремъ черезъ Константинополь, а сухимъ путемъ черезъ Вѣну и Галицію.—Этотъ путь казался удобнѣе въ томъ отношеніи, что при этомъ имъ могъ представиться случай войти въ сношеніе съ галичанами и дѣйствовать съ ними сообща въ Румыніи и на Дунаѣ.

Я остался на нѣкоторое время въ Парижѣ и дождался тамъ пріѣзда моихъ добрыхъ знакомыхъ: графа Гудовича, сына фельдмаршала, и его жены, рожденной Загѣской. Я познакомилъ ихъ съ семействомъ кн. Чарторыйскаго и, встрѣтивъ у нихъ стараго полковника донскихъ казаковъ, Грекова, представилъ его кн. Адаму. Грековъ былъ товарищемъ по службѣ славнаго атамана Платова, и пріѣхалъ на побывку въ Парижъ, въ который онъ вступилъ въ 1814 г. со своимъ полкомъ, въ авангардѣ союзныхъ войскъ, вмѣстѣ съ эскадрономъ уланъ, подъ командою кн. Евстафія Сапѣги.—Мы познакомились и отъ воспоминаній о давно минувшихъ событіяхъ, перешли къ разговору о политикѣ.

Во время моего пребыванія въ Римѣ, въ Парижѣ началъ свою проповѣдь Товянскій; каюсь въ своемъ невѣжествѣ и долженъ сознаться, что мнѣ неизвѣстна ни біографія г. Товянскаго, ни самая сущность и цѣль проповѣдуемыхъ имъ доктринъ. Французская пословица гласитъ,

что въ молодости всякій долженъ перебѣдиться; *) поляки въ политическомъ смыслѣ еще не зрѣлы, поэтому они должны пошумѣть, пока не войдутъ въ разумъ, чего отъ души имъ надобно пожелать.

Два года передъ тѣмъ эмигрировалъ изъ Польша молодой Фальковский, человекъ весьма образованный, прекрасно воспитанный и горячій патриотъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ весь раскраснѣвшись, съ блестящими глазами, съ вдохновеннымъ видомъ; сталъ по срединѣ комнаты и жестикулируя произнесъ рѣчь, которую я привожу здѣсь, насколько мнѣ удалось ее запомнить:

— Часъ насталъ! Между нами появился златоустъ съ вѣщей рѣчью; онъ съѣтъ брильянты, рубины и изумруды для украшенія ими нашей души и сердца. Онъ уже разбудилъ въ насъ сознаніе; каждый изъ насъ знаетъ теперь чѣмъ онъ былъ и читаетъ въ своемъ прошломъ какъ въ настоящемъ. Учитель далъ каждому средство разобратся въ прошломъ и предугадать свое будущее. Ты—породистый жеребецъ Украйны, кликни кличъ и понесись во весь опоръ со всѣмъ нашимъ табуномъ, чтобы преклонить гордое чело передъ вѣщимъ учителемъ; онъ вдохнетъ въ тебя духъ познанія, духъ правды, ты станешь избраннымъ жеребцомъ Украинскаго табуна и поведешь его такъ далеко, такъ высоко, какъ никому и во снѣ не снилось. Заржи, жеребецъ, несись во весь духъ! Учитель ждетъ, вѣщунъ ждетъ, ибо часъ уже насталъ!

И онъ упалъ на диванъ въ изнеможеніи; мы едва привели его въ чувство. Я ничего не понялъ изъ всего, что онъ мнѣ говорилъ объ ученіи Товянскаго и объ его цѣляхъ; по всей вѣроятности онъ и самъ не особенно понималъ ихъ. Изъ всѣхъ его словъ я могъ заключить одно, что принять это ученіе значило бы отречься отъ дѣятельнаго служенія отечеству, обречь себя на праздность и внести въ душу и убѣжденія какой то невѣроятный хаосъ. Меня чрезвычайно удивляло, что такіе люди какъ Адамъ Мицкевичъ, Карлъ Ружицкій, Николай Каменскій и другіе подобные имъ столпы польской sprawy, дали одурачить себя этому человекъ, были имъ одурманены словно гашишемъ, хвастались этимъ и сдѣлались посмѣшищемъ всего польскаго народа, который ранѣе привыкъ ихъ любить и уважать. А надобно сознаться, что въ этомъ ученіи было много смѣшнаго: Фальковский рассказывалъ, что, вступая въ это общество, преклонивъ колѣна передъ учителемъ и поцѣловавъ его ноги, каждый изъ нихъ тотчасъ чувствовалъ особое вдохновеніе и начиналъ сознавать, чѣмъ онъ былъ до своего появленія на свѣтъ въ человѣческомъ образѣ; Карлъ Ружицкій почувствовалъ напр., что онъ былъ индюкомъ, Николай Каменскій—коровою, Северинъ Пильховскій,—морковью, Людвигъ Набѣльскій—пастернакомъ,

*) Il faut que jeunesse se passe.

а самъ Фальковскій—соловьемъ, распѣвавшимъ въ Овручской пущѣ. Въ этомъ разсказѣ было такъ много смѣшнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени прискорбнаго и омерзительнаго, что здравомыслящему человѣку становилось жалко и обидно за этихъ доблестныхъ мужей польской sprawy.

Вторымъ событiемъ, ознаменовавшимъ этотъ годъ было представленiе королевѣ Амалiи трехъ польскихъ дамъ: пани Мѣцельской изъ Познани, пани Берховской изъ Литвы и пани Чарковской изъ Галицiи. Двѣ первыя были знатныя дамы, воспитанныя въ традицiяхъ придворнаго этикета, до мельчайшихъ подробностей изучившия книгу, въ которой были описаны правила этого этикета: какъ войти, какъ сѣсть, улыбнуться; однимъ словомъ, онѣ такъ же хорошо знали регламентъ придворнаго этикета, какъ генераль Шнейде зналъ воинскiй уставъ при цесаревичѣ Константиинѣ Павловичѣ.

Пани Чарковской всѣ эти правила были неизвѣстны; она оставалась въ Парижѣ такой же, какой она была въ Галицiи: ловкой, разговорчивой и любезной, какъ всѣ обитательницы этой благословенной страны. Наканунѣ представленiя на вечерѣ у княгини Анны Чарторыйской она спрашивала меня, что ей сказать королевѣ? Я отвѣчалъ:

— Если королева спроситъ о вашей семейной жизни, о хозяйствѣ, расскажите ей о хохлатыхъ курочкахъ, индюшкахъ, уткахъ, увидите, что это будетъ лучше всего.

Она посмѣялась надъ моимъ совѣтомъ, но вышло такъ, какъ я совѣтовалъ и предугадалъ. Г-жи Мѣцельская и Берховская, которыя и прежде представлялись высочайшимъ особамъ, первая — королевѣ прусской, а вторая—русской императрицѣ, держали себя во время представленiя по всѣмъ правиламъ этикета и, какъ хорошо вымуштрованные гвардейскiе солдаты, отвѣчали на всѣ вопросы королевы утонченно и изысканно, не позволяя себѣ сказать ничего лишняго, а пани Чарковская, при первой же возможности выложила всѣ свои свѣдѣнiя по хозяйственной части, не забывъ ни хохлатыхъ курочекъ, ни пестрыхъ индюшекъ и т. п. Королева была заинтересована ея разговоромъ, предлагала ей вопросъ за вопросомъ и на все получала подробный отвѣтъ; даже самъ король Луи-Филиппъ вмѣшался въ бесѣду и, сравнивъ уходъ съ цесарками въ Польшѣ и во Францiи, выказалъ себя весьма свѣдущимъ въ этого рода хозяйствѣ. Разговоръ молодой женщины видимо произвелъ на королевскую семью самое выгодное, прiятное впечатлѣнiе. На слѣдующiй день двѣ первыя дамы въ моемъ присутствiи разсказывали княгинѣ Аннѣ Чарторыйской объ этомъ ужасномъ, неслыханномъ происшествiи, которое навсегда погубитъ во мнѣнiи королевской семьи репутацiю и доброе имя полекъ. Я посмѣялся, сказавъ:

— Увидите, что этого не случится. Пани Чарковская сдѣлаетъ честь полькамъ, такъ какъ она душою истинная полька.

Нѣсколько дней спустя г-жа Чарковская была приглашена на обѣдъ къ королевѣ, и съ тѣхъ поръ постоянно бывала при дворѣ. Побѣда осталась за галичанкой, ибо галичанки, гдѣ бы онѣ ни были: въ Парижѣ, Лондонѣ и даже въ Вѣнѣ и Римѣ, всегда остаются польками и держатъ себя непринужденно, какъ въ Польшѣ.

По возвращеніи изъ Рима я имѣлъ неоднократно продолжительныя бесѣды съ Гизо не о Римѣ, не о папѣ и не объ епископѣ Гутковскомъ, а о славянахъ, румынахъ и о Востокѣ. Поводомъ къ этимъ бесѣдамъ послужило мое знакомство съ славянской молодежью, проживавшей въ Парижѣ, и мое стараніе втянуть ее къ участию въ политическихъ обществахъ.

Гизо разспрашивалъ все до мельчайшихъ подробностей, слушалъ внимательно, стараясь во все вникнуть, не подавалъ никакихъ надеждъ, напротивъ, выставлялъ разныя трудности, которыя надобно было выяснить, но по его глазамъ и по выраженію лица было видно, что онъ хочетъ понять смыслъ этой политики и что можно будетъ рассчитывать на его поддержку.

Терь также разспрашивалъ о нашихъ планахъ, но лишь только ему начинали объяснять ихъ, онъ прерывалъ говорившаго, заявляя, что все это ему извѣстно; онъ поощрялъ насъ къ дальнѣйшей пропагандѣ, обѣщалъ исполнить все то, чего мы желали, но можно было сказать навѣрно, что на его поддержку рассчитывать нельзя.

Въ это время въ Парижѣ появился черногорецъ, князь Вазовичъ, называвшій себя главою рода Вазовичей, имѣющаго пребываніе въ пограничныхъ съ Черногорією горахъ. Этотъ князь воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, служилъ затѣмъ въ гвардіи, дослужился до чина полковника, женился въ Кіевѣ на дѣвицѣ Киселевской и былъ командированъ на Кавказъ для производства топографическихъ работъ. Увлечшись выгодными предложеніями, которыя были сдѣланы ему Англіей, онъ оставилъ русскую службу и отправился въ Константинополь, гдѣ получилъ мѣсто преподавателя въ инженерномъ училищѣ, но занималъ его недолго, будучи уволенъ по требованію русскаго посольства. Тогда онъ былъ посланъ лордомъ Понсоби въ качествѣ англійскаго вице-консула въ Новый-Базаръ, на границу Черногоріи. Въ этомъ городѣ онъ имѣлъ столкновеніе съ мѣстными жителями и, защищая свою жизнь, убилъ двухъ мусульманъ; ему пришлось скрыться изъ Нового Базара; онъ бѣжалъ въ Сербію, въ Бѣлградъ, чтобы избѣжать мести родственниковъ убитыхъ. Въ Бѣлградѣ князь Милошъ оказалъ ему покровительство, и онъ поселился тамъ со всею своею роднею, но

не найдя въ Сербіи никакого занятія, отправился въ Лондонъ, откуда прѣхалъ въ Парижъ.

Маршалъ Сультъ поручилъ князю Вазовичу провѣрить карты Россійскихъ владѣній, которыя находились во французскомъ штабѣ. Онъ исполнилъ порученную ему работу искусно и добросовѣстно, былъ щедро вознагражденъ, и маршалъ, познакомившись съ нимъ ближе, рекомендовалъ его князю Адаму и Владиславу Замойскому. Князь Вазовичъ былъ дѣльный и способный штабный офицеръ и былъ прекрасно знакомъ съ положеніемъ, нравами и обычаями южныхъ славянъ, о коихъ французы и поляки не имѣли никакого понятія; онъ говорилъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но крѣпко держался своей національности, и это ему ставили въ заслугу. Владиславъ Замойскій задумалъ обратить князя Вазовича въ католичество и достигнуть черезъ него присоединенія всѣхъ южныхъ славянъ къ католической церкви. Князь Вазовичъ на все согласился, ибо ему казалось, что когда у него будетъ въ рукахъ много денегъ, то ему будетъ легко подчинить своей власти всѣхъ южныхъ славянъ. Одушевленные каждый своими собственными надеждами, Замойскій и князь Вазовичъ начали переговоры, съ цѣлью выработать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Князь Вазовичъ, при его способностяхъ и знакомствѣ съ нравами и обычаями южныхъ славянъ, могъ быть весьма полезенъ нашему дѣлу и всему славянству въ качествѣ агента князя Адама Чарторыйскаго, но въ роли властителя, даннаго южнымъ славянамъ княземъ Адамомъ и поляками, безъ малѣйшаго на то съ его стороны наслѣдственнаго или Богомъ даннаго права, онъ долженъ былъ, разумѣется, потерпѣть полнѣйшее фіаско. Карлъ Сенкевичъ говорилъ мнѣ по этому поводу: преслѣдуя нелѣпую мысль возвести на Черногорскій престолъ этого славянскаго короля, Замойскій хочетъ поднять на смѣхъ фактъ признанія нами королемъ польскимъ князя Адама, иначе никакъ нельзя объяснить себѣ его поступковъ, совершенно несогласныхъ съ его характеромъ и съ его политическими убѣжденіями.

Для князя Вазовича былъ сформированъ личный штабъ. Директоромъ его канцеляріи былъ назначенъ Болеславъ Велогловскій, адъютантомъ—Сабатинъ, начальникомъ кавалеріи—капитанъ Пужицкій, командиромъ пѣхоты—капитанъ Познякъ, командующимъ артиллеріею—Корженевскій; маіору Заблоцкому было написано, чтобы онъ прѣхалъ занять мѣсто начальника штаба; въ случаѣ надобности, по словамъ Замойскаго, съ княземъ Вазовичемъ готовъ былъ ѣхать самъ генералъ Хржановскій.

Маршалъ Сультъ, которому князь Вазовичъ очень нравился, далъ ему 30 тысячъ франковъ для начала его карьеры въ роли властителя Черногоріи; безъ сомнѣнія, король Луи-Филиппъ объ этомъ зналъ, и

эта поддержка, вѣроятно, была оказана Вазовичу съ его вѣдома и разрѣшенія.

Нанявъ прекрасную квартиру, князь жилъ открыто, приглашалъ хорошенькихъ французенокъ въ статсъ-дамы своей жены, будущей королевы, въ домоправительницы и учительницы къ своимъ дѣтямъ. Королевскій дворъ таскали по французскимъ салонамъ, гдѣ на этого черногорца смотрѣли какъ на какое-то чудовище, сравнивая его съ предводителемъ индѣйцевъ въ Америкѣ. Судя по тому, что о нихъ писали, между ними дѣйствительно существовало сходство: индѣйцы скальпировали убитыхъ враговъ и хранили ихъ волосы, какъ военные трофеи, черногорцы сдирали съ живыхъ враговъ кожу, которая также служила имъ военнымъ трофеемъ. Французы удивлялись знаніямъ, прекрасному произношенію и суровой, воинственной фигурѣ князя; онъ держалъ себя безупречно и былъ принятъ въ лучшихъ домахъ.

Однажды я рѣшился откровенно высказать Владиславу Замойскому, что все это походитъ на какой-то смѣшной фарсъ и, въ-концѣ-концовъ, можетъ повредить политикѣ князя Адама. Первый разъ подмѣтилъ я тогда выраженіе неудовольствія на лицѣ Замойскаго; онъ отвѣчалъ мнѣ язвительно:

— Такъ какъ вы въ этомъ фарсѣ не участвуете, то васъ никто и не подыметъ на смѣхъ.

Мы разстались довольно холодно. На другой день я былъ приглашенъ къ князю Адаму и получилъ приказаніе вновь отправиться въ Римъ, заѣхавъ по пути во Флоренцію для свиданія и переговоровъ съ живущими тамъ поляками. Замойскій, присутствовавшій при моемъ свиданіи съ княземъ Адамомъ, былъ со мною чрезвычайно любезенъ и сказалъ, пожимая мнѣ руку:

— Мы разошлись съ вами вчера во взглядахъ, но, можетъ быть, мы скоро поймемъ другъ друга, да это и необходимо, иначе это можетъ повредить нашему общему дѣлу.

XXX.

Вторичная поѣздка въ Италію и въ Римъ.—Проектъ Замойскаго объ экспедиціи въ Черногорію.—Флоренція.—Отъѣздъ въ Германію.—Встрѣча съ барономъ Толемъ.—Мантуа.—Фельдмаршалъ Радецкій.—Медіоланъ.—Австрійская полиція.—Генералъ Гулабъ.—Венгерскіе гусары.—Кіавенна.—Поѣздка въ Аугсбургъ.—Тамошніе нѣмки и нѣмцы.—Свиданіе съ генераломъ Каменскимъ.

Вторичная посылка въ Римъ придавала мнѣ большое значеніе; мнѣ было дозволено выбрать и взять съ собою адъютанта. Мы выѣхали съ

Владиславомъ Замоискимъ изъ Парижа въ одинъ и тотъ же день: онъ поѣхалъ въ Лондонъ, а я направился въ Марсель. Какъ я узналъ впоследствии, Замоискій поѣхалъ въ Лондонъ къ своему богатому пріятелю de-Beaumont съ цѣлью заинтересовать его въ затѣянномъ имъ дѣлѣ и заручиться его помощью и содѣйствіемъ. Дѣйствительно, пріятель обѣщалъ ему снарядить трехмачтовое судно, которое должно было отвезти Вазовича и его штатъ изъ Марсели, или иного порта въ Антивари. Въ этой экспедиціи должны были принять участіе до тысячи поляковъ и ирландцевъ, которые, дѣйствуя подъ командою генерала Хржановскаго, должны были возвести въ Цетиньи на престолъ князя Святополка Вазовича. Деньги на эту экспедицію должна была доставить частью богатая пани Кутсъ, частью папа, такъ какъ этотъ крестовый походъ предпринимался, въ сущности, съ цѣлью обратить жившихъ въ Турціи славянъ въ римско-католическую вѣру.

Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ моемъ во Флоренцію, я получилъ отъ Владислава Замоискаго длинное, предлинное письмо или, лучше сказать, цѣлую книгу, касающуюся этого дѣла, съ копіей договора, заключеннаго между княземъ Адамомъ и княземъ Вазовичемъ. У меня нѣтъ этого договора подъ рукою, а на память я не могу привести его дословно, но онъ былъ напечатанъ въ «Pszonk'ъ», «Nowa Polska» и въ прочихъ демократическихъ журналахъ, съ цѣлью поднять на смѣхъ королевскую власть князя Адама. Я могъ бы вѣроятно и здѣсь, въ Стамбулѣ, достать этотъ договоръ, но не хочу помѣщать его въ моихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ мнѣ пришлось бы въ такомъ случаѣ посмѣяться надъ самимъ собою, припоминая что этотъ договоръ до того напугалъ и встревожилъ меня въ то время, что я не спалъ три ночи и три дня, ходилъ самъ не свой, думая что договоръ этотъ закроетъ намъ дорогу на востокъ, къ казачеству.

Этотъ политическій пухъ окончился ничѣмъ, но онъ былъ совершенно въ духѣ той политической системы, которой слѣдовалъ Замоискій, который и впоследствии не разъ прибѣгалъ къ подобнымъ же неосуществимымъ проектамъ; я не понимаю, для чего онъ ѣздилъ въ Лондонъ и заботился о всѣхъ нужныхъ запасахъ, ибо судно прибыло въ Марсель уже послѣ отплытія экспедиціи изъ этого порта. Весьма возможно, что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что этотъ политическій пухъ не приведетъ ни къ какимъ благимъ результатамъ, но старался какънибудь замаскировать это и поэтому хотѣлъ всячески доказать, что онъ дѣйствуетъ серьезно и въ надеждѣ на успѣхъ.

Къ письму Замоискаго была приложена записочка князя Адама, который просилъ меня послѣшнить въ Киссингенъ, гдѣ я долженъ былъ съѣздаться съ Замоискимъ и съ de-Beaumont. Я отвѣчалъ на письмо Замоискаго длиннымъ разсужденіемъ, въ которомъ критиковалъ этотъ

договоръ, доказывая что, обязуясь его соблюдать, мы пойдемъ въ разрѣзъ съ требованіями польской политики, каковой должна быть, по моему мнѣнію, политика князя Адама; намъ слѣдуетъ опираться на мусульманскую Турцію, которая одна всегда держала нашу сторону, протестовала противъ раздѣла Польши, объявивъ войну, которая была для нея пагубна, и до сихъ поръ никакимъ актомъ или поступкомъ не подтвердила и не узаконила, со своей стороны, этого раздѣла, что сдѣлали прочія державы. Стараясь сблизиться со славянами, что составляетъ конечную цѣль нашей политики, если мы хотимъ вступить, наконецъ, на истинный путь, мы должны всѣми силами устранить всякое постороннее, иноземное на нихъ вліяніе и должны защищать верховныя права султана, какъ потомка по женской линіи сербскихъ королей, а слѣдовательно законнаго монарха южныхъ славянъ, которые не имѣютъ иныхъ законныхъ представителей верховной власти.

Свой отвѣтъ Замоискому я послалъ незапечатаннымъ въ конвертъ князя Адама, при рапортѣ, коимъ я извѣщалъ его, что, согласно полученному мною приказанію, я выѣзжаю изъ Флоренціи.

Благодаря протекціи г-жи Ревницкой, австрійскія власти визировали паспортъ, выданный мнѣ на мое собственное имя; и самъ Ревницкій далъ мнѣ рекомендательное письмо къ фельдмаршалу Радецкому, находившемуся въ то время въ Мантуѣ; кромѣ того, мнѣ было разрѣшено ѣхать въ австрійскомъ курьерскомъ экипажѣ до самаго Медіолана.

Сядя въ экипажъ, я увидѣлъ въ немъ попутчика, фамилію котораго, въ первый моментъ, мнѣ не удалось узнать. Онъ былъ боленъ, весь закутанъ въ теплую одежду, все время кашлялъ, а иногда даже стоналъ. Разговорившись, я узналъ, что это былъ баронъ Толь, маіоръ русской службы, командовавшій дивизиономъ драгунъ Клинбургскаго полка, съ которымъ мы, бѣльцы, имѣли дѣло близъ рѣки Каменной, напротивъ Солецъ. Онъ рассказалъ мнѣ, что первый услышалъ, когда мы напали на ихъ лагерь, но наши стрѣлки и казаки были уже такъ близко, что онъ не успѣлъ добѣжать до своей лошади, а только успѣлъ скомандовать солдатамъ, какъ былъ раненъ копьемъ и штыкомъ и, упавъ на землю, лишился чувствъ; можетъ быть это и спасло его, такъ какъ онъ былъ оставленъ на мѣстѣ въ числѣ убитыхъ; на другой день его подобрала прибывшая на это мѣсто пѣхота.—Пролежавъ долгое время въ госпиталѣ, онъ былъ посланъ на воды за границу, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ ѣздитъ для леченія съ мѣста на мѣсто и не можетъ поправиться, хотя не умираетъ. Цѣлый часъ бесѣдовали мы съ нимъ о войнѣ 1831 г. По его мнѣнію, повстанію болѣе всего повредилъ диктаторъ Хлошицкий, который съ самаго начала потерялъ напрасно много времени и далъ понять, что поляки сами не знаютъ чего хотятъ; онъ ввелъ ихъ въ такой лабиринтъ, изъ котораго никто не былъ въ состояніи ихъ вывести,

такъ какъ между поляками не нашлось втораго Александра Македонскаго, который однимъ ударомъ могъ бы разрубить этотъ гордіевъ узелъ.

Хотя мы оба ѣхали въ Медіоланъ, но въ Мантуѣ мнѣ пришлось разстаться съ моимъ спутникомъ, ибо мы застали на почтовой станціи адъютанта фельдмаршала Радецкаго, который передалъ мнѣ, что фельдмаршалъ желаетъ меня видѣть, а такъ какъ почта останавливается въ Мантуѣ очень не надолго, то мнѣ придется ѣхать съ слѣдующимъ курьеромъ. Все это было сказано адъютантомъ фельдмаршала, маіоромъ Поповичемъ, самымъ любезнымъ образомъ, но его слова чрезвычайно встревожили не только меня, но и моего спутника. Принявъ адъютанта за нѣмца или за италіанца, такъ какъ онъ говорилъ по-французски, баронъ Толь сказалъ мнѣ по-русски, что онъ пойдетъ къ Радецкому вмѣстѣ со мною и не отстанетъ отъ меня ни на шагъ, такъ какъ въ его присутствіи мнѣ не сдѣлаютъ, быть можетъ, непріятности, но что вообще австрійцамъ довѣрять нельзя. Маіоръ Поповичъ отвѣчалъ намъ по-славянски, что мнѣ бояться нечего, что фельдмаршалъ не полиціймейстеръ, что ежели бы онъ хотѣлъ меня задержать, то поручилъ бы исполнить это жандармамъ, что онъ просто хочетъ видѣть меня и познакомиться съ полякомъ, котораго такъ хорошо отрекомендовалъ ему посланникъ Ревицкій, его старинный другъ и пріятель. Тогда я сердечно простился съ маіоромъ Толемъ, съѣлъ съ веселымъ лицомъ въ экипажъ и мы поѣхали съ адъютантомъ фельдмаршала къ нему во дворецъ. Фельдмаршалъ былъ въ то время человѣкъ престарѣлый, но еще весьма бодрый и живой. Представившись, я передалъ ему письмо посланника Ревицкаго; онъ сказалъ, что Ревицкій еще ранѣе писалъ ему обо мнѣ, поэтому онъ позволилъ себѣ задержать меня, зная что такіа рекомендабельныя письма берутся на всякій случай и что я могъ проѣхать не останавливаясь, а ему хотѣлось со мною познакомиться. Онъ по происхожденію словакъ, точно такъ же какъ Ревицкій, но его фамилія польскаго происхожденія. Когда я сказалъ ему, что я еще въ дѣтствѣ знавалъ подполковника Радецкаго, служившаго въ русскомъ кирасирскомъ полку, то онъ заявилъ, что это родной его племянникъ, нынѣ умершій, и прибавилъ съ улыбкой:

— Хотя мы не богачи по происхожденію, но идемъ по стопамъ польскихъ магнатовъ, которые опредѣляютъ своихъ сыновей, кого на австрійскую, кого на русскую службу, кого въ Пруссію, ибо нельзя знать что можетъ случиться, надобно дѣйствовать осмотрительно.

Заговоривъ затѣмъ о войнѣ 1831 г., онъ увѣрялъ, что мы сражались только для того, чтобы сражаться, а не для того, чтобы побѣдить; что мы понесли пораженіе, котораго намъ никогда не вознаградить, ибо никто не дастъ намъ такого войска, какое мы потеряли, а безъ войска намъ ничего не удастся достигнуть; что повстанцы хороши только на

словахъ, а не на дѣлѣ, и что всякое народное возстаніе будетъ усмирено, ежели оно не имѣетъ поддержки въ регулярномъ и сильномъ войскѣ.

Расчетъ на иноземную помощь былъ, по его мнѣнію, одною изъ величайшихъ ошибокъ со стороны поляковъ; вспоминая о надеждахъ, которыя возлагались на Австрію, онъ усмѣхнулся.

Фельдмаршалъ Радецкій произвелъ на меня весьма выгодное впечатлѣніе; въ немъ не было замѣтно свойственной австрійскимъ генераламъ напыщенности и натянутости.

Въ ту же ночь я выѣхалъ изъ Мантуи въ дальнѣйшій путь. Фельдмаршалъ приказалъ дать мнѣ письмо къ генералъ-лейтенанту Гулаю, командовавшему войскомъ въ Медіоланѣ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, я не успѣлъ еще переодѣться, какъ ко мнѣ явился полицейскій приставъ съ приглашеніемъ пожаловать къ начальнику полиціи. Мы отправились въ полицейскую префектуру, гдѣ меня ввели въ кабинетъ начальника полиціи г. Захера; онъ обратился ко мнѣ по-французски:

— У васъ паспортъ, выданный французскими властями, безъ указанія, къ какой національности вы принадлежите, между тѣмъ у васъ польская фамилія; мы должны выяснить эту тайну.

Я засмѣялся и сказалъ: «Въ этомъ нѣтъ никакой тайны, я полякъ-эмигрантъ; ѣду съ французскимъ паспортomъ подъ своей собственной фамиліей».

Онъ велѣлъ подать себѣ какую то толстую книжку; видно, моей фамиліи въ ней не значилось.

— А можетъ быть вы ѣдете подъ вымышленной хотя и польской фамиліей, эмиссаромъ въ Галицію или въ Италію, ибо вы, господа поляки, и вто умѣете, вамъ мало волновать Польшу, вамъ надобно взбунтовать весь свѣтъ.

Видя, что допросъ окончится не скоро, что мнѣ придется потерять много времени, я сказалъ:

— Вы правы, я ѣду въ качествѣ эмиссара, чтобы взбунтовать баварцевъ противъ ихъ короля, но вмѣстѣ съ тѣмъ паспортъ мой визированъ посланникомъ Ревіцкимъ, и я имѣю рекомендательное письмо отъ фельдмаршала Радецкаго, которое я прошу васъ прочесть, и я показалъ ему письмо, адресованное на имя генерала Гулая. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ мнѣ отвѣтить, вошелъ адъютантъ генерала Гулая, гусарскій поручикъ Борнемизъ, которому велѣно было провести меня къ генералу.

Гулай, родомъ венгерець, былъ въ сущности нѣмецкій аристократъ, корчившій изъ себя венгерскаго гусара; напыщенный и надменный, онъ не отличался той славянской обходительностью и радушіемъ, которыя были отличительною чертою фельдмаршала Радецкаго.

Онъ сдѣлалъ выговоръ капитану Мартиничкову, ѣхавшему со мною

изъ Мантуи въ Миланъ, за то, что онъ не привезъ меня прямо къ нему, такъ какъ это избавило бы меня отъ непріятности, въ которой нельзя винить начальника полиціи, ибо онъ только исполнилъ свою обязанность; затѣмъ генераль предложилъ мнѣ гостепрѣимство у себя или у своего адъютанта, чтобы не подвергаться надзору полиціи и избѣгнуть встрѣчь съ подозрительными личностями, коими изобилуетъ Медіоланъ и вообще вся Италія. Я принялъ его предложеніе съ величайшей благодарностью, да и не могъ отказаться отъ него, такъ какъ по всему было ясно, что генераль этого желаетъ.—Быть можетъ онъ подозрѣвалъ, что я заведу какія либо сношенія съ мѣстными карбонаріями, тѣмъ болѣе, что онъ спросилъ меня, знаю ли я княгиню Бельгіозо; я отвѣчалъ, что встрѣчался съ нею часто у князей Чарторыйскихъ. Хотя остановка въ домѣ генерала была для меня своего рода надзоромъ, но она имѣла то преимущество, что, уѣзжая отъ него, я могъ безпрепятственно переѣхать черезъ границу. Я хотѣлъ выѣхать на слѣдующій день, но меня задержали два дня гусары, якобы съ цѣлью показать мнѣ мѣстныя достопримѣчательности, но надо признаться, что я ничего не видалъ за эти два дня, кромѣ верховыхъ и упряжныхъ лошадей генерала Гулаая, да разнаго сорта винъ, бильярдовъ, актеровъ, и пѣвиць. Братанки венгерцы пили рюмку за рюмкой, а у генерала Гулаая только и было разговора о лошадяхъ, о винѣ и пѣвицахъ; онъ ни словомъ не обмолвился о полякахъ.

Всѣ офицеры, съ которыми я проводилъ время, были венгерцы, и я видѣлъ ясно, что они отъ излишняго радушія не отпускали меня ни на шагъ и не дали мнѣ ни слова сказать ни съ однимъ италіанцемъ; это болѣе смѣшило нежели сердило меня. Мало того, поручикъ Борнемизъ объявилъ, что онъ проводитъ меня до Кіавенны, гдѣ ему нужно повидаться съ однимъ родственникомъ, живущимъ на берегу озера Комо. Я былъ очень доволенъ имѣть спутника и радовался, что мнѣ удалось наконецъ выбраться изъ этого радушнаго уголка венгерскихъ гусаръ.

Пріѣхавъ въ Кіавенну, братанокъ-венгерець хорошо закусылъ и тотчасъ, съ обратной почтой, поѣхалъ назадъ въ Медіоланъ, не заѣжая ни къ какому пріятелю, жившему на берегахъ озера Комо; тогда я понялъ, что мнѣ дали его въ спутники изъ боязни, что бы я не началъ, по порученію княгини Бельгіозо среди ломбардцевъ какую нибудь пропаганду въ духѣ карбонаріевъ.

Въ Констанцѣ я только переночевалъ, на слѣдующій день уѣхалъ на пароходѣ въ Линдау, и далѣе въ Мюнхенъ.

Въ Мюнхенѣ жилъ генераль Каменскій, тотъ самый, который отступилъ въ 1831 г. изъ подъ Піоркова (Piogrow) съ четырнадцатью эскадронами кавалеріи по новому способу, вразсыпную, такъ что войско разогнало въ своемъ бѣгствѣ всѣхъ зайцевъ на поляхъ между Піорко-

вомъ и Краковомъ, хотя оно и не охотилось на нихъ, а только убъ-гало, что есть мочи, передъ русской кавалеріей, между тѣмъ какъ гене-раль съ начальникомъ штаба несся впереди войска во весь опоръ въ коляскѣ, запряженной шестерней.—Маневръ удался какъ нельзя лучше, ибо они прискакали благополучно въ Краковъ; но генераль и тутъ не остановился, чтобы поклониться праху древнихъ королей или посѣтить тѣ мѣста, гдѣ онъ отплясывалъ, быть можетъ, въ молодости мазурку, а ѣхалъ и ѣхалъ далѣе и остановился только въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ поселился среди нѣмцевъ и самъ чуть не оиѣмчился. Мнѣ было поручено побывать у него и постараться разузнать его образъ мыслей. Когда я зашелъ къ генералу и заговорилъ съ нимъ о прош-ломъ и о кн. Адамѣ, онъ схватился за голову.

— Оставьте меня въ покоѣ! уже болѣе никто меня не поймаетъ; разъ удалось убѣжать, вторично не полѣзу въ бѣду.

Затѣмъ онъ велѣлъ подать вина, и мы выпили съ нимъ по три рюмки, но отъ разговора о политикѣ и о войнѣ онъ отрещивался какъ чортъ отъ ладона; насчетъ патриотизма онъ былъ такъ-же слабъ, какъ я былъ ему плохимъ товарищемъ по части выпивки. Желая убѣдить меня въ несо-образности политики князя Адама, которая вслѣдствіе заключенія злосчаст-наго договора съ кн. Вазовичемъ взволновала самыхъ благонамѣрен-ныхъ людей, онъ вынулъ изъ конторки нумеръ «Pzsonc'a», въ которомъ былъ напечатанъ этотъ договоръ, и, вздохнувъ такъ-же тяжело какъ передъ сраженіемъ подъ Піорковомъ, сталъ критиковать этотъ договоръ.

— Теперь, по моему мнѣнію, не къ чему касаться этихъ вещей. Славяне славянами, русскіе русскими—все это мнѣ хорошо извѣстно и не разъ приходилось слышать все это въ салонахъ цесаревича. Такія лич-ности какъ Кнорингъ, Штрандманъ, и даже Курута были люди ученые и авторитетные и скорбѣли о славянскихъ фантазіяхъ Голицына и Бе-зобразова. Сказать откровенно, они рассчитывали на насъ, полагая что мы пойдемъ вмѣстѣ съ ними противъ славянства, ибо разрывъ съ Запа-падомъ поведетъ къ варварству и неволѣ. Впрочемъ, несмотря на всѣ увѣренія славянофиловъ, я утверждаю и готовъ подтвердить свои слова неопровержимыми доказательствами, что мы, поляки и въ особенности польская шляхта, имѣемъ много общаго съ нѣмцами, такъ напр. фамилія Ланцкоронскій—происхожденія чисто нѣмецкаго: Land—страна, crone— корона; Биберштейны также нѣмцы, а ихъ не мало въ Польшѣ, да на-конецъ и мы Каменскіе,—тоже нѣмцы; въ Германіи масса Штейновъ (stein-камень), Штейнцовъ, Штейнберговъ. Все это такіе же Каменскіе, какъ и мы. Я все это прекрасно изучилъ; съ этой цѣлью пріѣхалъ сюда и поселился тутъ, чтобы доказать эту истину баварцамъ. Это са-мый храбрый изъ германскихъ народовъ, какъ утверждалъ еще Напо-леонъ I, мнѣніе котораго несомнѣнно имѣетъ для насъ большой вѣсъ.

Вотъ я и задался цѣлью внушить баварцамъ желаніе возродить Польшу: если этого не сдѣлаютъ баварцы то никто не сдѣлаетъ; я уже кое-что сдѣлалъ, баварцы начали понимать чего мы добиваемся, но я боюсь, чтобы эти славянскія затѣи не помѣшали мнѣ. Я не могу войти въ сношенія ни съ княземъ Адамомъ и ни съ кѣмъ инымъ, такъ какъ на меня возложена свыше великая миссія склонить баварцевъ стать защитниками Польши.

Нечего было вступать въ споръ съ этимъ почтеннымъ польскимъ генераломъ, но я не могъ понять, почему князь Адамъ и Владиславъ Замойскій такъ настойчиво требовали, чтобы я повидался съ нимъ, старался склонить его на нашу сторону и убѣдить его, если окажется возможнымъ, принять всю политическую программу 3-го мая. Не думаю, чтобы они особенно желали заручиться его содѣйствіемъ, какъ человѣка военнаго, такъ какъ, откровенно говоря, онъ не заявилъ себя никакими доблестными качествами ни до войны, ни во время ея. Я слышалъ, что у него вышли какія-то недоразумѣнія съ баварскимъ дворомъ, въ коихъ одни обвиняли его самого, а другіе его жену и родныхъ; по этой именно причинѣ князь Адамъ вѣроятно и хотѣлъ вызвать его изъ Баваріи, но всѣ мои убѣжденія были напрасны, ибо онъ задался цѣлью «оказать нравственное воздѣйствіе на баварцевъ», и вовсе не былъ намѣренъ отказаться отъ добровольно принятой имъ на себя миссіи.

Подобная политическая роль была какъ нельзя болѣе въ духѣ увлекающейся польской шляхты.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о п р а в к и.

1.

Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1897 г. были напечатаны письма А. Л. Витберга къ А. И. Герцену. По поводу этой переписки мы получили отъ сына знаменитаго академика Теодора Александровича Витберга слѣдующее разъясненіе:

„На страницѣ 479-й приписва въ письмѣ моего отца къ А. И. Герцену отъ 18-го января 1838 г. подписанная: „сестра ваша Eudoxie“ приписана дочери Александра Лаврентьевича. Но это была не дочь его, а вторая супруга (моя мать) Евдокія Викторовна, урожденная Пузыревская. Подписалась же она „сестрою“ А. И. Герцена потому, что была еще слишкомъ молода и не считала себя вправѣ отнести и въ себѣ тѣ сыновнія чувства, которыя высказалъ А. И. въ письмѣ отцу моему изъ Яраска“.

2.

Въ № 12 „Русской Старины“ 1897 г. на стр. 596 во второмъ примѣчаніи сказано: „Авторъ записокъ повидимому ошибается, называя генерала Зубова Николаемъ. Проживавшій въ Варшавѣ и послѣдно выѣхавшій оттуда въ Петербургъ послѣ погрома русскаго гарнизона, Зубовъ былъ братомъ фаворита и назывался Валеріаномъ“.

Старшій братъ фаворита былъ Николай Александровичъ Зубовъ, родившійся 24 апрѣля 1768 г. и скончавшійся 9 августа 1805 года. Съ 1791 по 1792 г. онъ былъ командиромъ Смоленскаго драгунскаго полка. Въ 1798 г. назначенъ шталмейстеромъ и графомъ. Женатъ былъ на дочери генералиссимуса князя А. В. Суворова-Рымникскаго.

3.

Въ № 1-мъ „Русской Старины“ по неравборчивости рукописи П. Г. Дивова на стр. 108, строки 12-я и 17-я напечатано Кудряцевъ, слѣдуетъ читать Кудрявскій, который былъ въ то время директоромъ канцеляріи министръства иностранныхъ дѣлъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1898 г.
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

	СТРАН.
I. Профессоры братья Бруны. Изъ воспоминаній М. А. Филиппова	111—120
II. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1818 годъ. Окончаніе. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.	159—184
III. Записки Василя Антоновича Инсарскаго. Часть III. Гл. X—XIV	193—114; 371—400; 607—634
IV. Императоръ Николай I въ 1832 году. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). Сооб- щилъ Н. К. Шильдеръ	. 281—295
V. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XXIII— XXX. Перев. В. В. Тимошукъ	437—464; 651—681
IV. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвоцин- ской (рожденной княжны Голицыной). Глава XII—XIII.	559—585

Портреты.

- I. Портретъ Павла Гавриловича Дивова.
Грав. К. Адтъ.
(При 1-ой книгѣ).
- II. Портретъ великаго князя Михаила Павловича (1798—1898).
(При 2-ой книгѣ).
- III. Портретъ извѣстнаго трагика Павла Степановича Мочалова. Грав. И. И. Хелмицкій
(При 3-ей книгѣ).

Исторія русской литературы.

1. Эпиграмы: 1) на драму „Наталья боярская дочь“; 2) на журн. „Корифей“ и 3) на трагедію „Ермакъ“. Сообщ. Л. С. М—чъ.	246
2. Грѣхонаденіе перваго человека въ литературѣ. (Карриатура 1837—1838 гг. съ рисункомъ. Грав. К. Адтъ).
Сообщ. И. Шляпкинь.	327—332
3. Стихотвореніе, написанное въ 1868 г. по поводу занятій губернскихъ комитетовъ объ освобожденіи крестьянъ. Зола.	542
4. Молитва А. Измайлова объ императорѣ Николаѣ I. Сообщ. Н. А. Боровковъ.	558
5. Эпиграммы: 1) на стихи, сочиненныя графомъ Хвостовымъ по поводу освященія новой церкви Казанской Богородицы 15-го сентября 1811 г., Вишлямова; 2) на Карамзина; 3) на князя Шаховскаго и Шишкова, Д. Влудова.	586

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

- I. Друзья или недруги. (Германія въ эпоху Крымской войны). 3—47
- II. Собственноручное письмо А. С. Пушкина графу Толю. Сообщ. графъ Е. Н. Толь 48

- III. Московскій объѣдъ 28-го декабря 1857 г. и его послѣдствія. Н. 49—72; 297—326
- IV. На зарѣ крестьянской свободы (Матеріалы для характеристики общества). Глава IV—VII. Р. 73—96; 263—280; 465—490
- V. Нѣсколько словъ о графѣ Іосифѣ Михайловичѣ Вѣльгорскомъ. М. А. Веневитинова. 97—100
- VI. Петербургъ въ 1827 и 1828 гг. (Изъ дневника П. Г. Дивова). 101—110; 497—520
- VII. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII в. Гл. VIII—IX. В. В. 121—151
- VIII. И. А. Крыловъ (Новыя данныя для его біографіи). Сообщ. В. А. Модзалевскій 152—154
- IX. Къ біографіи К. П. фонъ-Кауфмана. Сообщ. Евг. Шумигорскій. 155—158
- X. Петръ Николаевичъ Ермоловъ (Письма къ нему разныхъ лицъ). 185—192
- XI. Приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Александра I въ 1814 г. (Окончаніе) Сообщ. А. В. Безродный 215—224
- XII. Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Академіи Наукъ. Акад. К. С. Веселовскаго. 225—245
- XIII. Инструкція великаго князя Павла Петровича великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (1776 г.). Сообщ. Евг. Шумигорскій 247—261
- XIV. О запрещеніи статскимъ носить бороды и усы. Къ біографіи Г. Е. Благосвѣтлова 262
- XV. Письмо императора Александра I графу Панину о странномъ обращеніи съ нимъ короля шведскаго 296
- XVI. Участіе Россіи въ расторженіи Аміенскаго мира. А. Рѣдинъ 333—365
- XVII. Письмо Вука Караджича императору Николаю I. 366
- XVIII. Великій князь Михаилъ Павловичъ и наследникъ Александръ Николаевичъ въ Юрьевомъ монастырѣ. А. Слезкинскій 367—370
- XIX. Памяти великаго князя Михаила Павловича (1798—1898) И. Н. Божерянова. 401—420
- XX. Юбилей великаго князя Михайла Павловича 1848 г. Н. К. Шильдера 421—424
- XXI. Великій князь Михаилъ Павловичъ и его острогы. 425—427

XXII. Графъ П. В. Завадовскій и Ѳ. Чацкій. Сообщ. И. П. Корняловъ	428—430
XXIII. О предкахъ Н. М. Карамзина. Сообщ. В. В. Ся- повскій	431—435
XXIV. Объ образованіи III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.	436
XXV. Вѣнскій конгрессъ по рассказамъ графини Элизы фонъ-Бернсторфъ. Акад. Л. Н. Майкова.	491—496
XXVI. П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ. В. Ше- рока. Гл. I и II.	521—536
XXVII. И. Ф. Горбуновъ. «О нѣкоторомъ зайцѣ». Сообщ. графъ П. С. Шереметевъ	537—541
XXVIII. Евграфъ Васильевичъ Чешининъ. (Матеріалы для его біографіи). Г. Вѣтринскаго	543—557
XXIX. Изъ университета въ острогъ. И. Цвѣткова.	587—606
XXX. Выѣздъ въ Россію Франца Лефорта. А. З. Мыш- лаевскаго	635—649
XXXI. Выпускъ изъ типографіи «Исторіи Пугачевского бунта». А. С. Пушкина. Сообщ. П. М. Майковъ.	650
XXXII. Поправки	682

Библиографическій листокъ.

1. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. (1721 — 1789). Историческій очеркъ военной и государственной его дѣятельности. Съ портретомъ и 3-мя картами. Составили П. А. Гейсманъ и А. Н. Дубовской. Сиб. 1897 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ январской книги).
2. Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева. 1790—1867 гг. Въ двухъ частяхъ. Одесса. 1897 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ февральской книги).
3. Очеркъ жизни и дѣятельности въ Богѣ почившаго великаго князя Михаила Павловича. Къ столѣтію со дня его рожденія 1798—1898 г. Съ двумя портретами (копій съ рѣдкой акварели и современной литографіи). Составилъ генералъ-отъ-артиллеріи М. С. Лалаевъ. Сиб. 1898 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ мартовской книги).
4. Привѣтъ! Художественно - научно - литературный сборникъ. Издавъ обществомъ вспомошествованія нуждающимся ученицамъ василеостровской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ. (Тамъ-же).

Приложеніе.

Журналъ дежурныхъ генераль-адъютантовъ. — Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны 1745—1748 гг. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ (при I, II и III книгахъ).

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Медзалеваго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Спб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается бібліотека М. И. Семевского, гравюры, портреты, изданія.

Рекомендуются для письменныхъ работъ (extemporalia):

1) АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ Н. И. Кашадамовъ. 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 рубль.

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ русскаго на греческій: при глаголахъ выписаны всѣ формы и конструкціи, при предлогахъ—важнѣйшія особыя выраженія, при другихъ частяхъ рѣчи—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій варіантный словарь

2) УКАЗАТЕЛЬ

съ русскаго на латинскій, приспособленный не только для классныхъ, но и для домашнихъ письменныхъ работъ, такъ какъ замѣняетъ русско-латинскій словарь.

Необходимъ для учениковъ всѣхъ классовъ.

Главный складъ въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза», С.-Петербургъ, Большая Подъяческая д. № 39. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Книгопродавцамъ уступка 20%. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ.

ХОДЯЧІЯ И МѢТКІЯ СЛОВА.

М. И. Михельсона.

Сборникъ русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, словечныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). Второе пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе.

«Первое изданіе этого сборника не осталось незамѣченнымъ въ русской печати и разошлось въ первые три мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ.

«Въ настоящемъ, пересмотрѣнномъ и значительно пополненномъ изданіи обращено особенное вниманіе на русскія пословицы съ указаніемъ ихъ этимологическаго, историческаго или юридическаго источника и разъясненіемъ ихъ или же приведеніемъ соответствующихъ имъ иностранныхъ, откуда они позаимствованы, а также на особенно типичныя пословичныя выраженія, входящія въ составъ нашей фразеологіи, и на отдѣльныя слова, употребляемыя въ переносномъ смыслѣ, съ разъясненіемъ и указаніемъ ихъ этимологическаго происхожденія. Сюда же относятся историческія и этимологическія имена, употребляемыя иносказательно въ качествѣ нарицательныхъ.

«При объясненіи всѣхъ ходячихъ выраженій и сопоставленіи ихъ съ соответственными иностранными (откуда они иногда заимствованы), приводятся также разные примѣры въ видѣ цитатъ писателей, у которыхъ встрѣчаются эти слова, что вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно знакомитъ съ особенностями ихъ слога. Такимъ образомъ этотъ сборникъ употребительнѣйшихъ ходячихъ цитатъ и ходячихъ выраженій заключаетъ въ себѣ то, что народами древними и новыми и мудрѣйшими представителями ихъ было сказано и написано выдающагося по содержанію и мѣткости языка (въ оригиналѣ, на семи языкахъ). Иностранныя ходячія слова, которая не могли быть приурочены къ русскому отдѣлу, составляютъ особый отдѣлъ, въ которомъ читатель найдетъ разъясненіе ихъ.

«Сборникъ этотъ—своего рода толковый словарь, который, давая объясненія ходячимъ и мѣткимъ словамъ, служитъ необходимымъ пополненіемъ обыкновеннаго словаря, и незамѣнимъ какъ справочная книга. Несмотря на строго научный характеръ этой книгѣ, въ ней (по содержанію остроумныхъ словъ) красной нитью проходитъ нѣкоторый юморъ, и сборникъ, лишенный обычной сухости такихъ книгъ, читается съ истиннымъ удовольствіемъ. Этотъ первый и въ своемъ родѣ единственный у насъ сборникъ, конечно, будетъ настольной книгой всякаго образованнаго человѣка. Изданіе изящное и весьма подходящее для праздничнаго подарка».

Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 2-е изд. сочиненія М. И. Михельсона «Ходячія и мѣткія слова» одобрено для фундаментальной бібліотекъ всѣхъ средн. учебн. завед. и для ученичesk. старшаго возраста, бібліот. мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а равно для задачи ученикамъ старшихъ классовъ означенныхъ заведеній въ видѣ награды. Оно одобрено для полковыхъ бібліотекъ и удостоено почетнаго отзыва Императорской Академіи наукъ».

Въ книгѣ 38 листовъ большого лексиконнаго формата въ два столбца убористой печати. Цѣна безъ перепл. 5 р., въ перепл. полушагреневомъ 5 р. 75 к., въ тисн. золот. (для подарковъ) 6 р. Перес. за *три фунта*. Высылающіе деньги на имя автора — за перес. *не платятъ*.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться къ автору. С.-Петербургъ, Мойка, д. 81.

ежегодно командировались на казенный счет за-границу. Для распространения между инженерными офицерами специальных знаний стали издаваться «инженерные записки».

Въ 1832 г. былъ учрежденъ штабъ его высочества по управленію Пажескимъ корпусомъ, всѣми сухопутными кадетскими корпусами и Дворянскимъ полкомъ. Вскорѣ послѣ этого было издано полное систематическое уложеніе для военно-учебныхъ заведеній.

Въ 1834 г. былъ открытъ Новгородскій кадетскій корпусъ; въ 1835 г. — Полоцкій. Въ 1836 г. генералъ Н. А. Чертковъ пожертвовалъ миллионъ рублей и вѣнчѣе съ двумя тысячами крестьянъ на устройство въ Воронежѣ кадетскаго корпуса и ходатайствовалъ о наименованіи его «Михайловскимъ». Затѣмъ были открыты корпуса: Петровскій-Полтавскій, Александровскій-Врестскій и Орловскій-Бахтинъ. Для того чтобы приучить кадетъ къ полевному вѣдѣльному чтенію, при управленіи военно-учебнаго вѣдомства начато съ 1836 г. изданіе «Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній».

Въ третьей главѣ М. С. Далаевъ говоритъ о послѣднихъ годахъ жизни великаго князя и доводитъ свой рассказъ до дня кончины, послѣдовавшей 28-го августа 1849 г.

Приведа въ заключеніе своего прекрасно составленнаго очерка оганнъ вѣкоторыхъ современниковъ, характеризующіе великаго князя съ различныхъ сторонъ, авторъ заканчиваетъ свой трудъ слѣдующею выпискою изъ духовнаго завѣщанія, собственноручно написаннаго его высочествомъ за шесть лѣтъ до кончины: «Артиллерія, гвардія, инженерный корпусъ и военно-учебныя заведенія, которыми я, по высочайшему довѣрью, вѣдѣлъ счастье столько лѣтъ начальствовать, пребудутъ для меня дороги до самой смерти моей, и я сойду въ гробъ съ полною къ нимъ признательностію и любовью».

Н. Н.-ш.-ъ.

Привѣтъ! художественно-научно-литературный сборникъ.—Изданъ обществомъ вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Василеостровской женской гимназій въ С.-Петербургѣ.

Благотворительная цѣль изданія сборника вызвала пожертвованія многихъ частныхъ

лицъ. Такъ печатаніе сборника, по крайне пониженнымъ цѣнамъ, приняла на себя типографія М. М. Стасюлевича, рисунки къ нему фототипированы въ художественномъ ателье П. И. Бабкина, бумага приобретена на фабрикѣ В. П. Печаткина и, наконецъ, г-жа Е. К. Рудь пожертвовала на изданіе 500 рублей. При такихъ условіяхъ обществомъ вспомоществованія могло издать очень изящный и содержательный сборникъ, въ которомъ приняли участіе многіе выдающіеся ученые и литераторы. Въ сборникъ включены статьи историческія, повѣсти, рассказы, стихотворенія и проч. Чтобы судить о богатствѣ и разнообразіи его содержанія, достаточно сказать, что въ сборникъ помещены 71 статья и 25 очень хорошо исполненныхъ рисунковъ.

Въ теченіе 18 лѣтъ своего существованія обществомъ вспомоществованія «пользовалось многими способами къ расширенію своихъ средствъ (какъ-то устройствомъ концертовъ, лотерей и т. п.); но, по естественному желанію продолжать дѣла и притомъ разнообразить способы его, оно задалось теперь цѣлью создать такой источникъ дохода, который, будучи посвященъ ему въ матеріальномъ отношеніи, вѣдѣсть съ тѣмъ представлялъ бы своимъ содержаніемъ интересъ и для жизни самой гимназій, направивъ вниманіе учащихся къ современному обществу и его выдающимся дѣятелямъ. Въ этомъ отношеніи обществу казалось наиболѣе целесообразнымъ предпринять изданіе книги, которая была бы составлена изъ произведеній извѣстныхъ писателей и художниковъ и въ-явь показала бы учащейся молодежи сочувствіе къ ней со стороны лучшихъ представителей умственной жизни нашего времени».

Призывъ общества встрѣтилъ теплое, трогательное сочувствіе со стороны многихъ лицъ, охотно жертвовавшихъ для сборника свои прозведенія и оказавшихъ привѣтъ не только обществу, но и вообще учащейся молодежи, любящей литературу, любящей искусство и благоговѣющей передъ именами писателей и художниковъ. — Отсюда и заглавіе сборника—Привѣтъ!

При педерогой цѣнѣ въ 3 рубля книга издана роскошно и вполне заслуживаетъ вниманія читающей публики.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсаева). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи на исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1897 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **8** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2** рубля.

